

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07856166 3

INDEXED

*QCA

Digitized by Google

475

ВЪСТѢЖЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.
ЛІТЕРАТУРЫ.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 6-я.

ІЮНЬ, 1883.

ПЕТЕРБУРГЪ.

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛІТЕРАТУРЫ.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 6-Я.

ІЮНЬ, 1883.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 6-я. — ІЮНЬ, 1883.

Стр.

I.—НАША АРХИТЕКТУРА ЗА ПОСЛѢДНІЯ 25 ЛѢТЪ.—В. В. Стасова . . .	433
II.—ВОЛХОНСКАЯ БАРЫШНЯ.—Повѣсть.—I-VI.—А. И. Эртеля . . .	465
III.—ФРЕДЕРИКЪ ШОПЕНЬ.—Биографическій очеркъ.—III-V.—Окончаніе.—П. А. Троицкова . . .	503
IV.—НА БЕРЕГУ КРАСНАГО МОРЯ.—Изъ путешествія по Синайской пустынѣ.—I-V.—А. В. Елизьева . . .	540
V.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. На искусствѣ.—II. Онь человѣкъ былъ.—Я. П. Подонскаго . . .	593
VI.—НОВѢЙШІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ РУССКОЙ НАРОДНОСТИ.—III. Новое царствованіе; крестьянская реформа.—Чрезвычайное оживленіе литературы о народѣ.—Что сдѣлано по изученію народности за послѣднія 25 лѣтъ.—А. И. Шинкина . . .	595
VII.—ОЧЕРКИ НОВѢЙШЕЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ ПОЭЗИИ.—IV-VIII.—Окончаніе.—С. Г. . . .	641
VIII.—НОВЫЕ РОМАНЫ ДОДЭ И ЗОЛА.—К. К. Арсеньева . . .	673
IX.—НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КНЯЗЯ БИСМАРКА.—Очеркъ.—Ф. Ф. Мартенса . . .	694
X.—МАРІОНЪ ФАЙ.—Романъ въ двухъ частяхъ, Автоня Троллопа.—Съ англійскаго.—XXVI-XXXII.—О. П. . . .	754
XI.—ХРОНИКА.—Высочайшій Манифестъ 15-го мая . . .	798
II.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Пятнадцатое мая—день всенароднаго торжества.—Общая характеристика движеній въ русской общественной жизни.—Вопросъ о нашемъ самоуправленіи, и отвѣтъ проф. А. Д. Градовскаго по этому предмету.—Отчеты о призвѣтѣ 1882 г. и конской переписи въ Петербургѣ.—Слухи изъ педагогическаго міра.—По поводу проекта института ученыхъ акушерокъ.—Правила дѣйствій крестьянскаго поземельнаго банка, и кредитъ землевладѣльцамъ.—Дѣло крошадатскаго банка, и фиктивные вѣлады.—Г. Катковъ о кабацѣ и интеллигенціи . . .	813
III.—ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.—Саратовъ . . .	841
IV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Разсужденія иностранцевъ о Россіи и о русскихъ дѣлахъ.—Возможныя недоумѣнія и ихъ разгадка.—Правители Черногоріи и Болгаріи.—Новѣйшая французская политика и ея значеніе.—Соціальный вопросъ въ Англіи.—Британская ветеринарность.—Шульце-Деличъ и Эд. Лабуазъ † . . .	851
XV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—А. П. Радищевъ, М. И. Сухомлинова.—Земля и люди, всеобщая географія Э. Реклю.—Н.—Женищина-врачъ въ Россіи, П. П. Сушинскаго.—Фабричный бытъ Германіи и Россіи, А. В. Погожева.—Страница изъ исторіи судебной реформы, Гр. Джаншиева . . .	868
VI.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Жизнь Державина, описанная Я. Гротомъ.—Послѣдныя и его сочиненія, Алексѣя Царевскаго.—Сборникъ арismetическихъ задачъ. Составилъ Лубенецъ.—Учебный курсъ теоріи словесности. А. В. Савицкаго . . .	

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: ХГІ стр.

не объ изданіи журнала "Вѣстникъ Европы" въ 1883 г., см. ниже, на оберткѣ.

I

ВѢСТНИКЪ

Е В Р О П Ы

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ III.

№ XLVII. — ТОМЪ COLXXV. — 1/13 МАЯ, 1883.

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы
ЖУРНАЛЬ

ИСТОРИИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ПЕРВЫЙ ТОМЪ

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ III

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
из Васильевскомъ Острову, 2-я линія,
№ 7.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академ. переулокъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1883

SEP 17
1873

5767

(789)

ПѢСНИ О ВЕСНѢ.

I.

Я радъ вамъ, дни любви и грѣзъ!..
Подъ пѣсни соловья,
Подъ первый шумъ весеннихъ грозъ
Вновь сердцемъ ожилъ я.
Казалось мнѣ—въ душѣ больной
Порвалась жизни нить;
Но вотъ, повѣяло весной
И хочется пожить.
Обмануть вновь, иль нѣтъ, мечты —
Какое дѣло мнѣ?..
Я радъ, что будутъ вновь цвѣты,
Я просто радъ веснѣ.

2.

Подъ подѣлуями лучей
Сугробъ безмолвно, тихо таетъ;
Дѣтя весны—подъ нимъ играетъ—
Бурливый, пѣнистый ручей.

Еще одно весны дыханье —
И, гордость зимъ,—сугробъ умереть:
И вмѣстѣ съ нимъ замреть роптанье
Весеннихъ беспокойныхъ водъ.

Но о сугробахъ серебристыхъ
 И о ручьяхъ не плачу я:
 Я жду цвѣтовъ, цвѣтовъ душистыхъ,
 И вольныхъ пѣсень соловья.

3.

Если сердца еще не убили печали,
 Если можетъ любить хоть сѣвось слезы оно—
 Милый другъ! Дни тяжелой зимы миновали, —
 Раствори же скорѣе окно!

Пусть волною здоровой и бодрой ворвется
 Ароматный и нѣжный весны вѣтерокъ
 И тепломъ животворнаго солнца зальется
 Нашъ укропный, рабочій, святой уголокъ.

Въ этомъ небѣ и солнышкѣ, истину божью,
 Беззавѣтную правду—ты видишь ли тамъ?
 Погляди, милый другъ, и, отравленнымъ ложью,
 Не завидуй ликующимъ нашимъ врагамъ.

Ихъ сердца переполнены злобой и мщеньемъ,
 Имъ о будущемъ снятся кровавые сны,
 А природа съ любовью и кроткимъ прощеньемъ
 Посылаетъ на землю улыбки весны.

Милый другъ, мы устали, борясь и страдая,
 Милый другъ, намъ не злоба нужна, а любовь.
 Горячѣй же молись, чтобъ весна золотая
 Возвратила былыя надежды намъ вновь.

Н. Щедровъ.

ФРЕДЕРИКЪ ШОПЕНЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

— F. Chopin, par F. Liszt. 3-ème édition. Leipzig. Breitkopf et Haertel, 1882.

— Friedrich Chopin. Sein Leben und seine Briefe. Von Moritz Karasowski. 2-te Ausgabe. Dresden. 1878.

Въ исторіи развитія музыки едва ли можно указать періодъ болѣе блестящій, эпоху болѣе богатую музыкальными творческими силами, какъ XIX столѣтіе. Въ самомъ началѣ нашего вѣка мы видимъ въ полномъ развитіи мощный геній Бетховена, творящій свои бессмертныя произведенія; въ то же время является блестящій его послѣдователь Францъ Шубертъ, умершій всего тридцати одного года отъ роду и не успѣвшій развернуть всю силу и глубину своего таланта, быть можетъ, не уступавшаго генію Бетховена, и Карлъ-Марія Веберъ, затронувшій въ оперной музыкѣ совершенно новыя стороны (народность, образность, характеристику лицъ). Вслѣдъ за ними выступила плеяда композиторовъ первой величины, какъ Берліозъ, Мендельсонъ, Мейерберъ, Россини, Беллини, Верди, Шопень, Шуманъ, Глинка, Даргомыжскій, художественныя труды которыхъ не только отличаются громадною талантливостью, но также обнаруживаютъ необыкновенную пытливость, стремленіе впередъ, новаторскую смѣлость, съ которою они открывали искусству новыя пути и новыя средства. Далѣе, Листъ и Вагнеръ, съ группою второстепенныхъ современныхъ музыкантовъ Франціи и Германіи продолжаютъ блестящую эпоху развитія музыки и, наконецъ, современные русскіе композиторы, богатые творческими силами и опытностью предшественниковъ, высоко поднимая знамя «новой русской школы», ведутъ

искусство впередъ еще смѣлѣе и, чѣмъ далѣе, — все успѣшнѣе и успѣшнѣе.

Творческая дѣятельность только-что названныхъ композиторовъ настоящаго столѣтія, рассматриваемая въ общей совокупности ихъ произведеній, представляетъ изумительный прогрессъ во всѣхъ родахъ музыки: въ оперной, въ симфонической, въ камерной. Смѣлыя стремленія новаторовъ къ расширенію области музыки, приводившія въ ужасъ рутинеровъ, въ родѣ Скудо и Фетиса, и встрѣченныя сначала крайне враждебно, привели къ блестящимъ результатамъ и увеличили, обогатили музыкальныя средства; утонченныя гармонизаціи, модуляціи въ отдаленнѣйшія тональности, роскошная и разнообразнѣйшая инструментовка, виртуозность исполненія достигли такого совершенства, которое и не снилось музыкантамъ восемнадцатаго столѣтія. Съ приобретениемъ болѣе богатыхъ и разнообразныхъ средствъ, музыкѣ стали доступны такія задачи, которыя, такъ еще недавно, были просто немислимы. Музыка перестала быть только игрою звуковъ, арабесками звуковъ, красиво и замысловато сгруппированныхъ, но въ то же время холодныхъ и безжизненныхъ. Только начиная съ нынѣшняго столѣтія, музыкальные звуки перестали существовать *«an und für sich»*, единственно ради своей чисто вѣшной только красоты, и превратились въ средство для выраженія психическихъ элементовъ, сдѣлались только художественной оболочкой внутренняго содержанія, содержанія идеальнаго, поэтическаго, часто глубокаго. Музыка изъ формальной превратилась въ музыку чувства, музыку настроеній, музыку дѣха; сливаясь со словомъ (музыка вокальная), она, если не выходитъ изъ области чувства и настроенія, соперничаетъ со словомъ въ силѣ выразительности, нервности и глубины чувства; подчиняясь программѣ (музыка програмная, описательная), достигаетъ, иногда съ поразительнымъ совершенствомъ, живописной образности, а не вполне точная ея опредѣленность даетъ еще болѣе большой просторъ индивидуальному воображенію и фантазіи слушателя; идя рука объ руку съ драмой (опера, музыкальная драма), она даетъ характеристику дѣйствующихъ лицъ и положеній, колоритъ эпохи и мѣстности. Прогрессъ чрезвычайный, изумительный! И все это сдѣлано въ сравнительно небольшой промежутокъ времени нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ; никогда прежде не шло искусство болѣе быстрыми шагами, но и ни одинъ періодъ развитія музыки не былъ такъ богатъ музыкальными творческими силами, какъ настоящее столѣтіе.

Въ ряду композиторовъ этой блестящей эпохи, Фредерикъ

Шопень занимаетъ одно изъ самыхъ выдающихся мѣстъ. Сфера его творческой дѣятельности не велика, она ограничивалась исключительно только предѣлами фортепианной музыки; но то, что сдѣлано имъ въ этой ограниченной сферѣ, тѣ новые пути, которые онъ пролагалъ въ искусствѣ, то вліяніе, которое онъ оказывалъ на современныхъ ему и позднѣйшихъ композиторовъ, — придаютъ его дѣятельности первоклассное значеніе. И не одні музыкальныя заслуги заставляютъ относиться къ нему съ глубокимъ уваженіемъ и полнѣйшимъ вниманіемъ, но также и личныя его качества, какъ человѣка безупречной честности и благородства, не допускающаго ничега, что могло бы положить хотя малѣйшую тѣнь какъ на его артистическую дѣятельность, такъ и на его частную жизнь; человѣка независимыхъ, твердыхъ убѣжденій въ области искусства и во всѣхъ своихъ поступкахъ и дѣйствіяхъ; человѣка, необязаннаго никому и ничѣмъ, какъ только своей богато одаренной натурѣ и настойчивому труду, не получавшаго никакихъ правительственныхъ субсидій или пенсій, всегда щедрого на помощь нуждающимся и умершаго въ бѣдности, пользуясь въ послѣдніе дни жизни поддержкою своихъ друзей.

Родившись около Варшавы, имѣя мать польку и отца, хотя по происхожденію француза, но съ юности натурализовавшагося въ Польшѣ, — Шопень всегда считалъ себя полякомъ, славяниномъ, и если горестныя событія 1830 г. заставили его провести лучшіе годы своей дѣятельности въ Парижѣ, то душой онъ всегда жилъ въ Польшѣ, которую онъ горячо любилъ, по которой болѣло его сердце и мыслями о которой проникнуты всѣ его произведенія. Воспѣвая и оплакивая родину въ своихъ музыкально-поэтическихъ концепціяхъ, онъ былъ художникъ національный по преимуществу, его муза — родная сестра музыки нашихъ русскихъ композиторовъ и его произведенія находятъ у насъ благодарную почву для сочувствія и пониманія. Поэтому Шопень вдвойнѣ близокъ и дорогъ намъ и не можетъ не интересоваться своею творческою дѣятельностью, и своею частною жизнью, которая, какъ и у всякаго художника, имѣетъ большую или меньшую связь съ духомъ и характеромъ его произведеній.

I.

Отецъ Фредерика Шопена, Николай Шопень, по происхожденію былъ французъ, родомъ изъ Нанси. Семнадцатилѣтнимъ юношей онъ пріѣхалъ въ Варшаву, въ качествѣ домашняго вос-

питателя дѣтей старостины Лончинской (Łanczińska), въ 1787 г., когда политическая жизнь Польши была въ большомъ оживленіи. Въ домѣ Лончинской собиралось много политическихъ дѣятелей и, подѣ ихъ вліяніемъ, Николай Шопенъ, скоро выучившійся польскому языку, заинтересовался дѣлами Польши и горячо сочувствовалъ надеждамъ патриотовъ на то великое, которое, казалось въ то время, предстояло ихъ отечеству. Второй раздѣлъ Польши въ 1793 г. разрушилъ всѣ эти надежды; Шопенъ, потерявъ мѣсто воспитателя, думалъ возвратиться во Францію, но внезапная болѣзнь задержала его въ Варшавѣ. Между тѣмъ началась революція Косцюшки и молодой французъ, воодушевляемый идеями о независимости Польши, принималъ въ революціи активное участіе; при штурмѣ Праги (предмѣстья Варшавы) войсками Суворова онъ состоялъ въ чинѣ капитана національной гвардіи и только благодаря счастливой случайности избѣжалъ смерти, постигшей большинство революціонеровъ. Онъ опять хотѣлъ уѣхать изъ Польши и снова серьезная болѣзнь поставила его въ невозможность предпринять далекое путешествіе; видя, въ дважды встрѣченномъ имъ препятствіи къ возвращенію во Францію, особое указаніе providѣнія, онъ рѣшился остаться въ Польшѣ навсегда. Въ началѣ настоящаго столѣтія онъ получилъ мѣсто домашняго учителя въ домѣ графини Скарбекъ въ Куявахъ, гдѣ и женился на Юстинѣ Кржижановской въ 1806 г. Въ слѣдующемъ году, когда послѣ тильзитскаго договора образовалось великое герцогство варшавское и въ его столицѣ снова закипѣла политическая жизнь,—Шопенъ, слѣдуя примѣру другихъ, снова переселился въ Варшаву и вскорѣ былъ назначенъ преподавателемъ французскаго языка въ основанныхъ тогда «варшавскомъ лицейѣ» и «артиллерійскомъ и инженерномъ училищѣ»; позднѣе, когда, по рѣшеніямъ вѣнскаго конгресса, было восстановлено королевство польское, онъ занялъ и третье преподавательское мѣсто.— въ военной приготовительной школѣ. Послѣ событій 1830 г. эти учебныя заведенія были закрыты, а Шопенъ былъ сдѣланъ членомъ экзаменаціоннаго комитета для кандидатовъ на должности въ общественныхъ школахъ и потомъ профессоромъ въ римско-католической духовной академіи. Но съ годами силы его начали постепенно ослабѣвать; вскорѣ онъ вышелъ въ отставку и умеръ въ 1844 г. Въ обществѣ онъ пользовался большимъ уваженіемъ за свою честность, прямодушіе и безупречный образъ жизни и всегда былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ лучшими польскими семействами.

Его жена, Юстина Шопенъ, мать композитора, отличалась

особенною мягкостью характера, дорожила спокойствіемъ домашнего очага, какъ высшимъ счастьемъ жизни. Но ей пришлось перенести тяжелыя испытанія: кромѣ потери мужа, она пережила двухъ дочерей и своего единственнаго, горячо любимого сына; она умерла въ концѣ 1861 г. въ Варшавѣ, въ домѣ своей второй дочери Изабеллы, по мужѣ Барцинской (Barcіńska), умершей въ Варшавѣ въ весьма недавнемъ времени. Первая дочь, старшая изъ дѣтей Николая Шопена, Луиза, дѣвушка съ хорошими способностями и образованіемъ, въ сотрудничествѣ съ сестрой Изабеллой, писала статьи о средствахъ въ поднятію ремесленного класса; вышедши въ 1832 г. замужъ за профессора Ендржеевича (Jędrzejewicz) и занимаясь преимущественно воспитаніемъ своихъ дѣтей, она все-таки не оставляла литературныхъ занятій и помѣщала иногда въ журналахъ статьи педагогическаго содержанія; она умерла въ 1855 г., ея дѣти живутъ въ Варшавѣ и, если не ошибаемся, они—единственные оставшіеся въ живыхъ родственники композитора. Третья дочь Шопена, Эмилія, умерла еще въ 1827 г., едва достигнувъ четырнадцатилѣтняго возраста; образованная, умственно развитая не по возрасту, любимица всей семьи, она съ самаго дѣтства обнаруживала несомнѣнные литературныя дарованія. Судя по сохранившимся поэтическимъ опытамъ Эмиліи Шопень, можно было думать, что она въ области польской литературы могла бы занять такое же блестящее положеніе, какъ ея братъ въ области музыки.

Общество, посѣщавшее домъ Николая Шопена, представляло цвѣтъ тогдашней варшавской интеллигенціи; чаще другихъ у него бывали его коллеги, люди извѣстные въ наукѣ или литературѣ, какъ напримѣръ: филологъ Линде, историкъ Мацѣвскій, поэтъ и эстетикъ профессоръ Бродзинскій и другіе профессора, а также выдающіеся художники и музыканты.

Фредерикъ-Францъ Шопень родился 1 марта (18 февраля) 1809 г. въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Варшавы, въ деревнѣ «Желазова Воля», принадлежавшей графу Скарбеку. Склонность Шопена къ музыкѣ обнаружилась очень рано и также рано онъ началъ учиться на фортепіано. Первымъ его учителемъ былъ старый Адальбертъ Живный, родомъ чехъ ¹⁾; онъ же былъ и первымъ его руководителемъ въ творческихъ попыткахъ, записывая его импровизаціи и помогая ему дѣлать въ нихъ измѣненія и улуч-

¹⁾ Этотъ Живный (по нѣмецкому написанію, Zywny) родился въ Богеміи въ 1756 г. и пріѣхалъ въ Польшу при Станиславѣ-Августѣ. Онъ считался однимъ изъ лучшихъ преподавателей музыки въ Варшавѣ; умеръ въ 1840 г.

шенія. Занятія на фортепіано шли такъ успѣшно, что уже въ началѣ 1818 г., именно, 24 (12) февраля, Фредерикъ участвовалъ въ публичномъ концертѣ въ пользу бѣдныхъ и игралъ фортепіанный концертъ Гировеца. Фредерику не было тогда и девяти лѣтъ и онъ былъ такъ дѣтски наивенъ, что, напримѣръ, самый концертъ его интересовалъ гораздо менѣе, чѣмъ сдѣланная ему по этому случаю новая курточка и особенно красивый воротничекъ; послѣ концерта, на всѣ распросы матери понравилась ли публикѣ его игра, онъ отвѣчалъ: «О, мама, всѣ только смотрѣли на мой воротничекъ».

Послѣ этого концерта, удивительный мальчикъ сталъ извѣстенъ всей Варшавѣ; въ богатыхъ знатныхъ домахъ смотрѣли на него какъ на лучшее украшеніе ихъ салоновъ, и маленький Фредерикъ, вращаясь постоянно въ аристократическихъ кружкахъ, съ самаго ранняго возраста усвоилъ привычки и изящныя тонкія манеры высшаго общества. Первые его произведенія—марши, полонезы, мазурки и вальсы,—быстро распространялись между любителями музыки. Одинъ маршъ, впоследствии напечатанный (но безъ имени автора), былъ посвященъ великому князю Константину Павловичу, который принялъ десятилѣтняго композитора очень милостиво и, заставивъ его играть, маршировалъ въ тактъ по залѣ, улыбаясь и видимо довольный; по приказанію великаго князя, маршъ этотъ былъ инструментованъ для военнаго оркестра и его часто играли при разводахъ и парадахъ на Саксонскомъ плацу.

Видя выдающіяся способности сына, Николай Шопенъ, не предпрѣлая вопроса о будущности мальчика, рѣшилъ дать ему учителя гармоніи и теоріи композиціи, для чего былъ избранъ Іосифъ Эльснеръ, впоследствии бывшій директоромъ варшавской консерваторіи ¹⁾. Эльснеръ скоро понялъ оригинальность творческихъ способностей своего маленькаго ученика и не слишкомъ стѣснялъ его рутинными правилами, предоставляя ему болѣе свободное развитіе. Когда Эльснеру указывали, что Фредерикъ въ

¹⁾ Іосифъ-Ксаверій Эльснеръ род. 29 іюля 1769 г. въ Гроткау въ Шлезвигѣ. Съ 1792 г. онъ былъ капельмейстеромъ въ театрахъ во Львовѣ и въ Варшавѣ; въ 1815 г. ему было поручено основаніе школы для органистовъ, а шесть лѣтъ спустя онъ былъ назначенъ директоромъ варшавской консерваторіи. Эльснеръ написалъ двѣ нѣмецкія оперы („Die seltenen Brüder“ и „Der verkleidete Sultan“), одну итальянскую („Il flauto magico“), 27 польскихъ оперъ и мелодрамъ, большое число арій, кантатъ, струнныхъ квартетовъ, три симфоніи и много церковной музыки. Его ораторія „Das Leiden Christi“ имѣла большой успѣхъ въ Варшавѣ. Онъ пользовался большимъ уваженіемъ какъ хорошій учитель музыки и какъ директоръ консерваторіи; умеръ въ Варшавѣ въ 1854 г.

своихъ занятіяхъ руководствовался болѣе своею фантазіею, чѣмъ установленными правилами, онъ защищалъ своего ученика: «оставьте его въ покоѣ; его дарованіе исключительное, поэтому онъ и идетъ путемъ исключительнымъ; онъ не придерживается встаря установившагося метода, но за-то имѣетъ свой собственный и въ своихъ произведеніяхъ проявить оригинальность въ такой степени, какой мы еще не видали ни у кого». Между ученикомъ и учителемъ установилась дружба и взаимная преданность, не прекращавшаяся впродолженіи всей ихъ жизни.

Подъ руководствомъ Эльснера, Фредерикъ дѣлалъ быстрые успѣхи; въ то же время также успѣшно занимался научными предметами, выказывая во всемъ прекрасныя способности, и въ 1824 г. поступилъ въ 4-й классъ варшавскаго лицея, гдѣ считался однимъ изъ лучшихъ и способнѣйшихъ учениковъ, несмотря на его шалости и проказы, не выходившія, впрочемъ, никогда изъ границъ приличія и добродушія. Необыкновенная живость характера побуждала его къ постоянной, непрерывной дѣятельности и усиливала его врожденное остроуміе, безпрестанно проявлявшееся въ самыхъ разнообразныхъ видахъ; онъ находилъ тысячи поводовъ для веселыхъ продѣлокъ и шутливыхъ мистификацій надъ своими сестрами, товарищами и даже людьми почтеннаго возраста. Фредерикъ весьма талантливо рисовалъ каррикатуры и нерѣдко его ученическія тетради бывали испещрены изображеніями его учителей и знакомыхъ. Точно также онъ обнаруживалъ замѣчательныя сценическія способности, играя на домашнихъ спектакляхъ, часто устраиваемыхъ въ ихъ семействѣ; онъ такъ быстро и легко умѣлъ измѣнять свою фizioномію, что приводилъ въ изумленіе лучшихъ знатоковъ сценическаго искусства. На одномъ изъ такихъ спектаклей зимою 1824 г. былъ исполненъ одноактный водевиль въ стихахъ «Ошибка или мнимый плутъ», написанный Фредерикомъ и его младшей сестрой Эмилией. Содержаніе водевиля было, конечно, дѣтски наивное, но обнаруживало и способность юныхъ авторовъ, и ту легкость, съ которою они уже и тогда владѣли языкомъ.

Къ подобнымъ же затѣямъ относятся нѣсколько номеровъ газеты, издаваемой Фредерикомъ въ теченіи лѣта 1824 г., въ деревнѣ Szafarnia, по имени которой и газета называлась «Kurjer Szafarski». Въ семействѣ Шопена сохранилось два номера этой газетки, въ которой Фредерикъ весьма юмористически описывалъ ежедневныя впечатлѣнія деревенской жизни. Въ первомъ номерѣ находится, между прочимъ, такое сообщеніе: «15 іюля въ музикальномъ собраніи въ Шафарнѣ, состоящемъ изъ нѣсколькихъ лицъ

и полулицъ, г. Пишонъ (собственный псевдонимъ Фредерика) исполнилъ концертъ Кальбренера, который, однакоже, особенно для юныхъ слушателей, произвелъ не такой большой фуроръ, какъ пѣсенка, исполненная также г. Пишономъ». Далѣе въ той же газетѣ разсказывается, какъ Фредерикъ, собравъ нѣсколько евреевъ - торговцевъ, сыгралъ имъ на фортепіано «Majufes», нѣчто въ родѣ еврейскаго свадебнаго марша, и привелъ ихъ въ такой энтузіазмъ, что они не только начали плясать, но настойчиво просили придти къ нимъ играть на предстоящей свадьбѣ. «Онъ играетъ, — говорили восторженные сыны Израиля, — какъ природный еврей».

Случаевъ, когда игра Фредерика производила сильное впечатлѣніе, подобно только-что разсказанному, было не мало. Приводимъ слѣдующій эпизодъ, сообщаемый Карасовскимъ со словъ очевидца. Отецъ юнаго артиста имѣлъ пансіонъ для малолѣтнихъ воспитанниковъ. Однажды вечеромъ рѣзвые мальчики до того расшалились, что воспитатель не могъ ихъ унять не смотря на всѣ свои усилія. Фредерикъ явился между бузанами и общалъ «разсказать что-нибудь на фортепіано». Мальчики очень любили его игру и сразу утихли. Фредерикъ потушилъ свѣчи, и импровизируя на фортепіано, началъ разсказывать о разбойникахъ: какъ они подрадываются къ дому, карабкаются по лѣстницамъ въ окна, но разбойниковъ прогнали, они скрылись въ темномъ лѣсу и тамъ заснули подъ покровомъ звѣзднаго неба. Онъ игралъ все тише и тише, какъ бы убаюкивая, усыпляя дѣтей, игралъ до тѣхъ поръ пока не убѣдился, что всѣ его слушатели дѣйствительно заснули. Созвавъ всѣхъ домашнихъ, Фредерикъ рѣзкимъ аккордомъ разбудилъ спящихъ и веселый смѣхъ составилъ финалъ этой музыкальной шутки. Другой подобный эпизодъ былъ позднѣе. Шопенъ любилъ играть на органѣ и часто по воскресеньямъ игралъ въ костелахъ во время церковной службы; но однажды онъ такъ увлекся своей импровизаціей на темѣ исполняемой мессы, что совсѣмъ забылъ о церковной службѣ и продолжалъ импровизировать все дальше и дальше. Давно уже всендѣ бросалъ нетерпѣливые взгляды на хоры, но пѣвчіе и музыканты, подъ вліяніемъ очарованій шопеновской фантазіи, ничего не замѣчали, пока, наконецъ, прибѣжавшій на хоры церковный прислужникъ не остановилъ увлекающагося импровизатора.

Импровизировалъ Шопенъ съ замѣчательною изобрѣтательностью и всегда свободно и легко, не прилагая, казалось, никакого труда; но все, что предназначалось для печати, онъ обрабатывалъ съ большою тщательностью и заботливостью. Когда

музыкальныя идеи овладѣвали имъ, онъ становился молчаливымъ, сосредоточеннымъ и искалъ уединенія. Часто онъ сочинялъ по ночамъ; нерѣдко онъ вставалъ съ постели и начиналъ играть на фортепiano, развивая какой-нибудь не исполнѣ еще совершившій мотивъ или добиваясь благозвучія въ придуманной имъ гармоніи. Достигнувъ желаемого, онъ ложился спать; но иногда скоро опять вскакивалъ и снова возвращался къ инструменту; бывали случаи, что подобныя путешествія продолжались всю ночь вплоть до утра. Первое напечатанное произведеніе Шопена: «Premier Rondeau» (ор. 1) ¹⁾ появилось въ 1825 г.; вскорѣ затѣмъ было напечатано и «Rondeau à la Mazur» (ор. 5). Въ это время имя его дѣлалось все болѣе и болѣе популярнымъ въ Варшавѣ: его осаждаютъ просьбами играть въ концертахъ, такъ какъ его участіе обезпечиваетъ блестящій успѣхъ; онъ играетъ въ присутствіи императора Александра I и получаетъ въ подарокъ дорогой брилліантовый перстень. Не смотря на многочисленныя занятія какъ музыкой, такъ и по продолженію курса въ лицей, онъ заводитъ много новыхъ личныхъ знакомствъ и въ томъ числѣ съ княземъ Антономъ Радзивилломъ, извѣстнымъ своими богатствами, родствомъ съ прусскою королевскою фамиліею и отчасти написанною имъ музыкою въ 1-й части гётевскаго Фауста, ежегодно исполнявшейся въ то время въ берлинской Sing-Akademie. Князь Радзивиллъ умѣлъ цѣнить хорошую музыку и хорошихъ музыкантовъ; его домъ въ Познани былъ сборнымъ мѣстомъ всѣхъ значительныхъ артистовъ. По его приглашенію Фр. Шопень пріѣзжалъ лѣтомъ 1826 г. въ его лѣтнюю резиденцію, въ имѣніе «Антонинъ» и года черезъ два, возвращаясь изъ Берлина, заѣзжалъ въ нему въ Познань; въ признательность за оказанное княземъ расположеніе, Шопень посвятилъ ему свое трио (ор. 8) для фортепiano, скрипки и виолончели, написанное въ Варшавѣ приблизительно въ 1827—1829 г. Въ 1829 г. князь Радзивиллъ, пріѣзжая въ Варшаву, сдѣлалъ визитъ родителямъ Шопена и этимъ окончились всѣ ихъ личные отношенія. Между тѣмъ многіе считали князя Радзивилла какимъ-то благодѣтелемъ Шопена, дававшимъ средства на его воспитаніе; Листъ едва ли не первый впалъ въ эту ошибку въ своемъ сочиненіи о Шопенѣ; но Карасовскій положительно отвергаетъ какое бы то ни было содѣйствіе князя Радзивилла въ воспитаніи Шопена, указывая, что какъ родственники Шопена, такъ и знавшій его

¹⁾ Посвященное г-жѣ Лінде, женѣ директора варшавскаго лицея, хорошей для своего времени pianotistъ, съ которой Шопень часто игралъ въ четыре руки.

съ дѣтства Юлій Фонтана протестовали противъ сообщенія Листа, и что Николай Шопенъ, получая хорошее профессорское содержаніе и пользуясь изряднымъ доходомъ отъ большого пансіона для мальчиковъ, не нуждался въ средствахъ на образованіе своего сына и даже въ послѣдствіи никогда не отказывалъ ему въ денежной поддержкѣ.

Въ 1827 г. Шопенъ окончилъ курсъ въ лицѣ; но его послѣдніе экзамены не были такими же блестящими, какъ при переходахъ изъ одного класса въ другой, что объясняется усиленными въ послѣдній годъ музыкальными занятіями. Значительное число произведеній частью уже законченныхъ, частью только еще въ наброскахъ, громоздились въ его комнатѣ. Эльснеръ, компетентный судья музыкальных работъ своего ученика, совѣтовалъ его родителямъ не препятствовать ихъ гениальному сыну идти по тому пути, куда влекутъ его художественныя стремленія, содѣйствовать его дальнѣйшему музыкальному образованію и доставить ему возможность познакомиться съ большими классическими музыкальными произведеніями, для чего необходимо было ему ѣхать за границу. Поэтому осенью 1828 г. юноша ѣздила на короткое время въ Берлинъ, гдѣ ему удалось слышать нѣсколько оперъ, въ томъ числѣ «Фрейшюца» и двѣ или три ораторіи; но «величайшую для него отраду», какъ писалъ онъ изъ Берлина, представляло посѣщеніе нотнаго магазина Шлезингера, гдѣ, по его словамъ, онъ находилъ интереснѣйшія произведенія композиторовъ всѣхъ странъ и временъ. Въ концѣ лѣта 1829 г. онъ вторично поѣхалъ за границу — въ Вѣну; по настоянію отца и Эльснера, тамъ онъ долженъ былъ выступить въ публичномъ концертѣ; но объ этомъ онъ не могъ думать безъ волненія, онъ боялся играть въ блестящей столицѣ, избалованной хорошими виртуозами и гдѣ еще вѣялъ духъ Гайдна, Моцарта и Бетховена.

Но не прошло и недѣли послѣ пріѣзда Шопена въ Вѣну, какъ всѣ тѣ музыканты, любители музыки и журналисты, съ которыми онъ познакомился, стали настойчиво уговаривать его дать концертъ и непременно играть свои произведенія, предсказывая успѣхъ. По ихъ совѣтамъ Шопенъ выступилъ передъ вѣнской публикой въ двухъ концертахъ въ оперномъ театрѣ; въ первомъ, 11 августа 1829 г., онъ игралъ свои варіаціи «La ci darem la mano» съ оркестромъ и импровизацію (freie Phantasie), во второмъ свой «Краковякъ» тоже съ оркестромъ, и предсказанія оправдались, — успѣхъ былъ полнѣйшій. Газеты отозвались о концертахъ съ большими похвалами; многіе извѣстные въ Вѣнѣ музыканты, какъ, напримѣръ, Гировець, Лахнеръ,

Черни, Крейтцеръ и др. лично высказывали ему свое одобрение; но болѣе всего радовали Шопена (какъ видно изъ его вѣскихъ писемъ) горячія похвалы князя Лихновскаго, лучшаго друга Бетховена. Проѣхавъ изъ Вѣны въ Прагу, затѣмъ въ Теплицъ, Дрезденъ и Бреславль, Шопень возвратился въ Варшаву болѣе опытнымъ, болѣе зрѣлымъ въ сужденіяхъ, болѣе увѣреннымъ въ своемъ дарованіи и потому съ болѣе бодрымъ духомъ и смѣлымъ взглядомъ на свое будущее.

Съ энергіей принялся Шопень за работу. Изъ его писемъ видно, что въ концѣ 1829 г. онъ началъ много новыхъ произведеній; въ мартѣ 1830 г. онъ далъ два концерта, въ которыхъ исполнялъ, оба раза, свой первый концертъ для фортепіано съ оркестромъ E-moll (op. 11); въ августѣ того же года онъ окончилъ второй концертъ E-moll (op. 21). Тѣмъ не менѣе онъ начинаетъ скучать, имъ овладѣваетъ какое-то душевное безпокойство. «Какъ часто, — пишетъ онъ 17 апрѣля 1830 г. своему ближайшему другу Войцеховскому ¹⁾, — я принимаю ночь за день и день за ночь; какъ часто я живу во снѣ и сплю днемъ, еще хуже когда сплю, потому что всегда чувствую то же самое; — и вмѣсто того, чтобы въ этомъ забытѣй найти, какъ во снѣ, подкрѣпленіе, — я томлюсь, терзаюсь и теряю силы». Онъ задумываетъ новое путешествіе, хочетъ ѣхать опять въ Вѣну, въ Италію, въ Парижъ, но не можетъ рѣшиться уѣхать. «Я все еще здѣсь, — пишетъ онъ опять Войцеховскому 4 сентября 1830 г., — и не могу рѣшиться опредѣленно назначить день моего отъѣзда. Мнѣ чувствуется, что, покинувъ Варшаву, не возвращусь болѣе домой; я ношу въ себѣ убѣжденіе, что навсегда скажу прости своему отечеству. О, какъ должно быть печально умирать вдали отъ родины и, вмѣсто дорогихъ лицъ своихъ родныхъ, видѣть у своего смертнаго ложа равнодушнаго доктора и наемныхъ слугъ!» 5 октября онъ пишетъ ему же о скоромъ отъѣздѣ: «чемоданъ купленъ, партитуры исправлены, носовые платки вымыты, новые брюки и фракъ примѣрены и т. д. Остается только попрощаться, и это — самое ужасное!»

Главная причина, задерживавшая Шопена въ Варшавѣ заключалась, кажется, въ томъ, что всѣ его мысли и чувства были заняты молоденькой пѣвицей Констанціей Гладковской (Gladkowska), дебютировавшей въ 1830 г. на варшавской оперной сценѣ ²⁾. Онъ писалъ Войцеховскому, что мыслями о ней про-

¹⁾ Школьный товарищ Шопена, жившій преимущественно въ своемъ кабинетѣ.

²⁾ К. Гладковская, бывшая ученица варшавской консерваторіи, весьма талантливая пѣвица, оставила сцену по выходѣ замужъ въ 1832 г.

никнуты всѣ его произведенія того времени, что, мечтая о ней, онъ писалъ адажіо своего второго концерта, которое всегда оставалось однимъ изъ его самыхъ любимыхъ произведеній и которое онъ всегда исполнялъ съ особеннымъ удовольствіемъ¹⁾.

11 октября, Шопенъ далъ прощальный концертъ. Многочисленная публика устроила ему овацію; всѣ варшавскія газеты дали самые восторженные отзывы, предсказывая Шопену блестящую будущность, которою Польша будетъ гордиться. Затѣмъ насталъ печальный день, когда юный художникъ долженъ былъ расстаться съ родиною и со всѣми дорогими и близкими его сердцу. 2 ноября 1830 г. онъ выѣхалъ изъ Варшавы. Кругомъ друзей провожалъ его до одной изъ окрестныхъ деревень, гдѣ ожидавшіе ученики консерваторіи исполнили кантату, специально для этого случая написанную Эльснеромъ, и гдѣ Шопену былъ поднесенъ въ подарокъ, на память, серебряный кубокъ художественной работы, наполненный до краевъ землею Польши. «Гдѣ бы ты ни былъ, гдѣ бы ни странствовалъ,—сказалъ ему одинъ изъ друзей, передавая кубокъ,—не забывай своей отчизны. Вспоминай Польшу, вспоминай своихъ друзей, съ гордостью называющихъ тебя своимъ соотечественникомъ, ожидающихъ отъ тебя великаго и сопровождающихъ тебя своими пожеланіями и молитвами».

До слезъ былъ растроганъ впечатлительный художникъ торжественностью этого прощанія, теплотою напутственной рѣчи, а, главное, символическимъ характеромъ подарка, который долженъ былъ служить какъ бы видимымъ признакомъ его связи съ родною Польшею. Еще тяжелѣе становилось пускаться въ далекій, мало ему извѣстный міръ, хотя и были его спутниками честныя стремленія и свѣтлыя цвѣтущія надежды! Еще больнѣе ощущалась горечь разлуки на неопредѣленное время съ горячо и глубоко любимыми родителями и сестрами и съ предметомъ своихъ мечтаній—юною артисткою. Въ его ушахъ постоянно звучалъ ея нѣжный голосъ, онъ грезилъ о ея влажныхъ отъ слезъ глазахъ, и кольцо, надѣтое ею при расставаньи на его палецъ, было для него драгоценнымъ сокровищемъ. Онъ уѣзжалъ съ растерзаннымъ сердцемъ, но твердо убѣжденный, что возвратится, снова увидеть то, что покидать ему было такъ горько и тяжело, и не могъ подозрѣвать, что эта разлука—ужасная, вѣчная, что онъ уже навсегда отторгнутъ и отъ отечества, и отъ родныхъ и друзей.

¹⁾ Fr. Chopin, par F. Liszt, стр. 18.

Изъ дорожныхъ писемъ Шопена видно, что онъ останавливался на короткое время въ Бреславлѣ и совсѣмъ экспромптомъ принималъ тамъ участіе въ концертѣ. Болѣе продолжительное время онъ прожилъ въ Дрезденѣ, гдѣ слушалъ оперы и концерты, знакомился съ дрезденскими музыкантами, принимавшими его съ большимъ радушіемъ и уговаривавшими его дать концертъ; но, не рассчитывая на хорошій сборъ, Шопень не хотѣлъ терять времени. Въ одномъ изъ писемъ онъ упоминаетъ о дрезденской картинной галлерей и говоритъ, что желалъ бы посѣщать галлерей каждую недѣлю, потому что «находить картины, при видѣ которыхъ ему кажется, что слышишь музыку». Въ Вѣнѣ Шопень рассчитывалъ прожить подольше; онъ обзавелся тамъ порядочной квартирой, прекраснымъ инструментомъ лучшаго въ то время вѣнскаго фортепіаннаго фабриканта Граффа, и началъ подготавливаться къ устройству концерта, на который возлагалъ большія надежды. Изъ Вѣны онъ писалъ, что «здоровъ, какъ левъ и люди утверждаютъ, что онъ потолстѣлъ».

Между тѣмъ въ Варшавѣ 29 ноября 1830 г. вспыхнуло возстаніе. При первомъ извѣстіи объ этомъ, пріѣхавшій съ Шопеномъ Войцеховскій, съ которымъ онъ предполагалъ путешествовать и далѣе, немедленно уѣхалъ обратно въ Польшу, чтобы вступить въ ряды борцовъ за свободу. Шопень непремѣнно хотѣлъ послѣдовать его примѣру, но долженъ былъ уступить просьбамъ своихъ родителей, настойчиво уговаривавшихъ его не подвергать опасности свою жизнь, такъ много общавшую для искусства; хотя онъ также успѣлъ уже выѣхать изъ Вѣны, онъ возвратился обратно. Легко понять, какъ грустно ему было оставаться въ Вѣнѣ при такихъ обстоятельствахъ. Печальное положеніе Польши и опасенія за своихъ родныхъ и близкихъ друзей, остававшихся въ Варшавѣ, производили глубокое болѣзненное впечатлѣніе на его воспримчивую натуру. Сохранившіеся письма Шопена изъ Вѣны (большая часть писемъ была уничтожена изъ опасенія производившихся въ то время полицейскихъ обысковъ, нѣкоторые же вовсе не были доставлены по адресу) свидѣтельствуютъ о мрачномъ состояніи его духа. Юношеская бодрость, шутиливый тонъ и здоровый юморъ, которыми были проникнуты прежнія его письма, смѣнились теперь грустью, досадою и горькимъ сарказмомъ. Такъ, напримѣръ, онъ пишетъ, 25 декабря 1830 г., своему лицейскому товарищу Матушинскому: «Я не хочу причинить неудовольствія моему отцу; не опасаясь этого, я тотчасъ же возвратился бы домой. Я часто бываю настроенъ такъ, что проявляю мгновеніе своего отъѣзда

изъ милаго отечества! Множество обѣдовъ, soirées, концертовъ и баловъ, которые я долженъ посѣщать, надобѣдаютъ мнѣ. Мнѣ грустно; здѣсь я чувствую себя такимъ одинокимъ, оставленнымъ, и при всемъ томъ не могу жить такъ, какъ бы хотѣлъ! Я долженъ заботиться о своемъ туалетѣ, появляться съ веселымъ лицомъ въ салонахъ; когда же возвращаюсь въ свою комнату,—сажусь за рояль и повѣряю ему, какъ лучшему другу въ Вѣнѣ, всѣ свои страданія. Здѣсь нѣтъ ни одной души, которой бы я могъ безгранично довѣриться и каждого долженъ встрѣчать какъ друга. Я лишенъ душевнаго спокойствія; я спокоенъ только тогда, когда читаю ваши письма и представляю себѣ статую короля Сигизмунда ¹⁾ или смотрю на кольцо, это драгоценное для меня сокровище». Въ другомъ письмѣ къ Матушинскому же находимъ такіа выраженія: «Я могъ бы умереть за тебя, за всѣхъ васъ! Зачѣмъ я обреченъ оставаться здѣсь одинокимъ и оставленнымъ. Въ это ужасное время вы можете высказываться другъ передъ другомъ, можете горевать вмѣстѣ. Твоя флейта вдоволь можетъ горько жаловаться. Какъ бы плакалъ мой рояль!.. Ты пишешь, что идешь со своимъ полкомъ въ поле. Ты идешь въ сраженіе,—возвращайся полковникомъ. Пусть все идетъ хорошо. Почему я не могу быть хотя бы вашимъ барабанщикомъ?»

При такихъ обстоятельствахъ творческая дѣятельность Шопена во время его пребыванія въ Вѣнѣ не могла быть обильна; въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ сообщаетъ, что написалъ полонезъ; о другихъ произведеніяхъ, если таковыя были, нигдѣ не упоминается. Также неудачны были старанія Шопена дать концертъ. Въ первый свой пріѣздъ въ Вѣну онъ игралъ въ концертахъ, устроенныхъ дирекціей театра, и отказался отъ гонорара; но теперь ему нужны были деньги на путешествіе и онъ не хотѣлъ играть даромъ,—поддержки же себѣ нигдѣ не видѣлъ; нѣкоторые изъ его прежнихъ знакомыхъ были въ отсутствіи, другіе какъ бы нѣсколько сторонились его. Быть можетъ, въ этомъ сказывалось опасеніе, что Шопенъ послѣ своихъ концертныхъ триумфовъ поселится навсегда въ Вѣнѣ и оставитъ вѣпскихъ піанистовъ въ тѣни; также не невозможно и то, что въ это «меттерниховское время» и искренніе доброжелатели Шопена опасались быть полезными полаку въ виду военныхъ событій въ Польшѣ. Въ письмѣ къ Эльснеру, 26 января 1831 г.,

¹⁾ Около памятника короля Сигизмунда въ Варшавѣ помѣщалась консерваторія, въ павильонѣ которой жила Конст. Гладковская.

онъ между прочимъ пишетъ: «Со всѣхъ сторонъ я встрѣчаю препятствія; цѣлый рядъ негодныхъ фортепіанистовъ совсѣмъ руинировали настоящую музыку и сдѣлали публику недовѣрчивою; произошедшее въ Польшѣ также неблагоприятно отразилось на моемъ положеніи. Тѣмъ не менѣе я думаю дать свой первый концертъ въ продолженіи карнавала». Однако, концертъ состоялся гораздо позднѣе, лѣтомъ 1831 г., когда болѣе богатыхъ жителей Вѣны не было въ городѣ, слушателей собралось весьма немного и расходы по концерту превышали сборъ. Надежды Шопена рушились; отъ такъ желаемого имъ путешествія въ Италію онъ долженъ былъ отказаться за неимѣніемъ для этого денежныхъ средствъ, и собрался ѣхать въ Парижъ. Но и тутъ встрѣтилось не мало препятствій. Въ то время, выхлопотать для поляка разрѣшеніе ѣхать прямо въ Парижъ,—нечего было и думать; по совѣту опытныхъ людей, Шопень просилъ визировать свой паспортъ на Лондонъ; со стороны вѣнскихъ властей не встрѣтилось препятствій, но въ русскомъ посольствѣ не дали разрѣшенія ѣхать въ Лондонъ, а позволили ѣхать въ Мюнхенъ, и только французскій посланникъ, сдѣлавъ на паспортѣ Шопена приписку: «*passant par Paris à Londres*» ¹⁾, доставилъ ему возможность достигнуть цѣли своего путешествія.

Изъ Вѣны Шопень выѣхалъ 20 іюля 1831 г. вмѣстѣ съ своимъ пріятелемъ и соотечественникомъ Кумельскимъ, который тоже направлялся въ Парижъ. Въ Мюнхенѣ Шопень оставался около недѣли, ожидая изъ Варшавы денегъ, и игралъ въ одномъ изъ публичныхъ собраній мюнхенскаго филармоническаго общества свой Е-мольный концертъ съ оркестромъ. Успѣхъ былъ полнѣйшій; но это было послѣднее публичное исполненіе Шопена на нѣмецкой территоріи, онъ болѣе не появлялся въ Германіи, какъ виртуозъ на публичныхъ концертахъ. Ободренный успѣхомъ въ Мюнхенѣ, онъ намѣревался концерттировать также въ Штутгартѣ, но тамъ его ожидалъ тяжелый ударъ: извѣстіе о взятіи Варшавы, 8 сентября 1831. Все отчаяніе Шопена о судьбѣ его соотечественниковъ, вся скорбь о дорогой отчизнѣ вылилась въ написанномъ имъ въ Штутгартѣ чудесномъ этюдѣ C-moll (послѣдній изъ 12-ти этюдовъ оп. 10, посвященныхъ Листу).

¹⁾ Вслѣдствіи, когда Шопень уже совсѣмъ обжился въ Парижѣ, онъ говорилъ шутя: „*je suis ici en passant*“.

II.

Въ Парижъ Шопенъ прїѣхалъ въ концѣ сентября 1831 г. Послѣднія событія въ Польшѣ привели туда же многихъ поляковъ, которые принимали косвенное или непосредственное участіе въ востаніи и потому эмигрировали во Францію, или которые, не будучи компрометированы передъ русскимъ правительствомъ, не хотѣли примириться съ новымъ положеніемъ Польши. Такимъ образомъ Шопенъ въ скоромъ времени оказался въ довольно большомъ кругу своихъ соотечественниковъ, съ которыми постоянно находился въ близкихъ отношеніяхъ. Успокоенный относительно положенія своихъ родныхъ, онъ опять приободрился духомъ и вскорѣ вошелъ въ водоворотъ общественной парижской жизни. Въ своихъ письмахъ изъ Парижа онъ съ увлеченіемъ отзывался о парижской оперѣ, съ такими знаменитыми исполнителями того времени, какъ Лаблашъ, Рубини, Паста, Малибранъ, Шредеръ-Девриентъ, и о виртуозахъ, какъ Калькбреннеръ, Герцъ, Гиллеръ, Беріо и др. Онъ становится въ дружескія отношенія съ Берліозомъ и Листомъ, особенно съ послѣднимъ, и вмѣстѣ съ ними энергически и побѣдоносно ведетъ борьбу за романтизмъ въ музыкѣ, противъ классицизма. Онъ дѣлаетъ множество знакомствъ, часто бываетъ въ обществѣ; но все это не удовлетворяетъ его вполне. Посреди разнообразія парижской жизни, онъ скучаетъ, тоскуетъ по родинѣ, жалуется на одиночество. «Мое сердце бьется синкопами, — пишетъ онъ въ Польшу 16 декабря 1831 г., — потому я страдаю и по временамъ ищу паузы—одиночества, такъ чтобы могъ провести цѣлый день никого не видя и ни съ кѣмъ не говоря... Когда мы увидимся?.. быть можетъ, никогда, потому что не шутя мое здоровье отвратительное. Я кажусь веселымъ, особенно среди своихъ; но внутри меня что-то терзаетъ, какъ бы неопредѣленное предчувствіе: я беспокоенъ, у меня дурныя сновидѣнія, бессонница, тоска, равнодушіе ко всему; желаніе жизни и желаніе смерти чередуются непрерывно. Короче—это какая-то смѣсь, которую трудно описать».

Хотя въ кругу парижскихъ артистовъ къ нему относились съ весьма большимъ уваженіемъ, однако онъ былъ далекъ отъ того, чтобы смотрѣть на себя, какъ на вполне законченнаго виртуоза; онъ стремился къ дальнѣйшему усовершенствованію и имѣлъ намѣреніе заниматься подъ руководствомъ Калькбреннера, который считался въ то время первымъ піанистомъ въ Европѣ.

Такимъ его считалъ и самъ Шопень. Въ одномъ изъ своихъ писемъ изъ Парижа ¹⁾ онъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ передаетъ свой взглядъ на игру Кальдебреннера и сопоставляетъ его съ другими первоклассными виртуозами. «Ты можешь себѣ представить, съ какимъ нетерпѣніемъ я желалъ слышать Герца и Гиллера; но они ничто въ сравненіи съ Кальдебреннеромъ. Говоря откровенно, какъ Герцъ—играю и я, но хотѣлъ бы играть такъ, какъ Кальдебреннеръ. Онъ—такое же совершенство какъ и Паганини, но совсѣмъ въ другомъ родѣ. Я не могу описать его спокойствіе, его чарующій аншлагъ, ровность его игры; въ каждой нотѣ узнаешь мастера. Это исполнить, затмѣвающій всѣхъ другихъ артистовъ» ²⁾.

Подъ вліяніемъ такого увлеченія Шопень отправился въ Кальдебреннеру и высказалъ ему свое желаніе работать подъ его руководствомъ. Кальдебреннеръ, прослушавъ игру Шопена, соглашался давать ему уроки, но съ условіемъ, чтобы Шопень обязался заниматься у него по меньшей мѣрѣ три года. Прежде чѣмъ дать опредѣленный отвѣтъ на такое стѣснительное условіе, Шопень написалъ о своемъ намѣреніи отцу и Эльснеру, желая знать ихъ мнѣніе. Эльснеръ, которому лучше чѣмъ кому-либо былъ извѣстенъ глубокой источникъ музыкальной изобрѣтательности Шопена и степень его виртуозности, не отговаривалъ своего бывшего ученика отъ занятій у Кальдебреннера, но выражалъ свое удивленіе, что Кальдебреннеру нужно цѣлыхъ три года, чтобы открыть тайну своего искусства такому даровитому музыканту какъ Шопень, и высказывалъ свое мнѣніе, что виртуозная игра на какомъ-либо инструментѣ, хотя бы такая же совершенная какъ игра Паганини или Кальдебреннера, должна быть только средствомъ, а не цѣлью музыкальнаго искусства и что Шопену не слѣдуетъ посвящать свои дарованія исключительно фортепіано и свое творчество только фортепіаннымъ произведеніямъ. Въ отвѣтъ на это письмо Шопень писалъ Эльснеру (14 декабря 1831 г.), что онъ пришелъ къ тому убѣжденію, что наиболѣе счастливый—тотъ композиторъ, который самъ можетъ

¹⁾ 16 декабря 1831 г.

²⁾ Приводимъ также весьма характеристическій взглядъ Шопена на другого знаменитаго виртуоза. «Тальбергъ,—писалъ Шопень изъ Вѣны,—играетъ чудесно; но мы съ нимъ разные люди. Онъ моложе меня, очень нравится дамамъ, пишетъ попури на мотивы изъ «Stumme», играетъ *f.* и *p.* посредствомъ педали, а не рукою, беретъ децимы, какъ я октавы, и носитъ запонки съ брилліантами. Мошелесу онъ нисколько не удивляется и также не удивительно, что изъ моихъ концертовъ ему понравились только tutti».

исполнять свои произведенія публично, не становясь въ зависимость отъ постороннихъ обстоятельствъ (какъ, напр., при постановкѣ оперъ); поэтому онъ долженъ, на нѣкоторое время, отодвинуть свои высшія художественныя цѣли на задній планъ и подумать о томъ, чтобы проложить себѣ дорогу какъ піанистувиртуозу. Онъ согласенъ учиться еще три года, но при условіи, если будетъ увѣренъ, что достигнетъ цѣли, которую онъ себѣ намѣтилъ. Однако, онъ хорошо знаетъ, что никогда не будетъ копіей Калькбреннера и не измѣнитъ своему «быть можетъ, смѣлому, но благородному желанію, *создать новую эру въ искусствѣ!*»

При такихъ воззрѣніяхъ Шопенъ, конечно, не могъ не придти въ убѣжденію, что занятія съ Калькбреннеромъ будутъ бесполезны, если не безусловно вредны, такъ какъ онъ не могъ не понимать, что долженъ будетъ вполнѣ подчиниться требованіямъ Калькбреннера и подражать его игрѣ, отказавшись отъ всякой самостоятельности. Поэтому мысль о подобныхъ занятіяхъ была скоро оставлена; но въ выраженіе своего уваженія къ виртуозности Калькбреннера и для поддержанія хорошихъ съ нимъ отношеній, Шопенъ посвятилъ ему свой первый концертъ (E-moll).

Денежныя средства Шопена, по пріѣздѣ въ Парижъ, были весьма ограниченны; рассчитывать на помощь отъ отца онъ не хотѣлъ и надѣялся, что устройствомъ концерта составитъ себѣ почетную извѣстность въ публикѣ, и что это дастъ ему возможность обезпечить свою будущность въ матеріальномъ отношеніи. Концертъ состоялся 26 февраля 1832 г., но не оправдалъ возлагаемыхъ на него надеждъ. Хотя въ парижскомъ музыкальномъ мірѣ и въ частныхъ кружкахъ Шопенъ уже пользовался уваженіемъ какъ прекрасный піанистъ, но большой парижской публикѣ онъ былъ еще неизвѣстенъ. Нѣсколько хвалебныхъ замѣтокъ, напечатанныхъ о немъ въ вѣнскихъ и лейпцигскихъ газетахъ, конечно, не проникали въ парижское общество и потому мало кто поинтересовался какимъ-то молодымъ виртуозомъ, имѣвшимъ смѣлость дать свой концертъ въ столь неподходящее для того время, когда общество преимущественно сосредоточивало свое вниманіе на политической борьбѣ, затѣянной легитимистами противъ правительства Луи-Филиппа. Въ концертѣ Шопена слушателями были одни поляки-эмигранты, французской же публики почти совсѣмъ не было и сборъ съ концерта едва покрылъ расходы.

Послѣ такой неудачи Шопенъ считалъ дальнѣйшее пребываніе въ Парижѣ невозможнымъ. Возвратиться въ Варшаву тоже было не совсѣмъ удобно, во-первыхъ, потому, что его за-

граничный паспортъ былъ просроченъ и онъ имѣлъ основаніе опасаться, что русское правительство отнесется къ нему какъ къ эмигранту, что могло бы привести, если не къ печальнымъ, то во всякомъ случаѣ непріятнымъ для него послѣдствіямъ; а, во-вторыхъ, Варшава, особенно послѣ событій 1830 года, представляла слишкомъ узкое поприще для его дѣятельности. Видя, что многіе молодые польскіе эмигранты отправляются искать счастья въ Америкѣ, Шопень хотѣлъ послѣдовать ихъ примѣру; но его родители безусловно воспротивились подобному предпріятію и уговаривали сына или оставаться въ Парижѣ, въ ожиданіи лучшаго, или возвратиться въ Варшаву, подчинившись всѣмъ непріятностямъ, неизбѣжнымъ вслѣдствіе его просроченнаго паспорта. Онъ согласился на послѣднее и рѣшился уже вернуться въ Польшу, какъ обстоятельства внезапно измѣнились совершенно неожиданнымъ образомъ.

Въ день, назначенный для отъѣзда изъ Парижа, Шопень случайно встрѣтилъ князя Валентина Радзивила, который уговорилъ его отложить отъѣздъ до слѣдующаго дня, а въ тотъ день отправиться съ нимъ на вечеръ къ Ротшильду. Шопень равнодушно согласился, не подозревая, какое существенное значеніе будетъ имѣть этотъ вечеръ въ его жизни. Въ блестящемъ салонѣ биржевого короля собралось все парижское *haute volée*; Шопень очутился въ сферѣ, для которой, казалось, былъ созданъ, которая была для него необходима. Давно онъ не чувствовалъ себя такъ въ духѣ, такъ хорошо, такъ по себѣ, какъ въ тотъ вечеръ; онъ игралъ и импровизировалъ, какъ, быть можетъ, никогда, и привелъ въ восторгъ, увлекъ и подчинилъ себѣ всѣхъ слушателей ¹⁾. Въ тотъ же вечеръ онъ получилъ нѣсколько приглашеній давать уроки въ лучшихъ парижскихъ домахъ. Его положеніе сразу измѣнилось точно какимъ-нибудь волшебствомъ; будущее опять ему улыбалось, съ каждымъ днемъ онъ получалъ новыя уроки, съ каждымъ днемъ его денежныя дѣла улучшались и обезпечивали ему возможность оставаться въ Парижѣ, не нуждаясь въ пособіи отъ отца.

Слѣдующая выдержка изъ одного изъ писемъ Шопена того времени хорошо объясняетъ то положеніе, которое онъ занялъ въ Парижѣ, и отчасти его взглядъ на свои отношенія къ парижской аристократіи. «Я здѣсь вращаюсь, — пишетъ Шопень, — въ кругу посланниковъ, князей, министровъ и т. п., и не понимаю, какъ я попалъ въ ихъ кругъ, потому что попасть туда

¹⁾ „Les musiciens polonais et slaves“, par Albert Sowinski. Paris. 1857.

нивоимъ образомъ не домогался. Для меня подобное общество въ высшей степени необходимо; тамъ учишься хорошему вкусу. Къ тому же у тебя является болѣе талантности, если тебя слушаютъ у англійскаго или австрійскаго посланника. Твоя игра дѣлается лучше, если тебѣ протезируетъ княгиня Vandemont. «Протезируетъ» въ сущности я не могу сказать, потому что добрая старушка умерла недѣлю тому назадъ. Это была дама, у которой собирался весь дворъ, которая была очень добродѣтельна и скрывала у себя многихъ аристократовъ въ дни террора первой революціи. Она первая представилась ко двору Луи-Филиппа, не смотря на то, что происходила изъ фамиліи Монморанси (старшей линіи) и была ихъ послѣднимъ отпрыскомъ. Она всегда имѣла около себя цѣлую толпу бѣленькихъ и черненькихъ комнатныхъ собачекъ и маленькую, въ высшей степени забавную обезьянку, которой предоставлено было кусать графинь и княгинь. Между здѣшними артистами я пользуюсь уваженіемъ и дружбой, доказательствомъ чего служить то, что люди съ громкой славой посвящаютъ мнѣ свои произведенія, какъ напр. Пиксисъ посвятилъ мнѣ свои послѣднія варіаціи съ оркестромъ. Теперь онъ пишетъ также варіаціи на одну изъ моихъ темъ; Кальбреннеръ часто импровизируетъ на мои мазурки. Ученики консерваторіи и даже private ученики Мошелеса, Герца и Кальбреннера (совсѣмъ готовые артисты), берутъ еще уроки у меня и ставятъ меня на одну линію съ Фильдомъ. Если бы я былъ нѣсколько простодушнѣе, то могъ бы вообразить себя уже вполне законченнымъ артистомъ; но я каждый день чувствую какъ много еще нужно мнѣ учиться и сознаю это тѣмъ лучше, потому что, вращаясь между первыми артистами, понимаю недостатки каждаго изъ нихъ. Но я совсѣмъ стыжусь за то, что сейчасъ написалъ,—я, точно ребенокъ, хвалю самого себя,—я вычеркнулъ бы это, но у меня нѣтъ времени написать другое письмо. Кромѣ того, ты, конечно, вступишь мой характеръ изъ прежняго: я остался совершенно тѣмъ же, съ той только разницей, что теперь имѣю одностороннюю баянбарду, другая сторона ни за что не хочетъ произрастать. Сегодня я долженъ дать пять уроковъ; ты подумаешь, что я скоро составлю себѣ состояніе; но кабріолеты и бѣлыя перчатки почти поглощаютъ заработокъ, а безъ нихъ меня бы упрекали въ недостатокъ хорошаго вкуса».

Одинъ изъ школьныхъ товарищей Шопена, Орловскій ¹⁾,

¹⁾ Антонъ Орловскій, талантливый музыкантъ, впоследствии былъ капельмейстеромъ въ Руанѣ. Род. въ Варшавѣ 1811 г., умеръ въ 1861 г.

бывшій въ то время въ Парижѣ, писалъ въ Польшу: «Шопень здоровъ и бодръ; онъ кружитъ головы французикамъ, возбуждая тѣмъ зависть мужчинъ. Онъ теперь въ модѣ и скоро въ высшемъ обществѣ будутъ носить перчатки à la Chopin. Только тоска по родинѣ терзаетъ его». Другой товарищъ Шопена, Матушинскій, приѣзжавшій въ Парижъ въ 1834 г., писалъ почти то же самое: «Шопень сдѣлался сильнымъ и большимъ, такъ что я едва его узналъ. Въ настоящее время онъ здѣсь первый пианистъ; онъ даетъ очень много уроковъ, но ни одного менѣе 20-ти франковъ. Онъ много сочиняетъ и его произведенія очень любимы. Я живу съ нимъ rue Chaussée d'Antin № 5»...

Въ то же время, когда такимъ образомъ Шопень все болѣе и болѣе привлекалъ на себя вниманіе парижскаго общества, т.-е. начиная приблизительно съ 1832 г., его имя, какъ композитора, приобретало все болшую и болшую извѣстность. Его произведенія, написанныя частью еще въ Варшавѣ, частью въ Вѣнѣ, во время пути и въ Парижѣ, какъ напримѣръ: ноктюрны оп. 15 и 27, болеро оп. 19, скерцо оп. 20, баллада оп. 23, мазурки оп. 24, полонезы оп. 26, impromptu оп. 29—имѣли уже довольно большое распространеніе. Многие музыкальные критики рѣшительно осуждали эти произведенія, не придавая имъ никакого художественнаго значенія, но все же большинство критиковъ признавали въ сочиненіяхъ Шопена смѣлость и оригинальность замысла, богатство гармоніи и новизну формы. Мошелесъ и Фильдъ, напротивъ, не могли простить Шопену его частыя отступленія отъ традиціонныхъ, считаемыхъ ими образцовыми, формъ и стиля и съ этой точки зрѣнія смотрѣли на него, какъ на дерзкаго революціонера. О первыхъ его произведеніяхъ Мошелесъ писалъ въ 1831 г. ¹⁾, что, познакомившись съ шопеновскими этюдами и другими произведеніями,—онъ «нашелъ много прелести въ ихъ оригинальности и въ національной окраскѣ мотивовъ, но что его пальцы безпрестанно спотыкались на жестякахъ, нехудожественныхъ (?), ему непонятныхъ модуляціяхъ и что все въ цѣломъ ему часто казалось слишкомъ сладкимъ, мало мужественнымъ и слишкомъ мало достойнымъ образованнаго музыканта». Поздѣе онъ опять писалъ: «Я искренно удивляюсь шопеновской оригинальности. Онъ далъ пианистамъ самое новѣйшее и самое привлекательное; но мнѣ лично противны дѣланныя, часто натянутыя модуляціи; мои пальцы спотыкаются на такихъ мѣстахъ и, сколько бы я ихъ ни училъ, я не могу

¹⁾ См. «Aus Mecheles Leben», Leipzig, 1872.

сыграть ихъ безъ запинки!» Впослѣдствіи, когда въ 1839 г. Мошелесъ познакомился съ Шопеномъ лично и услышалъ его игру, онъ нѣсколько измѣнилъ свое мнѣніе и писалъ, что «длительная рѣзкость модуляцій, которой я не могъ избѣжать играя произведенія Шопена, болѣе меня не шокировала, когда эти модуляціи выходили изъ-подъ его нѣжныхъ пальцевъ». Фильдъ, какъ бы предчувствуя, что звѣзда его славы меркнетъ передъ новымъ свѣтиломъ, восходящимъ на музыкальномъ горизонтѣ, открыто называлъ Шопена «un talent de chambre du malade». Эти мнѣнія о произведеніяхъ Шопена, распространившіяся главнымъ образомъ въ Германіи, замолкли навсегда послѣ статей Шумана въ его музыкальномъ журналѣ «Neue Zeitschrift für Musik».

Бывшій учитель Шопена, Эльснеръ съ горячимъ сочувствіемъ слѣдилъ за его художественнымъ развитіемъ и писалъ ему въ 1834 г., что хотя успѣхи Шопена наполняютъ радостью его сердце, но до сихъ поръ онъ еще не вполне доволенъ и желалъ бы дожить до постановки оперы, написанной Шопеномъ, — не для того только, чтобы видѣть увеличеніе славы своего ученика, но ради пользы музыкальнаго искусства вообще, особенно если сюжетъ оперы будетъ взятъ изъ польской исторіи, къ чему онъ считалъ Шопена вполне способнымъ. Подъ вліяніемъ этого письма Шопенъ задумывалъ — было писать оперу и просилъ своего пріятеля Станислава Козьмяна написать для него либретто; но какой былъ дальнѣйшій результатъ этого намѣренія, неизвестно.

Въ февралѣ 1834 г. Шопенъ далъ свой второй концертъ въ Парижѣ, который былъ самымъ блестящимъ изъ всего сезона. Концертъ состоялся въ театрѣ итальянской оперы, съ большимъ оркестромъ, подъ управленіемъ Габенека, который считался въ то время лучшимъ дирижѣромъ въ Парижѣ. Шопенъ исполнялъ тогда въ первый разъ свой второй концертъ (F-moll). Все, казалось, предвѣщало громадный успѣхъ: въ числѣ публики, переполнявшей театръ, присутствовала вся парижская аристократія, были всѣ выдающіеся артисты; но надежды Шопена не оправдались и привели его къ заключенію, которое не могло не быть для него крайне тяжелымъ. Въ громадномъ театрѣ его тонкая поэтическая игра не могла произвести сильнаго впечатлѣнія, не могла дать тѣхъ эффектовъ, которые необходимы для того, чтобы увлечь массу публики. Шопенъ это чувствовалъ и съ тѣхъ поръ не желалъ болѣе никогда играть въ слишкомъ большихъ залахъ передъ многочисленной публикой, и вообще послѣ этого концерта

рѣдко выступалъ публичнымъ исполнителемъ. Для него нужна была другая, исключительная аудиторія: салонъ, съ тѣснымъ кружкомъ музыкантовъ, поэтовъ, художниковъ. Вотъ тѣ слушатели, которые могли понимать и цѣнить всю художественность тонкаго и поэтическаго исполненія таковаго глубокаго-впечатлительнаго артиста, какъ Шопень; но на массы неподготовленныхъ слушателей онъ не могъ дѣйствовать авторитетно, не могъ производить на нихъ сильнаго впечатлѣнія. Какъ ни тяжело было Шопену отказаться отъ надежды самому быть исполнителемъ своихъ произведеній и для распространенія ихъ въ публикѣ не нуждаться ни въ чьемъ содѣйствіи, онъ не добивался болѣе триумфовъ и восторговъ толпы, — не въ его натурѣ было искать благорасположенія публики и къ нему можно примѣнить слова Гёте:

«Wer den Besten seiner Zeit genug gethan,
«Der hat gelebt für alle Zeiten!»

Во второй половинѣ мая 1834 г. Шопень ѣздилъ вмѣстѣ съ Фердинандомъ Гиллеромъ въ Ахенъ. Это небольшое путешествіе было предпринято съ двойною цѣлью: во-первыхъ, чтобы присутствовать на состоявшемся въ томъ году въ Ахенѣ нижнерейнскомъ музыкальномъ праздникѣ, и во-вторыхъ, чтобы познакомиться съ Мендельсономъ, съ которымъ Шопень познакомился еще ранѣе въ Парижѣ въ 1832 г. Мендельсонъ съ радостью встрѣтилъ обоихъ молодыхъ артистовъ и объ этомъ свиданіи съ ними писалъ 23 мая 1834 г. своей матери ¹⁾: «Оба они все болѣе и болѣе совершенствуются, и какъ піанистъ Шопень въ настоящее время одинъ изъ первѣйшихъ; онъ дѣлаетъ такія-же новыя вещи, какъ Паганини на своей скрипкѣ, и производитъ чудеса, о которыхъ невозможно было бы и подумать. И Гиллеръ — также превосходный піанистъ, сильный и достаточно кокетливый. Оба, однако, страдаютъ немного парижскою *Verzweiflungssucht* и *Leidenschaftssucherei* и слишкомъ часто упускаютъ изъ виду тактъ, спокойствіе и строгую музыкальность исполненія; — я, наоборотъ, можетъ быть слишкомъ рѣдко, и потому мы пополняемъ другъ друга и учимся, полагаю, всѣ трое одинъ у другого, причемъ я являюсь отчасти, какъ школьный учитель, а они немножко какъ *mirriflores* или *incroyables*. Послѣ праздника (въ Ахенѣ) мы поѣхали вмѣстѣ въ Дюссельдорфъ ²⁾ и провели очень пріятный день между музыкой и разговорами; затѣмъ

¹⁾ См. Mendelssohn's Briefe, II Theil, стр. 296.

²⁾ Мендельсонъ былъ въ то время директоромъ городского оркестра въ Дюссельдорфѣ.

вчера я проводилъ ихъ въ Кельнъ и сегодня поутру они поѣхали въ Кобленцъ на пароходъ вверхъ, а я внизъ, и прекрасный эпизодъ прошелъ мимо».

Въ слѣдующемъ году, въ концѣ іюля, Шопенъ опять поѣхалъ въ Германію, именно въ Карльсбадъ, куда также пріѣзжалъ выдержать курсъ леченія его отецъ со всѣмъ своимъ семействомъ. Это свиданіе, послѣ пятилѣтней разлуки, было послѣднимъ свиданіемъ Шопена съ родителями; онъ болѣе съ ними не видѣлся. На возвратномъ пути изъ Карльсбада Шопенъ останавливался на короткое время въ Лейпцигѣ, гдѣ заранѣе знали о его прибытіи и интересовались имъ. Въ лейпцигской музыкальной газетѣ, издаваемой Р. Шуманомъ, сообщалось 6 октября 1835 года: «Шопенъ былъ здѣсь, но оставался лишь нѣсколько часовъ, проведенныхъ имъ въ небольшомъ кругу музыкантовъ. Онъ играетъ точно такъ же, какъ и сочиняетъ, т.-е. *einzig*». Съ Шуманомъ Шопенъ переписывался и прежде, но лично они познакомились только теперь въ Лейпцигѣ, въ домѣ Фридриха Вика (тестя Шумана), гдѣ Шопенъ, въ присутствіи Мендельсона и другихъ лейпцигскихъ музыкантовъ, игралъ свои произведенія. Объ этомъ пребываніи Шопена въ Лейпцигѣ, Мендельсонъ писалъ своей сестрѣ 6 октября 1835 г.: «Шопенъ былъ здѣсь только одинъ день; его игра опять меня очаровала и я убѣжденъ, что если бы ты и отецъ слышали нѣкоторыя изъ его лучшихъ вещей, исполненными такъ, какъ онъ игралъ ихъ мнѣ, — вы сказали бы то же самое. Есть что-то совершенно особенное (*Grundeigenthümliches*) въ его игрѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ такое мастерство, что его можно назвать вполне совершеннымъ виртуозомъ, — а такъ какъ мнѣ дороги и радостны всѣ роды совершенства, то этотъ день былъ для меня въ высшей степени пріятнымъ. Я былъ очень радъ провести время съ настоящимъ музыкантомъ, не съ тѣми полу-виртуозами и полу-классиками, которые охотно соединяютъ въ музыкѣ *les honneurs de la vertu et les plaisirs du vice*, — но съ такимъ, который имѣетъ свое совершенно определенное направленіе. И если бы даже это направленіе было далеко отъ моего, какъ небо отъ земли, то и тогда я великодушно могъ бы съ нимъ ужиться, но съ тѣми полу-людьми — никогда».

Въ 1836 г. Шопенъ еще разъ былъ въ Лейпцигѣ у Шумана, который писалъ ¹⁾ объ этомъ посѣщеніи своему учителю, Генриху Дорну, бывшему въ то время капельмейстеромъ въ Ригѣ:

¹⁾ 16 сентября 1836 г.

«Получивъ третьяго дня ваше письмо, я хотѣлъ отвѣчать; но, какъ бы вы думали, кто вошелъ?—Шопень. Это была большая радость. Мы провели превосходный день, который я праздновалъ (nachfeierte) еще вчера... У меня есть новая баллада Шопена ¹⁾. Она кажется мнѣ однимъ изъ гениальнѣйшихъ его произведеній и я ему сказалъ, что для меня оно—самое любимое изъ всѣхъ. Послѣ долгой паузы размышленія, онъ отвѣчалъ съ большою выразительностью: «Это мнѣ пріятно; также и для меня оно самое любимое». Кромѣ того онъ сыгралъ мнѣ множество новыхъ этюдовъ, ноктюрновъ, мазурокъ,—все безподобно. Чудесно видѣть его сидящимъ за фортепіано. Вы бы очень его полюбили».

Эту третью и послѣднюю свою поѣздку въ Германію Шопень мотивировалъ необходимымъ будто бы для него курсомъ леченія въ Маріенбадѣ; но настоящая причина этой поѣздки была совсѣмъ другая. Онъ поѣхалъ въ Маріенбадъ вслѣдъ за знакомымъ ему польскимъ семействомъ Водзинскихъ, въ дочери которыхъ, Маріи, онъ питалъ нѣжное чувство, смѣшившее его прежнюю любовь къ Констанціи Гладковской, вышедшей въ Польшу замужъ еще четыре года назадъ. Въ Маріенбадѣ молодые люди объяснились и объявлены были женихомъ и невѣстой. Шопень рассчитывалъ послѣ свадьбы возвратиться въ Польшу и, поселившись въ деревнѣ, близъ Варшавы, всецѣло отдаться музыкальному творчеству. Съ этими надеждами, оставивъ невѣсту съ ея семьей въ Германіи, онъ возвратился въ Парижъ, по его предположенію только на короткое время, для устройства своихъ дѣлъ. Но скоро всѣ его розовыя мечты должны были обратиться въ ничто: въ Парижѣ онъ получилъ извѣстіе, что Марія Водзинская предпочла ему какого-то графа, за котораго и вышла замужъ.

Это событіе имѣло для Шопена весьма серьезныя послѣдствія. Обманутый въ своихъ лучшихъ надеждахъ на бракъ съ любимой дѣвушкой, онъ бросился въ отрывшіяся для него объятія Жоржъ-Сандъ, надѣясь найти въ нихъ вѣчный пріютъ для своего страдающаго сердца; но и въ отношеніяхъ своихъ къ знаменитой писательницѣ онъ встрѣтилъ едва ли не болѣе горя и страданій, чѣмъ радости и спокойствія.

Первое ихъ знакомство произошло на вечерѣ въ одномъ изъ аристократическихъ парижскихъ салоновъ. Шопень весь тотъ день провелъ въ полномъ одиночествѣ, въ самой тяжелой хандрѣ

¹⁾ F—dur, op. 38, посвященная Шуману.

и въ этомъ же настроеніи пріѣхалъ и на вечеръ. Когда большая часть гостей уже разѣхалась и остались только интимные друзья хозяйки дома, Шопенъ, чувствуя особенное расположеніе «разсказывать свои музыкальныя поэмь», сѣлъ за рояль и началъ импровизировать. Отдавшись вдохновенію, долго сидѣлъ онъ склонившись надъ клавишами, забывъ о присутствіи слушателей. Окончивъ импровизаціи, онъ поднялъ голову и увидѣлъ прямо противъ себя облокотившуюся на рояль, скромно одѣтую даму, которая, казалось, хотѣла заглянуть въ его душу своими черными, огненными глазами. Шопенъ чувствовалъ, что покраснѣлъ подъ вліяніемъ этихъ пытливыхъ взглядовъ; она слегка улыбнулась и, черезъ нѣсколько времени, когда Шопенъ сидѣлъ въ уединеніи, подойдя къ нему подъ руку съ Листомъ, заговорила съ нимъ о его игрѣ, а главное, о содержаніи его импровизаціи. Подъ обаяніемъ ея глубокаго, пріятнаго, звучнаго голоса, подъ вліяніемъ ея задушевной, поэтической рѣчи, Шопену казалось, что онъ былъ понятъ ею такъ, какъ еще никто не понималъ его. Это была Жоржъ-Сандъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этой встрѣчи, Шопенъ писалъ въ Варшаву: «Я познакомился съ очень знаменитою особою, мадамъ Авророю Дюдеванъ, извѣстною подъ именемъ Жоржъ-Сандъ; но ея лицо мнѣ не симпатично и совсѣмъ не понравилось; въ немъ даже есть что-то меня отталкивающее». Однако при дальнѣйшихъ встрѣчахъ, подъ впечатлѣніемъ ея увлекательныхъ разговоровъ и также, вѣроятно, подъ вліяніемъ явнаго расположенія къ нему Жоржъ-Сандъ, онъ пересталъ находить ее некрасивою. Скоро онъ началъ отвѣчать взаимностью и полюбилъ Жоржъ-Сандъ, если, быть можетъ, и не такъ страстно, какъ она его, но глубоко и искренно. Сознаніе быть любимымъ знаменитою французскою писательницею, слава которой была распространена по всей Европѣ, излечивало прежнія раны его сердца. Онъ болѣе не чувствовалъ себя одинокимъ, лишеннымъ отечества; въ Жоржъ-Сандъ онъ видѣлъ не только возлюбленную, но вѣрнаго, надежнаго, вполне сочувствующаго и понимающаго друга; въ ея чувствахъ онъ рассчитывалъ найти себѣ вѣчный пріютъ, замѣняющій утраченное отечество, пріютъ, котораго, казалось ему, не могли у него отнять никакіе удары судьбы.

Съ этого времени Шопенъ нѣсколько измѣнилъ свой образъ жизни; онъ рѣже бывалъ въ большихъ обществахъ и проводилъ время преимущественно дома за инструментомъ, за своими произведеніями и посреди небольшого круга наиболѣе близкихъ дру-

зей. Всегда разборчивый относительно окружающих его, онъ сдѣлался еще разборчивѣе; но тѣхъ, кого онъ считалъ своими искренними друзьями, онъ принималъ всегда съ большимъ радушіемъ и изысканною любезностью. Францъ Листъ въ своемъ сочиненіи ¹⁾ вспоминаетъ о чудесныхъ *soirées intimes* въ квартирѣ Шопена въ улицѣ *Chaussée-d'Antin* и описываетъ въ красивыхъ поэтическихъ выраженіяхъ одинъ изъ такихъ вечеровъ. Здѣсь чаще другихъ бывали у Шопена Мейерберъ, Листъ, Фердинандъ Гиллеръ, Гейнрихъ Гейне, Мицкевичъ, Альфредъ де-Мюссé (бывшій впоследствии, какъ извѣстно, въ интимныхъ отношеніяхъ съ Ж.-Сандъ), историкъ Нѣмцевичъ, живописцы-художники Делакруа и Ари Шефферъ, извѣстный оперный пѣвецъ Адольфъ Нурри, графиня д'Агу (*d'Agoult*), Жоржъ-Сандъ, баронъ фонъ Штокгаузенъ — посланникъ ганноверскаго короля въ Парижѣ, ученикъ Шопена, — наконецъ, товарищи его юности и соотечественники: Витвицкій, Матушинскій, Фонтана и Гржимала. Кто видѣлъ Шопена въ этомъ обществѣ, когда онъ со всѣмъ радушіемъ польскаго ховяина принималъ своихъ гостей, — пишетъ Карасовскій ²⁾, — кто былъ такъ счастливъ, что слышалъ его импровизаціи, тотъ только могъ сказать, что дѣйствительно зналъ Шопена. Искренній разговоръ въ небольшомъ кружкѣ друзей часто приводилъ его въ отличное расположеніе духа; иногда онъ бывалъ такимъ же веселымъ, какъ во времена своей ранней юности, когда, въ домѣ отца, онъ еще не зналъ никакихъ печалей; никакихъ жизненныхъ заботъ и огорченій.

Въ августѣ 1837 г. Шопенъ ѣздилъ на короткое время въ Лондонъ, выѣхавъ съ Плейелемъ, извѣстнымъ піанистомъ, и Станиславомъ Козыномъ, польскимъ писателемъ. Сохраняя строгое инкогнито, Шопенъ не игралъ публично. Мендельсонъ писалъ изъ Лондона въ сентябрѣ 1837 г.: «Шопенъ внезапно здѣсь появился; но онъ никого не посѣщалъ и не дѣлалъ никакихъ знакомствъ. Онъ игралъ, однажды вечеромъ, восхитительно хорошо у Broadwood и опять поспѣшно удался. Я слышалъ, что онъ очень страдаетъ».

Дѣйствительно, въ то время здоровье Шопена было далеко не въ хорошемъ состояніи и появились первые симптомы болѣзни горла. Озабоченные его плохимъ здоровьемъ друзья и доктора совѣтовали ему отправиться на нѣкоторое время въ южную Францію; но онъ остался въ Парижѣ, такъ какъ при его болѣз-

¹⁾ „Fr. Chopin“, par Liszt. Стр. 146—159.

²⁾ Fr. Chopin, стр. 264.

ненности и нервности всякая перемена жизни была ему весьма неприятна.

На слѣдующій годъ Шопеву сдѣлалось настолько хуже, что оставаться на зиму въ Парижѣ было уже опасно. Жоржъ-Сандъ уговорила его поѣхать вмѣстѣ съ нею и ея дѣтьми на островъ Маіорку, куда, по совѣту врачей, необходимо было вести и ея сына Мориса. Морское путешествіе Шопенъ перенесъ хорошо; но вскорѣ по пріѣздѣ на Маіорку, въ ноябрѣ 1838 г., онъ началъ сильно кашлять вслѣдствіе сырости и холода дома, въ которомъ они помѣстились въ г. Пальмѣ, и это повлекло за собою еще болѣе неприятныя послѣдствія. Жители острова Маіорки считаютъ всѣ грудныя болѣзни въ высшей степени заразительными; поэтому, какъ только обнаружился кашель Шопена, ему тотчасъ было отказано отъ квартиры и во всемъ городѣ не нашлось ни одного дома, куда бы согласились принять Жоржъ-Сандъ съ ея больнымъ. Послѣ долгихъ напрасныхъ поисковъ квартиры, пришлось помѣститься за городомъ, въ отдаленномъ монастырскомъ домикѣ, оставленномъ недавно монахами. Монастырь былъ расположенъ въ живописномъ ущельѣ, окруженномъ прекрасными померанцовыми деревьями; но въ заброшенномъ домикѣ не только нельзя было найти хотя какого-нибудь комфорта, а не было даже мебели. Къ довершенію всѣхъ неприятностей, зима въ томъ году стояла необыкновенно дождливая и до того холодная, что нѣсколько разъ выпадалъ снѣгъ,—явленіе на Маіоркѣ весьма рѣдкое. Наши путешественники, и особенно Шопенъ, сильно страдали отъ холода и различныхъ неудобствъ, пока не были доставлены выписанныя изъ Марсели необходимыя вещи, въ томъ числѣ печь и фортепіано. Между тѣмъ здоровье Шопена становилось все хуже и хуже. Плохіе доктора предписывали ему кровопусканія, строгую діету и молочное леченіе. Первое же кровопусканіе такъ изнурило его, что Жоржъ-Сандъ рѣшительно воспротивилась дальнѣйшимъ экспериментамъ въ этомъ же родѣ, чѣмъ, быть можетъ, спасла его тогда отъ немедленной смерти. Молочное леченіе также не могло принести пользы; коровъ на Маіоркѣ не было, а козьяго молока Шопенъ не выносилъ. «Бѣдный великій художникъ! Порой его трудно было лечить»,—вспоминаетъ Жоржъ-Сандъ въ своихъ запискахъ ¹⁾. «Къ сожалѣнію случилось именно то, чего я опасалась: онъ совсѣмъ потерялъ терпѣніе. Физическія страданія онъ переносилъ мужественно; но не былъ въ состояніи бороться про-

¹⁾ „Histoire de ma vie“. Paris, 1875.

тивъ своего всегда безпокойнаго воображенія. Ему казалось, что монастырь, въ которомъ мы помѣстились, былъ наполненъ духами и привидѣніями и эти фантастическія представленія мучили его больше, чѣмъ грудныя страданія. Онъ старался скрывать отъ насъ то, что его безпокоило, но мы скоро догадались. Однажды вечеромъ, часовъ около 10-ти, возвращаясь съ дѣтьми домой, послѣ осмотра развалинъ монастыря, я застала Шопена за фортепіано. Его глаза блуждали, волосы стояли дыбомъ и прошло нѣсколько секундъ, прежде чѣмъ онъ насъ узналъ. Онъ принудилъ себя улыбнуться, продолжалъ играть; въ короткое время его одиночества и унынія имъ овладѣли, противъ его воли, цѣлыя массы демоническихъ идей».

Жизнь на Маіоркѣ, при отсутствіи комфорта, которымъ былъ избалованъ Шопень и безъ котораго не могъ обходиться, была ему ненавистна съ первыхъ же дней по пріѣздѣ; но состояніе его здоровья не допускало немедленнаго возвращенія во Францію. Южная природа, по словамъ Жоржъ-Сандъ, производила на него тяжелое впечатлѣніе. Пронзительный крикъ голоднаго орла на скалахъ Маіорки, свистъ бури въ ущельяхъ и мрачная неподвижность покрытыхъ снѣгомъ горныхъ вершинъ навѣвали на него печальныя фантазіи, рѣдко смягчаемыя прелестями южнаго климата. При такихъ обстоятельствахъ нервы его находились въ постоянномъ возбужденіи; онъ былъ раздражителенъ и часто не было никакого соотношенія между степенью раздраженія и причиною, вызвавшей это раздраженіе. Печальное состояніе своего здоровья онъ выносилъ съ геройскимъ мужествомъ и терпѣніемъ, дѣйствительныя опасности его не пугали, но онъ, какъ и всѣ нервные люди съ богатой фантазіей, мучилъ себя мрачными мыслями, не имѣющими никакого основанія.

«Наше пребываніе въ развалинахъ монастыря, — пишетъ Жоржъ Сандъ, — было для Шопена мѣлой, а для меня трудной задачей. Какъ пріятель, любезенъ и веселъ бывалъ онъ въ обществѣ и какимъ унылымъ и прихотливымъ выказывался онъ часто относительно самыхъ близкихъ къ нему, которыхъ могъ довести почти до отчаянія. Я не знала никого, чей характеръ былъ бы такъ благороденъ, деликатенъ и чуждъ эгоизма. Какъ другъ, онъ былъ вѣренъ и справедливъ; его остроуміе, въ свѣтлыя минуты, часто превосходило остроумнѣйшія замѣчанія самыхъ замѣчательныхъ людей; его сужденія о вещахъ, которыя онъ понималъ основательно, были такъ вѣрны и точны, что оспаривать ихъ нѣчто не могъ. За-то рѣдко у него бывали столь удивительныя и разнообразныя причуды и такое неисчер-

паемое воображеніе какъ у Шопена. Однако, причины многихъ его странностей заключались въ его болѣзни. Упавшій листокъ розы, тѣнь пролетѣвшаго жука производили на него иногда такое же дѣйствіе, какъ прикосновеніе раскаленнаго желѣза. Только я и мои дѣти были ему пріятны, все прочее подъ южнымъ небомъ казалось ему невыносимымъ».

Не смотря на физическія страданія, Шопенъ, изливавшій всѣ свои мысли, всѣ свои горести въ музыкальныхъ произведеніяхъ, не переставалъ писать и во время пребыванія на Майоркѣ. «Въ нашемъ монастырѣ,—пишетъ Жоржъ Сандъ,—онъ написалъ прекраснѣйшія, коротенькія, музыкальныя пьесы подъ заглавіемъ «Préludes». Это настоящіе перлы искусства! Нѣкоторые изъ нихъ производятъ такое глубокое впечатлѣніе, что слушателю кажется, что онъ видитъ собственными глазами тѣни умершихъ монаховъ и всю торжественную мрачную погребальную процессію¹⁾. Другія, полныя прелести и меланхоліи, освѣщенные цвѣтущими надеждами на возвращеніе здоровья, блещутъ огнемъ вдохновенія. Когда до его слуха доносился смѣхъ играющихъ передъ нимъ дѣтей, или отдаленный звукъ гитары, щебетанье птицъ, качающихся на влажныхъ вѣтвяхъ деревьевъ, или когда маленькія блѣдныя розы нашего монастырскаго сада, выглядывая изъ-подъ снѣга, ласкали его зрѣніе, тогда въ его душѣ пробуждались мелодіи неописанной нѣжности и граціи; но многія изъ нихъ полны такого тяжелаго горя, что слушая ихъ, ощущаешь наслажденіе и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣзненное чувство. Это я говорю особенно объ одной прелюдіи, производящей такое сильное впечатлѣніе, что доводитъ настроеніе духа слушателя почти до отчаянія». Жоржъ Сандъ рассказываетъ, что эту прелюдію Шопенъ написалъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Однажды она съ своимъ сыномъ отправилась въ городъ за необходимыми покупками; на возвратномъ пути ихъ застигла страшная буря, подвергавшая ихъ большой опасности и они могли возвратиться домой только въ полночь. Шопенъ, долго не видя ихъ, думалъ, что они уже погибли и пришелъ въ совершенное отчаяніе, и въ этомъ настроеніи написалъ свою прелюдію. Онъ рассказывалъ, что, оставаясь долго одинъ со своими мрачными мыслями, онъ впалъ въ такое состояніе, что не могъ отличить грѣзъ отъ дѣйствительности и, находясь какъ бы въ оцѣпенѣніи, играя на фортепіано, ему казалось, что онъ лежалъ на днѣ моря и чув-

¹⁾ Напр. средняя часть прелюдіи № 15, Des-dur (op. 28).

ствоваѣ, какъ холодныя ванны, съ равномерностью такта, надали ему на грудь.

Относительно точнаго опредѣленія, въ которой именно изъ двадцати-четырехъ шопеновскихъ прелюдій относится только-что переданный разсказъ, существуетъ полное разногласіе. Карасовскій указываетъ на прелюдію H-moll, Клевинскій ¹⁾ на прелюдію Des-dur, наконецъ, Листъ, — на прелюдію Fis-moll ²⁾, и это наиболее правдоподобно. Объ этой прелюдіи Листъ говоритъ, что «Шопень часто игралъ ее въ присутствіи Жоржъ-Сандъ, но она не понимала выраженныхъ въ этой пьесѣ душевныхъ страданій, и если бы даже отгадала, то умышленно не поняла бы, каковъ міръ любви открываютъ ей эти страданія, потому что она не могла ни знать, ни раздѣлять, ни понимать, ни уважать такую любовь! Въ этомъ обстоятельствѣ проявляется все, что есть наиболее несовѣстимаго, діаметрально противоположнаго, тайно антипатичнаго между двумя натурами, соединившимися по влеченію внезапному и искусственному. Его сердце изнывало и разрывалось при мысли лишиться той, которая возвращала его къ жизни, а она въ своихъ отношеніяхъ къ нему видѣла только пріятное развлеченіе. Не удивительно поэтому, что прелюдія Fis-moll представляетъ единственный (?) эпизодъ изъ французской жизни Шопена, отразившійся въ его произведеніяхъ. Послѣ того онъ отличалъ въ своемъ существованіи двѣ различныя стороны. Онъ продолжалъ долго страдать въ средѣ слишкомъ реальной, почти грубой, для его слабаго и чувствительнаго темперамента, и удалялся отъ дѣйствительности въ неосознаемыя сферы искусства, углубляясь въ воспоминанія о своей первой юности, о своей дорогой Польнѣ, которую одну онъ обезсмертилъ въ своихъ произведеніяхъ» ³⁾.

Весной 1839 г. Шопень и Жоржъ-Сандъ уѣхали съ Майорки въ Барселону и оттуда въ Марсель, гдѣ Шопень узналъ о внезапной и ужасной смерти своего друга Адольфа Нурри ⁴⁾. Въ тотъ самый день, какъ путешественники высадились на берегъ въ Марсели, назначена была панихида по Нурри; узнавъ объ этомъ, Шопень тотчасъ отправился въ церковь, игралъ на ор-

¹⁾ Chopin. De l'interprétation de ses oeuvres, par J. Kleczynski. Paris, 1880.

²⁾ Fr. Chopin par Liszt, стр. 273.

³⁾ Тамъ же, стр. 274—275.

⁴⁾ Ад. Нурри, знаменитый въ свое время теноръ, род. въ Монпелье въ 1802 г. и умеръ въ Неаполѣ 8 марта 1839 г., выбросившись изъ окна, подлѣ вліяніемъ отчаянія, что не можетъ имѣть на сценѣ того же успѣха, какъ прежде.

ганъ во время нанихиды и импровизировалъ въ память своего погибшаго друга.

Лѣто этого года, точно такъ же какъ и слѣдующихъ годовъ, Шопенъ провелъ въ имѣніи Жоржъ-Сандъ, Ноанъ, и осенью возвратился въ Парижъ, если не совершенно выздоровѣвшій, то настолько подкрѣпленный, что могъ приняться за свои обычные занятія. Сначала онъ поселился въ rue Tronchet, но скоро переѣхалъ на quai d'Orléans, въ павильонъ дома, въ которомъ жила Жоржъ-Сандъ. «Шопенъ былъ очень доволенъ, — говоритъ Жоржъ-Сандъ, — что у него былъ салонъ, гдѣ онъ могъ играть и фантазировать; онъ любилъ, чтобы въ этомъ салонѣ собиралось общество и тамъ же давалъ уроки. Сочинялъ онъ только въ Ноанѣ». Друзья и ученики Шопена съ радостью привѣтствовали его возвращеніе и привезенныя имъ прелюдіи и другія новыя произведенія, какъ-то: *Second Impromptu* (op. 36), два ноктюрна (op. 37), скерцо *Cis-moll* (op. 39), два полонеза (op. 40), четыре мазурки (op. 41), вальсъ (op. 42), тарантеллу (op. 43) и проч.

Нѣсколько поправившееся здоровье Шопена опять начало разстраиваться въ Парижѣ. Образъ его жизни, при массѣ знакомствъ и постоянныхъ выѣздахъ на вечера, откуда онъ возвращался поздно ночью, противорѣчилъ предписаніямъ врачей и приводилъ въ печальнымъ результатамъ. Съ 1840 г. симптомы чахотки не оставляли больше никакого сомнѣнія. Шопенъ страдалъ отсутствіемъ сна и во время мучительныхъ бессонныхъ ночей имъ овладѣвали живыя, вѣчно смѣняющіяся, болѣею частию мрачныя фантазіи. Ежегодныя лѣтнія пребыванія въ Ноанѣ приносили ему нѣкоторое облегченіе; но зима опять разрушала благотворное дѣйствіе лѣтнихъ мѣсяцевъ. Его состояніе ухудшилось еще болѣе, когда въ маѣ 1844 г. онъ получилъ извѣстіе о смерти отца; онъ былъ такъ опечаленъ и пораженъ этимъ извѣстіемъ, что не могъ написать письма своей матери, и Жоржъ-Сандъ вынуждена была принять на себя этотъ печальный трудъ. Въ своемъ письмѣ она старалась успокоить мать Шопена относительно состоянія здоровья сына и писала, между прочимъ, слѣдующее: «Моя симпатія, какъ бы искренна она ни была, не можетъ облегчить ужасный ударъ вашей тяжелой потери; но, сказавъ, что я посвящаю мои дни вашему сыну, на котораго я смотрю, какъ на своего собственнаго, я знаю, что съ этой стороны могу принести вамъ нѣкоторое спокойствіе духа. Вотъ почему я позволила себѣ написать вамъ, чтобы выразить свою глубокую пре-

данность къ вамъ, какъ къ обожаемой матери моего самого дорогого друга».

Вскорѣ послѣ утраты отца Шопень едва ли менѣе былъ опечаленъ смертью своего лучшаго друга въ Парижѣ — Матушинскаго ¹⁾. Всѣ эти обстоятельства чрезвычайно разстроили нервную систему Шопена и еще болѣе усиливали его болѣзнь. Кашель сдѣлался упорнымъ и по нѣкоторымъ днямъ большой чувствовалъ такой упадокъ силъ, что если отправлялся куда-нибудь, то не могъ подниматься по лѣстницѣ и его должны были вносить на рукахъ.

Такъ прошло около трехъ лѣтъ. Въ теченіе этого времени Шопень не могъ не замѣчать постепеннаго охлажденія къ нему Жоржъ-Сандъ; гордость подсказывала ему, что имъ слѣдовало разойтись, но нравственное чувство и убѣжденія Шопена противились этому разрыву. Нерѣдко Шопень таготился неправильными отношеніями къ Жоржъ-Сандъ, какъ несогласными съ его принципами; онъ былъ бы радъ побороться съ нею и утѣшалъ себя мыслью, что ихъ союзъ былъ освященъ ихъ взаимною искренностью и постоянствомъ. Поэтому онъ не допускалъ идеи о разрывѣ и терпѣливо сносилъ разныя мелкія непріятности, болѣзненно отзывавшіяся на его впечатлительной натурѣ. Вскорѣ эти натянутыя отношенія приняли болѣе серьезный характеръ. Жоржъ-Сандъ написала романъ «*Lucrezia Floriani*», въ содержаніи котораго трудно было не видѣть исторіи отношеній Шопена къ Жоржъ-Сандъ, хотя нѣсколько и въ измѣненномъ видѣ. Въ этомъ романѣ Шопень изображенъ въ лицѣ князя Карла, какъ человѣкъ съ характеромъ благороднымъ и симпатичнымъ, но болѣзненный, нервный, ревнивый, гордый, проникнутый крайними аристократическими убѣжденіями и привычками. Героиня романа, Лукреція, знаменитая художница, женщина уже не молодая, отвѣчая на страстную любовь князя Карла, приноситъ себя ему въ жертву; она мученически переноситъ его несправедливости, капризы и ревность и хотя, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ постоянныхъ терзаній, она уже перестала его любить, но остается вѣрна своей клятвѣ принадлежать ему до гроба. Наконецъ, нравственные мученія истощаютъ ея силы и она умираетъ.

Былъ ли этотъ романъ плодомъ творчества Жоржъ-Сандъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ переживаемыхъ ею личныхъ впечатлѣній, или онъ былъ написанъ съ умысломъ дать понять

¹⁾ Товарищъ Шопена по варшавскому лицей, медикъ, получившій специальное образованіе и постоянно жившій въ Парижѣ.

Шопену ненормальность ихъ отношеній, во всякомъ случаѣ романтическая исторія Лукреціи и князя Карла была поразительно похожа на многое изъ пережитого Шопеномъ въ послѣдніе годы и никто не могъ чувствовать и понимать это сходство такъ, какъ онъ самъ. Карасовскій сообщаетъ, что въ Парижѣ ходили разговоры о той утонченной жестокости, съ которой были передаваемы Шопену корректурные листки этого романа, съ просьбой исправить опечатки; тотъ же біографъ передаетъ какъ фактъ, что дѣти Жоржъ-Сандъ, указывая на романъ, говорили Шопену: «Знаете ли, что подъ княземъ Карломъ подразумѣвается вы?» Многіе, знавшіе и не знавшіе частности отношеній Шопена и Жоржъ-Сандъ, жестоко осуждали писательницу за ея романъ. Она оправдывалась въ своей «Histoire de ma vie», утверждая, что ей приписываютъ цѣли, которыхъ она въ виду не имѣла, и указывая, что князь Карлъ въ ея романѣ такъ мало доходилъ на Шопена, что гениальный художникъ, ежедневно читавшій ея рукопись, лежавшую на ея письменномъ столѣ, не смотря на всю свою недовѣрчивость, не могъ находить сходства между собою и вымышленною личностью князя Карла, и въ послѣдствіи повѣрилъ искаженнымъ рассказамъ ея враговъ, которые были въ числѣ друзей Шопена и старались убѣдить его, что этотъ романъ былъ предназначенъ для изображенія ихъ взаимныхъ отношеній.

Какъ бы то ни было, но романъ «Лукреція Флоріани» глубоко оскорбилъ Шопена; но и при этомъ онъ не желалъ разрыва, говоря своимъ друзьямъ, что если онъ фактически разошелся съ Жоржъ-Сандъ, то этимъ самымъ придастъ роману характеръ очевидной дѣйствительности, и оставался жить съ Жоржъ-Сандъ, замыкаясь въ себѣ все болѣе и болѣе. Наконецъ, въ началѣ 1847 г., послѣ горячей, бурной сцены, невиннымъ поводомъ къ которой былъ одинъ изъ дѣтей Жоржъ-Сандъ, разрывъ сдѣлался неизбежнымъ, и Шопенъ въ тотъ же день переехалъ на другую квартиру. Это такъ сильно на него повлияло, что врачи серьезно опасались за его жизнь. Одинъ изъ лучшихъ его друзей и вмѣстѣ любимый его ученикъ Гутманъ окружилъ его заботливыми попеченіями; Шопенъ поправился, но по наружности измѣнился до неузнаваемости.

Черезъ годъ съ небольшимъ, въ концѣ марта 1848 г., Шопенъ случайно встрѣтился съ Жоржъ-Сандъ на вечерѣ въ одномъ изъ домовъ, гдѣ онъ бывалъ часто и охотно. За нѣсколько времени до его прихода, въ собравшемся обществѣ шелъ разговоръ о пребываніи его въ Ноанѣ, и высказано было мнѣніе, что во многихъ произведеніяхъ Жоржъ-Сандъ вѣетъ духъ Шопена. Одна

изъ присутствующихъ дамъ рассказывала, что Жоржъ-Сандъ, какъ и всѣ вообще писатели съ живою фантазіею, нерѣдко терала терпѣніе при своихъ работахъ; въ такихъ случаяхъ она просила Шопена играть на роялѣ и, подъ впечатлѣніемъ его импровизаций, успѣнно продолжала прерванную работу. Въ это время въ гостиную входила Жоржъ-Сандъ; она слышала послѣдній рассказъ, который сильно ее изволновалъ; незамѣтно скрывшись въ удаленный уголокъ, она просидѣла около часу въ одиночествѣ, погруженная въ свои думы и воспоминанія. Между тѣмъ гости прибывали; пришелъ и Шопень. Жоржъ-Сандъ пошла къ нему навстрѣчу съ протянутой рукой: «Фредерикъ!» проскользнуло едва слышно изъ ея устъ. Смертная блѣдность покрыла исхудавшее, но все еще привлекательное лицо Шопена. На одно мгновеніе его мягкій взглядъ встрѣтился съ ея черными, влажными отъ слезъ глазами, вопросительно устремленными на него; затѣмъ онъ отошелъ и молча вышелъ изъ гостиной. Это была ихъ послѣдняя встрѣча.

Въ концѣ апрѣля Шопень уѣхалъ въ Англію. Послѣ февральской революціи, лишившей престола Луи-Филиппа, въ которому, какъ и ко всей орлеанской фамиліи, Шопень былъ лично расположенъ; пребываніе въ Парижѣ сдѣлалось ему не-пріятнымъ. Одно время онъ надѣялся, что революція можетъ быть полезна Польшѣ, которую онъ любилъ съ такимъ же увлеченіемъ какъ и прежде, когда, еще юношей, въ Варшавѣ, онъ перекладывалъ на музыку патріотическія польскія пѣсни; но когда онъ убѣдился, что охватившее западную Европу политическое движеніе не принесло его отечеству ни свободы, ни самостоятельности, онъ пересталъ думать о политикѣ, и рѣшилъ съѣздить въ Лондонъ, чтобы разсѣяться отъ всѣхъ пережитыхъ не-пріятностей. Задумавъ свою поѣздку, Шопень захотѣлъ дать въ Парижѣ прощальный концертъ. Въ періодъ времени съ 1834 по 1848 г. онъ далъ только одинъ большой концертъ (21 февраля 1842 года) при участіи г-жи Віардо - Гарсія и виолончелиста Франшома. Въ этомъ концертѣ онъ игралъ свои произведенія: балладу (As-dur), прелюдію (Des-dur), Impromptu (Ges-dur), ноктюрнъ (Des-dur), три этюда и три мазурки; но и этотъ концертъ произвелъ на массу публики не большее впечатлѣніе, чѣмъ его концертъ въ 1834 г., въ Théâtre Italien. Въмѣсто большихъ концертовъ онъ почти каждый годъ устраивалъ въ залѣ Плейеля музыкальные сеансы, на которыхъ игралъ всегда одинъ; билетъ для входа на такіе сеансы стоилъ 20 франковъ. Прощальный

концертъ Шопена, передъ его отъѣздомъ въ Лондонъ, состоялся также въ залѣ Плейеля, 16 февраля 1848 г.; Шопенъ игралъ съ Алларомъ и Франшомомъ тріо Моцарта, затѣмъ свою сонату для фортепіано и віолончеля (ор. 65) и нѣсколько своихъ же фортепіанныхъ вещей: этюды, прелюдіи, мазурки и проч. Этотъ концертъ былъ настоящимъ триумфомъ Шопена; публика устроила ему такую овацію и выразила столько горячаго сочувствія, что онъ былъ глубоко растроганъ; но это былъ его послѣдній триумфъ въ Парижѣ.

II. ТРИОМОНЪ.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА

1775—76 гг.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ ¹⁾.

„Ни малѣйшаго сумнѣнія,—она авантюра“.
Письмо Екатерины II.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Дневникъ лейтенанта Концова.

I.

Май, 1775.—Атлант. ок., фрегатъ „Сѣверный Орелъ“.

...Трое сутокъ не смолкала буря. Нашъ фрегатъ «Сѣверный Орелъ» за Гибралтаромъ. Онъ безъ руля, съ частью оборванныхъ парусовъ, несется къ юго-западу.

Ночь. Вѣтеръ стихъ, волны улегаются. Сдавъ вахту, я заперся въ каютѣ. Трепало такъ, что писать было невозможно. Теперь рѣшаюсь все изложить. Теченіемъ насъ уносить далѣе. Куда прибудемъ, что будетъ съ нами?

То, что успѣю записать изъ видѣннаго и испытаннаго, засмолю въ бутылку и брошу въ море. А васъ, нашедшихъ, молю отправить по надписи.

¹⁾ Эта повѣсть составляетъ отчасти продолженіе историческаго романа того же автора: „Мирѡнитъ“—помѣщеннаго въ 1879 г. въ „Вѣстникѣ Европы“, а потому читатели встрѣтятъ въ ней нѣсколько личностей, уже знакомыхъ имъ по упомянутому роману.—*Ред.*

Боже-Вседержитель! дай памяти, умудри, облегчи болящую, истерзанную сомнѣніями душу...

Я—морякъ, Павелъ Евстафьевичъ Концовъ, офицеръ флота ея величества, всероссійской императрицы Екатерины Второй, пять лѣтъ тому назадъ, божьимъ изволеніемъ, удостоился особаго отличія въ битвѣ при знаменитой Чесмѣ.

Всему свѣту навѣстно, какъ наши храбрые товарищи, лейтенанты Ильинъ и Клокачевъ, съ четырьмя брандерами, на-скоро снаряженными изъ греческихъ лодокъ, въ полночь 26 іюня 1770 года, отважно двинулись къ турецкому флоту при Чесмѣ и послужили въ его истребленію.

И мнѣ, смиренному, удалось въ то время—прикрывая брандеры,—въ темнотѣ, съ корабля Януарія, лично бросить во врага первый каленый брандскугелъ. Отъ брандскугеля, попавшаго въ пороховую камеру, вспыхнулъ и взлетѣлъ на воздухъ адмиральскій турецкій корабль, а отъ наспѣвшихъ брандеровъ загорѣлся и весь непріятельскій флотъ. Къ утру изъ сотни грозныхъ, шестидесяти и девяносто-пушечныхъ, вражьихъ кораблей, фрегатовъ, галютовъ и галеръ,—не осталось ничего. Плавали одни догоравшіе обломки, трупы и разрушенная корабельная снасть. Нашъ подвигъ воспѣтъ, въ одѣ на чесменскій бой, преславный поэтъ Херасковъ, гдѣ и мнѣ, незнаемому свѣтомъ, посвящены въ добавленіи сіи громкія и вдохновенныя строки:

«Вручаетъ слава вѣтъ, вручаетъ вѣтъ лаврову

«Видящему смерть въ турецкій флотъ Концову.»

Оныя стихи твердили всѣ наизусть. Хотя бывшіе въ нашей службѣ на брандерахъ англичане, какъ Мавензи и Дугдалъ, главнѣйше приписывали себѣ славу чесменской битвы, но я насъ начальство отмѣнно выискала и отличило. При томъ и я былъ удостоенъ чиномъ лейтенанта и взятъ въ генеральска-адъютанты въ самому побѣдителю морскихъ турецкихъ силъ при Чесмѣ, къ графу Алексію Григорьевичу Орлову.

На службѣ мнѣ везло, жилось вообще хорошо. Но страшный рокъ иногда преслѣдуетъ людей.

Судьба отвернулась отъ меня, статья можетъ, за поспѣшное, хотя вынужденное удаленіе съ родины.

Мы радостно жили, на славныхъ чесменскихъ лаврахъ, превознесены и чествуемы всюду — французами, венеціанами,

испанцами и иныхъ націй людьми. И вдругъ мнѣ, бѣглому, выпалъ новый неожиданный и тяжкій искусъ.

Война еще длилась. Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, послѣ шумныхъ битвъ, живя въ удовольствіи на покой, при флотѣ, говаривалъ: «Я такъ счастливъ, такъ, будто взять, аки Евохъ, живой на небо».

Это онъ такъ только говорилъ, а неукротимыми, и смѣлыми мыслями не переставалъ парить высоко, съ тѣхъ поръ, какъ нѣкогда пособилъ Екатеринѣ взойти на престолъ.

Однажды, плывая съ эскадрой въ Адриатикѣ, онъ послалъ меня для одной тайной развѣдки къ славнымъ и храбрымъ жителямъ Черной горы. Это было въ 1773 году.

Лазутчики все ловко и умненько устроили. Я бережно въ ночной темнотѣ высадился, снесъ что надо на берегъ и переговаривалъ. А на обратномъ пути, въ морѣ, насъ примѣтила и помчалась за нами сторожевая турецкая кочерма.

Мы долго отстрѣливались. Нашихъ матросовъ убили; я, тяжело раненный въ плечо, былъ найденъ на днѣ катера, взятъ въ плѣнъ и отвезенъ въ Стамбулъ.

Во мнѣ, хотя переодѣтомъ въ албанскій нарядъ, угадали русскаго моряка и сперва очень уваживали за мной, очевидно, рассчитывая на хорошій выкупъ. «Ну, какъ дознаются,—думалъ я:—что ихъ плѣнникъ, тотъ самый лейтенантъ Концовъ, отъ бригадскаго котораго зажегся и влетѣлъ на воздухъ подъ Чесмой ихъ главный адмиральскій корабль? что станетъ тогда со мной!»

II.

Я пробылъ въ плѣну около двухъ лѣтъ. Насталъ 1775 годъ.

Въ началѣ меня держали въ заперти, въ какой-то пристройкѣ Эдикуля, семибашеннаго замка, потомъ въ цѣпяхъ, при одной изъ трехсотъ стамбульскихъ мечетей. Дошелъ ли туда, на самомъ дѣлѣ, слухъ, что въ числѣ плѣнныхъ у нихъ находился Концовъ, или турки, потерявъ надежду на мой выкупъ, рѣшили воспользоваться моими свѣдѣніями и способностями, только они затѣяли склонить меня къ исламу.

Мечеть, гдѣ я содержался, была на берегу Босфора. Изъ-за желѣзной, оконной рѣшетки виднѣлось море. Лодки сновали у берега. Навѣщавшій меня мулла былъ родомъ славянинъ, болгаринъ изъ Габрова. Мы другъ друга вскорѣ стали понимать безъ труда. Онъ началъ стороною наставлять меня въ турецкой

вѣрѣ; хвалилъ мусульманскіе обычаи, нравы, превозносилъ могущество и славу Падишаха. Возмущенный этимъ, я упорно молчалъ, потомъ сталъ спорить. Чтобъ расположить меня къ себѣ и къ вѣрѣ, которую онъ такъ хвалилъ, мулла исклоноталъ мнѣ лучшее помѣщеніе и продовольствіе.

Меня перевели въ нижнюю часть мечети, при которой онъ состоялъ, начали давать мнѣ табакъ, всякія сласти и вино. Цѣпей съ меня, однако, не снимали. Самъ вѣроотступникъ, учитель мой, по закону Магомета, не пилъ, но усердно соблазнялъ меня и манилъ: «прими исламъ, будетъ тебѣ вотъ какъ хорошо; цѣпи снимутъ; смотри, сколько кораблей; поступишь на службу, будешь у насъ капитаномъ-пашей»...

Я лежалъ на циновкѣ, не дотрогиваясь до предлагаемыхъ соблазновъ и почти не слушая его. Мои мыслямъ представлялась брошенная родина. Я перебиралъ въ умѣ друзей, близкихъ, улетѣвшее счастье. Сердце разрывалось, душа изнывала отъ невѣдѣнности и тоски по родинѣ. О, какъ мнѣ памятливы часы того тяжелаго рокового раздумья!

Какъ теперь соображаю, я тогда вспоминалъ нашъ тихій, далекій, украинскій поселокъ, родовую Концовку. Я сиротой, въ офицерскомъ чинѣ, прибылъ изъ петербургскихъ, морскихъ классовъ на побывку къ бабушкѣ. Ее звали Аграфеной Власьевной и тоже Концовой. У бабушки, по близости города Батурина, были богатые сосѣди по деревнѣ, Ракитины, отставной бригадиръ-вдовецъ Левъ Иракліевичъ и его дочка Ирина Львовна.

То да сѣ, ѣзда въ ракинскую церковь, потомъ въ тамошнія хоромы, свиданія, прогулки, ну—молодые и полюбились другъ другу. Мои чувства къ Ракитной были страстны, неудержимы. Ирѣнь, пѣлнтельная, смуглая и съ пышными, черными волосами, стала для меня жизнью, божествомъ, на которое я день и ночь молился. Мы объяснились, сблизились, невѣдомо для другихъ. Боже, что это были за мгновенія, что за бесѣды, клятвы! Началась пересылка страстныхъ грамотокъ. Я всегда любилъ музыку. Ирѣнь дивно играла на клавинордахъ и пѣла изъ Глюка, Баха и Генделя. Мы видѣлись часто. Такъ тянулось лѣто. Дорогіе, памятные дни! Одно изъ моихъ писемъ къ Ирѣню по несчастной случайности попалось въ руки ея отца. Былъ ли Ракитинъ къ дочкѣ не въ мѣру строгъ и суровъ, уговорилъ ли ее отказаться отъ меня, промѣнявъ преданнаго и вѣрнаго ей человѣка на иного... только горько, тяжело о томъ и вспомнить.

Была осень и, какъ теперь помню, праздникъ. Мы собира-

лись въ ракетинскую церковь. Кто-то вѣхалъ къ намъ во дворъ. Разраженный, ливрейный лакей подалъ бабушкѣ привезенный имъ отъ Ракетинныхъ, запечатанный пакетъ. Сердце мое такъ и юкнуло. Предчувствіе сбылось. Бабушкѣ относительно меня былъ присланъ точный и безповоротный отказъ. «Простите, молъ, матушка, Аграфена Власьева, вашъ Павелъ Евстафьевичъ всѣмъ достоинъ, всѣмъ хорошъ и пригожъ,—писалъ бригадиръ Ракетинъ:—но моей дочери, извиняте, онъ не пара и напрасно съ ней пересылается объясненіями. Пусть не гнѣвается, а мы ему были и будемъ, кромѣ означеннаго, друзьями и желаемъ вашему крестнику и внуку найти сто кратъ лучшую и достойнѣе его».

Сразило меня это письмо. Померкъ свѣтъ въ глазахъ. Вижу—пресѣхлось дорогое, чаемое счастье. Гордецы, богачи, собственники Разумовскихъ, Ракетины безъ жалости презрѣли небогатаго, хоть и коренного, можетъ быть, древнѣе ихъ дворянина. Спѣсь и знатность родства, близкаго ко двору бывшей императрицы, взяли верхъ надъ сердцемъ. И прежде было слышно, что отецъ Ариши прочилъ свою дочь во фрейлины, въ высшій свѣтъ. «Богъ съ нимъ!»—твердилъ я, какъ безумный, ходя по нѣкогда привѣтливимъ, нынѣ мнѣ опостылымъ свѣтлицамъ бабушки.

Велѣлъ я осѣдлать коня, бросился съ отчаянія въ степь, проскакалъ къ лѣсу, граничившему съ ракетинской усадьбой, и носился тамъ по полямъ и опушкѣ, какъ тронувшійся въ умѣ. День былъ пасмурный, срывался мелкій дождь, вѣтеръ шумѣлъ въ деревьяхъ. Поля были пусты. Къ ночи я подвязалъ коня къ дереву и садомъ изъ лѣса подошелъ къ окнамъ Аришиной комнаты. Что я перечувствовалъ въ тѣ мгновенія! Помню, мнѣ казалось—стоить только дать ей знать, и она бросится ко мнѣ, мы уйдемъ на край свѣта. Безумецъ, я надѣялся ее видѣть, съ нею обмѣняться мыслями, наболѣвшимъ горемъ.—«Брось отца, брось его,—шепталъ я, вглядываясь въ окна:—онъ не жалѣетъ, не любить тебя».—Но тщетно: окна были темны и нигдѣ въ Смоленскѣ домъ не было слышно людского говора, не сказывалось жизни. Двѣ слѣдующихъ ночи я снова пробирался садомъ къ дому, сторожилъ у знакомой горенки, откуда прежде она подавала мнѣ руку, бросала письма, не выглянуть ли Ирѣнѣ, не сообщить ли о себѣ какой вѣсти. Посылалъ ей тайно и письмо—отвѣта не было. Въ одну ночь я даже рѣшилъ убить себя у окна Ирѣнѣ, ухватился даже за пистолетъ.

«Нѣтъ,—рѣшилъ я тогда: зачѣмъ такая жертва? Быть можетъ, она промѣняла меня на другого. Подожду, узнаю; мо-

жить быть и впрямь нашелся счастливый соперникъ». Послѣ я узналъ, да уже поздно, что Ракитинъ, написавъ мнѣ отъѣздъ, увезъ дочку въ дальнее помѣстье своихъ родныхъ, куда-то на Оку, гдѣ нѣкоторое время ее держалъ подъ строгимъ приглядомъ.

III.

Бабушку не менѣе меня сразило мое положеніе. Она, спустя недѣлю, призвала меня и объявила: «Твой риваль тобою утаданъ; это дальний родичъ Ракитиныхъ, князь и камергеръ. Я узнала стороной, Павлинька, его нарочито выписали, онъ у нихъ гостилъ во время твоихъ исканій и помогъ имъ уѣхать безъ слѣда. Забудь, монъ-анжъ, Ирѣну; она, очевидно, въ багюшку,—гордичка; утѣшишься, дастъ Богъ, съ другою!»

Я самъ былъ обидчивъ и горячъ.—«Бабушка права,—мыслилъ я, рѣшаясь все бросить и забыть:—если бы Ирѣнъ была съ сердцемъ, она нашла бы случай написать мнѣ хотя бы строку.»

Помню одну ночь, когда я у себя нашелъ добытый у одного любителя, переписанный для Ирѣнъ и ей неотданный гимнъ изъ Ифигеніи, новой и тогда еще не игранный оперы Глюка. Я со слезами съжегъ его.

Послѣ долгихъ душевныхъ страданій и отчаянія, я уѣхалъ изъ родныхъ мѣстъ. Прощаніе съ бабушкой было трогательное. Оба мы какъ бы предчувствовали, что болѣе не увидимся.

Аграфена Власьева въ тотъ же годъ, безъ меня, простудилась, говѣя въ ближнемъ монастырѣ, не долго хворала и умерла. Я остался на свѣтѣ одинокъ, какъ былъенка въ полѣ.

Покинувъ Концовку, я нѣкоторое время скитался въ Москвѣ, гдѣ имѣлъ доступъ въ семейство графовъ Орловыхъ, потомъ въ Петербургъ, все допытываясь о родичахъ Ракитина, жившихъ за Окой, все надѣясь еще перекинуться вѣстью съ измѣнницей Ирѣнъ. Никто мнѣ о нихъ не далъ свѣдѣній. Мой отпускъ еще не кончился; я былъ свободенъ, но уже ничто меня не манило въ свѣтъ. Что оставалось дѣлать, предпринять?

Вѣсти съ юга, изъ-за моря, между тѣмъ, наполняли въ то время всѣ умы. Было начало турецкой войны. Счастливая мысль меня озаарила. Я обратился въ коллегію морскихъ дѣлъ и сталъ хлопотать о немедленномъ своемъ переводѣ на эскадру въ греческія воды. Мнѣ помогъ графъ Федоръ Орловъ, давшій рекомендацію къ графу Алексію, командиру нашего флота въ Средиземномъ морѣ. Какъ я прибылъ туда и что испыталъ, не буду

рассказывать. Повторяя имя, нѣкогда дорогое мнѣ, я кидался во всѣ опасности, искалъ смерти въ Спеціи, подъ Навариномъ и Чесмой. «Ариша, Ариша, что сдѣлала ты со мной и за что?» твердилъ я: «Боже! когда бы скорѣй конецъ жизни?» Но смерть не приходила; вмѣсто того, я былъ схваченъ и, послѣ славной Чесмы, попалъ въ долговременный плѣнъ въ Стамбуль.

Навѣщавшій меня мулла становился все ласковѣе, а рядомъ съ тѣмъ и настойчивѣе. Мы видѣлись ежедневно и подолгу бесѣдовали. Иногда онъ сердилъ меня, даже приводилъ въ бѣшенство, а порой былъ забавенъ. И я въ шутку склонялъ его, для компаніи, отступить отъ заповѣдей пророка, которыя онъ мнѣ съ такимъ жаромъ объяснялъ, просилъ его выпить со мной,—и самъ для этого пилъ; мой учитель, дѣлать нечего, въ угоду мнѣ, сталъ усердно пробовать приносимаго мнѣ хіосскаго и иного вина. Наши свиданія не прекращались. Мы говорили о Востокахъ, о Россіи и иныхъ дѣлахъ.

Однажды,—это было еще въ половинѣ лѣта 1774 г.,—въ то время, когда муэzzинъ съ вышины звалъ къ вечерней молитвѣ народъ, мой наставникъ таинственно и не безъ злорадства спросилъ меня, знаю ли я, что въ Италіи проявилась неожиданная и опасная соперница царствующей нашей императрицѣ Екатеринѣ, могучая претендентка на російскій престолъ?

Я былъ удивленъ и нѣкоторое время молчалъ. Мулла повторилъ сказанное. На мой вопросъ, кто эта претендентка? онъ отвѣтилъ: тайная дочь покойной императрицы Елизаветы Петровны. — «Это вздоръ,—вскричалъ я:—бесмысленная сплетня вашихъ базаровъ!» — Мулла обидѣлся, его глаза сверкали. «Не сплетня, читай!» сказалъ онъ, вынувъ изъ подъ халата истертый листокъ утрехтской газеты: «лучше подумай, что ждетъ твою родину?»

Сердце мое, преданное великой, правящей нами монархинѣ, болѣзненно сжалось. Прочтя газету я убѣдился, что мулла былъ правъ: сперва въ Парижѣ и нѣмецкихъ владѣніяхъ, а потомъ въ Венеціи дѣйствительно объявилась нѣкая, называвшая себя «*всероссійской княжной Елизаветой*». Претендентка, по слухамъ, собиралась въ ту пору къ султану, искать защиты своихъ правъ въ его арміи, воевавшей съ нами на Дунаѣ. Мулла посидѣлъ и вышелъ, поглядывая на меня.

Узнанныя вѣсти сильно опечалили меня. «Какъ?» — разсуждалъ я: «судьбѣ мало было наслатъ на насъ страшный бунтъ

Пугачева, о которомъ я слышалъ въ плѣну, — туркамъ являлась еще и эта помощь! Тотъ разорилъ, сжегъ и обездолил Поволжье, эта собирается пустить огонь и смуту съ юга!» Я выходилъ изъ себя. Шагая изъ угла въ уголъ по тюрьмѣ, я сталъ у окна, схватился за его рѣшетку и, потрясая ее, готовъ былъ грызть желѣзо. — «Крылья мнѣ, крылья!» — молилъ я Бога: «улетѣть бы въ родному флоту, предупредить вѣрнаго государынѣ графа Орлова, все ему передать»... И совершилось по моей просьбѣ въ тѣ дни чудо. Не забыть мнѣ во вѣкъ испытаннаго.

Придумывая тысячи способовъ вырваться, бѣжать, я остановился на мысли, — прежде всего изготавить какъ-нибудь ключъ, чтобъ отомкнуть тяжелыя цѣпи. Обточивъ о дно глинянаго кувшина вырванный изъ стѣны полусломанный гвоздь, на которомъ вѣшалась одежда, я изъ него съ большимъ трудомъ выпилилъ о камень задуманный ключъ. Радость моя, когда въ первую же ночь я отомкнулъ, снялъ цѣпи и заснулъ безъ нихъ, была неописанная. Утромъ я опять надѣлъ цѣпи, а ключъ спряталъ въ расщелину стѣны. Мое рѣшеніе было: освободившись быстро отъ цѣпей, убить ими ренегата муллу, незамѣтно выйти изъ тюрьмы и бѣжать. Но куда? объ этомъ я дѣлалъ тѣмъ разныхъ предположеній.

Господь, правящій сердцами, избавилъ меня отъ напраснаго грѣха. Мулла, заходя ко мнѣ, по прежнему попивалъ вино, присылаемое мнѣ въ изобиліи, вѣроятно, по его же ходатайству. Время наступило. Выбравъ вечеръ, я рѣшился сказать муллѣ, что внялъ его мудрымъ наставленіямъ и что готовъ перейти въ Исламъ. Онъ пришелъ въ восхищеніе и на радости такъ усердно приложился къ кувшину съ хіосскимъ, что совсѣмъ охмѣлѣлъ и началъ дремать.

Я не переставалъ его подчивать. — «Нѣтъ», — повторялъ онъ: «не могу, не пропустить бы молитвы; замѣтать, донесутъ»... Я ему еще налилъ. Онъ, лукаво шурясь и грозя, опорожнилъ еще кружку, скоро зашатался, прилегъ и, напѣвая какую-то болгарскую пѣсню, крѣпко заснулъ. Попробовалъ я его толкать, не слышитъ; снялъ съ него туфли, расписанный халатъ и чалму, — одѣлся въ нихъ, — онъ лежалъ, какъ убитый.

Мы были съ нимъ почти одного роста; борода въ заточеніи у меня отросла большая, какъ и у него, была только свѣтлѣе. — «Боже! неужели?» — думалъ я, въ радостномъ содроганіи: «неужели свобода?»

Надвинувъ на глаза огромную, бѣлую чалму и набожно склонясь, я тихо, съ четками въ рукахъ, какъ бы шепча мо-

лству, вышелъ изъ тюрьмы, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по двору. Часовые у крыльца и въ воротахъ мечети, молча прохаживаясь, съ мушкетами на плечѣ, не узнали меня въ сумеркахъ и пропустили.

Шумъ улицы меня смутилъ, я было растерялся, но оправился. Не спѣша, добрелъ я до берега, махнулъ перевозчику, сѣлъ въ первую подплывшую шлюпку и, еще болѣе склоняясь, молча указалъ на одинъ изъ близъ стоявшихъ, давно мною изъ окна намѣченныхъ, иностранныхъ кораблей.

То была готовая къ отплытію одна изъ торговыхъ французскихъ шкунъ. Я узналъ ее по флагу.

IV.

Бравый, смуглый красавецъ-французъ, командиръ шкуны, не замедлил оправдать имя великодушной націи, къ коей онъ принадлежалъ. Узнавъ во мнѣ русскаго моряка, онъ взглянулъ на меня, помолчалъ и тихо спросилъ: «Не Концовъ ли вы?» — «Почему вы такъ думаете?» — спросилъ я въ тревогѣ. «О, я бы желалъ» — отвѣтилъ онъ: «чтобы это было такъ. Храбраго Концова мы всѣ жалѣли и справлялись о немъ... Я былъ бы счастливъ, если бы могъ ему услужить». — Дѣлать нечего, я рѣшился назвать себя. Капитанъ очень обрадовался. Онъ свелъ меня въ каюту, обѣщалъ заплатить лодочнику, но для безопасности велѣлъ поднять его на бортъ съ лодкой и далъ знакъ готовиться къ поднятію якоря и парусовъ. Ночью шкуна двинулась. Вѣтеръ былъ свѣжій, попутный и къ утру мы были отъ Стамбула далеко. Моего перевозчика спустили обратно гдѣ-то на пути.

Мулла очевидно долго спалъ. Погони не было. Лодочникъ, получивъ обѣщанное и въ добавокъ — платье муллы, въ которомъ я бѣжалъ, по неволѣ долженъ былъ молчать. Французъ далъ мнѣ подходящую одежду, снабдилъ деньгами и любезно предлагали мнѣ высадиться на первый русскій, въ итальянскихъ водахъ, корабль.

Отъ капитана шкуны я, между прочимъ, по пути узналъ, что заанимавшая меня таинственная, російская княжна была въ то время уже не въ Венеціи, а у турецкихъ береговъ, въ Рагузѣ, т.-е. въ Дубровникѣ, мимо котораго намъ приходилось плыть. Я просилъ меня высадить тамъ. Французъ отговаривалъ меня,

указывая на опасность — очутиться снова близъ турокъ; я настаивалъ на своемъ.

Отблагодаривъ добрыхъ моихъ спасителей, не хотѣвшихъ даже взять съ меня росписки въ данной мнѣ ссудѣ, я съ трепетомъ ступилъ на берегъ рагузской республики, гдѣ вскорѣ освѣдомился и о занимавшей меня особѣ.

Таинственная княжна уже владѣла умами всего города. Толковъ было много. Въ гостиницѣ, гдѣ я остановился, проживали нѣкоторые изъ польскихъ и иныхъ особъ ея многочисленной свиты. Эти господа сперва меня дичились, смотрѣли недоувѣрчиво; но, узнавъ, кто я, и предувѣдомленные, что, радуясь своему спасенію, я немедленно направляюсь къ эскадрѣ графа Орлова, они охотно и безъ стѣсненій стали мнѣ рассказывать о принцессѣ и даже предложили мнѣ устроить у нея аудіенцію.

— Но кто же она и гдѣ до сихъ поръ проживала? — спросилъ я свитскихъ княжны.

— Она родная дочь вашей покойной императрицы Елизаветы, отъ ея тайнаго брака съ графомъ Разумовскимъ, — отвѣчали мнѣ: — въ дѣтствѣ была увезена къ границамъ Персіи, потомъ, подъ чужими именами, проживала въ Киль, Берлинъ, Лондонъ и въ другихъ городахъ. Въ Парижѣ именовалась принцессой Азовской, *duchess d'Azow*, въ Германіи и здѣсь въ Рагузѣ именуется принцессой Пиннебергъ. Сообразите, вѣдь это ваша царица, Елизавета Вторая — кровь великаго Петра... Нѣмецкіе и иные принцы сватались за нее; французскій дворъ ей здѣсь устроилъ помѣщеніе въ домѣ своего консула и готовъ ей оказать всякую поддержку.

Смутили меня эти вѣсти. — «Киль, Берлинъ!» — думалъ я: «Киль — въ Голштиніи; онъ игралъ такую роль въ судьбѣ дочерей великаго Петра, бывшей тамъ за-мужемъ Анны и Елизаветы, выписавшей себѣ оттуда наслѣдника, Петра Третьяго. Неужели въ Петербургѣ этому не придаютъ значенія? и что у насъ предпримутъ, если дознаются о такой претенденткѣ?» — Поляки меня повели къ графинѣ Пиннебергъ.

Я принарядился, обрилъ, какъ слѣдуетъ, бороду и усы, напудрилъ, припомадился, завилъ. Меня радушно встрѣтили въ домѣ графини. Ея гофмаршалъ, баронъ Корфъ, ввелъ меня съ церемоніей въ ея пріемный салонъ. Я оглянулся: просторная комната была обита голубымъ штофомъ; мебель была покрыта розовымъ атласомъ. Не успѣлъ я опомниться, раздались шаги и веселый сдержанный говоръ.

Въ пріемную вошла княжна Елизавета, окруженная наряд-

ною свитой. Послѣ я узналъ, что это были: знаменитый въ то время ея близкій другъ, князь Радзивиллъ, прозваніемъ «пáне-жоáнку»—въ синемъ бархатномъ кафтанѣ, усыпанномъ алмазами; рядомъ съ нимъ его сестра, красавица графиня Моравская, и княгиня Сангуше; за ними въ пунцовомъ, съ золотомъ, кунтушѣ, графъ Потоцкій,—глава сплотившейся противъ насъ польской конфедераци; поодаль надменный и богатый староста Пинскій, графъ Пржездецкій, возлѣ него вліятельный изъ молодежи-конфедератовъ, рубака и дуэлистъ Чарномскій и нѣсколько извѣстныхъ Радзивилловскихъ офицеровъ. Потоцкій и Пржездецкій были въ лентахъ и звѣздахъ.

Княжна, какъ я примѣтилъ, была одѣта въ тафтяномъ пальево́мъ съ золотомъ платьѣ, родъ амазонки, съ флеровой поверхъ нея выкладкой, въ бѣлой круглой шляпѣ, съ черными страусовыми перьями, въ розовой мантилѣ, отдѣланной по краямъ блондами, и съ хлыстомъ въ рукѣ. Она собиралась на прогулку верхомъ.

Польскіе гордые магнаты говорили княжнѣ «ваше высочество», а когда она садилась, передъ ней стояли и на ея вопросы отвѣчали, такъ низко притибаясь, будто становились на колѣни.

Не скрою: меня поразила видъ княжны. Я увидѣлъ передъ собою въ полномъ смыслѣ обворожительную красавицу, — лѣтъ двадцати трехъ-четырехъ, роста выше средняго,—статную, изъ себя стройную, сухоощавую, съ пышными, свѣтлорусыми волосами, бѣлолицую, съ яркимъ румянцемъ и въ веснушкахъ, которые такъ къ ней шли. Глаза у нея были каріе, открытые и большіе, а одинъ слегка, чуть замѣтно косилъ, что придавало ея оживленному лицу особое, лукавое выраженіе. Но что главное, я въ дѣтствѣ и въ возрастѣ хорошо насмотрѣлся на портреты покойной императрицы Елизаветы Петровны, и, взглянувъ теперь на княжну, нашелъ, что она съ покойницей значительно схожа.

Мое смущеніе радостно замѣтили. Княжна ласково сказала мнѣ по-французски нѣсколько привѣтливыхъ словъ, допустила меня къ своей рукѣ и, кончивъ церемонный, по этикету, приѣмъ, взглядомъ отпустила свою свиту, а мнѣ указала стулъ. Мы остались наединѣ.

V.

Послѣ нѣкотораго обмѣна мыслей, — мы говорили по-французски, при чемъ у княжны иногда вырывались и итальянскія восклицанія, — оба мы въ понятномъ смущеніи замолчали.

— Вы русскій офицеръ, морякъ? — спросила меня княжна.

— Такъ точно, ваша... ваша свѣтлость, — отвѣтилъ я, не зная, какъ былъ долженъ ее именовать.

— Мнѣ извѣстно, вы отличились, ваше имя прогремѣло при Чесмѣ, — продолжала она: — вы, наконецъ, такъ долго страдали въ плѣну.

Я, смѣшавшись, молчалъ; она тоже.

— Послушайте, — проговорила она съ чувствомъ, и до сихъ поръ я слышу этотъ нѣжный, обаятельный, грудной голосъ: — я русская княжна, дочь вашей, когда-то любимой императрицы; не правда ли мою мать, дочь великаго Петра, такъ любили? Я, по крови и по завѣщанію, ея единственная наслѣдница.

— Но у насъ нынѣ царствуетъ, — рѣшился я возразить: — не менѣе всѣми любимая монархиня — великая Екатерина.

— Знаю, знаю! — перебила княжна: — могуча и чтима народомъ ваша нынѣшняя государыня, и не мнѣ, слабый, всѣми брошенной, оторванной отъ царскаго дома и отъ родины, вступать съ нею въ споръ. Я первая преданная ей раба.

— Чего же вы ищете, ждете? — спросилъ я удивленно.

— Защиты и уваженія моихъ правъ.

— Простите, — возразилъ я: — но прежде надо доказать ваше происхожденіе и ваши права.

— Вамъ доказательства? вотъ они, — произнесла принцесса, живо вставая и отрывая на угловомъ столѣикѣ небольшой, обдѣланный серебромъ и черепахой баулъ: — это завѣщаніе моего дѣда Петра Перваго, а это духовная моей матери — Елизаветы.

Княжна развернула и подала мнѣ французскіе списки названныхъ ею бумагъ. Я бѣгло ихъ просмотрѣлъ.

— Но это копія, при томъ въ переводѣ, — сказалъ я.

— О, будьте спокойны, подлинники въ вѣрныхъ рукахъ... Не могу же я возить съ собою такіе документы, рисковать! Мало вамъ этого, — взгляните, — проговорила, полуоборотясь, принцесса.

Она указала на простѣнокъ надъ софой.

На голубомъ штофѣ обоевъ, противъ окна, у котораго мы стояли, висѣли два большихъ, въ круглыхъ рамахъ, портрета,

писанных масляными красками. Одинъ весьма удачно изображалъ покойную государыню Елизавету Петровну, съ небольшою короною на головѣ; другой — стоявшую противъ меня княжну.

— Не правда ли, схожи? — спросила она, взглядываясь въ меня.

— Сходство есть, это правда, — отвѣтилъ я: — я это замѣтилъ, едва вошелъ и васъ увидѣлъ; позвольте узнать, давно ли снятъ вашъ портретъ?

— Въ этомъ году, въ Венеціи... Знаменитый Пьячетти снималъ портретъ моего жениха — князя Радзивилла, при этомъ упростили сняться и меня.

— Дивныя событія, — произнесъ я, въ невольномъ смущеніи: — является невообразимое, встаютъ изъ гроба мертвецы; за Волгой — давно въ явѣ похороненный императоръ, Петръ Третій, здѣсь — нѣкѣмъ нежданная и негаданная дочь государыни Елизаветы.

— Не смѣшивайте меня съ Пугачевымъ, — возразила, слегка покраснѣвъ, княжна: хотя онъ и выдаетъ себя за императора, чеканы монеты съ надписью — «*Redivivus et ultor*» — воскресшій мститель, — но онъ пока... лишь мой въ томъ краѣ намѣстникъ.

— Какъ? — удивился я: — такъ и вы подтверждаете, что онъ самозванецъ?

— Не спрашивайте, кто онъ, — загадочно отвѣтила княжна: — послѣ узнаете обо всемъ... еще не пришло время. Теперь въ его власти уже многіе города: Казань, Оренбургъ, Саратовъ, вся страна по Волгѣ. Его прошлаго не знаю. Богъ ему судія... Но я дѣйствительно дочь императрицы Елизаветы, двоюродная сестра бывшаго императора Петра Третьяго.

— Кто же вашъ отецъ? — рѣшился я спросить.

Княжна помолчала, нахмурилась.

— Неужели не знаете? — графъ Алексій Разумовскій, впоследствии тайный мужъ моей матери. Дѣтство я провела въ разбѣдахъ; оно темно и для меня. Помню югъ Россіи, глухую деревушку, откуда меня вдругъ увезли. Хотѣли истребить малѣйшую память о моемъ прошломъ, не жалѣли для того денегъ и возили меня съ мѣста на мѣсто, изъ страны въ страну. Это, очевидно, знаетъ графъ Шуваловъ... Недавно, — путешествуя по Европѣ, онъ пожелалъ видѣть меня и мы тайно видѣлись.

— Какъ! вы видѣли графа Шувалова? гдѣ? — изумился я, вспомнивъ, что нѣкоторые по слухамъ и его считали ея отцомъ.

— Это было на водахъ въ Спа... Друзья предупредили меня о знаменитомъ русскомъ путешественникѣ; я не могла отказать.

Вошелъ въ комнату полный, еще замѣчательно красивый, богато, со вкусомъ одѣтый, пожилой человѣкъ. Онъ явился подъ вымышленнымъ именемъ; говоря со мной, грустно вглядывался въ черты моего лица, въ мои движенія и былъ очевидно внутренне взволнованъ. Послѣ уже я узнала, что это бывшій фаворитъ покойной моей матери, нѣкогда могучій Иванъ Шуваловъ. Почему онъ казался такъ смущенъ, не знаю. Не мнѣ, согласитесь, это рѣшать. Смерть матери унесла въ могилу эту, какъ и другія тайны.

Княжна смолкла. Молчалъ и я.

— Чьей же защиты, чьей помощи ищите вы? — рѣшился я спросить, подавляемый разнообразными ощущеніями.

VI.

Княжна спрятала бумаги въ шкатулку, заперла ее, поставила на мѣсто, взяла вѣеръ и снова сѣла, поглядывая въ окно.

— Готовы ли вы мнѣ пособить? — спросила она рѣшительно, въ отвѣтъ на мой вопросъ.

Я не нашелся, что отвѣтить.

— Готовы ли вы оказать мнѣ, въ случаѣ надобности, вашу поддержку?

— Какую?

— Вотъ видите ли... Если императрица Екатерина захочетъ по совѣсти и безъ спора мирно подѣлиться со мной, — произнесла медленно и съ увѣренностью княжна: — я готова сдѣлать для нея все... Отдамъ ей Сѣверъ, съ Петербургомъ, балтійскими провинціями и со всею московскою областю; себѣ возьму Кавказъ, вообще югъ... я люблю югъ... и часть востока. О, вѣрьте, я буду свято чтить мирный раздѣлъ, буду всѣмъ довольна; населю и устрою мои родовыя страны — увидите... я мастерица... И, разумѣется, прежде всего восстановлю Украину и Польшу... Вѣдь вы украинецъ? не правда ли? — спросила она, заглядывая мнѣ въ глаза: — и я жила въ дѣтствѣ на Украинѣ... Если же Екатерина заспоритъ, — проговорила она, сдвинувъ брови: мнѣ останется добывать мои права силой. Я собираюсь въ Стамбулъ, въ султану; онъ ждетъ меня. Я явлюсь среди его войскъ за Балканами, у Дуная, передъ арміей Екатерины. И я ей отплачу, — при этомъ многіе мнѣ помогутъ, въ томъ числѣ — всѣ недовольные... напримѣръ, командиръ эскадры — Орловъ... Что скажете о немъ?

— Орловъ?—спросилъ я, съ нескрываемымъ изумленіемъ.

— Да, онъ! удивляетесь? — помахивая вѣромъ и смѣло глядя на меня, отвѣтила княжна:—какъ объ этомъ вы думаете?

— Не могу, ваша свѣтлость, не высказать крайняго сомнѣнія,—отвѣтилъ я:—вѣдь это дѣтскія грезы. На чемъ вы основываете возможность со стороны графа такой, извините, измѣны?

— Измѣны? — вскричала, вспыхнувъ, княжна: — впрочемъ, вамъ простительно... вы были въ плѣну,—многого не знаете.

Она самодовольно улыбнулась, судорожно обмахиваясь вѣромъ.

— Власть и значеніе Орловыхъ пали,—продолжала она:—входить въ силу ихъ тайные, непримиримые враги — Панины... Любимецъ императрицы, Григорій Орловъ, да будетъ вамъ извѣстно, замѣненъ другимъ; онъ въ огорченіи, прервалъ переговоры съ султаномъ, котораго почти побѣдилъ, и ускакалъ съ Дуная въ Петербургъ. Но его не допустили во дворъ и сослали въ Ревель. Удивляетесь? Знайте болѣе... Вашъ начальникъ, графъ Алексій Орловъ, обиженный за брата, не скрываетъ своихъ чувствъ, готовъ отмстить и, безъ сомнѣнія, можетъ быть мнѣ очень полезенъ... Видите ли, какія новости. Я уже послала графу Алексію письмо и небольшой манифестъ.

— Манифестъ? о чемъ?

— Если Орловъ рѣшитъ стать на мою сторону, я предлагаю ему объявить эскадрѣ мой манифестъ, принять меня и провозгласить мои права.

— Но это невозможно, простите, — пытался я возразить:—вашъ поступокъ смѣлъ, но необдуманъ...

— Почему? — удивленно спросила княжна: — недовольные ищутъ возмездія; забытые, брошенные — отплаты. Это общая участь. А что обидѣе пренебреженія прежнихъ, всѣми признанныхъ заслугъ?.. Вѣдь Орловымъ, кто же этого не знаетъ, Екатерина обязана трономъ.

Княжна встала, прошла по комнатѣ и распахнула окно. Ей было душно. Она вновь и съ подробностями заговорила о надеждѣ вступить, при помощи флота, въ Россію и не слушала моихъ возраженій. Ничто, казалось, не могло ее разубѣдить.

Мнѣ стало ясно, что эта избалованная, своенравная и подобная раскаленной лавѣ подъ пепломъ, женщина могла своею смѣлостью помѣряться съ любымъ изъ отчаянныхъ мужчинъ.

— Вы сомнѣваетесь, удивлены?—нервно вздрагивая, вскринула она:—спрашиваете, почему я такъ вѣрю въ успѣхъ своего дѣла? Неужели не знаете?.. Мнѣ уже сочувствуютъ многіе ваши

соотечественники, съ нѣкоторыми я уже давно переписываюсь... Но вы—первый русскій, такихъ достоинствъ человекъ, котораго я вижу въ настоящей моей долѣ... Я этого не забуду, этимъ дорожу... Вѣрьте, я выйду изъ ничтожества, тѣмъ разсвѣтается... Развѣ вамъ неизвѣстно, что Россія истомлена войнами, рекрутскими наборами, пожарами, чумой? Вамъ ли не знать, что народъ разоряютъ непомерными налогами, что за Волгой еще свирѣпствуетъ ужасный, кровавый бунтъ? Ваше войско дурно одѣто и еще хуже кормится... Всѣ недовольны, ропщутъ... Ужели вамъ, лейтенанту русскаго флота, это новость? Да, народъ обрадуется мнѣ, а войско встрѣтитъ прирожденную русскую княжну, Елизавету Вторую, съ торжествомъ, какъ когда-то встрѣтили Екатерину.

Меня возмущало это ребаческое, слѣпое легкомысліе.

— Пусть такъ, но говорите ли вы по-русски?—рѣшился я спросить.

Княжна смутилась.

— Не говорю, по неводѣ забыла,—отвѣтила она, закашлявшись:—въ дѣтствѣ трехъ лѣтъ, меня увезли изъ Малороссіи въ Сибирь, гдѣ чуть не отравили, оттуда въ Персію; я жила у одной старушки въ Испагани и съ нею уѣхала въ Багдадъ, гдѣ по-французски меня училъ нѣкто Фурнье... гдѣ тугъ было помнить родной языкъ?

Я сидѣлъ съ потупленными глазами.

— И развѣ Димитрій царевичъ, признанный всею Москвою, говорилъ по-русски?—надменно спросила меня принцесса:—да и что можете доказать языкъ? дѣти такъ легко изучаютъ и забываютъ всякую рѣчь.

— Димитрій говорилъ съ малорусскимъ акцентомъ,—отвѣтилъ я:—но за то вѣдь онъ и былъ... самозванецъ.

— *Grap Dio!*—вскричала и, съ новымъ кашлемъ, разсмѣялась принцесса:—и вамъ не стыдно повторять эту сказку? Слушайте и помните мои слова...

Принцесса откинулась на спинку кресла. Багровыя пятна выступили на ея щекахъ.

— Димитрій былъ настоящій царевичъ,—проговорила она съ убѣжденіемъ:—да, настоящій царевичъ, спасенный отъ убійцы Годунова хитростью близкихъ, чудомъ, какъ и я спаслась отъ ада, даннаго мнѣ въ Сибири. Вы этого не знали? подумайте лучше. О, синьоръ Концовъ, говорите ваши сказки другимъ, а не мнѣ, знакомой и на чужбинѣ съ лѣтописями моего дома. За меня сватался персидскій шахъ,—но я отказала,—онъ вѣчный врагъ Россіи... Меня признаютъ,—слышите ли? должны признать!—

заклЮчила торжественно княжна, похлопывая по колену вѣрою и снова порывисто закашливаясь: — я вѣрю въ свою звѣзду и потому васъ смѣло избираю своимъ посломъ къ графу Орлову. Не требую тотчасъ отвѣта: подумайте, вѣрьте мои слова и скажите ваше рѣшеніе. Вы, повторяю, первый русскій, въ почтенномъ военномъ званіи, встрѣченный мной на чужбинѣ. Вы также страдали, также чудомъ спаслись отъ плѣна. Можетъ быть, для того васъ, какъ и другихъ, сберегла и послала мнѣ судьба.

Сказавъ это, княжна встала и величественнымъ поклономъ показала мнѣ, что аудіенція кончена.

VII.

«Что это? кто она? самозванка или и впрямь русская великая княжна?» — разсуждалъ я, въ неописанномъ смущеніи оставивъ комнату принцессы и несмѣло проходя среди почтительно и важно кланявшихся мнѣ особъ ея свиты.

У крыльца я примѣтилъ нѣсколько осѣдланыхъ, убранныхъ въ бархаты и перья верховныхъ лошадей. Войдя же въ гостиницу, я услышалъ конскій топотъ, взглянулъ въ окно и увидѣлъ княжну, лихо скакавшую, въ кругу ближнихъ, на бѣломъ, красивомъ конѣ. Кавалькада пронеслась на прогулку въ окрестности Рагузы.

Нѣсколько дней меня не оставляли самыя тревожныя мысли. Я почти не покидалъ комнаты, ходилъ изъ угла въ уголъ, лежалъ, писалъ письма, опять ихъ разрывалъ и думалъ: какъ мнѣ, въ виду моей присяги и долга службы, поступить съ предложеніемъ загадочной княжны? Однажды ко мнѣ зашелъ ея секретарь Чарномскій. Это былъ молодцоватый и изысканно разряженный, лѣтъ сорока человѣкъ, нѣкогда богатъ, дуэлистъ и волокита, промотавшій состояніе на карты и дѣла конфедерации. Онъ сохранилъ свѣтскія манеры, былъ надмененъ и вѣрачивъ и по слухамъ служилъ княжнѣ, будучи въ нее втайнѣ влюбленъ. Въ разговорѣ о ней онъ пустился въ похвалы ея великодушію и отвагѣ, клятвенно подтверждая свѣдѣнія о ея прошломъ, и возобновилъ просьбу — помочь ея дѣлу.

— Да чья же она дочь? Кто ея отецъ? — спросилъ я довольно рѣзко: — вы говорите столько въ ея пользу; но нужны доказательства; вѣдь это все такъ сомнительно...

Чарномскій вспыхнулъ и нѣсколько мгновений молчалъ. Мнѣ показалось въ то время, что этотъ завитой и распомаженный,

по модѣ — въ женскихъ, брильянтовыхъ сережкахъ, ганимедъ княжны былъ нарумяненъ.

— Какія сомнѣнія, Боже! Да ея отецъ, помилуйте, развѣ сомнѣвается? графъ Алексѣй Разумовскій! — произнесъ, овладѣвъ собою, тонкій дипломатъ: — извольте, пане-лейтенантъ, я вамъ подробно все сообщу. Видите ли, у императрицы Елизаветы, отъ тайнаго брака съ графомъ, было нѣсколько дѣтей.

— Все это басни, этого никто не знаетъ въ точности, — отвѣтилъ я.

— Разумѣется, дѣло щекотливое и держалось въ большой тайнѣ, — продолжалъ Чарномскій: — вы правы; гдѣ всѣмъ это знать? но я говорю изъ вѣрнаго источника. Куда дѣлись прочія дѣти и кто изъ нихъ живъ — неизвѣстно... Княжна-же Елизавета, ребенкомъ двухъ лѣтъ, была увезена къ роднымъ Разумовскаго, казакамъ Дараганамъ, въ ихъ украинское помѣстье, Дарагановку, которую народъ, земляки новыхъ богачей, окрестилъ по-своему въ Таракановку. Царица-мать, а за ней приближенные, слыша такое имя, въ шутку прозвали дѣвочку *Тьмутараканской княжной*... Ее сперва не теряли изъ виду, осведомлялись о ней, снабжали, чѣмъ нужно, а потомъ, особенно съ ея переездами, ее потеряли изъ виду и, наконецъ, о ней забыли.

Слово «Таракановка» заставило меня невольно вздрогнуть. Въ моихъ мысляхъ мелькнуло нѣчто знакомое, — мое собственное далекое дѣтство, родной хуторъ Концовка и покойная бабушка, Аграфена Власевна, знавшая многое о быломъ и нынѣшнемъ дворѣ, о чудномъ случаѣ съ лемешѣвскимъ пастухомъ, неожиданно ставшимъ изъ пѣвчаго Алешки Розума — графомъ и тайнымъ, обвѣнчаннымъ мужемъ государыни, о восшествіи на престолъ новой царицы, о покушеніи Мировича и о прочемъ. Черезъ него и мой дѣдъ, Ираклій Концовъ, сосѣдъ Разумовскихъ по селу Лемешамъ, былъ снисканъ милостями, отмѣченъ по службѣ и умеръ въ чинахъ.

Вспомнилъ я при этомъ и еще одно смутное обстоятельство. Мы ѣхали какъ-то съ бабушкой, это было въ моемъ отрочествѣ, на именины къ роднымъ. Путь лежалъ въ деревушку, за Батуринимъ, резиденціей гетмана Кирилы Разумовскаго. Былъ тихій, лѣтній вечеръ. Мы разговаривали. Изъ открытой коляски, въ сторонѣ отъ дороги, въ сумеркахъ, видѣлись огромныя вербы, нѣсколько разбросанныхъ между ними, бѣлыхъ хатъ и вѣтряныхъ мельницъ, а надъ вербами и хатами — верхушка церкви. Бабушка перекрестилась, задумалась и тихо, какъ бы про себя, вдругъ произнесла тогда: «тараканчикъ!» — «Что вы сказали, ба-

бушка?» — спросилъ я. — «Тараканчикъ...» — «Что это?» — «А вотъ что, монъ-анжъ, Павлинка!» — отвѣтила она: — здѣсь когда-то, въ этомъ вотъ селѣ, обрѣталась одна секретная особа, премиленькое, полненькое и бѣлое, какъ булочка, дитя; недолго только пожило оно и, куда дѣлось, — невѣдомо». — «Кто же она?» — спросилъ я. — «Красная шапочка, — въ полголоса отвѣтила бабушка: — видно и ее, *тѣмутаараканскую княжну*, какъ въ сказкѣ, съѣли злые, безсердечные волеи».

Больше Аграфена Власьевна не говорила и я ее не разспрашивалъ, считая, что и впрямь дѣвочку съѣли волеи. ✓

Теперь мнѣ ясно вспомнилась и эта зеленая, въ вербахъ, Таракановка и бабушкинъ мимолетный рассказъ. Вѣкъ былъ чудесный и всякимъ дивамъ въ немъ можно было вѣрить.

— Что же, рѣшается, пане? — спросилъ меня Чарномскій, видя, что я задумался и молчу.

— Объясните, — отвѣтилъ я: — какой именно услуги желаетъ княжна отъ меня?

— Одного, пане лейтенантъ, одного, — проговорилъ, вставая и низко кланяясь, вкрадчивый посолтъ: — отвезите графу Орлову письмо ея высочества, — въ этомъ только и просьба... И скажите графу, какъ и гдѣ вы видѣли всероссійскую княжну Елизавету и съ какимъ нетерпѣніемъ она ждетъ отъ него извѣщенія на первое свое письмо и манифестъ. Отъ исхода вашей услуги будутъ зависѣть ея дальнѣйшія дѣйствія, поѣздка къ султану и прочее.

Чарномскій вынулъ и подаль мнѣ пакетъ.

— Только въ этомъ и просьба! — повторилъ онъ, съ новымъ поклономъ, заискивающе взглядывая на меня большими, сѣрыми, умоляющими глазами.

Обсудивъ дѣло, я понялъ, что отказываться не слѣдуетъ, и принялъ письмо. Долгъ службы требовалъ все довести до свѣдѣнія графа, а какъ онъ рѣшитъ, это уже его дѣло.

— Извольте, — сказалъ: — не знаю, кто ваша княжна, но ея письмо я въ исправности передамъ графу.

Подождавъ попутнаго корабля, я еще разъ представился княжнѣ, простился съ нею и оставилъ Рагузу, въ день замѣчательнаго, пышно-сказочнаго праздника, данаго княжнѣ княземъ Радзивилломъ.

Объ этомъ праздникѣ долго потомъ говорили газеты всей Европы. Сумасбродный и расточительный князь, влюбленный въ княжну, давно на нее сорилъ деньгами, какъ индійскій набобъ. Здѣсь онъ превзошелъ себя. Долго пировали. Драгоцѣнные вина

лились. Гремѣла музыка, стрѣляли въ саду пушки и былъ сожженъ фейерверкъ въ тысячу ракетъ. А въ концѣ волшебнаго, съ маскарадомъ и танцами, пира, пане-воханку вдругъ объявилъ, что танцы должны длиться до утра и что съ зарей, всѣ пирующие, для прохлады, увидать настоящую зиму и будутъ развезены по домамъ, не въ коляскахъ, а на саняхъ.

Гости утромъ вышли на крыльцо; всѣ ближнія улицы дѣйствительно были бѣлы, какъ зимой. Ихъ густо усыпали, на подобіе снѣга, — солью; и веселая, шумная гурьба масокъ, среди новыхъ пушечныхъ залповъ и криковъ проснувшихся горожанъ, была, подъ музыку, дѣйствительно развезена по домамъ на саняхъ.

Я уѣхалъ, ломая голову надъ вопросомъ, дѣйствительно ли княжна—дочь покойной императрицы Елизаветы и вѣрить ли она сама тому, что говорить, или разглашаетъ вымышленную сказку? Сколько я помнилъ выраженіе ея лица, въ немъ, особенно въ глазахъ, мелькали какія-то черточки, что-то неуловимое, какъ бы нѣкое, чуть примѣтное колебаніе и въ то же время что-то похожее на надежду. Взявъ свидѣнія о ней и ея письмо, я дѣйствовалъ, во имя долга офицера, подеупленный и нѣкоторою жалостью къ ней, какъ къ женщинѣ.

VIII.

Корабль высадилъ меня въ Анконѣ. Отсюда я поспѣшилъ въ Волонью, гдѣ по слухамъ въ то время находилась штаб-квартира командующаго эскадрой.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, хотя и побѣдитель при Чесмѣ, въ душѣ не долюбивалъ моря и, давъ ближайшее завѣдываніе флотомъ старшему флагману, контръ-адмиралу Самуилу Грейгу, большую часть времени проживалъ на сушѣ. Къ подчиненнымъ онъ былъ отмѣнно ласковъ и добръ, любилъ простыя шутки и, окруженный царскою пышностью, былъ ко всѣмъ внимателенъ и доступенъ.

Мнѣ была памятна жизнь графа въ Москвѣ, до послѣдней кампаніи въ греческія воды, прославившей его имя. Орловы были не чужды моей семьѣ. Покойный мой отецъ былъ ихъ сослуживцемъ въ оны годы, и я, проѣздомъ изъ морскихъ классовъ на родину, не разъ навѣщалъ ихъ московскій домъ. Графъ Алексѣй Григорьевичъ былъ въ особенности любимцемъ Бѣлокаменной. Исполнинская, пышная здоровьемъ, фигура графа Алехана,

какъ его звали въ Москвѣ, его красивыя, греческіе глаза, веселый, безпечный нравъ и огромное богатство привлекали въ его гостепріимныя хоромы все знатное и незнатное Москвы.

Домъ графа Алексѣя Григорьевича, какъ теперь помню, находился за Московской заставой, у Крымскаго брода, не вдали отъ его подмосковнаго села, Нескучнаго.

Москвичи въ домѣ графа любовались гобеленовскими обоями, на-диво фигурчатыми, изразцовыми печами, съ золоченными ножками, собраніемъ древняго оружія и картинъ. Его городской садъ былъ украшенъ прудами, бассейнами, бесѣдками, каскадами, звѣринцемъ и птичникомъ. А у графскихъ воротъ, въ окнѣ сторожевого домика, висѣла клѣтка съ говорящимъ попугаемъ, который выкрикивалъ передъ уличными зѣваками: «Матушкѣ-царицѣ вивать!»

На баснословныхъ пирахъ графа Алексѣя Григорьевича, за столомъ, подъ дорогими, лимонными и померанцовыми деревьями его теплицъ, по слухамъ, нерѣдко садилось по триста и болѣе osób.

Русаки въ душѣ, графъ любилъ угощать гостей кулачными боами, пѣсенниками, борцами, причемъ и самъ мѣрялся силой. Онъ гнулъ подковы, завивалъ узлами вочергу, валилъ за рога быка и потѣшалъ Москву особыми шутками.

Такъ однажды, въ осмѣяніе возникшей страсти щеголей къ лорнетамъ и очкамъ, онъ послалъ на гулянье перваго мая, въ Сокольники, одного изъ своихъ приживальцевъ. Одѣтый наѣздникомъ, послѣдній среди гуляющихъ, юныхъ модниковъ, сталъ водить чалаго, хромого мерина, на глазахъ котораго были огромныя, оправленные жестью очки, съ крупною надписью на переносицѣ: «а вѣдь только трехъ лѣтъ».

Но болѣе всего графъ привлекалъ къ себѣ вниманіе на-диво составленною псовою охотой и своими рысаками. Ни одна лошадь въ Москвѣ не могла сравниться съ скакунами графа, смѣсью арабской крови съ англійскою и фрисландскою.

На конскомъ бѣгу, передъ домомъ, у Крымскаго брода, графъ Алеханъ зимой, какъ теперь его вижу, на крохотныхъ саночкахъ, а лѣтомъ на дрожжахъ-бѣгунцахъ, собственноручно проѣзжалъ свою знаменитую, бѣлую, безъ отмѣтинъ, Сметанку, или ея соперницу, сѣрую въ яблокахъ Амазонку.

Народъ гурьбой бѣжалъ за графомъ, когда онъ, подбирая возжи, въ романовскомъ тулупчикѣ или въ штофномъ халатѣ, появлялся въ воротахъ на храпящей бѣлогривой красавицѣ, покрикивая тремъ Семенамъ, главнымъ своимъ наѣздникамъ, Сенькѣ

бы меня по совѣсти спросили, какъ я гляжу на эту особу, я въ то время усомнился бы дать искренній отвѣтъ. Доходили до меня въ Рагузѣ кое-какія сомнительныя рѣсти о ея прошломъ, о какихъ-то связяхъ. Но что было за дѣло до ея прошлаго и мало ли, въ какія связи она могла вдаваться, ища выхода изъ своей тяжелой судьбы! Да еще в были ли эти связи?

У графа меня тотчасъ приняли, повели рядомъ красиво-разубранныхъ гостинныхъ и залъ, сперва въ нижнемъ, потомъ въ верхнемъ ярусѣ дома.

Тридцати-восьмѣ-лѣтній красавецъ-богатырь, графъ Алексѣй Григорьевичъ, не только дома, но и въ то время на чужбинѣ любилъ проводить время съ голубями, до которыхъ былъ страстный охотникъ. При моемъ появленіи, онъ находился на вышней своихъ хоромъ, куда запросто велѣлъ лакею ввести и меня.

И, что же я увидѣлъ? Этотъ прославленный, умный, необычайной силы и огромнаго роста человѣкъ, въ присутствіи моего всѣ прочіе люди казались быть малыми пигмеями, сидѣлъ на какомъ-то стульчикѣ, у раскрытаго и пыльнаго чердачнаго окошка. Пребывая здѣсь, отъ дневной духоты, въ одной сорочкѣ, онъ попивалъ изъ кружки со льдомъ какое-то прохладительное и забавлялся, помахивая платкомъ на стаю кружившихся по двору и надъ крышами голубей.

— А, Кончикъ! здравствуй! — сказалъ онъ, на мигъ обернувшись: — что? избавился? поздравляю, братецъ, садись... А видишь, вонъ та пара, каковы?.. Экъ, бестія, завились... турманомъ, турманомъ!..

Онъ опять махнулъ платкомъ, а я, не вида, гдѣ мнѣ сѣсть, сталъ съ любопытствомъ разглядывать его. Графъ за эти годы на локоѣ еще болѣе пополнѣлъ. Шея была чисто воловья, плечи, какъ у Юпитера или бога Бахуса, а лицо такъ и вѣяло здоровьемъ и удалствомъ.

— Что смотришь? — улыбнулся онъ, опять оглянувшись: — голубями, видишь, тѣшимся, пока ты терпѣлъ у турокъ; здѣсь все глинистые, да чернокромые; трубастыхъ, какъ у насъ, мало и не простые, братъ... Да, за сто верстъ письма носить... диво, вотъ бы у насъ развести... Ну, рассказывай о плѣнѣ и о твоихъ странствіяхъ...

Я началъ.

Графъ слушалъ сперва разсѣянно, все посматривая въ окно, потомъ внимательнѣе. Когда же я упомянулъ объ особѣ, видѣнной въ Рагузѣ, и подаль отъ нея пакетъ, графъ ковшикомъ съ тарелки метнулъ голубамъ горсть зерна, и, пока тѣ, извиваясь гульбой, свистались на выступѣ крыши, всталъ.

— Твои вѣсти, любовный, таковы, — сказалъ онъ: — что о нихъ надо поговорить толкомъ. Сойдемъ съ этой мачты въ какую-кампанію.

Мы сошли въ нижній ярусъ дома, потомъ въ садъ. Графъ по пути придѣлся и приказалъ не принимать никого. Мы долго бродили по дорожкамъ. Отвѣчая на его вопросы, я вглядывался въ выразительные, какъ бы вдругъ затуманенные глаза графа. Онъ меня слушалъ съ особымъ вниманіемъ.

— Ты хитришь, — вдругъ сказалъ онъ, идя по саду: — почему утверждаешь, что она самозванка, авантюрѣра? объяснись, — прибавилъ онъ, сѣвъ на скамью: — съ чужого ли голоса то говоришь, или убѣдился лично?

Я смѣшался, не зная, что говорить.

— Сомнителенъ ея рассказъ о прошломъ, — проговорилъ я: — какъ-то сбивается на сказку... Сибирь, отравленіе, бѣгство въ Персію, сношенія съ владѣтельными дворами Европы. Какъ вѣрный слуга государыни, я дѣйствовалъ по совѣсти, всматривался и скажу прямо — не могу утаить сомнѣній...

— Согласенъ, — призналъ графъ: — объ этомъ можно говорить такъ и сякъ. Но вотъ, что важно: въ Петербургѣ о ней уже знаютъ и пишутъ мнѣ, какъ о побродяжкѣ, всклепавшей на себя неподходящее имя и родъ.

Графъ помолчалъ.

— Хороша побродяжка! — прибавилъ онъ, какъ бы про себя, загадочно: — пусть такъ, не спорю... Но зачѣмъ же рѣшили требовать ея выдачи, а въ случаѣ отказа взять силой, даже бомбардировать рагузскую цитадель? Съ побродяжкой такъ не возятся. Такую просто и безъ огласки поймать... навязать камень на шею, да и въ воду.

Холодъ прошелъ у меня по спинѣ, при этихъ словахъ графа. Я такъ и вспомнилъ приснопамятные, июньскіе дни...

— То-то, братецъ, видно, что не побродяжка, — проговорилъ опять графъ, глядя на меня: — ты какъ объ этомъ думаешь?.. Ну-ка, говори на чистоту.

IX.

Удивили меня слова графа. Я невольно вспомнилъ сообщенія княжны о паденіи силы Орловыхъ, объ удаленіи бывшего фаворита въ Ревель и о возвышеніи ихъ враговъ. Досада ли, огорченіе ли ослѣпляло графа, или въ самомъ дѣлѣ онъ искренно повѣрилъ въ происхожденіе княжны, только, очевидно, онъ со

мною говорил не на вѣтеръ и въ его душѣ происходила нѣкая, нешуточная борьба.

— Простите, ваше сіятельство, мою дерзость, — сказалъ я, не вытерпѣвъ: — но ужъ если вы повелѣваете, я не утаю. Видѣнная мною особа дѣйствительно очень схожа съ покойной императрицей Елизаветой. Кто не знаетъ изображеній этой государыни? Тотъ же величественный очеркъ бѣлаго, нѣжнаго лица, тѣ же темныя дугой брови, та же статность, а главное — эти глаза. Не могу не привести разсказа моей покойной, украинской бабушки о родныхъ Разумовскаго.

— Да! вѣдь и ты, Концовъ, самъ батуринецъ! — живо подхватилъ графъ: — ну-ка, что же тебѣ говорила бабка?

Я сообщилъ о Даргановкѣ и о жившемъ тамъ, въ оны годы, таинственномъ дѣтати.

— Такъ вотъ откуда эта Таракановка, — сказалъ графъ: — вѣрно, вѣрно! и я нѣкогда что-то слышалъ о тьмутараканской принцессѣ.

Онъ всталъ со скамьи. Волненіе видимо охватило его мысли. Заложивъ руки за спину и понурившись, онъ медленно опять сталъ прохаживаться по тропинкамъ сада. Я почтительно слѣдовалъ за нимъ.

— Концовъ, ты не мальчикъ! — вдругъ сказалъ Алексѣй Григорьевичъ, обративъ ко мнѣ свои пронизательные, соколиные глаза: — дѣло великой государственной важности. Будь остороженъ, и не только въ дѣйствіяхъ или словахъ, въ самыхъ помыслахъ. Клянисься ли, что будешь обо всемъ молчать?

— Клянусь, ваше сіятельство.

— Такъ слушай же, помни... За все отвѣтишь мнѣ головой.

Графъ помедлилъ и, устремивъ на меня раздумчивый, въ самую глубь души глядѣвшій взоръ, прибавилъ: — не забывай же, меня ты знаешь... головой!..

Мы прошли въ конецъ сада, сѣли на другую, болѣе уединенную скамью.

— Недолго поймать всклепавшую на себя, — сказалъ графъ: — мало ли всячески можно изловчиться, если приказываютъ. Да честно ли, слушай, обманомъ-то, тайкомъ? а? притомъ съ женщиной... вѣдь жалко было бы? правда?

— Какъ не жалко, — отвѣтилъ я, въ простотѣ: — враговъ слѣдуетъ побѣждать, но открыто... иначе всякъ назвалъ бы предателемъ, низкимъ душегубцемъ.

Графъ какъ-то живо при этомъ мигнулъ, точно въ глазахъ его что-то пробѣжало.

— Ну, да, милый, ужъ такъ-то подлю... и мы съ тобой не палачи!—произнесъ онъ:—а изъ Петербурга все-таки даромъ не напишутъ; и притомъ, какъ на насъ тамъ смотреть, еще вилами писано по водѣ... Да что! откровенно тебѣ скажу: оттуда уже дважды являлись ко мнѣ тайные послы, соблазняя и склоняя противъ всѣхъ вѣрренныхъ мнѣ дѣлъ... Ожидаль ли ты этого? Не обидно ли, послѣ всѣхъ моихъ заслугъ? а?

Откровенность графа поразила меня и вмѣстѣ сильно мнѣ польстила. — «Вотъ положеніе сильныхъ міра!»—думалъ я, искренно жалѣя графа. Дѣйствительное паденіе фавора его семьи мнѣ уже было извѣстно.

Алексѣй Григорьевичъ задалъ мнѣ еще нѣсколько вопросовъ о княжнѣ и окружающихъ ее, сказалъ, что беретъ меня въ свой ближній штабъ и отпустилъ, съ приказомъ — остаться въ Болоньѣ и ждать его зова. Я поблагодарилъ за вниманіе и откланялся.

На другой день графъ уѣхалъ въ Ливорно, къ эскадрѣ, и возвратился не ближе недѣли. Меня къ нему не звали. Будучи безъ денегъ, я сильно во всемъ нуждался, да и скучалъ. Писать въ Россію было не кому. Прошло еще нѣсколько дней. За мной явились.

Графъ принялъ меня въ рабочемъ кабинетѣ.

— Угадываешь ли, Концовъ, что я тебѣ скажу?—спросилъ онъ, перебирая бумаги.

— Какъ знать мысли вашего сіятельства?

— Вотъ записка; получишь у казначея деньги и прежде всего уплати долги, вышли своимъ заимодавцамъ-французамъ... ты обезденежилъ на службѣ... а завтра ѣдешь въ Римъ...

Я поклонился и ждалъ дальнѣйшихъ повелѣній.

— Знаешь, зачѣмъ?—спросилъ графъ...

— Не могу угадать.

— Пока ты странствовалъ и хворалъ, таинственная княжна, покинутая вѣтрогономъ Радзивилломъ,—сказалъ графъ:—оставила Рагузу. Сперва она, съ неаполитанскимъ паспортомъ, навѣстила Барлетту, пожила тамъ, а теперь, подъ видомъ знатной польской дамы, появилась въ Римѣ. Понимаешь?

Я снова поклонился.

— Такъ вотъ что,—заключилъ графъ:—я давно передъ нею виноватъ, не отвѣчалъ ей на два письма... да и какъ было, среди всякихъ соглядатаевъ, отвѣчать? Пытался—было къ ней послать, эти дни, довѣреннаго человѣка, твоего же сослуживца по флоту, но она его не приняла. Жаль бѣдную, неопытна, мо-

лода и всѣмъ брошена, безъ средствъ. Ты съумѣешь увидѣть ее и начнешь съ нею переговоры. Я ее приглашаю сюда... Тамъ, слышно, есть кое-кто изъ русскихъ. Разузнай-ка, да главное — обереги ее отъ враговъ и всякихъ вліяній. Пусть дождется намъ одиницъ; мы ей окажемъ помощь. А на счетъ совѣсти будь спокоенъ, все будетъ исполнено отъ сердца и по законамъ справедливости.

X.

Я былъ ошеломленъ, пораженъ.

«Неужели графъ затѣваетъ измѣну?» — мелькнуло у меня въ мысляхъ: «быть не можетъ! знатный патриотъ, герой достопамятнаго переворота и главный пособникъ Екатерины, не замыслить этого! Но что же у него въ умѣ?»

Волнуемый сомнѣніями, я возымѣлъ смѣлое, дерзкое намѣреніе — вывесть сокровенныя мысли графа.

Въ тѣ дни, надо сказать, вдругъ пошло кѣмъ-то пущенное шептанье, будто съ сѣвера присланъ тайный указъ, что графа отзываютъ, замѣняя его въ командѣ флота другимъ, и всѣ его при этомъ по истинѣ жалѣли.

— Простите, ваше сіятельство, — сказалъ я графу: — завтра же я ѣду въ Римъ; вы мнѣ поручаете дѣло высшей важности. Если княжна склонится на ваши вондиціи и приметъ вашъ зовъ, осмѣливаюсь спросить, что можетъ отъ того произойти?

— Вотъ ты, брандеръ какой, водяной вьюкъ! — усмѣхнулся Алексѣй Григорьевичъ: — и всѣ вы, моряки, таковы; вамъ все вынь, да положь. А мы, дипломаты, не любимъ лишней болтовни. Поживешь, самъ увидишь... дѣло покажетъ себя. А я вѣрный и преданный слуга нашей государыни Екатерины Алексѣевны.

— Простите, графъ, великодушно, — продолжалъ я: — мнѣ дается не морское, а дипломатическое дѣло. Я въ таковыхъ не вращался и сильно сомнѣваюсь... ну, какъ эта особа и впрямь объявить свои права?

— О томъ-то я и думаю, — отвѣтилъ графъ: — легко можетъ статься, что она истинный, царскій отпрыскъ, нашей матушки Елизаветы крови! На все надо быть готовымъ. Старайся, Концовъ; не забудутся твои услуги. И прежде всего помни, надо княжнѣ, какъ женщинѣ, помочь деньгами, вывести ее изъ угнетеннаго положенія... Почему знать? И для ея величества, государыни, авось это будетъ пріятно передъ обществомъ. У нашей

царствующей монархини сердце, ой, порою... хоть и каменное... да и она, можетъ, сжалится, смягчится впоследствии.

Графъ болѣе и болѣе меня поражалъ.

«Вотъ, мыслить я, удостоился чести, кого къ себѣ расположилъ! Теперь ясно,—графъ не намѣняетъ,—хоть человѣколюбіе и увлекло его до смѣлаго ропота и нѣкоихъ сильныхъ укоризнъ! Вліяніе Орловыхъ пало; графъ очевидно задумалъ уговорить претендентку отказаться отъ ея правъ».

Путь, указанный графомъ, сталъ мнѣ понятенъ. Я собрался и уѣхалъ, съ искреннимъ увлеченіемъ, въ точности исполнить порученное мнѣ дѣло.

Это было въ началѣ февраля текущаго 1775 года. Кажется, такъ недавно, а сколько испытано, пережито.

Достигнувъ Рима, я отыскалъ графскаго посланца, явившагося туда ранѣе меня. То былъ лейтенантъ нашей же службы, какъ говорятъ, грекъ, а скорѣе полу-нѣмецъ, полу-жидъ, Иванъ Моисеевичъ Христенекъ. Я ему отдалъ порученныя мнѣ бумаги и сталъ его разспрашивать о предметѣ нашей миссіи. Черный, какъ жукъ, невысокій, юркій и препротивный человѣкъ, Христенекъ все улыбался и говорилъ такъ вкрадчиво, а глаза чисто воровскіе, разомъ глядятъ и въ душу, и въ карманъ.

Я узналъ отъ Христенека, что княжна занимала въ Римѣ на Марсовомъ полѣ нѣсколько комнатъ въ нижнемъ ярусѣ дома Жуани. Здѣсь она проживала въ большой скрытности и недостаткахъ во всемъ; за квартиру платила пятьдесятъ цехиновъ въ мѣсяцъ и имѣла всего три прислуги, ходила лишь въ церковь и кромѣ друга, аббата-иезуита, да по своей хворобѣ врача, не допускала къ себѣ никого.

Присланный графомъ Христенекъ, переодѣтый нищимъ, тщетно бродилъ болѣе двухъ недѣль воокъ двора Жуани, ища свиданія съ его уединенной жилицей. Ему не довѣряли, и какъ онъ ни бился и ни упрашивалъ прислугу, къ ней не допускали. Онъ повелъ меня на Марсово поле.

Домъ Жуани стоялъ уединенно и особнякомъ, въ глубинѣ двора, прикрытый спереди небольшимъ тѣнистымъ садомъ. Я подошелъ къ двери и тихо ударилъ скобой. Изъ окна, увитаго виноградными лозами, выглянула сперва незнакомая мнѣ горничная княжны, дочь прусскаго капитана, Франциска Метѣде, потомъ видѣвшійся со мной въ Рагузѣ, секретарь княжны Чарномскій.

— Отъ кого? — спросилъ онъ, съ робкимъ недовѣріемъ, оглядывая меня изъ-за полураскрытой двери.

Я его едва узналъ: куда дѣлась его щеголеватость и самоуверенность! Нарядъ на немъ былъ приношенный, волосы незавиты, щеки безъ румянца, а въ ушахъ простенькія, недорогія серьги.

— Отъ графа Орлова, — отвѣтилъ я.

— Есть письмо?

— Да вы пустите меня.

— Есть письмо? — повторилъ, уже принимая нахальный видъ, секретарь княжны.

— Собственной графской руки, — отвѣтилъ я, подавая пакетъ.

Чарномскій схватилъ письмо, бѣгло взглянулъ на его нѣмецкую надпись, какъ бы растерявшись, нѣсколько помедлилъ и скрылся. Прошло двѣ или три минуты. Дверь быстро открылась. Я былъ впуцень.

— Ахъ, извините, извините! — сказалъ, отвѣщая поклоны, Чарномскій: — представьте, вѣдь я васъ не узналъ въ мундирѣ; вы такъ измѣнились; пожалуйста, милости просимъ... желанный гость!

Онъ до того изгибался и юлилъ, что мнѣ показался смѣшнымъ и жалкимъ.

Княжна приняла меня въ небольшой горенкѣ, выходившей окнами въ задворный, еще болѣе уединенный садъ. Здѣсь уже не было ни дорогихъ штофныхъ обоевъ и бровъ, какъ въ Рагуть, ни золоченныхъ мебели, ни всей недавней роскоши. Сама всероссійская княжна Елизавета Тараканова, принцесса Владимірская, *duchess d'Azow* и плѣнительница персидскаго шаха и нѣмецкихъ князей, лежала теперь больная на кожаной софѣ, прикрытая теплою, голубого бархата мантилей, и въ туфляхъ, на куньемъ мѣху. Въ комнатѣ было холодно и сыро. Тоще пламя чуть мигало въ каминѣ.

Я не узналъ княжны. Ея истомленное, заострившееся лицо, съ яркимъ румянцемъ на щекахъ было еще обворожительно. Глаза улыбались, но они уже были не тѣ: они напоминали взоръ красивой, дикой, смертельно раненой серны, избѣгшей воюни, но понимающей свой близкій конецъ.

— А, наконецъ и вы! — робко сказала она, улыбаясь: — вы привезли отвѣтъ графа на мое письмо... я прочла... благодарю васъ... что скажете еще?

— Графъ вашъ покорный слуга и преданный рабъ, — отвѣтилъ я, повторяя порученныя мнѣ слова: — онъ весь къ вашимъ услугамъ и у вашихъ ногъ.

Княжна привстала. Оправивъ пышныя волны свѣтлыхъ, безъ пудры, волосъ, она, поборая смущеніе, дружески протянула мнѣ руку, которую я почтительно рѣшился поцѣловать.

— Меня всѣ, за исключеніемъ двухъ близкихъ лицъ, бросили, — произнесла она, сильно и судорожно напняя въ прижимаемый къ губамъ платокъ: — притомъ я нѣсколько нестати и приболѣла... это, впрочемъ, пустяки!.. не будемъ объ этомъ говорить... Но я, право, безъ всякихъ средствъ... Князь Радзивиллъ, его друзья и помогавшіе мнѣ французы, вѣрите ли? всѣ меня оставили, скрылись... И все это сдѣлалось такъ неожиданно, скоро... Едва ваша армія заключила миръ съ Турціей, услужливые магнаты-поляки бросили меня. Я имъ это вспомню. А теперь... скажу откровенно, — прибавила она, улыбаясь: — ну, я совсѣмъ, какъ есть, безъ денегъ, ни байока, — нечѣмъ платить доктору, за провизію; кредиторы осаждаютъ, грозить полиція, вѣдь это ужасъ, нечѣмъ жить...

Проговоривъ это, княжна опять немилосердно заканлялась и устремила на меня растерянный, молящій взглядъ. Прежней увѣренности въ немъ не было и слѣда.

— Ваша свѣтлость, — сказалъ я, выполняя данную мнѣ инструкцію: — вотъ небольшая помощь, предлагаемая вамъ графомъ. Сколько адѣсь, я не знаю, но графъ предлагаетъ это искренно, отъ души.

Я вынулъ и подаль княжнѣ запечатанный шифромъ графа его кредитивъ на имя римскаго банкира Дженкинса. Она прочла бумагу, провела рукой по глазамъ, взглянула на меня и опять закашлялась.

— Какъ! — вскрикнула она, съ блаженной улыбкой, прижимая къ груди бумагу: — и это истина, не шутка?

— Столь важный и высокій сановникъ, какъ его сіятельство графъ Орловъ, — отвѣтилъ я: — въ такихъ дѣлахъ не шутитъ.

Княжна стремительно вскочила съ софы, захопала въ ладоши, какъ дитя, со смѣхомъ и слезами, быстро меня обняла, вскрикнула что-то и выбѣжала въ смежную комнату. Тамъ слышался ея крикъ: «безграничный кредитъ!» и вслѣдъ за тѣмъ ея громкое, истерическое рыданіе. Прислуга засуетилась. Вошелъ блѣдный, взволнованный Чарномскій.

— Ея высочество такъ вамъ благодарна! — сказалъ онъ, съ чувствомъ пожимая мнѣ руку: — вы первый помогли, не измѣнили данному слову... Это такъ рѣдко; княжна, впрочемъ, не даромъ колебалась; ее столько обманывали. И наши неблагодарные поманили ее и бросили... графъ ее приглашаетъ въ Бо-

лонью. Согласится ли она, не знаю; но надо надеяться, что она рѣшится и послѣдуетъ на зовъ графа... Она безстрашна, предприимчива, смѣла, какъ рыцарь, и для дорогого ей дѣла, вѣрнѣе, не побояется ничего.

— Могу ли я это сообщить графу?—спросилъ я.

— Подождите нѣкоторое время, — въ ея положеніи... при томъ она, какъ видите, больна, — отвѣтилъ Чарномскій: — зайдите черезъ день, черезъ два; вамъ дадутъ знать. А пока все держите въ величайшей тайнѣ.

— Но адѣсь есть другіе русскіе? — сказалъ я: — они вхожи въ княжнѣ, могутъ ей повредить; кто они?

Чарномскій, покраснѣвъ и смѣшавшись, искоса взглянулъ на меня и отвѣтилъ, что объ этомъ не знаетъ ничего. Я удалился. Прошло нѣсколько дней; извѣстій о княжнѣ не было. Мы съ Христенекомъ безсмысленно сторожили въ сосѣднихъ австеріяхъ, поглядывая, кто посѣщаетъ княжну и что будетъ далѣе. Первые дни вокругъ дома Жуяни все было тихо, пустынно. Нѣсколько разъ подѣзжалъ врачъ, проходила въ домъ какая-то женщина въ черномъ, съ черною вуалью на головѣ, повидимому, монахиня. Она подолгу оставалась у княжини. Разъ, подъ вечеръ, слуга къ оградѣ дома подвелъ красивую, наемную карету. Изъ воротъ, укутанная голубою мантилей, понатываясь, вышла и сѣла въ карету женщина. — «Княжна! — сказалъ я Христенеку: — надо выслѣдить, куда поѣдетъ». — Мы крикнули извозчика и поѣхали слѣдомъ. Карета, съ опущенными занавѣсками, быстро повеселась переулками, выѣхала на Борсо и остановилась у банковской конторы Дженнинса. Было ясно: магическій ключъ графскаго кредитива отпиралъ доступъ къ довѣрчивой, смѣлой красавицѣ.

Прошла еще недѣля. Отъ княжны не было извѣстій. Я нѣсколько простудился и сидѣлъ дома; ходившій же наблюдать Христенекъ объявилъ, съ досадой, что чуть ли насъ преважис не провели: княжна не думала собираться въ Болонью.

Она, какъ узналъ соглядатай, расплатилась съ долгами. Кредиторы и полиція, грозившіе ей арестомъ, успокоились и болѣе ее не осаждали. Домъ Жуяни на диво преобразился. У его воротъ, днемъ и по вечерамъ, толпились экипажи. Штатъ княжны снова увеличился. Она заняла оба яруса обширнаго дома Жуяни, накупила нарядовъ, по прежнему выѣзжала, посѣщала гулянья, галлерей картинъ и рѣдкостей, принимала гостей и держала открытый столъ. Кстати, въ это время Римъ былъ особенно ожив-

лентъ; въ немъ происходили выборы новаго папы, на мѣсто умершаго Климента XIV-го.

Салонъ княжны по вечерамъ навѣщали извѣстные живописцы, музыканты, писатели и духовная знать. Незнакомка въ черномъ платьѣ въ это время почти не показывалась. Я однажды только видѣлъ ее у воротъ дома Жуани. Встрѣтись со мной, она отвернулась съ досадою и, какъ мнѣ померещилось, произнесла какъ бы что-то по русски. Я рассмотрѣлъ только ея золотистые, съ сильною просѣдою, волосы и гнѣвомъ пылавшіе, сѣрые, еще красивые глаза. Изъ оконъ княжны слышались по временамъ звуки арфы, на которой она весьма искусно играла; толпа уличныхъ звъаекъ и одѣляемыхъ щедрою милостынею нищихъ до поздней ночи стояли у сквозной ограды ея дома, глазѣя во дворъ и оглашая крикомъ и рукоплесканіями пышные, съ кавальедами, выѣзды княжны.

Я выдоровѣлъ и лично видѣлъ, какъ снова, то въ красивыхъ экипажахъ, то верхомъ на бѣшеныхъ скакунахъ, она носилась по площадямъ и улицамъ, по прежнему безпечна, нарядна и весела. Я невольно радовался за бѣдную, которой, какъ женщинѣ, черезъ меня была оказана такая поддержка. Одно было досадно: приставленный мнѣ въ помощь Христенекъ начиналъ намерять какъ-бы на недовѣріе графа ко мнѣ.

Римъ заговорилъ о красивой гостьѣ, какъ о ней говорили Венеція и измѣнившая, подъ конецъ даже ей враждебная, Рагуза. Христенекъ провѣдалъ, что банкиръ Дженкинсъ отсчиталъ ей, отъ имени графа Орлова, десять тысячъ червонцевъ. Ожившая красавица мотала полученные деньги съ безумною расточительностью, не помышляя, что имъ когда-нибудь настанетъ конецъ. Однажды и я былъ приглашенъ на ея вечеръ. Княжна казалась пышнымъ солнцемъ, среди окружающихъ ея звѣздъ. Она играла на арфѣ съ такимъ чувствомъ, что я былъ глубоко тронутъ. Объ отъѣздѣ, однако, не объяснила, а лишь мимоходомъ сказала: «будьте покойны, все устроится».

По совѣту Христенека, дня черезъ два я письменно напомнилъ княжнѣ о графѣ. Отвѣта долго не было. Мы терпелись въ догадкахъ; но вотъ однажды мнѣ подали отъ нея записку, съ приглашеніемъ на свиданіе въ церковь Санта-Марія-делли Анджели.

Былъ вечеръ. Я тихо вошелъ въ полуосвѣщенную, пропитанную запахомъ ладона, церковь. Свѣчи у иконостаса кое-гдѣ мерцали. Таинственная тишина наполняла пустынный сумракъ колоннъ и молельнъ. Въ наиболѣе уединенномъ мѣстѣ, скрытая

выступомъ боковой молельни, съ книжкой въ рукѣ, стояла въ бархатной, модной нарядѣ, подъ вуалью, стройная, худощавая особа. Я узналъ княжну.

— Желаніе добра и всѣхъ благъ моему отечеству Россіи, и всѣмъ моимъ будущимъ подданнымъ,—сказала она, склоняясь надъ молитвенникомъ:—во мнѣ такъ сильно, что я рѣшилась и принимаю приглашеніе графа. Прежде онъ меня пугалъ, я ему не вѣрила, теперь вѣрю. Видите, я сдержала слово: моимъ друзьямъ я объявила, что повидаю свѣтъ и навсегда уѣзжаю въ отдаленный монастырь, гдѣ постригусь... вамъ скажу другое...

Она помедлила, какъ бы собираясь съ силами.

— Завтра я ѣду,—произнесла она, съ нѣкоторою торжественностью:—только не въ монастырь, а съ вами къ графу Орлову. Вы не предадите меня, не измѣните мнѣ?

Я молча поклонился. Что я могъ ей отвѣтить,—я, вѣрный слуга государыни? Взоръ княжны пылалъ восторгомъ, надеждами; въ немъ не было колебаній и сомнѣній: передо мною стояла глубоко-убѣжденная женщина, жалость къ которой невольно охватывала меня.

— И такъ, до завтра! въ путь...

«Ну слава Богу!» подумалъ я: графъ теперь ее отговорить, устроить ее.

Она крѣпко сжала мнѣ руку, хотѣла еще что-то сказать и быстро вышла. Я также направился къ порогу церкви. Отъ урны съ святой водой отдѣлилась другая женщина. Она преградила мнѣ дорогу. Я узналъ въ ней особу, въ черномъ, ходившую въ домъ Жуани.

— Концовъ! — шепнула она съ негодованіемъ, по русски, отталкивая меня въ сторону, за колонны:—вы... вы предатель!

— Какъ можете вы такъ говорить? кто вы?—спросилъ я:—если вы русская, назовите себя.

— Вамъ дѣла нѣтъ до моего имени; но вы, въ заговорѣ противъ этой особы... уговорили ее ѣхать... ее тянуть въ западню,—шептала, по русски, въ волненіи незнакома, сжимая мнѣ руку:—клянись... или вы извергъ, такой же злодѣй, какъ тѣ, что научили погубить другого, такого же неповиннаго... въ Шлиссельбургъ...

Мнѣ вспомнились рассказы бабушки о кровавой драмѣ Миневича.

— Успокойтесь,—сказалъ я:—передъ вами честный человѣкъ, офицеръ... я исполняю свой долгъ и убѣжденъ, что княжну ожидаетъ только улучшеніе ея судьбы.

Незнакомка молча указала мнѣ на образъ Богоматери.

— Повторяю, — прошептала я: — княжна въ безопасности; ея доля перемѣнится къ лучшему.

Она выпустила мою руку, склонилась и тихо вышла изъ церкви.

Я долго слѣдилъ за нею глазами, стараясь угадать, кто она и почему принимаетъ такое участіе въ княжнѣ.

XII.

Было двѣнадцатое февраля. День стоялъ особенно сиверкій и прохладный, хотя свѣтлый. Княжна помѣстилась со свитой и слугами въ нѣсколько экипажей. У церкви Санъ-Карло она роздала нищимъ богатую милостыню и, провожаемая толпой артистовъ и знати, среди гама и криковъ народа, бѣжавшаго за нею и махавшаго шляпами, направилась къ выѣзду изъ Рима. Прописавшись въ городскихъ воротахъ, подъ именемъ графини Селинской, она выѣхала на флорентинскую дорогу. Я поскакалъ впередъ; Христенекъ слѣдомъ за нею.

Шестнадцатаго февраля княжна пріѣхала въ Болонью. Графа не было въ этомъ городѣ; онъ ее ожидалъ въ своемъ болѣе уединенномъ, пизанскомъ палаццо. Шумный поѣздъ и толпа слугъ княжны, въ нѣсколько десятковъ челоуѣкъ, овадачили графа. Онъ, впрочемъ, принявъ гостя отиѣнно ласково и почтительно, отвелъ ей не вдали отъ себя приличное помѣщеніе, окруживъ ее всѣми удобствами и, относясь къ ней, точно вѣрно-подданный, при постороннихъ передъ нею даже не сѣлся.

Наступили дивныя дѣла. О чемъ графъ говорилъ съ княжной и какія повелѣ относительно ея негоціи, про то никому не было извѣстно. Мы угадали только и весьма скоро, что тутъ казалась азартная игра въ любовь.

И дѣйствительно, княжна въ скорости поселилась въ графской квартирѣ; ея свита и слуги остались въ ближнихъ домахъ. Христенекъ, съ пріѣздомъ княжны, сталъ видимо меня оттирать и, точно вся удача была дѣломъ его рукъ, выдвигался впередъ. Я этимъ съ гордостью и презрѣніемъ пренебрегъ, такъ какъ графъ не могъ не видѣть, что лишь моему вліянію былъ обязанъ пріѣздомъ сюда княжны.

Развѣся слухъ, что Алексѣй Григорьевичъ подарилъ княжнѣ разныя вещи, въ томъ числѣ медальонъ съ своимъ миниатюрнымъ на кости портретомъ, осыпанный дорогими камнями, и

что, съ ея появленіемъ, даже покинулъ свою любимую дотогѣ фаворитку, красивѣйшую и премилую госпожу, жену богача Александра Львовича Давыдова, урожденную также Орлову.

Сомнѣнія не было, — новая очаровательница полонила сердце графа, нашего исполина. Левъ влюбился въ легкокрылую бабочку. Ослѣпленный ею, графъ даже не стѣснялся: ѣздилъ съ нею открыто вездѣ — на гулянья, въ оперу, въ церковь.

Княжна удостоила призывать и меня; разспрашивала о томъ, о семъ и подтвердила, что довѣряетъ мнѣ больше всѣхъ. Графъ меня осмыслялъ любезностями. Христененъ, видя снова мое предпочтеніе, пустился на хитрости. Хитрый грекъ сталъ жаловаться, что княжна его обидѣла невниманіемъ въ Римѣ, что онъ съ этимъ не можетъ помириться, и она, съ позволенія графа, поднесла ему патентъ на полковничій чинъ. Меня обошли. Я снесъ и эту выходку, видя довольство мною графа и княжны, чему вскорѣ увидѣлъ доказательство.

— Ну, Концовъ, — сказалъ мнѣ однажды графъ: — честь тебѣ и хвала, что ты далъ мнѣ случай угодить такой особѣ. Надо ей и на будущее устроить спокойное и безбѣдное житіе. Не правда ли, что за прелесть! какой живой, обворожительный умъ! Скажу откровенно, хотъ бы жениться, бросить холостой удѣлъ...

— Что-же, ваше графское сіятельство, — отвѣчалъ я: — за чѣмъ дѣло стало?

— Упирается, братецъ, говорить, — соглашусь, когда буду на своемъ мѣстѣ.

— То-есть, какъ, извините, на своемъ?

— Не понимаешь?.. Когда будетъ въ Россіи, дома — ну, когда государыня смилуетъ и удостоитъ признать ея права.

— И въ томъ есть надежда?

Орловъ задумался.

— Пелагаю, — сказалъ онъ: — дѣло возможное, только не повредили бы ей здѣшніе друзья... Сильно слѣдуетъ тутъ за нею эти поляки и всякое іезуитство; еще, пожалуй, обормотать насъ, застрѣлять, или попадешь, гдѣ въ переулкѣ, подъ наемный кинжалъ. Нужная для ихъ смуть особа...

Глаза графа смотрѣли тревожно; его открытое, смѣлое и умное лицо видимо было смущено. Сердечная страсть, какъ бы противъ его воли, ясно сказывалась въ дрожаніи голоса и въ каждомъ его словѣ.

Прошелъ день. Графъ не разставался съ гостьей.

— Вотъ бѣда, ума не приложу, — сказалъ онъ какъ-то, по-

звать меня:—бьюсь, бьюсь, не слушаетъ... Если-бы нашелся пособникъ, если-бы кто ее уговорилъ...

- Въ чемъ?—спросилъ я.
- Тайно обвѣнчаться и бѣжать...
- Съ кѣмъ?
- Со мной...
- Что вы, ваше сіятельство? куда?
- Хоть на край свѣта.

Пронзая такое признаніе, атлетическій, красивѣйшій изъ смертныхъ, богатырь-графъ стоялъ съ краской въ лицѣ и съ опущенными, какъ у влюбленнаго юноши, глазами, робко ожидая моего приговора. Что было отвѣтить? Я въ смущеніи промолчалъ, но и здѣсь, какъ и во всемъ и всегда, рѣшилъ остаться его преданнымъ и покорнѣйшимъ слугою. Дѣло шло о свадьбѣ, что же тутъ дурного? Женись на ней, графъ шелъ на зовъ сердца, а вмѣстѣ выигрывалъ и въ положеніи: родясь съ царскою кровью, обращалъ претендентку въ скромную графиню Орлову.

...Прерываю рассказъ, обращаясь къ дѣйствительности, къ бѣдному нашему фрегату. Боже, что за ужасъ. Истерзанный бурей «Сѣверный Орелъ» пять сутокъ уносился теченіемъ, неизвѣстно куда. Тщетно производили вычисленія, промѣры. Сегодня съ разсвѣтомъ мы прошли за Испаніей не вдали отъ африканскихъ береговъ, мимо какихъ-то дикихъ, каменистыхъ острововъ. Давали знаки. Въ туманѣ насъ никто не замѣтилъ. Днемъ я, отбывъ свою очередь, стоялъ на вахтѣ. Нестерпимый, знойный береговой вѣтеръ и безбрежная ширь взволнованнаго, рокочущаго между скалъ моря, корабль безъ мачтъ и руля, общее отчаяніе и ни малѣйшей надежды спастись,—вотъ что было передъ глазами. Первый подводный камень и всѣ мы идемъ во дно.

Ирѣнъ, далекая, ненаглядная измѣнница! видишь ли ты мученія отверженнаго тобой, безславно гибнущаго изгнанника?

...Ночь. Снова тишина. Я опять въ каютѣ. Господь-Вседержитель, дай силы пережить хотя бы еще сутки, дописать начатое.

XIII.

Истомленная команда уснула. Бодрствуютъ одни часовые да я.

Приступаю къ изложенію тягчайшаго испытанія жизни. Оно-то, это испытаніе, и составляетъ главнѣйшій предлогъ настоящей

исповѣди, — да прочтутся эти строки тою, по чьей винѣ я скитаюсь на чужбинѣ, а чрезъ то невольно помогъ свершиться и дѣянію, назначенному мнѣ быть въ вѣчный судъ и укоръ.

Это было, въ Болоньѣ, куда переехалъ графъ.

Княжна пожелала меня видѣть, ласково попросила сѣсть и сѣла сама. Вижу — опять у нея на щекахъ багровыя пятна, глаза горятъ и вся она какъ бы виѣ себя.

— Лейтенантъ, я вамъ, по тайности, сообщу одно дѣло, — сказала она, оглядываясь.

— Слушаю, ваша свѣтлость, можете во всемъ на меня положиться, — отвѣтилъ я.

— Графъ уѣзжаетъ завтра утромъ въ Ливорно. Слышали вы это?

— Знаю, — отвѣтилъ я.

— Тамъ, видите ли, произошла ссора и драка англичанъ-матросовъ съ русскими, и графа туда приглашаетъ его пріятель, англійскій консулъ Дикъ.

— Что же, — промолвись я: — дѣло пустое, скоро уладится и графъ возвратится.

— Онъ меня зоветъ съ собой... что, если я не соглашусь и съ нимъ не поѣду? — спросила княжна: — какъ вы думаете? онъ не броситъ меня, какъ другіе, не скроется навсегда?

— Помилуйте, — отвѣтилъ я, исполняя мысли графа: — это простая прогулка; отчего бы вамъ и въ самомъ дѣлѣ не поѣхать съ графомъ? Погода отмѣнная, пріятно провести вмѣстѣ такой вояжъ.

— Да, — отвѣтила она задумчиво: — хотѣлось бы и мнѣ взглянуть на этотъ городъ и на вашу флотъ; графъ такъ хвалитъ родныхъ моряковъ.

— И прекрасно, зачѣмъ же дѣло стало? — сказалъ я, размышляя: «Да! задѣло графа за ретивое, не хочетъ съ нею разстаться и на малый срокъ».

— И еще одно, — промолвила княжна, собираясь съ мыслями. Вижу, въ ея глазахъ слезы, губы вздрагиваютъ; она глядитъ на меня и будто меня не видитъ.

— Слушайте! — проговорила она, схватывая меня за руку: — вы честный человѣкъ... графъ мнѣ сдѣлалъ предложеніе, сватается за меня... что вы скажете?

Я почтительно всталъ.

— Отъ всего сердца поздравляю, — искренно отвѣтилъ я, съ поклономъ: — ваши достоинства побѣдили, удивительного нѣтъ.

— Не обманетъ онъ меня? не предастъ?—заговорила княжна въ полголоса, опять оглядываясь,—а губы, вижу, бѣлы и вся виѣ себя:—скажите мнѣ правду, закликаю васъ, молю!..

Мнѣ пришло въ голову, что въ эту поѣздку графъ могъ рѣшиться обвинчаться съ нею.

— Помилуйте, ваша свѣтлость,—сказалъ я, и вѣчно буду помнить это мною сказанное, роковое слово: — чего опасаетесь? да графъ въ васъ до безумія влюбленъ, мнѣ это хорошо извѣстно; онъ спитъ и видитъ, въ мысляхъ помутился, даже хотѣлъ съ вами бѣжать.

— Такъ это истина? клянитесь вашею матерью, отцомъ! — произнесла она, стискивая мнѣ руку.

— Какъ передъ Богомъ! самъ отъ него наединѣ слышалъ; онъ удостоилъ меня откровенности... а между тѣмъ, что я для него? мелкій подчиненный, ничтожество... онъ такъ искренно говорилъ...

Княжна устремила взглядъ на походный, висѣвшій въ ея комнатѣ образокъ Спаса, въ терновомъ вѣнкѣ и нѣсколько мгновений оставалась въ неподвижности, какъ бы горячо и усердно молясь.

— Смѣлые только и живутъ! — произнесла она, вставая и выпрямляясь:—я ѣду... но помните, даромъ не отдамъ свободы и сердца... чему быть, то сбудется на дняхъ...

Я отъ души вновь поадрала княжну.

— Еще слово, Концовъ,—оставовила она меня: — скажите, да такъ же, какъ предъ Богомъ, по совѣсти, —дѣйствительно ли это тотъ Орловъ, который помогъ вашей императрицѣ взойти на престолъ?

— Онъ самый.

— Молодецъ, герой!..—одушевленно вскрикнула княжна:—эвва! отважный Сидъ, Баярдъ! божья искра даетъ такимъ смѣлость и величіе души.

Я ушелъ, полный радости за исходъ дѣла, хотя тайная мысль шевельнулась во мнѣ: «а знаетъ ли княжна о другомъ, послѣдующемъ подвигѣ графа? и почему я не сказалъ ей объ этомъ его тяжкомъ, ничѣмъ незамолимомъ, черномъ грѣхѣ?» Я исполнилъ долгъ службы, волю начальства, но виѣсть жалѣлъ эту женщину.

Тяжелыя сомнѣнія охватили меня, не дали въ ту ночь спокойно спать. «Долгъ долгомъ, а что, если?.. Пойти утромъ, — шепталъ мнѣ внутренний голосъ: — предупредить ее... время не ушло; пусть лучше и строже все обдумаетъ и сама рѣшитъ».

Чуть взошло солнце, я одѣлся и поспѣшилъ къ дому графа. У крыльца толпились народъ, подъѣзжали запряженные экипажи. Я протискивался сквозь толпу. Графъ съ княжной уже сидѣлъ въ коляскѣ; въ другомъ экипажѣ былъ Христенекъ, въ третьемъ часть прислуги.

— Садись, Концовъ, тебя только ждали!—крикнулъ графъ.

Я бессознательно сѣлъ въ экипажъ къ Христенеку. Поѣздъ двинулся. Утро, послѣ небольшого дождя, было свѣтлое, тихое.

— Что видите вы во всемъ этомъ? — спросилъ меня Христенекъ, когда мы выѣхали.

— Въ чемъ?

— Да этотъ-то вояжъ?

— Не знаю и знать не смѣю, — отвѣтилъ я.

— Завтра быть парочкѣ молодыхъ, — улыбнулся онъ: — обвѣнчаются.

— Но гдѣ же церковь?

— А флотская на что? взойдутъ на адмиральскій корабль, тамъ живо ихъ и повѣнчаютъ. Для того, видно, она и согласилась туда ѣхать...

— Такъ это вѣрно?

— Еще бы, ужели не видите?... графъ — точно на крыльяхъ; трудно было вѣрить, а изъ сказки выходитъ быть.

Въ Ливорно графа Орлова встрѣтилъ командиръ нашей эскадры, адмиралъ Самуилъ Карловичъ Грейгъ. Ѣздили потомъ, графъ и княжна, съ визитами къ нему и къ консулу Днеу, катались съ консуломъ, его женой и всею компаніей въ окрестностяхъ и совершили прогулку въ катерахъ по морю, съ музыкой, вездѣ провожаемые любопытною, гонявшеюся за ними, толпой.

Вечеромъ, во второй день пребыванія въ Ливорно, графъ съ княжной были въ оперѣ. Когда они возвратились, я изъ сѣней отведеннаго графу, роскошнаго приморскаго палаццо примѣтилъ сходящаго съ графскаго крыльца другого проныру, тоже грека нашей службы, Осипа Михайловича Рибаса, или Де-Рибаса. Этотъ былъ тоже въ родѣ Христенека, черенъ, какъ жукъ, но выше ростомъ и менѣе подвиженъ. Ихъ у насъ такъ и звали: жукъ и жуколицъ. Де-Рибасъ, какъ я узналъ, еще ранѣе меня и Христенека, ѣздилъ съ развѣдками о княжнѣ въ Венецію.

— Прощай, поппъ, — засмѣялся графъ въ окно Де-Рибасу, не видя меня: — не забудь только ризы...

«Риза... и почему поппъ?» терялся я въ догадкахъ, стоя у мраморной колоннады крыльца, съ котораго былъ великолѣпный видъ на голубое, безбрежное море и эскадру.

XIV.

Двадцать перваго февраля была особенно пріятная, почти лѣтняя погода. Въ небесахъ ни облачка, на морѣ тихо и вездѣ какъ-то празднично-радостно.

У англійскаго консула, для графа и его спутницы, былъ дружескій завтракъ. Княжна явилась туда, богато и со вкусомъ наряжена, бойка и весела. Куда дѣлась хвороба: щебетала съ прочими гостями, гуляла по эстрадѣ, украшенной цвѣтами, смѣялась и безпечно шутила. Всѣ обходились съ нею вѣжливо и съ отми́ннымъ вниманіемъ.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ, услуживая спутницѣ, то подавалъ ей вѣеръ и перчатки, то заботливо бралъ у слугъ и подносилъ ей прохладительное. Мы видѣли: онъ не спускалъ съ очаровательницы влюбленныхъ, потерянныхъ глазъ. И она какъ бы переродилась, поздоровѣла; куда дѣлся ея болѣзненный видъ! Ея рыцарь, укрощенный левъ, былъ у ея ногъ.

— Каковъ нашъ селадонъ! — шепнулъ Христенекъ, поглядывая на меня: — какъ на покоѣ-то, на чесменскихъ лаврахъ, не пропускаетъ герой иныхъ побѣдъ!

Адмиралъ Грейгъ, по природѣ угрюмый, сосредоточенный и важный, былъ нѣсколько разсѣянъ, сидѣлъ съ опущенными глазами и, какъ бы не примѣчая никого, болѣе молчалъ. Кто-то взглянулъ въ окно. Оттуда было видно море и выстроившаяся, въ отдаленіи, русская флотилія. Дамы заговорили о пріятности прогулки на парусахъ.

— Когда же, графъ, покажете ваши корабли? — спросила княжна: — въ Чивита-Веккии вы устроили примѣрное сраженіе подъ Чесмой; осыпали другихъ, не удостоите ли и насъ?

— Все готово! — отвѣтилъ, вставая и почтительно кланяясь, Орловъ.

Общество двинулось къ морю.

Мужчины и дамы спустились на берегъ. Графъ Алексѣй Григорьевичъ былъ особенно почтителенъ къ княжнѣ. Онъ накиннулъ ей на плечи шаль, взялъ изъ рукъ слуги ея зонтикъ и, развернувъ его надъ нею, шелъ рядомъ съ ней, осыпая ее нѣжно-страстными признаніями. Стоявшіе у берега зрители, любясь его генеральскимъ, темно-зеленымъ, съ красными отворотами, раззолоченнымъ мундиромъ и величественною осанкой, кричали вивать и шептали: вотъ парочка! Всѣ усьмисъ въ поданные шляпки и катера; съ княжной въ раззолоченный, по царски

убранный катеръ, помѣстились адмиральша Грейгъ и консульша Дикъ; графъ сѣлъ съ адмираломъ, а мы свитскіе — съ слугами княжны.

Катера направились въ флотиліи. Эскадра встрѣтила насъ съ особою пышностью: вездѣ были флаги, офицеры на палубахъ стояли въ парадныхъ мундирахъ, матросы на мачтахъ и реяхъ. На всѣхъ судахъ заграла пріятная музыка. Волны слегка колыхались. Дальній берегъ былъ усыянъ любопытствующими.

Съ адмиральскаго корабля «Трехъ Іерарховъ» спустили разукрашенное кресло и въ немъ подняли съ катера княжну, а за нею и прочихъ дамъ. Мы взошли по трапу.

Едва дамы вступили на бортъ, со всѣхъ сторонъ раздалось дружное ура и загремѣла пушечная пальба. Зрѣлище было торжественное. Народъ, покрывавшій улицы и набережную, въ радости махалъ шляпами и платками. Всѣ ждали, что Орловъ и здѣсь произведетъ маневры, съ сожженіемъ, для примѣра, негоднаго корабля. Множество зрительныхъ трубъ было на насъ направлено съ берега. Десятки шляпокъ, съ публикой, стали отчаливать и подходили къ судамъ.

На кораблѣ «Трехъ Іерарховъ» была особая суета. Адмиральская прислуга возилась съ угощеніемъ,нося на палубу вина, сласти и плоды. Подчивали и насъ. Въ каютъ-компаніи начались танцы. Молодежь съ дамами усердно танцевала контрдансъ и котильонъ.

Вскорѣ дамъ пригласили въ особую каюту. За ними, разговаривая другъ съ другомъ, сошли туда же графъ и адмиралъ. Послѣдній былъ какъ бы не по себѣ и нѣсколько сумраченъ.

— Будутъ вѣнчать графа и княжну, — сказалъ кто-то изъ офицеровъ въ полголоса товарищу.

Я обомлѣлъ.

— Почему же здѣсь? — спросилъ тотъ, кому это было сказано: — что за таинственность и поспѣшность?

— Русской церкви нѣтъ ближе; адмиралъ уступилъ корабельную, — княжна потому и пріѣхала въ Ливорно и на этотъ корабль.

Спустя нѣкоторое время, по особому зову, подъ палубу спустились кое-кто изъ свитскихъ, въ томъ числѣ и молча переглянувшіеся, оба грека нашей службы, пронырливые и ловкіе Рибасъ и Христенекъ. Мнѣ при этомъ почему-то вспомнились загадочныя слова графа Рибасу — «попъ и риза». Духовенства на кораблѣ между тѣмъ не было видно.

Палуба нѣсколько опустѣла. Офицеры ходили, весело бесѣ-

дуя и наводя лорнеты на публику въ шляпеахъ. Музыка на кормѣ играла веселый маршъ, потомъ арію изъ какой-то оперы.

Подъ палубой, между тѣмъ, произошло нѣчто, донныя въ точности неизвѣстное. Одни послѣ утверждали, что за угощеніемъ была только вновь открыто провозглашена помолвка графа и княжны и всѣ при этомъ торжественно пили за здравіе жениха и невесты. Другіе чуть не клятвенно утверждали, будто въ особой каютѣ, для вида и въ исполненіе слова, даннаго княжнѣ, совершилось самое вѣнчаніе ея и графа, и что роли іерея и дьякона при этомъ кошунственно играли, переряженные въ церковныя, флотскія одежды, Христенекъ и Рибасъ; первый былъ дьякономъ, а второй попомъ.

Но я забѣгаю впередъ. Надо возвратиться на палубу «Трехъ Іерарховъ».

Нѣтъ силъ, сердце надрывается и перо падаетъ изъ рукъ, при мысли о томъ, что я здѣсь вскорѣ увидѣлъ. И гдѣ бы я ни былъ, останусь ли чудомъ Господнимъ живъ, или погибну въ безднахъ воли, воспоминаніе объ этомъ не умретъ во мнѣ до послѣдняго вздоха.

Палуба оживилась. Всѣ, бывшіе въ каютѣ, снова взошли на палубу, размѣстились говорливыми кучками по бортамъ и на рубкѣ. Слышались остроты, смѣхъ. Слуги разносили прохладительное и вино.

Княжна сидѣла у борта. Поднимался вѣтеръ, свѣжѣло. Она знакомъ головы ласково подозвала меня къ себѣ. Я ей помогъ надѣть мантилью.

— Въ вѣкъ не забуду! — шептала она, съ восторженною, блаженною улыбкой, горячо пожимая мнѣ руку:—вы сдержали слово; сонъ сбывается, я буду скоро въ Россіи, а тамъ... отчего не надѣяться? провозгласить в будущую царицу Елизавету Вторую... Вѣкъ чудесъ! чѣмъ была, давно ли, сама нынѣшняя императрица?

Меня поразили эти слова. Я промолчалъ, смущенный безумнымъ бредомъ ослѣпленной женщины.

Съ «Трехъ Іерарховъ» въ это время дали знакъ особымъ флагомъ. Раздались новые пушечные салюты. Загремѣло ура. На всѣхъ корабляхъ опять заиграли оркестры.

Эскадра начала маневры.

Восхищенная общимъ вниманіемъ будущихъ подданныхъ, княжна, облокотясь о бортъ, стояла въ пріятной задумчивости, слѣдя взглядомъ за сигнальными дымами выстрѣловъ и за начавшимся движеніемъ кораблей. Какъ теперь вижу ее, въ голубой

бархатной мантильѣ, въ черной соломенной шляпкѣ и съ бѣлымъ зонтикомъ въ рукѣ.

Забывая при этомъ и я, разсуждая: «Да, дѣло сдѣлано! графъ нашелъ подругу жизни, съумѣетъ ее наставить и, вразумивъ, посѣлится съ нею къ стопамъ милосердной императрицы».

XV.

— Ваши шпаги, господа! — раздался вдругъ по близости отъ меня громкій, настойчивый голосъ.

Я оглянулся.

Капитанъ гвардіи Литвиновъ обращался поочередно къ адъютантамъ и къ прочей свитѣ графа, отбирая у всѣхъ шпаги. Вооруженные матросы наполнили всю палубу. Адмирала Грейга, его жены и консулши уже здѣсь не было. Я въ изумленіи, вслѣдъ за другими, также подаль капитану шпагу.

Княжна, слышавъ бряцанье ружей и говоръ, быстро обернулась. Ея лицо было блѣдно. Она мигомъ все поняла.

— Что это значитъ? — спросила она по-французски.

— По именному повелѣнію ея императорскаго величества, вы арестованы! — отвѣтилъ ей на томъ же языкѣ капитанъ.

— Насиліе? — вскрикнула княжна: — на помощь!... сюда!

Она бросилась въ трапу, протискиваясь слабыми руками сквозь сомкнутый, военный строй. Загорѣлыя, хмурые лица матросовъ удивленно и молча смотрѣли на нее.

Литвиновъ заступилъ ей дорогу.

— Нельзя, — сказалъ онъ: — успокойтесь.

— Проклятіе! — бѣшено проговорила она: — такъ поступать съ женщиной, съ прирожденной вашей княжой! — слышите ли? — дайте дорогу, — кричала она солдатамъ по-французски: — гдѣ графъ Орловъ? позовите, ведите его... вы отвѣтите за все!

— Графъ, по приказанію государыни и адмирала, также задержанъ! — отвѣтилъ ей, вѣжливо кланаясь, Литвиновъ: — онъ арестованъ, какъ и вы...

Княжна громко вскрикнула, отступила... Ея гаснущій взоръ замѣтилъ меня въ сторонѣ. Онъ съ укоризной, какъ ножъ, скользнулъ по моему сердцу, какъ бы говоря: «ты виновникъ, ты погубилъ меня»... Она пошатнулась и упала безъ чувствъ.

Матросы снесли ее въ каюту.

Прислуга княжны, кромѣ горничной, оставленной при ней,

была также арестована и, подъ строгимъ надзоромъ, перевезена на другой корабль.

Потрясенный до глубины души всѣмъ, что произошло на моихъ глазахъ, я вѣ себя опомнился въ какой-то, полутемной, корабельной коморѣ. Поднялъ голову и вижу, что взаперти со мной, подъ карауломъ, сидитъ и самъ главный предатель Христенекъ. Это меня непомѣрно удивило. Мой товарищъ сидѣлъ, впрочемъ, спокойно. Развалился и дождавъ что-то прихваченное изъ сластей, онъ изрѣдка взглядывалъ на нашу затворенную дверь.

— Удивляетесь?—спросилъ онъ меня:—не правда ли, вѣдь чудеса?

— Да, есть чему подивиться,—отвѣтилъ я, на силу одолевая въ нему отвращеніе.

— Иначе было нельзя,—сказалъ онъ.

— Почему?

— Только приманка брака и соблазнила эту искательницу приключеній.

— Но для чего было играть чувствами, сердцемъ! — проговорилъ я, не стерпѣвъ.

— Иначе ее не заманили бы на флотъ.

— Были другіе способы, — возразилъ я:—мнѣ извѣстно, графъ клятвенно признавался ей въ любви, а ставъ его женою, она и безъ того, охотно, довѣрилась бы нашей эскадрѣ.

— Эхъ, любезный Концовъ, простота! — проговорилъ, съ улыбкой, грекъ:—ужели, извините, ранѣе не угадали? Да въ то именно время, когда графъ игралъ съ княжной въ самые нѣжные амуры, я, подъ его диктантъ и отъ его имени, писалъ государынѣ, что здѣсь, для уловленія этой авантюрьеры, рѣшились на все,—хоть, безъ дальнѣйшихъ словъ, камень ей на шею да въ омутъ.

— Что же вы и впрямь ее не утопили? — смѣло воскликнулъ я, не помня, что говорю:—это, не въ примѣръ было бы лучше для обманутой, несчастной, чахоточной...

— Проживетъ еще,—сказалъ Христенекъ:—повелѣно схватить ловко, безъ шума; въ точности и исполнили.

Я съ негодованіемъ слушалъ эти холодныя, жесткія слова. Издѣвательство наглаго грека выводило меня изъ себя.

— Ну, полно, другъ, — произнесъ Христенекъ:—успокойте рыцарскія свои чувства, все пустяки! Въ наше время, помните, главное—отвага и въ самой дерзости умная и ловкая острота.

Ты успѣлъ, — могучъ и богатъ; не успѣлъ, — бѣдность или того хуже — Сибирь. Вставайте-ка лучше; развѣ не видите? пора...

Поднявъ голову, я увидѣлъ, что наша коморка уже отперта и за дверью, улыбаясь, гурьбой стояли подгулявшіе и веселые, прочіе моряки.

Меня и грека называли въ капитанскую. Тамъ красовалась батарея винъ; дымились трубы, кипѣлъ пуншъ. Насъ заставили выпить и отпустили на берегъ. Графъ, какъ я узналъ, въ это время былъ съ адмираломъ у консула. Тамъ они обсуждали свои дальнѣйшія дѣйствія.

Насталъ вечеръ. Улицы Ливорно шумѣли негодующею, взволнованною толпой. Русскіе жались по квартирамъ. Я безсознательно схватилъ шляпу и плащъ, прошелъ окольными переулками за городъ и оттуда на взморье.

XVI.

Я упалъ на берегъ. Боже, какая казнь! Слезы меня душили. Я ненавидѣлъ, проклиналъ весь міръ. — «Какъ! мыслилъ я: совершилось такое безбожное, вопіющее дѣло! и я во всемъ этомъ былъ соучастникъ, пособникъ?» — Я дрожалъ отъ негодованія и бѣшенства, съ ужасомъ вспоминая и перебирая въ умѣ всѣ возмутительныя подробности и мелочи, весь адскій расчетъ и предательство того, кому я былъ такъ преданъ и кто не постыдился играть священнѣйшимъ чувствомъ — любовью. Мнѣ представилась въ эти минуты бѣдная, всѣми обманутая, убитая горемъ, женщина. Я ее вообразилъ себѣ душевно-истерзанною, въ тюрьмѣ, можетъ быть въ цѣпяхъ, подъ охраной грубыхъ солдатъ. — «И въ какое время это сдѣлалось? — мыслилъ я: когда такъ неожиданно все ей улыбалось, исполнялись всѣ ея золотыя, несбыточныя грезы и мечты. Она, тайная дочь бывшей императрицы, увидѣла наконецъ у своихъ ногъ перваго сановника новой государыни. Съ флота неслись привѣтственные клики, пальба. Что она должна была чувствовать, что пережить?»

Изъ-подъ скалы, гдѣ я лежалъ, мнѣ былъ видѣнъ закатъ солнца, золотившаго послѣднимъ блескомъ холмы, верхи городскихъ церквей и башенъ и чуть видныя въ морѣ очертанія кораблей.

«Поворъ, поворъ!» — шепталъ я себѣ: «графъ Орловъ навѣкъ запятналъ себя новымъ, еще болѣе чернымъ дѣломъ. Ни чесменскіе, ни другіе лавры не укроютъ его огнищъ передъ людскимъ

и божьимъ судомъ. А съ нимъ по заслугѣ отвѣтимъ и всѣ мы, его пособники въ этомъ поступкѣ»..

Отчаянье и скорбь во мнѣ были такъ сильны, что я готовъ былъ лишиться себя жизни.

«Нѣтъ, кайся, всю жизнь кайся!»—твердилъ во мнѣ внутренний голосъ: «ищи искупить свой тяжкій грѣхъ.»

Съ адмиральскаго корабля прозвучалъ пушечный выстрѣлъ. Съ прочихъ, болѣе близкихъ, судовъ слышались звуки заревой музыки. Тамъ молились. Море одѣвалось сумракомъ. У брандвахты и по берегу зажигались сторожевые огни.

Я всталъ и, еле двигая ноги, побрелъ въ городъ. Тамъ меня ожидалъ ординарецъ графа. Я пошелъ за нимъ.

— Ну, Концовъ, признайся, удивленъ? — спросилъ, встрѣтивъ меня, Алексѣй Григорьевичъ.

Рѣчь отказывалась мнѣ служить. Да и что я могъ ему отвѣтить? Этотъ, надѣленный всѣми благами жизни, богатырь, этотъ лихачъ и умница, осыпанный почестями сановникъ, еще недавно мой кумиръ, былъ теперь мнѣ противенъ и невыносимъ.

— Ты думаешь, я не помню, забылъ? — продолжалъ онъ, какъ бы избѣгая на меня глядѣть:—вѣдь главнѣйше я тебѣ во всемъ обязанъ... Не будь тебя и ея вѣры въ твое участіе, не такъ бы легко сдалась пташка...

Слова графа добивали меня. Я стоялъ ошеломленный, растерянный.

— Можетъ быть, тебѣ неизвѣстно,—какъ бы въ утѣшеніе мнѣ сказалъ графъ: — успокойся... изъ Петербурга, на счетъ этой дерзкой, всклепавшей на себя несбыточное имя и природу, пришелъ несомнѣнный приказъ: схватить и доставить еѣ туда, во что бы то ни стало. Теперь понялъ?

Я въ смущеніи продолжалъ молчать.

— Самозванка въ нашихъ рукахъ,—закончилъ графъ:—воля монаршая соблюдена и арестантку въ скорости повезутъ на сѣверъ. Будетъ не мало розысковъ, докопаются до главныхъ корней... Это дѣло не однихъ чужихъ рукъ; замѣшанъ кое-кто и изъ нашихъ вояжировъ. Въ бумагахъ этой лгуни оказались весьма знакомые почерки...

«Ты радуешься, будутъ новые аресты, розыски!» подумалъ я: «а что самъ-то ты сдѣлалъ, безжалостный, каменный человѣкъ?»

— Что же ты молчишь?—спросилъ графъ.

— Городъ волнуется,—отвѣтилъ я:—сходбища, крики, угрозы. Берегитесь, графъ,—прибавилъ я, не преодолевая отвращенія къ нему:—это не Россія... пырнуть, какъ разъ.

— А ты вот что, милый, — нахмурился графъ: — это тронѣть тебя или кого другого изъ нашихъ и становѣть грозить, укази только на море... семьсотъ пушекъ, братецъ, прямо оттуда глядѣть! Махну имъ, будетъ здѣсь гладко и чисто. Такъ всякому и скажи! а я ихъ не боюсь...

«Хвастунъ!» — подумалъ я, холодѣя отъ злобы, и ушелъ отъ графа молча, даже не поклонившись ему.

XVII.

Прошло еще нѣсколько тяжелыхъ, невыносимыхъ дней. Ливорницы дѣйствительно шумѣли и стали грозить открытымъ насилиемъ. Негодующая чернь съ утра до ночи стояла передъ дворомъ графа, изрѣдка кидая въ ворота и камнями. Графа охранялъ сильный отрядъ матросовъ. Лодки, наполненныя дамами и знатными горожанами, то и дѣло отплывали изъ гавани. Онѣ сновали веру въ нашихъ кораблей, ожидая, не увидать ли гдѣ въ омно несчастную плѣнницу?

Меня посылали на «Трехъ Іерарховъ». Графъ поручалъ отвезти туда нисмо и пачку французскихъ книгъ. Послѣ я узналъ, что это была посылка княжнѣ. Возвращаясь въ городъ, я вдругъ услышалъ крикъ, оглянулся съ лодки и замеръ: въ открытомъ оми «Трехъ Іерарховъ» видѣлось припавшее къ рѣшеткѣ, блѣдное лицо и чья-то рука мнѣ махала платкомъ. Я также подаль знакъ рукой. Былъ ли онъ, въ плескѣ волнъ, замѣченъ съ корабля, не знаю.

Матросы усердно ложились на весла. Съ моря дулъ свѣжій вѣтеръ. Лодка быстро неслась, ныряя по расходившимся волнамъ.

Прошелъ слухъ, что эскадра на дняхъ снимается. Куда было ея назначеніе, никто не зналъ. Я собрался развѣдать, останусь ли при штабѣ графа, и только-что взялся за шляпу, въ комнату кто-то вошелъ. Оглянулся — у порога стояла черная фигура. Я разглядѣлъ въ ней русскую незнакомку церкви Санта-Марія. Прямой и запыленный нарядъ показывалъ, что она недавно съ дороги.

— Узнали? — спросила она, откидывая съ головы вуаль, причемъ ея золотистые, кудрявые волосы оказались еще болѣе свѣды.

— Что вамъ угодно? — спросилъ я.

— Такъ-то вы ручались и увѣрили? — произнесла она, подступая ко мнѣ: — гдѣ же ваши увѣренія, что вы честный человекъ?

— Выслушайте меня... я не виноватъ,—началъ я.

— Изверги, злодѣи!—вскрикнула она:—устроили западню, заманили, сгубили бѣдную и думаютъ, что это такъ имъ прійдетъ. Вы покойны? ошибаетесь—часъ расплаты близокъ, онъ наступитъ...

Она такъ приступала ко мнѣ, что я подался въ уголъ, къ открытому окну. Окно было въ нижнемъ ярусѣ дома и выходило въ садъ. Я обрадовался, примѣтивъ, что въ саду въ это время не было никого. Шумъ могъ привлечь любопытныхъ и повредилъ бы незнакомкѣ, которой посѣщеніе мнѣ было непонятно и разубѣдить которую, какъ мнѣ казалось, было трудно.

— Вы не виноваты?—спросила она:—не виноваты?

— Да, я дѣйствовалъ честно!—вы увидите, я докажу...

— Отвѣчайте... вы совѣтовали княжнѣ ѣхать? убѣждали ее?

— Убѣждалъ...

— Говорили ей о возможности брака съ Орловымъ? Не прибѣгайте къ уверткамъ, слышите ли, мнѣ нуженъ прямой отвѣтъ!—твердила эта женщина, въ крайнемъ волненіи и вся трясаясь.

— Бракъ мнѣ былъ заявленъ самимъ графомъ, онъ вѣроятно увѣрялъ.

— А, предатели! смерть тебѣ!—невостово вскрикнула незнакомка, взмахнувъ при этомъ рукой.

Я не успѣлъ отшатнуться. Въ упоръ грянулъ выстрѣлъ. Клубъ дыма заслонилъ мнѣ лицо. Я рванулся, схватилъ безумную за руку. Она, съ искаженнымъ отъ гнѣва лицомъ, отбиваясь, выстрѣлила еще разъ и къ счастью также неудачно. Отнявъ у нея пистолетъ, я выкинулъ его въ садъ. Сбѣжалась прислуга, стали стучать въ дверь прихожей. Я бросился туда и, черезъ силу поборавъ волненіе, сказалъ, что разряжалъ въ окно пистолетъ и что не произошло ничего опаснаго. Меня оставили, недоувѣрчиво поглядывая на меня.

Замкнувъ дверь прихожей, я возвратился къ незнакомкѣ. Я былъ въ неопisanномъ состояніи. — «Ахъ, ахъ!» твердилъ я: «что вы сдѣлали, на что рѣшились! и за что, за что?»—Гостья, припавъ къ столу головой, въ безпамятствѣ рыдала. Я прошелся по комнатѣ и невольно взглянулъ въ зеркало: на мнѣ не было лица, я себя не узналъ.

— Слушайте-же,—проговорилъ я, наконецъ, гостьѣ, не перестававшей плакать:—вы должны знать, что я самъ сталъ жертвой возмутительнаго обмана.

...И я началъ разсказъ.

— Вы видите,—сказалъ я, кончивъ:—Господь смиловался, я живъ... Объяснитесь же и вы...

Незнакомка долго не могла выговорить слова. Давъ ей напиться, я предложилъ ей выйти въ садъ. Здѣсь къ ней возвратилась рѣчь. Раза два она несмѣло взглядывала на меня, какъ бы моля о снисхожденіи, наконецъ также заговорила.

— Моя исторія болѣе печальна,—сказала она, со слезами, когда мы прошли нѣсколько дорожекъ и сѣли:—но я такъ передъ вами виновата, такъ,—прибавила она, закрывъ лицо руками:—вы никогда не простите меня.

— Успокойтесь,—произнесъ я, мало-по-малу прійдя въ себя:—я готовъ, я забуду... все отъ Бога... все въ его власти...

Незнакомка обратила ко мнѣ блѣдное, убитое лицо, схватила меня за руку и опять зарыдала.

— Вы такъ великодушны,—прошептала она:—слышали ли о судьбѣ Мировича?

— Слышалаъ.

— Я—виновница его покушенія... Я его бывшая невѣста, Поликсена Пчелкина.

Я ошолбенѣлъ... Всѣ подробности дѣла Мировича, слышанныя мною десять лѣтъ назадъ отъ покойной бабушки, встали въ моей памяти. Нагнувшись къ гостѣ, я взялъ ея руку, стрѣлявшую въ меня, и съ чувствомъ ее пожалъ.

— Говорите, говорите,—произнесъ я.

— Въ Россіи оставаться мнѣ было нельзя,—продолжала она, какъ-то странно, скороговоркой:—десять лѣтъ я скиталась въ разныхъ мѣстахъ, была въ монастыряхъ на Волыни и въ Литвѣ, служила больнымъ и не мощнымъ. Будучи годъ назадъ опять за Волгой, я первая получила вѣсныя свѣдѣнія о княжнѣ Таракановой, принцессѣ Авоской и Владимірской. Меня къ ней вызвали таинственными, мнѣ самой неизвѣстными лица. Вы поймете, какъ я къ ней стремилась... Я искала съ нею встрѣчи. Снабженная отъ тѣхъ лицъ средствами, я познакомилась съ княжною сперва въ перепискѣ, потомъ лично въ Рагузѣ и увѣровала въ нее. О, какъ я желала ей счастья, искупленія прошлаго! Я ее охраняла, учила родному языку, исторіи, снабжала ее совѣтами. Я слѣдила за нею, съ ея выѣзда изъ Рагузы до Рима, писала ей, закликала остерегаться, убѣжденная, что ей предназначенъ высокій удѣлъ. Остальное вы знаете... Каковъ же былъ мой ужасъ, когда я узнала о ея арестѣ?... Я останусь въ Ливорно, буду ждать... О, ее освободятъ, отобьютъ ливорнцы... Скажите, что вы думаете о ней? убѣждены ли вы, что она не самозванка, а дѣйствительно дочь императрицы Елизаветы?

— Не могу этого ни утверждать, ни отрицать.

— Я же въ томъ убѣждена, срослась съ этою мыслью и не разстанусь съ ней.

Пчелкина встала, набросила на голову вуаль, глядя мнѣ въ глаза, крѣпко сжала мнѣ руку, еще что-то хотѣла сказать и, пошатываясь, вышла.

— Добрый вы, мягкій!.. до лучшихъ временъ!— проговорила она, оглянувшись въ калиткѣ сада.

Я еще разъ или два видѣлъ эту загадочную особу, навѣстивъ ее, по условію, въ небольшой австеріи, подъ вывѣсной лиліи, у монастыря урсулинокъ, гдѣ она пріютилась. У нея была надежда, что княжну 'могутъ спасти въ Англіи или въ Голландіи, куда должна была зайти по пути наша эскадра.— «Она... гонимая—испослана возродить отечество!»—твердила Поликсена, когда съ ней разстался: «и я вѣрю, она не погибнетъ, ее избавятъ, спасутъ».

Въ ночь на двадцать шестое февраля, нашей эскадрѣ, подъ флагомъ контръ-адмирала Грейга, неожиданно было велѣно сняться съ якоря и плыть на западъ. Христенекъ, съ донесеніями графа императрицѣ, поѣхалъ сухимъ путемъ. Ему было велѣно явиться въ Москву, гдѣ въ то время, послѣ казни Пугачева, государыня проживала со всѣмъ дворомъ.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ одновременно оставилъ Ливорно. Долѣе пребывать здѣсь ему было не безопасно. Раздраженные его поступкомъ, сыны пылкой и нѣкогда вольной Италіи такъ враждебно подъ конецъ къ нему относились, что графъ, несмотря на дежурный при немъ караулъ, почти не выѣзжалъ изъ дому и, боясь отравы, сидѣлъ на одномъ хлѣбѣ и молокѣ.

Я отправился нѣсколько позднеѣ. Мнѣ какъ бы особымъ велѣніемъ рока было приказано возвратиться на особо снаряженномъ фрегатѣ «Сѣверный Орелъ». На этотъ фрегатъ взяли больныхъ и немощныхъ изъ команды и между прочимъ собранныя съ такимъ трудомъ, въ греческихъ и турецкихъ городахъ, вещи графа,—картины, статуи, мебель, бронзы и инныя рѣдкости. То были плоды графскихъ побѣдъ и его усердныхъ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, частныхъ собираній. Я увидѣлъ при этомъ и презенты, полученные графомъ отъ княжны, въ томъ числѣ и ея столь схожій съ императрицей Елизаветой портретъ.

Судьбы Божіи неисповѣдны. Мы выправили бумаги, кончили снаряженіе, подняли паруса и поплыли. Но едва «Сѣверный Орелъ», нагруженный богатствомъ графа, вышелъ изъ гавани, насъ встрѣтила страшная буря. Не могъ я сказать фрегату:

«Цезаря везешь!». Долго мы носились по морю, отброшенные сперва къ Алжиру, потомъ къ Испаніи. За Гибралтаромъ у насъ сорвало обѣ мачты и всѣ паруса, а вскорѣ мы потеряли и руль.

Болѣе недѣли насъ влекло теченіемъ и легкимъ вѣтромъ вдоль африканскихъ береговъ, къ юго-западу. Всѣ пали духомъ, молились. На десятые сутки, со вчерашняго дня, вѣтеръ окончательно затихъ. Я пишу... Но можно ли ожидать спасенія въ такомъ видѣ? Фрегатъ, какъ истерзанный въ битвѣ, безжизненный трупъ, плыветъ туда, куда его несутъ волны.

Еще минулъ безнадежный и тягостный день. Близится снова страшная, непроглядная ночь. Громятся тучи; опять налетаетъ вѣтеръ, пошелъ дождь. Берега Африки исчезли, насъ уноситъ прямо на западъ. Волны хлещутъ о бортъ, перекатываясь чрезъ опустѣвшую, разоренную палубу. Течь въ трюмѣ увеличилась. Измученные матросы едва откачиваютъ воду. Пушки брошены за бортъ. Мы по ночамъ стрѣляемъ изъ мушкетовъ, тщетно взывая о помощи. Въ морѣ никого не видно. Насъ, погибающихъ, никто не слышитъ. Трагическая, страшная судьба. Гибель на одинокомъ кораблѣ, безъ разсвѣта, безъ надеждъ, съ военною любовью полководца.

Гдѣ же конецъ? У какихъ скалъ или подводныхъ камней, намъ суждено разбиться, пойти ко дну? Отплата за дѣянія другихъ. Роковая ноша графа Орлова не угодна Богу.

...Три часа ночи. Моя исповѣдь кончена. Бутылъ готова. Допишу и, если не будетъ спасенія, брошу ее въ море.

Еще слово... Я хотѣлъ сообщить Ирѣнѣ—послѣднее напутствіе, послѣдній завѣтъ... Ей надо знать.... Боже, что это? ужели конецъ? Страшный трескъ. Фрегатъ обо-что-то ударился, содрогнулся... Крики... Бѣгу къ командѣ. Его святая воля»...

Бутылъ была брошена за бортъ, со вложенною въ нее тетрадью и запиской. Послѣдняя была на французскомъ языкѣ: «Кому попадется эта рукопись, прошу отправить ее въ Ливорно, на имя русской, госпожи Пчелкиной, а если ее не разыщутъ, то въ Россію, въ Черниговъ, бригадиру Льву Ракитину, для передачи его дочери, Иринѣ Ракитиной. Мая 15—17, 1775 г. Лейтенантъ русскаго флота, Павелъ Концовъ».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Алексѣевскій равелинъ.

XVIII.

Лѣто 1775 года императрица Екатерина проводила въ окрестностяхъ Москвы, сперва въ старинномъ селѣ Коломенскомъ, потомъ въ купленномъ у князя Кантемира селѣ Черная-Грязь. Последнее, въ честь новой хозяйки, было названо Царьцинымъ и со временемъ, по ея мысли, должно было занять мѣсто подмосковнаго Царскаго села.

У опушки густого лѣса, среди прорубленныхъ вѣковѣчныхъ кленовъ и дубовъ, былъ наскоро выстроенъ двухъ-этажный, деревянный дворецъ, съ кое-какими службами, скотнымъ и птичьимъ дворами.

Изъ оконъ новаго дворца императрица любовалась рядомъ обширныхъ, глубокихъ прудовъ, окруженныхъ лѣсистыми холмами. На неоглядныхъ скошенныхъ лугахъ копошились бѣлыя рубахи восковъ и красныя и синія понѣвы греблицъ. За этими лугами виднѣлись другіе, еще нетронутые косою, цвѣтушіе луга. Далѣе чернѣли свѣжераспаханныя нивы, упиравшіяся въ новыя, зеленые холмы и луга. И все это золотилось и согрѣвалось безоблачнымъ, вѣшнимъ солнцемъ.

Здѣсь жилось просто и привольно. Въ наскоро приноровленныя, весь день раскрытыя окна—несся запахъ сѣна и лѣсной древесины. Въ нихъ налетали съ рѣки ласточки, съ луговъ стрекозы и мотыльки.

Свита съ утра разсыпалась по лѣсу, собирала цвѣты и грибы, ловила въ прудахъ рыбу, каталась по окрестнымъ полямъ.

Екатерина, тѣмъ временемъ, въ бѣломъ пудромантелѣ и въ чепцѣ—на запросто причесанныхъ волосахъ, сидя въ верхней рабочей горенкѣ, писала наброски указовъ и письма къ парижскому философу и публицисту барону Гримму.

Она ему жаловалась, что ея слуги не даютъ ей болѣе двухъ перьевъ въ день, такъ какъ имъ извѣстно, что она не можетъ равнодушно видѣть клочка чистой бумаги и хорошо очищеннаго пера, чтобы не присѣсть и не поддаться бѣсу бумагомаранія.

И въ то время, когда цѣлый міръ ломалъ голову надъ политикой русской императрицы: что именно она предприметъ относительно разгромленной ею Турціи? или повторялъ запоздалыя

вѣсти объ укрощенномъ завожскомъ бунтѣ, о недавней казни Пугачева и о захваченной въ Ливорно таинственной княжнѣ Таракановой,—Екатерина съ удовольствіемъ описывала Гримму своихъ комнатныхъ собачекъ.

Этихъ собачекъ при дворѣ звали: сэръ Томъ Андерсонъ, а его супругу, во второмъ бракѣ, лэди Миннѣ или герцогиня Андерсонъ. Онѣ были такія крохотныя, косматыя, съ тоненькими ушными мордочками и упругими, уморительно, въ видѣ метелокъ, подстриженными хвостами. У собачекъ были свои особые, мягкіе тюфачки и шелковыя одѣяла, стѣганныя на ватѣ рукой самой императрицей.

Екатерина описывала Гримму, какъ она съ сэромъ Томомъ любитъ сидѣть у окна и какъ Томъ, разглядывая окрестности, опирается лапой о подоконникъ, волнуется, ворчитъ и лаетъ на лошадей, табуирующихъ барку у берега рѣки. Виды однообразны, но красивы. И сэръ Томъ съ удовольствіемъ глядитъ на холмы и лѣса, и на тихіе, тонущіе въ дальней зелени, сады и усадьбы, за которыми, въ голубой дали, чуть видѣются верхи московскихъ колоколенъ. Сельская дичь и глушь по душѣ сэру Андерсону и его супругѣ. Они ими любятъ, забывъ столичный шумъ и блескъ, и неохотно, лишь поздно ночью, идутъ подъ свое теплое, стѣганное одѣяло.

Хозяинѣ также нравятся эти глухія, русскія деревушки, лѣса и поля.

«Я люблю нераспаханные, новыя страны!» — писала Екатерина Гримму: — «и по совѣсти чувствую, что я годна только тамъ, гдѣ не все еще обдѣлано и искажено».

XIX.

Свѣжій воздухъ подмосковныхъ окрестностей иногда туманился. Набѣгали тучки, сверкала молнія, погромыживала гроза. При дворѣ были свои невзгоды.

Не мало заботы Екатеринѣ причинило разбирательство дѣла Пугачева. Онъ, передъ казнью, всѣхъ изумлялъ твердою надеждой, что его помилуютъ и не казнятъ. «Негодяй не отличается большимъ смысломъ... онъ надѣется!» — писала государыня, по прочтеніи послѣднихъ допросовъ самозванца: — «природа человѣческая несповѣдима».

Пугачева четвертовали въ январѣ.

Въ половинѣ мая Екатеринѣ донесли о прибытіи въ Крон-

штадтъ эскадры Грейга, съ княжной Тарамановой. Переписку съ Орловымъ о самозванцѣ императрица послала петербургскому главнокомандующему, князю Голицыну, и отдала ему приказъ: «Снявъ тайно съ кораблей доставленныхъ *воляжиротъ*, учините имъ строгій допросъ».

Князь Александръ Михайловичъ Голицынъ, развитый некогда Фридрихомъ Великимъ и впоследствии, за войну съ турками, произведенный въ фельдмаршалы, былъ важный съ виду, но добродушный, скромный, правдивый и чуждый дворскихъ происковъ человѣкъ. Его всѣ искренно любили и уважали.

Двадцать четвертаго мая онъ призвалъ преображенскаго офицера Толстого, взялъ съ него клятву молчанія и приказалъ ему отправиться въ Кронштадтъ, принять тамъ арестантку, которую ему укажутъ, и бережно сдать ее оберкоменданту Петропавловской крѣпости, Чернышеву.

Толстой исполнилъ порученіе; ночью на двадцать пятое мая, въ особо-оснащенной яхтѣ, онъ проѣхалъ въ Неву, тихо подплылъ къ крѣпости и сдалъ плѣнницу. Ее сперва помѣстили наскоро въ комнаты подъ комендантскою квартирой, потомъ въ Алексѣевскій рavelинъ. Секретарь Голицына, Ушаковъ, уже приготовилъ о ней подробныя выдержки изъ бумагъ, присланныхъ государыней.

Ушаковъ былъ проворный, вертлявый пузанъ, вѣчно нхѣвшій и, съ улыбкой лукавыхъ, зоркихъ глазъ, повторявшій: «Ахъ, голубчики, столько дѣла, столько! изъ чести одной служу князю... давно пора въ абшидъ, измучился».

Князь Голицынъ обдумывалъ выдержки, составленныя Ушаковымъ; приготовилъ по нимъ рядъ точныхъ вопросовъ и доказательныхъ статей и съ напускною, важною осанкою, такъ не шедшею къ его добродушнымъ чертамъ, явился въ казематъ плѣнницы. Его смущали вѣсти, что на пути, въ Англію, арестантка чуть не убѣжала, что въ Плимутѣ она вдругъ бросилась за бортъ корабля въ какую-то, очевидно ожидавшую ее шлюпку, и что ее едва удалось снова, среди ея воплей и стоновъ, водворить на корабль. Князь боялся, какъ бы и здѣсь кто-либо не вдумалъ ее освободить.

Испуганная, смущенная неожиданною, грозною обстановкой, плѣнница не отвергала, что ее звали и даже считали всероссійскою великою княжной; мало того, ею прямо и сразу было заявлено, что она дѣйствительно и сама, соображая свое дѣтство и прошлое, силою вещей привыкла себя считать тѣмъ лицомъ, о которомъ говорили найденныя у нея будто бы завѣщаніе

императора Петра I въ пользу бывшей императрицы Елизаветы и сажіаніе Елизаветы въ пользу ея дочери.

Въ Москву былъ посланъ списокъ съ этого допроса. Екатерину возмутила дерзость плѣнницы, особенно приложенное къ допросу письмо на имя государыни, скрѣпленное подписью «Elizabeth».

— *Voilà une fiellee saapaille!*— вскричала Екатерина, прочтя и сомнѣвъ это письмо.

Въ кабинетѣ императрицы въ то время находился Потемкинъ.

— О комъ изволите говорить?—спросилъ онъ.

— Все о той же, батюшка, объ итальянской побродяжкѣ.

Потемкинъ, искренно жалѣвшій Тараканову, но двумя причинами, какъ женщину и какъ добычу ненавистнаго ему Орлова, началъ было ее защищать. Екатерина молча подала ему пачку новыхъ, французскихъ и нѣмецкихъ газетъ, сказавъ, пусть онъ лучше просмотритъ, что о ней самой плетутъ по поводу схваченной самоввѣнки, и тотъ, соня носомъ, съ досадою уставилъ въ газеты близорукіе свои глаза.

— Ну, что?—спросила Екатерина, кончивъ разборъ и просмотръ бумагъ.

— Непостижимо... сколько сплетней! трудно сказать окончательное мнѣніе.

— А мнѣ все ясно,—сказала Екатерина:—лгуныя—тотъ же подставленный намъ, во второмъ изданіи, маркизъ Пугачевъ. Согласись, князь, какъ бы мы ни жалѣли этой жертвы, быть можетъ, чужихъ интригъ, нельзя же къ ней относиться снисходительно.

Голицыну въ Петербургъ были посланы новыя наставленія. Ему было велѣно: «убавить тону этой авантюрьѣ», тѣмъ болѣе, что «по извѣщенію англійскаго посла, арестантка, по всей видимости, была не принцесса, а дочь одного трактирщика изъ Праги».

Плѣнницѣ передали это сообщеніе посла. Она вышла изъ терѣбнія.

— Если бы я знала, кто меня такъ поноситъ,—вскрикнула она, съ дрожью и бранью:—я тому выпарапала бы глаза!

«Боже! да что же это?»—съ ужасомъ спрашивала она себя, подъ натискомъ страшныхъ, грозно ложившихся на нее стѣсненій:—«я прежде такъ слѣпо, такъ горячо вѣрила въ себя, въ свое происхожденіе и назначеніе. Неужели они правы? неужели придется, подъ давленіемъ этихъ безобразныхъ, откапываемыхъ ими уликъ, отказаться отъ своихъ убѣжденій, надеждъ? Нѣтъ, этого не будетъ! Я все превозмогу, устою!»

Съ цѣлью «поубавить тона» съ арестованною стали поступать значительно строже; лишили ее на время услугъ ея горничной и другихъ удобствъ, стали ей давать болѣе скромную, даже скудную пищу. Это не помогло. Ни просьбы, ни угрозы лишить ее собственной одежды, свѣта и одѣть въ острое платье, не вынудили у плѣнницы раскаянія, а тѣмъ болѣе желаемого сознанія, что она обманщица, а не княжна.

— Я не самозванка, слышите ли? — съ бѣшеннымъ негодованіемъ твердила она Голицыну: — вы, князь, а я слабая женщина... именемъ милосерднаго Бога умоляю, не мучьте, сжалитесь надо мной.

Князь забылъ свое порученіе, началъ ее утѣшать.

— Я беременна, — проговорила, плача, арестантка: — погибну не одна... Отошлите меня, куда знаете, къ самоѣдамъ, опять въ сибирскіе лѣды, въ монастырь... но, клянусь, я ни въ чемъ не повинна...

Голицынъ собрался съ мыслями.

— Кто отецъ ожидаемаго вами дитяти? — спросилъ онъ.

— Графъ Алексѣй Орловъ.

— Новая неправда, — сказалъ Голицынъ: — я къ чему она? Не стыдно ли такъ отвѣчать довѣренному лицу государыни, старику?

— Я говорю правду, какъ передъ Богомъ! — отвѣтила, рыдая, плѣнница: — что же мнѣ дѣлать? Мы обвиняемы на кораблѣ въ Ливорно, — свидѣтели тому адмиралъ, офицеры, весь флотъ...

Изумленный Голицынъ прекратилъ распросъ и о новомъ сознаніи арестантки донесъ въ тотъ же день въ Москву.

— Негодная, дерзкая тварь! — вскрикнула Екатерина, прочтя это сообщеніе Потемкину: — чѣмъ изворачивается новое изданіе выставленнаго намъ полянами Пугачева! нагло клеветаетъ на другихъ.

— Но если тутъ не безъ истины? — произнесъ Потемкинъ: слабую, довѣрчивую женщину такъ легко увлечь, обмануть.

— О, быть не можетъ! — возразила Екатерина: впрочемъ, графъ Алексѣй Григорьевичъ скоро будетъ сюда, — онъ объяснитъ намъ подробности объ этой, имъ арестованной лже-Елизаветѣ... А вы, князь, въ рыцарской защитѣ женщинъ, не забывайте главнаго — спокойствія государства. Мало мы съ вами пережили въ недавній бунтъ?

Потемкинъ замолчалъ.

Орлова ждали со дня на день. Онъ спѣшилъ изъ Италіи къ

торжеству празднованія турецкаго мира. Голицыну, тѣмъ временемъ, было послано приказаніе: отнять у арестантки излишнее, не положенное въ тюрьмѣ платье и, удаливъ ея горничную, приставить къ ней, для безсмысленнаго надзора, двухъ надежныхъ часовыхъ.

XX.

Упорство плѣнницы было Екатеринѣ непонятно и выводило ее изъ себя.

«Какъ!—разсуждала она:—сломлена Турція, Пугачевъ пойманъ, сознался и всенародно казненъ... а эта хворая, еле-дышащая женщина, эта искательница приключеній... ни въ чемъ не сознается и грозитъ мнѣ, изъ глухого подземелья, изъ норы?»

Потемкинъ, узнавъ отъ Христененка подробности ареста княжны, мрачно дулся и молчалъ. Екатерина относилась это къ припадку его обычной хандры.

Вскорѣ и другіе изъ ближнихъ императрицы узнали, какимъ образомъ Орловъ заманилъ и предалъ указанное ему лицо, и сообщили объ этомъ государынѣ черезъ ея камеръ-юнгферу Перекусихину. Екатерина сперва не повѣрила этимъ слухамъ и даже рѣзко выговорила это своей камеристкѣ. Секретный рапортъ прямого, неподкупнаго Голицына о положеніи и признаніи арестантки вполнѣ подтвердилъ сообщеніе придворныхъ. Женское сердце Екатерины возмутилось.—«Не Радзивиллъ!»—сказала она при этомъ:—«тому грозила конфискація громаднѣхъ имѣній, а онъ не выдалъ преданной женщины!»

«Предатель по природѣ!» шевельнулось въ умѣ Екатерины, при мысляхъ объ услугѣ Орлова: «на все готовъ и не стѣсняется ничѣмъ... не задумается, если будетъ въ его видахъ, и на другое!»—Вспомнились Екатеринѣ при этомъ давнія строки: «Матужка-царица, прости, не думали, не гадали»...

— Не даромъ зовутъ его палачомъ!—презрительно прошептала Екатерина:—пересолилъ, скажетъ, изъ усердія... Впрочемъ, придетъ,—надо поправить дѣло... Эта потерянная—безъ роду и имени—игрушка въ рукахъ злонамѣренныхъ; у него она будетъ бессильна... А ей, продававшей въ Прагѣ пиво, чѣмъ не пара русскій сановникъ и графъ?»

Сельскіе, тихіе виды Царицына и Коломенскаго стали тяготить Екатерину. Лѣса, пруды, ласточки и мотыльки не давали ей прежняго покоя и отрадныхъ сновъ.

Императрица неожиданно и за-просто поѣхала въ Москву.

Тамъ, въ Китай-городѣ, она посѣтила архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, куда передъ тѣмъ, по ея приказанію, были присланы на просмотръ нѣкоторые важныя бумаги. Начальникомъ архива въ то время состоялъ знаменитый авторъ «Опыта новой исторіи Россіи» и «Описанія Сибирскаго Царства», бывший издатель академическихъ «Ежемѣсячныхъ сочиненій», путешественникъ и русскій исторіографъ, академикъ Миллеръ. Ему тогда было за семьдесятъ лѣтъ. Императрица, сама усердно занимающаяся исторіей, знала его и не разъ съ нимъ бесѣдовала о его работахъ и исторіи вообще. Она его застала на квартирѣ, при архивѣ, надъ грудой старинныхъ, московскихъ свитковъ.

Миллеръ былъ большой любитель цвѣтовъ и птицъ. Невысокія, свѣтлыя комнаты его казенной квартиры были увѣшаны клѣтками дроздовъ, снегирей и прочей пернатой братіи, оглушавшей Екатерину разнообразными свистами и чириканьями. Стеклопанная дверь изъ кабинета хозяина вела въ особую, уставленную кустами въ кадкахъ, свѣтелку, гдѣ при раскрытыхъ окнахъ, завѣшенныхъ сѣтью, часть птицъ летали на свободѣ. Запахъ розъ и геліотроповъ наполнялъ чистыя, укромныя горенки. Вощенные полы блестѣли, какъ зеркало. Миллеръ работалъ у стола, передъ стеклянною дверью въ птичникъ. Государыня вошла незамѣтно, остановивъ засуетившуюся прислугу.

— Я къ вамъ, Герардъ Федоровичъ, съ просьбой, — сказала, войдя, Екатерина.

Миллеръ вскочилъ, извиняясь за домашній нарядъ.

— Приказывайте, ваше величество, — произнесъ онъ, встегиваясь и отыскивая глазами куда-то, какъ ему казалось, упавшія очки.

Императрица сѣла, попросила сѣсть и его. Разговорились.

— Правда ли, — начала она, послѣ нѣсколькихъ любезностей и распросовъ о здоровьи хозяина и его семьи: — правда ли... говорятъ, вы имѣете данныя, и вполне убѣждены, что на московскомъ престолѣ царствовалъ не самозванецъ Гришка Отрепьевъ, а настоящій царевичъ Димитрій? Вы говорили о томъ... англійскому путешественнику Коксу.

Добродушный, съ виду нѣсколько разсѣянный и постоянно углубленный въ свои изысканія Миллеръ былъ крайне озадаченъ этимъ вопросомъ государыни. — «Откуда она это узнала?» мыслилъ онъ: «ужели проговорился Коксъ?»

— Объяснимся, я облегчу нашу бесѣду, — продолжала Екатерина: — вы обладаете изумительною памятью; притомъ вы такъ пророрливы въ чтеніи и сличеніи лѣтописей; скажите откровенно

и смѣло ваше мнѣніе... Мы одни—васъ никто не слышитъ... Правда ли, что доводы къ обвиненію самозванца вообще слабы, даже, будто бы ничтожны?

Миллеръ задумался. Его взъерошенные на вискахъ, сѣдые волосы странно торчали. Добрыя умныя губы, передъ прїѣздомъ государыни сосавшія полупогасшую сигару, бессознательно шевелились.

— Правда,—не смѣло отвѣтилъ онъ:—но это, простите, мое личное мнѣніе, не болѣе...

— Если такъ, то почему же не огласить вамъ столь важнаго сужденія?

— Ваше величество, — проговорилъ Миллеръ, растерянно оглядываясь и подбирая на себя, упорно сползавшія, складки камзола:—я прочелъ розыскъ Василія Шуйскаго въ Угличѣ. Онъ производилъ слѣдствіе, по порученію Годунова, и имѣлъ расчетъ угодить Борису, привезя ему показанія лишь тѣхъ, кто утверждалъ сказку объ убіеніи истиннаго царевича; другіе, непріятные для Годунова, слѣды онъ, очевидно, скрылъ.

— Какіе?—спросила Екатерина.

— Что погибъ другой, а мнимо-убитый скрылся. Вспомните, вѣдь этотъ слѣдователь Шуйскій потомъ самъ же всенародно призналъ царевичемъ возвратившагося Дмитрія.

— Доводъ остроумный, — сказала Екатерина:—не даромъ генералъ Потемкинъ, большой любитель исторіи, совѣтуетъ все это напечатать, если вы въ томъ убѣждены.

— Извините, ваше величество, — проговорилъ Миллеръ:—воля монархини—важный указатель; но есть другая, болѣе высшая власть—Россія... Я лютеранинъ, а тѣло признаннаго Дмитрія похонто въ кремлевскомъ соборѣ... Что стало бы съ моими вѣсканіями, что стало бы и со мной, среди вашего народа, если бы я дерзнулъ доказывать, что на московскомъ престолѣ былъ не Гришка Отрепьевъ, а настоящій царевичъ Дмитрій?

XXI.

Слова Миллера смутили Екатерину. — «Откровенно, — подумала она:—такъ и подобаетъ философу».

— Хорошо, — произнесла императрица:—не будемъ тревожить мертвыхъ; поговоримъ о живыхъ. Генералъ Потемкинъ, надѣюсь, вамъ доставилъ списокъ съ допроса и показаній наглої претендентки, о поимкѣ которой вы, вѣроятно, уже слышали.

— Доставилъ,—отвѣтилъ Миллеръ, вспомнивъ, наконецъ, что очки, которыя онъ продолжалъ искать глазами, были у него на лбу, и удивляясь, какъ онъ объ этомъ забылъ.

— Что вы скажете объ этой достойной сестрѣ маркиза Пугачева?—спросила Екатерина.

Миллеръ увидѣлъ въ это мгновеніе, за стеклянною дверью, какъ вѣчно-ссорившаяся съ другими птицами канарейка влетѣла въ чужое гнѣздо и хозяева послѣдняго, съ тревогой и пискомъ, летая вокругъ нея, старались ее оттуда выпроводить. Занималъ его также больной, съ забинтованною ногою, дроздъ.

— Принцесса, если она русская, — произнесъ Миллеръ, краснѣя за свою робость и разсѣянность: — очевидно плохо училась русской исторіи; вотъ главное, что я могу сказать, прочтя ея бумаги... впрочемъ, въ этомъ болѣе виноваты ея учителя...

— Такъ вы полагаете, что въ ея сказкѣ есть доля истины? — спросила Екатерина: — допускаете, что у императрицы Елизаветы могла быть дочь, подобная этой и скрытая отъ всѣхъ?

Миллеръ хотѣлъ сказать: «О, да, разумѣется, что же тутъ невѣроятнаго?» Но онъ вспомнилъ о таинственномъ юношѣ, Алексѣѣ Шкуринѣ, который въ то время путешествовалъ въ чужихъ краяхъ, и, смутясь, неподвижно уставился глазами въ дверь птичника.

— Что же вы не отвѣчаете? — улыбнулась Екатерина: — тутъ ужъ ваше лютеранство не причемъ...

— Все возможно, ваше величество, — произнесъ Миллеръ, качая сѣдою, курчавою головою: — рассказываютъ разное, есть, безъ сомнѣнія, и достовѣрное.

— Но послушайте... не странно ли? — произнесла Екатерина: — покойный Разумовскій былъ добрый человѣкъ, притомъ, хотя тайно, состоялъ въ законномъ бракѣ съ Елизаветой... Изъ-за чего же такое забвеніе природы, безсердечный отказъ отъ родной дочери?

— То былъ одинъ вѣкъ, теперь другой, — сказалъ Миллеръ: — нравы измѣняются; и если новые Шуйскіе-Шуваловы, — столько лѣтъ подъ рядъ могли держать въ одиночномъ заключеніи, въ заперти, вреднаго имъ принца Іоанна, объявленнаго въ дѣтствѣ императоромъ, — что-же удивительнаго, если, изъ той же жажды вліянія и власти, они на краю свѣта на всякій случай припрятали и другого младенца, эту несчастную княжну?

— Но вы, Герардъ Фёдоровичъ, забываете главное — мать! какъ могла это снести императрица? У нея, нельзя этого отрицать, было доброе сердце... притомъ здѣсь дѣло шло не о чуждомъ дитяти, какъ Иванушка, а о родной, забытой дочери.

— Дѣло простое, — отвѣтилъ Миллеръ: — ни Елизавета, ни Разумовскій тутъ, если хотите, не приче́мъ: интрига дѣйствовала на государыню, не на мать... Ей, безъ сомнѣнія, были представлены важные резоны и она согласилась. Тайную дочь спрятали, услали на югъ, потомъ за Уралъ. Въ бумагахъ княжны говорится о яхѣ, о бѣгствѣ изъ Сибири въ Персію, потомъ въ Германію и Францію... Шуйскіе нашихъ дней повторили старую трагедію: охраняя будто бы государыню, они готовили, между тѣмъ, появленіе, на всякій случай, новаго, ими же спасеннаго выходца съ того свѣта.

Екатеринѣ вспомнился въ одномъ изъ писемъ Орлова намекъ о русскомъ вояжирѣ, а именно объ Иванѣ Шуваловѣ, который въ то время еще находился въ чужихъ краяхъ.

— Съ вами не наговоринься, — сказала, вставая, Екатерина: — ваша память тотъ же неоцѣненный архивъ; а русская исторія, не правда ли, какъ и сама Россія, любопытная и непочтатая страна. Хороши наши нивы, бѣда только отъ множества сорныхъ травъ. Кстати... я все люблюсь вашими цвѣтами и птицами. Пріѣзжайте въ Царицыно. Гриммъ мнѣ прислалъ семью прехорошенькихъ жабаду. Одинъ все кричитъ: *où est la vérité?*..

Отвѣнно милостиво поблагодаривъ Миллера, императрица возвратилась въ Царицыно. Вскорѣ туда явился побѣдитель при Чесмѣ, Орловъ.

Алексѣй Григорьевичъ не узналъ двора. Съ новыми лицами были новыя порядки. Графъ не сразу удостоился видѣть государыню. Ему сказали, что ея величество слегка недомогаетъ.

Орловъ смутился. Опытный въ дворскихъ нравахъ человѣкъ, онъ почувалъ немилость, бѣду. Надо было поправить дѣло. Алексѣй Григорьевичъ не безъ робости обратился къ нѣкоторымъ изъ приближенныхъ и рѣшился искать аудіенціи у новаго свѣтла, Потемкина. Ихъ свиданіе было вѣжливо, но не радушно. Далеко было до прежней, дружеской близости и простоты. Проговорили за полночь, но гость чувствовалъ, что ему было сказано не многое. — «Нынче все безъ мѣры, черезъ край!» — промывшись, по поводу чего-то и мимоходомъ, Потемкинъ. Задумался объ этихъ словахъ Орловъ: «черезъ край! вѣдь и онъ хватилъ не въ мѣру...»

На утро онъ былъ приглашенъ къ государынѣ, которую засталъ за купаньемъ собачекъ. Мистеръ Томъ Андерсонъ уже былъ вынутъ изъ ванночки, вытертъ и грѣлся, въ чепчикѣ, подъ одѣяломъ. Миссисъ Мимі, его супруга, еще находилась въ ваннѣ. Екатерина сидѣла, держа наготовѣ другой чепчикъ

и одѣяло. Перекусихина, въ передникѣ, съ засученными за локти рукавами, усердно терла собачку губной съ мыломъ. Намоченная, и вся бѣлая отъ пѣны, Мимі, завидя огромнаго, глаза-застаго, незнакомаго ей гостя, — неистово разлазилась изъ-подъ руки камеръ-юнгферы.

— Съ воды и къ водѣ, — шутливо произнесла Екатерина: — добро пожаловать. Сейчасъ будемъ готовы.

Одѣвъ въ чепчикъ и уложивъ въ постель Мимі, государыня вытерла руки, произнесла: — какъ видите, о друзьяхъ первая забота! — сѣла и, указавъ Орлову стулъ, начала его распрашивать о возжѣ, объ Италіи и о турецкихъ дѣлахъ.

— А вы, батюшка Алексѣй Григорьевичъ, пересолмили, — сказала она, доставъ табакерку и медленно нюхая изъ нея.

— Въ чемъ, ваше величество?

— А въ препорученномъ, — улыбнулась, шутливо грозя, Екатерина.

Орловъ видѣлъ улыбку, но въ самой шуткѣ государыни примѣтилъ недобрую, знаемую ему черту: круглый и плотный подбородокъ Екатерины слегка вздрагивалъ.

— Что же, матушка — государыня, чѣмъ я прогнѣвилъ? — спросилъ онъ, занялся.

— Да какъ же, сударь... ужъ право черезъ-чуръ, — продолжала Екатерина, нюхая изъ полураскрытой табакерки.

Орловъ ребячески растерялся. Его глаза трусливо заближали.

— Вѣдь плѣнница-то наша, — произнесла государыня: слышали ли вы? скоро самъ другъ...

Богатырь и силачъ Орловъ не зналъ, куда дѣться отъ замѣшательства. — «Пропалъ, окончательно погибъ!» думалъ онъ, мысленно уже видя свое паденіе и позоръ: «помяни, господи, царя Давида...»

— Дѣло впрочемъ можно еще поправить, — проговорила Екатерина: — вамъ бы ѣхать въ Питеръ, да свидѣться съ плѣнницей; въ торжеству мира возвратились бы женихомъ.

Орловъ, сморщившись, опустился на колѣно, поцѣловалъ протянутую ему руку и молча вышелъ. За порогомъ онъ оправился.

— Ну, что, какъ государыня? что изволила говорить? — спрашивали его ближніе изъ придворныхъ.

— Удостоенъ особаго приглашенія на торжество мира, — отвѣтилъ графъ: ѣду пока въ Петербургъ, устроить дѣла брата.

Алексѣй Григорьевичъ старался смотрѣть самоувѣренно и гордо...

Орловъ понялъ, что ему нечего было медлить; государыня очевидно не шутила.

Подъ предлогомъ свиданія съ удаленнымъ братомъ, онъ собрался и вскорѣ выѣхалъ въ Петербургъ.

XXII.

Изнуренная долгимъ морскимъ путемъ и заключеніемъ, плѣнница влячила въ крѣпости тяжелые дни. Острый, съ кровохарканьемъ и лихорадкой, кашель перешелъ въ быстротечную чахотку.

Частыя появленія и допросы фельдмаршала Голицына приодели княжну въ неописанный гнѣвъ.

— Какое право имѣють такъ поступать со мной?—повелительно спрашивала она:—какой поводъ я подала къ такому обращенію?

— Предписаніе свыше, монаршій приказъ!—отвѣчалъ, пытая и перевирая французскія слова, секретарь Ушаковъ.

Въ качествѣ писмоводителя наряженной комиссіи, онъ заѣдывалъ особыми суммами, назначенными для этой цѣли и потому, жалуюсь на утомленіе, вучу дѣла и даже на боль въ поясницѣ, съ умысломъ тянулъ справки, плодилъ новыя доказательныя статьи и переписку о ней и вообще водилъ за носъ добряка Голицына, — собираясь на сбереженія отъ содержанія арестантки прикупить новый домикъ къ бывшему у него на Гороховой, собственному двору.

Таракановой, между прочимъ, были предъявлены найденныя въ ея бумагахъ, подложныя завѣщанія.

— Что вы скажете о нихъ?—спросилъ ее Голицынъ.

— Блжусь всемогущимъ Богомъ и вѣчною мукой, — отвѣчала арестантка:—не я составляла эти несчастныя бумаги; мнѣ ихъ сообщили.

— Но вы ихъ собственноручно списали?

— Можетъ быть, это меня занимало.

— Такъ вы не хотите признаться, объявить истину?

— Мнѣ не въ чемъ признаваться. Я жила на свободѣ, никому не вредила; меня предали, схватили обманомъ.

Голицынъ терзалъ терпѣніе. — «Вотъ бѣсомъ надѣлили!» мыслилъ онъ: «отрывай тайны, съ такимъ камнемъ!» Князь вздыхалъ и почесывалъ себѣ переносицу.

— Да вы, ваше сіятельство, упомяли, — шепнулъ однажды

при допросѣ услужливый Ушаковъ: — вамъ руки развязаны, — послѣдній-то указъ... въ немъ говорится о высшей строгости, о розни съ пристрастіемъ.

«А и въ самомъ дѣлѣ!» смекнулъ растерявшійся князь, вообще неохотникъ до крутыхъ и жесткихъ мѣръ: «попробовать развѣ? хуже не будетъ!»

— Именемъ ея величества, — строго объявилъ фельдмаршалъ коменданту, въ присутствіи плѣнницы: — въ виду ея запираательства — отобрать у нея все, кромѣ необходимой одежды и постели, слышите ли, все... книги, прочія тамъ вещи, — а, если и тутъ не одумается, — держать ее на пищѣ прочихъ арестантовъ.

Распоряженіе князя было исполнено. Привыкшей къ нѣгѣ и роскоши, избалованной, хворой женщинѣ стали носить черный хлѣбъ, солдатскія кашу и щи. Она, голодная, по часамъ просиживала надъ деревянною миской, не притрогиваясь къ ней и обливаясь слезами. На пути въ Россію, у береговъ Голландіи, гдѣ эскадра запасалась провизіей, арестантка случайно узнала изъ попавшаго къ ней въ каюту газетнаго листа все прошлое Орлова и съ содроганіемъ, съ бѣшенствомъ, кляла себя за то, какъ могла она довѣриться такому человѣку. Но явилось еще худшее горе. Въ комнату арестантки, смѣняясь по очереди, съ нѣкотораго времени, день и ночь становились двое часовыхъ. Это приводило арестантку въ неистовство.

— Повайтесь, — убѣждалъ, навѣщая ее, Голицынъ: — мнѣ жалъ васъ, иначе вамъ не ждаты помилованья.

— Всякія мученія, самую смерть, господинъ фельдмаршалъ, все я приму, — отвѣтила плѣнница: — но вы ошибаетесь... ничто не принудитъ меня отречься отъ моихъ показаній.

— Подумайте...

— Богъ свидѣтель... мои страданія падутъ на головы мучителей.

— Одумается, ваше сіятельство! — шепталъ, роясь при этомъ въ бумагахъ, Ушаковъ: — еще опытъ и изволите увидѣть...

Опытъ былъ произведенъ. Онъ состоялъ въ грубой сѣрматѣ, смѣнившей на плечахъ княжны ея ночной, венеціанскій, шелковый пенъюаръ.

«Великій Боже! Ты свидѣтель моихъ помысловъ!» молилась арестантка: «что мнѣ дѣлать, какъ быть? Я прежде слѣпо вѣрила въ свое прошлое; оно мнѣ казалось такимъ обычнымъ, я привыкла къ нему, къ мыслямъ о немъ. Ни намѣна того изверга, ни арестъ не измѣнили моихъ убѣжденій. Ихъ не поколеблетъ и эта страшная, желѣзная, добивающая меня, тюрьма. Смерть бли-

яется. Матерь Божія, младенецъ Иисусъ! кто подкрѣпить, вразумить и спасетъ меня... отъ этого ужаса, отъ этой тюрьмы?»

Въ концѣ іюня, въ холодный и дождливый вечеръ, въ Петропавловскую крѣпость подъѣхала наемная карета, съ опущенными занавѣсками. Изъ нея, у комендантскаго крыльца, вышелъ графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ. Черезъ полчаса онъ и оберъ-комендантъ крѣпости Андрей Гавриловичъ Чернышевъ направились въ Алексѣевскій равелинъ.

— Плоха, — сказалъ по пути оберъ-комендантъ: — ужъ такъ-то плоха; особенно съ этою сыростью; вчера, ваше сіятельство, могла дать ей собственную одежду и книги, — уважили...

Часовыхъ изъ комнаты княжны вызвали. Туда, безъ провожатыхъ, вошелъ Орловъ. Чернышевъ остался за дверью.

Въ вечернемъ полумракѣ графъ съ трудомъ разглядѣлъ невысокую, съ двумя въ углубленіи окнами, комнату. Въ рамахъ были темныя желѣзныя рѣшетки. У простѣнка, между окнами, стояли два стула и небольшой столъ, на столѣ лежали книги, кое-какія вещи, и прикрытая полотенцемъ миска съ нетронутою ѣдой. Вправо была расположена ширма. За ширмою стояли столикъ съ графиномъ воды, стаканомъ и чашкой, и, подъ ситцевымъ пологомъ, желѣзная кровать.

На кровати, въ бѣломъ капотѣ и бѣломъ чепцѣ лежала, прикрытая голубою, поношеннаго бархата шубкой, блѣдная, казалось, мертвая женщина.

Орловъ былъ пораженъ страшною худобой этой, еще недавно пышной, обворожительной красавицы. Ему вспомнилась Италия, вѣжныя письма, страстные ухаживанья, поѣздка въ Ливорно, пиръ на кораблѣ и переодѣтые въ старенькія, церковныя ризы Рыбасъ и Христенекъ. «И затѣмъ я тогда разыгралъ эту комедію съ вѣнцомъ?» думалъ онъ: «она вѣдь уже была на кораблѣ, въ моихъ рукахъ!» Въ его мысляхъ живо изобразился устроенный имъ арестъ княжны. Онъ вспомнилъ ея крики на палубѣ и черезъ день посланку къ ней черезъ Концова письма, на нѣмецкомъ языкѣ, съ жалобою на свое собственное, мнимое горе и съ клятвами въ преданности до гроба и любви. — «Ахъ, въ какомъ мы несчастіи, — писалъ онъ ей тогда, подбирая лѣстивыя слова: — оба мы арестованы, въ цѣпяхъ; но всемогущій Богъ не оставитъ насъ. Вѣримся ему. Какъ только получу свободу, буду васъ искать по всему свѣту и найду, чтобы васъ охранять и вамъ лично служить». — «И я ее нашелъ, вотъ она!» мыслилъ въ

невольномъ содроганіи Орловъ, стоя у порога. Онъ тихо ступилъ въ ширмѣ.

Плѣнница, на шорохъ, открыла глаза, взглянула въ вошедшаго и приподнялась. Прядь свѣтло-русыхъ, нѣкогда-пышныхъ волосъ, выбилась изъ-подъ чепца, полузакрывъ искаженное болѣзнию и гнѣвомъ лицо.

— Вы?.. вы?.. въ этой комнатѣ... у меня! — вскрикнула княжна, узнавъ вошедшаго и простирая передъ собою руки, точно отгоняя страшный, безобразный призракъ.

Орловъ стоялъ неподвижно.

XXIII.

Слова рвались съ языка плѣнницы и бессильно замирали.

Отшатнувшись на кровати къ стѣнѣ, она сверкающими глазами пожирала Орлова, съ испугомъ глядѣвшаго на нее.

— Мы обвиняны, не правда ли? ха-ха! вѣдь мы жена и мужъ? — заговорила она, страшнымъ кашлемъ поборая презрительное негодованіе: — гдѣ же вы были столько времени? вы клялись, я васъ ждала.

— Послушайте, — тихо сказалъ Орловъ: — не будемъ вспоминать прошлаго, продолжать комедію. Вы давно, безъ сомнѣнія, поняли, что я вѣрный рабъ моей государыни и что я только исполнялъ ея повелѣнія.

— Злодѣйство, обманъ! — вскрикнула арестантка: — никогда не повѣрю... слышите ли, никогда могучая русская императрица не прибѣгнетъ къ такому вѣроломству.

— Клянусь, это былъ ея приказъ...

— Не вѣрю, предатель, — бѣшено кричала плѣнница, потрясая кулаками: — Екатерина могла предписать все, требовать выдачи, сжечь городъ, гдѣ меня укрывали, арестовать силой... но не это... ты, наконецъ, могъ меня поразить кинжаломъ, отравить... яды тебѣ извѣстны... но что сдѣлалъ ты? что?

— Минуту терпѣнія, умоляю, — произнесъ, оглядываясь, Орловъ: — отвѣтите мнѣ одно слово, только одно... и вы будете, клянусь, немедленно освобождены.

— Что еще придумалъ, извергъ, говори? — произнесла княжна, одолевая себя и съ дрожью вутаясь въ голубую, знаковую графу, бархатную мантилью.

— Васъ спрашивали столько времени и съ такимъ настояніемъ, — началъ Орловъ, подыскивая въ своемъ голосѣ нѣжные,

убедительные звуки:—скажите, мы теперь наединѣ... насъ видѣть и слышать одинъ Богъ.

— Gran Dio! — рванулась и опять сѣла на кровати арестантка:—онъ призываетъ имя Божье!—прибавила она, поднимая глаза на образъ Спаса, висѣвшій на стѣнѣ, у ея изголовья:—онъ! да ты навѣрное устроилъ и всѣ эти мученія, всю медленную казнь; а у васъ еще хвалились, что отмѣнена пытка. Царица этого навѣрное не знаетъ,—ты и тутъ ее проведъ.

— Успокойтесь... скажите, кто вы?—продолжалъ Орловъ:—откройте мнѣ. Я умолю государыню; она окажетъ мнѣ и вамъ милость, васъ освободить...

— Diavolo! онъ спрашиваетъ, кто я? — проговорила, задыхаясь отъ прилива новаго бѣшенства, княжна:—да развѣ ты не видишь, что я кончила со свѣтомъ, умираю? зачѣмъ это тебѣ?

Она неистово закашлялась, упала головой къ стѣнѣ и смолкла.—«Вотъ умереть, не выговорить»,—думалъ, стоя близъ нея, Орловъ.

— Въ богатствѣ и счастьѣ, — произнесла, придя въ себя, плѣнница:—въ униженіи и въ тюрьмѣ, я твержу одно... и ты это знаешь... Я—дочь твоей бывшей царицы!—гордо сказала она, поднимаясь:—слышишь ли, ничтожный, подлый рабъ, я прирожденная ваша, великая княжна...

Смѣлая мысль вдругъ осянула Орлова...—«Эхъ, бѣда ли?» подумалъ онъ: «проживетъ недолго, разомъ угожу обвинѣ».

Онъ опустился на одно колѣно, схватилъ исхудалую, блѣдную руку плѣнницы и горячо припалъ къ ней губами.

— Ваше высочество!—проговорилъ онъ:—Элизы! простите, клянусь, я глубоко виноватъ... такъ было велѣно... я самъ находился подъ арестомъ, теперь только освобожденъ...

Плѣнница молча глядѣла на него большими, удивленными глазами, прижимая ко рту окровавленный кашлемъ платокъ.

— Умоляю,—насъ по истинѣ, торжественно обвиняютъ,—продолжалъ Орловъ:—станьте моею женой... Все тогда, ваше высочество, дорогая моя... Элизы!.. знатность, мое богатство, преданность и вѣчныя услуги...

— Вонъ, извергъ, вонъ! — крикнула, вскакивая арестантка:—этой руки искали принцы, короли... не тебѣ ей касаться,—заклейменный предатель, палачъ!

«Не стѣсняется, однако!»—подумалъ оберъ-комендантъ Чернышевъ, слышавшій изъ-за двери крупную французскую брань и проклятія арестантокъ: «уйти по здоровью; графъ еще сообра-

зять, что были свидѣтели, вломится въ амбицію, отомстить!»
Комендантъ ушелъ.

Тюремщикъ, стоявшій съ ключами въ корридоръ и также слышавшій непонятные ему, гнѣвные крики, топанье ногами и даже, какъ ему показалось, швырянье въ гостя какими-то вещами, тоже отошелъ и прижался въ уголъ, разсуждая: «мамвюлька видно просить лучшихъ харчей, да должно не по артикулу, — сердается на генерала... ох-хо! куда ей, сухопарой.. все щи, да щи, вчера только дали молока»...

Вѣшенные крики не прерывались. Зазвенѣло брошенное обѣ полъ что-то стеклянное.

Дверь каземата быстро распахнулась. Изъ нея вышелъ Орловъ, робко пригibasъ подлѣ несоразмѣрной съ его ростомъ перекладиной. Лицо его было краснобагровое. Онъ на минуту замедлился въ корридорѣ, оглядываясь и какъ бы собираясь съ мыслями.

Нашупавъ подлѣ мышкой треуголъ, графъ дрожащей рукой оправилъ прическу и фалды кафтана, бодро и лихо выпрямился, молча вышелъ, сѣлъ подлѣ проливнымъ дождемъ въ карету и крикнулъ кучеру: «къ генералъ-прокурору!»

По мѣрѣ удаленія отъ крѣпости, Орловъ болѣе обдумывалъ только-что происшедшее свиданіе. — «Змѣя, однако, сущая змѣя!» — шепталъ онъ, поглядывая изъ кареты по улицамъ: — «какъ жалила!»

Онъ сдержанно и съ полнымъ самообладаніемъ вошелъ къ князю Александру Алексѣевичу Вяземскому. Былъ уже вечеръ; горѣли свѣчи. Орловъ чувствовалъ нѣкоторую дрожь въ тѣлѣ и потиралъ руки.

— Прошу садиться, — сказалъ генералъ-прокуроръ: — что? озябли?

— Да, князь, холодно вато.

Вяземскій приказалъ подать ликеру. Принесли красивый графинъ и корзинку съ инбирными бисквитами.

— Откушайте, графъ... Ну, что наша самозванка? — произнесъ генералъ-прокуроръ, оставляя бумаги, въ которыхъ рылся.

— Дерзко до невѣроятія, упорствуетъ, — отвѣтилъ графъ Алексѣй Григорьевичъ, наливая рюмку густой душистой влаги и поднося ее къ носу, потомъ къ губамъ.

— Еще-бы! — проговорилъ князь: — дешево не хочетъ уступать своихъ мнимыхъ титуловъ и правъ.

— Много уже съ нею воятся; нужны бы инныя мѣры, — сказалъ Орловъ.

— Какія же, батенька, мѣры? она при послѣднихъ дняхъ... не придушить же ее.

— А почему бы и нѣтъ?—какъ бы про себя произнесъ Орловъ, опуская бисекитъ въ новую рюмку ликера: — жалѣть такихъ!

Генераль-прокуроръ, изъ-за зеленого абажура, прикрывавшаго свѣчи, нехотѣя взглянулъ на гостя.

— И ты, Алексѣй Григорьевичъ, это не шутя... посоветовалъ бы?—спросилъ онъ.

— Для блага отечества и какъ истинный патриотъ... не только посоветовалъ бы, очень бы одобрилъ!—отвѣтилъ Орловъ, прохаживаясь и пожѣвывая сладкій, таявшій во рту бисекитъ.

«Mais c'est un assassin dans l'âme!»—подумалъ съ виду суровый и обыкновенно насупленный, верховный судія, съ ужасомъ прислушиваясь къ мягкому шарканью Орлова по ковру: «c'est en lui comme une mauvaise habitude».

Орловъ, вынувъ лорнетъ и покусывая новый ломоть инбирнаго бисекита, разсматривалъ на стѣнѣ изображеніе Психеи съ амуромъ.

— Откуда эта картина?—спросилъ онъ.

— Государыня пожаловала... Вы же, графъ, когда изволите обратно въ Москву?

— Завтра рано и не замедлю передать о новомъ заpiresствѣ наглой лгуни.

Вяземскій пошевелилъ кустоватыми бровями.

— А вамъ извѣстно показаніе арестантки на вашъ счетъ?—пробурчалъ онъ, роясь въ бумагахъ. У Орлова изъ рукъ выпалъ недоѣденный бисекитъ.

— Да, представьте, вѣдь это изъ рукъ вонъ!—отвѣтилъ графъ: —преданность, вѣрность и честь, ничто не пощажено... И что поразительно, князь... вторглась въ меня бѣсъ-баба, да взведя такую небыллицу,—отъ меня же еще нынче проходима упорно требовала признанія брака съ ней.

— Не могу не удивиться,—произнесъ Вяземскій:—эти переодѣванья съ ризами, извините... и для чего это напрасное кощунство? Охъ, отдадите, батюшка графъ, отвѣтъ Богу... мнѣ бы весь вѣкъ это снилось...

Орловъ хотѣлъ отшутиться, попытаться еще что-то сказать; но молчаніе хмураго, медвѣдеобразнаго генераль-прокурора ему показывало, что его дворскій кредитъ былъ давно на исходѣ и что самъ онъ, не смотря на прошлыя услуги, какъ уже никому не-

нужный, старый хламъ, могъ желать одного, — оставленія его на полномъ покоѣ.

— «Лѣтопись заканчивается! очевидно, скоро буду на самомъ днѣ рѣки!» — подумалъ Орловъ, оставляя Вяземскаго: — «въ люкъ куда-нибудь спустать, въ Москву или еще куда подагѣе. Составились мы, вышли изъ моды; надо новымъ дать путь».

Онъ такъ былъ смущенъ приѣмомъ генералъ-прокурора, что утромъ слѣдующаго дня отслужилъ молебенъ — въ церкви Всѣхъ-сворбующихъ-радости, а передъ отъѣздомъ въ Москву даже гадалъ у какой-то армянки на Литейной.

XXIV.

Миръ съ Турціей былъ торжественно отпразднованъ въ Москвѣ тринадцатаго іюля.

При этомъ вспомнили Голицына и прислали ему въ Петербургъ, за очищеніе Молдавіи отъ турокъ, брилліантовую ипагу. Орловъ получилъ похвальную грамоту, столовый богатый сервизъ, императорскую дачу близъ Петербурга и прозваніе Чесменскаго.

«Сдать въ архивъ, окончательно сдать!» — мыслилъ при этомъ Алексѣй Григорьевичъ. Въ Петербургъ, вслѣдъ за дворомъ, его уже дѣйствительно не пустили. Съ тѣхъ поръ ему было указано мѣстожительство въ Москвѣ, въ числѣ другихъ, поселившихся тамъ, первыхъ пособниковъ императрицы.

Отрадно и безмятежно, казалось, потекли съ этого времени дни Чесменскаго на вольномъ московскомъ покоѣ. Домочадцы графа, между тѣмъ, подмѣчали, что порой на него находили припадки вешуточной острой хандры, что онъ нерѣдко совершенно незначай служилъ то панихиды, то молебны съ акаемствами, прибѣгалъ къ гадалщикамъ-цыганамъ, и въ тихомолку брѣжалъ, какъ бы жалуюсь на измѣнницу, нѣкогда такъ его баловавшую, судьбу.

Ѣхалъ ли графъ Алексѣй, въ морозный, ясный вечеръ, по улицѣ, изъ-подъ осыпанной инеемъ шапки взглядываясь въ прохожихъ и въ мѣрный бѣгъ своего легконогаго рысака, его мысли уносились къ инымъ, теплымъ небесамъ, къ голубымъ прибрежьямъ Мореи и Адриатики, къ мраморнымъ венеціанскимъ и римскимъ дворцамъ.

Моросилъ ли мелкій осенній дождь и была чудная охота по

чернотропу, графъ въ окрестностяхъ Отрады или Нескучнаго, поднявъ въ березовомъ срубѣ матерого бѣляка и, спуская на него любимыхъ борзыхъ, бѣшено скакалъ за нимъ на кабардинцѣ, но мгновенно останавливался. Дождь продолжалъ шелестѣть въ мокромъ березникѣ, конь шлепалъ по лужамъ и глинѣ, а графъ думалъ о другомъ, о далекой, той же Италиі, о Римѣ, Ливорно и о сманенной, погубленной имъ Таракановой.

«Гдѣ она и что случилось съ нею?—разсуждалъ онъ:—жива ли послѣ родовъ, тамъ ли еще, или еѣ куда вновь упрятали?»

Съ паденіемъ фавора брата, князя Григорія, графъ Алексѣй Чесменскій такъ быстро отдалился отъ двора, что не только положительно не зналъ, но и не смѣлъ допытываться о дальнѣйшей судьбѣ соблазненной имъ и похищенной красавицы.

Осенью того же года, въ Москвѣ кѣмъ-то былъ пущенъ слухъ, будто изъ Петербурга въ Новоспасскій женскій монастырь привезли нѣкую таинственную, важную особу, что ее здѣсь постригли и, давъ ей имя Досвееи, помѣстили въ особой, никому недоступной кельѣ. Москвичи тихомолкомъ шушукали, что инокиня Досвеея—незаконная дочь покойной царицы Елизаветы и ея мужа, въ тайномъ бракѣ, Разумовскаго.

Что перетувствовало, при этихъ толкахъ, графъ Алексѣй, о томъ знали только его собственные помыслы.—«Она, она!» говорилъ онъ себѣ, въ волненіи, не зная, что его жертва, княжна Тараканова, по прежнему безнадежно томится въ той же крѣпости: «не кому быть, какъ не ей; отреклась отъ всего, покорилась, приняла постригъ»...

Мысли о новоприбывшей плѣнницѣ не покидали графа. Онъ такъ его смущали, что онъ сталъ даже избѣгать ѣзды по улицѣ, гдѣ былъ Новоспасскій монастырь, а когда не могъ его миновать и ѣхалъ возлѣ, то отворачивался отъ его оконъ.—«Предатель, убійца!»—раздавалось въ его ушахъ, при воспоминаніи о послѣдней встрѣчѣ съ княжной въ крѣпости. И онъ мучительно перебиралъ въ умѣ это свиданіе, когда она осыпала его проклятіями, топая на него, плюя ему въ лицо и бѣшено швыряя въ него, тѣмъ попало.

Чесменскій вздумалъ было однажды разговориться о ней съ московскимъ главнокомандующимъ, княземъ Волконскимъ, захватившимъ къ нему за-просто—полюбоваться его конюшными и лошадьми. Они возвратились съ прогулки на конскій дворъ и сѣдѣли за вечернимъ чаемъ. Графъ-хозяинъ началъ издалека о заграничныхъ и родныхъ вѣстяхъ и толкахъ, и будто мимохо-

домъ освѣдомился, что за особа, которую, по слухамъ, привезли въ Новоспасскій монастырь?

— Да вы, графъ, куда это клоните?—вдругъ перебилъ его князь Михаилъ Никитичъ.

— А что?—спросилъ озадаченный Чесменскій.

— Ничего,—отвѣтилъ Волконскій, отвернувшись и какъ бы разсѣянно глядя въ окно:—вспомнилась, видите ли, одна прошлогодняя, питерская оказія о дворѣ...

— Какая оказія? удостойте, батюшка-князь!—съ улыбкой и поклономъ, произнесъ графъ:—вѣдь я недавній вашъ гость и многого не знаю изъ новыхъ, столь любопытныхъ и нынѣ намъ недоступныхъ, дворскихъ палестинъ.

— Извольте,—началъ Волконскій, покашливая и по прежнему глядя въ окно:—дѣло, если хотите, не важное, а скорѣе забавное... Генералъ-маіоршу Кожину знаете?.. Марья Дмитревна... бойкая такая, красивая и говорунья?

— Какъ не знать! часто ее видѣлъ до отъѣзда въ чужіе края.

— Ну-съ, сболтнула она, говорятъ, гдѣ-то, будто бы такіе-то, положимъ, Аболѣшевы тамъ, или не помню кто, рѣшили покровительствовать новому счастливцу, Петру Мордвинову... тоже, вѣрно, знаете?

Орловъ молча кивнулъ головой.

— Покровительствовать... ну, понимаете, чтобъ подставить ногу...

— Кому?—спросилъ Орловъ.

— Да будто самому, батюшка, Григорію Александровичу Потемкину.

— И что же?

— А вотъ что,—проговорилъ главнокомандующій:—въ собственные покои немедленно былъ позванъ Степанъ Ивановичъ Шешковскій и ему сказано,—ѣзжай, батюшка, сію минуту въ маскарадъ и найди тамъ генеральшу Кожину; а, найдя, возьми ее въ тайную экспедицію, слегка тамъ на память тѣлесно отстегай и потомъ, туда же, въ маскарадъ, оную барыньку съ благопристойностію и доставь обратно.

— И Шешковскій?—спросилъ Орловъ.

— Взялъ барыньку, исправно посѣкъ и опять, какъ велѣно, доставилъ въ маскарадъ; а она, чтобы не замѣтили бывшаго съ нею случая, промолчала и пренесправно кончила всѣ танцы, на кои была звана, всѣ до одного—и менуэтъ, и монимаску, и ютильонъ...

Орловъ понялъ горечь намёка и съ тѣхъ поръ о Досеѣеѣ болѣе не распрашивалъ.

Не радовали графа и бесѣды съ его управляющимъ, Терентьичемъ Кабановымъ, наѣзжавшимъ въ Нескучное изъ Хрѣноваго. Терентьичъ былъ изъ грамотныхъ крѣпостныхъ и являлся одѣтый по модѣ, въ «перлёневый» кафтанъ и камзолъ, въ «просметальные» башмаки съ оловянными пряжками, въ манжеты и съ чернымъ шелковымъ кошелькомъ на пучкѣ пудренной косы.

Графъ наливалъ ему чарку заморскаго, дорогаго вина, говоря: «Попробуй, братецъ, не вино... я тебѣ человѣчьяго вѣку рюмочку налилъ...»

Терентьичъ отказывался.

— Полно, милый!—угощалъ графъ:—ужли забылъ поговорку,—день мой, вѣкъ мой? Веселись, въ томъ только и счастье... да увы, не для всѣхъ...

— Вѣрно, батюшка графъ!—говорилъ Кабановъ, выпивая предлагаемую чарку:—мы что? рабы... Но вамъ ли воздыхать, не жить въ сладости-холѣ, въ собственныхъ, распрекрасныхъ вотчинахъ? Мѣста въ нихъ сухія и веселыя, поля скатистыя, хлѣбородныя, воды ключевыя, лѣсовъ и рощъ тѣмъ, крестьяне всѣ хлѣбопашцы, не бобыли, благодарятъ вашей милости. Вы же, сударь, что-то какъ бы скучны, а слыхомъ-слыхать, иногда даже сумнительны.

— Сумнительствъ и подозрѣнiевъ, братецъ, на вѣку не обратиться!—отвѣчалъ графъ:—вотъ ты прошлую осень писалъ за море, хвалилъ всходы и каковъ былъ ростъ всякаго злака; а что вышло? Сказано: не по росту, а по зерни.

— Вѣрно говорить изволите,—отвѣчалъ, вздыхая, Терентьичъ.

— Вотъ хоть бы и о прочихъ дѣлахъ,—продолжалъ графъ:—много у меня всякаго разѣзду и ко мнѣ прїѣзду; а вѣришь ли, ничего, какъ прежде, не знаю. Былъ Филъ въ силѣ, всѣ въ други къ нему валили... а теперь...

Графъ смолкалъ и задумывался.

«Ишь-ты,—мыслилъ, глядя на него, Кабановъ:—при такой силѣ и богатствѣ—обходить».

— Да, братецъ,—говорилъ Орловъ:—тяжкія пришли времена, разомъ попалъ промежъ двухъ жернововъ; служба кончена, болѣе въ ней не нуждаются, а дома... скука...

— Золото, графъ, огнемъ искупается, — отвѣчалъ Терентьичъ:—человѣкъ напастями. И не вспыхнуть дровамъ безъ подтопки... а я вамъ подтопочку могу подыскать...

— Какую?

— Женитесь, ваше сіятельство.

— Ну, это ты, Кабановъ, ври другимъ, а не мнѣ!—отвѣчалъ Чесменскій, вспоминая недавній совѣтъ о томъ же предметѣ Концова.

XXV.

Судьба Таракановой, между тѣмъ, не улучшилась. Московскія празднества въ честь мира съ Турціей заставили о ней на нѣкоторое время позабыть. Послѣ ихъ окончанія, ей предложили новыя обвинительныя статьи и новыя вопросныя пункты. Былъ призванъ и напущенъ на нее самъ Шешковскій. Допросы усилились. Добиваемая болѣзнью и нравственными муками, въ тяжелой, непривычной обстановкѣ и въ присутствіи безсмысленныхъ часовыхъ, она съ каждымъ днемъ чахла и таяла. Были часы, когда ждали ея немедленной кончины.

Послѣ одного изъ такихъ дней, арестантка схватила перо и набросала письмо императрицѣ.

«Исторгаясь изъ объятій смерти,—писала она:—молю у вашихъ ногъ. Спрашиваютъ, кто я? Но развѣ фактъ рожденія можетъ для кого-либо считаться преступленіемъ? Днемъ и ночью въ моей комнатѣ мужчины. Мои страданія таковы, что вся природа во мнѣ содрогается. Отказавъ въ вашемъ милосердіи, вы откажете не мнѣ одной...»

Императрица досадовала, что еще не могла оставить Москвы и лично видѣть плѣнницу, которая вызывала къ себѣ то сильный ея гнѣвъ, то искреннее, невольное, тайное сожалѣніе.

Въ августѣ фельдмаршалъ Голицынъ опять посѣтилъ плѣнницу.

— Вы выдавали себя персіанкой, потомъ родомъ изъ Аравіи, черкешенкой, наконецъ, нашею княжной,—сказалъ онъ ей:—увѣрили, что знаете восточные языки; мы давали ваши письма прочесть свѣдущимъ людямъ,—они въ нихъ ничего не поняли. Неужели, простите, и это обманъ?

— Какъ это все глупо!—съ презрительной усмѣшкой и сильно закашливаясь, отвѣтила Тараканова:—развѣ персы или арабы учатъ своихъ женщинъ грамотѣ? Я въ дѣтствѣ кое-чему выучилась тамъ сама. И почему должно вѣрить не мнѣ, а вашимъ чтецамъ?

Голицыну стало жалъ долѣе, по пунктамъ, составленнымъ Ушаковымъ, спрашивать эту бѣдную, еле-дышавшую женщину.

— Послушайте,—сказалъ онъ, смигивая слезы и какъ-бы

вспомнивъ нѣчто, болѣе важное и настоящее: — не до споровъ теперь... ваши силы падаютъ... Мнѣ не разрѣшено, — но я велю васъ перевести въ другое, болѣе просторное помѣщеніе, давать вамъ пищу съ комендантской кухни... Не желаете ли духовника, чтобы... понимаете... всѣ мы во власти Божьей... чтобы приготовиться...

— Къ смерти, не правда ли? — перебила, качнувъ головой, плѣнница.

— Да — отвѣтилъ Голицынъ.

— Пришлите... вижу сама, пора...

— Кого желаете? — спросилъ нагнувшись къ ней, князь: — католика, протестанта или нашей грекороссійской вѣры?

— Я русская, — проговорила арестантка: — пришлите русскаго, православнаго.

«И такъ, конечно! — мыслила она, въ слѣдующую, какъ и прежнія, бессонную ночь: — мракъ безъ разсвѣта, ужасъ безъ конца. Смерть... вотъ она, близится, скоро... быть можетъ завтра... а они не утомились, допрашиваютъ...»

Плѣнница привстала, облокотилась объ изголовье кровати.

«Но кто-же я наконецъ?» — спросила она себя, устремляя глаза на образъ Спаса: — «ужели трудно дать себѣ отчетъ даже въ эти, послѣднія, быть можетъ, минуты? Ужели, если я не та, за какую себя считала, я не сознаюсь въ томъ? изъ-за чего? изъ чувства ли омерзѣнія въ нимъ, или изъ-за непомѣрнаго гнѣва и мести опозоренной ими, раздавленной женщины?»

И она старалась усиленно припомнить свое прошлое, допытываясь въ немъ мельчайшихъ подробностей.

Ей представилась ей недавняя, веселая, роскошная жизнь, рядъ успѣховъ, выѣзды, приемы, вечера. «Придворные, дипломаты, графы, владѣтельные князья, — сколько было поклонниковъ! — мыслила она: — изъ-за чего-нибудь они ухаживали-же за мною, предлагали мнѣ свое сердце и достоиніе, искали моей руки... За красоту, за умѣнье нравиться, за умъ? Но есть много красивыхъ и умныхъ, болѣе меня ловкихъ женщинъ; почему же князь Лимбургскій не безумствовалъ съ ними, не отдавалъ имъ, какъ мнѣ, своихъ земель и замковъ, не водворялъ ихъ въ подаренныхъ владѣніяхъ? Почему именно ко мнѣ льнули всѣ эти Радзивиллы и Потоцкіе, почему искалъ со мною встрѣчи могучій фаворитъ бывшаго русскаго двора, Шуваловъ? Изъ-за чего меня окружали высокими, почти благоговѣйнымъ почтеніемъ, ладно спрашивали о прошломъ? Да, я отмѣчена Промысломъ, избрана къ чему-то особому, мнѣ самой непонятному...»

«Дѣтство! въ немъ одномъ разгадка!» — шептала плѣнница, хватаясь за отдаленнѣйшія, первыя свои воспоминанія: — «въ немъ одномъ доказательства!»

Но это дѣтство было смутно и непонятно ей самой. Ея припоминалась глухая деревушка, гдѣ-то на югѣ, въ пустынѣ, большія, тѣнистыя деревья надъ невысокимъ жильемъ, огородъ, за нимъ—зеленныя, безбрежныя поля. Добрая, ласковая старуха ее кормила, одѣвала. Далѣе—перевѣздъ, на мягко-волнхавшейся, набитой душистымъ сѣномъ, подводѣ, долгій веселый путь черезъ новыя, неоглядныя поля, рѣки, горы и лѣса.

«Да кто же я, кто?» — въ отчаяніи вскрикивала арестантка, рыдая и колотя себя въ обезумѣвшую, отупѣлую голову: — «имъ нужны доказательства!.. Но гдѣ они? и что я могу прибавить къ сказанному? Какъ могу отдѣлать правду отъ навѣяннаго жизнью вымысла? Можетъ ли, наконецъ, заброшенное, слабое, безпомощное дитя знать о томъ, что отъ него со временемъ грозно потребуютъ отвѣта даже о самомъ его рожденіи? Судь надо мною насильный, неправый. И не мнѣ помогать въ разубѣжденіи моихъ притѣснителей. Пусть поворзятъ, путають, ловятъ, добиваютъ меня. Не я виновна въ моемъ имени, въ моемъ рожденіи... Я—единственный, живой свидѣтель своего прошлаго; другихъ свидѣтелей у нихъ нѣтъ. Что-же они злобствуютъ? У Господа не мало чудесъ. Ужели онъ, въ возмездіе слабой, угнетаемой, не явитъ чуда, не распахнетъ двери этого гроба-мѣшка, этой каменной, злодѣйской тюрьмы?..»

XXVI.

Миновали теплые осенніе дни. Насталъ дождливый, суровый ноябрь.

Отецъ Петръ Андреевъ, старшій священникъ казанскаго собора, былъ образованный, начитанный и еще не старый человѣкъ. Онъ осенью 1775 года ожидалъ изъ Чернигова дочь брата, свою крестницу, Варю. Варя выѣхала въ Петербургъ съ другою, ей знакомою дѣвушкой, имѣвшей надежду лично подать просьбу государынѣ по какому-то важному дѣлу.

Домишко отца Петра, съ антресолями и съ крыльцомъ на улицу, стоялъ въ мѣщанской слободѣ, сзади казанскаго собора и бокомъ ко двору гетмана Разумовскаго. Дубы и липы обширнаго гетманскаго сада укрывали его черепичную крышу, простирая густыя, теперь безлистыя вѣтви и надъ крошечнымъ поповскимъ дворомъ.

Овдовѣвъ нѣсколько лѣтъ назадъ, бездѣтный отецъ Петръ жилъ настоящимъ отшельникомъ. Его ворота были постоянно на запорѣ. Огромный цѣпной песъ, Полканъ, на малѣйшую тревогу за калиткой, поднималъ нескончаемый, громкій лай. Рѣдкіе по-сѣтители, внѣ церковныхъ требъ, имѣвшіе дѣло къ священнику, входили къ нему съ уличнаго крыльца, бывшаго также все время назаперти.

Письмо племянницы обрадовало отца Петра. Въ немъ онъ прочиталъ и нѣчто необычное. Варя писала, что сосѣдняя съ ихъ хуторомъ барышня, незадолго передъ тѣмъ, получила изъ-за границы, отъ неизвѣстнаго лица, при письмѣ на ея имя, пачку исписанныхъ листовъ, найденную гдѣ-то въ выброшенной моремъ, засмоленной бутылки. — «Милый крестный и дорогой дядюшка, простите глупому уму, — писала дядѣ Варя: — прочли мы съ этою барышней тѣ бумаги и рѣшили ѣхать и ѣдемъ; а къ кому было, какъ не къ вамъ, направить сироту? Годъ назадъ она схоронила родителя, а въ присланныхъ листахъ описано про персону такой важности, что и сказать о томъ — надо подумать. Сперва барышня полагала отправить ту присылку въ Москву, прямо ея величеству, да порѣшили мы съ-проста иначе; вы, крестный, дяденька, знаете про всякія дѣла, всюду вхожи и вездѣ вамъ вниманіе и почетъ; какъ посоветуете, тому и быть. А имя барышни Ирина Львовна, а прозвищемъ дочка бригадира Ракитина».

— Вѣтрогонки, вертухи! — заботливо качая головой, мыслилъ священникъ, по прочтеніи письма: — эхъ, сороки, обладили какое дѣло... затѣяли изъ Чернигова въ Питеръ, со мною совѣтоваться... нашли, съ кѣмъ!..

Каждый вечеръ, въ сумерки, отецъ Петръ, не зажигая свѣчи, любилъ за-просто, въ домашнемъ подрясникѣ, прохаживаться по гладкому, холщевому половику, простланному вдоль комнатъ, отъ передней въ пріемную, до спальни, и обратно. Онъ въ это время подходилъ къ горшкамъ гераній и другихъ цвѣтовъ, стоявшихъ по окнамъ, ощипывалъ на нихъ сухіе листья и сорную травку, перекладывалъ книги на столахъ, посматривалъ на вѣтку со спящимъ скворцомъ, на кіотъ съ образами и на теплившуюся лампаду, и все думалъ-думалъ: когда, наконецъ, оживятся его горницы? когда явятся вертуны?

Гости подѣхали.

Домъ священника ожилъ и посвѣтлѣлъ. Веселая и разбитная крестница Варюша засыпала дядю вѣстями о родинѣ, о знакомыхъ и о путевыхъ приключеніяхъ. Слушая ее, отецъ Петръ думалъ: «Давно ли ее привозили сюда, невзрачною, курносою,

молчаливою и дикою дѣвочкой? А теперь, — какъ она жива, мила и умна? Да и ея спутница... вотъ ужъ писаная красавица! что-за густыя, черныя косы, что за глаза? И въ другомъ родѣ, тѣмъ Варя, — задумчива, сдержанна, строга и горда!

Послѣ первыхъ, радостныхъ распросовъ и возгласовъ, дядя ушелъ на очередь ко всенощной, а гости на-скоро устроились на вышкѣ, собрали узелки, сходили съ кухаркой въ баню и, возвратясь, расположились у растопленного камелька. Отецъ Петръ засталъ ихъ красными, въ видѣ варенныхъ раковъ, съ повязанными головами и за чаемъ. Разговорились и просидѣли далеко за полночь.

— А гдѣ же, государыни мои, привезенное вами? — спросилъ, отходя ко сну, отецъ Петръ: — дѣло любопытное и для меня... въ чемъ суть?

Дѣвушки порылись въ укладкахъ и узелкахъ, достали и подали ему свертокъ, съ надписью: *«Дневникъ лейтенанта Комцова»*.

XXVII.

Отецъ Петръ спустился въ спальню, задернулъ оконныя занавѣски, поставилъ свѣчу у изголовья, прилегъ, не раздѣваясь, на постель, развернулъ смятую тетрадь синей, заграничной, почтовой бумаги, съ золотымъ обрѣзомъ, и началъ читать.

Онъ не спалъ до утра.

Исторія княжны Таракановой, принцессы Владимірской, извѣстная отцу Петру по немногимъ, сбивчивымъ слухамъ, раскрылась передъ нимъ, съ неожиданными подробностями.

«Такъ вотъ что это, вотъ о комъ здѣсь рѣчь!» думалъ онъ, съ первыхъ строкъ, о загадочной княжнѣ, то отрываясь отъ чтенія и лежа, съ закрытыми глазами, то опять принимаясь за рукопись: «и гдѣ теперь эта бѣдная, такъ коварно похищенная женщина?» — спрашивалъ онъ себя, дойдя до ливориской исторіи: — «гдѣ она влечетъ дни? и спасся ли, живъ ли самъ писавшій эти строки?»

Сгорѣла одна свѣча, догорала и другая. Отецъ Петръ дочиталъ тетрадь, погасилъ щипцами мигавшій огарокъ, прошелъ въ другія комнаты и сталъ бродить изъ угла въ уголъ по половику. Начиналъ чуть брежить разсвѣтъ. — «Ахъ, событія! ахъ, горестное сплетеніе дѣлъ!» — шепталъ священникъ: — «страдалица! помоги ей Господь!» — Проснулся въ клѣтѣ скворецъ и, видя столь необычное хожденіе хозяина, странно, пугливо чокнулъ. — «Еще всѣхъ

разбудишь!» рѣшилъ отецъ Петръ. Онъ на цыпочкахъ возвратился въ спальню, прилегъ и снова началъ обсуждать прочтенное. Его мысли перенесли въ прошлое царствованіе, въ море тайныхъ и явныхъ, ему, какъ и другимъ, извѣстныхъ событій. Священникъ заснулъ. Его разбудилъ благовѣстъ въ заутрени. Сквозь занавѣски свѣтило блѣдное, туманное утро. Отецъ Петръ заперъ въ столъ рукопись, пошелъ въ церковь, отправилъ службу и возвратился чернымъ ходомъ, черезъ кухню. Завидя крестницу, съ утюгомъ, у лѣсенки на вышку, онъ ее остановилъ знакомъ.

— А скажи, Варя — произнесъ онъ въ полголоса:—этотъ-то писавшій дневникъ? Концовъ, что ли... видно, ей женихъ?..

Варя послунила палецъ, тронула имъ объ утюгъ,—тотъ зашипѣлъ.

— Сватался,—отвѣтила она, помахивая утюгомъ.

— Ну, и что же?

— Ирина Львовна ничего... отецъ отказалъ.

— Стало, разошлось дѣло?

— Вѣстимо.

— А теперь?

— Что на это сказать? сирота она, и рада бы, можетъ,... на своей, вѣдь, теперь волѣ... да гдѣ онъ?

— Корабль видно потонулъ?—произнесъ отецъ Петръ.

— Гдѣ про то дознаться въ нашей глуши! Вамъ бы, дяденька, провѣдать у моряковъ; не одни люди, погибли и графскія богатства... Гдѣ-нибудь, да есть же слѣды...

— Кто твоей товарѣй выслалъ эти листки?

— Богъ его вѣдаетъ. Съ почты привезли повѣстку, Ариша и получила. На послыжѣ была надпись—Ракитиной, тамъ-то, а въ запискѣ на французскомъ языкѣ сказано, что рукопись найдена рыбаками въ бутылѣ, гдѣ-то на морскомъ берегу. Въ Ракитиномъ Ирина нынче одна изъ всей родни осталась, какъ персть, ей и доставили послыжку...

Священникъ, не подавая о томъ вида ни крестницѣ, ни гостѣ, пустился въ усердныя развѣдки. Его старанія были неуспѣшны.

Въ морской коллегіи оказалась только справка, что фрегатъ «Сѣверный Орелъ», на которомъ везли изъ Италіи больныхъ и отсталыхъ флотской команды и собственные вещи графа Орлова, дѣйствительно былъ унесенъ бурей въ атлантическій океанъ, что его видѣли нѣкоторое время за Гибралтаромъ, у африканскихъ береговъ, не вдали отъ Танжера, и что, очевидно, онъ разбился и утонулъ гдѣ-либо у азорскихъ или канарскихъ острововъ. О

судьбѣ же лейтенанта Концова и даже о томъ, вѣхалъ ли онъ именно на этомъ кораблѣ и спасся ли при этомъ онъ или кто другой, не могло быть и справки, такъ какъ, повидимому, весь экипажъ утонулъ. Бывшій же начальникъ эскадры Орловъ и ея ближайшій командиръ Грейгъ въ то время находились въ Москвѣ, а еще спрашивать было некого. Въ иностранныхъ газетахъ проскользнула только кѣмъ-то пущенная вѣсть, будто какіе-то моряки видѣли въ океанѣ разбитый корабль, безъ команды, несшійся далѣе на западъ къ Мадерѣ и Азорскимъ островамъ. Подойти къ нему и его осмотрѣть не допустилъ сильный штормъ.

«Жаль барыньку», мыслилъ священникъ, глядя на Ракитину: «экая умница, да степенная! богата, молода... Вотъ бы парочка тому-то, претерпѣвшему, снаси его Господь!.. Нѣтъ, видно и онъ погибъ съ другими; былъ бы живъ, отозвался бы на родину, товарищамъ по службѣ или роднымъ...»

Онъ уллучилъ однажды свободный часъ и разговорился съ Ириной.

— Скажите, барышня, — произнесъ священникъ: — я слышалъ отъ племянницы о вашей печали; васъ очевидно съ расчетомъ развели враги, подставили вамъ другого жениха. Какъ это случилось? почему пренебрегли Концовымъ?

— Сама не понимаю, — отвѣтила Ирина: — покойный мой отецъ былъ расположенъ къ Павлу Евстафичу, ласкалъ его, принималъ, какъ добраго сосѣда, почти какъ родного. А ужъ я-то его любила, мыслью о немъ только и жила.

— И что-же? какъ разошлось?

— Не спрашивайте, — произнесла Ирина, склонивъ голову на руки: — это такое горе, такое... Мы видались, переписывались, были встрѣчи... я ему влялась искренно, мы только ждали минуты все сказать, открыть отцу...

Ракитина смолкла.

— Ужасно вспомнить, — продолжала она: отецъ, надо полагать, получилъ какое-нибудь указаніе, Концова могли ему чѣмъ-нибудь опорочить, — могли на него наклеветать... Вдругъ, — это было вечеромъ, — вижу, запрягаютъ лошадей. — Куда? спрашиваю. Отецъ молчитъ; выносить вещи, поклажу. У насъ гостилъ родственникъ изъ Петербурга; мы втроемъ сѣли въ карету. — Куда мы? — спрашиваю отца. — Да вотъ, недалеко, провагимся, — пошутить онъ. А шутка вышла такая, что мы безъ остановки, на почтовыхъ проѣхали въ другое имѣніе, за тысячу верстъ. Ни писать, ни иначе дать вѣсть Концову мнѣ долгое время не удавалось, за мной слѣдили. И уже, когда отецъ тяжело заболѣлъ въ томъ

ишнѣн, я отцу все высказала, молила его не губить меня, позволить извѣстить Концова. Онъ горько заплакалъ и сказалъ:—прости, Ариша, тебя и меня, вижу, жестоко обошли.—Да кто? кто?—спрашиваю:—ужли тотъ родной искалъ моей руки?—Не руки,—денегъ искалъ, да боялся, что Концовъ, оберегая насъ, помѣшаетъ ему. Онъ наскочилъ на его письмо къ тебѣ, наговорилъ на Концова и склонилъ меня, стараго, увести тебя. Прости, Аринушка, прости; Богъ покаралъ и его, недобраго; взялъ онъ у меня въ займы, да въ Москвѣ проигрался въ карты и застрѣлился,—оставилъ письмо... вонъ оно, читай; на-дняхъ его переслали мнѣ.—Отецъ недолго потомъ жилъ. Я возвратилась въ Равитовку; Концова уже не застала тамъ; умерла и его бабушка. Я писала въ Петербургъ, куда онъ выѣхалъ, писала и въ чужіе края, на флотъ;—но тогда была война, письма къ нему, очевидно, не доходили. Потомъ его плѣнъ въ Турціи... потомъ... вотъ моя судьба.

— Молитесь, добрая моя, молитесь,—произнесъ священникъ:—горька ваша доля... Тутъ одно спасеніе и защита—Господь.

Прошло еще нѣсколько дней. Равитина безъ усталости собирала справки, хлопотала, но все безуспѣшно.

— Что же, Ирина Львовна,—сказалъ однажды отецъ Петръ своей гостьѣ:—вѣдите вы, вижу, все напрасно—то въ одно, то въ другое мѣсто, спрашиваетесь, тревожитесь... Государыня, слышно, будетъ еще не скоро. Написали бы въ начальству Павла Евстафьевича, въ Москву... не знаетъ ли чего хоть бы графъ Орловъ?

— Покорно благодарствую, батюшка!—отвѣтила, съ поклономъ, Равитина:—помолитесь, не узнаемъ ли чего о томъ кораблѣ безъ команды? не прибило ли его куда-нибудь и не спасся ли на немъ хотя кто-нибудь, въ томъ числѣ и Концовъ... Вчера вотъ графъ Панинъ обѣщалъ развѣдать, черезъ иностранную коллегію, въ Испаніи и на Мадерѣ; Фонъ-Визинъ, писатель, тоже вызвался... не будетъ ли вѣсти, обожду еще, а то пора бы и домой,—да какъ ѣхать, безъ успѣха. Этотъ корабль, этотъ призракъ все у меня передъ глазами...

XXVIII.

Вечеромъ перваго декабря, 1775 года, была особенно ненастная и дождливая погода. Снѣгъ, выпавшій съ утра, растаялъ. Вездѣ стояли лужи. Экипажи и рѣдкіе пѣшеходы уныло шлепали по водѣ. Была буря. Она ревѣла надъ домомъ священника, стуча ставнями и раскачивая у забора огромныя деревья

въ смежномъ, гетманскомъ саду. Нева вздулась. Всѣ ждали наводненія. Съ крѣпости изрѣдка раздавались глухіе, пушечные выстрѣлы.

Отецъ Петръ сидѣлъ сумрачный на вышкѣ у барышень. Разговоръ, подъ вой и ревъ вѣтра, не клеился и часто смолкалъ. Варя гадала на картахъ; Ирина, съ строгимъ и недовольнымъ лицомъ, рассказывала, какія алчныя пѣивки всѣ эти секретари въ иностранной коллегіи, переводчики и даже писцы; несмотря на приказъ и личное вниманіе графа Панина, они все еще не снесли, съ кѣмъ надо, въ Испаніи и на островахъ, составляли проекты бумагъ, переписывали ихъ, переводили и вновь переписывали, лишь бы тянуть.

— Да вы бы смазочку... чрезъ прислугу, или какъ, — сказалъ священникъ.

— Давали и прямо въ руки, — отвѣтила Варя за подругу. Та съ укоризной на нее взглянула.

— Охъ, ужъ эти волостѣли-радѣтели! — произнесъ отецъ Петръ: — пора бы изъ Москвы обратно государынѣ; плохо безъ нея.

Дождь наискось хлесталъ въ окна, какъ градъ. Измокшій и иззябшій сторожевой пѣсъ забрался въ кануру, свернулся калачемъ и молчалъ, какъ бы сознавая, что, при такой бурѣ и пушечныхъ выстрѣлахъ, всѣмъ, разумѣется, не до него.

Вдругъ, послѣ одного изъ выстрѣловъ съ крѣпости, пѣсъ отрывисто и особенно злобно залаялъ. Сквозъ гулъ вѣтра, послышался стукъ въ калитку. Дѣвушки вздрогнули.

— Аксинья спитъ, — сказалъ отецъ Петръ о кухаркѣ: — кому-то видно нужно... съ крыльца не дозвонились.

— Я, дяденька, отворю, — сказала Варя.

— Ну, ужъ, по твоей храбрости, лучше сиди.

Священникъ, спустясь со свѣчей въ сѣни, отперъ уличную дверь. Вошелъ нѣсколько смокшій на крыльцѣ, въ треуголь и при шпагѣ, невысокій, толстый человекъ, съ краснымъ лицомъ.

— Секретарь главнокомандующаго, Ушаковъ! — сказалъ онъ, встрахиваясь: — имѣю къ вашему высокопреподобію секретное дѣло.

Священникъ струхнулъ. Ему вспомнились бумаги, привезенныя Развятиной. Онъ заперъ дверь, пригласилъ незнакомца въ кабинетъ, зажегъ другую свѣчу и, указавъ гостю стулъ, сѣлъ, готовясь слушать.

— Проповѣди — съ Массильона? — произнесъ Ушаковъ, потирая ошогенныя руки и присматриваясь къ книгѣ знаменитыхъ

«Sermons», лежавших у отца Петра на столѣ:—изволите хорошо знать по-французски?

— Маракую, — отвѣтилъ священникъ, мысля: «что ему въ самомъ дѣлѣ до меня и въ такой поздній часъ?»

— Вѣроятно, батюшка, изволите знать и по-нѣмецки?—спросилъ Ушаковъ:—а встати, можетъ быть, и по-итальянски?

— По-нѣмецки тоже обучался; итальянскій же близокъ къ латинскому.

— Слѣдовательно, — продолжалъ гость: — хоть нѣсколько и говорите на этихъ языкахъ?

«Вотъ явился прецѣпторъ, экзаменоватъ!» подумалъ священникъ.

— Могу-съ, — отвѣтилъ онъ.

— Странны, не правда ли, отецъ Петръ, такіе вопросы, особенно ночью?—произнесъ гость:—вѣдь согласитесь, странны?

— Да, такъ по-вашему, — отвѣтилъ, зѣвнувъ и смотря на него, священникъ.

Ушаковъ переложилъ ногу на ногу, вскинулъ глаза на стѣну, увидѣлъ въ рамкѣ за стекломъ портретъ опальнаго архіерея, Арсенія Мацѣевича, и подумалъ: «Вотъ что! сочувственникъ этому врагу... надо быть настойчивѣе, рѣзче!»

— Ну, не буду длить, вотъ что-съ, — объявилъ онъ: — его сіятельству, господину главнокомандующему, благоугодно, чтобъ ваше высокопреподобіе, взявъ нужныя святости, тотчасъ и безъ всякаго отлагательства, потрудились отправиться со мной въ одно мѣсто... Тамъ иностранка-съ... грекороссійской вѣры...

— Въ чемъ же дѣло?

— Нужно совершеніе двухъ таинствъ.

— Какихъ именно?

— А вамъ, извините, зачѣмъ знать? развѣ нужно заранѣе?—возразилъ Ушаковъ:—тутъ не должно быть колебаній, повелѣніе свыше.

— Необходимо приготовиться, — сказалъ священникъ: — что именно ранѣе?

— Сперва крещеніе, потомъ исповѣдь, съ причастіемъ, — отвѣтилъ Ушаковъ.

— И теперь же ночью?

— Такъ точно-съ, карета готова.

— Позвольте взять причетника?

— Велѣно, слышите ли, безъ свидѣтелей.

— Куда же, это, смѣю спросить?

— Отвѣтить не могу. Изволите увидѣть послѣ, а теперь

одно—безпродлительно и въ полномъ секретѣ!—заключилъ Ушаковъ, кланаясь какъ-то кверху, хотя, въ знакъ просьбы, обѣими руками прижимая къ груди обрызганный дождемъ треуголь.

— Могу объявить домашнимъ, успокоить ихъ?

Ушаковъ, зажмурясь, отрицательно замахалъ головой.

Священникъ взялъ крестъ и книги, крикнулъ на вышку:— «Варенька, запри дверь»!—и, когда племянница спустилась въ сѣни, карета, гремя, уже катилась по улицѣ. Подѣхавъ къ церковной оградѣ, отецъ Петръ разбудилъ привратника, вошелъ въ церковь и взялъ дароносицу.

XXIX.

Путники остановились у дома главнокомандующаго Голицына. Князю доложили о прибытіи священника. Тотъ его пригласилъ въ спальню, гдѣ уже былъ въ халатѣ.

— Извините, батюшка,—сказалъ, на-скоро одѣваясь, главнокомандующій:—дѣло важное, воля высшаго начальства... Я сперва долженъ взять съ васъ клятвенное обѣщаніе, что вы вѣчно будете молчать о слышанномъ и видѣнномъ въ предстоящемъ дѣлѣ. Клянетесь ли?

— Какъ приносящій безкровную жертву, — отвѣчалъ отецъ Петръ:—я буду вѣренъ монархинѣ и безъ клятвенныхъ словъ.

Голицынъ было замаялся, но не настаивалъ. Онъ сообщилъ священнику свѣдѣнія, добытыя о плѣнницѣ.

— Знали-ль вы о ней что-нибудь прежде?—спросилъ князь.

— Кое-что дошло по молвѣ...

— Извѣстно ли вамъ, что она теперь въ Петербургѣ?

— Впервые слышу.

Голицынъ сообщил о тревогѣ государыни, объ иностранныхъ враждебныхъ партіяхъ, о поддѣльныхъ завѣщаніяхъ.

— Докторъ болѣе не ручается за ея жизнь, — прибавилъ фельдмаршалъ:—не только дни, часы ея сочтены.

Отецъ Петръ перекрестился.

— Она желаетъ приготовиться,—продолжалъ князь, подбирая слова:—не мнѣ васъ учить. Вы, какъ добрый пастырь, доведете ее, вѣроятно, до полного раскаянія и сознанія, кто она, и, если обманно звалась принятымъ именемъ, то узнаете, кто ее тому научилъ... исполните ли?

Священникъ медлилъ отвѣтомъ.

— Даете ли слово помочь правосудію?

— Долгъ пастыря и свои обязанности знаю,—покашливая, сухо отвѣтилъ отецъ Петръ.

— Можете ѣхать,—сказалъ, кланаясь, князь:—васъ проводятъ, куда нужно; а меня простите за тревогу въ такое время.

Карета, съ священникомъ и Ушаковымъ, направилась къ крѣпости. У дома оберъ-коменданта они примѣтили другой экипажъ. Духовника ввели въ особую комнату. Тамъ его встрѣтилъ генералъ-прокуроръ князь Вяземскій. Рядомъ стояли рослый, бравый и румянолицый оберъ-комендантъ крѣпости Чернышевъ, и разряженная, еще моложавая жена послѣдняго.

— Готово ли все?—спросилъ Вяземскій, оглядываясь.

— Готово,—отвѣтила, несмѣло присѣдая, въ шуршащихъ фижменахъ, обер-комендантша.

— Милости просимъ,—обратился князь Вяземскій къ священнику.

Всѣ вошли въ сосѣднюю комнату. Тамъ уже горѣли въ высокихъ поставцахъ свѣчи; между ними стояла купель, и какая-то, въ мѣщанской шубейкѣ, женщина держала что-то завернутое въ бѣлое.

— Приступайте, батюшка,—сказалъ Вяземскій, указывая на купель и на то, что держала женщина.

Отецъ Петръ надѣлъ ризу, взялъ поданное Чернышевымъ едило, раскрылъ книгу и началъ крещеніе. Восприемниками были разряженная, метавшая жеманные взгляды, оберъ-комендантша и самъ генералъ-прокуроръ. Имя новорожденному дали Александръ. Обрядъ былъ конченъ. Обер-комендантша все металась, съ ребенкомъ въ рукахъ, глазами и плечами усиливаясь обратить вниманіе князя на себя и на свое шуршавшее платье.

— Чье дитя?—спросилъ въ полголоса священникъ, почти-тельно склоняя крестъ къ подошедшему восприемному отцу.

Вяземскій, недоумѣвая, взглянулъ на него.

— Какъ записать въ книгу?—спросилъ отецъ Петръ:—кто родители?

— Да развѣ это непременно нужно?—недовольно спросилъ генералъ-прокуроръ.

— Какъ повелите... По долгу обряда... мало-ли что въ будущемъ... мы должны.

— Запишите,—сказалъ князь Вяземскій: Александръ Алексѣевъ сынъ, Чесменскій.

Священникъ молча, вздрагивавшей рукой, занесъ это имя въ книгу крещаемыхъ.

— А теперь другая треба... вотъ вашъ вожатый!—сказалъ

со вздохомъ князь Вяземскій, указывая духовнику на вытянувшегося во фронтъ оберъ-коменданта:—надѣюсь, все исполнится, какъ повелѣно.

Съ этими словами онъ вышелъ и уѣхалъ.

Отецъ Петръ, съ дароносицей у груди, пошелъ за Чернышевымъ. Его сердце сильно забилося, когда они, черезъ внутренний мостикъ, вступили въ особый, со всѣхъ сторонъ огражденный дворъ. Онъ понялъ, что это былъ роковой Алексѣевскій рavelинъ...

Чернышевъ и его спутникъ вошли на невысокое крыльцо и длиннымъ, полуосвѣщеннымъ корридормъ приблизились къ небольшой двери. «Она здѣсь»—шепнуло сердце священнику. За дверью оказалась невысокая опрятная комната. Часовыхъ уже тамъ не было. Свѣча у кровати слабо озаряла, изъ-за особой тафтяной заставки, остальную часть комнаты. Воздухъ былъ спертый, съ легкою примѣсью запаха лѣкарствъ и какъ-бы ладона. Священникъ оглядѣлся и молча ступилъ за ширму.

Больная неподвижно лежала на кровати, но была въ памяти.

Она, медленно вглядываясь въ вошедшаго, узнала, по его одеждѣ, священника и, тихо вздохнувъ, протанула ему руку.

— Очень, очень рада, святой отецъ!—проговорила она по-французски:—понимаете меня? можетъ быть вамъ доступнѣе нѣмецкій языкъ?

— Oui, oui, comme il vous plait! — неумѣло выговаривая, отвѣтилъ отецъ Петръ, вздрогнувъ отъ этого грудного, разбитого голоса.

— Я готова, спрашивайте,—проговорила арестантка:— помолитесь за меня...

XXX.

Священникъ бережно положилъ на столъ дароносицу, присѣлъ на стулъ у кровати, оправилъ густую гриву своихъ волосъ и, разглядѣвъ образокъ у изголовья больной, тихо нагнулся къ ней.

— Ваше имя?—спросилъ онъ.

— *Princesse Elisabeth...*

— Заклинаю васъ, говорите правду, — продолжалъ отецъ Петръ, подбирая французскія слова:—кто ваши родители и гдѣ вы родились?

— Клянусь всѣмъ, святымъ Богомъ клянусь, не знаю!—отвѣтила, глухо кашляя, плѣнница: что—передавала другимъ, въ томъ была сама убѣждена.

На новые вопросы, чуть слышно, упавшимъ голосомъ, она еще кое-что добавила о своемъ дѣтствѣ, воснула въ юга Россіи, деревушки, гдѣ жила, Сибири, бѣгства въ Персію и пребыванія въ Европѣ.

— Вы христіанка?—спросилъ священникъ.

— Я крещена по грекороссійскому обряду и потому считаю себя православною, хотя донинѣ, вслѣдствіе многихъ причинъ, была лишена счастья исповѣди и святаго причастія... Я много грѣшила; искавши выхода изъ своего тяжелого положенія, сблизилась съ людьми, которые меня только обманывали... О, какъ я вамъ благодарна за посвѣщеніе!

— У васъ найдены списки съ духовныхъ завѣщаній... отъ кого вы ихъ получили и кѣмъ, откройте мнѣ и Господу силу, составленъ вашъ манифестъ къ русской эскадрѣ?

— Все это, уже готовое, мнѣ прислано отъ неизвѣстнаго лица, — проговорила больная: — тайные друзья меня жалѣли... старались возвратить мои утерянныя права.

«Что-же это?» — раздумывалъ, слушая ее, изумленный духовникъ: — «все тотъ же обманъ или правда? и если обманъ, то въ такое мгновеніе!»

— Вы на краю могилы, — произнесъ онъ дрогнувшимъ голосомъ: — тлѣнъ и вѣчность... покайтесь... между нами одинъ свидѣтель — Господь.

Исповѣдница боролась съ собой. Ея грудь тяжело дышала. Рука судорожно стискивала у рта платокъ.

— Въ ожиданіи божьяго праведнаго суда и близкой кончины, — сказала она, обратъ угасавшій взглядъ на стѣну къ образу: — увѣраю и клянусь, все, что я сообщила вамъ и другимъ — истина... Болѣе не знаю ничего...

— Но вѣдь это невозможно, — возразилъ съ чувствомъ отецъ Петръ: — то, что вы передаете, такъ мало вѣроятно.

Больная, какъ бы отъ невыносимаго страданія, закрыла глаза. Слезы покатались по ея блѣднымъ, страшно-исхудалымъ щекамъ.

— Кто были ваши соучастники?—спросилъ, помедливъ, священникъ.

— О, никакихъ! пощадите... и если я, слабая, гонимая, безъ средствъ...

Княжна не договорила. Снова страшно закашлявшись, она вдругъ приподнялась, ухватилась за грудь, за кровать и въ безпамятствѣ упала. Обморокъ длился нѣсколько минутъ. Отецъ Петръ, думая, что она умираетъ, набожно шепталъ молитву.

Больная очнулась.

Томъ III.—Май, 1883.

— Успокойтесь, прійдите въ себя,—сказалъ священникъ, видя, что ей лучше.

— Не могу болѣе, оставьте, уйдите!—проговорила больная:—въ другой разъ... дайте отдохнуть...

— Вашего сына сейчасъ окрестили, — объявилъ, желая ее ободрить, священникъ:—поздравляю. Господь милосердъ, еще будете жить... для него...

Чуть замѣтная улыбка скользнула по сжатымъ, затекшимся губамъ арестанта. Глаза смутно глядѣли въ сторону, вверхъ, куда-то мимо этой комнаты, крѣпости, мимо всего окружающаго, далеко...

Отецъ Петръ осѣнилъ больную крестомъ, еще постоялъ надъ нею, взявъ дароносицу и, отложивъ таинство причастія, вышелъ.

— Ну, что?—спросилъ его въ корридорѣ оберъ-комендантъ:—исповѣдали, приобщили?

Священникъ, склонивъ голову, молча поклонился оберъ-коменданту, сѣлъ въ карету и уѣхалъ изъ рavelина.

Утромъ второго декабря, его опять пригласили со святыми дарами въ крѣпость. Арестантъ стало хуже.

— Одумайтесь, дочь моя, облегчите душу покаянiемъ,—увѣщевалъ священникъ:—заклинаю васъ Богомъ, будущею жизнью!

— Я грѣшна,—отвѣтила, уже не кашля и какъ-то странно успокоясь, умирающая:—съ юныхъ дней я гнѣвила Бога и считаю себя великою, нераскаянною грѣшницею.

— Разрѣшаю твои прегрѣшенія, дочь моя,—произнесъ, искренно молясь и крестя ее, священникъ:—но твое самозванство, вина передъ государыней, сообщники?

— Я русская великая княжна! я дочь покойной императрицы!—съ усиленiемъ прошептала коснѣющими устами плѣнница.

Священникъ нагнулся къ ней, думая приступить къ причастію. Арестованная была неподвижна, какъ бы бездыханна.

XXXI.

Отецъ Петръ въ сильномъ смущеніи возвратился домой.

«Да ужъ и впрямь самозванка ли она?»—мыслилъ онъ:—«все можетъ утверждать человѣкъ, изъ личныхъ выгодъ; но умирающій... при послѣднемъ вздохѣ... и послѣ такихъ лишеній, почти пытки!.. Что если она неповинна, не обманщица? Помнить дѣтство, твердить одно... Вѣдь она здѣсь, и въ самомъ дѣлѣ,

пока единственный свой свидѣтель. Ея-ли вина, если ея доказательства шатки, даже ничтожны?»

Священникъ вошелъ къ себѣ въ кабинетъ. Дѣвушекъ, какъ онъ узналъ, не было дома. Онъ растопилъ печь, заперъ дверь, вынулъ дневникъ Концова, снова просмотрѣлъ рукопись, вложилъ ее въ чистый листъ бумаги, перевязалъ его шнуркомъ и запечаталъ, надписать на обложкѣ: «Вскрыть послѣ моей смерти». Этотъ свертокъ онъ положилъ на дно сундука, гдѣ хранились его другія, сокровенныя бумаги и рукописи, и, едва замкнулъ сундукъ, въ дверь постучались.

— Кто тамъ?

— Свой.

Вошла племянница, за нею стояла Ракитина.

— Что это, дяденька, съ вами?—спросила, вглядываясь въ священника, Варя:—вы встревожены, другой день куда-то ѣдите... гдѣ были?..

Ирина смотрѣла также вопросительно. «Ужъ не получены-ли какія вѣсти для меня?»—мыслила она.

— Дѣло постороннее, не по вашей части; и вы меня, Ирина Львовна, великодушно простите,—обратился священникъ къ Ракитиной:—времена смутныя... привезенную вами рукопись опасно держать въ домѣ... вы собираетесь уѣхать, но и въ деревнѣ не безопасно... ужъ извините старику...

Ирина поблѣднѣла.

— Разные ходятъ слухи, не учинили бы розыска,—продолжалъ отецъ Петръ:—пеняйте, сударыня, на меня, только я ваши листы...

— Гдѣ тетрадь? неужели сожгли? — вскрикнула Ракитина, вглядывая на растопленную печь.

Отецъ Петръ молча поклонился.

Ирина всплеснула руками.

— Боже,—проговорила она, не сдержавъ хлынувшихъ слезъ:—было послѣднее утѣшеніе, послѣдняя память и та погибла. Съ чѣмъ уѣду?

Варя съ укоромъ взглянула на дядю.

— Послѣ, дорогая барышня, со временемъ все узнаете, теперь лучше молчать, — сказалъ рѣшительно отецъ Петръ:—пути Божіи неисповѣдны, врагъ же свѣтъ незнаемое... молитесь, памятуя Господа,—онъ воздастъ.

Священника не оставили въ покоѣ. Въ тотъ же день его снова пригласили къ главнокомандующему.

— Дознались-ли вы чего-либо отъ арестованной? — спросилъ Голицынъ.

— Простите, ваше сіятельство, — отвѣтилъ отецъ Петръ: — тайна исповѣди... не могу...

Голицынъ смѣшался. — «Какія порученія!» — подумалъ онъ, краснѣя: — «и все эти совѣтники... Орлову не сидится; плететь видно мутянь въ Москвѣ, а ты спрашивай...»

— Но, батюшка, на это воля свыше, — сказалъ Голицынъ.

— Не могу, ваше сіятельство, противъ совѣсти.

Голицынъ шевелилъ губами, не находя выхода изъ затрудненія.

— Да кто-же, наконецъ, она? — произнесъ онъ, стараясь придать себѣ грозное, рѣшительное выраженіе: — вѣдь это, батюшка, государственное, глубокой важности дѣло... Согласитесь, я долженъ-же донести, вышется... вѣдь отвѣтчикъ за сподойствие и за все — я... я одинъ...

— Одно могу доложить вашему княжескому сіятельству, — проговорилъ священникъ: — пока живъ, сдержу вѣтвенное слово, потребованное вами.

Фельдмаршалъ насторожилъ уши.

— Никому не пророню узнаннаго на духу, — продолжалъ отецъ Петръ: — вы сами взяли съ меня обѣтъ молчанія; но я могу сообщить вамъ, князь, лишь мою собственную догадку. Много обѣ арестованной выдуманно, приплетено... А что, если...

— Говорите, говорите, — сказалъ фельдмаршалъ.

— Что, если арестованная неповинна ни въ чемъ! — произнесъ священникъ: — вѣдь тогда, за что-же она все *это* терпитъ?

Если-бы громъ, въ это мгновеніе, разразился надъ фельдмаршаломъ, онъ менѣе озадачилъ бы его.

— Вы хотите сказать, что она не имѣла сообщниковъ, не злоумышляла? — проговорилъ онъ: — да вѣдь если, сударь, такъ, то она и не самозванка, понимаете-ли, а прирожденная, настоящая наша княжна... Неужели возможно это, хотя на мигъ, допустить?

Отецъ Петръ, склоняя головой на рясѣ, молчалъ.

— Вы ошибаетесь! сонъ и бредъ! — вскричалъ фельдмаршалъ, хватаясь за звонокъ: — лошадей! — сказалъ онъ вошедшему ординарцу: — самъ попытаюсь, еще не утеряю время! погляжу.

XXXII.

«Охъ, и я грѣшникъ въ указаніяхъ о ней!»—мыслилъ Голицынъ, ѣдучи въ крѣпость:—«поддавался въ выводахъ другимъ, торопился безъ толку, лѣстилъ догадкамъ и соображеніямъ другихъ!»

Нева поверхъ льда была еще затоплена остатками бывшаго на-канунѣ наводненія. Карета Голицына съ трудомъ пробиралась между незамерзшихъ лужъ.

Оберъ-комендантъ онъ не засталъ дома. Тотъ съ ночи находился въ равелинѣ. У крыльца вертѣлся, съ бумагами, Ушаковъ. Онъ подошелъ къ князю и началъ-было:—тамъ какъ вашему сіятельству не безъизвѣстно, расходы на оную персону...

— Водите меня къ арестантѣмъ,—сказалъ князь дежурному по караулу, обернувъ спину къ Ушакову:—чѣмъ занимаются! что больная? въ памяти еще?

— Кончается,—отвѣтилъ дежурный.

Голицынъ перекрестился. У входа въ равелинъ, его встрѣтилъ оберъ-комендантъ Чернышевъ.

Князь не узналъ его. Бравый, молодцоватый фронтовикъ-служака, Чернышевъ, не смущавшійся на своей должности ничѣмъ, былъ взволнованъ и сильно блѣденъ.

— Бѣдная,—прошепталъ фельдмаршалъ, идя съ Чернышевымъ:—ужели умереть?.. былъ докторъ?

— Неотлучно при ней, съ вечера,—отвѣтилъ Чернышевъ:—недавно началась агонія... бредить...

— О чемъ бредъ? говорите!—опять всполошился князь, сложивъ голову къ Чернышеву:—были вы у нея, слышали? бредъ о чемъ?

— Заходилъ нѣсколько разъ,—отвѣтилъ оберъ-комендантъ: твердить непонятныя слова—слышится между ними: Орловъ... принцесса... mio caro, gran Dio...

— Ребенокъ?—спросилъ, сморгивая слезы, князь.

— Живъ, ваше сіятельство,—на рукахъ кормили... супруга... жена-съ хорошую нашла.

— Заботьтесь, сударь, чтобъ все было, понимаете, чтобъ все!—внушительно и строго проговорилъ фельдмаршалъ, подписывая въ голосъ вѣскіе, начальническіе звуки:—по-христіански, слышите ли, вполнѣ... И на случай, здѣсь же... въ тайности, понимаете ли, и безъ огласки... вѣдь человѣкъ тоже, страдающій.

Князь еще хотѣлъ что-то сказать и всхлипнулъ. Горло ему схватили слезы. Онъ качнулъ головой, оправился и, по возможности бодрясь, твердо вышелъ на крыльцо. Здѣсь онъ взглянулъ на хмурое сѣрое небо, заволоченное обрывками облаковъ.

Надъ равелиномъ, въ вихрѣ падавнаго снѣга, беспорядочно вились галки. Полусорванные смолкшею, двухдневною бурей, желѣзные листы уныло скрипѣли на ветхой крышѣ. Фельдмаршалъ, кутаясь въ соболій воротникъ, сѣлъ въ карету и крикнулъ: домой. — «Въ прежнія наводненія, — рассуждалъ онъ: не разъ заливало казематы; теперь Господь помиловалъ ее, бѣдную».

— «Да, по всей видимости, — мысленно прибавилъ онъ себѣ: — несчастная — игральное чужихъ, темныхъ страстей. Самозванка ли, трудно рѣшить. Такъ ее величеству и опишу... ее смерть падеть не на наши головы»...

Карета быстро неслась по свѣжему, падавшему снѣгу, обгоняя обозы съ дровами и сѣномъ, щегольскіе экипажи и одинокихъ пѣшеходовъ, озабоченно шагавшихъ съвою снѣжную завѣруху.

Мелькали тѣ же дома и церкви, тѣ же мосты и выѣски, къ которымъ старый князь, съ хлопотливою, дѣловою озабоченностью начальника сѣверной резиденціи, приглядывался столько лѣтъ. Вотъ и домъ полиціи, у Зеленаго моста, на Невскомъ, и собственная квартира фельдмаршала. Тяжело было на его душѣ.

— «А что, если она и впрямь не самозванка?» — вдругъ подумалъ фельдмаршалъ, зайдѣвъ у моста, на Мойкѣ, мѣсто бывшаго Елизаветина зимняго дворца и далѣе, по Невскому, Аничковы палаты Разумовскаго.

Голицыну вспомнилось прошлое царствованіе, тогдашніе сильные люди, связи, его собственные молодые, бодрые годы и все, что унеслось съ тѣми невозвратными годами и людьми.

Вечеромъ четвертаго декабря, 1775 года, княжна Тараканова, *damé d'Azow*, Али Эметѣ и принцесса Владимірская — скончалась. Ея послѣднихъ минутъ не видѣлъ никто. Къ ней вошли, — она лежала тихо, будто заснула. Неприкрытые тусклые зрачки были устремлены къ образу Спасу.

На слѣдующій день сторожившіе ее, гарнизонные инвалиды Петропавловской крѣпости вырубили, при помощи ломовъ и кирокъ, на внутреннемъ, обсаженномъ липками, дворикѣ Алексѣевскаго равелина, глубокую яму и, тайно отъ всѣхъ, зарыли въ ней тѣло умершей, закидавъ ее мерзлою землею. Инвалидный

вахтеръ Антипычъ самъ отъ себя посадилъ надъ этой могилкой березку... Прислугу арестантки, горничную Мешёде и шляхтича Чарномскаго, по довольномъ опросѣ и взятіи съ нихъ клятвы о вѣчномъ молчаніи, отпустили въ чужіе края...

Отецъ Петръ провѣдалъ о кончинѣ арестантки по слезамъ и нѣкоторымъ намекамъ кумы-оберъ-комендантши. Онъ сказалъ себѣ: «узницы тьмы, долгою ночью связаны, упокойте вы Господь!» и безъ огласки отслужилъ у себя въ церкви панихиду по усопшей, рабѣ Божіей Елизаветѣ, причемъ, на проскомидіи, въ помянѣ ея души, вынулъ частичку изъ просфоры.

— По комъ это, крестный, вы служили панихиду? — спросила священника Варя, увидѣвъ у него на столѣ эту просфору.

— Неввѣстная тебѣ особа, многострадальная!

— Да кто она?

— *Азъ раба и сынъ рабыни твоеи*, — отвѣтилъ загадочно отецъ Петръ:— всѣ мы подъ властью божьей, мудрые и простые, рабы и цари... *сокровенная притчей изыщется и отъ гаданій притчей поживется!*..

Фельдмаршалъ Голицынъ долго обдумывалъ, какъ сообщить императрицѣ о кончинѣ Таракановой. Онъ взялъ перо, написалъ нѣсколько строкъ, перечеркнулъ ихъ и опять сталъ соображать.

— «Э, была не была!»—сказалъ онъ себѣ: «съ мертвой не взыщется, а всѣмъ будетъ оправданіе...»

Князь выбралъ новый чистый листъ бумаги, обмакнулъ перо въ чернильницу и, тщательно выводя слова неяснаго, старческаго почерка, написалъ: «Всклепавшая на себя извѣстное вашему величеству неподходящее имя и природу, сего четвертаго декабря, умерла нераскаванной грѣшницей, ни въ чемъ не созналась и не выдала никого».

— «А кто изъ высшихъ провѣдаетъ о ней и станетъ лишнее болтать» — мысленно добавилъ Голицынъ, кончивъ это письмо:— «можно пустить слухъ, что ее залило наводненіемъ... Кстати же, такъ сфабрикали съ крѣпости и разгулялась было Невзвѣда...»

Такъ и сложилась легенда о потопленіи Таракановой.

Пробившись безъ успѣха, еще нѣкоторое время, по присутственнымъ мѣстамъ, Ирина Львовна Ракитина убѣдилась въ безнадёжности своего дѣла и уѣхала съ Варей обратно на родину. Въ Москвѣ она пыталась лично подать прошеніе императрицѣ. Это было въ томъ же декабрѣ 1775 года, наканунѣ возвраще-

нія Екатерины въ Петербургъ. Прошеніе Ирины было благо-
склонно принято, но въ суетѣ придворныхъ сборовъ, очевидно,
гдѣ-нибудь затерялось и потомъ о немъ забыли. По немъ не
послѣдовало никакого рѣшенія и отвѣта. Хотѣла Ирина въ
Москвѣ навѣстить графа Орлова,—ей это отсочинили.

Возвратясь въ Петербургъ, императрица подробнѣе рас-
просила Голицына о кончинѣ узницы и, какъ старикъ ни ста-
рался смягчить свой рассказъ, поняла, какая драма постигла
ослѣпленную жертву чужихъ видовъ. — «Пересолили, князь, и мы
съ тобой!» — сказала Екатерина: — «отчего ты не былъ откровен-
нѣе со мной?»

— «Я кругомъ виновата», — рѣшила Ирина, послѣ мучитель-
ныхъ сомнѣній и раздумья: — «черезъ меня Концовъ бросилъ
родину, черезъ меня впалъ въ отчаяніе, пытался помочь той не-
счастливой и погибъ. Мнѣ искупить его судьбу, мнѣ вымолить у
Бога прощеніе всѣмъ грѣховнымъ въ этомъ дѣлѣ. Я одинока,
ничего болѣе въ мірѣ ждать».

Ракитина въ 1776 году оставила свое помѣстье на руки
страго отцовскаго слуги. Въ сопровожденіи Вари, помолвленной
въ томъ году за учителя московской семинаріи, она уѣхала въ не-
большой женскій монастырь, бывшій не вдали отъ Кіева, и по-
ступила туда послушницей, въ надеждѣ вскорѣ принять оконча-
тельный постригъ. Сколько Варя ни разубѣждала ее, со сле-
зами и заклинаніями, Ирина, надѣвъ расу и клобукъ, твердила
одно: «я виновата, мнѣ молиться за него и вѣчно страдать».

XXXIII.

Мольбы однако не шли на мысли Ирины.

Прошло пять лѣтъ. Въ маѣ 1780 года, Ракитина снова посѣ-
тила Петербургъ. Ея пріятельница Варя была за - мужемъ въ
Москвѣ. Дядя Вари, отецъ Петръ, состоялъ по прежнему священ-
никомъ Казанской церкви. Ирина навѣстила его. Онъ ей очень
обрадовался, сталъ ее спрашивать.

— Неужели все еще ждете, надѣетесь, что вашъ женихъ
живъ? — спросилъ онъ: — столько лѣтъ напрасно тревожитесь; былъ
бы живъ, неужели не отозвался бы какъ-нибудь, не говорю
вамъ, — знакомымъ, роднымъ?

— Не говорите, батюшка, — возразила Ирина, отирая слезы:
— все отдамъ, всѣмъ пожертвую...

— Но это, сударыня моя, даже грѣшно... испытываете провидѣніе, злычесьи гадаете.

— Что же мнѣ дѣлать?—произнесла Ирина:—вижу тяжелые, точно пророческіе сны... Одинъ, особенно,—ахъ, сонъ!.. недавно снилось, да подѣ рядъ нѣсколько ночей...

Ирина смолкла.

— Что снилось? говорите, откройтесь!

— Снилось, будто онъ подошелъ къ моему изголовью такой же, какъ я его видѣла у насъ въ деревнѣ, въ послѣдній разъ,—статный, прасивый, добрый и говорить: я живъ, Ари-лушка; я тамъ, гдѣ шумитъ вѣчное море... смотрю на тебя утро и вечеръ съ берега, жду, авось меня найдешь, освободишь... Ахъ, научите, гдѣ искать, кого просить? Государыню снова просить не рѣшаюсь...

— Думаетъ я о васъ,—сказалъ отецъ Петръ:—здѣсь некому, кромѣ одного лица... А это лицо—государь цесаревичъ, Павелъ Петровичъ... Онъ, гротмейстеръ, покровитель ордена мальтійскихъ рыцарей, одинъ можетъ. Лучшаго пособника, коли онъ только снизойдетъ къ вамъ, въ вашемъ дѣлѣ не найти... Тутъ все: и умъ, направленный къ благому и таинственному, и связи съ могучими и знатными филантропами. А доброта? а рыцарская честность? Это не Тиверій, какъ о немъ говорятъ враги, а будущій благодѣтельный Титъ...

— Да, я слышала,—отвѣтила Ирина.

— Слышали? такъ поѣзжайте же къ нему на мизу, ищите аудіенціи.

Священникъ снабдилъ Ирину нужными наставленіями и со-гѣтами, далъ ей письмо къ своей крестницѣ, кастеляншѣ дворца цесаревича. Ракитина наняла кибитку и, черезъ Царское село, отправилась на собственную мизу великаго князя, Паульслустъ, въ послѣдствіи Павловскъ.

Кастелянша приняла Ракитину весьма радушно. Она, приютивъ ее у себя, показала ей диковинки великокняжескаго сада и парка, домики Крикъ и Кракъ, хижины Пустынника, гроты, пруды и перекидные мосты.

Было условлено, что Ирина сперва все изложитъ ближней фрейлинѣ цесаревны, недавней смолянкѣ, Катеринѣ Ивановнѣ Неллидовой.

— Когда же къ Катеринѣ Ивановнѣ?—спрашивала Ирина, ожидая обѣщаннаго ей свиданія.

— Занята она, надо подождать; на клавиноходахъ все любимую нѣсу цесаревича, какой-то гимнъ изучаетъ для концерта.

Ирина шла однажды съ своей хозяйкой по парку. Вдругъ изъ-за деревьевъ имъ на-встрѣчу показалась блѣлая дама, въ голубомъ, безъ фишменовъ, шелковомъ платьѣ.

— Кто это?—спросила Ирина.

— Цесаревна,—отвѣтила чуть слышно, низко склоняясь, кастелянша.

Ракитина обмерла. Двѣнадцатилѣтняя, стройная, нѣсколько склонная къ полнотѣ, красавица, великая княгиня Марія Федоровна прошла мимо Ирины, близорукая, нѣсколько смущенными глазами съ удивленіемъ оглядывая ея монашескій нарядъ. За цесаревной, съ сверткомъ нотъ и скрипкой подъ мышикой, шелъ худой и высокій, рабоватый мужчина, въ темномъ кафтанѣ и треуголѣ.

— А это кто?—спросила Ракитина, когда они прошли.

— Павлілло,—отвѣтила кастелянша:—учитель музыки ея высочества.

Ирина съ восхищеніемъ разглядывала рѣдкую красоту цесаревны, нѣжный румянецъ ея лица и какіе-то алые и сіяіе цвѣты въ ея роскошныхъ, блѣлыхъ волосахъ, вправленные, для сохраненія свѣжести, въ особые, крохотные, стеклянные бутылочки съ водой.

Поодаль за цесаревной слѣдовали двѣ фрейлины. Одна изъ нихъ, невысокая, худенькая и подвижная брикетка, поразила Ирину блескомъ черныхъ, сыпавшихъ искры, живыхъ глазъ. Она весело болтала съ сонутинцей. То была Нелидова. Мило прищурясь, сдѣлавшей ей книксенъ, толстой кастеляншѣ, она ей сказала съ ласковой улыбкой: «Все некогда было, Анна Романовна—все гимнъ... завтра утромъ»...—«Итакъ, завтра!»—подумала Ирина, восторженными взоромъ провожая чудныхъ, нарядныхъ фей, такъ неожиданно мелькнувшихъ передъ нею въ паркѣ.

Въ назначенный часъ Анна Романовна провела Ирину во фрейлинскій флигель, бывшій рядомъ съ гауптвахтой, и усадила ее въ небольшой пріемной.

— Катерина Ивановна, видно, еще во дворцѣ, у великой княгини,—сказала она:—подождемъ, голубушка, здѣсь; слыньте вашъ влобучекъ... жарко.

— Ничего, побуду и такъ...

Комната была украшена вазами, блюдами на этажеркахъ и медальонами, вправленными въ стѣны.

— Это все работа великой княгини,—произнесла кастелянша:—взгляните, матушка, что за мастерица, какъ рисуетъ по фарфору... А вонъ въ черномъ шкапчикѣ работа изъ кости; сама рѣзаетъ

на камняхъ, тушуешь по золоту ландшафты, точить на станкѣ. А какъ любить Катерину Ивановну, и все ей дарить. Это вотъ ея вышитая подушка. Смотрите, какая роза, а это миртъ; что за тонкость узора, красокъ. Точно нарисовано.

Ирина не отзывалась.

— Что молчите, милая? о чемъ думаете?

— Роза и миртъ,—произнесла, вздохнувъ, Ирина:—жизнь и смерть... Чѣмъ-то кончатся мои поиски и надежды?

Изъ комнатъ Нелидовой въ это время донеслись звуки клавирина. Нѣжный, звонкій, отлично-выработанный голосъ пѣлъ, подъ эти звуки, торжественный и грустный гимнъ изъ оперы Глюка «Ифигенія въ Тавридѣ».

— Ну, Ирина Львовна, уйдемъ,—сказала кастелянша:—видно, опоздали; Катерина Ивановна за музыкой, а въ это время никто ее не беспокоитъ. Того и гляди, у нея теперь и великая княгиня.

Ирина, давъ знакъ спутницѣ, чтобъ та нѣсколько обождала, съ замираніемъ сердца, дослушала знакомый ей, молящій гимнъ Ифигеніи. Она сама когда-то въ деревнѣ пѣла его Концову.

«О, если бы я такъ могла ихъ просить! Но когда это будетъ? У нихъ свои заботы, имъ некогда!»—подумала она, чувствуя, какъ ее душили слезы.

— Идемъ, вдемъ,—торопила Анна Романовна.

Гости тихо вышли въ сѣни, на крыльцо, обогнули фрейлигскій флигель и направились въ садъ. Калитка хлопнула.

— Куда же вы это?—раздался надъ ихъ головами веселый окликъ.

Онѣ подняли глаза. Изъ раствореннаго окна на нихъ глядѣла радушно улыбающаяся, черноглазая Нелидова.

— Зайдите, я совершенно свободна,—сказала она:—пѣла, въ ожиданіи васъ, зайдите.

Гости возвратились.

Кастелянша представила Ракитину. Нелидова привѣтливо усадила ее рядомъ съ собой.

— Такъ молоды и уже въ печальномъ уборѣ!—произнесла она:—говорите, не стѣсняясь, слушаю.

Ирина, начавъ о Концовѣ, перешла къ разсказу о плѣнѣ и заточеніи Таракановой. Съ каждымъ ея словомъ, съ каждою подробностью печальнаго событія, оживленное и обыкновенно-веселое лицо Нелидовой становилось пасмурнѣй и строже.

«Боже, какія тайны, какая драма!—мыслила она, содрогаясь:—и все это произошло въ наши дни! точно мрачныя, средне-вѣковыя времена, и никто этого не знаетъ».

— Благодарю васъ, мамзель Ирѣнъ, — сказала Катерина Ивановна, выслушавъ Равитину: — очень вамъ признательна за рассказъ. Если позволите, я все сообщу ихъ высочествамъ... И я убѣждена, что государь-цесаревичъ, этотъ правдивый, этотъ рыцарь, ангелъ доброты и чести... все для васъ сдѣлаетъ. Но кого онъ долженъ просить?

— Какъ кого? — удивилась Ирина.

— Видите ли, какъ бы вамъ сказать? — произнесла Нелидова: — государь-наслѣдникъ не мѣшается въ дѣла правленія; онъ можетъ только ходатайствовать, просить... отъ кого зависить ваше дѣло?

— Князь Потемкинъ могъ бы, — отвѣтила Ирина, вспомнивъ наставленія отца Петра: этому сановнику легко предписать посланъ и консуламъ. Лейтенантъ Концовъ, быть можетъ, снова гдѣ-нибудь въ плѣну, у мавровъ, негровъ, на островахъ атлантическихъ дикарей.

— Вы долго здѣсь пробудете? — спросила Нелидова.

— Мать-игуменья обители, гдѣ я живу, давно отзывается, ждетъ. Мои поиски всѣ осуждаютъ, именуютъ грѣхомъ.

— Какъ же и куда вамъ дать знать?

Ирина назвала обитель и задумалась, взглянувъ на подушку, вышитую великою княгиней.

— Я такъ изстрадаюсь и столько ждала, — проговорила она, подавляя слезы: — не пишите мнѣ ничего, ни слова! а вотъ что... вложите въ пакетъ... если удача — розу, неудача — мертвый листокъ.

Нелидова обняла Ирину.

— Все сдѣлаю, все, — ласково сказала она: — попрошу великую княгиню, государя-цесаревича. Вамъ нечего здѣсь ждать. Побѣждайте, милая, хорошая. Чтѣ узнаю, вамъ сообщу.

XXXIV.

Вѣстей не приходило. Наступилъ 1781 годъ.

Съ удаленіемъ князя Григорія Орлова и съ паденіемъ вліянія воспитателя цесаревича, Панина, новые совѣтники императрицы Екатерины, съ цѣлью устранить отъ нея вліяніе сына, Павла Петровича, подали ей мысль отправить цесаревича и его супругу, для ознакомленія съ чужими странами, въ долгій заграничный вояжъ. Ирина съ трепетомъ узнала объ этомъ въ монастырѣ изъ писемъ Вари.

Ихъ высочества оставили окрестности Петербурга 19 сентября 1781 года. Въ половинѣ октября, подъ именемъ графа и графини Сѣверныхъ, они въ украинскомъ городѣ Васильковѣ проѣхали русскую границу съ Польшей. Здѣсь фрейлину Нелидову ожидала, подѣхавшая наканунѣ по кievскому тракту, нѣкая молодая, въ черной монашеской рясѣ, особа. Она была введена въ помещеніе Екатерины Ивановны. Туда же, черезъ садъ, какъ бы невзначай, пока перепрыгали лошадей, вошли графъ и графиня Сѣверные. Они здѣсь оставались нѣсколько минутъ и вышли—графъ сильно блѣдный, графиня—въ слезахъ.—«Бѣдная Пенелопа!»—сказалъ Павелъ Нелидовой, садясь въ экипажъ и глядя на видѣвшуюся, сквозь деревья, темную фигуру Ирины.

Бесѣда Екатерины Ивановны съ незнакомкой, по отъѣздѣ высокихъ путниковъ, длилась такъ долго, что фрейлинскій экипажъ по маршруту западалъ и долженъ былъ догонять великокняжескій поѣздъ вскачь.

— Роза, роза!... не мить! — загадочно для всѣхъ, крикнула незнакомкѣ Нелидова, по французски, маша ей, какъ бы въ ободреніе, изъ кареты платкомъ.

— «Дѣйствительно, плачущая Пенелопа!»—подумала Катерина Ивановна, уѣжая и видя издали на пригорѣхъ неподвижную, темную фигуру Ирины.

Заграничный, годовой возжъ графа и графини Сѣверныхъ былъ очень разнообразенъ. Они объѣхали Германію и встрѣтили новый 1783 годъ въ Венеціи.

Осьмого января, 1783 года, великій князь Павелъ Петровичъ, въ живописномъ итальянскомъ платьѣ «табарро», а великая княгиня въ нарядной венеціанской мантильѣ и въ «целадѣ» посѣтили утромъ картинную галерею и замокъ дожей, а вечеромъ театръ «пророка Самуила», гдѣ для высокихъ гостей давали ихъ любимую оперу «Ифигенія въ Тавридѣ». Самъ знаменитый маэстро-композиторъ Глюкъ управлялъ оркестромъ.

Послѣ оперы, нублика повалила на площадь Св. Марка. Тамъ, въ честь высокихъ путешественниковъ, былъ устроенъ импровизированный, народный маскарадъ. Площадь кипѣла разнообразною, оживленною толпой. Всѣ замѣтили, что графъ Сѣверный, проводивъ сунругу изъ театра въ приготовленный для нихъ балаццо, гулялъ по площади въ маскѣ, въ сторонѣ отъ другихъ, бесѣдуя съ какинъ-то высокимъ, тоже въ маскѣ, иностранцемъ, имерій ему былъ представленъ въ тотъ вечеръ Глюкомъ, въ театальной ложѣ.

Свѣтилъ яркій полный мѣсяцъ, горѣли разноцвѣтные огни. Шумъ и говоръ пестрой толпы не развлекалъ собесѣдниковъ.

— Кто это? — спросила одна дама своего мужа, указывая, какъ внимательно слушалъ графъ Сѣверный шедшаго рядомъ съ нимъ незнакомца.

— Да развѣ ты не узнаешь? другъ Глюка, нашъ знаменитый магъ и вызыватель духовъ...

Павелъ былъ взволнованъ и не въ духѣ. Онъ хотѣлъ подшутить надъ незнакомцемъ, но вспомнилъ одно обстоятельство, и невольно смутился.

— Вы—чародѣй, живущій, по вашимъ словамъ, несчетное число лѣтъ, — произнесъ онъ любезно, хотя съ нескрываемою усмѣшкой въ голосъ: — вы, какъ увѣряютъ, имѣете общеніе не только со всѣми живущими, но и съ загробной жизнью. Это, безъ сомнѣнія, шутка съ вашей стороны, и я, разумѣется, этому не вѣрю!—прибавилъ онъ, стараясь быть любезнымъ:—смѣшно вѣрить сказкамъ... Но есть сказки и сказки, поймите меня... Хотѣлось бы васъ спросить объ одномъ явленіи...

— Приказывайте, слушаю,—отвѣтилъ незнакомецъ.

— Напримѣръ... и это опять только, безъ сомнѣнія, разговоръ встать,—продолжалъ графъ Сѣверный:—меня всегда занимали вопросы высшей жизни, непонятныя вѣдѣтельства въ духовную нашу область сверхъестественныхъ силъ. Мнѣ бы хотѣлось... я бы васъ просилъ, —разъ мы встрѣтились такъ неожиданно,—объяснить мнѣ одну загадочную вещь, странную встрѣчу...

— Къ вашимъ услугамъ,—отвѣтилъ, вѣжливо кланаясь, незнакомецъ.

Его собесѣдникъ молча прошелъ нѣсколько шаговъ.

Павелъ боролся съ собой, стараясь въ чемъ-то поймать кудесника и въ то же время заглушая въ себѣ нѣчто тяжелое и томительное, что, очевидно, составляло одно изъ его тайныхъ мученій. Приподнявъ маску, онъ отеръ лобъ.

— Я видѣлъ духа, — проговорилъ онъ нерѣшительно, въ силу сдерживая волненіе:—видѣлъ тѣнь для меня священную...

Незнакомецъ опять слегка поклонился, иди рядомъ съ Павломъ, который своротилъ съ площади къ полуосвѣщенной набережной.

— Однажды, это было въ Петербургѣ, —началъ графъ Сѣверный.

И онъ передалъ собесѣднику извѣстный, незадолго передъ

тѣмъ, кѣмъ-то уже оглашенный въ чужихъ краяхъ рассказъ о видѣнной имъ тѣни предка: какъ онъ въ лунную ночь шелъ съ адъютантомъ по улицѣ и какъ вдругъ почувствовалъ, что слѣва, между нимъ и стѣной дома, молча двигалась какая-то рослая, въ плащѣ и старомодномъ треуголѣ, фигура, — какъ онъ ощущалъ эту фигуру, по ледяному холоду, охватившему его лѣвый бокъ, и съ какими страхомъ слѣдилъ за шагами призрака, стучавшими о плиты тротуара, подобно камню, стучащему о камень. Незримый адъютантъ, призракъ обратилъ къ Павлу грустный и укорительный голосъ: «Павелъ, бѣдный Павелъ, бѣдный князь! Непособенно привязывайся къ міру; ты не долго будешь въ немъ. Бойся укоровъ совѣсти, живи по законамъ правды... Ты въ жизни»...

— Тѣнь не договорила, — заключилъ графъ Сѣверный: — я не понималъ, кто это; но поднялъ глаза и обмеръ — передо мной, ярко-освященный луннымъ блескомъ, стоялъ во весь ростъ мой прадѣдъ, Петръ Великій. Я сразу узналъ его ласковый, дышавшій любовью ко мнѣ, взглядъ; хотѣлъ его спросить... онъ исчезъ, а я стоялъ, прислонясь къ пустой, холодной стѣнѣ...

Проговоривъ это, Павелъ снова снялъ маску и отеръ платкомъ лицо; оно было смущено и блѣдно. Передъ его глазами какъ бы еще стоялъ дорогой, опечаленный призракъ.

XXXV.

— Какъ думаете, синьоръ? — спросилъ, помолчавъ, графъ Сѣверный: — была ли это грѣза, или я дѣйствительно видѣлъ въ то время тѣнь моего прадѣда?

— Это былъ онъ, — отвѣтилъ собесѣдникъ.

— Что же значили его слова? и почему онъ ихъ не договорилъ?

— Вы хотите это знать?

— Да.

— Ему помѣшали.

— Кто? — спросилъ Павелъ, продолжая идти по опустѣлой набережной.

— Призракъ исчезъ, при моемъ приближеніи, — отвѣтилъ собесѣдникъ: — я въ то время шелъ отъ вашего банкира Сатерленда; вы меня не замѣтили, но я видѣлъ васъ обоихъ и немедленно спугнулъ великую тѣнь.

Графъ Сѣверный остановился. Ему было смѣшно и досадно

явное шарлатанство мага и вмѣстѣ хотѣлось еще нѣчто отъ него узнать.

— Вы шутите, — произнесъ онъ: — развѣ вы посѣщали Петербургъ? что-то объ этомъ не слышалъ.

— Имѣлъ удовольствіе... но на короткое время... меня тогда приняли недружелюбно. Какъ иностранецъ и любознательный человѣкъ, я ожидалъ вниманія; но вашъ первый министр обидѣлъ меня, предложивъ мнѣ удалиться. Я взялъ отъ банкира свои деньги и въ ту же ночь выѣхалъ.

«Шутъ, скоморохъ!» презрительно усмѣхнувшись, подумалъ графъ Сѣверный: «какія басни плететъ!»

— Приношу извиненіе за грубость нашего министра, — съ изысканной вѣжливостью сказалъ онъ, чуть касаясь рукой шляпы: — но что, объясните, значать, недосказанные слова тѣни?

— Лучше о нихъ не спрашивайте, — отвѣтилъ незнакомецъ: — есть вещи... лучше не допытывать о нихъ нѣмой судьбы...

Въ это время съ большого канала донеслись звуки люти. Кто-то на гондолѣ плылъ. Павелъ прислушался: то былъ его любимый гимнъ. Онъ вспомнилъ мизу Паульслустъ, музыкальные утра Нелидовой и ея предстательство за Ракитину.

— Хорошо, — сказалъ онъ: — пусть такъ; правду скажетъ будущее. Но у меня къ вамъ еще просьба... Особа, которой я хотѣлъ бы искренно, во что бы то ни стало, услужить, желаетъ знать одну вещь.

— Очень радъ, — произнесъ собесѣдникъ: — чѣмъ могу еще служить вашему высочеству?

— Одна особа, — продолжалъ графъ Сѣверный: — просила меня развѣдать здѣсь въ Италіи, въ Испаніи, вообще у моряковъ, живъ ли одинъ флотскій? Онъ былъ на кораблѣ, который пять лѣтъ назадъ погибъ безъ слѣда.

— Русский корабль?

— Да.

— Былъ унесенъ и разбитъ бурей въ океанѣ, не вдали отъ Африки?

— Да.

— Сѣверный Орелъ?

— Онъ самый... вы почему знаете?

— На то меня зовутъ чародѣемъ.

— Говорите же скорѣе, спасся ли, живъ ли этотъ морякъ? — нетерпѣливо произнесъ графъ Сѣверный.

Собесѣдники стояли у края набережной. Волны, серебрясь,

тихо плескали о каменные ступени. Вдали, окутанный сумерками, колыхался темный, съ подвязанными парусами, очеркъ корабля.

— Завтра на этой шхунѣ, — сказала собесѣдникъ Павла: — я покидаю Венецію. Но прежде, чѣмъ уйти въ море и отвѣтить на новый вашъ вопросъ, мнѣ бы хотѣлось, простите, знать... будетъ ли графъ Ойверный, взойдя на престолъ, болѣе ко мнѣ снисходителенъ, чѣмъ министры его родительницы? Позволить ли онъ мнѣ, въ то время, снова навѣстить его страну, каковъ бы ни былъ отвѣтъ мой о морякѣ?

Первое волненіе, охватившее Павла при разсказѣ о встрѣчѣ съ тѣнью прадѣда, нѣсколько улеглось. Онъ начиналъ болѣе собою владѣть. Вопросъ собесѣдника привелъ его въ негодованіе. «Наглецъ и дерзкій пролазъ!» — подумалъ онъ, съ приливомъ подозрительности и гнѣва: — «каково нахальство и какой даль оборотъ разговору! базарный акробатъ, шарлатанъ!...»

Павель едва сдерживалъ себя, комкая въ рукахъ снятую перчатку.

— За будущее трудно ручаться, по вашимъ же словамъ, — сказалъ онъ, нѣсколько одумавшись: — впрочемъ, я убѣжденъ, что въ новый прїѣздъ, вы въ Россіи во всякомъ случаѣ найдете болѣе вѣжливый и достойный чужестранца прїемъ.

Собесѣдникъ отвѣсилъ низкій поклонъ.

— И такъ, вамъ хочется знать о судьбѣ моряка? — произнесъ онъ.

— Да, — отвѣтилъ Павель, готовясь опять услышать что-либо фигалярское, иносказательное, пустое.

— Пошлите особѣ, ожидающей вашего извѣстія, — проговорилъ итальянецъ: — миртовую вѣтвь...

— Какъ? что вы сказали? повторите! — вскрикнулъ Павель: — мрутъ, мрутъ? такъ онъ погибъ?

— Морякъ спасся на обломкѣ корабля у острова Тенерифъ и нѣкоторое время жилъ среди бѣдныхъ прибрежныхъ монаховъ.

— А теперь? говорите же, молю васъ...

— Годъ спустя, его убили пираты, грабившіе прибрежныя села и монастырь, гдѣ онъ жилъ.

— Откуда вы все это знаете?

— Я также, въ то время, жилъ на Тенерифѣ, — отвѣтилъ собесѣдникъ: — списывалъ въ монастырскомъ архивѣ одну, нужную мнѣ, древнюю латинскую рукопись.

«Да что же это наконецъ? фокусникъ онъ или дѣйствительно всесильный магъ?» въ мучительномъ сомнѣніи, раздумывая Павель: «по виду — ловкій отгадчикъ, смѣлый шарлатанъ,

не болѣе... Но откуда все это сокровенное, — берега Африки, имя погибшаго корабля... и эта условленная, роковая, миртовая вѣтвь? Неужели выдала Катерина Ивановна? Но онъ еѣ не видѣлъ; она нездорова, все время не выходитъ изъ комнаты, никого не принимаетъ и нигдѣ не была»...

Павелъ еще хотѣлъ что-то сказать и не находилъ словъ. Надъ взморьемъ, гдѣ виднѣлась шекуна, уже начинался разсвѣтъ.

— Я провожу ваше высочество до палаццо, — сказалъ, искренно и какъ-то низменно-мѣщански изгибался, собесѣдникъ: — дозволите-ли?

Павелъ чуть взглянулъ на мишурно-балаганный, ставшій жалкимъ, въ лучахъ разсвѣта, бархатный съ блесками, нарядъ мага и, снявъ маску, не говоря болѣе ни слова, угрюмо и величаво, пошелъ назадъ по опустѣлой набережной.

«Бѣдная, плачущая Пенелопа! бѣдная красавица Ирѣнъ!» — мыслилъ онъ: «не разъяснили ей мучительной загадки министры, рыцари и послы; пошлемъ ей миртовую вѣтвь итальянскаго скомороха и вызывателя духовъ».

XXXVI.

Прошло еще пятнадцать лѣтъ. 1796-й годъ приближался къ концу.

Были первые мѣсяцы царствованія императора Павла.

Въ Петербургѣ радостно толковали объ освобожденіи изъ крѣпости знаменитаго Новикова и о возвратѣ изъ Сибири Радищева.

Императоръ, съ августѣйшею супругой и нѣкоторыми лицами свиты, посѣтилъ соборъ Петропавловской крѣпости. Полиціймейстеръ Архаровъ предложилъ государю взглянуть на главное зданіе Алексѣевскаго рavelина, гдѣ въ то время кончались неотложныя исправленія. Одинъ изъ казематовъ привлекъ особое вниманіе высокихъ посѣтителей.

— Здѣсь содержался кто-нибудь изъ итальянцевъ? — спросилъ государь коменданта.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше величество, раскольники.

— Но какъ же, смотрите, — указалъ государь на окно: — вотъ надпись на стеклѣ алмазомъ — о, Dio mio!

Архаровъ и комендантъ озабоченно склонились къ оконной рамѣ. Комендантъ, впрочемъ, былъ новый, не успѣлъ еще ознакомиться съ преданіями о прошломъ крѣпости.

— Любопытно было бы узнать, — произнесла государыня Марія Ѳеодоровна: — почеркъ женскій. Бѣдная! кто бы это былъ?

— Не Тараканова ли? — сказала бывшая здѣсь Нелидова: — помните ли, ваше величество, несчастье съ морякомъ Концовымъ и ту дѣвушку изъ Малороссіи?

— Тараканова въ то время утонула, — сказалъ кто-то: — ее здѣсь залило наводненіемъ...

Всѣ на это замѣчаніе промолчали. Одна императрица Марія Федоровна, взглянувъ на Нелидову и указавъ ей въ окно на одиноко-разросшуюся, среди глухого сада равелина, бѣлую березу, шепнула: «вотъ ея могила! помните? но гдѣ тѣ записки о ней?»

Государь очевидно слышалъ это замѣчаніе. Садясь въ коляску, онъ сказалъ Архарову: «Надо, во что бы то ни стало, это раз-узнать; здѣсь совершенно прискорбное дѣло... Были смутныя времена: покушеніе Мировича, бунтъ Пугачова, потомъ эта... эта несчастная... Я видѣлъ слезы матушки... она до своей кончины не могла себѣ простать, что допустила допрашивать арестованную, въ свое отсутствіе изъ Петербурга».

Полиція начала розыски. Гдѣ-то въ богадельнѣ нашли престарѣлаго, слѣпного инвалида Антипыча, двадцать лѣтъ назадъ служившаго сторожемъ въ крѣпости. Инвалидъ указалъ на какого-то огородника, а этотъ на дядька Казанской церкви, видѣвшаго когда-то, при переборкѣ церковныхъ дѣлъ, у покойнаго протоіерея, отца Петра, сундукъ съ бумагами и въ немъ нѣкій важный, особо хранившійся пакетъ.

Бросились искать семью отца Петра. Прямого потомства у него не оказалось. Нашли его внучку, дочь его племянницы Варвары, жену сенатскаго писца. Ее навѣстили самъ Архаровъ, но также ничего не добился. Куда дѣлся сундукъ съ бумагами отца Петра и былъ ли онъ, съ другою рухлядью, по его смерти, отосланъ племянницѣ въ Москву, или иному кому, никто этого не зналъ.

Дѣло объяснилось впоследствии, въ глубинѣ Украйны, въ уединенномъ и бѣдномъ монастырѣ, гдѣ нѣкогда поселилась Ирина и гдѣ она, принявъ окончательный постригъ, тихо скончалась въ престарѣлыхъ годахъ, горячо молясь за погибшаго въ морѣ жениха, раба божьяго Павла.

Въ числѣ немногихъ вещей покойной, нашли пачку бумагъ, съ надписью — «отъ отца Петра» — и между ними засохшую мировую вѣтвь, при письмѣ одной важной особы. Бумаги у игумена выпросилъ на время и зачиталъ любитель старины, сосѣдъ, кончившій впоследствии жизнь въ чужихъ краяхъ.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій женился, въ годъ путешествія въ чужіе края графа и графини Сѣверныхъ.

Его побочный сынъ отъ таинственной княжны Таракановой, Александръ Чесменскій, умеръ, въ чинѣ бригадира, въ концѣ прошлаго вѣка.

Переживъ императрицу Екатерину и императора Павла, графъ Алексѣй Григорьевичъ оставилъ послѣ себя единственную, умершую безбрачною, дочь, извѣстную графиню Анну Алексѣевну, и скончался въ Москвѣ, въ царствованіе императора Александра I, наканунѣ Рождества, въ 1807 году.

Преслѣдовали ли его, при кончинѣ, угрызения совѣсти, за его поступокъ съ Таракановой, или въ вѣрную душу графа Алехана до конца жизни не западало укоровъ совѣсти, неизвѣстно.

Сохранилось, впрочемъ, достовѣрное преданіе, что предсмертныя муки графа Алексѣя Григорьевича были особенно невыносимы. Чтобъ не было на улицѣ слышно ужасныхъ стонровъ и вриковъ умирающаго «исполина время» — было признано нужнымъ, заставить его домашній оркестръ, разучивавшій, въ со-сѣднемъ флигелѣ, какую-то сонату, играть, какъ можно громче.

ГРИГОРІЙ ДАНИЛѢВСКІЙ.

1882 г.

ЛЕГЕНДЫ И СКАЗАНИЯ ТАЛМУДА

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОЧЕРКЪ.

Ни одинъ народъ древности и новаго міра не имѣетъ такой далекой и непрерывной литературной традиціи, какъ евреи. Исключеніе составитъ развѣ Китай. Письменность древней Греціи, еще въ цвѣтущій свой періодъ, хранила слѣды прежней особенности главныхъ греческихъ племенъ. Христіанство, завладѣвъ эллинской рѣчью, дало новое содержаніе греческой литературѣ. Въ Византіи классическій языкъ древнихъ трагиковъ и ораторовъ постепенно измѣнялся, и новогреческое нарѣчіе, при всѣхъ усиліяхъ современныхъ писателей Элады, никогда не возвратится къ полному тождеству съ «божественной эллинской рѣчью». Совершенно замеръ латинскій языкъ, распавшійся на нѣсколько новыхъ языковъ, уже и не помышляющихъ о возвращеніи къ своему почтенному источнику. Романскіе народы мало дорожатъ традиціями и идеями классической литературы римлянъ; для нихъ онѣ въ той же степени составляютъ фактъ прошлаго, законченное явленіе исторіи, какъ идеи Платона и Эсхила для средневѣковой Византіи.

Въ иномъ видѣ представляется литература евреевъ. Догматъ единобожія и соціально-нравственный кодексъ десяти заповѣдей составляютъ неизмѣнную, вѣковѣчную основу ихъ мыслителей. Классическій языкъ пророковъ остается донинѣ языкомъ ихъ науки. Древне-еврейскій языкъ оказывается столь же живучимъ, какъ фیزیологическій типъ, какъ религіозный догматъ еврейскаго народа.

Было бы ошибочно, впрочемъ, думать, что прочно установленныя основы еврейскаго міровоззрѣнія искони были въ томъ же неизмѣнномъ и опредѣленномъ видѣ, въ какомъ мы находимъ ихъ теперь. Перейдя чрезъ патриархально-племенной бытъ, чрезъ земледѣльческую теократію, восточную монархію, — нынѣшній еврейскій народъ сложился исключительно въ городскую ремесленно-торговую общину. Послѣдняя общественная форма была результатомъ «разсѣянія» народа, начавшагося задолго до христіанства, и только законченнаго римлянами и эпохой гоненій, длившейся въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ. Вѣчная опасность жизни и имущества заставляла евреевъ предпочесть движимое имущество — деньги — землѣ, что воспитало длинный рядъ поколѣній вдали отъ почвы, отучило ихъ отъ плуга, создало изъ нихъ людей даже мало способныхъ къ правильному и постоянному физическому труду пахаря, пастуха и винодѣла. Такія историческія условія не могли не отразиться и на литературѣ, но съ своей стороны, и письменность получила у евреевъ необыкновенно важное жизненное значеніе.

Исходъ евреевъ изъ Египта былъ тѣмъ краеугольнымъ фактомъ, на которомъ развилась вся послѣдующая судьба народа. Освобожденіе отъ чужеземнаго яга совершилось во имя Бога Авраама, Исаака и Іакова. Его именемъ былъ завоеванъ Ханаанъ. Никогда не умолкалъ въ сознаніи народа голосъ, напоминающій о всемогущемъ, карающемъ и милостивомъ Богѣ Израиля. Всѣ бѣдствія являлись карой Божьей за вѣдѣну Израиля, и всего сильнѣе раздался этотъ голосъ, когда разразился вавилонскій погромъ. Дѣятельность великихъ пророковъ — поэтовъ, мыслителей и политическихъ ораторовъ Израиля — не допустила поработенныхъ евреевъ до сліянія съ побѣдителями и съ остальными племенами. Изъ вавилонскаго плѣна народъ вернулся съ окрѣпнувшимъ національнымъ сознаніемъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, пребываніе среди высоко-цивилизованныхъ халдеевъ не могло не оставить слѣдовъ на духѣ еврейскаго народа. Если съ одной стороны, изъ антагонизма съ языческими культами, пророки временъ плѣненія одухотворили и возвысили исконный монотеизмъ евреевъ, съ другой стороны — мѣстныя религіи развили и въ библейскомъ ученіи нѣкоторыя стороны, бывшія спорными пунктами впоследствии между фарисеями и саддукеями, какъ, напр., догматъ безсмертія души, загробнаго воздаянія. Изъ плѣненія евреи принесли вѣрованіе въ ангеловъ. Плѣнный Іезекииль изображаетъ ихъ совершенно въ ассирійскомъ скульптурномъ видѣ. Развѣтіе ученія объ ангелахъ, о вѣчности души, нашло для себя почву въ тай-

ныхъ наукахъ іессеевъ и, въ особенности, въ каббалистической книгѣ Зогаръ. До паденія Іерусалима, эти мистическіе элементы, впрочемъ, не имѣли большого значенія въ жизни народа. Даже въ исповѣданіи Маймонида (XII в.) говорится о безсмертіи души — условно: мертвые воскреснутъ, если то будетъ угодно Богу.

Какъ ни ничтожно было политическое значеніе Палестины по возвращеніи изъ плѣна, сравнительно съ Персіей и эллинискими монархіями Азіи, но не могло уже быть и рѣчи о добровольномъ воспріятіи чужеземныхъ культовъ, какъ то было прежде, когда филистимскіе, финикійскіе и за-іорданскіе культы легко въѣзжались въ священную почву двѣнадцати коленъ. Попытки эллинизировать Палестину привели къ противоположнымъ результатамъ. Сирийская распущенность Антиоховъ вызвала въ еврействѣ усиленный риторизмъ. Точное соблюденіе праотеческихъ завітовъ привело дѣленіе людей на нечистыхъ, зараженныхъ язычествомъ и иноземщиной, — и на чистыхъ, блюстителей закона, «отдѣленныхъ» отъ нечистаго строжайшимъ соблюденіемъ монсеевыхъ завітовъ, «перуниимъ» — фарисеевъ. Чтобы стать праведною, жизнь еврея должна быть строго сообразована съ божескимъ закономъ. Но для этого прежде всего нужно было привести въ ясность требованія закона. Очищеніе и установленіе текста стало потому первою задачей умственной дѣятельности еврейской интеллигенціи. Текстъ библіи былъ установленъ за два вѣка до Рождества Христова, и чистота установленнаго текста была окружена величайшими предосторожностями и страшными заклятіями. Неповолебно утвердилось убѣжденіе, что ни одна іота закона не пройдетъ, хотя бы уничтожились и земля, и небо. Въ силу своей божественности, законъ долженъ разрѣшить всѣ вопросы религіозной и обрядовой жизни. Но ознѣтъ закона не всегда ясенъ и доступенъ для каждаго раскрытійца книги. За яснымъ смысломъ, за буквальнымъ значеніемъ стиха кроется смыслъ болѣе глубокій. Изъ сопоставленія многихъ мѣстъ выводится авторитетное заключеніе, приравниваемое закону. Эта логическая работа заходитъ такъ далеко, что, по мнѣнію знаменатаго рабби Акибы, «на волосѣтъ закона можетъ висѣть цѣлая бочка умозаключеній». Такія логическія упражненія составили матеріалъ для Гемары — той части Талмуда, которая посвящена контроверсамъ раввиновъ. Но и логическая работа не могла вполне удовлетворить всѣ запросы, предъявленные къ закону духовною жизнью Ізраиля. За буквальнымъ и внутреннимъ содержаніемъ Торы (закона) находили болѣе глубокій таинственный, аллегорическій смыслъ. Читая слово справа налево получали одно, обратно — иное. Каждая буква, кромѣ звукового зна-

ченія, имѣла численное: складывая буквы — числа, подвергая ихъ различнымъ комбинаціямъ, приходили къ совершенно неожиданнымъ открытіямъ. Наконецъ, александрійцы (Филонъ), примиряя платонизмъ съ мозаизмомъ, рассматривали историческіе факты, какъ оболочку философскихъ идей и ввели аллегорическое толкованіе. Всѣ эти мистическіе приемы толкованія получили свое крайнее, неограниченно-фантастическое развитіе въ каббалу. Такое таинственное толкованіе можно видѣть даже въ посланіяхъ апостола Павла (Агарь—Синай). Мистическое число апокалиптического звѣря 666, будучи прочтено, давало Нерона кесаря. Даже для русской письменности каббала не прошла безслѣдно. По системѣ *амбамъ*, буквы, — конечно, одѣ согласныя — располагаются въ два ряда, и для сокрытія въ данномъ словѣ настоящія буквы замѣняются соответствующими изъ другого ряда: это наша тарабарская грамота, древнѣйшіе слѣды которой относятся ко времени появленія *жидовствующей* ереси во Псковѣ и въ Москвѣ.

Такимъ образомъ, первобытный древній законъ Моисея, установленный для кочевого и племенного быта, приспособлялся потому къ сложнымъ жизненнымъ отношеніямъ вполне развившейся цивилизаціи античнаго міра, въ которую былъ втиснутъ еврейскій народъ. Задача была нелегкая. Ее взяли на себя раввины-фарисеи и выполнили съ такимъ усиліемъ, что всѣ мельчайшія явленія обыденной жизни оказались предусмотрѣнными и опредѣленными. Фанатикъ-еврей ежечасно страшился, какъ бы не нарушить въ чемъ-нибудь закона. Эти правила сдѣлались «бременами неудобноносимыми», противъ которыхъ и протестовало евангеліе. Мистическій страхъ передъ закономъ распространился даже на кожаные свитки закона: неосторожное прикосновеніе къ нимъ дѣлало человека нечистымъ и влекло за собою необходимость очищенія, обряда очень сложнаго и недешеваго (припомнимъ при этомъ, что и католицизмъ также неодобрительно относился къ чтенію библіи мирянами). Съ другой стороны, возросло непопулярно значеніе законниковъ-фарисеевъ, ибо они одни обладали полнотою законовѣдѣнія. Такъ какъ спасеніе Израиля зависѣло только отъ соблюденія закона, то раввины перенесли центръ и силу народной жизни съ отечества на законъ и придали моисееву законодательству и богословію тотъ всеобщій, абстрактный характеръ, который могъ ужиться во всякой странѣ, при всякой внѣшней обстановкѣ. Единственной непреодолимой крѣпостью Израиля сталъ не Сіонъ, а Тора — законъ. Настолько успѣшно было вліяніе раввиновъ-фарисеевъ на массу, что сторонники

буквального и строгаго толкованія монсеевой религіи—саддукеи, въ средѣ которыхъ были старѣйшіе аристократическіе роды Израиля, отрѣшились отъ массы и пользовались значеніемъ, исключительно, какъ служители храма іерусалимскаго, бывшаго еще виднымъ центромъ обще-еврейской жизни. Съ паденіемъ храма исчезаютъ и саддукеи.

Велика была катастрофа 70 года нашей эры, но она не застала народъ врасплохъ. Идеальная основа еврейскаго единства послѣ погрома объявилась въ полной своей силѣ. Ожиданіе Мессіи, воспитанное римскимъ гнетомъ до революціоннаго взрыва, послѣ трехлѣтней безпоощадной борьбы не угасло, но отодвинулось въ будущее. Убѣренность въ непреложномъ появленіи избавителя коренилась и утверждалась въ неуклонной вѣрности закону. Изученіе и приложеніе его сдѣлалось первою обязанностію іудея, и тѣмъ самымъ возвысилось значеніе раввиновъ. Единственнымъ мѣстомъ культа сдѣлалась синагога, гдѣ читалось и объяснялось писаніе; единственнымъ знаніемъ, приличнымъ іудею, стало изученіе закона. Вся юность и дѣтство еврея были посвящены этой единственной наукѣ. Слава была удѣломъ одного раввина, и авторитетъ его въ народѣ былъ всемогущъ. Преподаваніе въ то время было изустное. Заучивался текстъ писанія и при этомъ комментировались спорные вопросы. Рѣшенія знаменитыхъ раввиновъ для удобства памяти облекались въ образное, мѣткое, легко запоминаемое изреченіе. Изъ сопоставленія рѣшеній выводилось новое правило, и вѣковой матеріалъ набирался въ громадномъ количествѣ. Требовались чудеса памяти, чтобы овладѣть этимъ умственнымъ наслѣдіемъ нѣсколькихъ поколѣній. Дѣйствительно, память достигала невѣроятной силы. Во второмъ вѣкѣ по Р. Х. іерусалимскій раввинъ могъ наизусть продиктовать всю книгу Есэиръ одной еврейской общинѣ, не имѣвшей у себя текста.

Но, понятно, что въ этомъ положеніи дѣло остаться не могло. Уже во второмъ вѣкѣ въ Тиверіадѣ сдѣлана была попытка составить письменный сводъ рѣшеній древнихъ раввиновъ. Этотъ многотомный сборникъ и есть—іерусалимскій Талмудъ. Въ V вѣкѣ является—вавилонскій талмудъ. Такимъ образомъ, талмудъ дѣлается письменнымъ сводомъ раввинскихъ мнѣній и ученій. Десятки фоліантовъ обоихъ сборниковъ содержатъ въ себѣ самую разнообразную науку: обрядовую и общественной жизни Израиля за нѣсколько вѣковъ. Около Талмуда сосредоточивается вся умственная дѣятельность расцвѣтшихъ по лицу земному евреевъ. Талмудъ даетъ имъ національное единство. Лишь въ

XII вѣкѣ, въ Испаніи, подъ вліяніемъ уже арабовъ, пышно возникла и процвѣла на короткое время новая еврейская литература, съ инымъ содержаніемъ и формами.

Талмудической литературѣ предшествовала литература апокрифовъ. Ни греки, ни римляне, не нуждались въ ней. Личное значеніе человѣка, при политическомъ и политическихъ условіяхъ античной жизни, стояло такъ высоко, что писателю не было необходимости прикрываться стариннымъ авторитетомъ: ея настоящее было не хуже прошлаго. Въ плѣну, у еврея только прошлое стояло въ ореолѣ, только въ возвратѣ къ нему, назадъ, былъ его идеалъ, только древняя мудрость одна была истинной мудростью. Оттого у евреевъ и развилась апокрифическая литература, истинные авторы которой неизвѣстны, хотя они не только не уступаютъ, но нерѣдко превосходятъ силой генія своихъ патроновъ, какъ напр., авторъ второй части Исаи, Даніилъ, 3-я и 4-я книга Ездры, Пѣснь пѣсней, Енохъ. Поэтический и вдумчивый духъ народа не могъ совсѣмъ прекратить своей дѣятельности, и только скрылся за великими именами прошлаго.

Послѣ апокрифическаго Ездры прекращается и этотъ родъ литературы; но одна казуистика вопросовъ текущей обрядовой жизни все-таки не могла поглотить въ себя всю духовную дѣятельность Израиля, начиная съ паденія Іерусалима и вплоть до разцвѣта испано-еврейской письменности. Поэтическая жизнь продолжалась. Историческія событія оставляли свой слѣдъ въ народной памяти. Не облекаясь въ самостоятельный видъ, они бродили смутно въ народной фантазіи. Этими отголоскамъ народной поэзіи не могли остаться совершенно чужды и раввины, повидимому, всецѣло погруженные въ казуистику. Напряженное вниманіе аудиторій не могло не утомляться непрерывной цѣнью тонкихъ выводовъ. Разнообразнаго преподаваніе, нерѣдко раввинъ вставлялъ въ свою рѣчь преданіе старины, поэтическую картину, народное сказаніе. Въ этомъ отношеніи, содержаніе талмуда издавна дѣлилось на двѣ части: догматическую и поэтическую, галаху и агаду. Притчи составляютъ лучшій образецъ агадическихъ сказаній.

Вообще, «агада» играла огромную роль въ проповѣди и ученіи того времени, но съ точки зрѣнія учености она занимала второстепенное мѣсто. Одна «галаха» давала авторитетъ мудрости. Во второмъ вѣкѣ, когда записали Мишну (словесное ученіе), агадѣ было дано весьма незначительное мѣсто. Мишна изложена сухо и строго, въ видѣ опредѣленій закона. Къ ней присоединился комментарий, Гемара, по тонкости и остроумію толкованій представляющій, какъ выражаются еврейскіе ученые,

настоящую «оргию ума». Въ шестомъ вѣкѣ, послѣ 60-лѣтней работы, составилъ вавилонскій Талмудъ, уже дополненный поясненіями (Мидрашъ) чисто агадическаго свойства. Эти «иллюстраціи» ученія являются въ чрезвычайно разнообразныхъ видахъ: народныя повѣрья, сказанія, аксіомы одновременныхъ эпохъ науки, мѣткія пословицы и изреченія ученыхъ,—все служитъ средствомъ для поясненія библейскихъ словъ. Классическая рѣчь пророковъ нерѣдко замѣняется народнымъ арамейскимъ нарѣчіемъ, коль-скоро приводится что-либо изъ житейской опытности, а не отъ школьной науки. Агада вообще чужда тѣхъ споровъ, которыми преисполнена гемара, и спокойствіемъ рѣчи стоитъ ближе къ мишнаѣ.

Долгое время одна галаха обращала на себя вниманіе европейскихъ гебраистовъ. Долгое время изученіе религіи имѣло исключительно догматическій и полемическій характеръ. Но когда для уразумѣнія догмата оказалось необходимымъ войти въ духъ народа, въ ту среду, среди которой формулировался этотъ догматъ, тогда раскрылось и значеніе агады. Агада дала рядъ историческихъ наслоеній, рядъ фактовъ, могущихъ пояснить самую галаху исторически, хотя историческая разработка ея и въ настоящее время весьма недостаточна. Въ агадѣ встрѣчаются факты, свидѣтельствующіе о непрекращающемся органическомъ развитіи вѣроученія, повидимому, давно завершившагося. Въ этихъ сказаніяхъ замѣчаются даже такія стороны вѣрованія, которыя не пустили корней въ установленной догматикѣ, даже отвергались правовѣрной школой. Запасъ мистическихъ ученій о душахъ, ангелахъ, «джиннахъ», вынесенный евреями изъ Халдеи и Персіи,—въ Александріи соединился съ неоплатонизмомъ и получилъ развитіе въ каббалѣ. Талмудическіе авторитеты относились неблагоприятно къ этому ученію, пользуясь агадой только какъ плодомъ фантазіи. Въ этомъ національномъ поэтическомъ элементѣ и заключается главный интересъ агады. Благодаря этому, агада стала въ настоящее время главнымъ предметомъ ученыхъ изслѣдованій, отодвинувъ на второй планъ галаху.

Въ Германіи и Франціи, изслѣдованія исторіи первыхъ вѣковъ христіанства указали въ первый разъ на великую важность талмуда и агады. Исторія іудейскаго народа давно уже пользуется талмудомъ, какъ неопредѣленнымъ историческимъ матеріаломъ для познанія новозавѣтной эпохи. Но агада имѣетъ значеніе и сама по себѣ, какъ сборникъ народной поэзіи, народно-житейской мудрости. По оригинальности оборотовъ рѣчи, по краткости и уму изреченій, агада

могла бы соперничать съ притчами Соломона и сына Сирахова. Такія достоинства агады заслуживали того, чтобы она сама по себѣ, не какъ матеріалъ, остановила на себѣ вниманіе изслѣдователей. Въ Германіи появились сборники переводовъ изъ мидраша и агады вообще. Однимъ изъ лучшихъ слѣдуетъ признать сборникъ Даниэля Эрмана: «Aus Palaestina und Babylon», изданный въ Вѣнѣ въ 1880 г., съ содержаніемъ котораго мы познакоимъ читателей.

I.

Мы уже упоминали о глубокомъ почтеніи евреевъ предъ буквой закона, но слѣдуетъ оговорить, что подъ закономъ слѣдуетъ разумѣть только формальную, обрядовую, опредѣлительную сторону библии. Идеалистамъ-раввинамъ историческіе факты не представлялись важными сами по себѣ. Относительно ихъ дозволялись уклоненія, и народная фантазія дополняла то, что ей представлялось недосказаннымъ. Уже у Іосифа Флавія, ученика іессеевъ, библейскія событія пересказываются съ подробностями, неизвѣстными библии; въ «Юбилеяхъ», сочиненіи II вѣка, эти подробности получили еще болѣе развитіе. Народная фантазія на этомъ не остановилась. Вотъ, напр., разсказъ, очень извѣстный въ апокрифической легендѣ. Когда Адамъ узрѣлъ перваго покойника въ своемъ семействѣ, то не зналъ, что дѣлать съ тѣломъ. Взглянувъ въ сторону, онъ замѣтилъ, что воронъ сдѣлалъ въ землѣ ямку и закопалъ въ нее мертваго ворона. Адамъ поступилъ также. Погребеніе мертвыхъ всегда считалось дѣломъ богоугоднымъ у евреевъ (см. кн. Товитъ), потому талмудъ прибавляетъ: въ награду за это Господь заботится о тѣхъ воронатахъ, которые, родясь бѣлыми, безперыми, оставляются родителями на произволъ судьбы. Талмудъ знаетъ и о смерти Каина. Братоубійца, достигшій глубокой старости, ослѣпъ и скитался по лѣсамъ. Правнуку его Ламехъ, тоже слѣпой и старый, ходилъ на охоту съ Тувалкаиномъ (Оовель), который направлялъ его стрѣлы, когда попадалась дичь. Тувалкаинъ завидѣлъ ползущаго Каина, принялъ его за звѣря, и Ламехъ убилъ своего предка. Когда они подошли къ добычѣ, сынъ объяснилъ Ламеху, кто застрѣленъ. Слепецъ въ отчаяніи всплеснулъ руками, попалъ въ сына и убилъ его. Этимъ объясняется стихъ библии: «Я убилъ мужа въ язву мнѣ и отрока въ рану мнѣ» (Бытія, IV, 23).

Вотъ еще разскажъ, вошедшій также въ апокрифы. Отецъ Авраама приготовлялъ идоловъ и торговалъ ими. Однажды онъ долженъ былъ отлучиться и поручилъ продажу сыну. Нѣкто пришелъ и пожелалъ купить идола. — Сколько тебѣ лѣтъ? — спрашиваетъ Авраамъ. — Отъ 50 до 60. — Прискорбно, что человѣкъ шестидесяти лѣтъ хочетъ поклоняться предмету, сработанному въ одинъ день. — Покупатель оставилъ идоловъ и пошелъ своей дорогой. Вскорѣ за нимъ, пришла женщина и принесла блюдо меда въ жертву богамъ. Когда она ушла, Авраамъ взялъ крюкъ и разбилъ всѣхъ идоловъ, кромѣ самаго крупнаго, которому онъ всунулъ крюкъ въ руку. Возвратившись домой, Сара увидала въ какомъ разгромѣ лежать его изваянія, и спросилъ сына о происшедшемъ. — Зачѣмъ тавтъ? — отвѣчалъ Авраамъ, — какая-то женщина принесла блюдо меда идоламъ, и я поставилъ его предъ ними, и начался между ними страшный споръ: каждый хотѣлъ раньше другихъ добраться до меда. Возмущенный всѣмъ этимъ, самый большой идолъ схватилъ крюкъ и разбилъ своихъ меньшихъ собратій. — Что ты смѣешься надо мной? — воскликнулъ убѣженный Сара, — развѣ могутъ эти чурбаны сдѣлать что-нибудь такое? — О, если бы уши твои могли слышать то, что говорить твой языкъ! — Разгнѣванный отецъ не могъ успокоиться и предаль сына властителю страны Нимроду, для наказанія за нечестіе. — Преклонись предъ огнемъ, богомъ моимъ! — сказалъ Нимродъ Аврааму. — Отчего же не передъ водой, которая огонь гаситъ? — спросилъ Авраамъ. — Тогда преклонись предъ водой! — продолжалъ Нимродъ. — Не лучше ли предъ облаками: они воду носятъ? — Ну, предъ облаками! — согласился тиранъ. — Ужъ лучше предъ вѣтромъ, который разбрасываетъ облака, — возразилъ Авраамъ. — Да будетъ такъ! — отвѣтствовалъ Нимродъ. — А еще бы лучше предъ человекомъ, который можетъ устоять предъ вѣтромъ. Нимродъ потерялъ терпѣніе. — Это что? — закричалъ онъ: — ты хочешь отдѣлаться отъ меня пустой болтовней? Я поклоняюсь огню и прикажу бросить тебя въ огонь: пусть твой богъ оградитъ тебя отъ моего. Авраамъ былъ брошенъ въ пылающую печь, но вышелъ изъ нея невредимымъ. Братъ Авраама, Гаранъ, котораго тоже спрашивали о вѣрѣ, колебался и, наконецъ, рѣшилъ пристать къ той сторонѣ, которая окажется сильнѣйшей. Когда Авраамъ уцѣлѣлъ, Гаранъ объявилъ, что раздѣляетъ убѣжденія брата. Онъ былъ брошенъ въ огонь, но его живое исповѣданіе не заслуживало чудеснаго избавленія, и онъ погибъ въ пламени. Весь разсказъ цѣликомъ вошелъ и въ наши отреченныя книги (см. изд. Тихонравова).

Спусти нѣсколько лѣтъ по изгнаніи Измаила, востосковался Авраамъ по старшему сынѣ и пожелалъ повидаться съ изгнанникомъ. Съ разрѣшенія жены онъ рѣшилъ ѣхать въ пустыню и розыскать шатеръ Измаила, но поклялся ей, что не сойдетъ съ верблюда и не войдетъ въ шатеръ, а удовольствуется только тѣмъ, что посмотреть на сына. Авраамъ отправился въ путь, нашелъ палатку и увидалъ передъ входомъ жену Измаила съ дѣтьми. Самого Измаила и Агари дома не было. Узнавъ отъ жены, что Измаилъ на охотѣ, и что видѣть его нельзя, Авраамъ пожелалъ убѣдиться, по крайней мѣрѣ, въ домашнемъ счастьѣ сына. Онъ попросилъ у жены воды, такъ какъ дорога очень утомила его, но получилъ недобрый отвѣтъ, что въ домѣ нѣтъ ни хлѣба, ни воды. Послѣ этого жена ушла въ шатеръ, не удостоивъ путника и взглядомъ. Авраамъ слышалъ только, какъ она въ шатрѣ бранила, проклинала и безпощадно била дѣтей. Глубоко огорченный видѣннымъ, Авраамъ вызвалъ жену и такъ говорилъ ей:—«Скажи мужу, что былъ здѣсь старецъ,—ты можешь описать мою наружность, — который велѣлъ сказать ему: пусть броситъ онъ жердь своего шатра и замѣнитъ его инымъ». Съ этими словами онъ повернулъ и поѣхалъ домой. Когда Измаилъ возвратился съ охоты и выслушалъ рассказъ жены, онъ догадался, что у него былъ отецъ; онъ понялъ также смыслъ словъ, которыя ему велѣлъ передать путникъ, и послѣдовалъ благоразумному совѣту. Онъ отвергъ свою жену и женился на другой, которую вывелъ въ свое отечество изъ земли Ханаанской. Три года продолжалось новое счастливое супружество, когда Авраамъ снова появился передъ шатромъ сына. Измаила опять не было дома; но на этотъ разъ путника встрѣтилъ радушный пріемъ. Жена просила его сойти съ верблюда и войти въ шатеръ отдохнуть и восстановить силы. Авраамъ, связанный по прежнему клятвой, отклонилъ приглашеніе, но, успокоенный и обрадованный, сказалъ женѣ: «передай мужу, что нѣкій старецъ велѣлъ сообщить ему, да оберегаетъ онъ жердь своего шатра, такъ какъ она крѣпка и надежна». Вернувшись съ охоты, Измаилъ узналъ о посѣщеніи и безъ труда догадался, что здѣсь былъ его отецъ. Съ женой и всѣмъ родомъ своимъ онъ отправился въ землю филистимскую, гдѣ тогда пребывалъ Авраамъ и гостилъ у него.

Въ сказаніи о Содомѣ равнины собрали черты изъ своихъ народныхъ преданій и эллиногреческихъ рассказовъ; въ свою очередь, эти черты изъ талмуда перешли въ повѣсти о неправедныхъ судьбахъ, существующія въ народной литературѣ новыхъ наро-

дѣль. Законы грѣховнаго города Содома были таковы, что ими поддерживался духъ злобы и несправедливости. Вотъ нѣсколько примѣровъ: у кого была одна скотина, тотъ долженъ былъ пасти скотъ всего города въ теченіе одного дня, а у кого совсѣмъ скотины не было, тотъ былъ обязанъ пастушьей службой въ теченіе двухъ дней. Однажды очередь двухдневной службы дошла до сына одной вдовы. Онъ былъ бѣденъ, но лукавъ и рѣшился вознаградить себя за потерю времени. Весь скотъ, вѣренный ему, онъ умертвилъ и, призвавъ горожанъ, сказалъ имъ: «кто владѣетъ скотомъ, тотъ пусть получитъ одну кожу, а кто не имѣетъ — двѣ кожи». — Безуміе! — вскричали скотовладѣльцы. — «Я рассуждаю, — возразилъ хитрый юнона, — по вашимъ же пастушьимъ законамъ». — Въ Содомѣ было четыре судьи: лжець, обманщикъ, надувало и кривосудъ. Если кто-нибудь обрубалъ у сосѣдскаго осла уши, то долженъ былъ брать осла къ себѣ и держать до тѣхъ поръ, пока у осла не отростали уши. — Черезъ ручей былъ перекинутъ мостъ: если чужеземець шелъ по мосту, онъ платилъ четыре солида, а если переходилъ бродомъ — съ него взыскивали восемь солидовъ. Одинъ странствующій сказочникъ захотѣлъ сберечь мостовой налогъ и пошелъ бродомъ. Долго онъ отказывался платить двойную пошлину, дошло дѣло до драки, и притащили его, окровавленнаго, въ судъ. Здѣсь съ него взыскали двойную плату за непользованіе мостомъ и по тавсѣ за принудительное кровопусканіе. — Слуга и ключникъ Авраама, Еліазаръ, пришелъ въ Содомъ, и съумѣлъ, однако, избавиться отъ такого закона. Съ нимъ случилось то же, что и со сказочникомъ, и привели его въ судъ. Когда дѣло дошло до взысканія за врачебное дѣйствіе, онъ, не думая долго, ударилъ судью палькой по головѣ и изъ раны полилась кровь. Судья же не зналъ, чтѣ до этого было съ Еліазаромъ, а Еліазаръ заявилъ ему совершенно спокойно: я оказалъ тебѣ только ту же услугу, какую сдѣлали мнѣ, поэтому удовлетвори вмѣсто меня моего противника и судьбище будетъ кончено. Въ Содомѣ была особая постель для путниковъ. Если чужеземець былъ слишкомъ великъ, то у него отрубали соотвѣтственную часть ногъ, а если былъ малъ, то у него растягивали члены. Еліазару также нужно было лечь на кровать, но онъ сослался, что по смерти матери далъ клятву никогда не спать на кровати. — Нищему каждый долженъ былъ дать монету съ своимъ клеймомъ, но было строго запрещено давать ему пищу, питье и пріютъ; когда же нищій, умиралъ съ голоду, то каждый отбиралъ свою монету. Одна дѣвица, сжалившись, подала нищему кусокъ хлѣба. Это преступле-

ніе открылось и было жестоко наказано: дѣвицу вымазали медомъ, приковали къ стѣнѣ и пчелы закусали ее до смерти. Апокрифическій пересказъ пятобнижія, извѣстный подъ именемъ Сеферъ-га-Яшуръ (книга праведнаго) называетъ эту дѣвицу дочерью Лота. Книга Яшуръ—болѣе позднаго происхожденія, нежели талмудъ, въ своемъ цѣломъ; въ частности вся состоитъ изъ народныхъ восполненій библейскаго текста, которыми пользовались враздробъ и талмудисты. Точно также много параллельныхъ мѣстъ, и по редакціи болѣе близкихъ къ рассказамъ талмуда, можно найти въ сирійскомъ апокрифѣ, извѣстномъ подъ именемъ Адамъ, или покаяніе Адамово (см. Migne, Dictionnaire des apocryphes, t. I, pp. 343, t. II, p. 1096 и сл.).

Нѣсколько сказаній дополняютъ библейскую исторію Моисея. Рожденію Моисея предшествовалъ вѣщій сонъ. Фараону снилось, что сидитъ онъ на престолѣ, передъ нимъ же стоитъ мужъ съ вѣсами, какъ у торговцевъ. Старецъ повѣсилъ вѣсы, положилъ въ одну чашку всѣхъ египетскихъ вельможъ, а въ другую—сосунка-ягненка: перетянулъ ягненокъ. Царь проснулся и рассказалъ сонъ слугамъ, которые пришли въ трепетъ, ибо не могли разгадать значенія сна. Однако, одинъ изъ нихъ объяснилъ видѣніе. Сонъ гласилъ: въ еврейскомъ народѣ родится ребенокъ, который разоритъ египетскую землю. Тогда царь повелѣлъ топить всѣхъ новорожденныхъ еврейскихъ мальчиковъ.—Косноязычіе Моисея агада объясняетъ такъ: царевна, пріемная мать Моисея, воспитывала его съ величайшей заботливостью. За красоту Моисей часто приводился за царскій столъ. Разъ Моисей, сидя на колѣняхъ фараона, снялъ съ него вѣнецъ и надѣлъ на себя. Дѣтскую шалость начали толковать какъ дурное предзнаменованіе, а гадатели объявили, что это единственный человѣкъ, который низвергнетъ фараона съ трона. Всѣ согласились, что ребенокъ долженъ умереть и расходились только въ выборѣ смерти. Тогда поднялся Іоѳоръ, принадлежавшій къ царскому совѣту, и говорилъ такъ: было бы несправедливо умертвить дитя за дѣяніе, совершенное, вѣроятно, безъ умысла, хотя, можетъ быть, онъ дѣйствовалъ и умышленно; потому необходимо изслѣдовать, насколько развитъ умъ ребенка. Онъ предложилъ слѣдующее испытаніе. Передъ ребенкомъ поставить два блюда, одно съ червонцами, другое съ горящимъ угольемъ; если ребенокъ схватитъ золото, значитъ—умъ его развитъ, и онъ долженъ умереть; если же ребенокъ схватитъ уголь, то, значитъ, умъ его не способенъ къ разсужденію. Предложеніе было принято всѣми. Моисей хотѣлъ потянуться къ золоту, но ангелъ Гавриилъ, ко-

торый невидимо стоялъ подлѣ него, толкнулъ его руку въ утробу. Закричавъ отъ боли, ребенокъ сунулъ руку въ ротъ и обжегъ языкъ. Потомъ, много лѣтъ спустя, этотъ обжогъ все еще мѣшалъ ему говорить, и потому-то упорствовалъ Моисей, когда Господь посылалъ его въ Египетъ освободить бѣдныхъ израильтянъ: онъ ссылался на то, что не способенъ выражаться ясно. — Когда настало время исхода изъ Египта, никто не зналъ, гдѣ погребенъ Иосифъ. Одна Серахъ, дочь брата его Ассира (Ашеръ), была еще въ живыхъ изъ того поколѣнія, и къ ней пошелъ Моисей за свѣдѣніями. Она рассказала, что египтяне положили тѣло Иосифа въ металлическій гробъ и опустили его на дно Нила, чтобы тѣмъ благословить воды Нила. Моисей пошелъ по берегу и взывалъ: «Иосифъ, Иосифъ! настало время спасенія, нынѣ можетъ Израиль исполнить данную тебѣ клятву. Предстанешь ты предъ нашими очами, тогда мы возьмемъ тебя въ землю, обѣтованную отцамъ нашимъ; а если нѣтъ, тогда мы свободны отъ клятвы!» Тогда въ одинъ мигъ гробница всплыла наверхъ воды и поплыла къ берегу.

Все семитское племя было поражено славой Соломона. Онъ окруженъ магической славой и у арабовъ; они до сихъ поръ гордятся происхожденіемъ отъ него ихъ царственного дома. Библейскій рассказъ, чуждый сверхъестественныхъ примѣсей, требовалъ себѣ дополненій. Народъ приписалъ Соломону власть надъ духами. Во главѣ духовъ, враждебныхъ Богу и человѣку (вѣроятно, не ранѣе вавилонскаго плѣненія) явился *дѣмониз* съ иранскимъ именемъ Асмодей (Aeschmaeuea), хотя вѣра въ такихъ духовъ никогда не была чужда еврейскому міросозерцанію. Талмудъ рассказываетъ, что злые духи рождаются и умираютъ, какъ люди, и есть духи мужского и женскаго пола. Они ощущаютъ тѣ же потребности, какъ и люди. Они снабжены крыльями, на которыхъ перелетаютъ огромныя пространства. Они знаютъ будущее. Царь ихъ Асмодей обитаетъ въ горной пещерѣ. Каждый день онъ покидаетъ пещеру, чтобы летать по свѣту и изучать законы неба и земли, т.-е. всей вселенной. Отправляясь въ путь, онъ наполняетъ свое жилище водой, закрываетъ входъ камнемъ и прикладываетъ свою печать. Но этотъ образъ его жизни былъ разстроенъ, когда Соломонъ приобрѣлъ власть и господство надъ демонами и могъ заклинать ихъ своимъ перстнемъ. Есть на свѣтѣ камень шамиръ, которымъ можно было раскалывать и гранить камни. Шамиръ былъ необходимъ Соломону, такъ какъ при построеніи алтара нельзя было употреблять желѣзные инструменты, о томъ же, гдѣ находится шамиръ—знать одинъ Асмо-

дей, и вотъ какъ Соломонъ овладѣлъ духомъ при помощи своего служителя Бенойи.

Царемъ демоновъ можно было овладѣть только во время его сна, Асмодей же избѣгаетъ сна и потому пьетъ одну воду. Бенойи просверлилъ стѣну пещеры, выпустилъ воду, наполнилъ пещеру виномъ и опять закрѣпилъ отверстіе; Асмодей возвращается, видитъ, что пещера наполнена виномъ, сначала воздерживается, но, побужденный жаждой, пьетъ вино и засыпаетъ. Тогда Бенойи заковалъ его и привелъ къ Соломону въ Иерусалимъ. На пути Асмодей проявляетъ свой буйный, лукавый и злобный нравъ. Путевыя приключенія Асмодее перешли изъ талмуда въ отреченныя книги и народныя сказки русскаго и всѣхъ европейскихъ народовъ. Сначала Асмодей хотѣлъ страхнуть съ себя оковы, но имя Соломона, написанное на нихъ, не позволяетъ ему освободиться. Оковы сильно утомляли его; онъ прислонился къ дереву, — дерево вырвалось изъ земли съ корнями; онъ прислонился къ дому, — домъ обрушился; когда они приблизились къ хатѣ бѣдной вдовы, — вдова вышла навстрѣчу, молила царя духовъ о помилованіи. Асмодей смиловался и отскочилъ въ сторону, но при этомъ сломалъ ногу. «Теперь — сказалъ онъ — я понимаю смыслъ словъ писанія: кроткій языкъ сокрушаетъ кости». Заблудившагося слѣпца онъ вывелъ на настоящую дорогу, то же сдѣлалъ и съ пьянымъ. Встрѣтивъ свадебный поѣздъ, онъ началъ плакать; онъ громко хохоталъ, услышавъ, какъ нѣкто заказывалъ сапоги на семь лѣтъ, и когда видѣлъ колдуна, который, сидя на холмѣ, творилъ свои заклинанія. Достигнувъ Иерусалима, Асмодей ждалъ три дня свиданія съ царемъ. Уже въ первый день онъ спросилъ о причинѣ такого невниманія и получилъ въ отвѣтъ, что у него еще хмѣль не прошелъ. Тогда Асмодей взялъ кирпичъ и сверхъ его положилъ другой. Соломонъ, когда ему донесли о томъ, объяснилъ, что Асмодей требуетъ еще питья. На второй день Асмодее сказали, что ему еще дурно отъ пищи. Асмодей снялъ верхній кирпичъ. Соломонъ объяснилъ: «это значитъ, я не хочу болѣе ѣсть». На третій день Асмодее привели къ царю. Асмодей взялъ трость, отмѣрилъ 4 аршина и, бросивъ трость къ ногамъ царя, сказалъ: «когда ты умрешь, тебѣ потребуется только четыре аршина земли; теперь же тебѣ мало покорить весь свѣтъ, и ты овладѣлъ и мною». «Мнѣ необходимъ камень шамиръ! — сказалъ Соломонъ, — и ты долженъ достать его». — «Шамиръ не у меня, — отвѣчалъ Асмодей, — онъ хранится у морского духа, который подъ клятвою передалъ его тетереву. Птица эта раскалываетъ камнемъ утесы

пустыни, лишенные всякой растительности, съесть въ трещинахъ хлѣбныя зерна и этой жалкой пищею питается вмѣстѣ съ своими птенцами». — Соломонъ послалъ людей, которые нашли гнѣздо тетерева съ птенцами и накрыли ихъ стекляннымъ колоколомъ. Когда вернулся тетеревъ, то, найдя колоколъ, хотѣлъ прорѣзать шамиромъ отверстіе. Царскіе люди подняли ужасный шумъ. Птица испугалась и выронила камень, тотчасъ поднятый царскими служителями. Тетеревъ же лишилъ себя жизни: онъ повѣсился съ отчаянія, что не могъ сдержатъ клятвы, данной морскому духу. Тогда Бенойа потребовалъ объясненій о поведеніи Асмодея на пути. «Зачѣмъ ты, — спрашивалъ онъ царя духовъ, — вывелъ заблудившагося слѣпца на прямую дорогу?» — Я слышалъ на небѣ, — отвѣчалъ Асмодей, — что этотъ человѣкъ благочестивъ и богобоязненъ, и что кто ему сдѣлаетъ добро, тотъ получитъ участіе въ блаженствѣ. — «По этой ли же причинѣ ты вывелъ на дорогу и пьяницу?» — Совсѣмъ напротивъ: это былъ великій злодѣй, но онъ долженъ же воспользоваться тѣмъ-нибудь хорошимъ здѣсь, прежде чѣмъ подвергнется тамъ заслуженному наказанію. — «А зачѣмъ плакалъ ты при встрѣчѣ со свадьбой?» — «Нечему тогда было радоваться, ибо молодой мужъ умеръ черезъ три дня, а молодая должна ждать тринадцать лѣтъ новорожденнаго левира, чтобы по закону вступить въ бракъ съ деверемъ. — «Почему смѣялся ты, когда человѣкъ заказывалъ себѣ сапоги на семь лѣтъ». — Потому что ему не оставалось жить и семи дней, а онъ требовалъ сапоги на семь лѣтъ. — «Отчего ты смѣялся, когда колдунъ продѣлывалъ свои штуки?» — Онъ хотѣлъ знать такъ много, — отвѣчалъ Асмодей, — а между тѣмъ не зналъ, что подъ ногами его былъ зарытъ кладъ. — Всѣ эти сказанія изъ Талмуда перешли и въ наши повѣсти о Соломонѣ и Кито-врасѣ.

Любопытна черта, что при постройкѣ алтаря не употребляются желѣзные инструменты. Напомнимъ, что въ библіи Авраамъ совершаетъ обрѣзаніе каменнымъ ножомъ, и до сихъ поръ писцы не употребляютъ при перепискѣ библейскихъ манускриптовъ—это считается богоугоднымъ дѣломъ—стальныхъ перьевъ. Въ религіозномъ культѣ всегда сохраняются черты древнѣйшаго быта. Египетскіе жрецы носятъ на себѣ шкуру пантеры, вѣроятно, по преданію о томъ времени, когда одежду людей составляли шкуры. Жертвенное облаченіе ассирійскихъ царей состоитъ изъ длиннаго куска ткани, обмотанной вокругъ тѣла и, очевидно, напоминаетъ время, когда ткань не подвергалась кройкѣ и шитью. Древніе храмы индійцевъ—пещеры; въ олонецкихъ преданіяхъ,

записанныхъ Е. Барсовымъ, сохранилась память о времени, когда люди плясали на плотахъ («оверныя постройки»); еврейскіе обычаи относятъ насъ ко времени каменнаго вѣка и циклопическихъ построекъ. Наша фелонь была обычнымъ путевымъ одѣяніемъ во времена апостола Павла, а нынѣшняя одежда священниковъ нашихъ держится безъ перемѣны съ XVII вѣка. Сказанія о праотцахъ, о Моисей несомнѣнно перешли въ талмудъ изъ того общаго запаса народныхъ сказаній, который систематически налагается въ ветхозавѣтныхъ апокрифахъ, а можетъ быть и прямо заимствованъ изъ этихъ послѣднихъ.

Но сказанія о Соломонѣ не встрѣчаются въ апокрифахъ, и потому они вошли въ талмудъ прямо изъ устъ народа. Мы привели для образца наиболѣе связныя и полныя сказанія, важныя потому, что они стали достояніемъ новыхъ литературъ. Но, кромѣ ихъ, въ талмудѣ разбросаны отдѣльныя черты о ветхозавѣтныхъ личностяхъ, опредѣлить значеніе коихъ было бы затруднительно. Сходныя преданія (напр. о величинѣ Адама и т. п.) можно встрѣтить въ коранѣ; другія извѣстія легче объясняются педагогическими приѣмами раввиновъ. Общее качество этихъ подробностей и восполненій библейскаго текста—необузданная фантазія, чисто восточная, мистическая безмѣрность.

II.

Мы уже замѣтили, что въ эпоху Талмуда въ народѣ жива была память объ историческихъ дѣтеляхъ античнаго міра, входившихъ въ соприкосновеніе съ Іудеей. Замѣчательно, что далѣе эпохи возвращенія изъ вавилонскаго плѣна эта память не простирается и оканчивается эпохой сирійскихъ императоровъ.

Большая личность Александра оставила глубокіе слѣды въ памяти всѣхъ народовъ передней Азіи. Вообще, это—народный герой азіатскій, а не европейскій. Греческая поэзія чуждалась его. Римляне не занимались имъ, но въ Персіи и средней Азіи сложился около его имени цѣлый эпосъ, о немъ пѣли арабскіе поэты и знаетъ многое талмудъ. Изъ этихъ источниковъ и изъ александрійскихъ апокрифовъ легенды объ Александрѣ перешли на Западъ и къ намъ, въ наши Александріи. Въ талмудѣ мы находимъ разсказъ, напоминающій, хотя и не повторяющій бесѣду Александра съ индійскими аскетами, записанную Плутархомъ. Во время похода на югъ, Александръ ведетъ длинную бесѣду съ тамошними мудрецами. Онъ спрашиваетъ: 1) что дальше—

небо отъ земли, или востокъ отъ запада?—Востокъ отъ запада; доказать это можно тѣмъ, что на солнцѣ можно смотрѣть, когда оно стоитъ на крайнемъ востокѣ, или на крайнемъ западѣ, но когда оно находится среди неба, то глазъ человѣческой не можетъ вынести его блеска. 2) Что раньше создано:—небо или земля?—Небо, ибо сказано въ Писаніи: «Богъ сотворилъ небо и землю». 3) Что прежде было—свѣтъ или тьма?—Этого мы не знаемъ, ибо это недоступно изслѣдованію. 4) Кто долженъ считаться мудрымъ?—Тотъ, кто предвидитъ послѣдствія своихъ дѣяній. 5) Кто достоинъ называться сильнымъ?—Кто владычествуетъ надъ своими страстями. 6) Кто богатъ?—Кто доволенъ своимъ уделомъ. 7) Что можетъ сдѣлать человѣкъ, чтобы наслаждаться жизнью?—Умертвить себя, коль скоро онъ свыкнется съ лишениями. 8) Что можетъ сдѣлать человѣкъ, чтобы умертвить себя?—Жить подольше, предаваясь чрезмерно чувственной жизни. 9) Чѣмъ можетъ привлечь къ себѣ человѣкъ всеобщую любовь?—Отвращеніемъ къ власти и господству. 10) Гдѣ лучше жить, на морѣ или на землѣ?—На землѣ, ибо мореходы только тогда довольны, когда пристають къ берегу.

Затѣмъ Александръ предложилъ имъ личные вопросы:—«Кто между вами наймудрей?—Мудры мы всѣ одинаково,—отвѣчали они,—ты видишь, что на всѣ твои вопросы мы всѣ отвѣчали одновременно.—Какъ вы рѣшаетесь отвѣчать мнѣ такъ смѣло? не въ моей ли власти предать всѣхъ васъ смерти?—Безъ сомнѣнія, — отвѣчали мудрецы—сила въ рукахъ царя, но царю неприлично нарушать свое слово». Александръ былъ восхищенъ ихъ мудростью, и одѣвъ ихъ въ пурпуръ и золото, продолжалъ разговоръ съ ними такъ:—Я бы очень желалъ пойти въ провинцію Африку.—Это невозможно,—воскликнули мудрецы,—тебѣ пришлось бы переходить чрезъ горы мрака.—Я это знаю,—отвѣчалъ Александръ,—и желаю имѣть вашу совѣтъ.—Возьми ливійскаго ослонъ, —учили мудрецы,—они умѣютъ ходить въ темнотѣ, и прикрѣпи у входа къ нимъ веревку, чтобы найти обратный путь». Александръ послѣдовалъ совѣту и пришелъ въ область, гдѣ жили только женщины. Онъ хотѣлъ ихъ завоевать, но онѣ сказали ему: «немного чести принесетъ тебѣ эта война, останешься ли ты побѣдителемъ, ты побѣдишь только женщинъ; будешь ли ты побѣжденъ—тѣмъ болѣе стыда тебѣ». Александръ призналъ справедливость этихъ словъ и воздержался отъ непріязненныхъ дѣйствій. Александръ былъ голоденъ и попросилъ у нихъ хлѣба. Онѣ принесли ему золотыя лепешки и положили на золотыхъ столахъ. «Развѣ здѣсь люди золото ѣдятъ?» —

спросилъ герой. — «Мы были того мнѣнія, — отвѣчали хитрыя жены, — что хлѣба у тебя было довольно и дома, а потому и не зачѣмъ было за нимъ идти сюда». Когда Александръ уходилъ, то сдѣлалъ на городскихъ воротахъ такую надпись: «Я, Александръ Македонскій, былъ неразуменъ, пока не побывалъ въ женскомъ царствѣ и не научился премудрости у женщинъ». Идя далѣе, онъ пришелъ къ источнику и расположился обѣдать. Размачивая соленую рыбу въ одномъ источникѣ, онъ нашелъ, что рыба приобретаетъ удивительно пріятный запахъ. — Этотъ источникъ, — сказалъ царь, — долженъ выходить изъ сада Эдема. Онъ пошелъ вверхъ по теченію и дѣйствительно пришелъ къ райскимъ вратамъ. «Отворите ворота!» — воскликнулъ онъ. Невидимый голосъ отвѣчалъ ему: — «это божьи врата; одни праведники проходятъ черезъ нихъ». — «Я царь, — продолжалъ Александръ, — и очень сильный. Если вы не хотите впустить меня, то дайте мнѣ что-нибудь изъ рая». — Ему бросили человѣческій черепъ. Александръ пожелалъ его свѣсить, но сколько золота и серебра онъ ни навкладывалъ на вѣсы, черепъ перетягивалъ. Тогда царь обратился за разъясненіемъ такого чуда къ своимъ мудрецамъ, и они объяснили: въ черепѣ находится глазъ изъ плоти и крови, который ничѣмъ насытиться не можетъ; но посыпъ его землей и черепъ станетъ легокъ. Царь такъ сдѣлалъ, и черепъ сразу поднялся вверхъ.

За горами мрака Александръ нашелъ страну, законы которой показались ему достойными изученія. Онъ скоро нашелъ возможность познакомиться съ ними, когда посѣтилъ царя той земли. Двое пришли къ царю судиться. Одинъ говорилъ, что купилъ у другого мѣсто подъ постройку, но, очищая мѣсто отъ мусора, нашелъ кладъ, который онъ и хотѣлъ отдать прежнему владѣльцу, ибо онъ покупалъ не кладъ, а мѣсто. Другой возражалъ, что продалъ мѣсто со всѣмъ тѣмъ, что тамъ находилось. Властитель страны обратился къ первому: «есть ли у тебя неженатый сынъ?» — Есть, — отвѣчалъ истецъ. «Есть ли у тебя незамужняя дочь?» — спросилъ царь у другого. — Есть. «Добро! — сказалъ царь, — жените ихъ и дайте имъ кладъ въ приданое». Съ такимъ рѣшеніемъ отпустилъ царь тяжущихся. Александръ изумлялся такому рѣшенію. «Развѣ я дурно разсудилъ?» — спросилъ его царь: — какъ же слѣдовало поступить по вашему? — У насъ, — отвѣчалъ Александръ, — признали бы и истца и отвѣтника виновными въ томъ, что они тотчасъ не отдали клада царю, который и взялъ бы его себѣ. «Идетъ ли у васъ дождь?» — спросилъ царь. — Да. «И солнце свѣтитъ?» — Конечно. «Есть у васъ

скотъ на лугахъ?»—Есть. «Я полагаю,—заклучилъ царь,—что люди у васъ не заслуживаютъ ни дождя, ни солнца, и эти дары неба ниспосылаются вамъ только ради вашего скота». Весь этотъ эпизодъ представляетъ сатиру, направленную противъ жадности римскаго фиска эпохи цезарей.

III.

Рядъ возстаній, заключенныхъ конечной гибелью Иудеи и происходившихъ при жизни старѣйшихъ редакторовъ іерусалимскаго талмуда, не могъ не отразиться на агадѣ. Борьба съ Римомъ 67—70 годовъ нашла для себя историка-очевидца въ лицѣ Іосифа Флавія, который былъ послѣднимъ историографомъ еврейскаго народа, и возстанія при Траянѣ и Адрианѣ оставили слѣдъ только въ книгѣ Юдеевъ, въ третьей и четвертой книгѣ Еадры, да въ смутныхъ, отрывочныхъ преданіяхъ, попавшихъ въ талмудъ. Послѣ Іосифа Флавія іудейство совсѣмъ замыкается въ своемъ обрядовомъ сепаратизмѣ и утрачиваетъ способность относиться къ историческимъ событіямъ съ прагматической точки зрѣнія. Самая гибель Іерусалима объясняется совершенно незначительнымъ случаемъ.—Іерусалимъ былъ разрушенъ потому, что два человека носили одно и то же имя, такъ начинается свое сказаніе талмудъ. Нѣкто изъ жителей этого города давалъ пиръ и пригласилъ много гостей. Между прочимъ, онъ поручилъ слугѣ позвать одного изъ своихъ друзей, по имени Камза. Слуга по ошибкѣ передалъ приглашеніе другому, по имени Баръ-Камза, который былъ во враждѣ съ его господиномъ. Баръ-Камза принялъ приглашеніе, какъ шагъ къ примиренію, пришелъ на пиръ и сѣлъ за столъ. Какъ только хозяинъ увидѣлъ его, тотчасъ бросился къ нему и велѣлъ уходить. Тщетно оскорбленный предлагалъ уплатить за свою часть, потомъ за полпира, наконецъ за весь пиръ, чтобы только не подвергаться публичному оскорбительному изгнанію: разъяренный хозяинъ схватилъ его за руку и вытолкалъ за дверь. Баръ-Камза, преисполненный стыда и негодованія и оскорбленный особенно тѣмъ, что никто изъ гостей не вступился за него, рѣшился отомстить всему еврейскому народу. Онъ отправился въ Римъ и донесъ кесарю, что іудеи замышляютъ бунтъ. «Чтобы провѣрить истину моихъ словъ,—говорилъ онъ кесарю—сдѣлай такой опытъ: пошли имъ жертвенное животное для храма и посмотри, примутъ ли они его?» И кесарь велѣлъ дать ему для того откормленнаго теленка. На

пути вѣстникъ сдѣлалъ теленку такое тѣлесное поврежденіе, что по закону онъ не могъ быть принесенъ въ жертву. Иудейскіе законники, тѣмъ не менѣе, имѣя въ виду трудныя обстоятельства, полагали возможнымъ допустить эту жертву; но одинъ зилотъ, Захарія, воспротивился. «Какъ?—кричалъ онъ—развѣ не сказано, что искалѣченное животное нельзя возлагать на алтарь Господень?» Предложили предать смерти носителя этой жертвы, но и тутъ воспротивился строгій, но справедливый Захарія. Жертву отклонили. Ученый позднѣйшаго времени жалуется:—упрямство Захарія разрушило наши дома, сожгло нашъ храмъ и развѣяло насъ изъ отеческой земли, какъ изгнанниковъ.

Въ разсказѣ этомъ слышатся темныя воспоминанія о попыткахъ Калигулы стать предметомъ поклоненія въ іерусалимскомъ храмѣ; но замѣчательно, что римское правительство и въ легендѣ дѣлается врагомъ евреевъ только вслѣдствіе недоразумѣнія, и благодаря внутреннимъ распрямъ въ Иудеѣ. Дальнѣйшее теченіе событій описывается такъ.

Послѣ того изъ Рима было послано на Иудею войско подъ предводительствомъ вesarя Нерона. Онъ пускалъ стрѣлы въ разныя стороны, но всѣ онѣ падали въ направленіи къ Іерусалиму. На его вопросъ, — ученикъ прочиталъ библейскій стихъ: «Я отищу Эдому рукою народа моего Израиля!» и полководецъ сказалъ: «слѣдовательно Богъ разорить свой домъ и все-таки отмститъ человѣку разоряющему!» Затѣмъ онъ тайно оставилъ войско и перешелъ въ іудейство. Тутъ опять мы встрѣчаемся съ народнымъ убѣжденіемъ той эпохи, что Неронъ не былъ враждебенъ народу, что Неронъ былъ живъ и только скрывался. Эти слухи нашли себѣ доступъ и въ апокалипсисѣ. Извѣстно также, что Понпея сочувствовала іудейской религіи. Тогда—продолжаетъ талмудъ—начальство надъ войскомъ принялъ Веспасіанъ вesarь. Онъ осаждалъ Іерусалимъ три года.

Въ то время жили въ городѣ три мужа, которые защищали городъ отъ голода, проявившагося вслѣдствіе осады. Одинъ снабдилъ городъ зерномъ, другой виномъ и солью, третій топливомъ. Запасовъ достало бы на 21 годъ, но въ городѣ господствовала шайка злыхъ грабителей, которая пожгла всѣ запасы, чтобы принудить осажденныхъ къ вылазкѣ, и препятствовала мирнымъ переговорамъ, которые предлагались разсудительными людьми. Страшно свирѣпствовала голодъ и были безчисленны жертвы его. Во главѣ упомянутой необузданной партіи стоялъ Абу-Сикра, племянникъ ученаго Іоганана бенъ-Саккан. Послѣдній тайно свидѣлся съ племянникомъ и уговорилъ его за бѣдствія, навлечен-

ныя на городъ ихъ партіей. — Я болѣе не господинъ ихъ, — отвѣчалъ предводитель, — и еслибы я вздумалъ противодѣйствовать дикимъ поступкамъ моихъ подчиненныхъ, они убили бы меня. — Дай мнѣ, по крайней мѣрѣ, возможность пробраться въ римскій станъ: можетъ быть, спасеніе еще возможно. — Я знаю для того одно средство, — отвѣчалъ Абу-Сикра: — ложись больнымъ въ постель, вскорѣ въ городѣ будетъ извѣстно о твоей смерти, и ты будешь вынесенъ изъ города какъ мертвый, а ради такого случая отърывается калитка въ городской стѣнѣ. — Нѣсколько дней спустя въ городѣ стали говорить, что умеръ великій учитель. Въ похоронной процессіи гробъ несли ученики его, Иоса и Елеазаръ. Кусокъ гниющаго мяса, положенный въ гробъ, распространялъ зловоніе и не давалъ заподозрить обманъ. Однако стража при городскихъ вратахъ хотѣла запустить въ гробъ копье, чтобы убѣдиться, что тамъ дѣйствительно находится трупъ; но Абу-Сикра, который находился при этомъ нарочно, воспротивился, замѣтивъ, что такой поступокъ былъ бы оскорбленіемъ великому покойнику. Такимъ образомъ, Іогананъ выбрался изъ города, достигъ римскаго лагеря и былъ приведенъ къ полководцу. «Миръ тебѣ, повелитель!» привѣтствовалъ онъ могучаго римлянина. — «Ты дважды заслужилъ смерть», — отвѣчалъ гнѣвный Веспасіанъ: — «за то, во-первыхъ, что называешь меня повелителемъ; во-вторыхъ, потому, что не явился раньше засвидѣтельствовать свою покорность». — «Воистину, ты повелитель, иначе не могъ бы пасть Іерусалимъ въ твои руки, ибо сказано въ книгѣ Исаи: «падетъ Ливанъ отъ руи государя»; прежде придти къ тебѣ было мнѣ невозможно, такъ какъ городъ и теперь находится въ рукахъ разбойниковъ, которые запугали всѣхъ миролюбивыхъ гражданъ. — «Но если драконъ обвивается около сосуда съ медомъ, — гнѣвно возразилъ полководецъ, — развѣ должно падить сосудъ?» — Въ это время неожиданно появляется посольство изъ Рима и выводитъ раввина изъ затрудненія. — Веспасіанъ получилъ извѣстіе, что императоръ умеръ, и что онъ избранъ ему въ преемники. Предъ самымъ приходомъ пословъ, онъ надѣлъ сапогъ и хотѣлъ надѣвать другой, но сапогъ не влѣзалъ. Онъ рѣшился снять и первый, но тотъ не слѣзалъ съ ноги. «Что значить это?» — воскликнулъ онъ. — Не тревожься — замѣтилъ Іогананъ: — ты сталъ полнѣе въ эту минуту, какъ и сказано въ притчахъ Соломона: «пріятная новость утучняетъ тѣло». — «Что же дѣлать?» спросилъ въ нетерпѣніи Веспасіанъ. Іогананъ опять нашелъ отвѣтъ въ библии: «позови челоѣка, къ которому ты чувствуешь отвращеніе, и уменьшится тучность твоя. Сапогъ второй-

дѣть на твою ногу, какъ сказано въ писаніи: «недовольный духъ сушить тѣло». — Совѣтъ былъ исполненъ, и средство помогло. «Я отправляюсь въ Римъ,—говорилъ Иоганану новый кесарь,—и пришлю сюда другого полководца, но предъ отъѣздомъ, въ награду за твою мудрость, я хотѣлъ бы исполнить твою просьбу; чего ты хочешь?»—Если я могу высказать мои желанія, то буду просить о трехъ милостяхъ: пощади городъ Ямну и тамошнее высшее училище, пощади родъ равви Гамалила и пошли равви Цадокъ врача, который излечилъ бы его отъ долготѣлаго недуга. — Еще при началѣ іерусалимской революціи умѣренная партія фарисеевъ и саддукеевъ оставила Іерусалимъ и удалилась въ Ямну, гдѣ на нѣкоторое время сосредоточилось высшее преподаваніе закона. Но въ Ямнѣ раввины удержались недолго: часть ихъ вскорѣ перешла въ Лядду и затѣмъ на болѣе продолжительное время въ Тиверіаду и Сафедъ. Просьба о пощадѣ Ямны указываетъ приблизительно древность происхожденія легенды.

Веспасіана—продолжаетъ талмудъ—замѣнилъ въ войскѣ Титъ, человѣкъ нечестивый. Уже ѣдучи моремъ въ Палестину, онъ говорилъ:—Богъ этого народа силенъ только на морѣ; я наступлю на бунтовщиковъ и поражу ихъ.—Едва онъ присталъ къ берегу, какъ мушка влетѣла ему въ носъ и въ теченіе семи лѣтъ жалила его мозгъ. Однажды шелъ онъ мимо кузницы, и муха притихла при стукѣ молотовъ. Замѣтивъ это, Титъ ежедневно призывалъ кузнеца, который ковалъ молотомъ въ его присутствіи. Если кузнецъ былъ не еврей, то ему платили, а если еврей, то работалъ даромъ. «Для тебя достаточно вознагражденія въ томъ,—говаривалъ Титъ,—что ты видишь страданіе своего врага». Тридцать дней это средство помогало, но потомъ мушка привыкла и стала жалить по-прежнему. По смерти Тита муху нашли въ его черепѣ: она была величиной съ жаворонка, а иные говорятъ—съ горлицу, и у ней былъ жѣдныи клювъ и желѣзные когти.

Немногое прибавляетъ талмудъ къ драматическому повѣствованію Іосифа о взятіи и разрушеніи Іерусалима. Такъ, сохранился рассказъ, рисующій бѣдствія голода въ осажденномъ городѣ. Марта, дочь знаменитаго рода бонтосовъ, посылаетъ слугу на рынокъ за мукой. Слуга возвратился съ извѣстіемъ, что на рынкѣ можно получить лишь немного муки низшаго сорта. Госпожа приказала ему взять то, что есть. Слуга опять вернулся и сказалъ, что на рынкѣ есть только черная мука. Бѣдная женщина готова была удовольствоваться этимъ, но въ наличности была уже только овсяная мука. Когда госпожа послала его за овся-

ной мукой — всѣ жизненные припасы были уже распроданы. Мучимая голодомъ, Марта, босикомъ, бросилась на улицу поискать какой-нибудь пищи. Изнѣженная женщина, не привыкшая, по библейскому выраженію, ставить ногу на землю, наступила на навозъ голой ногой и умерла отъ голода и отвращенія.

Можетъ быть, отсутствіе вождей фарисейской партіи изъ города составляетъ причину скудости извѣстій, сохранныхъ талмудомъ объ осадѣ и разрушеніи Іерусалима. Паденіе священнаго города, однако, не могло не поразить глубоко іудеевъ-патріотовъ. По разрушеніи храма, многіе фарисеи такъ далеко заходили въ своей скорби, что не хотѣли вкушать ни мяса, ни вина. Рабби Іовуа спросилъ ихъ о причинѣ такого воздержанія. Они отвѣчали: «мясо и вино возносились какъ жертва на алтарь, алтарь же нынѣ разрушенъ». — Въ такомъ случаѣ, вы не смѣете ѣсть и хлѣбъ, который также приносился, какъ жертва, не должны ѣсть плодовъ, ибо первые плоды посвящались Богу, не должны пить даже воду, ибо прежде праздновался праздникъ сотворенія водъ. — На эти возраженія фарисеи не могли дать отвѣта. — Дѣти мои, — сказалъ тогда рабби, — дозволейте наставить васъ: не скорбѣть совсѣмъ и забыть Іерусалимъ было бы столь же дурно, какъ и предаваться постоянной, безграничной печали. Невозможно налагать на вѣрующихъ такіа религиозныя обязанности, при которыхъ община существовать не можетъ, хотя отдѣльныя лица и были бы въ силахъ исполнить ихъ. Возьмите себѣ за правило заповѣдь одного изъ нашихъ мудрецовъ: если кто-либо красить свой домъ въ свѣтлую краску, то пусть онъ оставитъ темнымъ небольшой уголокъ въ напоминаніе о разрушеніи Іерусалима.

IV.

Разрушеніе храма и паденіе саддукейской аристократіи должны были выдвинуть и дѣйствительно выдвинули на первый планъ раввина и синагогу. Но раввины выходили не изъ замкнутой ограниченной среды левитовъ, а получали свой авторитетъ исключительно благодаря личнымъ достоинствамъ. Община создавала ихъ и ихъ авторитетъ держался главнымъ образомъ въ предѣлахъ преданія, хранительницей коего была также кагалъ, т.-е. община, церковь. Выше ея раввинъ стать не могъ. Одобреніе общины было критеріемъ его правоты. Самаго знаменитаго раввина могъ поразить херимъ, отлученіе,

анаема, и это наказаніе для строгаго еврея, чуждаго и враждебнаго всякой иновѣрной средѣ, было неизмѣримо ужаснѣе, нежели греческій ostracismъ, не мѣшавшій изгнаннику изъ Аѳинъ уѣхать въ Оивы, Спарту, Македонію, Персію. Херимъ до сихъ поръ—страшное наказаніе для нашихъ западныхъ евреевъ, сохранившихъ у себя средневѣковой кагалъ во всей чистотѣ. Наглядно это значеніе общины выражено въ слѣдующемъ характерномъ разсказѣ.—Въ одномъ ученomъ спорѣ религіознаго содержанія, рабби Елеазаръ отстаивалъ нѣномолебимо свое мнѣніе, но не могъ убѣдить большинство. Тщетно онъ приводилъ доказательство за доказательствомъ въ пользу своего мнѣнія, тщетно онъ выставлялъ возраженіе за возраженіемъ противъ своихъ противниковъ—его мнѣніе принято не было. Тогда онъ обратился къ чудесамъ.—Пусть смоковница, растущая предъ синагогой, свидѣтельствуешь о моей правдѣ!—воскликнулъ онъ. Смоковница сорвалась съ корней и отлетѣла на далекое разстояніе. «Дерево не доказательство»,—сказали раввины.—Пусть ручей, здѣсь текущій, свидѣтельствуешь о моей правдѣ!—продолжалъ Елеазаръ. Ручей потекъ снизу вверхъ, но и это не убѣдило ученыхъ.—Да сокрушатся стѣны синагоги, если разумныя доказательства не дѣйствуютъ!—вскричалъ Елеазаръ. Стѣны стали наклоняться, когда рабби Іозуа, одинъ изъ противниковъ, сказалъ: «зачѣмъ вы вмѣшиваетесь въ споръ ученыхъ между собою?» Тогда стѣны, изъ уваженія къ рабби Іозуа, остановились, а изъ уваженія къ рабби Елеазару,—не выпрямились.—Небо можетъ подтвердить мою правду,—возавалъ, наконецъ, рабби Елеазаръ. И раздался голосъ: «какъ смѣете вы противостоятъ рабби Елеазару? Правда всегда на его сторонѣ!» Но рабби Іозуа поднялся вновь и сказалъ: «Моисеевъ законъ не на небѣ; онъ данъ Израилю на Синаѣ, и въ немъ ясно изображено, что при изъясненіи закона должно руководиться мнѣніемъ большинства. Мы не придаемъ значенія этому голосу съ неба». Рабби Елеазаръ былъ отлученъ за свое упорство.

V.

По разрушеніи Іерусалима, два современника остались въ памяти талмудистовъ: великій кесарь Адріанъ и великій патріотъ рабби Акиба, герой и мученикъ послѣдней кровавой борьбы Израиля съ язычниками. Адріанъ является съ присущимъ ему духомъ изслѣдованія и съ тѣми странными капризами, нерѣдко

переходящими въ какую-то хладнокровную, избалованную жестокость. Приведемъ нѣсколько разсказовъ.

Кесарь Адрианъ запретилъ іудеямъ изучать божественный законъ. Рабби Акиба продолжалъ, несмотря на запрещеніе, учить въ многочисленныхъ собраніяхъ. Нѣкій Паппусъ упрекалъ его, говоря: Акиба! развѣ ты не боишься римскаго могущества? — Разскажу я тебѣ притчу, — отвѣчалъ Акиба: — лисица, прогуливаясь по берегу рѣки, замѣтила, что рыбы безпоякойно мечутся съ мѣста на мѣсто. — Чего боятесь вы? крикнула имъ лисица. — Людскихъ сѣтей! — отвѣчали ей. — Я дамъ вамъ совѣтъ, — сказала лукавый звѣрь: — выходите на сушу и проживемъ дружно вмѣстѣ, какъ то было при нашихъ предкахъ. — Напрасно же зовутъ тебя умнѣйшимъ изъ звѣрей, — отвѣчали рыбы: — твой совѣтъ доказываетъ великую глупость; если мы не безопасны въ нашей жизненной стихіи, какъ мы пойдемъ туда, гдѣ уже одно пребываніе для насъ смертельно. Тоже и теперь, — пояснилъ Акиба: — если мы въ опасности, когда занимаемся божественнымъ ученіемъ, то что же будетъ, если мы сдѣлаемся невѣрны ему? — Какъ смѣешь ты вѣновать пастыря въблизи 70 волковъ? — спрашивалъ Акибу одинъ изъ учениковъ. — Пастырь сумѣетъ защитить его и отъ 70 волковъ, — отвѣчалъ Акиба. — Акиба любилъ говорить: все хорошо, что творитъ Господь. Былъ онъ однажды въ дорогѣ и имѣлъ при себѣ пѣтуха, осла и фонарь. Настала ночь, никто не пустил его на ночлегъ, и онъ принужденъ былъ ночевать на открытомъ мѣстѣ; но ночь была преисполнена тревогъ: левъ растерзалъ осла, дикая кошка задушила пѣтуха и порывъ вѣтра погасилъ фонарь. Каждый разъ Акиба приговаривалъ: что творитъ Господь — все хорошо. — И онъ былъ правъ. Въ ту самую ночь шайка разбойниковъ, напала на негостепріимныхъ жителей и увела ихъ въ рабство. Какъ легко крикъ осла, пѣніе пѣтуха и свѣтъ фонаря могли бы выдать разбойникамъ близость несчастнаго путника и подвергнуть жизнь его величайшей опасности! — Кесарь Адрианъ шелъ съ своими легіонами воевать одну провинцію и встрѣтилъ дорогою старца, который сажалъ смоковницу. — Ты такъ старъ, — сказалъ Кесарь, — что теперь мучишься только для другихъ. — Я тружусь по привычкѣ, — отвѣчалъ старикъ, — можетъ быть, доживу и я до тѣхъ поръ, что самъ буду еще ѣсть плоды, а если не доживу, то мои дѣти будутъ пользоваться ими. Три года спустя, Адрианъ возвращался и вновь встрѣтилъ старца у дерева. Старецъ поднесъ Кесарю корзинку съ превосходными смоквами и говорилъ: — я тотъ, котораго ты, три года тому, видѣлъ на работѣ, и вотъ плоды дерева, которое я сажалъ, и я уже ѣлъ ихъ. —

Кесарь былъ очень доволенъ, велѣлъ слугамъ плоды взять, а корзину возвратить, насыпавъ ее до верху червонцами. Совершенно счастливый, поспѣшилъ старикъ домой и рассказывать о случившемся домашнимъ. Служила рассказъ и сосѣдка. Тотчасъ она пошла домой, стала выговаривать мужу за лѣность и посоветовала ему поднести корзину съ плодами кесарю, который, видимо, большой любитель ихъ. Мужъ послушался жены, но подарокъ былъ встрѣченъ дурно. Кесарь на этотъ разъ счелъ приношеніе обидой, велѣлъ этого человѣка раздѣть и закидать поднесенными плодами такъ, что все его тѣло было избито. Бѣдняга вернулся домой и сказалъ женѣ:—я очень радъ, что послушался твоего совѣта и положилъ въ корзину только мелкіе плоды; еслибы въ ней были крупныя, мое тѣло пострадало бы гораздо болѣе.

Два діалектика составались въ присутствіи кесаря въ остроуміи и убѣдительности. Одинъ избралъ предметомъ рѣчи—похвалу языку, другой долженъ былъ сказать похвалу молчанію. Первый началъ свои разсужденія; онъ указалъ, что безъ помощи языка прекрасная невѣста останется безъ гимна, не будетъ возможно ни общежитіе, ни мореплаваніе, и многое другое. Когда онъ закончилъ рѣчь, другой хотѣлъ изобразить превосходство молчанія, но противникъ закрылъ ему ротъ и помѣшалъ говорить. «Что ты тамъ дѣлаешь?» воскликнулъ разгнѣванный кесарь.—Государь, —отвѣчалъ ораторъ,—я языкомъ доказываю превосходство рѣчи, а тотъ хочетъ языкомъ доказывать превосходство молчанія: значитъ, онъ хочетъ противъ меня дѣйствовать моими же средствами.

При Адріанѣ вспыхнуло послѣднее возстаніе въ Иудеѣ. Оно сосредоточивалось около города Бетара, на югъ отъ Иерусалима. Къ этому событію въ настоящее время приурочиваютъ книгу Юдеевъ. Иудейская война была единственной войной при Адріанѣ, она продолжалась три года и, вѣроятно, на нее намекаетъ разсказъ о плодахъ. Историческія свѣдѣнія о ней скудны, а талмудъ, по обыкновенію, прикрываетъ истинный смыслъ событія подъ анекдотомъ. Бетаръ, по его сказанію, погибъ отъ телѣжнаго дышпа. Былъ въ этомъ городѣ обычай сажать кедръ при рожденіи мальчика и лиственницу при рожденіи дочери. Когда же праздновалась свадьба, то срубали деревья, посаженные при рожденіи молодыхъ, и дѣлали балдахинъ. Однажды дочь римскаго императора проѣзжала мимо, и у ней сломалось дышло. Свита ея свалила одно изъ такихъ священныхъ деревьевъ, чтобы сдѣлать изъ него новое дышло, но горожане собрались, напали на римлянъ и многихъ изъ нихъ умертвили. Когда объ этомъ узнали

въ Римѣ, кесарь страшно разгнѣвался и послалъ сильное войско, чтобы истребить городъ. Побѣдители произвели ужасную рѣзню въ городѣ.

Въ этой послѣдней борьбѣ погибъ Акиба. Въ противоположность прочимъ раввинамъ, сторонившимся отъ активной политики, Акиба былъ душой возстанія. Неутомимо ѣздилъ онъ по Палестинѣ, разжигая фанатизмъ, подготавливая средства къ борьбѣ. Евреямъ было запрещено имѣть оружіе, въ казну же они должны были давать дань мечами. По совѣту Акибы, стали представлять мечи такіе, которые браковались пріемщиками, а іудеи сохраняли и поправляли ихъ для себя. Акиба стоялъ за то, что Баръ-Кохба былъ истинный мессія и не покинулъ его до конца возстанія. Когда палъ жемессія, Акибу взяли въ плѣнъ, нѣсколько лѣтъ держали въ тюрьмѣ и потомъ предали жестокомъ истязаніямъ. Неслыханныя мученія не могли исторгнуть вопля у мученика: онъ испустилъ духъ, повторяя: эхадъ! (Единый).

Послѣдніе слѣды іудейской независимости были разрушены. Мессіаническія идеи — разсѣяны. Придетъ ли мессія, — задавали вопросъ іудеи, — и когда? На это талмудъ отвѣчаетъ: Богъ разсѣялъ Израиля между народами, чтобы многихъ людей привести къ истинной вѣрѣ. Сынъ Давидовъ придетъ тогда, когда послѣдняя монета уйдетъ изъ кошелька, когда люди совсѣмъ отрекутся отъ вѣры въ искупленіе, когда будутъ искать для больного рыбы и не найдутъ. Сынъ Давидовъ придетъ въ такое время, когда люди будутъ или всѣ добродѣтельны, или всѣ погрязнуть во грѣхахъ. Мессія явится, когда Израиль отринетъ гордыню. Израиль приравнивается въ писаніи къ маслинѣ: лишь подъ гнетомъ олива даетъ масло, лишь страданіемъ исправляется Израиль.

Антонинъ—послѣдній кесарь, о которомъ упоминаетъ талмудъ. Въ мирное и справедливое правленіе кесаря и философа, евреи не подвергались преслѣдованію и имѣли возможность отдохнуть отъ страшныхъ, перенесенныхъ ими катастрофъ. Въ тишинѣ «римскаго мира» (рах готана) работали раввины надъ обработкой талмуда и укрѣпляли свой авторитетъ въ народѣ, вновь собиравшагося подъ знаменемъ религіи въ прочную общинную организацію. Два вѣка, начавшіеся при Антонинахъ и кончавшіеся съ воцареніемъ Константина, могутъ считаться самымъ счастливымъ періодомъ исторіи евреевъ послѣ паденія Іерусалима. Талмудъ съ благодарностью вспоминаетъ Антонина, изображая его другомъ евреевъ, почти ученикомъ мудраго рабби Іуды Ганасси, одного изъ редакторовъ мишны. По сказаніямъ талмуда, импе-

раторъ принимаетъ участіе въ субботнихъ пирахъ богатаго раввина и ведетъ съ нимъ бесѣды о предметахъ вѣры. Разъ императоръ сказалъ Іудѣ, что если Богъ будетъ судить тѣла и души, то они будутъ слагать виновность свою другъ на друга; тѣло можетъ сказать: грѣшила душа, а же не способно къ грѣху съ тѣхъ поръ, какъ лежу въ могилѣ, отрѣшенное отъ души, подобно безжизненному камню; душа же можетъ возразить: мнѣ неизвѣстны страсти съ тѣхъ поръ какъ, освободившись отъ тѣла, я попусти по волѣ, какъ птица въ воздухѣ: грѣшило тѣло.

— Скажу тебѣ я притчу, — отвѣчалъ раввинъ. — У одного царя былъ прекрасный садъ, въ которомъ росли деревья съ великолѣпными плодами. Царь поставилъ для охраны сада двухъ чело-вѣкъ, одного безногаго, а другого слѣпого; онъ полагалъ, что садъ его не будетъ обобранъ самими сторожами. Но вотъ однажды безногій говорить слѣпому: какіе чудные плоды вижу я въ этомъ саду! Подними меня на плеча, мы достанемъ до деревьевъ и насладимся плодами! Вскорѣ пришелъ владѣлецъ сада и увидалъ, что на многихъ деревьяхъ нѣтъ плодовъ. — Я не виноватъ, — говорилъ безногій, — а даже двигаться не могу. — Я тоже невиненъ, ибо я ничего не вижу. — Такимъ оправданіемъ они думали избѣгнуть наказанія. Но царь проникъ ихъ лукавство, поставилъ ихъ въ то положеніе, въ которомъ они совершали кражу, и наказалъ. Точно также, — присовокупилъ раввинъ Іуда, поступаетъ и Богъ съ людьми: онъ вводитъ душу въ тѣло и произноситъ судъ надъ обоими. Тоже самое говорится въ псалмахъ: «Онъ призываетъ небо» — душу, какъ дочь неба, — «и землю» — тѣло, земную часть человѣка — «когда онъ судить свой народъ».]

Кесарь Антонинъ является послѣдней исторической личностью, которую помнить талмудъ. Дѣйствующими лицами агады послѣ него дѣлаются раввины и вмѣстѣ съ тѣмъ талмудъ теряетъ общесторическій интересъ, становясь исключительно довольно мутнымъ источникомъ извѣстій о внутренней жизни народа, поставившаго себя задачей не имѣть ничего общаго съ міромъ необрѣзанныхъ, выдѣлившаго свою жизнь изъ общаго историческаго движенія человѣчества, — пассивно и несочувственно относящагося къ населенію тѣхъ странъ, по которымъ онъ былъ разсѣянъ. Философское значеніе талмудическіе рассказы имѣютъ очень условное. Они важны лишь настолько, насколько уясняютъ намъ тотъ цѣль нравственно-религіозныхъ идей, который находился въ обиходѣ палестинскихъ евреевъ въ эпоху возникновенія христіанства. Но при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ вида, во-1-хъ, того, что письменную систематическую форму талмудъ

принять не раньше конца второго вѣка, и, во-2-хъ, что евреи издавна любили форму апокрифовъ, любили приписывать великимъ людямъ прошлаго произведенія позднѣйшихъ временъ. Оттого нельзя съ полнымъ довѣріемъ относиться ко всему, что они говорятъ въ уста Гиллелю и Шаммаи и другимъ древнимъ раввинамъ, и многое, что, казалось бы, предваряетъ христіанскую этику, на дѣлѣ вѣроятнѣе объяснять воздѣйствіемъ христіанства, воздѣйствіемъ греко-римской морали. Немного можно сказать и о поэтической сторонѣ громаднаго сборника. Въ сказаніяхъ талмуда не встрѣчается той чистоты линій, которая такъ чаруетъ въ канонической библіи и въ евангеліи. Въ концѣ почти каждаго разсказа убѣждаешься, что все сказанное придумано съ цѣлью пояснить какой-нибудь стихъ. Разсказъ оказывается шольнымъ, педагогическимъ приѣмомъ и утрачиваетъ всю прелесть непосредственнаго творчества. Тотъ народный матеріалъ, который создавался ради дополненія текста, эпическимъ порядкомъ, сохранился въ болѣе свѣжести и полнотѣ въ апокрифахъ, созданіе которыхъ одинаково принадлежитъ какъ христіанамъ, такъ и іудеямъ. Такъ какъ большинство апокрифовъ относится къ той же эпохѣ, въ которую началось и завершилось собраніе талмуда, то едва ли можно сказать что-либо о заимствованіяхъ апокрифовъ изъ талмуда. Вѣрнѣе то, что и апокрифы, и талмудъ, самостоятельно черпали свои сказанія изъ одного источника — народно-библейскихъ преданій.

«Агадическій» матеріалъ, такимъ образомъ, не представляетъ собою предмета первостепенной важности, какъ историческій и литературный матеріалъ. Талмудъ важенъ только для уясненія еврейской національности, какъ скрижалъ совѣсти этого народа, какъ памятникъ его умственной дѣятельности въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, въ которые еврейство не принимало самостоятельнаго участія во всемірно-исторической жизни; наконецъ, какъ сводъ законовъ, управлявшихъ и управляющихъ еврейскими общинами, гдѣ онѣ еще держатся прежней изолированности. Но съ этой точки зрѣнія догматическая сторона талмуда, «галаха», представляетъ болѣе законченности, опредѣленности и важности. «Агада» можетъ свидѣтельствовать объ умѣ и талантѣ законопиковъ, но личность еврейства, національная психологія этого народа можетъ быть выяснена съ достаточной полнотою лишь изъ тѣхъ нормъ дозволеннаго и запрещеннаго, надъ созданіемъ которыхъ работали лучшіе раввины и которыя составляютъ содержаніе «галахи». Изученіе «галахи», говоритъ г. Эрманъ, въ настоящее время падаетъ, и вниманіе изслѣдователей главнымъ

образомъ сосредоточено на «агадѣ». Мы, съ своей стороны, смѣемъ думать, что увлеченіе агадой въ ущербъ галахѣ не можетъ продолжаться долго, хотя бы и по скудости того литературнаго и историческаго матеріала, который она представляетъ собою. Мы полагаемъ, что безвозвратно миновало богословско-полемическое отношеніе къ талмуду; теперь трудно даже и представить себѣ повтореніе догматическихъ состязаній; но пока талмудическая литература составляетъ практическую жизненную потребность еврейства, пока іудеямъ кругъ талмудическихъ идей такъ же необходимъ, какъ, по словамъ рабби Акибы, рыбѣ вода, до тѣхъ поръ талмудъ съ исторической и социологической точекъ зрѣнія останется важнѣйшимъ источникомъ для изученія еврейства и преимущественно въ своей опредѣлительной части,—въ галахѣ.

М. СОЛОВЬЕВЪ.

РУССКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

ВЪ САТИРѢ

САЛТЫКОВА

Окончаніе).*

У. ЭССЕЮСИН ВЪ ОБЛАСТЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ САТИРЫ И РОМАНА.

Мы старались, до сихъ поръ, раскрыть тѣсную связь щедринской сатиры съ русскою общественною жизнью; мы разсматривали г. Салтыкова преимущественно какъ бытописателя современныхъ нравовъ, какъ мастера портретной и жанровой живописи. «Исторія одного города» — также сатира, но сатира, зеркало которой обращено не къ настоящему, а къ прошедшему. Если припомнить, какую роль играетъ въ щедринской сатирѣ личное чувство автора, какую силу сообщаютъ ей негодованіе, гнѣвъ, презрѣніе, возбуждаемыя въ сатирикѣ окружающею его средою, то нельзя не предположить, а priori, что конецъ «Исторіи одного города» долженъ возвышаться надъ ея началомъ, что интересъ ея долженъ расти по мѣрѣ приближенія къ нашему времени. Это предположеніе оправдывается на самомъ дѣлѣ. Всего слабѣе въ «Исторіи одного города» небольшое вступленіе, озаглавленное: «О корени происхожденія глуповцевъ»; несправедливость, выставляемую здѣсь къ «головотяпамъ», мы уже нѣтъ случая констатировать въ другомъ мѣстѣ. Въ «Сказаніи

*) См. выше: янв. 262; февр. 707; мартъ 306; апр. 667 стр.

о шести градоначальникахъ», въ «Голодномъ городѣ», въ «Фантастическомъ путешественникѣ», въ «Войнахъ за просвѣщеніе» краски положены слишкомъ густо, иронія часто переходитъ въ шаржъ, событія и лица, изображенныя въ карикатурной формѣ, становятся иногда почти неузнаваемыми. И здѣсь, конечно, встрѣчаются блестящія страницы, тонкіе штрихи, мѣткіе намеки, художественныя описанія; укажемъ, для примѣра, на картину пожара въ «Соломенномъ городѣ», на характеристику Бородавкинскаго шовинизма, на исторію борьбы изъ-за горчицы и прованскаго масла—борьбы, въ которой коса начальственной энергіи нашла, на камень пассивнаго противодѣйствія гражданъ. Каждый разъ, когда въ давно минувшемъ попадаетъ что-либо общее съ недавнимъ прошлымъ или съ настоящимъ, сатирическое вдохновеніе бьетъ ключемъ, автору возвращается вся полнота силъ, какъ Антею—при соприкосновеніи съ землею. Заключение «Голоднаго города» можетъ быть поставлено на одинъ уровень съ «Забытой деревней» Некрасова. Подобно тому, какъ бабушка Ненила и дѣвушка Наташа ждуть-не дождутся пріѣзда барина, глуповцы ждуть—не дождутся отвѣта на посланную ими просьбу; упованіе тѣхъ и другихъ одинаково глубоко и простодушное, терпѣніе—одинаково неистощимо. Сходенъ, въ обоихъ случаяхъ, и результатъ ожиданій. Въ «Забытую деревню» старый баринъ пріѣзжаетъ только мертвымъ, новый—показывается мимолетнымъ метеоромъ; въ «Голодный городъ» приходитъ, вмѣсто желаннаго отвѣта, экзекуціонный отрядъ. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ явленіями, не разъ повторявшимися, съ чертами типическими, не поддающимися приуроченію къ одной, точно опредѣленной эпохѣ. То же самое слѣдуетъ сказать и о стремленіи Бородавкина въ праву издавать законы—стремленіи, именно потому обрисовывающемся въ сатирѣ чрезвычайно ярко и рельефно. «Бородавкинъ писалъ втихомолку уставъ о нестѣсненіи градоначальниковъ законами. Первый и единственный параграфъ этого устава гласилъ такъ: ежели чувствуешь, что законъ полагаетъ тебѣ препятствіе, то, снявъ оный со стола, положи подъ себя. И тогда все сіе, сдѣлавшись невидимымъ, много тебя въ дѣйствіи облегчитъ». Не слышатся ли въ этихъ словахъ первыя ноты знаемой мелодіи, широко гармонизированной въ «Помпадурахъ и Помпадуршахъ»? Администраторъ екатерининскихъ временъ, разражающійся восклицаніемъ: «руки у меня связаны—а то бы я показалъ вамъ, гдѣ руки зимуютъ»—не является ли прямымъ предкомъ нашего современника, Митиньки Козелева, жалующагося на «недостатокъ власти» и на «иссушающую соки централизацію?»

Сочиняя «Мысли о градоначальническомъ единомыслии, а также о градоначальническомъ единовластии и о прочемъ», Василискъ Бородавкинъ очевидно опередилъ свое время. «Вору слѣдуетъ предоставить трепетать менѣе, нежели убійцѣ; убійцѣ же менѣе, нежели безбожному вольнодумцу. Сей послѣдній долженъ всегда видѣть предъ собою пронзительный градоначальническій взоръ, и оттого трепетать непрерывно... Привѣтливый видъ, благосклонный взглядъ суть такія же мѣры внутренней политики, какъ и экзекуція... Градоначальникъ обязанъ насаждать науки; но какія? Науки бываютъ равныя; однѣ трактуютъ объ удобреніи полей, о построеніи жилищъ человѣческихъ и скотскихъ, о воинской доблести и непреоборимой твердости—сіи суть полезныя; другія, напротивъ, трактуютъ о вредномъ франмасонскомъ и якобинскомъ вольномысліи, о нѣкоторыхъ, якобы природныхъ человѣку понятіяхъ и правахъ, причѣмъ касаются даже строенія міра—сіи суть вредныя». Не ясно ли, что всѣ эти правила написаны въ XIX-мъ вѣкѣ для XIX-го вѣка, а не въ XVIII-мъ для XVIII-го? Выражаясь въ такой формѣ, сатира перестаетъ быть историческою и пріобрѣтаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, всю свою обычную жгучесть. Напомнимъ еще остроумное объясненіе одной изъ самыхъ извѣстныхъ народныхъ сказокъ. «Всѣ мы знаемъ преданіе о бабѣ-Ягѣ востаной ногѣ, которая ѣздила въ ступѣ и погоняла помеломъ, и отнесимъ эти поѣздки къ числу чудесъ, созданныхъ народною фантазіею. Но никто не задается вопросомъ: почему же народная фантазія создала именно этотъ, а не иной плодъ? Еслибъ изслѣдователи нашей старины обратили на этотъ предметъ должное вниманіе, то можно бытъ заранѣе увѣреннымъ, что открылось бы многое, что доселѣ находится подъ спудомъ тайны. Такъ, напримѣръ, навѣрное обнаружилось бы, что происхожденіе этой легенды чисто административное, и что баба-Яга была не кто иное, какъ градоправительница или, пожалуй, посадница, которая, для возбужденія въ обывателяхъ спасительнаго страха, именно этимъ способомъ путешествовала по вѣренному ей краю, причѣмъ забирала встрѣчавшихся по дорогѣ Иванушекъ, и, возвратившись домой, восклицала: покатаюся, поваляюся, Иванушкина мясца поѣвши».

Если уже Бородавкинъ, державшій въ своихъ рукахъ судьбы глуховцевъ—по свидѣтельству «описи градоначальниковъ»—съ 1779 по 1798 г., стоитъ одной ногой въ болѣе современной дѣйствительности, то еще ближе къ ней, еще понятнѣе и интереснѣе для насъ преемники Бородавкина: Беневоленскій, Прищъ, Грушниковъ, Угрюмъ-Бурчеевъ. Въ каждомъ изъ нихъ мы находимъ

не только знакомыя историческія черты, но и тенденціи, не совсѣмъ ставшія достояніемъ одной исторіи. Въ какой степени Беневоленскій похожъ на Сперанскаго—это, конечно, вопросъ, въ нашихъ глазахъ, второстепенный; наше вниманіе останавливается преимущественно на тѣхъ затѣяхъ чиновнаго семинариста, въ которыхъ устарѣла только форма. «Хотя въ російской державѣ, — представляетъ Беневоленскій по начальству, — законами изобильно, но всѣ таковыя по разнымъ дѣламъ разбѣлелись, и даже весьма уповательно, что большая ихъ часть въ бывшіе пожары сгорѣла. И того ради, существенная видится въ томъ нужда, дабы можно было мнѣ, яко градоначальнику, издавать, для скорости, собственнаго моего умысла законы, хотя бы даже не перваго сорта, но втораго или третьяго. Въ сей мысли еще болѣе меня утверждаетъ то, что городъ Глуховъ, по самой природѣ своей, есть, такъ сказать, область второзаконія, для которой нѣтъ даже надобности въ законахъ отяготительныхъ и многосмысленныхъ». Не напоминаетъ ли это представленіе толстолобовскаго проекта, направленнаго къ расширенію губернаторской власти (см. «Дневникъ провинціала въ Петербургѣ»)? Одни ли двадцатые годы проносятся передъ нашею мыслью, когда мы читаемъ слѣдующія слова Прыща: «въ сраженіяхъ не бывалъ, но въ парадахъ закаленъ даже сверхъ пропорціи. Новыхъ идей не понимаю. Не понимаю даже того, зачѣмъ ихъ слѣдуетъ понимать»? Грустиловъ, съ своею Пфейфершей, съ Аксиной и Парамоней — фигура весьма опредѣленная; но идеалъ, къ которому онъ стремился — поголовное хожденіе глуховцевъ во всенощной и назначеніе Парамони инспекторомъ-наблюдателемъ всѣхъ глуховскихъ училищъ — пережилъ своего творца и не былъ вовсе сложенъ со счетовъ. Угрюмъ-Бурчеевъ не менѣе реаленъ, чѣмъ Грустиловъ; но развѣ ограниченная прямолинейность и неуклонная исполнительность — качества, принадлежащія только ему одному? Развѣ борьба съ стихіями не повторялась, послѣ него, въ лѣтописяхъ Глупова? Развѣ «казарма», какъ послѣднее слово развитія и жизни, сошла со сцены вмѣстѣ съ нимъ и больше не появлялась на горизонтѣ?.. Удручающее впечатлѣніе, производимое послѣдними главами «Исторіи одного города», объясняется именно тѣмъ, что въ образахъ прошедшаго чувствуется неистощенная еще живучесть, что область привидѣній не можетъ быть строго отграничена отъ области возможныхъ фактовъ.

Спѣшимъ оговориться: если «Исторія одного города» тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе къ современности, то это еще не значитъ, чтобы историческая сатира была жапромъ безусловно фальши-

ныиъ, не имѣющимъ права на существованіе. Никакихъ внѣшнихъ, неподвижныхъ границъ искусство не знаетъ; формы его до крайности разнообразны, абсолютно отрицать одну изъ нихъ нѣтъ основанія. Если сатирикъ, по свойству своего таланта, останавливается не столько на возмутительныхъ, сколько на смѣшныхъ сторонахъ предмета, если главное орудіе его—не негодованіе, а насмѣшка, онъ можетъ найти подходящія темы одинаково легко и въ прошедшемъ, и въ настоящемъ. Теккерей остается сатирикомъ не только въ «Ярмаркѣ тщеславія» дѣйствіе которой происходитъ лѣтъ за тридцать до времени появленія романа, но и въ «Виргинцахъ», относящихся къ половинѣ XVIII вѣка. Совершая экскурсію въ болѣе или менѣе отдаленное прошедшее, сатирикъ сохраняетъ, притомъ, полную возможность задѣвать, мимоходомъ, современниковъ и современность, проводить параллели, дѣлать вылазки, рассыпать, по нѣмецкому выраженію, боковые удары (Seitenhiebe). Другое дѣло, если преобладающая черта, господствующее чувство сатирика—именно негодованіе. Оно можетъ, правда, быть и ретроспективнымъ, оно можетъ быть возбуждаемо и давно минувшими явленіями, давно исчезнувшими лицами или учрежденіями—инквизиціей, опричниной, герцогомъ Альбой, Филиппомъ II, Иваномъ Грознымъ; но доводить его до высшей напряженности и энергіи, дѣлать его востраженнымъ и плодотворнымъ дано только настоящему—или тому, что едва перестало быть настоящимъ. Щедринской сатирѣ, черпающей свою силу именно въ чувствѣ гнѣва и скорби, тѣсно во всякой другой сферѣ, кромѣ животрепещущей, то подавляющей, то возмущающей, рѣдко радующей, но всегда волнующей и возбуждающей дѣйствительности. Заключенная въ историческую рамку, она рвется отсюда въ родную, привычную среду—но даже въ этихъ порывахъ не всегда достигаетъ той высоты, на которую возносятся такъ легко при другихъ, болѣе благоприятныхъ условіяхъ. При всемъ мастерствѣ формы, «Исторія одного города» стоитъ, въ нашихъ глазахъ, не на одномъ уровнѣ съ лучшими произведеніями г. Салтыкова.

Одно изъ первыхъ мѣстъ между ними занимаетъ, за то, единственный романъ, написанный сатирикомъ—«Господа Головлевы». Мы видѣли уже, какъ ярко отразилась въ немъ язва крѣпостного права, подъ ядовитой тѣнью котораго только и могла сложиться семья Головлевыхъ. Головлевы—это русскіе Ругонъ-Маккары, выведенные на сцену безъ трубныхъ звуковъ à la Zola, безъ торжественныхъ манифестовъ о научномъ, экспериментальномъ романѣ, но иллюстрирующіе законъ наследствен-

ности, насколько онъ можетъ быть иллюстрированъ художественнымъ произведеніемъ. Грубый эгоизмъ Арины Петровны переходитъ у Порфірія Владимірыча—Иудушки—въ полнѣйшее безсердечіе, въ холодную, почти безсознательную жестокость; «пришибленная озорливость» Владиміра Михайлыча повторяется въ сыновьяхъ его Степанѣ и Павлѣ, вырождается, въ слѣдующемъ поколѣніи, въ безпомощную дряблость Анниньки и Любиньки, Петиньки и Володи. Воспитаніе, уродливое, бессмысленное, не знающее срединны между нелѣпнымъ баловствомъ и еще болѣе нелѣпою строгостью, довершаетъ дѣло, начатое кровью; во всей позднѣйшей жизни Головлевыхъ не встрѣчается ничего, что могло бы противоdѣйствовать унаслѣдованнымъ и пріобрѣтеннымъ съ дѣтства недугамъ. Передъ нами проходитъ скорбный листъ семейной психической болѣзни, то скрытой, то явной: у Степана Владимірыча принимающей форму слабоумія, у Иудушки—форму мономаніи. Господа Головлевы—не сумасшедшіе въ полномъ смыслѣ этого слова, но *поврежденные* (*détraqués*), поврежденные совокупнымъ дѣйствіемъ физиологическихъ и общественныхъ условій. Внутренняя жизнь несчастныхъ, искореженныхъ людей изображена съ такой полнотой, съ такой рельефностью, какой рѣдко достигаетъ и наша, и западно-европейская литература. Сравнимъ, напримѣръ, картины пьянства въ «*Assommoir*», у Золя и въ «Господахъ Головлевыхъ». Бѣлая горячка, отъ которой умираетъ Купо, описана не столько рукою художника, сколько рукою медика; мы видимъ конвульсивную дрожь больного, его кривлянья, его отчаянный предсмертный танецъ, слышимъ его стоны, его безсвязанныя рѣчи; нами овладѣваетъ чисто-физическое чувство ужаса и отвращенія, едва оставляющее мѣсто для состраданія. Степанъ Головлевъ—такой же больной, какъ и Купо; но его наблюдаетъ не натуралистъ, а психологъ. Драма, хватающая за сердце, коренится здѣсь не въ мукахъ, причиняемыхъ страшной болѣзью, а въ глухомъ, смутномъ процессѣ, переживаемомъ еле теплящеюся, угасающею душою. «Не сразу приступалъ онъ къ водкѣ, а словно подбавлялся къ ней. Кругомъ все засыпало мертвымъ сномъ; только мыши сереблись за отставшими отъ стѣнъ обоями, да часы назойливо чикали въ конторѣ. Снявши халатъ, въ одной рубашкѣ, сновалъ онъ взадъ и впередъ по жарко натопленной комнатѣ, по временамъ останавливался, подходилъ къ столу, напаривалъ въ темнотѣ штофъ и вновь принимался за ходьбу. Первые рюмки онъ выпивалъ съ прибаутками, сладострастно всасывая въ себя жгучую влагу; но мало-по-малу біеніе сердца учащалось, голова загоралась и

языкъ начиналъ бормотать что-то несвязное. Притупленное воображеніе слагалось создать какіе-то образы, помертвѣлая память пробовала прорваться въ область прошлаго; но образы выходили разорванные, бессмысленные, а прошлое не откликалось ни единымъ воспоминаніемъ, ни горькимъ, ни свѣтлымъ, словно между нимъ и настоящей минутой разъ навсегда встала плотная стѣна... Но по мѣрѣ того, какъ убывало содержаніе штофа, даже и скудное чувство настоящаго становилось не подъ силу. Бормотанье, имѣвшее въ началѣ хоть какую-нибудь форму, окончательно разлагалось; зрачки глазъ, усиливаясь различить очертанія тьмы, безмѣрно расширялись; самая тьма, наконецъ, исчезала, и вмѣстѣ ея являлось пространство, наполненное фосфорическимъ блескомъ. Это была безконечная пустота, мертвая, не откликающаяся ни единымъ жизненнымъ звукомъ, зловѣще-лучезарная. Она слѣдовала за нимъ по пятамъ, за каждымъ оборотомъ его шаговъ. Ему становилось страшно; ему нужно было заморить въ себѣ чувство дѣйствительности до такой степени, чтобы даже пустоты этой не было. Еще нѣсколько усилій — и онъ былъ у цѣли... Эффектъ, производимый этой картиной, поразителенъ — а между тѣмъ, онъ достигнутъ самыми простыми средствами. Тутъ нѣтъ ни клиническихъ терминовъ, ни стенографически записаннаго бреда, ни буквально воспроизведенныхъ галлюцинацій; съ помощью нѣсколькихъ лучей свѣта, брошенныхъ въ глубокую тьму, передъ нами возстаетъ послѣдняя, отчаянная вспышка безплодно погибшей жизни. Въ пьяницѣ, почти дошедшемъ до животнаго оупѣнія, мы узнаемъ человека. Вино будить въ немъ какіе-то забытые порывы, заставляетъ искать чего-то если не въ будущемъ, то въ прошедшемъ. Потребность въ счастьѣ, живучая до конца, поднимается со дна души, не сознаваемая, едва чувствуемая, но все еще мучительная; заглушить ее можетъ только полное забвеніе. Попытка бѣгства, неизвѣстно куда и неизвѣстно зачѣмъ — логическій исходъ изъ того душевнаго состоянія, въ которомъ мы видимъ Степана Головлева; зачѣмъ ему остается только молчать и умереть, «закутавшись въ черное облако, поглотившее весь его физическій и умственный міръ».

Степанъ Головлевъ никому не принесъ пользы, но никому не сдѣлалъ и вреда. Нельзя сказать того же самаго объ Аринѣ Петровнѣ; скаредная, черствая старуха, попрекающая внучекъ каждой тряпкой, каждымъ кускомъ хлѣба, содержащая постылаго сына «въ такой только мѣрѣ, чтобы онъ не умеръ съ голоду», способна возбудить, повидимому, одно омерзѣніе. Еще

отвратительнѣе Іудушка, этотъ виртуозъ лицемѣрія, нравственный убійца своихъ дѣтей, никогда не забывающій служить по нимъ заупокойныя обѣдни. И что же? наступаетъ минута, когда мы чувствуемъ нѣчто въ родѣ состраданія не только къ Аринѣ Петровнѣ, но и къ Порфирію Владимірычу. Арина Петровна становится жалкой уже тогда, когда развѣнчанная, добровольно подѣлывшая имѣніе между сыновьями и этимъ самымъ сразу лишившаяся всякаго значенія, она начинаетъ сознавать себя бесполезной, лишней, и вмѣстѣ съ тѣмъ задавать себѣ вопросъ, имѣла ли какой-нибудь смыслъ вся ея прежняя жизнь. «Слезы такъ и лились изъ потухшихъ глазъ по старческимъ, засохшимъ щекамъ, задерживаясь въ углубленіяхъ морщинъ и капаая на замасленный воротъ старой ситцевой блузы. Это было что-то горькое, полное безнадежности и вмѣстѣ съ тѣмъ безсильно строптивое. И старость, и немощи, и безпомощность положенія— все, казалось, призывало ее къ смерти; но, въ то же время, замѣшивалось и прошлое съ его властью, довольствомъ и просторомъ, и воспоминанія этого прошлаго такъ и вливались въ нее, такъ и притягивали ее къ землѣ. Умереть бы! мелькало въ ея головѣ, а черезъ мгновенье то же слово смѣнялось другимъ: пожить бы!.. Всю-то жизнь она что-то устранивала, надъ чѣмъ-то убивалась, а оказывается, что убивалась надъ призракѣмъ. Всю жизнь слово *семья* не сходило у нея съ языка—и вдругъ выходитъ, что семьи-то именно у нея и нѣтъ!» Сама воспитанная и воспитавшая другихъ въ лицемѣріи, она вдругъ начинаетъ болѣзненно чувствовать его; пустословіе Іудушки надъ свѣжей могилой брата поражаетъ ея слухъ непривычной фальшивой нотой. «Какъ будто какой-то свѣтъ пролился у ней передъ глазами, и вся эта комедія, къ повторенію которой она съ малолѣтства привыкла, въ которой сама всегда участвовала, вдругъ показалась ей совсѣмъ новою, невиданною». Порфирій Владимірычъ, съ своей стороны, точно старается предстать передъ маменькой во всей красѣ; сцена съ тарантасомъ, которою заканчивается глава: «По родственному», поистинѣ ужасна. Съ устъ Арины Петровны чуть не срывается проклятіе; но она превозмогаетъ себя—и время, старческая слабость, одиночество, привычка къ матеріальному комфорту и чревоугодничеству опять сближаютъ ее съ сыномъ. Она принимаетъ его подарочки, ѣздитъ къ нему въ гости, охотно выслушиваетъ его безконечную болтовню, играетъ въ карты съ его «вралей»; однажды запавшая искра таятся, однако, подъ пепломъ и вспыхиваетъ яркимъ огнемъ, когда Порфирій Владимірычъ спокойно обрезааетъ послѣд-

ито сына на гибель и безчестіе. Вмѣстѣ съ этимъ огнемъ потухаетъ и самая жизнь Арины Петровны; ея натура, закоренѣлая въ мелкомъ эгоизмѣ, не выдерживаетъ перваго столкновенія съ чѣмъ-то похожимъ на искреннее чувство, на участіе къ чужому горю.

Смерть двухъ братьевъ, обоихъ сыновей, матери оставляетъ Іудушку безмятежнымъ и равнодушнымъ. Когда умерла Арина Петровна, «онъ не понимаетъ, что открывавшаяся передъ его глазами могила уносила послѣднюю связь его съ живымъ міромъ, послѣднее живое существо, съ которымъ онъ могъ дѣлить прахъ, наполнявшій его—и что отнынѣ этотъ прахъ, не находя для себя истока, будетъ накапливаться въ немъ до тѣхъ поръ, пока окончательно не задушитъ его». Процессъ накопленія праха продолжается долго; Іудушка успѣваетъ порвать еще одну связь, которая могла бы соединить его съ жизнью—онъ отсылаетъ въ воспитательный домъ сына, котораго родила ему Евпраксеюшка. Какъ ни апатична іудушкина «корова», материнское чувство говорить и въ ней; безмолвно несшая свое иго, она возстаетъ теперь противъ Іудушки и переворачиваетъ вверхъ дномъ тѣ домашніе порядки, которые, за отсутствіемъ другихъ интересовъ, служили какъ бы составною частью его жизни. Крушеніе привычекъ привело къ тому, къ чему не могло привести крушеніе семьи; оно сломило Іудушку, опрокинуло тѣ стѣны, за которыми такъ долго оставался невредимымъ его душевный міръ. Запой, сгубившій Степана и Павла Головлевыхъ, давно поджидалъ послѣдняго представителя «выморочной» семьи—и навалился на него, какъ только онъ очутился беззащитнымъ. Немного найдется страницъ болѣе мрачныхъ, болѣе трагическихъ, чѣмъ конецъ головлевской эпопеи. «Ужасная правда освѣтила его совѣсть, но освѣтила поядно, безъ пользы, уже тогда, когда передъ глазами стоялъ безповоротный и непоправимый фактъ... Такія пробужденія одичалой совѣсти бываютъ необыкновенно мучительны. Не видя никакого просвѣта спереди, совѣсть не даетъ примиренія, а только безвѣчно и бесплодно терзаетъ. Человѣкъ видитъ себя въ каменномъ мѣшкѣ, безжалостно отданнымъ въ жертву агоніи раскаянія—именно одной агоніи, безъ надежды на возвратъ къ жизни. И никакого иного средства утишить эту бесплодно разъѣдающую боль, кромѣ шанса воспользоваться минутою мрачной рѣшимости, чтобы разбить голову о камни мѣшка». Мысль о саморазрушеніи постепенно зрѣетъ въ больной душѣ, овлаждая ею, наконецъ, съ неодолимой силой. Она связывается съ потребностью въ прощеніи—но прощенія Іудушка можетъ

просить только у мертвыхъ; вокругъ него не оставалось никого изъ тѣхъ, которымъ онъ нанесъ смертельныя обиды. «Надо меня простить,—говорить онъ Аннинъ:—за всѣхъ... и за себя, и за тѣхъ, которыхъ ужъ нѣтъ... Что такое! что такое сдѣлалось?—почти растерянно восклицалъ онъ, озираясь кругомъ:—гдѣ... *остъ?*..» Ближе всего изъ этихъ *остъ* была къ нему мать, т.-е. могила матери; онъ идетъ туда «проститься», но «проститься не такъ, какъ обыкновенно прощаются, а пасть на землю и застыть въ вопляхъ смертельной агоніи». Его находятъ замерзшимъ на дорогѣ къ кладбищу.

Оправившись отъ глубокаго впечатлѣнія, производимаго агоніею и смертію Іудушки, читатель можетъ спросить себя, вѣроятна ли эта развязка, вытекаетъ ли она изъ характера, изъ всей жизни Порфірія Головлева? Можно ли допустить, чтобы изолгавшійся, пустоутробный человѣкъ, вѣрившій только въ форму и всегда строго ее соблюдавшій, заключившій разъ навсегда «сдѣлку съ небомъ» и неуклонно исполнявшій ее постомъ, воедѣваніемъ рукъ, молитвами въ узаконенное и не узаконенное время—чтобы такой человѣкъ былъ способенъ къ раскаянію, къ упрекамъ совѣсти, доводящимъ до «саморазрушенія»? Намъ кажется, что г. Салтыковъ ни въ чемъ не отступилъ отъ психологической правды. Необходимо помнить, что «Іудушка не былъ лицемѣромъ въ смыслѣ Тартюфа или современнаго французскаго буржуа, соловьемъ разсыпающагося по части общественныхъ основъ». Онъ былъ «лицемѣръ чисто русскаго пошиба, то-есть просто человѣкъ, лишенный всякаго нравственнаго мѣрила и не знающій иной истины, кромѣ той, которая значится въ азбучныхъ прописяхъ. Онъ былъ невѣжествомъ безъ границъ, сутяга, лгунъ, пустословъ и, въ довершеніе всего, боялся чорта». Никого не любя, ничего не уважая, замѣняя отсутствующее содержаніе жизни массой мелочей, отсутствующій трудъ—массой ни къ чему не ведущихъ, безтолковыхъ занятій, онъ могъ быть спокоенъ и по своему счастливъ, пока кругомъ него, не прерываясь ни на минуту, шла придуманная имъ самимъ суматоха. Внезапная ея остановка должна была разбудить его отъ сна наяву, подобно тому, какъ просыпается мельникъ, когда перестаютъ двигаться мельничныя колеса. Однажды очнувшись, онъ долженъ былъ почувствовать страшную пустоту, долженъ былъ услышать голоса, заглушавшіеся до тѣхъ поръ шумомъ искусственнаго водоворота. Давленію наслѣдственныхъ инстинктовъ противодействовала одна привычка къ внѣшнему, грубо, но прочно сколоченному порядку; съ паденіемъ этого оплота должна была хлынуть

вода и затопить болотистую низину. Совѣсть есть и у Іудушекъ; по мѣткому выраженію г. Салтыкова, она можетъ быть только «загнана и позабыта», можетъ только утратить, до поры до времени, «ту дѣятельную чувствость, которая обязательно напоминаетъ человѣку о ея существованіи». При другихъ обстоятельствахъ, Порфирій Владимірычъ могъ, конечно, благополучно дожить до глубокой старости и спокойно умереть въ своей постели; но художникъ не обязанъ избирать для своихъ героевъ самый заурядный исходъ—мы въ правѣ требовать отъ него только исхода возможнаго, правдоподобнаго. Въ Іудушкѣ, какъ и въ Аринѣ Петровнѣ, какъ и въ Разумовѣ («Больное мѣсто»), г. Салтыковъ сумѣлъ отыскать человѣческую черту—и это совершенно согласно съ истиной; такая черта хранится во всякой душѣ—не всякій только способенъ разглядѣть ее сквозь наносный слой, придавившій ее своею тяжестью.

Арина Петровна и Порфирій Владимірычъ выступаютъ на сцену совсѣмъ сложившимися, готовыми; на нашихъ глазахъ совершается въ нихъ только одна перемѣна — послѣдняя передъ концомъ. Исторія Анниньки проходитъ передъ нами вся; мы видимъ ее забитой, загнанной дѣвочкой—стремящейся куда-то дѣвицей—актрисой, изнемогающей въ неравной борьбѣ съ обстановкой—падшей женщиной, ищущей забвенія въ обычномъ головлевскомъ ресурсѣ. Жизнь провинціальной актрисы изображена г. Салтыковымъ съ замѣчательнымъ искусствомъ; изъ немногихъ, рѣзкихъ штриховъ слагается картина, особенно поразительная тогда, когда она рисуется въ воспоминаніяхъ Анниньки. «Ахъ, еслибъ все это забыть! Еслибъ можно было хоть въ мечтѣ создать что-нибудь иное, какой-нибудь волшебный міръ, который заслонилъ бы собою и прошедшее, и настоящее! Но увъ! дѣйствительность, которую она пережила, была одарена такою жгучею живучестью, что подъ гнетомъ ея сами собой потухали всѣ проблески воображенія. Напрасно мечта усиливается создать ангельчиковъ съ серебряными крылышками — изъ-за этихъ ангельчиковъ неумолимо выглядываютъ Кукишевы, Люльбины... Господи! да неужто же все утрачено? неужто даже способность лгать, обманывать себя—и та потонула въ ночныхъ кутежахъ, въ винѣ и развратѣ? Надо, однакожъ, какъ-нибудь убить это прошлое, чтобъ оно не отравляло крови, не рвало на куски сердца! Надо, чтобъ на него легло что-нибудь тяжелое, которое раздавило бы его, уничтожило бы совсѣмъ, до тла!» Сколько призма въ этихъ словахъ, что за пѣснь отчаянія, мрачнаго, без-

предѣльнаго, не скрашиваемаго ни величіемъ потери, ни рѣшительностью «возстать на море бѣдъ и кончить съ нихъ борьбою!»

Приведенной нами цитатой далеко не исчерпывается лиризмъ «Господъ Головлевыхъ»; онъ разлитъ въ нихъ широкой струей, какъ и въ «Дворянской хандрѣ», какъ и въ «Большомъ мѣстѣ». Авторъ часто прерываетъ ходъ разсказа, говоритъ отъ собственнаго лица; напомнимъ, напримѣръ, объясненіе Іудушкина лицемѣрія, сравненіе Іудушки съ Тартюффомъ. Уменьшается ли отъ этого художественное значеніе романа? Нисколько. «Господа Головлевы» служатъ лучшимъ опроверженіемъ новѣйшихъ ультра-натуралистическихъ теорій, предписывающихъ романисту полнѣйшее спокойствіе и безстрастіе, безусловно-объективное отношеніе къ предмету. Кто спокоенъ по природѣ, безстрастенъ безъ насилія надъ собою, кто преслѣдуетъ только красоту формы, заботится только о «бронзовомъ» или «мраморномъ» слоgѣ, тотъ пускай и пишетъ по новому рецепту; онъ можетъ создать прелестныя произведенія, занять высоекое мѣсто въ литературѣ—но величайшей ошибкой было бы думать, что нельзя достигнуть той же цѣли другими путями. Разнообразіе художественныхъ формъ такъ же безконечно, какъ разнообразіе темпераментовъ и дарованій; ни одна изъ нихъ не имѣетъ абсолютнаго преимущества передъ другими. Субъективное чувство можетъ быть черезъ край, можетъ выражаться въ отступленіяхъ, въ апострофахъ, въ лирическихъ порывахъ—романъ отъ этого ничего не теряетъ, лишь бы только не была нарушена мѣра, не былъ забытъ художественный тактъ, одинаково необходимый для всѣхъ родовъ искусства. «Господа Головлевы»—произведеніе не безупречное, не совершенное; въ нѣкоторыхъ частяхъ его чувствуется растянутасть, встрѣчаются повторенія; замѣтно, что оно создано не сразу (не aus einem Gusse), кое-гдѣ проглядываютъ бѣлыя нитки; Арина Петровна, похороненная въ главѣ: «Племяннушка», опять является на сцену въ слѣдующей главѣ: «Недозволенные семейныя радости». Всѣ эти небольшія пятнышки едва вредятъ, однако, общему впечатлѣнію, усиливаемому именно тѣми мѣстами, которыя всего меньше выдержали бы «экспериментальную» критику.

Въ области искусства нѣтъ точныхъ демаркаціонныхъ линій. Какъ разсказъ, вращающійся около нѣсколькихъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, имѣющій завязку и развязку, «Господа Головлевы» и могутъ, и должны быть названы романомъ; но это не мѣшаетъ имъ имѣть множество точекъ соприкосновенія съ щедринской сатирой. Іудушка—не только продуктъ данной помѣщичьей семьи, развращенной вѣрнопостнымъ правомъ и быстрыми

шагами идущей къ полному вырожденію; онъ принадлежитъ русскому обществу, какъ крайній представитель одной черты, до сихъ поръ широко у насъ распространенной. Сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ мы его видимъ, онъ могъ только оставаясь совершенно чуждымъ всякому общему интересу. Мы не станемъ утверждать, чтобы та политѣйшая умственная изолированность, въ которую погруженъ Іудушка, была немислима въ Западной Европѣ; но она встрѣчается тамъ, безъ сомнѣнія, гораздо рѣже, чѣмъ въ Россіи — особенно въ Россіи до-реформенной, воспитавшей Порфирія Головлева. Когда Іудушка поселился въ деревнѣ, всякая связь между нимъ и внѣшнимъ міромъ окончательно порвалась. «Онъ не получалъ ни газетъ, ни книгъ, ни даже писемъ. Густая атмосфера невѣжественности, предразсудковъ и кропотливаго переливанія изъ пустого въ порожнее царила кругомъ него, и онъ не ощущалъ ни малѣйшаго поползновенія освободиться отъ нея. Даже о томъ, что Наполеонъ III уже не царствуетъ, онъ узналъ лишь черезъ годъ послѣ его смерти, отъ станового пристава». За границей нужно много потрудиться, чтобы замуравить себя отъ свѣта такой глухой стѣной; въ Россіи она еще недавно выросла сама собою, да и всегда воздвигалась безъ большихъ усилій. Чѣмъ темнѣе подвалъ, тѣмъ больше въ немъ плѣсени; чѣмъ меньше въ обществѣ движенія и жизни, чѣмъ слабѣе участіе его въ собственныхъ дѣлахъ своихъ, тѣмъ больше въ немъ Іудушекъ. Порфирій Владиміръчъ Головлевъ стоитъ на нижней ступени той самой лѣстницы, на которой мы видѣли Положиловыхъ, Разумовыхъ, Филофеевъ Павличей, кузинъ Машенекъ и многихъ другихъ героевъ и героинь щедринской сатиры.

VI. ОБЩИЕ ИТОГИ.

Приближаясь къ концу нашего длиннаго этюда, мы должны прежде всего сказать нѣсколько словъ именно въ оправданіе его длины. Несмотря на всю популярность г. Салтыкова, сочиненія его, рассматриваемыя какъ одно цѣлое, извѣстны читающей публикѣ гораздо меньше, чѣмъ сочиненія другихъ писателей, стоящихъ, вмѣстѣ съ нимъ, въ первыхъ рядахъ нашей литературы. Объясняется это отчасти самымъ числомъ и объемомъ его произведеній, отчасти содержаніемъ ихъ. Романъ, при равенствѣ остальныхъ условій, гораздо сильнѣе врѣзывается въ память, гораздо чаще перечитывается, чѣмъ сатира — въ особенности сатира безличная, публицистическая, какою она сплошь и рядомъ бываетъ у г. Салтыкова. У нея нѣтъ того твердаго

остова, какимъ служить дѣйствіе въ романѣ; ея составныя части не такъ крѣпко цѣпляются одна за другую и потому легче упускаются изъ виду. Подчеркивать, освѣщать ихъ внутреннюю связь — дѣло критики; но мы уже знаемъ, что критика едва касалась г. Салтыкова. Вотъ первая причина, заставившая насъ отвести такъ много мѣста цитатамъ. Этого требовало, далѣе, самое свойство нашей задачи. Мы хотѣли показать, какъ отразилась въ щедринской сатирѣ русская общественная жизнь за цѣлую четверть вѣка — и не могли достигнуть этой цѣли безъ обширныхъ выписокъ, изъ которыхъ многія имѣютъ уже теперь чисто-историческое значеніе. Намъ нужно было, наконецъ, установить, если можно такъ выразиться, *документально* сущность взглядовъ, толкуемыхъ веривъ и вѣось, извращаемыхъ до неузнаваемости.

Не ошибочна ли, однако, наша исходная точка? Такъ ли много общаго между дѣятельностью г. Салтыкова и теченіемъ общественной жизни, чтобы можно было разсматривать первую въ постоянной связи съ послѣднимъ? Насъ хотѣть увѣрить, что г. Салтыковъ — сказочникъ, а не бытописатель, что «фантастическіе узоры», имъ вышиваемые, не могутъ служить матеріаломъ для изученія нашей эпохи. «Будущій историкъ», — говорятъ намъ съ большою увѣренностью, — не посмотритъ на картины г. Салтыкова, какъ на снимки или отраженія дѣйствительности; онъ увидитъ въ нихъ блестящую фантазію, которая жила, питалась и обогащалась явленіями жизни и выродилась въ чудесный фарсъ, *въ которомъ такъ же было бы бесполезно искать дѣйствительности, какъ и въ сказкахъ Гофмана*»¹⁾. Любопытно узнать, какъ смотреть на занимающій насъ вопросъ самъ г. Салтыковъ. «Писанія мои, — говоритъ онъ въ «Кругломъ годѣ» (стр. 138), — до такой степени проникнуты современностью, такъ плотно прилегаютъ къ ней, что ежели и можно думать, что они будутъ имѣть какую-нибудь цѣнность въ будущемъ, то именно и единственно, какъ иллюстрація этой современности». «Моя дѣятельность, — читаемъ мы въ «Письмахъ къ тетенькѣ» (стр. 296—9), — почти исключительно посвящена злобамъ дня. Очень возможно, что съ точки зрѣнія высшаго искусства это дѣятельность весьма ограниченная, но такъ какъ я нисколько другихъ претензій не заявляю, то, мнѣ кажется, что и критика въ правѣ прилагать ко мнѣ свои оцѣнки только съ этой точки зрѣнія, а не съ иной... Я ничего не создаю, ничего лично мнѣ одному принадлежащаго не формулирую, а даю только то, чѣмъ болитъ въ

¹⁾ См. „Новости“ № 89, статья г. Чуйко.

данную минуту каждое честное сердце... Это самое я всегда мыслю, говорить (мой) читатель, и пускает вычитанное въ общій обиходъ, какъ свое собственное. И онъ не совершаетъ при этомъ ни малѣйшаго плагиата, потому что дѣйствительно эти мысли—его собственныя, точно такъ же, какъ я не совершаю плагиата, формулируя мысли и чувства, волнующія въ данный моментъ меня наравнѣ съ читающей массой. Ибо эти мысли и чувства—тоже мои собственныя». Итакъ, вся дѣятельность г. Салтыкова, въ собственныхъ глазахъ его, неразрывно связана съ современностью, прямо отражаетъ въ себѣ настроенія переживаемой нами эпохи. Мнѣніе писателя о самомъ себѣ—въ особенности писателя-мыслителя, какимъ никто, конечно, не откажется признать г. Салтыкова—тяжело ложится на вѣсы, но рѣшающаго значенія оно все-таки имѣть не можетъ. Оно требуетъ повѣрки—если только въ умѣ читателей не сложилось уже заранѣе убѣжденіе въ его правильности. Къ такому убѣжденію ведетъ каждый крупный образъ, созданный сатирикомъ. Неужели же Деруновъ, кузина Машенька, Ѳединька Неугодовъ—сказочныя фигуры, плоды досужей фантазіи? Неужели «столпы», съ ихъ подкопами подъ Монрепо и подъ мужика, съ ихъ побѣдоноснымъ шествіемъ впередъ, существуютъ только въ воображеніи автора? Неужели наша дѣйствительность не представляетъ ни Аннетовыхъ и Парначевыхъ, выживаемыхъ изъ деревни официальными и не-официальными «сердцевѣдцами», ни Сеничекъ, наводящихъ страхъ даже на родного отца, ни графовъ Твердо-онто, регулирующихъ циркулярами благосостояніе народа? Если бы объекты щедринской сатиры не были взяты прямо изъ жизни, какимъ образомъ прозвища ея героевъ могли бы сдѣлаться именами нарицательными, наименованіями для типовъ? Ставить г. Салтыкова рядомъ съ Гофманномъ можно развѣ потому, что между произведеніями перваго есть нѣсколько сказокъ—но это сказки только по названію, по формѣ; въ содержаніи ихъ сказочнаго крайне мало. Гофманнъ оставался въ области фантазіи даже когда говорилъ о дѣйствительности; г. Салтыковъ остается на почвѣ дѣйствительности, даже когда даетъ волю своей фантазіи. Припомнимъ рассказъ о дикомъ помѣщикѣ, повѣсть о томъ, «какъ одинъ мужикъ двухъ генераловъ прокормилъ», картину суда надъ пискаремъ въ одной изъ послѣднихъ книжекъ «Отечественныхъ Записокъ»; неужели изъ-за «фантастическихъ узоровъ» здѣсь трудно разглядѣть реальную, очень реальную подкладку? Не знаемъ, какъ поступить будущій историкъ; но для

современника искать дѣйствительности въ сатирахъ г. Салтыкова далеко не бесполезно, или, лучше сказать, совершенно необходимо.

Кто хочетъ близко подойти къ г. Салтыкову и рассмотреть его настоящій, неискаженный обликъ, тотъ долженъ пробиться сквозь цѣлый лѣсъ недоразумѣній, опрокинуть цѣлый рядъ преградъ, воздвигнутыхъ недобросовѣстностью или непониманіемъ. Всего менѣе серьезны между ними тѣ, которыя построены изъ старыхъ риторическихъ правилъ, изъ завалывшихся общихъ мѣстъ псевдо-классической піитики. Когда г. Страховъ, напримѣръ, провозглашаетъ сатиру «*межеумочнымъ* родомъ, не принадлежащимъ къ настоящему художеству» ¹⁾, когда г. Щебальскій упрекаетъ г. Салтыкова за то, что онъ спускается въ «низменности урядниковъ, управы благочинія, деревенскихъ кулаковъ» ²⁾, тогда можно только пожалѣть о писателяхъ, ничему не научившихся и ничего не забывшихъ. Опредѣлять художественность произведенія не содержаніемъ его и формой, а кличкою, подъ которую оно подходитъ—это невинная, безвредная забава; требовать отъ сатирика, чтобы онъ всегда «оставался на высотѣ общихъ началъ» и молчалъ о происходящемъ въ «низменностяхъ»—это повтореніе задовъ, напоминающее споръ о правѣ Гоголя заниматься Селифаномъ и Петрушкой. Гораздо важнѣе тѣ обвиненія, которыя составляются по слѣдующему рецепту: возьми какую-нибудь слабую сторону писателя, докажи ее выхваченными изъ разныхъ мѣстъ фразами или словами, возведи ее въ квадратъ или кубъ и провозгласи ее отличительною чертою ненавистнаго тебѣ дарованія, игнорируя всѣ остальные. Можно ли характеризовать иначе слѣдующія, напримѣръ, слова г. Страхова, исчерпывающія, вмѣстѣ съ приведеннымъ выше опредѣленіемъ сатиры, все сказанное имъ о г. Салтыковѣ. «То, что пишетъ г. Щедринъ—не сатира, а переходящая всякую мѣру карикатура; не иронія, а нахальная издѣвка, неистовое глумленіе; не насмѣшка, а надругательство надъ всякимъ предметомъ, за который берется этотъ сатирикъ. Все это совершается съ несомнѣннымъ талантомъ; и скажемъ болѣе—несомнѣнный талантъ глумленія и нахальства одинъ только и руководитъ автора въ его долгой дѣятельности; онъ давно уже забылъ требованія мысли и искусства, давно уже обдумываетъ не лица, а только прозвища, не дѣйствія, а только сальные выраженія и язвительные обороты рѣчи. Но искусство не даетъ попірять себя безъ

¹⁾ См. «Русь», 1888 г. № 2: «Взглядъ на текущую литературу», стр. 84.

²⁾ См. «Русскій Вѣстникъ», 1882 г. № 8: «Новости литературы», стр. 872.

наказанно; та правда, которой мы въ немъ ищемъ и въ которой состоитъ его сущность, не открывается писателю, который не служитъ искусству добросовѣстно. Вотъ почему этотъ фельетонистъ, конечно не стоющій имени сатирика, такъ успѣшно потѣшаетъ свою публику, но невообразимо скученъ, почти невозможенъ для чтенія, для людей сколько-нибудь серьезныхъ. Изрѣдка можно полюбоваться тѣми чертами нашей новдревщины и хлестаковщины, которыя схватываетъ г. Щедринъ; но въ цѣломъ изъ этого ничего не выходитъ, и внимательный читатель скоро убѣждается, что тутъ не только нѣтъ самаго отдаленнаго *послѣдствія* Гоголя, а даже наоборотъ, что вся эта пресловутая сатира сама есть нѣкотораго рода новдревщина и хлестаковщина, съ большою прибавкою Собакевича». Къ «критической» манерѣ г. Страхова близко подходитъ образъ дѣйствій г. Щербальскаго, выписывающаго изъ сочиненій г. Салтыкова цѣлый рядъ крѣпкихъ словъ и приписывающаго сатирику, на этомъ основаніи, два лозунга: «гулай, душа!»—для себя самого и для своихъ; «прочь, расшибу!»—для всѣхъ остальныхъ. Гораздо удивительнѣе то, что односторонній взглядъ на г. Салтыкова проникаетъ, *mutatis mutandis*, даже въ лагерь, скорѣе дружелюбный ему, чѣмъ враждебный. Мы видѣли уже, что его произведенія называютъ «чудеснымъ фарсомъ»; въ той же статьѣ мы встрѣчаемся съ слѣдующими фразами: «въ большинствѣ случаевъ, г. Салтыковъ поступаетъ именно какъ фельетонистъ—фигуры, въ освѣщеніи его сатиры, являются не отвратительными, внушающими ужасъ или презрѣніе, а просто до уродливости смѣшными, которыя, кромѣ безобиднаго, безпредметнаго смѣха ничего другого вызвать не могутъ. Черты рисуемой г. Салтыковымъ дѣйствительности до такой степени преувеличены, шаржированы и комично-нелѣпы, этикетки и ярлыки до такой степени неожиданны, что является неумержимое желаніе хохотать, и сатирическія фигуры скорѣе возбуждаютъ симпатію, чѣмъ чувство негодованія». Авторъ этой статьи сходится съ систематическими противниками г. Салтыкова еще въ другомъ отношеніи; онъ утверждаетъ, что сатирика читаютъ на расхватъ помпадуры, бюрократы и прочія задѣтыя имъ лица или группы—читаютъ, не сердясь, не негодуя, а смѣясь наравнѣ со всѣми. Нѣчто въ этомъ родѣ говорить и г. Щербальскій, конечно въ другомъ тонѣ и съ другимъ чувствомъ. «Осталась ли,—восклицаетъ онъ,—на пространствѣ, на всемъ дѣйствуетъ сатира г. Щедрина, хоть одна неоплеванная точка? И все это вранье вѣдь сходится съ рукъ. Аракчеевъ молчитъ въ своей могилѣ; за безшабашныхъ совѣтниковъ, за Удава, за Дыбу,

за Твердоонто никто не можетъ заступиться, потому что ихъ прикрылъ *рабій языкъ*... Молчать и цензура: ей что за дѣло до всѣхъ этихъ покойниковъ и псевдонимовъ?.. А публика смѣется, и рубли сыплются въ шапку ловкаго забавника».

Итакъ, г. Салтыковъ—не сатирикъ, а фельетонистъ; его специальность—сальные выраженія, его таланта хватаетъ только на нахальство и глумленіе; онъ невообразимо скученъ для однихъ, невообразимо потѣшенъ для другихъ; онъ возбуждаетъ не негодованіе, а смѣхъ—вотъ почему ему все сходитъ съ рукъ, согласно съ французской поговоркой: *celui qui rit est à moitié désarmé*. Не ясно ли, что мы имѣемъ здѣсь дѣло отчасти съ подтасовкой фактовъ, отчасти съ реторической фигурой, подставляющей часть на мѣсто цѣлаго? Вся бѣда въ томъ, что эта фигура принимается, или по крайней мѣрѣ выдается, за чистую монету. Нѣкоторые изъ сатирическихъ очерковъ г. Салтыкова безспорно имѣютъ характеръ фельетонный—но развѣ отсюда слѣдуетъ, что онъ только или преимущественно фельетонистъ? Развѣ рядомъ съ сатирой, въ сочиненіяхъ одного и того же писателя, не можетъ быть мѣста для фельетона, какъ для веселой интермедіи среди мрачной, суровой драмы? Фельетонъ имѣетъ такое же право на существованіе, какъ и сатира; его можно найти и у Фрейтага, и у Теккерея, и у Бальзака; съ нимъ близко граничатъ даже цѣлыя произведенія, прославившія своихъ авторовъ—напримѣръ «Пиквикскій клубъ» Диккенса. Весь вопросъ заключается въ степени такта, съ какимъ выбирается и разрабатывается тема для фельетона, въ степени искусства, съ какимъ избѣгаются подводные камни этого литературнаго жанра, въ отношеніи его, наконецъ, къ другимъ сторонамъ дѣятельности писателя. Когда предметъ, вызывающій на горькую, жгучую сатиру, выставляется исключительно въ смѣшномъ свѣтѣ, задѣвается слегка, поверхностно, съ одной несерьезной стороны, насильственно втискивается въ водевильныя рамки; когда фельетонистъ смѣется надъ тѣмъ, что въ сущности вовсе не смѣшно, стрѣляетъ мимо цѣли, ударяется въ шаржъ, не оправдываемый обстановкой и не выкупаемый задушевной, искренней веселостью—тогда, и только тогда, позволительно поставить фельетонъ въ пассивъ авторскаго счета. Нельзя сказать, чтобы такихъ фельетоновъ у г. Салтыкова не было вовсе. Безусловно неудачной кажется намъ, напримѣръ, сцена съ Лабулѣ («За рубеземъ», стр. 180—187), въ которой французскій сенаторъ выставленъ чуть не облизывающимъ тарелку изъ-подъ вкуснаго блюда, «бросающимъ на нее любовные страстные взгляды», напивающимся до пьяна, восклицающимъ:

vive Henri Cinq, и т. д. Не говоря уже о томъ, что Лабуль—вовсе не подходящий объектъ для русской, хотя бы и фельетонной сатиры,—невозможность положенія, невозможность происходящей передъ нами бесѣды слишкомъ бросается въ глаза; такой волосальной натяжки не выдерживаетъ даже талантъ г. Салтыкова. Столь же неудаченъ, по нашему мнѣнію, вечеръ у Грызунова (двѣнадцатое «Письмо къ тетенькѣ»), съ опытами «непосредственнаго самопитанія дамы изъ Амстердама», съ исчезновеніемъ носоваго платка изъ сенаторскаго кармана, съ пуговицей, которою вознаграждается потерпѣвшій отъ воровства и съ другими эпизодами ejusdem farinae. Не слѣдуетъ забывать, что Ноздревъ (redivivus), главный герой этого вечера—персонажъ не послѣдней важности въ «Письмахъ къ тетенькѣ», что его специальность—вовсе не тасканіе платковъ изъ кармана, и что шутовской колоритъ ни мало не соотвѣтствуетъ настоящей его роли. Избытокъ шаржа вредитъ, какъ мы уже видѣли, характеристикѣ «свѣдущихъ людей», вредитъ и изображенію «Помоевъ», которое дѣйствовало бы гораздо сильнѣе, еслибы не было до такой степени переполнено комическихкими чертами. Начало одиннадцатаго «Письма къ тетенькѣ», съ своими смѣхотворными объявленіями, съ описаніемъ раута у княгини Насофѣполежаевой, съ извѣстіями, «слышанными отъ Ренетилова», съ телеграммами, сочиненными въ самой редакціи, уменьшаютъ значеніе далеко не шуточной страницы, непосредственно слѣдующей за нимъ¹⁾. Карриатура, доведенная до крайнихъ предѣловъ, заслоняетъ собою реальный объектъ сатиры. Много ли, однако, найдется у г. Салтыкова неудачныхъ фельетоновъ, въ родѣ только-что упомянутыхъ нами? Если мы присоединимъ къ нимъ эпизодъ съ тайными совѣтниками, занимающимися статистикой въ Парижѣ («За рубежомъ»), обѣдъ у бабыньки и погребеніе ея въ «Письмахъ къ тетенькѣ», пожалуй еще «Первое сентября» въ «Кругломъ годѣ» (похожденія Саши Ненарочнаго въ Петербургѣ), то исчерпаемъ, кажется, все, заслуживающее упрека въ карриатурности—по крайней мѣрѣ въ послѣднемъ, десятилѣтнемъ періодѣ дѣятельности г. Салтыкова. 40—50 страницъ на девять томовъ—такая ли это пропорція, чтобы строить на ней какіе-нибудь рѣшительные приговоры? Что сказали бы мы о критикѣ, который сталъ бы опредѣлять значеніе В. Гюго двумя-тремя десятками самыхъ вычурныхъ, самыхъ трескучихъ стихотвореній; значеніе Бальзака—«Серафитой» или «Луи Ламберомъ»; значеніе Лермонтова—

¹⁾ Она приведена нами въ предыдущей статьѣ, на стр. 676—7.

«Казначейшей»; значеніе Диккенса — сантиментально-добродѣтельными его персонажами? Тенденціозные противники г. Салтыкова поступаютъ именно такимъ образомъ. Они видятъ букашекъ и не хотятъ видѣть слона; въ сатирическаго моря они выдѣляютъ только фельетонныя капли, и притомъ тѣ, которыя всего меньше выдерживаютъ критику. Если и рассматривать г. Салтыкова какъ фельетониста, то съ самымъ небольшимъ запасомъ доброй воли можно отыскать у него множество прелестныхъ вещей — легкихъ, милыхъ, изящныхъ. Мы указали уже, въ другомъ мѣстѣ, на цѣлый циклъ такихъ фельетоновъ въ «Помпадуряхъ и Помпадуршахъ»; назовемъ еще «Привѣтъ» въ «Благонамѣренныхъ рѣчахъ», «Старческое горе» въ «Сборникѣ», идиллію русской колоніи въ Парижѣ («За рубежомъ»), картинку оазиса (Еротидауниса) въ четвертомъ «Письмѣ къ тетенькѣ». Есть, наконецъ, цѣлыя тома щедринской сатиры, въ которыхъ самому сильному увеличительному стеклу, т. е. самому предубѣжденному псевдо-критическому глазу — не удастся найти ничего фельетоннаго. Таковы, напримѣръ, «Господа Ташкентцы», таковы «Господа Головлевы» и «Убѣжище Монрепо».

Второй обвинительный пунктъ противъ г. Салтыкова — это пристрастіе его къ грубымъ, браннымъ, сильнымъ выраженіямъ. Мы готовы допустить, что въ послѣднихъ его сочиненіяхъ слишкомъ часто говорится о хлѣвахъ, ретирадныхъ мѣстахъ, клоповникахъ, трихинахъ; мы готовы признать, что нѣкоторыя фразы, переполненныя подобными словами, производятъ тяжелое впечатлѣніе и скорѣе уменьшаютъ, чѣмъ увеличиваютъ силу нападенія. Не слѣдуетъ забывать, однако, съ какихъ поръ языкъ щедринской сатиры пріобрѣтаетъ несвойственную ему прежде жесткость; не слѣдуетъ упускать изъ виду, что никогда литературная борьба не обострялась настолько, какъ въ послѣднее время. Одинъ изъ журналовъ, ополчающихся на способъ выраженій г. Салтыкова, пустилъ въ ходъ знаменитую фразу о «мошенингахъ пера и разбойникахъ печати»; другой не перестаетъ говорить о либералахъ, какъ о лакеяхъ Западной Европы. Можно ли, притомъ, принимать большую или меньшую рѣзкость формы за критерій художественнаго достоинства сатиры, за основаніе для осужденія сатирика? Совмѣстна ли мягкость, вѣжливость, сдержанность съ самымъ содержаніемъ и назначеніемъ сатиры? Развѣ Гюго пересталъ быть поэтомъ, когда сравнилъ своего врага съ поросенкомъ, валяющимся на львиной шкурѣ (*ce porc-sau qui se vautre dans la peau du lion*)? Развѣ Поль-Луи Курье потерялъ свое мѣсто между классическими французскими писателями, потому что упо-

требилъ слово: «проституція», въ примѣненіи къ цѣлой общественной группѣ? Сказанное Барбье о самомъ себѣ въ предисловіи къ «Ямбуамъ» (*si mon vers est sans frein, c'est qu'il sonne aujourd'hui dans un siècle d'airain... c'est la haine du mal qui enfante l'hyperbole*) относится одинаково ко всѣмъ сатирикамъ. Ювеналъ читается въ шеолахъ, хотя у него встрѣчаются стихи въ родѣ слѣдующаго: «*cujus ad effigiem non tantum miere fas est*». Критики извѣстной категоріи, впрочемъ, несправимы. Нѣтъ ничего легче, какъ поднять вопль во имя оскорбленной стыдливости, во имя нарушеннаго приличія; это самый дешевый способъ уязвить противника, щегольнуть деликатностью собственного чувства. Напускное негодованіе противъ формы освобождаетъ отъ обязанности вникать въ содержаніе. Обвиненію въ цинизмъ подвергались въ свое время Вольтеръ, Байронъ, Гейне, Барбье, Курье, Бальзакъ; понятно, что оно повторяется теперь и противъ г. Салтыкова. Можно пожалѣть, что онъ облегчаетъ своимъ врагамъ пользованіе этимъ оружіемъ; но употреблять розовую воду вмѣсто чернилъ сатирикъ не можетъ. Выражаясь вдвое мягче, онъ все-таки не избѣжалъ бы упрековъ, наиболѣе удобныхъ и сподручныхъ для враговъ сатиры. «Сатирикъ бранится, слѣдовательно онъ сердится, слѣдовательно онъ неправъ», вотъ силлогизмъ, посредствомъ котораго, какъ мы уже видѣли, хотятъ сразу покончить съ г. Салтыковымъ. Торопливый судья не замѣтилъ только того, что силлогизмъ, имъ сооруженный, приложимъ вполне ко всѣмъ знаменитымъ представителямъ сатиры, древней и новой, то-есть, не приложимъ ни къ одному изъ нихъ.

Сатира г. Салтыкова—говорятъ намъ далѣе—возбуждаетъ не негодованіе, а смѣхъ; ее читаютъ охотно, безъ гнѣва, даже тѣ, противъ которыхъ она направлена. Не споримъ, можетъ быть, нѣкоторыя ея страницы и способны разсмѣшить того или другаго помпадуръ, ташкентца, «государственнаго младенца»; но не объясняется ли это тѣмъ, что многіе изъ читателей этой категоріи отлично приучены «бавать на Петра» и были бы очень удивлены (или по крайней мѣрѣ притворились бы удивленными), еслибы имъ сказали: *de te fabula narratur*? Въ общей суммѣ впечатлѣніе щедринской сатиры далеко не безовидно для тѣхъ, въ кого направлены ея стрѣлы; улыбка, вызываемая ею, часто прикрываетъ желаніе *faire bonne mine à mauvais jeu*. Ожесточенныя нападенія на сатиру—да и на самого сатирика—доказываютъ какъ нельзя лучше, что она умѣетъ хватать за живое, проникать сквозь самую крѣпкую броню, сквозь самую толстую

кожу. Что касается до зрителей боя, то ощущенія ихъ могутъ быть до крайности различны, смотря по чуткости слуха, по тонкости зрѣнія, по настроенію, которое они приносятъ съ собою. Смѣшное—и только смѣшное—для одного можетъ быть какъ нельзя болѣе серьезнымъ для другого. Возьмемъ, для примѣра, хоть того самаго Оединьку Кротикова, о которомъ идетъ рѣчь въ статьѣ «Новостей». «До такихъ размѣровъ доведенный комизмъ помпадурства, приправленный такимъ гомерическимъ фарсомъ» — читаемъ мы въ этой статьѣ — «перестаетъ возмущать, онъ просто дѣлается милъ. Надъ комическимъ положеніемъ Оединьки мы смѣемся; онъ, конечно, дуракъ и прохвостъ, но въ то же время настолько своеобразенъ, что возбуждаетъ даже своеобразную симпатію. Изъ-за этого фарса дѣйствительныя черты помпадурства какъ-то исчезаютъ, уходятъ въ какой-то неясный туманъ; остается лишь любопытная фигура Оединьки, настолько фантастическая, что у самого читателя сознаніе дѣйствительности, иногда горькой и вообще неприглядной, мало-по-малу исчезаетъ, теряясь въ уродливыхъ очертаніяхъ фантазій». Ошибочна здѣсь, какъ намъ кажется, самая исходная точка критика. *Фигура* Оединьки ни мало не фантастична; фантастичны только *нѣкоторыя положенія*, въ которыя ее ставитъ авторъ. Откиньте отреченіе отъ сатаны, откиньте гарцованіе дѣвицы Волшебниковой на ворономъ конѣ и публичный призывъ къ покаянію—и вы получите въ остаткѣ нѣчто вполне жизненное и нисколько не комическое. Пока семилѣтній мальчикъ мечтаетъ о томъ, какъ лихо онъ управился бы съ тройкой бѣшеныхъ коней, вы можете добродушно смѣяться надъ его мечтой и чувствовать къ нему «своеобразную симпатію»; но представьте себѣ, что онъ какими-то судьбами попалъ въ кучера такой тройки, а вы сидите въ коляскѣ, которую она несетъ, закусивъ удила—и вамъ вѣроятно будетъ не до смѣха. Оединька Кротиковъ—это именно мальчикъ на кучерскихъ колахъ. И онъ, и ему подобныя—повторяемъ сказанное нами въ другомъ мѣстѣ—большую частью довольно милые люди; вся бѣда въ томъ, что они попали не въ свои сани. Когда Оединька устраиваетъ «облаву на либераловъ», лучше ли имъ отъ того, что на троттуарахъ Невскаго проспекта ихъ гонитель былъ бы обворожительнымъ молодымъ человекомъ? Могутъ ли обыватели города Навознаго утѣшаться тѣмъ, что расхлебываемая ими каша заварена градоправителемъ ихъ исключительно вслѣдствіе простоты душевной? Чтобы хохотать, и только хохотать, надъ подвигами Оединьки, нужно вообразить себѣ, что они совершаются вѣдъ времени и пространства или

производятся in anima vili; нужно забыть, во что они обходятся своимъ реальнымъ объектамъ. Негодовать лично противъ Оединьки, сѣвшаго не въ свои сани, было бы несправедливо; но что сказать объ обстановкѣ, благодаря которой сани сдѣлались для него доступными? «Смѣшины и жалки,—говорить, по другому поводу, г. Салтыковъ («Круглый годъ», стр. 143),—кинутые въ болото черти, но само болото—не жалко и не смѣшино».

Если Оединьки Кротиковы, Митеньки Ковалковы, Нагибины, Назатниковы — могутъ, по недоразумѣнію, возбуждать невинную веселость, то въ примѣненіи ко многимъ другимъ типамъ щедринской сатиры подобная ошибка совершенно немислима. Наше воображеніе бессильно представить себѣ читателей, — конечно не въ разрядѣ гоголевскихъ или грибоѣдовскихъ Петрушекъ, — которые могли бы смѣяться надъ «Дворянской хандрой», надъ «Вечеркомъ» въ «Кругломъ годѣ», надъ «Большимъ мѣстомъ», надъ «Неночтительнымъ Коронатомъ». Антошка Стрѣловъ, генералъ Утробинъ съ сыномъ, запрещенный попъ Арсеній, Терпибѣдовъ, Граціановъ, Разуваевъ — неужели всѣ эти фигуры созданы «ловкимъ забавникомъ», мастеромъ потѣшать почтеннѣйшую публику? Мы знаемъ, что изъ райка раздается иногда смѣхъ во время монолога: «быть или не быть» (особенно если у Гамлета, согласно съ театральной традиціей, спущенъ одинъ чулокъ), при появленіи Отелло въ спальнѣ Дездемоны; но кому же приходило въ голову связывать этотъ смѣхъ съ содержаніемъ пьесы и дѣлать его основаніемъ критической ея оцѣнки?

Желаніе доказать «безобидность» щедринской сатиры доводить ее зонловъ до ссылки на «молчаніе цензуры». Что это такое — наивность или нѣчто противоположное? Въ какомъ заоблачномъ мірѣ живетъ критикъ — или за кого онъ принимаетъ своихъ читателей? Ближайшимъ поводомъ къ его статьѣ послужили «Письма къ тетенькѣ»; ему извѣстно, значитъ, приключеніе съ письмомъ, не дошедшимъ по адресу, извѣстенъ и отвѣтъ, данный автору почтовымъ чиновникомъ: «которые письма не нужно, чтобъ доходили, тѣ всегда у насъ пропадаютъ». Нужно ли объяснять, въ добавокъ, что при такихъ почтовыхъ порядкахъ многія письма не пишутся вовсе или пишутся не такъ, какъ желалъ бы и могъ бы написать ихъ авторъ? Мы встрѣтаемся здѣсь съ вопросомъ о «рабѣемъ языкѣ», «рабѣемъ манерѣ» — вопросомъ, котораго никакъ нельзя обойти, говоря о г. Салтыковѣ. «Моя манера писать, — читаемъ мы въ «Кругломъ годѣ», — есть манера раба. Она состоитъ въ томъ, что писатель, берясь за перо, не столько озабоченъ предметомъ предстоящей

работы, сколько обдумываньемъ способозъ проведенія его въ среду читателей. Еще древній Езопъ занимался такимъ обдумываньемъ, а за нимъ и множество другихъ шло по его слѣдамъ. Эта манера изложенія, конечно, не весьма казиста, но она составляетъ оригинальную черту очень значительной части произведеній русскаго искусства, и я лично тутъ ровно ни причеиъ... Она нимаю не затемняетъ моихъ намѣреній, а, напротивъ, дѣлаетъ ихъ только общедоступными». Противники г. Салтыкова поспѣшили подхватить эти слова. «Рабій языкъ» — восклицаютъ они—это «искаженіе прямого и всѣмъ извѣстнаго смысла словъ»; это надежное средство противъ строгостей цензуры, гарантія безнаказанности для «оплеванія», клячъ ко всему тому, что сатира лицежбно признаетъ для себя недоступнымъ. Не слишкомъ ли поспѣшны всѣ эти выводы? Не упускается ли здѣсь изъ виду послѣдняя, знаменательная фраза сатирика: «рабья манера нимаю не затемняетъ моихъ намѣреній»? Скажемъ болѣе — можно ли понимать буквально самыя выраженія: «рабій языкъ», «рабья манера»? Намъ кажется, что они сдѣлались источникомъ такихъ же недоразумѣній, какъ и знаменитыя слова Некрасова: «нѣтъ въ тебѣ поевіи свободной, мой угрюмый, неуклюжій стихъ». Сколько разъ эти слова были повторяемы безъ дальнѣйшей повѣрки, какъ безапелляціонный приговоръ поэта надъ самимъ собою! А между тѣмъ, они очевидно заключаютъ въ себѣ только часть истины. Рядомъ съ стихомъ неуклюжимъ, шероховатымъ у Некрасова на каждомъ шагу встрѣчается стихъ звучный, изящный, поэтическій, встрѣчаются цѣлыя пьесы, мастерскія не только по содержанію, но и по формѣ. Противники Некрасова ухватились за его «признаніе», какъ судья стараго покроя хватался за признаніе подсудимаго — не разбирая, согласно ли оно съ обстоятельствами дѣла. Не случилось ли то же самое и съ «признаніемъ» г. Салтыкова? Безспорно, манера сатирика носить на себѣ ясный слѣдъ условій, при которыхъ онъ пишетъ; обиліе недомолвокъ, полу-словъ, риторическихъ фигуръ зависитъ, конечно, не отъ доброй воли писателя, котораго они видимо тяготятъ и стѣсняютъ. Всегда ли, однако, онъ идетъ этимъ извилистымъ путемъ, всегда ли ощупываетъ передъ собою почву, прежде чѣмъ сдѣлать шагъ впередъ, всегда ли заботится о достаточной охранѣ съ фланговъ и съ тылу? Нѣтъ; можно насчитать тысячу случаевъ, въ которыхъ его рѣчь льется прямо и свободно. Прибѣгаетъ ли онъ къ «рабьей манерѣ», когда защищаетъ литературу или, лучше сказать, слагаетъ восторженный гимнъ въ честь человѣческой мысли? «Рабьимъ» ли языкомъ написаны такіа

произведения, какъ «Большое мѣсто», какъ «Дворянская хандра»? Много ли «рабьяго» въ варіаціяхъ на тему: *humani est mendacium*? Самыя аллегоріи, въ которыя иногда закутывается сатира, не бывають ли, сплошь и рядомъ, прозрачѣе самыхъ тонкихъ кружевъ? Наша литература давно уже переживаетъ переходное время; право говорить за нею еще не признано вполне, но возможностью говорить она пользуется, то въ большей, то въ меньшей степени. Рѣдко возвышаясь до нормальнаго діапазона, голосъ ея колеблется, большею частью, между едва слышнымъ лепетомъ и таеъ-называемымъ театральнымъ шопотомъ, понятнымъ для всѣхъ привычныхъ посѣтителей театра. Г. Салтыковъ принадлежитъ къ числу писателей, лучше всего усвоившихъ себѣ акустическіе законы этого шопота.

Не желая видѣть въ щедринской сатирѣ никакой другой манеры, кромѣ «рабьей», враги сатирика преувеличивають, вмѣстѣ съ тѣмъ, удобства этой манеры; они увѣряють, что съ помощью ея можно всего касаться, всюду проникать, все высказывать. Мы думаемъ, наоборотъ, что именно въ ограниченности круга дѣйствій, ничѣмъ не устранимой, слѣдуетъ искать самое большое мѣсто современной русской сатиры. Въ какія бы формы она ни облакалась, съ какимъ бы мастерствомъ ни умѣла обходить разныя помѣхи, она безпрестанно встрѣчается съ пограничными столбами, на которыхъ написано: до сихъ поръ—и не дальше! Многаго она договорить не можетъ, о многомъ вовсе должна молчать. Припомнимъ ту дилемму, которая помѣшала г. Салтыкову коснуться вопроса о «новыхъ людяхъ»: всесторонне говорить о предметѣ—нельзя, выставить на видъ одну только сторону его, въ одномъ только свѣтѣ—не подобаетъ. Эта дилемма впадаетъ на каждомъ шагѣ и составляетъ глубокой ровъ, черезъ который нельзя ни перейти, ни перепрыгнуть. Провозглашать сатиру фактически свободной, утверждать, что передъ ней открыты всея дороги, ставить ей въ вину молчаніе ея о томъ или другомъ вопросѣ—значить не понимать самыхъ простыхъ вещей, нацѣленно игнорировать очевидность или смѣшивать сатиру съ двенамбомъ. Формулъ нашихъ ретроградовъ: сатирѣ не на что жаловаться, она выработала себѣ «рабій» языкъ и болтаетъ на немъ какъ и сколько ей угодно—мы противопоставляемъ другую: сатира, въ лицѣ лучшаго представителя своего, наполняетъ всю отмежеванную ей область, постоянно старается расширять свои рамки, употребляетъ рабій языкъ какъ можно больше и рѣже—но полетъ ея въ даль и вверхъ ограниченъ

непреодолимыми преградами, и высшій предѣлъ, котораго она могла бы безъ нихъ достигнуть, остается загадкой для нея самой.

Отрицавъ самый фактъ безусловнаго преобладанія «рабей манеры» въ щедринской сатирѣ, мы не можемъ, конечно, согласиться и съ тѣмъ заключеніемъ, которое извлекаютъ изъ него даже нѣкоторые приверженцы г. Салтыкова. Источникомъ ошибки, въ которую они впадаютъ, служатъ отчасти слова самого сатирика. Несчастное положеніе «бытописателя волшебствъ и загадочныхъ превращеній» изображено имъ, въ «Письмахъ къ тетенькѣ» (стр. 124), слѣдующими красками: «уже современники читаютъ его не иначе, какъ угадывая смыслъ и цѣль его писаній, и комментируя и то, и другое, каждый по своему; дѣтямъ же и внукамъ и подавно безъ комментаріевъ шагу ступить будетъ нельзя. Все въ этихъ писаніяхъ будетъ имъ казаться невозможнымъ и неестественнымъ, да и самый бытописатель представится человѣкомъ навопившимъ и безъ нужды неяснымъ... Вотъ странный человѣкъ (скажутъ они)! всю жизнь описывалъ чепуху, да еще предлагаетъ намъ читать свои описанія... съ комментаріями!» Эти слова, сорвавшіяся съ пера сатирика въ минуту гнѣва и скорби, очевидно не должны быть понимаемы *au pied de la lettre*. Необходимо помнить, что въ тѣхъ же «Письмахъ къ тетенькѣ» авторъ говоритъ о солидарности, дѣлающей его понятнымъ для читателей, заставляющей ихъ узнавать въ его словахъ собственные мысли и чувства; необходимо помнить, что по словамъ самого сатирика «рабья манера ни мало не затемняетъ его намѣреній». Въ мимолетномъ пессимистическомъ порывѣ нельзя, поэтому, видѣть «вѣрное представленіе самимъ писателемъ будущей судьбы своихъ писаній»; нѣтъ повода восклицать: «рабій языкъ умерщвляетъ его для потомства!»¹⁾ Въ сатирѣ, даже самой талантливой, есть, безъ сомнѣнія, много скоропреходящихъ элементовъ; все то, что касается въ ней сравнительно-мелкой, второстепенной злобы дня, интересно только для современниковъ, да и для нихъ интересно не надолго. Долговѣчность, однако, возможна и для нея, разъ что она возвышается хоть отчасти надъ горизонтомъ одного дня, разъ что она становится настоящей сатирой нравовъ и учреждений. Значеніе ея, въ этомъ смыслѣ, не уменьшается даже необходимостью комментаріевъ; и въ Аристофанѣ, и въ Ювеналѣ, и въ болѣе близкомъ къ намъ Свифтѣ,

¹⁾ См. библиографическую замѣтку о «Письмахъ къ тетенькѣ» въ № 2 „Русской Мысли“ 1888 г. (стр. 62)—замѣтку, написанную въ духѣ горячаго сочувствія къ г. Салтыкову.

многое непонятно безъ объясненій — но это не мѣшаетъ имъ переходить въ отдаленное потомство. Оттолкнуть читателей можетъ только избытокъ темноты, постоянно требующій искусственнаго освѣщенія; но развѣ въ щедринской сатирѣ мало своего, внутренняго свѣта? Пока будетъ существовать разладъ между поколѣніями, слѣдующими другъ за другомъ, пока мысль объ отцѣ будетъ тяготѣть надъ отцомъ, пока въ душѣ сына будетъ происходить борьба между убѣжденіемъ и чувствомъ, до тѣхъ поръ судьба Разумова будетъ говорить сама за себя, его горе — сочувственно отзываться въ тысячахъ сердецъ. Пока не исчезнетъ эксплуатація слабыхъ — сильными, пока не переведутся общественные паразиты, фигуры «столповъ» будутъ возбуждать интересъ, чуждый всякихъ недоумѣній. Мы не выдаемъ нашихъ догадокъ за нѣчто достовѣрное — но *вѣроятность*, мы въ этомъ убѣждены, не на сторонѣ полного и быстрого забвенія щедринской сатиры.

Мы покончили, какъ сдумѣли, съ отрицательной стороной нашей задачи; мы дали послѣдній отпоръ и систематической враждѣ, и невольнымъ недоразумѣніамъ, стоящимъ поперекъ правильнаго отношенія къ г. Салтыкову. Мы не скрывали недостатковъ сатирика; мы старались только установить ихъ настоящій размѣръ, отвести имъ настоящее мѣсто въ общей картинѣ. Отойдѣмъ теперь на нѣкоторое разстояніе и попробуемъ взглянуть на г. Салтыкова тѣми глазами, какими смотритъ литературная критика на писателя минувшей эпохи. Она замѣчаетъ крупныя, выдающіяся черты его; она выдѣляетъ изъ его произведеній все то, что не потеряло своего значенія и не скоро, по видимому, его потеряетъ. Гёте, для нея — преимущественно творецъ «Фауста», «Германна и Доротей», «Вильгельма Мейстера», «Коринтской невѣсты»; о такихъ вещахъ, какъ «Grosscaphta» или «Bürgergenetal», она упоминаетъ только мимоходомъ, какъ о матеріалахъ для біографіи поэта и для характеристики его времени. Въ Гоголѣ она видитъ преимущественно автора «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ», основателя новой литературной школы, а не неудавшагося историка или публициста. Некрасовъ интересенъ ей какъ пѣвецъ народнаго горя, а не какъ изобличитель балетомановъ или «Героевъ времени». Въ Салтыковѣ она будетъ изучать не фельетониста, а сатирика; отбросивъ въ сторону все легкое, случайное, все приуроченное къ вопросамъ минуты, она сосредоточится на полновѣсномъ зернѣ, давшемъ богатые всходы. Не предугадывая ея заключеній, не претендуя

на ея безпристрастіе, можно воспользоваться ея приёмами, единственными правильными, когда рѣчь идетъ объ оцѣнѣ *писателя*, а не отдѣльнаго произведенія.

Русская сатира, появившаяся на свѣтъ одновременно съ русской литературой, представляетъ одну замѣчательную особенность: она всегда имѣла *простытительный* характеръ, всегда стояла за просвѣщеніе, всегда боролась съ его врагами. Кантемиръ былъ горячимъ приверженцемъ петровской реформы, дѣятельнымъ союзникомъ ея эпигоновъ. Фонъ-Визинъ былъ однимъ изъ передовыхъ людей той эпохи, когда Россія сдѣлала новый шагъ на пути, указанномъ Петромъ Великимъ. Грибоѣдовъ остался вѣрнымъ всему, что было лучшаго въ умственномъ движеніи первыхъ двухъ десятилѣтій нашего вѣка; онъ сражался съ рутиной, съ невѣжествомъ, съ предрассудками, все равно, прикрывалъ ли ихъ военный или гражданскій мундиръ, помѣщичій халатъ или бальное платье. Гоголь — какъ сатирикъ — изобразилъ такую картину общественнаго застоя, каждый штрихъ которой вопіалъ о необходимости движенія. Сатирѣ западно-европейской эта черта свойственна только отчасти; припомнимъ, напримѣръ, что Свифтъ былъ консерваторомъ въ политикѣ. Древніе сатирики видѣли иногда спасеніе позади себя, *in pace* *maiorum*; русская дѣйствительность заставляла смотрѣть впередъ — или сложить сатирическое оружіе, какъ это сдѣлалъ Гоголь въ концѣ своей жизни. Современный русскій сатирикъ примкнулъ къ своимъ предшественникамъ и остался вѣренъ разъ навсегда избранной дорогѣ. Онъ имѣетъ полное право сказать, что «неизмѣннымъ предметомъ его литературной дѣятельности всегда былъ протестъ противъ произвола, двоедущія, лганья, хищничества, предательства, пустомыслія» («Письма къ тетенькѣ», стр. 295). Онъ засталъ Россію погруженною въ глубокой мракъ, безправною и нѣмою; онъ пережилъ тотъ кризисъ, съ котораго началось ея медленное обновленіе. Угадавъ, вмѣстѣ съ лучшими людьми своей эпохи, что главный источникъ зла заключается въ крѣпостномъ правѣ, онъ понялъ, что крѣпостничество не можетъ быть искоренено одними законодательными и административными мѣрами, что оно свило себѣ прочное, крѣпкое гнѣздо въ обычаяхъ, въ нравахъ, въ самомъ міросозерцаніи общества. Онъ преслѣдуетъ его въ семьѣ, гдѣ оно до сихъ поръ находитъ для себя самую благодарную почву; въ народѣ, не выходящемъ, по старой памяти, изъ-подъ гнета апатіи и безотчетнаго страха; въ промежуточныхъ сферахъ между народомъ и обществомъ, вырабатывающихъ новый видъ экономическаго рабства; въ обще-

ствѣ, лѣнливомъ, вяломъ и падломъ на легкую наживу и на наслажденіи низшаго сорта; въ земствѣ, идущемъ по стопамъ драхмныхъ сословныхъ учреждений; въ дворянствѣ, мечтающемъ о возвращеніи невозвратимаго; во всѣхъ областяхъ бюрократическаго міра, прикрывающаго новыми формами старое содержаніе. Никогда еще русская сатира не проникала такъ глубоко и далеко, никогда еще не задавалась такими широкими задачами и не высказывала такой настойчивости въ ихъ исполненіи.

Что возмущаетъ г. Салтыкова въ заурядной русской семьѣ, въ «семьѣ, какихъ много»? Восстаетъ ли онъ противъ самаго принципа семьи, противъ крѣпкой внутренней связи, основанной на любви, на уваженіи, на общности привычекъ или по крайней мѣрѣ воспоминаній? Нѣтъ; онъ весь на сторонѣ этой связи, онъ знаетъ и чувствуетъ, во что обходится ея разрывъ, какъ безконечно важна ея поддержка. Ему понятно и дорого отцовское чувство даже тогда, когда въ немъ преобладаетъ элементъ бессознательный, инстинктивный, когда оно теплится въ душѣ Молчалина или горитъ въ душѣ героя «Больного мѣста». «Слышишь ли ты, Степа? Тобой полно это сердце, однимъ тобой!» — этотъ крикъ Разумова обращенъ не къ одному Степѣ; онъ обращенъ ко всему молодому, какъ протестъ противъ жестокаго, холоднаго девиза: «со всѣмъ порвать!» Но что же дѣлать, если во многихъ случаяхъ и разрывать-то не съ чѣмъ, если все порвано заранѣе; что же дѣлать, если мѣсто привязанности, хотя бы безотчетной, заступаетъ пустая форма или ничѣмъ не мотивированное требованіе? Что же дѣлать, если Порфиріевъ Головлевыхъ, кузинъ Машенекъ, Натали Неугодовыхъ, Проказниковъ, Персіановыхъ гораздо больше, чѣмъ даже Молчалиновыхъ и Разумовыхъ? Обращать оружіе сатиры противъ *такихъ* семей, значить ли обращать его противъ семьи вообще?.. Семейный вопросъ давно уже сдѣлался у насъ вопросомъ общественнымъ, государственнымъ. Нельзя говорить: отношенія родителей къ дѣтямъ — это святыня, которой не должна касаться посторонняя рука; нельзя говорить этого не только потому, что на самомъ дѣлѣ часто нѣтъ никакой святыни, но и потому, что воспитаніе, получаемое въ семьѣ, предрѣшаетъ, въ значительной степени, будущность человѣка и гражданина. «Непочтительные Коронаты», созданные тупымъ семейнымъ деспотизмомъ, объявляютъ войну не одному семейному началу. Пока лучъ свѣта и свободы не проникнетъ во всѣ изгибы мало замѣтнаго, но безконечно важнаго міра, образуемаго семьей, до тѣхъ поръ нельзя ожидать

установленія правильныхъ отношеній между «отцами» и «дѣтьми» въ другихъ сферахъ общественной жизни.

Народъ, въ смыслѣ массы, нуждается въ свѣтѣ не меньше, чѣмъ семья. Тьма, ступившаяся надъ нимъ во время крѣпостного права, едва начинаетъ уступать мѣсто сумеркамъ. Вглядываться въ нее пристально сатирику не приходилось, уже потому, что сатира вездѣ и всегда занимается больше унижающими и оскорбляющими, чѣмъ униженными и оскорбленными. Онъ позналъ, однако, что залогъ лучшаго будущаго лежитъ въ взаимодѣйствіи массы и образованнаго меньшинства, въ сближеніи послѣдняго съ народомъ; онъ позналъ, что драгоцѣнныя сѣмена, хранимыя массою, не должны быть игнорируемы интеллигенціей — но не могутъ дать желанныхъ всходовъ безъ ея поддержки. Оставляя другимъ изученіе «народныхъ представленій», онъ посвятилъ себя борьбѣ съ чужеродными организмами, замедляющими нормальный ростъ освобожденной массы. Ненависть къ ново-явленнымъ «столпамъ» — это обратная сторона любви къ народу. Коллективный Деруновъ — не такой врагъ, которымъ могла бы пренебрегать сатира. Это — паразитное растение съ широко-развѣтвленными, крѣпкими корнями, съ сильными шансами успѣха въ борьбѣ за существованіе; это — знаменіе времени, признакъ серьезнаго патологическаго процесса. Деруновымъ нуженъ народъ невѣжественный, бѣдный, забытый, народъ-плательщикъ и работникъ, и ничего больше. Живая стѣна, образуемая имъ, отбрасываетъ свою тѣнь на обѣ стороны, передвигаясь съ мѣста на мѣсто, загораживая всѣ вновь пролагаемыя дороги. Констатировать появленіе деруновскаго типа, описать его отличительныя черты было бы уже само по себѣ большою заслугой; она увеличивается тѣмъ, что вмѣстѣ съ типомъ изображены и условія, обеспечившія за нимъ быстрое развитіе и легкую побѣду.

Деруновъ — не только «деревенскій вулакъ»; онъ существуетъ на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы. Онъ эксплуатируетъ не только народъ, но и казну; онъ проникаетъ въ земскія собранія, въ акціонерныя общества, въ адвокатуру, въ печать, въ администрацію. Куда бы онъ ни проникъ, его выслѣживаетъ и настигаетъ щедринская сатира. Она преслѣдуетъ его въ сферѣ желѣзно-дорожныхъ концессій и уфимскихъ хищеній, въ образѣ Дракинскихъ и Хлобистовскихъ, Батищевыхъ и Балабайкиныхъ, въ усадьбѣ кузины Машеньки, въ редакціи «Помоевъ». Она бодрствуетъ на всѣхъ сборныхъ пунктахъ нарождающейся русской псевдо-буржуазіи, этой пародіи на западно-европейскій образецъ, заимствующей только слабыя стороны оригинала. Она сры-

ваетъ маску съ стремленій, прикрывающихся интересами культуры или употребляющихъ всеу народное имя. Она ставитъ на одну доску дешевый скептицизмъ Тебенъковыхъ и плѣшивцевскій культъ «подоплеки»; она доказываетъ наглядно тождество путей, отправляющихся съ Плющихи въ городѣ Москвѣ и съ Офицерской улицы въ городѣ Петербургѣ. Ея дорога, въющая загаками, но никогда не теряющая изъ виду ни исходной своей точки, ни конечной цѣли, безпрестанно переходитъ изъ области общественной жизни въ предѣлы политическаго міра; иначе и быть не можетъ, въ виду неразрывной связи между обѣими сферами. Осмѣивая ташкентскую исполнительность, помпадурскую неумѣлость, рисуя современныхъ «озорниковъ» въ образѣ Сеичики или Оединьки Неугодова, создавая фигуру графа Твердо-онто, сатирикъ стоитъ за права личности, за господство справедливости, за разрывъ съ традиціями, давно отжившими свое время. Онъ вѣритъ въ торжество правды, достигаемое свободною борьбою мнѣній, и именно потому такъ высоко цѣнитъ, такъ горячо любитъ литературу—конечно не литературу «улицы», а литературу, вѣчно стремящуюся впередъ, отражающую въ себѣ безконечную работу человѣческой мысли.

Идеаль, носящійся передъ глазами сатирика, дѣлаетъ его строгимъ судьей такихъ явленій, мимо которыхъ прошелъ бы молча или даже съ одобреніемъ челоуѣкъ, легко мирящійся съ дѣйствительностью. Строгость переходитъ иногда въ несправедливость—но такая несправедливость въ тысячу разъ лучше индифферентизма. Нельзя не пожалѣть о незаслуженной ранѣ, нанесенной въ пылу нападенія—но сожалѣніе не должно быть слишкомъ глубокимъ, если правда, *im Grossen und Ganzen*, была на сторонѣ нападающаго. Первостепенную роль личность врага въ щедринской сатирѣ играетъ, притомъ, довольно рѣдко—и тѣмъ даѣе, тѣмъ рѣже. Онъ сражается, болѣею частью, не съ чертами, а съ болотомъ, не съ отдѣльными людьми, а съ обстановкой. Въ его типическихъ фигурахъ попадаютъ, конечно, знакомыя черты—но, за немногими исключеніями, онѣ не принадлежатъ одному опредѣленному оригиналу и не слагаются въ легко узнаваемый портретъ, въ легко разрѣшимую загадку. Противъ *лицъ* г. Салтыковъ рѣдко чувствуетъ злобу, рѣдко, слѣдовательно, стремится возбудить ее въ своихъ читателяхъ; онъ слишкомъ многое понимаетъ, чтобы быть безпощаднымъ въ своихъ личныхъ приговорахъ. Никто не превосходитъ его въ искусствѣ отыскать челоуѣческія, даже симпатичныя черты тамъ, гдѣ всего труднѣе было бы предполагать ихъ существованіе. Онъ воору-

жестъ насъ противъ зла, но проповѣдуетъ снисходительность къ людямъ, въ которыхъ оно находитъ выраженіе, часто помимо ихъ сознанія и воли. Во всей дѣятельности Щедрина—утверждаетъ одинъ изъ враговъ сатирика—не найдется ничего такого, что давало бы ему право приложить къ себѣ стихи Пушкина: «и долго буду тѣмъ народу я любезенъ, что *чувства добрыя* въ немъ лирой возбуждалъ» ¹⁾. Если симпатія къ народу, желаніе оградить его отъ эксплуатаціи и притѣсненій, уваженіе къ мысли, состраданіе къ людямъ, не вѣдающимъ, что творять, могутъ считаться *добрыми чувствами*, то щедринская сатира будетъ «любезной народу», когда онъ сдѣлается способнымъ понимать своихъ великихъ писателей. Слова одной изъ послѣднихъ пѣсень Некрасова: «Уступить свѣту мракъ упрямый... свободной, гордой и счастливой увидишь родину свою», могли бы сдѣлаться девизомъ сатирика, имѣющаго, не смотря на все различіе формы, много общаго съ недавно умершимъ поэтомъ. Если конецъ некрасовской пѣсни наступитъ тогда, когда «окончится людское горе», то конецъ щедринской сатиры совпадетъ съ концомъ всаческой неурядицы и общественнаго неустройства.

Воспоминаніе о Некрасовѣ поможетъ намъ понять еще одну сторону щедринской сатиры. Насколько у насъ можетъ быть рѣчь о партіяхъ, г. Салтыковъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ одной изъ нихъ; но развѣ нельзя сказать того же самаго и о Некрасовѣ? Не доказываетъ ли примѣръ послѣдняго, что можно быть въ одно и то же время человекомъ партіи и художникомъ или поэтомъ, что вдохновеніе писателя можетъ корениться именно въ томъ чувствѣ, подъ вліяніемъ котораго совершается выборъ партій? Взгляды г. Салтыкова должны быть признаны, отчасти, взглядами цѣлой группы, общественной и литературной; но развѣ это уменьшаетъ значеніе его сатиры? Можно ли представить себѣ сатирика, стоящаго внѣ партій—если только онъ не вращается въ сферѣ общихъ мѣстъ, не ограничивается преслѣдованіемъ такихъ пороковъ, какъ жадность или надменность, такихъ слабостей, какъ педантизмъ или хвастливость? Въ стремленіяхъ каждой прогрессивной партіи есть, притомъ, много широкаго, не пріуроченнаго къ рѣзко-опредѣленной доктринѣ. На этой общей почвѣ могутъ сходиться люди различныхъ мнѣній—различныхъ въ окончательномъ выводѣ, въ положительной программѣ, но близкихъ между собой въ отрицаніи, въ осужденіи

¹⁾ См. цитированную выше статью г. Щербальскаго въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, стр. 871.

той или другой стороны существующихъ порядковъ. Сатира, сильная именно отрицаніемъ, уже потому одному не замыкается всецѣло въ рамку партіи, не становится орудіемъ небольшой котеріи. Можно не идти за нею до конца, но все-таки увлекаться ея порывами, рукоплескать ея мѣткимъ, смѣлымъ ударамъ. Даже односторонность сатиры характеристична для эпохи, даже въ ея ошибкахъ много поучительнаго; нужно только стараться понять ихъ смыслъ, а не забывать изъ-за нихъ все остальное.

Содержаніемъ сатиры долговѣчность ея обусловливается только отчасти; въ области искусства переживаютъ минуту только истинно-художественныя произведенія. Мы называемъ художественностью не безусловное совершенство формы, рѣдкое даже у величайшихъ изъ великихъ, но гармонію между мыслью и словомъ, при которой послѣднее поддерживаетъ первую, освѣщаетъ ее соотвѣствующимъ ей свѣтомъ, сливается съ нею въ одно цѣлое, какъ изящная оправка съ драгоценнымъ камнемъ. Такой гармоніи г. Салтыковъ достигаетъ далеко не всегда, даже въ лучшихъ своихъ сатирахъ; но развѣ ея запечатлѣна каждая страница Пушкина, Лермонтова, Гоголя, корифеевъ западно-европейской литературы? Конечно, нѣтъ; вопросъ не въ томъ, удерживается ли писатель, съ начала до конца, на высшихъ ступеняхъ творчества, а въ томъ, доступны ли онѣ для него, свободно ли онѣ дышатъ въ ихъ атмосферѣ? Условію, такимъ образомъ формулированному, щедринская сатира несомнѣнно удовлетворяетъ. Иногда расплывчатая и многорѣчивая, рѣдко туманная и неопредѣленная, она возвышается безъ труда до смѣлости и силы, до картинности и лиризма. Не ограничиваясь разсужденіями, она берется за одну изъ самыхъ трудныхъ задачъ искусства, далеко не всегда рѣшаемую, далеко не всегда даже намѣчаемую сатириками: она изображаетъ *типы*, выдерживающіе сравненіе съ лучшими созданіями этого рода въ русской и западно-европейской литературѣ. Деруновъ, Іудушка, Разуновъ—на первомъ планѣ; Арина Петровна, Аннинька, кузина Машенька, Разуваевъ, Оединька Неугодовъ и многіе другіе на второмъ—всѣ эти образы могутъ быть поставлены рядомъ съ тѣми, которые завѣщаны намъ Гоголемъ и Грибоедовымъ, Тургеневымъ, графомъ Львомъ Толстымъ и Гончаровымъ. Они стоятъ передъ нами, какъ живые—и вмѣстѣ съ тѣмъ каждый изъ нихъ составляетъ точно окно, черезъ которое виднѣется, въ длинной перспективѣ, та или другая сторона русской общественной жизни. Всего нагляднѣе близость г. Салтыкова къ великимъ предшественникамъ его—та близость, которую нѣмцы называютъ

непереводимымъ словомъ *Ebenbürtigkeit*—становится тогда, когда онъ беретъ смѣлой рукой за типическую фигуру Молчалина или Ноздрева и переноситъ ее въ наше время, не боясь опасныхъ сравненій. Мы далеки отъ мысли, чтобы Молчалинъ «Въ средѣ умѣренности и аккуратности» былъ равенъ своему грибоѣдовскому, Ноздревъ «Писемъ въ тетеньѣ»—своему гоголевскому первообразу. Въ дополненіяхъ или продолженіяхъ этого рода всегда чувствуется нѣкоторая искусственность; довольно уже и того, что у г. Салтыкова они никакъ не могутъ быть названы неудачными. Положительно слабыми являются у него только попытки надѣть новый, шутовской костюмъ на тургеневскихъ или гончаровскихъ героев,—напримѣръ на Кирсанова, Берсенева, Лаврецаго, Рудина, Волохова въ «Дневникѣ провинціала». Когда мы читаемъ въ «Кругломъ годѣ» письмо дѣлопроизводителя Лаврецаго, написанное по приказанію дѣйствительнаго статскаго совѣтника Рудина, знакомыя и любимыя имена вызываютъ въ насъ только досаду на употребленіе ихъ всуе.

Мало такихъ ноть, мало такихъ красокъ, которыхъ нельзя было бы найти у г. Салтыкова. Сверкающій, глубокій юморъ, которымъ полна удивительная бесѣда мальчика въ штанахъ съ мальчикомъ безъ штановъ, такъ же своеобразенъ, такъ же свѣжъ, какъ и задушевный лиризмъ, которымъ проникнуты послѣднія страницы «Большого мѣста» и «Господъ Головлевыхъ». Меньше всего, повидимому, сатира благопріятствуетъ описаніямъ; но если ихъ у г. Салтыкова, сравнительно, немного, то и между ними попадаются такіе перлы, какъ картина деревенской осени въ «Господахъ Головлевыхъ» (стр. 63—4), или слѣдующій отрывокъ изъ «Дворянскихъ мелодій»: «Посмотрите на дерево весною—какая на немъ могучая, чистая, не запятнанная листва! И какое множество этихъ листьевъ, какъ они тѣснятся другъ въ другу, точно хотятъ изъ своей совокупности сдѣлать непроницаемый оплотъ! Лѣтомъ, листья уже потемнѣли, перепутались и слегка запятнались; въ воздухѣ носятся оторванные вѣтромъ дезертиры, сначала рѣдкіе, а потомъ все чаще и чаще. Наступаетъ осень; дезертиры ужъ не кружатся въ воздухѣ, а просто сыплются дождемъ на увлажненную землю; таинственный шопотъ листьевъ умолкаетъ, и воздухъ наполняется зловѣщимъ свищущимъ шумомъ, производимымъ хлестаніемъ оголенныхъ вѣтвей. Передъ глазами не дерево, а безжизненный и насквозь свѣтящійся остовъ его. И вдругъ, среди наготы и опустошенія, вы замѣчаете два-три засохшіе листа. Они случайно защемились между вѣтками, но издали кажется, что въ нихъ удержалась какая-то загадочная

сила, которая не даетъ надъ ними власти ни вѣтрамъ, ни непогодамъ. Тѣмъ не менѣе, существованіе ихъ—безнадежное. Жалобно жмутся эти остатки роскошной весны къ родному дереву и, не переставая, тасутся, точно чувствуютъ, что вотъ-вотъ налетитъ шеваль и погонитъ ихъ... И хотя случается, что такіе забытые листья переживаютъ всю зиму, но никогда не бывало, чтобъ листва новой весны не вытѣснила ихъ». Въ связи съ предъидущимъ и послѣдующимъ, эта картина производитъ, конечно, еще гораздо большее впечатлѣніе; удѣлѣвшіе листья—это послѣдніе представители отжившаго поколѣнія, отслужившаго свою службу взгляда. Художественность описанія, однако, такъ велика, что оно, и отдѣльно взятое, сохраняетъ свою прелесть, независимо отъ аллегорій, въ немъ скрытой. Въ другомъ совершенно родѣ, но столь же полонъ жизни, вскизъ глухого уѣзднаго городка, заканчивающаго свой лѣтній день («Благонамѣренныя рѣчи», т. I, стр. 27): «Сумерки еще прозрачны, дневной зной только что улегся; изъ садовъ несутся благоуханія; воздухъ мало-помалу наполняется свѣжестью, а движеніе уже покончено. Покончено рѣзко, разомъ, словно оборвалось. Отовсюду несутся звуки запираемыхъ желѣзныхъ засововъ и болтовъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ еще мелькаютъ въ окнахъ каменныхъ купеческихъ домовъ огоньки, свидѣтельствующіе о вечерней трапезѣ, а сквозъ запертыя ставни маленькихъ деревянныхъ домовъ слышится смутный говоръ. Но вотъ, словно вздохъ пронесся надъ городомъ; все разомъ погасло и притихло. Мракъ погустѣлъ; вы на улицѣ одни; изъ-подъ ногъ что-то вдругъ шмыгнуло»...

О своеобразности слога и языка г. Салтыкова, о быстромъ освобожденіи ихъ отъ всякихъ подражательныхъ элементовъ мы упоминали еще въ первой статьѣ. Каждое изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ щедринской сатиры говоритъ именно такъ, какъ подобаетъ его характеру и положенію; рѣчь соотвѣтствуетъ дѣйствіямъ и мыслямъ, довершаетъ впечатлѣніе, къ которому стремится авторъ. Сколько самоувѣренности и важности слышится, напримѣръ, въ словахъ Дерунова, какое сознаніе силы, не привыкшей встрѣчать ни противодѣйствія, ни даже возраженій! Какая смѣсь елейныхъ фразъ, почерпнутыхъ изъ церковнаго обихода, отголосковъ прежней почтительности передъ «господами» и рѣзкихъ до нестерпимости нотъ доморощенной политико-экономической доктрины! Языкъ Разуваева относится къ языку Дерунова, какъ первыя каллиграфическія упражненія школьника къ прописямъ учителя. Послушайте Оединьку Не-

угодова — вы различите въ его словахъ и канцелярскій формализмъ (высшаго полета), и что-то салонное, и что-то оффенбатовское. Циркуляры Плѣшивцева, Тебенъкова, Козелкова, спичи Накатникова, Кротикова, Граціанова — все это образцы различныхъ сортовъ административнаго краснорѣчія. Когда сатирикъ говоритъ отъ собственного лица, оригинальность его манеры чувствуется на каждомъ шагу, въ разстановкѣ и сочетаніи словъ, въ неожиданныхъ сближеніяхъ, въ быстрыхъ переходахъ изъ одного тона въ другой. Никто не превосходитъ г. Салтыкова въ умѣннѣй пріискать мѣткую кличку для типа, для общественной группы, для мѣста, для занятія, для образа дѣйствій: «столпъ», «кандидатъ въ столпы», «Ташкентецъ», «внутренніе Ташкенты», «ташкентцы пригготовительнаго класса», «убѣжище Монрепдъ», «ожиданіе поступковъ», «сердцевѣдѣніе», «пусканіе революціи промежду себя» — всѣ эти выраженія долго не будутъ забыты. Даже французскія фразы, часто вставляемыя г. Салтыковымъ въ уста своихъ героевъ, почти всегда характеристичны и колоритны. Замѣчательно, наконецъ, что сатирику ничего не стѣбитъ разстаться съ своими обычными приѣмами, когда этого требуетъ избранная имъ тема. Не говоря уже о такихъ произведеніяхъ, какъ «Большое мѣсто», «Дворянская хандра», «Господа Головлевы», о такихъ страницахъ, какъ защита литературы въ «Кругломъ годѣ» — въ каждомъ сборникѣ г. Салтыкова встрѣчаются мѣста, написанныя горячо или сдержанно, патетически или просто, смотря по занимающему его предмету.

Въ жизни знаменитыхъ русскихъ писателей — когда она не обрывается преждевременно какой-нибудь катастрофой — слишкомъ часто наступаетъ раннее утомленіе, оскуднѣніе творчества, паденіе или по крайней мѣрѣ застой таланта. Въ литературной дѣятельности г. Салтыкова, продолжающейся уже тридцать-пять лѣтъ, не замѣтно ничего подобнаго. Озираясь мысленно на длинный путь, пройденный сатирикомъ, нельзя не замѣтить постепеннаго возрастанія его силъ, постепеннаго расширенія его горизонта. Начавъ съ обличенія, онъ не останавливается на немъ ни одной минуты и предоставляетъ другимъ докопаться до глубины заложенной имъ шахты. Его сатира принимаетъ политическій характеръ, касается не только нравовъ, но и учреждений, проникаетъ въ прошедшее, чтобы лучше справиться съ настоящимъ. Все больше и больше пренебрегая мелочами, она достигаетъ своего апогея въ «Благонамѣренныхъ рѣчахъ», посвященныхъ, на половину, самымъ крупнымъ вопросамъ нашей эпохи. Съ тѣхъ поръ она удерживаетъ за собою занятую высоту, по-

стоянно совершаетъ новыя завоеванія. Мы не станемъ утверждать, чтобы каждый новый выпускъ произведеній г. Салтыкова былъ выше предыдущаго. Разсматриваемые въ цѣломъ ихъ составѣ, два послѣдніе выпуска («За рубежомъ» и «Письма къ тетенькѣ») кажутся намъ даже уступающими «Благонамѣреннымъ рѣчамъ», «Господамъ Головлевымъ», «Убѣжищу Монрено», «Круглому году», лучшимъ частямъ «Сборника»; но въ каждомъ изъ нихъ есть мѣста, вполне достойныя автора, и слѣдовательно объ упадкѣ дарованія его не можетъ быть и рѣчи. Необходимо помнить, что препятствія, съ которыми долженъ считаться сатирикъ, рѣдко были такъ велики, какъ въ послѣднее время, — а это не могло не отразиться какъ на содержаніи, такъ и на формѣ сатиры.

Въ какиѣ же практическіе результаты привела, однако, щедринская сатира? Кого она исправила, что искоренила, въ чемъ подвинула насъ впередъ? Эти вопросы не выдуманы нами; ихъ предлагаютъ не шутя — понятно, съ какою цѣлью — систематическіе противники г. Салтыкова. Мы попросили бы ихъ, въ свою очередь, указать намъ «практическіе результаты», достигнутые какиѣ бы то ни было сатирикомъ, древнимъ или новымъ, русскимъ или западно-европейскимъ. Еще не придумано мѣръ и вѣсовъ, съ помощью которыхъ можно было бы опредѣлить степень дѣйствія сатиры — но отсюда не слѣдуетъ, чтобы дѣйствіе это вовсе не существовало. Оно неуловимо, но вполне реально, какъ реально вліяніе другихъ родовъ литературы. Проявленія *добрыхъ чувствъ*, о которомъ говоритъ Пушкинъ въ «Памятникѣ», никто не наблюдалъ — а между тѣмъ они несомнѣнно пробуждались и пробуждаются пушкинскою лирой. Если щедринская сатира остановила поднятую руку хоть одного ташкентца, возбудила сомнѣнія хоть въ одномъ помпадурѣ, смягчила сердце хоть одного Ѳединьки, заставила хоть одного Разумова подумать объ отчетѣ передъ сномъ, то она прошла не безслѣдно. Не въ такихъ, впрочемъ, *непосредственныхъ* побѣдахъ состоитъ призваніе и торжество сатиры. Она освѣжаетъ воздухъ, поддерживаетъ движеніе, необходимое для жизни, сигнализируетъ подводные камни, предвѣщаетъ перемѣны погоды, разгоняетъ апатію и дремоту; она вызываетъ тысячи мимолетныхъ впечатлѣній, изъ которыхъ слагается незамѣтный, но цѣнный вкладъ въ общественную жизнь. Этого мало; какъ всякое художественное произведеніе, она повышаетъ общій уровень развитія, увеличиваетъ запасъ, изъ котораго постоянно черпаетъ для себя пищу народная мысль. Если бы изъ всѣхъ сочиненій

г. Салтыкова уцѣлѣли только «Столпъ» и «Болезненное мѣсто», то и тогда можно было бы сказать, что онъ жилъ и дѣйствовалъ не даромъ.

Сознаніе тѣхъ благъ, которыя вносятся въ жизнь лучшими произведеніями литературы, проникаетъ въ умы медленно и туго; особенно слабо распространено оно у насъ въ Россіи. Отсюда наше неумѣнье цѣнить литературную славу, отсюда недостатокъ уваженія къ нашимъ великимъ писателямъ, недостатокъ того чувства, которое наши сосѣди называютъ «Pietät», которое побуждаетъ ихъ лелѣять и беречь даже второстепенные таланты. Реакція въ пользу писателя происходитъ у насъ, болѣею частью, послѣ его смерти, и то не всегда и не скоро; слова Некрасова: «И только гробъ его увидя, — какъ много сдѣлалъ онъ, поймутъ, — и какъ любилъ онъ, ненавидя» — до сихъ поръ не потеряли своей силы. Понятно, что болѣе всего они примѣнимы въ тѣмъ, кто «проповѣдуетъ любовь враждебнымъ словомъ отрицанья». Настанетъ ли время, когда и для нихъ будетъ существовать хотя бы простая справедливость, когда несогласіе съ ихъ взглядами не будетъ исключать признанія ихъ гениа? Настанетъ ли время, когда въ оцѣнѣхъ великаго сатирика, несмотря на его тенденціозность, сойдутся всѣ мнѣнія, какъ они сходятся у французовъ въ оцѣнѣхъ В. Гюго, несмотря на «Châtiments» и «Napoléon le Petit»? Отворятся ли для насъ двери въ тотъ храмъ, въ которомъ всѣхъ соединяетъ одна вѣра, въ которомъ сходятся съ одинаковымъ чувствомъ всѣ поклонники искусства?...

Е. АРСЕНЬЕВЪ.

ВЕЧЕРНИЕ ОГНИ.

Посв. А. А. Фету.

Уходит пестрый день и, тѣша смертныхъ очи,
Горитъ на западѣ зарею золотой;
Кой-гдѣ румянятся тѣней сгущенный рой,
И бездна яркихъ звѣздъ плывётъ надъ бездною ночи...

Вотъ - вотъ они —

О, Господи! твои вечерніе огни!..

Столицы дремлющей тяжелые фасады
Слѣпыми окнами глядятъ со всѣхъ сторонъ: —
Кой-гдѣ голодному блестящій снится сонъ,
Кой-гдѣ для слезъ любви еще горятъ лампы...

Вотъ - вотъ они, —

О, Господи! твои вечерніе огни!..

На склонѣ скорбныхъ дней, еще глаза поэта
Сквозь бездну зля и лжи провидать красоту;
Еще душа таитъ горячую мечту
И вдохновеніе — послѣдній проблескъ свѣта...

Вотъ - вотъ они, —

О, Господи! твои вечерніе огни!..

Когда земная жизнь окажется химерой,
И въ міръ, гдѣ нѣкогда лилась людская кровь,
Сойдѣтъ сіять и грѣть небесная любовь,
Все человѣчество, быть можетъ, скажетъ съ вѣрой:

Вотъ - вотъ они, —

О, Господи! твои вечерніе огни!..

Я. П. Полонскій.

Мартъ, 1883.

ОЧЕРКИ НОВѢЙШЕЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ ПОЭЗИИ

Съ тѣхъ поръ какъ въ Европѣ завелась мода путешествовать, нѣтъ страны, которая до такой степени была бы наводняема туристами, какъ Италія. Больные и здоровые, ученые и неученные, мужчины и женщины ежегодно десятками тысячъ съѣзжаются въ Италію—одни, чтобы пользоваться ея благодатнымъ климатомъ, другіе, чтобы любоваться ея природою, третьи, чтобы изучать на мѣстѣ богатѣйшіе въ мірѣ памятники древности и искусства. Большинство этихъ гостей, разумѣется, перелетныя птицы. Но Италія отличается отъ прочихъ любимыхъ туристами странъ именно тѣмъ, что значительная часть ея посѣтителей—въ особенности изъ принадлежащихъ къ послѣдней категоріи—проводитъ въ ней многіе годы, прекрасно изучаетъ ея легкодоступный, гармоничный языкъ, и такимъ образомъ получаетъ полную возможность ознакомиться изъ первыхъ рукъ со всѣми сторонами ея народной жизни.—Тѣмъ не менѣе для всей остальной Европы современная Италія остается страной въ такой же степени чуждою и неизвѣстною, какъ какія-нибудь глухія окраины въ родѣ Скандинавіи, Португаліи, Греціи.

«Италія—страна мертвецовъ», сказалъ Ламартинъ. И этотъ черезъ-чуръ смѣлый приговоръ, отозвавшійся такъ болѣзненно по ту сторону Альповъ, былъ произнесенъ знаменитымъ французскимъ сладкопѣвцемъ какъ разъ въ эпоху высшаго литературнаго развитія Италіи, въ эпоху, когда у нея были уже такіе поэты, какъ Леопарди, Парини, Фосколо; такіе драматурги, какъ Альфіери, романисты, какъ Манцони. При самой скромной оцѣнкѣ, эти имена должны быть поставлены нисколько не ниже

наибольше громких именъ тогдашней литературной Франціи, которую Ламартинъ, разумѣется, считалъ «страною живыхъ». Очевидно, стало быть, что авторъ «Жирондистовъ» и «Méditations», хотя и поэтъ и историкъ по специальности, не имѣлъ никакого понятія обо всѣхъ этихъ писателяхъ. — Если таковы свѣдѣнія объ Италіи среди самыхъ передовыхъ людей, у ихъ ближайшихъ сосѣдей и родственниковъ, то намъ, русскимъ, и Богъ велѣлъ знать о ней немногимъ больше, чѣмъ о Персіи или Индіи. — Для насъ Италія — дѣйствительно «страна мертвыхъ». Всякій изъ насъ знаетъ, что когда-то очень давно жили да были Данте Алигieri, Ариостъ, Берни, Байардо, и мы помнимъ приблизительно, что кто изъ нихъ написалъ. Но, по мѣрѣ разсѣванія «мрака временъ», наши свѣдѣнія, повидимому, все больше и больше затемняются, такъ что современность оказывается покрытой настоящею тьмою египетской. Можно подумать, что блескъ воспоминанія старины до такой степени ярокъ, что слѣпнеть намъ глаза и мѣшаетъ видѣть окружающее. А между тѣмъ, если мы попробуемъ отвлечь взоръ отъ этихъ великихъ могилъ — могилъ народовъ и геніевъ, то замѣтимъ, что и въ окружающемъ есть многое, заслуживающее вниманія.

Начало новѣйшей итальянской литературы слѣдуетъ отнести къ первой четверти нынѣшняго столѣтія, такъ какъ въ эту именно эпоху она получила ту форму и то содержаніе, которыя, развиваясь далѣе подъ вліяніемъ причинъ исключительно внутреннихъ, мало-по-малу создали такъ называемую «національную», или лучше «патріотическую» литературу 1840—60 гг., перешедшую потомъ, вслѣдствіе разнообразныхъ вѣнскихъ и внутреннихъ причинъ, въ разностороннюю литературу современной эпохи.

Когда послѣ судорожнаго періода революцій, съ ея порывами и энтузіазмомъ, наступилъ періодъ всеобщаго разочарованія, утомленія и скептицизма, торжествующая реакція не только не встрѣтила сопротивленія въ общественномъ мнѣніи, но даже привлекла на свою сторону лучшіе умы своего времени, охвативъ всѣ области мысли, начиная съ философіи и кончая искусствомъ. Въ послѣднемъ, проводникомъ реакціи явился такъ называемый романтизмъ, который въ своемъ первоначальномъ видѣ представлялъ собою возвращеніе къ средневѣковой старинѣ, воплощавшей идеалы реставраціи.

Однако вліяніе революціи было настолько глубоко, что въ самомъ романтизмѣ мы замѣчаемъ весьма скоро цѣлый рядъ метаморфозъ, представляющихъ сочетаніе новаго духа со старыми формами. Романтизмъ получаетъ своими представителями и Ша-

тобріана, и Виктора Гюго, и Шиллера, и Гейне, приобрета́я такое разнообразіе направленій, что нѣтъ достаточно широкаго опредѣленія, которое могло бы объять ихъ всѣхъ. Вотъ почему самый этотъ терминъ принадлежитъ къ наиболѣе противурѣчивымъ и неяснымъ.

Остановимся на итальянской разновидности романтизма. Здѣсь онъ принялъ характеръ совершенно своеобразный, дѣлающій его столь же далекимъ отъ нѣмецкаго, какъ и отъ французскаго романтизма.

Утративъ, вмѣстѣ съ свободою, высокое мѣсто, занимаемое ею когда-то въ европейскомъ умственномъ движеніи, Италия въ эпоху своего пробужденія должна была, естественно, подчиниться вліянію народовъ, опередившихъ ее въ умственномъ развитіи. Это замѣчается и въ наукѣ, и въ художественной литературѣ. Но интересно, что въ послѣднемъ случаѣ вліяніе иностранныхъ образцовъ никогда не шло дальше перваго импульса. Иностранные поэты переводились и комментировались; ими восхищались; предъ ними преклонялись — частью вслѣдствіе ихъ дѣйствительныхъ достоинствъ, частью подъ вліяніемъ моды. Но каждый разъ, какъ въ самой Италиі возникало аналогичное литературное направленіе, оно принимало совершенно своеобразную и, нужно сознаться, болѣе художественную форму: поэтомъ, сходнымъ съ Байрономъ былъ тогда въ Италиі Леопарди; романтизмъ имѣлъ здѣсь своимъ представителемъ Манцони. Одаренные отъ природы слишкомъ тонкимъ чувствомъ изящнаго, воспитанные на такихъ поэтахъ, какъ Данте, Аріосто, Петрарка, итальянцы не могли переварить ни «чертовщины» нѣмецкаго, ни трескучести французскаго романтизма. Основатель и глава этой школы въ Италиі, Манцони, хотя и былъ ученикомъ французскихъ и нѣмецкихъ романтиковъ, съ которыми находился въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ, по представляетъ собою соединеніе, повидимому, несоединимаго: романтизма содержанія съ безукоризненнымъ реализмомъ формы. Противупоставляя бурному девятнадцатому столѣтію средніе вѣка, какими они рисовались въ воображеніи реакціонеровъ 1815—20 годовъ, Манцони наполняетъ, однако, созданный его воображеніемъ міръ не чудовищами, не уродами или фантазмами, а живыми людьми. Онъ — реалистъ въ такой же мѣрѣ, какъ Гоголь, Диккенсъ, Флоберъ, и имена его героевъ сдѣлались въ Италиі нарицательными, какъ у насъ имена героевъ «Мертвыхъ душъ» и «Ревизора».

Направленіе, данное итальянскому романтизму гениемъ Манцони, сохранилось и у его учениковъ. Конечно, ни одинъ изъ

нихъ не достигъ неподражаемой правдивости творца дона Абондіа, тѣмъ не менѣе всѣ они, въ противность романтикамъ другихъ національностей, стремились къ естественности и натуральности и наиболѣе талантливые представители этой группы, какъ д'Ацеліо, часто достигали своей цѣли.

Но итальянская романтическая школа отличается отъ прочихъ еще одной особенностью, объясняющейся уже не характеромъ народа, а тѣми политическими условіями, въ которыя была поставлена страна. Въ 1815 году Франція была только побѣждена, Италія завоевана, и какъ добыча войны похлѣна между королями и герцогами, которые кровавыми репрессаліями начали мстить за свое изгнаніе и униженіе. Никакой клерикализмъ и романтизмъ не могъ помириться съ такимъ унижительнымъ положеніемъ отечества, — тѣмъ болѣе, что въ этомъ случаѣ даже любимая ими старина, памятники которой попадались на каждомъ шагѣ, служила живымъ укоромъ и протестомъ противъ позора настоящаго. Вотъ почему даже у Манцони, проповѣдника христіанскаго смиренія и покорности, мы видимъ довольно ясно намѣченную идею національной независимости. Правда, онъ говоритъ объ испанцахъ, но публика умѣла читать между строками, какъ это бываетъ всегда и вездѣ. Онъ рисуетъ съ такой яркостью зло, причинявшееся Италіи испанскимъ владычествомъ, что всякій читатель, даже не особенно проникательный, не могъ не догадаться, что говора объ испанцахъ XVII вѣка, авторъ имѣетъ въ виду австрійцевъ XIX в.

Однако, у Манцони эти оппозиціонныя, національныя тенденціи являются лишь вскользь, мимоходомъ. Главная его цѣль выставить на видъ всѣ прелести папскаго и монашескаго режима. Другіе писатели той же школы пошли дальше осторожнаго автора «Обрученныхъ» и высказывали свои симпатіи и антипатіи, завытныя думы и упованія гораздо яснѣе. Они задаются уже прямою цѣлью будить въ своихъ соотечественникахъ національное чувство, воспроизводя наиболѣе громкіе подвиги или несчастія предковъ, съ цѣлью поученія или одушевленія современниковъ. Намеки, недосказанныя мысли, полу-слова замѣняли прямую проповѣдь... Огромный успѣхъ первыхъ попытокъ этого рода, въ связи съ возрастающимъ во всей Европѣ оппозиціоннымъ движеніемъ вообще, придавъ особенную силу этому литературному направленію, основаніе которому положилъ Массимо д'Ацеліо, зять Манцони, двумя своими романами: «Гекторъ Фьерамоска» и «Николо де-Лапи». Мало-по-малу патріотизмъ, который мы называли одной изъ отличительныхъ особенностей итальянскаго ро-

мантизма, становится главнымъ, наиболѣе выдающимся свойствомъ всей итальянской литературы вообще. Впослѣдствіи она мѣняетъ даже самое свое названіе, какъ не соответствующее болѣе ея сущности, и съ 40-хъ годовъ самое имя романтизма исчезаетъ изъ употребленія и руководящая литературная школа принимаетъ имя патріотической или національной.

Патріотическая нота, разъ раздавшись, не умолкаетъ болѣе въ итальянской литературѣ, и намъ приходится только отмѣтить форму и характеръ ея постепеннаго роста.

Слѣдующую ступень въ развитіи тѣхъ же патріотическихъ тенденцій мы видимъ въ такъ-называемой тосканской группѣ. Здѣсь оппозиція направляется уже не только противъ политическаго, но и противъ религіознаго гнета. Основатель и ораторъ этой школы, драматургъ Николлини, выставляетъ папство, какъ главную причину порабоженія родины, и призываетъ итальянцевъ на борьбу съ этимъ исконнымъ врагомъ общаго отечества съ такой же страстностью, какъ и противъ чужеземцевъ.—Историческія традиціи Флоренціи, города искони враждебнаго папамъ, погубившимъ его свободу; вліяніе непримиримаго гибеллина, старика Данте, культъ котораго, возстановленный въ первую половину нынѣшняго столѣтія, былъ всего сильнѣе въ его родномъ городѣ; сравнительная свобода слова, которой пользовалась Тоскана подъ управленіемъ своего герцога—все это способствовало тому, что это болѣе крайнее литературное направленіе разрослось, окрѣпло, превратилось въ обширную школу, ставшую вскорѣ во главѣ итальянскаго умственнаго движенія.

Джакомо Леопарди, котораго сами итальянцы, столь ревнивые въ своей старинѣ, ставятъ рядомъ съ Петраркою, представляетъ высшее выраженіе того патріотизма, который вдохновлялъ поэтовъ и романистовъ этой школы. Леопарди не можетъ быть названъ патріотическимъ поэтомъ въ строгомъ смыслѣ слова, какъ напр., Николлини: такое опредѣленіе слишкомъ для него узко. Мотивы его поэзіи широки и общечеловѣчны, и въ этомъ-то залогъ его безсмертія. Но о главной части его творчества мы говорить не будемъ, такъ какъ она принадлежитъ всѣмъ временамъ, а не только разбираемой нами эпохѣ. Для насъ важны его патріотическія произведенія. Число ихъ очень незначительно, сравнительно съ прочими. Но въ поэзіи количество ничего не значитъ рядомъ съ качествомъ... Леопарди, отрицавшій не только папство, но даже христіанство и идею божества вообще, а вмѣстѣ съ ними и всѣ основы господствующаго міровоззрѣнія, былъ и

остается до сихъ поръ однимъ изъ самыхъ могучихъ выразителей протеста человѣческой мысли противъ всякихъ преградъ. Какъ человѣкъ—весь проникнутый классической древностью, до такой степени, что онъ походилъ скорѣе на античнаго эллина, чѣмъ на современнаго человѣка—онъ лучше и сильнѣе всѣхъ изжилъ ту скорбь, которую вызывало въ душѣ потомка древнихъ героевъ, наталкивавшагося повсюду на памятники ихъ славы и величія,—зрѣлище тогдашняго позора прекрасной Италіи, отданной во власть «варвара» —чужеземца.

Политическія гѣсны Леопарди представляютъ вопль скорби и вмѣстѣ страстный призывъ къ бою во имя великаго прошлаго Италіи, какъ это мы видимъ и у Николини, у д'Ацеліо, Гросси, Пеллико и прочихъ представителей стараго романтизма. Въ другомъ поэтѣ, Джузеппе Джусти, впервые на литературную сцену выступаетъ современность.

Ему былъ 21 годъ, когда разразилась французская революція 1830 года. Она не имѣла въ Европѣ такого отголоска, какъ въ послѣдствіи революція 1848 года, потому что была обуздана раньше, чѣмъ успѣла разгорѣться. Но все-таки она, какъ гроза, хотя бы мимолетная, освѣжила политическую атмосферу. Реакція того времени со всѣми ея темными силами перестала казаться стоголовымъ дракономъ, покрытымъ неуязвимой броней. Событія во Франціи показали, какъ были непрочны тѣ основы, на которыхъ опиралась реакція.

Поэзія Джусти весьма вѣрно отражаетъ это новое настроеніе. Джусти — сатирикъ. Правда, въ его «Scherzi» больше желчи, чѣмъ юмора, сарказма—чѣмъ ироніи,—однако, уязвляя своимъ рѣзкимъ, произвольнымъ, какъ отточенная стрѣла стихомъ, и австрійское правительство, и своихъ доморощенныхъ деспотовъ со всѣми ихъ подпорами; заставляя дефилировать предъ нами цѣлый рядъ своихъ аббатовъ, святошъ, герцоговъ, сановниковъ, политическихъ шарлатановъ, онъ уже не осыпаетъ ихъ проклятіями, а язвить насмѣшкою: чувство ужаса исчезло безвозвратно и смѣнилось презрѣніемъ. Времена переменились. Владычество людей, не возбуждавшихъ ничего, кромѣ презрѣнія, не могло долго продолжаться. Очевидно, приближалось начало конца.

Джусти, умершій въ 1850 году, былъ человѣкомъ переходнаго типа: революціонеромъ-платоникомъ, если можно такъ выразиться. Будучи однимъ изъ признанныхъ вождей патріотическаго движенія Италіи, оказавъ подготовленію революціи 48 года все содѣйствіе, какое можетъ оказать популярнѣйшій поэтъ

— онъ не узналъ собственнаго дѣтища и отрекся отъ него, когда увидѣлъ его не сквозъ розовый туманъ поэзіи, а въ неприкрашенной дѣйствительности. Джусти былъ только литераторъ, «жрецъ музъ», а не политикъ.

Поколѣніе 1848 года дало литераторовъ много рода, у которыхъ слово и дѣло шли рука объ руку, которые были въ одно и то же время и писателями, и пророками, и солдатами. Быть можетъ, вслѣдствіе этой-то разносторонности ни одинъ изъ нихъ не достигъ той виртуозности въ «словѣ», которой обладало предшествующее поколѣніе литераторовъ-артистовъ. Но за то тѣмъ сильнѣе и непосредственнѣе было ихъ вліяніе на жизнь, тѣмъ тѣснѣе была ихъ связь съ нею. Лучшимъ ихъ представителемъ можетъ служить знаменитый Доменико Гверрацци, романистъ, трибунъ и агитаторъ, который говорить въ одномъ мѣстѣ, что «не имѣя возможности дать врагамъ битву—онъ написалъ книгу»,—а именно «Осаду Флоренціи», на которой воспиталось все молодое поколѣніе Италіи. Когда же ему представился случай дать дѣйствительную битву, онъ бросаетъ перо и становится во главѣ революціоннаго правительства Тосканы.

Писатели-эмигранты, какъ пьемонтецъ Берше, неаполитанецъ Габріель Росетти и Мадзини, бывшій не только политическимъ энтузіастомъ, но также однимъ изъ первыхъ писателей своего времени, усиливали своими жгучими листками и журналами эту всеобщую тенденцію.

Вотъ, какимъ образомъ развивалась итальянская литература въ періодъ отъ 1815 по 1860 годъ. Патріотизмъ становился мало-по-малу господствующимъ, единственнымъ, всепоглощающимъ мотивомъ всей литературы. Она вся дѣлается однимъ боевымъ крикомъ, зовущимъ всѣхъ способныхъ къ борьбѣ на великое дѣло освобожденія родины. Она одеообразна; она, можетъ быть, покажется скучной людямъ иной эпохи. Но ей-то и обязана Италія тѣмъ, что освободительное и сліятельное движеніе приняло видъ такой волшебной эпопеи. Литература подготовила цѣлое поколѣніе бойцовъ, экзальтированныхъ до такой степени, что служеніе Италіи сдѣлалось для нихъ настоящимъ культомъ. Безъ такой подготовки были бы немыслимы ни неутомимая національная пропаганда Мадзини, ни блестящія военныя чудеса Гарибальди.

Но вотъ, великая цѣль достигнута. Италія свободна, объединена—и если въ сердцѣ ея лежитъ еще влочекъ папской земли, то всѣ понимаютъ, что вопросъ о присоединеніи ея къ общему отечеству составляетъ лишь только вопросъ времени. Въ 1870 г.

национальное знамя развѣвается, наконецъ, и на вершинѣ Кани-толіа.

Патріотизмъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, оушествлявшій литера-туру прошлаго повождія, потерялъ вскорѣ *raison d'être*. Нѣ-сколько лѣтъ итальянская литература глѣла диеирамбы. Разумѣется, честные республиканцы были не совсѣмъ довольны. Но побѣда была такъ блистательна, результаты ея такъ громадны, что даже и они увлеклись, и глава итальянской поэзіи, ярый республи-канецъ Кардуччи, написалъ Виктору-Эммануилу хвалебную пѣснь, которую, впрочемъ, не захотѣлъ потомъ помѣстить въ сборникъ своихъ стихотвореній.

Но суровая и прозаическая дѣйствительность всего менѣе спо-собна выдержать продолжительное испытаніе восхваленій. Какъ бы хороша она ни была, всегда въ ней окажутся такіе рѣзкіе дис-сонансы съ идеаломъ, рисовавшимся наканунѣ, что нужно быть либо очень близорукимъ, либо очень неискреннимъ человекомъ, чтобы продолжать восторгаться наперекоръ воочію совершаю-щимся фактамъ. Потребовались новые мотивы, открылись новые горизонты. Итальянская творческая мысль, какъ потокъ про-рвавшій плотину, преграждавшую ему путь, увидѣла предъ со-бою обширное поле, новое и неизвѣданное, и разлилась по немъ, раздробившись на множество различныхъ ручьевъ, сообразно но-вымъ, многоразличнымъ вліяніямъ, которымъ она здѣсь под-верглась.

Мы начнемъ наши очерки современной итальянской лите-ратуры съ поэзіи въ собственномъ смыслѣ и вотъ почему. Сравнивая современную итальянскую литературу съ литературой другихъ народовъ, мы не можемъ не обратить вниманія на одну характерную особенность: у французовъ, нѣмцевъ, англичанъ, а также у насъ, русскихъ, безусловное преимущество въ худо-жественной литературѣ принадлежитъ роману. Во Франціи, на-примѣръ, рядомъ съ сотнями романистовъ, между которыми на-считываются первоклассные таланты, пользующіеся европейской извѣстностью, едва ли найдется одинъ десятокъ не совсѣмъ без-дарныхъ поэтовъ, между которыми нѣтъ ни одного извѣстнаго за предѣлами тѣснаго кружка любителей (не считая разумѣется Виктора Гюго, принадлежащаго къ совершенно иной эпохѣ). У насъ поэзія какъ будто въ загонѣ. Въ Италіи совершенно на-оборотъ: тамъ искони поэзія имѣла превосходство надъ прозаиче-ской художественной литературой. На столькихъ геніальныхъ поэтахъ она представляетъ всего двухъ геніальныхъ художни-ковъ-прозаиковъ Боккаччіо и Манцони. Поэзія не утратила своего

первенства и въ настоящее время. Итальянскій романъ, несмотря на все изящество и тонкость отдѣлки, почти не выходитъ, должно сознаться, изъ предѣловъ посредственности. На половину, если не больше, онъ принадлежитъ къ фальшивому историческому жанру, и это одно показываетъ его зачаточное состояніе. Романы неисторическіе крайне однообразны и бѣдны мотивами. Почти всѣ они вращаются въ сферѣ исключительно сердечныхъ отношеній. Лишь въ самые послѣдніе годы Джованни Верга сдѣлалъ нѣсколько попытокъ созданія широкаго бытового и социального романа. Если же мы обратимся къ поэзіи, то здѣсь насъ прежде всего поражаетъ разнообразіе мотивовъ, разносторонность направленій. Нѣтъ теченія, которое не имѣло бы въ ней своего представителя или даже цѣлой группы ихъ. Всѣ вопросы и стремленія жизни отражаются въ ней, какъ въ фокусъ оптическаго зеркала. Она приняла въ себя всѣ горести и радости современнаго человѣка и вылила ихъ въ формѣ, иногда поразительно прекрасной.

Итальянцы вполнѣ признаютъ превосходство своихъ поэтовъ надъ прозаиками. Не романы, какъ у другихъ народовъ, а книжки стиховъ составляютъ здѣсь эпоху своимъ появленіемъ. Самые громкія и популярныя имена—это имена поэтовъ, а не романистовъ.

І. Джозуэ Кардуччи.

Мы начнемъ съ главы новой итальянской поэзіи, Джозуэ Кардуччи, мощнаго и пластическаго пѣвца «Сатаны». Ему въ настоящее время всего сорокъ-пять лѣтъ, но нѣтъ писателя, который пользовался бы въ Италіи такой громадной популярностью, и притомъ во всѣхъ слояхъ читающей публики, начиная съ полуграмотныхъ рабочихъ и кончая самыми высшими классами. Когда въ 1878 году королевское семейство проѣзжало чрезъ Болонью, Кардуччи, занимающій катедру исторіи литературы въ болонскомъ университетѣ, на одномъ вечерѣ былъ представленъ королеви Маргаритѣ, причемъ королева, желая показать ему свое вниманіе, продекламировала одну изъ его пѣсеней. Послѣ этого-то случая Кардуччи, не желая остаться въ долгу за такую необычайную любезность, и написалъ свою «Оду королеви Маргаритѣ», за которую ему столько досталось потомъ отъ его политическихъ друзей.

Поэзія Кардуччи чрезвычайно разнообразна по характеру и мотивамъ. Рядомъ съ торжественнымъ гимномъ мы встрѣчаемъ

сверкающую весельем застольную пѣсню; рядомъ съ громовой филиппикой, полной сарказма, ненависти, проклятій—нѣжную, прелестную, какъ итальянское небо, пѣснь любви, или тихую идиллію во вкусѣ Теокрита. Однако, всматриваясь ближе, легко замѣтить двѣ совершенно опредѣленные, то сливающіяся, то снова расходящіяся струи, которыя вполне характеризуютъ настоящую фязіономію его поэзіи.

Сынъ «карбонара», выросшій въ электрической атмосферѣ волнений, тревогъ, ожиданій эпохи итальянскаго освобожденія, Кардуччи съ самаго ранняго дѣтства уже считаетъ себя республиканцемъ и въ десять лѣтъ пишетъ оду «На смерть Цезаря». Въ заброшенной среди болотъ Мареммы деревушкѣ, гдѣ отецъ его былъ докторомъ, маленький Джозуэ становится трибуномъ своего рода яacobинскаго клуба, основаннаго его «политическимъ и личнымъ другомъ», хромымъ портнымъ Скальчини. Онъ любить эту среду и по цѣлымъ днямъ пронадеаетъ изъ дому, гдѣ его ждутъ швольная указка и латинскіе стихи. Эта-то жизнь на деревенскомъ привольѣ, въ круту подмастерьевъ и школьниковъ, проникнутыхъ восторгомъ къ идеальной республикѣ, а также и къ ея маленькому пѣвцу и оратору, развила въ дикомъ и самолюбивомъ отъ природы мальчикѣ тотъ неуеротимый духъ свободы, ту ненависть ко всякаго рода стѣсненіямъ, которая составляетъ главную отличительную черту его поэзіи.

Въ той же Мареммѣ беретъ свое начало и вторая струя, которую мы ясно замѣчаемъ уже въ первыхъ произведеніяхъ Кардуччи (*Juvenilia*) и которая, все расширяясь, подъ конецъ совершенно заливаєть первую.

Въ своей рѣчи о вліяніи женщинъ на цивилизацію, Бокль говоритъ между прочимъ, что у большей части великихъ людей матери были замѣчательныя женщины. Біографія Кардуччи представляетъ весьма интересное подтвержденіе этого мнѣнія. Въ то время, какъ отецъ его, несмотря на все свое карбонарство, пичкалъ сына католическими комментаріями на романъ Манцони, мать, по словамъ самого Джозуэ, научила его понимать Берше и разбивала въ немъ католическія суевѣрія. Фактъ этотъ показываетъ чрезвычайную природную силу мысли въ женщинѣ, потому что въ Италіи не только сорокъ лѣтъ тому назадъ, но даже и въ настоящее время итальянскія женщины, будучи воспитаны духовенствомъ, большею частью самыя яркія фанатики.

Въ 1849 году, послѣ подавленія революціи, отецъ Кардуччи по политическимъ причинамъ долженъ былъ покинуть реакціонную Маремму и переѣхать вслѣдствіе того во Флоренцію. Джозуэ

сталъ ходить въ школу къ монахамъ, но въ мальчикѣ былъ слишкомъ развитъ духъ противорѣчія, чтобы онъ могъ поддаться ихъ вліянію. Въ школѣ онъ знакомится съ нѣсколькими товарищами, приближенными какъ и онъ изъ разныхъ провинціальныхъ захолустьевъ, у которыхъ отцы были тоже карбонарами, и у которыхъ были тоже свои Скальцини. Общность «убѣжденных» быстро сближаетъ этихъ ребятъ, мечтающихъ объ изгнаніи «аѣмца» и о водвореніи республики. Жизнь Мареммы продолжается для Кардуччи и здѣсь.

Въ 1852 году, Кардуччи поступаетъ въ пизанскій университетъ и здѣсь онъ начинаетъ впервые усердно работать и владетъ основаніе той обширной эрудиціи, которая впоследствии сдѣлала его однимъ изъ ученѣйшихъ профессоровъ и критиковъ Италіи.

Говоря объ учености, мы должны, впрочемъ сдѣлать маленькую оговорку, потому что въ Италіи значительное большинство такъ называемыхъ ученыхъ принадлежитъ къ типу весьма своеобразному, совершенно неизвѣстному въ другихъ странахъ. Изученіе памятниковъ древней литературы у всѣхъ другихъ народовъ составляетъ дѣло небольшой группы специалистовъ, образованіе же, въ смыслѣ общемъ, состоитъ въ возможно болѣе полномъ ознакомленіи съ основными выводами современной мысли во всѣхъ ея сферахъ. Въ Италіи это нѣсколько иначе. Національное движеніе конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія было въ полномъ смыслѣ слова возрожденіемъ и находилось въ такой же тѣсной связи съ литературой XIII—XVI столѣтія, какъ эпоха возрожденія съ античной древностью. Архивные кроты, въ родѣ аббата Антоніо Чезари, Джуліо Пертикари и всей столько разъ осмѣянной академіи della Crusca, возродили итальянскій языкъ, который совершенно смыкался, подъ наплывомъ галлицизмовъ и провинціализмовъ, и положили такимъ образомъ фундаментъ умственному объединенію націи. Въ эту эпоху постоянное общеніе съ первичными родниками чистой итальянской рѣчи было безусловной необходимостью. Теперь этой необходимости уже нѣтъ. Итальянскій языкъ очистился отъ постороннихъ примѣсей, выработался до высокой степени совершенства и, по богатству выраженія, тонкости отгѣнковъ, не уступаетъ ни одному изъ европейскихъ языковъ. Въ настоящее время итальянцы имѣютъ полную возможность оставить крепотливую работу выработки орудія мысли и посвятить свой трудъ на разработку самой мысли. Но укоренившіяся привычки отбрасываются не легко. Чрезвычайная погоня за изяществомъ формы, переходящая въ пустую

виртуозность, способствуетъ ея сохраненію. Такимъ образомъ въ результатъ получается, что добрыхъ двѣ трети образованныхъ итальянцевъ ничего, или почти ничего серьезно не изучали, потому что лучшіе годы убили на изученіе, напр., одного Данте или Боккаччіо.

Ученость Кардуччи принадлежитъ именно въ этому археологическому жанру, хотя вообще онъ, конечно, человѣкъ образованный. Около десяти лѣтъ провелъ онъ въ изученіи итальянскихъ классиковъ и въ настоящее время считается однимъ изъ первыхъ знатоковъ и авторитетовъ въ этой области, переполненной въ Италіи знатоками и авторитетами. Его предисловія къ классикамъ и критическія статьи о нихъ цѣнятся въ Италіи чуть не столько же, сколько и его пѣсни.

Но не одними этими предисловіями и даже не замѣчательною виртуозностью языка обязанъ Кардуччи такому изученію классиковъ эпохи Возрожденія. Кардуччи принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ ученыхъ, которые поняли истинный духъ этой эпохи, состоявшій въ реабилитаціи жизни, въ разрушеніи всѣхъ суевѣрій и предрасудковъ, а вовсе не въ замѣнѣ католическихъ цѣпей протестантскими, какъ объ этомъ пишутъ въ учебникахъ. Уже отъ первыхъ его произведеній (*Juvenilia*) вѣетъ тѣмъ духомъ греческаго гуманизма, пламеннымъ жрецомъ котораго онъ становится впоследствии. Этого-то античный культъ торжествующей жизни вмѣстѣ съ протестомъ республиканца-карбонара и составляютъ тѣ двѣ основныя струи, которыя, какъ мы сказали выше, характеризуютъ поэзію Кардуччи.

Но они сливаются во-едино въ первомъ произведеніи, прославившемъ его имя во всей Италіи. Это его знаменитый «Гимнъ Сатанѣ». Но пусть не пугается читатель этого страшнаго названія. Вотъ что говорить о немъ одинъ изъ близкихъ друзей Кардуччи, г. де-Губернатисъ, профессоръ итальянской литературы во Флоренціи, столь извѣстный и русскимъ читателямъ, по его участию въ нашей журналистикѣ: «Гимнъ Сатанѣ—говоритъ онъ—можно считать самымъ полнымъ выраженіемъ высокой души нашего поэта. Не смотря на свое некрасивое названіе, которое можетъ сбить съ толку неоперившихся юношей, заставивъ ихъ считать прекраснымъ то, что безобразно, его «Гимнъ Сатанѣ» великогласенъ. То, чего хочетъ поэтъ, того же хотимъ и мы всѣ, любящіе свободу и свѣтъ... Слово «сатана» можетъ привести въ ужасъ добрыйшаго и милыйшаго Филлопанти, искренно убѣжденнаго въ томъ, что онъ, не помню которое-то, воплощеніе Христа на землѣ,—а также и почтеннаго редактора «Католическаго Вѣстника». Слово это

дѣйствительно двусмысленно и даже, мнѣ кажется, неудачно; но духъ этого гимна великъ и возвышенъ—это крикъ души человѣка, который любить и вѣрить...

Сатана Кардуччи это не Люциферъ Мильтона, побѣжденный и гордый республиканецъ,—еще менѣе демонъ Байрона, разочарованный и сентиментальный. Его сатана—воплощеніе торжествующаго «духа бурь» и побѣдоносной, всеразрушающей критической мысли; но вмѣстѣ съ тѣмъ это какое-то пантеистическое олицетвореніе самой природы и живой одухотворенной матеріи.

«Сатанъ! ¹⁾

«Тебѣ, великое начало и душа всего сущаго; тебѣ, матерія и разумъ, сила и духъ, раздается моя смѣлая пѣснь!

«Въ то время, какъ вино сверкаетъ въ чашахъ; въ то время, какъ солнце и земля улыбаются другъ другу и обмѣниваются словами любви, и сладострастный трепетъ пробѣгаетъ по оплодотвореннымъ холмамъ и долинамъ,

«Тебя, о сатана, провозглашаю я предсѣдателемъ нашего пира!»

Далѣе поэтъ, желая дать понятіе о могуществѣ сатаны, слѣдующими образами рисуетъ печальную картину современнаго безвѣрія:

«Прочь, кропило! Прочь, влобукъ!—Нѣтъ, патеръ, сатану ты уже не прогонишь!

«Въ матеріи, которая никогда не дремлетъ, царь феноменовъ, царь формы, живъ одинъ сатана, и властью сверкаетъ огненный взглядъ его черныхъ очей!»

Затѣмъ слѣдуетъ очерченная нѣсколькими удачными картинами исторія могущества сатаны. Сперва идетъ язычество, представлявшее культъ матеріи и чувственности—культъ сатаны, какъ выражается поэтъ. Но царство его было непродолжительное, потому что галилеянинъ опрокинулъ на землю его жертвенники и сжегъ священнымъ факеломъ его храмы. Но что за бѣда?

«Тебя, бѣглеца, радушно приняла въ число своихъ домашнихъ боговъ благодарная чернь.

¹⁾ Очень сожалѣемъ, что не можемъ представить стихотворнаго перевода этого замѣчательнаго произведенія. Прибѣгаемъ къ блѣдному прозаическому и притомъ „вольному“, пропуская, какъ здѣсь такъ и въ слѣдующихъ цитатахъ изъ Кардуччи, многіе арабески и украшенія оригинала, потому что никакая проза не въ состояніи поддержать того богатства образовъ и красокъ, которыми отличается стихъ Кардуччи.

«Блѣдная вѣдьма, трепещущая и преданная, поклонница и любовница, приютила тебя у своей груди.

«Алхимики и непокорный магъ тебѣ воздвигаютъ свои таинственные и чудные храмы»...

Далѣе идутъ строфы, рисующія ростъ этой непокорной силы. Мы не станемъ передавать ихъ. Мощные аккорды все растутъ и растутъ и, наконецъ, разражаются страстнымъ воззваніемъ:

«Рви свои цѣпи, о, человѣческая мысль! Сверкай, блести, окруженная пламенемъ. Восстань, матерія: Сатана побѣдилъ!

«И вотъ прекрасное, но грозное чудовище срывается со своей уды. Оно мчится по морямъ, мчится по землѣ и сверкаетъ и дымитъ, какъ вулканъ. Оно перескакиваетъ черезъ горы, перелетаетъ черезъ пропасти. Вотъ оно нырнуло въ черную трущобу, вотъ оно вынырнуло снова и неудержимое, несется какъ вихрь, по полямъ и вопіетъ своимъ вычнымъ воплемъ: внемлите народы — великъ сатана!

«Привѣтъ же тебѣ, о сатана, о непобѣдимая сила человѣческой мысли!»

Мы привели почти цѣликомъ конецъ этого гимна, чтобы показать, что побѣда сатаны у Кардуччи отождествляется съ побѣдой мысли, олицетвореніемъ которой служить то «железное чудовище, дымящееся какъ вулканъ».

Написанный въ «одну сентябрьскую ночь 1863 года, гимнъ сатанѣ былъ напечатанъ только въ 1865. Успѣхъ его былъ колоссальный. Противники, обрушившіеся на него съ цѣлымъ рядомъ обвиненій, нападокъ и даже пасквилей, только увеличили, какъ это всегда бываетъ, успѣхъ поэта, растрюбивъ о немъ повсюду.

Ни одно изъ послѣдующихъ произведеній Кардуччи не произвело такого впечатлѣнія, хотя нѣкоторые изъ нихъ по реальности образовъ и глубинѣ мысли могутъ быть поставлены не только рядомъ, но даже выше этого знаменитаго гимна, страдающаго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ неясностью и даже прозаичностью—общій удѣлъ всѣхъ поэтическихъ произведеній, стремящихся охватить въ немногихъ стихахъ какую-нибудь громадную историческую эпоху.

Въ лучшимъ произведеніямъ Кардуччи можно отнести его вторую деценналю: «На смерть богатой и благородной дамы», и въ особенности «Карнавалъ». Въ нихъ онъ положительно является соперникомъ Томаса Гуда. Первое изъ нихъ начинается картиной смерти богатой дамы, умершей во цвѣтъ лѣтъ, оставивъ сиротами малолѣтокъ дѣтей и старуху-мать, которая ры-

даетъ надъ ея тѣломъ и жалуется на судьбу, покинувшую ее, старуху:

«О, какое горестное зрѣлище!—восклицаетъ поэтъ. —И однако я знаю другія, большія горести, другія страданія, которыхъ не поютъ и не оплакиваютъ поэты! Отворитесь вы, скорбнымъ трупомъ нищеты!»

Затѣмъ слѣдуетъ картина другой смерти—смерти отъ нужды и голода. Женщина. Никого кругомъ. Только ребенокъ съ бѣшенымъ крикомъ голода безпомощно возится, мечется у истощенной груди матери, которая смотритъ на него и тщетно прижимаетъ къ себѣ слабѣющими руками... Сцена очень короткая, но очень сильная. Она оканчивается словами:

«Завтра тотъ, кто любилъ ее, устремитъ взглядъ на ее обезображенный трупъ и отправится на обычную работу! Времени на слезы и права на любовь нѣтъ у нищаго»...

«Карнавалъ» еще выше по художественности своихъ описаній и по широкому замыслу. Онъ состоитъ изъ ряда характерныхъ сценъ, вполнѣ отражающихъ собою контрасты современнаго строя. Приводимъ въ извлеченіи это произведеніе, принадлежащее къ лучшимъ памятникамъ не только итальянской, но и европейской поэзіи. Оно начинается величольнымъ описаніемъ зимы. Раздается—

«Голосъ изъ палатъ. Люблю тебя, суровая зима. Люблю дикій вой твоего вѣтра, въ которомъ слышится и плачъ и стоны, и ревъ раненаго звѣря. Бѣлая снѣжная пыль наполняетъ снѣгъ воздухъ и сливается съ безбрежной снѣговой скатертью, которая тонетъ въ дальнемъ горизонтѣ. Чуть краснѣетъ тусклый солнечный дискъ и прячется въ туманѣ, какъ глазъ подъ отяжелѣвшей отъ сна вѣной.—Въ природѣ ни звука: не слышно ни птички, ни насѣкомаго, ни пѣсни дѣвушки или прохожаго. Только вѣтви трещатъ подъ непосильнымъ бременемъ снѣга и лопаются гдѣ-нибудь съ рѣзкимъ звукомъ кора. Хореша весна съ ея зефирами и зелеными лугами. Но этотъ гордый и молчаливый ужасъ мнѣ милѣ», и т. д.

Затѣмъ сцена перемѣняется. Раздается *голосъ изъ лачугъ*:

«О, если бы теплой кровью своего сердца я могъ отогрѣть оледенѣлые члены моего ребенка! Но сердце только поетъ и сжимается и въ безсиліи падаютъ мои омоченныя руки»...

Такъ начинается вторая сцена. Голосъ изъ лачугъ смѣняется голосомъ изъ залы:

«Лейте, лейте веселый сокъ, который посылаетъ намъ старій,

утицаемый тысячу замков Рейнъ! Пѣнься въ высокихъ бочагахъ, игривое дитя земли Иоанны д'Аркъ»...

Пиръ смѣняется танцами:

«Сладко сливать свое дыханіе съ дыханіемъ прелестныхъ ровныхъ устъ. Сладко скользить губами по пылающимъ щекамъ и сжимать въ своихъ рукахъ трепетную ручку. Сладко нашептывать на ухо слова любви, уносясь въ вихрь вальса»...

Но вотъ раздается *юлосъ съ чердаковъ*:

«Не было хлѣба, не было работы. У холодного очага сидѣла, потувшия и дрожа отъ холода, моя мать. Она сидѣла и молча, испуганно смотрѣла на меня.—Долго, долго преслѣдовалъ меня этотъ взглядъ, когда, изнеможенная, я медленно сошла внизъ...

«Луна блѣдно свѣтила сквозь холодный туманъ и, бросивъ свой лучъ на грязный перекрестокъ, исчезала за облакомъ: также точно исчезалъ свѣтъ моей печальной молодости!—Я протянула руку... Но циничскій хохотъ былъ мнѣ отвѣтомъ и безчеловѣчное слово проникло мнѣ въ самое сердце. Но еще безчеловѣчнѣе, о вы, безгрѣшныя, былъ долгій голодъ и взглядъ старухи матери. Я вернулась и принесла хлѣба. Но замолокъ мой голодъ. О матушка! восприняла я, и скрыла свое лицо на ея груди...

«Прощай разбитая жизнь, прощайте святые мечты о счастьи!»

«Карнавалъ» оканчивается *юлосомъ изъ-подъ земли*:

«Замолчи, несчастная дѣвушка, замолчи, сворбная мать, и ты, голодный ребенокъ, прекрати свой жалобный плачъ: смотрите—вонъ сверкаютъ огнями палаты, гдѣ пируютъ счастливые сыны нашего освобожденного отечества, гдѣ братски жмутъ другъ другу руки и вельможи, и ученые, и ростовщики, и воины...

«Дикуйте, наслаждайтесь,—всѣ счастливые, могущественные, бездушные! Когда же восходящее солнце подниметъ труженника на работу—выходите и бросьте ему въ лицо остатки непереваренной оргіи, — и не вспоминайте о днѣ, когда въ вашѣмъ волооченныхъ дверяхъ подойдетъ голодъ рука объ руку съ смертью!»

Политическія произведенія Кардуччи очень многочисленны, и они-то создали ему ту громадную популярность, которой онъ пользуется. Дѣйствительно, въ этомъ жанрѣ, ни одинъ итальянскій поэтъ не сравнялся съ Кардуччи. Это — идеалъ политическаго пѣвца. Вдохновеннымъ энтузіазмомъ дышатъ его гимны, посвященные Гарибальди, напимѣръ, «Послѣ Аспремонте»; «Сицилія и Революція» — и героямъ миланскихъ баррикадъ 48-го года («Годовщина»). Онъ умѣетъ не только одушевлять, но и заставлять проливать слезы, какъ показалъ въ своей трогательной одѣ «На смерть Джованни Байроли», послѣднего изъ пяти братьевъ, посвященной

ихъ матери Аделандѣ Кайроли, которая сама воспитала пятерыхъ своихъ сыновей и сама послала ихъ умереть за свободу отечества. Но во всей своей мощи Кардуччи является тамъ, гдѣ, полный негодованія и ненависти, онъ мечетъ громы и молніи противъ враговъ свободы Италіи. Таковы его «*Odardo Corazzini*», «На казнь Монти и Тоньети» и др. Кардуччи — великій мастеръ ироніи и сарказма. Въ этомъ отношеніи онъ напоминаетъ Виктора Гюго, съ которымъ у него много общаго въ лирическихъ приемахъ.

Однако произведенія, принадлежащія къ тому жанру, о которомъ мы говорили, составляютъ лишь одну половину, даже, быть можетъ, меньшую, всего написаннаго Кардуччи. Тотъ античный культъ чувства, всего живого, материн, которымъ дышетъ гимнъ сатанѣ, внушилъ Кардуччи множество болѣе или менѣе удачныхъ пѣсенъ, сонетовъ, одъ, посвященныхъ воспѣванію природы, любви, вина, жизни вообще. Ими пересыпаны его *Juvenilia*, *Levia Gravia* и *Desempalia*. Одновременно съ ослабленіемъ въ его поэзіи струи протестующей, революціонной, прежній элементъ опять приобретаетъ преобладающее значеніе и получаетъ, наконецъ, высшее развитіе въ послѣднемъ сборникѣ: «*Odi barbare*» (1876 г.).

Какъ ни мало симпатичны эти оды по своему направленію, онѣ заслуживаютъ по своей художественности большого вниманія и уже оцѣнены по достоинству нѣмецкой и англійской критикой. Въ нихъ Кардуччи является такимъ же соперникомъ классиковъ, какимъ изъ европейскихъ поэтовъ былъ только Гёте. Классицизмъ его не имѣетъ ничего подражательнаго. Онъ усвоилъ себѣ характеръ классическаго творчества, заключающійся въ томъ, чтобы наимпростѣйшими и наименьшими средствами достигнуть наибольшаго эстетическаго дѣйствія. Но вѣдь это идеалъ всякаго искусства, потому что онъ составляетъ подражаніе самой природѣ: древніе поэты только больше другихъ приблизились къ нему, и прежде всего вслѣдствіе элементарности своего содержанія.

Особенность Кардуччи въ томъ именно и заключается, что у него нѣтъ ничего стереотипнаго, подражательнаго, банальнаго. Сквозь классическую оболочку его одъ сквозитъ девятнадцатый вѣкъ. Кардуччи сумѣлъ вполне сохранить свою сильную индивидуальность, ничѣмъ не поступившись, чтобы сдѣлаться похожимъ на челоѣка классическаго міра. Онъ новъ и оригиналенъ по темамъ и по мыслямъ, и не имѣетъ рѣшительно ничего архаическаго. Даже мелкія детали взяты прямо съ натуры, какова она есть, и потому свѣжи, колоритны, живы.

Въ «Ваняхъ Каракаллы», напримѣръ, мы встрѣчаемъ такой,

уже вовсе не «классическій», но за то весьма характерный образъ: «англичанка, поднявшая синюю вуаль на бѣлосурныя косы», ходить по развалинамъ и смотреть въ свой гдѣ.

Отъ классиковъ Кардуччи заимствовалъ, можно сказать, одинъ изъ глазъ: умѣнье схватить и выразить однимъ штрихомъ самую характерную особенность изображаемаго предмета. Никогда не найдете вы у него ни одного слова или эпитета, которые не содѣйствовали бы рельефности цѣлаго, освѣщая какую-нибудь реальную сторону предмета. Изображая рѣку, городъ, древній храмъ, онъ изображаетъ именно данную рѣку, данный городъ, данный храмъ и притомъ со всей точностью и правдивостью деталей, какая встрѣчается у Эмиля Золя, съ тою только разницей, что Кардуччи умѣетъ концентрировать свои наблюденія въ двухъ трехъ стихахъ, иногда въ одномъ эпитетѣ. Отсюда происходитъ содержательность и богатство его коротенькихъ, сжатыхъ строфъ, которыя превращаются иногда въ настоящіе мозаичныя картинны изъ дорогихъ камней. Его пейзажи сохраняютъ не только отпечатокъ страны, но даже провинціи и округа. Чтобы убѣдиться въ этомъ достаточно сравнить, напримѣръ, оды «Площадь Санъ-Петровія», гдѣ онъ изображаетъ мрачную, уставленную банями Болонью, и «Передъ банями Каракаллы», гдѣ рисуется Римъ съ его бесплодной, мертвой равниной, стадами каркающихъ вороновъ и гордымъ плебеємъ, который «закутавшись въ свой плащъ, важно наснистывая что-то въ густую бороду, проходить и ни на кого не смотритъ». Еще любопытнѣе сравнить оды «На Аддѣ» и «У источника Клитумна», такъ какъ въ обѣихъ мѣсто дѣйствія рѣка. Но это совершенно разныя картины, потому что поэтъ уловилъ и воспроизвелъ не только разницу въ общемъ характерѣ той и другой провинціи, населенія, формы береговъ, но различіе растительности, даже формы и музыки волнъ.

Въ описаніи движеній души Кардуччи не достигаетъ такого мастерства, какъ въ описаніи внѣшняго міра. Но это только сравнительно: и здѣсь мы видимъ ту же содержательность и тонкость отдѣлки. Огромный запасъ словъ, которымъ владѣетъ Кардуччи, даетъ ему возможность подбирать въ соврѣшцахъ итальянскаго языка самыя удачныя, мѣткія и характерныя термены и обороты, что дѣлаетъ его самымъ труднымъ и вмѣстѣ самымъ пластичнымъ изъ современныхъ итальянскихъ поэтовъ. Другую особенность этого рода произведеній Кардуччи составляетъ тотъ ясный, невозмутимо спокойный миръ душевный, которымъ они проникнуты. Даже скорбь, какъ, напримѣръ, въ одѣ «Mors»

(смерть) по поводу дифтеритной эпидеміи, принимаетъ у него какой-то спокойно-величественный характеръ. Онъ примирился съ жизнью; онъ беретъ ее, какова она есть, не требуя отъ нея ничего такого, чего она дать не можетъ. Поэтому нѣтъ ни разочарованія, ни надломленности. Въ этомъ отношеніи Кардуччи принадлежитъ къ числу немногихъ поэтовъ нашего нервнаго и болѣзненно впечатлительнаго времени, которые вполне усвоили себѣ прозрачное, невозмутимое античное міросозерцаніе.

Въ заключеніе приведемъ нѣсколько словъ о личности поэта, какъ его характеризуетъ г. де-Губернатисъ.

«Кардуччи вовсе не волосъ, и вовсе не закованъ въ желѣзо, какъ воображаютъ себѣ его юности. Онъ никого не пугаетъ бряцаньемъ оружія; онъ не опрокидываетъ ни алтарей, ни троновъ. Онъ даже не величественъ, какъ Юпитеръ-громовержецъ, какимъ воображаютъ себѣ его дѣвизы. Это очень простой и добродушный человѣкъ и большой демократъ, который самъ живетъ и даетъ другимъ жить. Если оставить въ сторонѣ его стихи, то въ немъ нѣтъ ничего ужаснаго и грознаго. Но онъ страдаетъ маленькой слабостью — любить, чтобы его воображали какимъ-то каннибаломъ, и улыбается отъ удовольствія, когда видитъ, что гости его выѣ себя отъ удивленія, не замѣчая въ немъ ничего каннибальскаго. Онъ широкъ въ плечахъ, коренастъ, черныя густыя волосы. Обладаетъ прекраснымъ здоровьемъ, что не мѣшаетъ ему, однако, быть однимъ изъ самыхъ нервныхъ людей, какихъ я когда-либо встрѣчалъ. Рука у него маленькая, точно у женщины — въ длину не болѣе восемнадцати, въ ширину не болѣе восьми сантиметровъ. Но вся эта жилистая рученка — одинъ комокъ нервовъ. Она овладѣваетъ той рукой, которую жметъ, управляетъ ею, заставляетъ дрожать, какъ отъ прикосновенія электрическаго тока.

«Въ нормальномъ состояніи, это — разсѣянный и снисходительный отецъ семейства, добросовѣстный профессоръ, даже настоящая архивная крыса. Тогда поэтъ въ немъ спитъ. Но стоитъ только какому-нибудь факту или личности задѣть одну изъ чувствительныхъ струнъ его души; стоитъ критику уловить его — нервы его напрягаются какъ струны, онъ весь трепещетъ, кровь его вскипаетъ, глаза сверкаютъ, онъ встряхиваетъ гривой, превращается изъ агнуса въ льва и извергаетъ свои молніеносныя пѣсни противъ правительства, противъ королевства, противъ всего. А иногда достаточно восторженнаго письма дѣвушки, никогда его не выдавшей, которая читаетъ и изучаетъ его стихи

и думать о немъ—и онъ тронуть, поэтъ проснулся въ немъ, и онъ поэтъ «чудную дѣву, всю залитую золотымъ сіяніемъ»...

«Онъ откровененъ и задушевенъ въ дружбѣ и имѣетъ много друзей, потому что, какъ всѣ люди великаго ума, стоящіе выше литейскихъ дразгъ, онъ простодушенъ и доверчивъ.

«Онъ республиканецъ. Но въ сущности онъ человѣкъ слишкомъ впечатлительный, слишкомъ увлекающійся, чтобы быть политикомъ. Его слишкомъ очаровываетъ или отталкиваетъ форма, мѣшность. Онъ великій поэтъ, величайшій изъ живущихъ. Но онъ никогда не будетъ политическимъ человѣкомъ».

II. — Филиппъ Каваллотти.

Въ первую половину своей литературной дѣятельности Кардуччи, какъ мы видѣли, былъ поэтомъ преимущественно политическимъ, и инымъ быть не могъ. Великія битвы за итальянскую свободу только-что окончились, и звонъ мечей и громъ орудіи еще стояли въ воздухѣ. Въ это время могучія патриотическія ноты, гремѣвшія въ пѣсняхъ Кардуччи, были выраженіемъ общаго національнаго чувства и встрѣчали отголосокъ въ груди каждаго. Но годы проходили, и это славное историческое прошлое все болѣе и болѣе заростало «травой забвенья». Препятствіе патриотизмъ сталъ фразой безъ конкретнаго смысла. Нужно было бросить старую тему и выбрать новую.

Оставаться поэтомъ передовой мысли, поэтомъ высокихъ гражданскихъ идеаловъ можно было, очевидно, не иначе, какъ посвятить себя на борьбу уже не противъ внѣшняго врага, который былъ безвозвратно разбитъ, а противъ тѣхъ золъ, которыя остались во всей своей силѣ и послѣ изгнанія австрійцевъ и Бурбоновъ. Самъ Кардуччи былъ не чуждъ мысли, что освобожденіемъ и объединеніемъ не все еще сдѣлано. Въ «Соммегазіоне», изобразивъ кровавый бой и побѣду миланской черни надъ ордами Радецкаго, онъ восклицаетъ: «несчастная, ты умираешь за отечество, но развѣ оно есть у тебя? Сегодня ты отдаешь ему свою кровь, а завтра оно будетъ высасывать ее у тебя!»—Въ двухъ анализированныхъ нами выше произведеніяхъ онъ показалъ также, что умѣетъ понимать причину страданій этой аполучной «черни».

Но Кардуччи не пошелъ по этой дорогѣ. Онъ сбросилъ съ себя фригійскій колпакъ и возвратился къ классическимъ образцамъ, которые, какъ мы видѣли, были основою его литературнаго обра-

зованія, — и сталъ пѣвцомъ классическаго эпикурензма. Можно пожалѣть, что смолькъ могучій голосъ пѣвца «Деценналіи», но нельзя не признать, что онъ былъ послѣдователемъ. Не пожелавъ идти по одной дорогѣ, онъ долженъ былъ либо замолчать, либо искать другой. — Однако не всѣ итальянскіе поэты признали поставленную ему исторіей дилемму. Между ними есть одна любопытная группа, которая не пошла ни на право, ни на лѣво, а пыталась остаться на мѣстѣ: это небольшой кружокъ поэтовъ, сохранившихъ преданія 48-го и 60-хъ годовъ во всей ихъ чистотѣ и неприкосновенности. Лѣтъ пять тому назадъ она насчитывала въ своихъ рядахъ двухъ крупныхъ поэтовъ стараго поколѣнія, изъ коихъ одинъ, Алеарди, умеръ въ 1878 г., а другой, Джуліо Уберти, недавно лишилъ себя жизни на семидесятомъ году, говорятъ, отъ несчастной любви. Въ настоящее же время единственнымъ, виднымъ представителемъ этого направленія является блестящій журналистъ, поэтъ и драматургъ, Феличе Каваллотти, одинъ изъ симпатичнѣйшихъ характеровъ въ итальянской литературѣ, «enfant terrible» палаты депутатовъ, гроза королевскихъ прокуроровъ, съ которыми онъ ведетъ непрерывную войну, и побиваетъ ихъ и на судѣ и въ печати своимъ неподражаемымъ, чисто венеціанскимъ остроуміемъ.

Феличе Каваллотти занимаетъ большое мѣсто въ современной литературной Италіи, и потому на немъ необходимо остановиться. О немъ, какъ человѣкѣ и поэтѣ, самое лучшее понятіе даетъ его біографія: это — лучшій образецъ итальянской жизни вообще.

Каваллотти родился въ 1842 году въ Миланѣ, а родители его были венеціанцы ¹⁾. Въ девять лѣтъ онъ списывалъ и выучивалъ на память патріотическія стихотворенія Берне и Россетти. Въ двѣнадцать — онъ уже писалъ на классныхъ скамейкахъ стихотворенія противъ нѣмцевъ. Будучи всего семнадцати-лѣтнимъ юношей, онъ, тайкомъ отъ своихъ, убѣгаетъ изъ дому и съ пачкою лирами въ карманѣ пробирается въ Геную. Тамъ въ это время генералъ Медичи набиралъ свой корпусъ и готовился въ отплытію въ Сицилію, гдѣ уже успѣла высадиться подъ начальствомъ самого Гарибальди знаменитая марсальская тысяча. Каваллотти принимаетъ участіе въ битвѣ при Малаццо и въ кровавомъ бою на берегахъ Волтурно, гдѣ рѣшилась судьба неаполитанскаго королевства и итальянской свободы. По окончаніи кампаніи онъ возвращается въ Миланъ и здѣсь посвящаетъ себя исключительно литературѣ. Онъ пишетъ въ нѣсколькихъ респуб-

¹⁾ Ср. де-Губернатисъ, «Cavallotti», стр. 271.

лианских газетахъ. Затѣмъ въ 1867 году, когда Биццонти, редакторъ «Gazzetina», былъ арестованъ за «оскорбленіе величества», онъ беретъ на себя редакцію этой газеты и придаетъ ей еще болѣе рѣзкій характеръ. Тотчасъ же на него посыпался процессъ за процессомъ и вызовъ за вызовомъ—такъ какъ въ Италіи дуэли изъ-за литературныхъ оскорбленій такъ же распространены какъ и во Франціи. Въ апрѣлѣ была секвестрована его «ода къ Прати», или лучше противъ Прати, придворнаго поэта. Въ іюнѣ онъ помѣщается въ той же «Газетѣ» насмѣшливую «балладу» подъ заглавіемъ: «Годовщина итальянскаго освобожденія», полную нападокъ на савойскій домъ: она подверглась той же участи. Въ декабрѣ онъ выступаетъ съ новой одой «На смерть Монти и Тонгетти», тоже секвестрованной королевской прокуратурой. Въ началѣ слѣдующаго года одна его статейка вызываетъ процессъ противъ всѣхъ редакторовъ «Газетти». Приговоренный къ тюремному заключенію, Каваллотти скрывается и дѣлается «latitante», что не мѣшаетъ ему однако продолжать изданіе «Газетти», помѣщая свои статьи Швейцаріей, и даже имѣть нѣсколько дуэлей съ офицерами арміи. По случаю рожденія наследнаго принца онъ получаетъ амнистію вмѣстѣ съ прочими преслѣдуемыми за проступки по дѣламъ печати. Но въ томъ же году вышелъ сборникъ его стихотвореній, который былъ тотчасъ же секвестрованъ и противъ автора начатъ процессъ за сатиру на амнистію. Каваллотти снова скрылся, но на этотъ разъ былъ пойманъ и подвергнутъ суду, но оправданъ присяжными. Въ слѣдующемъ году онъ былъ вторично арестованъ за участіе въ миланскихъ уличныхъ беспорядкахъ по поводу франко-прусской войны и просидѣлъ въ тюрьмѣ три мѣсяца, приводя въ отчаяніе своихъ стражей, такъ какъ, несмотря на всю ихъ бдительность, посылалъ тайкомъ изъ тюрьмы цѣлую массу стиховъ, которые потомъ печатались его друзьями. Жизнь его въ эти четыре года резюмируется четырьмя словами: стихи, памфлеты, дуэли, процессы. Молодая кровь кипѣла въ немъ, и горячая, непосѣдливая натура требовала борьбы, новыхъ ощущеній. Но въ 1871 году смерть брата, убитаго въ арміи Гарибальди, сражавшагося въ это время подъ Дижономъ, глубоко потрясла его. Это было первое серьезное горе въ его жизни, и оно оставило сильный слѣдъ въ его характерѣ. Онъ сталъ серьезнѣе, глубже. Въ эту же эпоху онъ почувствовалъ въ первый разъ призваніе къ сценической литературѣ и написалъ сперва «I Pezzenti» («Сволочь», драму въ стихахъ изъ временъ «нидерландскаго возстанія»), потомъ «Guido». Выходъ второго, полнаго изданія его стихотвореній снова

повлекъ за собой искъ противъ него и приговоръ обвинительной палаты объ арестѣ. Но Каваллотти не привлекала уже перспектива мизерной борьбы съ полицейскими розысками, и онъ, уѣхавъ изъ Милана, скрылся на Лаго-Маджоре. Здѣсь въ уединеніи онъ занялся исключительно литературой и написалъ свои лучшія драмы «Агнеса» и «Алкивиадъ». Въ это время случилось событіе, поставившее въ большое недоумѣніе миланскую прокуратуру и обвинительную камеру. Укрывшійся отъ суда, Каваллотти былъ выбранъ депутатомъ въ парламентъ. Пришлось взять назадъ приговоръ объ арестѣ, такъ какъ депутата нельзя арестовать безъ разрѣшенія палаты.

Вступленіе Каваллотти въ парламентъ вызвало настоящую бурю: каждый депутатъ обязанъ при вступленіи въ палату принести присягу конституціи и королю, а Каваллотти только-что напечаталъ въ газетахъ, какъ онъ смотритъ на эту присягу, и одинъ изъ депутатовъ правой потребовалъ, чтобы, прежде чѣмъ присягать, онъ взялъ назадъ свое заявленіе. Но Каваллотти присягнувъ, объявляя во всеуслышаніе, что остается при своемъ заявленіи. Начался невообразимый шумъ и беспорядокъ. Президентъ долженъ былъ закрыть засѣданіе и тѣмъ окончить бурную сцену, которая заключилась, разумѣется, рядомъ дуэлей за стѣнами палаты. Первымъ дѣломъ Каваллотти было просить палату разрѣшить начатое противъ него судебное преслѣдованіе, такъ какъ онъ не желалъ прикрываться отъ своихъ противниковъ званіемъ депутата. Его судили, но онъ былъ оправданъ присяжными. Тѣмъ не менѣе секвестры продолжались за секвестрами. Это дало поводъ къ горячей интерпелляціи со стороны Каваллотти, обращенной къ министрамъ правой—Мингетти, Контелли и Виліани. Напоминая, какъ подобнымъ же преслѣдованіямъ и процессамъ подвергался во время реставраціи Беранже, онъ заключилъ, обращаясь къ министрамъ: «я—слишкомъ небольшой человѣкъ, чтобы заслуживать честь такого сравненія. Но если я не Беранже, то за то вы, несомнѣнно—бурбоны!» Разумѣется, это вызвало въ палатѣ новую бурю. Вообще Каваллотти прославился цѣлымъ рядомъ своихъ яростныхъ выходовъ въ палатѣ, и кончилось тѣмъ, что онъ, какъ говорятъ, не намѣренъ больше посѣщать ее.

Нельзя не удивляться этой чисто-юношеской неукротимости; нельзя не отнестись съ уваженіемъ къ непреклонной прямотѣ и безукоризненной политической честности Каваллотти.

Но республиканская *поэзія* Каваллотти является тѣмъ не менѣе въ такой же степени тѣмъ-то страннымъ, какъ была бы

странною поэзія парламентской лѣвой или правой, или парламентскаго центра. Поэзія—высшее выраженіе человѣческаго чувства; душа ея — энтузіазмъ; къ республикѣ же, какъ просто республикѣ, если самъ поэтъ и можетъ, вслѣдствіе чисто личныхъ особенностей, пылать энтузіазмомъ, то раздѣлять его онъ все же никогда не заставитъ своихъ читателей. Что же касается специально поэзіи Каваллотти, то—что бы ни говорили его почитатели, въ числу которыхъ относится и г. де-Губернатисъ, — но вообще безпристрастный читатель найдетъ ее, по достоинству, далеко не соотвѣтствующею репутаціи молодого поэта. Ему нельзя отказать въ чувствѣ, но въ немъ нѣтъ страсти. Онъ удачно шутитъ и смѣется, но не владѣетъ силой насмѣшекъ, — и если иногда его стихъ загорается огнемъ негодованія, то этотъ огонь напоминаетъ скорѣе пламя соломы, чѣмъ влочущую лаву.

Правда, читая массу написанныхъ имъ произведеній, среди монотонныхъ и даже стереотипныхъ декламаций, васъ вдругъ поражаетъ яркое сравненіе, блестящая фраза, прелестная картина, которая разомъ оживляетъ и освѣжаетъ васъ, какъ рошница, понававшая на утомительной дорогѣ. Очевидно мы имѣемъ дѣло не съ бездарнымъ стихоплетомъ. И дѣйствительно, Каваллотти обладаетъ въ высокой степени даромъ импровизаціи: нѣкоторыя изъ очень недурныхъ его произведеній—прямо импровизированы. Но этимъ дорогимъ и рѣдкимъ даромъ Каваллотти злоупотребляетъ поистинѣ безбожно. Всѣ его стихотворенія написаны на скорую руку—это видно съ перваго взгляда, да онъ и самъ признается въ этомъ, говоря, что не умѣетъ писать иначе. Правда, онъ прибавляетъ при этомъ, что за снѣжность своей работы готовъ нести всякую отвѣтственность передъ публикой и критиками, въ томъ числѣ и королевскимъ прокуроромъ Робекки, котораго считаетъ однимъ изъ даровитѣйшихъ и проникательнѣйшихъ своихъ критиковъ, какихъ онъ когда-либо встрѣчалъ — но, къ сожалѣнію, отъ этого его стихи не дѣлаются лучше.

Стихотворная форма дается Каваллотти такъ легко, что онъ пишетъ стихи обо всемъ. У него есть газетныя передовыя статьи, хроники, литературныя и политическія обзорѣнія—въ стихахъ. Многія изъ его произведеній имѣютъ даже болѣе домашній, хозяйственный характеръ. У него есть «эпистола къ Франческо Компабони» — увѣдомленіе о полученіи двѣнадцати бутылокъ вина; другая—о полученіи банки съ вареньемъ или чѣмъ-то въ этомъ родѣ; третья—къ судебному слѣдователю, чтобы поторопиться передать писемъ и газетъ. Одна изъ «одъ» — къ графинѣ Нава—восхваляетъ какую-то большую рыбу, съѣденную ими вмѣстѣ, — и

все это написано прекрасными, звучными, мартелліанскими стихами.

Каваллотти-драматургъ выше Каваллотти-лирика, хотя драмы его обнаруживаютъ вовсе не драматическій талантъ, а именно болѣе созрѣвшій талантъ *лирическій*. До крайности небалованная національной Мельпоменой, итальянская критика ставитъ драмы Каваллотти очень высоко. Но если сравнить ихъ съ произведеніями дѣйствительно крупныхъ драматурговъ, то они покажутся крайне слабыми. Онъ рѣшительно лишентъ существенной способности драматическаго писателя—умѣнья создавать характеры и типы. Всѣ его герои—олицетвореніе различныхъ добродѣтелей или пороковъ. Онъ стремится сдѣлать ихъ до того «цѣльными», что они выходятъ у него настоящими истуканами, одѣтыми въ костюмы «мести», «доблести», «нѣмѣны» и т. п.—Мотивы его драмъ исключительно патріотическіе: любовь къ отечеству, долгъ, наказаніе за предательство, святость самопожертвованія и т. п.—не отличающіеся, какъ видитъ читатель, ни особенной новизной, ни оригинальностью. Но что дѣйствительно удается Каваллотти, это — монологи, нѣсны и лирическія мѣста вообще. Они правдивы и искренни, содержательны; въ нихъ нѣтъ растянутости и пустой болтовни, дѣлающихъ невыносимыми его оды и эпистолы.

III.—Доренцо Стеккетти (Гвергини).

Въ первыя числа февраля 1877 года въ витринахъ главныхъ книжныхъ магазиновъ Италіи появилась небольшая книжка подъ заглавіемъ: «Postuma (посмертныя стихотворенія), *Доренцо Стеккетти*, изданныя его друзьями».

Книжкѣ предшествовало коротенькое, но чрезвычайно трогательное предисловіе издателя. «Мнѣ,—говоритъ онъ,—какъ родственнику и одному изъ ближайшихъ друзей покойнаго, выпала на долю печальная обязанность написать его біографію. Не буду злоупотреблять вниманіемъ читателя, тѣмъ болѣе, что жизнь моего бѣднаго друга не представляетъ ничего необыкновеннаго, что могло бы завлечь чье-нибудь любопытство. Вся его біографія резюмируется пятью словамъ: *онъ умеръ въ тридцать лѣтъ*».

Далѣе рассказывалось краткѣ, кто были его отецъ и мать, гдѣ онъ родился, гдѣ учился. Послѣдніе мѣсяцы его жизни были описаны подробнѣе.

«...Помню, однажды вечеромъ въ зиму 1870 года, не могу сказать точно дня, знаю только, что это было во время варна-

вала, — онъ читалъ мнѣ въ своей комнатѣ, въ улицѣ Цамбони, нѣкоторые изъ стихотвореній, находящихся въ этомъ сборникѣ. Когда же я сталъ убѣждать его напечатать ихъ, онъ отвѣчалъ, шутя, что поручаетъ сдѣлать это мнѣ послѣ своей смерти. Увы, эта горькая шутка оказалась пророческой: въ ту же зиму онъ началъ кашлять кровью!

«Мы узнали о его болѣзни очень поздно, потому что въ началѣ онъ тщательно скрывалъ ее отъ насъ, точно чего-то стыдился. Всѣ мы, любившіе его, были очень опечалены роковымъ открытіемъ (болѣзнь его оказалась чахоткой), — онъ же оставался спокоенъ. Когда я въ первый разъ заговорилъ съ нимъ объ этомъ, онъ горько улыбнулся и сказалъ: «кому я нуженъ? Лучше умереть!»

«Его удалось, однако, уговорить уѣхать въ Неаполь, послѣднее убѣжище для чахоточныхъ... Но въ концѣ 1876 года онъ внезапно вернулся въ Болонью, блѣдный, иссохшій, сторбленный какъ старикъ; одинъ глаза были живы. Онъ не послушался друзей, просившихъ его вернуться въ Неаполь или въ Пизу, и объявилъ, что хочетъ во что бы то ни стало отправиться въ родныя горы, гдѣ въ это время свирѣпствовала зима. Я ясно видѣлъ, что онъ рѣшилъ покончить съ жизнью разъ на всегда.

«2-го февраля 1876 года я получилъ телеграмму, въ которой говорилось: — *Прійѣзжай взглянуть, какъ умираю». Доренцо.*

«Я поѣхалъ и засталъ его уже на смертномъ одрѣ. Погода была холодная, и его печальную деревушку занесло снѣгомъ и заволокло туманомъ.

«Когда я вошелъ, онъ сказалъ мнѣ: «спасибо! Онъ меня ждалъ и протянулъ мнѣ руку, ледяную и влажную, которая была одни кости и кожа. — Я провелъ въ его комнатѣ всю ночь, сиди за его письменнымъ столомъ и роясь въ его бумагахъ — этихъ бѣдныхъ листьяхъ, упавшихъ съ умирающаго дерева, прежде чѣмъ оно успѣло принести плодъ. — О, что я чувствовалъ, бѣдный другъ мой, читая твои пѣсни любви у твоего смертнаго одра.

«Занялся день и смерть приблизилась. Священникъ пришелъ въ домъ и просилъ допустить его къ умирающему. Я сказалъ ему объ этомъ. Онъ отвѣтилъ: *не нужно!* — Къ полудню его голодъ сталъ до такой степени слабъ, что я долженъ былъ нагибаться и прикладывать ухо почти къ самому рту его, чтобы что-нибудь разслышать. — Онъ попросилъ отдернуть занавѣску, чтобы взглянуть на солнце — послѣднее желаніе всѣхъ умирающихъ, — но солнца не было. Въ два часа по полудни онъ взялъ меня за

руку. Мало-по-малу силы покидали его... Я разспышалъ слово *конечъ*... и больше ничего. Онъ похороненъ на кладбищѣ своей родной деревушки подъ патымъ кипарисомъ съ лѣва отъ входа. На его надгробномъ камнѣ ничего не написано, кромѣ имени и года рожденія и смерти».

Такова — біографія. Подъ ней стояла подпись магистра Олиндо Гверрини, извѣстнаго, какъ и всѣ почти магистры въ Италіи, нѣсколькими объемистыми трудами по исторіи итальянской классической литературы.

Публика вообще очень недовѣрчива къ посмертнымъ произведеніямъ, издаваемымъ друзьями. Это обыкновенно вещи совершенно бездарныя, которыхъ ни одинъ издатель печатать не рѣшался, изъ опасенія убытковъ, и которыя кажутся прекрасными только друзьямъ и родственникамъ покойнаго. Но все-таки кое-кто перелистывалъ маленькій томикъ никому неизвѣстнаго поэта — и что за диво! Въмѣсто ожидаемой бездарности — оказывались настоящіе перлы поэзіи и чувства. Въмѣсто банальностей, всѣмъ давно надоѣвшихъ, читатель видитъ свѣжую, оригинальную до дерзости мысль, облеченную въ форму самую изящную и граціозную. Равнодушіе быстро смѣняется самымъ живымъ любопытствомъ. Онъ читаетъ предисловіе... Боже! умеръ, умеръ въ тридцать лѣтъ! Угасъ на зарѣ жизни и таланта, успѣвъ только пропѣть эту чудную лебединую пѣсню!

И это повторялось съ каждымъ, кому попадалась въ руки эта маленькая книжечка, и съ знатоками; и съ обыкновенной публикой.

Въ нѣсколько недѣль имя Лоренцо Стеккетти прогремѣло на всю Италію. Забыты были всѣ поэты. Кардуччи, Каваллоти, Прага, Прати — всѣ на мгновеніе потускнѣли передъ этимъ внезапно загорѣвшимся свѣтломъ. Изданія шли за изданіями. Первое разошлось въ нѣсколько мѣсяцевъ. За нимъ послѣдовало второе, потомъ, въ томъ же году, третье, въ два года книга выдержала девять изданій, тогда какъ вышедшія въ 1876 году «*Odi barbare*» уже давно знаменитаго Кардуччи въ четыре года дошли всего до пятаго изданія. Такого воодушевленія давно уже не производила ни одна книга.

Пишущая и читающая публика раздѣлилась на два лагеря. Одни, признавая въ умершемъ poetѣ крупный талантъ, нападали на его направленіе; другіе превозносили до небесъ талантъ Стеккетти, и видѣли въ немъ мессію современной поэзіи, указавшаго ей ея настоящее направленіе, разбившаго окончательно цѣпи

классицизма и романтизма, и создававшего впервые превосходные образчики поэзии, действительно реальной и живой.

Но вдругъ въ самый разгаръ битвы начинаютъ носиться какіе-то странные слухи, сперва робкіе и нерѣшительные, потомъ очень опредѣленные: говорили, будто Стеккетти вовсе не умеръ, а живъ живехонекъ; другіе прибавляли, что онъ имѣетъ жену и двоихъ дѣтей. Сперва этому никто не хотѣлъ вѣрить, но слухъ повторяется все упорнѣе и упорнѣе. Наконецъ, ни для кого уже не остается сомнѣнія въ томъ, что авторъ «Postuma» не кто иной, какъ самъ авторъ біографіи, Олиндо Гверрини, который уже перестаетъ скрываться и выступаетъ явно, ставя свой псевдонимъ рядомъ со своимъ настоящимъ именемъ, какъ это можно было видѣть на послѣднихъ изданіяхъ его «Postuma». Нѣкоторые изъ критиковъ разсердились на Стеккетти, или лучше на Гверрини, за такой фокусъ и до сихъ поръ еще не прощаютъ ему его вины. Другіе защищали его.

Что же такое эти «Postuma»? Это рядъ отдѣльныхъ сонетовъ и пѣсней съ разными названіями и самого разнообразнаго характера. Тутъ и страстная пѣснь любви, и вопль отчаянія, и слезы, и смѣхъ, и проклятія. Но всмотритесь въ нихъ ближе, и вы увидите, что между ними неразрывная связь, потому что они охватываютъ собою всѣ моменты жизни одного лица, и это лицо—мнѣніе Стеккетти, молодой и страстный, умершій во цвѣтъ лѣтъ и притомъ знающій, что его ждетъ близкая кончина,—однимъ словомъ, такой именно, какимъ его изображаетъ предисловіе. Отнимите этотъ мнѣ, и все зданіе распадется на куски, которые, конечно, останутся болѣе или менѣе прекрасными сами по себѣ, но дадутъ лишь слабое понятіе о цѣломъ, какъ обломки колоннъ и статуи, оставшихся отъ разрушеннаго древняго храма, о самомъ храмѣ.

Такимъ образомъ предисловіе является нераздѣльной художественной частью «Postuma»,—и все произведеніе, въ цѣломъ, можно назвать оригинально построенной поэмой, въ которой героемъ является молодой, умершій во цвѣтъ лѣтъ поэтъ, «предисловіе» служить «прологомъ», написаннымъ только не стихами, а прозой; отдѣльные же сонеты и пѣсни составляютъ главы этой поэмы, отличающіяся только тѣмъ, что въ нихъ авторъ заставляетъ самого героя рассказывать намъ свои мысли, чувства и страданія, вмѣсто того, чтобы дѣлать это за него самому. Стеккетти не псевдонимъ автора, а дѣйствующее лицо, настолько же реальное и правоспособное, какъ всѣ созданія творческой фантазіи. Если, приводя цитату изъ монолога «Быть или не быть»,

мы скажемъ: говорить «Гамлетъ», а не «Шекспиръ», то въ такой же мѣрѣ, цитируя «Postuma», мы въ правѣ сказать: говорить Стеккетти, а не Гверрини. Вотъ почему для пѣвца «Postuma» псевдонимъ сталъ настоящимъ именемъ, и потому мы, вмѣстѣ съ итальянской публикой, будемъ называть его Стеккетти.

Кто же такой этотъ Стеккетти? Это юноша, жаждущій упиться всѣми радостями жизни, прежде чѣмъ смерть положитъ имъ конецъ. А такъ какъ сильнѣйшее проявленіе личнаго счастья—въ любви женщины, то любовь занимаетъ первое мѣсто въ его жизни, и Стеккетти по справедливости можно назвать поэтомъ любви. Но это не любовь сына Эллады, цѣльнаго и плотски здороваго во всѣхъ проявленіяхъ своихъ фантасическихъ страстей. Это любовь человѣка девятнадцатаго столѣтія съ болѣзненно развитымъ мозгомъ и ничѣмъ не удовлетворяющейся фантазіей; о немъ Гёте сказалъ: «Vom Himmel fordert er die schönsten Sterne—und von der Erde jede höchste Lust».

Напрасно онъ отрицается (сонетъ 18): «Зачѣмъ мнѣ знать, что скрывается въ головѣ, которую я цѣлую...»

Напрасно увѣряетъ: «Мы были счастливы почти цѣлый день—и довольно!»

Сквозь горькій сарказмъ, съ какимъ онъ перечисляетъ всѣ мерзости, съ которыми готовъ примириться, видно, до какой степени его что-то гложетъ. Онъ жаждетъ иной, идеальной любви, которой не понимали греки, и съ грустью говоритъ (сонетъ 60): «О, сколько разъ искалъ я душу въ ея поцѣлуѣ,—но души въ немъ не было!»

И онъ мучится и терзается, и несмотря на обладаніе любимой женщиной, несмотря на ея страстныя ласки, съ горечью повторяетъ: «E pur non ami!—и все-таки ты меня не любишь!»

Онъ не удовлетворенъ, онъ терзается такой любовью и съ отчаяніемъ восклицаетъ: «О, сколько разъ въ часъ скорби, когда сердце обливалось кровью, проливалъ я этотъ приврастъ любви,—и все-таки я люблю ее!»

Однако молодость беретъ свое. Обнимая свою возлюбленную, онъ въ упоеніи страсти восклицаетъ: «Пусть разверзнутся небеса, пусть міръ разлетается въ дребезги—мнѣ что за дѣло! Когда твои ровныя губки прижимаются къ моимъ—не боюсь я ни Бога, ни смерти!»

Приходитъ ли весна съ ея пробужденіемъ жизни, и онъ уже обращается «къ свирѣпымъ и цѣломудреннымъ дѣвственницамъ, длиннозубымъ и желтозубымъ», съ просьбой закрыть свою раз-

братнюю книгу, — которая может сказать вамъ, какъ хороши: май, грѣшницы и грѣхи».

Но онъ не можетъ отдѣлаться отъ гложущаго его снѣтца и самъ понимаетъ мимолетность своихъ увлеченій: «Когда моей страсти, мой поцѣлуемъ отдаешь ты свои влажные уста и душу, когда ты видишь меня въ бреду на волѣнныхъ предъ тобою, и ты сама уже не противилась мнѣ... О, если тогда, тогда уста мои прошепчутъ клятву вѣчной любви — вѣрь мнѣ, вѣрь мнѣ въ эту минуту!»

Онъ знаетъ самъ, что минуетъ это мгновеніе бѣшеной страсти, и снова въ немъ проснутся всѣ его сомнѣнія. Онъ станетъ вспоминать прошлое, — любовь столь же короткую, какъ жизнь бабочекъ (сон. 22), измены и предательства женщинъ, которыхъ онъ такъ безгранично любилъ (3, 49), и любовь застынетъ въ его жилахъ, и ему представится уже что — «вотъ пройдетъ зима и ты зацѣпишь новую любовью и другому отдашь свои мысли и поцѣлуи... А обо мнѣ даже не вспомнишь...»

Онъ даже не сопротивляется этому несчастію. Онъ глубоко убѣжденъ, что иначе и быть не можетъ, и только желаетъ, чтобы у любимой женщины сохранилась поэзія воспоминанія, и на балконѣ своей возлюбленной онъ пишетъ прелестный свой сонетъ: «Forse una volta al tuo balcon seduta»..., нѣжный и трогательный, какъ серебристый звукъ, замирающій въ тихомъ ночномъ воздухѣ.

Стеккетти совершенно не умѣетъ жить настоящимъ. Фантазія его слишкомъ раздражена; она рисуетъ ему счастье слишкомъ пламенными красками и потому дѣйствительность оказывается слабѣе мечты. Отсюда разочарованіе, мѣшающее ему беззаветно отдаваться любви, счастью.

Классикъ Гёте сказалъ однажды женщинѣ, которую любилъ, что онъ любитъ ее гораздо больше, когда видитъ ее, чѣмъ когда находится съ нею въ разлукѣ; а поэтъ рефлексія, Леопарди, утверждалъ совершенно обратное. Въ одномъ изъ своихъ «размышленій» онъ говоритъ, что счастья нѣтъ на землѣ именно потому, что оно только въ мечтѣ: человекъ никогда не скажетъ «о, какъ я счастливъ!» а всегда — «о, какъ я былъ, или буду счастливъ». Стеккетти подтверждаетъ слова Леопарди, а не Гёте. Живя больше фантазіей, чѣмъ дѣйствительностью, онъ любитъ мечту больше, чѣмъ ея живое воплощеніе. Ожиданіе любви возбуждаетъ его сильнѣе присутствія любимой женщины. Здѣсь исчезаетъ его пропія, его невѣріе и сомнѣнія. Онъ весь отдается блаженству и создаетъ полный ликующаго восторга сонетъ «она

прійдетъ»: «Завтра она прійдетъ! Да завтра, навѣрно... О какъ тянется время.»

Въ пѣснѣ въ бѣлкуроей дѣвушкѣ, забывъ собственныя проклятія противъ любви, онъ восклицаетъ: «О вѣрь мнѣ красавица! Я люблю тебя. Любовь же не умѣетъ обманывать.

Но и мечта не можетъ устоять противъ ржавчины рефлексіи: каждое новое разочарованіе оставляетъ свой слѣдъ, и она не можетъ уже овладѣть сердцемъ поэта такъ всецѣло, какъ бывало прежде. Онъ это сознаетъ и чувствуетъ, и отсюда-то происходитъ глубокая печаль, проникающая насквозь всю эту прелестную эпопею. Эта-то печаль скрашиваетъ всѣ недостатки героя, она очищаетъ, облагораживаетъ его, дѣлаетъ его близкимъ, симпатичнымъ намъ, потому что онъ является уже воплощеніемъ мысли и страданія, а не грубо животнаго эгоизма.

Эта печаль, это недовольство жизнью внушаютъ Стендгалю нѣсколько сатиръ, какъ, напримѣръ, «Neerland», гдѣ онъ мечтаетъ о прелестяхъ спокойной и чисто растительной жизни въ Голландіи, гдѣ—«ты, моя милая дѣвочка, ставешь краснотой и толстой, какъ бочка, а я вмѣсто писанія стиховъ буду сосать огромную трубку и прихлебывать пиво»;—идилліи, вроде «Guano»; нѣсколько ѣдкихъ эпиграммъ, какъ, напр. «Сонъ», и элегію «Написанную на камнѣ»:

Вы, поднимающіеся по этому зеленому холму,
Ища уединенія
Тамъ, гдѣ гуще листва и свѣтлѣе ручей,
О, влюбленные души!
Пожалѣйте меня! На краю дороги
Сажу я, одинокій и печальный...
О, влюбленные, велико мое несчастіе!
Пожалѣйте меня! Я никого не люблю!

Мы передали буквально мысль, но невозможно передать гармонію языка, неподражаемую грацію формы, соединенную съ безусловной простотой, дѣлающей эти маленькіе сонеты похожими на настоящіе лѣсные ручейки, свѣжіе и чистые, и до такой степени прозрачныя, что нужно присмотрѣться, чтобы замѣтить, какъ они иногда бываютъ глубоки.

Другой причиной грусти, разлитой во всемъ произведеніи, является постоянная мысль о смерти. Египтяне на своихъ пирахъ ставили скелеты. Такимъ скелетомъ является для героя «Postuma» сознаніе своей близкой кончины. Онъ ни на минуту не обольщается. Онъ не можетъ идти на встрѣчу смерти съ стоицизмомъ древняго мудреца, который,—«тоже жилъ и любилъ, и

улыбаясь сказалъ жизни послѣднее прощанье (Tomba sulla via Appia).

Стеккетти «умреть въ слезахъ». Но плачетъ онъ не изъ малодушнаго страха передъ невѣдомымъ будущимъ, а изъ страстной любви къ жизни съ ея свѣтлыми радостями. Мысль о необходимости скоро разстаться съ этими радостями встаетъ въ его воображеніи въ минуты страстнаго упоенія жизнью, какъ скелетъ египетскихъ пировъ, и она-то внушаетъ ему рядъ чудныхъ элегій, образныхъ, оригинальныхъ, исполненныхъ благоуханія поэзіи.

Вотъ одна изъ такихъ, элегій, посвященная любимой дѣвушкѣ:

«Когда попадають листья, и ты придешь—искать мою могилу на кладбищѣ, — въ уголѣ его найдешь ты ее, и много цвѣтовъ будетъ расти на ней. Нарви же тогда для своихъ бѣлокурыхъ волосъ тѣхъ цвѣтовъ, выросшихъ изъ моего сердца: это—пѣсни, которыя я задумалъ, но не написалъ, слова любви, которыхъ я не досказалъ тебѣ».

Эпопея приближается къ концу. Мрачныя ноты повторяются все чаще и чаще. Послѣднія минуты близки. Раздается крикъ боли — «Молитва» о скорѣйшемъ прекращеніи мукъ. Потомъ — послѣдняя лебединая пѣснь—сонетъ: «Умираю! Поютъ жаворонки, вися на крыльяхъ въ лазури небесъ»... И всему конецъ.

Мы увидимъ далѣе, во что превратилась поэзія Стеккетти, но неожиданномъ его воскрешеніи изъ мертвыхъ—уже подъ настоящимъ именемъ Гверрини—и какъ, подъ ея вліяніемъ, образовалась цѣлая школа его послѣдователей, получившихъ названіе «стеккеттистовъ».

С. Г.

Флоренція, 1882.

МАРІОНЪ ФАЙ⁵²

Романъ, въ двухъ частяхъ, Антоня Троллопа.

Съ англійскаго.

XVII.—Планъ лорда Гемпстеда *).

На слѣдующей недѣлѣ Гемпстедъ отправился въ Горсъ-Голль, и охотился дня три, признаваясь самому себѣ, что въ сущности Лестерширъ лучше Кумберленда, такъ какъ здѣсь его знаютъ и никто не осмѣлится обращаться съ нимъ такъ, какъ обращался Кромеръ. Никогда до сихъ поръ не наносилось такого удара его демократическому духу или, вѣрнѣй, остатку того аристократическаго духа, который онъ пытался заглушить мудрнѣй и человѣчнымъ демократизмомъ! Подумать только, посторонній человѣкъ осмѣлился заговорить съ нимъ объ одной изъ представительницъ его семьи! Никто, конечно, не сдѣлалъ бы этого въ Лестерширѣ. Онъ не могъ хорошенько объяснить себѣ различія между этой мѣстностью и Кумберлендомъ, но былъ совершенно убѣжденъ, что застрахованъ отъ чего-нибудь подобнаго въ Горсъ-Голль.

Но не объ одномъ этомъ онъ думалъ, носясь по полямъ. Какъ бы ему сдѣлать, чтобъ повидаться съ Маріонъ Фай? Умъ его былъ занятъ этимъ вопросомъ, а можетъ быть, что еще опаснѣе, и сердце. Еслибы кто раньше спросилъ его, онъ сказалъ бы, что для человѣка въ его условіяхъ ничего нѣтъ легче, какъ познакомиться съ молодой особой изъ Парадизъ-Роу. Но

*) См. выше: апрѣль, 715 стр.

теперь, по зрѣломъ обсужденіи, онъ находилъ, что Маріонъ Фай окружена цѣлой массой, повидимому, непреодолимыхъ препятствій. Не могъ онъ явиться въ домъ № 17-й и просто спросить миссъ Фай. Чтобы сдѣлать это, онъ долженъ бы быть совершеннымъ нахаломъ, а именно, недостатокъ этого милаго качества создавалъ для него столько затрудненій. Ему пришло въ голову розыскать квакерскую канеллу въ Сити, выскандѣть тамъ всю церемонію — лишь бы не выгнали — въ достойной Донъ-Кихота надеждѣ возвратиться съ нею въ Галловей, въ омнибусъ. Рассмотрѣвъ этотъ планъ со всѣхъ сторонъ, онъ пришелъ къ убѣжденію, что совмѣстное путешествіе въ омнибусъ совершенно невозможно. Тогда ему вообразилось, что мистриссъ Роденъ можетъ, пожалуй, помочь ему. Но съ какимъ лицомъ могъ молодой человѣкъ въ его условіяхъ просить такую женщину, какъ мистриссъ Роденъ, помочь ему въ такомъ дѣлѣ? А между тѣмъ, если можно было чего-нибудь достигъ, то только черезъ мистриссъ Роденъ, или, во всякомъ случаѣ, черезъ ея домъ. Тутъ возникало новое затрудненіе. Онъ не то, чтобы поссорился съ Джорджемъ Роденомъ, но они разстались на дорогѣ точно на нити ихъ искренней дружбы завязался узелокъ. Его упрекнули за то, что онъ повѣрилъ тому, что сказалъ ему Брокеръ. Онъ въ душѣ признавалъ, что не долженъ былъ этому вѣрить. Хотя выдумки Брокера были чудовищны, онъ долженъ былъ скорѣй приписать ему ихъ, чѣмъ заподозрить своего пріятеля въ образѣ дѣйствій, который несомнѣнно былъ бы низкимъ. Даже это обстоятельство кое-что прибавляло въ преградамъ, которыми окружена была Маріонъ Фай.

Вивіанъ гостилъ у него въ Горсъ-Голлѣ. — Я завтра ѣду въ Лондонъ, — сказалъ Гемпстедъ, когда они возвратились домой съ охоты въ субботу, — субботу, слѣдовавшую за воскресеньемъ, въ которое молодой лордъ побывалъ въ Парадизъ-Роу.

— Завтра воскресенье — неудобный день для путешествій, — сказалъ Вивіанъ. — Фидъ-Вильямъ будутъ охотиться въ Лилъ-фордъ въ понедѣльникъ, поѣздъ изъ Питерборо въ 5 ч. 30 м., въ нему приноровленъ поѣздъ изъ Оундлѣ; распорядись, чтобы экипажъ твой былъ поданъ въ 4 часа 50 минутъ. Все это предусмотрѣно Провидѣніемъ. Въ понедѣльникъ вечеромъ я ѣду въ Гаткомбъ, все совпадаетъ, какъ нельзя лучше.

— Ты оставайся дома. Воскресенье, проведенное въ одиночествѣ, дастъ тебѣ возможность очистить всю твою официальную переписку за двѣ недѣли.

— Этимъ бы я занялся даже въ твоемъ присутствіи.

— Мнѣ необходимо быть дома въ понедѣльникъ утромъ. Кланяйся имъ всѣмъ отъ меня въ Лилфордѣ. Я скоро опять вернусь, если сестра меня отпуститъ; а можетъ быть, мнѣ удастся убѣдить ее пріѣхать сюда, прожить на бивакахъ недѣльки двѣ.

Сказано — сдѣлано; въ воскресенье онъ поѣхалъ въ Лондонъ, а оттуда въ Гендонъ-Голль. Надо замѣтить, что трудно было найти молодого человѣка, который имѣлъ бы болѣе сильныя побужденія дорожить своей забавой, или менѣе основаній отказать отъ нея. Конюшни его были полны лошадей, погода была прекрасная, охота отличная, всѣ его друзья окружали его, никакихъ другихъ занятій у него не было. Сестра его намѣрена была провести еще недѣлю въ замкѣ Готбой, а Гендонъ-Голль самъ по себѣ, конечно, не представлялъ ничего особенно привлекательнаго въ концѣ ноября. Но Маріонъ Фай была у него на умѣ, и планъ его созрѣлъ. Планъ этотъ, конечно, могъ быть приведенъ въ исполненіе во вторникъ, такъ же какъ и въ понедѣльникъ; но имъ овладѣвало нетерпѣніе, и въ данную минуту онъ предпочиталъ Маріонъ Фай, которой, вѣроятно, не найдетъ, лисицамъ, которыхъ, конечно, нашелъ бы въ окрестностяхъ Лилфорда. Планъ, собственно говоря, былъ несложный. Онъ отправится въ Парадизъ-Роу и посѣтитъ мистриссъ Роденъ. Затѣмъ онъ объяснитъ ей, что произошло между нимъ и Джорджемъ, и поручитъ ей передать оскорбленному клерку нѣчто въ родѣ извиненія. Потомъ онъ пригласитъ ихъ обоихъ въ себѣ обѣдать, какъ-нибудь до возвращенія сестры. Какимъ образомъ имя Маріонъ Фай тутъ замѣшается, какъ бы ее втануть въ эту затѣю, все это онъ долженъ предоставить случаю. Въ понедѣльникъ онъ вышелъ изъ дому около двухъ часовъ, и сдѣлавъ порядочный крюкъ на Баверъ-Стритъ и Иррингтонъ, отправился въ Галловей въ омнибусѣ. Онъ нѣсколько стѣснялся и затруднялся своими посѣщеніями въ Парадизъ-Роу, такъ какъ начиналъ подозревать, что часть обывателей слѣдитъ за нимъ. Непріятно, думалось ему, что имѣя пріятеля въ той или другой улицѣ, не можешь навѣстить его не возбуждая вниманія. Онъ не зналъ о существованіи мистриссъ Демиджонъ, Клары или мистриссъ Дуфферъ, не зналъ также, изъ какого именно окна устремлены на него взгляды любопытныхъ обитателей; но онъ сознавалъ, что его появленіе возбуждаетъ интересъ. Пока знакомство его въ этой улицѣ ограничивалось обитателями дома № 11, это не имѣло особаго значенія. Хотя бы сосѣди и узнали, что онъ коротко знакомъ съ мистриссъ Роденъ или ея сыномъ, объ этомъ ему нечего много заботиться. Но еслибъ ему удалось присоеди-

нить Маріонъ Фай къ числу своихъ галловѣйскихъ друзей, тогда, казалось ему, любопытные глаза могутъ и надѣсть.

— Мистриссъ Роденъ дома, — сказала горничная, — но у нея гости. — Тѣмъ не менѣе она ввела молодого лорда въ гостиную. Гости дѣйствительно были. Это былъ день мистриссъ Винсентъ, она была тутъ. Это одно было бы не важно, но съ двумя пожилыми дамами сидѣла Маріонъ Фай. Судьба ему благопріятствовала. Но теперь явилось затрудненіе объяснить цѣль своего появленія. Неловко ему было выступить съ общимъ приглашеніемъ, — общимъ по крайней мѣрѣ относительно Маріонъ Фай, — въ присутствіи мистриссъ Винсентъ.

Разумѣется, произошло представленіе. Мистриссъ Винсентъ, которая часто слышала имя лорда Гѣмпстеда, несмотря на свою суровость, поддавалась чарамъ аристократизма. Она была рада встрѣтить молодого человѣка, хотя имѣла сильныя основанія думать, что онъ не есть несокрушимая скала въ дѣлѣ вѣры. Гѣмпстедъ и Маріонъ Фай обмѣнялись рукопожатіемъ точно старые друзья, а затѣмъ разговоръ самъ собой коснулся Джорджа Родена.

— Надѣюсь, вы не ожидали видѣть моего сына? — сказала мать.

— О, нѣтъ. Я хотѣлъ передать ему кое-что, что могу сдѣлать и въ запискѣ.

Дебютъ былъ не совсѣмъ удаченъ, такъ какъ фраза эта заставила и мистриссъ Винсентъ, и Маріонъ подумать, что онѣ лишнія.

— Надо мнѣ послать Бетси за коляской, — сказала первая. Коляска, привозившая мистриссъ Винсентъ, всегда имѣла привычку удалаться за уголъ, въ таверну, гдѣ вучеру удалось создать для себя самыя пріятныя отношенія.

— Пожалуйста, не беспокойтесь, — сказалъ Гѣмпстедъ, такъ какъ замѣтилъ по нѣкоторымъ сборамъ миссъ Фай, что она найдетъ нужнымъ послѣдовать за мистриссъ Винсентъ. — Я напишу два слова Родену, и они скажутъ ему все, что я имѣю передать.

Затѣмъ старушка возвратилась къ вопросу, который обсуждали до появленія лорда Гѣмпстеда.

— Я приглашала эту молодую особу, — сказала мистриссъ Винсентъ, — поѣхать со мной дня на два, на три въ Брайтонъ. Положительно досадно, что она никогда не бывала въ Брайтонѣ.

Такъ какъ мистриссъ Винсентъ ѣздилъ въ Брайтонъ два раза въ годъ, на мѣсяцъ въ началѣ зимы и на двѣ недѣли весной,

то ей казалось чудомъ, чтобъ кто-нибудь, даже живущій въ Галловѣ, никогда тамъ не бывалъ.

— По моему мнѣнію это было бы прекрасно, — сказала мистрисъ Роденъ, — если отецъ вѣнъ васъ отпустить.

— Я никогда не разлучаюсь съ отцомъ, — сказала Маріонъ.

— Неправда-ли, милордъ, — сказала мистрисъ Винсентъ, — что по ея виду переменна воздуха была бы ей полезна?

Съ этого разрѣшенія, лордъ Гэмпстедъ воспользовался случаемъ посмотрѣть на Маріонъ, и убѣдился, что ей никакой перемены не требуется. Улучшить тутъ ничего нельзя было; но его вдругъ осянула мысль, что онъ также могъ бы провести два, три дня въ Брайтонѣ, и что тамъ ему легче было бы устроить свои дѣла, чѣмъ въ Парадизъ-Роу. Дѣйствительно, — сказалъ онъ, — переменна всегда полезна. Я самъ не люблю долго оставаться на одномъ мѣстѣ.

— Инымъ людямъ по неволѣ приходится оставаться на одномъ мѣстѣ, — съ улыбкой сказала Маріонъ. — Отецъ долженъ ходить на службу, ему было бы очень неприятно, еслибъ не было никого, кто подавалъ бы ему ѣсть и сидѣлъ съ нимъ за столомъ.

— Онъ могъ бы отпустить васъ на день или на два, — сказала мистрисъ Роденъ, которая знала, что Маріонъ было бы полезно иногда оставлять Лондонъ.

— Я увѣрена, что онъ не отказалъ бы вамъ въ такомъ маленькомъ развлеченіи, — сказала мистрисъ Винсентъ.

— Онъ никогда ни въ чемъ мнѣ не отказываетъ. Мы ѣздили въ апрѣлѣ въ Коусъ, на дѣй недѣли, хотя я совершенно увѣрена, что самъ папа предпочелъ бы оставаться дома все это время. Онъ не вѣритъ въ новомодную теорію перемены воздуха.

— Не вѣритъ? — сказала мистрисъ Винсентъ. — А я такъ вѣрю. Тамъ, гдѣ я живу, въ Вимблдонѣ, скорѣй деревня, чѣмъ городъ; но просиди я круглый годъ на одномъ мѣстѣ, я такъ бы захандрила и раскленлась, что, вѣроятно, году бы не прошло и меня бы скоронили.

— Отецъ говоритъ, что когда онъ былъ молодъ, только люди высокаго происхожденія и high-life каждый годъ уѣзжали изъ города; и что люди жили тогда такъ же долго какъ и теперь.

— Мнѣ кажется, люди приучаются жить и умирать, смотря по обстоятельствамъ, — сказалъ Гэмпстедъ. — Предки наши дѣлали многое, чтó мы считаемъ положительно вреднымъ. Они пили нефилтрованную воду, и цѣлую зиму ѣли соленое мясо. Они очень плохо мылись, и не имѣли никакого понятія о вентиляціи. А тѣмъ не менѣе они умудрялись жить.

Маріонъ Фай, однако, разупрямилась, и объявила о своемъ намереніи отказаться отъ любезнаго приглашенія мистриссъ Винсентъ. Объ этомъ еще было много толковъ, такъ какъ Гэмпстедъ ухитрился сдѣлать нѣсколько разнообразныхъ предложеній. — Онъ самъ очень любилъ море, — говорилъ онъ, — и повеселитъ ихъ всѣхъ, включая мистриссъ Винсентъ и мистриссъ Роденъ, на своей яхтѣ, если не въ Брайтонъ, то въ Коусъ. — Декабрь не былъ особенно удобнымъ временемъ для поѣздокъ водою, а такъ какъ въ Брайтонъ можно было непасть, проѣхавъ часть по желѣзной дорогѣ, онъ вынужденъ былъ отказаться отъ этого предложенія, слегка возмущавшись надъ собственной несообразительностью.

Но все это говорилось такъ весело и ласково, что онъ окончательно покорилъ сердце мистриссъ Винсентъ. Она оставалась гораздо дольше обыкновеннаго, къ выгодѣ хозяина таверны, и наконецъ, въ самомъ радужномъ расположеніи духа, послала Бетси за уголь. — Право, лордъ Гэмпстедъ, — говорила она, — прежде, чѣмъ я уйду, мнѣ надо взять съ васъ штрафъ. Придется мнѣ заплатить за второй часъ, такъ я съ вами заболталась. — Съ этимъ она уѣхала.

— Незачѣмъ вамъ уходить, Маріонъ, — сказала мистриссъ Роденъ, — если лордъ Гэмпстедъ не имѣетъ сообщить мнѣ чего-нибудь особеннаго. — Лордъ Гэмпстедъ заявилъ, что особеннаго онъ ничего сообщить не имѣетъ, и Маріонъ осталась.

— А я имѣю сообщить вамъ нѣчто особенное, — сказалъ Гэмпстедъ, — когда старшая гостя наконецъ уѣхала, — но миссъ Фай можетъ узнать это такъ же, какъ и вы. Когда мы шли въ Гендонъ, въ воскресенье, разговоръ коснулся вопроса, относительно котораго мы съ Джорджемъ разошлись во мнѣніяхъ.

— Надѣюсь, что не было ссоры? — сказала мать.

— О, нѣтъ. Но мы не остались особенно довольны другъ другомъ. А потому мнѣ бы хотѣлось, чтобъ вы съ нимъ пріѣхали во мнѣ обѣдать, какъ-нибудь на этой недѣлѣ. Въ субботу я не свободенъ, но до этого дня выбирайте любой. — Мистриссъ Роденъ сдѣлала очень серьезную мину при этомъ предложеніи, такъ какъ до сихъ поръ пріятель сына никогда не приглашалъ ее къ себѣ. Кромѣ того, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, она ни разу не обѣдала въ гостяхъ. А между тѣмъ, въ данную минуту, она не находила никакой причины отказаться. — Я собирался просить миссъ Фай пріѣхать съ вами.

— О, это совершенно невозможно, — сказала Маріонъ. — Вы очень добры, милордъ; но я никогда не выѣзжаю, не правда-ли, мистриссъ Роденъ?

— Это мнѣ кажется причиной — начать. Конечно, я понимаю, вашъ отецъ... Но я очень былъ бы радъ съ нимъ познакомиться, еслибъ вы убѣдили его пріѣхать.

— Онъ рѣдко выѣзжаетъ, лордъ Гемпстедъ.

— Тѣмъ менѣе онъ будетъ имѣть основаній отговариваться тѣмъ, что не свободенъ. Что вы скажете, мистриссъ Роденъ? Это доставило бы мнѣ самое искреннее удовольствіе. И я, какъ вашъ отецъ, миссъ Фай, не привыкъ много «выѣзжать», какъ вы говорите. Я такой же чуждакъ, какъ и онъ. Признаемъ, что мы всѣ чужаки, и что нѣтъ лучшаго основанія, чтобы намъ сойтись. Мистриссъ Роденъ, не старайтесь мѣшать дѣлу, которое доставитъ мнѣ величайшее удовольствіе и противъ котораго нельзя найти серьезныхъ возраженій. Отчего бы мистеру Фай не познакомиться съ пріятелемъ вашего сына? Какой день для васъ удобнѣе, среда, четвергъ, или пятница?

Наконецъ, было рѣшено, что Джорджъ Роденъ, во всякомъ случаѣ, будетъ обѣдать въ Гендонъ-Голлѣ въ пятницу, но что касается остальныхъ приглашенныхъ, то надо подумать. Мистриссъ Роденъ склонилась къ мысли, что лучше бы считать это дѣломъ невозможнымъ. Ей казалось, что она твердо рѣшилась никогда болѣе не обѣдать въ гостяхъ. Затѣмъ въ умъ ея мелькнула мысль, что сынъ ея — женихъ сестры этого молодого человѣка, и что если она поддастся этимъ дружескимъ любезностямъ, это можетъ послужить ему въ пользу. Когда мысли ея достигли этой точки, она могла быть увѣрена, что приглашеніе будетъ, въ концѣ-концовъ, принято.

Относительно Маріонъ Фай, вопросъ былъ оставленъ безъ дальнѣйшаго рѣшенія. Она сказала, что это невозможно, и болѣе ничего не прибавила. Это было ея послѣднее рѣшеніе; но она его не повторила, что вѣроятно бы сдѣлала, еслибъ была совершенно увѣрена, что это невозможно. Мистриссъ Роденъ, въ продолженіе бесѣды, болѣе не касалась этой стороны вопроса. Она была возволнована и тѣмъ, что уже было сказано, слегка сердилась на себя, что почти уступила, слегка недоумѣвала передъ собственнымъ, слишкомъ очевиднымъ смущеніемъ, слегка пугалась явнаго увлеченія лорда Гемпстеда молодой дѣвушкой...

— Пора мнѣ идти, — сказала Маріонъ Фай, которая также была смущена.

— И мнѣ также, — сказалъ Гемпстедъ. — Мнѣ надо вернуться кругомъ, черезъ Лондонъ, у меня еще бездна дѣла въ Паркъ-Лейнъ. Вотъ тѣмъ нехорошо имѣть нѣсколько домовъ, никогда не знаешь, гдѣ твое платье. Прощайте, мистриссъ Роденъ. Пом-

ните, я на васъ разсчитываю, очень ужъ мнѣ этого хочется. Позвольте мнѣ проводить васъ до вашихъ дверей, миссъ Фай?

— Это всего черезъ три дома, — сказала Маріонъ, — и въ противоположномъ направленіи. — Тѣмъ не менѣе онъ проводилъ ее до дому. — Передайте вашему батюшкѣ мое почтеніе, — сказалъ онъ, — и скажите ему, что Джорджъ Роденъ можетъ служить вамъ чичероне. Если вы приѣдете на извозикѣ, васъ отвезутъ въ шарабанѣ. Въ сущности говоря, нѣтъ никакой причины, отчего бы его за вами не послать.

— О, нѣтъ, милордъ. То-есть я не думаю, чтобъ мы могли быть.

— Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, приѣзжайте, — сказалъ онъ и взялъ ее за руку, когда дверь дома № 17 отворилась.

Въ тотъ же день, вечеромъ, Клара Демиджонъ сидѣла запершись съ мистриссъ Дуфферъ, въ квартирѣ послѣдней, въ домѣ № 15. — Стоя на улицѣ, пожималъ ей руку! — говорила мистриссъ Дуфферъ такимъ тономъ, точно волосы на головѣ ея становились дыбомъ отъ этого извѣстія. — Это послѣднее мы, конечно, говоримъ въ смыслѣ фигуральномъ, такъ какъ въ дѣйствительности голова ея была украшена накладкой, которая должна была помѣшать остаткамъ ея волосъ подниматься дыбомъ.

— Я это видѣла! Они вышли вмѣстѣ изъ № 11 совершенными голубками, и онъ проводилъ ее до дому. Потомъ онъ схватилъ ея руку и держалъ ее, — о, нѣсколько минутъ! на улицѣ!.. Чего не позволять себѣ эти квакерши. Онѣ всѣмъ позволяютъ называть ихъ просто по имени; понятно, что сейчасъ является короткость. Я никогда не позволяю молодому человѣку называть меня: Клара, безъ моего разрѣшенія.

— Еще бы.

— На этотъ счетъ нельзя быть слишкомъ осторожной. Сидѣли они тамъ вмѣстѣ, въ № 11, цѣлыхъ два часа. Что все это можетъ значить? Старая мистрисъ Винсентъ была тамъ, но она уѣхала.

— Вѣроятно, ей это все не понравилось.

— Чтѣ лорду здѣсь дѣлать, — спросила Клара, — изъ-за чего ему такъ часто бывать? А онъ вдобавокъ еще будетъ маркизомъ, чтѣ гораздо важнѣе лорда. Одно вѣрно. Не можетъ же это значить, что онъ женится на Маріонъ Фай?

XVIII.—Какъ жилось въ Траффордъ-Паркѣ.

Конечно, ничѣмъ нельзя было оправдать неудовольствія, которое леди Кинсбѣри выражала своему мужу изъ-за того, что Гѣмпстедъ и сестра его получили приглашеніе въ замокъ Готбой. Владѣльцы его были родня ей, а не мужу ея. Если леди Персифлажъ рѣшилась извинить всѣ проступки дѣтей первой маркизы, то вины маркиза тутъ не было. Но по понятіямъ леди Кинсбѣри посѣщеніе это состоялось совершенно вопреки ея желаніямъ и интересамъ. Будь это возможно, она бы окончательно отлучила провинившагося молодого лорда и провинившуюся молодую дѣвушку отъ всякихъ аристократическихъ связей. Покровительство, оказанное имъ въ замкѣ Готбой, прямо противорѣчило ея воззрѣніямъ. Но бѣдный лордъ Кинсбѣри былъ тутъ не при чемъ. Они недостойны посѣщать такой домъ, какъ замокъ Готбой, — сказала она. Маркизь, который сидѣлъ одинъ въ собственной пріемной въ Траффордѣ, сердито нахмурился. Но миледи также была очень разгнѣвана. Они оповорили себя и Джеральдина не должна была бы принимать ихъ.

Въ этихъ словахъ заключалось два повода къ неудовольствію. Во-первыхъ, маркизь не могъ выносить, чтобъ такіе вещи говорились объ его старшихъ дѣтихъ. Кромѣ того, въ самомъ характерѣ этого обвиненія проглядывала какая-то особая дань уваженія семейству Готвилъ, на которую онъ вовсе не признавалъ за нимъ права. Много разъ въ словахъ жены его слышалось, будто сестра ея вступила въ особенно-аристократическій домъ; и все изъ-за того, что лордъ Персифлажъ былъ членомъ кабинета и считался политическимъ дѣтелемъ. Маркизь вовсе не былъ расположенъ ставить графа, въ какомъ бы то ни было отношеніи, выше себя. Онъ могъ бы уплатить всѣ долги графа — чего самъ графъ несомнѣнно сдѣлать не могъ — и не почувствовать этого.

Собранія въ замкѣ Готбой были гораздо многочислѣе собраній въ Траффордѣ, но гостями въ замкѣ часто бывали люди, которыхъ маркизь никогда бы не принималъ. Жена его жаждала общественнаго значенія, которое приписывалось ея сестрѣ, но онъ, въ этомъ отношеніи, нисколько не сочувствовалъ женѣ.

— Я это отрицаю, — сказалъ лордъ Кинсбѣри, поднимаясь со стула, облокачиваясь на столъ и грозно смотря на жену.

— Они себя не опозорили.

— А я говорю: «опозорили». — Миледи смѣло сдѣлала это

заявленіе, такъ какъ вошла въ комнату, приготовившись къ битвѣ и рѣшившись, если возможно, остаться побѣдительницей. — Развѣ Фанни не оповорила себя, сдѣлавшись невѣстой человѣка низкаго происхожденія, изъ подонковъ общества, не сказавъ объ этомъ ни слова даже вамъ?

— Нѣтъ! — крикнулъ маркизъ, который рѣшился противорѣчить женѣ во всемъ, что бы она ни сказала.

— Такъ я ничего не смыслю въ томъ, что прилично молодой дѣвушкѣ, — продолжала маркиза. — А развѣ Гэмпстедъ не знаетъ со всеми плебеями?

— Нѣтъ, нисколько.

— Развѣ этотъ Джорджъ Роденъ не плебей? Знается вашъ сынъ съ молодыми людьми или молодыми дѣвушками своего общества?

— А между тѣмъ вы сердитесь на него за то, что онъ бываетъ въ замкѣ Готбой! Хотя, безъ всякаго сомнѣнія, онъ можетъ встрѣтить тамъ людей, которыхъ нельзя принимать.

— Это неправда, — сказала маркиза. — Зять мой принимаетъ лучшее общество цѣлой Европы.

— Такъ было, когда мой сынъ и моя дочь находились подъ его кровлей.

— Гэмпстедъ не членъ ни въ одномъ изъ лондонскихъ клубовъ, — ввернула мачиха.

— Тѣмъ лучше, — сказалъ отецъ, — насколько я имѣю понятіе о клубахъ. — Готбой наканунѣ проигралъ тысячу четыреста фунтовъ въ Пандемоніумъ; и откуда вѣлились деньги, которые спасли его отъ исключенія?

— Это очень старая исторія, — сказала маркиза, которая знала, что мужъ ея и Гэмпстедъ сложились, чтобы спасти юношу отъ позора.

— А между тѣмъ, вы ставите мнѣ въ упрекъ, что Гэмпстедъ не членъ никакого клуба! Нѣтъ клуба въ Лондонѣ, въ который онъ не могъ бы попасть завтра, еслибы только записался.

— Чтобы ему попытаться записаться въ Карлтонъ-клубъ, — сказала миссисъ, которой отецъ, братъ и всѣ кузены принадлежали къ этому аристократическому и исключительно политическому кружку.

— Я бы отъ него отрекся, — сказалъ все еще либеральный маркизъ: — т.-е. я хочу сказать, конечно, что онъ ничего подобнаго не сдѣлаетъ. Но говорить, что молодой человѣкъ оповорилъ себя потому, что не охотникъ до клубной жизни, нелѣпно; а съ твоей стороны, какъ мачихи, очень дурно.

Говоря это, онъ заглянулъ ей въ лицо съ такимъ выраженіемъ, точно хотѣлъ сказать: «Теперь вы знаете настоящее мое мнѣніе о васъ». Въ эту минуту раздался легкій стукъ въ дверь, и мистеръ Гринвудъ просунулъ въ нее голову.

— Я занятъ,—очень сердито сказалъ маркизъ.

Несчастный, смущенный капелланъ удалился въ свою комнату, которая также находилась въ первомъ этажѣ, за тою, гдѣ теперь возсѣдалъ его патронъ.

— Милордъ,—сказала жена его,—если вы вините меня по отношенію къ вашимъ дѣтамъ, я не хочу болѣе жить подъ одной кровлей съ вами.

— Такъ уѣзжайте.

— Я старалась исполнить свой долгъ по отношенію къ вашимъ дѣтамъ, и не сладко мнѣ отъ нихъ приходилось. Если вы находите, что дочь ваша теперь ведетъ себя прилично, я могу только умыть руки.

— Умывайте,—сказалъ онъ.

— Прекрасно. Конечно, я не могу не страдать глубоко, такъ какъ тѣнь этого позора должна болѣе или менѣе пасть на моихъ родныхъ голубковъ.

— Надоѣли мнѣ голубки,—сказалъ маркизъ.

— Они — ваши родныя дѣти, милордъ; ваши родныя дѣти.

— Конечно. Отчего имъ не быть моими родными дѣтьми? Они благоденствуютъ, и будутъ настолько обезпечены, насколько должны быть обезпечены младшіе братья.

— Не думаю, чтобъ вы ихъ сколько-нибудь любили,—сказала маркиза.

— Это неправда, вы знаете, что я ихъ люблю.

— Вы сказали: «надоѣли мнѣ голубки», когда я заговорила о нихъ.—Тутъ бѣдная мать зарыдала.

— Мало ли что вы заставите человека сказать. Послушайте, я не позволю бранить Гэмпстеда и Фанни въ моемъ присутствіи. Если что-нибудь и не такъ, я долженъ страдать больше вашего, такъ какъ они мои дѣти. Вы сдѣлали для нея жизнь здѣсь невозможной...

— Я этого не сдѣлала. Я только исполнила свой долгъ по отношенію къ ней. Спросите мистера Гринвуда...

— Къ чорту мистера Гринвуда! — сказалъ маркизъ. Онъ такъ-таки и выговорилъ это слово цѣликомъ, хотя впоследствии, когда ему часто ставили это обстоятельство въ упоръ, и отрицать это. Миледи совершенно ясно разслышала это выраженіе и сейчасъ же величаво вышла изъ комнаты, тѣмъ самымъ по-

казывая, что ее женское чувство такъ уязвлено, что для нея становится невозможнымъ долѣе выносить присутствіе такого злоязычнаго чудовища. До настоящей минуты она далеко не была побѣдительницей; но вульгарное восклицаніе мужа возвратило ей значительную долю ее обаянія, такъ что она получила возможность покинуть поле битвы, какъ полководецъ, всѣ силы котораго находятся въ надлежащемъ порядкѣ. Онъ объявилъ, что ему «надоѣли» родныя дѣти и послалъ «къ чорту» собственнаго капеллана!

Маркизъ нѣсколько времени просидѣлъ одинъ въ раздумьѣ, а затѣмъ дернулъ шнурокъ, служившій телеграфомъ между его комнатою и той, въ которой находился священникъ. Это не была простая сонетка, чѣмъ оскорблялось бы достоинство духовной особы, ни телефонъ, что опять неудобно, такъ какъ требуетъ, чтобъ человѣкъ наклонился и приближался къ нему губами, но механизмъ, посредствомъ котораго производился легкій стукъ въ стѣну, дававшій обитателю комнаты знать, что его зовутъ, безъ всякаго унижительнаго, для его самоуваженія, процесса. Капелланъ явился на зовъ и, слегка постучавшись въ дверь, опять стоялъ передъ лордомъ. Маркиза онъ засталъ на ногахъ, у камина, чѣмъ, какъ онъ прекрасно зналъ, ему давалось понять, что и ему не намѣрены предложить стула.

— Мистеръ Гринвудъ,—сказалъ маркизъ, голосомъ, который онъ желалъ сдѣлать особенно кроткимъ, но въ которомъ въ то же время слышалось что-то угрожающее,—я въ настоящую минуту не намѣренъ бесѣдовать съ вами о предметѣ, котораго должны воспутъ, а такъ какъ присутствіе ваше мнѣ нужно минуты на двѣ, я не задержу васъ, попросивъ васъ садиться. Еслибъ я могъ убѣдить васъ выслушать меня, не отвѣчая мнѣ, это, мнѣ кажется, было бы лучше для насъ обоихъ.

— Конечно, милордъ.

— Я запрещаю вамъ говорить со мной о лэди Франсесъ.

— Когда же я это дѣлалъ?—жалобно спросилъ капелланъ.

— Я также запрещаю вамъ говорить съ лэди Кинсбѣри о ее падчерницѣ.—Тутъ онъ замолчалъ, и какъ бы давалъ понять, судя по его первому предупрежденію, что священникъ теперь можетъ удалиться. Первое изъ данныхъ приказаній было очень просто, маркизъ несомнѣнно имѣлъ право его отдать, и мистеръ Гринвудъ сознавалъ, что будетъ обязанъ его исполнить. Но второе—совершенно другое дѣло. Онъ привыкъ постоянно бесѣдовать съ лэди Кинсбѣри о лэди Франсесъ. Два, три, четыре раза

въ день миледи, которая въ настоящихъ своихъ условіяхъ не имѣла другого повѣреннаго, называла ему свою скорбь по этому ужасному поводу. Чтожъ ему сказать ей, — что повелитель его запретилъ ему этимъ заниматься, или продолжать, вопреки желаніямъ маркиза? Онъ довольно охотно бы исполнилъ приказаніе, еслибы не сознавалъ, что вынужденъ будетъ поссориться съ милордомъ или миледи. Милордъ, конечно, могъ выгнать его изъ дому, но миледи могла сдѣлать пребываніе въ этомъ домѣ невыносимымъ для него. Милордъ человѣкъ справедливый, хотя неблагоразумный, и едва ли выгонитъ его безъ всякаго вознагражденія; но миледи — женщина необузданная, которая, если разсердить ее, совершенно забудетъ о справедливости. Размысливъ обо всемъ этомъ, онъ стоялъ, отчаяваясь и колеблясь, передъ своимъ патрономъ.

— Я требую, — сказалъ маркизъ, — чтобы вы соображались съ моими желаніями, или разстались со мной.

— Оставилъ Траффордъ? — спросилъ несчастный.

— Да, оставилъ Траффордъ; рѣшайтесь на это, или исполните мое желаніе въ дѣлѣ, относительно котораго мои желанія, конечно, должны быть приняты въ соображеніе. Чтожъ вы имбриаете, мистеръ Гринвудъ?

— Конечно, я поступлю, какъ вы мнѣ приказываете. — На это маркизъ любезно поклонился, продолжая стоять спиной къ камину, и мистеръ Гринвудъ вышелъ изъ комнаты.

Мистеръ Гринвудъ прекрасно сознавалъ, что это только начало его невгодъ. Давая это обѣщаніе, онъ былъ совершенно увѣренъ, что будетъ не въ состояніи исполнить его. Одно ему оставалось: нарушить обѣщаніе и скрыть это отъ маркиза. Не въ его власти будетъ уклониться отъ разговора, который маркиза могла завести. Но могло быть возможное растолковать маркиза, что отъ мужа ея слѣдуетъ скрыть, насколько они доверяютъ другъ другу. Правду сказать, между ними теперь обсуждалось не мало тайнъ, относительно которыхъ невозможно будетъ убѣдить миледи не давать воли языку. Между ними было принято за аксіому, что переселеніи лорда Гемпстада въ лучший міръ слѣдуетъ горячо желать. Удивительно какъ быстро, хотя и постепенно, развиваются идеи такого рода, когда ихъ разъ допустили. Дьяволъ живо основывается въ думѣ, когда ему открыли входную дверь. Мѣсяць или два тому назадъ, до отъѣзда миледи въ Беннигсграфъ, она, конечно, не рѣшилась бы прямо выразить желаніе, чтобы молодой человѣкъ умеръ, какъ бы часто мысли ея ни работали въ этомъ направленіи. И, конечно, въ

тѣ дни, хотя отъ нихъ прошло лишь нѣсколько недѣль, мистеръ Гринвудъ былъ бы очень пораженъ, еслибы ему хоть намекнули на то, о чемъ они теперь совершенно свободно толковали.

— Жалко, жалко, жалко!

Такъ выражалась на этотъ счетъ удрученная скорбью мать, примиряясь съ своими желаніями при посредствѣ того, что считала своимъ долгомъ по отношенію къ роднымъ дѣтямъ. Не то чтобы у нихъ съ мистеромъ Гринвудомъ возникъ какой-нибудь планъ, благодаря которому лордъ Гемпстедъ сошелъ бы съ дороги. Убіиство имъ, конечно, и на мысль не приходило. Но жалко, жалко! Насколько лордъ Гемпстедъ, во всѣхъ отношеніяхъ, не соответствовалъ тому высокому общественному положенію, которое онъ будетъ призванъ занять, настолько ея сынъ, ея лордъ Фредерикъ, способенъ будетъ служить украшеніемъ своего сословія. Онъ былъ красивъ, любезенъ, аристократиченъ съ головы до ногъ. Никогда болѣе блестящій наслѣдникъ громкаго титула не радовалъ сердца матери-англичанки, еслибы только онъ былъ наслѣдникомъ. За что ей, благородному отпрыску аристократическаго дома Монтрезоровъ, дано было быть матерью однихъ младшихъ сыновей? Чѣмъ болѣе мысль ея останавливалась на этомъ, тѣмъ полнѣе изглаживалась несправедливость ея желаній, и честолюбіе ея казалось не болѣе какъ естественной заботой матери о своемъ ребенкѣ. Мистеръ Гринвудъ не могъ бы представить такихъ оправданій, но и относительно его можно сказать, что дьяволъ, разъ появившись, вскорѣ совершенно удобно расположился въ его душѣ. Онъ говорилъ себѣ, что и не думалъ замышлять убійство лорда Гемпстеда. Совѣсть его, въ этомъ отношеніи, была совершенно чиста. Какое ему дѣло до того, что наслѣдуетъ титулъ и имѣнье Траффордъ? Онъ просто обсуждалъ съ глупой женщиной случай, котораго никакія ихъ рѣчи ничѣмъ не могли ни вызвать, ни предотвратить. Ему скоро показалось естественнымъ, что она этого желаетъ, и не менѣе естественнымъ, что онъ дѣлаетъ видъ, что сочувствуетъ ей, своему лучшему другу. Маркизъ, онъ былъ въ этомъ увѣренъ, постепенно отставалъ отъ него. Въ комъ было ему искать поддержки, какъ не въ единственномъ другѣ, который у него оставался? Маркизъ, вѣроятно, дастъ ему что-нибудь, если отпустить; но этого будетъ недостаточно, чтобы дать ему возможность прожить въ довольствѣ остатокъ жизни. Въ распоряженіи маркиза находилось мѣсто ректора въ Апльсломбѣ, въ Сомерсетширѣ, которое было бы совсѣмъ на руку мистеру Гринвуду. Теперь его занималъ очень древній старикъ, который, какъ всѣмъ было

извѣстно, не вставалъ съ постели. Это представляло 800 фунтовъ въ годъ. Мистеръ Гринвудъ заводилъ объ этомъ рѣчь съ маркизомъ; но ему сказали, слегка выразивъ вѣжливое сожалѣніе, что считаютъ его слишкомъ старымъ для новыхъ обязанностей. Маркиза часто говорила съ нимъ объ этомъ мѣстѣ; но что въ томъ толку? Еслибы умеръ самъ маркизъ, а за нимъ ректоръ, для него была бы какая-нибудь надежда,—подъ условіемъ, чтобы лордъ Гэмпстедъ также сошелъ съ дороги. Но мистеръ Гринвудъ, думая объ этомъ, качалъ головой. Безъ всякаго сомнѣнія, всѣ его симпатіи были на сторонѣ милэди. Маркизъ обращался съ нимъ дурно. Лордъ Гэмпстедъ позорилъ свое сословіе. Лэди Франсесъ была даже хуже брата. Хорошо было бы, еслибы лордъ Фредерикъ сдѣлался наслѣдникомъ. Но все это не имѣло ничего общаго съ убійствомъ, ни даже съ помышленіемъ объ убійствѣ. Еслибы Господу угодно было взять молодого человѣка, оно было бы прекрасно, и только.

Въ тотъ же самый день, часъ или два послѣ того, какъ онъ далъ свое обѣщаніе маркизу, лэди Кинсбери послала за нимъ.

Она всегда приглашала его пить съ нею чай въ пять часовъ. Это до такой степени вошло въ обычай, что слуга просто докладывалъ, что чай поданъ на верху, въ комнатѣ милэди.

— Видѣли вы сегодня милорда?—спросила она.

— Да,—я его видѣлъ.

— Послѣ того, какъ онъ такъ грубо приказалъ вамъ выйти изъ комнаты?

— Да, онъ позвалъ меня послѣ этого.

— Ну?

— Онъ запретилъ мнѣ говорить о лэди Франсесъ.

— Еще бы. Онъ не желаетъ слышать ея имени. Это я понимаю.

— Онъ не желаетъ, чтобы я говорилъ о ней съ вами.

— Со мной? Чтожъ, мнѣ ротъ замкнуть? Я буду говорить о ней, что найду нужнымъ. Этому еще недоставало!

— Онъ тутъ больше имѣлъ въ виду меня.

— Онъ не можетъ заставить людей молчать. Все это вздоръ. Ему слѣдовало держать ее въ Кеннингсграфъ, держать взаперти до тѣхъ поръ, пока она не измѣнитъ своего намѣренія.

— Онъ требовалъ отъ меня обѣщанія не говорить о ней съ вами, милэди.

— Что-жъ вы отвѣчали?

Онъ пожалъ плечами и принялся за чай. Она покачала головой и прикусила губы. Не станеть она молчать, какъ бы онъ

ни сердился.—Я почти желаю, чтобы она вышла за этого господина, хоть чѣмъ-нибудь бы кончилась эта исторія. Не думаю, чтобы послѣ этого онъ самъ когда-нибудь упомянулъ ея имя. Что она уже возвратилась въ Гендонъ?

— Не знаю, милэди.

— Это ему наказаніе за то, что онъ противился желаніямъ дди, вставалъ противъ его принциповъ. Нельзя дотронуться до грязи и не запачкаться.—Грязь, какъ прекрасно понялъ мистеръ Гринвудъ, была первая маршала. — Сказалъ онъ что-нибудь о Гэмистедѣ?

— Ни слова.

— Вѣроятно и о немъ намъ запрещено говорить. Несчастный молодой человѣкъ; желала бы я знать, сознаетъ ли онъ самъ, какъ безусловно онъ губитъ семью.

— Полагаю, что долженъ сознавать.

— Такого рода люди — такіе эгоисты, что никогда не думаютъ о другихъ. Ему и въ голову не приходитъ, чѣмъ могъ бы быть Фредерикъ, еслибы онъ не стоялъ у него на дорогѣ. Ничто такъ меня не сердитъ, какъ когда онъ дѣлаетъ видъ, что любитъ моихъ дѣтей.

— Вѣроятно, онъ теперь больше не прійдетъ.

— Ничто не помѣшаетъ ему прійхать, — развѣ умереть. — Мистеръ Гринвудъ грустно покачалъ головой.

— Говорятъ, онъ много ѣздитъ верхомъ.

— Не знаю.

— Яхта его можетъ пойти съ нимъ ко дну.

— Онъ никогда не катается на ней въ это время года, — сказалъ священникъ, находя утѣшеніе въ этой мысли.

— Кажется, что нѣтъ. Сорная трава всегда растетъ. Тѣмъ не менѣе удивительно сколько старшихъ сыновей... отозвано, за послѣднюю четверть вѣка.

— Множество.

— Не могло быть ни одного, безъ котораго легче было бы обойтись, — сказала матишка.

— Да; безъ него можно было бы обойтись.

— Подумайте только о выгодѣ для семейства. Оно совсѣмъ пропадетъ, если онъ наслѣдуетъ титулъ. А мой Фредъ съ такой честью носилъ бы это имя! Конечно, — сдѣлать ничего нельзя.

Послѣдняя фраза была сказана полу-вопросительно, но осталась безъ отвѣта.

XIX.—Женихъ лэди Амальдины.

Траффордъ-Паркъ находится въ Шропширѣ; Льюдьютъль—валлійское помѣстье герцога Меріонета—въ сосѣднемъ графствѣ, т.-е. одно изъ помѣстій, такъ какъ у герцога были замки во многихъ графствахъ.

Здѣсь, въ это время года, лорду Льюдьютлю удобно было жить—не въ видахъ собственнаго, особаго удовольствія, но потому, что предполагалось, что Сѣверный Валлисъ требуетъ его присутствія. Онъ наблюдалъ за трехъ-мѣсячными сессіями мирового суда, за дорогами, за больницами для душевно-больныхъ и вообще за консервативными интересами этой части Великобританіи. Само собою разумѣется, что Рождество онъ обязанъ былъ проводить въ Льюдьютлѣ. Въ январѣ онъ отправлялся въ Дургамъ, въ февралѣ въ Сомерсетширъ. Такимъ образомъ онъ дѣлилъ свое время между различными частями королевства, конечно, оставаясь въ Лондонѣ отъ начала до конца парламентской сессіи. Это была, смѣло можно сказать, чрезвычайно полезная жизнь, но совершенно чуждая развлеченій и почти не знавшая волненій. Не удивительно, что онъ не находилъ времени жениться. Такъ какъ онъ не могъ забираться въ такую даль, какъ замокъ Готбой—частью, можетъ быть, потому, что ему не особенно нравилась тамошняя манера собирать публику со всего свѣта,—то было условлено, что онъ пожертвуетъ двумя днями въ началѣ декабря, чтобъ свидѣться съ своимъ предметомъ подъ вѣнцемъ ея тетки, въ Траффордъ-Паркѣ. Лэди Амальдина и онъ оба должны были прибыть туда въ среду, 3-го декабря, и остаться до пятницы утра. Срокъ пребыванія молодой дѣвушки не былъ опредѣленъ съ особой точностью, такъ какъ ее время цѣнилось дешево; но было подробно объяснено, что женихъ долженъ попасть въ Денбигъ съ поѣздомъ, приходящимъ въ 5 часовъ 45 минутъ, чтобъ имѣть возможность посетить нѣкоторые городскіе учрежденія до обѣда, который представители консервативной партіи должны были дать въ семь. Лордъ Льюдьютъль утѣшался мыслью, что можетъ воспользоваться двумя свободными днями въ Траффордѣ для сочиненія и изученія сна о настоящемъ положеніи дѣлъ, который, хотя имѣлъ быть произнесенъ въ Денбигѣ, безъ всякаго сомнѣнія, появится во всѣхъ лондонскихъ газетахъ на слѣдующее же утро.

Такъ какъ тутъ исключительно имѣлось въ виду свиданіе влюбленныхъ, то гостей звать не думали. Мистеръ Гринвудъ,

конечно, будетъ. Чтобы придать обѣду нѣсколько торжественный характеръ, на первый день пригласили мера изъ Тресбѣри съ женой. Меръ былъ ярый консерваторъ, лорду Льюдьютлю пріятно будетъ съ нимъ встрѣтиться. На второй день въ обѣду были званѣе приглашены приходскій священникъ съ женой и дочерью. Главное неудобство этихъ праздничныхъ приготовленій заключалось въ томъ, что леди Амальдина и женихъ ея были въ день крупной ссоры между маркизомъ и его женой.

Можетъ быть, въ сущности, пріѣздъ гостей есть величайшее облегченіе, какое можно найти въ такихъ несчастныхъ, домашнихъ распряхъ. Послѣ того, что было сказано, лордъ и леди Траффордъ едва-ли бы могли спокойно пообѣдать, въ присутствіи одного мистера Гринвуда. Въ этомъ случаѣ разговоръ никакъ-бы не вьзался. Теперь же маркизъ могъ передъ обѣдомъ суетливо войти въ гостиную, чтобы пріѣхавшей племянницѣ жены, не намекнувъ ни однимъ словомъ на утреннія неудовольствія. Почти въ ту же минуту появился лордъ Льюдьютъ, который пріѣхалъ такъ поздно, какъ только было возможно и переодѣлся въ десять минутъ. Такъ какъ не было никого постороннихъ, леди Амальдина поцѣловала своего будущаго мужа—какъ поцѣловала бы дѣда—и милордъ принялъ эту ласку, какъ могъ бы принять любой суровый сдержанный дѣдъ. Затѣмъ вошелъ мистеръ Гринвудъ съ меромъ и его женой, все общество было налицо. Маркизъ повелъ леди Амальдину къ столу, женихъ сѣлѣтъ рядомъ съ нею. Меръ и его жена помѣщались на другую сторону стола, мистеръ Гринвудъ между ними. Еще не успѣвъ обнести супъ, какъ лордъ Льюдьютъ углубился въ вопросъ о сравнительныхъ достоинствахъ больницъ для душевно-больныхъ Шропшира и Валлеса. Съ этой минуты и до той, когда мужчины присоединились къ дамамъ, въ гостиной разговоръ отличался исключительно-практическимъ характеромъ. Какъ только дамы удалились изъ столовой, дороги и больницы уступили мѣсто политическимъ вопросамъ, въ обсужденіи которыхъ маркизъ и мистеръ Гринвудъ предоставили консерваторамъ почти полную свободу. Въ гостиной разговоръ тянулся вяло, пока въ десять часовъ съ небольшимъ, меръ, замѣтивъ, что ему завтра предстоитъ длинная поѣздка, не удавшись на покой. Маркиза съ леди Амальдиной скоро послѣдовали его примѣру; минутъ черезъ пять и валлійскій лордъ, проборматавъ что-то о писаніи писемъ, находился въ тѣни своей спальни. О любви не было сказано ни одного слова, но леди Амальдина была довольна. На своемъ туалетномъ столикѣ она нашла небольшой свертокъ, адресованный на ея имя рукой ми-

лорда, въ которомъ заключался медальонъ съ ея монограммой «А. Л.», изъ брильянтовъ. Было далеко за полночь, прежде чѣмъ милордъ выразилъ словами первую половину обѣщаній насчетъ ненарушимости конституціи, которыя намѣревался сдѣлать денбигскимъ консерваторамъ. Лордъ Людьюльтъ почти не показывался на слѣдующее утро, послѣ ранняго завтрака, такъ твердо рѣшился онъ постоять за благородное дѣло, за которое взялся. Послѣ второго завтрака затѣяли небольшую поѣздку для влюбленныхъ, и занятый политическій дѣятель разрѣшилъ себѣ короткую прогулку въ экипажѣ въ обществѣ одной своей будущей жены. Если бы онъ держался съ ней безъ церемоній, онъ просто далъ бы ей свою рѣчь въ рукописи, и отвѣтилъ бы ей какъ затверженный урокъ. Но такъ какъ сдѣлать этого онъ не могъ, то перечислилъ ей всѣ свои занятія, точно оправдывая собственную медленность въ дѣлѣ брака, и объявилъ, что благодаря нѣніямъ и парламенту, онъ никогда не знаетъ, на головѣ онъ стоитъ или на ногахъ. Но когда онъ остановился, онъ все-таки не назначилъ дня, такъ что леди Амальдина наплась вынужденной сама взяться за это дѣло. Какъ вы думаете, когда-жъ это будетъ?—спросила она. Онъ поднялъ руку и потеръ голову подъ шляпой, точно разговоръ этотъ былъ ему чрезвычайно неприятенъ.—Ни за что въ мірѣ не хотѣла бы я думать, что стѣсняю васъ,—сказала она, съ отгнѣкомъ упрека въ голосъ.

Онъ дѣйствительно былъ искренне въ ней привязанъ; гораздо болѣе чѣмъ она, по самой натурѣ своей, могла привязаться къ нему. Еслибъ она могла сдѣлаться его женой безъ всякихъ заботъ о свадебныхъ приготовленіяхъ или о послѣдующемъ медовомъ мѣсяцѣ, онъ очень охотно зажилъ бы съ ней съ этой самой минуты. Для него обязательно было жениться и онъ окончательно рѣшилъ, что это именно такая жена, какая ему нужна. Но теперь онъ былъ крѣпко смущенъ этимъ тономъ упрека.

— Желалъ бы я,—сказалъ онъ,—быть младшимъ братомъ или кѣмъ угодно, только не тѣмъ, чѣмъ я есть.

— Зачѣмъ бы вамъ это желать?

— Затѣмъ, что мнѣ такъ все надобно. Конечно, вы этого не понимаете.

— Нѣтъ, понимаю,—сказала Амальдина,—но, право, надо всему этому положить конецъ. Вѣроятно, и парламентъ, и больницы для душевно-больныхъ вѣчно будутъ требовать заботъ.

— Безъ сомнѣнія... безъ сомнѣнія.

— Въ такомъ случаѣ, нѣтъ причины не назначить когда-

нибудь день. Люди начинают думать, что дѣло это вѣроятно разстроилось, такъ какъ объ этомъ такъ давно говорить...

— Надѣюсь, что оно никогда не разстроится.

— Я знаю, что принцъ на дняхъ сказалъ, что надѣялся... Но все равно, на что онъ тамъ надѣялся.

Лордъ Льюдмилль также слышалъ рассказъ о томъ, на что надѣялся принцъ, и снова съ досадой почесалъ голову. Носились слухи, что принцъ объявилъ, что онъ давнымъ-давно ожидалъ приглашенія въ крестные отцы. Лэди Амальдина, вѣроятно, слышала рассказъ этотъ въ другой редакціи.—Я хочу сказать, что всѣ удивились, что оно отложено такъ надолго, а теперь начинаютъ думать, что оно совсѣмъ не состоится.

— Не назначить ли въ іюнѣ?—сказалъ восторженный поклонникъ.—Лэди Амальдина нашла, что въ іюнѣ очень удобно.

— Но тогда будетъ внесенъ билль объ улучшеніи системы городскихъ школъ,—сказалъ милордъ.

— А мнѣ казалось, что всѣ города давнымъ-давно пользуются плодами школъ.—Онъ взглянулъ на нее съ чувствомъ сугубаго сожалѣнія,—сожалѣнія о томъ, что она такъ мало знала, и о томъ, что къ ней относятся такъ жестоко.—По моему это надо совсѣмъ отложить,—сердито сказала она.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,—воскликнулъ онъ.—Нельзя ли въ августъ? Правда, я обѣщалъ быть въ Инвернесѣ къ открытію новыхъ доковъ.

— Это вздоръ,—сказала она.—Ну какая надобность докамъ, чтобъ вы ихъ открывали?

— Видите ли,—сказалъ онъ,—отецъ мой въ этомъ городѣ пользуется большимъ значеніемъ. Мнѣ кажется, я звалю это на плечи Давиду.—Лордъ Давидъ былъ его братъ, также членъ парламента и занятой человѣкъ, какъ и всѣ представители семейства Поуэля, но который любилъ развлечься съ ружьемъ по окончаніи работъ въ палатѣ общинъ.

— Конечно, онъ могъ бы это сдѣлать,—сказала лэди Амальдина.—Самъ онъ женился десять лѣтъ тому назадъ.

— Я его попрошу, но онъ очень разозлится. Онъ всегда говоритъ, что ему не слѣдуетъ навязывать работы старшаго брата.

— Такъ я могу сказать мама?—Милордъ опять потеръ себѣ голову, но на этотъ разъ сдѣлалъ это такъ, что жестъ его какъ бы выразилъ согласіе. Невѣста слегка сжала его руку повыше локтя. Посѣщеніе Траффордъ, по ея понятіямъ, могло считаться увѣнчавшимся успѣхомъ. Выходя изъ экипажа, она еще разъ сжала его руку, и онъ печально побрелъ доучивать остатки

своего спича, думая о томъ, какъ пріятно было бы «жить какъ всѣ».

Но лорда Льюдьютля ожидала менѣе пріятная помѣха, чѣмъ эта. Около пяти часовъ, когда онъ уже твердо заучивалъ конецъ своей рѣчи, маркиза прислала за нимъ, поручивъ сказать, что она будетъ очень ему благодарна, если онъ пожалуетъ къ ней въ комнату на пять минутъ. Можетъ быть, онъ будетъ такъ любезенъ, что выпьетъ съ нею чашку чаю. Порученіе было передано собственною горничной миледи, его велья было стеснь иначе, какъ за приказаніе. Но лордъ Льюдьютль не хотѣлъ чаю, былъ совершенно равнодушенъ къ леди Кинсбери и чрезвычайно озабоченъ своей рѣчью. Онъ почти проклялъ женскую суетливость, всовывая рукопись въ бюваръ, и последовалъ за горничной по корридорамъ.

— Какъ это мило съ вашей стороны, — сказала она. — Наклоняя голову, онъ потерялъ ее, какъ и всегда въ минуты досады, но ничего не сказалъ. Она замѣтила его настроеніе, но рѣшилась не отступать. Хотя наружность его ничего не обѣщала, онъ былъ извѣстенъ какъ истый столпъ своего сословія. Въ цѣлой Англии не было человѣка до такой степени преданнаго дѣлу консерватизма — тому дѣлу, успѣхъ котораго зависитъ отъ поддержки тѣхъ социальныхъ учрежденій, благодаря которымъ Великобританія пріобрѣла первенство между народами. Никто лучше лорда Льюдьютля не понималъ, какъ полезно держать каждый изъ различныхъ классовъ общества на своемъ мѣстѣ, причемъ каждому требовалась честь, правдивость, трудолюбіе. Маркиза отчасти понимала его характеръ въ этомъ отношеніи. А потому, кто живѣе его почувствуетъ всю горечь причиненныхъ ей оскорбленій, кто болѣе его будетъ сочувствовать ей относительно негодности сына и дочери, съ которыми не связывало ее кровное родство, кто скорѣй его пойметъ, какъ неизмѣримо лучше было бы для всего «сословія», чтобъ ея маленький лордъ Фредерикъ наслѣдовалъ титулъ и помогалъ сохранять учрежденія Великобританіи въ надлежащемъ видѣ? Она совершенно перестала понимать, что намекая на возможность такого наслѣдованія, она желала безвременной смерти человѣку, о благополучіи котораго обязана была петься. Постоянно размышляя объ этомъ предметѣ, она утратила способность видѣть, какъ мысль эта можетъ поразить другого. Вотъ человѣкъ, которому въ свѣтѣ особенно посчастливилось, который стоитъ во главѣ своего сословія, который скоро близко породнится съ ней самой, на котораго она впоследствии будетъ имѣть возможность опереться

какъ на крѣпкую трость. А потому она рѣшилась повѣрить ему свое горе.

— Не прикажете ли чашку чаю?

— Никогда не пью его въ это время.

— Можеть быть, чашку кофе?

— Ничего до обѣда, благодарю васъ.

— Вы не были въ замокъ Готбой, когда Гэмпстедъ съ сестрою были тамъ.

— Я не былъ въ замокъ Готбой съ весны.

— Неужели вы не нашли очень страннымъ, что ихъ туда пригласили?

— Нѣтъ, отчего страннымъ?

— Вы слышали эту исторію... неправда ли? Какъ человѣкъ, готовый вступитъ въ такое близкое родство съ нашимъ семействомъ, вы должны ее узнать. Лэди Франсесъ къ несчастію дала слово молодому человѣку совершенно недостойному ея, — почтайтесь ему вперекъ!

— Объ этомъ кое-что слышала.

— Она ужасно вела себя здѣсь, и тогда братъ ее увезъ. Я вынуждена была окончательно отлучить ее отъ своего сердца. — Лордъ Льюдьюльтъ потерялъ себѣ голову, но на этотъ разъ лэди Кинсбери невѣрно объяснила себѣ причину его досады. Ему неприятно было, что его заставляютъ слушать эту исторію. Она воображала, что поступки лэди Франсесъ возмущаютъ его. — Послѣ этого, мнѣ кажется, сестра поступила очень дурно, пригласивъ ее въ замокъ Готбой. Не слѣдуетъ оказывать никакой поддержки молодой дѣвушкѣ, которая можетъ такъ ужасно вести себя. Неправда ли, что такіе браки страшно вредятъ важнѣйшимъ интересамъ общества?

— Я, конечно, того мнѣнія, что молодымъ дѣвушкамъ слѣдуетъ выходить за людей своего круга.

— Отъ этого столько зависить... не такъ ли, лордъ Льюдьюльтъ? Вся будущая кровь нашихъ первыхъ фамилій! По моему, за такое поведеніе нѣтъ слишкомъ строгихъ каръ.

— Но неможеть ли строгость?

— Ничто другое и не можеть помочь. Мнѣ лично кажется, что отцу, въ такихъ случаяхъ, слѣдовало бы разрѣшать запереть свою дочь. Но маркизъ такъ слабъ.

— Страна ни на минуту не допустила бы этого.

— Тѣмъ хуже для страны, — рѣшила милэди, воздвѣвая руки. — Но братъ, если возможно, хуже сестры.

— Гэмпстедъ?

— Онъ положительно ненавидитъ всякій призракъ аристократіи.

— Это нелѣпо.

— Крайне нелѣпо, — сказала маркиза, которой показалось, что ее поощряютъ: — крайне нелѣпо, ужасно, безобразно. Онъ — совершенный революціонеръ.

— Ну, вѣтъ, мнѣ кажется, — сказалъ милордъ, которому приблизительно извѣстны были политическія убѣжденія Гемпстеда.

— Право, такъ. Помилуйте, онъ поощряетъ сестру! Онъ позволилъ бы ей выйти за баппачника, лишь бы ему удалось унижить родную семью. Подумайте, что я-то должна чувствовать, я, съ моими дорогими мальчиками!

— Развѣ онъ съ ними не ласковъ?

— Я предпочла бы, чтобъ онъ никогда ихъ не видалъ!

— Этого я совсѣмъ не понимаю, — сказалъ разгнѣванный лордъ.

Но она совершенно превратно истолковала себѣ его слова.

— Когда я подумаю, что онъ такое, до чего онъ доведетъ всю семью, если останется въ живыхъ, мнѣ невыносимо видѣть, какъ онъ прикасается къ нимъ. Подумайте о крови Траффордъ, о крови Монтрезоровъ, о крови Готвилей; подумайте о нашей собственной крови, которая теперь сольется съ нашей: подумайте, что вся эта кровь будетъ осквернена потому только, что этому господину угодно устроить поворный, отвратительный бракъ съ исключительной цѣлью унижить насъ всѣхъ.

— Извините, леди Кинсбери; я нисколько не буду униженъ.

— Подумайте о насъ, о моихъ дѣтяхъ.

— И они также. Можетъ быть, это — несчастіе, но униженія тутъ никакого не будетъ. Честь можетъ пострадать только отъ безчестнаго. Жалѣю, что леди Франсесъ не отдала своего сердца другому, но совершенно увѣренъ, что родовое имя безопасно въ ея рукахъ. Что же касается до Гемпстеда, это — молодой человѣкъ, убѣжденіямъ котораго я не сочувствую, — но я увѣренъ, что онъ джентльменъ.

— Желала бы я, чтобъ онъ умеръ, — сказала леди Кинсбери.

— Леди Кинсбери!

— Желала бы я, чтобъ онъ умеръ!

— Могу только сказать, — сказалъ лордъ Льюдютль, поднимаясь со стула, — что вы крайне неудачно выбрали себѣ повѣреннаго. Лордъ Гемпстедъ — человѣкъ, котораго я съ гордостью назвалъ бы своимъ другомъ. Политическія убѣжденія человѣка —

его личное дѣло. Его честь, безкорыстіе и даже поведеніе до нѣкоторой степени принадлежать его семьѣ. Не думаю, чтобъ его отецъ или братья, или матица, когда-нибудь будутъ имѣть поводъ покраснѣть за него.—Съ этимъ лордъ Льюдьютъ позво- нился маркизъ и вышелъ изъ комнаты съ такой величавой осанкой, которую едва ли бы узнали тѣ, кто видѣлъ, какъ онъ таскалъ ноги въ палатѣ общинъ.

Обѣдъ, въ этотъ день, прошелъ очень тихо, и лэди Кинс- бери ушла къ себѣ даже ранѣе обыкновеннаго. Разговоръ за обѣдомъ былъ скучный и преимущественно вращался на церков- ныхъ вопросахъ. Мистеръ Гринвудъ старался быть веселымъ, а приходскій священникъ, жена его и дочь чувствовали себя не- ловко. Лордъ Льюдьютъ почти не раскрывалъ рта. Лэди Амаль- дина, уладивъ единственный, занимавшій ее вопросъ, была про- сто довольна. На другой день утромъ женихъ ея уѣхалъ ранѣе, чѣмъ предполагалъ. Ему необходимо, увѣрялъ онъ, собрать нѣ- которыя свѣдѣнія въ Денбигѣ прежде, чѣмъ произнести свою рѣчь. Ему удалось добыть себѣ особое отдѣленіе, и здѣсь онъ твердилъ свой урокъ, пока не почувствовалъ, что дальнѣйшія повторенія только собьютъ его съ толку.

— Вы какъ-то пригласили Фанни къ себѣ въ замокъ,—ска- зала лэди Кинсбери племянницѣ на слѣдующее утро.

— Мама думала, что хорошо будетъ пригласить ихъ обоихъ.

— Они этого не заслужили. Поведеніе ихъ было таково, что я вынуждена сказать, что они ничего не заслужили отъ моей семьи. Говорила она о своей этой свадьбѣ?

— Упомянула.

— Видишь!

— Да, но въ сущности ничего почти не говорилось.—Ко- нечно, гораздо болѣе разговоръ было о моей. Она говорила, что охотно была бы дружкой.

— Пожалуйста, не приглашай ее.

— Отчего же, тетушка?

— Я никакъ не могла бы быть у тебя на свадьбѣ, если ты пригласишь ее. Я вынуждена была изгнать ее изъ своего сердца.

— Бѣдная Фанни!

— Но она не стыдилась того, что затѣяла?

— Кажется, что нѣтъ. — Она не изъ тѣхъ, которые когда- нибудь стыдятся своихъ поступковъ.

— Нѣтъ, нѣтъ. Ее ничѣмъ не пристыдишь. Она знаетъ не хочетъ никакихъ приличій, точно ихъ не существуетъ. Я такъ и жду, что услышу, что она брака вообще не признаетъ.

— Тетя Клара!

— Чего можно ожидать отъ тѣхъ ученій, которыхъ они съ братомъ придерживаются? Слава Богу, ты никогда и не слышала о такихъ вещахъ. У меня сердце разрывается какъ подумаю о томъ, что мои родныя дѣтки навѣрное услышатъ, не сегодня, завтра, отъ брата и сестры. Но пожалуйста, Амальдина, не приглашай ее къ себѣ въ дружки.

Ляди Амальдина, помня, что кузина очень хороша собой, а также, что могло быть не легко набрать двадцать титулованныхъ дѣвушекъ, тетѣ слова не дала.

XX. — Планъ удался.

Когда мать представила вопросъ на разрѣшеніе Джорджа Родена, онъ не нашелъ никакой причины, отчего бы ей не объѣхать въ Гендонъ-Голлѣ. Самъ онъ радъ былъ имѣть случай взглянуть то недружелюбное чувство, которое несомнѣнно существовало между нимъ и его другомъ, когда они разстались на дорогѣ. Что касается до его матери, хорошо было бы, чтобъ она настолько возвратилась къ обычаямъ свѣта, чтобъ пообѣдать у пріятеля сына.

— Ты этимъ только возвратишься къ своимъ прежнимъ привычкамъ,—сказалъ онъ.

— Ничего ты не знаешь о моихъ прежнихъ привычкахъ,—отвѣчала она почти сердито.

— Я не предлагаю никакихъ вопросовъ, и старался приучить себя мало объ этомъ заботиться. Но я знаю, что оно такъ было.—Послѣ паузы онъ возвратился къ мыслямъ того же рода.—Еслибы мой отецъ былъ принцемъ, мнѣ кажется, я бы этимъ не гордился.

— Хорошо родиться джентльменомъ,—сказала она.

— Хорошо «быть» джентльменомъ, и если блага, обыкновенно связанныя съ высокимъ происхожденіемъ, помогаютъ человѣку приобрести благородство чувствъ и широту взглядовъ, то легко можетъ быть, что хорошее происхожденіе имѣетъ свою цѣну. Но если человѣкъ окажется недостойнымъ своего происхожденія—какъ многіе, тогда это преступленіе.

— Все это само собой разумѣется, Джорджъ.

— А между тѣмъ оно не такъ. Хотя бы самъ человѣкъ былъ негодяй, дуракъ и трусъ, онъ считается благороднымъ потому только, что кровь Говардовъ течетъ въ его жилахъ. И что

еще хуже: хотя бы другому дано было истинное и величайшее благородство, онъ почти не смѣетъ стоять выпрямившись передъ лордами и герцогами, въ виду своего недостоинства.

— Все это уже исчезаетъ.

— Желалъ бы я, чтобъ можно было нѣсколько ускорить это исчезновеніе, и этому можно помочь исчезнуть. Быть можетъ, въ наши дни прогрессъ пойдетъ быстрее. Но ты вѣрно позволишь мнѣ написать Гѣмпстеду и сказать, что ты будешь.

Она согласилась, и такимъ образомъ эта часть дѣла была улажена.

Послѣ этого она сама постаралась увидѣть квакера, однажды вечеромъ, когда онъ возвращался домой.

— Да, — сказалъ мистеръ Фай, — слыхалъ я отъ Маріонъ о твоёмъ предложеніи. Но зачѣмъ молодому лорду желать видѣть такого человѣка, какъ я, у себя за столомъ?

— Онъ короткій пріятель Джорджа.

— Охотно вѣрю, что твой сынъ хорошо выбираетъ себѣ друзей, такъ какъ вижу, что онъ осторожный и разумный молодой человѣкъ, который не предаётся чрезмерно всякимъ буйнымъ увеселеніямъ. — Джорджъ изрѣдка бывалъ въ театрѣ, чѣмъ оскорблялъ понятія квакера, и этимъ онъ оправдывалъ употребленіе слова: «чрезмѣрно», и лишался права на безусловную похвалу. — А потому я не стану съ нимъ ссориться изъ-за того, что онъ избралъ себѣ друга среди великихъ міра сего. Но, «свой своему по неволѣ братъ» — хорошее правило. По моему, усталая ломовая лошадь, какъ я, не должна стоять въ одной конюшнѣ съ охотничьими скакунами.

— Этотъ молодой человѣкъ предпочитаетъ общество такихъ людей; какъ вы и Джорджъ, обществу подобныхъ ему аристократовъ.

— Не думаю, чтобъ онъ этимъ обнаруживалъ особое благоуміе.

— Во всякомъ случаѣ, вамъ слѣдовало бы повѣрить его добрымъ намѣреніямъ.

— Не мое дѣло судить его, въ томъ или другомъ смыслѣ. Чтожъ, онъ просилъ, чтобъ и Маріонъ посѣтила его?

— Конечно. Отчего бы дѣвочкѣ хоть сколько-нибудь не видѣть свѣтъ, не развлечься?

— Мало будетъ пользы моей Маріонъ отъ такихъ развлеченій, мистриссъ Родентъ, а вредъ, пожалуй, будетъ. Неужели ты станешь утверждать, что такіа развлеченія непременно должны

послужить на пользу дѣвушкѣ, рожденной для исполненія тяжелыхъ обязанностей суровой жизни?

— Я, въ чемъ угодно, положила бы на Маріонъ, — горячо сказала мистрисъ Роденъ.

— И я также, она всегда была славной дѣвушкой.

— Но развѣ вы не выказываете къ ней недовѣрія, держа ее взаперти и боясь даже разрѣшить ей сѣсть за столъ въ чужомъ домѣ?

— Я никогда не запрещалъ ей садиться за твой столъ, — сказалъ квакеръ.

— Вамъ слѣдовало бы отпустить ее изъ любезности ко мнѣ. Ради моего сына, я общала быть тамъ, мнѣ было бы очень пріятно, чтобъ со мной была другая женщина.

— Такъ я-то едва ли вамъ нуженъ, — сказалъ мистеръ Фай, не безъ оттѣнка ревности.

— Онъ особенно наставлялъ на томъ, чтобъ вы пріѣхали. Именно съ такими людьми, какъ вы, онъ и желалъ бы сблизиться. Кромѣ того, если Маріонъ тамъ будетъ, то я увѣрена, вы пожелаете сопровождать ее. Неужели вамъ не хотѣлось бы видѣть, какъ дѣвочка будетъ держать себя при такомъ случаѣ?

— При всякихъ случаяхъ, вездѣ, во всякое время, я желалъ бы не разлучаться съ моей дочерью. Въ цѣломъ мірѣ у меня, кромѣ нея, не осталось ничего, на чемъ глазъ мой могъ-бы отдохнуть съ удовольствіемъ. Но сомнѣваюсь, чтобъ это послужило ей на пользу.

Съ этимъ онъ ушелъ, оставивъ вопросъ нерѣшеннымъ, но заронивъ въ душу мистрисъ Роденъ убѣжденіе, что онъ вончить тѣмъ, что приметъ приглашеніе.

— Сама ты этого желаешь? — спросилъ онъ у дочери въ этотъ вечеръ, прежде чѣмъ идти спать.

— Если ты поѣдешь, папа, мнѣ бы хотѣлось.

— Почему? — чего ты ожидаешь? — Не потому ли тебѣ хочется ѣхать, что этотъ молодой человѣкъ — лордъ, и что часть раззолоченаго величія властителей земли оказывается въ его домѣ и въ его столѣ?

— Не потому, отецъ.

— Или потому, что онъ молодъ и красивъ, умѣетъ нашептывать сладкія рѣчи, по обычаю юношей, что отъ него пахнутъ духами, что руки у него нѣжныя, мягкія, съ кольцами на пальцахъ, а пожалуй и на груди сверкаютъ драгоценныя камни, какъ у женщинъ?

— Нѣтъ, отецъ; не потому.

— Изысканныя кушанья, напитки, лакомства, которыми онъ будетъ угощать тебя, не могутъ имѣть особаго значенія для дѣвушки воспитанной какъ ты.

— Конечно, нѣтъ, отецъ; они для меня ничего не значатъ.

— Такъ изъ-за чего-жъ тебѣ хочется ѣхать къ нему?

— Чтобъ послушать твоихъ рѣчей, отецъ, въ обществѣ.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ, смѣясь,—лучше бы ты послушала моихъ рѣчей у насъ въ конторѣ. Тамъ я ничего, постояю за себя, но въ обществѣ этихъ молодыхъ людей, за стаканомъ вина, у меня, я думаю, и словъ-то не найдется. Если ты только то и выиграешь, что послушаешь болтовню старика отца, то время и деньги навѣрное пропадутъ даромъ.

— Мнѣ бы хотѣлось послушать его, отецъ.

— Молодого лорда?

— Да, молодого лорда. Онъ блестящъ и уменъ и, такъ какъ онъ изъ другого круга, чѣмъ нашъ, то можетъ сказать мнѣ многое, чего я не знаю.

— Можетъ ли онъ сказать тебѣ что-нибудь хорошее?

— Судя по тому, что я слышала о немъ отъ нашего друга, онъ, я думаю, не скажетъ мнѣ ничего дурного. Ты будешь тамъ и все услышишь, можешь остановить его, если рѣчи его будутъ злы. Но я думаю, что онъ изъ тѣхъ, изъ чьихъ устъ никогда не услышишь ничего вѣроломнаго или преступнаго.

— Кто ты, дитя мое, чтобъ ты могла судить, могутъ ли преступныя слова сорваться съ устъ молодого человѣка?—Но онъ сказалъ это, улыбаясь и пожимая ея руку, въ то время, какъ слова его какъ будто выражали упрекъ.

— Нѣтъ, отецъ, я не сузу. Я говорю только, что мнѣ кажется, что оно такъ. Навѣрное, не всѣ же они лживы и порочны. Но если ты этого не хочешь, я не скажу больше ни слова.

— Мы поѣдемъ, Маріонъ. Твоя пріятельница увѣряетъ, что не годится, чтобъ ты всегда сидѣла со мною взаперти. И хотя я могу недовѣрять молодому лорду, не зная его, довѣріе мое къ тебѣ таково, что я не думаю, чтобъ что-либо могло его поколебать.—Такъ и было рѣшено, что они всѣ поѣдутъ. Онъ пошлетъ нанять экипажъ для этого необыкновеннаго случая. Молодому лорду не будетъ никакой надобности отвозить ихъ. Хотя онъ не былъ знакомъ, говорилъ онъ, со многими обычаями свѣта, но едва ли водилось, чтобъ хозяинъ снабжалъ экипажемъ такъ же какъ обѣдомъ. Когда онъ обѣдалъ у мистера Погсона старшаго, что случалось разъ въ году, мистеръ Погсонъ не отвозилъ его въ

своемъ экипажѣ. Сѣсть за столъ лорда онъ согласенъ, но пріѣдетъ онъ и увидѣть какъ другіе люди.

Въ назначенный день обѣ дамы и ихъ спутники прибыли въ Гендонъ-Голль болѣе, чѣмъ во-время. Гэмпстедъ прыгалъ и скакалъ, радуясь ихъ пріѣзду, какъ могъ бы радоваться мальчикъ. Быть можетъ, даже въ этомъ заключалась нѣкоторая доля вѣроломства; онъ рассчиталъ, что этимъ способомъ ему скорѣй удастся вызвать ту короткость съ квакеромъ и его дочерью, которую онъ находилъ необходимой, чтобъ имѣть возможность исполнѣ насладиться вечеромъ. Если самъ квакеръ ожидалъ видѣть много того блеска, о которомъ говорилъ, онъ, безъ сомнѣнія, разочаровался. Обстановка Гендонъ-Голла всегда была проста. — Очень радъ, что вы пріѣхали пораньше, — сказалъ Гэмпстедъ, — такъ какъ вы можете хорошенько согрѣться до обѣда. — Потомъ онъ принялся порхать вокругъ мистриссъ Роденъ, оказывая ей гораздо болѣе вниманія, чѣмъ Маріонъ Фай, — опять съ нѣкоторымъ вѣроломствомъ, зная, что этимъ способомъ онъ всего лучше очиститъ дорогу будущимъ успѣхамъ. — Вы, вѣроятно, нашли, что страшно холодно, — сказалъ онъ.

— Не скажу, чтобъ мы устрашились, милордъ, — сказалъ квакеръ. — Но зима дѣйствительно стала суровая.

— О, отецъ! — сказала Маріонъ, тономъ упрека.

— Теперь все «страшно», — сказалъ Гэмпстедъ, смѣясь. — Конечно слово это нехлѣбное, но привыкаешь его употреблять потому, что другіе это дѣлаютъ.

— Нѣтъ, милордъ, прошу извиненія, если я какъ бы критически отнесся къ вашей рѣчи. Нѣсколько привыкнувъ къ болѣе суровому способу выраженія, я принялъ это слово въ его тѣсномъ значеніи.

— Это выраженіе принадлежитъ въ сущности къ словарю пансіона для дѣвицъ, — сказалъ Роденъ.

— Ну-съ, мистеръ Джорджъ, отъ васъ я не намѣренъ вносить выговоры, — сказалъ Гэмпстедъ, — хотя отъ тѣхъ, кто васъ старше, я ихъ принимаю. Миссъ Фай, когда вы были въ пансіонѣ, тамъ употребляли такіа выраженія?

— Въ томъ пансіонѣ, въ которомъ я была, лордъ Гэмпстедъ, — отвѣчала Маріонъ, — насъ держали очень строго. Представь себѣ, отецъ, что сказала бы миссъ Ватсонъ, еслибъ мы употребили какое-нибудь слово не въ томъ смыслѣ, каковъ придается ему въ лексиконѣ.

— Миссъ Ватсонъ была женщина умная, милая моя; она хорошо понимала и добросовѣстно исполняла принятыя на себя

обязанности. Не думаю, чтобы можно было тоже сказать о всѣхъ содержательницахъ модныхъ заведеній для дѣвицъ въ Вестъ-Эндѣ.

— У миссъ Ватсонъ было красное лицо, большой чепчикъ и очки, неправда ли? — сказалъ Гѣмпстедъ, обращаясь къ Маріонъ Фай.

— Я видѣла однажды миссъ Ватсонъ, — сказала мистриссъ Роденъ, — когда Маріонъ была у нея въ пансіонѣ; это была женщина очень маленькаго роста, съ блестящими глазами, она не носила фальшивыхъ волосъ и всегда имѣла такой видъ, точно сейчасъ вышла изъ картонки.

— Она была вполне вѣрна своимъ убѣжденіямъ, какъ и слѣдуетъ квакершѣ, — сказалъ мистеръ Фай: — надѣюсь, что Маріонъ послѣдуетъ ея примѣру. Что же касается языка, то, по моему, нашъ способъ выраженія, до нѣкоторой степени, долженъ согласоваться съ нашимъ образомъ жизни. Нельзя ожидать услышать съ церковной кафедры фразы, приличныя на скаковомъ полѣ; точно также выраженія, можетъ быть, умѣстныя въ аристократическихъ салонахъ, неприличествуютъ скромнымъ приемнымъ клерковъ и ремесленниковъ.

— Никогда болѣе не скажу, что что-нибудь «страшно», — сказалъ Гѣмпстедъ, предлагая мистриссъ Роденъ руку и ведя ее къ столу.

— Надѣюсь, что онъ не сердится на отца, — шепнула Маріонъ Фай Джорджу Родену, когда они вмѣстѣ шли по залѣ.

— Нисколько. Ничто, въ этомъ родѣ, не можетъ разсердить его. Еслибъ отецъ вашъ льстилъ ему или унижался передъ нимъ, тогда онъ почувствовалъ бы отвращеніе.

— Отецъ никогда бы этого не сдѣлалъ, — съ увѣренностью сказала Маріонъ.

Обѣдъ прошелъ очень весело. Гѣмпстедъ и Роденъ, общими силами, поддерживали разговоръ. Квакеръ, можетъ быть, слегка напуганный рѣзкостью своего перваго замѣчанія, почти молча уничтожалъ вкусныя яства. Маріонъ совершенно довольствовалась ролью слушательницы, но, можетъ быть, обращала больше вниманія на слова молодого лорда, чѣмъ на рѣчи его друга. Его голосъ ласкалъ ея слухъ. Въ его словахъ звучала ласка, но ей и въ голову не приходило, что эти нѣжныя рѣчи исключительно предназначались для ея ушей. Кто не знаетъ маневровъ, посредствомъ которыхъ мужчина можетъ постараться проникнуть въ сердце женщины, почти не говоря съ ней? Кто не замѣчалъ сочувствія, съ какимъ женщина, сама того не сознавая, принимала это поклоненіе? Пожатіе руки, выразительные взгляды, обычные явленія

между влюбленными, обыкновенно бывають уже развившимися послѣдствіями прежнихъ признаковъ, которые оказали свое полное дѣйствіе, хотя едва понимались въ то время, когда происходили. Но Маріонъ, можетъ быть, сознавала, что нѣчто въ родѣ поклоненія заключалось даже въ быстрыхъ взглядахъ, которые ея амфитріонъ ежеминутно бросалъ на нее, точно желая убѣдиться, что если не словами, то мыслями, она принимаетъ участіе въ разговорѣ, который несомнѣнно предназначался для нея. Мистриссъ Роденъ, отъ времени до времени, вставляла словечко спорѣй въ отвѣтъ сыну чѣмъ хозяину, но она замѣчала тѣ электрическія искры, которыя ежеминутно направлялись въ сердце Маріонъ Фай.

— Теперь вамъ слѣдуетъ просидѣть здѣсь съ четверть часа, ради обычая, пока мы будемъ дѣлать видъ, что пьемъ вино.

Это сказалъ лордъ Гэмпстедъ, вводя обѣихъ дамъ въ гостиную, послѣ обѣда.

— Не торопитесь, — сказала мистриссъ Роденъ, — мы съ Маріонъ старые друзья и отлично проведемъ время.

— О да, — сказала Маріонъ.

— Съ меня достаточно удовольствія посидѣть здѣсь и всѣмъ полюбоваться.

Тутъ Гэмпстедъ опустился на колѣни между ними, дѣлая видъ, что поправляетъ огонь въ каминѣ, въ чемъ, конечно, не было никакой надобности. Онѣ стояли одна по одну, другая по другую сторону его и смотрѣли.

— Вы портите огонь, лордъ Гэмпстедъ, — сказала мистриссъ Роденъ.

— Уголь на то и созданъ, чтобъ его шевелить. Я въ этомъ твердо убѣжденъ. Возьмите-ка щипцы, толкните ими уголья. Благодаря этому процессу, вы навѣки будете чувствовать себя здѣсь дома.

Онъ подалъ щипцы Маріонъ.

Ей ничего не оставалось какъ взять ихъ. Она взяла, покраснѣла до корней волосъ, приостановилась на минуту, а затѣмъ толкнула уголья, какъ этого отъ нея требовали. — Благодарю, — сказалъ онъ, продолжая стоять на колѣняхъ у ея ногъ и взявъ отъ нея щипцы, — благодарю. Теперь вы навсегда свой человекъ въ Гендонъ-Голлѣ. Никому, кромѣ друга, не позволилъ бы я шевелить у меня огонь въ каминѣ. — Съ этимъ онъ всталъ и медленно вышелъ изъ комнаты.

— О, мистриссъ Роденъ, — сказала Маріонъ, — какъ мнѣ жаль, что я это сдѣлала.

— Ничего. Это только шутка.

— Конечно, это шутка, но все же мнѣ жаль, что я это сдѣлала. Въ ту минуту мнѣ казалось, что я покажусь сердитой, если не исполню его просьбы. Но когда онъ сказалъ, что я буду чувствовать себя здѣсь дома!.. О, мистриссъ Роденъ, какъ я жалею, что это сдѣлала.

— Онъ пойметъ, что это не имѣло никакого значенія, моя милая. Онъ добродушенъ и шутливъ, ему пріятно дать намъ понять, что мы для него не постороннія.

Но Маріонъ знала, что лордъ Гѣмпстедъ не дастъ этому такого невиннаго толкованія. Хотя ей видна была одна его спина, когда онъ выходилъ изъ комнаты, она знала, что онъ торжествуетъ.

— Ну-съ, мистеръ Фай, вотъ вамъ портвейнъ, коли угодно, но я вамъ рекомендую придерживаться бордо.

— Я ужъ придерживался, милордъ, насколько къ этому способенъ,—сказалъ квакеръ.—И немного вина на меня сильно дѣйствуетъ, такъ какъ у меня нѣтъ къ нему особой привычки.

— Вино веселитъ сердце человѣка,—сказалъ Роденъ.

— Справедливо, мистеръ Роденъ. Только я сомнѣваюсь, полезно ли, чтобъ сердце человѣка сильно веселилось. Веселье и скорбь слишкомъ неизмѣнно уравниваютъ другъ друга. Ровное, ясное настроеніе всего болѣе прилично жизни человѣческой, если его можно достигнуть.

— Гладкая дорога безъ горъ,—сказалъ Гѣмпстедъ.—Говорятъ, что лошади всего скорѣй устаютъ отъ нея.

— Едва ли бы онѣ сами сказали вамъ это, еслибъ могли сообщить свои впечатлѣнія послѣ долгаго, дневнаго пути.

Тутъ произошла пауза, но мистеръ Фай продолжалъ:

— Милордъ, боюсь, что сдѣлалъ ошибку относительно слова «страшно», которое случайно сорвалось съ твоихъ устъ.

— О, право нѣтъ, нисколько.

— Мнѣ казалось, что я нахожусь среди нашей конторской молодежи, которая иногда позволяетъ себѣ выраженія, не приличествующія ея занятіямъ, а, можетъ быть, и ея положенію въ обществѣ; въ такихъ случаяхъ я имѣю привычку напоминать ей, что слова, въ дѣловые часы, должны употребляться въ ихъ тѣсномъ смыслѣ. Но, милордъ, коли ты выпрямнешь рабочую лошадь изъ плуга, ты не въ правѣ ожидать отъ нея, чтобъ она красиво выступала на зеленой полянѣ.

— Именно оттого, что по моему мнѣнію слѣдовало бы больше смѣшивать тѣхъ лошадей, которыхъ вы называете «рабочими»,

съ тѣми, которыя употребляются единственно для забавы, а съ такой гордостью привѣтствовала васъ здѣсь. Надѣюсь, что далеко не въ послѣдній разъ вы послужите мнѣ живымъ лексикономъ. Если вамъ болѣе не угодно вина, мы отправимся въ гостиную, къ дамамъ.

Мистриссъ Роденъ очень скоро объявила, что имъ пора возвращаться въ Галловей.

Гѣмпстедъ не пытался удерживать ихъ. Слова, которыми они обмѣнялись съ Маріонъ, почти ограничивались тѣмъ, что было выше упомянуто, тѣмъ не менѣе онъ сознавалъ, что не только удовлетворительно, но до нѣкоторой степени достохвально выполнилъ намѣреніе, въ виду котораго онъ собственно и пригласилъ своихъ гостей. Планъ его былъ выполненъ съ полнымъ успѣхомъ. По тому, какъ Маріонъ исполнила его просьбу насчетъ огня въ каминѣ, онъ былъ увѣренъ, что въ правѣ считать ее другомъ.

XXI.—Что всѣ думали, возвращаясь домой.

Лордъ Гѣмпстедъ вышелъ на крыльцо, чтобъ посадить ихъ въ экипажъ.—Лордъ Гѣмпстедъ,—сказала мистриссъ Роденъ,—вы жестоко простудитесь. Морозитъ, а вы съ открытой головой.

— Я на эти вещи не обращаю никакого вниманія,—сказалъ онъ, на минуту держа руку Маріонъ, пока помогалъ ей сѣсть въ экипажъ.

— Вернитесь,—шепнула она.

Губы ея, при этомъ, почти касались его уха, но причиной этому было положеніе, въ которое поставилъ ее случай. Рука ея еще находилась въ его рукѣ—но и это было дѣломъ того же случая. Но у женщинъ, мнѣ кажется, существуетъ невольное стремленіе пользоваться услугами болѣе, чѣмъ велитъ необходимость, когда тотъ, кто ихъ оказываетъ, имъ дѣйствительно приятенъ. Маріонъ, конечно, не имѣла подобнаго намѣренія. Еслибы эта мысль пришла ей въ голову, она уклонилась бы отъ его прикосновенія. Только когда онъ отнял свою руку, когда опущеніе теплоты отъ его близости исчезло, только тогда она сознала, что онъ былъ такъ близко, а что теперь они разлучены.

За ней сѣлъ въ экипажъ отецъ ея, потомъ Роденъ.

— Доброй ночи, милордъ,—сказалъ квакеръ.—Я. провелъ очень пріятный вечеръ. Думаю, что завтра тѣмъ менѣе буду расположенъ къ своему дневному труду.

— Вовсе нѣтъ, мистеръ Фай, вовсе нѣтъ. Вы будете похо-

дѣтъ на освѣжившагося богатыря. Ничто такъ не освѣжаетъ душу, какъ дружеская бесѣда. Надѣюсь, что вскорѣ вы опять прійдете и испытаете это средство.

Экипажъ отъѣхалъ, а лордъ Гэмпстедъ вошелъ въ домъ, чтобъ погрѣться у огня, который Маріонъ Фай мѣшала.

Онъ не имѣлъ намѣренія влюбиться въ нее. Существовалъ ли когда-нибудь молодой человѣкъ, который, найдя дѣвушку симпатичной, вознамѣрился бы влюбиться въ нее? Дѣвушки влюбляются намѣренно, а еще чаще, можетъ быть, уклоняются отъ этого; но мужчины въ такихъ дѣлахъ рѣдко имѣютъ цѣль. Лордъ Гэмпстедъ понялъ въ ней, какъ ему казалось, отличный 'образецъ всякихъ достоинствъ въ томъ классѣ человѣчества, который его убѣжденія и теоріи побуждали его превозносить. Онъ думалъ, что полезно было бы скрещивать скаковыхъ и рабочихъ лошадей, а, въ данномъ случаѣ, Маріонъ Фай была рабочая лошадь. Онъ, безъ всякаго сомнѣнія, не сдѣлалъ бы этой попытки, еслибы она не очаровала его глазъ, его слуха, его чувствъ вообще. Онъ, конечно, не былъ такимъ философомъ, чтобы, въ его погонѣ за мудростью, такой старикъ, какъ Захарія Фай былъ столько же пріятель, сколько его дочь. Надо признаться, что онъ былъ воспримчивъ къ женскому вліянію. Но ему не сразу пришло въ голову, что хорошо было бы влюбиться въ Маріонъ Фай. Отчего бы ему не быть въ дружескихъ отношеніяхъ съ милой и хорошенькой дѣвушкой, не любя ее? Таковы были его мысли послѣ первой встрѣчи съ Маріонъ, въ домѣ мистриссъ Роденъ. Затѣмъ онъ рѣшилъ, что друзья не могутъ сойтись не видаясь, и составилъ свой планъ, еще не сознавая вызваннаго ею чувства. Планъ осуществился, обѣдъ его состоялся, Маріонъ Фай помѣшала уголья у него въ каминѣ, произошло легкое рукопожатіе, когда онъ усаживалъ ее въ экипажъ, слышалось сказанное шопотомъ словечко, которое, еслибы не было сказано шопотомъ, не имѣло бы никакого значенія; была минута, когда онъ сознавалъ, что губы его очень близко къ ея щекамъ; а затѣмъ онъ возвратился къ своему уютному камельку, вспоминая, что влюбленъ.

Что изъ этого выйдетъ? Когда онъ убѣждалъ и сестру, и Родена, что бракъ ихъ неудобенъ изъ-за различія въ ихъ общественномъ положеніи, и оправдывалъ свое мнѣніе, заявляя, что двумъ человѣкамъ невозможно самопроизвольно нарушить условія свѣта безъ вреда себѣ и другимъ, онъ въ тайнѣ признавался самому себѣ, что и онъ связанъ закономъ, который проповѣдуетъ. Чтобъ такіа условія постепенно перестали существовать,

было бы прекрасно; но ни одинъ мужчина не достаточно силенъ, чтобъ наскоро создать для себя новый законъ, еще менѣе въ состояніи это сдѣлать женщина. Разстоянія, отдѣляющія одного человѣка отъ другого, положительное зло. Это составляло самую суть его ученія; но многочисленные опыты доказали, что немедленное уничтоженіе этихъ разстояній—пустая мечта, а уменьшеніе ихъ должно идти постепенно и медленно. Что уменьшеніе это будетъ продолжаться, пока разстоянія окончательно не исчезнутъ черезъ какихъ-нибудь тысячу лѣтъ, онъ нисколько не сомнѣвался. Разстоянія уже уменьшались, благодаря возроставшей мудрости и филантропіи человѣчества. Ему, рожденному въ знатности и богатствѣ, можетъ быть дано сдѣлать болѣе, чѣмъ другому. Той долей своего величія, которой онъ могъ поступиться безъ вреда для тѣхъ, съ кѣмъ онъ былъ связанъ, онъ поступится. Какого именно рода должна быть женщина, которую ему угодно будетъ выбрать себѣ въ жены, онъ не составилъ себѣ точнаго понятія; но онъ постарается жениться такъ, чтобъ не упасть во мнѣніи свѣта и тѣмъ не оскорбить свою семью, тѣмъ не менѣе онъ удовлетворитъ и собственнымъ убѣжденіямъ, не нища особенно аристократической крови. Точно также поступилъ отецъ его при выборѣ первой жены, и выборъ его былъ бы вполне удаченъ, еслибы не выѣхалась въ дѣло смерть. Движимый такими разсужденіями, онъ пытался, хотя и слабо, разлучить сестру съ ея поклонникомъ, думая, что влюбленные должны быть связаны аргументами, которые кажутся основательными ему, невлюбленному. Но теперь онъ также былъ влюбленъ, и пресловутые аргументы, въ примѣненіи къ нему самому, превращались въ ничто, пока онъ сидѣлъ глядя въ огонь и держа щипцы въ рукѣ.

Могло ли быть что-нибудь граціознѣе притворной энергіи, съ какою она дѣлала видъ, что разбиваетъ уголья? могло ли быть что-нибудь прекраснѣе этого взгляда, въ которомъ смѣшивались сомнѣніе, страхъ и дружелюбіе, какимъ она заглянула ему въ лицо при этомъ? Она отлично поняла, что онъ чувствуетъ, обращаясь къ ней съ этой маленькой просьбой. У нея достало сердца и ума, чтобъ сразу угадать значеніе ея. Или, вѣрнѣе, она не сразу все поняла, она тогда только поняла, что тутъ разумѣлась не одна дружба, но отчасти и любовь, когда рука ея уже сдѣлала движеніе и отвести ее было нельзя. Скоро она узнаетъ, сколько тутъ разумѣлось любви! Согласимо или нѣтъ его намѣреніе съ его же мудрой теоріей, относительно постепеннаго уменьшенія разстояній, сердце его зашло теперь слишкомъ далеко

для отступленія. Сила здѣсь, онъ сразу принялся убѣждать себя, что его прежніе аргументы вѣрны только въ отношеніи женщинъ-аристократокъ, а что для него они не обязательны. На комъ бы онъ ни женился, онъ возвыситъ ее до себя. Самъ онъ не придавалъ своему общественному положенію никакой цѣны. Онъ думалъ о чужихъ предразсудкахъ, увѣряя себя, что Маріонъ будетъ ничѣмъ не хуже другихъ графинь и маркизъ. Сестра— другое дѣло. Она займетъ общественное положеніе мужа. Можетъ быть, и слѣдуетъ избѣгать ранъ, которыя она причинитъ многимъ, сдѣлавшись женой почтамтскаго клерка. Но его бракъ съ Маріонъ Фай не долженъ причинить никакихъ ранъ.

Настоящіе его разсужденія, безъ всякаго сомнѣнія, были слабы, но каковы бы они ни были, онъ далъ имъ полную волю. Ему даже въ голову не пришло попытаться освободиться отъ чаръ Маріонъ. Чтѣ бы ни случилось, все должно уступить его настоящей страсти. Она мѣшала огонь у него въ каминѣ, она должна воспѣсть у его очага на всю остальную ихъ жизнь. Что касается до отца ея, онъ былъ и о немъ хорошаго мнѣнія,—трудолюбивый, полезный, умный человекъ, своеобразнаго обращенія, котораго онъ не устыдится ни въ какомъ обществѣ. Она также квакерша, но это для него имѣло мало или, вѣрнѣе, никакого значенія. У него также были свои религіозныя убѣжденія, но они были не такого рода, чтобъ его оскорбляли убѣжденія тѣхъ, кто вѣруеть, что возрастающая цивилизація возникла изъ ученія Христа. Простая, горячая, чистая вѣра дѣвушки скорѣй привлечетъ его, чѣмъ оттолкнетъ. Право, въ его Маріонъ, какъ онъ и понималъ, не было ничего, чтѣ не говорило бы о женщинѣ-совершенствѣ.

Его Маріонъ! Сколько словъ сказалъ онъ ей? Сколько ея мыслей подслушалъ? Сколько ея ежедневныхъ занятій когда-нибудь видалъ? Но 'что до этого? Не дѣвушку любить человекъ, но образъ, который создало его воображеніе для наполненія вѣшшняго облика, плѣнившаго его чувства.

Теперь Гѣмпстадъ думалъ только объ одномъ: какъ бы пріобрѣсти эту драгоценную жемчужину. Онъ сидѣлъ, размышляя объ этомъ, ища въ умѣ комбинаціи, которая могла бы свести его съ Маріонъ Фай въ возможно скорѣйшемъ времени. Его идея обѣда удалась, какъ онъ не смѣлъ и надѣяться. Но не могъ же онъ дать другой обѣдъ на будущей недѣлѣ. Онъ не могъ также собрать у себя гостей, которыхъ угощалъ сегодня, по возвращеніи сестры. Онъ обязался не принимать Джорджа Родена, пока она гоститъ у него. Едва ли онъ могъ надѣяться,

что мистриссъ Роденъ согласится пріѣхать къ нему безъ Джорджа, а безъ мистриссъ Роденъ, какъ ему залучить квакера и его дочь? Сестру онъ ожидалъ на другой день; она, безъ сомнѣнія, охотно поможетъ ему относительно Маріонъ, если это будетъ возможно. Но такое содѣйствіе съ ея стороны, конечно, потребуетъ того же и отъ него, въ ея затрудненіяхъ. Онъ зналъ, что такого содѣйствія онъ оказать не можетъ, такъ какъ далъ отцу слово насчетъ Джорджа Родена. Въ настоящую минуту ему не представлялось другого плана, кромѣ самаго простого: посѣтить мистриссъ Роденъ и высказаться насчетъ своей любви къ молодой дѣвушкѣ.

Гости молчали всю дорогу. Каждого занимали собственныя мысли. Джорджъ Роденъ говорилъ себѣ, что это, на долго, долженъ быть его послѣдній визитъ въ Гендонъ-Голлъ. Онъ былъ спокоенъ. Дѣвушка, которую онъ любитъ, несомнѣнно будетъ вѣрна. Онъ не выходилъ изъ терпѣнія, какъ Гемпстедъ. Онъ могъ ждать, находя утѣшеніе въ своей вѣрѣ. Но все же едва ли можетъ влюбленный быть доволенъ судьбой, если онъ не видитъ на своемъ горизонтѣ точки, изъ которой можетъ брызнуть свѣтъ сквозь тучи. Такой точки онъ не видѣлъ.

Квакеръ задавалъ себѣ много вопросовъ. Хорошо ли онъ сдѣлалъ, что повезъ дочь къ этому молодому аристократу? Хорошо ли, что самъ туда поѣхалъ? Что у него, или у его дѣвочки общаго съ лордами? А между тѣмъ, это доставило ему удовольствіе. Любезность всегда льститъ, а лесть всегда пріятна. Ему представился мучительный вопросъ—какъ представляется многимъ изъ насъ, когда мы нѣсколько времени успѣшно боролись противъ обольщеній свѣта—дѣйствительно ли, отказываясь отъ житейскихъ наслажденій, мы получаемъ за это какое-нибудь вознагражденіе? Не лучше ли, въ сущности, жить какъ другіе? Здѣсь все ему нравилось: мягкіе стулья, безмолвные слуги, прекрасно приготовленный обѣдъ, хорошія вина, тонкое стекло, бѣлоснѣжное столовое бѣлье, а всего болѣе — тонъ бесѣды, въ которому онъ не привыкъ ни въ конторѣ, ни дома. Маріонъ, правда, всегда была кротка съ нимъ, какъ воркующая голубка, но онъ сознавалъ, что онъ не отвѣчалъ ей тѣмъ же—его домашній разговоръ дышалъ суровой правдой, выраженной въ короткихъ, энергическихкихъ фразахъ. Всю жизнь, говорилъ онъ себѣ, что суровая правда полезнѣе человечеству, чѣмъ всякія милыя фразы. Но въ собственной пріемной онъ рѣдко видѣлъ свою Маріонъ такой веселой, какою она была за столомъ этого лорда.

Отчего красота ея такъ ярко сіяла въ его присутствіи? Старикъ также имѣлъ понятіе о любви, въ головѣ его постоянно сидѣла мысль, что придетъ время, когда его Маріонъ отдастъ свое сердце какому-нибудь незнакомцу. Онъ не думалъ, онъ не хотѣлъ думать, чтобъ незнакомецъ явился теперь; но хорошо ли, чтобъ будущность его дочери пострадала, хотя бы настолько, насколько его собственная? Онъ много раздумывалъ объ этомъ и сказалъ себѣ, что не можетъ это быть хорошо.

Мистриссъ Роденъ почти все поняла, хотя простодушно честное намѣреніе молодого лорда было ей не совсѣмъ ясно. Скоро сказала она себѣ, что поступила дурно, привеза дѣвушку въ домъ молодого человѣка. Она замѣтила, что Маріонъ понравилась Гѣмпстеду, но и не воображала, что оно зайдетъ такъ далеко. Если сдѣлано зло, она тому виной; а казалось, что зло сдѣлано несомнѣнно.

А о чемъ думала Маріонъ? Сознавала ли она, что сдѣлано зло,—зло, котораго никогда не исправить? Она сказала бы себѣ это, еслибы сознала теперь же всю силу, всю глубину, всю смертельность полученной раны. Для такой раны—одно лекарство, а на это она, конечно, не имѣла бы никакой надежды. Пока она еще не признавалась себѣ, что нѣсколько нѣжныхъ словъ, два, три ласковыхъ взгляда, прикосновеніе руки, самое присутствіе юноши, красота котораго плѣняла взоры, всецѣло покорили и поработили все чувство Маріонъ Фай. Но оно было такъ. Ни на минуту не уклонялась ея мысль, во время обратнаго пути, отъ предмета ея бессознательнаго поклоненія. Вдругъ она почувствовала боль отъ раны, хотя пока еще боль не смертельную. Съ какого права такой дѣвушкѣ, какъ она, получать хотя бы пустые комплименты отъ такого человѣка, какъ лордъ Гѣмпстедъ? Что онъ ей, что она ему? Онъ долженъ выполнить свою высокую миссію, исполнить свои высокія обязанности и несомнѣнно найдетъ благородную леди, которая станетъ матерью его дѣтей. На одну минуту мелькнулъ онъ на пути ея, она не могла не помнить его вѣчно. Ей почему-то казалось, что любовь для нея теперь невозможна. Но страданіе, неизбѣжно связанное съ такой мыслью, еще не коснулось ея. Она какъ будто сожалѣла, что судьба поставила ее до такой степени внѣ его сферы, но она увѣрена была въ одноѣ, что еслибы онъ сдѣлалъ рѣшительный шагъ, она не помрачитъ его величія, принявъ безцѣнный даръ его любви. Но зачѣмъ, зачѣмъ былъ онъ съ ней такъ нѣженъ?..

Тутъ они вѣхали въ свою улицу, каждая пара вышла у

своего дома, обмѣнявшись съ другой только нѣсколькими словами на прощанье.

— Только-что вернулись, — крикнула Клара Демиджонъ, врываясь въ спальню тетки. — Увидите, что это истинная правда. Они обѣдали у лорда!

XXII. — Снова въ Траффордѣ.

Встрѣча Гемпстеда съ сестрою была дружелюбна и, говоря вообще, удовлетворительна.

— А у меня вчера былъ званый обѣдъ, — сказалъ онъ, смѣясь.

— Кто были гости?

— Роденъ былъ здѣсь. — Наступило молчаніе. Она была рада, что женихъ ея былъ въ числѣ гостей, но ей еще не хотѣлось говорить о немъ. — И мать его.

— Я увѣрена, что полюблю его мать, — сказала леди Франсесъ.

— Я упомянулъ объ этомъ, — продолжалъ ея братъ, особенно старательно выбирая выраженія, — потому-что, согласно данному въ Траффордѣ обѣщанію, я не могу теперь пригласить его сюда.

— Жаль мнѣ, что я тебя стѣсняю, Джонъ.

— Ты меня не стѣсняешь и мнѣ кажется, что ты должна бы это знать. Оставимъ это пока. Еще былъ у меня оригинальный старикъ, квакеръ, Захарія Фай, серьезный, честный человекъ, который мгновенно распекъ меня за неприличныя выраженія.

— Гдѣ ты его нашелъ?

— Онъ изъ Сити. Съ нимъ была его дочь.

— Молодая дѣвушка?

— Разумѣется.

— Да, но молодая... и красивая?

— Молодая и красивая.

— Ну вотъ, ты смѣешься. Вѣроятно, это какая-нибудь умная, скорѣй антипатичная особа среднихъ лѣтъ.

— Я недостаточно ознакомился съ ея умственными способностями, чтобы судить о нихъ, — сказалъ Гемпстедъ почти обиженнымъ тономъ. — Почему ты воображала, что она должна быть антипатична, если она квакерша; съ чего взяла, что она среднихъ лѣтъ, я не понимаю. Мнѣ она не антипатична.

— О, Джонъ! Теперь я знаю, что ты открылъ какую-нибудь божественную красоту.

— Мы иногда, сами того не зная, принимаемъ у себя ангеловъ. Когда она уѣхала, я подумалъ, что это случилось со мной.

— Ты не шутишь?

— Нисколько не шучу относительно ангела. А теперь я хочу посоветоваться съ тобой насчетъ одного плана.

Онъ предложилъ сестрѣ поѣхать съ нимъ недѣлки на дѣй въ Горсъ-Голлъ, на что лэди Франсесъ согласилась. Дня отъѣзда Гемпстедъ, однако, не назначалъ, онъ рѣшился до этого еще разъ повидаться съ Маріонъ. Чѣмъ болѣе онъ думалъ о Галлоуей, тѣмъ болѣе убѣждался, что единственный для него путь къ Маріонъ черезъ мистриссъ Роденъ. Онъ оставилъ себѣ два, три дня на размышленіе, какъ бы это половчѣе устроить, какъ вдругъ его задержало письмо отца, который просилъ его пріѣхать въ Траффордъ. Маркизъ былъ боленъ и сильно желалъ повидать сына. Письмо, въ которомъ желаніе это было выражено, отличалось грустнымъ и жалобнымъ тономъ. Лордъ Кинсбери говорилъ, что едва въ состояніи писать, такъ ему нездоровится; но у него нѣтъ никого, кто бы могъ служить ему секретаремъ. Мистеръ Гринвудъ такъ несносенъ, что онъ не можетъ болѣе давать ему подобныхъ порученій. «Мачиха твоя причиняетъ мнѣ не мало непріятностей, не думаю, чтобы я это заслужилъ отъ нея». Затѣмъ онъ прибавлялъ, что ему необходимо будетъ выписать своего страпцаго въ Траффордъ, но что прежде онъ желаетъ повидаться съ Гемпстедомъ. Сынъ не могъ не вывести изъ этого письма нѣсколькихъ заключеній. Онъ былъ увѣренъ, что отецъ его боится за себя, иначе онъ бы и не подумалъ выписывать страпцаго въ Траффордъ. До сихъ поръ онъ всегда былъ радъ воспользоваться случаемъ съѣздить въ Лондонъ, когда какое-нибудь дѣло служило благовиднымъ предлогомъ для поѣздки. Затѣмъ сыну его пришло въ голову, что отецъ никогда, въ письмахъ и разговорахъ, не говорилъ ему о «мачихѣ». Въ инныя минуты маркизъ называлъ жену или маркизой, или лэди Кинсбери. Въ хорошемъ расположеніи духа онъ обыкновенно называлъ ее, въ разговорѣ съ сыномъ, «твоя мать». Должно быть, маркизу приходилось въ Траффордѣ очень плохо, если онъ окончательно отказывался отъ услугъ мистера Гринвуда, — которыми пользовался съ незапамятныхъ временъ. Понятно, что Гемпстедъ немедленно отправился въ Траффордъ, оставивъ сестру одну въ Гендонъ-Голлъ. Маркиза онъ засталъ, правда, не въ постели, но заключеннаго въ собственной маленькой гостиной, и въ очень небольшой спальнѣ, которую ему устроили рядомъ съ этой ком-

натою. Гѣмпстедъ, по прїѣздѣ, прежде чѣмъ вошелъ къ отцу, видѣлъ на одну минуту маркизу. — Не могу вамъ сказать, какой онъ, — сказала леди Кинсбѣри, — онъ почти не допускаетъ меня къ себѣ. Докторъ, кажется, думаетъ, что боаться намъ нечего. Онъ запирается въ этихъ мрачныхъ комнатахъ внизу. Конечно, ему было бы полезнѣе жить тамъ, гдѣ больше свѣта и воздуха. Но онъ сталъ такъ упрямъ, что я не знаю какъ къ нему и подступиться.

— Онъ всегда любилъ занимать комнату рядомъ съ мистеромъ Гринвудомъ.

— Онъ положительно возненавидѣлъ мистера Гринвуда. Вы лучше не упоминайте имени бѣднаго старика. Живя здѣсь заперти, мнѣ больше не съ кѣмъ слова сказать, и по этой-то причинѣ, вѣроятно, онъ желаетъ отъ него отдѣлаться.

Въ отвѣтъ на все это Гѣмпстедъ почти ничего не сказалъ. Отецъ тотчасъ же заговорилъ о мистерѣ Гринвудѣ, такъ что ему было бы совершенно невозможно послѣдовать совѣту леди Кинсбѣри, какъ бы онъ ни былъ склоненъ къ этому. — Конечно, я боленъ, — сказалъ маркизъ, — я такъ страдаю отъ худого пищеваренія, что ничего есть не могу. Докторъ, кажется, думаетъ, что я бы поправился, еслибы не волновался; но столько вещей меня волнуютъ. Поведеніе этого человѣка ужасно.

— Какого человѣка, сэръ? — притворился Гѣмпстедъ.

— Этого священника, — сказалъ лордъ Кинсбѣри, указывая пальцемъ въ направленіи комнаты мистера Гринвуда.

— Не является же онъ къ вамъ, сэръ, если вы за нимъ не пошлете?

— Я теперь не видалъ его пять дней и не забочусь, увижу ли его когда-нибудь.

— Чѣмъ оскорбилъ онъ васъ?

— Я строго на строго приказалъ ему не говорить о твоей сестрѣ ни со мной, ни съ маркизой. Онъ торжественно общалъ мнѣ это, а я очень хорошо знаю, что они постоянно толкуютъ о ней.

— Можетъ быть, въ этомъ виноватъ не онъ.

— Нѣтъ, онъ. Мужчина можетъ не говорить съ женщиной, если самъ этого не пожелаетъ. Съ его стороны это чистѣйшая дерзость. Мачиха твоя приходитъ ко мнѣ всякій день и никогда не уйдетъ, не осудивъ Фанни.

— Вотъ почему я нашелъ лучшимъ, чтобъ Фанни поселилась у меня.

— Кромѣ того, когда я съ ней спорю, она всегда сообщаетъ

мнѣ, что говорить объ этомъ мистеръ Гринвудъ. Кому какое дѣло до мистера Гринвуда? Съ какого права мистеръ Гринвудъ путается въ мои семейныя дѣла? Онъ не умѣетъ вести себя порядочно, онъ долженъ уйти.

— Онъ прожилъ здѣсь много лѣтъ, — сказали Гемпстедъ, заступаясь за старика.

— Слишкомъ много; когда ты продержишь человека у себя въ домѣ столько времени, онъ непременно позволитъ себѣ лишнее.

— Вамъ придется обезпечить его, если онъ васъ оставитъ.

— Я объ этомъ думалъ. Конечно, придется что-нибудь дать. Въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ онъ получалъ по триста фунтовъ въ годъ, а въ теченіе двадцати-пяти лѣтъ ни разу не заплатилъ за постель или обѣдъ изъ собственнаго кармана. Куда онъ дѣвалъ свои деньги? Онъ долженъ быть богатъ для своего общественнаго положенія.

— Что человекъ дѣлаетъ съ своими деньгами, мнѣ кажется, не касается тѣхъ, кто эти деньги уплачиваетъ...

— Онъ получить тысячу фунтовъ, — сказалъ маркизъ.

— Едва ли этого было бы достаточно. А я такъ оставилъ бы его, хотя бы потому, что онъ служить утѣшеніемъ для лэди Кинсбѣри. Что изъ того, хотя бы онъ и толковалъ о Фанни? Уйди онъ отсюда, она выберетъ другого собесѣдника, быть можетъ, менѣе подходящаго, а тотъ ужъ конечно всѣмъ разблагославитъ.

— Отчего онъ меня не послушался? — сердито спросилъ маркизъ. — Онъ у меня служилъ, я ему покровительствовалъ, а теперь онъ встаетъ противъ меня, и т. д. и т. д.

Гемпстеду, въ теченіе цѣлаго дня не удалось навести разговоръ на какой-нибудь другой предметъ. На слѣдующее утро Гемпстедъ узналъ отъ доктора, что состояніе здоровья отца далеко не удовлетворительно. Докторъ совѣтовалъ увести его изъ Траффордъ и даже разлучить его съ лэди Кинсбѣри.

— Это, конечно, крайне щекотливый предметъ, — сказалъ докторъ, — но, милордъ, говоря по правдѣ, лэди Кинсбѣри раздражаетъ его. Я, конечно, не любопытствую знать въ чемъ дѣло, но что-то здѣсь не такъ.

Лордъ Гемпстедъ, который прекрасно зналъ, въ чемъ дѣло, не пытался противорѣчить ему. Когда же онъ заговорилъ съ отцомъ, что не худо бы ему переимѣнить воздухъ, маркизъ объявилъ, что предпочитаетъ умереть въ Траффордѣ, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ.

По всему, что дѣлалось и говорилось, было слишкомъ очевидно,

что отецъ дѣйствительно думаетъ о смерти. Всѣ дѣловые вопросы были живо разрѣшены, но у Гѣмпстеда передъ отъѣздомъ происходили разговоры съ мистеромъ Гринвудомъ, съ маичкой, съ отцомъ, которые мы здѣсь приведемъ.

— По моему, отецъ вашъ жестокъ ко мнѣ,—сказалъ мистеръ Гринвудъ.

— Я совершенно убѣжденъ, что онъ на это неспособенъ, — сердито сказалъ Гѣмпстедъ.

— А между тѣмъ, на то похоже. Лучшіе годы моей жизни я посвятилъ ему, а онъ теперь собирается отпустить меня, точно я ничѣмъ не выше слуги.

— Чтѣ бы онъ ни дѣлалъ, онъ, я увѣренъ, имѣетъ на то основаніе.

— Я только исполнилъ свой долгъ. Нельзя же думать, чтобъ человѣкъ въ моемъ положеніи по призыву говорилъ или молчалъ. Естественно, что леди Кинсбери дѣлится со мной своими горестями.

— Если вамъ угодно послѣдовать моему совѣту, — сказалъ лордъ Гѣмпстедъ, тѣмъ тономъ, который всегда вызываетъ въ душѣ слушателя рѣшимость не послѣдовать даваемому совѣту, — вы будете соображаться съ желаніями отца моего, пока вы находите для себя удобнымъ жить въ его домѣ. Если вы сдѣлать этого не можете, вамъ бы, мнѣ кажется, слѣдовало оставить его. — Въ каждомъ словѣ этой рѣчи слышался упрекъ, и мистеръ Гринвудъ, который упрековъ не любилъ, не забылъ этого.

— Конечно, я въ этомъ домѣ теперь ничто,—сказала маркиза въ свое послѣднее свиданіе съ пасынкомъ.—Изъ-за того, что я дерзнула не одобрить мистера Родена въ качествѣ мужа для вашей сестры, меня заперли здѣсь, не дадутъ ни съ кѣмъ сказать слова.

— Фанни оставила этотъ домъ, чтобъ не раздражать васъ долге своимъ присутствіемъ.

— Она оставила его, чтобъ быть поближе къ ужасному поклоннику, которымъ вы ее снабдили.

— Это неправда,—сказалъ Гѣмпстедъ, выведенный изъ себя двоякѣ несправедливымъ обвиненіемъ.

— Конечно, вы можете позволять себѣ со мной дерзости, говорить мнѣ, что я лгу. Въ ваше новое ученіе входитъ обязанность не быть почтительнымъ къ родственницѣ, вѣжливымъ съ дамой.

— Извините меня, леди Кинсбери,—онъ никогда прежде такъ не называлъ ее,—если я былъ непочтителенъ или невѣж-

ливъ, но нелегко было вынести ваши слова. Помолвка Фанни съ мистеромъ Роденомъ совершилась безъ моего согласія. Я ея не устраивалъ и не поощрялъ. Сестра поѣхала въ Гендонъ не съ тѣмъ, чтобы быть поближе къ мистеру Родену, съ которымъ она общалась не имѣя никакихъ сношеній, пока она гостить у меня. За насъ обоихъ я обязанъ отвергнуть это обвенчаніе.

Этимъ и ограничилось его прощаніе съ мачихой.

Ничего не могло быть грустнѣе послѣднихъ словъ, сказанныхъ мариевомъ сыну. — Не думаю, Гэмпстедъ, чтобы мы еще увидѣлись въ этомъ мірѣ.

— О, отецъ!

— Не думаю, чтобы мистеръ Спайсеръ зналъ, какъ я плохъ.

— Не выписать ли вамъ сэра Джамса изъ Лондона?

— Боюсь, что никакому сэру Джамсу не помочь мнѣ. Трудно лечить того, кто боленъ душою.

— Но отчего бы болѣть душѣ вашей, сэръ? Мало о комъ можно сказать, что ему легче живется, чѣмъ вамъ. Не такого же рода эта исторія съ Фанни, чтобы отравлять вамъ жизнь.

— Это не то.

— Такъ что же? Надѣюсь, что я не причинилъ вамъ огорченія?

— Нѣтъ, мой милый, нѣтъ. Мнѣ иногда тяжело думать, что я воспиталъ тебя въ идеяхъ, которыя ты воспринялъ слишкомъ горячо. Но это не то.

— Матушка?

— Сердце ея отвернулось отъ меня — отъ тебя и Фанни. Я чувствую, что между нашими двумя семьями произошла разнь. За что дочь моя изгнана изъ моего дома? Изъ-за чего ты не можешь погостить у меня иначе, какъ на положеніи пришельца во вражьемъ станѣ? Съ чего человекъ этотъ вооружается противъ меня, онъ, который вѣкъ свой жилъ у меня на хлѣбахъ?

— Ужъ изъ-за него-то я не сталъ бы тревожиться.

— Когда будешь старъ и слабъ, то увидишь, какъ трудно гнать отъ себя тревожныя мысли. А уѣхать, куда я поѣду?

— Пріѣзжайте въ Гендонъ.

— Чтожъ, оставить ее здѣсь съ нимъ, чтобы цѣлый свѣтъ говорилъ, что я убѣжалъ отъ собственной жены? Гендонъ теперь твой домъ, а этотъ мой; здѣсь я долженъ оставаться, пока часть мой не пройдетъ.

XXIII.—Неукротимый Крокеръ.

Гемпстедъ провель около двухъ недѣль въ Траффордъ и вернулся въ Гендонъ только за нѣсколько дней до Рождества. Крокеръ въ то же самое время возвратился къ исполненію своихъ служебныхъ обязанностей, но, по своему обычаю, укралъ лишній денежъ и тѣмъ навлекъ на себя негодованіе мистера Джиррингэма и тяжкій гнѣвъ великаго Эола. Громовержцу этому лично было совершенно все равно, аккуратенъ ли нѣтъ тотъ или другой молодой человекъ. Существуютъ Крокеры, которымъ лучше платить за отсутствіе, чѣмъ за присутствіе. Данный Эоль былъ именно этого мнѣнія о данномъ Крокерѣ. Такъ почему бы не отставить Крокера и тѣмъ самымъ не сберечь общественныя деньги? Но необходимо—или почти необходимо—чтобы и Крокеры жили. У нихъ есть матери, жены, которыхъ надо одѣвать, кормить, сердца которыхъ можно разбить. Къ крайнимъ мѣрамъ прибѣгаютъ неохотно. Грозить, хмуриться, браниться, сдѣлать жизнь молодого человека бременемъ для него, все это въ предѣлахъ власти официального Эола. Иногда можно подумать, что онъ рѣшился выгнать половину клерковъ на улицу—такъ громогласны его угрозы. Но когда дойдетъ до дѣла, мужество ему измѣняется. Есть люди, на которыхъ никакая брань, никакія угрозы вовсе не дѣйствуютъ. Къ числу ихъ принадлежалъ и нашъ Крокеръ. Въ данномъ случаѣ онъ опоздалъ изъ-за желанія поохотиться лишній денежъ и когда отговорился головной болью, никто, ни на минуту, ему не повѣрилъ. Тщетно Эоль говорилъ ему, что человекъ съ такимъ слабымъ здоровьемъ совершенно негоденъ для службы. Крокеръ заранѣе зналъ все, что ему будетъ сказано. Даже въ присутствіи мистера Джиррингэма онъ открыто говорилъ объ отвоеванномъ днѣ, зная, что старикъ предпочтетъ собственное спокойствіе новымъ жалобамъ.

— Еслибы вы присѣли къ столу теперь, когда вы уже вернулись и принялись за работу, вмѣсто того, чтобы мѣшать всѣмъ остальнымъ дѣлать дѣло, оно было бы гораздо лучше, — сказалъ мистеръ Джиррингэмъ.

— Моя лошадь перелетѣла черезъ стѣну, а за мной перелезъ старикъ Амблгвайтъ, — продолжалъ Крокеръ, стоя спиной къ камину и не обращая никакого вниманія на увѣщанія мистера Джиррингэма.

Войдя въ комнату, Крокеръ пожалъ руку всѣмъ присутствующимъ и, наконецъ, подошелъ къ Родену, съ которымъ охотно свелъ

бы тѣсную дружбу, еслибъ это было возможно. Онъ рѣшилъ, что это будетъ, но когда минута настала, мужество слегка ему измѣнилось. Онъ странно надоѣлъ Родену въ ихъ послѣднее свиданіе и сразу замѣтилъ, что Роденъ этого не забылъ. На этотъ разъ онъ кинулъ головой Крокеру, не выпуская nera изъ руки.

— Чтожъ, руки-то не дашь, старина?—сказалъ Крокеръ.

— Не думаю,—отвѣчалъ Роденъ.—Можетъ быть, вы какъ-нибудь научитесь быть менѣе неспособнымъ.

— Право, я всегда желалъ ладить со всѣми, особенно съ вами,—сказалъ Крокеръ,—но такъ трудно добиться, чтобы словамъ нашимъ придавался ихъ настоящій смыслъ.

Послѣ этого они не обмѣнялись ни единымъ словомъ въ теченіе цѣлаго утра. Случилось это въ субботу, 20-го декабря, въ тотъ самый день, когда Гемпстедъ долженъ былъ возвратиться къ себѣ. Ровно въ часъ Крокеръ всталъ съ мѣста и, отвѣсивъ коническіи-вѣжливый поклонъ мистеру Джиррингему, надѣвъ шляпу на бокрень и вышелъ. Мысли его, пока онъ направлялся къ своей квартирѣ, были полны обращеніемъ Родена съ нимъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ удостовѣрился, что его товарищъ—женихъ леди Франсесъ Траффордъ, онъ твердо рѣшился сблизиться съ нимъ. Но какъ возвратить утраченное?

.....
Часовъ около трехъ, въ этотъ же день, когда леди Франсесъ начинала подумывать, что время пріѣзда брата близко, слуга вошелъ въ гостиную и доложилъ, что какой-то джентльменъ желаетъ ее видѣть.—Какой джентльменъ?—спросила леди Франсесъ.—Назвалъ онъ себя?

— Нѣтъ, миледи; но онъ говорить... онъ говорить, что онъ почтаутскій клеркъ.

Леди Франсесъ въ первую минуту такъ испугалась, что не знала, что отвѣчать. Одинъ только почтаутскій клеркъ могъ желать ее видѣть, и она чувствовала по тону слуги, что онъ знаетъ, что гость—ей женихъ. Необходимо немедленно дать отвѣтъ. Она сознавала, что обязана не принимать Джорджа Родена, но не могла рѣшиться отослать его отъ дверей и тѣмъ самымъ позволить слугѣ предположить, что ей совѣстно принять того, кому она обѣщала свою руку.—Просите этого джентльмена,—сказала она, наконецъ, почти дрожащимъ голосомъ. Минуту спустя, дверь открылась и мистеръ Крокеръ вошелъ. Она пыталась приготовиться въ встрѣчѣ съ женихомъ. Заслышавъ приближающіеся шаги, она приготовилась. Она только-что поднялась съ мѣста, почти поднялась, когда появилась незнакомая ей личность. Должно

признаться, что она испытала сильное разочарованіе, хотя говорила себѣ, что Родену не слѣдовало бы навѣщать ее. Какая женщина не проститъ своему поклоннику посвященія, хотя бы ему не слѣдовало приходить? Какая женщина не встрѣтитъ незнакомаго суровымъ взоромъ, когда онъ явится предъ ней вмѣсто ожидаемаго, любимаго человѣка?—Сэръ?—сказала она, стоя, пока онъ проходилъ черезъ комнату и отвѣчивалъ ей низкій поклонъ.

Крокеръ былъ расфранченъ, въ желтыхъ лайковыхъ перчаткахъ.—Леди Франсесъ,—сказалъ онъ,—я мистеръ Крокеръ, мистеръ Самуилъ Крокеръ, изъ Главнаго Почтамта. Вы, можетъ быть, слышали обо мнѣ отъ моего пріятеля, мистера Родена?

— Нѣтъ, сэръ.

— А могли бы слышать, такъ какъ мы сидимъ въ одной комнатѣ, за однимъ столомъ. Можетъ быть, вы не забыли нашей встрѣчи за обѣдомъ, въ замкѣ вашего дѣда, въ Кумберлендѣ.

— Не... не случилось ли чего съ мистеромъ Роденомъ?

— Ровно ничего, миледи. Я имѣлъ удовольствіе оставить его въ вожделѣнномъ здравіи часа два тому назадъ. Нѣтъ, рѣшительно ничего, что могло бы причинять вамъ, миледи, самое легкое безпокойство.

— Мистеръ Роденъ прислалъ васъ съ какимъ-нибудь порученіемъ?—спросила она, сильно нахмурившись.

— Нѣтъ, миледи, нѣтъ. Это было бы совершенно неѣроятно. Я увѣренъ, что онъ гораздо охотнѣе явился бы самъ, съ собственнымъ порученіемъ.—При этомъ онъ захихикалъ самымъ оскорбительнымъ образомъ.—Я зашелъ въ надеждѣ видѣть нашего брата, лорда Гѣмпстеда, про котораго беру смѣлость утверждать, что мы съ нимъ слегка знакомы.

— Лорда Гѣмпстеда нѣтъ дома.

— То же сказалъ мнѣ слуга. Тогда мнѣ пришло въ голову, что такъ какъ я пріѣхалъ изъ Лондона съ извѣстной цѣлью, чтобы попросить милорда оказать мнѣ небольшую услугу и такъ какъ я не имѣлъ счастья застать милорда дома, то могу обратиться съ той же просьбой къ вамъ.

— Не можетъ быть, чтобъ я чѣмъ-нибудь могла быть вамъ полезна, сэръ.

— Можете, миледи, гораздо скорѣй, чѣмъ кто-бы то ни было въ цѣломъ мірѣ.

— Что же это можетъ быть?—спросила леди Франсесъ.

— Если позволите, я сяду, такъ какъ рассказъ мой довольно длинный.—Невозможно было отказать ему въ этомъ, она

могла только поклониться, пока онъ усаживался.—Мы съ Джорджемъ Роденомъ, миледи, коротко знакомы уже много лѣтъ.— Она снова наклонила голову.—Могу сказать, что мы были пріятелями. Когда люди сидятъ за однимъ столомъ, имъ слѣдуетъ держаться другъ друга, иначе придется жить, какъ кошка съ собакой, не такъ ли, миледи?

— Я не имѣю никакого понятія о служебныхъ отношеніяхъ. Такъ какъ я не думаю, чтобъ могла быть вамъ полезна, то, можетъ быть, вы согласитесь удалиться?

— О, миледи, вы должны выслушать меня до конца, такъ какъ именно вы можете помочь мнѣ. Понятно, что при вашихъ отношеніяхъ онъ готовъ сдѣлать все, что бы вы ему ни приказали. Онъ теперь забралъ въ голову быть со мной очень надменнымъ...

— Право, я тутъ ничего не могу...

— Еслибъ вы только потрудились сказать ему, что я никогда не имѣлъ намѣренія оскорбить его? Я право не знаю, что такое случилось. Я, можетъ быть, сказалъ что-нибудь въ шутку насчетъ лорда Гемпстеда, только въ этомъ, право, не было ничего особеннаго. Никто не можетъ питать къ милорду болѣе глубокаго уваженія, чѣмъ питаю я. Я всегда находилъ болѣе честию для Родена его близкія... болѣе чѣмъ близкія отношенія къ вашему семейству...

Что было ей дѣлать съ человѣкомъ, который ежеминутно позволялъ себѣ дерзкіе намеки на влюбленную тайну ея сердца.

— Я должна просить васъ оставить меня сѣрь,—сказала она.—Братъ мой сейчасъ вернется.

Это у нея вырвалось въ тишетной надеждѣ, что онъ приметъ слова ея за угрозу, предположить, что братъ ея выгонитъ его изъ дома за его дерзость. Она ошиблась. Ему и въ голову не приходило, что онъ дерзокъ.—Въ такомъ случаѣ вы, можетъ быть, позвольте мнѣ подождать милорда,—сказалъ онъ.

— О нѣтъ, нѣтъ! Онъ можетъ пріѣхать, но можетъ и не пріѣхать. Вамъ право ждать нельзя. Вамъ не слѣдовало вовсе пріѣзжать.

— Но въ интересахъ мира, миледи! Одно слово съ вашихъ прекрасныхъ устъ...—Лэди Франсесъ была не въ силахъ долѣе этого вынести. Она встала и вышла изъ комнаты. Въ залѣ она встрѣтила одного изъ слугъ, которому приказала: «сейчасъ же проводить этого господина». Слуга исполнилъ приказаніе и Брокеръ былъ выпровоженъ изъ дома, не сознавая нисколько всей безтактности своего поведенія.

Едва Брокеръ убрался, какъ Гемпстедъ, дѣйствительно, воз-

вратился. Разговоръ, конечно, сейчасъ же вознудился здоровыя отца. — Онъ скорѣй огорченъ, чѣмъ боленъ, — сказалъ Гэмпстедъ.

— Изъ-за меня? — спросила она.

— Нѣтъ, не непосредственно.

— Что это значитъ?

— Не ты его огорчаешь, а то, что другія говорить о тебѣ.

— Мама?

— Да, и мистеръ Гринвудъ.

— Развѣ онъ выѣзживаетъ?

— Боюсь, что да; черезъ миледи, которая ежедневно общается отцу все, что говорить глупый старикъ. Лэди Кинсбери крайне неблагоразумна и несносна. Я всегда находилъ ее глупой, но теперь не могу не сознавать, что она поступаетъ очень дурно. Она всячески раздражаетъ его.

— Это очень нехорошо.

— Нехорошо. Онъ можетъ выгнать мистера Гринвуда изъ дома, если онъ станетъ невыносимъ, но жену свою онъ выгнать не можетъ.

— Не могъ ли бы онъ пріѣхать сюда?

— Боюсь, что нѣтъ... безъ нея. Она забрала въ свою глупую голову, что мы съ тобой поворимъ семью. Что до меня, она, кажется, думаетъ, что я лишаю ее родныхъ дѣтей ихъ правъ. Я готовъ все сдѣлать для нихъ, даже для нея, чтобъ ее успокоить, но она рѣшилась видѣть въ насъ враговъ. Отецъ говоритъ, что это сведетъ его въ могилу.

— Бѣдный папа!

— Мы можемъ убѣжать, онъ — нѣтъ. Мнѣ стало очень досадно и на миледи, и на Гринвуда, а имъ обоимъ довольно откровенно высказалъ свое мнѣніе. Мнѣ остается утѣшительное сознаніе, что въ этомъ домѣ у меня два жестокихъ врага.

— Могутъ они повредить тебѣ?

— Ничуть, развѣ въ томъ отношеніи, что научать мальчугановъ видѣть во мнѣ врага.

Только послѣ обѣда лэди Франсесъ рассказала брату о Крокерѣ. — Подумай, что я должна была почувствовать, когда мнѣ доложили, что почтамтскій клеркъ желаетъ меня видѣть.

— И вошелъ этотъ негодяй? — спросилъ Гэмпстедъ.

— Ты дѣйствительно его знаешь?

— Еще бы. Развѣ ты его не помнишь въ замкѣ Готбой?

— Ничуть. Но онъ сказалъ мнѣ, что былъ тамъ.

— Онъ ни на минуту не отставалъ отъ меня. Онъ положительно заставлялъ меня уѣхать, потому что слѣдовалъ за мной

на охотѣ, какъ тѣнь. Онъ такъ тяжело оскорбилъ меня, что мнѣ пришлось убѣжать отъ него. Что ему отъ меня надо?

— Чтoby ты заступился за него передъ Джорджемъ Роденъ.

— Онъ—ужасный человѣкъ. Ни къ чему не ведетъ просить его держаться подальше, онъ окончательно не понимаетъ, что ему говорятъ. Я увѣренъ, что онъ вышелъ отсюда съ убѣжденіемъ, что нашелъ въ тебѣ искренняго друга.

XXIV.—Краснорѣчіе мистриссъ Роденъ.

Цѣлое воскресенье Гѣмпстедъ провелъ въ волненіи, нигдѣ не находя себѣ мѣста. Одно время онъ думалъ, что это самый удобный день для побѣдки въ Галловѣй. Онъ навѣрное застанетъ мистриссъ Роденъ дома послѣ службы, а если стукнется завести дѣло достаточно далеко, то можетъ также повидать и Захарію Фай. Но по зрѣломъ обсужденіи ему показалось, что воскресенье день для этого неподходящій. Джорджъ будетъ дома и будетъ страшно мѣшать. Самъ квакеръ будетъ помѣхой, такъ какъ Гѣмпстеду необходимо было сначала переговорить съ Маріонъ. А потому онъ былъ вынужденъ отложить свое намѣреніе. Понедѣльникъ также былъ неудобенъ, такъ какъ онъ былъ уже достаточно знакомъ съ обычаями Парадизъ-Роу, и зналъ, что въ этотъ день тамъ будетъ непременно мистриссъ Винсентъ. Цѣлью его было, если все пойдетъ хорошо, сначала повидать мистриссъ Роденъ на нѣсколько минутъ, а затѣмъ провести какъ можно больше времени съ Маріонъ Фай. Въ силу этихъ соображеній онъ выбралъ вторникъ, и сдѣлавъ всѣ распоряженія насчетъ лошадей, грума и пр., отправился въ понедѣльникъ въ Лейтонъ, гдѣ, въ видѣ утѣшенія, проохотился цѣлый день на оленей.

Когда онъ возвратился, сестра очень серьезно заговорила съ нимъ о собственныхъ дѣлахъ.

— Неправда ли, Джонъ, что это почти глупо, что мистеръ Роденъ не бываетъ здѣсь?

— Совсѣмъ не глупо, по моимъ понятіямъ.

— Цѣлый свѣтъ знаетъ, что мы женихъ и невѣста. Даже слуги объ этомъ слышали.

— Чтoжъ изъ этого?

— Если всѣ знаютъ, то какая же цѣль разлучать насъ? Мама, конечно, сказала сестрѣ, а леди Персифлажъ всюду раз-
благословляла. Дочь ея выходитъ за герцога и она вдвойнѣ тор-

жестууетъ, рассказывая всѣмъ, что я выхожу только за почтамтскаго клерка. Я нисколько не сѣтую на нее за это. Но такъ какъ они такъ много объ этомъ толковали, они обязаны по крайней мѣрѣ предоставить мнѣ моего почтамтскаго клерка.

— На это я ничего не имѣю сказать, ни въ томъ, ни въ другомъ смыслѣ, — сказалъ Гемпстедъ. — Я ничего не говорю, по крайней мѣрѣ теперь.

— Что ты этимъ хочешь сказать, Джонъ?

— Видя, какъ тяжело тебѣ живется въ Траффордѣ, я всѣчески старался увести тебя. Но я могъ привести тебя сюда только подъ непремѣннымъ условіемъ, что ты не будешь видѣться съ Джорджемъ Роденомъ, пока живешь у меня. Если ты можешь получить согласіе отца на свиданіе съ нимъ, тогда эта часть условія перестанетъ существовать.

— Не думаю, чтобы я что-нибудь общала.

— Я такъ понимаю.

— Я ничего не говорила папа на этотъ счетъ, — не помню, чтобы я что-нибудь общала тебѣ. Я даже увѣрена, что нѣтъ.

— Я за тебя общалъ. — На это она промолчала.

— Ты намѣрена пригласить его сюда?

— Конечно нѣтъ, но еслибъ онъ пришелъ, какъ могу я не принять его?

— Не думаю, чтобы онъ пріѣхалъ безъ приглашенія, — сказалъ Гемпстедъ. — На этомъ разговоръ и кончился.

На слѣдующій день, въ два часа, лордъ Гемпстедъ отправился въ Галловей. Экипажъ свой и слугу онъ оставилъ въ тавернѣ и пошелъ по улицѣ, дѣлая видъ, будто не замѣчаетъ, что за нимъ слѣдятъ изъ сосѣднихъ домовъ.

Мистриссъ Роденъ была дома и, конечно, приняла его съ самой любезной улыбкой; но сердце ея замерло при видѣ его.

— Очень мило, что заѣхали, — сказала она. — Джорджъ говорилъ мнѣ, что вы ѣхали въ помѣстье послѣ того какъ мы имѣли удовольствіе обѣдать у васъ.

— Да, отецъ былъ нездоровъ, мнѣ пришлось провести у него нѣсколько дней, иначе я былъ бы здѣсь раньше. Всѣ вы вернулись домой совершенно благополучно?

— О, да.

— Миссъ Фай не простудилась?

— Нисколько; хотя я боюсь, что она не крѣпкаго здоровья.

— Надѣюсь, она не больна?

— Нѣтъ. Но она живетъ здѣсь очень тихо, и я сомнѣваюсь, чтобы волненія, сопряженные съ выѣздами, были ей полезны.

— Въ Гендонъ-Голлѣ, мнѣ кажется, не было ничего волнующаго, — сказалъ онъ, смѣясь.

— Не для васъ, но, можетъ быть, для нея. Для Маріонъ Фай было событіемъ обѣдать у васъ. Вамъ трудно себѣ представить, какъ сильно все новое можетъ дѣйствовать на такую натуру, какъ натура этой дѣвушки. Я почти сожалѣла, лордъ Гѣмпстедъ, что согласилась привести ее къ вамъ.

— Говорила она вамъ что-нибудь?

— Нѣтъ, говорить ей было нечего. Вы не должны думать, что случилось что-нибудь дурное.

— Но что могло случиться дурного? — спросилъ онъ.

— Конечно ничего, — сказала мистриссъ Роденъ, — только для такой натуры, какъ у нея, всякое впечатлѣніе вредно.

— Этому я повѣрить не въ силахъ, — сказалъ онъ, послѣ паузы. — Отъ времени до времени, въ жизни каждаго изъ насъ должны встрѣчаться минуты возбужденія, волненія, которыя не могутъ быть безусловно вредны. Чтѣ сказала бы Маріонъ, еслибъ я сказалъ ей, что люблю ее?

— Надѣюсь, вы этого не сдѣлаете, милордъ.

— Почему? Какое право имѣете вы на это надѣяться? Если я люблю ее, развѣ мнѣ не слѣдуетъ сказать ей объ этомъ?

— Но вамъ не слѣдуетъ любить ее.

— Ну, мистриссъ Роденъ, я позволяю себѣ заявить, что вы омончательно ошибаетесь и говорите, не вѣвѣсивъ достаточно своихъ словъ.

— Неужели, милордъ?

— Мнѣ такъ кажется. За что я долженъ быть лишень обычной привилегіи мужчины: открыть свою страсть женщину, когда я встрѣчаю такую, которая во всѣхъ отношеніяхъ осущестляетъ мой идеалъ; когда я вижу дѣвушку, о которой мнѣ думается, что я могу ее полюбить?

— Въ томъ-то и дѣло, это только «думается».

— Я не позволю обвинять меня, не защищаясь. Думается мнѣ это или нѣтъ, но я люблю Маріонъ Фай и пріѣхалъ сюда сказать ей это. Если мнѣ удастся провзвести на нее какое-нибудь впечатлѣніе, я опять пріѣду и скажу это ей отцу. Теперь я здѣсь потому, что думаю, что вы можете мнѣ помочь. Если вы этого не захотите, я буду дѣйствовать безъ вашей помощи.

— Что же могу я сдѣлать?

— Пойти со мною къ ней, теперь, сейчасъ же. Вы говорите, что волненія ей вредны. Волненіе будетъ не такъ велико, если вы пойдете со мною къ ней. — Настала длинная пауза, во

время которой мистриссъ Роденъ старалась опредѣлить, что въ данную минуту ей слѣдуетъ сдѣлать. Она, конечно, не думала, что было бы хорошо, еслибъ лордъ Гемпстедъ, старшій сынъ маркиза Кинсбери, женился на Маріонъ Фай. Она была вполне убѣждена, что въ этомъ сходится съ цѣлымъ свѣтомъ. Если бы кто-нибудь узналъ, что она помогла устроить такой бракъ, этотъ кто-нибудь несомнѣнно осудитъ ее. Какъ могла такая дѣвушка, какъ Маріонъ Фай, быть подходящей женой для челоуѣка въ условіяхъ лорда Гемпстеда? Маріонъ, лично, имѣла много достоинствъ. Она хороша, умна, кротка, но невѣроятно, чтобы она, по воспитанію или образованію, была возможной женой для одного изъ перво-степенныхъ пэровъ Англіи. Манеры ея могли быть хороши, образованіе прекрасно, но это было не то, что требовалось. Кромѣ того, былъ поводъ и для другихъ опасеній. Мать Маріонъ, ея братья, сестры, всѣ умерли въ молодости. Сама дѣвушка до сихъ поръ, казалось, избѣгла бича, отъ котораго они погибли. Но по временамъ на щекахъ ея появлялся яркій румянецъ, отъ котораго замирало сердце мистриссъ Роденъ. По ея совѣту, старикъ квекеръ, въ прошлую суровую весну, возилъ дочь на островъ Уайтъ. При этихъ опасеніяхъ, какъ могла она поощрять лорда Гемпстеда въ его желаніи жениться на Маріонъ?

Кромѣ того, могло ли способствовать счастью самой дѣвушки это вознесеніе въ чуждую сферу,—сферу, которая отнесется къ ней сурово и неласково, и въ которой молодой лордъ замѣтитъ ея недостатки, когда будетъ уже поздно исправить сдѣланное зло? Кое-что изъ этого она обдумала заранѣе, признавъ возможность такого шага, какъ настоящій, послѣ всего, чему была свидѣтельница въ Гендонъ-Голлѣ.

— Чтожъ, пойдете со мной?—спросилъ Гемпстедъ, который сидѣлъ молча, пока всѣ эти мысли пробѣгали въ умѣ его собесѣдницы.

— Не думаю, милордъ.

— Отчего же нѣтъ, мистриссъ Роденъ? Развѣ это не лучше, чѣмъ если я найду одинъ?

— Надѣюсь, что вы совсѣмъ не пойдете.

— Пойду несомнѣнно. Я считаю себя обязаннымъ, по всѣмъ законамъ чести, сказать ей, что она со мной сдѣлала. Тогда она можетъ разсудить, что для нея лучше.

— По крайней мѣрѣ сегодня не идите, лордъ Гемпстедъ. Позвольте мнѣ просить васъ хоть объ этомъ. Подумайте, какъ важенъ шагъ, который вы сдѣлаете.

— Я объ этомъ думалъ,—сказалъ онъ.

— Маріонъ—золотая дѣвушка.

— Я это знаю.

— Золотая, говорю я; но вѣроятно ли, чтобъ какая бы то ни была дѣвушка не была тронута и ослѣплена такимъ предложеніемъ, какъ ваше?

— Тронута она, я надѣюсь, будетъ. Что же касается до ослѣпленія—я въ него не вѣрю. Есть глаза, которыхъ не ослѣпиль никакимъ ложнымъ блескомъ.

— Но еслибъ она и была тронута,—продолжала мистрисъ Роденъ,—неужели вамъ, которому предстоятъ такія обязанности, хорошо жениться на дочери Захарія Фай? Выслушайте меня,—сказала она, видя, что онъ пытается прервать ее.—Я знаю, что вы хотите сказать, и многому изъ этого сочувствую, но обществу не можетъ быть полезно, чтобъ сословія смѣшивались внешне и грубо.

— Чтожъ тутъ было бы грубаго?—спросилъ онъ.

— Въ настоящихъ условіяхъ лордовъ и лэди, герцоговъ и герцогинь, имъ не очень бы понравилось, еслибъ имъ представили Маріонъ Фай, какъ равную. Знаю, что лорды и прежде женились на дѣвушкахъ скромнаго происхожденія и что жены довольствовались своею домашнею ролью. Кое-что изъ этого я извѣдала, милордъ, испытала... по крайней мѣрѣ видѣла всю горечь этого. Маріонъ Фай зачахла бы отъ такихъ оскорбленій. Быть Маріонъ Фай—съ нею достаточно. Быть вашей женой и не считаться достойной быть ею, далеко бы ее не удовлетворило.

— Ее сочтутъ достойной.

— Вы можете превратить ее въ лэди Гѣмпстедъ, просить для нея представленія ко двору, осыпать ее брилліантами, заставить ее занять мѣсто, соответствующее вашему высокому общественному положенію, но можете ли вы заставить жену отца вашего дружески ей улыбнуться? — На это Гѣмпстедъ не напелъ отвѣта.—Какъ вы думаете, была ли бы Маріонъ довольна, еслибы жена отца вашего хмурилась, глядя на нее?

— Жена отца моего еще не всѣ.

— Она, по необходимости, имѣла бы большое значеніе въ глазахъ вашей жены. Подождите недѣлю, милордъ, мѣсяцъ, подумайте это. Пока она еще ничего отъ васъ не ожидаетъ, еще въ вашей власти избавить ее отъ горя.

— Я сдѣлалъ бы ее счастливой, мистрисъ Роденъ.

— Подумайте, подумайте.

— Да и самого себя также. Мои чувства вы тутъ ставите ни во что.

— Ни во что, сравнительно съ ея чувствами. Видите, какъ я съ вами откровенна. Допустимъ, что сердце ваше нѣсколько времени проболитъ, что вы дѣйствительно любите эту дѣвушку настолько, что чувствуете, что она необходима для вашего счастья. Но неужели вы не сознаете, что если она будетъ для васъ недоступна, вы оправитесь отъ этой раны? Какъ мужчинѣ, вамъ еще останется много лѣтъ для исцѣленія, прежде, чѣмъ молодость не отлетитъ отъ васъ. Вы несомнѣнно найдете другую женщину и будете съ ней счастливы. Для нея, если она потернѣ здѣсь неудачу, другого случая не представится.

— Я постараюсь бы, чтобъ этого «случая» было съ нею довольно.

— Вы такъ думаете; но если вы оглянетесь кругомъ, то увидите, что тѣ опасности для ея счастья, которыя я пыталась описать, не воображаемыя. Подумайте, пока еще есть время.

Онъ медленно поднялся со стула и оставилъ ее, почти не говоря ни слова. Она убѣдила его подождать недѣлю.

Сердитый спустился онъ съ лѣстницы, отворилъ входную дверь и... встрѣтилъ Маріонъ Фай.

— Маріонъ, — сказалъ онъ, и въ голосѣ его вылилась вся нѣжность, наполнявшая его сердце.

— Милордъ?

— Войдите, Маріонъ, на одну минуту. — Она послѣдовала за нимъ, они остановились внизу лѣстницы.

— Я пріѣхалъ узнать, какъ вы себя чувствуете послѣ нашего маленькаго собранія.

— Я совершенно здорова, — а вы?

— Я гостилъ у отца, иначе я пріѣхалъ бы раньше.

— Затѣмъ же вамъ беспокоиться?

— Есть, есть, затѣмъ. — Иначе я не такъ бы обезпечился. Я и теперь озабоченъ. Мистриссъ Роденъ не хотѣла идти со мной, — продолжалъ онъ, указывая на лѣстницу, на которой теперь стояла хозяйка.

— Она сказала мнѣ, что не хорошо, что я пріѣхалъ, но я пріѣду какъ-нибудь на дняхъ. — Онъ былъ почти виѣ себя, говоря это. Дѣвушка до такой степени была ему по сердцу, пока онъ стоялъ тутъ, близко отъ нея, чувствуя на себѣ ея вліяніе, что онъ не въ силахъ былъ сдерживаться.

— Взойдите навѣрхъ, дорогая Маріонъ, — говорила мистриссъ Роденъ, съ площадки. — Едва ли удобно держать лорда Гемпстеда у дверей.

— Конечно, не удобно, — сказала Маріонъ. — Прощайте, милордъ.

— Я буду стоять здѣсь, пока вы не скажете мнѣ слова. Не хочу, чтобъ меня выгоняли, пока вы здѣсь. Маріонъ, вы для меня — весь міръ. Я люблю васъ всѣмъ сердцемъ. Я пришелъ сюда сказать вамъ это, но мистриссъ Роденъ удержала меня. Она взяла съ меня слово не быть здѣсь цѣлую недѣлю, точно недѣли или годы могутъ измѣнить меня! — Скажите мнѣ одно слово, Маріонъ. Одного слова теперь достаточно; тогда я уйду. Маріонъ, можете вы полюбить меня?

— Идите сюда, Маріонъ. — Не отвѣчайте ему теперь.

— Нѣтъ, — сказала Маріонъ, — теперь я ему не отвѣчу. Это слишкомъ неожиданно. Лордъ Гѣмпстедъ, я теперь пойду къ мистриссъ Роденъ.

— Но мнѣ вы дадите вѣсточку?

— Пріѣзжайте, я вамъ дамъ отвѣтъ.

— Завтра?

— Нѣтъ, дайте мнѣ день или два. Въ пятницу отвѣтъ мой будетъ готовъ.

— Дайте мнѣ руку, Маріонъ. — Она протянула ему руку, которую онъ покрылъ поцѣлуями. — Помните только, что никогда человѣкъ не любилъ женщину искреннѣе, чѣмъ я люблю васъ. Никто, никогда, тверже меня не рѣшился выполнить свое намѣреніе. Я въ вашихъ рукахъ.

Съ этимъ онъ оставилъ ее.

XXV. — Взглядъ Маріонъ на бракъ.

Когда лордъ Гѣмпстедъ затворилъ за собою дверь, Маріонъ медленно поднялась по лѣстницѣ къ мистриссъ Роденъ, которая возвратилась въ гостиную. Когда дѣвушка вошла туда, ея старая пріятельница стояла у дверей, съ ясно написанной на лицѣ тревогой. Она взяла Маріонъ за руку и, поцѣловавъ ее, подвела къ дивану. — Я остановила бы его, еслибъ могла, — сказала она.

— Отчего?

— Такія вещи слѣдуетъ больше обдумывать.

— Онъ такъ сдѣлалъ все это, что обдумывать уже нечего. Я знала, я почти знала, что онъ пріѣдетъ.

— Знали?

— Теперь я могу себѣ въ этомъ признаться.

Она улыбалась, говоря это, и хотя разгорѣлась, но того особеннаго румянца, котораго такъ боялась мистриссъ Роденъ, не было. Въ ней не было замѣтно и особеннаго волненія. На лицѣ не было выраженія страха или торжества.

— Отвѣтъ вашъ готовъ? — Маріонъ взглянула на свою пріятельницу, но тотчасъ не отвѣтила. — Дорогая моя дѣвочка, слѣдуетъ крѣпко обдумать такое предложеніе, прежде чѣмъ дать какой-нибудь отвѣтъ.

— Я думала.

— И рѣшились?

— Мнѣ кажется, что да. Дорогая мистриссъ Роденъ, не смотрите на меня такъ. Если я не скажу вамъ ничего болѣе сейчасъ, то это потому, что я, можетъ быть, не совершенно увѣрена... не увѣрена, во всякомъ случаѣ, въ причинахъ, какія мнѣ придется привести. Я приду къ вамъ завтра и тогда скажу вамъ.

— Маріонъ, милая!

— Скажите все, что думаете, мистриссъ Роденъ. Вы, конечно, не сомнѣваетесь, что я знаю, что ваши слова, каковы бы они ни были, будутъ сказаны съ любовью. У меня нѣтъ матери; кто лучше васъ мнѣ ее замѣнитъ?

— Милая моя, тоже чувствую и я къ вамъ. То, что я хотѣла бы сказать вамъ, я сказала бы родной дочерн. Есть большое различіе въ общественномъ положеніи людей.

— Я это знаю.

— И хотя я глубоко убѣждена, что лучшія и честнѣйшія изъ божіихъ созданій не всегда встрѣчаются среди такъ-называемыхъ аристократовъ, тѣмъ не менѣе мнѣ кажется, что извѣстная и значительная доля уваженія должна быть воздаваема тѣмъ, кого случай поставилъ высоко.

— Развѣ я его не уважаю?

— Надѣюсь, что да. — Но можетъ быть худшій способъ это показать — любить его.

— Что касается до этого, то едва ли въ этомъ дѣлѣ можно совладѣть съ собой. Когда у васъ просятъ любви, она вырывается изъ души вашей, какъ вода изъ фонтана. Если же этого не случится, ей ждаты нечего.

— Это опасная теорія для молодой дѣвушки.

— Молодые дѣвушки, мнѣ кажется, окружены многими опасностями, — сказала Маріонъ: — я знаю одинъ только способъ встрѣтить ихъ.

— Какой?

— Завтра скажу вамъ, если съумѣю.

— Есть одинъ вопросъ, Маріонъ, относительно котораго я чувствую себя обязанной предостеречь васъ, какъ пыталась предостеречь его. На него слова мои, повидимому, нисколько не подѣйствовали, но вы, мнѣ кажется, благоразумнѣе. Неравные браки никогда не даютъ счастья ни одной изъ сторонъ.

— Надѣюсь, что я не сдѣлаю ничего, что сдѣлало бы его несчастнымъ.

— Несчастливымъ на минуту вамъ придется его сдѣлать; можетъ быть, на мѣсяцъ, на годъ, но хотя бы на цѣлыя годы, что это сравнительно со всей его жизнью?

— На цѣлыя годы?—повторила Маріонъ,—нѣтъ, нѣтъ. Неужели вы думаете, что болѣе чѣмъ на нѣсколько дней?

— Не могу опредѣлить, какого рода сердце этого молодого человека, да и вы не можете. Но объ этомъ вамъ нечего особенно заботиться. О его вѣчномъ благѣ вы обязаны подумать.

— О, да, несомнѣнно, превыше всего.

— Я говорю по отношенію къ этому міру. О томъ, что ожидать «тамъ» того, кого мы такъ мало знаемъ, мы здѣсь едва ли смѣемъ говорить, даже думать. Но дѣвушка, когда человѣкъ проситъ ея руки, обязана подумать о его благѣ въ этой жизни.

— Я не могу не подумать и о его вѣчномъ благѣ,—сказала Маріонъ.

— Неравные браки всегда несчастливы,—повторила мистриссъ Роденъ.

— Всегда?

— Боюсь, что такъ.—Могли ли бы вы быть счастливы, еслибъ его знатные друзья, его отецъ, его мачиха, всѣ лорды и люди, съ которыми онъ въ родствѣ, смотрѣли на васъ недружелюбно?

— Чтожъ изъ этого? — Еслибъ онъ улыбался, я была бы счастлива.

— Я когда-то думала то же, Маріонъ, я говорила себѣ, что радости, какую я находила въ любви его, будетъ достаточно для моего счастья. Но увы! я упала съ облаковъ. Теперь я расскажу вамъ о себѣ больше, чѣмъ говорила кому бы то ни было въ теченіе многихъ лѣтъ, даже больше, чѣмъ говорила Джорджу. Расскажу потому, что знаю, что могу на васъ положиться.

— Можете,—сказала Маріонъ.

— Я также сдѣлала блестящую партію; блестящую въ смыслѣ мірскихъ почестей. По положенію я, въ дѣвушкахъ, стояла, можетъ быть, выше, чѣмъ вы теперь. Не меня вознесли еще выше,

и принимая имя, данное мнѣ мужемъ, я увѣрила себя, что съ честью буду носить его. Я его не опозорила, но бракъ мой былъ несчастный.

— Онъ самъ былъ добръ?—спросила Маріонъ.

— Онъ былъ слабъ.—Увѣрены ли вы, что лордъ Гемпстедъ силенъ? Онъ былъ непостояненъ. Увѣрены ли вы...

— Мнѣ кажется, онъ былъ бы постояненъ, сказала Маріонъ.

— Потому что вы готовы поклоняться тому, кто удостоилъ сойти съ своего пьедестала и преклониться передъ вами. Не такъ ли?

— Можетъ быть, и такъ,—сказала Маріонъ.

— Да, дитя мое.—Можетъ быть и такъ. Подумайте, что за тѣмъ можетъ послѣдовать: разбитыя сердца, подавленное честное любіе, погибшія надежды, личныя антипатіи, можетъ быть, ненависть.

— Нѣтъ, нѣтъ, не ненависть.

— Дожила-же я до того, что меня возненавидѣли?—Она замолчала. Маріонъ поднялась съ мѣста, поцѣловала ее и ушла домой.

Въ тотъ же вечеръ она все рассказала отцу.—Отецъ,—сказала она,—лордъ Гемпстедъ былъ здѣсь сегодня.

— Здѣсь, въ этомъ домѣ?

— Нѣтъ, я его встрѣтила у мистриссъ Роденъ.

— Я радъ, что онъ здѣсь не былъ,—сказалъ квакеръ.

— Отчего? — Отвѣта не было. — Цѣлью его было придти сюда.—Онъ пріѣхалъ, чтобъ меня видѣть.

— Чтобъ тебя видѣть?

— Отецъ, молодой лордъ просилъ меня быть его женой.

— Просилъ тебя быть его женой!

— Да. Развѣ не часто доводилось тебѣ слышать, что молодые люди увлекаются? Случилось такъ, что онъ увидѣлъ во мнѣ свою Сандрильону.

— Но ты не принцесса, дитя.

— А потому не пара этому принцу. Я не могла сразу отвѣтить ему, отецъ. Это было слишкомъ неожиданно, я не нашла словъ. Да и мѣсто едва ли было удобное. Но теперь слова у меня полились.

— Какія, дитя мое?

— Я скажу ему со всевозможнымъ уваженіемъ и почтеніемъ,—даже съ любовью, такъ какъ люблю его,—что ему слѣдуетъ искать себѣ жену въ иныхъ сферахъ.

— Маріонъ,—сказалъ квакеръ, на котораго оказывала нѣ-

второе вліяніе матеріальная сторона вопроса, не существовавшая для самой дѣвушки:—Маріонъ, неужели это неизмѣнно?

— Отецъ, это несомнѣнно должно быть такъ.

— А между тѣмъ, ты его любишь?

— Хотя бы я умирала отъ любви къ нему, это ничего бы не измѣнило.

— Отчего, дитя мое, отчего? Насколько я могу судить о молодомъ человѣкѣ, онъ добръ и привѣтливъ, много общается, долженъ быть искрененъ.

— Добръ, привѣтливъ, искрененъ! О, да! И неужели бы ты хотѣла, чтобъ такому человѣку я причинила горе, быть можетъ, позоръ?

— Почему горе, почему позоръ? Неужели ты скорѣй бы опозорила мужа, чѣмъ одна изъ этихъ разрисованныхъ лезавелей, которыя ничему не поклоняются, кромѣ собственной, увядшей красоты? Ты не дала ему отвѣта, Маріонъ?

— Нѣтъ, отецъ. Онъ долженъ пріѣхать въ пятницу за моимъ отвѣтомъ.

— Подумай, дитя мое. Трехъ дней мало, чтобъ обсудить вопросъ такой важности. Попроси его дать тебѣ еще десять дней.

— Отвѣтъ мой и теперь готовъ,—сказала Маріонъ.

— А между тѣмъ, ты его любишь! Это несогласно съ природой, Маріонъ. Я не стала бы убѣждать тебя принять руку человѣка изъ-за того, что онъ богатъ и знатенъ, еслибъ ты не могла, взаимно всего, что онъ тебѣ дастъ, отдать ему свое сердце. Но блага міра сего, честно добытыя, имѣютъ свою прелесть. И любовь честнаго человѣка, если сама ты его любишь взаимно, не дѣлается менѣе драгоцѣнна отъ того, что ему даны богатство и почести.

— Неужели мнѣ о немъ не думать, отецъ?

— Твой долгъ будетъ думать о немъ, почти исключительно о немъ, когда ты станешь его женой.

— Тогда я никогда не должна думать о немъ.

— Ты не хочешь обратить вниманіе на мои слова, попросить у него еще времени на размышленіе?

— Ни минуты. Ты не долженъ сердиться за это на свое дитя. Собственные чувства меня не обманываютъ. Собственное сердце, и оно одно, можетъ подсказать мнѣ, что я должна ему сказать. Есть причины...

— Какія?

— Есть причины, по которымъ дочь моей матери не должна выходить замужъ.

Все лицо его отуманилось, онъ силится заговорить, но просидѣлъ нѣсколько времени молча, а затѣмъ всталъ, вышелъ изъ комнаты и болѣе въ этотъ вечеръ ее не выдалъ.

Это было во вторникъ, въ среду онъ съ ней не заговаривалъ объ этомъ предметѣ. Въ четвергъ было Рождество, она отправилась въ церковь съ мистриссъ Роденъ. Онъ и въ этотъ день не намекалъ на занимавшій ихъ вопросъ, но вечеромъ она обратилась къ нему съ небольшою просьбой. — Завтра въ Сити праздникъ, не такъ ли, отецъ?

— Говорятъ. Ненавижу я эти дурачества. Когда я былъ молодъ, человѣку дозволялось зарабатывать свой хлѣбъ во всѣ, закономъ положенные, дни недѣли. Теперь требуютъ, чтобы то жалованье, которое онъ не можетъ заработать, онъ тратилъ на вино и зрѣлища.

— Отецъ, ты долженъ оставить меня здѣсь одну, послѣ нашего обѣда. Онъ придетъ за отвѣтомъ.

— И ты дашь его?

— Конечно. Не спрашивай меня больше; это должно быть такъ, какъ я тебѣ говорила.

Отецъ не настаивалъ.

Въ среду Маріонъ была у мистриссъ Роденъ.

— Какъ видите, я пришла, — сказала она, улыбаясь. — Я могла бы все сказать вамъ сразу, такъ какъ нисколько не измѣнила своего намѣренія съ тѣхъ поръ, какъ онъ заговорилъ со мной такъ неожиданно у васъ на лѣстницѣ.

— Вы такъ въ себѣ увѣрены?

— Совершенно. Неужели вы думаете, что я согласилась бы причинить ему страданія?

— Нѣтъ, нѣтъ. Я знаю, что вы не сдѣлали бы этого добровольно.

— А между тѣмъ, слегка огорчить его мнѣ придется. Надѣюсь, что огорченіе это будетъ самое легкое. — Мистриссъ Роденъ устала на нее. — О, еслибъ я могла растолковать ему все это, еслибъ я могла приказывать ему быть мужчиной, такъ, чтобы онъ отъ этой раны претерпѣлъ только самое короткое время.

— Какой раны?

— Неужели вы думали, что я могу принять его предложеніе, что я, дочь простого клерка, разсядусь въ его палатахъ, осрамлю его передъ цѣлымъ свѣтомъ? Никогда!

— Маріонъ!

— Неужели изъ-за того, что онъ впалъ въ ошибку, которая дѣлаетъ мнѣ честь, я должна послѣдовать его примѣру, но

при этомъ еще опозорить его? Неужели изъ-за того, что онъ не замѣтитъ разстоянія, и я должна его не видѣть? Онъ готовъ былъ пожертвовать собою для меня. Неужели я не сумѣю принести жертву? Для такой дѣвушки, какъ я, жертвовать собою—все, что остается въ этомъ мірѣ.

— Неужели жертва такъ велика?

— Какъ могла я не полюбить его? Когда является такое существо, расточая свои жемчужины, наполняя воздухъ благоуханіемъ, нашептывая слова, которые звучатъ такъ нѣжно, нашептывая ихъ мнѣ, забрасывая меня ими, устремляя на меня свѣяющіеся взоры своихъ молодыхъ глазъ, какъ могла я не полюбить его? Помните ли, какъ онъ на минуту почти склонился къ моимъ ногамъ, сказалъ мнѣ, что я его другъ, заговорилъ со мной о своемъ очагѣ? Неужели вы думали, что это меня не тронуло?

— Такъ скоро, дитя мое, такъ скоро?

— Въ одинъ мигъ. Развѣ оно не всегда такъ бываетъ?

— Сердца обыкновенно не такъ мягки, Маріонъ.

— Мое, мнѣ кажется, въ эту минуту было такъ размягчено, что половина его сладкихъ рѣчей исторгла бы его изъ груди моей. Но я сама чувствую, что во мнѣ какъ бы два существа. Хотя одно таетъ, въ другомъ заключается нѣчто твердое, что можетъ устоять противъ ударовъ, наносимыхъ даже имъ.

— Что же такое это «нѣчто», Маріонъ?

— Опредѣлить этого я не могу. Можетъ быть, это женская гордость, готовая претерпѣть все на свѣтѣ скорбей, чѣмъ причинить вредъ любимому человѣку. Я себя знаю. Никакія его слова, никакое желаніе видѣть его радость,—а онъ обрадовался бы, если бы я сказала ему, что могу дать ему все, чего онъ проситъ,—никакая жажда его любви, не заставляютъ меня поколебаться ни на волосъ. До смертнаго своего часа онъ будетъ говорить себѣ, что молодая квакерша, любя его, осталась вѣрна его интересамъ.

— Дитя мое, дитя мое,—сказала мистриссъ Роденъ, обнимая Маріонъ.

— Неужели вы думаете, что я не знаю, что я забыла? Развѣ легко мнѣ было видѣть... смерть матери и ея крошекъ? Развѣ я не знаю, что я не могу, какъ другія, выйти замужъ не только за такого лорда, но даже за равнаго мнѣ? Мистриссъ Роденъ, лишь бы мнѣ дожить до того, какъ мой бѣдный отецъ опередитъ меня, чтобъ онъ не остался одинъ, когда слабость, неразлучная со старостью, его настигнетъ, тогда, тогда... я ра-

достно послѣдую за ними. Никакая мечта любви никогда не проносилась въ умъ моемъ. Онъ явился и, помимо моей воли, мнѣ приснился сонъ. Мнѣ думается, что такъ моя судьба будетъ счастливѣе, чѣмъ еслибъ я оставила жизнь, не узнавъ такого чувства, какъ то, которое испытываю теперь. Можетъ быть, онъ не женится пока я жива.

— Это такъ огорчило бы васъ?

— Оно не должно огорчить и не огорчить. Ему слѣдуетъ жениться. Онъ уйдетъ, я почти не буду знать объ этомъ. Можетъ быть, отъ меня скроютъ.—Мистриссъ Роденъ могла только продолжать ее, рыдая.

— Но я охотно принесу эту жертву,—продолжала она.— Мнѣ кажется, нѣтъ ничего слаще, какъ отказаться отъ всего, ради любви. Чему насъ учать, какъ не этому? А между тѣмъ, мнѣ бы хотѣлось, чтобъ онъ хогъ немного пожагѣлъ, что не можетъ получить игрушку, которая ему пригласулась. Какъ вы думаете, чтъ онъ во мнѣ нашелъ?

Предложивъ этотъ вопросъ, она удивительно повеселѣла.

— Красивый лобъ, прелестные глаза, мягкій голосъ.

— А мнѣ кажется, ему понравился мой квакерскій костюмъ. Онъ, можетъ быть, любить одноцвѣтные предметы. Когда онъ увидѣлъ меня, на мнѣ было новое платье и новыя перчатки. Какъ хорошо я помню его появленіе, какъ онъ все на меня оглядывался, пока я наконецъ перестала понимать, рада ли я, что онъ обращаетъ на меня вниманіе, или это оскорбляетъ меня. Мнѣ кажется, что я была рада, хотя говорила себѣ, что онъ не долженъ былъ такъ часто на меня смотрѣть. А потомъ, когда онъ пригласилъ насъ къ себѣ, я желала, очень желала получить согласіе отца на эту поѣздку. Еслибъ онъ не поѣхалъ...

— Не думайте объ этомъ, Маріонъ.

— Этого не общаю, а говорить не буду. Теперь, дорогая мистриссъ Роденъ, пусть всего этого какъ не бывало. Я не намѣрена приходить въ меланхолію или пренебрегать своими обязанностями, потому что на пути моемъ встрѣтился молодой лордъ и сказалъ мнѣ, что любить меня. Я должна отдалить его отъ себя и тогда буду совершенно такой, какъ всегда.

Съ этимъ она ушла.

Когда настала пятница, квакеръ, несмотря на праздничный день, послѣ обѣда отправился въ Сити, не сказавъ болѣе ни слова о поклонникѣ своей дочери.

О. П.

МОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ КЭБЛЕМЪ.

Изъ недавняго поѣздки въ Америку *).

I.

— ...Мнѣ хотѣлось бы познакомиться съ отношеніями плантаторовъ къ освобожденнымъ неграмъ, и креоловъ — въ американцамъ, — сказалъ я, въ разговорѣ съ профессоромъ Бойсеномъ, въ бытность мою въ Нью-Йоркѣ: — я думаю, для того, поѣхать въ Новый-Орлеанъ. Не знаете ли кого тамъ, кто бы ввелъ меня въ мѣстное общество, познакомилъ съ его складомъ и интересами?

Профессоръ Бойсенъ задумался и видимо сталъ перебирать въ умѣ, кого онъ знаетъ въ Новомъ-Орлеанѣ. Оказалось, что Новый-Орлеанъ, да и вообще югъ для него, какъ и для всѣхъ сѣверо-американцевъ — отрѣзанный ломотъ, что знакомыхъ и пріятелей у него больше въ Лондонѣ, Парижѣ и Лейпцигѣ, нежели на всемъ протяженіи къ югу отъ Потомака.

— Да, что я, — спохватился онъ черезъ минуту: — совсѣмъ забылъ, вѣдь въ Новомъ-Орлеанѣ живетъ нашъ Кэблъ.

*) Недавно мы имѣли случай познакомить читателей съ произведеніемъ вновь появившагося, въ средѣ американскихъ новелистовъ, весьма оригинальнаго таланта, составившаго себѣ извѣстность первыми же своими повѣстями изъ бита креоловъ (см. мартъ, 350 стр.: «Плантація красавицы», Кэбла). Не такъ давно возвратившійся въ поѣздѣ въ Америку, нашъ соотечественникъ имѣлъ случай встрѣтиться и познакомиться съ Кэблемъ; вспоминая о томъ, онъ сообщаетъ намъ теперь подробности своей бесѣды, представляющія, помимо характеристики американскаго писателя, особенный интересъ для русскихъ читателей, по неожиданной связи новаго литературнаго направленія въ Америкѣ съ живыми фактами и явленіями русской литературы. — *Ред.*

— Кто это такой?—спросилъ я, совершенно наивно.

— Какъ, кто!—отвѣчалъ онъ:—Кэблѣ, да это самый оригинальный нашъ разсказчикъ, это авторъ нашихъ такихъ же «Записокъ Охотника», это нашъ реалистъ-художникъ, тотъ, которому всего лучше извѣстенъ югъ, кто тамъ всѣхъ знаетъ, и кого тамъ всего менѣе любятъ. Познакомьтесь съ нимъ и его повѣстями и вы увидите, какъ вамъ мало извѣстно въ Европѣ то, что по истинѣ заслуживаетъ изученія въ нашей литературѣ. Прочтите его разсказы изъ быта креоловъ, его два большихъ романа: «The Granddissimes» и «M-me Delphine», присмотритесь при этомъ къ описываемой имъ жизни, и вы увидите, что знакомство съ Кэблемъ—лучшее средство узнать нашъ югъ съ его вѣбовыми странностями и чудачествомъ, но и съ его же неимовернымъ богатствомъ типовъ и литературныхъ сюжетовъ.

Разговоръ нашъ кончился тѣмъ, что я ввѣлъ у профессора Бойсена письмо къ Кэблю, въ тотъ же день купилъ у Скрибнера ¹⁾ всѣ его романы и разсказы, и уѣхалъ на югъ...

Проснулся я въ Новомъ-Орлеанѣ очень рано утромъ, безъ живого мѣста на лицѣ, благодаря москитамъ. Термометръ Фаренгейта показывалъ сто-двадцать-пять градусовъ (+41° R.). Я открылъ окно. Стало еще жарче. Вышелъ на улицу: печѣть... Бросился въ проѣзжавшій омнибусъ, и отъ сквозного вѣтра и быстрой ѣзды стало нѣсколько легче. Я прочелъ адреса всѣхъ лицъ, къ которымъ у меня были рекомендаціи и началъ спрашивать кондуктора, какъ мнѣ добраться до нихъ; оказалось, что надо перемѣнить омнибусъ не болѣе трехъ разъ, и въ общей сложности проѣхать двѣ, три версты. Съ американскими разстояніями я уже имѣлъ случай познакомиться въ Нью-Йоркѣ и Филадельфіи и поспѣшилъ, повтому, согласиться съ кондукторомъ, что это очень близко. Въ какой городъ Америки я ни пріѣзжалъ, я всюду начиналъ свои визиты съ редакторовъ газетъ. Это тѣ люди, въ которыхъ всего легче добиться рекомендаціи, и отъ которыхъ нѣтъ труда, въ свою очередь, получить письма. Они всѣхъ знаютъ и обо всемъ даютъ «цѣнныя сообщенія» (valuable information), не прочь угостить завтракомъ и обѣдомъ и созвать людей съ «вѣсомъ» и положеніемъ въ обществѣ, чтобы показать имъ заморскаго звѣря... А вѣдь мы, туристы, только этого и ищемъ. Въ Новый-Орлеанъ я имѣлъ ре-

¹⁾ Извѣстная книжная фирма въ Нью-Йоркѣ, издающая ежемѣсячный журналъ того же имени, съ иллюстраціями,—по громадному числу подписчиковъ, первый журналъ въ мірѣ.—Ред.

комендаціи изъ Ричмонда къ редакторамъ двухъ газетъ противоположныхъ лагерей. Ни тотъ, ни другой не были въ состояніи принять меня: вечеромъ я узналъ, что дня за два до моего приѣзда у нихъ была дуэль—какъ и всѣ американскія дуэли, на половину частнаго, на половину политическаго характера. Одинъ изъ нихъ остался съ прострѣленной ногой, другой съ поврежденной ключицей... Я пространствовалъ два часа и не заручился еще ни однимъ цѣннымъ сообщеніемъ. Въ дурномъ расположеніи духа я снова усѣлся въ омнибусъ и на этотъ разъ поѣхалъ къ Кэблю. Ъхалъ я нескончаемо долго, такъ долго, что успѣлъ не только придумать, но и забыть придуманное привѣтствіе. О томъ, что мы пріѣхали, что надо, слѣдовательно, слѣзая, я узналъ благодаря не особенно любезному толчку кондуктора, который съ укоризною замѣтилъ мнѣ: «и выбрали же удобное время спать»,—и поторопилъ меня выйти. Сконфуженный и полусонный, я очутился у воротъ дома англійскаго «реалиста-художника». На лужайкѣ, окаймленной гигантскими магноліями въ полномъ цвѣтѣ, я увидѣлъ маленькаго человѣчка, съ виду очень нервнаго, въ черномъ сюртукѣ, игравшаго съ дѣтьми, которые немало тормозили его, заставляя дѣлать самыя уморительныя тѣлодвиженія. Мнѣ было не трудно узнать Кэбля, такъ какъ я видѣлъ его портретъ въ Нью-Йоркѣ.

— Кто тамъ, — спросилъ онъ меня, приводя лицо въ привычное его возрасту, серьезное выраженіе?

— У меня къ вамъ письмо отъ Бойсена, — сказалъ я на языкѣ, не оставлявшемъ сомнѣнія въ томъ, что я иностранецъ.

— А! войдите, — отвѣчалъ онъ мнѣ: — Бойсенъ мой хорошій пріятель, и вы — тоже, если посланы имъ. Позвольте распечатать...

Кэбль мигомъ прочелъ записку.

— Бойсенъ пишетъ мнѣ, что вы знаете Тургенева. Какъ я радъ видѣть кого-нибудь, знакомаго съ нимъ. Вѣдь это величайшій изъ современныхъ писателей, первый художникъ и самый трезвый реалистъ. Мы всѣ его здѣсь очень цѣнимъ.

— Я имѣлъ уже случай убѣдиться въ этомъ въ Нью-Йоркѣ, — отвѣчалъ я ему, — и, признаюсь, не мало пораженъ этимъ. Вѣдь Тургеневъ, прежде всего, русскій, который и описываетъ только русскую жизнь,—а что вамъ въ ней? Вы ее, вѣроятно, не знаете, да и знать не хотите.

— Ну, съ этимъ послѣднимъ я никакъ не соглашусь, — отвѣчалъ онъ шутя, — а о томъ, что Тургеневъ русскій — я жалѣлъ не разъ. Почему бы ему не пріѣхать въ Америку изучить

богатство нашихъ типовъ, и дать намъ американскія «Записки Охотника!»

Кэбль началъ подробно спрашивать меня о Тургеневѣ. Я сообщилъ ему все, что зналъ объ Иванѣ Сергѣевичѣ.

— Почему не живетъ онъ въ Россіи? — замѣтилъ онъ, какъ будто, съ укоризной: — точно нашъ Джемсъ! Говорить, что грубы мы слишкомъ для него. Нѣтъ у насъ refinement (слово, на русскій языкъ непереводимое); охота же влечь жизнь съ людьми дѣланнми. У насъ, конечно, нѣтъ манеры, за то каждый — типъ. Есть фizioномія, странности, чудачества. А вѣдь намъ, белетристамъ, это на руку.

Мнѣ невольно вспомнились жалобы М. Е. Салтыкова, съ которымъ я незадолго передъ тѣмъ встрѣтился въ Парижѣ, что ему въ Парижѣ нестерпимо жить, за бѣдностью типовъ.

— Я вѣдь, — продолжалъ Кэбль, — ничего не сочиняю, — и фантазіи у меня на это не хватитъ; а только присматриваюсь по сторонамъ, да подслушиваю... и должно быть, вѣрно подслушиваю. Не даромъ же не жалуютъ меня господа креолы, мои излюбленные типы. Однако, разговоръ-то мы можемъ продолжать и въ омнибусѣ, — замѣтилъ онъ, вставая: — вамъ вѣдь надо посмотреть нашъ Новый-Орлеанъ — «веселый городъ» (gay city), по прозванію креоловъ.

Отъ дома Кэбля до станціи было два шага. Мы сѣли въ омнибусъ, не прерывая нашего разговора.

Я сталъ спрашивать его про негровъ и отношенія къ нимъ бѣлыхъ.

— Правда ли, что у васъ сажаютъ въ тюрьму за бракъ бѣлаго съ черной?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ онъ мнѣ: — такіе порядки держатся еще въ Виргиніи и Георгіи; а здѣсь въ подобныхъ мѣрахъ и надобности не чувствуется. Предразсудки слишкомъ сильны, чтобы допустить возможность такого брака. Тутъ не то что о бракѣ, а объ обѣдѣ за однимъ столомъ бѣлаго съ чернымъ думать нельзя. Я васъ поведу въ одинъ ресторанъ, содержимый итальянцемъ; онъ гарибальдійцемъ считается — а не далѣе двухъ мѣсяцевъ назадъ прославился на весь городъ тѣмъ, что вытолкалъ двухъ негровъ, хотѣвшихъ у него позавтракать. Съ этого времени всѣ стали къ нему ѣздить и хвалить, что высоко держитъ знамя бѣлыхъ.

— А что ваши школы для негровъ, — спросилъ я: — конечно, онѣ устроены отдѣльно отъ школъ для бѣлыхъ?

— Разумѣется,—да въ этомъ мы не особенно отстали отъ сѣвера. Вѣдь и янки не пошлетъ сына въ смѣшанную школу.

— Мнѣ пришлось посѣтить школы для негровъ въ Ричмондѣ, — продолжалъ я. — Учителя говорили мнѣ, что въ раннемъ возрастѣ черныя дѣти учатся не хуже бѣлыхъ, но съ 12, 13 лѣтъ различіе въ способностяхъ даетъ себя чувствовать.

— И все это вздоръ, — сказалъ съ ослобленіемъ Кэбль. — И школы-то устроили недавно, и опыта серьезнаго еще нѣтъ, а уже разглагольствуютъ о неспособности цѣлой расы.

Въ это время мы подъѣхали къ тому мѣсту, съ котораго идетъ желѣзная дорога къ озеру Поншартренъ.

— Вотъ и прекрасно, — замѣтилъ Кэбль. — Жены моей нѣтъ дома, главу романа я кончилъ, — хотите, поѣдемъ съ вами на озеро: тамъ теперь толпа гуляющихъ; увидите живыхъ героевъ моихъ разсказовъ.

Я весьма охотно согласился. Мы проѣхали не болѣе получаса всего по болотистой мѣстности, извѣстной своими лихорадками. Однообразіе пути было убійственное; на лѣво каналъ, на право болото, заросшее кое-гдѣ ольхою. Рѣдко попадавшіеся на глаза баваны и магноліи напоминали о томъ, что мы на югѣ, — и на югѣ почти тропическомъ. Почва въ окрестностяхъ Новаго - Орлеана — наносная: на разстояніи двухъ-трехъ вершковъ уже встрѣчаешь воду. Гдѣ, кажется, было взятыя тутъ мрамору, которымъ застроено городское кладбище? Оно лежало у насъ на пути. Кэбль замѣтилъ мнѣ, что характеръ грунта не позволяетъ зарывать мертвыхъ въ землю; яму замѣняетъ насыпь; поэтому, что ни могила, то курганъ. Идали кладбище кажется какинъ-то мраморнымъ городомъ съ аллеями изъ кипарисовъ. Само озеро Поншартренъ имѣетъ сообщеніе съ моремъ; впрочемъ, это не мѣшаетъ тому, что въ его верховьяхъ вода совсѣмъ прѣсная. Въ водѣ мѣстные жители способны проводить чуть не цѣлые дни. Мнѣ также пришлось начать знакомство съ озеромъ съ того, что я вмѣстѣ съ Кэблемъ окунулся въ его волны. Обоимъ намъ стало до того хорошо, что мы сразу рѣшили, что дождемся здѣсь вечера! Разговоръ продолжался о Новомъ - Орлеанѣ, объ американцахъ и креолахъ, о мѣстной англійской — и французской литературѣ.

— Отчего я совсѣмъ не слышалъ дорогою французскаго языка? — спросилъ я Кэбля. — Вѣдь Новый-Орлеанъ французскій городъ?

— Да, былъ когда-то, — отвѣчалъ онъ, — когда-то, т. е. лѣтъ тридцать, сорокъ назадъ, — а для насъ, американцевъ, это чуть

не вѣчность. Старикъ до сихъ поръ еще плохо говорятъ по-англійски, за то молодежь ничѣмъ не отличается отъ чисто-кровныхъ янки: и литературу англійскую знаютъ, или по крайней мѣрѣ дѣлаютъ видъ, что знаютъ, и говорятъ, и пишутъ по-англійски. Вѣдь преподаваніе у насъ въ школахъ на англійскомъ языкѣ, и въ національномъ собраніи, и въ судахъ обязательно англійскій языкъ. Да оно и къ лучшему. Что проку въ томъ, что прежде коверкали французскій, да читали: «Conversations religieuses» и «Devoirs d'un bon catholique?»

— Однако позвольте,—замѣтилъ я,—вѣдь вы не станете отрицать, надѣюсь, того, что сдѣлано для міра французскою цивилизаціей?—И говоря это, я вспомнилъ о «великихъ принципахъ», и мнѣ почудилось, что они красуются не на однихъ фронтонахъ публичныхъ зданій, но запечатлѣны въ сердцахъ любого галла.

— Боже упаси!—прервалъ меня Кэбль,—я самъ страстный поклонникъ Франціи и французовъ, ихъ принциповъ и возможнаго ихъ примѣненія. Но вѣдь Новый-Орлеанъ—не Франція, и креолы—не французы... Да кстати, хотите знать, что думаетъ объ этомъ чисто-кровный парижанинъ...—Sergeant Robert!—кликнулъ онъ на ломаномъ языкѣ:—les créoles ont-ils le sentiment de la fraternité?

— Non,—послышался категорическій отвѣтъ, и передъ нами предстала лысая фигура содержателя купалентъ, съ длинной сѣдой эспаньолеткой à la Napoléon III.

«Sergeant Robert» оказался человекомъ весьма опредѣленныхъ принциповъ: въ его глазахъ креолы были «des égoïstes et des cléricaux». Онъ приписывалъ ихъ недоброжелательству свои неудачи въ Новомъ Свѣтѣ, утверждалъ, что для хорошихъ отношеній съ ними надо быть bien avec l'église, на что онъ, какъ участникъ римскаго похода въ 1848 году, никакъ не могъ согласиться. При всей своей болтливости, sergeant Robert не забывалъ дѣла: онъ предложилъ намъ послѣдовательно выпить коньяку, рому, краснаго вина. На все это со стороны Кэбля послѣдовалъ рѣшительный отказъ. Я услышалъ впоследствии отъ близко знавшихъ его людей, что Кэбль никогда не рѣшается подойти къ bar (среднее между рестораннымъ буфетомъ и питейнымъ прилавкомъ) въ виду неприличія (impropriety) такого образа дѣйствій. Видя, что отъ насъ ему плохая пожива, sergeant Robert поспѣшилъ раскланяться и отправился faire un somme...

Вечерѣло. До ушей нашихъ стали долетать звуки вагнеров-

скаго марша пилигримовъ. — Должно быть шесть часовъ, — сказалъ мнѣ Кэблъ, — пора. Народу на набережной вѣроятно уже не мало, да и музыку не мѣшаетъ послушать. — Мы живо собрались и вскорѣ очутились въ кружкѣ людей, дружески пожимавшихъ руку Кэблю и его «русскому другу» (russian friend). Когда они отошли отъ насъ, Кэблъ называть мнѣ ихъ по имени, замѣчая: — вотъ этотъ послужилъ типомъ для моего Оноре-Грандиссимъ, а этотъ живой Жоржъ де-Граніонъ (также герой его романа). Тутъ мнѣ пришли на память недавнія московскія воспоминанія. Невольно вспомнилъ я автора «Китай-города» и подумалъ: чего ради москвичи не прощаютъ ему того, что онъ вывелъ ихъ въ смѣшномъ видѣ? Вѣдь, по словамъ одного московскаго славянофила, одинъ только Шекспиръ творилъ цѣлыя міры, какъ Богъ изъ ничего, — да и это сомнительно, такъ какъ біографія Шекспира недостаточно извѣстна. Какой ужъ художникъ Тургеневъ, — а у него я встрѣтилъ разъ живого Нежданова, — и живой весьма близко подходилъ къ своему литературному двойнику, также былъ и вялъ, и нерѣшителенъ, и также искренно ломался и производилъ то же впечатлѣніе порядочности и беспомощности.

Сколько я ни приглашалъ Кэбля зайти въ театръ, онъ все-таки не пошелъ. «Вотъ было бы чудо, еслибъ вамъ удалось за-тащить туда Кэбля» — замѣтилъ мнѣ на ухо одинъ изъ его пріятелей: — «вѣдь Кэблъ — пуританинъ, и въ душѣ онъ вѣрно считаетъ оперетку дьявольскимъ навожденіемъ». Я все болѣе и болѣе начиналъ удивляться. Сталъ я разспрашивать Кэбля, какъ онъ поналъ на литературную волю. Онъ разсказалъ мнѣ далеко не мудреную исторію. Былъ онъ съ юности клеркомъ, секретаремъ, счетоводомъ въ какомъ-то банкѣ, женился, сталъ приносить средства для семьи, которая съ каждымъ годомъ у него росла и не перестаетъ расти. Страстный отецъ, онъ не прочь былъ разсказывать дѣтямъ повѣстухи, придумывая ихъ самъ. Одну изъ такихъ повѣстухъ ему пришлось однажды разсказать въ присутствіи домашняго медика, который посоветовалъ ему записать ее и напечатать. Первые рассказы Кэбля встрѣчены были крайне небрежно въ Новомъ-Орлеанѣ, преимущественно между креолами, но на сѣверѣ, они сразу выдвинули автора изъ среды современныхъ беллетристовъ. Всѣ они напечатаны были въ Нью-Йоркѣ въ періодическихъ изданіяхъ и здѣсь же изданы Скрибнеромъ въ видѣ сборника подъ названіемъ: «Рассказы изъ стариннаго быта креоловъ». Когда, ссылаясь на эти рассказы, пріятель автора, виконтъ d'Abzac, французскій консулъ, предложилъ выбрать Кэбля въ члены Атеней, мѣстнаго литературнаго

клуба, составленнаго изъ креоловъ,—самое предложеніе сочтено было за обиду, и кандидатура отклонена почти единогласно. А между тѣмъ въ своихъ разсказахъ Кэбль описывалъ только то, что видѣлъ, относя это, притомъ, въ началу текущаго столѣтія. Креолы у него по существу ничѣмъ не хуже американцевъ, они имѣютъ даже свои спеціальныя качества, способны на самоотверженіе и рыцарскую отвагу; и въ томъ, и въ другомъ отношеніи они даже рѣшительно превосходятъ американцевъ. Но при этомъ они тщеславны, вичатся своимъ французскимъ происхожденіемъ и не терпятъ ни малѣйшаго сближенія съ людьми, въ жилахъ которыхъ течетъ смѣшанная кровь. Въ своемъ романѣ Кэбль разсказываетъ, какъ, встрѣтивъ на балу человека, по цвѣту бѣлаго, но завѣдомо рожденнаго отъ матери мулатки, одинъ изъ гостей, креолъ по происхожденію, счелъ священнымъ долгомъ дать ему пощечину. Самъ Кэбль разсказывалъ мнѣ, что въ его присутствіи еще недавно одинъ креолъ потребовалъ отъ кондуктора, чтобы онъ высадилъ изъ омнибуса двухъ сидѣвшихъ въ немъ негровъ, такъ какъ не хотѣлъ ѣхать съ ними рядомъ. Все это признаютъ и сами креолы, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которые по своему образованію выделяются изъ ряду другихъ; но чего никто изъ нихъ не допускаетъ, это—право американца, который для нихъ по прежнему остается ненавистнымъ яки, выставлять ихъ за это въ заслуженно-смѣшномъ видѣ. А это-то право и присвоилъ себѣ Кэбль.—*Inde igitur!* И ничѣмъ дѣлу не поможешь. Или не пиши, или готовься встрѣтить недовольство. На открытую вражду никто не рѣшится, боясь попасть собственной персоной на зубокъ разсказчика.

Въ девять часовъ Кэбль протиснулся со мною, объявивъ, что его ждетъ madame—его жена.

II.

Слѣдующіе дни я почти всѣ провелъ или съ Кэблемъ, или съ его друзьями, d'Abzac'омъ и судьей Гоу, опять въ разговорахъ о романистѣ. Они водили меня въ клубы, приглашали къ себѣ по вечерамъ пить лимонадъ, холодный и теплый, горячій чай, и чай замороженный.—Жена Кэбля—совсѣмъ идеальная американка,—тихое, изящное существо, которое живетъ жизнью мужа, поддерживаешь въ немъ литературное рвеніе и готова для этого поступиться даже денежными выгодами. По ея совѣту Кэбль оставилъ банкъ, хотя и достигъ въ немъ самаго завиднаго въ

Америкѣ положенія,—положенія *бухгалтера*. Сдѣлалъ онъ это, чтобы вполнѣ отдаться литературной дѣятельности. По совѣту же жены, ѣздилъ Кэбль на зиму въ Нью-Йоркъ и Бостонъ, гдѣ его принимали радушно, какъ стараго знакомаго; американцы—мастера въ дѣлѣ гостепріимства. Они никогда не поставятъ васъ въ смѣшное положеніе «общественнаго льва», въ какое вы невольно попадете въ Англіи (отсюда и исключительно англійское слово «lionize», возвести кого-нибудь въ званіе льва, слово, употребляемое американцами только въ литературномъ языкѣ). Васъ не ставятъ на ходули, но за то изъ васъ извлекутъ все, что можетъ извлечь самый опытный корреспондентъ «Таймса» или Нью-Йорскаго «Геральда». Такъ поступили и съ Кэблемъ. Его кормили, поили, спрашивали и выкаивали изъ его разсказовъ статьи въ американскіе и заграничные журналы. Одна изъ такихъ статей попала и въ «Illustrirte Deutsche Monatshefte». Она написана Бойсеномъ, и потому заслуживаетъ вниманія. Отмѣчу въ ней сопоставленіе Кэбля по таланту съ Эдгаромъ Алленъ По, также беллетристомъ южныхъ Штатовъ, и рѣшительное предпочтеніе, отдаваемое критиками полнымъ жизненной правды разсказамъ Кэбля передъ сантиментальными и выдуманнми романами Бичеръ Стоу. Я спрашивалъ Кэбля о его путешествіи на сѣверъ, о его личныхъ встрѣчахъ съ выдающимися писателями, которые все еще выбираютъ своей резиденціей Бостонъ,—эти американскія Аѳины.

Мнѣ интересно было выяснитъ себѣ, въ какой мѣрѣ этотъ самообытнй талантъ могъ подчиниться постороннимъ вліяніямъ. Человѣкъ робкій, Кэбль ничего не сдѣлалъ для того, чтобы попасть въ тѣсный кружокъ Лонгфелло и Эмерсона. Они были для него при жизни и остаются и теперь, послѣ смерти, тѣмъ же, чѣмъ Гёте былъ для Гейне,—своего рода олимпійцами. Онъ ихъ признаетъ вполнѣ, преклоняется предъ ихъ мудростью и талантами; не подвергаетъ ихъ критикѣ... но ничего у нихъ и не заимствуетъ. Мнѣ вспомнился Викторъ Гюго и восторгъ, какой, по словамъ Тургенева, онъ вызывалъ своей лирикой въ столь непохожемъ на него Флоберѣ. Изъ молодыхъ романистовъ, Кэбль сблизился всего болѣе съ Бойсеномъ и Гоуэллемъ. Джемса, какъ и всегда, не было въ Америкѣ; онъ пріѣзжаетъ сюда только на похороны и свадьбы. О Бойсенѣ Кэбль сказалъ мнѣ, что считаетъ его человѣкомъ ученымъ, но не художникомъ. Бойсенъ, профессоръ исторіи литературы въ Нью-Йоркѣ, знатокъ и поклонникъ Гёте и всей вообще нѣмецкой литературы, пуристъ въ дѣлѣ языка и литературныхъ приемовъ,

человѣкъ безъ фантазіи и въ то же время съ упорнымъ желаніемъ выдумывать типы. Вы найдете въ его произведеніяхъ отголоски и Вертера, и Тургеневскихъ «Призраковъ», и новеллы Поля Гейзе; только его люди не люди, а ходячіе принципы. Гоуэль кажется Кэблю несравненно болѣе крупнымъ талантомъ, и съ этимъ нельзя не согласиться, какъ нельзя также не признать вѣрности того упрека, какой дѣлаетъ ему авторъ «Grand-dissimes». — «Гоуэль, — говоритъ онъ, — думаетъ, что въ романѣ фабула послѣднее дѣло, что она, самое большее, нужна для того, чтобы связать между собою отдѣльныя картины, взятыя изъ жизни и художественно воспроизведенныя, а это въ моихъ глазахъ невѣрно. Я помню, съ какимъ увлеченіемъ я читалъ нѣкогда романы Дюма, а въ нихъ вѣдь кромѣ фабулы и языка нѣтъ ничего увлекающаго».

Вообще изъ всѣхъ моихъ разспросовъ я вынесъ то впечатлѣніе, что изъ современныхъ американскихъ романистовъ, ни одинъ не произвелъ сильнаго впечатлѣнія на Кэбла. Это слишкомъ самобытный талантъ, чтобы подпасть подъ вліяніе такихъ второстепенныхъ писателей, какъ Гоуэль и Бойсонъ. Американскіе классики, Готорнъ и Лонгфелло, какъ романтики, остались ему чужды; если ихъ вліяніе въ чемъ и сказалось, то только въ тщательности, съ которой Кэбль отдѣливаетъ свои рассказы, находя, что форма, если и не все, то во всякомъ случаѣ очень много значить. При всемъ томъ, Кэбль не можетъ быть вполнѣ названъ самородкомъ. Когда я читаю его рассказы и вспоминаю то, что говорилъ онъ мнѣ самъ о Тургеневѣ, мнѣ приходитъ на мысль, что знакомство съ произведеніями нашего великаго романиста оставило на немъ свой слѣдъ. И въ этомъ отношеніи Кэбль далеко не исключеніе въ ряду американскихъ беллетристовъ. Джемсъ открыто провозглашаетъ себя ученикомъ Тургенева, котораго онъ ставитъ выше всѣхъ современниковъ, не исключая изъ ихъ числа и своего любимца, Альфонса Доу. Бойсенъ тоже сынъ, но только не родной — автора Призраковъ. Кэбль болѣе самостоятеленъ, но и онъ по счастливому сліянію художественности и реализма и по совершенному отсутствію той изысканности и манерности, какую можно встрѣтить, напримѣръ, у Альфреда де-Мюссе или Поля Гейзе, принадлежитъ къ литературной семьѣ Тургенева. Сочиненія послѣдняго ему хорошо извѣстны, онъ началъ чтеніе ихъ съ «Дыма», который оставилъ его, впрочемъ, неудовлетвореннымъ по той же причинѣ, по какой не удовлетворяютъ его повѣсти Гоуэля, — по причинѣ недостатка, или какъ онъ выразился (по моему слишкомъ сильно), по при-

читѣ совершеннаго отсутствія фабулы. «Ни одно чтеніе не произвело на меня болѣе грустнаго впечатлѣнія, — сказалъ онъ мнѣ, — какъ чтеніе «Дыма»; однажды, я невольно сталъ даже спрашивать себя, стоитъ ли вообще жить, если жить, значить дѣйствовать въ средѣ героев «Дыма»?

И это замѣчаніе мнѣ не разъ было сдѣлано и въ Бостонѣ, и въ Балтиморѣ. За то «Записки Охотника», «Дворянское гнѣздо», «Отцы и дѣти»... Кэбль не знаетъ достаточныхъ похвалъ всѣмъ этимъ перламъ въ литературѣ не однихъ русскихъ, но — всего человѣчества. Они для него высшіе образцы во всемъ, — даже по отношенію къ числу страницъ. «Какъ бы я хотѣлъ, — сказалъ онъ мнѣ однажды, — чтобы мои романы были не длиннѣе «Отцовъ и дѣтей», — да какъ-то все не удается, не укладывается рассказъ въ такія тѣсныя рамки». «Поймать быка за рога», другими словами, сразу приступить къ предмету разсказа безъ вставокъ и вводныхъ мѣстъ, для Кэбля такое же высокое качество, каковымъ оно было для древнихъ грековъ, для Пушкина, по словамъ Тургенева, и, прибавимъ отъ себя, для самого Тургенева. Эпизодъ потому только, что онъ эпизодъ, по его мнѣнію, долженъ быть или совсѣмъ вычеркнутъ, или обращенъ въ самостоятельный разсказъ, — и съ этимъ трудно не согласиться.

Я увидалъ Кэбля въ послѣдній разъ при довольно странной обстановкѣ. Виконтъ d'Abzas пожелалъ познакомить меня съ креолами, созвалъ у себя самыхъ выдающихся членовъ французскаго Атенея и въ то же время пригласилъ Кэбля. Послѣдовали взаимныя представленія, причемъ президентъ общества уклонился отъ рукопожатія, мотивируя свой поступокъ тѣмъ зломъ, какое Кэбль причинилъ креоламъ своею литературной дѣятельностью. Но Кэбль сохранилъ полное присутствіе духа, и не позволилъ себѣ ни извиненій, ни жалобъ. Я имѣлъ такимъ образомъ случай убѣдиться въ томъ, что въ Новомъ Свѣтѣ, не менѣе чѣмъ въ Старомъ, литератору не легко говорить правду и что одного таланта еще недостаточно для того, чтобы серьезно вліять на современниковъ, даже стоя въ рядахъ беллетристовъ. Нужно еще здѣсь, какъ и повсюду, гражданское мужество...

К. М.

Москва. — Октябрь, 1882.

НАШИ УЧИТЕЛЬСКІЯ СЕМИНАРІИ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

О к о н ч а н і е .

V *).

Несмотря на всѣ несомнѣнныя выгоды привлеченія въ учительскіе семинаріи крестьянскихъ же дѣтей, мы видимъ, однако, что до сихъ поръ ничего не сдѣлано для достиженія такой цѣли. Между тѣмъ, „двухклассныхъ“ училищъ, воспитанники которыхъ могли бы, и по возрасту, и по подготовкѣ, съ успѣхомъ поступать въ учительскіе семинаріи, у насъ чрезвычайно мало, да къ тому же, вслѣдствіе ошибочной организаціи ихъ, въ нихъ оканчиваетъ курсъ лишь совершенно микроскопическая часть учащихся; воспитанники же „одноклассныхъ училищъ министерства“, которыхъ также весьма немного, оказываются недостаточно для семинаріи подготовленными; ученики многихъ тысячъ земскихъ народныхъ школъ могли бы съ успѣхомъ поступать, по свѣдѣніямъ своимъ, въ учительскіе семинаріи, но по уставу заперта дверь семинаріи и для этихъ главнѣйшихъ питомниковъ будущихъ народныхъ учителей. По уставу учительскихъ семинарій, допускаются въ эти учебныя заведенія только шестнадцатилѣтніе юноши, что и исполнѣ понятно при трехлѣтнемъ курсѣ учительскихъ семинарій; между тѣмъ, крестьяне оканчиваютъ въ земскихъ школахъ курсъ въ большинствѣ случаевъ уже 12 лѣтъ, и затѣмъ въ теченіе четырехъ лѣтъ, отдѣляющихъ ихъ отъ учительской семинаріи, забываютъ многое изъ того, чему ихъ обучали; значить, только въ видѣ рѣдкаго исключенія крестьянинъ, окончившій курсъ

*) См. выше: апрѣль, 786. стр.

въ народной школѣ, по познаніямъ своимъ, оказывается годнымъ для учительской семинаріи. Эти затрудненія обнаружались тотчасъ же послѣ открытія учительскихъ семинарій, но и за 11 лѣтъ не принято еще рациональной мѣры къ устраненію ихъ, къ исправленію ошибки, возможной только при кабинетномъ знакомствѣ съ дѣломъ. Вмѣсто того, чтобы, усмотрѣвъ и сознавъ такую крупную погрѣшность, которая указываетъ на то, что народная школа, долженствующая питать учительскую семинарію, разобщена и несогласована съ нею,—тотчасъ же создать обязательно, при всѣхъ учительскихъ семинаріяхъ, недостающее связующее звено въ видѣ приготовительнаго класса при семинаріи,—у насъ, какъ мы видѣли, только разрѣшали устройство его, не ассигновавъ на то даже особой суммы; столько же цѣлесообразно было бы затратить десятки тысячъ на домъ и пожалѣть сотенъ на крыльцо къ нему, по которому возможно было бы войти въ домъ. Намъ кажется, что не только слѣдовало бы организовать дѣло такъ, чтобы положеніе преславской учительской семинаріи, приготовительный классъ которой, по недостатку средствъ, виситъ на волоскѣ, стало возможнымъ,—но и принять мѣры къ тому, чтобы промежутокъ времени, отдѣляющій народную школу отъ учительской семинаріи, хоть сколько-нибудь восполнился. Для этого мы считали бы необходимымъ, при каждой учительской семинаріи, назначить не менѣе двухъ лѣтъ для приготовительнаго курса, съ тѣмъ, чтобы въ младшій изъ двухъ приготовительныхъ курсовъ принимались ученики не моложе 14 лѣтъ; въ такомъ случаѣ, крестьянскому мальчику, окончивающему курсъ на тринадцатомъ году, оставалось бы еще въ теченіе одной только зимы посѣщать свою народную школу,—а этого трудно достигнуть, какъ показываетъ практика, если только родители мальчика не имѣютъ увѣренности въ томъ, что на слѣдующій же годъ сынъ поступитъ въ семинарію, которая выведетъ его въ люди. Къ тому же двухлѣтній приготовительный курсъ при учительской семинаріи, при непркосновенности теперь существующей учебной программы самой семинаріи, улучшалъ бы образованіе семинаристовъ, такъ сказать, не въ ширину, но въ глубину, т.-е. сдѣлалъ бы его еще болѣе основательнымъ и еще болѣе законченнымъ въ тѣхъ же предѣлахъ; онъ не только лучше ознакомилъ бы семинаристовъ съ элементарными приемами, столь необходимыми народному учителю, каковы, напримѣръ, образцовое чтеніе, образцовый почеркъ, возможность пользоваться расованіемъ за уроками нагляднаго обученія, образцово-быстрое умственное счисленіе и т. п., но и облегчилъ бы крайне необходимое, какъ увидимъ, для народнаго учителя, упражненіе въ извѣстныхъ ремесленныхъ подѣлахъ. Какое существенное значеніе имѣетъ для

успѣха обученія въ семинаріи основательность подготовки, а потому и продолжительность „приготовительныхъ“ курсовъ; видно изъ того, напримѣръ, что изъ поступившихъ въ преславскую семинарію, безъ подготовительнаго класса, въ 1875 году учениковъ едва половина окончила въ учительской семинаріи курсъ.

Постановка вопроса о подготовительномъ классѣ при нашихъ семинаріяхъ уже указываетъ на оторванность этихъ учебныхъ заведеній отъ жизни; но на это есть и другія указанія. Такъ, напримѣръ, кому не извѣстно, какое благотворное вліаніе на самихъ сельскихъ школьниковъ и родителей ихъ производитъ церковное пѣніе; кто не знаетъ того, насколько церковный хоръ изъ школьниковъ привлекаетъ къ школѣ народъ и содѣйствуетъ къ нравственному воздѣйствію на него, улучшая благолѣпіе церковнаго богослуженія? Это знаютъ всѣ, и тѣмъ не менѣе учителю пѣнія при учительской семинаріи полагается всего 300 рублей въ годъ, между тѣмъ какъ по заявленію преславской семинаріи только счастливою случайностію, а именно, что одинъ изъ преподавателей наукъ съ увлеченіемъ и успѣхомъ взялся за обученіе пѣнію, — объясняется то, что пѣніе преподавалось, такъ какъ за 300 рублей невозможно привлечь въ село учителя пѣнія. Но благоразумно ли предоставлять случайности удовлетвореніе одного изъ основныхъ требованій народа отъ школы и одну изъ существеннѣйшихъ нитей, связующихъ школу съ жизнью? Приведемъ еще примѣръ: даже тѣ враги школы, которые желали бы видѣть учителями лицъ едва грамотныхъ, допускаютъ важность обученія будущаго учителя чистописанію, черченію и рисованію, не опасаясь того, чтобы при этомъ возможно было злоупотребить развитіемъ учителя, а въ отсутствіи развитія для нихъ весь вопросъ; друзья школы, искренно желая народному учителю не полуобразованія, но основательнаго развитія, сознаютъ, однако, не менѣе враговъ ея, насколько хорошій почеркъ рекомендуетъ школу въ глазахъ малограмотныхъ поселянъ, насколько четкость письма важна для жизни, насколько черченіе и рисованіе могутъ пригодиться, какъ для обученія этимъ предметамъ въ народномъ училищѣ, такъ и въ видѣ подспорья при веденіи учителемъ научнаго курса. И что же? При всей очевидной важности названныхъ учебныхъ предметовъ, признанной и инструкцію министерства народнаго просвѣщенія для учительскихъ семинарій, отводящей имъ по 12 уроковъ въ недѣлю, — все-таки не существуетъ по штату особаго учителя для названныхъ отраслей, и даже не ассигновано никакого вознагражденія за трудъ тому изъ семинарскихъ преподавателей, который случайно могъ бы взять на себя преподаваніе ихъ. Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, встрѣчаться въ такомъ почтенномъ учрежденіи, каковы наши

учительскія семинаріи, съ такими крупными недостатками, указывающими на оторванность ихъ отъ жизни?

Касаться ли намъ, наконецъ, вопроса о ремеслахъ въ учительской семинаріи? Онъ, при всей важности, опять поставленъ уставомъ въ туманъ, безъ всякихъ средствъ къ осуществленію. Между тѣмъ, вовсе и не задаваясь цѣлью сдѣлать изъ учителей ремесленниковъ, будто бы призванныхъ къ неосуществимому въ народной школѣ обученію ремеслу,—не обязаны ли мы каждого народнаго учителя обучать самымъ простымъ ремесленнымъ подѣлкамъ не только для того, чтобы онъ не былъ бѣлоручкою, но и съ тѣмъ, чтобы онъ ознакомился со всѣми техническими приѣмами, необходимыми для приготовления гербарія, коллекцій дерева, чучель животныхъ, скелетовъ, коллекцій насѣкомыхъ и самыхъ простыхъ приборовъ для физическихъ опытовъ и уроковъ нагляднаго обученія? Всему этому мы сочувствуемъ, на бумагѣ рекомендуемъ это, а содѣйствія этому оказываемъ настолько, что даже преславская учительская семинарія, вѣрившая человѣку, всецѣло отдавшемуся дѣлу и служащему ему съ знаніемъ и любовью,—можетъ достигать по ремесленному обученію лишь самыхъ ничтожныхъ результатовъ; и въ данномъ случаѣ—опять видна оторванность семинаріи отъ жизни!

VI.

Намъ остается лишь обзорѣть научный курсъ нашихъ учительскихъ семинарій, противъ котораго преимущественно и возражаютъ лица, увѣряющія насъ въ томъ, будто наши учительскія семинаріи выпускаютъ ничего не знающихъ всезнаекъ, которыхъ полезно было бы замѣнить діаконами, никѣмъ не подготовляемыми для педагогической дѣятельности, и для которыхъ нынѣ считаютъ совмѣстнымъ спеціально-богословское образованіе съ спеціально-педагогическимъ. По уставу, въ учительскихъ семинаріяхъ преподаются слѣдующіе предметы: „Законъ Божій, главныя основанія педагогики, русскій и церковно-славянскій языки, ариметика, главныя основанія геометріи, землѣмѣріе, линейное черченіе, русская исторія, при преподаваніи которой сообщаются и нѣкоторыя понятія объ исторіи всеобщей; краткая всеобщая и болѣе подробная русская географія; главныя свѣдѣнія, необходимыя для пониманія явленій природы, чистописаніе и пѣніе“. Таку ли учебную программу, которая, если исключить педагогику, указываетъ лишь на уровень знаній, выносимый изъ элементарной школы, въ настоящемъ смыслѣ слова,—возможно признать многопредметною, превосходящею потребности на-

роднаго учителя и образующею всезнаекъ, кое-чего нахватавшихся? Въ ней, очевидно, напротивъ, стремленіе избѣжать именно этихъ недостатковъ; такъ, напримѣръ, въ учительской семинаріи преподаются только „главныя основанія“ педагогики и геометріи, а естественныя науки указываются лишь подъ однимъ, крайне элементарнымъ названіемъ въ программѣ; всеобщая исторія не проходитъ отдѣльно, но лишь вкратцѣ, въ связи съ русскою исторіею; программа указываетъ и на краткость курса всеобщей географіи. Въ поясненіе и развитіе устава учительскихъ семинарій 1871 года, издана въ 1875 году министерствомъ инструкція для учительскихъ семинарій, которая справедливо указываетъ на то, что самый объемъ преподаванія въ учительской семинаріи и характеръ его уже потому долженъ отличаться отъ курса элементарной школы,—хотя бы онъ, какъ мы видѣли, и совпадалъ съ нею по названіямъ учебныхъ предметовъ,—что учительская семинарія имѣетъ дѣло со взрослыми; но тутъ же инструкція напоминаетъ о томъ, что „польза отъ серьезнаго и по возможности научнаго курса будетъ ощутительна только тогда, когда работа будетъ усиленна ученикамъ и всякое свѣдѣніе будетъ разъяснено и примѣнено настолько, чтобы сдѣлаться полнымъ достояніемъ ученика“. Инструкція указываетъ на необходимость избѣгать „отрывочныхъ, и безсвязныхъ свѣдѣній“ и, справедливо не стѣсняя педагогическаго совѣта каждой семинаріи, предоставляетъ ему, съ разрѣшенія мѣстнаго попечителя учебнаго округа, нѣсколько уменьшать, или увеличивать объемъ сообщаемыхъ будущимъ учителемъ свѣдѣній, сообразно съ тою подготовкою, съ которою они поступаютъ въ учительскую семинарію. Методика каждаго учебнаго предмета, изучается семинаристами одновременно съ изученіемъ самого предмета, и, кромѣ того, семинаристы упражняются въ преподаваніи въ начальной школѣ при семинаріи.

Не вдаваясь пока въ подробности, трудно желать лучшей организаціи учительскихъ семинарій, что касается учебной программы; но для того, чтобы отвѣчать на главнѣйшіе изъ упрековъ, дѣлаемыхъ учительскимъ семинаріямъ, будто бы онѣ принимаютъ „матеріализмъ“, злоупотребляя преподаваніемъ естественныхъ наукъ,—остановимся обстоятельнѣе на этой отрасли обученія. Въ уставѣ, какъ мы видѣли, всѣ естественныя науки названы однимъ именемъ: „главныя свѣдѣнія, необходимыя для пониманія явленій природы“; инструкція не могла, очевидно, ограничиться такими неопредѣленными выраженіями и должна была войти въ большія подробности, при изученіи которыхъ легко провѣрить, насколько учительскія семинаріи забрасываютъ учащихся свѣдѣніями по естествосвѣдѣнію. Инструкція, удѣляя естествосвѣдѣнію по два часа въ недѣлю на

первый годъ обученія и по три часа въ послѣдніе два года семинарскаго курса, поясняетъ, что семинаристамъ сообщаются данныя по физикѣ приблизительно въ размѣрѣ элементарной физики Крюгера, прекрасной, но очень тоненькой книжечки, предназначенной для начальныхъ школъ. Это ли угрожаетъ опасностію матеріализма?.. Но если ознакомленіе будущаго учителя съ тѣмъ, что вся жизнь природы совершается по извѣстнымъ неизбѣжнымъ законамъ, можетъ сдѣлать его „матеріалистомъ“ и „нигилистомъ“, то остается поддерживать въ учителѣ вносимыя имъ въ учительскую семинарію изъ своей крестьянской среды представленія о томъ, что земля на катѣ стоитъ, что громъ обозначаетъ катанье пророка Іліи на колесницѣ и т. п. И неужели такой курсъ учительской семинаріи не былъ бы кощунствомъ, и неужели такое кощунство возможно предпочесть тому, чтобы довести ученика до сознанія величественной стройности природы и этимъ самымъ осмыслить, а не убить въ немъ религіозное чувство? Въ видѣ учебника для данныхъ по зоологіи, ботаникѣ и минералогіи, инструкція указываетъ на одно изъ самыхъ элементарныхъ руководствъ: „Три царства природы“, Григорьева, рекомендуя и въ немъ дѣлать „значительныя сокращенія“. Неужели и въ такихъ познаніяхъ отказать будущему сельскому учителю, которому всю жизнь свою придется непрестанно считаться съ силами природы,—учителю, счастье котораго и счастье его питомцевъ будетъ въ значительной степени зависѣть отъ умѣнья воспользоваться окружающими его животными, растеніями и минералами, и отъ возможности отнестись сознательно къ явленіямъ и произведеніямъ природы, ежеминутно напоминающимъ о себѣ въ селѣ? Если отказать даже въ элементарныхъ данныхъ по естественнымъ наукамъ народному учителю, то слѣдуетъ отказать въ нихъ и народной школѣ; а во что превратится такая народная школа, которая не будетъ стараться осмыслить сельскій бытъ, непрерывно соприкасающійся съ естествовѣдѣніемъ, благодаря занятіямъ жителей земледѣіемъ, скотоводствомъ и техническими производствами? Она превратится въ такое же бесполезное и одностороннее учрежденіе, какою слѣдуетъ признать и ту народную школу, которая, исключая реальныхъ знаній, будетъ обучать будущихъ работниковъ, призванныхъ существовать трудами рукъ своихъ, безъ всякаго отношенія къ практической жизни. Учительская семинарія, какъ и народное училище, прежде всего призваны воспитывать и развивать; но то и другое должно совершаться цѣльно и гармонично, а не открывать человѣку глазъ на природу, значить не сдѣлать изъ него человѣка; точно также—не побороть въ немъ эгоизма, впоследствии ведущаго къ кулачеству и эксплуатаціи всѣхъ видовъ,

значить воспитать звѣря, а не человѣка. Не для того учительскія семинаріи и народная школа не чужды естествознанію, чтобы успѣть въ человѣкѣ животныя инстинкты, ведущіе къ хищеніямъ и страсти къ наживѣ, но для того, напротивъ, чтобы облегчить человѣку добываніе необходимаго и этимъ самымъ ослабить въ немъ алчность и зависть и окружить его достаткомъ, при которомъ только и возможны идеальныя стремленія для человѣка, при которомъ только и мыслимо, чтобы человѣческая сторона въ питомцѣ народной школы и семинаріи взяла верхъ надъ животной стороною. Въ высшей степени справедливо указываетъ инструкція министерства народнаго просвѣщенія на то, что цѣль преподаванія естественныхъ наукъ въ учительской семинаріи состоитъ въ сообщеніи такихъ свѣдѣній, „которыя необходимы для общаго образованія“; точно также и народная школа, въ которой призваны дѣйствовать семинаристы — учрежденіе общеобразовательное, а потому и немислимое безъ сообщенія элементарнѣйшихъ данныхъ по естествознанію въ примѣненіи къ сельскому быту. Насколько совмѣстимо изученіе естественныхъ наукъ съ обученіемъ религіи, доказываютъ и наши учительскія семинаріи: ихъ упрекаютъ въ насажденіи какого-то „матеріализма“ за то, что онѣ русскаго народнаго учителя знакомятъ съ естествознаніемъ настолько, насколько оно сообщается всѣмъ безъ изъятія дѣтямъ въ западной Европѣ, а семинаріи, предлагая естественныя науки въ такомъ ничтожномъ размѣрѣ, даютъ семинаристамъ курсъ закона Божія почти въ объемѣ гимназическаго курса, посвящая еженедѣльно одному закону Божію больше учебныхъ часовъ, нежели четыремъ естественнымъ наукамъ; только русскому языку семинаріи посвящаетъ однимъ часомъ въ недѣлю больше, чѣмъ закону Божію, отдавая ариметикѣ столько же времени, какъ и закону Божію; по всѣмъ же остальнымъ наукамъ число учебныхъ часовъ меньше числа уроковъ по закону Божію. И такая-то организація дала право и основаніе утверждать, будто бы наши учительскія семинаріи воспитываютъ „безбожниковъ“? Эта организація, находя возможнымъ соединять курсъ элементарной школы по естествознанію съ курсомъ гимназіи по закону Божію, могла навлечь на себя анашему мнимымъ друзьямъ порядка, стремящимся упразднить учительскія семинаріи, ввести на нихъ клевету о матеріализмѣ и безбожіи, предлагая замѣнить ихъ діаконами, какъ людьми, вѣрующими въ Бога?

На все сказанное нами остается мнимымъ „охранителямъ“, выбивающимся изъ силъ для того, чтобы вездѣ поселить рознь и недовольство, утверждать только одно, а именно, что будто бы не такъ примѣняется учительскими семинаріями программа, какъ она проектиро-

вана высшимъ правительствомъ. Хотя на такое голословное ихъ возраженіе можно бы сказать только, что оно „ложно“; но мы предпочтемъ возвратиться къ преславской учительской семинаріи, въ особенности насъ заинтересовавшей, какъ припомнить читатели, потому что она имѣетъ дѣло почти исключительно съ воспитанниками изъ крестьянъ. Какъ примѣняется учебная программа преславскою учительскою семинаріею?

Съ этой стороны невозможно не признать преславской учительской семинаріи во многихъ отношеніяхъ образцовою. „Законъ Божій“, заявляетъ отчетъ этой семинаріи, „преподавался приблизительно въ размѣрѣ гимназическаго курса“, и настолько успѣшно, что „въ теченіе шестилѣтія былъ одинъ случай оставленія въ томъ же классѣ и два случая увольненія изъ семинаріи за безуспѣшность, въ числѣ другихъ предметовъ, и по закону Божию“. По этому поводу мы позволимъ себѣ, однако, одно замѣчаніе, касающееся не одной преславской семинаріи, но нашихъ учительскихъ семинарій вообще. Отъ души радуясь успѣхамъ по закону Божию, мы глубоко убѣждены въ томъ, что данныя по исторіи христіанской и православной церкви возможно было бы приурочить къ курсу исторіи, и что такимъ образомъ получилась бы возможность уменьшить въ каждомъ изъ трехъ курсовъ учительской семинаріи уроки закона Божія на одинъ только урокъ въ недѣлю; оставалось бы, такимъ образомъ, еще на законъ Божій по 3, по 2 и по одному уроку, отъ младшаго курса къ старшему, и выигралось бы по одному часу въ недѣлю для каждого курса, для сообщенія семинаристамъ элементарнѣйшихъ, основныхъ юридическихъ познаній, при обстоятельстве ознакомленія ихъ съ земскимъ, сельскимъ и городскимъ самоуправленіемъ, волостнымъ и мировымъ судомъ. Не говоря о развивающемъ значеніи юридическихъ познаній, едва ли существуетъ болѣе сподручное средство воспитать въ семинаристахъ, какъ чувство законности и отвѣтственности, такъ и чувство собственнаго достоинства, равно какъ создать въ лицѣ будущихъ учителей проводниковъ этихъ основъ порядка въ народѣ, способныхъ хоть сколько-нибудь облегчить органамъ самоуправленія ихъ дѣятельность и оградить темную массу отъ вопіющихъ злоупотребленій. Такой курсъ юридическихъ свѣдѣній, который оказался бы вполне по силамъ преподавателю исторіи, вполне гармонировалъ бы и съ курсомъ закона Божія, основную задачу котораго составляетъ выяснить обязанности человѣка по отношенію къ Богу и людямъ.

На русскій языкъ полагается въ трехъ курсахъ учительскихъ семинарій по 4, по 4 и по 2 часа въ недѣлю, съ отнесеніемъ на эти часы и занятій методикою; преславская семинарія посвящаетъ занятіямъ

методикой только второе полугодіе второго курса, отдастъ весь послѣдній, третій годъ, изученію теоріи словесности по литературнымъ образцамъ, а первые полтора года обученія затрачиваетъ на систематическій курсъ этимологии и синтаксиса, предпосылая ему въ подготовительномъ классѣ „элементарный курсъ грамматики, при вещественномъ и этимологическомъ разборѣ“. И такая организація едва ли можетъ вызвать упрекъ въ томъ, что наши учительскія семинаріи не такъ устроены, чтобы могли давать не верхоглядство, но основательное знаніе. Хотя преславская семинарія, въ частности, и справедливо находитъ, что существованіемъ ея среди инородцевъ изученіе русскаго языка значительно затрудняется, но для всѣхъ учительскихъ семинарій едва ли можно согласиться съ нею въ томъ, что нужно бы добавить уроковъ по русскому языку. Въ этомъ я не вижу необходимости, какъ потому, что всякій урокъ въ учительской семинаріи долженъ быть урокомъ русскаго языка, т.-е. обучать слушателей правильному изложенію своей мысли устно и письменно, такъ и потому, что нѣсколько расхожусь съ инструкціею министерства относительно дѣли, къ достиженію которой должно стремиться преподаваніе русскаго языка въ учительской семинаріи. По инструкціи дѣло поставлено такъ, какимъ мы видѣли его въ преславской семинаріи, т.-е. огромное количество времени отводится грамматикѣ, сравнительно небольшое—теоріи словесности, а объ исторіи русской словесности не заходитъ и рѣчи. На основаніи многолѣтняго личнаго опыта и множества наблюденій, я позволяю себѣ утверждать, что если семинаристъ, уже при поступленіи сносно пишущій по нѣмъ и нѣмъ уже съ извѣстною легкостью облакающій свою мысль въ письменную рѣчь, въ подготовительномъ классѣ толково пройдетъ элементарный курсъ грамматики, и семинарія до самаго окончанія курса семинаристами удѣлитъ отъ всякаго урока по русскому языку десять минутъ этимологическому, синтаксическому и орфографическому разбору,—то совершенно достаточнымъ окажется употребить только одинъ годъ перваго курса семинаріи на систематическій курсъ грамматики, уже пройденный прежде элементарно. Что касается теоретическихъ свѣдѣній о видахъ поэзіи и прозы, то совершенно достаточно было бы, при четырехъ урокахъ въ недѣлю, посвящать имъ первое полугодіе второго курса, имѣя въ виду пройти за это время элементарный курсъ теоріи словесности, который долженъ быть значительно подготовленъ уже уроками объяснительнаго чтенія въ подготовительномъ классѣ. Если бы мы затѣмъ отдали второе полугодіе второго курса, какъ и поступаютъ въ Преславѣ, методикѣ русскаго языка, то мы сохранили бы весь послѣдній годъ обученія, при двухъ урокахъ въ недѣлю, для исторіи русской словесности, преимущественно со времени

Петра Великаго, опуская изъ нея всѣхъ второстепенныхъ писателей и касаясь возможно обстоятельнѣе только немногихъ главнѣйшихъ писателей, начиная съ Пушкина. Такой курсъ исторіи словесности явился бы весьма существеннымъ подспорьемъ для курса исторіи, которому удѣляютъ въ семинаріяхъ только по 2, по 3 и по 2 урока въ недѣлю въ трехъ курсахъ; этотъ курсъ значительно облегчилъ бы учителю дальнѣйшее самообразование и помогъ бы ему и въ народномъ училищѣ обращать вниманіе не на схоластическое заучиваніе формъ языка и законовъ его по грамматикѣ, но на то, чтобы ученики правильно владѣли русскимъ языкомъ на дѣлѣ и вѣрно писали, и при этомъ знакомились бы съ нѣкоторыми біографическими данными о главнѣйшихъ изъ нашихъ писателей и съ главнѣйшими изъ доступныхъ пониманію ихъ литературными произведеніями. Преславская учительская семинарія, какъ увидимъ, обращаетъ особенное вниманіе на то, чтобы семинаристы почаще писали сочиненія въ связи съ различными, преподаваемыми имъ учебными предметами; такое въ высшей степени раціональное стремленіе, при настойчивомъ вниманіи къ тому, чтобы за всѣми уроками семинаристы правильно выражались и всегда писали внимательно, что касается орфографіи, — несомнѣнно достигнетъ того, что семинаристы будутъ основательно знать русскій языкъ, если и уменьшится, какъ предложено, требованія по систематическому курсу грамматикѣ, но непрерывно упражнять, какъ мы говорили, въ сознательности отношенія къ языку посредствомъ грамматическаго разбора. Само собою разумѣется, что дѣло значительно выиграетъ отъ того, если признать правильною выраженную выше мысль о необходимости не годового, но двухлѣтняго курса въ приготовительномъ классѣ, такъ какъ въ этомъ случаѣ выиграется время для упражненія и развитія навыка, который значительно облегчитъ систематизацію грамматическаго матеріала и сократитъ потребное для нея время. Между тѣмъ, немаловажная услуга будетъ оказана общеобразовательному уровню нашихъ учительскихъ семинарій введеніемъ въ нихъ курса исторіи русской литературы, а съ этой-то именно стороны, со стороны общаго образованія, нерѣдко и замѣчается недостаточность подготовки семинаристовъ, слишкомъ часто оканчивающихъ курсъ въ видѣ весьма успѣшно дрессированныхъ мастеровъ обученія.

Но если и желать бы, по возможности, повысить общеобразовательный уровень народныхъ учителей, ни въ чемъ существенномъ не измѣняя настоящаго устройства ихъ семинарій, то изъ этого никакъ не слѣдуетъ того, чтобы я отказывался отъ, неоднократно здѣсь уже высказаннаго мною, мнѣнія о необходимости возможно болѣе

сблизить обученіе семинаристовъ съ жизнью. Скажу больше: перѣдко забота о томъ, чтобы учебный курсъ поближе подходилъ къ запросамъ практической жизни,—ведетъ къ общему образованію и къ расширенію умственного кругозора семинаристовъ; такъ, напримѣръ, наше требованіе о томъ, чтобы семинаристамъ сообщались элементарныя юридическія свѣдѣнія, и чтобы ихъ выводили на путь самообразованія посредствомъ ознакомленія съ исторіею русской литературы,—несомнѣнно удовлетворило бы весьма существеннымъ потребностямъ практической жизни и въ то же время послужило бы общему образованію и развитію.

Такого же характера будутъ видоизмѣненія курса арифметики въ учительскихъ семинаріяхъ, которыя мы предложимъ. Преславская учительская семинарія, въ которой дѣло ведется съ энергіею, воодушевленіемъ и знаніемъ, достигла возможности третій годъ обученія посвящать курсу алгебры; нельзя этому не сочувствовать, если только дать себѣ отчетъ въ томъ, насколько выигрываетъ общее развитіе отъ математическихъ занятій. Но отсюда еще не вытекаетъ того, чтобы нельзя было для учительскихъ семинарій, принимающихъ питомцевъ народной школы и готовящихъ ихъ преимущественно въ преподаватели для сельскихъ школъ, замѣнить курсъ алгебры другимъ упражненіемъ по математикѣ, еще болѣе полезнымъ въ виду предстоящей семинаристамъ жизни и крайне благотѣльно отражающимся на общемъ развитіи. Я хочу сказать, что въ учительской семинаріи можно бы ограничиться полнымъ курсомъ арифметики и методикою этого предмета, а время, удѣляемое на алгебру, затратить на возможно болѣе упрежденіе въ рѣшеніи такихъ арифметическихъ задачъ, которыя, по содержанію своему, поселяли бы въ семинаристахъ элементарнѣйшія понятія изъ политической экономіи и сельскаго хозяйства. За отсутствіемъ руководства въ такомъ родѣ необходимо выяснить дѣло примѣрами: легко понять, что и въ существующихъ у насъ задачникахъ, слишкомъ охотно касающихся апельсинновъ, рису, кофе и лимоновъ, представляющихъ невидальщину для множества сельскихъ школьниковъ, не мало такихъ задачъ, которыя даютъ учителю возможность элементарно выяснить семинаристамъ значеніе капитала, коопераціи, спроса и предложенія, денежнаго курса, акціонерныхъ компаній, раздѣленія труда, кредита и нѣкоторыхъ способовъ осуществленія его (поземельные и учетные банки); если такихъ задачъ мало, то преподаватель арифметики долженъ восполнить въ этомъ пробѣлъ и за урокомъ провѣрять не только рѣшеніе такихъ задачъ, но и степень знакомства семинаристовъ съ данными политической экономіи, положенными въ основу этихъ арифметическихъ задачъ.

Если же преподаватель арифметики запасется „Справочной книжкой русского сельского хозяина“ Баталина, то въ ней онъ найдетъ чрезвычайно обильный и интересный числовой матеріалъ по сельскому хозяйству, которымъ онъ съ полнымъ успѣхомъ замѣнитъ „апельсины“, и введетъ слушателей въ область сельского хозяйства, родную для нихъ по ихъ происхожденію и предстоящему имъ быту. Такъ, напримеръ, преподаватель арифметики долженъ позаботиться о томъ, чтобы въ пониманіи и памяти слушателей твердо запечатлѣлись,—при рѣшеніи арифметическихъ задачъ, которыя придется составлять самому въ дополненіе къ прекрасному, для села, задачнику Лубенца,—понятія и числовыя данныя изъ области сельского хозяйства, объ основномъ капиталѣ, капиталѣ производства, поземельной рентѣ и соотношеніи между ними; такія задачи выяснять также нормальный доходъ отъ различныхъ отраслей хозяйства, нормальную стоимость ремонта при живомъ и мертвомъ инвентарѣ, расходъ времени и рабочихъ силъ на различныя полевныя и инныя работы, величину урожая различныхъ сельско-хозяйственныхъ растений, среднее содержаніе воды въ главнѣйшихъ сельско-хозяйственныхъ растенияхъ, степень устойчивости всхода различныхъ зѣренъ, время возобновленія лѣса различныхъ породъ посредствомъ рубки его; количество мочалы по отношенію къ діаметру ствола могло бы интересовать у насъ нѣкоторыя мѣстности; изъ задачъ слушатели узнали бы нормы корма и подстилки для животныхъ, степень годности различнаго рода топлива, степень питательности различныхъ веществъ, живой вѣсъ животныхъ, годовое число яицъ и цыплятъ отъ домашней птицы, степень сопротивленія различныхъ строительныхъ матеріаловъ, нормальные размѣры конюшенъ, скотныхъ дворовъ, овчаренъ, птичниковъ, амбаровъ и проч., нормы удою; посредствомъ арифметическихъ задачъ и изъ бесѣдъ учителя, которыя должны предшествовать имъ и слѣдовать за ними, учащіеся приобрѣли бы цифровыя данныя о мукомольномъ производствѣ и проч. Думаемъ, — трудно не согласиться съ тѣмъ, что, при всей пользѣ отъ алгебраическихъ вычисленій на предметы, преимущественно далекіе отъ жизни, имъ слѣдуетъ однако предпочесть арифметическія задачи, вводящія семинариста въ область политической экономіи и сельского хозяйства безъ особенной затраты времени и съ огромной пользою для общаго развитія и для сближенія учебнаго курса учительской семинаріи съ жизнью.

Немыслимо, конечно, удовлетворить желанію тѣхъ, которые настаиваютъ на преподаваніи въ учительскихъ семинаріяхъ сельского хозяйства и технологии, такъ какъ на эти предметы, въ видѣ особыхъ курсовъ, нѣтъ времени, и такъ какъ ввести ихъ въ извѣстномъ размѣрѣ

значило бы измѣнить педагогическую спеціальность учительскихъ семинарій и ослабить и безъ того не вполне достаточное общеобразовательное значеніе ихъ. Но забывать о томъ, что человѣкъ воспитывается для общества, и о томъ, что семинаристу предстоитъ жить въ селѣ и вращаться среди сельскихъ хозяевъ, на которыхъ онъ призванъ повліять въ смыслѣ улучшенія ихъ хозяйства и ихъ техники,—также не приходится.

Показавъ, какимъ образомъ курсъ ариметики долженъ принять въ расчетъ жизненную обстановку будущаго сельскаго учителя, я постараюсь теперь выяснитъ, что тѣ же начала должны лечь въ основаніе курса географіи. Но предварительно остановлюсь съ нѣкоторымъ удивленіемъ на томъ, что преславская учительская семинарія заканчиваетъ курсъ географіи обстоятельнымъ изученіемъ мѣстной губерніи, вмѣсто того, чтобы начинать съ этого, какъ съ ближайшаго и наиболѣе конкретнаго; мнѣ кажется, что уже въ подготовительномъ классѣ должно проходитьсѣ родиновѣдѣніе, и я твердо вѣрю въ то, что прежде всего будетъ у насъ написано родиновѣдѣніе именно для тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ существуютъ учительскія семинаріи, и что мѣстныя земства найдутъ производительнымъ вознаградить авторовъ за трудъ и, издавъ руководства, снабдить ими свои начальныя училища. Спеціальному курсу русской географіи, при двухъ урокахъ въ недѣлю, преславская учительская семинарія посвящаетъ третій учебный годъ; этого времени и было бы достаточно, если бы касаться только главнѣйшихъ вопросовъ, но пообстоятельнѣе, не опасаясь отступленій отъ того, что обыкновенно вводится въ курсъ географіи. Такъ, напримѣръ, слѣдовало бы отъ времени до времени черпать матеріалъ изъ статистики, дѣлая надлежащія къ нему поясненія: излагая положеніе сельско-хозяйственной промышленности въ Россіи, должно бы объяснить плодотворную, трехпольную и залежную системы хозяйства, различныя цѣли скотоводства въ различныхъ полосахъ Россіи, земледѣіе для мѣстнаго потребленія и для торговли и проч. Географическо-статистическому обзору, при которомъ слѣдуетъ тщательно избѣгать обремененія памяти, каждой отрасли техническаго производства—необходимо въ учительской семинаріи предпосылать элементарное объясненіе того, въ чемъ это производство состоитъ. Нужно ли доказывать, какую огромную услугу мы оказали бы такимъ курсомъ будущимъ урокамъ учителя по наглядному обученію въ народной школѣ? Не ясно ли также само по себѣ, насколько такой курсъ географіи интересовалъ бы слушателей, развивалъ бы ихъ, пріучая ихъ относиться внимательно и сознательно ко всѣмъ, окружающимъ ихъ

предметамъ, и согласовался бы съ той сферою хозяйства и техники, въ которой имъ предстоитъ жить.

Переходя къ курсу исторіи въ учительскихъ семинаріяхъ, я не могу не выразить сочувствія тому, что министерская инструкція, располагая только двумя, тремя и двумя часами въ недѣлю, для трехъ курсовъ, не вводитъ особаго курса всеобщей исторіи и указываетъ на необходимость обратить особенное вниманіе на отечественную исторію и съ нею связывать главнѣйшія событія изъ всеобщей. Но невозможно не согласиться и съ замѣчаніемъ преславской семинаріи, а именно, что исторія Россіи начинается только съ IX-го вѣка, и слѣдовательно указаннымъ выше расположеніемъ матеріала семинаристы не получаютъ ни малѣйшаго представленія о тѣхъ народахъ древности, цивилизацію которыхъ еще во многихъ отношеніяхъ человѣчество живетъ въ настоящее время. И кому же не говорить о древности?.. Жителю южной Россіи, въ которой сохранились слѣды отъ древне-греческихъ колоній! Жителю азовскаго побережья, на которомъ стоитъ теперь преславская учительская семинарія и гдѣ когда-то процвѣтала столица босфорскаго царства. Преславская семинарія нашла возможнымъ восполнить пробѣлъ инструкціи отнесеніемъ части курса исторіи въ приготовительный классъ; мнѣ кажется, что даже при одностѣпномъ курсѣ приготовительнаго класса, но въ особенности при двухстѣпномъ, слѣдовало бы посвятить семинаристовъ во всеобщую исторію до девятаго вѣка чтеніемъ „Историческихъ очерковъ“ Грубе, что равнялось бы ознакомленію ихъ съ біографическимъ курсомъ исторіи прежде систематическаго курса, что и было бы вполне рационально.

Если бы мы обстоятельно остановились на томъ, какъ въ преславской учительской семинаріи проходятся естественныя науки, то намъ пришлось бы только повторять уже сказанное нами о неосновательности упрека, будто бы наши учительскія семинаріи „пересаливаютъ“ естествовѣдѣніемъ. Впрочемъ немногія подробности лучше выяснятъ всю неосновательность этого упрека. Въ преславской учительской семинаріи посвящаютъ зоологіи, ботаникѣ и минералогіи всего одинъ первый учебный годъ, при двухъ урокахъ въ недѣлю. Вотъ ужъ прямой „матеріализмъ“! Но, въ свою очередь, не желая „матеріалистовъ“, я не могу не остановиться на томъ, что многіе изъ окончившихъ курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ поражаютъ своимъ незнакомствомъ со множествомъ обыкновеннѣйшихъ дикорастущихъ культивированныхъ растений, кустовъ и даже деревьевъ; это очевидно указываетъ на то, что учительскія семинаріи, у которыхъ недостаетъ времени на болѣе подробные курсы по естественной

исторіи, не обращаютъ должнаго вниманія и на ботаническія экскурсіи, которыя должны бы практиковаться усердно и часто весной до наступленія лѣтнихъ каникулъ, начиная съ приготовительнаго класса до самаго окончанія курса. Подъ руководствомъ учителя, любящаго дѣло, эти экскурсіи могли бы сообщить массу свѣдѣній и, что главное, развить въ будущихъ учителяхъ любовь къ природѣ. Изъ остальныхъ естественныхъ наукъ проходится, повидимому, наиболѣе обстоятельно въ преславской семинаріи физика, уроки по которой встрѣчаются въ теченіе двухъ лѣтъ; весьма краткія свѣдѣнія сообщаются, кромѣ того, по анатоміи и физиологіи челоуѣка и анатоміи и физиологіи растений; въ третьемъ курсѣ знакомятъ семинаристовъ съ особенно полезными и вредными насѣкомыми.

Что касается спеціально педагогическихъ занятій учительскихъ семинарій, то мы уже неоднократно упоминали о томъ, что методика каждаго учебнаго предмета приурочивается въ нихъ къ семинарскому курсу по каждому предмету, причемъ семинаристы знакомятся и съ главнѣйшими учебниками по каждой отрасли и кромѣ того преподають въ семинарской начальной школѣ. Въ сказанному намъ остается добавить только, какъ ведется курсъ педагогики, которому посвящаютъ по 2 и по 3 часа въ недѣлю въ двухъ старшихъ курсахъ учительской семинаріи. Министерская инструкція вѣрно намѣчаетъ характеръ этого курса, говоря, что „цѣль преподаванія педагогики въ учительскихъ семинаріяхъ—сообщить ученикамъ главнѣйшія основанія и правила учебно-воспитательнаго дѣла въ примѣненіи къ начальнымъ школамъ и ознакомить ихъ съ правами и обязанностями учителей этихъ школъ“; кромѣ того, инструкція рекомендуетъ знакомить съ исторіею педагогики и главнѣйшими педагогами посредствомъ чтенія. Преславская учительская семинарія, придерживаясь инструкціи, посвящаетъ два года преимущественно психологіи, причемъ ведетъ дѣло съ большимъ умѣньемъ и тактомъ; но я не вижу, чтобы она придавала при этомъ особенное значеніе изученію высшихъ чувствъ и возможныхъ при посредствѣ каждаго изъ нихъ воспріятій; между тѣмъ, вопросъ этотъ, какъ совершенно конкретный, доступный наблюденію, удобопонятный по наглядности и ежеминутно примѣнимый въ школѣ, долженъ бы составлять, по моему мнѣнію, три четверти всего курса психологіи такой учительской семинаріи, слушатели которой обладаютъ только относительно удовлетворительною подготовкою для философскихъ занятій. Вопросъ о разностороннихъ услугахъ, оказываемыхъ нашему сознанію воспріятіями высшихъ чувствъ, не исключая мускульнаго чувства, неизмѣримо важнѣе для семинаристовъ вопроса „объ образованіи понятій,

сужденій и умозаключеній“, которымъ, въ числѣ другихъ, преславская семинарія занимала своихъ слушателей на третій учебный годъ.

Во всякомъ случаѣ нельзя отрицать того, что при настоящей постановкѣ курса педагогики познанія семинаристовъ въ этой отрасли могутъ быть доведены до того, чтобы они заинтересовались педагогическими тѣмами, чтобы имъ захотѣлось заниматься этими вопросами по окончаніи курса, чтобы они полюбили дѣтей и свое призваніе, чтобы они вынесли изъ семинарій разумные воспитательные идеалы и склонность жить для возможно лучшаго осуществленія ихъ; таковы цѣли, которыя могутъ достигаться въ нашихъ учительскихъ семинаріяхъ, и такихъ-то учителей намъ стремятся представить черствыми матеріалистами, озлобленными противъ человѣчества и довольными только самими собою. Не споримъ, что такіе люди могутъ оказаться и въ числѣ воспитанниковъ учительскихъ семинарій, такъ какъ воспитываетъ не школа, но и жизнь. Но едва ли безпристрастный читатель не согласится съ тѣмъ, что грустная картина, которою насъ стараются запугать, столь же мало логически выжета съ организаціею учительскихъ семинарій, какъ не представляютъ логическаго вывода изъ устройства духовныхъ семинарій то безвѣріе и участіе въ противугосударственной агитаціи, которое замѣчалось иногда въ людяхъ, окончившихъ курсъ въ духовной семинаріи.

Заканчивая обзоръ учебной программы нашихъ учительскихъ семинарій, не могу не остановиться на нѣкоторыхъ достоинствахъ исполненія ея собственно преславскою семинаріею, отъ души желая того, чтобы замѣченное мною въ этомъ отношеніи могло касаться всѣхъ нашихъ учительскихъ семинарій. Намъ кажется, что въ преподаваніи всѣхъ учебныхъ предметовъ въ преславской семинаріи не проглядываетъ стремленіе преподавателей „профессорствовать“ и „читать лекціи“ лицамъ, обладающимъ лишь элементарною подготовкою; въ нихъ, напротивъ, замѣтно стараніе опуститься до уровня своихъ слушателей, т.-е. возвыситься въ своемъ искусствѣ до исполненія самой трудной педагогической задачи — умѣть говорить элементарно о серьезныхъ вопросахъ. Кромѣ того, нельзя не отнести съ особеннымъ сочувствіемъ къ тому, что воспитанникамъ преславской семинаріи задаются тѣмы для сочиненій не только преподавателемъ русскаго языка, но законоучителемъ и преподавателями всѣхъ наукъ; едва ли кто-нибудь станетъ отрицать, что нѣтъ лучшаго средства къ основательному усвоенію проходимыхъ курсовъ

по каждому учебному предмету, къ развитію семинаристовъ и къ подготовкѣ ихъ для учительскаго поприща. Но главнымъ достоинствомъ преславской учительской семинаріи не могу не признать того, что она ввѣрена такому директору, который прежде назначенія директоромъ семинаріи уже былъ инспекторомъ народныхъ училищъ, т.-е. знаетъ село, знаетъ сельскую школу и сельскаго учителя; мнѣ случалось встрѣчаться съ такими директорами, которые, готовя учителей для сельскихъ школъ, никогда не видывали такой школы въ глаза, а потому я и останавливаюсь на этомъ обстоятельстве. Но, повидимому, не одинъ директоръ, но весь учительскій персоналъ семинаріи сознаетъ необходимость непрестаннаго общенія учительской семинаріи съ народною школою, такъ какъ всѣ преподаватели, заслуживъ довѣріе земства, приглашаются бердянскимъ уѣзднымъ училищнымъ совѣтомъ для испытанія учениковъ, окончивающихъ курсъ въ народныхъ училищахъ. Только при такихъ условіяхъ учительская семинарія можетъ не превратиться въ бюрократическое учрежденіе, оторванное отъ общества и почвы.

Послѣ всѣхъ представленныхъ замѣчаній, надѣмся, что непредубѣжденный читатель, ознакомившись съ устройствомъ нашихъ учительскихъ семинарій, не только не согласится съ тѣми, которые увѣряютъ, что народная школа выиграетъ больше отъ затраты земствомъ и правительствомъ денегъ на діаконствъ, чѣмъ на спеціальную подготовку народныхъ учителей, но и пожелаетъ вмѣстѣ съ нами того, чтобы правительство и земство продолжали учреждать учительскія семинаріи въ возможно большемъ числѣ, озабочиваясь въ то же время и вопросомъ объ увеличеніи числа народныхъ школъ. Судя по опыту преславской учительской семинаріи, можно заключить, какъ тяжело отзывается на учебномъ заведеніи оттиравіе отъ него общества, насколько наши учительскія семинаріи, въ излишнихъ расходахъ на которыя насъ уже упрекаютъ, еще могутъ терпѣть нужду, а побороть ее въ состояніи не всякій такъ, какъ осилилъ свою нужду педагогическій совѣтъ преславской учительской семинаріи. Уже не мало весьма полезныхъ дѣателей дали намъ учительскія семинаріи, и изъ того, что многое въ нихъ возможно улучшить, связавъ ихъ съ жизнью и обществомъ, еще не слѣдуетъ того, чтобы онѣ не заслужили и до сихъ поръ уваженія и сочувствія. Только тѣ могутъ принципиально возражать противъ учительскихъ семинарій, которые принципиально противъ того, чтобы дать наибольшее учившимся крестьянамъ законченное образованіе, не исторгая ихъ изъ ихъ среды; только тѣ, которые въ состояніи отрицать вліяніе образованнаго крестьянина на темную крестьянскую массу. „По-

чить на лаврахъ* дѣло вообще нехорошее въ смыслѣ прогресса, допускающаго сонъ только какъ временный отдыхъ, въ теченіе котораго не останавливается жизнь. Но гдѣ же наши лавры, что касается вопроса о просвѣщеніи массы вообще и открытіи учительскихъ семинарій въ частности? Читатели видѣли, что дѣло нами едва начато; будемъ надѣяться на то, что оно не умретъ, такъ какъ за него высказывается жизнь, а съ неумолимыми законами послѣдней приходится считаться всѣмъ, безъ исключенія.

БАР. Н. КОРЪ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-ое мая, 1888.

Новая категорія «униженныхъ и оскорбленныхъ», разысканная «Московскими Вѣдомостями». — Вакханалія въ печати. — Чрезвычайная сессія с.-петербургскаго губернскаго земскаго собранія. — Возраженія желѣзно-дорожныхъ дѣятелей противъ проекта общаго желѣзно-дорожнаго устава. — Значеніе частныхъ уставовъ, какъ договоровъ и какъ сепаратныхъ законовъ. — Формализмъ, подкапывающійся подъ самыя основы реформы. — Ожиданія народныхъ массъ въ остзейскомъ краѣ.

У насъ никогда не было недостатка въ „униженныхъ и оскорбленныхъ“; никогда—по крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ, какъ наша литература вышла изъ пеленокъ—не было недостатка и въ сочувствіи къ нимъ, въ заботливости о ихъ судьбѣ. Переживаемому нами мудреному времени суждено было, однако, открыть новую категорію обездоленныхъ людей, надъ бѣдствіями которой никто до сихъ поръ еще не сокрушался. Честь открытія принадлежитъ „Московскимъ Вѣдомостямъ“; „униженные и оскорбленные“, взятые ими подъ свою защиту—это губернаторы и исправники. Унижаютъ и оскорбляютъ этихъ безсильныхъ людей преимущественно двѣ силы: судебная власть и... печать. Доказательствъ, подтверждающихъ этотъ тезисъ, немного; но зачѣмъ доказательства, когда къ услугамъ газеты всегда готовъ риторическій пріемъ, заключающійся въ восхожденіи отъ частнаго къ общему? Одинъ бывший губернаторъ преданъ суду за превышеніе власти—слѣдовательно, *все* губернаторы связаны по рукамъ и по ногамъ; одинъ исправникъ признанъ виновнымъ въ неправильномъ лишеніи свободы—слѣдовательно, *все* исправники обречены на бездѣйствіе и безвластіе. Тотъ же излюбленный пріемъ пускается въ ходъ и въ другихъ случаяхъ, какъ бы мало ни было къ тому оснований. „Земскія собранія, — читаемъ мы въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, — спѣшатъ выбирать административно посланныхъ въ гласные; протесты, приносимые губернаторами по

поводу такихъ выборовъ, признаются лишенными основанія правительствующимъ сенатомъ". Читая эти строки, можно подумать, что выборъ въ земскіе гласные лицъ, высланныхъ въ административномъ порядкѣ—явленіе безпрестанно повторяющееся во всѣхъ концахъ государства; между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ извѣстны только одинъ случай этого рода (въ черниговской губерніи). Иногда безцеремонное обращеніе съ фактами идетъ еще дальше; обычнымъ, постояннымъ выставляется то, чего въ сущности не бываетъ вовсе. Стоитъ губернатору,—восклицаетъ органъ г. Каткова, развивая тому о несчастномъ положеніи этихъ сановниковъ,—выслать лицо, по свѣдѣніямъ его, неблагонадежное, какъ поднимается гвалтъ о нарушеніи правъ личности, о погрѣшеніи правового порядка. Къ этимъ голосамъ прислушиваются, принимаютъ ихъ къ свѣдѣнію; многія необходимы мѣры, страха ради либеральнаго, парализуются подобными агитаціями. Агитаціи, гвалтъ, либерализмъ, наводящій страхъ—гдѣ нашли все это „Московскія Вѣдомости“, гдѣ, въ настоящую минуту, имѣется на лицо хоть признакъ чего-либо подобнаго? Имена лицъ, высланныхъ административнымъ порядкомъ, рѣдко, крайне рѣдко попадаютъ въ печать; она не только не кричитъ о нихъ, но даже не шепчетъ. Какимъ образомъ, вообще, она можетъ жаловаться на погрѣшеніе несуществующаго правового порядка? Есть ли, вообще, такіе жизненные вопросы, по которымъ она можетъ поднимать гвалтъ? Развѣ монополія „гвалта“ не принадлежитъ всецѣло тѣмъ органамъ прессы, которые стоятъ иногда за право отдѣльныхъ лицъ—напр., за право гг. Скарatina, Зографа (волчанскаго исправника), князя Д. Д. Оболенскаго,—но неспособны возвысить голосъ за права личности?

Посмотримъ поближе на одно изъ тѣхъ обобщеній, на которыя такъ щедра московская газета: „земскія собранія выбираютъ въ гласные лицъ, высланныхъ административнымъ порядкомъ, и протесты губернаторовъ на такіе выборы оставляются сенатомъ безъ послѣдствій“. Мы знаемъ уже, что множественное число употреблено здѣсь только для выщнаго эффекта; но оцѣнка сенатскаго рѣшенія, о которомъ говорятъ „Московскія Вѣдомости“, не зависитъ отъ того, относилось ли оно къ одному лишь протесту или къ нѣсколькимъ. Весь вопросъ сводится къ тому: законно ли избраніе въ гласные административно высланнаго лица? законно ли поступилъ сенатъ, отказавшись кассировать подобное избраніе? Такъ поставить вопросъ, значитъ разрѣшить его—и разрѣшить въ утвердительномъ смыслѣ. Стоитъ только заглянуть въ Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что административная ссылка—не препятствіе къ выбору въ гласные. Совмѣстна ли она съ исполненіемъ

обязанностей гласнаго — это другое дѣло. Прошлагодній законъ о полицейскомъ надзорѣ заключаетъ въ себѣ нѣсколько статей, устранивающихъ, для лица административно высланнаго, возможность принимать участіе въ занятіяхъ земскаго собранія; но это еще не значитъ, чтобы самое избраніе такого лица въ гласные представлялось дѣломъ незаконнымъ. Административная ссылка имѣетъ ту особенность, что съ истеченіемъ ея срока — или съ прекращеніемъ ея по спеціальному распоряженію подлежащей власти — прекращаются и всѣ послѣдствія ея; лицо, подвергшееся ей, тотчасъ же вступаетъ въ пользованіе всѣми своими правами. Изъ того, что въ моментъ выборовъ избираемое лицо находится въ административной ссылкѣ, не слѣдуетъ еще, поэтому, чтобы невозможность исполнять обязанности гласнаго продолжалась для него въ теченіе всего трехлѣтняго періода земскихъ полномочій; избиратели могутъ рассчитывать на его возвращеніе до окончанія этого срока. Какъ бы то ни было, положительныя и отрицательныя требованія, которымъ должно удовлетворять лицо, избираемое въ гласные, перечислены всѣ въ Положеніи о земскихъ учрежденіяхъ; они объявляются во всеуслышаніе передъ выборами, и кромѣ нихъ избиратели ничѣмъ не обязаны стѣсняться. Недѣйствительнымъ можетъ быть признано только то избраніе, которымъ нарушается прямое постановленіе закона; поновлять предполагаемые кѣмъ-нибудь его пробѣлы не въ правѣ даже сенатъ. Иначе смотрѣть на дѣло могутъ только тѣ, для которыхъ сенатъ — т.-е. первый департаментъ сената, вѣдающій земскія дѣла — есть не хранитель закона, не административный судъ, а высшій бюрократическій органъ, обреченный на полную и постоянную солидарность съ распоряженіями и взглядами администраціи. Традиціи перваго департамента сената не даютъ мѣста для такой солидарности; отсюда гнѣвъ „Московскихъ Вѣдомостей“, отсюда нападенія, повторяющіяся при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Патентованнымъ поклонникамъ произвола одинаково ненавистно все противодѣйствующее ему, въ какую бы форму противодѣйствіе ни облекалось: ненавистенъ судъ общій, ненавистенъ судъ административный, ненавистно земство (когда оно является достойнымъ своего призванія), ненавистна „либеральная“ печать. Они не могутъ примириться съ равноправностью передъ закономъ, даже въ томъ видѣ, въ какомъ она теперь у насъ существуетъ; они не допускаютъ, чтобы губернаторъ подлежалъ судебной отвѣтственности за свои дѣйствія, чтобы бывший предводитель дворянства, принадлежащій къ титулованной фамиліи, могъ быть поставленъ на одну доску съ обвиняемымъ изъ среды обыкновенныхъ смертныхъ. Любопытно, съ этой точки зрѣнія, отношеніе „Московскихъ Вѣдомостей“ къ

процессу (о злоупотребленіяхъ въ кронштадтскомъ общественномъ банкѣ), по которому въ числѣ подсудимыхъ состоитъ кн. Д. Д. Оболенскій. Изъ-за него онѣ защищаютъ даже свободу печати (конечно не противъ администраціи, а противъ обвинительной власти, возбужденной судебное дѣло о преждевременномъ, будто бы, сообщеніи одною изъ петербургскихъ газетъ свѣдѣній по упомянутому процессу); онѣ печатаютъ заявленіе тульскихъ дворянъ, выражающихъ свою увѣренность въ невинности князя; онѣ заранѣе протестуютъ противъ предварительнаго заключенія его подъ стражу. „Возможно ли предположить, — восклицаютъ онѣ, — чтобы князь Оболенскій могъ убѣжать? Дѣйствіе, въ которомъ онъ обвиняется, не такого свойства, чтобы можно было скрыть его слѣды: оно все на лицо. Но, скажутъ, оставаясь на свободѣ онъ можетъ въ домахъ и во вліятельныхъ сферахъ защищать свою честь и высказываться противъ привлеченія своего къ суду. Хорошо, но почему же нужно было бы отнимать у человѣка эту свободу?“ Не зная обстоятельствъ дѣла, по которому привлеченъ къ отвѣтственности князь Оболенскій, мы не можемъ судить о томъ, есть ли основаніе къ предварительному заключенію его подъ стражу, т.-е. къ такой мѣрѣ, которая должна быть принимаема съ крайней осторожностью и по возможности рѣдко; для насъ интересны только разсужденія и восклицанія „Московск. Вѣдомостей“. Говоря отвлеченно, вѣроятность побѣга, съ цѣлью уклоненія отъ суда, весьма мало зависитъ отъ званія обвиняемаго; если крестьянину легче скрыться, если онъ меньше терять отъ побѣга, то лицо привилегированнаго сословія больше за то терять отъ осужденія. Оправдываться передъ своими друзьями и знакомыми — безспорное право каждаго обвиняемаго; не каждый, однако, можетъ доводить свои оправданія до „вліятельныхъ сферъ“, и мотивировать оставленіе обвиняемаго на свободѣ ссылкой на эти сферы — по меньшей мѣрѣ странно. Въ дѣлѣ кн. Оболенскаго, какъ и въ извѣстномъ дѣлѣ гг. Пейтъ, органъ г. Каткова стоитъ не за права подсудимыхъ вообще, а за права подсудимыхъ изъ среды „норядочнаго“ или, тѣмъ болѣе, „высшаго“ общества.

Мы упомянули о ненависти „Московскихъ Вѣдомостей“ къ такъ называемой „либеральной“ прессѣ; до чего доводитъ ихъ это чувство — покажетъ слѣдующій примѣръ. „Спеціальнымъ органомъ интригъ, направленныхъ противъ всякаго русскаго интереса, — читаемъ мы въ № 93, — была въ теченіе многихъ лѣтъ газета „Голосъ“. Изданіе „Голоса“ приостановлено, но вдохновители его остались какъ были, а къ ихъ услугамъ на мѣсто „Голоса“ г. Краевскаго не замедлилъ найтись другой органъ съ двойственной кличкой — „Новости“ и „Виржевая газета“, и съ редакторомъ-издателемъ г. Нотовичемъ.

Вслѣдъ за запрещеніемъ газеты г. Краевского, г. Нотовичу дано разрѣшеніе выпускать его газету въ двухъ изданіяхъ, изъ которыхъ одно служить замѣной запрещеннаго „Голоса“. Тотъ либерализмъ *sui generis*, которымъ дышала каждая строка „Голоса“, не имѣетъ повода сѣтовать на администрацію. Нуженъ былъ ему предлогъ для укора цензурныхъ властей въ стѣсненіи печати; этотъ предлогъ ему данъ. Нужно по прежнему продолжать проповѣдь предъ тою же аудиторіей: предоставлена полная къ тому возможность... „Голосъ“ умеръ, да здравствуютъ „Новости“, въ нихъ семнадцатирублевымъ изданіемъ! Переменилось имя, но осталась сущность“. Обращаемъ особенное вниманіе читателей на подчеркнутыя нами слова и просимъ ихъ припомнить два эпизода изъ исторіи нашей печати. Въ 1867 или 1868 г. была приостановлена по административному распоряженію газета „Москва“; появившійся вслѣдъ затѣмъ „Москвичъ“ подвергся запрещенію, потому что признанъ былъ замаскированнымъ продолженіемъ „Москвы“. Въ августѣ 1881 г., вслѣдъ за приостановкой „Голоса“, стала выходить „Новая Газета“; по прошествіи нѣсколькихъ дней она получила предостереженіе (сопряженное съ запрещеніемъ розничной продажи), мотивированное, между прочимъ, слишкомъ большимъ сходствомъ ея съ „Голосомъ“. Не ожидая дальнѣйшихъ каръ, „Новая Газета“ сошла со сцены. Чѣмъ представляется, въ виду этихъ фактовъ, увѣреніе „Московскихъ Вѣдомостей“, что новое изданіе газеты „Новости“ служитъ замѣной запрещеннаго „Голоса“—это не требуетъ поясненій. Разсылка „Новостей“ подписчикамъ „Голоса“, очевидно, тутъ не при чемъ; такія коммерческія сдѣлки между редакціями двухъ газетъ практиковались и практикуются постоянно, совершенно открыто, и никогда не преслѣдовались администраціей. Центръ тяжести „извѣщенія“ заключается въ томъ, что „Новости“ солидарны съ „Голосомъ“, продолжаютъ его „проповѣдь“, выражаютъ особю взгляды тѣхъ же „вдохновителей“, „интригующихъ противъ всякаго русскаго интереса“. Какое дѣло „извѣстителямъ“ до того, что редакція „Новостей“ заранѣе протестовала противъ отождествленія ихъ съ „Голосомъ“, что она иногда возстаетъ, и даже довольно рѣзко, противъ нѣкоторыхъ мнѣній запрещенной газеты! „Новости“ принадлежать къ органамъ „либеральной“ прессы—этого довольно, чтобы узаконить борьбу противъ нихъ, какими бы то ни было орудіемъ. Для успокоенія и удовлетворенія „Московскихъ Вѣдомостей“ существуетъ, очевидно, только одно средство: безусловное запрещеніе всѣхъ газетъ и журналовъ, изобличенныхъ или заподозрѣнныхъ въ „либерализмѣ“.

Петербургское губернское земское собраніе, въ чрезвычайной сессіи, происходившей во второй половинѣ марта, постановило обратиться къ правительству съ весьма важнымъ ходатайствомъ, направленнымъ къ тому, чтобы основныя начала новаго гражданскаго уложенія были переданы на предварительное обсужденіе земскихъ собраній. Мотивы этого ходатайства понятны; гражданское уложеніе—не такое дѣло, которое могло бы быть успѣшно доведено до конца одними приставами, безъ участія общества и народа. Мнѣнія, высказываемыя въ печати, не могутъ замѣнить коллективныхъ заявленій, основанныхъ на предшествующемъ обмѣнѣ мыслей—а такія заявленія, при настоящемъ положеніи вещей, могутъ исходить только отъ земства. Намъ часто приходилось уже прежде говорить о неудобствахъ опроса земскихъ собраній порознь; въ крайнемъ случаѣ, впрочемъ, нѣкоторую долю пользы можетъ принести и опросъ земствъ по-одиночкѣ, если только земскимъ собраніямъ даны будутъ средства къ сколько-нибудь удовлетворительному разрѣшенію задачи. Срокъ, назначенный для ея исполненія, долженъ быть достаточно великъ, чтобы коммиссія, избранная изъ среды собранія, успѣла основательно разработать, собраніе—всесторонне обсудить всѣ существенные, жизненные вопросы гражданскаго права. Необходимо, далѣе, чтобы земство было призвано высказаться не о проектѣ гражданскаго уложенія, уже составленномъ, а объ основныхъ его началахъ—необходимо какъ потому, что это увеличить шансы вниманія къ замѣчаніямъ земства, такъ и потому, что земская работа сосредоточится на главныхъ сторонахъ дѣла, не отвлекаясь отъ нихъ деталями, тонкостями редакціи или юридической техники. Только съ помощью земства можно будетъ правильно поставить и правильно разрѣшить такіе вопросы, какъ отношеніе новаго гражданскаго законодательства къ обычному праву, какъ раздѣленіе имѣній на благопріобрѣтенныя и родовыя, какъ границы завѣщательнаго и наследственнаго права, какъ свойство и предѣлы повемельныхъ сервитутовъ, и многіе другіе. Возможность установить основныя положенія по всѣмъ этимъ предметамъ, прежде редактированія самихъ статей, не подлежитъ, въ нашихъ глазахъ, никакому сомнѣнію; не говоря уже объ основныхъ положеніяхъ 1862 г., она доказывается обнародованіемъ, два года тому назадъ, главныхъ основаній предполагаемаго порядка укрѣпленія правъ на недвижимое имущество, предпрѣшившихъ, въ общихъ чертахъ, содержаніе одного изъ отдѣловъ будущаго гражданскаго уложенія.

Другое ходатайство петербургскаго губернскаго собранія вызвано ожидаемымъ преобразованіемъ церковно-приходскихъ училищъ; собраніе выразило желаніе, чтобы проектъ закона по этому предмету былъ

сообщенъ на заключеніе земства. Чтобы понять всю основательность такого желанія, стоитъ только припомнить тѣсную связь, существующую между всѣми видами начальной школы—а слѣдовательно и между школами земскими и церковно-приходскими. Смотря по устройству послѣднихъ, онѣ могутъ явиться либо поддержкой, либо преградой на томъ пути, на которомъ уже такъ много, въ короткій, сравнительно, промежутокъ времени, сдѣлано земствомъ.

Нельзя не пожалѣть, что преждевременное закрытіе петербургскаго губернскаго собранія—вслѣдствіе хронической земской болѣзни, т. е. недостаточнаго числа являющихся въ засѣданія гласныхъ—помѣшало ему рассмотреть предложеніе одного изъ гласныхъ, относившееся къ пересмотру земскаго положенія. Учрежденіе земской коммиссіи для собранія и группировки данныхъ, относящихся къ этому предмету, было бы, какъ намъ кажется, исполнѣ своевременно. Есть множество вопросовъ, подробная разработка которыхъ всего доступнѣе для самого земства. Чтобы дать себѣ ясный отчетъ въ недостаткахъ и пробѣлахъ существующей избирательной системы, необходимо, наприимѣръ, привести въ ясность: сколько въ каждомъ уѣздѣ избирателей, имѣющихъ непосредственное право голоса на избирательномъ сѣздѣ, и какъ они распределяются между тремя категоріями, установленными ст. 28 земскаго Положенія (землевладѣльцы, владѣльцы неземельныхъ недвижимыхъ имуществъ, владѣльцы промышленныхъ и хозяйственныхъ заведеній съ оборотомъ свыше 6,000 р.); сколько лицъ изъ каждой категоріи являются на избирательный сѣздъ; сколько голосовъ подается по довѣренности за отсутствующихъ избирателей; сколько въ уѣздѣ лицъ, имѣющихъ право голоса на сѣздѣ мелкихъ землевладѣльцевъ; многими ли изъ нихъ посылаются этотъ сѣздъ; сколько онѣ посылаютъ уполномоченныхъ на избирательный сѣздъ; сколько въ уѣздѣ землевладѣльцевъ, вовсе не имѣющихъ голоса, за недостаточностью ценза; сколько между ними, а также и въ каждой категоріи избирателей (посредственныхъ и непосредственныхъ), лицъ, получившихъ высшее и среднее образованіе, и т. п. Еслибы такіа свѣдѣнія были собраны во многихъ губерніяхъ, и притомъ за нѣсколько избирательныхъ періодовъ, то они явились бы, мы въ этомъ убѣждены, лучшимъ аргументомъ противъ сохраненія status quo, лучшимъ показателемъ направленія, въ которомъ должна быть совершена реформа. Не менѣе подробнаго изученія заслуживало бы все относящееся къ городскимъ и крестьянскимъ избирательнымъ сѣздамъ; весьма важные выводы можно было бы извлечь, наприимѣръ, изъ числа волостныхъ старшинъ, избираемыхъ въ гласные отъ сельскихъ обществъ, изъ числа случаевъ, въ которыхъ тоже званіе достается на долю уѣзднаго предводителя

дворянства, непрѣмѣннаго члена уѣзднаго крестьянскаго присутствія и другихъ власть имѣющихъ лицъ, въ особенности когда они же предсѣдательствуютъ на крестьянскихъ избирательныхъ сѣздахъ. Наравнѣ съ избирательной системой могли бы быть освѣщены, тѣмъ же путемъ, и другія стороны земскаго устройства и земской жизни, тѣсно связанныя съ опредѣляющимъ ихъ закономъ. Само собою разумѣется, что свѣдѣнія, перечисленныя нами, могутъ быть собраны и самимъ правительствомъ; но это еще не причина ожидать его инициативы. Коммиссія, предсѣдательствуемая М. С. Кахановымъ, работаетъ уже полтора года, но, сколько извѣстно, не прибѣгала къ указанному нами средству знакомства съ прошедшимъ и настоящимъ земскихъ учреждений. Правда, она имѣетъ въ виду ревизіонные отчеты сенаторовъ, касающіеся, безъ сомнѣнія, и земства—но эти отчеты обнимаютъ собою только семь губерній изъ числа тѣхъ, въ которыхъ введены земскія учрежденія. Работа, предпринятая самимъ земствомъ, по собственному его почину, представляетъ, притомъ, больше шансовъ законченности и полноты. Не ограничиваясь собраніемъ свѣдѣній, земство могло бы высказаться по всѣмъ вопросамъ, поставленнымъ на очередь восемнадцатилѣтнею его исторіею—исторіею, въ которой уже теперь можно различить нѣсколько ясно обозначившихся періодовъ.

Мы коснулись, въ предыдущемъ обзорѣ, нѣкоторыхъ сторонъ проекта общаго устава россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, находящагося теперь на разсмотрѣніи государственнаго совѣта. Возвратимся къ этому предмету, останавливаясь въ особенности на замѣчаніяхъ противъ проекта, составленныхъ общимъ сѣздомъ представителей русскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Общаго желѣзно-дорожнаго устава у насъ до сихъ поръ не существуетъ; каждая желѣзная дорога руководствовалась и руководствуется своимъ особымъ уставомъ, составляющимъ, въ одно и то же время, сепаратный законъ—обязательный какъ для желѣзно-дорожнаго общества, такъ и для постороннихъ лицъ—и договоръ между правительствомъ и обществомъ. Изъ этого двойственнаго значенія отдѣльныхъ уставовъ возникаетъ вопросъ о томъ, въ какой степени они могутъ быть измѣняемы одностороннимъ актомъ законодательной власти, безъ соглашенія между нею и желѣзно-дорожными обществами. Какъ законъ, уставъ, очевидно, можетъ быть измѣняемъ или замѣняемъ новымъ закономъ, на общемъ основаніи; какъ договоръ, онъ можетъ быть измѣняемъ лишь по обоюдному согласію сторонъ. Вся трудность заключается въ опредѣленіи, что именно въ отдѣльныхъ уставахъ имѣетъ характеръ закона, что—характеръ

договора. Коммиссія, составившая проектъ общаго устава, признавала не подлежащими одностороннему измѣненію, повидимому, только тѣ правила частныхъ уставовъ, которыя относятся къ денежнымъ вопросамъ, къ денежнымъ условіямъ, выговореннымъ въ пользу желѣзно-дорожныхъ предпринимателей. Общій желѣзно-дорожный сѣздъ, наоборотъ, придаетъ частнымъ уставамъ всецѣло значеніе договора; законодательная власть, съ точки зрѣнія желѣзно-дорожныхъ дѣятелей, можетъ только отказаться отъ правъ, предоставленныхъ тѣмъ или другимъ уставомъ казнѣ или государству, но не можетъ коснуться ни одного изъ правъ, закрѣпленныхъ уставомъ за желѣзно-дорожнымъ обществомъ. Понятію о правѣ дается, при этомъ, самое обширное толкованіе; къ разряду правъ, дарованныхъ обществамъ, относятся постановленія частныхъ уставовъ о мѣстѣ пребыванія правленія, о количествѣ голосовъ, принадлежащихъ каждому акціонеру, о способѣ утвержденія наказа, регулирующаго въ подробностяхъ управленіе дорогой и т. п. Послѣдовательность общаго сѣзда въ проведеніи этого взгляда доходитъ до крайнихъ предѣловъ; чувствуя какъ нельзя больше тому правилу общаго устава, противъ котораго мы возражали въ прошедшій разъ — правилу, устанавливающему ничѣмъ неограниченное возрастаніе числа голосовъ по мѣрѣ возрастанія числа акцій — члены сѣзда настаиваютъ и здѣсь на „соблюденіи пункта“, т. е. на введеніи въ дѣйствіе новаго порядка не иначе, какъ съ согласія общества.

Основная ошибка сѣзда заключается, по нашему мнѣнію, въ игнорированіи всего того, что вытекаетъ изъ значенія частныхъ уставовъ, какъ сепаратныхъ законовъ. Утверждая уставъ того или другого желѣзно-дорожнаго общества, правительство являлось и является не только договаривающею стороною, но и законодателемъ. Можно пожалѣть о томъ, что различіе между этими двумя ролями не было прямо выражено въ уставахъ, что статьи гражданскаго, договорнаго свойства не были ясно отдѣлены отъ статей, обязательныхъ въ силу предписанія законодательной власти; но это еще не значитъ, чтобы проведеніе демаркаціонной линіи было теперь рѣшительно невозможно. Принимая на себя извѣстныя матеріальныя обязательства передъ желѣзно-дорожнымъ обществомъ, правительство дѣйствуетъ какъ контрагентъ и должно исполнять условія договора, пока самый договоръ остается дѣйствительнымъ и неизмѣненнымъ по обоюдному согласію сторонъ. Опредѣляя организацію и дѣятельность желѣзно-дорожнаго общества, въ видахъ общегосударственныхъ интересовъ, правительство дѣйствуетъ какъ законодатель и сохраняетъ за собою всю полноту принадлежащей ему, въ этомъ качествѣ, власти. Насколько частный желѣзно-дорожный уставъ есть законъ,

настолько онъ и подлежитъ измѣненію, дополненію или отміну наравнѣ съ другими законами.

Пояснимъ нашу мысль нѣсколькими примѣрами. Проектъ общаго устава предоставляетъ высшему желѣзно-дорожному совѣту право назначать члена отъ правительства безразлично во всѣ правленія желѣзно-дорожныхъ обществъ. Съ точки зрѣнія общаго сѣзда, это будетъ нарушеніемъ тѣхъ частныхъ уставовъ, которыми не установлена должность члена правленія отъ правительства. Есть ли правильное основаніе для такого взгляда? Желѣзныя дороги—не только коммерческія предпріятія; онѣ имѣютъ огромную важность для государства, наблюденіе за правильною эксплуатаціей ихъ безспорно принадлежитъ къ числу правъ, и еще болѣе — къ числу обязанностей правительственной власти. Формы этого наблюденія не могутъ быть предметомъ договора между правительствомъ и желѣзно-дорожнымъ обществомъ; правительство является здѣсь не юридическимъ лицомъ, подчиняющимся дѣйствію общихъ гражданскихъ законовъ, а властью, полнота которой не подлежитъ ограниченію путемъ частныхъ сдѣлокъ. Въ моментъ утвержденія частнаго устава, правительство могло не сознавать необходимости ближайшаго надзора за каждымъ шагомъ желѣзно-дорожнаго управленія; однажды убѣдившись въ этой необходимости, оно несомнѣнно въ правѣ принять соответствующія ей мѣры. Гражданскія права желѣзно-дорожнаго общества, обезпеченныя за нимъ частнымъ уставомъ, ни мало не нарушаются усиленіемъ правительственнаго надзора. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о мѣстѣ пребыванія правленія общества. Что бы ни устанавливалъ въ этомъ отношеніи сепаратный законъ, правила его всегда могутъ быть измѣнены закономъ общимъ, потому что мѣсто нахожденія правленія—вовсе не вопросъ гражданского права. Если въ интересахъ дѣла оказывается нужнымъ приблизить правленіе къ управляемой имъ желѣзно-дорожной линіи, то это можетъ быть сдѣлано одностороннимъ распоряженіемъ правительственной власти, безъ всякаго нарушенія договора. Какъ контрагентъ, правительство вовсе не заинтересовано въ томъ, гдѣ находится мѣсто пребыванія правленія; оно регламентируетъ его лишь настолько, насколько этого требуютъ общія государственныя соображенія. Смотрѣть на дѣло иначе, значило бы создать для желѣзно-дорожныхъ обществъ какое-то исключительное, привилегированное положеніе, значило бы признать ихъ государствами въ государствахъ, автономными единицами, въ устройствѣ которыхъ ни одна черта не подлежитъ измѣненію безъ собственнаго ихъ на то согласія. Правительство не можетъ отказаться отъ своихъ правъ по отношенію къ цѣлой отрасли общественной жизни, не можетъ обречь себя на роль просителя,

ходатайствующаго о дозволеніи произвести тѣ или другія въ ней переимѣны. Возведеніе частныхъ уставовъ на степень договоровъ, безусловно, во всѣхъ своихъ частяхъ, неприкосновенныхъ для законодательной власти — это одинъ изъ самыхъ вопіющихъ софизмовъ, какіе только можетъ соорудить теорія экономическаго невмѣстательства, въ связи съ практическимъ девизомъ: своя рука владыка.

Къ какимъ результатамъ ведетъ опровергаемый нами взглядъ — объ этомъ можно судить съ особенною ясностью по замѣчаніямъ желѣзно-дорожныхъ дѣятелей на статью общаго устава, опредѣляющую кругъ власти распорядительнаго комитета при высшемъ желѣзно-дорожномъ совѣтѣ. Комиссія, составившая проектъ общаго устава, предоставляетъ распорядительному комитету право приостанавливать дѣйствіе желѣзно-дорожныхъ тарифовъ, которые противны закону или вредны для интересовъ государства или публики, а въ крайнихъ случаяхъ, какъ народныя бѣдствія и нынѣ несчастія — и право устанавливать и вводить въ дѣйствіе временные экстренные тарифы. Общій сѣздъ находитъ, что изъ всѣхъ этихъ правъ распорядительному комитету можетъ быть предоставлено только одно: право приостанавливать дѣйствіе тарифовъ, противныхъ закону. Другими словами, правительство должно оставаться по прежнему пассивнымъ зрителемъ желѣзно-дорожнаго самовластия; оно должно безмолвно терпѣть такія злоупотребленія, примѣры которыхъ были приведены въ нашемъ журналѣ, въ статьѣ г. А—го: „Обзоръ дѣятельности комиссіи по изслѣдованію желѣзно-дорожнаго дѣла“ (1882 г. № 6, стр. 767 — 772). Тарифы, прямо противные закону, едва ли встрѣчаются и теперь, тѣмъ менѣе будутъ встрѣчаться при дѣйствіи новаго общаго устава; самое явное нарушеніе интересовъ государства или публики можетъ быть облечено въ строго-законную форму, не становясь отъ этого менѣе возмутительнымъ и опаснымъ. Возраженіе общаго сѣзда направлено не къ чему иному, какъ къ удержанію существующаго порядка, со всѣми вредными его сторонами, давно испытанными на практикѣ и доказанными работою комиссіи и подкомиссій. Намъ могутъ замѣтить, что право издавать тарифы принадлежитъ желѣзно-дорожнымъ обществамъ въ силу частныхъ уставовъ, безъ нарушенія которыхъ не могутъ быть, слѣдовательно, предоставлены распорядительному комитету широкія полномочія, проектируемыя общимъ уставомъ. Мы отвѣтимъ на это, что частные уставы не могли облечь желѣзно-дорожныя общества правомъ *utendi et abutendi*, все болѣе и болѣе ограничиваемымъ, въ наше время, даже по отношенію къ частной собственности; что если съ самаго начала не было создано гарантіи противъ злоупотребленій, еще не обнаруженныхъ и не предусмотрѣнныхъ, то это не можетъ служить

препятствіемъ къ установленію ея въ настоящее время, согласно съ указаніями опыта; что тарифныя нормы, опредѣленныя отдѣльными уставами, обезпечиваютъ общества лишь противъ произвольнаго, при нормальныхъ условіяхъ, пониженія провозной платы, но не освобождаютъ ихъ отъ правительственнаго контроля, направленнаго къ огражденію государственныхъ и частныхъ интересовъ. Узкость кругозора, дальше котораго ничего не видятъ и не хотятъ видѣть представители желѣзно-дорожныхъ обществъ, иллюстрируется еще ярче возраженіями ихъ противъ изданія распорядительнымъ комитетомъ, въ случаѣ народныхъ бѣдствій, временныхъ экстренныхъ тарифовъ. По мнѣнію общаго сѣзда, это значило бы разрѣшить комитету распоряженіе доходами обществъ. Положимъ, что и такъ; но въ эпоху народнаго бѣдствія каждое частное и юридическое лицо можетъ быть привлечено къ пожертвованіямъ на общую пользу. Для кредитора весьма чувствительна обязательная отсрочка въ взысканіи долга; но развѣ подобная отсрочка, данная военнотруженикамъ на время войны, можетъ считаться превышеніемъ правъ, принадлежащихъ государственной власти? Развѣ правительство не въ правѣ отсрочить взысканіе частныхъ долговъ и для цѣлой мѣстности, пострадавшей отъ голода, болѣзни, непріятельскаго вторженія? Развѣ оно не въ правѣ обложить всѣхъ и каждого чрезвычайнымъ сборомъ, на покрытіе чрезвычайныхъ, необходимыхъ расходовъ? Пониженіе провозной платы на желѣзныхъ дорогахъ можетъ оказать самую существенную помощь населенію, нуждающемуся въ хлѣбѣ; неужели оно должно быть отдано на произволъ желѣзно-дорожныхъ обществъ? Постановленіе проекта, противъ котораго такъ сильно возсталъ общій сѣздъ, грѣшитъ, въ нашихъ глазахъ, только однимъ пробѣломъ — неуказаніемъ той власти, отъ которой должна зависѣть окончательная отиѣна тарифа или тарифныхъ статей, вредныхъ для интересовъ государства или публики. Ничто не мѣшало бы, кажется, облечь этимъ правомъ высшій желѣзно-дорожный совѣтъ.

Та же формалистичная точка зрѣнія, на которой стоитъ общій сѣздъ въ возраженіяхъ своихъ по вопросу о тарифахъ, отражается и въ замѣчаніяхъ его на статьи проекта, опредѣляющія роль членовъ отъ правительства въ желѣзно-дорожныхъ правленіяхъ. Проектъ возлагаетъ на нихъ наблюденіе за тѣмъ, чтобы дѣйствія и распоряженія правленія не нарушали существующихъ законовъ, не были направлены во вредъ интересамъ государства и публики, — и уполномочиваетъ ихъ протестовать противъ всѣхъ постановленій правленія, съ которыми они несогласны. Общій сѣздъ желаетъ ограничить ихъ функціи исключительно наблюденіемъ за законностью постановленій правленія, и только въ этихъ предѣлахъ предоставить

имъ право протеста. Это значило бы, очевидно, лишить членовъ отъ правительства всякаго серьезнаго участія, всякой дѣятельной роли въ дѣлахъ правленія, сдѣлать самую ихъ должность бесполезной, ни для чего не нужной синекурой. Много ли найдется и теперь постановленій или распоряженій правленія, пріяме противныхъ закону? Все призваніе членовъ отъ правительства состоитъ въ томъ, чтобы вносить въ управленіе желѣзными дорогами элементъ попеченія о государственной и общественной пользѣ, которымъ уравновѣшивалась бы односторонняя заботливость объ интересахъ акціонеровъ, свойственная представителямъ ихъ—выборнымъ членамъ правленія. Принятіе предложеній, дѣлаемыхъ общимъ сѣздомъ, было бы равносильно совершенному отреченію правительства отъ постоянного, ближайшаго надзора за желѣзно-дорожными обществами—или, лучше сказать, прикрытію ихъ полновластія правительственнымъ авторитетомъ. Гораздо естественнѣе вовсе не имѣть членовъ отъ правительства въ желѣзно-дорожныхъ правленіяхъ, чѣмъ сажать ихъ туда какъ нѣмыхъ и безпомощныхъ свидѣтелей ничѣмъ не сдержаннаго произвола. Въ первомъ случаѣ, правительство остается, по крайней мѣрѣ, въ сторонѣ отъ дѣятельности желѣзно-дорожныхъ обществъ; во второмъ случаѣ, оно принимаетъ на себя какъ бы отвѣтственность за нее, не приобрѣтая никакого реальнаго на нее вліянія.

Не довольствуясь ограниченіемъ права протеста, принадлежащаго членамъ отъ правительства, общій сѣздъ стремится къ тому, чтобы низвести это право, въ большинствѣ случаевъ, на степень мертвой буквы. На основаніи проекта общаго устава, протестъ, принесенный членомъ отъ правительства, считается оставленнымъ безъ послѣдствій, если правленіе, въ теченіе двухъ недѣль со времени полученія протеста въ подлежащемъ министерствѣ, не будетъ увѣдомлено о передачѣ дѣла на разсмотрѣніе высшаго совѣта. Общій сѣздъ предлагаетъ считать протестъ оставленнымъ безъ послѣдствій, если правленіе, въ теченіе того же срока, не будетъ увѣдомлено объ отміѣнѣ опротестованнаго постановленія высшимъ совѣтомъ. Чтобы оцѣнить всю предельность этого предложенія, нужно имѣть въ виду, что высшій совѣтъ, по мысли проекта—не оспореннаго, въ этомъ отношеніи, представителями желѣзно-дорожныхъ обществъ—долженъ засѣдать не постоянно, а періодически, два раза въ годъ (не считая экстренныхъ сессій), и что засѣданія его признаются состоявшимися лишь при наличности известнаго числа членовъ. Всѣ протесты, принесенные въ промежутокъ между сессіями высшаго совѣта, были бы, такимъ образомъ, гласомъ вопіющаго въ пустынь; они считались бы оставленными безъ послѣдствій только потому, что высшій совѣтъ не имѣлъ бы физической возможности разрѣшить ихъ въ теченіе

двухнедѣльнаго срока. Даже протестамъ, принесеннымъ какъ разъ во время сессіи, угрожала бы та же самая участь, если бы въ засѣданіе, назначенное для ихъ разсмотрѣнія, не явилось достаточное число членовъ. Въ нѣкоторомъ юморѣ измышленію общаго сѣзда отказать нельзя — но искать въ немъ другихъ достоинствъ было бы совершенно напрасно.

Искусство проектировать такіа правила, которыя какъ будто бы что-то устанавливаютъ, но въ сущности только узаконяютъ произволъ желѣзно-дорожныхъ обществъ, выразилось и во многихъ другихъ замѣчаніяхъ общаго сѣзда. Комиссіею обнаружено, что изъ числа служащихъ, обязанныхъ, по роду занятій, находиться на станціяхъ во всякое время дня и ночи, одни вовсе не имѣютъ постоянного помѣщенія на станціяхъ, а другіе помѣщаются въ квартирахъ, не удовлетворяющихъ даже самымъ скромнымъ санитарнымъ требованіямъ. Чтобы предупредить, на будущее время, возможность такихъ порядковъ или безпорядковъ, въ проектъ общаго устава введена статья, въ силу которой всѣмъ служащимъ упомянутой категоріи должно быть отводимо, въ принадлежащихъ дорогѣ жилыхъ сооруженіяхъ, бесплатное, достаточное и безвредное для здоровья помѣщеніе. Общій сѣздъ предлагаетъ замѣнить эту статью слѣдующимъ правиломъ: нѣкоторымъ изъ служащихъ отводятся, по усмотрѣнію правленія или управленія дороги, по мѣрѣ возможности, въ соответствующихъ ихъ служебнымъ обязанностямъ пунктахъ, квартиры въ имѣющихся при дорогѣ жилыхъ помѣщеніяхъ. — Какой смыслъ имѣетъ, прежде всего, включеніе въ законъ ни для кого не обязательнаго и ни къ чему не обязывающаго постановленія? Какая надобность говорить о томъ, что правленіе дороги можетъ сдѣлать, если захочетъ? Отводъ кому-нибудь квартиры въ домѣ, принадлежащемъ обществу — не такое дѣйствіе, которое нуждалось бы въ разрѣшеніи закона. Упоминая, въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, о нѣкоторыхъ служащихъ, статья, проектированная общимъ сѣздомъ, оставляетъ за желѣзной дорогой полную возможность отвести одному лицу, стоящему на высшихъ ступеняхъ желѣзно-дорожной службы, квартиру въ десять или пятнадцать комнатъ, и не отвести другому, напр., стрѣлочнику — даже угла, въ которомъ онъ могъ бы отдохнуть отъ усиленной работы. Отсутствіе всякихъ правилъ о величинѣ и качествѣ отводимаго помѣщенія позволяетъ по прежнему награждать служащихъ (конечно, невысокаго ранга) квартирами, не соответствующими „самымъ скромнымъ санитарнымъ требованіямъ“. Редакція, предложенная общимъ сѣздомъ, представляется, такимъ образомъ, не поправкой къ закону, а просто насмѣшкой надъ стремленіемъ его оградить спокойствіе и здоровье людей, выносящихъ на

своихъ плечахъ главную тяжесть желѣзно-дорожной службы. Нужно ли прибавлять, что здѣсь идетъ рѣчь не только о гуманности и справедливости, но и о безопасности движенія, въ значительной степени обусловливаемой свѣжестью и бодростью стрѣлочниковъ, машинистовъ, кондукторовъ и вообще желѣзно-дорожной прислуги? Столь же характеристична поправка общаго сѣзда къ другой статьѣ проекта, требующей, чтобы всѣ пассажирскія помѣщенія на станціяхъ удовлетворяли необходимымъ санитарнымъ условіямъ. Представители желѣзно-дорожныхъ обществъ предлагаютъ дополнить эту статью только двумя словами: по возможности,—но и двухъ словъ вполне достаточно, чтобы обратить существенно-важное правило въ мертвую букву, въ платоническое пожеланіе, совершенно неумѣстное въ положительномъ законѣ. Привести пассажирскія помѣщенія въ положеніе, удовлетворяющее необходимымъ, т.-е. самымъ элементарнымъ санитарнымъ условіямъ, безъ сомнѣнія всегда возможно, а переходъ отъ возможности къ дѣйствительности можетъ быть обезпеченъ только положительнымъ предписаніемъ закона. На добрую волю обществъ, никѣмъ и ничѣмъ не понуждаемыхъ, полагаться нельзя; это достаточно подтверждено изслѣдованіями, произведенными комиссією и подкомиссіями.

Проектъ общаго устава заключаетъ въ себѣ цѣлую главу о служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ. Она преслѣдуетъ двѣ существенно-важныя цѣли: установленіе условій, которымъ, въ видахъ безопасности и правильности движенія, долженъ соответствовать желѣзно-дорожный персоналъ, и улучшеніе положенія служащихъ. Общій сѣздъ домогается совершеннаго исключенія изъ устава всѣхъ правилъ, относящихся къ этому предмету; онъ находитъ, что вопросъ еще не созрѣлъ, и что разработка его можетъ быть предоставлена самимъ желѣзнымъ дорогамъ. Для того, чтобы составить себѣ понятіе объ основательности этого возраженія, достаточно перечислить нѣкоторыя постановленія, проектированныя уставомъ. Онъ требуетъ отъ служащихъ знанія русскаго языка; для лицъ, которымъ приходится дѣйствовать по сигналамъ, онъ устанавливаетъ предварительное освидѣтельствованіе черезъ врача, съ цѣлью удостовѣренія, что у нихъ нѣтъ физическихъ недостатковъ, несовмѣстныхъ съ исполненіемъ возлагаемыхъ на нихъ обязанностей; онъ опредѣляетъ постепенность въ назначеніи на должности, обезпечивая, такимъ образомъ, надлежащую практическую подготовку служащихъ и ограничивая просторъ протекціи, теперь не знающей предѣловъ; онъ полагаетъ конецъ ничѣмъ не мотивированному увольненію служащихъ, даетъ оставляемымъ за штатомъ право на извѣстное вознагражденіе, обязываетъ общества къ учрежденію пенсіонныхъ и вспомога-

тальныхъ кассъ, обезпечиваетъ участіе служащихъ, разстроившихъ свое здоровье при исполненіи служебныхъ обязанностей. Всѣ эти постановленія, съ точки зрѣнія желѣзно-дорожнаго сѣзда, оказываются излишними, или по меньшей мѣрѣ преждевременными! Развѣ желѣзныя дороги существуютъ у насъ только первый годъ, развѣ мало еще указаній опыта, относящихся къ желѣзно-дорожной службѣ? Или, можетъ быть, желѣзно-дорожныя общества доказали на практикѣ свое искусство въ выборѣ служащихъ, свою справедливость въ ихъ увольненіи, свою нѣжную заботливость о ихъ судьбѣ?...

Изъ числа возраженій общаго сѣзда на отдѣльныя статьи главы о служащихъ, въ особенности замѣчательно то, которое касается увольненія служащихъ. „Едва ли можно допустить, — говоритъ общій сѣздъ, — чтобы въ государствѣ, въ которомъ до настоящаго времени, въ видахъ пользы государственной службы, практикуется увольненіе по третьему пункту, воспрещалось частнымъ учрежденіямъ увольнять служащихъ, которые терпимы на службѣ быть не могутъ“. Логика здѣсь, повидимому, на сторонѣ сѣзда — но только повидимому; онъ правъ въ своей критикѣ, но не правъ въ своемъ положительномъ выводѣ. Знаменитый третій пунктъ — безспорно анахронизмъ; но изъ того, что онъ существуетъ въ законахъ о государственной службѣ, не слѣдуетъ еще, чтобы его нужно или можно было прилѣплять ко всякому другому роду службы. Правительственный законопроектъ, возвышающій положеніе служащихъ желѣзно-дорожныхъ, долженъ быть принятъ какъ желанное предзнаменованіе аналогичной реформы по отношенію къ короннымъ чиновникамъ, а не встрѣченъ упреками въ противорѣчіи съ дѣйствующимъ закономъ. Представители желѣзно-дорожныхъ обществъ сами выражаютъ готовность оградить своихъ служащихъ отъ произвола; къ чему же понадобилась имъ, въ такомъ случаѣ, ссылка на третій пунктъ? Не лучше ли было бы признать, что при изданіи новаго устава, удовлетворяющаго потребностямъ времени, незачѣмъ стѣсняться старымъ, отжившимъ, хотя, къ сожалѣнію, не отиѣненнымъ еще закономъ?

Мы говорили уже въ прошедшій разъ, что къ числу достоинствъ проекта, составленнаго комиссією, принадлежитъ установленіе уголовной отвѣтственности за всякое нарушеніе или несоблюденіе правилъ о пассажирскомъ и товарномъ движеніи. Представители желѣзно-дорожныхъ обществъ настаиваютъ на томъ, чтобы такой отвѣтственности устанавливаемо не было. Они ссылаются на неудобства, которыя повлекло бы за собою слишкомъ частое привлеченіе желѣзно-дорожнаго персонала къ уголовному суду, на недостаточность, въ большинствѣ случаевъ, дисциплинарныхъ взысканій, налагаемыхъ на служащихъ правленіями желѣзно-дорожныхъ обществъ.

Упускается при этомъ изъ виду только одно—что дисциплинарныя взысканія не распространяются на самихъ членовъ правленія, т.-е. именно на тѣ верхушки желѣзно-дорожной администраціи, безотвѣтственность которыхъ составляетъ одинъ изъ главныхъ недостатковъ существующаго порядка. Что касается до неудобствъ, сопряженныхъ съ преданіемъ суду, то они значительно уменьшаются тѣмъ, что, по смыслу проекта, нарушенія желѣзно-дорожныхъ правилъ подсудны, болѣею частью, мировымъ учрежденіямъ и отнесены къ той категоріи проступковъ, при которой не требуется личная явка обвиняемыхъ на судъ. Правда, общій съѣздъ возражаетъ противъ включенія желѣзно-дорожныхъ дѣлъ въ кругъ вѣдомства мирового суда; но мы не видимъ причинъ, чтобы могло бы быть допущено, для дѣлъ этого рода, отступленіе отъ общихъ началъ уголовной подсудности.

Правила о подсудности гражданскихъ исковъ къ желѣзнымъ дорогамъ, разобранныя нами въ предыдущемъ обзорѣ, возбуждаютъ, какъ и слѣдовало ожидать, рѣшительный протестъ со стороны представителей желѣзно-дорожныхъ обществъ. Обсуждать основанія этого протеста, значило бы повторять сказанное нами въ предыдущій разъ; остановимся только на двухъ предложеніяхъ общаго съѣзда. Вопреки установившейся практикѣ, онъ желаетъ отнесенія исковъ, проистекающихъ изъ перевозки желѣзными дорогами пассажировъ, багажа и грузовъ, къ вѣдомству коммерческихъ судовъ. Разборъ этого желанія съ чисто-юридической точки зрѣнія былъ бы здѣсь неумѣстенъ; для насъ важно то, что въ практическомъ отношеніи исполненіе его неизбѣжно повлекло бы за собою значительныя невыгоды для истцовъ, по крайней мѣрѣ во всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ, когда дѣло, по цѣнѣ иска, не выходитъ изъ сферы дѣйствій мировыхъ учреждений. Производство у мирового судьи гораздо проще и дешевле, чѣмъ производство въ коммерческомъ судѣ. Что неудобно для истца, то именно потому часто составляетъ удобство для отвѣтчика; но мы уже объяснили, почему въ дѣлахъ желѣзно-дорожныхъ истцы, т.-е. частныя лица, имѣютъ большее право на вниманіе государства, чѣмъ отвѣтчики, т.-е. желѣзно-дорожныя общества. Другое предложеніе съѣзда клонится къ тому, чтобы предоставить желѣзно-дорожному обществу право требовать соединенія нѣсколькихъ однородныхъ по основанію своему исковъ, предъявленныхъ къ обществу однимъ и тѣмъ же истцомъ, у одного и того же мирового судьи. Другими словами, если нѣсколько исковъ, предъявленныхъ однимъ и тѣмъ же лицомъ, превышаютъ, по суммѣ, пятьсотъ рублей, то желѣзно-дорожному обществу должно быть предоставлено право переносить ихъ изъ мировыхъ учреждений въ общія судебныя мѣста. Конечно, для обще-

ства гораздо пріятнѣе разбираться въ окружномъ судѣ, чѣмъ у мирового судьи; но это не можетъ служить основаніемъ къ ограниченію правъ и нарушенію интересовъ истца. Одно изъ двухъ: или искъ, въ сущности составляющіе одно цѣлое, раздроблены искусственно—въ такомъ случаѣ ничто не мѣшаетъ обществу, и принятъ дѣйствующемъ законѣ, домогаться ихъ соединенія; или они дѣйствительно имѣютъ различныя, хотя и однородныя основанія — въ такомъ случаѣ соединеніе ихъ, вопреки волѣ истца, было бы явною несправедливостію.

Чтобы быть безпристрастнымъ, укажемъ на одно замѣчаніе общаго сѣзда, какъ нельзя болѣе правильное и заслуживающее полнаго сочувствія. Проектъ устава узаконяетъ новую натуральную повинность, въ видѣ сгона рабочихъ изъ сосѣднихъ съ желѣзной дорогой деревень для исправленія пути, въ случаѣ его поврежденія, или для его расчистки, въ случаѣ снѣжныхъ заносовъ. Общій сѣздъ считаетъ это правило не только несправедливымъ, но и ненужнымъ, удостовѣряя, что сосѣдніе жители добровольно оказываютъ дорогамъ необходимую помощь. Увеличеніе числа натуральныхъ повинностей было бы несвоевременно уже потому, что онѣ поддерживаютъ осужденное въ принципѣ различіе между сословіями податными и неподатными, привилегированными и непривилегированными. Обязанность являться на помощь желѣзной дорогѣ коснулась бы, безъ сомнѣнія, только крестьянъ, и теперь уже слишкомъ обремененныхъ тягостями всякаго рода. Если бы у насъ, по примѣру Франціи, натуральныя повинности и распространялись одинаково на всѣхъ, съ правомъ замѣнять ихъ денежнымъ взносомъ, то и въ такомъ случаѣ новую повинность, проектированную общимъ желѣзно-дорожнымъ уставомъ, слѣдовало бы признать излишней, такъ какъ цѣль, преслѣдуемая уставомъ, достигается и теперь, помимо всякихъ мѣръ понужденія.

Въ № 7 „Руси“ напечатана корреспонденція изъ Риги, заключающая въ себѣ весьма интересный обзоръ желаній, заявленныхъ эсто-латышскимъ населеніемъ прибалтійскаго края ревизующему сенатору Н. А. Манасенну. Главные предметы этихъ желаній—скорѣйшее введеніе гласнаго, всесословнаго суда и всесословныхъ земскихъ учрежденій; пониженіе имущественнаго ценза для мировыхъ судей, съ цѣлью открытія доступа къ этому званію не однимъ только представителямъ феодальной партіи; такая избирательная система, которая не обезпечивала бы за землевладѣльцами и горожанами перевѣса надъ двумя сословіями туземнаго крестьянства — дворохозяевами и батраками; отиѣна патроната и дарованіе лютеранскимъ приходамъ

права выбирать своихъ пасторовъ; изъятіе начальной школы изъ рукъ пасторовъ и обращеніе ея въ дѣйствительно народную школу; обращеніе хоть нѣкоторыхъ изъ нынѣшнихъ казенныхъ уѣздныхъ училищъ, съ преподаваніемъ на нѣмецкомъ языкѣ, въ латышскія или эстскія училища, съ усиленнымъ преподаваніемъ русскаго языка; выкупъ усадебъ по „казенной таксѣ“, а не по такъ-называемому добровольному соглашенію; надѣленіе батраковъ участками казенной или пасторатской земли, съ вознагражденіемъ, въ послѣднемъ случаѣ, пасторовъ; распространеніе на мызныя земли повинностей, теперь лежащихъ исключительно на крестьянскихъ земляхъ; обращеніе штрафныхъ денегъ, взимаемыхъ съ крестьянъ за неисправность въ содержаніи дорогъ, въ крестьянскія волостныя кассы, вмѣсто дворянской, куда онѣ теперь поступаютъ; уменьшеніе числа корчмъ, настроенныхъ помѣщиками, и усиленіе надзора за ними. Богѣ справедливыхъ желаній нельзя себѣ представить; но когда настанетъ моментъ исполненія ихъ? Введеніе въ дѣйствіе мировыхъ учреждений, срокомъ для котораго былъ назначенъ первоначально 1881 годъ, до сихъ поръ не состоялось; объ открытіи въ остзейскомъ краѣ общихъ судовъ, на основаніи судебныхъ уставовъ 1864 г., еще ничего не слышно; примѣненіе къ нему земскаго положенія составляетъ предметъ бесплодныхъ совѣщаній между представителями привилегированныхъ сословій, причемъ нѣкоторые изъ нихъ, по послѣднимъ газетнымъ свѣдѣніямъ, высказываются противъ всякой реформы; необходимость поставить на очередь поземельный вопросъ не признана еще, повидимому, даже въ принципѣ. Сенаторская ревизія прибалтійскихъ губерній приближается къ концу; удастся ли ей сдвинуть съ мѣста всю эту массу насущныхъ, но словно заколдованныхъ вопросовъ?

БУДУЩНОСТЬ

КРЕСТЬЯНСКАГО ПОЗЕМЕЛЬНОГО БАНКА.

Въ истекшемъ мѣсяцѣ объявлено объ открытіи, съ 10 апрѣля, дѣятельности вновь учрежденнаго „Крестьянскаго поземельнаго банка“.

Первоначальный законъ о крестьянскомъ поземельномъ банкѣ (18 мая 1882 г.) ставилъ открытіе его дѣйствій въ зависимость отъ изданія, въ законодательномъ порядкѣ, правилъ о совершеніи крѣпостныхъ актовъ на покупаемыя при помощи банка земли и о публичной продажѣ этихъ земель за банковыя недоимки, а также отъ установленія, по соглашенію министерствъ финансовъ, внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, инструкцій банку и нормальныхъ земельныхъ оцѣнокъ. Правила о публичной продажѣ земель могутъ понадобиться для примѣненія очень нескоро, такъ какъ для того, чтобы образовались недоимки, нужно крестьянамъ прежде получить ссуды, а потомъ просрочить платежи за цѣлый періодъ; слѣдовательно, ожиданіе этихъ правилъ, по существу дѣла, можетъ и не замедлять началія ссудныхъ операцій. Для выработки инструкцій и оцѣнокъ—времени было довольно (почти цѣлый годъ), и вѣроятно, эти правила, не требующія сложнаго восхожденія черезъ законодательныя инстанціи, уже составлены. Итакъ, все дѣло, главнымъ образомъ, стояло до сихъ поръ за изданіемъ правилъ о совершеніи крѣпостныхъ актовъ, которыя и были, наконецъ, утверждены въ мартѣ. Безъ нихъ дѣйствительно нельзя было сдѣлать ни шагу, такъ какъ при покупкѣ земли первое дѣло—купчая крѣпость. Вотъ почему утвержденіе этихъ правилъ должно было явиться предвѣстникомъ начала фактической дѣятельности банка,—какъ то и оправдалось на дѣлѣ.

Основные положенія крестьянскаго поземельнаго банка вызвали уже много критическихъ замѣчаній, правильныхъ и ошибочныхъ; ихъ сопоставляли съ современными поземельными нуждами крестьянъ, слѣдили съ первоначальнымъ проектомъ банка, подвергшимся, какъ извѣстно, кореннымъ измѣненіямъ въ государственномъ совѣтѣ, болѣе по политическимъ, чѣмъ по экономическимъ соображеніямъ, и, въ концѣ концовъ, большинство относилось къ будущности банка пессимистически. Но, вглядываясь въ условія дѣятельности банка, мы приходимъ къ заключенію, что будущность его скорѣе пред-

ставляется малоопредѣленною, чѣмъ неблагопріятною или радужною. Это происходитъ отъ того, что изданныя до сихъ поръ положенія и правила не представляютъ чего-либо цѣльнаго, законченнаго даже въ главныхъ чертахъ. Предъ нами вѣчто недоконченное, недоговоренное, отрывочное. Можетъ быть, это явилось слѣдствіемъ особыхъ условий, обставившихъ выработку положеній, напримѣръ, борьбы мнѣній и направленій; но какъ бы то ни было, отрывочность составляетъ одно изъ характерныхъ отличій изданныхъ доселѣ правилъ, и, вслѣдствіе того, будущность новаго учрежденія больше будетъ зависѣть отъ дальнѣйшихъ административныхъ мѣръ, которыя или будутъ давать дѣлу широкое развитіе, или могутъ напрасно суживать его.

При обсужденіи первоначальнаго положенія о банкѣ, въ „Вѣстникѣ Европы“ (іюнь, 1882 г., „Внут. Обзор.“) было уже указано, какъ на существенное отличіе утвержденнаго Положенія о банкѣ отъ первоначальнаго его проекта,—на то, что банковыя ссуды предполагается выдавать не тѣмъ только крестьянамъ, которые малоземельны и вообще крайне нуждаются въ прибавкѣ земли, а—всѣмъ безразлично. На эту сторону чаще всего обращалось вниманіе и въ другихъ органахъ печати. Дѣйствительно, эта сторона очень важна. Поправлять положеніе однихъ нуждающихся, или расходовать государственный кредитъ и на тѣхъ, кто, будучи достаточно зажиточенъ или даже богатъ, хочетъ еще болѣе улучшить свое положеніе—далеко не одно и то же. Тутъ напрасно было бы рассчитывать на то, что сытый или богатый „кулакъ“ не польстится на ограниченный банковый кредитъ (125 руб. на душу, или 500 р. на хозяина). У расчетливаго хозяина никакая выгода не будетъ упущена, и для него лучше занять дешево изъ казеннаго банка 500 руб., чѣмъ тратить собственные деньги: свои 500 руб. онъ выгоднѣе употребитъ на хозяйство, или же отдастъ за высшіе проценты нуждающимся. „Кулакъ“ не упуститъ барыша и на 500-рублевую сумму. Но несмотря на все это, мы не скажемъ, чтобы открытіе кредита всѣмъ непременно наносило крупный ущербъ нуждающимся; дѣло въ томъ, что одновременно съ измѣненіемъ первоначальнаго проекта въ объясненномъ выше отношеніи — измѣнились и предѣлы кредитныхъ операцій: прежде предполагалось ограничить ссуды банка 3-мя милліонами въ годъ, а теперь этотъ предѣлъ расширенъ до 5 милліоновъ, да и то съ оговоркою, что 5-милліонный размѣръ операціи собственно разрѣшается властію министра финансовъ, а когда понадобится болѣе широкое расширеніе операціи—оно можетъ быть тоже допущено послѣ испрошенія на это министромъ финансовъ высочайшаго разрѣшенія. Такимъ образомъ, размѣръ кредита въ сущности не опредѣленъ какими-либо точными границами, и

все будетъ зависѣть отъ дальнѣйшаго усмотрѣнія. Если ссуды строго будутъ ограничены 5 милліонами—дѣйствительно кредитъ, оказываемый „кулакамъ“, можетъ лишить нуждающихся значительной доли нужной имъ помощи. Но если къ дѣлу отнесутся иначе, съ болѣе-шимъ вниманіемъ къ крестьянской нуждѣ,—тогда можно будетъ сказать: станетъ и для „кулаковъ“, станетъ и для нуждающихся. Итакъ, все главнымъ образомъ будетъ зависѣть отъ дальнѣйшаго административнаго отношенія къ дѣлу, т.-е. отъ того—будутъ ли искусственно ограничивать размѣры операцій, или послѣднимъ предоставленъ будетъ надлежащій просторъ. Указываютъ еще на возможность совмѣстничества крестьянскихъ обществъ и „кулаковъ“, на возможность усилій послѣднихъ перебивать у первыхъ тѣ участки, которые имъ нужны, и которые они хотятъ купить; дѣйствительно, и здѣсь есть извѣстная опасность: „кулаки“ могутъ догадаться купить землю раньше, чѣмъ общество соберется хлопотать о томъ; но и тутъ ничего нельзя рѣшать впередъ, такъ какъ все зависѣть опять отъ административныхъ распоряженій, просторъ которымъ открывается достаточный—пробѣлами въ законѣ.

Далѣе—чрезвычайно важное значеніе могутъ имѣть тѣ нормальныя земельныя оцѣнки, на основаніи которыхъ новый банкъ будетъ выдавать ссуды. Первое условіе успѣха въ дѣлѣ — дѣйствительное облегченіе крестьянамъ возможности покупать землю, т.-е. достаточность кредитной помощи не для исключительныхъ крестьянскихъ единицъ, а для рядовыхъ сельскихъ обывателей. Если, напримѣръ, земля, которую крестьяне хотятъ купить, стоитъ 100 рублей, а крестьянамъ будутъ давать изъ банка 90 или даже 85 рублей, то покупка будетъ доступна почти всѣмъ, такъ какъ для столь серьезнаго дѣла, какъ расширеніе землевладѣнія, мужикъ отыщетъ и на сторонѣ недостающіе 10 или 15 рублей; но попробуйте ограничить ссуду 20 или 30 рублями, то-есть обусловьте возможность покупки пріисканіемъ 70 или 80 рублей собственныхъ денегъ на каждую десятину — и вы сразу сведете все дѣло къ нулю, потому что доплачивать столь крупную сумму сможетъ только богатый, вовсе не нуждающійся мужикъ. Въ подобномъ случаѣ пришлось бы прямо распрощаться съ надеждою на благотворное вліяніе банка, и послѣдній только укрѣпляетъ бы кулачество. Установленіемъ низкихъ нормальныхъ оцѣнокъ можно было бы убить дѣло въ корнѣ, безъ прямой отміны закона, которая, конечно, не мыслима. Между тѣмъ, нормальныя оцѣнки зависѣть вполнѣ отъ административныхъ соображеній. Онѣ не проходятъ законодательнымъ порядкомъ, а утверждаются по соглашенію гг. министровъ. Въ настоящее время онѣ еще и не опубликованы. Положимъ, эти оцѣнки для первыхъ губерній, въ которыхъ

начнется дѣятельность банка, будутъ установлены наиболѣе правильно и цѣлесообразно, но за этими губерніями стоитъ еще длинный рядъ другихъ, въ которыхъ оцѣнки будутъ установлены только впоследствии и притомъ, вѣроятно, не скоро. Поэтому, мы опять должны сказать, что одно изъ важнѣйшихъ условій, опредѣляющихъ характеръ новаго кредита, еще не рѣшено состоявшимися распоряженіями, а слѣдовательно, успѣхъ дѣла и здѣсь предоставленъ будущимъ административнымъ усмотрѣніямъ. Если они выйдутъ благоприятны—дѣло пойдетъ хорошо, а въ противномъ случаѣ, разумѣется, получится иной результатъ.

Нормальныя оцѣнки тѣмъ болѣе важны, что хотя положеніе и допускаетъ оцѣнки спеціальныя, основанныя на мѣстномъ изслѣдованіи, но послѣднія силою вещей сдѣлаются довольно рѣдкимъ исключеніемъ, и на нихъ много рассчитывать нельзя. Какъ ни складываютъ обстоятельства, спеціальная оцѣнка стоитъ дорого, и тяжести ея не выдержать иногда даже довольно значительныя покупки. Спеціальныя оцѣнки годятся при залогахъ имѣній, но неудобны при кредитѣ на „покупку“ земли большими и малыми участками, и притомъ—на покупку людьми нуждающимися, для которыхъ каждый лишній накладной расходъ—очень чувствительный тормазъ. Въ виду этого, очевидно, что главная масса покупокъ будетъ сдѣлана по нормальной оцѣнкѣ, слѣдовательно, удачность или неудачность ея рѣшаетъ участь почти всего дѣла. Конечно, законъ и не могъ сразу установить нормальныя оцѣнки, такъ какъ выработка ихъ предполагаетъ довольно сложную и толковую работу, для которой необходима масса данныхъ, а работа эта, при изданіи положенія о банкѣ далеко не была готова, отсрочивать же это положеніе до окончанія объясненной работы, значило бы, при извѣстныхъ условіяхъ, рисковать самымъ бытіемъ новаго учрежденія. Но важнымъ пробѣломъ все-таки является то, что въ законѣ не указанъ даже принципъ нормальной оцѣнки: должна ли эта оцѣнка выражать по возможности дѣйствительную цѣну земли, или она должна составлять нѣчто значительно меньшее, какъ это допускаютъ частныя „залоговыя“ земельныя банки? Положеніе даже избѣгаетъ слова „цѣна“, замѣняя его выраженіемъ „размѣръ ссуды“ (ст. 18) и не высказывая—чѣмъ же именно опредѣляется этотъ „размѣръ“. Отсутствие такого опредѣленія открываетъ широкій просторъ толкованіямъ, который и усиливаетъ неясность будущности дѣла. Положительное указаніе, что оцѣнка по возможности должна выражать дѣйствительную цѣну земли—крайне необходимо для устраненія въ этомъ дѣлѣ излишней шаткости. Здѣсь нечего смущаться постановленіемъ, что при оцѣнкѣ спеціальной, основываемой на доходности земли, въ ссуду вы-

дается только 75% оцѣнки: подобная осторожность понятна, когда выводы строятся не на продажной цѣнѣ, а на доходности: выводъ цѣны изъ доходности всегда болѣе или менѣе страдаетъ шаткостью, почему усиленіе осторожности тутъ необходимо, и очень можетъ быть, что 75% цифрового вывода изъ доходности какъ разъ и совладутъ съ полною продажною цѣною земли. Но нормальная оцѣнка можетъ быть прямо основываема на продажныхъ цѣнахъ и должна быть близкою къ нимъ.

Къ указаннымъ выше неопредѣленностямъ и недоговоренностямъ надо прибавить еще одну, тоже очень-очень существенную. Кому оказывается помощь? По существу дѣла, тутъ самый естественный отвѣтъ былъ бы слѣдующій: земледѣльцу, обрабатывающему землю собственнымъ трудомъ, кто бы ни былъ этотъ земледѣлецъ: крестьянинъ, мѣщанинъ и т. под. Возбуждая вопросъ о „крестьянскомъ“ кредитѣ, конечно, всѣ имѣли въ виду именно подобнаго земледѣльца; вѣдь и теперь есть люди, носящіе имя крестьянское, но владѣющіе крупными участками земли, сотнями и тысячами десятинъ, которые, въ качествѣ крупныхъ владѣльцевъ, пользуются кредитомъ общихъ земельныхъ банковъ — слѣдовательно не изъ-за нихъ возбуждался вопросъ о новомъ кредитѣ. Но Положеніе не нашло удобнымъ употребить выраженіе „земледѣлецъ“, можетъ быть вслѣдствіе неотысканія вышшняго признака, которымъ бы опредѣлялось именно то земледѣльческое состояніе, о которомъ сказано выше. Законъ, вмѣсто выраженія бытового характера, избралъ выраженіе формальнаго, словнаго значенія. Онъ опредѣлилъ, что новый кредитъ оказывается „крестьянамъ всѣхъ наименованій“. Онъ допускаетъ выдачу ссуды тому, кто формально зовется „крестьяниномъ“. Пусть и такъ, — пусть въ интересѣ большей точности устранился вопросъ земледѣльцу-мѣщанину и окажется эта помощь даже крестьянину, фактически обратившемуся въ помѣщика. Но дѣло въ томъ, что, несмотря на все это, искомая точность все-таки оказывается еще не достигнутою и даетъ мѣсто, напримѣръ, такимъ крупнымъ вопросамъ: имѣютъ ли право на ссуды изъ крестьянскаго поземельнаго банка такъ-называемые „малороссійскіе казаки“? Вѣдь казакъ — это такой же самый мужикъ, какъ и живущій съ нимъ рядомъ, хата обь хату, государственный или бывшій владѣльческій крестьянинъ; у него также бываетъ и 2, и 1½, и ½ десятины, онъ также своеручно пашетъ и сѣетъ, и подати платитъ. А между тѣмъ точнаго отвѣта на вопросъ о казакахъ у насъ нѣтъ. Одни скажутъ, что казакъ тотъ же мужикъ, и потому можетъ требовать ссуды, ибо казакъ есть только одинъ изъ видовъ крестьянина. Но другіе, пожалуй, возразятъ, что такъ какъ Положеніе придерживается чисто формальныхъ опредѣленій,

то и право на кредитъ имѣютъ лишь люди формально названные „крестьянами“, — государственными ли, приписанными ли только къ волостямъ, удѣльными ли и т. под., только чтобы непременно было слово „крестьянинъ“. И буква будетъ на сторонѣ послѣднихъ. Между тѣмъ, казаковъ у насъ 800 тысячъ душъ, слѣдовательно, недоразумѣніе, о которомъ идетъ рѣчь, представляетъ огромный пробѣлъ. Другой вопросъ: могутъ ли получать ссуды представители главнаго земледѣльческаго сословія Бессарабіи, бывшіе „царяне“, переименованные нынѣ въ „поселянъ“? Опять недоразумѣніе, потому что „поселянинъ“ и „крестьянинъ“ — два разные формальные названія, а законъ придерживается именно формальныхъ кличекъ, а не бытовыхъ признаковъ. Но если и отождествить поселянъ съ крестьянами, — выйдетъ новое недоразумѣніе: вѣдь поселянами прозваны и 200 тысячъ нѣмецкихъ колонистовъ, людей сытыхъ землею и не землею, людей богатыхъ, которые, владея надѣльною землею, постоянно покупаютъ цѣлыя помѣщичьи имѣнія. Имъ удѣлять долю изъ ограниченаго крестьянскаго поземельнаго кредита никакъ не было бы согласно съ основными цѣлями новаго учрежденія. Увеличеніе ихъ землевладѣнія едва ли должно быть предметомъ особой государственной заботливости. Если бы имъ предоставить новый кредитъ — они, конечно, сдѣлались бы главными заемщиками новаго банка въ Новороссіи, въ самарской и саратовской губерніяхъ. Стало быть, оставляя право на кредитъ безъ дополнительныхъ опредѣленій закона, мы будемъ имѣть предъ собою такую дилемму: если помогать однимъ только носящимъ названіе „крестьянъ“ — надо несправедливо обидѣть массу малороссійскихъ казаковъ и все земледѣльческое населеніе Бессарабіи; а если отождествлять крестьянъ и поселянъ — надо припустить къ банковымъ ссудамъ и нѣмецкихъ колонистовъ, и даже всѣхъ тѣхъ иностранцевъ, которые вздумаютъ приписаться въ поселяне въ будущемъ.

Всѣ эти вопросы, надо думать, будутъ поставлены жизнью въ самомъ началѣ дѣла. Если неопредѣленность и, такъ сказать, отрицательный видъ первоначальнаго Положенія имѣютъ объясненіе въ особыхъ условіяхъ, при которыхъ положеніе вырабатывалось, то теперь положительно необходимо точное указаніе тѣхъ земледѣльческихъ группъ, которымъ долженъ служить крестьянскій поземельный банкъ.

Въ какомъ именно смыслѣ желательно разрѣшеніе всѣхъ поставленныхъ выше вопросовъ — объ этомъ едва ли слѣдуетъ толковать много. Если новое дѣло должно быть не декоративнымъ только элементомъ, а выполнять свое серьезное значеніе, то ни въ какомъ случаѣ не надо стѣснять его внѣшнихъ рамокъ. Пятимилліонный размѣръ операцій не долженъ быть труднопереходимымъ барьеромъ. Сколь

намъ приходилось узнавать отъ мѣстныхъ наблюдателей, изъ газетъ, изъ земскихъ разсужденій и т. под., спросъ на новый кредитъ является всюду. Нужда въ приобрѣтеніи крестьянами земель такъ велика, что многіе уже успѣвши заключить сдѣлки, не выжидая открытія дѣятельности банка, но въ расчетѣ на нее ¹⁾. Мѣстныя власти принимали мѣры для охлажденія такого пыла, но едва ли много успѣли въ этомъ. Трудно сомнѣваться въ томъ, чтобы сейчасъ же послѣ начала дѣятельности банка онъ не былъ засыпанъ просьбами о ссудахъ. Увѣряютъ, что есть губерніи, гдѣ сдѣлокъ уже имѣется въ виду почти на миллионъ рублей; стало быть, формальная общая пяти-миллионная мѣрка была бы слишкомъ узка. Все это заставляетъ желать значительнаго расширенія дѣла. Поземельная статистика достаточно разъясняетъ, насколько необходима крестьянамъ земля, и тѣмъ самымъ показываетъ, при какой широтѣ новый кредитъ можетъ приобрѣсти въ жизни серьезное значеніе. По внутреннему значенію своему, дѣло это настолько важно, что тутъ встрѣчается даже полное оправданіе извѣстныхъ жертвъ со стороны государства, если бы онѣ понадобились. Если бы казна даже понесла убытковъ по этой операціи на миллионъ или на два въ годъ, — что бы значили эти потери въ общей массѣ государственныхъ денежныхъ оборотовъ и въ виду производительнѣйшаго значенія операціи, о которой идетъ рѣчь! Ординарное пособіе какой-нибудь желѣзной дорогѣ, при всей сомнительности своей пользы, беретъ иногда не меньше.

Дѣятельность новаго банка хотя и должна распространиться на всю Россію, за исключеніемъ немногихъ окраинъ, но будетъ расширяться постепенно, то-есть сперва на одну группу губерній, потомъ на другую и т. д. Изъ опубликованнаго объявленія министерства финансовъ видно, что на первую очередь поставлены девять губерній: одна новороссійская—екатеринославская; двѣ малороссійскія—полтавская и черниговская; четыре западныя—киевская, волынская, по-

¹⁾ Въ доказательство справедливости сказаннаго почтеннымъ авторомъ настоящей записки, приведемъ случайно дошедшее до насъ извѣстіе, а именно, что въ предѣлахъ небольшой волости одного изъ уѣздовъ нашей петербургской губерніи, оказалось три крестьянскихъ общества, очутившихся теперь въ весьма тяжеломъ положеніи: эти общества, въ надеждѣ на имѣющійся скорѣй открытійся крестьянскій банкъ, подготовили себѣ покупку земель, на что согласились и землевладѣльцы; теперь, съ опубликованіемъ названій тѣхъ девяти губерній, гдѣ открытъ банкъ, сдѣлки въ петербургской губерніи и въ массѣ другихъ останутся на воздухѣ. Вотъ почему, многіе думаютъ, что было бы полезнѣе ограничить дѣятельность новаго банка не мѣстостями, а условіями выдачи ссуды, т.-е. выдавать ссуды на первое время только тогда, когда несомненно доказана крайняя необходимость въ томъ для крестьянскаго общества, но за то выдавать ее вездѣ, гдѣ бы ни появилась такая крайность. — *Ред.*

дольская и могилевская; одна сѣверная—тверская и одна низовая—саратовская. Сверхъ того, какъ видно изъ газетъ, ожидается открытіе дѣятельности банка въ губерніяхъ херсонской и уфимской. Такимъ образомъ, первая группа губерній захватываетъ три типа мѣстностей—степныя, густонаселенныя и малоплодородныя. Если значеніе новаго кредита не во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ будетъ одинаково, то во всякомъ случаѣ нельзя отрицать, что онъ во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ нуженъ. Положимъ, въ сѣверной или бѣлорусской губерніи земли менѣе цѣнны, и гораздо меньшая часть ихъ можетъ быть обрабатываема въ пашни; однако и тамъ стѣсненіе въ землѣ оказываетъ большое экономическое вліяніе на крестьянъ. Многимъ нужно округленіе дачъ, избавленіе отъ невыгоднаго сосѣдства, а главное—нужны пастбища, безъ которыхъ хозяйства не могутъ стать на ноги. Чтобы скудная почва рождала хлѣбъ—нужно ее удобрять, чтобы имѣть удобреніе—нуженъ скотъ, а чтобы держать скотъ—нужны пастбища; это кругъ условій, изъ котораго нельзя вырвать ни одной части, если только имѣть въ виду дѣйствительное поправленіе крестьянскаго хозяйства.

Въ губерніяхъ густонаселенныхъ кредитъ будетъ имѣть значеніе прикрѣпляющаго населеніе къ мѣсту, прикрѣпляющаго не при нужденіемъ, конечно, а извѣстными выгодами. Кто купилъ землю—тотъ не такъ легко съ нея тронется. Неудивительно, что земства тѣхъ мѣстностей, откуда началось переселенческое движеніе, довольно усердно хлопотали о новомъ кредитѣ. Придержать населеніе—это, между прочимъ, интересъ землевладѣльческій, такъ какъ тутъ поддерживается высокая земельная цѣна. Но получить ли въ такихъ мѣстностяхъ новый кредитъ большое значеніе—это еще вопросъ, такъ какъ здѣсь общій интересъ землевладѣльцевъ сталкивается съ интересомъ каждаго изъ нихъ въ отдѣльности. Поудержать въ своей мѣстности населеніе, т. е. лучше обезпечить себя рабочими руками, сдержать подъемъ рабочей платы и поднять доходность имѣній—это общій интересъ землевладѣльцевъ. Но продавать именно свою землю для удержанія населенія—это отдѣльному землевладѣльцу неудобно, такъ какъ владѣніе землею очень выгодно, и стоимость земли растетъ изъ году въ годъ. Съ такою землею владѣлецъ расстаётся очень неохотно, разве въ случаѣ крайней нужды. Нѣкоторое сходство съ такимъ положеніемъ мы видимъ, между прочимъ, въ лѣсномъ вопросѣ: всѣ жалуются на лѣсонстребленіе, ведущее къ общему вреду для мѣстности; но тотъ же самый жалующійся владѣлецъ усердно рубить собственный лѣсъ и не хочетъ, чтобы его лично въ этомъ ограничивали. Къ чему приведетъ такое противорѣчіе общаго интереса съ частнымъ въ дѣлѣ продажи земель—

окончательно рѣшить не будемъ, но во всякомъ случаѣ сомнѣваемся, чтобы въ густонаселенныхъ губерніяхъ дѣло пошло слишкомъ шибко. Въ первое время, можетъ быть, тамъ сдѣлки и наберутся, потому что между ними будутъ подготовлявшіеся издавна,—но на второй и третій годъ дѣло, вѣроятно, пойдетъ значительно тише.

Наибольшее значеніе могъ бы имѣть крестьянскій поземельный банкъ въ степныхъ черноземныхъ губерніяхъ, гдѣ земля, будучи плодородною, въ то же время еще дешева, и въ ней нѣтъ недостатка. Поземельное устройство крестьянской семьи здѣсь несравненно дешевле, чѣмъ въ густонаселенныхъ мѣстностяхъ, слѣдовательно, при одинаковыхъ условіяхъ кредита здѣсь могутъ получаться гораздо большіе результаты. На степныя губерніи, какъ намъ кажется, слѣдовало бы обратить теперь наибольшее вниманіе. Надо во-время воспользоваться сравнительною дешевизною тамошнихъ земель. Пройдетъ нѣсколько лѣтъ—земля и тамъ значительно вздорожаетъ, и что теперь можно купить за 50 рублей, того скоро не купишь и за сто.

Но, разумѣется, надлежащее развитіе поземельно-кредитной операціи въ степныхъ губерніяхъ находится въ тѣснѣйшей зависимости отъ разрѣшенія переселенческаго вопроса, такъ какъ нельзя смотрѣть на тамошнія земли, какъ на запасъ только для мѣстнаго населенія. Въ оказаніи помощи переселенческому дѣлу должно заключаться главное значеніе поземельнаго кредита для степныхъ губерній. Иначе, положеніе можетъ выйти такое: въ густонаселенной мѣстности никто земли не продаетъ, а въ степной—почти никому ея покупать; т.-е. первыя изъ названныхъ губерній останутся при избыткѣ населенія, ищущемъ выхода, а послѣднія—при избыткѣ земель, ищущихъ покупателей. И при подобныхъ условіяхъ очень вѣроятно, что нѣмецкіе колонисты постараются отхватить на свою долю большую часть кредита, устроеннаго для крестьянъ.

Въ числѣ губерній, поставленныхъ на первую очередь относительно открытія дѣятельности крестьянскаго поземельнаго банка, мы находимъ четыре степныхъ; это намъ кажется довольно благоприятнымъ условіемъ, потому что когда приходится дѣлать выборъ—надо отдавать преимущество тому, что общаетъ большую пользу. А выборъ дѣлать придется, вѣроятно, еще въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, такъ какъ едва ли окажется удобнымъ начать кредитныя операціи повсюду въ теченіе перваго же года или двухъ. Хотя потребность въ нихъ почти повсемѣстна, но уже одно образованіе личнаго персонала отдѣленій банка ставить нѣкоторыя преграды быстрому умноженію этихъ отдѣленій. Для этого персонала требуются нѣкоторыя особенныя условія, не бывшія прежде въ спросѣ, какъ, напримѣръ, знакомство съ поземельнымъ дѣломъ, при налич-

ности извѣстнаго сочувствія со стороны мѣстнаго управляющаго къ крестьянскому дѣлу. Чисто формальное исполненіе обязанностей здѣсь далеко недостаточно, и выборъ человѣка для управленія отдѣленіемъ крестьянскаго банка представляется болѣе сложнымъ дѣломъ, чѣмъ выборъ, напримѣръ, управляющаго казенною палатою или совѣтника губернскаго правленія.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что въ будущности крестьянскаго поземельнаго банка есть пока много неопредѣленнаго; для достиженія успѣха въ его дѣлѣ необходимо поспѣшить пополненіемъ существенныхъ законодательныхъ пробѣловъ, яснѣе обозначить коренную цѣль учрежденія и одновременно двинуть другія реформы, необходимыя для улучшенія крестьянскаго быта, напримѣръ, паспортную, облегченіе переселеній и т. под. Только изъ общей связи подобныхъ начинаній можетъ возникнуть названное улучшеніе; будучи совершенно изолированнымъ, самъ по себѣ, крестьянскій банкъ не сдѣлаетъ многого. Въ настоящемъ своемъ видѣ онъ является не столько коренною мѣрою, направленною къ поднятію крестьянскаго благосостоянія, сколько выраженіемъ нѣкотораго уравниенія крестьянскаго сословія съ другими сословіями въ правѣ на поземельный кредитъ. Если этотъ кредитъ дается и голодному мужику, и богатому „дулаку“, то очевидно, здѣсь на первомъ планѣ собственно право лицъ извѣстнаго сословія. Улучшеніе крестьянскаго быта при помощи банка много зависитъ отъ случайныхъ условій, напримѣръ, отъ количества продажныхъ земель, между тѣмъ какъ есть мѣстности, гдѣ земли почти не продаютъ, стало быть тутъ и при наличности крестьянскаго права и при всей готовности выдавать изъ банка ссуды кредитъ можетъ сильно затормозиться. Будь легки переселенія—тогда недостатокъ продажной земли въ одномъ мѣстѣ вознаграждался бы возможностью купить ее въ другомъ; но движенія переселенческаго вопроса и облегченія паспортной системы мы ждемъ уже давно, не видя ясно—когда можно рассчитывать на осуществленіе подобныхъ благъ. Въ послѣдніе годы и самыя условія для этого осуществленія значительно измѣнились къ лучшему, напримѣръ, начавшимися опытами податныхъ облегченій. Паспортныя затрудненія, главнымъ образомъ, являлись гарантіею (хотя и мало-надежною) уплаты податей, такъ какъ крестьянское хозяйство не представляло, само по себѣ, достаточнаго обезпеченія этихъ податей, livelihoods не только на имущество, но и на трудъ: и на безземельнаго, и на малоземельнаго, паспортныя строгости налагались для того, чтобы онъ исправнѣе выполнялъ повинности. Но теперь, когда отъ податей уже избавлены безземельные и значительная часть малоземельныхъ (владѣльцы даровыхъ надѣловъ)—что мѣшаетъ со-

вершить эту перемѣну въ смыслѣ улучшенія паспортной системы и облегченія переселеній? Путь къ тому значительно уже расчищенъ.

Итакъ, при облегченіи переселеній крестьянскій поземельный банкъ сможетъ сдѣлать многое, а безъ этого облегченія—значеніе его останется крайне ограниченнымъ. Курскій и полтавскій мужикъ будутъ съ трудомъ выискивать продажныхъ и очень дорогихъ земельныхъ клочковъ, а уфимскія, херсонскія и самарскія земли могутъ оставаться безъ соотвѣственнаго спроса. Переселенія и кредитъ, вмѣстѣ взятыя, явятся непремѣнно крупнымъ экономическимъ факторомъ, а выступая порознь они будутъ значительно ослаблены въ своемъ вліяніи. Единицы, сами по себѣ, поставленные порознь, представляютъ собою только единицы; но тѣ же двѣ единицы, поставленные рядомъ, составятъ уже 11; нѣчто въ родѣ этихъ 11-ти можетъ представить и крестьянскій поземельный кредитъ, идя рука-объ-руку съ свободою переселеній.

Словомъ, въ концѣ-концовъ мы и здѣсь приходимъ къ избитой истинѣ о необходимости общей системы мѣръ, направленныхъ къ поднятію народнаго благосостоянія, взаимныя разрозненныхъ начинаній, которыя, хотя сами по себѣ и полезны, но далеко не въ той стѣпени, въ какой могли бы быть полезны. А для осуществленія подобной системы надобно поставить упомянутое благосостояніе, какъ прямую цѣль начинаній, не осложняя дѣла излишними комбинаціями и напрасными опасеніями.

Пожелаемъ всевозможныхъ облегченій и содѣйствій во всякомъ случаѣ симпатичному дѣлу новаго учрежденія.

—О ВЪ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-ое мая, 1883.

Новый тройственный союзъ. — Германскій парламентъ и соціально-политическіе проекты. — Положеніе дѣлъ въ Италіи. — Французскія дѣла. — Общество „друзей мира“. — Планы Вальдека-Руссо. — Исключительные законы въ Англіи, и ихъ также исключительный характеръ.

I.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Европа неожиданно узнала о формальномъ союзѣ, заключенномъ между Германією и Австро-Венгрією еще въ октябрѣ 1879 года. Цѣль этого союза была не совсѣмъ ясна. — Ради чего понадобилось князю Бисмарку, — спрашивали себя многіе, — устраивать секретное соглашеніе съ Австрією, въ ущербъ старинной дружбѣ съ Россією и Италією? Если берлинскій кабинетъ пересталъ разсчитывать на прежнюю близость съ русскимъ правительствомъ, то онъ все-таки не имѣлъ основанія отдалять отъ себя бывшую союзницу свою, Италію, враждебныя чувства которой относительно австрійцевъ всѣмъ извѣстны. Трудно было понять, какія выгоды могла извлечь Германія изъ союза съ разноплеменной имперією, поглощенной всецѣло шаткими внутренними дѣлами и очевидно неспособною къ дѣятельному участію во внѣшней политикѣ. Для Австріи было чрезвычайно удобно видѣть себя гарантированной со стороны возможныхъ враговъ, благодаря могущественной германской поддержкѣ; но что выигрывала отъ этого Германія?

Только одна странность невольнo обращала на себя вниманіе, послѣ первыхъ газетныхъ извѣстій о совершившейся сдѣлкѣ между Вѣной и Берлиномъ: вѣнская печать, даже министерская, стѣснялась говорить о союзѣ, какъ бы стыдилась его и обставляла дѣло множествомъ оговорокъ, звучавшихъ довольно оригинально въ устахъ офиціозныхъ публицистовъ державы, осясчастливленной спеціальною дружбою Германіи. Казалось бы, австрійцы должны были чувствовать себя вполне удовлетворенными достигнутымъ успѣхомъ; а между тѣмъ въ дѣйствительности господствующимъ впечатлѣніемъ было на первыхъ порахъ — смущеніе, которымъ отчасти даже забавлялись прусскіе патріоты. Чѣмъ же объяснить это смущеніе вѣнскихъ политиковъ, въ виду невиннаго разоблаченія, сдѣланнаго „Кѣльнскою газетою“? Причину угадать не трудно. Всякій понималъ, что союзъ Австріи съ Германією означаетъ лишь полное подчиненіе Вѣны Берлину, — отреченіе правительства Франца-Иосифа отъ тѣни

самостоятельности въ международныхъ отношеніяхъ, съ передачею общаго руководства политикою обѣихъ имперій въ руки князя Бисмарка. Такое отреченіе существовало и раньше фактически, подъ вліяніемъ обстоятельствъ; но освященное формальнымъ договоромъ, оно сдѣлалось обязательнымъ для Австріи и лишило ее не только свободы дѣйствій, но и надеждъ на скорое возрожденіе утраченнаго обаянія. При подобныхъ условіяхъ, политическая комбинація, устроенная княземъ Бисмаркомъ, имѣла практическій смыслъ для Германіи.

Послѣдствія скоро доказали, что дѣль берлинской дипломатіи не ограничивалась двойственнымъ союзомъ, и что послѣдній долженъ былъ служить лишь переходною ступенью къ болѣе широкимъ комбинаціямъ. Германскому канцлеру удалось втѣнуть въ свои планы Италію и достигнуть примиренія ея съ Австріею; для этого онъ воспользовался раздраженіемъ итальянцевъ противъ Франціи, по поводу ея тунисскихъ и прочихъ предпріятій въ Средиземномъ морѣ. Образовался новый тройственный союзъ, съ весьма опредѣленнымъ значеніемъ и съ вѣскою положительною задачею, которая, впрочемъ, составляетъ еще тайну для заинтересованныхъ народовъ. О самомъ существованіи союза Европа узнала, по обыкновенію, случайно, изъ устъ итальянскаго министра Манчини, который во время бюджетныхъ преній въ парламентѣ обмолвился насчетъ соглашенія съ Германіею и Австріею. Манчини высказался при этомъ противъ французскихъ притязаній на африканское побережье и указалъ на необходимость охранять законные интересы Италіи, какъ державы средиземно-морской.

Рѣчь Манчини получила значеніе событія и вызвала множество комментаріевъ въ европейской политической печати. Общее вниманіе обратилось прежде всего на берлинскихъ офиціозовъ, которые и не замедлили отозваться въ обычномъ дипломатическомъ тонѣ. „Сѣверо-германская газета“ объявила чистымъ вымысломъ предположеніе о союзѣ, направленномъ противъ Франціи. „Австрія, какъ и Германія, и Италія,—говорится въ этомъ органѣ,—имѣютъ потребность въ охранѣ европейскаго мира, и потому является возможность и даже вѣроятность ихъ совмѣстнаго вооруженнаго дѣйствія противъ державы, которая произвольно нарушила бы миръ по отношенію къ одному изъ названныхъ государствъ. Но независимо отъ этого общаго интереса, связывающаго внѣшнюю политику трехъ державъ, ни для одной изъ нихъ не существуетъ основанія питать непріязненные чувства къ Франціи или видѣть опасность нарушенія мира именно со стороны французовъ. Если возникаютъ такого рода слухи, то они могутъ корениться только въ опасеніи правительственныхъ перекъ, способныхъ кореннымъ образомъ измѣнить направленіе фран-

цузской политики. Такое опасеніе было бы основательно только въ томъ случаѣ, еслибы путемъ переворотовъ, совершенныхъ въ настоящаго государственнаго права Франціи, власть досталась человѣку или принципу, нуждающемуся въ искусственномъ укрѣпленіи при помощи призыва къ воинственнымъ наклонностямъ націи". Газета ставитъ затѣмъ различныя гипотезы для доказательства того, что побѣда Франціи надъ однимъ изъ трехъ государствъ была бы опасна для нихъ всѣхъ, и что поэтому политическая логика заставляла бы эти три миролюбивыя державы—Германію, Австрію и Италію, вступить за миръ, еслибы одной изъ нихъ угрожало нападеніе.

Разумѣется само собою, что разсужденія „Сѣверо-германской газеты" возбудили негодованіе во Франціи. Развязность, съ какою берлинскіе оффиціозы толкуютъ о возможныхъ перемѣнахъ во французскомъ государственномъ строѣ, сильнѣе всего раздражаетъ республиканцевъ. Монархисты и клерикалы могутъ такимъ образомъ утверждать, будто республика находится подъ особымъ покровительствомъ Пруссіи и Бисмарка, вслѣдствіе чего истинные французскіе патриоты должны неизбѣжно стремиться къ уничтоженію этого любезнаго пруссакамъ режима. Но кромѣ того, доводы берлинскаго органа въ пользу соглашенія трехъ „миролюбивыхъ державъ" страдаютъ крайнею односторонностію и недосказанностію. Предположеніе, что Франція можетъ напасть на Италію или на Австрію, кажется ужъ слишкомъ произвольнымъ, и весь способъ доказательства теряетъ свою убѣдительность при допущеніи подобныхъ фантастическихъ гипотезъ.

То, что облечено было въ туманъ „Сѣверо-германскою газетою", объяснено было очень просто болѣе откровенною газетою „Post". „Сторонники возмездія на берегахъ Сены и Невы, — по словамъ „Post", — озабочены мыслью создать перевѣсъ силъ противъ Германіи. Такого перевѣса нѣтъ, если Россія имѣетъ дѣло съ Австріею, а Франціи приходится одной справляться съ Германіею. Еслибы можно было занять Австрію нападеніемъ Италіи и славянскими возстаніями, то русскія силы были бы свободны для дѣйствія противъ Германіи. Пока Италія твердо не опредѣлила своего политическаго положенія, до тѣхъ поръ не прекращались бы интриги съ цѣлю вовлечь итальянскую монархію въ войну, въ расчетѣ на вознагражденіе изъ австрійскихъ земель. Это неопредѣленное положеніе включаетъ въ себѣ большія опасности и, при усилахъ политики возмездія, могло бы пожалуй на нѣкоторое время удовлетворить чувства „неискупленной Италіи"; но каковъ бы ни былъ исходъ дѣла, итальянской независимости былъ бы во всякомъ случаѣ нанесенъ смертельный ударъ. Италія сдѣлала поэтому великій шагъ, опредѣливъ свое положеніе, сообразно своимъ жизненнымъ интересамъ и

вѣрному пониманію будущаго". Значить, не противъ Франціи только направленъ тройственный союзъ, а противъ Россіи за одно съ Франціею.

Для Россіи, конечно, совершенно безразлично, какія мѣры придумываются въ Берлинѣ для отдаленія срока возмездія со стороны французовъ. Россія имѣетъ такъ же мало поводовъ помогать Франціи въ войнѣ противъ нѣмцевъ, какъ не имѣла основаній поддерживать пруссаковъ противъ французовъ въ 1870 году. Подозрѣнія и опасенія нынѣшней Германіи, быть можетъ, оправдываются недалекимъ еще прошлымъ русской политики, когда послѣдняя зависѣла исключительно отъ безотчетныхъ личныхъ вліяній и случайностей. Но со времени берлинскаго трактата русское общественное мнѣніе достаточно ясно осудило традиціонныя ошибки и не вернется уже къ нимъ. Выѣживаться въ чужія дѣла въ ущербъ своимъ собственнымъ, какъ это дѣлалось сплошь и рядомъ въ прежнія времена, подъ обманчивымъ прикрытіемъ патріотическаго пустословія, — объ этомъ уже никто не думаетъ у насъ за послѣдніе годы. Старыя иллюзіи попадаютъ еще въ одинокихъ головахъ честолюбцевъ сомнительнаго свойства; но и эти фантазеры не рѣшаются уже проповѣдывать пролитіе крови и довольствуются тихими порывами къ удовлетворенію воображаемыхъ стремленій русскаго народа въ области далекихъ иноземныхъ задачъ. Россія ни съ кѣмъ не имѣетъ „счетовъ чести“, какъ Франція съ Германіею, — если подобные счета вообще возможны между многомилліонными человѣческими массами. Нѣмцы и австрійцы могли бы оставаться вполнѣ спокойными относительно своего тыла на случай войны съ французами или итальянцами; мы не охраняли бы ихъ интересовъ, но и не трогали бы ихъ, просто потому, что у насъ своихъ дѣлъ по горло. Посылать людей на убой за границу никто не станетъ теперь, какіе бы споры ни разыгрались между западными государствами; мы увѣрены также, что идея франко-русскаго союза есть пустая мечта, живущая только въ воображеніи нѣмецкихъ политиковъ. Въ Берлинѣ полагаютъ, что единственное серьезное препятствіе къ сближенію Россіи съ Франціею заключается въ республиканской конституціи этой страны, и что водвореніе монархіи у французовъ тотчасъ создало бы почву для опасныхъ „альянсовъ“. Это предположеніе было бы правдоподобно, еслибы вообще существовали поводы къ союзу между двумя столь отдаленными другъ отъ друга народами, какъ Франція и Россія. Между тѣмъ въ дѣйствительности не было бы ничего нелѣпѣе и противонастнественнѣе такой комбинаціи, которая, впрочемъ, была бы вѣроятно весьма желательна для французскихъ шовинистовъ, такъ какъ она давала бы имъ одѣть только выгоды, не обязывая ихъ ни къ чему.

При всемъ сочувствіи своемъ къ Франціи, русское общество никогда не дошло бы до того, чтобы сознательно жертвовать русскою кровью для какой бы то ни было иностранной цѣли. Приписывать Россіи воинственные планы нельзя, безъ очевидной несправедливости, и вотъ почему „Сѣверо-германская газета“ сваливаетъ все на какую-то будущую монархическую Францію, которая должна почему-то обидѣть не только нѣмцевъ, но и австрійцевъ, и итальянцевъ. Богѣе простодушная „Post“ называетъ по имени настоящую виновницу тройственного союза: австрійцамъ грозятъ не французы, а русскіе, которыхъ могли бы поддерживать итальянцы, — и для уничтоженія этой, возможной коалиціи, придуманной въ Берлинѣ, подготовлено было присоединеніе Италіи къ Германіи и Австріи. Искусство князя Бисмарка одержало блестящую побѣду надъ его собственными опасеніями. Прусская политика разстроила планъ, котораго вовсе не было, и создала мирный оплотъ противъ нарушителей мира, которыхъ въ Европѣ не видно, кромѣ германской имперіи.

По обыкновенію, усиленныя заботы объ охранѣ мира возбуждали тревогу въ нѣкоторыхъ государствахъ, особенно во Франціи. Съ разныхъ сторонъ стали раздаваться успокоительныя увѣренія. Манчини произнесъ новую рѣчь въ итальянскомъ сенатѣ, въ засѣданіи 11 апрѣля, причемъ выразилъ удивленіе, что его слова произвели такой необычайный эффектъ, тогда какъ подобныя же объясненія австро-венгерскаго министра графа Кальноки прошли совершенно незамѣченными. Вслѣдъ затѣмъ въ венгерской палатѣ депутатовъ (въ засѣданіи 14 апрѣля), министръ-президентъ Тисса представилъ положеніе дѣлъ въ еще болѣе невинной формѣ. По его словамъ, невозможно было бы предположить, чтобы Венгрія, при всегдашнихъ симпатіяхъ ея къ французскому народу, приняла участіе въ дипломатическомъ предпріятіи, которое могло быть истолковано въ смыслѣ враждебномъ Франціи. „Тотъ фактъ, что три континентальныя державы Европы заключили между собою близкую дружбу для поддержанія мира и вступили въ соглашеніе, ни противъ кого не направленное, можетъ содѣйствовать только общему спокойствію, ибо безпокоиться могла бы только держава, которая рѣшилась бы нарушить миръ. Но такой державы не существуетъ въ Европѣ, насколько намъ извѣстно“.

Этотъ отвѣтъ Тиссы вызвалъ одобрительные отзывы во французской печати; но у всякаго невольно рождается вопросъ: если нѣтъ нарушителей мира въ Европѣ, то противъ кого понадобилось строить преграды, въ видѣ новаго тройственного союза? При такой невинной и для всѣхъ безвредной цѣли трехъ державъ, какъ голое сохраненіе мира, не стоило очевидно вступать въ секретныя согла-

ненія. Миръ сохранялся бы уже самъ собою, если три могущественныя государства, и въ томъ числѣ Германія, дѣйствительно желаютъ избѣгать всякихъ международныхъ замѣшательствъ. Несомнѣнно, тутъ остается въ концѣ концовъ какая-то неясность, неизбежно ведущая къ разнообразнымъ опасеніямъ. Каждый понимаетъ дѣло такъ, какъ ему кажется удобнѣе, и въ Венгріи увѣренія Тиссы насчетъ Франціи поняты были въ томъ смыслѣ, что союзъ направляетъ специально противъ ненавистной венгерцамъ россійской имперіи. Самая возможность подобной разногласицы относительно взаимныхъ отношеній государствъ служитъ лучшею характеристикой той традиціонной системы, въ силу которой главнѣйшіе вопросы въ жизни народовъ составляютъ еще въ Европѣ удѣлъ кабинетной тайны немногихъ государственныхъ людей, ускользя въ значительной мѣрѣ отъ своевременнаго публичнаго контроля.

Понятное стремленіе—сохранить плоды прошлаго и обезпечить добытое отъ всякихъ случайностей—исчерпываетъ собою иностранную политику Германіи за послѣдніе годы. Не только князь Бисмаркъ, но и самъ императоръ Вильгельмъ интересуется теперь главнымъ образомъ осуществленіемъ такъ называемой соціально-политической программы, могущей хоть отчасти удовлетворить нѣкоторыя изъ существенныхъ требованій нѣмецкаго рабочаго класса. Если имперскій канцлеръ въ своей экономической программѣ преслѣдуетъ чисто-политическія цѣли, то этого нельзя сказать о самомъ императорѣ, который, повидимому, съ полною искренностью хотѣлъ бы на старости лѣтъ упрочить благосостояніе народа, истощеннаго непосильными тягостями военнаго могущества. Это послѣднее обстоятельство упускается, конечно, изъ виду въ заботахъ объ улучшеніи матеріальнаго быта народныхъ массъ. Правительство, возведшее культъ военщины до небывалой еще степени и превратившее всю страну въ цивилизованный военный лагерь, отыскиваетъ теперь причины возрастающей бѣдности гдѣ угодно, но только не въ своей собственной политической системѣ. Вслѣдствіе этого и мѣры, предлагаемыя для смягченія зла, обходятъ сущность болѣзни и прикрываютъ только ея наружныя проявленія, безъ всякой пользы для дѣла. Оппозиція въ германскомъ парламентѣ стоитъ по прежнему на томъ, что правительство должно необходимо руководствоваться преобладающими желаніями народа и общества, если имѣется въ виду поставить требуемыя реформы на надежный путь.

Для болѣе успѣшной борьбы съ парламентомъ, князь Бисмаркъ не разъ выдвигалъ на первый планъ личный авторитетъ монарха. Особенно важный эпизодъ произошелъ въ этомъ отношеніи въ засѣданіи 14 апрѣля. Среди рѣчей объ отдѣльныхъ статьяхъ новаго

промышленнаго устава, министръ финансовъ Шольцъ внезапно потребовалъ слова для прочтенія императорскаго посланія къ палатѣ. Въ этомъ документѣ, контрастигированномъ княземъ Бисмаркомъ, сказано, между прочимъ, слѣдующее: „мы всегда признавали одною изъ первыхъ нашихъ обязанностей обращать заботливое вниманіе на положеніе трудящагося класса всей имперіи; особенно сознавали мы эту обязанность со времени изданія закона противъ социалистовъ, и уже тогда мы заявили свое убѣжденіе, что законодательство не можетъ ограничиваться полицейскими и карательными мѣрами для подавленія и предупрежденія посягательствъ на безопасность государства, но должно стремиться къ введенію реформъ для устраниенія или, по крайней мѣрѣ, смягченія преслѣдуемаго закономъ зла,—реформъ, способныхъ содѣйствовать благу рабочихъ и улучшить и упрочить ихъ положеніе“. Въ посланіи заявляется далѣе, что важный законъ о страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ не подвинулся еще въ обсужденіи палаты и не будетъ, вѣроятно, рассмотрѣнъ въ настоящемъ году, если палата не рѣшится теперь же заняться утвержденіемъ бюджета на 1884—85 годъ, чтобы такимъ образомъ очистить осеннюю сессію для безпрепятственнаго рассмотрѣнія социально-политическихъ законопроектовъ. Все содержаніе посланія и приведенные въ немъ мотивы настолько ясно напоминали неоднократно заявленія князя Бисмарка, что никто, конечно, не усомнился насчетъ истиннаго значенія прочитаннаго въ палатѣ документа. Предводитель прогрессистовъ, Евгенийъ Рихтеръ, замѣтилъ, что преждевременное рассмотрѣніе бюджета за 1884—85 годъ дало бы канцлеру возможность управлять полтора года безъ парламентскаго контроля, и что во всякомъ случаѣ императорское посланіе, какъ подписанное отвѣтственнымъ министромъ, подлежитъ обсужденію палаты. Большинство депутатовъ отклонило, однако, мысль объ отвѣтномъ адресѣ и перешло къ дальнѣйшимъ преніямъ о правилахъ промышленнаго устава относительно обязательныхъ рабочихъ книжекъ. Личное обращеніе монарха къ парламенту произвело, конечно, надлежащее впечатлѣніе на депутатовъ и на все нѣмецкое общество; но практическихъ результатовъ оно, вѣроятно, имѣть не будетъ. Въ посланіи содержится, между прочимъ, весьма трогательное указаніе на преклонный возрастъ императора, который хотѣлъ бы дожить до практическаго примѣненія реформъ, направленныхъ къ улучшенію экономическаго быта народа.

Къ сожалѣнію, внутреннія задачи не рѣшаются одними пожеланіями и чувствами, хотя бы самыми возвышенными. Проза жизни народной имѣетъ свою неумолимую логику, и даже такіе умы, какъ князь Бисмаркъ, должны по неволѣ преклониться предъ силою жи-

тейскихъ условій и обстоятельствъ, среди которыхъ остаются безплодными утонченныя бюрократическія предначертанія, выработанныя искусственно, помимо дѣйствительныхъ нуждъ и требованій населенія. Посланіе императора Вильгельма есть въ сущности признаніе, крайне тагостное для основателя новой германской имперіи: поставивъ своею цѣлью возвышеніе могущества Пруссіи и достигнувъ исполненія самыхъ смѣлыхъ мечтаній въ области внѣшняго германскаго величія, повелитель Пруссіи и Германіи сознаетъ теперь официально, что внѣшняя военная слава не принесла ожидаемыхъ благъ народу и что положеніе большинства нѣмецкаго населенія далеко не соответствуетъ наружному блеску имперіи. Желаніе увидѣть подъ старость нѣкоторую долю облегченія въ бытѣ рабочихъ массъ заключаетъ въ себѣ какъ-будто признаніе, что идеалы, считавшіеся въ прошлое время единственно достойными великаго государства, напрасно отвлекали правительство отъ исполненія ближайшихъ обязанностей относительно многочислѣннѣйшей части трудящагося народа, который ошибочно разсматривался, какъ неисчерпаемый пассивный источникъ податныхъ и военныхъ силъ.

II.

Не только лучшая часть нѣмецкаго общества, но и само правительство Германіи признаетъ теперь, что внѣшніе политическіе успѣхи далеко не служатъ выраженіемъ дѣйствительныхъ потребностей народа. Военная слава возбуждаетъ и раздражаетъ народные нервы, усиливая чувствительность ихъ къ матеріальнымъ и нравственнымъ нуждамъ страны. Чѣмъ болѣе выдвигаются на первый планъ инстинкты національнаго честолюбія, тѣмъ замѣтнѣе становится неудовлетворенность въ мизерныхъ внутреннихъ дѣлахъ. Искусственное возбужденіе можетъ временно заставить народъ забыть и увлечься въ область заманчивыхъ историческихъ фантазій; но экальтація держится не долго, и правительства, основывавшія на ней свое существованіе, неизмѣнно падали по мѣрѣ истощенія поводовъ къ внѣшнимъ политическимъ порывамъ. Имперія Наполеона III погибла именно потому, что пыталась заглушить интересы и желанія французскаго народа при помощи скоропреходящихъ возбужденій, направленныхъ въ сторону такъ-называемаго „внѣшняго величія“ Франціи. Имперія Вильгельма I и князя Бисмарка имѣетъ задатки прочности только потому, что она остановилась во-время на пути роковой игры національнымъ честолюбіемъ и обратилась къ насущнымъ задачамъ мирной германской жизни. Характеръ нѣмцевъ

не допускаетъ тѣхъ непрерывныхъ увлеченій, которымъ легко поддавались французы; притомъ Франція, какъ страна болѣе богатая, могла гораздо дольше нести на себѣ бремя разорительныхъ военныхъ предпріятій, чѣмъ бѣдная отъ природы Германія. Въ этомъ отношеніи отчасти дѣйствовалъ также поучительный примѣръ Седанской катастрофы, столь плачевно закончившей собою воспѣтую придворными льстецами эру лихорадочнаго блеска извнѣ и безпардонной твердости внутри. Князь Бисмаркъ уразумѣлъ бесплодность односторонняго витанія въ сферѣ международной политики; онъ не могъ не видѣть, что нѣмцы пресыщены побѣдами 1871 года, и что дальнѣйшія требованія ихъ уже всецѣло относятся къ удовлетворенію законныхъ интересовъ нормальнаго общественнаго существованія. Въ отвѣтъ на быстрое распространеніе социальной демократіи среди нуждающихся рабочихъ массъ, выдвинуто было знамя государственнаго социализма, и своеобразная экономическая программа имперскаго канцлера сдѣлалась главнѣйшимъ предметомъ борьбы между правительствомъ и парламентомъ. Князь Бисмаркъ, повидимому, не потерялъ еще надежды привлечь на свою сторону народныя симпатіи посредствомъ кажущихся законодательныхъ улучшеній, или по крайней мѣрѣ подорвать нравственную силу „парламентаризма“ въ глазахъ рабочаго класса, проникнутаго и безъ того враждебными чувствами къ либеральной буржуазіи. Цѣль эта не могла быть достигнута до сихъ поръ, при общемъ недовѣріи народа къ реформаторскимъ попыткамъ правительства, составленнаго по преимуществу изъ элементовъ реакціонныхъ. Соединить самовластіе съ народолюбіемъ оказалось настолько же труднымъ для князя Бисмарка, насколько легко было ему дѣйствовать успѣшно на поприщѣ кабинетной дипломатіи.

Исключительное обаяніе имени германскаго канцлера бессильно при разрѣшеніи прованческихъ жизненныхъ вопросовъ, наиболѣе интересующихъ нѣмецкій народъ въ настоящее время; но оно сохраняетъ полную силу въ дѣлахъ международныхъ. Новѣйшее блестящее доказательство этого обаянія представляетъ упомянутый нами выше тройственный союзъ, состоявшійся только благодаря подавляющему личному авторитету князя Бисмарка. Въ сущности Германія выигрываетъ немного отъ новой комбинаціи, съ точки зрѣнія установившихся отношеній между государствами материка. Главныя политическія выгоды достались на долю Италіи и Австріи, которыя пока освобождены отъ тягостной обязанности держать свои войска наготовѣ другъ противъ друга. Но во всякомъ случаѣ потребовался значительный *tour de force* для того, чтобы заставить умолкнуть разнообразныя чувства, раздѣлявшія Австрію отъ Италіи, и побу-

дѣтъ обѣ эти державы заключить „союзъ мира“. Такіе tours de force нѣмого уже не удивляютъ со стороны князя Бисмарка, при несомнѣнномъ фактическомъ преобладаніи берлинскаго кабинета въ международныхъ совѣтахъ Европы.

Германскій канцлеръ утилизировалъ какъ нельзя лучше накопившееся въ Италіи раздраженіе противъ Франціи и вмѣстѣ съ тѣмъ доставилъ Италіи возможность войти впервые въ кругъ руководящихъ европейскіхъ государствъ, на правахъ дѣйствительной „великой державы“. До сихъ поръ на Италію смотрѣли свысока и въ Парижѣ и въ Вѣнѣ; французы не могли забыть, что итальянское королевство создано сравнительно недавно, при ихъ дѣятельномъ участіи, а австрійцы не отдѣлялись еще отъ привычки считать итальянцевъ своими бывшими мятежными подданными, побѣжденными при Кустоцѣ и при Лиссѣ. Въ Берлинѣ оцѣнили то, что игнорировалось во Франціи и въ Австріи, — внутренний ростъ итальянскаго народа со времени образованія итальянскаго королевства. Италія призвана теперь замѣнить собою Россію въ тройственномъ союзѣ, съ тою только разницею, что политика Италіи вызывается реальными интересами этой страны, тогда какъ для Россіи участіе въ комбинаціяхъ князя Бисмарка было по меньшей мѣрѣ безцѣльно.

Нынѣшняя Италія находится во многихъ отношеніяхъ въ лучшемъ положеніи, чѣмъ Австрія и даже Германія. Между правительствомъ и народомъ нѣтъ того антагонизма, который существуетъ въ двухъ названныхъ имперіяхъ; необходимыя реформы совершаются беспрепятственно, при полномъ публичномъ контролѣ свободной печати и общественнаго мнѣнія; даже финансы сравнительно процвѣтаютъ, по крайней мѣрѣ за послѣдніе годы. Въ Италіи восстановлено обращеніе золотой монеты, и для этого употребленъ былъ, между прочимъ, громадный запасъ русскихъ полумперіаловъ. Въ палатѣ депутатовъ министръ финансовъ Мальяни представилъ положеніе дѣлъ въ слѣдующемъ видѣ: избытокъ доходовъ, вмѣсто предполагаемой цифры 7 милліоновъ, превысилъ 12 милліоновъ и дошелъ бы до сорока, если бы не наводненія въ Венеціанской области, — а именно, въ доходахъ получился излишекъ въ 24 милліона, сбереженій же сдѣлано на 12 милліоновъ. Такъ закончился прошлый годъ въ финансовомъ отношеніи; настоящій бюджетный годъ также долженъ заключиться излишкомъ доходовъ надъ расходами, безъ употребленія экстраординарныхъ средствъ, разрѣшенныхъ парламентомъ. На будущій годъ, въ виду совершенной отміны подати на хлѣбную муку, приготовлены спеціальныя ресурсы для покрытія недочета въ доходахъ, безъ обремененія податныхъ силъ страны. „Нужно упрочить пріобрѣтенные результаты и закончить реформу податей, — говорилъ Мальяни, — чтобы

укрѣпить и возвысить кредитъ и финансовое могущество государства. Заслуживъ уваженіе и довѣріе образованнаго міра, Италія съумѣетъ оправдать и усилить ихъ также въ области финансовой". Въ этомъ отношеніи Италія, очевидно,—вполнѣ солидная преемница Россіи въ тройственномъ союзѣ.

Еще болѣе значительныхъ успѣховъ достигли итальянцы въ развитіи общественной и политической жизни. Передовые люди, считавшіеся когда-то опасными радикалами, мирно управляютъ королевствомъ; республиканцы сознательно подчиняются правительству короля Гумберта, не встрѣчая никакихъ преградъ для разумныхъ улучшеній и преобразованій. Недавно министр-президентъ Депретисъ внесъ въ палату депутатовъ проектъ закона о реформѣ мѣстнаго управленія; по этому проекту автономія общинъ и провинцій основывается на началѣ выборнаго представительства, причемъ избирательныя права предоставляются и женщинамъ. Министерство выработало также два законопроекта, касающіеся социальнаго быта рабочихъ: одинъ — объ обязательной отвѣтственности предпринимателей за послѣдствія несчастныхъ случаевъ, а другой — объ образованіи „національной сберегательной кассы для инвалидовъ труда". Оба проекта свидѣтельствуютъ о серьезномъ желаніи правительства въ Италіи облегчить положеніе трудящихся и осуществить нѣкоторую долю социально-политической программы. Общее довѣріе къ власти укрѣпляется и поддерживается добросовѣстнымъ вниманіемъ ея къ голосу страны. Король Гумбертъ не считаетъ невыгоднымъ для себя призывать къ управленію лучшія умственные силы итальянской націи и даетъ самый широкій просторъ публичному обсужденію общественныхъ дѣлъ; оттого въ Италіи, несмотря на обиліе въ ней давнишнихъ революціонныхъ элементовъ, государственная власть стоитъ такъ же крѣпко и надежно, какъ въ Англіи,—не подвергаясь ни шатаніямъ перемежчиваго личнаго усмотрѣнія, ни роковымъ ошибкамъ самоуверенной борьбы съ управляемымъ народомъ. Въ этомъ отношеніи Италія несомнѣнно поставлена лучше своей теперешней союзницы, Австро-Венгріи, принужденной вѣчно возиться съ неразрѣшимымъ вопросомъ о примиреніи разнородныхъ національностей для сообщенія болѣе или менѣе правильнаго хода тяжелой государственной машинѣ.

Италія могла имѣть только мирныя, охранительныя цѣли при вступленіи въ союзъ съ двумя имперіями; это видно уже изъ того, что кабинетъ Депретиса именно въ настоящее время отказывается отъ такого важнаго и удобнаго источника государственнаго дохода, какъ налогъ на хлѣбную муку, дававшій до сихъ поръ вѣрныхъ 52 милліона въ годъ. Въ палатѣ депутатовъ предложено было продлить существованіе этого налога на пять лѣтъ, для окончанія военныхъ

сооруженій; но министр-президентъ рѣшительно отклонилъ это предложеніе, угрожая даже своею отставкою въ случаѣ несогласія съ нинѣ палаты по этому вопросу. Министерство, отвергающее даваемые ему извнѣшніе ресурсы, представляетъ само по себѣ довольно рѣдкое и характерное явленіе; этотъ фактъ получаетъ еще особый успокоительный смыслъ, въ виду разнообразныхъ толковъ о планахъ тройственнаго союза. Для Италіи важно уже то, что интересы ея въ Средиземномъ морѣ гарантированы отъ произвольныхъ распоряженій Франціи и Англіи, при новой группировкѣ континентальныхъ державъ.

III.

Почти одновременно съ распространеніемъ извѣстій о новомъ тройственномъ союзѣ, въ Парижѣ происходило торжественное собраніе „французскаго общества друзей мира“, подъ предсѣдательствомъ профессора Франка, при участіи выдающихся политическихъ, ученыхъ и литературныхъ дѣятелей. Подписана была петиція къ палатамъ въ пользу примѣненія началъ третейскаго суда въ международныхъ спорахъ.

„Война, — сказано въ этой петиціи, — есть не только бичъ, но и поворъ челоуѣчества. Она отдаетъ судьбу народовъ на произволъ грубой силы. Она служитъ всегда открытымъ убѣжищемъ деспотизма. Постоянными вооруженіями, для которыхъ она является болѣе предлогомъ, чѣмъ причиною, — она порождаетъ варварство и разрушеніе даже во время мира. Нашему вѣку должна принадлежать честь прекращенія этого зла, по крайней мѣрѣ у цивилизованныхъ народовъ стараго и новаго свѣта, подобно тому какъ положенъ конецъ невольничеству... Франція имѣетъ право возвысить голосъ въ пользу мира, послѣ того какъ она дала столько доказательствъ героизма на войнѣ“.

Предсѣдатель собранія въ длинной рѣчи объяснилъ, что внутренній миръ невозможенъ безъ внѣшняго, что нигилизмъ и анархія вытекаютъ изъ тѣхъ же правъ силы, на которыхъ держится война; что почти всѣ европейскіе парламенты высказались въ пользу арбитража, и что чувство патриотизма не должно мѣшать французамъ высказаться въ томъ же духѣ. Еще въ декабрѣ прошлаго года сенатомъ и палатою представителей Соединенныхъ Штатовъ принята была резолюція, приглашающая президента „вступить въ переговоры съ другими просвѣщенными государствами для установленія международной системы, посредствомъ которой спорные вопросы, возникающіе между правительствами, разрѣшались бы третейскимъ судомъ и, если это возможно, безъ помощи войны“. Указывая на это

постановленіе американскаго парламента, профессоръ Франкъ коснулся и тѣхъ особыхъ обстоятельствъ, которыя затрудняютъ проповѣдываніе „вѣчнаго мира“ во Франціи. „Франція хранитъ въ своемъ сердцѣ глубокую рану, для которой миръ не кажется естественнымъ исцѣленіемъ. Но—закончилъ ораторъ—я держусь противоположнаго взгляда. Такъ какъ нѣчто не можетъ льстить себя возможностью войти въ сдѣлку съ побѣдою, то мы должны больше полагаться на прогрессъ общественнаго духа, на мирныя требованія разума и справедливости, даже, быть можетъ, на совѣты благоразумія, чѣмъ на слѣпые удары силы“.

Подобная мысль была высказана еще покойнымъ Гамбеттою, но это не мѣшало ему быть наиболѣе энергическимъ сторонникомъ щедрого военнаго бюджета. Утѣшать французовъ фантастическою картиною добровольной отдачи завоеванныхъ нѣмцами провинцій, подъ вліяніемъ разума и высшей справедливости—это приѣмъ, быть можетъ, симпатичный и вполне цѣлесообразный со стороны „общества друзей мира“, но для практической политики онъ не имѣетъ, конечно, никакого значенія. Даже въ устахъ предсѣдателя французскихъ миролюбцевъ ссылка на моральную силу сопровождается тѣмъ практическимъ доводомъ, что „нѣчто не можетъ быть увѣренъ въ побѣдѣ“; а этотъ одинъ доводъ уничтожаетъ, очевидно, всю аргументацію почтеннаго профессора. Если Германія, заручившись содѣйствіемъ Италіи и Австріи, положительно увѣрена въ побѣдѣ, то она можетъ уже не обращать никакого вниманія на нравственные мотивы, — точно такъ же какъ Франція не усомнилась бы воевать съ Германіею, еслибы чувствовала за собою безспорное превосходство силъ. Такой способъ разсужденій, допускаемый косвенно профессоромъ Франкомъ, отнимаетъ всякій серьезный смыслъ у пропаганды, получившей свое выраженіе въ упомянутой выше петиціи къ обѣмъ французскимъ палатамъ. Поддерживать идею мира только за не возможностью успѣшной войны при данныхъ условіяхъ—это вовсе не значить быть въ принципѣ противникомъ разрѣшенія политическихъ споровъ при помощи кровавой расправы.

Къ сожалѣнію, большинство французскихъ патріотовъ до сихъ поръ еще понимаетъ миролюбіе въ этомъ условномъ смыслѣ — въ смыслѣ политической необходимости, зависящей отъ временныхъ обстоятельствъ, которыя могутъ еще измѣниться. Правда, Франція дѣлаетъ пока очень мало для измѣненія окружающей политической обстановки: она не могла сблизиться съ Англіею и оттолкнула отъ себя Италію, увлекшись обширными колоніальными предпріятіями; но затаенная надежда на приобрѣтеніе прежняго вліянія въ Европѣ не покидаетъ даже самыхъ умѣренныхъ и благоразумныхъ предста-

вителей французской республики. Примириться съ потерей Эльзаса и Лотарингіи, какъ съ безповоротнымъ историческимъ фактомъ, чрезвычайно трудно и даже невозможно для національнаго чувства, воспитаннаго вѣками военныхъ удачъ; поэтому-то во всѣхъ комбинаціяхъ европейской дипломатіи принимается въ расчетъ неизбежность „войны возмездія“ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, при наступленіи извѣстныхъ условій, способныхъ усилить шансы французскаго оружія. Нужно сказать, что значительная часть французской печати даетъ подходящій матеріалъ для подтвержденія такого взгляда. Меланхолическій тонъ парижскихъ газетъ по поводу присоединенія Италіи къ австро-германскому союзу также послужилъ предметомъ подозрительныхъ догадокъ въ берлинской оффиціозной прессѣ. Но эти подозрѣнія и предположенія совершенно не оправдываются настроеніемъ массы французскаго населенія. Самые горячіе патріоты во Франціи признаются, что большинство народа стоитъ безусловно и твердо за миръ, безъ всякихъ оговорокъ и заднихъ мыслей, и что международная предпримчивость въ духѣ бонапартизма совершенно вышла изъ моды, насколько она не требуется осязательными экономическими выгодами. Вѣра въ прочность мира нисколько не пострадаетъ, разумѣется, отъ созданія лишней преграды противъ возможныхъ порывовъ воинственнаго честолюбія во Франціи, — такъ что преувеличенныя мѣры предосторожности, принимаемыя княземъ Бисмаркомъ, могутъ не особенно беспокоить искреннихъ „друзей мира“ среди французскихъ республиканцевъ. Первое волненіе, вызванное непріятною вѣстью, скоро прошло во Франціи, и безразличное спокойствіе, какъ спутникъ чистой совѣсти, вновь показало на столбцахъ солидныхъ изданій при обсужденіи иностранныхъ дѣлъ. Спокойное, хладнокровное отношеніе къ международнымъ вопросамъ установилось тѣмъ легче, что въ сущности французскіе публицисты давно перестали волноваться внѣшней политикою и привыкли сосредоточивать свое вниманіе на внутреннихъ дѣлахъ, благодаря характеру республиканскаго режима. Не даромъ берлинская печать, по примѣру князя Бисмарка, смотритъ на существованіе республики во Франціи, какъ на залогъ мира въ Европѣ.

Министерство Жюль Ферри принялось между прочимъ за врачеваніе социальныхъ недуговъ, общихъ всѣмъ европейскимъ государствамъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, Вальдекъ-Руссо, учредилъ особую комиссію для улучшенія быта рабочаго класса и открылъ занятія этой комиссіи весьма обстоятельною и энергичною рѣчью, которая можетъ считаться реформаторскою программою правительства. Вальдекъ-Руссо возстаетъ противъ всякихъ утопій и требуетъ только принатія мѣръ, практически осуществимыхъ и полезныхъ.

Объявляя себя врагомъ „государственного социализма“, въ какой бы то ни было формѣ, онъ возлагаетъ всѣ свои ожиданія на самихъ рабочихъ. Самою лучшею реформою была бы, по его мнѣнію, такая, которая уничтожила бы посредничество между трудомъ и производствомъ, предоставляя рабочимъ всѣ плоды ихъ труда; а этого можно было бы достигнуть соединеніемъ рабочихъ для непосредственной эксплуатаціи отдѣльныхъ отраслей промышленности, помимо предпринимателей и капиталистовъ. „Нужно приучить работниковъ къ совмѣстной дѣятельности, къ соединенію силъ, которыя теряются въ раздробъ и становятся поразительно плодотворными при разумно устроенной общности труда“. Министръ поручилъ комиссіи составленіе проекта новаго закона о рабочихъ и промышленныхъ союзахъ, взаимѣнь устарѣвшаго и несостоятельнаго законодательства, дѣйствующаго понынѣ. Въ то же время правительство вошло въ соглашеніе съ городскимъ управленіемъ Парижа и съ обществомъ поземельнаго кредита для устройства дешевыхъ и удобныхъ жилищъ для рабочихъ, съ тѣмъ, чтобы послѣдніе приобрѣтали въ собственность нанимаемые ими дома на льготныхъ условіяхъ. Предположено устроить 17,000 жилищъ съ наемною платою не болѣе 300 франковъ въ годъ; въ случаѣ успѣха, предпріятіе должно расширяться и получить самостоятельную организацію въ наиболѣе промышленныхъ центрахъ Франціи, при поддержкѣ государственнаго казначейства. Очевидно. Вальдекъ-Руссо осуждаетъ государственный социализмъ только съ его невыгодной стороны и не стѣсняется примѣнять его тамъ, гдѣ возможны непосредственные практическіе результаты, благопріятные для нуждающагося рабочаго населенія. Устройство жилищъ для отдачи ихъ рабочимъ, на условіяхъ постепеннаго погашенія — не будетъ убыточною операціею и въ финансовомъ отношеніи; предпріятіе должно вполнѣ окупиться, по расчету специалистовъ и согласно бывшимъ примѣрамъ.

Конечно, нашлись доктринеры, готовые во имя свободы отстаивать обязанность рабочихъ проживать въ трущобахъ, предлагаемыхъ имъ за дорогую цѣну свободными домохозяевами; между прочимъ „Journal des Débats“ находитъ, что дѣло, затѣянное правительствомъ, можетъ повредить интересамъ частныхъ предпринимателей, и что слѣдовало бы поэтому предоставить удовлетвореніе потребности рабочаго класса въ жилищахъ болѣе компетентной „свободной“ промышленности. Привлекательное знамя свободы профанируется такимъ образомъ, безъ всякой надобности, въ угоду многочисленнымъ спекулянтамъ, извлекающимъ свои выгоды изъ шаткаго положенія рабочихъ. Если свобода должна служить исключительно ловкимъ промышленникамъ, облегчая имъ порабощеніе немущаго

народа, то не будетъ ничего удивительнаго въ томъ, что отъ нея отвернется большинство населенія и предпочтетъ отдаться въ руки какому-нибудь новаго Бисмарка, способнаго поднять рабочихъ противъ гнетущаго ихъ призрака „промышленной свободы“. Когда дѣло идетъ о какомъ-нибудь крупномъ частномъ предпріятіи, заслуживающемъ officialной поддержки, то тотъ же „Journal des Débats“ не замедлитъ высказаться за вмѣшательство государства въ видѣ надлежащихъ денежныѣхъ льготъ и субсидій; почему же это вмѣшательство признается зломъ, когда дѣло идетъ о жизненныхъ нуждахъ низшаго класса, несущаго на своихъ плечахъ значительнѣйшую долю общей производительности страны, вмѣстѣ съ разнообразными тягостями податной системы? Разсужденія, подобныя приведеннымъ въ „Journal des Débats“, прикрывались когда-то авторитетомъ политической экономіи, но маска съ нихъ снята давно, и они утратили популярность даже въ тѣхъ сферахъ, въ которыхъ въ прежнее время господствовали безраздѣльно. „Свобода“ — дѣло слишкомъ хорошее, чтобы низводить ее на степень прикрытія для беззащитныхъ спекуляцій, и академическій органъ Леона Сая слѣдуетъ только традиціонной рутинѣ, повторяя взгляды, рѣзко противорѣчащіе новѣйшей государственной практикѣ самыхъ консервативныхъ правительствъ Европы. Впрочемъ, воззрѣнія „Journal des Débats“ раздѣляются весьма немногими изъ остальныхъ французскихъ газетъ, особенно республиканскихъ.

Кабинетъ Жюль Ферри осуществилъ еще одну мѣру, нарушившую спокойствіе французскаго денежнаго общества, — мѣру, давно ожидаемую и тѣмъ не менѣе возбуждившую полемическій задоръ въ органахъ консервативной оппозиціи. Въ эпоху „прусскаго нашествія“ сдѣланъ былъ колоссальный выпускъ процентныхъ бумагъ, для уплаты контрибуцій; по этимъ бумагамъ правительство, въ виду исключительныхъ обстоятельствъ, обязалось платить пять процентовъ съ номинальной суммы, оставивъ за собою однако право выкупа или обмѣна. Съ тѣхъ поръ цѣнность этихъ бумагъ сильно возрасла, а государственное казначейство продолжало выплачивать несоразмѣрно высокій процентъ за суммы, полученныя не сполна въ 1871 году, тогда какъ правительство можетъ свободно получать въ свое распоряженіе какія угодно денежные средства за три процента въ годъ. Выходило, такимъ образомъ, что государство переплачивало полтора-два милліона въ ежегодно, безъ всякой надобности. Вопросъ объ обмѣнѣ или „конверсіи“ пятипроцентной ренты служилъ предметомъ оживленныхъ парламентскихъ и газетныхъ дебатовъ за послѣдніе годы; нѣсколько разъ онъ выступалъ на очередь и снова сходилъ со сцены, подъ давленіемъ заинтересованныхъ обладателей ренты.

Въ принципѣ никто не отрицалъ права обмѣна этихъ бумагъ; но противъ практическаго осуществленія этого права постоянно поднимались вѣскіе доводы, въ видѣ указаній на несвоевременность предложенной мѣры, на вредное потрясеніе денежнаго рынка и т. п. Ни одно министерство не рѣшалось приступить къ щекотливой задачѣ, настоятельность которой сознавалась всѣми. Наконецъ, вопросъ созрѣлъ настолько, что нынѣшнему министру финансовъ Тирару не трудно было уже покончить съ нимъ, хотя и въ крайне осторожной и мягкой формѣ. Пятипроцентная рента будетъ или выкуплена по номинальной стоимости, или обмѣнена на бумаги, дающія 4½ процента,—смотря по желанію; предполагается, что громадное большинство владельцевъ бумагъ предпочтетъ обмѣнъ. Незначительная, повидимому, сбереженіе процента сокращаетъ уже расходы казны на 35 милліоновъ въ годъ; эти милліоны должны пойти на увеличеніе бюджетныхъ ресурсовъ по министерству публичныхъ работъ, вмѣсто ожидавшагося облегченія поземельныхъ налоговъ. Бюджетъ республики разросся, правда, до грандіозныхъ размѣровъ, вслѣдствіе наклонности палатъ къ щедримъ назначеніямъ на общепользныя дѣла; теперь, послѣ появленія дефицита въ бюджетѣ, вступилъ въ свои права прежній духъ экономіи, присущій вообще французскому финансовому хозяйству.

Въ Англіи сдѣлавъ былъ недавно опытъ, представляющій собою наглядное опроверженіе распространенныхъ мнѣній о неудобствѣ парламентаризма для быстрыхъ законодательныхъ мѣръ. Въ засѣданіи палаты общинъ, 9 апрѣля, министръ внутреннихъ дѣлъ, сэръ Вильямъ Гаркуръ, внесъ проектъ закона объ отвѣтственности за незаконное храненіе и производство взрывчатыхъ веществъ. Въ полтора часа проектъ прошелъ черезъ всѣ стадіи, необходимыя для сообщенія ему силы закона; вслѣдъ затѣмъ онъ переданъ былъ въ палату лордовъ и рассмотрѣнъ съ такою же скоростью, послѣ чего состоялось формальное утвержденіе его королевскою подписью. Чтобы достигнуть такого поразительнаго результата, министру достаточно было заявить, что законъ нуженъ немедленно, хотя бы въ тотъ же день. Законъ былъ дѣйствительно обнародованъ въ тотъ же день, по внесеніи его въ палату.

А между тѣмъ дѣло шло о мѣрѣ необычайной, выходящей изъ ряда не только по вызвавшимъ ее поводамъ, но и по самому содержанию своему. Новый законъ нарушаетъ, повидимому, всякія установленныя понятія о правосудіи; онъ назначаетъ, напримѣръ, заключеніе въ рабочемъ домѣ до 14 лѣтъ за простое храненіе взрывча-

ныхъ матеріаловъ, если цѣль ихъ не могла быть удовлетворительно объяснена владѣльцемъ. Самый отдаленный пособникъ приравнивается къ главному виновному; одно намѣреніе совершить или приготовить взрывъ наказывается двадцатью годами каторги. Полицейской власти дается широкое право обыска, при малѣйшемъ подозрѣніи относительно нахождения гдѣ-либо взрывчатыхъ веществъ; въ этихъ случаяхъ не дѣйствуютъ общія начала „великой хартіи“.

Но всѣ такія постановленія новаго закона получаютъ, во-первыхъ, регулирующій противовѣсъ въ оговоркѣ, кажущейся на первый взглядъ незначительною, — а именно: судебное преслѣдованіе подозрительныхъ лицъ возбуждается съ разрѣшенія „генеральнаго атторнея“. Это одно условіе, которое на континентѣ могло бы, пожалуй, усилить непопулярность закона, признано было въ Англіи вполне надежною гарантіею правильнаго его примѣненія. Если возбужденіе дѣлъ зависитъ отъ представителя высшей судебной администраціи, то, значить, законъ будетъ примѣняться цѣлесообразно и не повлечетъ за собою никакихъ неудобствъ для лицъ непричастныхъ и невиновныхъ: — таково общее мнѣніе въ Англіи, какъ о томъ можно судить и по отзывамъ газетъ. Кромѣ того, англичане вообще придаютъ гораздо больше значенія примѣненію законовъ, чѣмъ буквальному ихъ содержанію. Въ рукахъ англійскихъ судей самыя худшія законы получаютъ разумный смыслъ и остаются безъ вредныхъ послѣдствій, и никогда не случается тамъ, чтобы и хорошія законодательныя постановленія извращались практикою въ ущербъ интересамъ общества. Довѣріе къ суду и къ администраціи въ такой степени укоренилось въ Англіи, что населеніе можетъ безъ боязни встрѣчать еще болѣе рискованныя исключительныя мѣры, — ибо всякій знаетъ, что примѣненіе послѣднихъ зависитъ всецѣло отъ разумнаго пониманія и доброй совѣсти испытанныхъ и пользующихся общимъ почетомъ представителей правосудія. Наконецъ, въ Англіи каждый убѣжденъ, что исключительныя мѣры будутъ отиѣнены тотчасъ же по минованіи въ нихъ надобности.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е мая, 1888.

— Аѳ(е)анасій Прокофьевичъ Шаповъ. Жизнь и сочиненія. Съ портретомъ А. П. Шапова. Сочиненіе профессора Н. Я. Аристова. Посмертное изданіе. Спб. 1888.

Біографія Шапова была послѣднимъ трудомъ профессора русской исторіи въ нѣжинскомъ историко-филологическомъ институтѣ Аристова, умершаго въ прошломъ году. Покойный Аристовъ зналъ Шапова со времени пребыванія своего (въ первыхъ 50-хъ годахъ) въ казанской духовной академіи, гдѣ онъ былъ младшимъ товарищемъ Шапова; потомъ видѣлъ его близко въ Петербургѣ; какъ человѣкъ той же профессіи, занимавшійся близкими или тѣми же вопросами, могъ отчетливо судить о ходѣ и свойствѣ его ученыхъ трудовъ. Такимъ образомъ біографъ былъ съ фактической стороны хорошо приготовленъ къ исполненію своей задачи. И біографія дѣйствительно представляетъ немало любопытныхъ свѣдѣній.

Отецъ Шапова былъ дьячекъ села Ангя, за Байкаломъ; мать — простая крестьянка, буратка; семья была довольно многочисленная и бѣдная. Шаповъ родился въ 1830 г., дѣтство свое провелъ въ деревенской обстановкѣ, какъ проводятъ его крестьянскіе мальчики. Ученіе его началось въ иркутскомъ духовномъ училищѣ, имѣвшемъ всѣ ужасныя свойства пресловутой бursы; житье было тяжелое до нестерпимости, такъ что даже очень приученные къ нуждѣ мальчики бѣжали изъ училища, буквально куда глаза глядятъ. Въ 1846 г. Шаповъ перешелъ изъ училища въ семинарію, гдѣ условія существованія были уже гораздо сноснѣе, и ученіе лучше; наконецъ въ 1852 онъ, въ числѣ лучшихъ учениковъ иркутской семинаріи, посланъ былъ на казенный счетъ въ казанскую духовную академію. Здѣсь онъ пробылъ еще четыре года, а по окончаніи курса, въ 1857 сдѣланъ былъ бакалавромъ и получалъ профессуру русской исторіи, потомъ сталъ читать тотъ же предметъ и въ университетѣ. Вслѣд-

ствіе извѣстнаго дѣла о панихидѣ по Антоніѣ Петровѣ, Щаповъ въ 1861 потерялъ профессуру, былъ взятъ въ Петербургъ, прожилъ здѣсь до 1863, и высланъ былъ на „мѣсто жительства“, въ Иркутскъ, и умеръ здѣсь въ 1876, послѣ всякихъ бѣдствій нравственныхъ и матеріальныхъ, съ которыми не въ силахъ былъ бороться,

Эту біографію рассказываетъ Аристовъ. Тѣмъ, кто знавалъ Щапова въ Казани и въ Петербургѣ, довольно извѣстны многія странности и угловатости его характера, доходившія иногда до послѣднихъ крайностей; кто знаетъ его сочиненія, тѣмъ извѣстно многое оригинальное и плодотворное въ его историческихъ взглядахъ, а также и многіе неровности и недостатки какъ его теорій, такъ и ихъ выраженія, и самого языка. Біографъ старался объяснить эти свойства личнаго и литературнаго характера Щапова; въ книгѣ Аристова собрано не мало любопытныхъ подробностей о томъ и другомъ, но, сколько намъ кажется, авторъ не вездѣ счумѣлъ остаться точнымъ и безпристрастнымъ критикомъ; факты обыкновенно вѣрны, — хотя есть, нѣсколько ошибокъ и неточностей и въ этомъ.

Въ наше время очень въ ходу историческія и біографическія объясненія, выводимыя изъ племеннаго происхожденія и наслѣдственности. Этотъ способъ объясненія нерѣдко преувеличивается; но онъ, кажется, можетъ быть съ полнымъ основаніемъ примѣненъ въ настоящемъ случаѣ. Аристовъ не однажды ссылается на „азіатскую“ порывистость и необузданность Щапова; она дѣйствительно представляла нѣчто особенное и исключительное; точно также удивительна была его простота, искренность, доходившая до наивности и представлявшая опять что-то первобытное, по чему еще не прошла „цивилизція“.

Аристовъ сообщаетъ (стр. 38), что въ половинѣ сороковыхъ годовъ въ той же казанской академіи учился старшій братъ Щапова, который еще въ большей степени отличался той же дикой, горячей и необузданной натурой.

Духовенство за Байкаломъ, повидимому, охотно роднилось съ бурятами, и Щаповъ самъ замѣчаетъ, что многіе, учившіеся съ нимъ въ иркутской семинаріи, имѣли обличье бурятское. Щаповъ близко зналъ это племя, и относился къ нему съ большой похвалой и сочувствіемъ. Тамъ, онъ писалъ въ 1803: „Вотъ мчится между горъ, по широкой долині, между огромныхъ стадъ, мчится бурятъ на своемъ лихомъ конѣ во всю прыть: дикость ли, дурь ли бѣситъ его, или араки онилса онъ?.. А когда подумаешь, что этотъ бурятъ — отличный кузнецъ, отличный работникъ, хорошій скотоводъ, что онъ далъ намъ *Банзарова*, когда подумаешь, что дѣти этого бурята отлично учатся въ гимназіяхъ и даже въ университетахъ, — какъ грустно

станетъ на душѣ, что люди эти останутся еще въ дикости“. — Названный здѣсь Банзаровъ былъ, въ сороковыхъ годахъ, извѣстнымъ ориенталистомъ въ Петербургѣ, заявившимъ себя прекрасными учеными трудами и возбуждавшимъ наилучшія ожиданія; но однажды онъ отправился на время въ родной край, и — уже не вернулся оттуда: въ родной обстановкѣ, племенные инстинкты снова овладѣли имъ до такой степени, что онъ уже не захотѣлъ возвратиться въ цивилизованному быту.

Едва ли сомнительно въ самомъ дѣлѣ, что у Шапова сказывалось дѣйствіе инородческой, первобытной крови, — но не только въ „дикости“ и „необузданности“, но, быть можетъ, и въ нѣкоторыхъ наилучшихъ свойствахъ его нравственной природы.

Аристовъ узналъ Шапова, поступивъ на младшій курсъ въ казанской академіи, когда тотъ былъ въ старшихъ. Аристовъ не зналъ такимъ образомъ его прежняго семинарскаго и академическаго учителя, и за свѣдѣніями объ этомъ обратился въ одному изъ товарищей Шапова, г. Рождественскому, отъ котораго и получилъ показаніе, очень любопытнымъ образомъ рисующія складъ характера Шапова.

Г. Рождественскій описываетъ весьма неблагоприятно академическій бытъ въ свое время и въ первые годы пребыванія въ академіи Шапова. „Время нашего студенчества (1850 — 54) было до такой степени смирно и скучно, что студенты послѣдующихъ курсовъ съ трудомъ могутъ составить себѣ объ этомъ понятіе: причетническое прилежанье, кошачья осторожность, безответная субординація были по истинѣ жалки и гадки... Умственной, свѣжей, здоровой пищи, кромѣ заткнутой казенщины, почти нигдѣ было взять; „Исторія цивилизаціи“ Гизо считалась „ужасной книжкой“, а извѣстное сочиненіе Гиббона въ нѣмецкомъ переводѣ держали въ страшной тайнѣ; на свой счетъ студенты выписывали „Отечественныя Записки“ и „Современникъ“, но читали по возможности скрытно отъ начальства... Достаточно было студенту попасться на глаза начальству съ свѣтскимъ сочиненіемъ, — Гоголя, Пушкина или съ книжкой „Отч. Записокъ“, чтобы его взяли подъ сомнѣніе...

„Среди такой-то обстановки Шаповъ съ самаго начала рѣзко выдвинулся своей беззаветной откровенностью: что было у него на умѣ, то и на языкѣ, и всегда, и передъ кѣмъ угодно; его рѣчь отличалась прямою, поведеніе было просто, искренне, а откровенность доходила до наивности, какъ у ребенка. Вслѣдствіе духовной чистоты своей, онъ не понималъ, что такое интрига, скрытность, лицемеріе; онъ даже не былъ чувствителенъ къ насмѣшкѣ, чего такъ боится молодежь. Его манера говорить, размахивая руками, трясая лохматой головой, не слушая никого и ни на кого не обращая

вниманія, — возбуждала улыбку и смѣхъ въ товарищахъ, но онъ этого не замѣчалъ... Искренность его соединялась съ необыкновенной смѣлостью, отвагой; онъ говорилъ одинаковымъ тономъ съ сторожемъ, съ товарищемъ, съ ректоромъ и на экзаменахъ — и тутъ не было ни заискиваемости, ни желанія выставиться передъ другими; смѣлость эта прямо вытекала изъ убѣжденія и чистаго сердца. Этой искренностью, этой смѣлостью, этимъ пренебреженіемъ ко всему, кромѣ дѣла, я объясняю его презрѣніе къ выработкѣ внѣшней формы своихъ сочиненій; онъ не обращалъ на нее вниманія такъ же, какъ не заботился о своей наружности въ самое золотое время юности...

... Щаповъ на первомъ курсѣ читалъ много и упорно, и съ такимъ усердіемъ занимался, что всѣ изумлялись; онъ не зналъ никакихъ развлеченій, не участвовалъ въ играхъ, и рѣдко выходилъ даже на прогулку. Часовъ по 17 въ сутки онъ проводилъ за конторкой, такъ что отъ его сапогъ образовались углубленія на полу; студенты ходили смотрѣть на это диво, и углубленіе провалили „ямами новаго столпника, блаженнаго Афанасія“... Когда онъ былъ занятъ работой, онъ совершенно не замѣчалъ, что вокругъ него происходитъ; случалось, что инспекторъ или его помощникъ приходили къ нему: его не только въ аудиторію, но и въ столовую, такъ какъ онъ не слышалъ звонка и не видѣлъ, что оставался одинъ въ номерѣ*...

Замѣтимъ, что въ описываемое здѣсь время Щаповъ былъ уже очень зрѣлымъ юношей; при окончаніи курса ему было 26 лѣтъ. Такова была эта оригинальная натура дѣтски-простодушнаго и талантливаго идеалиста; очевидно, что человѣку этого характера предстояло встрѣтиться въ практической дѣйствительности съ самыми тяжелыми испытаніями: этому взрослому и ученому ребенку нужно было опытное руководство, а также и бережное отношеніе, чтобы онъ могъ благополучно пройти житейскія сцѣлы и харюбды, и чтобы пылкое стремленіе къ труду принесло воѣ свои результаты. Къ сожалѣнію, этого не случилось.

Биографъ Щапова не умѣлъ правильно понять этого положенія вещей. Аристовъ старается доказывать, что казанская академія, — въ которой и самъ онъ учился, — хотя имѣла свои недостатки, давала, однако, хорошія средства для научнаго образованія, ссылаясь при этомъ на товарищей Щапова — въ числѣ которыхъ есть извѣстные ученые. Но эта сторона академическаго быта (не говорю уже о духовномъ училищѣ и семинаріи) далеко не давала необходимѣйшихъ средствъ воспитанія характера и приготовленія къ жизни: въ эту рѣшительную пору, когда складываются окончательно нравы и понятія, Щаповъ оставался безпомощнымъ, лишеннымъ всякаго смяг-

чающаго вліянія семьи и общества. Самъ біографъ приводитъ весьма неблагополучныя подробности внутренняго академическаго быта, характеризуя ректоровъ и нѣкоторыхъ изъ профессоровъ, описывая гоненія на „свѣтскую науку“, въ которой книга Гизо считалась „ужасной“ и т. п. Благо нашлось нѣсколько преподавателей, которые урывками давали болѣе здравое понятіе о „свѣтской наукѣ“, и природа, гонимая въ дверь, залетала въ окно, особенно въ послѣдніе годы пребыванія Щапова въ академіи; очевидно, что и положеніе самой науки въ академическомъ воспитаніи было не весьма правильное, — и этому надо приписать въ большой мѣрѣ тѣ научныя недостатки, какіе встрѣчались въ трудахъ Щапова при всѣхъ ихъ достоинствахъ и всей оригинальности его взгляда. Укажемъ, напр., на его недостаточное знакомство съ европейской исторической литературой, упоминаемое Аристовымъ; Щаповъ не пріучился въ академіи даже къ чтенію книгъ на нѣмецкомъ или французскомъ языкѣ, и съ нѣкоторымъ трудомъ разбиралъ лишь нѣкоторыя цитаты.

Аристовъ указываетъ въ историческихъ трудахъ Щапова нѣсколько различныхъ теченій, которыя сводились къ различнымъ вліяніямъ школы и литературы, исторической, публицистической и научной. Въ первыхъ трудахъ его, къ числу которыхъ принадлежитъ извѣстная книга о расколѣ (1859) и статьи въ „Православномъ Собесѣдникѣ“, издававшемся при казанской академіи, господствуетъ главнымъ образомъ точка зрѣнія, обычная въ нашей церковной историографіи; потомъ онъ подчиняется вліянію славнофильскимъ, и у него развивается (по нашему мнѣнію, съ значительной долей его самостоятельныхъ изысканій) своя теорія о народной и областной стихіи въ образованіи стараго государственнаго строя и народнаго быта; еще позднѣе, во время пребыванія его въ Петербургѣ, онъ сближается съ „либеральными“, по выраженію Аристова, литературными кружками, и его историческіе взгляды получаютъ извѣстную публицистическую окраску; наконецъ, здѣсь же въ Петербургѣ, и позднѣе, онъ набрасывается на новѣйшую литературу по естествознанію, антропологіи и т. п., и стремится внести въ свои разсужденія естественно-научную подкладку, подложенную впрочемъ слишкомъ поспѣшно. Эти различные отбѣнки дѣйствительно были въ мнѣніяхъ Щапова; но Аристовъ даетъ имъ объясненія не совсѣмъ точныя. Онъ не замѣчаетъ, во-первыхъ, что эти колебанія въ теоретическихъ пріемахъ Щапова вовсе не свидѣтельствуютъ объ удовлетворительности академической школы (какъ ни старается Аристовъ доказать эту удовлетворительность), и во-вторыхъ, что эти колебанія происходили оттого, что Щаповъ, и по окончаніи курса, очевидно все еще продолжалъ работать надъ установленіемъ своихъ

теоретическихъ взглядовъ, котораго не получилъ отъ этой школы. Тамъ, въ этомъ отношеніи, онъ видимо былъ предоставленъ самому себѣ, множество читалъ, въ его сильной памяти накоплялась масса фактическаго знанія, но общій историческій взглядъ оставался смутнымъ,—самъ Аристовъ рассказываетъ, какое сильное впечатлѣніе произвелъ на Щапова разборъ его книги о расколѣ въ „Современникѣ“, гдѣ были указаны неясности и противорѣчія въ его историческомъ планѣ. Разборъ былъ слишкомъ строгъ, но Щаповъ признавалъ, что главные замѣчанія были совершенно вѣрны. Излагая далѣе петербургскій періодъ жизни Щапова, Аристовъ приписываетъ новый, начавшійся здѣсь складъ его литературныхъ трудовъ вліянію тогдашней либеральной публицистики; послѣдняя самому Аристову видимо не была сочувственна, и онъ желаетъ на нее свалить нѣкоторые недостатки сочиненій Щапова за это и позднѣйшее время. Но здѣсь біографъ опять находится въ томъ же заблужденіи: вліяніе, испытанное Щаповымъ, вовсе не было вліяніемъ тѣхъ или другихъ лицъ и кружковъ, а вліяніемъ времени и цѣлаго общественнаго настроенія; задатки его мнѣній въ петербургскій періодъ его жизни несомнѣнно принадлежать еще казанской эпохѣ. По собственнымъ словамъ біографа очевидно, что еще во время пребыванія въ академіи и въ казанской обстановкѣ Щаповъ сталъ сильно увлекаться общественными вопросами въ той формѣ, въ какой они являлись не только въ домашней, но и въ заграничной публицистикѣ. Приведемъ еще одно указаніе изъ упомянутаго выше свидѣтельства современника Щапова по академіи, не оставляющее никакого сомнѣнія относительно этого предмета.

Сказавъ о „затхлой казенщинѣ“, господствовавшей въ академіи въ первые годы нѣкъ студенчества, г. Рождественскій прибавляетъ: „Но—странное дѣло!—во многихъ изъ насъ все-таки была какая-то либеральная закваска (говорится о самомъ началѣ 50-хъ годовъ). Споры и разговоры, необходимыя у молодежи, какъ бы она ни была пришиблена, по большей части отличались схоластически-отвлеченнымъ характеромъ, но и тутъ обнаруживался у нѣкоторыхъ своего рода либерализмъ“... Далѣе: „Не знаю, чему приписать то замѣчательное обстоятельство, что казанская академія, духовная официально, управляемая монахами, съ самаго перваго курса получила свѣтскій характеръ, и всѣ почти лучшіе студенты всегда охотнѣе занимались свѣтскими науками, нежели богословскими“... (стр. 8, 10). А потомъ и самъ Аристовъ, по собственнымъ воспоминаніямъ, рассказываетъ, какое сильное дѣйствіе на умы молодежи оказывала крымская война, какое вліяніе имѣла ходившая тогда рукописная литература, какъ студенты „зачитывались Бѣлинскимъ и Герценомъ“,

какое впечатлѣніе произвели первые слухи объ освобожденіи крестьянъ (стр. 13, 21 и д.). Въ этомъ-то характерѣ цѣлаго времени и было дѣло. Такія впечатлѣнія переживалъ и Щаповъ, который съ особенной страстью тогда уже поглощалъ новую литературу, и этихъ фактовъ, конечно, довольно, чтобы объяснить, что наклонности къ „либерализму“ зародились у него еще въ академической обстановкѣ; потомъ они только окрѣпли, потому что расширилось самое содержаніе его мысли, умножилось чтеніе и опытъ,—и вообще это явленіе было такъ естественно и въ то время такъ всеобще, что біографъ долженъ былъ остановиться на общихъ причинахъ, а не на тѣхъ анекдотическихкихъ указаніяхъ, къ которымъ онъ прибѣгаетъ. Замѣтимъ при этомъ, что фактическія указанія въ этомъ случаѣ не точны, а иногда и противорѣчивы (напр., объ отношеніяхъ къ „Современнику“, стр. 89, 90, 91, 92).

Не смотря на многіе недостатки подобнаго рода, происшедшіе въ особенности отъ неясности взгляда самого Аристовъ, біографія Щапова исполнена интереса для всякаго, кому близки судьбы и вопросы нашей новѣйшей общественной исторіи и народныхъ изученій. Это была даровитая натура, пылкій характеръ, неутомимый труженикъ, всегда одушевляемый стремленіемъ искать и объяснять интересы, свойства и благо народа; къ сожалѣнію, недостатокъ правильной научной школы, неудачи и бѣдствія личной біографіи не дали ему сдѣлать всего, что онъ былъ способенъ по своей горячей преданности наукѣ, по обширнымъ свѣдѣніямъ въ народной старинѣ, бытовой и легендарной; но и то, что онъ успѣлъ торопливо исполнить, составляетъ важное приобрѣтеніе для нашей исторіографіи. Таковы, кромѣ книги и статей о расколѣ, гдѣ собрано много новаго фактическаго матеріала, его мысли объ участіи народнаго элемента въ образованіи государства, о старомъ земскомъ устройствѣ, объ этнографической сторонѣ историческаго развитія и пр. Эти взгляды, хотя бы они и не были проведены съ строгой исторической послѣдовательностью, были очень важны въ то время, когда историки, какъ, напр., Соловьевъ, занятые почти только одной государственной исторіей, мало обращали вниманія на внутреннюю жизнь народа и ея проявленія въ государственномъ бытѣ. Какъ выше упомянуто, Щаповъ не мало заимствовалъ отъ славянофиловъ, но самъ никогда не примыкалъ къ этой школѣ, и не раздѣлялъ ея тенденціозной исключительности: Петровская реформа не казалась ему нарушеніемъ правильности національнаго развитія, напротивъ была необходимымъ его требованіемъ. Мѣсто Щапова въ литературѣ нашихъ историческихкихъ и народныхъ изученій можно было бы, кажется, characterize-

вать тѣмъ, что въ немъ, между прочимъ, должно бы искать своего родоначальника—новѣйшее „народничество“.

- Путешествіе по Италіи въ 1875 и 1880 гг. *И. Цѣѣтаева*, профессора императорскаго московскаго университета. М. 1888.

Содержаніе любопытной книжки г. Цѣѣтаева знакомо читателямъ „Вѣстника Европы“, гдѣ это сочиненіе являлось отдѣльными статьями; но мы сочли не лишнимъ сказать о немъ для тѣхъ, кто не имѣлъ случая познакомиться съ нимъ прежде. Книга г. Цѣѣтаева не похожа на большинство путешествій по Италіи, гдѣ обыкновенно главнымъ предметомъ разсказовъ и описаній являются красоты природы, знаменитые памятники искусства, пріятные parties de plaisir въ ближайшія окрестности Рима, Неаполя и т. п., очень рѣдко жизнь итальянскаго общества, въ которую путешественники всего чаще совсѣмъ не проникаютъ. Цѣль путешествія г. Цѣѣтаева въ Италію была спеціально научная: занимался римской словесностью, онъ обратилъ свое изученіе на языки племенъ, издавна населявшихъ южную Италію, какъ самниты, сабиняне, умбры и пр., — потому что только путемъ этого изученія становятся понятны начала и особенности древне-латинскаго языка. Остатки этихъ древнихъ италійскихъ нарѣчій сохранились въ древнихъ такъ-называемыхъ осскіихъ надписяхъ, которыя уже давно собирались и изслѣдовались учеными, особенно нѣмцами; но съ ходомъ своихъ занятій г. Цѣѣтаевъ уже не удовлетворялся однимъ книжнымъ знакомствомъ съ этими памятниками, и желалъ непосредственно и самостоятельно изучить ихъ на мѣстѣ. Путешествіе въ Италію открыло ему, наконецъ, эту возможность: „въ октябрѣ 1874 г.,—говоритъ авторъ,—мнѣ выпало на долю счастье переѣхать Альпы и вступить въ ту благословенную страну, видѣть которую для человѣка, занимающагося изученіемъ античнаго міра, всегда составляетъ вѣнецъ желаній“.

Результаты занятій г. Цѣѣтаева избраннымъ предметомъ были потомъ собраны имъ въ спеціальномъ трактатѣ о древнихъ италійскихъ надписяхъ. Настоящую книгу онъ посвятилъ простому разсказу о способѣ своихъ занятій въ итальянскихъ музеяхъ, о своихъ странствіяхъ по южной Италіи въ поискахъ за древними памятниками, о своихъ знакомствахъ и сношеніяхъ съ учеными спеціалистами и любителями археологами, объ ученыхъ учрежденіяхъ, служащихъ цѣлямъ этого изученія и т. д. Мало кому у насъ, да и вообще, знакомъ этотъ міръ итальянской археологій; обыкновенные путешественники никогда не забираются въ тѣ укромные уголки, куда направлялся

нашъ авторъ за осскими надписями: г. Цвѣтаевъ въ своемъ разсказѣ даетъ характеристику ученаго круга, съ которымъ онъ встрѣчался, и біографіи нѣкоторыхъ знаменитыхъ итальянскихъ ученыхъ, разсказываетъ о настоящемъ положеніи раскопокъ въ Помпеяхъ и Геркуланумѣ, описываетъ съ подробностями ученый конгрессъ въ Палермо, въ которомъ участвовалъ; разсказывая о своихъ странствіяхъ въ южной Италіи, онъ напоминаетъ событія ея древней исторіи и рисуетъ современную жизнь этой захолустной провинціи, рѣдко навѣщаемой путешественниками, напр., природу и нравы знаменитыхъ Абрुццъ, и т. д. Г. Цвѣтаевъ встрѣтилъ самое любезное гостеприимство со стороны ученыхъ итальянскихъ археологовъ, въ совѣтахъ и указаніяхъ которыхъ онъ нуждался, чтобы ориентироваться въ этой научной области: директоръ неаполитанскаго (бывшаго „Бурбонскаго“) музея, де-Петра, самъ постоянно и усилленно работающій, съ величайшимъ сочувствіемъ отнесся къ занятіямъ г. Цвѣтаева и помогалъ нашему молодому археологу, который не можетъ нахвалиться его внимательностью. Это — прямая противоположность тому мало пріятному типу ученыхъ чиновниковъ, который такъ распространенъ у насъ. Такимъ же неустаннымъ и даровитымъ дѣятелемъ авторъ изображаетъ извѣстнаго Фіорелли, сдѣлавшаго замѣчательныя открытія въ Помпеяхъ (гдѣ онъ первый возымѣлъ мысль вливать гипсовый растворъ въ пустыя пространства, находящія въ нижнихъ слояхъ пепла, и получилъ цѣлыя статуи, отразившія истлѣвшихъ здѣсь помпейцевъ) и теперь завѣдующаго въ Римѣ главнымъ управленіемъ музеевъ и археологическихъ раскопокъ въ Италіи. Наконецъ, и въ глухой провинціи г. Цвѣтаевъ встрѣтилъ мѣстныхъ археологовъ, очень преданныхъ своему дѣлу, которые также оказали много содѣйствія нашему путешественнику.

Вообще, книжка г. Цвѣтаева, не смотря на спеціальную цѣль путешествія, очень интересна и можетъ быть рекомендована какъ занимательное и образовательное чтеніе. — Н.

— *Н. Страховъ*. Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ. Историческіе и критическіе очерки. Книжка вторая. Петербургъ, 1888 ¹⁾.

— *Александръ Веселовскій*. Западное вліаніе въ новой русской литературѣ. Москва, 1883.

Русская литература, въ глазахъ г. Страхова — это, невидимому, онъ самъ; борьба съ Западомъ, упомянутая въ заглавіи его книги —

¹⁾ О первой части этихъ очерковъ см. „Вѣстникъ Европы“ 1882 г. № 4 („Изъ Общественной Хроники“, стр. 873, 7) и № 5 (статья А. Д. Градовскаго, стр. 271—288).

это совокупность всего написаннаго имъ, въ продолженіе двадцати лѣтъ, противъ представителей западно-европейской философіи и западно-европейской науки (Фейербаха, Целлера, Дарвина), противъ тлетворныхъ западныхъ вліяній. На Западѣ—увѣряетъ насъ г. Страховъ—господствуетъ „умственная анархія“; Западъ „тяжко боленъ, весь потрясенъ внутреннимъ страхомъ“; въ его умственной жизни „обнаруживается все больше и больше отсутствіе руководительныхъ началъ“. Недостаетъ только пресловутой фразы о гніеніи Запада, чтобы перенести насъ на тридцать-пять лѣтъ назадъ, въ самый разгаръ словесной войны между западниками и славянофилами. Противъ громкихъ и „жалкихъ“ словъ возражать довольно трудно, да и не стоить; много ли въ нихъ правды, объ этомъ лучше всего можно судить по болѣе конкретнымъ обвиненіямъ, въ родѣ слѣдующаго: „мало того, что Западъ живетъ безъ философіи—онъ неутончимо враждуетъ съ нею, преслѣдуя ее почти съ тѣмъ же фанатизмомъ, какъ религію“ (предисловіе, стр. IX). Невѣрно здѣсь, прежде всего, заключительное сравненіе. Гдѣ это на Западѣ преслѣдуются религія, да еще фанатически? Въ Англіи ли, въ Германіи, въ Австріи, въ Испаніи, на Скандинавскомъ полуостровѣ? Неужели мѣры, принятыя министерствомъ Жюль Ферри противъ конгрегацій, противъ господства духовенства надъ начальной школой, могутъ быть названы гоненіемъ за вѣру? Если рѣчь идетъ о мнѣніяхъ, враждебныхъ религіи, то такъ ли они распространены въ ширь и глубь, чтобы ставить ихъ на счетъ Запада вообще, да и часто ли они носятъ на себѣ отпечатокъ фанатизма? Въ чемъ выражается, далѣе, преслѣдованіе или отрицаніе философіи на западѣ? Въ томъ ли, что она процвѣтаетъ даже въ странахъ, куда еще недавно почти не проникала,—напримѣръ, въ Италіи? Въ томъ ли, что Спенсеръ—въ Англіи, Дюрингъ—въ Германіи, создаютъ новыя философскія системы? Въ томъ ли, что въ Германіи образуются новыя философскія школы, въ родѣ ново-кантіанской или критической? Въ томъ ли, что вездѣ изучается, комментируется, анализируется ученіе Огюста Конта? Объяснить приведенный нами тезисъ г. Страхова можно развѣ однимъ способомъ: достойнымъ имени философіи онъ признаетъ только міросозерцаніе, построенное по старому образцу, на все дающее одинаково-точные и отчасти предрѣшенные отвѣты—однимъ словомъ, нѣчто въ родѣ гегеліанизма. Такого міросозерцанія въ личности не оказывается, толпа за нимъ не идетъ—значить, философія игнорируется или даже преслѣдуется.

Узко-субъективной точкѣ зрѣнія, выразившейся въ разсужденіи о философіи, г. Страховъ остается вѣрнымъ всегда и вездѣ; что ему нравится, то, въ его глазахъ, и справедливо. Его личныя симпатіи

на сторонѣ прошедшаго; этого достаточно, чтобы опредѣлить „истинную задачу“ историка.—Историкъ“, читаемъ мы на стр. 4-ой,—по самому существу дѣла есть консерваторъ, хранитель преданій, любитель прошлаго. Его усилія должны быть направлены къ тому, чтобы задержать прогрессъ, не дать ему мельчать и отрываться отъ прошлаго, замедлить его теченіе всѣмъ бременемъ минувшихъ дѣлъ и мыслей. Пусть не ошибаются историки, воображающіе себя рыцарями прогрессистами: они на ложной дорогѣ, они уклоняются отъ своего прямого назначенія“. Болѣе страннаго взгляда на исторію и историковъ нельзя себѣ и представить. Развѣ природа человѣка измѣняется въ ту минуту, когда онъ рѣшается посвятить себя изученію исторіи? Или, можетъ быть, историками становятся лишь тѣ, которые созданы по одному шаблону съ г. Страховымъ? Или имъ только однимъ слѣдуетъ дозволить разработку исторической науки? Историкъ—говорятъ намъ—по самому существу дѣла есть консерваторъ; а что, если исторіей занимается не-консерваторъ? Обращается ли онъ, ipso facto, въ консерватора, или никакъ не можетъ сдѣлаться историкомъ? Которая изъ этихъ двухъ альтернативъ—третьей положеніе г. Страхова не допускаетъ—примѣнима къ такимъ писателямъ, какъ Вольтеръ, Гиббонъ, Гротъ, Мишле, Вокль, Моммсенъ? Всегда ли, притомъ, понятія о консерваторѣ и о любителѣ прошлаго совпадаютъ между собою? Тацитъ, безъ сомнѣнія, былъ приверженцемъ прошедшаго—но развѣ онъ былъ консерваторомъ, въ особенности пока царствовалъ Домиціанъ? Усилія историка должны быть направлены прежде всего къ тому, чтобы раскрыть истину; установивъ факты, онъ освящаетъ ихъ согласно съ своимъ образомъ мыслей. Пускай онъ стремится къ „задержанію прогресса“, если онъ убѣжденъ, что общее благо (т.-е. то, что онъ считаетъ общимъ благомъ) требуетъ такой задержки; но пускай же за нимъ будетъ признано и право стремиться къ ускоренію прогресса, насколько подобное стремленіе можетъ найти для себя мѣсто въ наукѣ. Мы понимаемъ, хотя и не раздѣляемъ, тотъ взглядъ, въ силу котораго историкъ, наравнѣ съ художникомъ, долженъ быть строго объективенъ, свободенъ отъ всякой тенденціи; но взглядъ, облызывающій историка держаться непременно одной, заранее навязанной ему тенденціи, составляетъ чуть ли не исключительную принадлежность г. Страхова. „Искусство для искусства“ г. Страховъ не только допускаетъ, но и защищаетъ; во имя логики, ему слѣдовало бы по меньшей мѣрѣ допустить „исторію для исторіи“.

Къ какому результату приходитъ авторъ, столь безцеремонно обращающійся и съ Европой, и съ исторіей—это угадать не трудно. Противорѣчіе съ фактами безпрестанно ведетъ г. Страхова къ про-

творѣчію съ самимъ собою. Онъ то отчаявается въ возможности приостановить гибельное движеніе, предотвратить страшныя потрясенія, угрожающія, въ близкомъ будущемъ, и Европѣ, и Россіи,—то ищетъ и находитъ средства помочь горю. Болѣзнью нашего времени является у него то лихорадочное ожиданіе радикальныхъ перемѣнъ, ничѣмъ не ограниченная вѣра въ ничѣмъ не сдерживаемый прогрессъ, — то апатія, девизъ которой: „какъ можно меньше мѣшать другъ другу“. На стр. 244, гуманность, состраданіе, снисходительность, терпимость относятся къ числу современныхъ добродѣтелей, — а на стр. 248, насъ увѣряютъ, что ни одинъ вѣкъ не былъ такъ богатъ ненавистью, какъ богатъ ею нашъ. Понятно, что при такой неясности представленій, увеличиваемой еще обычною туманностью славянофильской или славянофильствующей доктрины, окончательные выводы г. Страхова или неуловимы, или до очевидности недостаточны и произвольны. Въ чемъ, напримѣръ, усматриваетъ онъ спасеніе отъ нигилизма? Въ распространеніи убѣжденія, что „прогрессъ есть болѣею частью предразсудокъ, что если въ человѣчествѣ и совершается нѣкоторый существенный прогрессъ, то по своей медленности онъ не можетъ быть ясно опредѣленъ и иногда даже не можетъ быть замѣченъ; что всяческое зло, физическое, нравственное, историческое, принимаетъ только различныя формы, но свѣршпствуетъ въ насъ и всюду вокругъ насъ такъ же, какъ и прежде, что мы не можемъ даже рѣшить, идемъ ли мы къ лучшему впередъ, или насъ ожидаетъ въ будущемъ эпоха паденія, болѣзни, разложенія“. Что такое это убѣжденіе, какъ не полнѣйшій квіетизмъ? Если зло въ насъ самихъ и вокругъ насъ постоянно остается и должно оставаться равнымъ самому себѣ, то къ чему бороться противъ него, какими бы то ни было средствами? Не слѣдуетъ ли сложить руки и вооружиться спокойствіемъ мусульманина-фаталиста или индійскаго факира? Нѣтъ, — отвѣчаетъ г. Страховъ: — отрицать или игнорировать прогрессъ, значить „чувствовать только одинъ долгъ — всѣми силами держаться давнинаго пути добра и истины“. Опять противорѣчіе, еще болѣе крупное, чѣмъ другія. Что это за „путь добра и истины“, который не приводитъ ни къ добру, ни къ истинѣ? Что это за путь, по которому можно не идти, а только топтаться на одномъ мѣстѣ? Одно изъ двухъ: или путь добра и истины существуетъ — въ такомъ случаѣ сумма зла не можетъ не уменьшаться, прогрессъ не можетъ быть пустымъ словомъ; или его нѣтъ — въ такомъ случаѣ человѣчеству не предстать иного исхода, кромѣ самоуничтоженія или самозабвенія. Положимъ, однако, что въ убѣжденіи, пропагандистомъ котораго является г. Страховъ, есть доля правды; остается еще рѣшить, въ какой степени вѣроятно его распространеніе. Вѣра въ

движеніе, въ прогрессъ—прирожденное свойство молодости; попытка искоренить его—трудъ совершенно напрасный. Философія безмятежности, покорности (*résignation*) не имѣетъ никакихъ шансовъ успѣха, въ особенности, когда она предлагается умамъ въ видѣ безформенной смѣси оптимизма съ пессимизмомъ. Замѣнить въ ру въ прогрессъ пониманіемъ его условій—вотъ настоящая воспитательная задача нашего времени, задача исполнимая, хотя и далеко не легкая. Проповѣдь квіетизма—одна изъ главныхъ преградъ на пути къ успѣху; одна крайность всегда вызываетъ другую, прямо противоположную.

„Исторію русской литературы,—говоритъ г. Страховъ въ статьѣ озаглавленной: „Ходъ нашей литературы, начиная отъ Ломоносова“,—можно разсматривать какъ исторію постепеннаго освобожденія русскаго ума и чувства отъ западныхъ вліяній, постепеннаго развитія нашей самобытности въ словесномъ художествѣ“. Освобожденіе отъ ига предполагаетъ предварительное подчиненіе ему; спрашивается, гдѣ же слѣдуетъ искать періода подчиненія, если начало освободительныхъ тенденцій совпадаетъ съ самымъ началомъ нашей литературы, если онѣ замѣтны уже у Ломоносова? Уже не слѣдуетъ ли предположить, что эпохой полнѣйшаго торжества западныхъ вліяній было у насъ до-петровское время?.. Гораздо важнѣе другія ошибки, вытекающія изъ предвзятой тѣмъ. Желаніе свести подражательный элементъ на минимумъ, а кое-гдѣ и просто на нѣтъ, приводитъ г. Страхова къ убѣжденію, что Карамзинъ, Жуковский и вообще писатели, стоящіе на рубежѣ XVIII и XIX в., вовсе не думали подражать, что копированія въ нихъ нѣтъ и слѣда, что они „просто стремились стать наравнѣ съ европейскими геніями, которые тогда славились“. Русскимъ Вольтеромъ почиталъ себя уже Сумароковъ; слѣдуетъ ли отсюда, что и его слѣдуетъ исключить изъ категоріи подражателей? Развѣ признавать себя самобытнымъ писателемъ и дѣйствительно быть имъ—одно и то же? Само собою разумѣется, что ни Карамзинъ, ни Жуковский, не были только подражателями; но это еще не значитъ, чтобы подражаніе, даже копированіе было вовсе имъ чуждо. Ихъ литературная слава вовсе не нуждается въ взымываніи; заимствованія ихъ изъ сокровищъ западно-европейской литературы объясняются бѣдностью тогдашней русской общественной жизни, и были не только неизбѣжны, но и необходимы. Повсюду гоняясь за самобытностью и измѣряя ее степенью отдаленности отъ западныхъ вліяній, г. Страховъ видитъ въ ней кульминаціонную точку развитія не только всей литературы, но и каждого отдѣльнаго писателя; онъ обвиняетъ историковъ и критиковъ противоположнаго направленія за то, что они хвалятъ Карамзина, Пушкина лишь до тѣхъ поръ, пока дарованіе ихъ не достигло полной самостоятельности. Итакъ, Бѣлинскій, напримѣръ,

ставилъ юношескія стихотворенія Пушкина выше „Каменнаго гостя“?.. Жаль, что г. Страховъ не примѣнилъ своего критерія и къ Гоголю. Всего дальше Гоголь отъ западныхъ вліяній въ „Перепискѣ съ друзьями“; ergo—это его лучшее произведеніе? Подъ конецъ статьи г. Страховъ забываетъ свою исходную точку и принимается доказывать, что съ пятидесятихъ годовъ наша литература почти всецѣло отдаетъ себя во власть Запада (и сообразно съ тѣмъ, конечно, приходитъ въ упадокъ); куда же дѣвалось, въ такомъ случаѣ, „постепенное развитіе самобытности“? Или, можетъ быть, все заслуживающее названія литературы сосредоточивается въ тѣхъ таинственныхъ глубинахъ, „въ которыхъ зрѣетъ понемножку самобытная русская мысль“? Можетъ быть, единственный беллетристъ нашъ — Достоевскій; единственный экономистъ—г. Д. Самаринъ; единственный публицистъ—г. И. Аксаковъ; единственный критикъ—г. Страховъ?..

Очерки г. Веселовскаго о западномъ вліяніи въ новой русской литературѣ хорошо извѣстны читателямъ „Вѣстника Европы“; мы упоминаемъ о нихъ здѣсь только потому, что они могутъ служить противовѣсомъ увлеченіямъ г. Страхова. На г. Веселовскаго крѣпко разсердились всѣ наши „народники“, безъ различія отгнѣнковъ; обвиненія, возводимыя на него „Русью“, во многомъ схожи съ упреками, дѣлаемыми ему „Недѣлей“. И тамъ, и тутъ, указываютъ на односторонность его изслѣдованія, оставляющаго въ сторонѣ вредныя элементы западныхъ вліяній. „Позабыты,—читаемъ мы въ „Руси“,—теоріи просвѣщеннаго деспотизма; сентиментализмъ, плачущій надъ издохшими собачками и запарывающій крестьянъ на конюшнѣ; наша реакція двадцатыхъ годовъ подъ вліяніемъ того же Запада; меттерниховскіе идеалы“, и т. д. „Западничество,—говоритъ „Недѣля“,—вело у насъ не только къ позавимствованію освободительныхъ началъ жизни, но и къ пересадкѣ цѣлаго ряда стѣснительныхъ мѣропріятій... Бъ удивленію, наши западники совершенно не замѣчаютъ тѣхъ регрессивныхъ мѣръ, которыя мы заимствуемъ съ Запада, и думаютъ, что нами отсюда берется только освободительная струя мысли“. Замѣтимъ прежде всего, что эти возраженія касаются области политики или общественной жизни, а не литературы, которой посвящена книга г. Веселовскаго; они относятся, притомъ—по крайней мѣрѣ болѣею частью,—не къ идеямъ, а къ мѣрамъ. Заимствованіе мѣръ—обстоятельство совершенно второстепенное; разъ что существуетъ извѣстная мысль, извѣстное стремленіе, въ формахъ для осуществленія ихъ никогда не окажется недостатка. Можно ли утверждать, что „меттерниховскіе идеалы“ были чѣмъ-то новымъ, чуждымъ для оффиціальной Россіи двадцатыхъ или тридцатыхъ

годовъ, что въ реакціи этого времени преобладалъ у насъ элементъ подражательный? Она была, въ сущности, не чѣмъ инымъ, какъ возвращеніемъ къ старымъ, доморощеннымъ традиціямъ, на время оставленнымъ или, лучше сказать, ослабѣвшимъ; со стороны Европы былъ данъ только внѣшній толчокъ, даже не прямой, а косвенный. Орудіемъ этого толчка были не меттерниховскіе идеалы, а революціонныя движенія въ Испаніи, Неаполѣ, Піемонтѣ. Возьмемъ другой примѣръ: предостереженія и остальные административныя кары по дѣламъ печати заимствованы нами отъ императорской Франціи,—но развѣ можно обвинять за это Францію, видѣть въ этомъ одно изъ вредныхъ проявленій западно-европейскаго вліянія? Развѣ до тѣхъ поръ у насъ господствовала полная свобода печати? Развѣ самая пересадка къ намъ наполеоновскаго созданія не была, въ свое время, шагомъ впередъ, перемѣной къ лучшему? „Русь“ говоритъ иронически о теоріяхъ просвѣщеннаго деспотизма; но развѣ непросвѣщенный деспотизмъ, противъ котораго онѣ были направлены, выше просвѣщеннаго? Развѣ лучъ этихъ теорій, ненадолго проникшій въ Россію, не отразился въ самыхъ полезныхъ реформахъ Екатерины II-й? Наши прадѣды, научившіеся у Европы плакать надъ издохшими собачками, не нуждались ни въ какихъ урокахъ для умѣнья запаривать крестьянъ; это умѣнье было свойствомъ самобытнымъ, или во всякомъ случаѣ восточнымъ, а не западнымъ. Смѣсъ прекрасноты съ варварствомъ отвратителенъ, это безспорно,—но лучше ли чистое варварство, безъ всякой примѣси? Не коренится ли въ послѣдней залогъ паденія для перваго? Мы готовы допустить, впрочемъ, что между западно-европейскими вліяніями были и есть вліянія нежелательныя, дурныя; это даже не можетъ быть иначе, въ виду сложности элементовъ западно-европейской цивилизаціи. Весь вопросъ сводится къ тому, что преобладаетъ въ балансѣ западныхъ вліяній—пассивъ или активъ? Исчерпано ли нами все хорошее, въ нихъ заключающееся, пора ли намъ загородить себя отъ нихъ непреодолимыми преградами? Кто разрѣшаетъ этотъ вопросъ отрицательно, тотъ найдетъ, вмѣстѣ съ нами, что изученіе западныхъ вліяній въ прошедшемъ гораздо полезнѣе ожесточенной борьбы съ ними въ настоящемъ.

— *Л. В. Ходскій*. Поземельный кредитъ въ Россіи и отношеніе его къ крестьянскому землевлѣдѣнію. Москва, 1882.

— *И. Н. Толстой*. Настоящее состояніе поземельнаго кредита въ Россіи и пробный проектъ о возможности создать государственный поземельный кредитъ. Сиб., 1883.

Вопросъ о государственномъ поземельномъ кредитѣ стоитъ у насъ на очереди, въ особенности со времени изданія о

крестьянскомъ поземельномъ банкѣ и со времени обнародованія всеподданнѣйшаго доклада министра финансовъ о государственной росписи на 1883-й годъ—доклада, обѣщающаго открытіе въ государственномъ банкѣ краткосрочнаго кредита землевладѣльцамъ, для снабженія ихъ, въ случаѣ надобности, оборотнымъ капиталомъ. Въ такую минуту особенно важно имѣть подъ рукою историческій обзоръ вопроса, равно какъ и совокупность фактическихъ данныхъ, освѣщающихъ его настоящее положеніе. Книга г. Ходскаго соотвѣтствуетъ обонимъ этимъ условіямъ; она даетъ матеріалъ для оцѣнки различныхъ способовъ рѣшенія вопроса, различныхъ проектовъ, неизбежно вызываемыхъ на свѣтъ самой его постановкой. Одинъ изъ такихъ проектовъ мы находимъ въ брошюрѣ г. Толстого, заглавіе которой выписано нами выше. Авторъ предлагаетъ устройство государственнаго банка для ссудъ подъ землю и недвижимыя имущества, на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ: оцѣнка имущества, принимаемыхъ въ залогъ, можетъ быть нормальная и специальная; въ первомъ случаѣ выдается въ ссуду до 30, во второмъ—до 50%, оцѣночной суммы; самый продолжительный срокъ ссуды—отъ 26 лѣтъ до 31 года, а болѣе короткіе сроки могутъ быть назначены по желанію заемщика; по выдаваемымъ ссудамъ банкъ взымаетъ отъ 6 до 6½%, причемъ ½% идетъ на расходы по банковымъ операціямъ, 1½ или 2%—на погашеніе долга, а остальные 4% на погашеніе находящихся въ обращеніи кредитныхъ билетовъ; банку предоставляется выпускать въ обращеніе особые бумажные денежные знаки, подъ названіемъ „поземельныхъ и имущественныхъ кредитныхъ билетовъ“. Этими билетами г. Толстой предполагаетъ замѣнить, мало-по-малу, существующіе кредитные билеты, и такимъ образомъ сразу достигнуть двухъ цѣлей: удешевленія кредита для землевладѣльцевъ и упроченія денежнаго обращенія, а слѣдовательно и возвышенія курса. Поземельные билеты будутъ имѣть то „полное, реальное и ясно опредѣленное обезпеченіе“, котораго недостаетъ нынѣшнимъ кредитнымъ билетамъ; обезпеченіе это дастъ имъ надлежащую цѣну не только въ предѣлахъ государства, но и за границей, тѣмъ болѣе, что размѣръ выпуска ихъ долженъ быть строго пропорціоналенъ размѣру выдаваемыхъ ссудъ. Картина, безспорно, чрезвычайно привлекательная; но посмотримъ, въ какой степени она осуществима въ дѣйствительности. Первымъ результатомъ дѣятельности проектируемаго банка очевидно было бы значительное увеличеніе числа безпроцентныхъ денежныхъ знаковъ; каждой сотнѣ рублей, на которую было бы выдано поземельныхъ билетовъ, соотвѣтствовали бы только четыре рубля ежегодно погашаемыхъ старыхъ ассигнацій и полтора или два рубля ежегодно погашаемыхъ новыхъ билетовъ. Чѣмъ быстрѣ развились бы операціи новаго банка—а

быстраго, даже очень быстраго развитія ихъ ожидать можно, въ виду большихъ выгодъ, предоставляемыхъ землевладѣльцамъ,—тѣмъ быстрѣе возрастала бы масса бумажныхъ денегъ; послѣдствія этого роста, конечно, не совпадали бы съ тѣми, о которыхъ мечтаетъ г. Толстой. Съ другой стороны, погашеніе существующихъ кредитныхъ билетовъ можетъ быть достигнуто, по расчету самого автора брошюры, не ранѣе какъ въ двадцать-пять лѣтъ; неужели въ продолженіе всего этого времени курсъ кредитныхъ билетовъ не повліялъ бы на курсъ билетовъ поземельныхъ? Г. Толстой говоритъ о „полномъ обезпеченіи“, которое будетъ поддерживать довѣріе къ поземельнымъ билетамъ; но можно ли считать полнымъ такое обезпеченіе, которое не подлежитъ реализаціи? Вѣдь никакѣ заложенное имѣніе не можетъ быть продано, пока залогодатель исправно платитъ проценты—а проценты, по проекту г. Толстого, идутъ не на образованіе разнѣнной кассы для поземельныхъ билетовъ. Можно ли, наконецъ, поручиться за то, что выпускъ поземельныхъ билетовъ всегда, даже въ самыя трудныя минуты государственной жизни, оставался бы въ предѣлахъ суммы выдаваемыхъ ссудъ? Можно ли надѣяться, что вѣра въ непоколебимость этого отношенія установилась бы твердо и въ Россіи, и за границей?.. Простое исполненіе указа 1 января 1881 г. представляется, въ нашихъ глазахъ, гораздо болѣе надежнымъ средствомъ къ упроченію денежнаго обращенія, чѣмъ проектъ г. Толстого.

Этотъ проектъ имѣетъ еще и другую сторону—удешевленіе кредита, въ которомъ такъ сильно нуждаются наши землевладѣльцы. Здѣсь-то и приходится взяться за книгу г. Ходскаго. Факты, приводимые въ ней, убѣждаютъ вполне въ справедливости слѣдующихъ словъ, всего яснѣе выражающихъ мысль ея автора: „щедрая поддержка землевладѣльцевъ дешевыми правительственнымъ кредитомъ имѣла слишкомъ мало хорошихъ результатовъ съ обще-государственной точки зрѣнія, а поддержка херсонскаго земскаго банка и общества взаимнаго поземельнаго кредита, т.-е. землевладѣльцевъ, желающихъ взять дѣло земельного кредита въ свои руки, можетъ служить лишь доказательствомъ того, что правительство сдѣлало и такъ уже довольно въ интересахъ крупнаго земельного кредита... Главный источникъ жалобъ на дороговизну земельного кредита лежатъ въ отсутствіи сельско-хозяйственныхъ знаній и опытности у большинства нашихъ землевладѣльцевъ и въ неумѣнн вести свои дѣла. И при теперешней прославленной дороговизнѣ едва ли намъ укажутъ хорошихъ хозяевъ, которые, прибѣгнувъ къ содѣйствію земельно-кредитныхъ учрежденій, раскаявались бы потомъ и не извлекали бы изъ этого выгоды“. Авторъ разбираемаго нами проекта заранѣе протестуетъ противъ истолкованія его мысли въ пользу

такихъ жаждущихъ кредита лицъ, которыя кредитуются не съ хозяйственными цѣлями; „такія лица,—говорить онъ,—не воспользуются кредитомъ въ предлагаемомъ банкѣ, такъ какъ сумма ссуды не будетъ выше 50% съ оцѣнки имущества“. Съ этимъ послѣднимъ разсужденіемъ едва ли можно согласиться; соблазнительной, для легкомысленныхъ и плохихъ хозяевъ, 'можетъ быть не одна только значительность ссуды, сравнительно съ оцѣнкой, но и дешевизна кредита. Они могутъ заложить свое имѣніе, безъ особенной надобности и безъ строго-обдуманнаго разсчета, именно въ виду мнимой (въ данномъ случаѣ) выгоды залога, въ виду льготныхъ его условій. Не слѣдуетъ забывать, что чѣмъ меньше—пропорціонально къ оцѣнкѣ — выданная банкомъ ссуда, тѣмъ вѣроятнѣе полученіе, отъ частнаго лица или частнаго кредитнаго учрежденія, дополнительной ссуды подъ вторую закладную. Замѣтимъ, въ заключеніе, что ссудами изъ проектируемаго г. Толстымъ банка, въ особенности по спеціальной оцѣнкѣ, пользовались бы преимущественно крупныя и среднія землевладѣльцы, т.-е. именно тѣ, которые имѣютъ всего меньше права на государственную помощь въ дѣлѣ поземельнаго кредита.

— *Красный крестъ въ тылу дѣйствующей арміи, въ 1877—78 г.* Отчетъ главноуполномоченнаго общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ. Н. Абаза. Томъ II. Спб., 1882.

О первомъ томѣ этого полезнаго труда мы уже говорили, слишкомъ два года тому назадъ ¹⁾; второй томъ представляетъ нѣсколько менѣе внѣшняго интереса, вслѣдствіе преобладанія мелкихъ подробностей, но также богатъ указаніями опыта, также долженъ будетъ служить настольной книгой для всѣхъ, кому придется когда-нибудь работать надъ организаціей госпитальной части въ военное время. Дѣятельность Краснаго креста въ эпоху войны 1877—78 г. была, въ Россіи, первымъ шагомъ на совершенно новомъ пути; безъ ошибокъ, безъ недоумѣній, дѣло, конечно, не обошлось, но польза или, лучше сказать, необходимость общественной инициативы, какъ дополненія къ правительственной, уже теперь можетъ считаться доказанной. Весьма характеристичны, напримѣръ, процентныя цифры заболѣваемости и смертности между служащими въ военныхъ госпиталяхъ и въ лазаретахъ Краснаго креста. Въ первыхъ заразилось разными видами тифа слишкомъ 30% всего госпитальнаго персонала, въ послѣднихъ—13%; изъ числа 649 заболѣвшихъ въ военныхъ госпиталяхъ умерло

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“ 1880 г. № 9, стр. 352- 8.

68, т.-е. 10, 4%, изъ числа 105 заболѣвшихъ въ лазаретахъ Краснаго креста умерло двое, т.-е. менѣе 2%. Смертность раненныхъ въ лазаретахъ Краснаго креста могла бы быть гораздо менѣе значительна, еслибы госпитальная часть въ мѣстностяхъ, ближайшихъ къ центру войны (не находившихся въ вѣдѣніи Краснаго креста), имѣла другое, болѣе правильное устройство. Въ самые тяжелые періоды войны, въ Ясскій госпиталь Краснаго креста прибывало множество раненныхъ, которымъ сдѣлана была только одна перевязка—на полѣ битвы; на пути въ Яссы, т.-е. въ теченіе 7—8 дней они оставались безъ всякой хирургической помощи, вслѣдствіе чего положеніе ихъ, въ моментъ прибытія въ госпиталь, часто было безнадежно. Замѣтно увеличивалась смертность и отъ перевозки больныхъ брюшнымъ тифомъ съ незажившими еще кишечными язвами.

Къ картинѣ безпорядковъ и замѣшательства, начертанной въ первомъ томѣ отчета, второй томъ прибавляетъ еще нѣсколько яркихъ штриховъ. Мы узнаемъ, наприимѣръ, что въ продолженіи трехъ недѣль одинъ эвакуаціонный поѣздъ за другимъ проходилъ, не останавливаясь, мимо Нижнетагильскаго лазарета, телеграмма за телеграммой посылались послѣднимъ о пятидесяти свободныхъ кроватяхъ для раненныхъ и трудныхъ больныхъ, а въ то же время въ яскомъ эвакуаціонномъ пунктѣ не знали что дѣлать съ массой вновь прибывающихъ паціентовъ. Наблюденіе губернскихъ и уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ за лазаретами Краснаго креста часто выражалось въ командировкѣ унтеръ-офицеровъ, становившихся полнoprавными контролерами многихъ непонятныхъ для нихъ сторонъ госпитальной дѣятельности. Медицинская отчетность лазаретовъ передъ военно-медицинскимъ вѣдомствомъ была столь же тяжела и неудобна, сколько и бесполезна. Право больныхъ и раненныхъ на питательную пищу—это главное условіе быстрого и успѣшнаго выздоровленія—приходилось отстаивать противъ голосовъ, порицавшихъ минимую роскошь содержанія въ лазаретахъ Краснаго креста... Будемъ надѣяться, что основныя положенія, которыми заканчивается отчетъ г. Абазы, сдѣлаются предметомъ всесторонняго и заблаговременнаго обсужденія, и что слѣдующая война, когда бы она ни наступила, застанетъ государство и общество одинаково готовыми исполнить свои обязанности передъ новыми жертвами военнаго времени.—К.

ПРОСПЕРО И КАЛИБАНЪ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

„Бура“ считается послѣднимъ, или почти послѣднимъ произведеніемъ Шекспира. Тамъ какъ въ „Вурѣ“ (I, сц. 2, слова Аріэля) упоминаются Бермудскіе острова, а открытіе ихъ происходило въ 1609 году, рассказъ о чемъ напечатанъ въ 1610 году,—то къ этому или ближайшему году относятъ и драму; это были послѣдніе годы творческой дѣятельности Шекспира.

Что такое „Бура“,—смыслъ и основная идея ея, до сихъ поръ не выяснено. Существуютъ разные и притомъ самыя различныя комментаріи „Бури“. Въ ней всѣ почти видятъ аллегорію. Вотъ между прочимъ нѣкоторыя толкованія содержанія и основной идеи „Бури“. По мнѣнію Крейсига, Калибанъ—это народъ;—по мнѣнію Мезьера,—это первобытный человѣкъ, предоставленный самому себѣ. Есть и еще мнѣніе, что Калибанъ—одна изъ тѣхъ силъ природы, которая подчиняетъ себѣ умъ при посредствѣ науки; а Просперо—основатель индуктивной философіи. А вотъ объясненіе профессора Лауэля: „Въ „Вурѣ“ дѣйствіе не происходитъ нигдѣ, или по крайней мѣрѣ—въ странѣ, которой нѣтъ ни на одной картѣ. Слѣдовательно, нигдѣ. И нигдѣ и вездѣ,—потому что этотъ вѣчно безпокойный островъ находится въ душѣ человѣка между высшимъ и низшимъ міромъ, подверженный набѣгамъ того и другого... Подумайте на минуту, было ли когда „воображеніе“ олицетворено лучше, чѣмъ въ Просперо; „фантазія“ лучше, чѣмъ въ Аріэлѣ; грубый рассудокъ лучше, чѣмъ въ Калибанѣ, который, едва лишь его жалкая мыслительная способность была возбуждена чуднымъ напѣвомъ Стефано, замышляетъ возмущеніе противъ своего естественнаго властелина—разума. Миранда—не болѣе, какъ отвѣщенная женственность; это настолько же истинная женщина до появленія Фердинанда, какъ Ева до того времени, пока въ ней пробудилось сознаніе ея женственности, когда въ Адамѣ ей откликнулось эхо ея природы, указывая ей существо такое же и, въ то же время, не такое же, какъ она. Фердинандъ, въ свою очередь, не что иное, какъ молодость, принужденная заниматься тѣмъ, чѣмъ она пренебрегаетъ, пока путемъ пожертвованія воли и самоотреченія она завоевываетъ свой идеалъ въ Мирандѣ. Второстепенныя личности просто типы: Себастьянъ и Антоніо—типы слабого характера и дурно направленнаго честолюбія; Гонзало—типъ средняго пониманія и средней честности, Адріанъ и Францискъ—типъ болтающихся безъ дѣла джентльменовъ, служащихъ для пополненія міра“.

Попробуемъ иначе выяснитъ смыслъ явленій, составляющихъ это произведеніе и основную идею его, — и мы думаемъ, что намъ удастся это сдѣлать безъ всякой натяжки, руководствуясь исключительно данными, разбросанными въ разныхъ мѣстахъ самой пьесы. По нашему, это часть одной изъ сторонъ жизни тогдашняго времени, именно той стороны, которая въ то время и въ предшествовавшее, т.-е. въ XVI вѣкѣ, имѣла чрезвычайно важное значеніе въ Европѣ вообще и получила такое же важное значеніе, именно во времени появленія пьесы въ Англіи. Это—вопросъ объ открытіи новыхъ странъ и колонизаціи ихъ,—о взаимныхъ отношеніяхъ между переселенцами колонистами и туземцами, о вліяніи, оказываемомъ новою обстановкою на попавшихъ въ новыя мѣста. Дѣйствительно, времени составленія этой пьесы предшествовалъ цѣлый рядъ открытій и завоеванія новыхъ земель; Колумбъ, Пизарро, Кортесъ успѣли утвердить господство евронеискихъ народовъ въ Америкѣ; и англичанинъ Ралей совершилъ между прочимъ путешествіе въ сѣверную Америку въ одно изъ послѣднихъ десятилѣтій XVI вѣка (1584 г.) ¹⁾; европейцы въ открытыхъ или завоеванныхъ земляхъ успѣли уже тогда ознаменоваться доблестными подвигами и гнусными преступленіями по отношенію къ туземному населенію, къ расѣ краснокожихъ; уже въ этомъ вѣкѣ короли издавали многочисленные декреты и папы буллы для огражденія туземцевъ отъ эксплуатаціи и порабощенія со стороны пришлаго населенія; уже въ этомъ вѣкѣ извѣстный миссіонеръ Ласъ-Казасъ выступилъ энергически въ своихъ рѣчахъ и проповѣдяхъ противъ возмущающаго чувство гуманности и христіанской морали насилія надъ первобытнымъ некультурнымъ туземнымъ населеніемъ; наконецъ, какъ разъ ко времени появленія „Вурн“, т.-е. къ концу XVI и началу XVII столѣтія и въ Англіи пробудилось сильное стремленіе къ устройству колоній въ отдаленныхъ странахъ и новооткрытыхъ частяхъ свѣта; послѣ всего этого понятно, что всеобъемлющій умъ поэта не могъ оставить безъ вниманія этого явленія, игравшаго столь важную роль въ Европѣ и не высказаться о немъ въ той формѣ, въ какой онъ высказывалъ всѣ свои идеи, въ формѣ драматическаго произведенія,—онъ не могъ не воспроизвести въ типическихъ образахъ этой важной стороны жизни того времени.

Кто главный герой драмы — Просперо? Онъ, будучи герцогомъ миланскимъ, не имѣлъ „сеперинковъ въ своей любви къ свободному искусству,—всего себя наукамъ посвятилъ“, а управленію страной остался чуждымъ. Братъ его, Антоніо, воспользовался отчужденностью его—представителя науки, отъ жизни, отъ управленія умами и серд-

¹⁾ См. между прочимъ: Waitz, Anthropologie der Naturvölker, III, s. 261.

цами и лишилъ его герцогства,—за нимъ осталась только его библіотека. Но очевидно, лишившій его власти братъ опасался все-таки, что онъ захочетъ когда-нибудь вмѣшаться въ управленіе, и онъ, сговорившись съ неаполитанскимъ королемъ, рѣшился избавиться отъ этого представителя науки окончательно: его посадили вмѣстѣ съ его маленькою дочерью Мирандой на ботъ,—доставили ему туда немного необходимой пищи, платья и нѣсколько книгъ, которыя были дороже ему „власти надъ герцогствомъ“,—и вотъ они прибыли на отдаленный островъ. На этомъ островѣ онъ, хотя и продолжалъ быть преданнымъ наукѣ, хотя прилежно изучалъ имѣвшіяся у него книги, какъ это видно изъ словъ Калибана, но онъ занимался и практическимъ дѣломъ. Онъ подчинилъ себѣ островъ, всѣ богатства природы его, олицетворенные въ служащемъ ему духѣ Аріэлѣ, и туземное население, представленное въ лицѣ Калибана.

Калибанъ, какъ показывается само имя, и какъ давно уже указано исследователями Шекспира, есть анаграмма слова Канибаль. Въ лицѣ Калибана Шекспиръ возсоздалъ типъ первобытныхъ людей, какъ онъ ихъ представлялъ себѣ. Что это дѣйствительно типъ тѣхъ туземцевъ, которые подвергались порабощенію со стороны поселенцевъ-европейцевъ, видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго сопоставленія. „Вѣдь островъ мой,—говорить Калибанъ,—зачѣмъ же ты его отнимаешь?

Слушайте прочь! Отъ матери моей (земли)

Я получилъ его одинъ въ наслѣдство.

Да, правда, ты сперва меня ласкалъ,

Ты мнѣ давалъ пить ягодную воду

И ввучилъ, какъ должно называть

Тѣ двѣ свѣчи, большую и меньшую,

Которыя горятъ такъ высоко—

И я тебя тогда любилъ за это;

На островѣ тебѣ я указалъ

Источники, соленые колодцы,

Безплодная и годная мѣста.

Вудъ проклять я за то, что это дѣлалъ!

Внѣзвучно
Внѣзвучно—я сдѣлался рабомъ—

И я теперь у васъ въ услугахъ,

Внѣзвучно утѣсь мои жильемъ,

А островъ мой присвоили себѣ.

И когда представитель европейцевъ говоритъ Калибану, что онъ „творенье, способное лишь къ злу“, что онъ сначала принималъ въ немъ участие, „училъ его работать, говорить“, и что онъ „одарилъ его мышленіемъ словомъ“,—но такъ какъ доброе съ его злою природою не можетъ соединиться, онъ „вынужденъ былъ бросить трудъ напрасный“ и отдать ему въ качествѣ жилаго утѣсь,—Калибанъ отвѣчаетъ ему:

Да, говорить меня вы научили,
И я могу теперь васъ проклинать.

Совоставимъ теперь эти рѣчи съ записанными рѣчами предводителей краснокожихъ, адресованныхъ къ поселенцамъ-европейцамъ, — и мы увидимъ, что во взаимныхъ отношеніяхъ Просперо и Калибана охарактеризованы именно отношенія европейцевъ-колонистовъ къ туземцамъ.

Вотъ между прочимъ нѣкоторыя выдержки изъ двухъ рѣчей. Эти рѣчи записаны гораздо позже появленія „Бури“ въ 1744 году, но онѣ бросаютъ свѣтъ на исконныя отношенія между поселенцами и туземцами. Предводитель индѣйцевъ, обращаясь къ губернатору въ Мэрилендѣ, говорить ему: „Братъ,—когда ты вспоминалъ вчера о спорахъ за землю, ты вспоминалъ о давнихъ временахъ и сказалъ, что вы уже гораздо больше 100 лѣтъ владѣете Мэрилендомъ, но что значать сто лѣтъ въ сравненіи съ тѣмъ временемъ, на которомъ основаны наши права, съ тѣмъ временемъ, когда мы народились на свѣтъ изъ этой земли. Ибо ты долженъ знать, что гораздо раньше, чѣмъ за сто лѣтъ наши предки вышли изъ этой земли, и ихъ потомство вѣчно оставалось на ней. Вы рождены землею, въ странѣ за моремъ и тамъ у васъ законныя права на эту землю,—но здѣсь вы должны признать, что мы старше васъ и что земля принадлежала намъ раньше, чѣмъ вы о ней знали. Совершенно вѣрно, что больше 100 лѣтъ тому назадъ приплыли къ намъ на кораблѣ голландцы и привезли намъ ножи, топоры, ружья и многое другое, и научили насъ употребленію этихъ вещей. Мы привязали ихъ корабли къ вустамъ, находившимся у берега,—но когда мы увидѣли, что кусты слишкомъ слабы, чтобы удержать канаты, мы привязали ихъ къ стволамъ толстыхъ деревьевъ. Но такъ какъ и эти деревья могли быть сломаны бурей, мы прикрѣпили корабли къ твердой скалѣ“. Онъ рассказываетъ дальше, какъ прибывшіе затѣмъ англичане все болѣе и болѣе ихъ оттѣсняли и оканчиваетъ свою рѣчь слѣдующимъ образомъ: „Многіе изъ вашихъ намъ говорили, что если бы они не прибыли, мы погибли бы; но мы сказали имъ, что это не правда,—мы имѣли много мѣста и много звѣрей для охоты; мы теперь въ худшемъ положеніи, чѣмъ были, нуждаемся во многомъ главнымъ образомъ, благодаря вотъ этимъ перьямъ и черниламъ, которые стоятъ здѣсь на столѣ (т.-е. благодаря договорамъ, по которымъ у этихъ народовъ приобрѣталась земля)“. Вотъ еще одна выдержка изъ подобной же рѣчи: „Братъ, когда бѣдный человѣкъ причалилъ къ этимъ берегамъ, мы дали ему землю и зажгли костеръ для того, чтобы онъ могъ согрѣться. Но когда бѣдный человѣкъ нагрѣлся у огня индѣйцевъ и насытился его мансовой похлебкой, онъ увеличился; онъ сталъ выше горныхъ вершинъ, и его ноги прикрѣпили рав-

ины и доли,—его руки простирались до моря къ востоку и западу, —онъ сталъ отцомъ нашимъ, онъ любилъ своихъ краснокожихъ дѣтей и сказалъ имъ: вы должны немного поосторониться, чтобы я не наступилъ на васъ. Одной ногою онъ оттолкнулъ краснокожаго за овера, а другою топталъ могилы его предковъ. Но отецъ нашъ все же продолжалъ любить своихъ краснокожихъ дѣтей и снова заговорилъ съ ними. Онъ говорилъ много, но смыслъ всего былъ слѣдующій: „уйдите немного съ дороги; вы слишкомъ близко живете“. Я слышалъ много рѣчей нашего отца и всѣ они такъ начинались и такъ кончались“ ¹⁾.

Очевидно, это тѣ же пререканія о собственности, какія происходятъ между Просперо и Калибаномъ. Подобно Просперо, и многіе изъ европейскихъ миссіонеровъ наставляли на томъ, что туземцы не способны къ культурѣ, и что единственнымъ способомъ обращенія съ ними — является принужденіе ихъ къ работѣ. Но они забывали, что къ установленію непреодолимой пропасти между колонистами и первобытнымъ населеніемъ служило то основное положеніе, по которому брачныя связи между индѣйцами и европейцами рѣшительно возбранялись съ самаго начала.

Отраженіе такихъ отношеній мы находимъ въ отношеніяхъ между Просперо и Калибаномъ. Просперо говоритъ Калибану:

Я раздѣлялъ съ тобою одно жилище
До той поры, пока, неблагодарный,
Ты дочь мою не вздумалъ обезчестить.

Но тотъ же Калибанъ, который протестуетъ противъ отнятія у него земли и порабощенія его со стороны Просперо, несмотря на свои вольнолюбивыя стремленія, готовъ продать свою свободу и независимость за водку. Сцена, гдѣ Калибанъ преклоняется предъ европейцемъ, доставившимъ ему этотъ напитокъ, прямо взята изъ исторіи взаимныхъ отношеній европейцевъ къ первобытнымъ людямъ. За бутылку Калибанъ становится послушнымъ рабомъ пылаго принцельца Стефано, цѣлуетъ его стопы, готовъ отдать ему весь островъ и заставить культурнаго Просперо, заставляющаго его работать, осадками европейскихъ колонистовъ, опаивающихъ его. Известно, что противъ порабощенія со стороны бѣлыхъ съ помощью водки и вообще опьяняющихъ напитковъ возставали и правительства, и миссіонеры, хотя они сами нерѣдко пользовались этимъ орудіемъ. Въ стремленіи Стефано и Тринкуло съ помощью Калибана свергнуть Просперо и овладѣть островомъ, опять сквачено не что иное, какъ типическія отношенія между различными элементами европейцевъ, прибывшихъ въ новыя земли. И вотъ тутъ мы подходимъ къ одному изъ

¹⁾ Waitz, III, стр. 141—148.

тересному пункту, выясненному Шекспиромъ въ живыхъ образахъ, — именно къ тому пункту, какое вліяніе оказываетъ новая обстановка на характеръ и дѣятельность пришлаго населенія. Извѣстно, что Просперо, несмотря на то, что и теперь вся сила его въ научныхъ знаніяхъ, въ книгахъ, ибо безъ нихъ „онъ былъ бы такъ же глупъ, какъ Калибанъ“, говоря словами Калибана, — въ то же время приобрѣлъ навыки къ практической дѣятельности. Онъ заставляетъ работать для себя природу въ лицѣ Аріэля, „своплзять по брынтамъ океана, роется въ земной утробѣ, когда ее окостенитъ морозъ“, съ помощью силъ природы онъ овладѣваетъ ею, онъ „раздробляетъ могучій Зевса духъ его же стрѣлою, онъ сосну и кедръ вырываетъ съ корнями“. Горы, лѣса и тихія воды служатъ ему. Онъ заставляетъ работать на себя и первобытныхъ людей, ибо они подѣ страхомъ голода и болѣзней не могутъ уйти отсюда, не могутъ выбиться отъ его владычества; онъ воспитываетъ соответственно данной обстановкѣ и свою дочь. Перейдемъ къ этой дочери, къ Мирандѣ. „Миранда, — говоритъ Просперо, — сдѣлала здѣсь болѣе успѣховъ—

Чѣмъ многіе изъ царственныхъ дѣтей,
Которыя въ ничтожныхъ развлеченьяхъ
Проводятъ дни, и у которыхъ нѣтъ
Наставниковъ, столь ревностно прилежныхъ,
Каковъ отецъ для дочери своей!

— то-есть, благодаря совершенно иной, отличной обстановкѣ отъ той, которая окружаетъ женщину въ Европѣ, Миранда гораздо развитѣе и, какъ мы увидимъ сейчасъ, гораздо проще.

Потерпѣвшій крушеніе корабль выбросилъ на тотъ же островъ, гдѣ поселился Просперо, представителей различныхъ элементовъ европейскаго населенія. Посмотрите, что съ ними стало?

Начнемъ съ Фердинанда, сына неаполитанскаго короля. Хотя обстановка его гораздо хуже, чѣмъ она была въ Европѣ, хотя онъ вынужденъ „пить одну морскую воду и ракушки воды проточной ѣсть“, сухія коренья да шелуху, и то безъ желудей, но онъ быстро принаравливается къ обстановкѣ, онъ носитъ дрова, такъ какъ ему свѣтится будущая возможность соединиться узами любви съ дочерью Просперо—съ Мирандой, онъ находитъ утѣшеніе и облегченіе отъ тяжелаго физическаго труда въ томъ сочувствіи, которое оказываетъ ему Миранда. И вотъ тутъ мы можемъ указать на одно любопытное обстоятельство. У многихъ изъ краснокожихъ индѣйцевъ по даннымъ, сообщаемымъ путешественниками, браки заключаются такимъ образомъ, что сватающійся за какую-нибудь дѣвушку долженъ прислать ей убитую имъ дичь или фрукты, нарубить ей дрова, и если она принимаетъ эти подарки, — это значить, что она принимаетъ его сва-

товство, и бракъ считается состоявшимся ¹⁾). Теперь сопоставимъ эти обычаи, существующіе у многихъ американскихъ народовъ, съ способомъ сватовства Фердинанда за Мирандой, у Шекспира, и мы увидимъ, что между ними очень много сходнаго. Европейцы усваиваютъ болѣе простые нравы туземнаго населенія по отношенію къ ухаживанію. Фердинандъ произвелъ на Миранду сильное впечатлѣніе, и она сразу высказываетъ ему свои чувства, въ то время, когда онъ занимается работою. Но между тѣмъ, какъ у индѣйцевъ никакихъ другихъ формальностей для того, чтобы состоялся бракъ, вовсе и не нужно, — европеецъ Просперо одинъ настаиваетъ на томъ, чтобы онъ не раньше „развязалъ Мирандѣ дѣвственный поясъ“, покуда „обрядъ священникомъ вполне не совершится“.

Что сталося съ другими лицами, попавшими на этотъ островъ? Какъ дѣйствуетъ на нихъ новая обстановка? Природа въ лицѣ Аріэля говоритъ имъ, что „несчастья, ужасы чѣмъ смерть, привяжутся ко всѣмъ дѣяніямъ ихъ“ и будутъ ихъ преслѣдовать всегда на этомъ островѣ, если они не постараются оградить себя отъ могущихъ ихъ постигнуть бѣдъ, „чистотою дальнѣйшей жизни“, если они не откажутся отъ интригъ, неизбѣжно связанныхъ съ стремленіемъ къ господству и власти. И, дѣйствительно, на нѣкоторыхъ изъ нихъ—на Алонзо и Гонзало новая обстановка производитъ отрезвляющее дѣйствіе,—они видятъ, что природа широка и обильна, и что нелѣпныя стремленія къ власти и господству тутъ неумѣстны. Одинъ изъ нихъ—Гонзало, даже доходитъ до того, что въ виду этихъ даровъ природы мечтаетъ объ устройствѣ такого общества, которое сильно походитъ на социалистическіе планы того времени, нашедшіе, какъ извѣстно, въ послѣдствіи такое обильное и широкое примѣненіе именно на американской почвѣ. О попыткахъ практическаго примѣненія социализма въ различныхъ формахъ и видахъ въ Америкѣ исписаны цѣлыя томы. Слова Шекспира, вложенныя въ уста хладнокровнаго и добродушнаго Гонзало, являются какъ бы пророческимъ предсказаніемъ всего того, что совершалось въ этомъ отношеніи на американской почвѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ, въ теченіи послѣднихъ вѣковъ. Влагая въ уста Гонзало планы утопическаго устройства общества, Шекспиръ влагаетъ въ уста плутовъ и интригановъ, въ уста Антоніо и Себастіана, критическіе отзывы объ этихъ планахъ.—Еслибы я былъ,—говоритъ Гонзало,—здѣсь государемъ—

Хотите знать, чтобъ сдѣлалъ я тогда?
Въ противность всѣмъ извѣстнымъ учрежденіямъ
Развилъ бы я республику мою.
Промышленность, чины я бѣ уничтожилъ,

¹⁾ Archiv für Anthropologie. В XI, s. 217.

И грамоты никто бы здѣсь не зналъ;
 Здѣсь не было бѣ ни рабства, ни богатства,
 Ни бѣдности; а строго бѣ запретилъ
 Условія наслѣдства и границы;
 Воздѣлывать поля или сады
 Не стали-бѣ здѣсь; металъ бы я металъ,
 И всякій хлѣбъ, и масло, и вино;
 Всѣ въ праздности здѣсь жили-бѣ безъ заботы,
 Всѣ,—женщины, мужчины,—но они
 Остались бы всѣ чисты и невинны;
 Здѣсь не было-бѣ правительства...

СЕВАСТИАНЪ.

Какъ помнится, ты самъ хотѣлъ быть королемъ.

АНТОНИО.

Уми, конецъ забылъ свое начало!

ГОНЗАЛО.

Все нужное, безъ пота и трудовъ,
 Давалось бы природою въ избытѣхъ.
 Здѣсь ни измѣнъ не знали-бѣ, ни предательства,
 Ни острыхъ шпагъ, ни коней, ни ножей,
 И вообще орудій никакихъ.
 Сама собой, давала бѣ все природа,
 Чтобъ прокормить невинный мой народъ...

СЕВАСТИАНЪ (Антонио).

А подданныхъ своихъ женить онъ будетъ?

АНТОНИО.

О, вѣрно нѣтъ! Здѣсь будутъ только жить
 Развратницы съ толпою негодяевъ...

ГОНЗАЛО.

И буду я такъ славно управлять,
 Что затѣню своимъ я управленiemъ
 Всѣхъ золотой.

Этотъ же Гонзало находить, что и туземцы вовсе не такъ дурны, какъ изображаютъ ихъ европейцы.—Подъ формою безобразной,—говорить онъ,—они—

Талъ такую прелесть обращенья,
 Что, кажется, едва-ли кто изъ людей
 Бываетъ такъ любезенъ и пріятливъ.

И Просперо въ свою очередь, слыша это мнѣніе, про себя соглашается, что существуютъ пришлые поселенцы, которые „презрѣніе самихъ чертъ“. Впрочемъ уже въ XVI вѣкѣ правительства тѣхъ странъ, откуда исходили поселенцы, дѣлали различіе между туземцами вообще и канибалами, и только послѣднихъ дозволилось принуждать къ работѣ въ пользу колонистовъ.

Алонзо, поставленный въ новую обстановку, также сводить итоги своимъ дѣйствіямъ на родинѣ. Тамъ, войны упрекали его и шумѣли—

И вѣтеръ былъ, напѣтывая въ уши,
 И громъ, какъ басъ въ концертѣ похоронномъ,
 Такъ звучно, такъ ужасно рокоталъ.

Здѣсь же, Алонзо, „когда несмытая волна выбросила ихъ на этотъ дикій островъ,—ибо съ людьми они не достойны жить“,—понялъ, что не интригами, а солидарностью съ людьми можно поддерживать свое существованіе. Не выѣстъ съ Алонзо и Гонзало, волна европейской колонизаціи выбрасывала на новыя мѣста и отребье европейскаго общества, искателей приключеній всякаго рода, готовыхъ правдою и неправдою возвышаться и богатѣть,—выбросила воровъ и пьяницъ и всякихъ разгульных людей. И вотъ представителей этихъ-то элементовъ европейскаго общества, попадавшихъ въ ново-открытыя страны, мы встрѣчаемъ съ одной стороны въ лицѣ брата Просперо—Антоніо, и брата Алонзо—Себастьяно, изъ аристократическихъ классовъ Европы; а съ другой стороны—въ лицѣ Стефано и Тринкуло, изъ среды протонародной массы. Антоніо и Себастьяно намѣреваются и здѣсь продолжать тѣ же подвиги подлости и коварства, какіе они совершали въ Европѣ,—они замышляютъ убить здѣсь Алонзо для того, чтобы, вернувшись на родину, одинъ изъ нихъ сѣлъ на его престолъ, а другой освободился бы отъ обязанности платить ему ленную подать. Не нужно ни ума, ни знанія для того, чтобы управлять, важенъ только панцырь, какъ говоритъ Антоніо,—что же касается совѣсти, то онъ „такого божества въ себѣ не ощущаетъ“. И точно также думаетъ и Стефано, и Тринкуло, когда они выѣстъ съ Калибаномъ замышляютъ свергнуть владычество Просперо надъ островомъ. И въ то время, когда даже Калибанъ понимаетъ, что вся сила Просперо въ его знаніяхъ; когда онъ настаиваетъ на томъ, чтобы сначала овладѣли книгами, „ибо разъ сожгутъ его книги, онъ погибъ“,—его сообщники, увидѣвъ дорогой панцырь, дорогой кафтанъ, прежде всего хватаются за него,—словомъ, занимаются тѣмъ же дѣломъ, какимъ они занимались на родинѣ—пьянствомъ и воровствомъ.

Заключительный результатъ всей пьесы заключается въ томъ, что послѣ нѣкотораго пребыванія въ новой обстановкѣ, всѣ пребывающіе тамъ, волею-неволею, отрезвляются. Новая обстановка прогнала въ нихъ „пары неразумія“, которые омрачали въ нихъ умъ—

Въ нихъ прибывать понятія начинають,
Разсудокъ ихъ ужъ близокъ береговъ,
Пока еще заволоченныхъ грязью.

И понятно, что разъ къ культурнымъ людямъ вернулся разсудокъ, жизнь, говоря словами Миранды, впервые видавшей образованныхъ людей въ такомъ числѣ, должна быть хороша съ такими существами,—и она вправѣ воскликнуть:

О, Боже мой, какъ люди хороши! ⁴⁾

⁴⁾ На англійскомъ языкѣ этотъ и упомянутый раньше стихъ имѣетъ содержаніе болѣе соответствующее смыслу пьесы. Тамъ говорится: славенъ *новый міръ*, въ которомъ есть такіе граждане!

O, brave new world,
That has such people in't!

И даже отребье европейскаго общества и представители канибализма могут нравственно очиститься въ трудѣ, на который и предназначаетъ ихъ Просперо.

Устами Просперо, Шекспиръ говоритъ, что нѣтъ людей, которые не были бы способны къ обновленію при новой обстановкѣ и при иныхъ условіяхъ, и не могли бы этой новой обстановкой пробудить совѣсть европейскаго человѣка, заставить его очнуться и повести къ нравственному его возрожденію. Шекспиръ очевидно считалъ колонизацію въ отдаленныхъ краяхъ, борьбу съ природой для удовлетворенія насущныхъ потребностей жизни, обстановку, при которой удовлетвореніе низшихъ инстинктовъ дѣлается невозможнымъ — средствомъ къ перерожденію человѣка. И дѣйствительно, трудами пионеровъ былъ воздвигнутъ новый міръ на новыхъ началахъ, сравнительно высшихъ, чѣмъ тѣ, на которыхъ была построена жизнь культурныхъ европейскихъ странъ. Даже такіе презрѣнные люди, которые сначала въ пьяномъ видѣ пѣли:

Давайте смѣяться, кричать, веселиться,—
Видѣ мысли свободны...

—и эти личности потомъ, вынужденныя къ труду, успѣли воплотить новыя идеи въ дѣйствительной жизни.

М. Кулишеръ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-е мая, 1883.

Конецъ дѣлового сезона.—Новые проекты на будущее время.—„Нужды и потребности“, г. В. Кокорева, и картина сельскаго благополучія въ его мечтахъ.—Средства къ ея осуществленію: заѣмна кабаковъ винными складами и поощреніе винокуренію.—Ожидаемое устройство новой хлѣбной складочной компаніи, и колебанія „Московск. Вѣдомостей“ по этому дѣлу.—Новыя общественныя и политическія теоріи г. Каткова по поводу дѣла г. Скарятина.

Дѣловой сезонъ 1882—83 года быстро приближается къ своему концу; нинѣшній разъ обычному лѣтнему роздыху будутъ предшествовать ожидаемыя торжественныя празднества коронаціи въ Москвѣ, которыя одновременно найдутъ себѣ громкое эхо во всѣхъ самыхъ отдаленныхъ городахъ имперіи, и потому такъ-называемыя „злобы дня“, насущныя заботы, начинаютъ вездѣ тѣмъ скорѣе отступать на задній планъ, а слѣдующій дѣловой сезонъ 1883—84 г., съ его новыми „зло-

бами дня", новыми заботами, представляется такимъ далекимъ, что и говорить о нихъ теперь, когда все собирается и отдыхать, и веселиться, было бы вовсе и непрактично, и неблагоприятно; кто же изъ насъ, еще въ дѣтствѣ, отправляясь, послѣ утомительныхъ трудовъ пройденнаго школьнаго года, на каникулы, думалъ объ урокахъ слѣдующаго школьнаго года. Только одинъ „Московскія Вѣдомости" не рѣшились послѣдовать такому благому примѣру: въ отходящемъ сезонѣ ихъ все еще продолжаетъ тревожить, между прочимъ, „г. Скратинъ и улица", а будущему, ближайшему сезону—газета уже теперь слѣдуетъ преподнести различные благотѣльные проекты, должествующіе осчастливить вышеупомянутую „улицу": ее обременяли и занимали до сихъ поръ ненадлежаще—то участіемъ въ земскомъ и городскомъ ховайствѣ, то въ отправленіи правосудія, между тѣмъ какъ было бы рациональнѣе и справедливѣе примѣнить къ этой самой „улицѣ" тѣ правила, какими хорошій сельскій хозяинъ руководствуется по отношенію къ живымъ орудіямъ сельскаго хозяйства: хотите получить больше молока и шерсти, заботьтесь о томъ, чтобы скотинка была сыта. Чтò, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть справедливѣе этого—въ сельскомъ хозяйствѣ? И вотъ, „Московскія Вѣдомости", желая дать намъ время подумать лѣтомъ на свободѣ и приготовиться къ началу осеннихъ работъ, опубликовали теперь же—„проектъ главныхъ основаній правилъ, относящихся къ винокуренію и кабаку", изложенный въ специальной статьѣ, подъ заглавіемъ: „Нужды и потребности" (чь?), г. В. Кокорева,—и рядомъ съ этимъ любопытное извѣстіе объ учрежденіи новаго общества, состоящаго изъ „русскихъ лицъ, извѣстныхъ по своему общественному положенію и матеріальнымъ средствамъ",—съ цѣлью „вывести нашу хлѣбную торговлю на новую дорогу" и „помочь намъ въ дѣлѣ конкуренціи съ американцами, при участіи американскихъ капиталистовъ". Два цѣльныхъ грандіозныхъ проекта!—Познакомимъ читателей сначала съ проектомъ г. В. Кокорева.

Не будучи специалистами, мы далеки отъ мысли анализировать и критиковать тѣ девять пунктовъ, изъ которыхъ состоитъ „проектъ правилъ, относящихся къ винокуренію",—и даже не были бы въ состояніи поддерживать съ успѣхомъ возраженіе, „могущее, по словамъ почтеннаго автора,—послѣдовать на то, что предлагаемая имъ прибавка 2 копейки на градусъ составляетъ новый налогъ на потребителей". Насъ интересуетъ, съ общественной точки зрѣнія, а не съ технической или специальной, только то, чтò во всѣхъ проектахъ составляетъ всегда самую лучшую ихъ часть, а именно—мотивы и добрыя намѣренія авторовъ, разсматриваемыя вообще,—публицистическая сторона объяснительныхъ записокъ къ проектамъ.

Авторъ, какъ и всѣ новаторы-энтузіасты, не хочетъ и слышать

о какомъ-нибудь промедленіи, хотя бы и съ цѣлью всесторонняго обсужденія его проекта: „Общее желаніе всей Руси,—торжественно восклицаетъ г. Кокоревъ, избѣгая такихъ будничныхъ названій, какъ Россія,—заключается въ томъ, чтобы наступленію священнаго коронованія предшествовалъ лучъ надежды на то, что избранный правительствомъ экономическій путь вѣренъ“. Если наша „народная и промышленная жизнь находится, по мнѣнію автора, въ самой гнетущей истомѣ“—то это только „отъ ожиданія путеводныхъ указаній“. Все сдѣланное до сихъ поръ министерствомъ финансовъ въ этомъ смыслѣ мало удовлетворяетъ автора: „вновь созданный крестьянскій банкъ—замѣчаетъ онъ—безспорно необходимъ и полезенъ для крестьянъ, развивающихъ свое хозяйство; но... но онъ не можетъ пособить крестьянину, который все пропилъ, и тому мелкопомѣстному помѣщику, который не имѣетъ пропитанія на завтрашній день“,—значить, другими словами, этотъ новый крестьянскій банкъ, въ то же время, точно также и бесполезенъ, и безъ него не только можно, но и слѣдуетъ обойтись, такъ какъ онъ „не можетъ пособить“ никому. По точному вычисленію г. Кокорева, до сихъ поръ уже „пропились два милліона“; въ настоящую минуту, по его же вычисленію, „пропивается третій“, и онъ имѣетъ увѣренность, что „за нимъ пойдетъ четвертый милліонъ“,—такъ что можно уже теперь приблизительно вычислить тотъ день, когда пропьются и всѣ остальные милліоны нашего населенія, а потому,—заключаетъ авторъ,—„тутъ уже нельзя махнуть рукой! спасая пропившихся, мы спасаемъ себя, спасаемъ общій порядокъ!“ Только, по чувству великодушія и состраданія къ нашимъ нервамъ, г. Кокоревъ не сообщаетъ всего, что онъ знаетъ, по этой части, въ качествѣ учредителя „Сѣвернаго телеграфнаго агентства“,—„которое имѣетъ, по его словамъ, изъ внутреннихъ губерній точныя свѣдѣнія о разрушенномъ положеніи помѣщичьихъ и крестьянскихъ хозяйствъ;... распространеніе огорчительныхъ извѣстій, не помогая дѣлу, увеличило бы только сумму досады и унынія“. Щада, такимъ образомъ, чувствительность публики, г. Кокоревъ и ограничился сообщеніемъ валовыхъ цифръ относительно хода пьянства у насъ, въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ.

Имѣя однако въ виду жестокую перспективу, какую представляетъ авторъ проекта, всякій охотно раздѣлитъ его сердечныя тревоги и вмѣстѣ съ нимъ будетъ—говоримъ опять его словами—„ждать съ нетерпѣніемъ, когда подымется завѣса будущаго и покажетъ намъ картину, на которой видны обновленныя усадьбы, сооруженія мелкихъ винокуренъ, стада коровъ, пьющихъ винокуренную барду, поля съ массой удобренія, дѣти съ горшкомъ молока и съ кускомъ хлѣба безъ примѣси шелухи и мякины, мясное варено на крестьянскомъ столѣ, словомъ, у всѣхъ веселыя лица, кромѣ огорченныхъ кабатчиковъ“—которые, конечно, прибавимъ отъ себя, и не могутъ не огор-

чаться, видя, какъ г. Кокоревъ проектируетъ собственно не уничтоженіе кабака, а превращеніе въ кабакъ всѣхъ заводскихъ и торговыхъ складовъ, откуда „необходимо—говорить онъ—дозволить продажу по $\frac{1}{3}$ ведра, т.-е. по мелочамъ, и сдѣлать эти склады почти общедоступными“.—Но какова однако сама „картина“ будущаго нашего благоденствія: коровы, пьющія винокуренную барду, дѣти съ горшкомъ молока и съ кускомъ хлѣба!—предъ этимъ блѣднѣютъ всѣ проекты гоголевскаго Манилова, и самъ Генрихъ IV останется далеко позади г. Кокорева съ своею классическою „курицею“ въ крестьянскомъ супѣ.

И для достиженія такого благополучія нужно сдѣлать вовсе не много! Одну изъ мѣръ мы уже видѣли мимоходомъ: закрыть кабаки, а отпускъ вина въ запечатанной посудѣ, крупныхъ и мелкихъ размѣровъ, дозволить прямо изъ заводскихъ и торговыхъ складовъ, которые—понятное дѣло!—разведутся, вслѣдствіе того, въ томъ же самомъ количествѣ, какое до сихъ поръ представляли кабаки, но съ болѣе, благороднымъ наименованіемъ: „Складъ вина“; напиваться же предоставляется, по новому проекту, или дома, въ избѣ, или въ трактирахъ и харчевняхъ, куда, конечно, должны будутъ перенестись и всѣ кабацкія сцены нѣящества. Но эта мѣра есть собственно только послѣдствіе другой, болѣе важной, которая и должна подѣйствовать магически для совершенія вышеуказанной метаморфозы, когда „Русь“ будетъ изображать картину коровъ, пьющихъ барду, и дѣтей, съ крынкою молока въ рукахъ. Прежде всего, надобно уничтожить для того „однообразную акцизную систему“, убившую нѣкогда откупа; г. Кокоревъ, правда, вмѣняетъ ей такое убійство въ заслугу, но находитъ, что она остановилась на „половинѣ пути“—и потому не дошла до „полной торговой свободы“ вина, откуда, конечно, не будетъ трудно вернуться со временемъ и къ откупамъ, такъ какъ сборъ акциза, при свободной торговлѣ виномъ, сдѣлается для правительства крайне затруднительнымъ. Последнее соображеніе принадлежитъ, конечно, намъ, а не г. Кокореву. Затѣмъ, нужно—говорить опять онъ—„установить поощреніе (выдачу премій) для сельско-хозяйственныхъ винокуренныхъ мелкихъ заводовъ повсемѣстно, а въ сѣверныхъ губерніяхъ въ двойномъ размѣрѣ противъ общаго, дабы породить желаніе устраивать мелкія винокурни“. Читатель понимаетъ самъ, что такая мѣра дѣйствительно необходима для осуществленія одной изъ главныхъ частей вышеупомянутой картины, а именно:—коровъ, пьющихъ барду, и напоющихъ дѣтей молокомъ. Чувствуя, однако, что только одинъ Богъ можетъ заботиться о всѣхъ, г. Кокоревъ не забываетъ поставить свою грандіозную задачу въ предѣлы человѣческихъ силъ, и потому спѣшитъ оговориться: „Таковыя преміи (съ цѣлью поощрить винокуреніе и связанныя съ нимъ успѣхи скотоводства, при помощи барды) должны существовать (увы!) только для

заводовъ, находящихся въ дворянскихъ имѣніяхъ, дабы сообщить этимъ имѣніямъ возможность возстановить, при вольнонаемномъ трудѣ, сельское хозяйство". Для чего, думаете вы, г. Кокоревъ дѣлаетъ такое предложеніе? Онъ не долюбиваетъ крупныхъ заводчиковъ и расчитываетъ, что „при выдачѣ мелкимъ сельско-хозяйственнымъ винокурнямъ премій, большіе заводы не въ силахъ будутъ конкурировать съ мелкими и затруднятся въ сбытѣ вина". Ну, а что выиграетъ крестьянское сельское хозяйство отъ премій, выдаваемыхъ заводамъ однихъ дворянскихъ имѣній, — что выиграетъ народъ, о которомъ такъ много заботится г. Кокоревъ? Если крупные заводчики, по его имѣнію, пострадаютъ отъ премій мелкимъ дворянскимъ имѣніямъ, то крестьянамъ не придется ли и вовсе закрыть свое сельское хозяйство, въ виду того, что имъ не будетъ возможности конкурировать съ дворянскимъ хозяйствомъ, пользующимся бардою для скотоводства, а слѣдовательно и для удобренія полей? Чьи же это коровы будутъ пить барду, и у кого очутится въ рукахъ проектируемая г. Кокоревымъ „крынка съ молокомъ"? На это г. Кокоревъ не отвѣчаетъ; но зато онъ позаботился смягчить тяжелое впечатлѣніе, какое должна была произвести на крупныхъ заводчиковъ его премія мелкимъ дворянскимъ заводамъ: „Всѣмъ крупнымъ заводамъ, — гласитъ п. 4 проекта, — не вошедшимъ въ разрядъ сельско-хозяйственныхъ, слѣдуетъ также, сверхъ существующихъ поощреній, выдавать премію, но только при вывозѣ ими вина за границу; этимъ способомъ — заключаетъ г. Кокоревъ — установится постоянный отпускъ хлѣба за границу, въ видѣ спирта, и откроется сбытъ бочекъ, въ интересахъ русскаго труда". Итакъ, ничто не забыто г. Кокоревымъ: мелкіе заводы дворянскихъ имѣній получаютъ премію, въ подрывъ крупнымъ заводамъ; крупные заводы спасаются отъ этого подрыва тѣмъ, что при извѣстныхъ условіяхъ также получаютъ премію; не забыть и народъ, несущій на себѣ „русскій трудъ": ему великодушно предоставлено, при этомъ, продавать пустыя „бочки"!

Но за кѣмъ оставлена привилегія — раздавать вышеупомянутыя преміи? — конечно, за правительствомъ и народомъ, платящимъ подать въ казну. Г. Кокоревъ знаетъ, однако, что этого рода привилегіи не особенно заманчивы, а потому, въ видахъ, „чтобы выдача премій мелкимъ (а также и крупнымъ) винокурнымъ заводамъ не составила для правительства новой статьи расхода", онъ заботливо предлагаетъ, какъ мы уже видѣли, „сверхъ нынѣ взимаемаго акциза установить дополнительный акцизъ" — всего въ какихъ-нибудь двѣ копейки съ градуса! Прежде — поясняетъ г. Кокоревъ — эти копейки попадали въ карманъ кабатчикамъ, въ видѣ ихъ наживы, а теперь онѣ пойдутъ совсѣмъ на другое: „главная польза (отъ этихъ двухъ копѣекъ) для народа выразится въ томъ, что дополнительный

акция будетъ обращенъ на благоустройство сельскаго хозяйства, посредствомъ выдачи премій мелкимъ винокурнямъ"; — но какимъ образомъ народъ получить пользу отъ того, что преміи будутъ выдаваться однимъ дворянскимъ имѣніямъ и крупнымъ заводчикамъ, — это составляетъ секретъ г. Кокорева, если не имѣть въ виду вышеупомянутыхъ пустыхъ „бочекъ" — произведенія народнаго труда. Правда, предполагается изъ этихъ же двухъ копѣекъ „выдавать" воспособленіе общинамъ крестьянамъ" — но эта идея оставлена какъ-то въ туманѣ, вообще недостаточно разработана и не указано даже, хотя бы приблизительно, на то, какой процентъ предвидится авторомъ на „преміи" и каковой — на воспособленіе общинамъ крестьянамъ". Не объяснено также: не уйдетъ ли и это „воспособленіе" въ тѣ же „винные склады", имѣющіе замѣнить собою кабаки, такъ какъ изъ складовъ проектируется отпустить водки и въ „мелкой" посудѣ? Въ виду всей такой неясности проекта, мы и позволимъ себѣ усомниться въ томъ, чтобы этотъ проектъ, какъ то обѣщаетъ г. Кокоревъ, ошастливилъ нашу народную жизнь — „сообщеніемъ ей довольства, создающаго семейную тишину сердца, изъ которой слагается общая государственная тишина, не достигаемая безъ экономическаго благоустройства никакими другими мѣрами". Мы даже думаемъ, что подъ покровомъ такой „общей государственной тишины", какую проектируетъ г. Кокоревъ, могутъ обдѣлываться еще благополучіе для отдѣльных личностей, и волей-неволей, читая такіе проекты, припоминаешь себѣ классическое выраженіе: *Timeo Danaos et dona ferentes!*

Но „Московскія Вѣдомости" не питаютъ страха въ „Данаямъ", — напротивъ: „съ живѣйшимъ сочувствіемъ, — говоритъ газета, — помещаемъ мы статью В. А. Кокорева, внушенную мыслями, за которыя мы усердно, хотя доселѣ и безуспѣшно, ратуемъ". Кабаки, это — весьма бѣдственное для народа учрежденіе, — но если ихъ замѣнить „винными складами" мелкихъ и крупныхъ заводовъ, учреждаемыхъ, въ дворянскихъ имѣніяхъ, съ премією отъ правительства, — то въ такой формѣ „Москов. Вѣдомости" готовы помириться и съ кабаками. „Освободить народъ отъ кабака" и „возстановить связь сельскаго хозяйства съ винокурениемъ" — вотъ тѣ двѣ цѣли проекта г. Кокорева, которымъ „вполнѣ и безусловно" сочувствуетъ газета. Но, освободившись отъ кабака, не подчинится ли народъ „виннымъ складамъ", которые будутъ открыты на мѣстѣ прежнихъ кабаковъ? — возстановится ли связь, именно, *крестьянскаго* сельскаго хозяйства съ винокурениемъ въ дворянскомъ сельскомъ хозяйствѣ, или необходимость купить у завода барду поставить крестьянское хозяйство въ совершенную зависимость отъ сосѣднихъ дворянскихъ имѣній? — на эти вопросы и „Москов. Вѣдомости" не отвѣчаютъ ничего. Газета, впрочемъ, подвергаетъ сомнѣнію одно нравственное вліяніе проекта г. Кокорева на крестьянъ и спрашиваетъ: „не могутъ ли завестись при

такихъ условіяхъ (т.-е. при свободной торговлѣ виномъ) у деревенскихъ гулякъ непрерывныя попойки со взаимными угощеніями не хуже кабацкихъ?" Но тутъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, что съ проектомъ г. Кокорева, мы получимъ почти столько же кабаковъ, сколько набѣ въ деревнѣ: купить $\frac{1}{2}$ ведра въ его „винномъ складѣ“ — не представляетъ и для крестьянскаго хозяйства особенныхъ финансовыхъ затрудненій, и въ то же время доставляетъ удобство не бѣгать въ кабакъ за каждымъ полуштофомъ, да сверхъ того даетъ возможность съ выгодною ссужать виномъ сосѣдей, т.-е. развести мелочную продажу, чуть не въ каждой набѣ. Но въ сущности проектъ преслѣдуетъ другую цѣль: надобно овладѣть кабаками, переименовать ихъ въ „винные склады“, которые будутъ служить непосредственно самымъ винокуренимъ заводамъ, и такимъ образомъ на мѣстѣ каждаго закрытаго кабака возродится, какъ феминокъ изъ своего пепла, „винный складъ“ сосѣдней винокурни. Что же касается барды, то она дѣйствительно возстановитъ тѣсную и крѣпкую связь между крестьянскимъ сельскимъ хозяйствомъ и не-крестьянскимъ — къ выгодѣ конечно, послѣдняго.

Остается за проектомъ г. Кокорева одна несомнѣнная выгода, на которую указываютъ и „Москов. Вѣдом.“, говоря, что въ поощреніи винокуреннаго дѣла „нельзя не видѣть важное подспорье сельскаго хозяйства, открывающее выгодный и удобный мѣстный сбытъ *всякимъ* хлѣбнымъ продуктамъ, въ томъ числѣ и такимъ, которые, вслѣдствіе подмочки, залежалости или иной порчи, трудно и неудобно было бы сбывать на рынкахъ“. Но и эта единственная выгода проекта поощренія винокурения можетъ исчезнуть легко, если тѣ же „Москов. Вѣдомости“ рѣшатся не двусмысленно помогать „вывести нашу хлѣбную торговлю на новую дорогу“ — и тѣмъ подорвутъ проектъ г. Кокорева о превращеніи хлѣбнаго зерна въ спиртъ, а вмѣстѣ и „русскій трудъ“, такъ какъ „бочки“ тогда останутся дома.

Кромѣ внутреннихъ враговъ, въ лицѣ народнаго невѣжества, хищническаго способа эксплуатаціи земли, доведенной до истощенія и т. п., наше сельское хозяйство, какъ извѣстно, имѣетъ и вишняго — въ лицѣ американской хлѣбной конкуренціи: Америка умѣетъ не только производить хлѣбъ, но и доставлять его на рынокъ такъ, что, несмотря на всю отдаленность Америки отъ европейскихъ рынковъ, она дѣлаетъ это дешевле нашего и тѣмъ убиваетъ русскую хлѣбную торговлю. Помочь этой послѣдней бѣдѣ можетъ такъ-называемая „складочно-варрантная система“, т.-е. громадный кредитъ, который позволилъ бы какой-нибудь компаніи скупать хлѣбъ въ свои склады на то время, когда на него нѣтъ спроса, или цѣна низка, — и усовершенствованные способы нагрузки, выгрузки, сортировки и сушки зерна. Подробности новаго проекта устроить хлѣбную торговлю на новыхъ началахъ — пока

еще неизвѣстны; ясно одно, что это дѣло требуетъ громадныхъ суммъ, а потому „Москов. Вѣд.“ и занялись однимъ разсмотрѣніемъ такъ-сказать „національности“ этихъ суммъ—и высказали при этомъ такіа мнѣнія, которыя современемъ доставятъ газетѣ возможность стать твердо на „патріотическую“ почву, а вмѣстѣ представляютъ и лазейку: посредствомъ послѣдней можно будетъ въ данномъ случаѣ поддерживать и иностранную компанію, безъ опасенія быть обвиненнымъ въ недостатокъ патріотизма. Оказывается, что учредителями компаніи этого колоссальнаго дѣла будутъ „русскія лица“, извѣстныя по своему общественному положенію и „матерьяльнымъ средствамъ“; но все же эти средства не таковы, чтобы обойтись безъ участія иностранцевъ,—и вотъ они пригласили американцевъ помочь имъ убить американскую же конкуренцію. „Это хорошо,—говорятъ „Москов. Вѣдом.“,—но... если американцы“ и т. д. (слѣдуетъ изложеніе опасеній ихъ опытности). „Такая сила можетъ быть весьма благотворительною, но можетъ стать и вредною“, и т. д. (слѣдуетъ приглашеніе серьезно поразмыслить). „Можетъ быть, изложенныя сейчасъ опасенія преувеличены и неосновательны“—продолжаютъ „Москов. Вѣд.“, не желая отнять надежды у иностранцевъ на участіе въ новомъ предпріятіи; но, чтобы поддержать и надежды отечественныхъ спекулянтовъ, газета уже почти рѣшительно утверждаетъ: „Складочно-варрантная система (выдача ссудъ подъ залогъ хлѣба) со всѣми ея приспособленіями можетъ устроиться и безъ американскихъ капиталовъ“. Конечно, высказать такую истину легче, чѣмъ сдѣлать ее обязательною для всѣхъ, а потому газета и приводитъ только такой аргументъ, что-можемъ „варрантное дѣло очень выгодно и можемъ давать крупныя дивиденды“, а это позволяетъ рассчитывать, что для организаціи его найдутся „русскіе капиталы“. Хотѣлось бы такъ думать, но почему же тогда лезить у насъ такая масса богатствъ втунѣ, несмотря на очевидную выгоду ихъ эксплуатаціи и болѣе чѣмъ вѣроятный крупный дивидендъ?—Не видно, также, почему именно „кладочно-варрантное дѣло“ должно составить въ этомъ отношеніи счастливое исключеніе. Намъ, кромѣ отсутствія капиталовъ, мѣшаетъ и неумѣнье организовать дѣло, такъ что и сами „Москов. Вѣд.“, намекая на излішество американскихъ капиталовъ, надѣются, что наши капиталисты все-таки „не затруднятся пригласить къ себѣ на службу опытныхъ американскихъ специалистовъ для устроенія технической стороны дѣла“. Вотъ и другой, еще болѣе шаткій, доводъ газеты въ пользу мысли о достаточности нашихъ собственныхъ денежныхъ средствъ: усматривая нѣкоторую трудность въ составленіи у насъ собственнаго складочнаго капитала для варрантныхъ ссудъ, „Москов. Вѣдомости“ утверждаютъ, что эту трудность нельзя „считать непреодолимою въ странѣ (въ Россіи), имѣющей (?) средства для постройки желѣзно-дорожной сѣти, болѣе чѣмъ въ двадцать тысячъ верстъ“.

Гдѣ же мы нашли эти средства, какъ не въ иностранныхъ займахъ? Или „Москов. Вѣдом.“ относить иностранные займы къ числу собственныхъ средствъ страны и приглашаютъ правительство стать по отношенію къ „варрантному“ дѣлу на тотъ же путь, по которому оно шло въ дѣлѣ желѣзно-дорожномъ? а въ такомъ случаѣ, не слѣдовало бы выражать увѣренности, что и въ новомъ предпріятіи можно обойтись „безъ американскихъ капиталовъ“, такъ какъ пришлось бы замѣнить ихъ все-таки англійскими или голландскими; не московская газета, повидимому, хотѣла сказать вовсе не то.

Вообще, все это складочно-варрантное дѣло, весьма важное по своей сущности, любопытно для насъ какъ случай для наблюденія за политикою нашей „торгово-патріотической“ печати. Никогда торговый патріотизмъ „Московскихъ Вѣдомостей“ не подвергался такому тяжелому испытанію, какъ нынѣшній разъ. Въ пресловутомъ вопросѣ кавказскаго транзита дѣло было очень легкое: выборъ былъ между иностранными эксплуататорами и домашними; а тутъ, кромѣ того, сами торговые патріоты „распались на са“: къ одинъ день, и тутъ не въ одинъ часъ, редакція газеты получаетъ письмо отъ князя А. В. Мещерскаго, съ „горячимъ привѣтствіемъ въ высокой степени полезности предпріятія“ складочно-варрантнаго дѣла; а съ другой стороны, заявленіе противоположнаго свойства, идущее отъ „хлѣбнаго торговца“, елецкаго корреспондента газеты. Какъ тутъ быть?—оба они заботятся о благѣ отечества, и оба смотрятъ другъ на друга, почти какъ на враговъ отечества. Никогда еще „Московскія Вѣдомости“ не подвергались такому тяжелому испытанію, никогда выборъ между двумя патріотизмами не былъ такъ тяжелъ. Сочувствіе ихъ, однако, склоняется слегка въ пользу патріотизма кн. Мещерскаго: газета приводитъ его слова объ „общей бѣдѣ“ прямо, безъ тѣни оговорокъ; а на патріотизмъ елецкаго корреспондента она набрасываетъ легкую, едва замѣтную тѣнь, перерывая его рѣчь словечкомъ де: „мы читаемъ въ его корреспонденціи о тревожномъ чувствѣ, которое-де возбуждено какъ въ землевладѣльческомъ, такъ и въ коммерческомъ мірѣ, слухами объ иностранной компаніи... Эта система должна удешевить перевозку, а стало быть и сбытъ хлѣба за границу, только-де въ зернѣ“ и т. п. И только дайте, „Москов. Вѣд.“ какъ будто читаютъ мораль елецкому корреспонденту, онъ же и „хлѣбный торговецъ“: „относиться непріязненно — замѣчаетъ газета—къ системѣ варрантовъ могутъ только спекулянты-перепродавцы, которымъ она мѣшала бы прижимать производителей хлѣба въ трудныя минуты и брать у нихъ хлѣбъ за-дешево съ тѣмъ, чтобы продавать въ три-дорога“. Это уже не въ бровь, а въ глаза! Конечно, и елецкій корреспондентъ можетъ въ свою очередь сказать, что его противники „горячо привѣтствуютъ“ систему варрантовъ,

потому что въ виду ея потирають себѣ руки,—и, пожалуй, также будетъ не менѣе правъ!

Насъ, мы сказали, занимаетъ это дѣло вовсе не по его сущности: пусть специалисты и знатоки рѣшатъ, подъ какимъ соусомъ лучше будетъ обдѣлать непосредственныхъ производителей хлѣба, и что послѣднимъ можетъ нравиться лучше. Насъ тутъ заинтересовало одно затруднительное положеніе для той печати, которая прижививается патріотизмъ къ разрѣшенію финансовыхъ и торговыхъ предпріятій. Оказывается, что, и свѣда рѣшеніе такихъ вопросовъ на патріотическую почву, газета можетъ встрѣтиться съ необходимостью выбора между двумя патріотизмами: князь А. В. Мещерскій „горячо приветствуетъ“; елецкій корреспондентъ питаетъ „тревожное чувство“—и оба одержимы однимъ и тѣмъ же патріотизмомъ и любовью къ одной и той же „улицѣ“.

Колеблясь относительно способовъ осчастливить „улицу“ въ матеріальномъ отношеніи и обезпечить ея выгоды, „Москов. Вѣдомости“ не имѣютъ зато двухъ мнѣній относительно нравственнаго значенія той же улицы: для газеты самое выраженіе: „улица“, равносильно тому, что разумѣли польскіе паны прежняго времени, называя народъ словомъ „быдло“. „Итакъ, бывшаго губернатора (г. Скарятина)—восклицають съ презрѣніемъ „Москов. Вѣд.“—за преступленіе по должности (?) будетъ судить улица!“.. „Бывшаго губернатора будутъ судить неизвѣстные (!?) люди въ качествѣ представителей общественнаго мнѣнія, или, какъ въ этомъ случаѣ выражаются, общественной совѣсти“.—Лица неизвѣстны—кому?—г-ну Каткову? но едва ли въ такомъ смыслѣ газета считаетъ „неизвѣстными“ присяжныхъ засѣдателей суда; нельзя же набрать на всю Россію присяжныхъ изъ круга знакомыхъ г-на Каткова. Въ судѣ эти лица очень хорошо извѣстны, доказательствомъ тому служить то, что обѣ стороны имѣютъ право отводить присяжныхъ и пользуются тѣмъ, а слѣдовательно, знаютъ кого отводить. Говора: „г. Скарятинъ будетъ судить улица“—г. Катковъ, можно думать, рассчитываетъ уловить весьма простодушныхъ читателей, давая имъ понять, что судъ высылаетъ на улицу сторожа, который и приглашаетъ въ присяжные всякаго встрѣчнаго. Нельзя сказать, что въ судѣ судить „улица“, когда для выбора въ составъ присяжныхъ существуетъ цѣлая коммиссія изъ земскихъ и городскихъ представителей; этой коммиссіи законъ указываетъ, какія лица изъ мѣстныхъ жителей не могутъ быть допускаемы въ присяжные, по недостатку нравственнаго ценза. Развѣ самъ г. Катковъ и его сотрудники не могутъ попасть въ число этихъ „неизвѣстныхъ“; къ чему же употреблять такіа „жалкія“ слова, какъ „улица“, „неизвѣстны“, когда законъ именно не допускаетъ въ судъ „улицы“ и требуетъ предварительнаго ея очи-

щенія. Между тѣмъ, г. Катковъ разошелся такъ, что, наконецъ, прямо объявлялъ, что „судъ надъ дѣйствіями правительственнаго лица“ будетъ производиться „людьми, случайно набранными съ улицы“!!

Судъ присяжныхъ могъ бы съ большею справедливостію отозваться такимъ образомъ объ иномъ судѣ—въ печати, и назвать его судомъ лицъ, „набранныхъ съ улицы“ г-мъ Катковымъ, и уже безъ всякаго предварительнаго очищенія этой „улицы“ въ какой-нибудь комиссіи,—и что могъ бы отвѣтить на это г. Катковъ съ усвоенной имъ точки зрѣнія на судъ присяжныхъ? Въ присяжные, напримѣръ, не можетъ попасть никто изъ осужденныхъ за ограбленіе почты, съ убійствомъ почтальона, но никто не препятствовалъ бы такому лицу писать, хотя бы и передовыя статьи объ „улицѣ“. Однако, все это несколько непомѣшало московской газетѣ, въ той же самой статьѣ, учинить слѣдствіе и судъ по дѣлу г. Скарятина, и затѣмъ составить, хотя и оправдательный, но все-таки приговоръ. „Мы сочли своимъ долгомъ“, такъ начинаютъ „Московскія Вѣдомости“ свое судебное слѣдствіе...—Кто эти „мы“? Развѣ эти „мы“ не та же „улица“? Авторъ, или авторы этой статьи еще менѣе извѣстны публикѣ, чѣмъ присяжные засѣдатели суда; газета, скажутъ, подписана извѣстнымъ редакторомъ; но вѣдь и судъ въ своемъ предсѣдателѣ имѣетъ лицо не только извѣстное, но и вполне компетентное, чтобы держать въ предѣлахъ закона „сотрудниковъ“ суда—адвокатовъ, прокуроровъ, присяжныхъ засѣдателей. Почему же общество должно болѣе полагаться на судъ „улицы“ въ печати, нежели на судъ „улицы“ въ судѣ, гдѣ притомъ высказываются всѣ стороны, а не одна сторона производитъ и слѣдствіе, и судъ, и произноситъ приговоръ?...

„Мы сочли своимъ долгомъ“,—говоритъ газета,—ознакомиться ближе съ этимъ дѣломъ (г. Скарятина), и получили о немъ свѣдѣнія, которыя изложены въ помѣщаемой ниже (?) статьѣ; мы *простырили* эти свѣдѣнія отзывами разныхъ (?) лицъ, не находящихся ни въ какихъ отношеніяхъ къ Н. Я. Скарятину“. Каковы, однако, средства редакціи „Москов. Вѣдомостей“! Она могла не только собрать всѣ свѣдѣнія, но и провѣрить ихъ, на пространствѣ цѣлой казанской губерніи, и притомъ за періодъ 14-ти-лѣтняго управленія ею г. Скарятиннымъ—и все это сдѣлано редакціею съ быстротою молніи, такъ какъ, по ея собственному признанію, до начала апрѣля „она не имѣла свѣдѣній (по дѣлу г. Скарятина) для того, чтобы сказать отрезвляющее слово“. И вотъ, 9-го апрѣля, „отрезвляющее слово“ было уже готово! Двѣ-три такихъ газеты—и можно было бы смѣло замѣнить ими суды, дѣйствующіе медленно, допрашивающіе притомъ именно только лицъ, имѣющихъ отношеніе къ дѣлу, между тѣмъ какъ г. Катковъ можетъ допросить „разныхъ“ лицъ, и притомъ не находится, по словамъ газеты, „ни въ родствѣ, ни въ кумовствѣ, ни даже въ знакомствѣ“ съ г. Скарятиннымъ. Есть, конечно, и неудоб-

ства суда въ печати: собранныя свѣдѣнія г. Катковъ и провѣренныя имъ, по собственному его великодушному признанію, „могутъ быть болѣе или менѣе не точны или недостаточно полны“, — а потому онъ отступаетъ отъ даннаго имъ обѣщанія помѣстить все это ниже, въ самой статьѣ, и вмѣсто того знакомить насъ только съ „сущностью дѣла, въ его основномъ очеркѣ“.

Если бы мы и имѣли въ своемъ распоряженіи средства къ изслѣдованію дѣла, въ его сущности, или въ самыхъ подробностяхъ, то и тогда мы не позволили бы себѣ вступить въ журнальную полемику съ „Московск. Вѣд.“, изъ уваженія къ предстоящему суду, гдѣ и защита, и обвиненіе, бываютъ одинаково полноправны. Но г. Катковъ, въ своемъ „основномъ очеркѣ“, коснулся именно самыхъ основъ всякаго сужденія, высказавъ такіа общія мысли, которыя нельзя оставить безъ вниманія. И мы коснемся только этихъ общихъ мыслей, оставляя въ сторонѣ всякое ихъ примѣненіе не только къ дѣлу г. Скарятина, но и вообще къ какому бы то ни было единичному дѣлу. По мнѣнію г. Каткова, всякій, кто „былъ три раза сразу избираемъ курскимъ дворянствомъ въ должность губернскаго предводителя“; всякій, „кто участвовалъ въ качествѣ депутата въ совѣщаніяхъ редакціонныхъ комиссій“; наконецъ, всякій, кто управлялъ четырнадцать лѣтъ губерніей—„не можетъ не принадлежать къ числу безспорно заслуженныхъ лицъ“. Но развѣ судъ занимается вопросомъ, кто можетъ быть названъ безспорно, и кто—просто заслуженнымъ лицомъ? Суду всегда необходимо рѣшить только одно: виновно ли лицо или невиновно въ томъ, въ чемъ его обвиняютъ?—заслуги же, буде таковыя окажутся, могутъ побудить судъ развѣ къ заботѣ о смягченіи наказанія. Или г. Катковъ думаетъ, что всѣ вышеупомянутыя признаки ставятъ лицо, обладающее ими, выше суда и снимаютъ съ него навсегда всякую личную отвѣтственность? Утверждать это прямо г. Катковъ не рѣшился; но тогда къ чему же онъ сдѣлалъ всѣ вышеупомянутыя указанія?

Далѣе, г. Катковъ утверждаетъ, опять какъ общій принципъ для оправданія, что въ 14 лѣтъ управленія краемъ всегда должно „явственно обозначиться“ и само лицо, и „характеръ его дѣятельности“; „не могли бы, — замѣчаетъ газета, — въ наше время гласности утаить злоупотребленія за столь долгій промежутокъ времени“. Говоря объ извѣстномъ именно дѣлѣ, московская газета подъ „нашимъ временемъ“, конечно, разумѣетъ не переживаемое нами время, а 60-ые и 70-ые годы; но въ такомъ случаѣ, мы ей предоставимъ самой вычислить, сколько лѣтъ прошло прежде, нежели были открыты факты въ управленіи уфимскою губерніею, не одобряемые судомъ, несмотря на то, что въ то время уже существовала такъ-называемая „благодѣтельная гласность“? Сколько лѣтъ прошло, прежде нежели были замѣчены нѣкоторыя, также неодобряемые судомъ, факты въ управленіи минской

губерніей, и сколько лѣтъ прошло, еще послѣ того, какъ эти факты хотя и обратили на себя вниманіе суда, но долгое время никакъ не могли быть имъ разрѣшены? А въ такомъ случаѣ приводимое газетою число лѣтъ того или другого управленія, изображавшихъ собою „гладь и божью благодать“, также не есть, само по себѣ, обстоятельство, ставящее лицо выше всякаго суда, по тому или другому отдѣльному случаю. Между тѣмъ, по логикѣ „Моск. Вѣд.“, и уфимскія, и минскія дѣла должны были быть исключены изъ вѣдѣнія суда—на томъ основаніи, что, несмотря на существованіе гласности въ то время, въ обонхъ этихъ краяхъ все обстояло благополучно. Не было ли бы правильнѣе заключить изъ этого, что сама гласность того времени была обставлена какими-нибудь неблагоприятными для нея условіями. И въ самомъ дѣлѣ, какими образомъ отъ мѣстной, провинціальной печати не могутъ, по увѣренію г. Каткова, утаиться злоупотребленія мѣстной же администраціи, когда на долю послѣдней приходится иногда—и дѣлать злоупотребленія, и одновременно наблюдать за тѣмъ, чтобы провинціальныя газеты не злоупотребляли какъ-нибудь печатнымъ словомъ?—Онѣ, правда, начинаютъ говорить, но уже тогда, когда и безъ того правительству сдѣлается все извѣстнымъ, а г. Катковъ даже и за это, въ сущности, невинное дѣло, называетъ ихъ запоздалыми обличеніями „лаемъ газетныхъ собакъ“!

Общая теорія относительно значенія служебныхъ заслугъ, выработанная „Москов. Вѣд.“ все по тому же дѣлу, и выводы, сдѣланные изъ этой теоріи, должны изумить даже ихъ собственныхъ адептовъ, если только они отъ частныхъ изумленій не потеряли вовсе способности изумляться. „Держать высоко знамя правительства“, по понятіямъ газеты, значитъ—„умѣрять заносчивость новыхъ (судебныхъ) учреждений“ и „не дозволить имъ выступать изъ должныхъ предѣловъ“!!.. Но какимъ образомъ, говоря вообще, губернаторъ можетъ держать высоко знамя правительства, „умѣрляя“ судебныя учрежденія, созданныя тѣмъ же самымъ высшимъ правительствомъ, которому служить и губернаторъ—этого г. Катковъ не разъясняетъ; между тѣмъ, оказалось бы, что на дѣлѣ судебныя учрежденія предназначены къ тому, чтобы „умѣрять“ личные вкусы и темпераменты мѣстной администраціи: судъ есть лицо коллективное, а потому о его темпераментѣ не можетъ быть и рѣчи. Притомъ, губернаторъ не снабженъ и средствами къ тому, чтобы „умѣрять“ заносчивость судебныхъ учреждений: они носятъ сами въ себѣ средства къ исправленію своихъ ошибокъ; если къ этому г. Катковъ прибавляетъ еще, что какой-нибудь губернаторъ „не дозволялъ судамъ выступать изъ должныхъ предѣловъ“, то онъ самъ знаетъ, что онъ сказалъ пустую фразу на вѣтеръ, такъ какъ губернаторъ не занимаетъ никакого мѣста въ судебной іерархіи. Мѣстный администраторъ можетъ только понимать всю важность суда, учрежденнаго правительствомъ, и не пони-

мать; онъ можетъ въ судѣ видѣть препятствіе своему „праву“, или напротивъ,—союзника къ тому, чтобы въ дѣйствительности „держать высоко знамя правительства“; но ни „умѣрять“, ни держать судъ въ должныхъ предѣлахъ—администратору не дано Высочайше утвержденными судебными уставами.

Другая теорія „Моск. Вѣд.“—, объ обязанностяхъ губернатора“ представляетъ уже настоящій хаосъ мыслей и вавилонское столпотвореніе понятій, гдѣ съ умысломъ смѣшаны такіа дѣйствія, какъ „тѣлесное наказаніе“ и „тѣлесная расправа“, какъ будто бы это одно и то же. Можно быть несогласнымъ относительно допущенія закономъ тѣлеснаго „наказанія“, если же оно допущено,—оно должно производиться въ предѣлахъ, указываемыхъ закономъ же; но никакая „расправа“ никакимъ закономъ не допускается, такъ какъ она относится къ области „истязаній“. Истязаніе и тѣлесное наказаніе—далеко не одно и то же; а „Москов. Вѣдомости“ построили всю свою теорію на смѣшеніи этихъ самыхъ простыхъ, азбучныхъ понятій, и щеголевато накинута на себя армякъ гоголевскаго вучера Селифана. Есть, напримѣръ, громадное различіе между печальною необходимостью стрѣлять въ толпу, вооруженную чѣмъ ни попало и сопротивляющуюся войску, и бить хотя бы кулакомъ или каблукомъ стоящихъ на колѣняхъ или добровольно распростертыхъ по землѣ, въ знакъ покорности. Дѣло суда именно убѣдиться въ томъ, было ли что-нибудь подобное гдѣ-нибудь, или ничего подобнаго не было; а г. Катковъ утверждаетъ, что, еслибы это и было такъ, то „начальствующее лицо не только имѣло право, но было обязано употребить тяжчайшія мѣры для усмиренія (?) буйныхъ (?) массъ, дѣйствовать прикладами, штыками, ружейнымъ огнемъ“, и т. д.—но когда? тогда ли, когда буйныя массы бросаются вооруженныя на войско, или и тогда, когда онѣ встрѣчаютъ войско, стоя на колѣняхъ? По философіи г. Каткова,—и въ послѣднемъ случаѣ только одно мягкосердечіе начальствующихъ лицъ можетъ замѣнить избіеніе стоящихъ на колѣняхъ „употребленіемъ легчайшихъ способовъ репрессій“. И послѣ такой звѣриной теоріи, г. Катковъ, какъ ни въ чемъ не бывало, восклицаетъ: „Есть у насъ извѣстнаго сорта либералы, которые скажутъ: стрѣлай, но сѣчь (?) не смѣй! Это-де унизительно для человѣческаго достоинства, это-де противно цивилизаціи и не водится въ *правовой* (курсивъ въ подлинникѣ) Европѣ! Эти хлыщы (sic!) цивилизаціи не подозреваютъ, что въ цивилизованной Европѣ розги и даже плети въ извѣстныхъ случаяхъ употребляются, что въ самыхъ цивилизованныхъ, наиболѣе *правовыхъ* странахъ, употребляются, какъ исправительныя, такъ и карательныя тѣлесныя наказанія въ разныхъ степеняхъ и силѣ; такъ въ Англіи, такъ и въ Германіи“. Г. Катковъ совсѣмъ, повидимому, забылъ прибавить: „такъ и въ Россіи“, гдѣ такъ же, какъ и въ Англіи, и въ Германіи, законъ допускаетъ въ

опредѣленныхъ случаяхъ и въ опредѣленной мѣрѣ тѣлесныя наказанія; но взгляды на тѣлесныя „истязанія“, притомъ лица, стоящихъ на колѣняхъ, вездѣ одинаковы, какъ въ Англіи и Германіи, такъ и въ Россіи. Дикая теорія г. Каткова служить только доказательствомъ, что, кромѣ „хлыщей цивилизаціи“, существуютъ на свѣтѣ просто „хлыщія“, играющіе словами и понятіями, какъ играетъ шарами жонглеръ, одѣтый въ трико, сшитое изъ разноцвѣтныхъ кусковъ. Мы поняли бы г. Каткова и охотно раздѣлили бы его надежды, еслибы онъ утверждалъ, что въ Казани не произошло ничего другого, кромѣ того, что было и въ Одессѣ; что судъ съумѣетъ отличить правду отъ клеветы; но онъ приглашаетъ почтенную публику повѣрить ему, что „истязанія“ и тѣлесныя „наказанія“—одно и то же. Едва ли и сами кліенты г. Каткова согласятся на такой способъ защиты ихъ; сомнѣваемся также и въ томъ, что тотъ или другой губернаторъ, вмѣстѣ съ „Московскими Вѣдомостями“, рѣшится называть внутреннюю политику своего правительства, какъ то дѣлаетъ г. Катковъ, не (будучи губернаторомъ и не неся сопряженной съ такимъ званіемъ отвѣтственности—„государственной метафизикой“, —и вслѣдствіе того, проводить въ управленіе краемъ свою личную политику, такъ какъ политика правительства не заслуживаетъ-де его одобренія. Понимаетъ ли г. Катковъ, что проповѣдывать такую „самостоятельность“ органовъ правительственной власти, при которой они могутъ не повиноваться, если имъ покажется, что политика правительства есть не болѣе какъ „государственная метафизика“—значитъ, проповѣдывать теорію полнѣйшей анархіи. Впрочемъ, у г. Каткова въ основѣ всѣхъ теорій лежитъ одна теорія: все худо или хорошо, справедливо или несправедливо—не по существу, а по мѣрѣ согласія или несогласія того или другого съ его личными взглядами. Когда лѣтъ сорокъ тому назадъ, И. В. Кирѣевскій выступилъ на поприщѣ журналистики, Жуковский писалъ ему и далъ совѣтъ, который не мѣняло бы принять въ соображеніе г. Каткову:

. Будь въ своихъ журналахъ
Другъ твердый, а не злой заѣдникъ правды.
. Живи и жись
Давай другимъ,—и обладать одинъ
Вселенною читателей не мысли!..

Издатель и редакторъ: М. СТАСЮЛЕВИЧЪ.

КНИГА 5-я. — МАЙ, 1883.

Стр

I.—ПЬЕСЫ О ВЕСНѢ.—Стих. Н. Щедра	5
II.—ФРЕДЕРИКЪ ШОПЕНЬ.—Биографическій очеркъ.—I-II.—П. А. Трифонова	7
III.—КНЯЖНА ТАРАКАНОВА.—Историческая повѣсть, въ двухъ частяхъ.—Г. П. Данилевскаго	43
IV.—ЛЕГЕНДЫ И СКАЗАНИЯ ТАЛМУДА.—Историко-литературные очерки.—М. П. Соловьева	149
V.—РУССКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ВЪ САТИРѢ САЛТЫКОВА.—V. Экзекурси въ область исторической сатиры и романа.—VI. Овдѣе итоги.—Окончаніе.—К. К. Арсеньева	179
VI.—ВЕЧЕРНИЕ ОГНИ.—Стих. Я. П. Полонскаго.	217
VII.—ОЧЕРКИ НОВѢЙШЕЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ ПОЭЗИИ.—I-III.—С. Г.	218
VIII.—МАРИОНЪ ФАЙ.—Романъ въ двухъ частяхъ, Антони Троллопа. — Часть первая.—XVII-XXV. — О. П.	250
IX.—МОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ КЭБЛЕМЪ. — Изъ недавней поездки въ Америку.—М. К.	313
X.—ХРОНИКА.—Наши учительскія семинаріи.—Историческій очеркъ.—V-VI.—Окончаніе.—Бар. Н. А. Корфа	324
X.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Новая категорія „униженныхъ и оскорбленныхъ“, разсказанная „Московскими Вѣдомостями“.—Вакханалія въ печати.—Чрезвычайная сессія с.-петербургскаго губернскаго земскаго собранія.—Возраженія желѣзно-дорожныхъ дѣлателей противъ проекта общаго желѣзно-дорожнаго устава.—Значеніе частныхъ уставовъ, какъ договоровъ и какъ сепаратныхъ законовъ.—Формализмъ, подкапывающійся подъ самыя основы реформы.—Ожиданія народныхъ массъ въ остзейскомъ край	342
XII.—БУДУЩНОСТЬ КРЕСТЬЯНСКАГО ПОЗЕМЕЛЬНАГО БАНКА.—опъ.	361
XIII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Новый тройственный союзъ.—Германскій парламентъ и социально-политическіе проекты.—Положеніе дѣлъ въ Италіи.—Французскія дѣла.—Общество „друзей мира“.—Плани Вальдека-Руссо.—Исключительные законы въ Англіи, и ихъ также исключительный характеръ	372
XIV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—А. П. Щаповъ, соч. Н. Аристова.—Путешествіе по Италіи, И. Цѣткова.—Н.—Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ, кн. П. Н. Стрхова.—Западное вліаніе въ новой русской литературѣ, Алексія Веселовскаго.—Поземельный кредитъ въ Россіи и отношеніе его къ крестьянскому землевладѣнію, Л. В. Ходскаго.—Настоящее состояніе поземельнаго кредита въ Россіи и пробный проектъ, И. Н. Толстого.—Красный крестья въ тылу дѣйствующей арміи 1877—78 г., т. II, Н. Абазы.—К.	390
ПРОСПЕРО И КАЛИБАНЪ.—Литературная замѣтка.—М. И. Кулишера	409
ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Конца дѣлового сезона.—Новые проекты на будущее время.—„Нужды и потребности“, г. В. Кокорева, и картина сельскаго благополучія въ его мечтахъ.—Средства къ ея осуществленію: закладка кабаковъ винными складами и поощреніе винокуренія.—Ожидаемое издѣліе новой хлѣбной складочной компаніи, и колебанія „Москов. Вѣдомостей“ по этому дѣлу.—Новая общественная и политическая теорія г. Каткова по поводу дѣла г. Скарятина.	418
БИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Крымскія цѣлебныя минеральныя воды.—Кавказскія минеральныя воды, въ медицинскомъ отношеніи, О. А. Го.—Путеводитель по кавказскимъ водамъ, И. П. Золотницкаго.—Русскаго и государственнаго права, А. Градовскаго.—Очеркъ исторіи Ф. Розенбергера, пер. и р. И. М. Сячкова.—Vanderker's Russland.	

НАША АРХИТЕКТУРА

31

ПОСЛѢДНІЯ 25 ЛѢТЪ

Новая русская архитектура представляет совершенно особенное зрѣлище. Ея судьбы вовсе не похожи на судьбы нашей живописи и скульптуры. Тѣ два искусства совершенно компактны, однородны въ своемъ направленіи и ходѣ, тѣ односоставны, и отсюда на нихъ ни посмотри, онѣ выказываютъ все одну и ту же фizioномію: живопись — фizioномію прогресса и развитія, скульптура — фizioномію застоя — за исключеніемъ одного г. Антокольскаго. У архитектуры иначе. У ней двѣ фizioноміи, какъ у Януса. Одно лицо ея глядитъ впередъ, другое назадъ, и оба такъ пристально, оба такъ упорно, что всѣ охотно вѣрують, — такъ и надо, иначе и быть не должно.

Лицо, глядящее назадъ — это архитектура, копирующая со старыхъ образцовъ, съ книгъ и атласовъ, съ фотографій и чертежей, архитектура ловкихъ людей, наострившихся въ классахъ и потомъ преравнодушно отпускающихъ товаръ на аршинъ и на фунтъ — стбѣть только протянуть руку и достать съ полки. Удобно — вотъ вамъ пять аршинъ греческаго «классицизма», а нѣтъ — вотъ три съ четвертью итальянскаго «ренесансъ». — Нѣтъ, не годится? — Ну, такъ хорошо же: вотъ, извольте, остаточекъ первѣйшаго сорта «рококо Луи-Кензъ», а не то — хорошенькій ломтикъ «романскаго», шесть золотниковъ «готикеи», а то — вѣтъ цѣлый пудъ «русскаго». Вѣдь поставщику-копировщику рѣшительно все равно, и ни до какой собственно архитектуры

ему дѣла нѣтъ, онъ ко всѣмъ способенъ, потому-что ко всѣмъ равнодушенъ! Вы можете съ него спрашивать чего угодно, какой хотите національности, такой или другой, этой или вонъ той еще — онъ въ одну секунду нарисуетъ вамъ что угодно: итальянское, французское, голландское, турецкое, византійское — или, пожалуй, тоже и русское. Вся архитектура для него — установка линій и формъ, точь-въ-точь для театральнаго портюго. Вотъ онъ сейчасъ шилъ черный трико для Гамлета, а теперь кроить разноцвѣтныя кафтаны для бородатаго Трифона; или, онъ только-что кончилъ послѣдній стегомъ въ золотообрѣзанной туникѣ Цезаря, и уже строчить атласную юбку для княгини Тугоуховской — все ему равно, онъ дѣлалъ то, что велятъ, что закажутъ. Въ толпѣ людей этого рода есть, конечно, всегда извѣстная доля художниковъ истинно талантливыхъ, способныхъ, только безхарактерныхъ и равнодушныхъ, но главная составная часть — все это ремесленники, сущіе торговцы, которые только «ведутъ дѣло», и въ молодости иной разъ еще заглядываютъ книжки, но позже — даже и такъ обходятся, и вполне процѣтаютъ съ помощью одной насиженной рутинѣ. Большинство этихъ людей нельзя даже сказать, чему были преданы: архитектурному ли своему канцелярству, на которое уходитъ перая половина дня, или картамъ, на которыя уходитъ у нихъ, какъ у всякаго добраго русскаго чиновника, весь вечеръ и полъ-ночи. Черта замѣчательная: русскій живописецъ, скульпторъ, музыкантъ въ карты не играютъ (кромѣ самыхъ плохихъ), дае рѣдко ходятъ въ тотъ домъ, гдѣ карты; архитекторъ, напротивъ того — иначе не кончаетъ свой день, какъ за валами и семками, онъ безъ нихъ жить не можетъ. Исключеніе составляю лишь одни самые талантливые, самые крупные наши архитекторы, тѣ, что въ самомъ дѣлѣ художники. Вотъ все это вмѣстѣ одно лицо русскаго Януса.

Другое его лицо — это группа тѣхъ же архитекторовъ, у которыхъ есть своя собственная мысль и чувство, которые что-то горячо любятъ и къ чему-то искренно привязаны въ своемъ искусствѣ, которые чего-то добиваются и что-то отыскиваютъ, которымъ не безразлично, что именно дѣлать и какой заказъ исполнять, люди, которые, пожалуй, покоряются чужому заказу и капризу (что дѣлать? — вѣдь безъ заказа архитекторъ быть не можетъ, не для себя же самого онъ будетъ строить церкви и дворцы!), но при этомъ иной говорить: «Извольте, я сдѣлаю, что вы желаете, но нельзя ли мнѣ это исполнить въ томъ характерѣ и стилѣ, который я всего лучше люблю и знаю?» И часъ

ему удастся, и онъ не обязанъ копировать и повторять, а вслѣдствіе создать новое, свое собственное, потому-что тотъ стиль, что онъ знаетъ и любитъ, это стиль національный, русскій, нашъ, и онъ знаетъ его созданіе не по однимъ только книгамъ и атласамъ, а окруженъ ими повсюду, по всей Россіи (кромя Петербурга), и можетъ твердо тотчасъ же применить къ нимъ, продолжать ихъ, какъ сынъ и внукъ продолжаютъ дѣло отца, дѣло близкое и знакомое: среди этого стиля онъ выросъ, въ нему онъ привыкъ, какъ къ чему-то родному, всѣми фибрами своего существа. Онъ уже тутъ не копистъ и не притворщикъ, онъ свободный начинатель, онъ можетъ мѣсить художественное свое тѣсто, данный матеріалъ, какъ самъ знаетъ, и какъ самъ желаетъ, никакой повелительный перстъ не будетъ ему указывать въ книжкѣ передъ глазами: а зачѣмъ-молъ, ты не сдѣлалъ вотъ такъ? Вѣдь по книжкѣ и «по стилю» вонъ что въ этомъ мѣстѣ требуется сдѣлать!

Какъ эти двѣ половины Януса уживались у насъ, до сихъ поръ уживаются, да вѣроятно еще добрыхъ сто лѣтъ будутъ уживаться—вотъ гдѣ чудеса! И съ одного бока лицо его всѣмъ кажется хорошо, и съ другого тоже — и всѣ довольны. Однако же переѣхъ все-таки остается всего чаще на сторонѣ характера своего, національнаго, и это если не для насъ, благодушно уживающихся съ чѣмъ угодно и согласныхъ на что бы то ни было, то хоть для иностранцевъ. Тѣ иной разъ лучше нашего цѣнить и чувствуютъ то, что у насъ оригинально и своеобразно. Довольно указать хоть на тотъ фактъ, что о русской архитектурѣ есть въ Европѣ на разныхъ иностранныхъ языкахъ книги (наприм., капитальное, при всѣхъ его недостаткахъ, сочиненіе Биолле-ле-Дюка «l'Art russe»), а статей отдѣльных — очень много. По-русски — нѣтъ ни одной книги о русской архитектурѣ, а статей — всего лишь, можно сказать, нѣсколько тощихъ образчиковъ. Кому угодно будетъ что-нибудь узнать о русской архитектурѣ, тотъ долженъ взять книгу французскую, нѣмецкую или англійскую. Сами русскіе обыкновенно говорятъ только, что «э-молъ русская архитектура вотъ имъ гдѣ сидитъ, надоѣла какъ горькая рѣдка!» Но при этомъ любопытно было бы узнать, отчего французамъ никогда не надоѣдала французская архитектура, нѣмцамъ нѣмецкая, англичанамъ англійская, голландцамъ голландская, шведамъ шведская? Нѣтъ, этого ни отъ кого у насъ не узнаешь.

I.

Въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, во время царствованія императора Александра I, произошелъ у насъ, по части архитектуры, удивительный фактъ. Явился вдругъ откуда-то человѣкъ, который объявилъ во всеуслышаніе, что у него въ головѣ есть такое архитектурное созданіе, которое представляетъ нѣчто совершенно новое, невиданное и неслыханное въ мірѣ, нѣчто такое, что «должно даже перевѣсить славу храма св. Петра въ Римѣ». Этотъ человѣкъ былъ—Витбергъ, а его созданіе—храмъ во имя Христа Спасителя, который предполагалось построить надъ Москвою, на Воробьевыхъ горахъ. Московскій генералъ-губернаторъ, знаменитый графъ Растопчинъ, министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, тоже знаменитый князь Алекс. Ник. Голицынъ, множество другихъ высшихъ тогдашнихъ лицъ, наконецъ, самъ императоръ Александръ I мгновенно увѣровали. Они всѣ приведены были въ высокое восхищеніе разказами о проектѣ, а частью и рисунками Витберга. Витбергу, отроду никогда ничего не строившему, поручили требуемую имъ постройку въ нѣсколько милліоновъ, онъ за нее принялся съ великимъ жаромъ. Но какъ легкомысленно это дѣло началось, такъ же легкомысленно и кончилось. Постройка остановилась почти на самомъ началѣ и была заброшена, а Витбергъ, обвиненный въ лихоимствѣ, отданъ подъ судъ и сосланъ въ Пермь, потомъ въ Вятку. У насъ въ печати высказывали горькія сожалѣнія о несчастіи, лишившемъ Россію волосальнаго, даже геніальнаго созданія, Витбергскаго храма; выражали печаль о томъ, что до сихъ поръ не изданы подробные планы и рисунки этого великаго созданія русскаго искусства. Всего болѣе способствовалъ славѣ Витберга Герценъ, въ 30-хъ годахъ тоже сосланный въ Пермь, а потомъ въ Вятку, и тамъ облизавшійся съ Витбергомъ. Увлечшись его разказами и справедливыми жалобами на все, что съ нимъ случилось, увлечшись также его воодушевленными разказами о «художникѣ» и «художествахъ», Герценъ съ великимъ жаромъ и со всегдашнею своею талантливостью выставилъ въ послѣдствіи Витберга «великимъ талантомъ средн мелочнаго времени» (подлинныя слова одного письма Герцена 1835 года) и невинною страдальческою жертвою. За Герценомъ стали повторять это другіе, съ его словъ раздувая ту же самую ноту. Но такъ ли все это было въ дѣйствительности? вотъ что теперь пора разсмотрѣть, послѣ всѣхъ общихъ мѣстъ, такъ долго

высказываемых о Витбергѣ. Что Витбергъ палъ жертвой клеветы и грязныхъ интригъ, что онъ много настрадался на своемъ вѣку, это теперь несомнѣнно. Но чтобъ онъ былъ гениальный художникъ, котораго понапрасну лишилась Россія—вотъ въ чемъ нѣтъ уже ни единой черты правды. Витбергъ не только не былъ великимъ художникомъ, но онъ не былъ вовсе никакимъ художникомъ. Онъ былъ только дилеттантъ-самоучка, котораго несчастныя, неуклюжія потуги не имѣютъ ровно никакого художественнаго значенія и свидѣлствуютъ только о полномъ его ничтожествѣ. По ремеслу онъ былъ плохой живописецъ, писавшій то «Андромаху», то «Марѳу посадницу», въ томъ духѣ и обликѣ, какъ ихъ писали во времена Наполеона I, и потому онъ довольно нравился нашей тогдашней академіи художествъ. Она его съ удовольствіемъ возвела въ санъ академика, столь щедро даруемый ею тогда толпамъ бездарностей. Лишь въ послѣдствіи эта самая академія стала ему врагомъ и старалась подставить ему ножку—но вовсе не за то, что онъ былъ ничтоженъ и бездаренъ, а за то лишь, что взялся «не за свое дѣло», за архитектуру, которой не проходилъ въ академическихъ классахъ. Значить, затѣмъ же онъ перебываетъ хлѣбъ у заправскихъ архитекторовъ, проходившихъ архитектурныя классы въ академіи и прошедшихъ всю канитель архитектурнаго производства? Не будь этого особеннаго казуса, конечно, академія осталась бы вполне довольна произведеніемъ Витберга, которое, конечно, ничѣмъ существеннымъ не отличалось отъ созданій тѣхъ самыхъ гг. профессоровъ, которые съ великою досадою и злобой напали на него. Но покажите любому, хоть немного смыслящему челоуѣку рисунокъ храма Витберга (онъ изданъ, по подлиннымъ документамъ, въ «Русской Старинѣ» 1872 года, томъ I), не предвзя, что это за вещь и ни слова не говоря о томъ, что тутъ передъ глазами смотрящаго нѣчто гениальное—великая знаменитость—каждый безъ запинки скажетъ, что этотъ рисунокъ есть нечто иное, какъ самый ординарный чертежъ въ казенномъ академическомъ стилѣ Александровскаго и Наполеоновскаго времени. Тотъ же тутъ на лицо всегдашній квадратный глухой сундукъ въ основаніи, съ прилѣпленными къ нему портиками изъ множества греческихъ колоннъ, поддерживающихъ длинный треугольный фронтонъ; тотъ же круглый широкій куполъ, опять окруженный колоннами и сверху накрытый толстымъ блюдечкомъ; на переди площади—лѣстницы съ же-классическими обелисками по угламъ, тѣми самыми, которые при Александрѣ I и Николаѣ I изображали повсюду, въ Европѣ, версты и мили на дорогахъ;

свади—еще колоннада. Какъ все это ординарно и казенно въ общемъ расположеніи, какъ все это пошло въ отдѣльныхъ формахъ. Однако, спрашивается, что же дало успѣхъ архитектурнымъ изобрѣтеніямъ Витберга, что условило ихъ мгновенную славу среди тогдашнихъ русскихъ властей? Нечто другое, какъ мистицизмъ, которымъ былъ наполненъ отъ головы до ногъ Витбергъ, и которымъ въ то время были точно также одержимы всѣ главнѣйшія русскія власти. Еще въ юности въ своемъ, Витбергъ водилъ дружбу съ Лабзиннымъ и другими вожаками російскаго мистицизма; у него бывали «видѣнія», и въ его запискахъ можно прочесть, какъ ему среди бѣла дня являлась «Дочь Правды» и разговаривала съ нимъ.

Въ 1813 году, узнавъ о намѣреніи имп. Александра I воздвигнуть храмъ Спасу, въ благодарность за спасеніе Россіи отъ дванадцати языковъ, Витбергъ вадумалъ ревностно заняться архитектурой, о которой до тѣхъ поръ ровно ничего не зналъ, потому что былъ живописцемъ. На новой дорожкѣ, у него не столько былъ на первомъ планѣ Витрувій, котораго онъ теперь принялся изучать, сколько тѣ таинственныя умозрительныя крученныя идеи, которыя онъ желалъ выразить въ своей постройкѣ. И вотъ, когда черезъ 2—3 года онъ, по собственному убѣжденію, былъ уже вполне «готовъ» со своими архитектурными познаніями и со своимъ проектомъ, государь императоръ, министры и разныя вліятельныя личности, всѣ тогда тоже наполненные мистицизмомъ, съ восторгомъ приняли идеи Витберга, какъ что-то внушенное ему чуть не самимъ небомъ и высказанное съ необычайнымъ талантомъ. А между тѣмъ, въ чемъ состояли эти идеи, такъ поражавшія въ ту минуту множество людей? Ничего занимательнаго, или даже просто умнаго для насъ теперь въ нихъ нѣтъ. «Я вообразилъ себя Творца точкою,—разсказываетъ Витбергъ въ своихъ «Запискахъ».—Назвавъ ее единицею, Богомъ, я поставилъ циркуль и очертилъ кругъ, коего центръ эта точка; эту периферію называлъ множественностью—твореніемъ. Какъ эта точка можетъ соединяться съ периферіею,—наблюдая за черченіемъ, я видѣлъ, что расходящіяся ножки циркуля дѣлаютъ прямыя линіи, коихъ безконечное множество одной величины составляютъ кругъ, и которыя всѣ, пересѣкаясь въ центрѣ, составляютъ кресты; и слѣдственно крестомъ соединяется съ Творцомъ природа. Такимъ образомъ я получилъ три формы: линію, крестъ и кругъ, составляющія одну таинственную фигуру, совершенно успокоившую меня. И съ этой минуты я постигъ сію тайну». Вслѣдствіе такихъ выкладокъ, совершившихся на осно-

ваніи расходящихся ножек циркуля, Витбергъ рѣшилъ, что его храмъ долженъ состоять изъ трехъ храмовъ, поставленныхъ, какъ этажи, одинъ надъ другимъ. Нижній—это былъ «храмъ тѣлесный» или катакомбы, имѣющій въ планѣ параллелограммъ, такъ какъ форму линіи въ природѣ наилучше выражаетъ параллелограммъ (?); средній этажъ былъ «храмъ душевный», имѣющій въ планѣ крестъ, «такъ какъ форма креста причастствуетъ душѣ» (?); верхній этажъ былъ «храмъ духовный или божественный», имѣющій въ планѣ кругъ, «какъ слѣдствіе креста» и лучшее выраженіе безконечности (?). Изъ подобныхъ аллегорій и таинственныхъ иносказаній былъ составленъ весь проектъ, что, впрочемъ, не мѣшало ему быть совершенно лишеннымъ таланта и художественности. Герценъ могъ съ энтузіазмомъ хвалить всю архитектурную чепуху, задуманную на основаніи самаго темнаго мистицизма, потому что въ тѣ годы и самъ былъ порядочный мистикъ, а сверхъ того, и въ продолженіе всей жизни, не взирая на громадное свое дарованіе, никогда ничего не понималъ ни въ какомъ искусствѣ. Въ настоящее время можно, конечно, сожалѣть о клеветахъ, разразившихся надъ Витбергомъ и имѣвшихъ послѣдствіемъ его ссылку и страданія; но нельзя не радоваться, что мистическія его затѣи не были приведены въ исполненіе. Онѣ имѣли бы въ результатѣ только множество миллионковъ, взятыхъ у народа и потраченныхъ на бездарную мистику дилеттанта, никому не нужную.

Архитектура Витберга осталась безъ послѣдствій и безъ вліянія на русское искусство—эта минутная болячка прошла безъ малѣйшаго слѣда. Ее очень скоро всѣ позабыли, и архитекторы временъ Александра I и Николая I продолжали строить въ академическомъ стилѣ, ничѣмъ не смущаемые въ этой работѣ и старинныхъ своихъ привычкахъ. Церкви, дворцы, присутственные мѣста, казармы, триумфальныя ворота, частные дома, все это строилось привычнымъ способомъ, тяжело, неуклюже, мрачно и не талантливо, на основаніи Виньолы и другихъ учебниковъ, а еще болѣе на основаніи того, что въ остальной Европѣ тогда дѣлалось. Настроено у насъ было очень много, но указать на что-нибудь замѣчательное, талантливое, оригинальное—не было никакой возможности.

По всей вѣроятности, въ продолженіе еще долгихъ лѣтъ продолжалось бы у насъ нераздѣльное и безграничное царство одного только казеннаго академическаго стиля, если бы императору Николаю, въ первые же годы его царствованія, не пришла на мысль идея завести у насъ національный архитектурный

стиль. Дошла однажды очередь и до архитектуры. «Въ 1830 году,—читаемъ мы въ официальной біографіи профессора Тона (Отчетъ академіи художествъ за 1866 годъ),—прихожане церкви св. Екатерины, что у Калинина моста въ Петербургѣ, возымѣли желаніе, на мѣсто прежней ветхой церкви, соорудить новую церковь съ возможнымъ благолѣпіемъ, между тѣмъ составленные на конкурсъ архитекторами проекты не удостоились Высочайшаго утвержденія. *Государь желалъ въ новомъ храмѣ видѣть не повтореніе избитаго стиля, а характеръ, ближе соответствующій духу православія.* Случай доставилъ возможность К. А. Тону принять участіе въ составленіи проекта этой церкви. Онъ придавъ своему храму новую оригинальную форму, напоминавшую не обычай дальняго запада, а древніе московскіе пятикупольные соборы. Идея эта встрѣчена была милостивымъ поощреніемъ государя императора, повелѣвшаго, утверждая проектъ, самому композитору и произвести постройку». Тонъ попалъ въ тактъ, онъ ловко примѣнился къ тому, что въ ту минуту требовалось, и не могъ потомъ на это пожаловаться. «Русская національная архитектура» отдана была ему точно на аренду, она сдѣлалась для него капитальною доходною статью, онъ явился вдругъ представителемъ, носителемъ и выразителемъ заведенной вновь національной архитектуры. Въ началѣ 30-хъ годовъ сильно была у насъ въ ходу идея о «національности», и ее насаждали повсюду, на всѣхъ поприщахъ. Какъ извѣстно, эта національность была совершенно официальная, искусственная, насильственная и поверхностная. Она не касалась настоящихъ корней, и тѣ, кто занимался ею всего больше, вовсе не понимали настоящей ея цѣны. А потому они и смѣшивали такіа дѣйствительно-національныя вещи, какъ глубокія созданія Пушкина и Глинки, съ такими вовсе не народными, а только официальными созданіями, какъ «національный гимнъ» Львова и «національныя церкви» Тона. Вообще Львовъ и Тонъ двѣ величины, очень схожія и совершенно параллельныя, по характерамъ, дѣланіямъ и судьбамъ своимъ. Что мы находимъ на первомъ мѣстѣ у обоихъ? Очень мало знанія и полное отсутствіе таланта. За то усердія у нихъ были цѣлыя массы. И благо же имъ было. Распространяться про Львова здѣсь не мѣсто, но на Тонѣ остановиться слѣдуетъ; онъ официально и исторически признанный родоначальникъ русскаго стиля.

Какая странность! Тонъ—родоначальникъ чего-то, въ самомъ дѣлѣ важнаго. Обыкновенно на свѣтѣ такъ бываетъ, что все новое, все важное, все исторически-значительное исходитъ отъ

людей особенныхъ, необыкновенныхъ, талантливыхъ, горящихъ глубокою мыслью. У насъ было совсѣмъ иначе. «Родоначалникомъ» сдѣлался человѣкъ, не имѣвшій ни одного изъ этихъ качествъ. Дѣлецъ онъ былъ самый ординарный, таланта не имѣлъ никакого, мысль его адресовалась только къ тому, что ему полезно можетъ быть. Собственно говоря, Тонъ былъ только сметливый каменщикъ, безъ образованія и безъ художества. Еслибъ, вмѣсто «русскаго стиля», на его вѣку, во время его молодости (когда онъ еще не успѣлъ отяжелѣть и облѣниться) потребовался какой-нибудь другой стиль, онъ, вѣроятно, и тутъ бы отличился, и сдѣлался «родоначалникомъ» какой-нибудь совершенно иной архитектуры. Говорилъ же Глинкѣ, почти въ тѣ самые годы, еще одинъ изъ «великихъ талантовъ» того времени, Кукольникъ: «прикажетъ государь, завтра буду акушеромъ» (Записки Глинки, стр. 133). Попавши разъ въ точку со своимъ проектомъ церкви Екатерины мученицы, Тонъ, съ сноровкой ловкаго промышленнаго человѣка, тотчасъ принялся разматывать клубокъ, попавшій ему въ руки, и не далѣе какъ въ 1838 году издалъ большую книгу, посвященную самому императору Николаю. Это изданіе, носящее заглавіе: «Церкви, сочиненныя архитекторомъ Его Императорскаго Величества профессоромъ К. Тономъ», и снабженное въ 1844 году большимъ «Дополненіемъ» (такъ успѣшно шло дѣло!) — явленіе очень характерное. Тутъ находится изображеніе не только массы церквей, настроенныхъ вдругъ Тономъ на множество пунктовъ Россіи, но еще цѣлый рядъ официально признанныхъ «проектовъ» для неизвѣстныхъ будущихъ построекъ. На этихъ страницахъ не только повѣдывалось міру, какими національными постройками надѣлалъ Россію Тонъ, но какими должны надѣлать ее, по его примѣру и указанію, и другіе. Архитектура Тона уже сдѣлалась «официальною», заказною, была утверждена и заштемпелевана высшею властью, и никто не долженъ былъ выдвигать насъ за эти рамки. Съ Тономъ надо было справляться, подъ Тона надо было подлаживаться, иначе никакой проектъ не былъ бы утвержденъ.

Между тѣмъ, что такое были всѣ эти, высшимъ начальствомъ апробованныя, приведенныя въ исполненіе на сотняхъ пунктахъ Россіи, созданія Тона? Это были изобрѣтенія безъ даровитости и безъ вкуса, гдѣ не присутствовало знанія древней Руси, но гдѣ наскоро было нахватаю кое-что съ нѣкоторыхъ московскихъ построекъ и грубо повторено, въ сокращенномъ и испорченномъ видѣ. Кромѣ Москвы, Тонъ не видалъ никакой русской архитектуры (вотъ еще! беспокоить себя, ѣздить по Россіи!), да

и то, что онъ видѣлъ въ Москвѣ, онъ воспроизводитъ въ самой неумѣлой формѣ. Это были все точно снимки писаря-канцеляриста съ талантливыхъ картинъ. Этому не понимали оди только высшія власти, которымъ «казенная» парадность очень нравилась. Всѣ остальные у насъ были противъ Тона, не находили въ его жалкихъ кропаньяхъ ничего истинно національнаго, и окрестили его архитектуру именемъ «архитектуры Тоновской». Въ несчастію, на нее истрачено было, однакоже, Богъ знаетъ, сколько миллионѣвъ.

Иностранцевъ не вводили въ заблужденіе официальное значеніе и признанность Тона. Всѣ понимающіе дѣло почти съ перваго же начала уразумѣли, что такое Тонъ и его ложная національность. Въ извѣстныхъ *Annales Archéologiques* Дидрона, уже пѣвшихъ 35 лѣтъ тому назадъ, въ 1848 году, писали по поводу его храма Спасителя въ Москвѣ, тогда строившагося, и у иныхъ въ Россіи считавшагося будущимъ чудомъ искусства: «конечно, эта архитектура здѣсь болѣе намѣстѣ, чѣмъ древне-классическая, но ей недостаетъ ни изящества, ни чистоты. Еслибъ г. Тонъ изучалъ долго и терпѣливо византійскія церкви въ Греціи, Турціи, Константинополѣ, на Аѳонѣ и въ самой Россіи ¹⁾, онъ, конечно, надѣлилъ бы свое отечество памятникомъ искусства совсѣмъ другого характера, чѣмъ этотъ храмъ, точно также относящійся къ настоящему византійскому зодчеству». Малое уваженіе иностранцевъ къ нашему чуду искусства продолжается и до сихъ поръ. Отъ блѣдности и нехудожественности коренной формы не отведутъ ничего глаза вся роскошь мраморовъ и позолотъ, расточенныхъ внутри церкви и сіяющихъ тамъ, какъ цѣлестныя зеркала. Плохая живопись, какую росписанъ храмъ внутри, въ верхахъ, плохая скульптура, какую кое-какъ прилеплены снаружы огромныя пустыя пространства, съ которыми архитекторъ не умѣлъ справиться—не въ состояніи прибавить художественности въ общемъ впечатлѣніи. «Богато и безвкусно!» приходитъ въ голову всякому зрителю. «Колоритно внутри, холодно и сухо снаружы, бездарно повсюду», вотъ что шевелится въ головѣ у посѣтителя, способнаго понимать. Московскій храмъ Спаса—достойный ривалъ къ петербургскому исаакіевскому собору. Русскій каменщикъ Тонъ можетъ дружески пожать руку французскому каменщику Монферрану. Оба сдумали заставить наше государ-

¹⁾ Въ тѣ времена европейскіе ученые не отличали еще русской архитектуры отъ византійской.

ство потратить множество миллионѣвъ на созданіи некрасивыя, безвкусныя по формамъ, ничтожныя по остоу, съ неописанною роскошью мраморовъ, бронзы и позолоты, и несмотря на это, все-таки мрачныя и скучныя. Въ соборѣ св. Исаакія посѣтитель бродить какъ въ темномъ подвалѣ, въ соборѣ Спаса священникъ безъ свѣчей не прочтетъ ни единого слова по книгѣ. Какая это была странность, не найти нигде лучше Монферрана и Тона для выполненія такихъ капитальныхъ монументовъ, какъ два главныхъ собора въ обѣихъ столицахъ! Еще въ Петербургѣ — пускай! Тамъ исаакіевскаго собора нельзя было сравнивать ни съ тѣмъ другимъ, но въ Москвѣ, среди сотенъ, чуть не тысячъ церквей, истинно-талантливыхъ, истинно-народныхъ, и вдругъ такое произведеніе плохого мастерового!

Новый дворецъ въ Кремлѣ, тоже многомилліонная затрата, принадлежитъ совершенно въ одному пошибу съ храмомъ Спаса: множество богатствъ, внѣшнее механическое повтореніе нѣкоторыхъ народныхъ сторонъ — и никакого истиннаго чувства русской національной архитектуры, никакого истиннаго таланта! Но, кромѣ всего этого, дѣятельность Тона обозначилась еще однимъ крупнымъ фактомъ, свидѣтельствующимъ о его пониманіи народности. Тонъ сочинялъ въ 40-хъ годахъ «нормальные чертежи на постройку крестьянскихъ домовъ въ казенныхъ селеніяхъ». Онъ даже не подумалъ отказаться отъ такой карикатурной роли, когда она ему была предложена. Придворный профессоръ, во время досуговъ снисходительно обучающій русскаго крестьянина, какъ ему жить и строиться — вотъ-то потѣха! Какой тутъ являлся на сценѣ достойный наслѣдникъ архитекторовъ Александровскаго времени, по порученію Аракчеева сочинявшихъ дома и даже цѣлыя деревни для несчастныхъ военныхъ поселенцевъ, надъ которыми, какъ надъ курами, продѣлано было столько всяческихъ экспериментовъ, въ томъ числѣ наконецъ и архитектурный. Вотъ какъ долго странныя идеи и странные эксперименты не кончались у насъ. Вотъ какихъ послушныхъ и усердныхъ исполнителей можно всегда найти для чего угодно. Ничѣмъ они не брезгаютъ, ни отъ чего не отказываются.

Но честь-честью Тону и его «самобытному творчеству», а въ тѣ же годы воздавалась у насъ въ Россіи великая честь и инымъ «самобытнымъ» творествамъ. Не только берлинскій мало талантливый Шинкель, сухой и классическій педантъ, былъ у насъ въ модѣ и въ великомъ почетѣ вдоль и поперекъ всего архитектурнаго цеха, но еще другого подобнаго же мало талантливаго и также педанта, Кленце, вызывали изъ Мюнхена, изъ-подъ кры-

лышка Людовика I, разорившаго Баварію на іезуитовъ, на Лолу Монтесъ и на постройки въ разныхъ старыхъ стиляхъ, такъ что Мюнхенъ превратился въ каменную учебную хрестоматію. Нѣмецъ съ удовольствіемъ прѣѣзжалъ, не хуже русскаго сорилъ сотнями тысячъ рублей, и давалъ взаимно музей, эрмитажъ, гдѣ сѣни и лѣстница—мрачный колодезь съ мраморными стѣнами, гдѣ залы тоже сущіе подвалы, съ мракомъ и холодомъ впечатлѣнія (скудному петербургскому свѣту поручено освѣщать эти колодцы съ необозримыхъ высотъ вверху, словно мы здѣсь живемъ въ Римѣ или Афинахъ, подъ горячимъ яснымъ солнцемъ!), но гдѣ за то есть цѣлыя лѣса ненужныхъ классическихъ колоннъ и цѣлыя версты баварско-греческихъ педантскихъ орнаментовъ, усѣявшихъ потолки и фризъ, гдѣ, на самомъ еще подъѣздѣ, васъ встрѣчаетъ изумительное зрѣлище: вырубленные изъ темнаго гранита голые гиганты, поддерживающіе карнизъ,—что можетъ быть болѣе встать, на русскомъ морозѣ—голыя фігуры какихъ-то несчастныхъ греческихъ бурлаковъ? До чего простирается фантазія нѣмецкихъ заклятыхъ классиковъ! Такимъ образомъ, Россія, почтительно присѣдая передъ національною «самобытностью»,—также и «классицизму» ставила добрую свѣчку; въ то же время домашніе мастера строили театры, обсерваторіи, дворцы, казармы въ академическомъ бездушномъ стилѣ, и между ними словно звѣзды какія-то блистали даже какіе-нибудь Штакеншнейдеры и Боссе—архитекторы, пробовавшіе строить безчисленные дворцы и барскія палаты какъ-нибудь поновѣе, въ стиляхъ возрожденія и рококо. Таланта и творчества эти оба художника тоже никакого не проявили, но все-таки въ ихъ копіяхъ съ существующихъ европейскихъ формъ была уже не классная мертвечина и академизмъ, а что-то хотя нѣсколько живое.

II.

Въ теченіе послѣдней четверти столѣтія русская архитектура сдѣлала такіе огромные шаги впередъ, что просто глазамъ своимъ не вѣришь, когда станешь сравнивать ея созданія съ тѣмъ, что дѣлалъ предъидущій періодъ. Можно подумать, что много лѣтъ, пожалуй, цѣлое столѣтіе отдѣляетъ архитектурныя времена Николая I отъ архитектурныхъ временъ Александра II. Разница во всемъ громадна. Такое, въ одномъ случаѣ, на лицо грубое незнаніе, такая упорная неталантливость, такое рабство передъ учебниками и классными книгами—и, въ другомъ слу-

чѣй, такое ученіе и знаніе, такая даровитость, такая свобода начинанія. А между тѣмъ, эти періоды рядомъ стояли, и второй непосредственно шелъ за первымъ. Огромная разница до того была чрезвычайна, что иностранцы, глубоко всегда презиравшіе нашу рабскую, копировальную архитектуру, за весь XVIII и за всю первую половину XIX вѣка, вдругъ заговорили о новой русской архитектурѣ, едва только, въ первый разъ, узнали ее на всемірныхъ выставкахъ 1867, 1873 и 1878 годовъ. Они тотчасъ замѣтили ея оригинальность и самостоятельность, и даже постоянно находили въ ней гораздо болѣе собственно своего, вновь созданнаго, національнаго, чѣмъ въ самой русской живописи. Это много разъ высказано во французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ отчетахъ и критическихъ статьяхъ по поводу трехъ послѣднихъ всемірныхъ выставокъ. Оно и понятно: наша жанровая живопись (въ которой, до сихъ поръ, заключается главная наша сила), какъ ни непохожа на жанровую живопись европейскую, все-таки стоитъ на одной съ нею основѣ — реализмѣ, преслѣдуетъ одну и ту же цѣль: какъ можно ближе воссоздавать существующую дѣйствительность. Съ нашей настоящей и національной архитектурой дѣло было иначе. Она ничего уже не имѣетъ общаго съ Европой и дѣйствуетъ на основаніи такихъ принциповъ, выводитъ наружу такіа формы, у которыхъ есть родство развѣ съ принципами и формами Востока, совершенно чуждыми и новыми для западной Европы. Собственно творчества у новыхъ русскихъ архитекторовъ навѣрное никакъ не больше, чѣмъ у новыхъ русскихъ живописцевъ, только сила этого творчества, со стороны глядя, и въ особенности для иностранца, особенно чувствительна.

Русская живопись и архитектура проявили настоящую свою мощь и талантливость въ продолженіе одного и того же періода времени: во время 25-ти лѣтъ царствованія императора Александра II. Но это, конечно, на разные лады, сообразно съ особенностью своей натуры, и, въ то же время, вслѣдствіе совершенно разныхъ причинъ. Живопись имѣетъ дѣло съ жизнью, съ людьми, съ душой, со сценами того, что совершается въ дѣйствительности. Архитектура не знаетъ ни драмъ души, ни сценъ жизни, она ни на что и ни на кого не жалуется, ни противъ кого не протестуетъ, и всѣмъ довольна. Почти всегда и вездѣ, архитекторы — прочные и несокрушимые консерваторы. Подобно скульпторамъ, а можетъ быть и еще больше ихъ, они готовы идти на любой заказъ, и хоть каждую минуту ставить триумфальную арку и торжественный монументъ кому и чему угодно. Слѣдовательно,

на русскую архитектуру не могли имѣть вліянія тѣ причины, какія вдохнули жизнь въ мертвую до тѣхъ поръ живопись. На архитектурѣ и прежде русскаго возрожденія 50-хъ и 60-хъ годовъ не лежало никакихъ запретовъ, и она могла дѣлать и принимать, что ей было угодно. Мало того, какъ мы видѣли выше, съ архитектуры даже требовали «національности», только наши архитекторы и сами-то порядкомъ еще не знали, какъ имъ съ національностью быть и справляться. Они были тогда еще и невѣжественны, и лѣнны.

Но въ теченіе послѣднихъ 15—20 лѣтъ царствованія Николая I официальные учрежденія и частныя лица принимаются вдругъ отыскивать, собирать, узнавать національный русскій архитектурный матеріалъ. Многое въ это время издается въ свѣтъ. Изучаются не только церкви и всяческія зданія, но также разнообразнѣйшая и характернѣйшая народная утварь, произведенія изъ металла, камня, дерева, обожженной глины, стекла, рисунки рукописей, и все это даетъ несравненный матеріалъ для вѣрнаго знакомства съ настоящимъ русскимъ стилемъ. «Древности російскаго государства», по рисункамъ Солнцева, извѣдавшаго всю Россію, стоили громадныхъ денегъ какъ изданіе, но принесли нашему отечеству такую громадную пользу, которую не оцѣнишь ни на какія деньги. Книжки, вѣрно и великолѣпно изданныя, какъ «Русская старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества», Мартынова и Снегирева, «Памятники древняго русскаго зодчества», профессора Рихтера (котораго заслуги по изданію памятниковъ и по профессорству въ московской архитектурной дворцовой школѣ истинно историческія), «Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ на-Клязьмѣ», графа Строганова, «Памятники московской древности», Снегирева, «Описаніе русскаго музея Коробашова», Филимонова, и другія подобныя этимъ изданія, а вмѣстѣ съ ними начавшіяся путешествія русскихъ архитекторовъ по Россіи (А. М. Горностаевъ въ концѣ 40-хъ и въ началѣ 50-хъ годовъ, И. И. Горностаевъ въ 50-хъ, Даль въ 60-хъ, его ученики—въ 70-хъ), массы привезенныхъ ими рисунковъ, изъ которыхъ многіе ходили по рукамъ, другіе развѣсились даже по стѣнамъ архитектурныхъ классовъ академій художествъ—вотъ что, вмѣстѣ съ «Древностями російскаго государства», положило прочное основаніе настоящему изученію стараго русскаго національнаго искусства и дало возможность появиться новой породѣ архитекторовъ, не имѣющихъ уже ничего общаго съ поверхностною казенщиной Тона.

Знаніе—вотъ что образовало новаго русскаго архитектора.

Талантливость свободныхъ людей только шла тутъ на придачу, только являлась на подмогу. Вспомните, сколько вѣковъ прошло надъ Россіей, когда талантливость и чудеснѣйшее художественное творчество, по части архитектуры, были въ полномъ ходу, а свобода и нравственная обезпеченность человѣка равнялись нулю. Да, для архитектуры и архитекторовъ творчество и рабство мысли — дѣло самое обыкновенное, самое совмѣстимое, для живописи и живописцевъ — это дѣло совершенно немислимое. Этимъ послѣднимъ либо быть свободными людьми, либо ничтожными художниками. Виртуозность какая угодно, даже самая блестящая, возможна и при интеллектуальномъ рабствѣ, но вѣдь отъ блеска виртуозности и до настоящаго искусства, выражающаго жизнь и въ самомъ дѣлѣ, не для потѣхи нужнаго для жизни, — какъ до неба далеко! Въ архитектурѣ совсѣмъ другое дѣло. Тамъ душа не дѣйствуетъ, а одинъ только талантъ формъ. Таково уже это искусство.

Новый періодъ русской архитектуры представляетъ, среди новыхъ европейскихъ архитектурныхъ школъ, нѣсколько особенностей. Первая изъ нихъ та, что наша школа ведетъ разомъ двѣ архитектуры: каменную и деревянную. Этого въ Европѣ нигдѣ нѣтъ. Вездѣ дѣло идетъ только объ одной архитектурѣ: каменной. Нигдѣ въ Европѣ ужъ давно лѣсовъ нѣтъ, по этому нечего разсуждать о деревянныхъ постройкахъ. Сверхъ того, деревянная архитектура уже много сотенъ лѣтъ вышла изъ нравовъ, вкусовъ и привычекъ западной Европы. Есть, конечно, деревянная архитектура швейцарская и шварцвальдская, но это все только «домики», не «дома», не крупныя и многосоставныя постройки развитыхъ художниковъ, нѣчто миниатюрное и мало разнообразное, нѣчто довольно шаблонное. За то каменной національной архитектуры, рядомъ съ этою деревянною — въ Швейцаріи и Шварцвальдѣ нѣтъ. Одна Швеція представляетъ исключеніе: она тоже какъ Россія живетъ на сѣверѣ и оттого у ней тоже есть двѣ архитектуры. Деревянныхъ памятниковъ изъ глубокихъ среднихъ вѣковъ у ней много, и капитальныхъ, наравнѣ съ каменными, и они — чудеса оригинальности и своеобразности; но въ новыя времена деревянная архитектура и въ этой странѣ давно отошла на задній планъ, и служить лишь для патристической гордости и хвастовства. Никто ее болѣе не пускаетъ на настоящее дѣло жизни, нигдѣ въ Швеціи она не идетъ впередъ, нигдѣ она не развивается современнымъ художникомъ. Въ новой Россіи иначе. Каменная и деревянная архитектура еще и до сихъ поръ идутъ рядомъ, вмѣстѣ, какъ въ старой Руси, не усту-

ная одна другой дороги, объ одинаково нужны и соотвѣствуютъ истиннымъ народнымъ привычкамъ и вкусамъ, и, конечно, именно потому все только двигаются впередъ, все только хорошѣютъ, все только захватываютъ больше и дальше, со смѣлостью и починаютъ изумительными. Здѣсь намъ есть чѣмъ гордиться.

И однакоже, я все-таки скажу, что новая наша каменная національная архитектура оказывается менѣе значительна, чѣмъ деревянная. Это потому, что она во-многомъ еще стѣснена, что ей не даютъ полного хода, какъ даютъ его деревянной архитектурѣ. У ней руки связаны, въ чемъ, конечно, она не виновата. Она все больше принуждена заниматься созданіями монументальными, церквами и публичными зданіями. Частная потребность, домъ частнаго человѣка, даже самые дворцы — гораздо менѣе и рѣже задаются ей темами. Частные дома покуда все продолжаютъ строиться, по заказу хозяевъ, только въ стилѣ, общепотребительномъ въ настоящую минуту въ Европѣ: въ стилѣ ренессанса и рококо итальянскомъ, въ стилѣ Louis XIV и Louis XV французскомъ. Конечно, это уже успѣхъ, если сравнить новые дома наши съ тѣми казармами, мрачными, голыми и до тошноты скучными, какими были наполнены Петербургъ, Москва и остальные города русскіе въ продолженіе царствованій Александра I и Николая I: фронтоны повсюду, нескончаемыя колонны какъ ряды классическихъ мертвецовъ, изрѣдка гирлянды, вѣнки, вазы и а-ла-греки, темныя и неуклюжія лѣстницы, по которымъ ходить было опасно и мучительно, вездѣ мертвая правильность, безвкусіе, тоска, холодъ, широкіе темные углы, стѣны какъ въ казематахъ, что-то сарайное и бездушное. То ли дѣло, въ сравненіи съ этой канцелярской бездарностью, веселыя формы ренессанса и рококо, гдѣ столько ласкающаго, цвѣточнаго, улыбающагося, капризнаго и граціознаго. Куда ни посмотри, вездѣ балъной залой, будуаромъ, свѣтлой жизнью пахнетъ. Наши города вдругъ похорошѣли, стали на Европу похожи, стали понемногу терять захолустный или казарменный обликъ, ихъ словно вымыли, вычистили и прибрали; въ нихъ какъ новинки появились, изящество и комфортъ, столько времени намъ не извѣстныхъ, а по части художества даже готическія башенки съ острыми вверху, гребни прорѣзные на кровляхъ, бельведеры всяческіе, романскія колонки всячія, двойныя венеціянскія и всякія нныя фантастическія окна, порядочныя лѣстницы, уютныя комнаты. Макаровъ съ романскимъ стилемъ, повсюду подбавленнымъ (дома Лопатина, Яковлева, коммерческое училище и Цесаревича Николая), Шрётеръ и Китнеръ со своимъ стройнымъ, изящнымъ ренессансомъ (у перваго — домъ кредитнаго общества, домъ Штоля и Шмидта; у второго

—сельско-хозяйственный музей и т. д.), Рахау со своимъ Лун-Каторзомъ и Лун-Кензомъ (домъ Санъ-Галли) и разные ихъ товарищи не мало хорошаго и нарисовали, и строили. Да, но все это однакоже было чужое, повторенное съ книгъ и атласовъ, и ничуть не свидѣтельствовало о своемъ собственномъ творчествѣ. Нарисуйте всѣ наши новыя дома и пошлите ихъ въ Европу на выставку, со всѣми ихъ фасадами, разрѣзами и деталями: никто на нихъ и не посмотритъ. Все это такъ обыкновенно, но полезно, прилично, до нѣкоторой степени изящно — и только отъ головы до ногъ незначительно. Мы тутъ все только чужіе зады повторяемъ. Какъ досадно, однакоже, что въ этомъ, хотя и чужомъ, но все-таки приличномъ, стилѣ не строятъ еще у насъ множество зданій, которыя должны же были бы, наконецъ, быть тоже приличны и изящны. Напримѣръ, у насъ еще нѣтъ ни одного не то что уже красиваго, но просто приличнаго учебнаго заведенія. Университеты, гимназіи, школы — все это до того казенно, до того имѣетъ отталкивающій видъ снаружи и внутри, что холодно становится еще за версту, точно таблицу умноженія или спряженія заставляютъ тебя учить. Кажется, единственное исключеніе, это 3-е военное училище (въ Петербургѣ, на Садовой), довольно удачно и характерно построенное Серебряковымъ, немного въ военномъ стилѣ. Въ Европѣ уже давно не такъ: тамъ есть теперь много такихъ зданій, какъ, напримѣръ, «*Collège Chaptal*» въ Парижѣ, двѣ гимназіи на *Dorotheenstrasse* въ Берлинѣ, и т. д., у которыхъ весь образъ и подобіе новаго времени и новаго таланта. Едва ли не единственное исключеніе, между нашими постройками, назначенными для научныхъ цѣлей, это — читальная зала императорской Публичной бібліотеки, и средневѣковая зала тамъ же, обѣ построенныя И. И. Горностеевыми. Читальная зала, по красотѣ и размѣрамъ — навѣрное третья въ Европѣ, послѣ залы Британскаго музея въ Лондонѣ и Публичной бібліотеки въ Парижѣ — чудесъ новаго времени. Присутственныя мѣста, казармы, больницы, станціи желѣзныхъ дорогъ — ихъ ли еще не мало у насъ настроено въ послѣднія 20—30 лѣтъ, и, не чудо ли это, ни одного замѣчательнаго между всѣми ими зданія! А посмотрите, что въ Европѣ дѣлается! Посмотрите, какія тамъ есть давно уже превосходныя присутственныя мѣста (напримѣръ, англійскій парламентъ въ Лондонѣ, многія министерства въ Парижѣ и Вѣнѣ), казармы (напримѣръ, множество казармъ въ Вѣнѣ, въ видѣ необыкновенно изящныхъ крѣпостей, казармы *Prince Eugène* въ Парижѣ); а что касается желѣзно-дорожныхъ станцій, то вездѣ, даже въ Италіи, ихъ

огромное множество красивыхъ, иногда великолѣпныхъ, по всей Европѣ, начиная съ дебаркадера *Chemin de fer du Nord* въ Парижѣ и потсдамскаго въ Берлинѣ.

Но если новая каменная архитектура, даже и общеевропейская, не смѣетъ еще всюду проникнуть, не смѣетъ еще браться за всѣ задачи, то насколько еще болѣе стѣсненъ доступъ повсюду «національной» архитектурѣ. Еслибъ наши новыя архитекторы сами-то и смѣли, и умѣли, то имъ еще далеко не вездѣ дадутъ полную волю, имъ далеко не всѣ дороги открыты, и отъ многого они должны воздерживаться. Мода и всеобщая храбрость еще не пришли. Нѣмцы, англичане, французы смѣютъ у себя строить, гдѣ ни вздумаютъ, готическіе, романскіе, вообще всякіе, какіе захотятъ, дома въ своемъ вкусѣ—у насъ этого еще нельзя, русскій домъ еще не сошле *il faut*. Національное въ домѣ частнаго человѣка позволяется только внутри. Снаружи непременно надобно, чтобъ было: «какъ у всѣхъ». Впрочемъ, предрассудокъ тихо, медленно, а все-таки начинаетъ блѣднѣть, ступеневываться, и появляются уже, мало-по-малу, въ нашихъ городахъ, такіе дома, у которыхъ даже и лицо снаружи—русское. Какъ на выходящіе изъ ряду вонъ примѣры въ этомъ родѣ надо указать на слѣдующія созданія. Во-первыхъ на проектъ торговаго дома Башмакова, проектированный Ропеттомъ («Архитектурный Альбомъ» Дозотова, 1872 года, л. 4), не приведенный, къ сожалѣнію, въ исполненіе, и на домъ г. Басина, выстроенный на площади Александринскаго театра, съ фасадомъ по проекту Никонова. Живописность общаго, крупныя массы, и, всего красивѣе, средняя часть, увѣнчанная очень своеобразными низенькими куполами, рядъ тройныхъ оконъ съ среднимъ выходящимъ выше на манеръ византійской и древне-русской архитектуры, рѣзные карнизы повсюду, русскія колонны кубышками и столбиками, разбѣянные по обоимъ фасадамъ, все это вмѣстѣ ново и оригинально, все это образуетъ необыкновенно художественное цѣлое, выпуклое, полное тѣней, свѣта и колорита, достойное соперничать, по оригинальности, со старыми итальянскими и французскими дворцами XVI вѣка. Домъ для типографіи Мамонтова, выстроенный въ Москвѣ, въ 1872 году, Гартманомъ изъ цвѣтнаго кирпича и цвѣтныхъ изразцовъ, въ высокой степени оригиналенъ и новъ, особенно ворота этого дома, въ какомъ-то почти фантастическомъ стилѣ, который на первый взглядъ кажется тѣмъ-то восточнымъ, индѣйскимъ, и между тѣмъ, однакоже, эти ворота составлены изъ самыхъ простыхъ, строго-русскихъ элементовъ—такова сила оригинальнаго творчества, претворяющая даже изъ

вѣстный матеріалъ во что-то совершенно новое, неожиданное. Красивъ и новъ по созданію домъ г-жи Зайцевой, построенный въ Петербургѣ Богомоловымъ, со своими романско-русскими колоннами и архивольтами, со своимъ зубчатымъ, повсюду разсѣявшимся орнаментомъ. Здѣсь же надо, наконецъ, указать на три оригинальныхъ проекта каменныхъ загородныхъ домовъ, молодого М. А. Кузьмина («Мотивы русской архитектуры», 1877, листы 1 и 9, и 1878, л. 1). Этотъ молодой художникъ, въ несчастіи рано унесенный смертью, былъ достойный продолжатель Гартмана и Ропетта, особливо послѣдняго. Богатство и своеобразность его фантазій для мотивовъ русскихъ были, кажется, тоже и у него неистощимы. Вотъ сколько можно представить образчиковъ талантовъ и свѣжей фантазій новыхъ русскихъ архитекторовъ въ созданіи русскаго «частнаго дома» — но вѣдь, кромѣ двухъ-трехъ исключеній, все это такъ и осталось «проектами», нигдѣ не приведенными въ исполненіе! Нѣтъ сомнѣнія, пусть пойдетъ, наконецъ, спросъ и мода на «русскій стиль» для частныхъ домовъ каменныхъ, и скоро Петербургъ, Москва и всѣ главные города наши наполнятся талантливыми національными постройками. Явные доказательства этой возможности — на лицо.

А теперь, пока этого нѣтъ, у насъ готовы строить городскіе дома въ какомъ угодно стилѣ, итальянскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, даже арабскомъ-мавританскомъ (домъ Мурузи, довольно ловко прилаженъ въ этомъ стилѣ Серебряковымъ, нарочно ѣздившимъ, говорить, напередъ изучать Альгамбру) — только бы не въ русскомъ. Русский, говорятъ, наловъ давно уже и на деревянныхъ постройкахъ; на «дачахъ». Странное дѣло! Отчего же французскія и итальянскія копія и дюжинныя компіляціи никогда никому у насъ не пріѣдались и не надоедали? Никто на нихъ еще отроду не жаловался!

Да, повторю еще разъ, у нашего архитектора для каменной русской архитектуры развязаны руки далеко не вполне. Многие еще для нея — нѣчто недозволенное. Она должна довольствоваться, покуда, монументальными постройками, всего болѣе церквами, музеями, и т. д. И на нихъ она отводитъ душу. Чтожъ, и то не худо. Все-таки искусство на хорошей дорогѣ стоитъ. Посмотримъ, что же у насъ вышло на свѣтъ хорошаго, хотя бы даже и по этому скудному, обрѣзанному, монументальному отдѣлу.

Послѣ долгаго запрета, въ теченіе полутора ста лѣтъ наложеннаго, сначала начальствомъ и общественнымъ мнѣніемъ, а потомъ и академіей, русскіе архитекторы при первой же возможности жадно устремились на изученіе старой нашей національной

архитектуры и принялись воссоздавать ее, вмѣсто прежняго, единственнаго, нераздѣльнаго, несравненнаго классицизма. И что оказалось въ литературѣ и живописи, тоже самое оказалось и въ архитектурѣ. Люди, въ теченіе двухъ почти столѣтій не сдѣлавшіе ничего замѣчательнаго по части чужихъ формъ и идеаловъ, вышли сильными, оригинальными и замѣчательными, только дотронулись до тѣхъ элементовъ и матеріаловъ, которые имъ были близки и родственны. Казанскіе и Исаакіевскіе соборы, эти въ тысячный разъ разжиженные подражанія св. Петру въ Римѣ, такъ и остались жалкимъ ничтожествомъ. Между тѣмъ, новыя русскія церкви тотчасъ же вышли интересны и прекрасны. Неужели въ прошлыя полтораста лѣтъ талантовъ у насъ не было на лицо, потому что не могло ихъ быть? Нѣтъ, могло, могло, русская натура всегда была даровита и богата, да только таланты-то всѣ были притиснуты и придавлены, они всѣ и по-прятались по угламъ. Слишкомъ жестокой морозъ стоялъ тогда на дворѣ. Наступила весна, и оригинальные таланты выплыли со всѣхъ концовъ.

Ранѣе всѣхъ выступилъ у насъ А. М. Горностаевъ. Онъ уже былъ профессоръ, человѣкъ 45 лѣтъ, давно подвизавшійся на поприщѣ всеобщаго копирования и переобезьяничанья классическихъ европейскихъ стилей, греческихъ и римскихъ, когда вдругъ, подъ вліяніемъ знакомства съ образованнымъ или самостоятельнымъ нашимъ духовенствомъ, круто поворотилъ на другую дорогу. Игумены Сергіевской пустыни (близъ Петербурга) и Балаамскаго монастыря (на Ладожскомъ озерѣ) почти одновременно, въ концѣ 40-хъ годовъ, стали съ него требовать построекъ въ «настоящемъ нашемъ церковномъ стилѣ». Конечно, они вовсе не знали искусства, и сами хорошенько не могли бы сказать, чего имъ нужно, однако же требовали чего-то лучше и поглубже того, что тогда повсюду у насъ строилось подъ именемъ истинно «національнаго», истинно «русскаго» и истинно «церковнаго». Да и самому Горностаеву былъ тошнѣнъ оффиціальныи, лже-русскій Тоновскій стиль. Онъ всю жизнь былъ полонъ энтузіазма ко всему византійскому, къ чуднымъ зданіямъ Равенны, къ св. Марку въ Венеціи, къ константинопольской св. Софіи, къ палермскому Монреале и Палатинской капеллѣ, онъ на всемъ этомъ отводилъ душу отъ той иноземной казенщины, которую долженъ былъ постоянно работать, и вотъ теперь, при первой возможности, онъ выстроилъ въ романскомъ-палермскомъ стилѣ свою изящную, оригинальную базилику въ Сергіевской пустыни (1848). Эта церковь, съ разными смѣло-

стами созданія, еще никогда до тѣхъ поръ не пробованными у насъ (наприм., что ни колонна внутри храма, то другая форма и капитель), явилась тогда совершенною новостью, она уводила насъ далеко отъ канцелярски-бездарныхъ построекъ Тона. Въ слѣдующемъ году (1849) онъ строилъ на Валаамѣ нѣсколько церквей въ настоящемъ уже русскомъ стилѣ. Это былъ плодъ его старинныхъ симпатій и тѣхъ путешествій по Россіи, которыя онъ предпринималъ, какъ мальчикъ-рисовальщикъ, еще въ царствованіе Александра I, при извѣстномъ издателѣ русскихъ видовъ и достопримѣчательностей, Свиньинѣ. За этими характерными постройками слѣдовали другія, въ томъ же національномъ стилѣ (подворье Троице-сергіевскаго монастыря и часовня у гостинаго двора — въ Петербургѣ, и «Усыпальница надъ могилою князя Пожарскаго» въ Суздаль), и закончились, наконецъ, созданіемъ такого капитальнаго памятника, какъ въѣздныя ворота, съ церковью и кельями, по переднему фасаду, въ Сергіевской пустыни (1861). Это послѣднее созданіе было крайне живописно, оригинально со своими тройственными арками воротъ и верхнихъ оконъ, и высокою изразцовой крышей, надъ которой возвышается свѣтлица, окончательно заканчивающая зданіе островочной кровлей и сквознымъ желѣзнымъ гребнемъ вверху. Оно являлось достойнымъ, самостоятельнымъ продолженіемъ лучшихъ русскихъ построекъ XVI и XVII вѣка. Въ первой половинѣ 60-хъ годовъ онъ сдѣлалъ, наконецъ, превосходный проектъ православнаго собора для Гельсингфорса, и при этомъ крайне художественно воспользовался скатомъ внизъ мѣстности; тутъ онъ живописно поставилъ маленькую, танущуюся вдаль галлерейку, съ пролетомъ воротъ. Нельзя не видѣть, что Горностаевъ имѣлъ въ своемъ талантѣ нѣкоторые крупные недостатки: всего болѣе можно было бы упрекнуть его въ тяжеловѣсности и иногда отсутствіи вкуса и граціозности. Но эти недостатки широко выжупались общео блестящею его заслугою — починомъ истиннаго національнаго русскаго стиля.

Замѣчу здѣсь, что Горностаевъ первый у насъ вздумалъ и рѣшилъ, что при созданіяхъ новой русской каменной архитектуры, самую лучшую помощницею тамъ, гдѣ не хватало на уцѣлѣвшихъ нашихъ памятникахъ необходимыхъ архитектурныхъ членовъ и матеріаловъ, должна быть — старая романская архитектура Европы, по происхожденію и времени имѣющая столько общаго съ самымъ старымъ и кореннымъ нашимъ искусствомъ. Во времена Тона архитекторы-строители хотѣли знать только одну позднѣйшую архитектуру московскаго періода, о

всемъ остальномъ они не имѣли никакого понятія. Ни суздальско-ростовской, ни новгородской и псковской архитектуры они вовсе и не подозрѣвали. О византійской архитектурѣ имѣли у насъ, въ Тоновское время, лишь самыя смутныя представленія и начали узнавать ее въ самомъ дѣлѣ лишь гораздо позже, по многочисленнымъ рисункамъ русскихъ архитекторовъ, пустившихся, въ концѣ 40-хъ годовъ, въ Грецію и на Востокъ, но все-таки нѣкто изъ нихъ и не думалъ, до Горностаева, употреблять ее въ дѣло въ своихъ созданіяхъ. Точно также А. М. Горностаевъ первый изъ архитекторовъ обратилъ у насъ вниманіе на оригинальныя узоры русскихъ полотенецъ и на разную раскрашенную орнаментацию русскихъ изобъ и всяческихъ предметовъ обихода русскаго крестьянина. Раньше всѣхъ онъ внесъ эти элементы въ новую русскую архитектуру. Послѣдствія этого его открытія были громадны. Теперь уже безъ этихъ вновь появившихся, но по существу самыхъ старинныхъ и коренныхъ элементовъ, никакой нашъ художникъ не обходится. Они вошли въ общую плоть и кровь.

За Горностаевымъ выступилъ на сцену Гриммъ. Послѣ такого предшественника онъ уже не принужденъ былъ продѣлывать старой классической дребедени, и прямо могъ приступить къ созданіямъ народнымъ. Еще въ юношескіе годы онъ строго и пламенно изучилъ, на мѣстѣ, стили византійскій и грузино-армянскій, и плодомъ этого изученія явилось великолѣпное его изданіе, имъ самимъ награвированное (1859): «*Monuments d'architecture Byzantine en Géorgie et en Arménie*». Лучшія его постройки, всегда очень изящныя и талантливыя, находятся въ связи съ этими, столь превосходно имъ узанными стилями. Его храмъ въ память крещенія Руси, въ Херсонесѣ Таврическомъ—въ стилѣ византійскомъ (50-е годы); его соборъ кавказской арміи въ Тифлисѣ (60-е годы) — въ стилѣ грузино-византійскомъ. Но есть также у него и очень замѣчательныя постройки въ чисто-русскомъ стилѣ, наприм., церковь въ Михайловкѣ, имѣни в. к. Михаила Николаевича, близъ Петербурга (1860-е годы), прелестная и оригинальная постройка въ суздальско-перемыславскомъ стилѣ, обѣ одной главѣ, съ нижнимъ этажемъ изъ арокъ на кубышкахъ, съ необыкновенно изящнымъ широкимъ многослойнымъ рѣзнымъ карнизомъ вверху и съ оригинальною колокольнею-особнякомъ, обѣ одному единственному пролетѣ подъ кровелькой.

Еще молодымъ человѣкомъ, живя пенсионеромъ академіи въ Италіи, въ 40-хъ годахъ, Резановъ, конечно, никогда и не

воображалъ, что будетъ нѣкогда собственно «русскимъ» архитекторомъ. Онъ вмѣстѣ съ Бенуа и Кракау прилежно изучалъ и вырисовывалъ, много лѣтъ сряду, знаменитый соборъ въ Орвието (этотъ соборъ изданъ потомъ, въ 1877 году, въ Парижѣ, подъ заглавіемъ: «*Monographie de la cathédrale d'Orviété*»). Однако, вышло совсѣмъ другое. Послѣ польскаго возстанія 1863 года, въ разныхъ мѣстахъ нашего западнаго края стали воздвигаться православныя церкви. На долю Резанова, какъ одного изъ значительнѣйшихъ тогдашнихъ русскихъ архитекторовъ, пришлось самыя важныя и крупныя сооруженія этого времени. Въ Вильнѣ одинъ православный соборъ реставрированъ имъ въ старомъ мѣстномъ стилѣ XIV вѣка (романскомъ),—таковъ, напр., соборъ «Митрополитальный», во имя Пречистой Дѣвы; другія возобновлены въ русскомъ стилѣ XVI вѣка,—наприм. церковь св. Николая; третьи сооружены вновь въ стилѣ русско-романскомъ (храмъ св. Параскевы или Пятницы и часовня во имя св. Александра Невскаго, въ память русскихъ воиновъ, павшихъ при усмиреніи возстанія 1863 года). Вездѣ въ собственныхъ постройкахъ Резановъ выказалъ не мало чувства изящнаго, стройности, счастливаго соединенія русскаго стиля съ романскимъ, но вмѣстѣ и съ собственными новыми мотивами. Впослѣдствіи Резановъ строилъ дворецъ великаго князя Владимира Александровича, съ наружнымъ фасадомъ въ стилѣ старыхъ флорентинскихъ дворцовъ (Питти, Рикарди, Строщи): этого стиля еще нѣкогда у насъ, раньше его, не пробовалъ, и это была интересная новинка. Но главная заслуга этого дворца не въ фасадѣ и не въ тѣхъ залахъ, во всевозможныхъ стиляхъ, которыя его наполняютъ. Главная заслуга его—въ русскихъ комнатахъ; но такъ какъ онѣ относятся уже къ архитектурѣ «деревянной» то я буду говорить о нихъ ниже. Во время преклонной старости и болѣзни Тона, Резановъ достраивалъ храмъ Спаса въ Москвѣ и, по возможности, спасалъ, что можно было спасти, изящными византійскими и русскими деталями золота, красокъ и орнаментистики, хотя, конечно, не въ состояніи былъ исправить основную топорность и безталанность скелета. Самымъ значительнымъ созданіемъ Резанова, за послѣднее время, былъ проектъ московской Думы въ московскомъ стилѣ XVII вѣка (сочиненъ въ началѣ 70-хъ годовъ). Пять широкихъ аркадъ, идущихъ въ вышину всего зданія, съвозъ три этажа, составляютъ главный корпусъ, и, наклонившись вверхъ, съ двухъ сторонъ, подъ карнизъ, накрыты, какъ вѣнцомъ, выгнутою русскою изразчатой кровлей со съезнымъ гребнемъ вверхъ. По угламъ строе-

нія, многоэтажныя башенки, изъ которыхъ уже и каждая, сама по себѣ взятая, есть прекрасное художественное созданіе. Этотъ проектъ, по красивости, характерности, сильнымъ и рѣшительнымъ массамъ, прекраснымъ деталямъ, едва ли не лучшее сочиненіе Резанова. Надо бы желать, чтобъ онъ былъ когда-нибудь приведенъ въ исполненіе. Тогда у насъ былъ бы прекрасный домъ Думы, достойный стоять на ряду если не съ самыми капитальными ратушами старой Европы (въ числѣ ихъ есть, во Франціи, Германіи, Бельгіи, Италіи, созданія изумительныя по красотѣ, силѣ и геніальности), то по крайней мѣрѣ съ лучшими и талантливейшими между ними.

Прекрасенъ также фасадъ политехническаго музея въ Москвѣ, построенный по проекту Монигетти и Никонова, въ русскомъ стилѣ XVII вѣка. Это пышно, красиво, дворцомъ смотритъ и не лишено оригинальности. Это сочиненіе относится ко второй половинѣ 70-хъ годовъ, но я его упоминаю въ настоящемъ мѣстѣ, потому-что авторъ его — архитекторъ изъ временъ Николая I. Собственно говоря, Монигетти мало имѣлъ способности къ созданіямъ чисто архитектурнымъ; ему удавались развѣ копія, и то въ миниатюрныхъ размѣрахъ, съ построекъ восточныхъ и византийскихъ, наприм., маленькая турецкая баня въ видѣ кіоска, на большомъ пруду, въ Царскомъ селѣ (построенная еще при Николаѣ I), маленькая византийская церковь, при царскомъ дворцѣ въ Ливадіи (60-е годы). Монигетти точно будто вѣчно старался сдѣлать изъ всего милую элегантную игрушку, немного на французскій ладъ. Онъ былъ скорѣе архитекторъ-орнаментистъ, главная его заслуга состояла въ талантливомъ созданіи формъ утвари, посуды, мебели, всяческой жизненной обстановки и внутренняго убранства въ домѣ. Для созданія дѣйствительно архитектурныхъ произведеній ему необходимо было участіе талантливыхъ помощниковъ и учениковъ, каковы были одно время Кудрявцевъ, Никоновъ и другіе.

Въ теченіе 50-хъ и 60-хъ годовъ молодые наши художники много разъ сочиняли программы «собора въ русскомъ стилѣ». Тутъ много было фантастическаго, призрачнаго, чисто только «рисовальнаго» и «конкурснаго»; однакоже фантазія тутъ сильно работала и мало-по-малу вырабатывался русскій стиль, своеобразный и новый. Изъ числа множества программъ этого рода, слѣдуетъ, мнѣ кажется, указать на двѣ особенно выдающіяся: программу Макарова (1858), за которую ему не дали въ академіи большой золотой медали и не дали права ѣхать за границу, тогда какъ онъ имѣлъ на то всѣ данныя — столько его проектъ

собора заключалъ талантливости, стройности, живописности и в сѣбѣ новизны, — в программу Шрётера и Гуна, проектъ собора кавказской арміи для Тифлиса (первой половины 60-хъ годовъ). Последний проектъ былъ нѣчто истинно-блестящее, и вотъ что надобно было бы построить, вмѣсто Тоновскаго художества, на чудномъ мѣстоположеніи его храма Спаса. Здѣсь въ проектѣ есть много и величавости, много красоты формъ, и все это не повтореніе чужого, стараго, прежняго — нѣтъ, эти могучія массы, этотъ красивый широкій куполъ съ галлерейной изъ византийскихъ колонокъ подъ вѣнчающей все зданіе орнаментальной скупѣей, этотъ ходъ-галлерей внизу, вокругъ всего собора, этотъ дѣсь разнообразнаго роста и вида башенокъ въ воздухѣ, свѣтлыя великолѣпныя аркады внутри, красивый иконостасъ (рѣдкость въ русскихъ новыхъ постройкахъ, не взирая на массу поминутно вездѣ строящихся) — все это вмѣстѣ образуетъ одно изъ значительнѣйшихъ созданій русскаго современнаго искусства.

Много потомъ, въ теченіе 20 лѣтъ, сочиняла и рисовала наша архитектурная молодежь соборовъ, но не только ни одинъ изъ нихъ среды не сдѣлалъ ничего подобнаго этому собору, но даже и сами авторы, Шрётеръ и Гунъ, никогда болѣе не создали чего-нибудь приближающагося къ нему. Лучшая сила юношеской ихъ фантазіи пошла сюда. Къ великому сожалѣнію, ихъ соборъ нигдѣ не соорудили, не только въ Россіи, но даже и на Кавказѣ.

Съ конца тѣхъ же 60-хъ годовъ, стали дѣйствовать у насъ два талантливыхъ архитектора, которые по богатству и подвижности фантазіи, по необыкновенному своеобразію формъ, поминутно новыхъ, стоятъ на мой взглядъ даже выше большинства остальныхъ, столько даровитыхъ своихъ товарищей. Это — Гартманъ и Ропеттъ. Не надо, на основаніи ихъ фамилій, воображать себѣ, что они нѣмцы. Нѣтъ, они даже по-нѣмецки-то никогда и не знали. Такая уже странная судьба выпала на долю русскихъ архитекторовъ, что большинство ихъ — все съ иностранными фамиліями, даромъ-что, за рѣдкими исключеніями, въ нихъ ничего нѣтъ иностраннаго. Пропуская Витберга, даже самъ пресловутый Тонъ носилъ фамилію не-русскую, точно также, какъ пресловутый его товарищъ Гречъ: оба эти чеха родомъ взапуски учили русскій народъ русскому языку и русскому искусству, даромъ что ни въ томъ, ни другомъ одинаково ничего не понимали. Но посмотрите на этотъ списокъ: Росси, Брюлловъ, Штаденштейндеръ, Боссе, Бейне, Эппингеръ, Гриммъ, Монигеттъ, Крау, Бенуа, Бернгардъ, Кавосъ, Рахау, Реймерсъ, Штромъ, Ге-

дике, Кенель, Шрётеръ, Гунъ, Китцеръ, Даль, Вальбергъ, Бахманъ, Парландъ, Томишко и множество другихъ, все это фамиліи не-русскія. Мнѣ кажется, главный резонъ здѣсь тотъ, что большинство нашихъ архитекторовъ происходитъ изъ семействъ художественно-промышленныхъ и даже просто ремесленныхъ. Это я привожу, конечно, ничуть не въ порицательномъ смыслѣ, что было бы для меня же самого только поворно, а напротивъ, въ смыслъ лучшей похвалы, потому что эти статистическія данныя служатъ лучшей похвалой цѣлой массѣ даровитыхъ людей, сильно возвысившихся надъ первоначальнымъ своимъ уровнемъ по рожденію; вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ доказываютъ еще новый разъ, какъ искусства близки стоятъ къ ремеслу, и какъ всегда надо скорѣе ожидать рожденія художниковъ изъ среды простого народа, изъ среды ремесленниковъ, наконецъ, вообще изъ низшихъ, но никакъ не изъ высшихъ классовъ народа. Художники оттуда — самое рѣдкое исключеніе до сихъ поръ. И такъ, Гартманъ и Ропеттъ не нѣмцы, и оба глубоко національны и талантливы, поэтому — то и нельзя довольно удивиться, отчего ихъ всегда такъ мало цѣнили и академія, и высшій архитектурный конclave нашъ, «архитектурное общество». Они весь свой вѣкъ нуждались въ работѣ, не получали заказовъ по указаніямъ или предстательству архитектурнаго, и вообще какого бы то ни было художественнаго начальства, и — какъ вѣнецъ всему — на всероссійской московской выставкѣ 1882 года ихъ созданія вовсе не присутствовали ни на стѣнахъ архитектурной выставки, ни въ архитектурномъ каталогѣ, даромъ что и эта выставка, и этотъ каталогъ были устроены и составлены самымъ «архитектурнымъ обществомъ», и приготовленій къ нему было много. Пропустить двѣ такія художественныя величины, какъ Гартманъ и Ропеттъ, но не пропустить множество ничтожныхъ, мало художественныхъ букашекъ, каково это!

Главная сила Гартмана и Ропетта лежитъ въ архитектурѣ деревянной, и мы въ рассказѣ о ней съ ними еще встрѣтимся, но и здѣсь, въ отдѣлѣ каменной архитектуры монументальнаго характера, необходимо указать на нѣсколько ихъ сильно талантливыхъ созданій.

Едва воротившись изъ-за границы, скоро послѣ парижской всемірной выставки 1867 года и погибая отъ безработицы, Гартманъ въ 1869 году принималъ участіе въ конкурсѣ на «Кіевскія городскія ворота». Какъ это не разъ бывало, конкурсъ кончился ничѣмъ, ничего не построили, но Гартманъ создалъ такіе «Ворота», которыхъ никто почти у насъ не знаетъ, но которые рано или поздно должны войти въ будущую хрестоматию рус-

ской архитектуры, на одну изъ лучшихъ ея страницъ. Его «Ворота» нѣчто необычайно-оригинальное. Ихъ складъ—древне-русскій, богатырскій. Столбы, на которыхъ стоитъ ихъ изящная арка, увѣнчанная громаднымъ рѣзнымъ кокошникомъ, вошли въ землю, точно отъ ветхой старости, точно столѣтія пронесли надъ этими воротами, а они сами построены Богъ знаетъ сколько вѣковъ тому назадъ. Вверху, вмѣсто купола, славянской плетъ съ высокимъ остриемъ; стѣны сложены, въ узоръ, изъ разноцвѣтныхъ кирпичей—какъ все это ново и оригинально! Другое чудесное созданіе Гартмана, это фасадъ дома для «Народныхъ лекцій», въ Солянѣмъ Городѣ (1871). Подобно многому изъ лучшаго у насъ, подобно «Кіевскимъ воротамъ», этотъ фасадъ для дома народныхъ лекцій никогда не былъ осуществленъ и только изданъ, послѣ смерти Гартмана, въ «Мотивахъ русской архитектуры» за 1875-й годъ. А какъ жалъ! Это была бы одна изъ оригинальнѣйшихъ и своеобразнѣйшихъ нашихъ построекъ. Фасадъ этотъ опять весь сложенъ изъ разноцвѣтныхъ кирпичей и изразцовъ; расположеніе оконъ, входной двери, ихъ форма, расположеніе массъ общихъ повсюду—это высокоталанливо и изящно; но, что еще талантливѣе и еще изящнѣе, это тѣ подробности орнаментальныя и краски, которыми Гартманъ наполнилъ свой фасадъ. Цѣлыя площади стѣны состоятъ у него—изъ русской рогожки, перевязанной веревкой, все это выдѣланное изъ кирпича и изразцовъ; богатые карнизы состоятъ изъ многоярусныхъ слоевъ, нависшихъ одни надъ другими впередъ, а самый верхъ кончается рядомъ зубчатыхъ фигуръ, идущихъ тутъ словно рогулкою на верху древнихъ московскихъ стѣнъ или на верху арабскихъ построекъ. Все вмѣстѣ—необычайно, неожиданно, самостоительно до невѣроятности. Каменное зданіе Ропетта—домъ нашего посольства въ Японіи, — мало назвать домомъ, это настоящій дворецъ, и ничто не могло быть болѣе кстати для достойнаго представленія насъ, въ архитектурномъ отношеніи, на дальнемъ Востокѣ, какъ эта талантливо созданная московская красивая башенка съ орломъ вверху, это зданіе, стройно протягивающееся со своими аркадными двойными окнами, эти колонки-кубышки, эта чудесная гармонія массъ и частей, это благородное, спокойное, общее, вмѣстѣ и какъ-будто азіатское, и русское.

За послѣднее время можно указать, въ числѣ новыхъ русскихъ построекъ, на «Волковскую богадѣльню» въ Петербургѣ, сочиненную и построенную Томишкой (вмѣстѣ съ архитекторомъ Габерцеттелемъ). Великаго созданія тутъ никакого нѣтъ, но все прилично и изящно. Всего лучше средняя часть, съ отличными

въѣздными воротами, тремя этажами самыхъ разнообразныхъ оконъ, высокими кровлями и бесѣдочкой вверху, подъ самымъ шатромъ купола.

Между многочисленными проектами, представленными на конкурсъ храма въ память Императора Александра II въ Петербургѣ, было три выдѣляющихся между всѣми остальными: это, во-первыхъ, проектъ Гуна и Китнера, которому, мнѣ кажется, надо было бы дать первую премію, проектъ Богомолова, которому надо бы дать вторую премію, и проектъ Томишки, которому можно было бы дать третью премію. Въ каждомъ изъ нихъ было нѣчто хорошее, но не было ни въ одномъ той силы вдохновенія и таланта, которая творить необыкновенное. Рассказывать эти проекты — трудъ здѣсь невыполнимый. Впрочемъ всѣ главные проекты (числомъ 6) изданы особой книжкой, и, мнѣ кажется, многіе изъ числа образованной публики сами легко разсудятъ, насколько неправы были тѣ эксперты, которые присудили первую премію архитектору Томишкѣ за его довольно ординарное созданіе, вторую—Гуну и Китнеру, за проектъ, конечно, далеко отстоящій отъ проекта тифлисскаго собора, и, правда, съ небольшою кургузостью и обрубленною по сторонамъ массою, но все-таки талантливымъ и изящнымъ; наконецъ, лишь четвертую премію за проектъ Богомолова, въ которомъ столько смѣлости и ширины, не смотря на не вездѣ равную красоту и значительность массъ, и подробностей. Впрочемъ, рѣшеніе экспертовъ не будетъ приводиться въ исполненіе, такъ какъ по окончаніи конкурса былъ составленъ и утвержденъ другой планъ, въ исполненію котораго уже приступлено.

Кончая отдѣлъ каменной архитектуры, нельзя не упомянуть съ почетомъ о нѣкоторыхъ сооруженіяхъ въ иностранныхъ стиляхъ. Греческая церковь въ Петербургѣ, Кузьмина, и въ Сергѣевской пустыни, Парланда, обѣ въ византійскомъ стилѣ; реформатская, въ Петербургѣ, Боссе, Гримма и Рахау—въ романскомъ; евангелическая больница съ церковью въ Петербургѣ, Бернгарда и Гиппиуса—въ готическомъ; ратуша въ Ригѣ, Бейне—тоже въ готическомъ, и нѣкоторыя другія, уже далеко ушли отъ того, какъ у насъ, во времена Николая I, строили въ романскомъ, готическомъ и иныхъ иностранныхъ стиляхъ. Лютеранская церковь Петра и Павла на Невскомъ проспектѣ, въ Петербургѣ—въ лже-романскомъ стилѣ, церковь въ Парголовѣ, надъ склепомъ графа Польде, въ лже-англійскомъ готическомъ стилѣ, стоятъ каррикатурными монументами прежнихъ русскихъ архитекторовъ и ихъ дѣтскихъ познаній. Бахманъ и Шапошниковъ сочинили изумительный по красотѣ и характерности проектъ

синагоги для Петербурга, въ арабскомъ стилѣ (1870), но, къ несчастью, не вышло разрѣшенія строить ее вполне по этому плану.

Перейду, наконецъ, къ нашей новой деревянной архитектурѣ.

Она появилась позже всѣхъ остальныхъ категорій, но она самая важная, самая талантливая, самая разнообразная, самая поразительная и самая изящная изъ всѣхъ нашихъ архитектуръ. Здѣсь настоящимъ новымъ русскимъ духомъ вѣетъ, несравненно болѣе, чѣмъ во всемъ остальномъ, что дѣлали русскіе архитекторы въ послѣднія 25 лѣтъ. Тутъ пошли въ ходъ уже настоящіе русскіе архитектурные мотивы, народные, доселѣ существовавшіе, соединенные самимъ русскимъ народомъ въ его избахъ, въ его посудѣ и утвари, въ сотняхъ предметовъ его домашняго обихода, на его столахъ и шкапчикахъ, деревянныхъ лодкахъ и валькахъ, саняхъ, дугахъ, солонкахъ, рѣзныхъ полотенцахъ, кровли, пряхинахъ, украшеніяхъ барки и т. д. Тутъ уже почти не слыхать ни романской, ни всякой иной примѣси, и архитекторъ творить на основаніи лишь одного настоящаго національнаго матеріала и собственной творческой фантазіи, ведущей его на новыя пути. Въ созданіяхъ изъ коренного народнаго русскаго матеріала—дерева, лежитъ главная историческая заслуга новой русской архитектуры.

На этомъ поприщѣ, новыя русскіе архитекторы проявили плодovitость необычайную, создали произведенія, можно сказать, безчисленныя, и это всего въ какія-нибудь 15 лѣтъ: всѣ главныя созданія наши въ этомъ родѣ пошли только съ конца 60-хъ годовъ, когда новая каменная русская архитектура давнымъ давно была уже въ полномъ ходу. Перечислять все, даже самое выдающееся—я нахожу просто невозможнымъ здѣсь, и укажу лишь главнѣйшіе примѣры и категоріи.

Самыя обширныя и самыя талантливыя деревянныя постройки, за эти 15 лѣтъ, принадлежатъ Гартману и Ропетту. Первый выстроилъ большія залы петербургской всероссійской выставки 1870 года, многія изъ нихъ съ необыкновенно-изящной прорѣзной русской орнаментистикой, и тутъ же вмѣстѣ отъ 700 до 800 разныхъ витринъ для отдѣльныхъ экспонентовъ: всяческіе русскіе мотивы, рѣзьба, полотенцы, драконы, пѣтушки, двускатныя кровельки, русскія плетешки—играютъ вездѣ тутъ громадную роль. Два года спустя, на всероссійской политехнической выставкѣ 1872 года, въ Москвѣ, Гартманъ выстроилъ въ Кремлѣ такое талантливое зданіе «Военнаго отдѣла», которое глубоко восхитило всѣхъ архитекторовъ и многотысячную публику, и достойно поднимало свою чудесную, оригинальную, цвѣтную русскую башенку, стоящую сѣнью надъ Фальконетовой

головой Петра Великаго, рядомъ съ лучшими созданіями стараго Кремля, въ отместку за всю бездарность, нагроможденную тутъ же недалеко Тонемъ, подъ видомъ Николаевского дворца. Какъ будто въ пополненіе къ этому прекрасному созданію и тѣмъ отдѣламъ выставки, которые тоже выстроилъ Гартманъ, онъ поставилъ на Лубянской площади театръ, истинно народный, и по общимъ формамъ, и по той дугѣ вверху, изнутри которой глядѣла, вмѣсто выѣски, смѣющаяся рожа расшнника, и по оригинальнымъ лоламъ, образованнымъ русскими полотенцами и русскимъ кружевомъ съ полосами краснаго кумача по бортамъ, — наконецъ и по оригинальности вырѣзной деревянной орнаментации, разсыянной повсюду.

Ропеттъ построилъ еще въ 1869 году великолѣпную залу для зрителей, въ русскомъ стилѣ, въ театрѣ красносельскаго лагеря (снаружи театръ имѣетъ самый казенный видъ, такъ какъ строенъ военнымъ инженеромъ). Къ сожалѣнію, рисунки залы Ропетта до сихъ поръ не изданы, а давно заслуживаютъ того по оригинальности какъ общаго, такъ и подробностей своихъ ложъ, партера, и особенно царской ложи, наконецъ по оригинальности росписного потолка, изображающаго женщинъ, въ народныхъ костюмахъ разныхъ губерній, будто выглядывающихъ изъ верхнихъ ложъ. Насколько эти два талантливыхъ театра, Гартмана и Ропетта, стоившіе всего нѣсколько тысячъ, талантливыѣ и оригинальнѣе тѣхъ громадинъ-театровъ, что населяютъ наши столицы и стоили миліоновъ! Въ 1872 году, Ропеттъ построилъ на московской всероссійской выставкѣ «Ботаническій павильонъ», большой оригинальности и красоты: его главная, входная, часть, состояла изъ четырехъ орнаментированныхъ арокъ, поставленныхъ на четыре стороны зданія и поддерживающихъ вверху широкій многоугольный фонарь, увѣнчанный вверху огромнымъ деревяннымъ рѣзнымъ цвѣтомъ. Въ 1878 году, Ропеттъ воздвигнулъ всѣ зданія русскаго отдѣла на всемірной парижской выставкѣ, на такъ-называемой «Rue des Nations», и такъ поразилъ всю массу художниковъ и публику, что его фасадъ и его «павильонъ» для продажи газетъ и русскихъ напитковъ, а также его «павильонъ земледѣльческихъ орудій» были тотчасъ же изданы во множествѣ архитектурныхъ журналовъ и иллюстрацій. Многіе иностранные художественные критики печатно называли тогда постройки Ропетта — лучшимъ и самобытнѣйшимъ архитектурнымъ созданіемъ цѣлой всемірной выставки. Даже оригинальная шведская (тоже деревянная) архитектура должна была уступить первенство нашему своеобразному и поразительно изящному народному дворцу.

Перечислить всё созданія Ропетта въ русскомъ деревянномъ стилѣ — была бы огромная работа. Изданіе: «Мотивы русской архитектуры» наполнено, начиная съ 1875 года, его произведеніями и проектами. Тутъ есть и церкви, и дома, и дачи, и бани, и убранства цѣлыхъ комнатъ, мебель, рамы, зеркала, люстры—все изъ дерева, все раскрашенное изъ дерева; это цѣлая галерея высшей русской архитектурной талантливости.

Доблестный его послѣдователь, Вальбергъ, не смотря на то, что умеръ въ раннихъ годахъ, все-таки успѣлъ сочинить множество самаго значительнаго и новаго въ русскомъ стилѣ. Послѣдніе годы «Мотивовъ русской архитектуры», вмѣстѣ съ Ропеттовскими рисунками и проектами, исполнены его рисунками и всевозможными проектами деревянной русской архитектуры, часто очень приближающимися къ стилю и творчеству Ропетта.

Кромѣ этихъ двухъ своеобразнѣйшихъ архитекторовъ, Гартмана и Ропетта, у насъ было не мало другихъ еще оригинальныхъ художниковъ по этой же архитектурѣ. Въ высшей степени интересна и поразительна русская зала «Славянскаго Базара» въ Москвѣ, построенная (начало 70-хъ годовъ) Гуномъ (вмѣстѣ съ Кудрявцевымъ) и не имѣющая себѣ подобной во всей русской имперіи—такъ она изящна и нова съ своими многосоставными разноцвѣтными колонками, съ своими разноцвѣтными изразцами стѣнъ, съ своими въ русскихъ узорахъ шелковыми тканями, съ своими русскими рамками портретовъ, съ своими рѣзными и разноцвѣтными карнизами. Во дворцѣ великаго князя Владимира Александровича выстроена столовая и кабинетъ, гдѣ все, отъ стѣнъ, потолковъ, кафельныхъ цвѣтныхъ печей, полныхъ орнаментами, и до послѣдняго стула, стола и узорчатой гардины, сочинено Резановымъ и его помощникомъ Гуномъ съ необыкновенною талантливостью и красотой. Тотъ же Гунъ, работая вмѣстѣ съ Кудрявцевымъ, наполнилъ стройными, изящными русскими формами архитектуры и мебели весь домъ Башмакова. Въ Ильинскомъ, собственномъ имѣніи Государыни Императрицы, Резановымъ выстроена прелестная ферма въ русскомъ стилѣ, и для нея сочинена вся утварь, не уступающая, по красотѣ и своеобразію, самой архитектурѣ. Богомолловъ и Вальбергъ много лѣтъ сряду, до кончины послѣдняго, шли то оба вмѣстѣ, то дружнымъ параллельнымъ шагомъ, и всего болѣе выказали свой талантъ на деревянной архитектурѣ. На всемірной вѣнской выставкѣ 1873 г. въ «Русскомъ домѣ», устроенномъ архитекторомъ Монигетти, было цѣлыхъ двѣ комнаты, «столовая» и «спальная», прелестно сочиненныя и убранныя Богомолловымъ и Вальбергомъ

(все это принадлежит фабриканту Сазикову). Кроме того, Богомоловъ и Вальбергъ построили нѣсколько весьма оригинальныхъ и изящныхъ церквей въ русскомъ стилѣ. У Богомолова особенно замѣчательны: его церковь въ Знаменѣ, имѣющая в. кн. Николай Николаевича, съ упирающимися отъ верху внизъ линіями стѣнъ и съ рядомъ оконъ, вверху въ видѣ крестовъ, а также церковь въ Райволовѣ (сало по Финляндской желѣзной дорогѣ). Эта церковь также представляетъ окна въ видѣ крестовъ, но они идутъ не въ одну горизонтальную линію, а понижаясь и опускаясь, сообразно съ повышеніемъ и пониженіемъ самой церкви внутри, что производитъ снаружи необыкновенно живописное и новое впечатлѣніе; кругомъ средней же главы возвышается, спереди и сзади, по три маленькихъ главки въ рядъ, оригинальнѣйшими воздушными балдахинчиками. У Вальберга столько же красива и нова, по формамъ, его церковь при «Колоніи малолѣтнихъ преступниковъ», подъ Петербургомъ. «Баракъ Краснаго Креста» въ Петербургѣ, Набокова (1879), очень милы и изящны. Церковь «Удѣльной», близъ Петербурга, Штрона, не лишена граціи; она гораздо болѣе важна и интересна, даромъ-что мала и непритязательна, чѣмъ большая каменная русская церковь, того же Штрона, въ Парижѣ.

Вотъ нѣсколько болѣе замѣчательныхъ примѣровъ новой русской деревянной архитектуры. Масса созданій меньшаго значенія, но все-таки очень даровито сдѣланныхъ, огромна. Замѣчательно, однако, что несмотря на множество построекъ за послѣднее время въ Москвѣ, въ томъ числѣ и въ русскомъ стилѣ, въ этомъ городѣ нельзя указать ни на что выдающееся. Московская архитектурная школа наша, Богъ знаетъ почему, гораздо слабѣе петербургской, хотя естественно было бы ожидать обратнаго, судя по необычайному богатству Москвы и ея области великолѣпными образцами старо-русской національной архитектуры и судя по безпредѣльной бѣдности Петербурга въ этомъ родѣ. Но все-таки, къ удивленію вышло именно такъ. Одни петербургскіе архитекторы творятъ новое, талантливое и оригинальное. Что ими создавалось и создается, одно только входитъ въ составъ исторіи русской новой архитектуры и доказываетъ, что это искусство идетъ у насъ громаднымъ самостоятельнымъ шагомъ въ гору.

В. Стасовъ.

ВОЛХОНСКАЯ БАРЫШНЯ

ПОВѢСТЬ.

Кто виноватъ — у судьбы не допросишься,
Да и не все ли равно?..

Н. НЕКРАСОВЪ.

I.

...— Говори ты, пожалуйста, повнятиѣ... повразумительнѣй говори!

— Да я вѣдь и то... Ты слухай:

Ужъ я рада бы коня перешила,—

это она, то-ись, ему говорить —

Повеликой у коня ноги спутанныя...

— Что за повелика такая?

— Это въ родѣ какъ трава такая есть: повитѣль.

— Ну, ну...

— «Повеликой у коня ноги спутанныя», —

Студеной росой возмоченныя...

Возмочили горячи слезы,

Обуяла, что печаль-тоска,

Со всего ли свѣта вольнаго...

— Что, что? Прошу я тебя, повнятиѣ.

— «Возмочили горячи слезы»...

— Да что за безмыслица такая! Вѣдь рѣчь о конѣ идетъ?

— Такъ.

— У коня и ноги спутаны, и росой замочены... Дальше причежь тутъ «горючи слезы»? Причежь?

— Изъ пѣсни слова не выкинешь.

— Нѣтъ, ты мнѣ скажи, причежь тутъ тоска-то эта у васъ, а? Ахъ, вроды, вроды—присочинили!

Такой разговоръ происходилъ въ полѣ, близъ деревни Волхонки, воронежской губерніи. Вопросы задавалъ человѣкъ въ оленьей дахѣ, забрызганный грязью, желтый, худой, на видъ лѣтъ тридцати-пяти, съ русой бородкой и тихимъ взглядомъ голубыхъ, нѣсколько мутноватыхъ глазъ. Онъ сидѣлъ въ обыкновенной яской телѣжкѣ и записывалъ что-то въ большую памятную книжку, развернутую на колѣняхъ. Отвѣты давалъ малый среднихъ лѣтъ, бойкій, съ лицомъ полнымъ и яснымъ и съ постоянной усмѣшкой плутоватаго свойства. Онъ небрежно правилъ парой сѣрыхъ коней, изрѣдка постукивая ихъ кнутомъ.

Былъ апрѣль въ началѣ, и дорога, по которой ѣхали путешественники, была убійственна. Оттого-то они и ѣхали шагомъ. Въ глубокихъ колеяхъ то и дѣло плескалась вода, и рыхлая грязь смачно шлепалась подъ копытами лошадей. Иногда въ колеяхъ попадались рытвины. Тогда телѣжка быстро наклонялась въ одну сторону и съ тяжелымъ трескомъ вскакивала, подкидывая путешественниковъ; и ямщикъ произносилъ крѣпкое словцо, а баринъ неприяженно шурилъ физиономію. Съ широкихъ полей несло свѣжестью. По лощинамъ тамъ и сямъ бѣлѣлся снѣгъ, окаймленный темноватой полоской льда. Но небо было ясно и жаворонки радостно трепетали въ теплой синевѣ.

— Ну, ладно,—сказалъ баринъ,—записалъ! Четвертакъ за мной. Теперь скажи ты мнѣ, какія у васъ модныя есть, новѣйшія, собственнаго издѣлія?—спросилъ онъ, насмѣшливо искривляя губы, и перевернулъ страничку въ записной книжкѣ.

— Да какія есть... — въ недоумѣніи отвѣтилъ ямщикъ, и слегка стегнулъ пристяжную, выразившую желаніе укусить смиреннаго коренника:—есть разныя пѣсни...—онъ усмѣхнулся,—пиши эту:

За рѣкою кобель бреша,
А мой милка кудри чеша.
За рѣкою кобель вѣдъ,
А мой милка кудри мѣдъ...
Проводила бъ за рѣку—
Не пришелъ бъ онъ до вѣку.
Давай, милка, пострадаетъ...

— Фу, ты, гадость какая!—произнесъ баринъ, брезгливо выпачивая нижнюю губу; однако же, сталъ записывать пѣсню.

— А то вотъ, еще на счетъ ополченцевъ есть пѣсни, — сказавъ ямщикъ, приходя все въ болѣе и болѣе веселое настроеніе.

Баринъ снова перевернулъ страничку и приготовился записывать.

— Ну, ополченцы... вымолвилъ онъ въ ожиданіи.

Ямщикъ откашлянулся и началъ:

Охъ, мамаша, ополченцы!
Охъ, мамаша, запри сѣтцы!
Они—ребята молодые,
На нихъ кольца золотые...
Черезъ эти полсапожки,
Перебили всѣ окошки...

— Стой, стой! — Съ какого дьявола взялись тутъ полсапожки...

— А ужъ это изъ пѣсни, баринъ...

— Ну, ладно, ладно, — сердито закричалъ баринъ, и сквозь зубы произнесъ: — сочинители!

Ямщикъ ухмыльнулся и продолжалъ:

Перебили всѣ окошки...
Охъ, угнали на минуту —
Остаюсь безъ пріюту.
Продамъ юбку и корсетку,
Куплю многому жилетку.
Продамъ юбку съ полосами
Куплю дудку съ голосами...
Охъ, въ избѣ мнѣ не сидится —
Пушай молока веселится... —

— а ужъ это, къ примѣру, онъ ей говоритъ:

Продамъ сартукъ, продамъ брюки,
Куплю милкѣ платокъ въ руки...

— а она ему, шельма, на отвѣтъ:

Продамъ ленту изъ косы,
Куплю милкѣ я часы...

— а онъ ей замѣсть того:

Охъ, колечко — рубль пятнадцать,
Моей милкѣ гдѣть семнадцать...

Вдругъ приставная сноткнулась и залѣпила сѣдоговъ грязью. Ямщику попало въ носъ, барину въ губы, а на записной книжкѣ оказалось толстое и жирное пятно. Баринъ нетерпѣливо стеръ это пятно рукавомъ шубы и перевернулъ свѣжую страницу. Но

ямщикъ разсердился. Онъ натанулъ возжи и вскрикнувъ: «ахъ, вы, окаянныя!», принялся нажаривать лошадей кнутомъ. Телѣжка заскрипѣла, колеса заныряя по рытвинамъ, мелкія брызги грязной воды и тяжелые комья густой грязи запрыгали и затолклись вокругъ телѣжки, и баринъ спряталъ книжку. Но, немного посидѣвъ, онъ какъ будто вспомнилъ что-то: привоснувшись длинными и худыми своими пальцами къ широкой спинѣ ямщика, онъ закричалъ: «Такъ межничковъ, говоришь, не бываетъ у васъ?»—Но ямщикъ только головой тряхнулъ на это, какъ будто отмахнулся отъ назойливаго комара, и влѣпилъ коренному хорошій ударъ пониже сѣдѣлки. Тогда баринъ ухватился руками за края телѣжки и удерживая равновѣсіе, сталъ смотрѣть по сторонамъ.

Однообразная даль, рѣзкой и скучной чертою замыкавшая пустынную равнину, раздвинулась и закурилась синимъ туманомъ. Мѣстность избороздилась холмистыми очертаніями. Тамъ и сямъ закраснѣлись кусты. За кустами засевожила рѣчка холоднымъ голубымъ блескомъ. Впереди, ясно и жарко загорѣлся крестъ, до половины заслоненный возвышенностью.

— Волхонка! — произнесъ ямщикъ и рѣшительно опустил возжи. Лошади пошли шагомъ.

— Волхонка? — съ любопытствомъ спросилъ баринъ: — гдѣ Волхонка?

— А вонъ видишь, церковь-то? Тамъ и есть Волхонка. Вотъ на горку въѣдемъ, какъ на ладони будетъ, — и, внезапно оборотившись, спросилъ: — да ты развѣ въ первый къ намъ?

— Въ первый.

— Тѣкъ-съ. Вы къ кому же, напримѣръ, къ барину, аи какъ?

— Къ управляющему въ гости ѣду.

— Это къ Захаръ Ивановичу! — съ оживленіемъ произнесъ ямщикъ, и вдругъ переполнивъ тонъ свой явнымъ недоумѣніемъ, добавилъ: — чуденъ онъ!

— Чѣмъ же чуденъ?

Но ямщикъ только покачалъ головою и усмѣхнулся.

— А какъ тебя звать? — спросилъ баринъ: — ты ходи ко мнѣ. Я тебѣ буду радъ. Я все лѣто здѣсь проживу. И пѣсни ежели есть какія — я по гривеннику за пѣсню буду давать.

— Что-жъ, это мы можемъ, — сказалъ ямщикъ, — мы вашей милости послужимъ. Мокѣмъ меня зовутъ.

— Мокѣмъ? Ну, ладно. А меня Ильей Петровымъ кличутъ. Ты ходи ко мнѣ, Мокѣй. И ежели передѣлъ у васъ по веснѣ

будетъ — ты мнѣ скажи: я ваши порядки охотѣ посмотрѣть. — Илья Петровичъ сдѣлалъ удареніе на словѣ «охотѣ».

— Такъ чѣмъ же чуденъ-то Захаръ Ивановичъ? Грабятъ, что ль онъ васъ?—спросилъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Затѣмъ грабятъ! На счетъ грабежа у насъ не полагается. А вотъ на счетъ машинъ больно ужъ онъ чуденъ. Машины всякія заводятъ. Вотъ новѣ по осени какихъ одровъ приволокъ: въ родѣ какъ черти какіе!.. Сами, на своихъ колесахъ приперли...

— Какія же такія?

— А шутъ ихъ... Самоваръ не самоваръ, орѣтъ — какъ лѣвѣйшій... Пашутъ, говорятъ. Только выстроилъ онъ имъ сарайчикъ, Захаръ-то Ивановичъ, они и стоятъ въ сарайчикѣ. Здоровенные одры!

Илья Петровичъ насмѣшливо улыбнулся, и произнесъ съвозъ зубъ:—ахъ, буржуй, буржуй!

Ямщикъ помолчалъ, помолчалъ и вдругъ прыснулъ.

— А то вотъ сѣялки еще завелъ,—сказалъ онъ: — ты сидишь на ей, а подъ тобой сыпется... Чудеса!

— Что-жъ, это иждь не плохо.

— Съ чего плохо!.. Развѣ мы говоримъ... Деньги-то не наши, барскія.

— Кто же у него работаетъ на этихъ машинахъ?

— Находятся такіе, — съ пренебреженіемъ вымолвилъ ямщикъ:—промотается ежель какой, добьется—жрать ему нечего, ну и претъ къ Захаръ Ивановичу. Хорошій не пойдетъ.

— Отчего же не пойдетъ хорошій, — развѣ кормятъ плохо?

— Куда тебѣ плохо. — Кажинный день убоину лопаютъ, идола! Да, еще что: я какъ-то въ пятницу зашелъ въ застольную, а они молочище трескаютъ! ахъ, пусто бы вамъ... Ну, и хваторы у нихъ — ничего себѣ, чистыя хваторы: иная въ родѣ какъ горница, напрямѣръ.

По мѣрѣ Можѣва разсказа, лицо Илья Петровича все болѣе и болѣе просвѣтлялось и насмѣшливая улыбка уступала мѣсто совершеннѣйшей радости.

— Такъ не идутъ къ нему домохозяинные мужики! — воскликнулъ онъ съ видомъ торжества.

— Кому охота въ батракъ запрягаться,—сказалъ ямщикъ.— Помѣсячно мы еще наймаемся: деньги занадобятся и наймешься иной разъ, а чтобъ въ батраки — нѣтъ, не наймаемся. Положенья у насъ такого нѣтъ, чтобъ въ батраки удалиться.

— Такъ, такъ,—одобрительно произнесъ Илья Петровичъ,—

молодцы! Такъ и храните свои старые порядки... Крестьянскій вашъ строй не въ примѣръ лучше батрацкаго... Только вотъ пѣсни у васъ подлыя,—добавилъ онъ съ грустью.

Мокшѣй подумалъ, хотѣлъ что-то отвѣтить, но почесалъ концомъ кнутовища спину и ничего не отвѣтилъ. А между тѣмъ телѣжка втащиалась на возвышенность. «Эге!» — сказалъ Илья Петровичъ, и больше ничего не сказалъ, а заслонился ладонью отъ солнца и не отрываясь сталъ смотрѣть въ даль.

Волхонка, дѣйствительно, была видна отсюда какъ на ладони. Каменные флигеля надворныхъ построекъ, высокая англійская мельница, длинныя конюшни и сарай, все это привольно раскинулось въ долинѣ и весело блистало красными и зелеными своими кровлями. Около усадьбы синѣло озеро и толпился громадный садъ, переполненный хлопотливымъ грацинымъ шумомъ. Въ саду возвышался барскій домъ, неуклюжій какъ черепаха.

Ниже, озеро замыкалось длиннѣйшей плотиной и двухъярусная мельница сквозила черезъ голыя ветлы, наполняя окрестность внушительнымъ грохотомъ. За мельницей раскинулось село, съ улицей черной какъ траурная лента и, вѣроятно, очень вязкой, потому что лошаденка съ бочкой стояла среди нея въ безнадежной неподвижности. Въ концѣ села бѣлѣлась большая, одноголовая церковь, протанувшая сквозную ограду свою къ самому озеру. А за озеромъ вставали холмы однообразными очертаніями; танулись бурныя поля, изнизанныя лужами, сверкающими на солнцѣ; краснѣли таловые кусты, круглые какъ шапки и насквозь пронизанные какою-то крѣпкой свѣжестью; а тамъ, за кустами, синѣла и уходила безъ конца загадочная даль.

И чѣмъ больше смотрѣлъ на окрестность Илья Петровичъ, тѣмъ жутче и тревожнѣе замирало его сердце. Все его существо напряглось широкими ожиданіями. Какое-то восторженное чувство непрерывными и дружными волнами подмывало его, перехватывало ему дыханіе... Синяя даль дразнила загадочнымъ своимъ трепетаньемъ. Пѣсни жаворонковъ, тонкимъ серебромъ стоявшія въ высотѣ, и веселый птичій гамъ въ долинѣ, казалось, въ немъ самомъ будили какіе-то звуки, бодрые и крѣпкіе, и наполняли всю его душу трезвой и ненасытной жадной жизни.

— Пошелъ, Мокшѣй! — закричалъ онъ, вздыхая полной грудью.

Мокшѣй поправилъ свою шапчонку, плюнулъ въ руки, держуль возжами, крикнулъ, и пара понеслась во всѣ ноги къ деревянному флигельку, пріотившемуся около барскаго дома.

II.

— Тутъ и есть Захаръ Ивановичъ,—вымолвилъ ямщикъ, оставившая лошадей около крыльца. Илья Петровичъ выгнѣвъ изъ телѣжки и, путаясь въ своей дахѣ, поднялся на ступеньки. Дородная баба въ ситцевомъ сарафанѣ столкнулась съ нимъ въ дверяхъ.

— Вамъ кого?—спросила она.

— Захара Ивановича.

— Въ полѣ онъ. Вы по какой части—купецъ, ай какъ?

— Ни по какой,—усмѣхалась, отвѣтилъ Илья Петровичъ, — я членъ географическаго общества.

Баба въ недоумѣвающемъ испугѣ поглядѣла на него.

— Бери поклажу-то, шалава!—закричалъ Мокшѣй,—видишь, въ хозяйну гость прѣѣхалъ. Онахѣла, шалава!

Баба рванулась и побѣжала къ телѣжкѣ. А на встрѣчу, Илья Петровичу выскочилъ еще заспанный мальчикъ въ нанковой поддевиѣ и, ужъ безъ всякихъ распросовъ, распахнулъ передъ нимъ двери въ комнаты. Сконфуженная баба суетливо выбирала изъ телѣжки вещи. Мокшѣй подшучивалъ надъ ней: «Эхъ ты, макрида! Въ хозяйну гость прѣѣхалъ, а она — «по какой части»? Погоди, онъ тебѣ еще покажетъ часть-то эту...» — Видали!—возражала баба. — «Увидишь!» — подсмѣивался ямщикъ и тутъ же спросилъ въ скобкахъ: «солдатка, что ль?» на что, однако, не получивъ отвѣта. Наконецъ, баба захватила въ одну руку подушку съ узоромъ, а въ другую небольшой парусинный сакъ-вожатикъ, и спросила:

— Откуда ты его приволокъ?

— Съ полустанка, — отвѣтилъ Мокшѣй и добавилъ: — говорить, все лѣто проживу.

Баба покачала головой и въ задумчивости понесла поклажу.

Немного спустя, мальчикъ вынесъ Мокшѣю деньги и остановился около него въ ожиданіи. «Всѣ что ль?»—спросилъ онъ,ковыряя въ носу. Мокшѣй помусолилъ зелененькую бумажку, пересчиталъ два раза серебряную мелочь, подумалъ и, вдругъ разсмѣявшись, вынулъ изъ навухи кошель. «Полтинникъ за пѣсни прожертвовалъ!..» сказалъ онъ, старательно упрятывая деньги; а такъ какъ тутъ снова вышла баба въ сарафанѣ, то онъ снова не преминулъ подшутить надъ ней: «Погоди, узнаешь по какой части!» произнесъ онъ, ухмыляясь во всю бороду и, пересѣвъ въ задокъ телѣжки, направился въ деревню. А баба долго стояла

и смотрѣла ему въ слѣдъ и думала о его ядовитыхъ намекахъ. И вдругъ съ удовольствіемъ улыбнулась и стала думать о гостѣ. «Эка у него руки-то какія:—бѣлыя, пребѣлыя!» вспомнила она и опять улыбнулась.

Илья Петровичъ умылся съ помощью заспаннаго мальчишки и, облачившись въ куцое пальто, вышелъ на крыльцо. Съ крыльца вся усадьба была видна до мелочей. Было видно, какъ около конюшни гоняли на кордѣ вороного жеребца, и кучеръ мылъ шарабанъ, ослѣпительно сверкавшій на солнцѣ лакированными своими щитомъ; какъ къ одному изъ флигелей съ тяжелымъ скрипѣніемъ тащилась бочка; какъ къ заднему крыльцу барскаго дома пробѣжалъ бѣлоснѣжный поварь, сжимая нодъ мышкой мѣдный противень... А въ саду невыносимо кричали грачи и слышался непрерывный трескъ ломавшихся вѣтвей. Вдали гремѣла мельница.

И задумался Илья Петровичъ. Онъ вспомнилъ такую же весну, и такой же гамъ грачинный и безоблачное небо, ласково распростертое надъ убогимъ уѣзднымъ городкомъ, затераннымъ въ лѣсной глуши... И вдругъ какая-то тоскливая полоса пробѣжала по немъ смутнымъ и непріятнымъ вѣяніемъ. Сердце какъ-будто защипало... Такъ въ ясный день неожиданная туча внезапно заслоняетъ солнце и бросаетъ сумрачную тѣнь на золотое поле. Илья Петровичъ всталъ и тихо провелъ рукою по лицу. «Пойду-ка я въ садъ!» для чего-то громко подумалъ онъ, и спѣшно зашагалъ по направленію къ саду.

Волхонскій садъ затѣянъ былъ на широкую руку. Куртины яблонь часто перемежались въ немъ аллеями и рощами. По одной такой аллеѣ Илья Петровичъ пошелъ къ рѣкѣ. Слѣды его ногъ четко обозначались на влажной землѣ. Отовсюду доносились къ нему раздражающій запахъ прѣлыхъ листьевъ, земли и какой-то вѣрнопой и холодной свѣжести. Дыханіе его стѣснялось этой свѣжестью и сердце билось въ радостномъ и торопливомъ безпокойствѣ... А деревья стояли вокругъ него и молчали въ стыдливой истомѣ. Все въ нихъ какъ будто напряглось кроткимъ и терпѣливымъ ожиданіемъ; и все говорило объ этомъ ожиданіи: красноватая вѣтвь березы, липа, свѣжая и влажная, нѣжныя почки гибкой вербы... Развѣ что, рѣдкіе дубы, да сосны, съ ихъ угрюмой зеленью, пребывали равнодушны, и съ высокомерною величавостью взирали на мелкій людъ, изнывавшій въ ожиданіи жизни.

Но рѣка убѣгала отъ Ильи Петровича и аллея коварными зигзагами уходила въ сторону. Тогда онъ оглянулся. Голубой

блескъ воды тамъ и сямъ сквозилъ чрезъ ольховую рощу. Онъ перешелъ поляну, усыпанную молодыми яблонями, и попирая поبلекшую траву, съ легкимъ порохомъ проникавшую подъ его ногами, вступилъ въ рощу. Птичій гамъ оглушалъ его. Онъ остановился среди кучи громадныхъ деревьевъ, униженныхъ грачиними гнѣздами, и прислушался. Непрестанный трескъ вѣтвей, тяжелый трепетъ крыльевъ, звонкое карканье на всѣ тоны, начинающій отъ пронзительнаго дисканта и кончающій басомъ хрипящимъ точно съ переносомъ, — вся эта безтолковая и нелепая суетня какъ-то назойливо и весело раздражала его нервы. Онъ чувствовалъ, что въ немъ закипаютъ какіе-то порывы и неудержимо встаетъ потребность движенія. И онъ пошелъ по рощѣ, весь охваченный этими порывами и счастливый, какъ ребенокъ. Въ вышнѣхъ съ тонкимъ и жаднымъ пискомъ кружились копошась. Подъ ногами ломались крѣпкія сучки, оброненные грачами и мягко шелестѣли влажные листья. Голубой блескъ рѣки сквозилъ чаще и безпрестанно ширился.

Вдругъ силуэтъ осѣдланной лошади ясно и рѣзко обозначился сквозь деревья. «Вотъ чортъ!..» невольно воскликнулъ Илья Петровичъ и вышелъ изъ рощи. А на его восклицаніе раздалось легкое: «ахъ!» Тогда Илья Петровичъ въ смущеніи оглянулся. Передъ нимъ узкой и желтоватой полосой тянулся берегъ, дальше сгнѣло озеро, усыпанное островами и бурными купами камыша, а на берегу стояла барыня въ синей суконной амазонкѣ. Илья Петровичъ хотѣлъ-было снова возвратиться въ рощу, и даже сдѣлалъ уже шагъ назадъ, но было поздно: барыня его замѣтила и двинулась въ нему на-встрѣчу. Тогда и Илья Петровичъ быстро посмотрѣлъ на нее. Барыня сворѣй была дѣвушка: любая маменька семерыхъ дочерей невѣсть не дала бы ей болѣе девятнадцати лѣтъ. И лицо этой дѣвушки, блѣдное и надменное, понравилось Ильѣ Петровичу. Но, впрочемъ, онъ опустилъ глаза, когда она скользнула по немъ пристальнымъ и блестящимъ взглядомъ. Онъ замѣтилъ только, что она съ разсвѣтливостью усмѣхнулась.

— Не можете ли вы помочь мнѣ сѣсть на лошадь? — сказала она.

Онъ неуклюже наклонилъ голову въ знакъ согласія и подошелъ къ ней. Она погладила лошадь — великолѣпную караковую кобылу съ звѣздой на лбу, подозрительно шевельнувшую ушами при приближеніи Ильи Петровича, и ловкимъ движеніемъ вскочила на сѣдло. Илья Петровичъ почти не почувствовалъ тяжести на той рукѣ, которой предупредительно поддер-

жалъ барышню; онъ только почувствовалъ необычайно пріятное ощущеніе теплоты, внезапно охватившей его тихими и мягкими волнами, да еще то, что лицо его нестерпимо запылало.

— Ну теперь, давайте знакомиться, — шаловливо произнесла барышня, подтягивая поводъ и оправляя на лошади спутавшуюся гриву: — вы вѣдь, конечно, пріѣзжіе? И конечно, интеллигентъ? А я здѣшняя, и совсѣмъ первобытная. Я — Варвара Алексѣевна Волконская.

Ильѣ Петровичу почему-то ужасно понравился комическій характеръ представленія. Онъ мгновенно же пересталъ краснѣть и приподнял смѣнную свою шапочку, петербургскаго фасона.

— Членъ географическаго общества и къ тому же сочинитель-съ — Ильѣ Петровичъ Тутолминъ, — отчеканилъ онъ.

— Ахъ, господинъ Тутолминъ! — воскликнула барышня и сконфузилась. — Васъ еще ждалъ Захаръ Ивановичъ... Простите, пожалуйста!..

— Въ чемъ-же-съ?

— Да какъ же!.. Ахъ, я какая!.. Вѣдь вы сочинитель — вѣдь съ вами какъ надо: *tiré à quatre épingles*... — и насмѣшливая струна снова зазвенѣла въ ея тонѣ.

Тутолминъ поклонился.

А лицо барышни являло видъ явнаго возбужденія. Маловая блѣдность смѣнилась въ немъ какимъ-то теплымъ и притягательнымъ румянцемъ, который Ильѣ Петровичъ могъ бы принять за легкій загаръ, если бы дѣло происходило въ юлѣ.

— Ахъ, вамъ непременно будетъ скучно въ Волконѣ!.. — зашебетала барышня, — эта Волконѣ такая несчастная... Вы знаете — здѣсь ни общества, ни развлеченій... И притомъ вообще-то провинція мила! Куда ни посмотрите: дичь какая-то, рутина!.. — Но вы, конечно, часто будете бывать у насъ? Я буду очень, очень рада. И папѣ будетъ радъ. И вы, пожалуйста, безъ церемоній!

«Эге!» — подумалъ Ильѣ Петровичъ, но сказать ничего не сказалъ, а только обидно поглядѣлъ на барышню. И та какъ будто поняла этотъ взглядъ. Она надменно искривила губки, сухо кивнула Тутолмину головой своей, увѣнчанной красавой широкополой шляпой, и тихо тронула лошадей... Но ея глубокіе глаза не потеряли своей живости и съ лица не сходило возбужденіе.

А Тутолминъ послѣ ея отъѣзда выругался и сталъ упорно смотрѣть въ даль. Но въ душу его уже не сходили поэтическія впечатлѣнія, и только какое-то сухое и скучное недовольство обни-

мало ее. «И за какимъ дьяволомъ наболтала чепухи!»—съ досадою думалъ онъ:—«рутина!.. Сами-то вы наковни—поглядѣть на насъ... Просвѣтители! либералы!» и тутъ же, неприязненно кряпнувъ, возвратился въ усадьбу.

Тамъ его дожидался Захаръ Ивановичъ. Разрѣзая послѣдній номеръ «Земледѣльческой Газеты», онъ сидѣлъ за стаканомъ остывшаго чая и, отъ времени до времени, поглядывалъ на дверь. Онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ Тутомина. А странное дѣло,— между ними почти не было такъ называемыхъ точекъ соприкосновенія. Одинъ былъ чистокровный агрономъ и безъ засоса не вспоминалъ о своемъ путешествіи въ Бельгію. Другой—не то что не любилъ—презиралъ агрономію, а съ нею, нѣчего грѣхъ таить, и всевозможныя Бельгіи на свѣтъ... Одинъ благоговѣлъ передъ Маресомъ съ его законами «Гегелевой триады», другой—не выносилъ его за извѣстную насмѣшечку надъ миссіей русской общины и, когда дѣло касалось будущаго Россіи, яростно доказывалъ несострательность его законовъ. Но главное-то, вотъ какая была между ними разница. Тутоминъ былъ по преимуществу человекъ «принципіальный»—нѣкоторые находили: даже до налѣшества. За густой сѣтью «принциповъ» жизнь въ большинствѣ проходила передъ нимъ рядомъ смутныхъ и тенденціозныхъ картинъ и непрерывно терзала его нервы, разливала въ немъ жолчь... Захаръ Ивановичъ выше всего ставилъ практику и обыкновенное житейское дѣло; и въ это дѣло уходилъ по самыя уши. Оно его увлекало помимо своихъ принциповъ,—иногда одной формой, одними подробностями своими увлекало. Правда, въ агрономію онъ ударился изъ-за принципа. Но чуть только пробитейнская розь, да суперфосфатное удобрение открыли передъ нимъ свои таинства,—онъ впился въ нихъ, какъ клещъ (простите за вульгарное сравненіе!), и всевозможныя принципы отступили у него на задній дворъ. Рѣдко, рѣдко, въ спорѣ съ какимъ-нибудь пріателемъ «народникомъ», онъ съ обычной своей ужимкой проворнаго и мягкаго медвѣжонка вытаскивалъ эти «принципы» на свѣтъ Божій и утомлялъ свою память настойчивымъ повтореніемъ «непогрѣшимыхъ» аргументовъ «Капитала».

И, понятно, Ильѣ Петровичу, болѣе чѣмъ кому-либо, доводилось расшевеливать гнѣвные Захаръ-Иванчевы мозги и заставлять его обметать пылъ съ боговъ, бездѣйственно занимавшихъ позицію. Ильѣ Петровичу доводилось даже вводить во

гнѣвъ Захара Иваныча, а это было дѣломъ почти безпримѣрнымъ. И однакоже они любили другъ друга.

Впрочемъ, не слишкомъ ли я отступилъ отъ разсказа и не заставилъ ли пріятелей провести время въ неловкомъ ожиданіи гѣтописца? *Поспѣшимъ.*

— Что, буржуй, донкихотствуешь все! — ехидно замѣчалъ Тутолминъ, дружески хлопая Захара Иваныча по плечу.

Но Захаръ Иванычъ глоталъ чай и добродушно улыбался. Человѣчекъ онъ былъ толстенькій, и наружностью нисколько не походилъ на злополучнаго рыцаря изъ Ламанчи.

— Слыхали! — не унимался Илья Петровичъ: — мужички за блаженнаго считаютъ... Добился!

— Ну, ужъ и за блаженнаго.

— А ты какъ думалъ? Ты думалъ «поймимся и припадѣмъ» заповуть? Нѣтъ, врешь. Ты вотъ «убошной» ихъ смущаешь, а они жрутъ себѣ мякнну, да въ усь не дуютъ. Попрыгай-ка съ ними!..

Но Захару Иванычу рѣшительно не хотѣлось спорить. Ему такъ пріятно было сидѣть въ своемъ креслицѣ, обтянутомъ скромной холстинкой, и смаковать душистый сладкій чай, и смотрѣть на нервное и худое лицо милаго человѣка...

— Ну вотъ еще... Образумятся, — мягко возразилъ онъ.

Но такое уклончивое отношеніе Захара Иваныча къ «принципамъ» какъ будто раздражало Илью Петровича. Онъ вдругъ выпилъ залпомъ свой стаканъ и произнесъ съ видомъ плохо скрываемаго торжества:

— Да ужъ пѣсенка ваша слыта, Буржуй-Буржуевичъ!.. Журнальцы читаете-съ? Али не употребляете окромя сихъ словъ? — онъ ткнулъ пальцемъ въ развернутый листъ «Земледѣльческой Газеты». — А коли употребляете — нечего вамъ и укорство свое оказывать: продавайте вы на словъ свои машинки, и ступайте мужиковымъ ребятишкамъ сопли утирать!

— Это почему же? — въ нѣкоторой обидѣ спросилъ Захаръ Иванычъ.

— А! значить, не употребляете. Такъ и зналъ... А напрасно-съ. Хорошія тамъ есть статейки за послѣднее время; — и вдругъ со смѣхомъ воскликнулъ: — Другъ! вѣдь Марксу-то твоему карачунъ во всѣхъ статьяхъ!..

Но только-что Захаръ Иванычъ, внезапно вошедшій въ задоръ, хотѣлъ ополчиться на эту ересь, какъ въ дверяхъ появился гладко обритый и суровый человѣкъ въ кашемировомъ сюртукѣ, и важно доложилъ:

— Алексѣй Борисычъ изволятъ просить васъ съ гостемъ чаю откушать.

III.

— Что это ты, Варя, какая странная?—замѣтилъ Алексѣй Борисовичъ Волхонскій, когда Варвара Алексѣевна, возвратившись съ прогулки, вошла къ нему въ кабинетъ. И, дѣйствительно, она могла показаться странной. Возбужденіе не покинуло ее. Вся она была еще полна впечатлѣніемъ недавней встрѣчи. Она еще не забыла ни обиднаго взгляда, брошеннаго на нее Тутолминимъ, ни то, что онъ назвался «сочинителемъ». Ей казалось, что въ ея жизнь, сѣрую и однообразную, дерзкой и дразнящей полосой ворвался свѣтлый лучъ. А между тѣмъ, она не помнила лица Ильи Петровича, и не могла бы сказать, какого цвѣта его волосы. Она помнила только, что этотъ чловѣкъ внесъ съ собой какое-то чувство свѣжести и новизны, и обыкновенную пятницу превратилъ для нея въ интересный праздникъ.

— Ахъ, папá, какъ ты милъ сегодня!—воскликнула она въ отвѣтъ на замѣчаніе Алексѣя Борисовича, и шаловливо спутала его косматую шевелюру:—ты опять съ своими противными гравюрами?

Алексѣй Борисовичъ тихо отстранилъ ее.

— Вотъ ты и институтъ миновала, а приобрѣла это институтское словечко: «противный»,—съ мягкой насмѣшливостью сказать онъ.

— А ты забываешь, что у насъ «дамы» были изъ института!—возразила дочь, и добавила:—опять отъ Гупиля?

Алексѣй Борисовичъ оживился.

— И на этотъ разъ, премилыя. Ты посмотри-ка вотъ, съ картины Мейссонье... Или Коро... Посмотри, какая прелесть! Какъ хороши эти вязы!.. Или, эта,—это Руже-де-Лиль; не знаешь? Ахъ, я и забылъ, что въ гимназій этого не полагается,—онъ снова улыбнулся насмѣшливо:—это авторъ марсельезы, m-lle, а марсельеза!..

— Да знаю, знаю, ужъ замолчи,—съ неудовольствіемъ перебила Варя, и затѣмъ, отстранивъ осторожнымъ движеніемъ руки гравюры, сѣла на ручку кресла.—Ты знаешь,—сказала она съ видомъ кокетливаго испуга,—къ Захару Ивановичу гость пріѣхалъ, и, представь себѣ, сочинитель!

— Ну?—вопросительно произнесъ отецъ.

— Какъ «ну»... Надо пригласить его.

— Приглашай.

— Ахъ, какой ты, папá...

Алексѣй Борисовичъ снова усмѣхнулся.

— Такъ не прикажешь ли ты благоговѣть мнѣ предъ твоимъ сочинителемъ,—вымолвилъ онъ.—Да я и не помню такого... Какъ бишь его?

— Тутолминъ, папá,—Илья Петровичъ Тутолминъ.

— Не помню. Ивана Сергѣевича Тургенева помню, и Аполлона Николаевича Майкова помню, а такого не помню.

Варя медленно отшатнулась отъ отца.

— Злой ты, папá,—сказала она съ упрекомъ,—къ чему это? Вѣдь это же молодой писатель.

— Ну, хорошо, хорошо,—поспѣшно произнесъ Алексѣй Борисовичъ и поцѣловалъ руку Вари:—конечно, не то—то было время теперь другое... Прости. Это, вѣроятно, новыя птицы. Зови, зови ихъ.

Варя пожала плечами и вышла изъ кабинета. «Какой странный этотъ папá», подумала она, но тотчасъ же вспомнила сцену за рощей и улыбнулась. И вдругъ почему-то ей стало очень весело. Она быстро вбѣжала на верхъ, въ свою комнату, и напѣвая, подошла къ окну. Оттуда былъ видѣнъ садъ и чернѣлась ольховая роща.

Вслѣдъ за Варей, вошла степенная женщина въ бѣлосѣжномъ передникѣ и съ выраженіемъ строгаго достоинства въ красномъ, хотя и пожелтомъ лицѣ. «Изволите переодѣваться?»—спросила она. «Надя, нельзя ли намъ, голубушка, раму выставить! Вѣдь это такъ легко»...—сказала Варя и ласково заглянула въ лицо Надежды. Та нѣсколько подумала, но спустя немного, принесла клещи и поварской ножъ, и, по прежнему сохраняя видъ неповолебимой сѣновитости, очень ловко вынула и унесла зимнюю раму. Тогда Варя распахнула окно. Шумный птичій гамъ, вмѣстѣ съ свѣжей и пахучей струею воздуха, стремительно ворвался въ комнату... Варя отшатнулась съ легкимъ крикомъ, но затѣмъ тотчасъ же жадно вдохнула и приняла къ окну. Какая-то радостная тревога охватила ее. Сердце билось порывисто и сладко... Вся она какъ будто застыла и замерла въ чуткой неподвижности. Она ни о чемъ не думала, она только отдавалась наплыву какихъ-то грѣзъ, легкимъ и таинственнымъ какъ видѣнія, да слухала, да смотрѣла, смотрѣла неотступно...

А смотрѣть было на что. Солнце садилось, и за голыми деревьями сада, жарко погорала заря. Иногда надъ этими деревьями

взлетали грачи и кружились небольшими стадами, и черными пятнами пестрили небо. Широкое озеро важно покоилось среди островов и неподвижных камышей, ясно отражая въ своей пламеняющей поверхности и эти острова, и купы камыша, залитого розовымъ свѣтомъ зари, и холмистыя очертанія того берега. Въ высокомъ небѣ красиво рѣбли золотныя полосы. Дали раздвинулись и необозримая линія западнаго горизонта незаметно утопала въ горячемъ блескѣ заката. Въ прозрачномъ воздухѣ, чутьемъ и неподвижномъ, неустанно раздавались звуки. Нестройное карканье грачей и запоздалый пискъ кончика, ретивое ржаніе лошади и непрерывный грохотъ снастей на водяной мельницѣ, — все сливалось въ одномъ бодромъ и хлопотливомъ концертѣ.

— Скоро ли, барышня, одѣваться будете? — въ нѣкоторомъ нетерпѣнн спросила Надежда, и Варя очнулась. Усердной проведя она ладонью по глазамъ (они были влажны и туманны), медленно и глубоко вдохнула, какъ бы упиваясь острымъ и прохладнымъ воздухомъ, и, въ тихой задумчивости, затворила окно.

Но, чрезъ нѣсколько минутъ, она снова вспомнила встрѣту свою съ Тутолминымъ. Какое-то безпокойное нетерпѣніе загорѣлось въ ней. И почему-то обидный его взглядъ опять ей припомнился. «Погоди же!» — громко сказала она, и долго обдумывала, какое надѣть ей платье: синее ли изъ тяжелой французской вигоны или сѣрое, которое отецъ недавно выписалъ ей отъ monsieur Ворта. А остановившись на синемъ, она долго примѣривала рюшъ, и долго смотрѣла въ трюмо, хорошо ли отгѣняетъ этотъ рюшъ вящую блѣдность ея лица. И, вѣроятно, результаты примѣриванія въ концѣ-концовъ полюбились ей: губы ея сложились въ гордую и самодовольную улыбку и въ темныхъ глазахъ промелькнулъ радостный блескъ.

Тогда она снова подошла къ окну, за которымъ медленно потаскала зарю. Но теперь она уже не распахнула окно, — она вспомнила, что можно простудиться и схватить бронхитъ, — но достала изъ своего столика тетрадку, и при слабомъ мерцаніи зари, стала переписывать въ нее стихи изъ толстой книги, переплетенной въ бархатъ. А когда переписала — прочитала ихъ съ довольнымъ видомъ и снова спрятала тетрадку. И опять долго стояла у окна и мечтательно смотрѣла на окрестность.

Алексѣй Борисовичъ, по уходѣ Вари, не прикоснулся къ гравиорамъ. Онъ всталъ и въ задумчивости началъ ходить по

комнатѣ. Въ широкія окна кабинета тоже смотрѣлась заря. Тихимъ и ровнымъ румянцемъ заполоняли она стѣны, увѣшанныя гравюрами, и бойкими пятнами свѣтилась на бронзовыхъ лапахъ грифовъ, поддерживавшихъ тяжелыя портьеры. Смеркалось. Угли кабинета раздвигались и отступали въ темноту. Силуэтъ амура, на каминныхъ часахъ, работы Шопена, сдѣлался мрачнымъ и явственно отдѣлился отъ зеркала. А Алексѣй Борисовичъ все ходилъ и задумчиво поглаживалъ пышную свою бороду, насквозь пронизанную серебристой сѣдиною. Смутная тѣнь однообразно слѣдовала за нимъ, достигая головой лѣнивого потолка и медлительно колеблясь. Наконецъ, Алексѣй Борисовичъ остановился и посмотрѣлъ на потухающій западъ. «Сочинители!» съ печальной укоризною произнесъ онъ, и горькія воспоминанія въ немъ шевельнулись... Онъ вспомнилъ, какъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ весьма приличный молодой человѣкъ въ сюртукѣ отъ Шармера и съ ленточкой иностраннаго ордена въ петлицѣ бродилъ изъ одной редакціи въ другую съ шикарнымъ портфелемъ подмышкой. И въ каждой редакціи изъ портфеля выгружалась объемистая рукопись, и каждыя три мѣсяца, рукопись эта съ холодной улыбкою возвращалась весьма приличному молодому человѣку и снова погружалась, въ шикарную портфельку. О, сколько тайныхъ мукъ вынесъ весьма приличный молодой человѣкъ, и какая закипала въ немъ ненависть къ людямъ съ вѣчной улыбкой на устахъ и съ вѣчнымъ прищѣвомъ: «Неудобно для печати!» Какъ бы охотно онъ наговорилъ дерзостей этимъ людямъ и съ какимъ бы торжествомъ посмотрѣлъ на ихъ лица, смущенныя скверной неожиданностью. Но онъ былъ весьма приличный молодой человѣкъ, и получая обратно несчастную свою рукопись, только вздыхалъ и въ недоумѣніи пожималъ плечами. За то, впоследствии, за границей, куда удался онъ на время крестьянской реформы, съ какимъ злорадствомъ встрѣтилъ онъ вѣсти о невзгодахъ, постигшихъ журналы, отринувшіе его трудъ, и съ какою живостью представлялъ себѣ благополучныя лица редакторовъ, обезображенныя неутѣшной скорбью... Этотъ молодой человѣкъ былъ Алексѣй Борисовичъ Волхонскій.

«И все-то мнѣ не удавалось!» грустно подумалъ онъ, примѣчая, какъ сумрачныя тѣни ложились на холмы того берега и въ небѣ зажигались звѣзды. И снова вспомнилъ надоедливую вереницу скучныхъ картинъ. Вспомнилъ, какъ безпутно прожилъ онъ выкупныя свидѣтельства въ этихъ безпутныхъ венеціанскихъ лагунахъ... Вспомнилъ, какъ женился онъ и жестоко мучилъ простушку жену своей артистической требовательностью...

Вспомнилъ свои неудачи съ рабочими, выписанными изъ Саксоніи, и свои наивные подвиги въ качествѣ сельскаго хозяина... И тутъ смиренный Захаръ Ивановичъ предсталъ предъ нимъ. «Какъ это хорошо!» прешенталъ Волхонскій. Захаръ Ивановичъ явился въ самую инкантиную минуту: Алексію Борисовичу опротивѣло хозяйство и приближался срокъ уплаты процентовъ въ общество взаимнаго посемельнаго кредита. Захаръ Ивановичъ все сдѣлалъ: неистощимой своей оборотливостью онъ отстранилъ кризисъ и освободилъ Волхонскаго отъ несносныхъ занятій... И теперь Алексій Борисовичъ вступилъ въ тихую и спокойную струю. Онъ удалился въ великолѣпный свой кабинетъ, окружилъ себя книжками и журналами, приобрѣлъ творенія Каррьера и Куглера, обременилъ заказами Гунгеля въ Парижѣ и Дациаро въ Петербургѣ, и почиталъ... Правда, вотъ ужъ скоро семь мѣсяцевъ какъ дочь окончила гимназію и непрерывнымъ щебетаньемъ своимъ нарушаетъ лѣтний порядокъ дома. Но ему нравится это шумливое и благородное существо. Съ его появленіемъ дни какъ будто сдѣлались короче и строгая кабинетная тишина прониклась какими-то ласковыми тонами. И притомъ это появленіе не привнесло ему особыхъ заботъ. Онъ, слава Богу, не рутинеръ! Онъ понимаетъ, что свобода (*libertà*, — перевелъ онъ внутренно) — первое условіе порядка, и никогда не задумается онъ надъ тѣмъ, чтобы въ щедрой дозѣ наградить Варю этой свободой. Онъ врагъ стѣсненій. Не даромъ въ салонахъ его и теперь считаютъ неисправимымъ фрондеромъ... И онъ опять вспомнилъ свои успѣхи въ прогрессивныхъ кружкахъ конца пятидесятихъ годовъ. «Отчего бы?» подумалъ онъ въ недоумѣніи. И вдругъ вспомнилъ о новомъ знакомствѣ дочери. «Сочинители! — съ горечью повторилъ онъ, и затѣмъ добавилъ съ ироніей: — умѣть ли грамотѣ!» Но послѣ этого выпрямился и, какъ будто совершая какой-то долгъ, дернулъ сонетку.

— Пригласи, Степанъ Степановичъ, Захаръ Ивановича чай кушать и скажи, что просить, молъ, съ гостемъ пожаловать, — приказалъ онъ гладко обриту и суровому человѣку въ кашемировомъ сюртукѣ, быстро и неслышно явившемуся на зовъ.

IV.

Чай пили въ маленькой столовой. При входѣ въ эту столовую Илья Петровичъ не могъ побѣдить въ себѣ нѣкоторой неловкости, и все запахивалъ лѣвую полу своего сюртука, при-

обруженнаго на Аправсиномъ. Ему все казалось, что «галантины» хозяйка замѣтитъ предательское пятно, изображенное на этой полѣ жирными щами Палкинскаго трактира, съѣденными въ честь перваго его очерка «изъ народнаго быта». Но онъ скоро оправился, и когда сѣлъ, даже позволилъ себѣ свободно протянуть ноги. Захаръ Ивановичъ держалъ себя домашнимъ человекомъ: онъ и явился-то сюда въ высокихъ полевыхъ сапогахъ. Волхонскій, въ своемъ бархатномъ пиджакѣ и бѣлоснѣжныхъ воротничкахъ à la Delavay, нѣсколько модничалъ; густые кудри его сѣдой головы были расчесаны съ особенной тщательностью. Наливала чай все та же строгая Надежда. Варя сидѣла въ глубокомъ креслѣ и медленно мочила въ крошечной чашечкѣ крошечный кусочекъ бисквита. При входѣ Ильи Петровича, она незамѣтно скользнула по немъ взглядомъ и видимо осталась недовольна: въ своемъ отвратительномъ спортулкѣ, съ воротничкомъ, отставшимъ отъ шеи на добрую четверть, съ своими вѣчными пополюзовненіями спрятать куда-то руки, окаямленныя смятыми манжетами, онъ былъ куда какъ не презентабеленъ. А тутъ еще нелегкая догадала его, умываясь, смочить рѣдкіе волосенки свои и провести въ нихъ рядъ!.. Нѣтъ, онъ совсѣмъ былъ неинтересенъ. За то послѣ третьяго стакана онъ замѣтилъ Варю и нашелъ ее очень привлекательной. И пожалуй былъ правъ. Въ матовомъ свѣтѣ лампы лицо дѣвушки выгодно выделялось тонкими и нѣжными своими чертами, и горделивая улыбка особенно шла къ смѣлому и красивому чертанію ея губъ. И когда Ильѣ Петровичу налили четвертый стаканъ, онъ не утерпѣлъ, чтобъ еще не взглянуть на дѣвушку. И такой граціозной показалась она ему въ своемъ темномъ платьѣ, ниспадавшемъ по ней тяжелыми складками! Ему даже понравились руки ея, мягкія и бѣлыя какъ снѣгъ, и эти изящные пальчики съ осторожностью державшіе кусочекъ бисквита...

Алексѣй Борисовичъ обратился къ нему съ вопросомъ:

— Петербургъ, по своему обычаю, смѣшнитъ Европу?—спросилъ онъ.

— То-есть, какъ это, — въ недоумѣніи произнесъ Тутолминъ, и моментально же забылъ о барышнѣ: — я думаю, что въ Петербургѣ только и хорошаго есть, что это игнорированіе Европы. Мы ее смѣшили, какъ крестьянамъ землю давали, мы и Миллютинскими мѣропріятіями ее смѣшили... Она всему смѣется. Чего намъ ее не смѣшнить-то?

Волхонскій поднялъ брови.

— Я имѣю честь говорить съ славянофиломъ?—спросилъ онъ.

— Вотъ ужъ нѣтъ, — безцеремонно отвѣтилъ Илья Петровичъ, и вдругъ спохватился: — а впрочемъ клички эти чудны, — вымолвилъ онъ, — другая такъ тебя запутаетъ — ты точно мужикъ въ вихрь...

— Что такое: вихрь? — прервала его Варя.

Отецъ затруднился отвѣтомъ. Илья Петровичъ досадливо сморщилъ брови и сердито проивнесь:

— Сѣтъ изъ бичевомъ. Мужики въ дорогу сѣно берутъ... Чтоже вы величаете славянофильствомъ? — обратился онъ къ Волхонскому.

— А умиленіе передъ сарафаномъ, восторги по поводу подблюдной пѣсни и тому подобной ветоши...

Тутолминъ порывисто постановилъ стаганъ и выпрямился.

— Да-съ, — сказалъ онъ рѣзко, — передъ сарафаномъ не умиляемся, а самобытность цѣнимъ крѣпко. Пѣсню чтимъ, ибо въ ней и поэзія, и слѣды міросозерцанія, не отравленного вашей, съ позволенія сказать, цивилизаціей.

— Поэзія? — прищурившись, проивнесь Волхонскій и, съ дѣланнмъ смиреніемъ, добавилъ: — а впрочемъ, я не знаю, о какой поэзіи вы говорите. Вѣдь господинъ Писаревъ, кажется, упразднилъ поэзію.

— Вы плохо слѣдите за литературой. Писаревскимъ увлеченіямъ былъ предѣлъ. То уже старое время, — сказалъ Тутолминъ.

— Не услѣдишь, — съ тонкой улыбкой возразилъ старикъ, — я старъ, а новизна поспѣшна и суетлива. Но мнѣ пріятно узнать, что въ глазахъ молодежи поэзія снова реставрируется. (Илья Петровичъ принялъ въ стагану). — Но какая же поэзія въ вашихъ пѣсняхъ и вообще въ такъ-называемомъ народномъ творчествѣ? (Экое громкое слово, подумаешь!). Извините меня, но не могу скрыть: это не поэзія, а недоразумѣніе одно. Qui pro quo. Возьмите въ примѣръ сказки: что глупѣй и безсодержательнѣй, — простите... Вѣчный Иванъ-Царевичъ и вѣчный deus ex machina въ лицѣ какой-нибудь шапки-невидимки, палки-дубинки и тому подобной дребедени. Богатства замысла, поэтическихъ подробностей, — не спрашивайте. Возьмите вы братьевъ Гриммовъ и нашего Адамасьева; съ одной стороны какая-то привлекательная загадочность, тонкій и здоровый юморъ, кропотливая постройка замысловатыхъ подробностей, ясное отраженіе быта и міросозерцанія; съ другой — юморъ, если и здоровый, то въ смыслѣ дубины, подробности — аляповаты и наивны до приторности, содержаніе бѣдно. Я разъ въ одной русской сказкѣ, — я

не про земское положеніе говорю, — сосчиталъ слово «опять». Представьте, тридцать-пять разъ повторялось это слово! Ровно тридцать-пять. И все соединяло—извѣстную подробность съ другой извѣстной подробностью, избитое происшествіе съ другимъ избитымъ... А тенденціи! Дуракъ побиваетъ умнаго въ силу выпренихъ нантий какихъ-то—за дурака и Богъ, и добрые люди—и это безпрерывно. Ну потѣши дурака, да знай же и честь. Дальше. Какой-нибудь ловкій прохвость и заведомый каналья героемъ объявляется!.. Забавой, кромѣ мерзости, да холопскаго послушанія въ видѣ единственной добродѣтели, ничего не признается... Помилуйте-сь!.. А это еще вопросъ, почему «людскую молвь да конскій топъ» я за поэзію долженъ признавать... Можетъ, оно еще и не поэзія... Пушкинъ-то и ошибиться могъ: вѣдь не даромъ Мериме на славянскихъ пѣсняхъ-то его подѣлъ...—И Волхонскій вдругъ какъ бы спохватился:—впрочемъ, что же это я о Пушкинѣ...—проговорилъ онъ виноватымъ тономъ.

А Туттолминъ переживалъ странное состояніе. Съ первыхъ словъ Волхонскаго о русскихъ сказкахъ въ немъ закипѣла жестокая злоба къ этому эффектному баричу, такъ покойно развалившемуся въ своихъ мягкихъ креслахъ. Но по мѣрѣ того, какъ Волхонскій говорилъ, злоба эта пропадала и смѣнялась какимъ-то холоднымъ и надобдливимъ опущеніемъ скуки. Онъ вѣло и уже безъ малѣйшаго раздраженія слѣдилъ за жолчными выходками Алексѣя Борисовича, и когда тотъ кончилъ, только для приличія возразилъ ему:

— Но пѣсни...

— Ахъ, пѣсни!—живо подхватилъ Волхонскій, возбужденный собственнымъ своимъ краснорѣчіемъ.—Ну, конечно, какъ же быть поэзіи въ русской народной пѣснѣ. Брызжеть!.. «Во ракутовомъ кусточкѣ лежалъ-потегался молодчикъ»... такъ, кажется? (И охота ему ломаться! думалъ Илья Петровичъ).—Или «Не бѣлы-то снѣги въ полѣ забывались, — забывались у мого милева бѣлокамenny палаты», въ которыхъ какіе-то «писаря» что-то пишутъ... Или «Какъ по матушкѣ по Волгѣ сплывалася неугодушка», и въ восной лодочкѣ подплывалъ «во Татьянину подворью» цѣлый гардеробъ въ образѣ камзола, штановъ и прочаго скарба. («Pardon, Vava!» произнесъ онъ въ скобкахъ). Богъ съ вами, какая же это поэзія!.. Это смѣхъ, это, если хотите, лепетъ ребяческій, а отнюдь не поэзія. А приемы! А этотъ вѣчный и часто совершенно нерезонный переходъ отъ какой-нибудь ивушки въ дѣвѣ, у которой «непарокомъ» развѣзалась оборва

у ланта!.. Или, можетъ быть, скажете, что въ образахъ, въ оборотахъ рѣчи ваши пѣсни прищутъ поэзіей?.. А я вотъ не понимаю этого. Я не понимаю, почему выраженіе: «спѣшки бѣли лопушны» — именно «лопушны» — покрывали всѣ поля, одно поле не покрыто — поле батюшки моего», почему это выраженіе поэтичнѣе, чемъ бы такого:

И ты богиня, о
Я шелъ деревню чрезъ,—
Мужикъ посетъ вино,
Въ жилище крыши безъ...

Всѣ засмѣялись, а Тутолминъ снова подумалъ: «и чего онъ ломается».

— А возьмите изображенія вашихъ пѣсенъ, — съ пуццымъ жаромъ продолжалъ Волхонскій:—возьмите ихніе идеалы. Вотъ герой, пользующійся явнымъ сочувствіемъ пѣсни: «Чисто, щепетко по городу погуливать, онъ еikotaу шубенку за рукавъ ес танцить (каковы!), бѣлъ персицкій вупачень во бѣлыхъ рукахъ несетъ; черна шляпа съ подниманомъ (вы не знаете, что это за штука такая?), черна шляпа съ подниманомъ на руснхъ кудряхъ его...» Хорошъ гусь! — и пренебрежительно добавилъ: — нашла поэзію!

— Видите ли, какая она штука, — совершенно спокойно сказалъ Илья Петровичъ, — спорить намъ бесполезно: между нами органическое непониманіе. Вы говорите про Оому, я — про Ерему.

Вара незамѣтно кивнула головою.

— Но помните, — нѣсколько обидѣвшись, возразилъ Волхонскій:—я вѣдь знаю, что на свѣтѣ есть логика.

— Въ томъ-то и дѣло, что логика-то у насъ разная. Ну, къ чему поведетъ, если я буду вамъ говорить, что трудно себѣ представить болѣе поэтичный оборотъ, чемъ этотъ: «Не шуми, ты мати зеленá дубравушка, не мѣшай мнѣ молодцу думу думать», и что вообще вся эта пѣсня насевозъ проникнута великолѣпнѣйшей образностью и строгой величавостью тона... Вы скажете, что любой сенетикъ Пушкина перещеголяетъ эту пѣсню.

— А эта пѣсня приведена у Пушкина! — живо пронанесла Вара.

— Ей-Богу, не помню-съ — можетъ, и приведена, — небрежно проронилъ Тутолминъ.

— Въ «Капитанской Дочѣ», — напомнила Вара:

— Ей-Богу, не помню-съ, — упрямо повторилъ Илья Петровичъ.

рѣзное словечко или дерево касаясь фактовъ, недоступныхъ обсужденію. И говорилъ, говорилъ неотступно...

Илья Петровичъ все молчалъ и безучастно смотрѣлъ на дымокъ сигары. Но вдругъ онъ вскричалъ: Алексѣй Борисовичъ, покончивъ съ критикой существующихъ безобразій, перешелъ къ рецептамъ и жадно завыдыхалъ о палатѣ лордовъ.

— Не бывать этому!—задорно закричалъ Тутолинь.—Отдавать народъ въ руки баричей и золотушныхъ культуртрегеровъ!.. Вручать его судьбы шайкѣ космополитическихъ хлыщей... Отравлять его вождествѣ фальсифицированными идеалами вылощенныхъ болтуновъ!.. Не бывать этому, почтеннѣйшій господинъ!.. Пока существуетъ Русь, пока живы историческія стремленія русскаго народа, пока вы его не опутали сѣтью вашихъ мѣропріятій жидовско-индустріальнаго свойства,—этому не бывать!..—А, слѣдовательно, *никогда* не бывать!

— Но ты забываешь, Илья, что каждому времени — выраженіе своихъ потребностей, — выѣшался Захаръ Ивановичъ, нѣсколько огорченный непочтительнымъ обращеніемъ Тутолина къ Алексѣю Борисовичу.

— А! Каждому времени!—вѣѣвился въ него Тутолинь:—такъ ты съ своимъ паршивымъ рационализмомъ потребности времени представляешь?.. Врешь!.. Ты раздраженъ плѣнной мысли представляешь, а не потребности... На какого дьявола нужны всѣ твои скоромолки и скоромолки?.. Мужикъ вотъ возьметъ, да взаритъ ренту до чертиковъ, — скоропалки твои и пойдутъ на гвозди... Да, на гвозди-то самые обыкновенные, — зарыве и неуклюжіе, — мужику градушку къ навозницѣ приколачивать... И первый же вотъ либеральный баричъ, — указавъ онъ на Волхонскаго, — пропишетъ тебѣ отставку съ твоими скоросѣйками, и скоросѣйками, ибо прельстится на мужикову сумасшедшую ренту... Кому ты рассказываешь!

— Стало быть, вы науку отрицаете? Интенсивность отрицаете?—зловито освѣдомился Волхонскій.

— Да что онъ!.. — воскликнулъ Захаръ Ивановичъ и безнадежно махнулъ рукою.

— Нѣтъ-съ, не отрицаемъ, — возразилъ Илья Петровичъ, сверкая глазами, — мы только барчаемъ отрицаемъ!.. А поскольку наука народу служить — поклонъ ей земный. Вотъ-съ.

Но тутъ голоса смѣшались въ такую кашу, что трудно было разобраться въ нихъ. И Захаръ Ивановичъ кричалъ, и Илья Петровичъ кричалъ, и даже Волхонскій, раззадоренный неукротимостью Ильи Петровича, утратилъ свою комильфотность и тоже

кричалъ. А Варя весело наблюдала за ними. Правда, она почти ничего не понимала; но она видѣла, что отецъ выходитъ изъ себя и постоянно мѣняетъ тонъ, то придавая ему ядовитое выраженіе, то переполняя его крѣпкимъ смиреніемъ. Что Захаръ Ивановичъ смѣшно краснѣетъ и непрерывно повторяетъ одни и тѣ же доказательства и какъ бы вращается въ какомъ-то заколдованномъ кругѣ... И что Илья Петровичъ какъ будто разбиваетъ своихъ противниковъ, хотя излагаетъ (или, лучше, выкрикиваетъ) очень странныя мнѣнія. И мнѣнія эти интересовали дѣвушку: съ одной стороны они какъ будто ужасно консервативны, но съ другой... съ другой — либерализмъ отца кажется предъ ними чѣмъ-то жидкимъ и мелкимъ. «Мелкимъ!» повторила Варя въ полголоса. «Отчего же это?» подумала она. — Видъ все, что говорилъ отецъ въ этомъ либеральномъ духѣ, такъ ей нравилось прежде! Особенно красота и благородство его выраженій нравились. Почему же теперь — дикія возраженія Ильи Петровича какъ будто вытравили всю суть изъ этихъ благородныхъ выраженій, и они какъ-то праздно звенятъ, безъ толку утомляя вниманіе. «Вотъ фокусъ-то!» — сказала и внутренне усмѣхнулась дѣвушка; — нѣтъ ли во мнѣ сверныхъ зачатковъ какихъ, — консервативныхъ?.. Не перешло ли во мнѣ чего отъ бабушки? (бабушка Варвары Алексѣевны и до сихъ поръ отстаивала арацескіе порядки)... Не потому ли странныя мнѣнія Ильи Петровича привлекаютъ меня?.. — Но тутъ же вслушивалась въ невыразимый крикъ Тутолмина и задумчиво повторяла: «нѣтъ, нѣтъ, онъ не консерваторъ!» И вдругъ ей ужасно захотѣлось проникнуть въ міръ идей, волновавшихъ Илью Петровича, узнать его убѣжденія, перенять отъ него обильныя познанія, которыми онъ такъ легко побивалъ Алексѣя Борисовича, а Захара Ивановича заставлялъ беспомощно топтаться на одномъ мѣстѣ. «Все это, должно быть, очень оригинально», подумала она и пристально посмотрѣла на Тутолмина. Растрепанный, блѣдный, съ горящими глазами, онъ теперь показался ей привлекательнымъ и даже несчастный спутчикъ его показался ей необходимымъ дополненіемъ къ его оригинальной наружности. Будь на немъ сейчасъ изящный фракъ отъ Тедески, ей это можетъ быть и не понравилось бы.

Разошлись поздно. Илья Петровичъ, беззастенчиво возмущенный споромъ, совершенно забылъ о существованіи Вари, и когда она сказала ему: «прощайте же, Илья Петровичъ!» разсѣянно сунулъ ей руку. На дворѣ была тишина. Звѣзды горѣли ясно.

Острый холодок пахучей струйкой доносился из сада. На землѣ лежалъ легкій морозъ.

— Однако ты... — съ мягкимъ упрекомъ произнесъ Захаръ Ивановичъ.

— Не могу я, — угрюмо проворчалъ Тутотминъ.

Въ молчаніи вошли они къ себѣ въ комнату.

— Но согласишься, что все-таки Алексѣй Борисовичъ чело-
вѣкъ гуманный; а въ политическомъ отношеніи все же лучше
монстровъ нашихъ-нибудь, — какъ бы извиняясь сказалъ Захаръ
Ивановичъ, замѣчая, что мрачная полоса не сходитъ съ Ту-
толкина.

— На то они и монстры, — возразилъ тотъ отрицательно, но
вдругъ посмотрѣлъ на Захара Ивановича и рассѣялся. — А на
счетъ либерализма я тебѣ вотъ что скажу, другъ любезный. Есть
у меня барыня одна знакомая. Тоже большая либералка. Та не
только конституціи — республики требуетъ. Только, говорить,
чтобъ мужа этого прѣтивнаго не было.

А Вера вошла въ свою комнату и долго не раздѣвалась.
Она стояла и смотрѣла въ окно, и думала о Тутотминѣ. Про-
зрачныя тѣни лежали на полахъ. Роща недвижимо темнѣла. Въ
овертѣ сіяли звѣзды и какъ будто съ любовнымъ переладни-
ваніемъ съ тѣми, которыя горѣли въ вышинѣ. Высокій камышъ
задумчиво смотрѣлъ въ воду. «А должно быть, онъ очень умный,
этотъ Илья Петровичъ!» прошептала дѣвушка, и съ тихимъ
вдохомъ стала разстегивать свое платье изъ синей французской
игонни.

V.

На утре Илья Петровичъ проснулся поздно. Въ сосѣдней
комнатѣ нетерпѣливо бушевалъ самоваръ. Въ окна свѣтило
сѣнце. Илья Петровичъ потянулся и посмотрѣлъ на бѣлый по-
толокъ. Внезапная веселость овладѣла имъ. «А славно тутъ у
нихъ, чортъ возьми!» воскликнулъ онъ и проворно вскопчилъ съ
постели. Вошелъ вчерашній заспанный мальчикъ съ рукодей-
никомъ въ рукахъ и съ полотенцемъ черезъ плечо. Теперь у
него видъ былъ бойкій и живой.

— Тебя какъ звать, Анимкой? — шутивно спросилъ его Ту-
толкинъ.

— Алистратомъ, — отвѣчалъ мальчикъ, посмѣиваясь.

— Ну, Алистратъ, давай мѣться. — И Тутотминъ сталъ шумно
плескаться холодной водою. Затѣмъ онъ одѣлся и вышелъ въ

другую комнату. Обѣ комнаты были уютны и свѣтлы. Въ нихъ дышалось какъ-то легко: особенное чувство успокоенія сходило среди этихъ стѣнъ, яро выблещенныхъ мѣломъ.

Къ чаю появился Захаръ Ивановичъ, немилосердно гремя своими длинными сапогами. Въѣстъ съ нимъ запахъ какой-то слабой свѣжести ворвался въ комнату. Да и самъ онъ былъ славный: розовый румянецъ заливалъ его добродушное лицо, и глаза оживленно блистали. Оказалось, что онъ всталъ сегодня въ три часа и до сихъ поръ находился въ полѣ. У него начинался съѣзъ. Новые сѣдлаки, выписанные отъ Липгарта, работали великолепно. «И, представь, до чего сметливъ этотъ русскій чловѣкъ,—поспѣшно рассказывалъ Захаръ Ивановичъ,—я все не догадывался: почему сѣдлака вдоль борозды высѣкаетъ столько-то, а поперекъ—больше. И что-же!—Нестѣрка, бездомовникъ, пропойца, глѣбый, съ разу отырылъ Америку: весь секретъ-то въ томъ, что вдоль борозды сѣлка идетъ плавно, а поперекъ—шорывами, а потому усиленно вытѣкается сѣмана... Простая штука, а поди ты съ ней!.. Вѣдь все горе-то эта заманчивость русская. Тотъ же Нестѣрка непремѣнно на живо уйдетъ отъ меня и не удержатъ его ни за какіе пряники... А куда уйдетъ?—Паршивую ржишку убирать, да потомъ эту же ржишку и жрать пополамъ со всякимъ дерьмомъ!.. Въ голодъ, въ холодъ уйдетъ!

Илья Петровичъ безостановочно пилъ чай, и тонко посмѣивался въ отвѣтъ на рассказы Захара Ивановича. Нервы его были какъ-то странно покойны. На душѣ было ясно и тихо. И онъ вспомнилъ о вчерашнемъ вечерѣ. «Для чего выпятился?»—подумалъ онъ, и особенно противенъ сталъ ему вчерашній вечеръ. «Не замануть!»—премелькнуло у него. Но вмѣстѣ съ этимъ, какъ будто и пріятное чувство шевельнулось въ немъ. Онъ съ удовольствіемъ припомнилъ внимательное личико дѣвушки и ея граціозную фигуру, изысканно драпированную платьемъ, и ея прістальный взглядъ, умный и блестящій...

— Вотъ завтра поѣдемъ-ка паровой плугъ пытать,—предлагалъ между тѣмъ Захаръ Ивановичъ,—по случаю купленъ. Стоитъ двѣ тысячи фунтовъ, а я за семь тысячъ рублей купилъ. Лордъ тутъ одинъ въ трубу вылетѣлъ. Любопытная штука. Осенью-то привезли его по заморозкамъ, а я и не успѣлъ попытать. А интересно. Въ Бельгін, у Платера, двѣнадцать гектаровъ кашать. Какъ-то у насъ.

— Да на нашего глѣшаго тебѣ паровой плугъ?

— Ты не знаешь, братъ. Я съ нимъ вѣдь на всѣ кризисы

плюю. А то два года тому у крестьянъ случился урожай богатый—плугарей-то я и не нашель.

— Такъ, значить, урожай богатый—для васъ кризисъ?—проникновенно замѣтилъ Тутолминъ.

— Не придирайся ты къ словамъ, пожалуйста.

Но Тутолминъ и не придирался. Онъ только посмѣивался себѣ въ бороду, да аккуратно опоражнивалъ нечтислимые стаканы съ чаемъ. А по уходѣ Захара Ивановича сталъ разбираться съ своими вещами. Изъ чемоданчика вытѣвали на свѣтъ божій и помѣстившись на комодѣ: нѣсколько растрепанныхъ книжекъ какого-то журнала, да толстое изслѣдованіе объ общинѣ, да «крестьяне на Руси» Бѣляева, да нѣсколько программъ для собранія свѣдѣній по различнымъ отраслямъ народнаго быта. Въ концѣ-концовъ на комодѣ же появилась и знакомая намъ записная книга. Илья Петровичъ развернулъ ее, прочиталъ нѣсколько страницъ, написанныхъ спутаннымъ и торопливымъ почеркомъ и нахмурился. Это были пѣсни, сообщенныя ему Мокѣемъ. «Вотъ тебѣ и «Не шуми, ты мати велика дубравушка»!—сказалъ онъ съ горечью. И опять мелькнулъ передъ нимъ образъ Варѣ. «Ишь ты—упоминала!»—подумалъ онъ, вспоминая, какъ Варя заступилась за него по поводу этой пѣсни, и снова какое-то кроткое и пріятное чувство шевельнулось въ немъ.

Въ вечеру пришелъ Мокѣй и принесъ еще двѣ пѣсни. Илья Петровичъ аккуратно занисалъ ихъ и далъ Мокѣю двугривенный. Но Мокѣй посмотрѣлъ на монету и сказалъ:

— Это что! Мы и такъ всегда вашей милости...—тутъ онъ спряталъ монету въ кошелъ.—Ты вотъ мѣстечко мнѣ поспособствуй у Захаръ-Иваныча.

— Какое мѣстечко?

— Да въ работники, напримѣръ. Я, братъ, на сѣялахъ-то отчаянный.

Илья Петровичъ сокрушился.

— Да у тебя что, нужда, что ли?—спросилъ онъ.

Мокѣй почесалъ затылокъ.

— Коли не нужда,—отвѣтилъ онъ,—нужда-то нуждой, а тутъ отсылся я. Такъ и быть, послужилъ бы я Захаръ Ивановичу,—парень онъ хорошій.

— Да ты бы къ нему и лѣзь,—разсердился Тутолминъ,—что ты во мнѣ-то. Захотѣлъ ярма и лѣзь самъ. Я-то тутъ причѣмъ.

Мокій снова и уже съ большей настоятельностью почесать въ затылкѣ.

— Серчаетъ онъ на меня,—произнесъ онъ.

— Кто серчаетъ?

— Захаръ Ивановичъ.

— За что?

— А за что! спроси!—въ благородномъ негодованіи затопился Мокій,—нареды-то у насъ очень даже пріятны... У насъ мастера ямы-то рыть подъ добраго человѣка... У насъ, ешело не слышать кого, такъ праздникъ не въ праздникъ!..

— Стало быть, наговоры на тебя?

— Наговоры,—кратко сказалъ Мокій.

Илья Петровичъ помолчалъ.

— Или перемогся бы?—навонецъ вымолвилъ онъ.

Мокій тряхнулъ волосами.

— Никакъ невозможно,—сказалъ онъ рѣшительно.

— Ну въ своему бы брату, мужику, напился. Тамъ хоть равенство отношеній (оку глупость я отмочилъ!—подумалъ Тутолминъ въ скобкахъ).

— Какъ можно къ мужику!—горячо возразилъ Мокій,—мужику на работѣ замучаетъ. Мужикъ прямо заѣздитъ тебя на работѣ! Нѣтъ, ужъ вы сдѣлайте милость.

— Хорошо, я скажу,—печально согласился Тутолминъ.

Мокій разсыпался въ благодарностяхъ.

— А что на счетъ пѣсенъ, это ужъ будьте покойны,—говорилъ онъ,—я тебѣ не только пѣсни—чего хочешь предоставляю. Мы за этимъ не стоимъ;—и вдругъ игриво добавилъ:—будешь въ деревню ходить—дѣвки у насъ важныя.

Илья Петровичъ хотѣлъ-было разсердиться, но во-время охладилъ и сказалъ:

— Нѣтъ, ужъ на счетъ дѣвокъ ты оставь, Мокій,—я женатый.

— О? Не уважаешь? Ну, какъ хочешь. На счетъ дѣвокъ не хочешь—пѣсни буду представлять. Я; братъ, хожу на эти дѣла. Ты у кого ни спроси про Мокія, всякій тебѣ скажетъ, напиримѣръ. Я не то что другіе—измагульничать не стану.

Вечеромъ, когда пріѣхалъ Захаръ Ивановичъ, Тутолминъ сказалъ ему о желаніи Мокія. Захаръ Ивановичъ поморщился. «Больно ужъ онъ не подходящій!» сказалъ онъ.

— Чѣмъ же?—спросилъ Илья Петровичъ.

— Да какъ тебѣ сказать: очень ужъ онъ привередливъ. Онъ вѣдь жилъ у меня раза три. Надо тебѣ сказать, что за

пищей рабочих я самъ слѣжу, и ужъ что другое, а пища у меня сносная...

— Да онъ говорилъ мнѣ объ этомъ.

— Ну вотъ видишь. Говорить - то онъ говорилъ, а когда жилъ—у меня надѣли не проходило безъ скандала: то тѣ ему не хорошо, то другое. То масло горчить, то въ вѣрстѣ галки много, то говядина не жирна. Просто наказаніе! и представь себѣ: сейчасъ же собѣсть всѣхъ, сговорить, и скопомъ являются разсчитать просить. Замучилъ онъ меня. Ты не повѣришь—я въ лѣто три кухарки смѣнилъ, и все изъ-за его претензій. Вотъ онъ какой, этотъ Мокшѣй.

— Да отчего же онъ такой требовательный?

— А Богъ ужъ его знаетъ. Живутъ они плохо, и дома, и убрень, мяса въ глаза не видать. Я тебѣ говорю: окаменѣлость какая-то. Вотъ уходилъ онъ отъ меня: одинъ разъ ушелъ,—чирій на спинѣ вскочилъ,—не смѣхъ ли! другой разъ—рансомовскій трехлемешникъ ударилъ его рычагомъ по сапогу... А третій,—смѣшно даже сказать: ночевалъ онъ въ картофельной ямѣ и вдругъ говорить: Я, говорить, не буду здѣсь ночевать.—Отчего же ты не будешь?—«Лѣшихъ боюсь»... Уговаривалъ его, убѣждалъ,—ничего не помогло. Такъ и ушелъ! Вотъ онъ какой, этотъ Мокшѣй.

Илья Петровичъ засмѣялся.

— Да, дѣйствительно неудобный продуктъ для капиталистическихъ манипуляцій,—сказалъ онъ.—Но ты все-таки его прими. Какъ хочешь, а вѣдь въ принципѣ то все-таки отлично, что у Мокшѣя такое органическое нерасположеніе къ яру.

— Поди ты!—съ неудовольствіемъ произнесъ Захаръ Ивановичъ, но все-таки не забывалъ сказать явившемуся приващику, чтобы онъ взялъ Мокшѣя.

Послѣ чая Захаръ Ивановичъ отправился въ домъ. Тутолминъ, разувѣтся, отказался сопровождать его. Онъ весь вечеръ прокопался за матеріалами, собранными въ записной книжкѣ. Много свѣдѣній онъ разнесъ отсюда по различнымъ отдѣламъ. Большинство досталось общинѣ; затѣмъ добрый кусокъ зацѣпили обычное право и расколъ; этнографія удовольствовалась меньшимъ, и, наконецъ, самую маленькую частичку получила статистика.

Захаръ Ивановичъ возвратился съ новостью: Варвара Алексѣевна просила Илью Петровича поѣхать съ ней въ шарабанѣ на испытаніе парового плуга. Старикъ нездоровилось и онъ оставался бесѣдовать съ Куглеромъ. «Вотъ еще не было печали!—какъ будто съ видомъ неудовольствія вослѣдннулъ Тутолминъ,

отрываясь отъ своихъ матеріаловъ.—Я и править-то не умѣю». Но въ душѣ онъ былъ доволенъ этимъ предложеніемъ. И когда легъ спать, нѣсколько разъ подумалъ о Варѣ. Нервы его были слегка возбуждены. Сердце безпокойно трепетало. Ночью онъ часто просыпался и злился на безмятежное сопѣніе Захара Ивановича. Мѣрный лягъ часового маятника тоже раздражалъ его.

VI.

Славная погода установилась на другой день. Правда, солнце не свѣтило и небо было покрыто сплошными тучами, но теплота стояла въ воздухѣ изумительная. Отъ полей поднимался паръ. Тонкій и затхлый запахъ земли разлитъ былъ всюду. Даль подернулась влажностью. Неумолкаемые крики грачей мягко замирали въ отдаленіи.

Было воскресенье, и цѣлая толпа привалила изъ села поглазѣть на паровой плугъ. Дѣвки въ яркихъ платкахъ грызли сѣмечки; нарядные парни стояли отдѣльными группами и громко пересмѣивались; ребятишки затѣвали игру въ рѣпку; мужчины сосредоточенно ходили около локомотивовъ. Эти локомотивы прѣхали на мѣсто еще вчера и теперь разводили пары. Захаръ Ивановичъ озабоченно поглядывалъ на манометръ. Замазанный и шарпавый котелгаришка метался какъ угорѣлый съ масленкою въ рукахъ и въ свободныя мгновенія важно осираслялся на мужиковъ. Нахмуренный машинистъ, въ валенкахъ и въ круглой касторовой шляпѣ, глубокомысленно разглядывалъ какую-то заклепку. У другого локомотива, помѣстившагося на томъ концѣ опытнаго поля, тоже толпилась небольшая кучка зрителей.

Захару Ивановичу очевидно не нравилось это присутствіе посторонней публики. Онъ не особенно надѣялся на успѣшность опыта: локомотивы были таки достаточно поматы жизнью и дѣмеха поглядывали подозрительно. А этотъ неуспѣхъ непременно подастъ бы поводъ къ насмѣшкамъ, на которыя такъ щедръ простодушный російскій мужичекъ. Вотъ и теперь уже между ними, съ какою-то комической неподвижностью, стоитъ Власъ Каравый и произноситъ ядовитыя свои шуточки, на которыя мужчины сдержанно усмѣхаются. А тутъ, какъ на грѣхъ легкое топливо давало мало жару, и стрѣлка манометра поднималась съ возмутительною медленностью. «Вали, вали, Николай!» торопилъ Захаръ Ивановичъ рабочего, подкладывающаго дрова, и тотъ цѣлыми охапками валилъ эти дрова въ ненасытное жерло топки.

— Ты бы, Николай, прямо съ возомъ туда въѣзжалъ, — скромно замѣтилъ Власть Каравый. Толпа хихикнула. — Право бы способнѣй съ возомъ... А то взялъ бы ворота съ конюшни туда засадилъ... Кто ее щепкой-то растрезожитъ эту прорву?

— Растрезожимъ! — невнятно пророчалъ явно сконфуженный Николай.

Захаръ Ивановичъ отошелъ въ сторону.

— Я бы амбарушку продалъ, — сказалъ другой, — дать бы за нее рублей тридцать, а бы и продалъ: все бы, глядишь, на разъ хватило.

— Подавишься, — вымолвилъ Николай.

— Эка ты чудачина, — подхватилъ Каравый, — кабытъ у нихъ гѣсу мало. У нихъ, чай, Рѣдушки... Все какъ никакъ поглощается лѣто-то.

— Что этой прорвѣ Рѣдушки!.. Въ Рѣдушкахъ всего-то никакъ сто десятинъ... А ты гляди-ка на нее!

А одинъ драхлый старикъ все смотрѣлъ и вздыхалъ. «Что же это будетъ такое?» шепталъ онъ въ какомъ-то ужасѣ и безпомощно перебиралъ пересмѣшными своими губами. «Эй, дѣвки! — кричали изъ толпы парней, — печка-самопѣка пріѣхала... Кому желательно блинцовъ покушать!.. А мы духомъ сыти»... — Нѣтъ, это жаръ-птица, — возражали дѣвки, — а вотъ Иванъ-царевичъ! — и они съ хохотомъ указывали на чумазаго воегара.

Нѣсколько мужиковъ, наиболѣе отличавшихся солидностью, ходили около плуга и съ любопытствомъ ощупывали блестящую поверхность лемеховъ. Иные въ задумчивости покачивали головами. А одинъ все заходилъ и, прищуривая одинъ глазъ, слѣдилъ за изгибомъ лемеховъ. «Вонъ оно какъ!» наконецъ промолвилъ онъ, и рѣшительно нахлобучилъ шапку. «А что?» — спросили его. Но на это онъ ничего не отвѣтилъ и многозначительно отошелъ отъ плуга. — Не пойдетъ, — заявлялъ другой. — «Ну, какъ не пойти!» — возражали ему, — «а вотъ пласть онъ отваливать не станетъ — это вѣрно. Ты гляди, какъ отвалы-то приспособлены». И всѣ согласились, что, точно, пласть не будетъ отваливаться.

По мѣрѣ того, какъ паръ бездѣйствовалъ, и все новыя и новыя охапки дровъ безслѣдно исчезали въ топкѣ, — настроеніе народа становилось все веселѣе и веселѣе. Наряду съ этимъ прислуга была явно обезкуражена. Николай даже изъяснилъ наклонность къ измѣнѣ: сталъ насмѣхаться надъ печкой, такъ беззастѣнчиво пожирившей его труды. «Эка хапуга проклятая, право

хапуга!» восклицалъ онъ. Одинъ только Мокшй не унывалъ (онъ уже очутился въ усадьбѣ). Съ какой-то грациознѣйшей тряпкой въ рукахъ, онъ весело суетился вокругъ локомотива, и безпрестанно отпускалъ соответствующія замѣчанія. Такъ, когда близъ него находился Захаръ Ивановичъ, онъ говорилъ въ полголоса, видимо обращаясь къ машинѣ: «Врешь, матушка, пойдешь! Не на тавовскаго наскочила! и не такихъ какъ ты объѣзживали...» — Когда же ему случалось пробѣгать мимо мужиковъ, онъ корчилъ дукавую усмѣшку и произносилъ: «Дѣла не надѣлаемъ, а лупоглазой невѣстѣ глаза вставимъ!» — И мужики сочувственно ему улыбались.

Въ это время подъѣхалъ и Тутолминъ съ Варей. Всю дорогу онъ испытывалъ пріятное и неутрачивающее волненіе. Рѣзкій побѣгъ горячаго сѣраго жеребца, которымъ правила Варя, эластическое покачиваніе рессорнаго экипажа, мягкій трескъ колесъ, съ изумительной быстротою поправлявшихъ почву гладкой дороги, пробитой по выгону, а пуще всего сосѣдство красивой и возбужденной дѣвушки, — переполняли все его существо глубокимъ удовольствіемъ. А Варя, дѣйствительно, была хороша. Въ своей широкой зимней шляпѣ, кокетливо надвинутой на глаза, въ своемъ тяжеломъ плюшевомъ костюмѣ, ловко обхватывавшемъ ее упругій и гибкій станъ, — она и не на Илью Петровича могла бы сдѣлать впечатлѣніе. День — тихій и теплый; кроткое и задумчивое очертаніе далей; запахъ сжѣженной земли, стоявшій въ воздухѣ; близость Ильи Петровича съ его лицомъ сосредоточеннымъ и добрымъ, — все это отпечатлѣвалось на ее душѣ ясными и безмятежными полосами и глаза ее глядѣли безмятежно.

Около локомотива у нихъ приняли лошадь, и Варя подхватила Тутолмина подъ руку. Но тому уже не до ней было. Народный говоръ, оживленные толки мужиковъ и бабъ, явно недоброжелательное отношеніе ихъ къ машинѣ, смущенный видъ Захара Ивановича и прислуги, — все это сразу охватило его интересомъ. Онъ разсѣянно выпустилъ руку Вари и направился къ толпѣ. Дѣвушка опѣшила и даже горькое чувство обиды вдругъ шевельнулось въ ней, но обстановка и ее скоро заинтересовала. Она подхватила Захара Ивановича и стала спрашивать его о подробностяхъ устройства машины. Правда, она мало понимала изъ его толкованій, но тѣмъ не менѣе съ любопытствомъ заглянула въ огненное жерло топки, постукала пальчикомъ по толстому стеклу манометра, осторожно прикоснулась къ яснымъ

шарамъ регулятора и даже нагнулась, и посмотрѣла на проводной канатъ, плотно стянутый на колесѣ.

Стрѣлка наконецъ возвысилась до сорока-пяти градусовъ. Паръ вступилъ въ золотники. Прислуга ободрилась. Народъ притихъ въ нетерпѣливомъ ожиданіи. Машинистъ съ важностью подошелъ къ свистку и повернулъ кранъ. Хриповатый и смѣшной свистъ вылетѣлъ оттуда отрывистой нотой. Здоровенный хохоть прокатился по толпѣ. «Захлебнулась, сердешная!» сказалъ Карявый. Тогда разсерженный машинистъ еще разъ прикоснулся къ аппарату. Свистокъ прозвительнымъ и тонкимъ звукомъ огласилъ окрестность. Варя закрыла уши, хохоть усилился. «Заѣвала, — вымолвилъ Власъ, — не зѣвай: надорвешься!» — Парни подъ шумокъ заигрывали съ дѣвками.

А Захаромъ Иванычемъ овлаѣвало безпокойство. Дѣло въ томъ, что рабочій, который одинъ только и умѣлъ управлять плугомъ, не являлся. Онъ былъ занятъ у прежняго владѣльца плуга и по временамъ запивалъ. Последняго-то и боялся Захаръ Иванычъ. Какъ только колесо локомотива пришло въ движеніе и регуляторъ медленно закрутился, вся прислуга, вмѣстѣ съ Захаромъ Иванычемъ, устремила взоры на дорогу изъ усадьбы. Наконецъ кто-то воскликнулъ: «ѣдетъ Пантешка!»

Не дождая добрыхъ десяти сажень отъ толпы, Пантешка выпрыгнулъ изъ телѣги и направился къ плугу. Онъ былъ въ красной рубахѣ и въ картузѣ на бекрень. Движенія его были проникнуты какимъ-то разухабистымъ ухарствомъ, и лицо извѣдало беззавѣтную отчаянность.

— Видали наемщика! — встрѣтилъ его Карявый и толпа снова отозвалась хохотомъ.

И дѣйствительно, Пантешка живо напоминалъ собою «наемщиковъ» былого времени. Тѣ же развинченныя ухватки, то же удалство подозрительнаго пошиба. Онъ важно осмотрѣлъ плугъ, освѣдомился о числѣ градусовъ на манометрѣ, и, свернувъ цыгарку, направился къ толпѣ.

— Что, галманы, — воскликнулъ онъ, — аль глядѣли продавать пришли!

— Продашь, — отвѣтилъ Карявый, — бывало наемщиковъ-то подъ руки водили, а теперь ими плетни подпираютъ.

— Это кто же бы наемщикъ-то? — подбоченясь, спросилъ Пантешка.

— Не мы.

— Да и мы не таковскіе.

— Видать.

— Мы-ста кланяться не станемъ. У насъ и управитель по-кланяется!— бахвалился Пантешка.

— Какъ, поди, не поклонится,—простодушно возразилъ Карявый,—вы, поди, обхожденія-то всякаго видали.

— И видали.

— Вы, чай, не одно толокно, и зашейное ѣдали.

— Да не сидѣли на овсянкѣ какъ галманы, которые...

— Гдѣ сидѣть! Поди и подѣ заборами леживали.

— Леживали, да съ голоду не пухли.

— Какъ тута пухнуть! Тонкаго человѣка сразу видно.

— И видно.

— Тонкій человѣкъ и... (тутъ Карявый сдѣлалъ неприлич- ный намекъ на свойство тонкаго человѣка).

Толпа, утаивая дыханіе, слѣдила за пререканіями Власа съ Пантешкой. Иногда пробѣгала по ней тщетно задушаемый смѣхъ. Но послѣднее слово Каряваго какъ будто прорвало плотину: оглушительный хохотъ вылетѣлъ изъ всѣхъ мужичьихъ грудей, и долго стоялъ въ воздухѣ. Обезкураженный Пантешка отплю- нулся и подошелъ къ дѣвкамъ. «Эй, сашен, канашен мои!» — закричалъ онъ, бросаясь заигрывать съ ними. Но его встрѣтили руганью и оплеухами. Тогда онъ снова возвратился къ мужи- камъ.

— Ты какъ же на лопатку-то на эту цѣпляешься?—съ при- творной любовательностью спросилъ его Власъ Карявый, указы- вая на сидѣнье плуга, торчавшее въ воздухѣ.

Польщенный Пантешка ободрился.

— Ты эфто не такъ понимаешь,—предупредительно сказалъ онъ, и неизвестно для чего началъ врать:—я, къ примѣру, сажусь и берусь за колесо. И какъ взялся за колесо—тутъ уже прямо пушаютъ. А я сижу и гляжу. Плуга на право—я, сей- часъ, на прямикъ ее. Плуга налѣво—я опять ее на прямикъ. Дѣло, братъ, хитрое!

— Чего хитрѣе!—подтвердилъ Власъ съ ироніей.

— Рукомесло тоже,—со вздохомъ вымолвилъ драхлѣй старикъ.

— А ты думалъ, не рукомесло,—живо откликнулся Пантешка, видимо стараясь заручиться расположеніемъ мужиковъ,—я, братъ, три лѣта на ей страдаю. Однова вотъ руку перешибла, окаян- ная, повыше локтя,—онъ указалъ,—а въ другой ногу искоре- жило,—онъ снова указалъ.—Вотъ оно какое рукомесло.

— Эй!—съ любопытствомъ воскликнули въ толпѣ,—какъ же это тебя угораздило?

— Очень просто,—сказалъ Пантешка, и опять почувствовалъ въ себѣ героя,—лемехъ зацѣпился за корень за какой, аль за голышъ, тебя и ковырнеть вверхъ тормашками. Я, братъ, разовъ семь леталъ. Спасибо, больше все мордой отвѣчаешь.

— А прежде вы по какой части происходили? — спросилъ его Власъ Карявый.

— Въ кучерахъ ѣзжалъ.

— Такъ. И по купцамъ жилали?

— Живалъ.

— Ъдали хорошо?

— Здорово кормили. У насъ, у купца Аксенова, отъ масла переслѣпли всѣ!

— Такъ... А съ лопатки-то съ эстой много ли леталъ? — безхитростно осведомился Карявый, указывая на плугъ.

— Семь разовъ.

— Ну и летать тебѣ, видно, дѣ въку! — хладнокровно заключить Власъ, при общемъ хохотѣ предстоявшихъ.

Пантешка обидѣлся и отошелъ.

Илья Петровичъ ходилъ посреди народа и чувствовалъ, какъ земля подъ нимъ горѣла. Настроение толпы глубоко радовало его. Здоровенный ея хохотъ, беззащитный и грубый юморъ, свободолюбивое отношеніе къ дѣйствительности, насмѣшки надъ этимъ хитрымъ чудовищемъ, на-славу сооруженнымъ въ Ипсвичѣ, — все это какъ нельзя болѣе отвѣчало его теоретическимъ представленіямъ о народѣ и съ особенной настойчивостью возбуждало юрениныя его влеченія. «Что, буржуй, съѣлъ грибы!» подсмѣивался онъ надъ Захаромъ Ивановичемъ, и нисколько не разошлся, когда тотъ, выведенный изъ терпѣнія, сказалъ: — Э, братъ, и дикари глумятся надъ Европою, а она все-таки пожираетъ ихъ черезъ чась по ложѣ!

А Варя недоумѣвала. Непріязненное отношеніе народа къ машинѣ печалило ее. Въ этомъ отношеніи ей чужалось дикое и упорное невѣжество. Она вспомнила нѣкоторые факты изъ исторіи (за которую такъ еще недавно получила на выпускномъ экзаменѣ высшую отмѣтку) — Стефенсона, Везеліуса, Джордано Бруно. Вспомнила судьбу «Басурмана», которымъ зачитывалась въ дѣтствѣ. Вспомнила, наконецъ, печальную участь многихъ открытій и изобрѣтеній, такъ живо рассказанную въ иллюстрированныхъ англійскихъ волюмахъ... И въ лицѣ огорченного Захара Иваныча, досадливо сдвигавшаго свои брови, почудился ей новый мученикъ за идею. Тѣмъ больше удивляло ее поведение Тутолмина. Онъ казался такимъ веселымъ и яснымъ, онъ такъ

сочувственно относился къ невѣжественнымъ выходкамъ толпы, такъ явно радовался плохому и медленному дѣйствію локомотива, что даже возбудилъ гнѣвъ Вары. Никакихъ оправданій она не могла подобрать этому поведенію Ильи Петровича, — хотя внутренно и признавалась, что желала бы видѣть эти оправданія.

— Почему Илья Петровичъ такой странный? — спросила она Захара Ивановича; — неужели онъ радуется ихъ невѣжеству? — и она указала на толпу. — Но вѣдь это же гадко!

Захаръ Ивановичъ тотчасъ же заступился за пріятеля.

— Богъ съ вами, Варвара Алексѣвна, — горячо сказалъ онъ, — Илья на смерть бы пошелъ за нихъ и за ихъ счастье!

— Но развѣ счастье въ невѣжествѣ?

— Эхъ, долго объ этомъ говорить! — отвѣтилъ Захаръ Ивановичъ, съ нетерпѣніемъ поглядывая на стрѣлку мапометра, подвигавшуюся къ вожделѣнному градусу, — да мы врядъ ли и поймемъ другъ друга... У него, видите ли, принципъ есть: *все для народа, и все посредствомъ народа*... Однимъ словомъ, онъ *почвенникъ*. И принципъ этотъ, кажется ему, теперь торжествуетъ, потому что другой-то, противоположный-то, затемненъ... Онъ и радъ. Вотъ видите, я говорилъ, что не поймете! — добродушно добавилъ онъ, мелькомъ взглядывая на Варю, и побѣжалъ къ плугу.

Варя, дѣйствительно, ничего не поняла, но Тутолминъ внезапно предсталъ предъ нею въ иномъ освѣщеніи. Снова какая-то загадочная и таинственная пелена скутала его и снова проснулось въ ней желаніе проникнуть въ его душу и узнать мысли, руководящія странными его поступками.

Наконецъ колесо завертѣлось съ невыносимымъ грохотомъ и потянуло канатъ. Плугъ подкатился къ позиціи. Пантешка засучивъ по локоть рукава рубашки и до невозможности сдвинувъ на бокъ картузъ, сѣлъ съ видомъ отчаянной рѣшимости и обѣими руками ухватился за колесо рычага. Для пущей тяжести, рядомъ съ нимъ, на рамѣ, помѣстился Мокѣй. Дали свистокъ тому локомотиву. Толпа застыла въ каменной неподвижности. На вискахъ Захара Ивановича выступилъ потъ. Двѣ-три минуты прошли въ нѣмомъ ожиданіи... Вдругъ цѣпь напряглась и плугъ судорожно дрогнулъ. Пантешка повернулъ рычагъ; лемеха вонзились въ землю... Тонкій пласть разорвался и метнулся въ сторону... И тяжелая громадина, неуклюже колыхаясь, двинулась вдоль пашни. — «У-лю-лю-лю!» закричали ребятишки, съ визгомъ бросаясь вслѣдъ за плугомъ. Въ толпѣ слышались, одобрительныя восклицанія: «Вотъ такъ долбанула!.. Гляди, гляди,

ребята, выворачиваетъ!.. Словно борозды!.. Ай да океанная!» Но вскорѣ это настроеніе снова смѣнилось насмѣшливостью. Дѣло въ томъ, что лемеха, дѣйствительно, скверно отваливали плать и ножи плохо подрѣзывали его.

— Швыряетъ здорово!—сказалъ Власъ Карявый, ощупывая мозолистыми своими руками неподрѣзанную глыбу.

— Ни красы, ни радости,—замѣтилъ другой.

— Можетъ, она къ тому и приспособлена, чтобъ, къ приѣзду, въ свѣжки съ ребятами?—серьезно предположилъ Власъ. Смѣшливое настроеніе неудержимо овладѣло толпой.

Когда плугъ прошелъ другую полосу, Тутолминъ спросилъ Власа:

— Ну что, дядя Власъ, каково?

Власъ почесалъ затылокъ.

— Игрушка занятая,—отвѣтилъ онъ съ обычнымъ своимъ выраженіемъ лукавой простоватости,—игрушка такая, что и Волхонку на ней можно проиграть. А дорого стоитъ?

— Говорятъ, семь тысячъ.

— А-а!—протянулъ онъ съ удивленіемъ, и помолчавъ, продолжалъ:—что-жъ—деньги плевны! Намъ ежели потянуться два годика, да притащить барину оброкъ, вотъ-те и игрушка готова... Ковырай до новаго оброка!

Тутолминъ не утерпѣлъ и ударилъ Власа по плечу: «Молодчина ты, дядя!»—сказалъ онъ. На что Власъ вротео отвѣчалъ:—Вашею хвалою хлѣбъ ѣдимъ, батюшка баринъ, — чѣмъ снова вызвалъ одобрителный смѣхъ окружающихъ.

Захаръ Иванычъ, конечно, и самъ замѣчалъ, что плугъ пашетъ не ладно. Онъ ходилъ за Пантешей и внимательно всматривался въ работу лемеховъ. Да кромѣ лемеховъ и локо-мобили грѣшили. Когда плугъ приближался къ какому-нибудь изъ нихъ, канатъ начиналъ крутиться съ преувеличенной быстротою. Тогда плугъ прыгалъ, порывисто вдрагивая, а Пантешка изо всей силы кричалъ: «стой, стой, дьяволы!» и словно утопающій, отчаянно махалъ руками (что касается Мокѣя, то онъ въ такихъ случаяхъ обыкновенно сваливался на мягкую землю и спокойно предоставлялъ облегченному плугу метаться сколько ему угодно).

Наконецъ опытъ прекратили. По окончаніи его Власъ Карявый подошелъ къ Захару Иванычу и сказалъ:

— На водочку бы съ вась, Захаръ Иванычъ.

— Это за что?—удивился тотъ.

— Какъ же! Мы старались, Захаръ Ивановичъ. Мы, можетъ, сколько животвъ изъ-за ней, окаянной, надорвали.

— Дай, дай!—сквозь смѣхъ произнесъ Тутолминъ.

Захаръ Ивановичъ опустилъ въ ладонь Каряваго нѣсколько монетъ. Карявый легонько подбросилъ ихъ и спросилъ съ глубочайшей серьезностью:

— А по какой цѣнѣ, Захаръ Ивановичъ, вамъ пахота эта ляжетъ?

— Не знаю,—сухо отвѣтствовалъ Захаръ Ивановичъ,—гляди, не дороже вашей.

— Тѣкъ-съ. Значить, теперь намъ по двѣ красненькихъ будешь выдавать?

— Какъ по двѣ? За что?

— Опять таки за десятинку.

Захаръ Ивановичъ уразумѣлъ ядовитость намека.

— Ну, и по четыре рубляка будете наниматься,—съ усмѣшкой сказалъ онъ.

— Будемъ, это вѣрно,—подтвердилъ Карявый,—и четыре рубля—цѣна. Ну мы будемъ пахать, а на этой-то?

— И эта будетъ пахать.

— Въ-какъ, — съ почтительностью сказалъ Карявый, и подумавъ, замѣтилъ:—А ловокъ у тебя Пантешка править: на этой его пашнѣ ежели голыши посѣять—и тѣ, гляди, дурманомъ обродятся...

— Ну, это мы посмотримъ, — угрюмо вымолвилъ Захаръ Ивановичъ и отошелъ отъ Власа. Толпа съ смѣхомъ и шутками направилась къ селу. Дѣвки звонко затянули пѣсню. Илья Петровичъ глянулъ имъ вслѣдъ и сердце его заиграло. Народъ, съ торжествомъ и съ саковитымъ выраженіемъ достоинства, удаляющійся съ поля, показался ему сильнымъ и вѣрнымъ богатыремъ, изумительно великодушнымъ въ своемъ превосходствѣ и кроткимъ во всемъ сознаніи сказочной силы своей. «Народъ, народъ!...» въ восторгѣ воскликнулъ онъ и даже еще что-то хотѣлъ прибавить, но тутъ Варя позвала его, и онъ поспѣшилъ къ шарабану.

А. ЭРТИЛЬ.

ФРЕДЕРИКЪ ШОПЕНЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЦВѢТЪ.

Окончаніе.

III ¹⁾.

Въ Англіи шопеновскія произведенія давно уже пользовались заслуженною извѣстностью; поэтому, когда Шопень въ концѣ апрѣля 1848 г. пріѣхалъ въ Лондонъ, вездѣ, гдѣ бы онъ ни показывался, его встрѣчали съ необыкновеннымъ уваженіемъ и самымъ горячимъ сочувствіемъ. Англійскіе артисты, какъ Осборнъ, Бенедиктъ, Ричардсъ и Слуперъ, которые познакомились съ нимъ еще въ Парижѣ, сдѣлали ему самый радушный, дружественный пріемъ. Жившіе въ Лондонѣ польскіе эмигранты устроили въ честь Шопена обѣдъ, на которомъ присутствовало около сорока наиболѣе выдающихся членовъ польской колоніи. На этомъ обѣдѣ, въ отвѣтъ на многочисленные тосты и рѣчи, Шопень сказалъ приблизительно слѣдующее: «Дорогіе соотечественники! Меня глубоко растрогали только-что слышанныя мною заявленія вашей преданности и любви ко мнѣ. Я желалъ бы отблагодарить васъ; но, не имѣя таланта говорить рѣчи, не сумѣю найти словъ, соответствующихъ моимъ чувствамъ. Поэтому приглашаю васъ къ себѣ, чтобы я могъ выразить мою благодарность на фортепіано». Восторженные рукоплесканія были отвѣтомъ на это прекрасное приглашеніе; всѣ присутствующіе поднялись съ своихъ мѣстъ и послѣдовали за артистомъ. Шопень игралъ до поздней ночи и

¹⁾ См. выше: май, 7 стр.

произвелъ глубокое впечатлѣніе на своихъ земляковъ, которые, слушая его баллады, мазурки, полонезы и импровизаціи на польскія національныя пѣсни, чувствовали въ тотъ вечеръ, сильнѣе чѣмъ когда-нибудь, всю горечь изгнанія и грусть по утраченной отчизнѣ.

Шопенъ былъ представленъ королевѣ Викторіи, игралъ при дворѣ и почти ежедневно бывалъ въ домахъ лондонской аристократіи, гдѣ нѣсколько разъ устраивалъ небольшіе домашніе концерты, такъ называемые «*recitals*». Въ публичныхъ концертахъ въ Лондонѣ Шопенъ, кажется, не игралъ; хотя Листъ и говорить, что онъ два раза игралъ въ публикѣ¹⁾, но Карасовскій, книга котораго полнѣе обстоятельными фактами, ничего объ этомъ не упоминаетъ. Безсонныя ночи, проводимыя имъ въ обществѣ, и вообще безпокойство салонной жизни оказывали весьма вредное вліяніе на его здоровье, и потому, воспользовавшись приглашеніемъ семейства своей ученицы, миссъ Стирлингъ, онъ поѣхалъ въ ихъ имѣніе въ Шотландіи, близъ Эдинбурга, гдѣ онъ предполагалъ прожить не болѣе мѣсяца, такъ какъ въ концѣ августа рассчитывалъ играть публично въ Манчестерѣ, куда его приглашали на два концерта съ гонораромъ въ 60 фунтовъ стерлинговъ. Однако въ «*Stirling-Castle*» онъ остался гораздо долѣе, до начала октября, съѣздивъ оттуда въ Глазговъ, гдѣ игралъ въ концертѣ 27 сентября.

Суровый климатъ Шотландіи, какъ и слѣдовало ожидать, не былъ благопріятенъ для Шопена; онъ скучалъ, хандрилъ, силы его значительно падали. Жалуясь на свое нездоровье, Шопенъ писалъ изъ «*Stirling-Castle*» въ Парижъ своему пріятелю Гржимайлу: «Впродолженіе утра я не способенъ ни къ какому труду; когда же одѣнусь, то чувствую себя уже настолько утомленнымъ, что долженъ отдыхать. Послѣ обѣда я вынужденъ сидѣть два часа съ мужчинами слушать, что они говорятъ, и смотрѣть, сколько они пьютъ. Тогда я смертельно скучаю, думаю совсѣмъ о другомъ и иду затѣмъ въ залу, гдѣ долженъ собрать всѣ свои силы и оживить себя, потому что всѣ жаждутъ слушать мою игру. Послѣ того, мой добрый Даніэль несетъ меня, наверхъ по лѣстницѣ, въ мою спальню, раздѣваетъ меня, укладываетъ въ постель и, оставивъ свѣчи горящими, предоставляетъ мнѣ вздыхать и грезить до слѣдующаго утра, чтобы снова начать такой же день, какъ и предыдущій».

Возвратясь въ началѣ октября въ Лондонъ, Шопенъ хотѣлъ

¹⁾ „Fr. Chopin“, par Liszt, стр. 293.

немедленно ѣхать далѣе, въ Парижъ; но мучившіе его, кашель и невралгія задержали его въ Англіи до января 1849 г. Изъ Лондона онъ писалъ въ Парижъ Гржимайлу, чтобы онъ прінскалъ для него квартиру непременно въ первомъ этажѣ, окнами на югъ; заботится, чтобы куплены были драпировки, ковры и цвѣты, чтобы Плейель заблаговременно прислалъ рояль; однимъ словомъ, приготовляетъ себѣ уголокъ, гдѣ бы могъ по возможности спокойнѣе переносить свои тяжелыя страданія. Но, когда онъ пріѣхалъ наконецъ въ Парижъ, его встрѣтили тамъ новыя непріятности. Во-первыхъ, онъ былъ опечаленъ почти до отчаянія извѣстіемъ о внезапной смерти постоянно лечившаго его доктора Молэна, на искусство и заботливость котораго онъ возлагалъ большія упованія. Затѣмъ, Шопену пришлось въ теченіе небольшого промежутка времени перемѣнить три квартиры ¹⁾ и къ довершенію всего, его денежные средства находились въ самомъ плачевномъ состояніи. Безкорыстіе и неразсчетливость Шопена были удивительныя; много зарабатывая уроками, получая хорошій гонораръ отъ издателей его произведеній, онъ жилъ не роскошно, но довольно богато, не стѣсняя себя въ расходахъ, и все, что у него оставалось, охотно и щедро раздавалъ другимъ. Теперь же, когда онъ не въ состояніи былъ ни давать уроковъ, ни писать новыхъ произведеній, не было никакихъ источниковъ доходовъ, а усиливающаяся болѣзнь требовала все новыхъ и большихъ расходовъ. Къ счастью у него были преданные друзья; Франшомъ принялъ на себя регулированіе его довольно замысловатаго бюджета, а ученица Шопена, упомянутая миссъ Стирлингъ, узнавъ, въ какомъ критическомъ положеніи находятся финансы великаго художника, тайно отъ него дала на расходы 20,000 франковъ.

Скоро сдѣлалось очевиднымъ, что дни Шопена сочтены; но самъ онъ не догадывался объ опасности своего положенія. Узнавъ, что одинъ изъ его лучшихъ друзей въ Польшѣ, Войцѣховскій, собирався ѣхать на морскія купанья въ Остенде, онъ также хотѣлъ туда отправиться и писалъ объ этомъ Войцѣховскому, но доктора рѣшительно не выпускали его изъ Парижа. Родные Шопена были извѣщены о его болѣзни и въ іюлѣ 1849 г. пріѣхала изъ Варшавы его старшая сестра, Луиза Ендржеевичъ, вмѣстѣ со своимъ мужемъ и дочерью. Еще въ 1844 г. она точно также пріѣзжала во время болѣзни Шопена и прожила

¹⁾ Сначала онъ помѣстился въ Rue St.-Lazare, 9, потомъ переехалъ въ Rue de Chaillot и наконецъ послѣдняя его квартира на Place Vendôme, 12.

съ нимъ нѣсколько недѣль въ Ноганѣ. Шопенъ былъ очень слабъ, однако вставалъ съ постели, могъ ходить по комнатѣ и до самыхъ послѣднихъ дней жизни принималъ знакомыхъ. Почти каждый день, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, онъ чувствовалъ нѣкоторое облегченіе отъ страданій; въ такія минуты онъ часто просилъ навѣщавшихъ его знакомыхъ почитать ему какую-нибудь книгу изъ его обширной библіотеки, и преимущественно выбиралъ статьи изъ «*Dictionnaire philosophique*» Вольтера. Вообще Шопенъ былъ довольно спокоенъ и кажется еще рассчитывалъ на выздоровленіе, такъ какъ предполагалъ поѣхать на зиму, вмѣстѣ съ сестрою и племянницею, на югъ Франціи. Но съ первыхъ чиселъ октября онъ уже не могъ подниматься съ постели; кризисъ быстро приближался. Сестра Шопена находилась безотлучно при братѣ; княгиня Марцелина Чарторижская раздѣляла съ нею труды и все свое свободное время посвящала больному, ухаживая за нимъ какъ истинная сестра милосердія. Точно также навѣщала его графиня Дельфина Потоцкая, которая возвратилась въ Парижъ изъ Ниццы, какъ только узнала о его болѣзни. Не многіе изъ самыхъ близкихъ друзей Шопена допускались въ ту комнату, гдѣ лежалъ больной; въ сосѣдней же комнатѣ постоянно толпились массы знакомыхъ, приходившихъ узнать о его положеніи. 14 октября Шопенъ исповѣдовался, причастился и соборовался; но его смертный часъ еще не насталъ, онъ все еще былъ довольно бодръ. Въ теченіе послѣдняго дня своей жизни, 16 октября, онъ два раза позволялъ входить къ нему его друзьямъ, ученикамъ и ученицамъ и для каждого находилъ какое-нибудь слово. Къ вечеру онъ чувствовалъ себя все слабѣе и слабѣе, но не терялъ сознанія и когда часовъ около 11-ти вечера увидѣлъ пришедшаго его навѣстить доктора Крювелье, то встрѣтилъ его словами: «*Ne vous fatiguez pas, monsieur, je vous débarrasserai bientôt*». Черезъ два часа Шопена не стало; онъ умеръ спокойно, безъ особенныхъ страданій, въ половинѣ второго часа ночи на 5 (17) октября 1849 г.; послѣднія его мысли были о матери: «*Matka, moja biedna matka*» (мать, моя бѣдная мать) были предсмертными словами великаго художника ¹⁾.

Быстро распространилась печальная вѣсть въ Парижѣ, и

¹⁾ Подробности о послѣднихъ дняхъ Шопена взяты изъ напечатаннаго въ „*Kurjer Warszawski*“ 1882 г., № 177, сообщенія г-жи Людвиги Цихомской, урожденной Едиржевичъ, племянницы Шопена, которая со своею матерью пріѣхала въ Парижъ въ 1849 г. и, какъ свидѣтельница всѣхъ обстоятельствъ смерти Шопена, считала обязанностью напечатать свои сообщенія, для восстановленія нѣкоторыхъ фактовъ, не совсѣмъ вѣрно переданныхъ Карасовскимъ въ его книгѣ.

поклонники умершаго композитора толпами приходили проститься съ дорогимъ прахомъ и послѣдній разъ взглянуть на благородныя черты лица, измѣнившагося во время продолжительной болѣзни, но, послѣ смерти, принявшаго выраженіе безмятежнаго спокойствія и сохранившаго всю прежнюю очаровательную прелесть. Знали, что Шопень любилъ цвѣты — и въ то же утро цвѣтовъ было принесено такое количество, что ими покрыто было все тѣло умершаго. Въ послѣдніе дни жизни Шопень высказывалъ желаніе, чтобы при отпѣваніи его тѣла былъ исполненъ реквиѣмъ Моцарта, и это желаніе было исполнено. Торжественная панихида состоялась въ церкви S-te Madeleine 30 октября; въ исполненіи реквиѣма Моцарта участвовали всѣ лучшіе парижскіе артисты, партіи соло пѣли Полина Віардо-Гарсія, Кастелланъ и Лаблашъ. Кромѣ того, Лефевюръ-Вели исполнилъ на органѣ двѣ прелюдіи Шопена (H-moll и E-moll) и гробъ былъ поднятъ при звукахъ его же похороннаго марша (изъ сонаты B-moll), оркестрованнаго Реберомъ ¹⁾. Кисти покрова несли князь Александръ Чарторижскій, знаменитый живописецъ Делакруа, Франшомъ и Плейель ²⁾. Опущенные въ могилу останки были посыпаны землею изъ Польши, той самой, которою былъ наполненъ кубокъ, поднесенный Шопену въ день отъѣзда его изъ Варшавы и которую онъ съ благоговѣніемъ сохранялъ въ теченіи девятнадцати лѣтъ, высказывая желаніе, чтобы ею былъ посыпанъ его гробъ въ случаѣ, если ему не суждено быть похороненнымъ на родинѣ. Также согласно выраженной имъ волѣ, его сердце было отвезено въ Польшу и до настоящаго времени покоится въ востелѣ св. Креста въ Варшавѣ.

Шопень похороненъ на кладбищѣ Père Lachaise между Беллини и Керубини. Надъ его могилой стоитъ дорогой монументъ работы недавно умершаго скульптора Клевингера (мужа дочери Жоржъ Сандъ), сооруженный по подпискѣ. Врядъ ли чья нибудь могила посѣщалась чаще и чаще была украшаема цвѣтами, чѣмъ могила Шопена, и памятникъ надъ этой могилой былъ испещренъ надписями посѣтителей, приходившихъ поклониться праху великаго композитора; но всѣ эти надписи были уничтожены при недавнемъ реставрированіи монумента.

Все имущество Шопена, послѣ его смерти, было продано съ аукціона; все то, что было ему особенно дорого, что онъ любилъ видѣть около себя, было куплено его ученицей и горячей

¹⁾ Мейербергъ, идя въ погребальной процессіи, высказывалъ свое сожалѣніе, что не онъ инструментовалъ этотъ маршъ.

²⁾ См. указанное сообщеніе г-жи Цѣхонской въ „Kurjer Warszawski“ 1882.

поклонницей, миссъ Стирлингъ, и было увезено въ ея имѣніе въ Шотландіи, гдѣ она изъ всѣхъ этихъ вещей образовала нѣчто въ родѣ Шопеновскаго музея. Въ этой интересной коллекціи находились: прекрасный портретъ Шопена, писанный Ари Шефферомъ, роаль фабрики Плейеля, сервизъ севрскаго фарфора съ надписью: «Offert par Louis Philippe à Frédéric Chopin 1839», далѣе великолѣпная, дорогая шкатулка, подарокъ Ротшильда, наконецъ, кресла, ковры, салфетки все болѣею частью ручной работы ученицъ Шопена. По духовному завѣщанію миссъ Стирлингъ, всѣ эти вещи, послѣ ея смерти, были переданы матери Шопена и въ 1858 г. перевезены въ Варшаву; послѣ смерти же матери въ 1861 г. онѣ перешли въ собственность второй сестры Шопена, Изабеллы Барцинской, и помѣщались въ ея квартирѣ въ Варшавѣ же въ одномъ изъ двухъ домовъ графа Замойскаго, стоящихъ на соединеніи улицъ «Новаго Свѣта» и «Краковскаго предместья». Изъ этихъ домовъ, какъ сообщаетъ Карасовскій ¹⁾, во время послѣдняго польскаго восстанія, 19 сентября 1863 г. былъ сдѣланъ выстрѣлъ въ проѣзжавшаго мимо графа Берга и брошено нѣсколько орсиніевскихъ гранатъ, которыми были ранены лошади подъ конвойными, сопровождавшими намѣстника. Результатомъ этого покушенія было то, что оба дома Замойскаго немедленно были окружены войскомъ, всѣ живущіе въ нихъ были выведены и мужчины арестованы; затѣмъ солдаты бросились по квартирамъ этихъ домовъ и изъ оконъ полетѣли на тротуаръ мебель, зеркала, рояли, картины, книги, рукописи и проч., все конечно поломанное и порванное. Такъ какъ оба дома, находясь въ лучшей части города, были заняты преимущественно зажиточными семействами, то можно себѣ представить ту массу движимой собственности, которая была уничтожена въ нѣсколько минутъ. Изъ обломковъ солдаты сложили громадный костеръ, горѣвшій всю ночь. Квартира сестры Шопена не избѣгла, конечно, общей участи и все, что сохранялось какъ память о гениальномъ композиторѣ, погибло въ огнѣ ²⁾. Рассказываютъ, что одинъ офицеръ долго любовался портретомъ Шопена, прежде чѣмъ это художественное произведеніе Ари Шеффера попало въ костеръ. Прискорбнѣе всего, что при этомъ сгорѣла большая коллекція писемъ Шопена изъ Парижа, въ которыхъ онъ не только изливалъ свою душу, полную любви къ своимъ

¹⁾ Стр. 203.

²⁾ Случайно уцѣлѣлъ принадлежавшій Шопену роаль, находившійся въ то время на дачѣ у его племянницы, г-жи Цѣхонской.

роднымъ, друзьямъ и дорогой ему Польшѣ, и высказывалъ свои взгляды на жизнь и на искусство, но также описывалъ многихъ выдающихся лицъ, особенно представителей литературы и искусства, съ которыми находился въ близкихъ отношеніяхъ въ продолженіе своего девятнадцати-лѣтняго пребыванія въ Парижѣ. Тѣ немногія сохранившіяся письма Шопена, которыя помѣщены въ книгѣ Карасовскаго, доказываютъ большую наблюдательность Шопена, его воспримчивость къ самымъ различнымъ явленіямъ общественной и частной жизни, обнаруживаютъ замѣчательное остроуміе, а также ясность изложенія мыслей и легкость, съ которою онъ владѣлъ слогомъ. Поэтому можно думать, что погибшія въ огнѣ письма не только представляли громадный интересъ для музыкантовъ-спеціалистовъ и служили бы для лучшей характеристики личности Шопена, но имѣли болѣе обширное значеніе, обрисовывая многія стороны парижской общественной жизни въ эпоху 1831—1849 г.

IV.

Для дополненія нашего краткаго очерка, сдѣлаемъ нѣсколько общихъ замѣчаній относительно индивидуальности Шопена, относительно его личныхъ свойствъ какъ человѣка. Его характеръ, — говоритъ Листъ ¹⁾, который въ продолженіе долгаго времени находился въ самыхъ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Шопеномъ и пользовался его искреннѣйшею откровенностью, — его характеръ въ самыхъ разнообразныхъ своихъ проявленіяхъ, никогда не обнаруживалъ ничего, что бы не соответствовало самымъ утонченнымъ понятіямъ о чести или не было подсказано самыми благородными побужденіями, не смотря на то, что всѣ природныя свойства Шопена представляли, казалось, всѣ данныя, чтобы ему могли быть прощаемы противоположности и всевозможныя странности, — недостатки хотя извинительные, но невыносимые. Онъ обладалъ пламеннымъ горячимъ воображеніемъ, его чувства доходили до сильнѣйшей степени напряженія, — его физическая организація была слаба и болѣзненна. Кто можетъ понять страданія, происходящія отъ такого контраста? Они не могли не быть жестокими, но онъ никогда ихъ не обнаруживалъ; онъ хранилъ ихъ въ тайнѣ и скрывалъ подъ непроницаемымъ покровомъ гордаго спокойствія. Сосредоточенный въ самомъ себѣ, онъ изли-

¹⁾ Fr. Chopin, par Liszt, стр. 173.

валъ свою душу и свои чувства въ своихъ произведеніяхъ, вкладывая въ нихъ всю свою искренность, всѣ свои затаенныя печали и горести, всѣ невысказанныя жалобы. Онъ высказывалъ въ своихъ произведеніяхъ то, что религіозные люди изливаютъ только на колѣняхъ въ горячихъ молитвахъ: тѣ тайныя чувства и страданія, которыя предоставлено человѣку понимать безъ словъ, потому-что не дано словъ для ихъ выраженія.

Внѣшность Шопена, казалось, настолько гармонировала съ его характеромъ, что не требовала никакихъ комментаріевъ. Ростъ его былъ не выше средняго, тѣлосложеніе нѣжное; взглядъ его темно-карихъ ¹⁾ глазъ былъ скорѣе глубокомысленный, чѣмъ мечтательный; улыбка пріятная, искренняя. Особенно замѣчательнъ былъ цвѣтъ его лица—мягкій, тонкій, почти прозрачный; волосы были обильные, шелковистые, блонкурные съ пепельнымъ оттѣнкомъ (*cendré*); носъ римскаго очертанія, слегка, но выразительно изогнутый. Звукъ голоса немного глуховатый, часто подавленный (*etouffé*). Въ его обращеніи и разговорахъ сказывались манеры и привычки человѣка высшаго общества; его жесты были граціозны и разнообразны, всѣ движенія въ высшей степени изящны. Изящество было существенной чертой въ характерѣ Шопена; оно сказывалось и въ его одеждѣ, въ которой онъ относился всегда съ щепетильною требовательностью, и въ обстановкѣ его квартиры, устраниваемой имъ безъ особой роскоши, но всегда со вкусомъ, кокетливо и непремѣнно съ обиліемъ цвѣтовъ, которые очень любилъ.

Въ обществѣ онъ почти всегда являлся съ тою спокойною ровностью расположенія духа, которой какъ бы не касалось никакое душевное волненіе. Абсолютно исключая себя изъ тѣхъ разговоровъ, предметомъ которыхъ была его собственная личность, никогда не разговаривая о самомъ себѣ, о своихъ личныхъ чувствахъ и ощущеніяхъ,—онъ достигалъ того, что въ обществѣ, въ его присутствіи, его индивидуальность всегда оставалась въ сторонѣ. Намъ случалось,—говорить Листъ,—хотя и рѣдко, видѣть его поблѣднѣвшимъ и поблѣвшимъ до мертвеннаго цвѣта лица. Но и въ моменты самыхъ сильныхъ душевныхъ волненій, онъ оставался сосредоточеннымъ, скупымъ, какъ и обыкновенно, на слова и не высказывалъ своихъ впечатлѣній; черезъ минуту онъ уже вполне овладѣвалъ собою, его

¹⁾ Листъ говоритъ, что глаза Шопена были голубые, но Карасовскій безусловно опровергаетъ это и утверждаетъ, что его глаза были темно-карие.

энергическая воля всегда одерживала побѣду надъ пылкостью характера и физическою слабостью.

Сдержанность, замкнутость въ самомъ себѣ сказывалась у Шопена во всемъ. Съ дѣтства проникнутый ученіемъ католической церкви, онъ не любилъ разговоры о религіозныхъ мнѣніяхъ и тѣмъ болѣе религіозныхъ споровъ. Точно также онъ почти нивогда не вступалъ въ литературныя или политическія пренія. Патріотизмъ его явственно обнаруживался во многомъ: въ направленіи его творчества, въ выборѣ своихъ знакомыхъ, съ которыми онъ сближался тѣснѣе, въ частыхъ и значительныхъ услугахъ, оказываемыхъ имъ своимъ соотечественникамъ, и т. п. Но рѣдко онъ высказывался на словахъ относительно своего патріотизма. Въ первое время, по его пріѣздѣ въ Парижъ, одни принимали его за нѣмца, другіе за француза; Шопень энергично протестовалъ и съ гордостью горячаго патріота вездѣ объяснялъ, что онъ полякъ. Владѣя въ совершенствѣ французскимъ языкомъ, хотя и съ нѣкоторымъ польскимъ акцентомъ, онъ не любилъ имъ пользоваться, находя его слишкомъ холоднымъ, и съ удовольствіемъ восхвалялъ польскій языкъ, выставляя на видъ его благозвучность, богатство, выразительность и мягкость. Писемъ на французскомъ языкѣ онъ никогда не писалъ. Онъ исправно велъ переписку съ родными и друзьями, находящимися въ Польшѣ,—но исключительно только съ ними; а въ Парижѣ онъ тщательно избѣгалъ необходимости написать хотя бы коротенькую записку. Это была одна изъ его странностей,—говорить Листъ; самымъ вѣжливымъ образомъ онъ избѣгалъ разныя средства, чтобы не писать писемъ и часто предпочиталъ пройти съ одного конца города въ другой, чтобы узнать какое-нибудь ничтожное свѣдѣніе или чтобы отказаться отъ обѣда. Многіе близкіе его пріатели не знали его почерка. Отступленія отъ этого правила были немногія и то благодаря его благосклонности къ своимъ соотечественникамъ, поселившимся въ Парижъ: нѣкоторые изъ нихъ имѣли отъ него прекрасные автографы, но всѣ на польскомъ языкѣ.

Соотечественникамъ своимъ, полякамъ, Шопень выказывалъ особенное предпочтеніе; проживавшимъ въ Парижѣ польскимъ эмигрантамъ, въ случаѣ если кто изъ нихъ находился въ нуждѣ, онъ оказывалъ всякаго рода поддержку; онъ снабжалъ ихъ рекомендательными письмами, давалъ деньги, дарилъ одежду и разныя необходимыя имъ вещи. Княжна Чарторижская ежегодно устраивала въ Hôtel Lambert базары въ пользу бѣдныхъ польскихъ эмигрантовъ; на этихъ базарахъ Шопень всегда расхо-

валъ до 1,000 и болѣе франковъ на бездѣлушки, которыя потомъ раздаивалъ. Вообще его щедрость въ оказаніи помощи бѣднымъ соотечественникамъ не знала границъ, и неудивительно, что онъ умеръ бѣднякомъ. Кто бы ни пріѣзжалъ изъ Польши, знакомый Шопену или вовсе неизвѣстный, имѣющій къ нему рекомендательное письмо или безъ всякой рекомендаціи, — всегда находилъ у Шопена самый радушный пріемъ. Этимъ пріѣзжимъ Шопенъ позволялъ то, чего не предоставлялось никому, даже наиболѣе близкимъ парижскимъ друзьямъ — право нарушать его привычки. Онъ стѣснялся для нихъ, служилъ имъ въ качествѣ чичероне, показывая достопримѣчательности Парижа, устраивалъ для нихъ обѣды и оказывалъ массу услугъ лицамъ, о существованіи которыхъ наканунѣ не имѣлъ никакого понятія. Все это онъ дѣлалъ съ искреннимъ, нескрываемымъ удовольствіемъ и испытывалъ истинное наслажденіе, разговаривая на своемъ родномъ языкѣ, чувствовалъ себя посреди своихъ, какъ бы въ атмосферѣ своей дорогой отчизны. Онъ любилъ слушать печальные рассказы своихъ соотечественниковъ и любилъ утѣшать ихъ надеждой на лучшее будущее. Но никогда не любилъ Шопенъ говорить о дѣлахъ Польши и вообще рѣдко вступалъ въ горячіе, въ то время, политическіе споры, развѣ только изрѣдка указывая ложность или ошибочность высказываемыхъ при немъ мнѣній; своихъ-же теорій не излагалъ. Часто, говорить Листъ, онъ по цѣлымъ часамъ присутствовалъ при какомъ-нибудь политическомъ спорѣ, прохаживаясь по комнатѣ, но не произнося ни слова. Иногда его шаги дѣлались болѣе порывистыми и можно было подмѣчать у него нервныя вздрагиванія, когда онъ слышалъ какое-нибудь преувеличеніе; вообще по его лицу можно было видѣть, что онъ внимательно слѣдитъ за ходомъ разговора и находится подъ сильнымъ впечатлѣніемъ наиболѣе выдающихся мѣстъ; но, сдерживая желанія вставить свое слово въ споръ, казалось, говорилъ: *Il mondo va da se!*

Въ одной только сферѣ искусства Шопенъ нарушалъ усвоенную имъ систему молчанія и выходилъ изъ своего обычнаго индифферентизма. Въ спорахъ и въ сужденіяхъ объ искусствѣ онъ, ни при какихъ обстоятельствахъ, не отрекался высказывать свои взгляды и убѣжденія; въ этомъ сказывалось какъ бы законное сознаніе своей авторитетности въ вопросахъ подобнаго рода. Разъ поднявъ эти вопросы, онъ не оставлялъ сомнѣній относительно того, какъ онъ ихъ понимаетъ и какъ смотритъ на нихъ, и энергическими доказательствами отстаивалъ свои воззрѣнія. Когда въ 1832 г. возникла борьба изъ-за романтизма и классицизма,

онъ открыто и увѣренно присоединился къ приверженцамъ романтизма, во главѣ которыхъ стоялъ Берліозъ, какъ наиболее преданный ихъ идеѣ, наиболее смѣлый и наиболее энергичный. Листъ, также дѣятельный сотоварищъ Берліоза въ этой борьбѣ, говоритъ ¹⁾, что Шопень приложилъ много настойчивости къ освобожденію искусства отъ рабскихъ формулъ условнаго стиля и къ борьбѣ противъ шарлатанства тѣхъ, которые, смѣнивъ старыя заблужденія на заблужденія новыя, еще болѣе непріятныя, впадали въ преувеличенія, худшія и болѣе нестерпимыя чѣмъ монотонность. На своемъ знамени онъ выставилъ имя Моцарта, видя въ творцѣ «Реквіема» одного изъ первыхъ, открывшихъ музыкѣ новыя пути, и въ теченіе всего времени, пока продолжалась борьба противъ классицизма, онъ оставался неизмѣннымъ въ своихъ воззрѣніяхъ. Онъ не давалъ пощады никому изъ тѣхъ, которые по его убѣжденію обнаруживали стремленіе къ эксплуатаціи искусства, гоняясь за дешевыми эффектами и за успѣхомъ, рассчитаннымъ на удивленіе массы публики. Онъ сторонился артистовъ, не удовлетворявшихъ его воззрѣніямъ, и не жертвовалъ ни малѣйшей похвалы тому, что онъ не считалъ дѣйствительной побѣдой въ области искусства и серьезнымъ проявленіемъ художественной дѣятельности. Преданность искусству, безъ всякихъ постороннихъ цѣлей, дѣлала его неуязвимымъ и потому непоколебимымъ. Онъ нивогда не гонялся за поощреніемъ, отказываясь отъ какихъ бы то ни было вѣтшихъ, постороннихъ искусству, средствъ, которыя могли бы способствовать лучшему приему публикою его произведеній, и не заботясь о томъ, чтобы ускорить или облегчить ихъ распространеніе.

Нельзя сказать, чтобы Шопень не былъ нѣсколько односторонень, несмотря на его серьезное, искреннее и безпристрастное отношеніе къ искусству. Въ великихъ образцахъ и первостепенныхъ произведеніяхъ искусства, — продолжаетъ Листъ ²⁾, — онъ оцѣнивалъ вполнѣ только то, что отвѣчало его натурѣ; что приближалось къ ней — ему нравилось, всему остальному онъ едва отдавалъ справедливость. Не смотря на все его уваженіе къ Бетховену, нѣкоторыя части изъ его произведеній казались ему слишкомъ грубо (*rudement*) отесанными; ихъ структура была слишкомъ атлетична, чтобы удовлетворять Шопена, онъ находилъ, что въ нихъ страстность слишкомъ приближается къ изступленію и рѣзкіе контрасты, встрѣчаемые въ твореніяхъ этого гения, были для

¹⁾ F. Chopin par Liszt, стр. 191.

²⁾ Тамъ же, стр. 193.

него иногда почти тагостными. Признавая всю прелесть въ мелодіяхъ Шуберта, онъ находилъ, что нѣкоторыя изъ нихъ слишкомъ реально-выразительны. Все, что было хотя сколько-нибудь грубовато, отталкивало Шопена; также ему было непріятно все, что приближалось къ мелодрамѣ, какъ въ музыкѣ, такъ и въ литературѣ, и въ жизни. Онъ удалялъ отъ себя неистовую и бѣшеную сторону романтизма и не выносилъ злоупотребленія эффектами. Реальность въ искусствѣ также ему не нравилась; такъ, напримѣръ, онъ любилъ Шекспира только съ очень большими ограниченіями, находя его характеры слишкомъ близкими къ природѣ, и предпочиталъ стихотворенія лирическія и эпическія, въ которыхъ «бѣдныя подробности челоуѣчества остаются въ тѣни». Въ итальянской музыкѣ Шопену не нравилось все то, что въ ней есть непосредственнаго, блестящаго и вмѣстѣ съ тѣмъ далекаго отъ эрудиціи; въ нѣмецкой музыкѣ онъ не любилъ, что носитъ печать народной энергіи, хотя бы и мощной. Гуммель былъ однимъ изъ тѣхъ фортепіаннхъ композиторовъ, которыхъ онъ перечитывалъ съ наибольшимъ удовольствіемъ. Моцартъ представлялся его глазамъ идеальнымъ типомъ, поѣтому раг excellence, потому что онъ рѣже другихъ переступалъ границы, отдѣляющія благородство отъ вульгарности.

Относительно значенія непосредственнаго участія Шопена въ борьбѣ противъ классицизма и относительно вліянія, оказываемаго имъ на свою партію, Листъ говоритъ приблизительно въ слѣдующихъ выраженіяхъ¹⁾. — Наша тогдашняя борьба, наши первые опыты, еще полные колебаній и неувѣренности, промаховъ и преувеличеній, нашли опору въ рѣдкой твердости убѣжденій Шопена, въ его непоколебимомъ спокойствіи, въ стойкости его характера, недоступной утомленію и обольщеніямъ. Въ то же время, мы встрѣчали дѣйствительную поддержку въ его произведеніяхъ, отвѣчавшихъ нашимъ теоріямъ; его солидныя знанія, привычка къ обдуманности, культъ къ классическимъ красотамъ, въ которомъ онъ былъ воспитанъ, предохраняли его отъ траты силъ на несчастные и неудачные поиски наугадъ, ошупью, какъ случалось со многими партизанами новыхъ идей. Позднѣе, когда торжество романтизма уменьшило интересъ борьбы, Шопенъ не искалъ болѣе другихъ случаевъ, чтобы стать во главѣ какой-нибудь партіи. Онъ принималъ участіе въ борьбѣ, въ силу своего убѣжденія абсолютнаго, твердаго и непоколебимаго; но какъ только увидѣлъ, что его принципы пріобрѣли уже доста-

¹⁾ Тамъ же, стр. 197—199.

точно поборниковъ, чтобы господствовать въ настоящемъ и въ будущемъ, онъ устранился отъ борьбы, дѣйствуя въ этомъ случаѣ какъ настоящій *grand seigneur* и настоящій вождь побѣдитель, который не станетъ добивать побѣжденнаго врага и преслѣдовать его аррьергардъ, но которому достаточно убѣдиться въ безопасности своего дѣла, чтобы не вмѣшиваться болѣе въ толпу сражающихся.

На искусство Шопень смотрѣлъ какъ на прекрасное святое призваніе и, гордый этимъ призваніемъ, онъ относился къ культу искусства съ благоговѣніемъ; его искренняя преданность этому культу выразилась и передъ самой его смертью въ частномъ фактѣ, значеніе котораго объясняется старыми польскими обычаями. По этимъ обычаямъ умирающіе часто выбирали тѣ одѣянія, въ которыхъ они желали быть похороненными и нерѣдко приготавливали ихъ заранее. Обыкновенно люди религіозные выбирали монашеское одѣяніе, другіе—костюмы, соотвѣтствующіе роду ихъ дѣятельности во время жизни, въ томъ случаѣ, если эта дѣятельность оставляла славныя воспоминанія; если же нѣтъ, то отказывались отъ такихъ костюмовъ. Шопень передъ смертью требовалъ, чтобы его похоронили въ томъ платьѣ, которое онъ надевалъ, когда давалъ свой послѣдній концертъ; покидая жизнь, онъ хотѣлъ засвидѣтельствовать, по обычаю своей родины, нѣмымъ символомъ въ гробу, свою преданность искусству, неизмѣнную въ продолженіе всей его жизни.

Насколько Шопень былъ преданъ и вѣренъ искусству, настолько же онъ оказывалъ расположеніе и любовь къ своимъ родителямъ, къ сестрамъ и къ друзьямъ. Съ родными, не смотря на продолжительную съ ними разлуку, онъ съ большою заботливостью поддерживалъ самыя теплыя отношенія; не довольствуясь частой перепиской, онъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы послать имъ изъ Парижа подарокъ, какуюнибудь бездѣлушку, модную новинку, и т. п., чѣмъ, по его мнѣнію, онъ могъ доставить имъ удовольствіе. Онъ настаивалъ, чтобы всѣ эти вещи, какъ бы ничтожны и незначительны онѣ ни были, непременно сохранялись и служили постояннымъ воспоминаніемъ о немъ. Съ своей стороны онъ придавалъ большую цѣну всякому выраженію любви своихъ родныхъ; получать отъ нихъ письма или посылки было для него праздникомъ. Этимъ удовольствіемъ онъ ни съ кѣмъ не дѣлился, но оно выражалось само собой такъ явственно, что его пріатели, безъ его словъ, знали, когда онъ получалъ извѣстія изъ Варшавы. Его заботливость о вещахъ, получаемыхъ отъ родителей или сестеръ, доходила до

щепетальности; малѣйшія изъ нихъ были для него драгоценными и онъ не позволялъ никому до нихъ даже дотрогиваться.

Точно также въ отношеніи своихъ друзей онъ выказывалъ много теплоты, искренности и участія. Всѣ его письма, напимѣръ къ Войцѣховскому и Матушинскому, которые были его товарищами по школѣ, свидѣлствуютъ о рѣдкой сердечной привязанности. Въ такихъ же дружескихъ отношеніяхъ онъ былъ и съ Листомъ, портретъ котораго всегда висѣлъ надъ роялемъ въ квартирѣ Шопена. Между обоими артистами не было и тѣни сопернованія или зависти и они питали другъ къ другу взаимное уваженіе. Карасовскій рассказываетъ, что однажды они были вмѣстѣ въ одномъ обществѣ, и Шопенъ хотѣлъ играть, но оказалось, что у рояля не дѣйствовала попортившаяся педаль; Листъ вызвался помочь горю и, помѣстившись подъ роялемъ, дѣйствовалъ педалью съ помощью рукъ, во все время, пока игралъ Шопенъ. Другой разъ Листъ началъ играть въ большомъ обществѣ одинъ изъ ноктюрновъ Шопена, вводя въ него свои украшенія; Шопенъ прервалъ его игру словами: «Прошу тебя, милый другъ, когда ты играешь мои произведенія, то исполняй ихъ такъ, какъ они написаны, или играй что-нибудь другое». — Ну, такъ играй самъ!—отвѣчалъ Листъ и всталъ изъ-за рояля. Шопенъ занялъ его мѣсто и игралъ цѣлый часъ. Когда онъ кончилъ, взволнованный Листъ обнялъ его и сказалъ: «Да, ты правъ! Произведенія какъ твои нельзя трогать; всякое произвольное измѣненіе только портитъ ихъ. Ты—настоящій поэтъ!» Позднѣе, теплая дружба, связывавшая двухъ геніальныхъ артистовъ, значительно охладѣла, а потомъ совсѣмъ прекратилась, и Шопенъ въ своихъ позднѣйшихъ письмахъ горько жаловался на Листа. Что было причиной этой перемѣны, неизвѣстно; биографъ Листа, Раманнъ ¹⁾ предполагаетъ, что въ этомъ сказывалось вліяніе «атмосферы Ногана» (Nohant Luft), которое было неблагоприятно для Листа. Но самъ Листъ нисколько не измѣнился въ своемъ расположеніи къ Шопену; доказательствомъ служить его книга о Шопенѣ, написанная въ 1850 г.; такъ могъ писать только тотъ, кто глубоко уважалъ и горячо любилъ геніальнаго композитора.

Не смотря на черту грусти и мечтательности, которая сказывалась и въ жизни Шопена, и особенно выступаетъ въ его произведеніяхъ, въ основѣ его характера были тѣ же бодрость и ве-

¹⁾ „Franz Liszt als Künstler und Mensch“ von L. Ramann. I Band. Leipzig. 1880.

селость, которыми онъ отличался въ дѣтскомъ и юношескомъ возрастѣ. Многие изъ его современниковъ, и въ томъ числѣ Жоржъ Сандъ, свидѣтельствуютъ о его замѣчательномъ, выходящемъ изъ ряду, остроуміи; онъ быстро подмѣчалъ смѣшное далеко еще за тѣми предѣлами, когда оно бросается всѣмъ въ глаза, и любилъ подсмѣяться, подшутить и всѣ его шутки были еще тѣмъ пикантнѣе, что никогда не выходили изъ границъ добродушія и хорошаго вкуса. «Кто бы повѣрилъ, — писалъ Мошелесъ въ 1839 г. своей женѣ изъ Парижа, — что Шопень, при всей своей сентиментальности, обладаетъ комической жилкой?» Эта жилка сказывалась особенно въ его искусствѣ къ пантомимѣ и къ подражанію; копируя кого-нибудь, онъ повторялъ его жесты и движенія съ поразительнымъ сходствомъ и не только воспроизводилъ всю фигуру подражаемаго, но даже воспроизводилъ его фیزیономію, съ необыкновенною легкостью подвергая черты своего лица самымъ удивительнымъ метаморфозамъ. Подобная способность къ подражательности проявилась у него еще съ дѣтства и впоследствии развилась до такой степени, что извѣстные французскіе актеры того времени, какъ, на примѣръ, Воккашъ и г-жа Дорваль, утверждали, что имъ еще не приходилось видѣть подобнаго совершенства въ этомъ родѣ ¹⁾. Особенно удачно копировалъ Шопень своихъ собратьевъ по искусству, пианистовъ Листа, Кальбреннера, Пиксиса и др.; сидя за роялемъ, онъ подражалъ ихъ манерамъ и привычкамъ и удивительно передавалъ характеръ ихъ игры со всѣми ея особенностями; Листъ чаще другихъ подвергался подобной копировкѣ, и нерѣдко сердился, когда это дѣлалось въ обществѣ и въ его присутствіи.

Какъ полякъ по происхожденію, Шопень не лишенъ былъ нѣкотораго лукавства (*malice*), — говоритъ Листъ ²⁾; — его частыя сношенія съ Берліозомъ, Гиллеромъ и нѣкоторыми другими извѣстными лицами, изощрившимися въ ѣдкихъ выраженіяхъ, еще болѣе обострили его способность къ колкимъ замѣчаніямъ, къ ироническимъ и двусмысленнымъ отвѣтамъ; но эта сторона его остроумія была пріобрѣтенною, выработанною способностью и не доставляла ему удовольствія. Между прочимъ, онъ умѣлъ ловко наказывать ядовитымъ отвѣтомъ тѣхъ, кто пробовалъ явно эксплуатировать его талантъ; весь Парижъ рассказывалъ, какъ онъ отвѣ-

¹⁾ Объ этой способности Шопена упоминаетъ также Бальзакъ. Въ его романѣ „Un homme d'affaire“ есть такое выраженіе: „il est doué du même talent, que Chopin le pianiste possède à un si gros degré, pour contrefaire les gens, il représentait le personnage à l'instant avec une effrayante vérité“.

²⁾ Fr. Chopin par Liszt, стр. 178.

тилъ одному промахнувшемуся амфитріону, когда тотъ, послѣ обѣда, желая угостить своихъ гостей, какъ рѣдкимъ десертомъ, нѣсколькими пьесами, исполненными Шопеномъ, показалъ ему открытый рояль. Шопенъ отказался играть; наконецъ, видя неотступныя требованія хозяина, отвѣтилъ ему: «Ah! monsieur, je n'ai presque pas diné!» Но въ тѣхъ случаяхъ, когда Шопенъ зналъ, что своей игрой дѣйствительно доставитъ удовольствіе, то не скупился своимъ талантомъ. Луи Бланъ сообщаетъ ²⁾, что однажды онъ пріѣхалъ къ Шопену и сказалъ ему, что находящійся при смерти республиканецъ Кавеньякъ (двоюродный братъ знаменитаго генерала) выразилъ желаніе послушать музыку; Шопенъ немедленно поѣхалъ къ Кавеньяку и игралъ на его весьма плохомъ роялѣ; умирающій рыдалъ, слушая его игру.

Вмѣстѣ съ веселостью характера, Шопенъ сохранялъ, въ продолженіе всей жизни, нравственную чистоту, граничащую съ чисто-юношескою наивностью и неутраченную въ житейскихъ буряхъ. Онъ охотно проводилъ цѣлые вечера, играя съ дѣтьми, рассказывая имъ забавныя исторіи, заставляя ихъ смѣяться и безгранично наслаждаясь ихъ смѣхомъ; точно также онъ любилъ *saucerie* въ дамскомъ обществѣ и почти каждый вечеръ проводилъ въ кругу своихъ знакомыхъ, преимущественно польскихъ и аристократическихъ семействъ, гдѣ онъ былъ настоящимъ любимцемъ и баловнемъ графинь и княгинь.

Природа и сельская или дачная жизнь болѣе всего подходила къ вкусамъ Шопена и къ требованіямъ какъ его впечатлительной натуры, такъ и его слабаго здоровья. Искусство могло заставить его позабыть на время природу, поэтому онъ любилъ Парижъ, но бывалъ счастливъ каждый разъ, когда покидалъ его. Какъ только пріѣзжалъ онъ куда-нибудь на дачу, какъ только онъ видѣлъ вокругъ себя сады, виноградники, деревья, цвѣты, — онъ чувствовалъ себя совсѣмъ другимъ человекомъ, какъ бы переродившимся. Къ нему возвращался аппетитъ, его веселость не знала границъ, онъ блисталъ остроуміемъ; онъ забавлялся всѣмъ и со всѣми, съ необыкновенною изобрѣтательностью придумывая разнообразныя развлеченія. Прогулки не наскучали ему, онъ могъ много ходить и ѣздить. Все окружающее производило на него живое впечатлѣніе и изъ его словъ можно было заключить, что, находясь на поляхъ, на лугахъ и пашняхъ, которыя почти одинаковы во всѣхъ странахъ, и видя себя окру-

¹⁾ См. „Histoire de la Révolution“ 1848. Vol. II.

женнымъ поселянами, болѣе напоминающими сельское населеніе Польши, чѣмъ парижане или вообще жители большихъ городовъ,—онъ чувствовалъ себя ближе къ своей родинѣ, о которой тосковалъ въ теченіе своего девятнадцатилѣтняго пребыванія въ Германіи и во Франціи. Также и работать Шопень предпочиталъ на дачѣ, когда чистый и здоровый воздухъ укрѣплялъ его организмъ, увядавшій въ дыму и въ затхлой атмосферѣ городскихъ жилищъ. Многія изъ лучшихъ его произведеній, написанныя имъ во время подобной дачной жизни, заключаютъ, быть можетъ, воспоминанія о счастливѣйшихъ дняхъ его жизни.

V.

Творческая дѣятельность Шопена, какъ извѣстно, не выходила изъ сферы фортепیانной музыки. Онъ не писалъ ни оперъ, ни ораторій, ни симфоній, ни увертюръ, писалъ исключительно только для фортепіано, весьма рѣдко прибѣгая къ помощи оркестра ¹⁾ въ видѣ акомпанимента, еще рѣже къ помощи отдѣльныхъ инструментовъ ²⁾ или голоса ³⁾. Тѣмъ не менѣе, и въ столь ограниченной, тѣсной сферѣ, употребляя для выраженія своихъ чувствъ и музыкальныхъ идей, поражающихъ глубиною своего содержанія, одно фортепіано,—онъ достигалъ такихъ громадныхъ результатовъ, что имя его въ исторіи музыки стоитъ въ ряду тѣхъ немногихъ гениальныхъ композиторовъ, которые призваны были къ движенію искусства впередъ. Будучи замѣчательно богатымъ мелодистомъ и изумительно тонкимъ гармонистомъ, поражая своею изобрѣтательностью и смѣлостью, съ которою онъ открывалъ музыкѣ новые пути,—онъ, казалось, обладалъ всѣми данными для наиболѣе широкой творческой дѣятельности, но добровольно замкнулся въ ограниченныя рамки одного инструмента и подобное самоограниченіе ему ставятъ вполне справедливо въ особенную заслугу.

1) Произведенія Шопена съ оркестромъ слѣдующія: „La ci darem la mano“ varié op. 2, концертъ для фортепіано op. 11, Grande Fantaisie sur les airs polonais op. 18, „Краковякъ“ grand rondeau de concert op. 14, концертъ для фортепіано op. 21 и Grande polonaise brillante précédée d'une Andante spianato op. 22.

2) Introduction et Polonaise brillante pour piano et violoncelle op. 3, Trio pour piano, violon et violoncelle op. 8, Sonate pour piano et violoncelle op. 65 и Grand Duo concertant pour piano et violoncelle sur des thèmes de „Robert le Diable“ par Chopin et Franchomme.

3) Семнадцать польскихъ пѣсенъ съ акомпаниментомъ фортепіано.

Геній Шопена, — говоритъ Листъ ¹⁾, — былъ достаточно глубокъ и особенно достаточно богат и его музыкальныя идеи были достаточно обширны и многочисленны, чтобы соответствовать всѣмъ требованіямъ широкихъ инструментальныхъ произведеній. На упреки педантовъ въ отсутствіи полифоніи въ его произведеніяхъ ²⁾, можно возразить, что полифонія, оставаясь наиболѣе удивительнымъ, наиболѣе могущественнымъ и величественнымъ средствомъ музыкальнаго генія, представляетъ только одно изъ средствъ, одинъ изъ родовъ выраженія, одну изъ формъ стили въ искусствѣ, и художнику предоставляется пользоваться этимъ средствомъ и этой формой по его усмотрѣнію, когда онъ находитъ ихъ необходимыми или полезными для выраженія своей идеи или своего чувства. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда природа его генія или характеръ избранныхъ имъ сюжетовъ не требуетъ этихъ формъ, не нуждается въ этихъ средствахъ, онъ оставляетъ ихъ въ сторонѣ, точно такъ же какъ оставляетъ турецкій барабанъ, кларнетъ, басъ или виольд'амуръ, когда ему не нужны эти инструменты. Конечно, употребленіе или неупотребленіе тѣхъ или другихъ приѣмовъ свидѣтельствуютъ о характерѣ и достоинствѣ генія. Но геній художника проявляется тѣмъ чувствомъ, которымъ вызывается творчество, имѣруется глубиною и благородствомъ этого чувства и опредѣленно обнаруживается въ полнѣйшемъ соответствіи выражаемаго *чувства* и той *формы*, въ которой оно выражается, и въ совершеннѣйшемъ ихъ сліяніи до такой степени, когда они, чувство и форма, составляютъ одно цѣлое, причемъ форма представляетъ естественную оболочку, непосредственное отраженіе чувства. Можно назвать цѣлый рядъ произведеній Шопена, имѣющихъ стиль и характеръ вполне оркестровыхъ произведеній ³⁾ и инструментовка которыхъ представляетъ если не легкую, то въ высшей степени благодарную задачу. Эти произведенія служатъ лучшимъ и нагляднымъ доказательствомъ, что Шопень могъ, но не желалъ писать симфонической музыки, въ какой бы то ни было изъ ея формъ и это не было ни излишнею скромностью, ни неумѣстнымъ пренебреженіемъ; это было ясное и опредѣленное сознаніе формы, наиболѣе соответствующей для выраженія его музыкальныхъ идей и его чувства. Замыкаясь въ рамки исключительно фортепіанной музыки, Шопень далъ доказательство одного изъ

¹⁾ F. Chopin par Liszt. стр. 8.

²⁾ Многія произведенія Шопена фактически опровергаютъ этотъ упрекъ; на лучшіе образцы шопеновской полифоніи мы укажемъ ниже.

³⁾ Напримѣръ Половези A-dur, A-dur и Fis-moll; 3-е Скерцо, фантазія F-moll и друг.

драгоценнѣйшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣдкихъ качествъ въ художникѣ: доказательство вѣрной оцѣнки формы, въ которой ему предоставлено творить. Но сколько нужно было сознательной рѣшимости, чтобы, обладая такими высшими способностями, мелодическими и гармоническими, добровольно отказаться отъ тѣхъ роскошныхъ средствъ, которыя представляетъ оркестръ, и ограничиться сферой болѣе тѣсной, хотя и болѣе идеализированной. Какая проникаемость и какое довѣріе къ будущему могуществу своего инструмента должны были предшествовать его добровольному отреченію? Съ какимъ уваженіемъ и вмѣстѣ удивленіемъ должны мы относиться къ тому безпримѣрному служенію искусству, которое заставило Шопена пренебречь всеобщую склонность къ распредѣленію между сотнею пюпитровъ каждаго отрывка мелодіи и дало ему возможность обогатить художественныя средства, концентрируя ихъ въ тѣсной сферѣ, и достигать выраженія своихъ идей на клавишахъ фортепіано, не утрачивая нисколько энергіи и выразительности и не претендуя на эффекты ансамблей или на широкіе размахи декоративности. Такой исключительный выборъ, который мы ставимъ Шопену въ особенную заслугу, безъ сомнѣнія, значительно вредилъ да и теперь вредитъ значенію его извѣстности. Въ настоящее время, правда, его произведенія исполняются повсюду, и врядъ-ли найдется уголокъ, гдѣ-бы имя Шопена не пользовалось уваженіемъ; но едва-ли достаточно серьезно и достаточно внимательно оцѣнивается творчество его тонкаго рѣзца даже музыкантами-специалистами, не говоря уже о массѣ любителей музыки, привыкшей признавать право на великое имя только за тѣми композиторами, которые написали по меньшей мѣрѣ полъдюжины оперъ, столько же ораторій, нѣсколько симфоній и т. п.

Начало творческой дѣятельности Шопена относится къ тому періоду, когда въ Европѣ, устывшей уже отдохнуть и окрѣпнуть послѣ кровопролитныхъ наполеоновскихъ войнъ, опять начала развиваться интеллектуальная жизнь, и военная слава, господствовавшая еще такъ недавно, уступила свое мѣсто наукѣ и искусству. Въ возстановленной Наполеономъ I-мъ Польшѣ все сильнѣе и сильнѣе проявлялось сознаніе національной гордости и ея наиболѣе даровитые люди старались поднять польскую литературу и искусство. Начали выступать новыя идеи, что классическія формы не вполне соотвѣтствуютъ національному польскому характеру и что культура, въ совокупности всѣхъ своихъ ингредиентовъ, должна создаваться изъ самой жизни, изъ народныхъ обычаевъ и привычекъ. Представителемъ этого новаго на-

правления былъ профессоръ польской литературы въ варшавскомъ университетѣ Казиміръ Бродвинскій, развивавшій свои взгляды съ кафедръ и въ печати. Около него сгруппировался кружокъ талантливыхъ людей, въ главѣ котораго вскорѣ сталъ поэтъ Мицкевичъ и повелъ энергическую борьбу противъ классицизма. Именно въ то время, когда эта борьба находилась въ наибольшемъ оживленіи, Шопенъ созналъ въ себѣ стремленіе къ творчеству и, вращаясь въ кругу молодежи, которая увлекалась народною поэзіею и въ ней находила основныя начала литературы, весьма естественно усвоилъ ихъ идеи и конечно старался примѣнить ихъ и въ музыкѣ. Поэтому, когда Шопену случалось ѣздить по окрестностямъ Варшавы или проводить лѣто въ деревнѣ,—онъ съ жадностью прислушивался къ народнымъ мелодіямъ сельскихъ пѣвицъ и деревенскихъ скрипачей. Эти мелодіи, какъ вообще національныя пѣсни и танцы славянскихъ народовъ, рѣзко отличаются отъ романскихъ и германскихъ народныхъ мелодій какъ совершенно своеобразнымъ характеромъ, такъ и чисто техническими сторонами своего строенія: ритмомъ, разнообразіемъ размѣровъ такта, наконецъ своими тональностями, не подходящими къ обще-европейскимъ диатоническимъ гаммамъ, но скорѣе примыкающими къ ладамъ древне-греческихъ напѣвовъ. Оригинальная красота польскихъ пѣсентъ, мазурокъ, краковяковъ увлекала юнаго композитора; величайшимъ наслажденіемъ было для него запоминать эти мелодіи,—потомъ идеализировать ихъ въ своихъ импровизаціяхъ и сочиненіяхъ и придавать имъ законченную художественную музыкальную форму.

Такимъ образомъ развитіе творчества Шопена, въ самомъ юношескомъ возрастѣ, началось подъ вліяніемъ народной польской музыки, и это вліяніе было столь сильное, что дало направление всей позднѣйшей его творческой дѣятельности, сохранившей вполне національный характеръ, не смотря на продолжительное пребываніе его въ Парижѣ, гдѣ написана большая и лучшая часть его произведеній. Одинъ изъ польскихъ писателей ¹⁾ указываетъ, что «музыка Шопена представляетъ совершенно особенное значеніе въ томъ отношеніи, что она съ болѣею славой, чѣмъ какая либо другая, служитъ представительницей націи въ области музыкальнаго искусства; она приноситъ намъ честь, предоставляя намъ самостоятельное положеніе, каковаго мы прежде не имѣли. Она почерпнута изъ того-же род-

¹⁾ Станиславъ Тарновскій, профессоръ польской литературы въ краковскомъ университетѣ.

нива, изъ котораго проистекаетъ и наша народная поэзія». Дѣйствительно, никто изъ композиторовъ не сдѣлалъ столько для развитія національной польской музыки какъ Шопень; въ этомъ отношеніи его можно сравнить съ М. И. Глинкой; Шопень въ развитіи польской національной музыки имѣетъ такое же значеніе, какъ Глинка въ развитіи музыки русской. Оба они, черпая изъ источника народного творчества, внесли въ музыку духъ и характеръ національности и своими гениальными произведеніями не только положили начало русской и польской школы музыки, не только доставили этимъ школамъ прочное, самостоятельное положеніе, но сразу поставили ихъ выше уровня современнаго развитія искусства ¹⁾.

Шопень, какъ мы уже говорили, съ самаго дѣтства вращался въ кругу польскихъ аристократовъ и, съ раннихъ лѣтъ усвоивъ ихъ манеры, привычки и убѣжденія, всегда считалъ высшее общество наиболѣе для себя соотвѣтствующимъ, пожалуй даже необходимымъ. Это также оказало нѣкоторую долю вліянія на направленіе его творчества; поэтому въ произведеніяхъ Шопена, наиболѣе проникнутыхъ національнымъ польскимъ характеромъ, въ полонезахъ, мазуркахъ, балладахъ, отражается не только духъ польскихъ поселянъ, крестьянъ, увлекавшихъ его, въ юношескіе годы, своими народными пѣснями, но также духъ старой польской аристократіи съ ихъ традиционнымъ рыцарствомъ, блескомъ и пышностью. Разбирая полонезы Шопена, Листъ, между прочимъ, говоритъ ²⁾, что Шопень, подъ вліяніемъ воспоминаній своего дѣтства, не менѣе, конечно, чѣмъ и подъ вліяніемъ исторіи и поэзіи своего отечества, индуктивно понялъ тайну древняго престижа Польши, и вывелъ его изъ забвенія, обезсмертивъ въ своей музыкѣ. Стоитъ только вспомнить, на примѣръ, шопеновскіе полонезы A-dur и As-dur, чтобы понять, съ какимъ дѣйствительно блескомъ, пышностью и чисто аристократическимъ достоинствомъ изображалъ гениальный художникъ прошлое величіе своего отечества.

На національный характеръ произведеній Шопена указывалъ также и Шуманъ; сильная оригинальная національность, и именно польская, выделяетъ Шопена изъ другихъ композиторовъ, — пи-

¹⁾ При всей аналогичности значенія обоихъ композиторовъ, какая разница въ распространеніи ихъ произведеній. Произведенія Шопена, благодаря тому, что написаны для такого распространеннаго инструмента какъ фортепиано, извѣстны повсюду, тогда какъ оперы Глинки далѣе Россіи не идутъ; за границей, за исключеніемъ лишь очень немногихъ музыкантовъ, ихъ никто не знаетъ.

²⁾ F. Chopin par Liszt, стр. 45.

салъ онъ въ 1836 г. ¹⁾, — и такъ какъ теперь эта національность въ траурѣ, то въ его произведеніяхъ она охватываетъ насъ еще сильнѣе. «Благо для Шопена, — прибавляетъ Шуманъ, — что нейтральная Германія съ перваго момента встрѣтила его не слишкомъ сочувственно, и онъ уѣхалъ въ одну изъ міровыхъ столицъ, гдѣ можетъ свободно сочинять и гнѣваться; если бы могущественный самодержавный монархъ съвера зналъ, какой опасный врагъ угрожаетъ ему въ шопеновскихъ произведеніяхъ, — онъ запретилъ бы музыку. Произведенія Шопена — это пушки, скрытыя въ цѣпяхъ».

Ну, пушекъ и опасныхъ угрозъ въ произведеніяхъ Шопена, пожалуй, что и нѣтъ; но что въ нихъ за красотою и граціею скрывается много глубокаго чувства, печали и скорби, это будетъ болѣе справедливо. Шопенъ, оторванный почти насильственно отъ Польши, отъ своихъ родныхъ и отъ друзей своей юности, сильно страдалъ тоской по родинѣ и всей своей впечатлительной душой скорбѣлъ о несчастіяхъ, постигшихъ Польшу, о несчастіяхъ, которыя не могли ему казаться иначе, какъ жесточайшими ударами судьбы. Эти скорби, эта продолжительная тоска по родинѣ, положили отпечатокъ грусти на его характеръ, въ основаніи своемъ веселый, и внесли въ его произведенія много мечтательности и тоски, доходящей до болѣзненности. Листъ сообщаетъ ²⁾, что однажды, въ интимномъ разговорѣ, спросили Шопена: какимъ словомъ назоветъ онъ то удивительное чувство, заключающееся въ его произведеніяхъ, которое заставляетъ благоговѣнно преклоняться передъ ними, не смотря на то, что по внѣшности они такъ нѣжны и граціозны? На это онъ отвѣчалъ, что какія бы ни были у него проходящія проявленія веселости, онъ никогда, однако, не освобождался отъ чувства, составляющаго въ нѣкоторомъ родѣ почву его сердца, и что для опредѣленія этого чувства онъ находитъ выраженіе только на своемъ родномъ языкѣ, не зная на другихъ равнозначнаго польскому слову *żał*. Имя существительное страннаго разнообразія и странной философіи, — объясняетъ Листъ; — до тѣхъ поръ пока его прямое значеніе примѣняется къ фактамъ и къ предметамъ, оно заключаетъ въ себѣ все умиленіе и смиреніе скорби покорной и безропотной, и тогда можетъ быть переведено: «неутѣшная скорбь послѣ невозвратной потери», но при обратномъ значеніи этого слова, когда оно относится къ опре-

¹⁾ Gesammelte, Schriften von R. Schumann, I, стр. 164.

²⁾ F. Chopin par Liszt, стр. 23 - 25.

дѣленной личности, оно тотчасъ мѣняетъ свою фізіономію и не имѣетъ болѣе синонимовъ ни въ латинскихъ, ни въ германскихъ нарѣчіяхъ. Чувства болѣе возвышеннаго, болѣе широкаго, болѣе благороднаго, чѣмъ слово <grief> (обѣда), оно означаетъ поводъ къ непріязни, стремленіе къ упрекамъ, желаніе мщенія, неумолимую угрозу, скрывающуюся въ глубинѣ сердца. Шопень часто повторялъ слово *Zal*, какъ будто его ухо жаждало этого звука, въ которомъ онъ находилъ всю гамму чувствъ, вызываемыхъ глубокою скорбью; этимъ словомъ проникнуты въ большей или меньшей степени всѣ его произведенія.

Самостоятельность, индивидуальность творчества видна даже и въ первыхъ изъ извѣстныхъ произведеній Шопена, написанныхъ имъ еще въ юношескомъ возрастѣ; съ самаго начала своей композиторской дѣятельности онъ не подчинялся никакому направленію, никакому авторитету. Пожалуй, въ первыхъ произведеніяхъ можно замѣтить нѣкоторое вліяніе Гуммеля, который, какъ уже упоминалось, былъ однимъ изъ любимѣйшихъ его композиторовъ; это вліяніе явственнѣе всего сказывается въ первомъ Рондо, составляющемъ 1-йopus Шопена. Но уже во второмъ произведеніи, въ варіаціяхъ на моцартовскую тему <La ci darem la mano> выразилась смѣлость и новизна музыкальных идей и полнѣйшая самостоятельность въ замыслѣ и въ разработкѣ, которая сразу обратила на себя вниманіе. Шуманъ, едва ли не самый строгій изъ музыкальных критиковъ, привѣтствовалъ этотъ 2-йopus, какъ произведеніе гения. <Nur ab, ihr Herren, ein Genie!> (Шапку долой, господа, передъ нами гений) писалъ онъ ¹⁾ въ своемъ музыкальномъ журналѣ, разбирая это произведеніе юнаго композитора. <Все цѣлое, — говоритъ онъ объ этихъ варіаціяхъ, — драматично и достаточно въ шопеновскомъ родѣ (hinreichend Chopinisch)... Въ каждомъ тактѣ виднѣнъ гений>. О другомъ, также одномъ изъ раннихъ произведеній Шопена, именно о его тріо для фортепіано, скрипки и виолончеля (op. 8), Шуманъ отзывался въ слѣдующихъ выраженіяхъ ²⁾: <Какъ оправдалъ Шопень наше пророчество, какъ побѣдоносно выступаетъ онъ въ битвѣ съ филистерами и невѣждами, какъ стремится онъ впередъ и все проще, все художественнѣе... Объ этомъ тріо можно сказать только то, что сказалъ бы каждый, находясь подъ непосредственнымъ его впечатлѣніемъ, — что оно благородно, насколько это возможно, что оно мечтательно, какъ

¹⁾ R. Schumann's „Gesammelte Schriften“. I, стр. 1—

²⁾ Тамъ же, стр. 178.

не пѣлъ еще ни одинъ поэтъ, что оно своеобразно какъ въ мелочахъ, такъ и въ цѣломъ, что каждая его нота—музыка и жизнь».

Начавъ творческую дѣятельность такъ блистательно, Шопенъ быстро шелъ впередъ; съ каждымъ новымъ шагомъ онъ становился все зрѣлѣе и зрѣлѣе и его произведенія являлись все болѣе и болѣе роскошныя и оригинальныя по фактурѣ и все болѣе глубокія и поэтичныя по содержанію. Ни физическія страданія, ни душевныя потрясенія не ослабляли его удивительныхъ творческихъ способностей; лучшія его композиціи написаны въ то время, когда его физическія силы были уже подорваны болѣзнію, и въ произведеніяхъ, относящихся къ послѣднимъ годамъ его творчества (1847—1848 г.), зрѣлость и свѣжесть генія проявляются въ полномъ блескѣ. «Изучая и анализируя произведенія Шопена, — пишетъ Листъ ¹⁾, — нельзя не найти въ нихъ красоту высокаго достоинства, чувствъ характера совершенно новаго, формъ гармоническаго строенія, настолько же оригинальнаго, какъ и доказывающаго знаніе. У него смѣлость оправдывается всегда; богатство, излишество даже, не исключаетъ ясности, особенность не превращается въ причудливость; роскошь орнаментаціи не обременяетъ изящества главныхъ линій. Его лучшія произведенія изобилуютъ комбинаціями, которыя, можно сказать, составляютъ эпоху въ развитіи музыкальнаго стиля. Смѣлыя, блестящія, плѣняющія, они скрываютъ свою глубину за такою граціею и свое искусство за такою прелестью, что только съ трудомъ освобождаешься отъ ихъ чарующихъ красотъ, для того, чтобы можно было хладнокровно судить о нихъ съ точки зрѣнія ихъ теоретическаго значенія. Ему мы обязаны распространеніемъ аккордовъ *plaqués*, арпеджированныхъ и цѣлыми рядами; введеніемъ хроматическихъ и энгармоническихъ оборотовъ, удивительные образцы которыхъ находимъ на страницахъ его произведеній, и маленькихъ группъ проходящихъ нотъ, падающихъ подобно пестрымъ каплямъ росы поверхъ мелодическихъ фигуръ. Этому послѣднему роду украшеній, — которыя до него писались только по образцамъ *фіоритуръ* старой школы итальянскаго пѣнія и, работѣнно передаваемыя на фортепіано, сдѣлались стереотипными и монотонными, — онъ придавъ разнообразіе, поражающее своею неожиданностію. Онъ изобрѣлъ тѣ удивительныя гармоническія наростанія, посредствомъ которыхъ онъ придавалъ серьезный характеръ даже такимъ страницамъ,

¹⁾ Fr. Chopin par Liszt, стр. 13—14.

которые, въ виду легкости ихъ сюжета, казалось, не должны были претендовать на такое значеніе».

Эти строки написаны Листомъ еще въ 1850 г. Съ того времени въ области музыки сдѣлано много новаго; Берлиозъ, Шуманъ, Даргомыжскій, Листъ, Вагнеръ, современные композиторы новой русской школы внесли въ искусство новые взгляды, новые приемы и, обогативъ музыкальную литературу чудеснѣйшими и характернѣйшими произведеніями, значительно расширили предѣлы музыки. Послѣ смерти Шопена прошло около тридцати-пяти лѣтъ; многія изъ его произведеній существуютъ полнѣе, а нѣкоторыя и того болѣе, и если не смотря на это они и въ настоящее время такъ же свѣжи, оригинальны и интересны, какъ бы написанныя только вчера или сегодня, то при своемъ появленіи были настоящимъ откровеніемъ въ искусствѣ. Въ нашей статьѣ, конечно, нѣтъ мѣста для изслѣдованія, въ какой именно степени Шопенъ, въ фортепیانной музыкѣ, продолжалъ дѣло своихъ великихъ предшественниковъ Баха, Моцарта и Бетховена, насколько онъ былъ выше своихъ современниковъ, не говоря уже о Черни, Мошелемъ, Калькбреннерѣ, Герцѣ и др., господствовавшихъ въ его время въ концертныхъ репертуарахъ, но и Мендельсона; — разумѣется, нельзя говорить и о вліяніи шопеновскихъ произведеній на Листа, Шумана и другихъ позднѣйшихъ композиторовъ. Для этого понадобился бы спеціальныи ученый трактатъ. Предѣлы статьи не позволяютъ также сдѣлать подробный анализъ всѣхъ произведеній Шопена, и приходится ограничиться только бѣглыми, наиболѣе существенными замѣтками.

Начнемъ съ наиболѣе обширныхъ изъ шопеновскихъ произведеній, именно съ двухъ его фортепіанныхъ концертовъ ор. 11 (E-moll) и ор. 21 (F-moll). Оба концерта написаны вскорѣ одинъ послѣ другого; изъ писемъ Шопена видно, что 1-й концертъ оконченъ имъ приблизительно въ октябрѣ 1829 г. ¹⁾, а 2-й въ сентябрѣ 1830 г. ²⁾. Поэтому оба концерта довольно аналогичны; по формѣ они не отличаются отъ концертовъ Гуммеля (за исключеніемъ *largetto* второго концерта, съ совершенно новой фактурой, какой не встрѣчалось ни у кого ранѣе), и хотя въ эти прежнія формы введено новое чисто шопеновское содержаніе, тѣмъ не менѣе оба концерта — наиболѣе устарѣвшія изъ произведеній Шопена. Они и въ настоящее время не рѣдко

¹⁾ См. Fr. Chopin von Karasowski, стр. 104.

²⁾ Тамъ же, стр. 136.

служать украшеніемъ концертныхъ программъ, но значительно уступаютъ поздѣйшимъ фортепіаннымъ концертамъ Листа, Шумана, Лятольфа, Сент-Санса и др. Инструментовка попововскихъ концертовъ не хороша: блѣдная, тусклая, однообразная, вообще обнаруживающая неумѣлость, неопытность.

Послѣ концертовъ, по обширности формы, слѣдуетъ поставить сонаты. Первая, ор. 4 (C-moll) — произведение юношеское, написанное въ традиціонной сонатной формѣ, вѣроятно, подъ руководствомъ Эльснера, которому и посвящено произведение, хотя уже носящее задатки будущаго гениа, но еще слабое, что прекрасно сознавалъ и самъ Шопенъ, доказательствомъ чего служить тотъ фактъ, что онъ не желалъ издавать эту сонату и она опубликована только послѣ его смерти въ числѣ *oeuvres posthumes*. Вторая соната, B-moll (ор. 35), написана въ періодъ полнаго развитія гениа Шопена и представляетъ одно изъ наиболее характерныхъ его произведеній. Своеобразная по формѣ и по фактурѣ, чрезвычайно глубокая по содержанію, страстная и мрачная по характеру, эта соната оригинальна и нова до такой степени, что поставила въ заблужденіе такого гениальнаго музыканта, какъ Шуманъ, который порицалъ ее въ томъ отношеніи, что ея названіе «соната» будто бы чисто произвольное и что въ ней нѣтъ настоящаго сонатнаго стиля ¹⁾. Далѣе Шуманъ находилъ, что послѣ бурной, страстной, полной диссонансами первой части и смѣлаго одушевленнаго, фантастическаго scherzo (scherzo только по названію, какъ многія бетховеновскія), составляющаго только продолженіе предъидущаго настроенія, — слѣдующій за тѣмъ еще болѣе мрачный «*Marcia funebre*» имѣетъ даже нѣчто отталкивающее, и что на его мѣстѣ какое-нибудь адажіо (напр. in Des) производило бы несравненно болѣе прекрасное впечатлѣніе. Нѣмецкій критикъ, несмотря на всю свою гениальность, не могъ отрѣшиться отъ установленныхъ формъ и не допускалъ мысли, что Шопенъ могъ не желать вовсе его «болѣе прекраснаго впечатлѣнія» и предпочиталъ оставаться въ мрачномъ настроеніи. Болѣе всего нападаетъ Шуманъ на послѣднюю часть сонаты, находя, что это скорѣе насмѣшка (Spott), чѣмъ музыка. «Но все-таки нельзя не признать, — говоритъ онъ, — что и въ этой немелодической и безотрадной части мы чувствуемъ присутствіе какаго-то особаго мрачнаго духа ²⁾, подав-

¹⁾ Schumann's Schriften, II, стр. 205—207.

²⁾ Въ этомъ финалѣ какъ бы слышатся стenanія, вопли, рыданія, та «свѣтлая скорбь послѣ невозвратной потери», тотъ самый žal, которымъ Шопенъ характеризовалъ чувство, преобладающее въ его произведеніяхъ.

ляющаго своею мощною рукою всё попыткѣ къ протесту, и мы, какъ ошарованные, слушаемъ до конца, безъ ропота, но и безъ хвалы: потому что это не музыка. Соната заканчивается, такъ же какъ и начинается, загадочно, подобно сфинксу съ насмѣшливою улыбкою». Однако, уже самое признаніе о чарующемъ впечатлѣніи, какъ нельзя лучше свидѣтельствуетъ о художественномъ значеніи этого финала, дѣйствительно отличающагося необыкновенною оригинальностью и такою смѣлостью замысла, на какую не отваживался еще ни одинъ композиторъ.

Третья соната H-moll (op. 58) другого характера; въ ней нѣтъ той страстности, того сильнаго чарующаго настроенія, нѣтъ въ ней той гениальной увлекающей оригинальности, какъ въ предыдущей; она приближается къ обыкновеннымъ сонатнымъ формамъ и производитъ меньшее впечатлѣніе, чѣмъ B-мольная соната; но за то ея преимущество въ большемъ совершенствѣ фактуры, какъ всего цѣлаго, такъ и отдѣльныхъ деталей. Пожалуй, первая часть этой сонаты нѣсколько суховата и въ третьей части (largo) первая тема не отличается той красотой, которую мы привыкли видѣть въ шопеновскихъ мелодіяхъ; но прелестное игривое сверцо, чудесная поэтическая средняя часть largo, чрезвычайно своеобразное по исполненію, и наконецъ сильный, глубокий по содержанію финалъ вполне вознаграждаютъ указанныя недостатки и дѣлаютъ эту сонату однимъ изъ лучшихъ произведеній Шопена.

Соната для фортепіано и віолончели, G-moll (op. 65), послѣднее изъ всѣхъ произведеній Шопена (кроме *oeuvre posthumes*) и едва ли не лучшее изъ всѣхъ; по замѣчательному изяществу формы, по красотѣ музыки и поэтичности содержанія, эта соната заслуживаетъ особеннаго вниманія и изученія, но... почти никогда не исполняется. Къ сожалѣнію, это не единственный примѣръ подобнаго рода; можно насчитать не мало прекраснѣйшихъ произведеній Шопена, которыя для многихъ остаются до сихъ поръ неизвестными, такъ какъ въ публичныхъ концертахъ ихъ почти никто не исполняетъ.

Къ чудеснѣйшимъ и оригинальнѣйшимъ произведеніямъ Шопена принадлежатъ четыре «Баллады». Эти баллады внесли въ музыкальную форму столько новаго и разнообразнаго, что музыкальные критики долгое время не знали, къ какой именно изъ существовавшихъ до того категорій слѣдуетъ отнести эти вещи; одни смотрѣли на нихъ какъ на видоизмѣненіе формъ рондо, другіе называли ихъ «поэтическими разсказами», и это послѣднее названіе ближе къ истинѣ. Относительно второй баллады, F-dur

(ор. 38), Шуманъ сообщает¹⁾, что Шопенъ, при личномъ съ нимъ свиданіи, говорилъ ему, что эта баллада написана подъ влияніемъ сильнаго впечатлѣнія, навѣяннаго однимъ изъ стихотвореній Мицкевича; нѣтъ сомнѣнія что и остальные «баллады» написаны Шопеномъ также подъ впечатлѣніемъ какихъ-нибудь фантастическихъ стихотвореній и всего вѣроятіе—стихотвореній того же Мицкевича. Этимъ балладамъ Шопенъ необыкновенно удачно придавъ сказочный, повѣствовательный, отчасти таинственный характеръ, обставилъ ихъ такими чудесными музыкальными контрастами, внесъ въ нихъ столько поэзіи, фантастичности и одушевленія, что при исполненіи балладъ въ воображеніи слушателей невольно долженъ создаваться рядъ поэтическихъ образовъ и фантастическихъ представленій. Какъ Шопенъ, создавая свои баллады, бралъ для нихъ сюжеты изъ поэтическихъ произведеній, такъ наоборотъ и поэтъ можетъ найти источникъ вдохновенія въ шопеновскихъ балладахъ. Наиболее распространенныя—первая баллада G-moll (ор. 23) бурная, страстная и третья As-dur (ор. 47), въ которой преобладаетъ идиллическій характеръ; но лучшія изъ балладъ—вторая F-dur (ор. 38), посвященная Шуману, и четвертая F-moll (ор. 52).—Послѣдняя наиболее трудна для исполненія, какъ въ техническомъ отношеніи, такъ и въ отношеніи передачи ея глубокаго содержанія; ея разнообразныя красоты могутъ выказаться только въ исполненіи лучшихъ піанистовъ, обладающихъ, кромѣ превосходной техники, также музыкальнымъ развитіемъ и способностью понимать и чувствовать высокое значеніе произведеній, подобныхъ этой балладѣ. Къ сожалѣнію, такіе піанисты весьма рѣдки, и въ этомъ заключается причина, почему эта баллада почти никогда не исполняется въ публичныхъ концертахъ и почему музыкальная критика часто нападала на это произведеніе.

Почти тоже, что о балладахъ, можно сказать и о четырехъ шопеновскихъ «Scherzos», которыя также слѣдуетъ отнести къ его оригинальнымъ изобрѣтеніямъ, такъ какъ Шопенъ перенялъ имъ такую самостоятельную и развитую форму. Это пьесы не съ легкимъ шутливымъ содержаніемъ, какъ можно бы было предположить судя по названію, но по характеру своему напоминаютъ нѣкоторые сверцо Бетховена, какъ, напр., въ его 5-й и 9-й симфоніяхъ. Это цѣлыя поэмы, какъ бы въ байроновскомъ родѣ, въ которыхъ посреди роскошнѣйшихъ музыкальныхъ красотъ проглядываетъ нѣчто мрачное, суровое и вмѣстѣ съ тѣмъ

1) Schumann's Schriften. II, стр. 226.

необыкновенно поэтичное. Главнымъ образомъ мы относимъ это къ двумъ послѣднимъ сверцо: къ сверцо Cis-moll (ор. 39), написанному въ такомъ широкомъ стилѣ, какъ бы какое-нибудь оркестровое произведеніе, и къ сверцо E-dur (ор. 54) въ стилѣ, наоборотъ, фортепіанномъ по преимуществу. Оба эти произведенія принадлежатъ къ наиболѣе гениальнымъ шопеновскимъ концепціямъ; они такъ же смѣлы и своеобразны по замыслу, глубоки и въ высшей степени благородны по содержанію, какъ послѣдніе квартеты Бетховена и такъ же требуютъ наиболѣе внимательныхъ, подготовленныхъ слушателей и тонкаго, художественнаго исполненія,—причина, почему и эти два произведенія рѣдко появляются въ концертныхъ программахъ. Первые два сверцо Шопена H-moll (ор. 20) и B-moll (ор. 31)—болѣе извѣстныя и распространенныя, но значительно уступаютъ въ достоинствѣ двумъ послѣднимъ, особенно H-мольное сверцо, слабѣйшее изъ всѣхъ четырехъ.

Наиболѣе распространенныя изъ произведеній Шопена, это ноктюрны, которыхъ у него девятнадцать. Нѣкоторые изъ нихъ, именно ноктюрны Es-dur (ор. 9), As-dur (ор. 32) и E-moll (изданный послѣ смерти Шопена, но написанный имъ въ 1827 г.), довольно близко примыкаютъ къ ноктюрнамъ Фильда, который первый изобрѣлъ эту художественную форму; но во всѣхъ остальныхъ шопеновскихъ ноктюрнахъ явно обнаруживается полнѣйшая самостоятельность, новизна и изобрѣтательность. Фильдъ въ своихъ ноктюрнахъ ограничивался исключительно нѣжно-поэтическимъ меланхолическимъ настроеніемъ; тогда какъ Шопенъ вводилъ въ свои ноктюрны страсть и глубокий драматическій элементъ, разнообразилъ и расширялъ ихъ форму среднею частью, контрастирующею съ общимъ характеромъ цѣлаго, обогащалъ ихъ новыми прекрасѣйшими гармоніями и достигалъ въ нихъ высшей силы выразительности и впечатлѣнія. Шуманъ смотрѣлъ на шопеновскіе ноктюрны какъ на идеалы въ этомъ родѣ и какъ на самое искреннее (Herzinnigste) и на самое свѣтлое (Verklärteste), что только можетъ быть задумано въ музыкѣ ¹⁾. Первые ноктюрны Шопена изобилуютъ украшеніями, ихъ мелодіи, по выраженію Шумана ²⁾, какъ бы усыяны блестящими, золотыми бездѣлушками; но позднѣйшіе его ноктюрны отличаются простою украшеній и спокойною граціею. Изъ лучшихъ шопеновскихъ ноктюрновъ укажемъ слѣдующіе: два ноктюрна ор. 27, первый

¹⁾ Sch. Ges. Schriften, I, стр. 187.

²⁾ Тамъ же, стр. 226.

Cis-moll чрезвычайно поэтический, съ болѣзненно-нѣжной хроматической мелодіей, съ сильною, драматическою среднею частью, оканчивающеюся бойкимъ эпизодомъ въ Des-dur, и съ глубоко прочувствованнымъ заключеніемъ; второй Des-dur весь проникнутъ мечтательнымъ настроеніемъ, съ очень красивою мелодіею и расточительною почти роскошью тончайшихъ фіоритуръ. Ноктюрнъ G-dur (ор. 37) едва ли не самый красивый и поэтический изъ всѣхъ. Ноктюрнъ C-moll (ор. 48)—самый обширный и по формѣ и по содержанію, такъ что въ цѣломъ выходитъ изъ стѣла ноктюрновъ; его величественная средняя часть широкими аккордами и заключеніе *doppio movimento* имѣютъ отчасти характеръ оркестровыхъ произведеній. Наименѣе распространенный, почти никогда неисполняемый въ концертахъ ноктюрнъ H-dur (ор. 62, № 1) представляетъ одно изъ тончайшихъ и поэтичнѣйшихъ произведеній Шопена; по фактурѣ своей, изумительно новой даже для настоящаго времени, онъ отличается отъ всѣхъ другихъ шопеновскихъ ноктюрновъ; онъ написанъ многоголосно и его голоса сплетаются и перекрещиваются въ чудесныхъ контрапунктическихъ сочетаніяхъ; но эта музыка можетъ быть опѣнена только музыкантами, она слишкомъ интимна, слишкомъ тонка, скажемъ даже, слишкомъ хороша для того, чтобы она могла сдѣлаться достояніемъ массы концертной публики. Въ этомъ отношеніи счастливѣе второй ноктюрнъ того же, ор. 62 (E-dur), широкая благородная мелодія котораго придаетъ ему неотразимую прелесть и глубоко прочувствованное содержаніе не можетъ не произвести сильнѣйшаго впечатлѣнія.

Одна изъ существеннѣйшихъ заслугъ Шопена заключается въ усовершенствованіи имъ фортепіанныхъ этюдовъ. И въ этотъ родъ музыкальных произведеній имъ вложено, вмѣстѣ съ новѣйшими и оригинальными приѣмами фортепіанной техники, столько красоты, художественности и богатаго содержанія, что большая часть изъ его двадцати-четырехъ этюдовъ (ор. 10 и 25) представляетъ чудесныя музыкально-поэтическія картины. Всѣ безъ исключенія этюды обладаютъ высокими музыкальными достоинствами, красивою мелодичностью, разнообразіемъ гармоніи и требуютъ для ихъ исполненія хорошо выработанной техники.

Еще сильнѣе, еще выразительнѣе, чѣмъ въ этюдахъ, сказался гений Шопена въ его «прелюдіяхъ» (ор. 28), представляющихъ двадцать-четыре небольшія пьесы, написанныя въ двадцати-четырехъ различныхъ тональностяхъ. Большинство изъ нихъ очень маленькія пьесы, нѣкоторыя всего въ нѣсколько тактовъ; это какъ бы отрывки, бѣгло набросанные скидцы. Но сколько глу-

богаго чувства, страданія и поэзіи, напр., въ прелюдіи E-moll, сколько чисто женственной граціи и кокетства въ 16-ти тактахъ прелюдіи A-dur, сколько величія и какъ бы религіознаго благоговѣнія въ прелюдіяхъ E-dur и C-moll, какой порывъ страсти въ прелюдіяхъ G-moll и Fis-moll, какая грандіозная картина рисуется подъ впечатлѣніемъ прелюдіи Des-dur, съ ея мрачною, могучею, потрясающею среднею частью. Объ этихъ прелюдіяхъ Шуманъ писалъ, что на каждой изъ нихъ тонкая надпись жемчугомъ: «написалъ Фр. Шопень» и признаетъ, что «Шопень былъ и остается самымъ смѣлымъ и самымъ гордымъ поэтическимъ умомъ (Dichtergeist) своего времени» ¹⁾. Обращаемъ еще особенное вниманіе на отдѣльную шопеновскую прелюдію Cis-moll (op. 45), посвященную княгинѣ Е. Чернышевой и такъ мало извѣстную, не смотря на ея красоту и богатѣйшія тончайшія модуляціи.

Произведенія Шопена, въ которыхъ наиболѣе выразился національный характеръ, это, конечно, его полонезы и мазурки. Полонезы—наиболѣе роскошныя, эффектныя, блестящія, колоритныя (но не скажемъ, лучшія) изъ шопеновскихъ произведеній. Они проникнуты рыцарскимъ, мужественнымъ, иногда даже суровымъ характеромъ; но настроенія они различнаго. Въ однихъ Шопень какъ бы воспѣвалъ былое величіе и блескъ Польши; въ другихъ, казалось, оплакивалъ свою отчизну, потрясенную рядомъ невзгодъ. Его полонезы A-dur (op. 40, № 1) и As-dur (op. 53) полны жизни, мужества, блеска, рыцарскаго достоинства, въ ихъ настроеніи слышится веселіе и довольство. Но какъ таинственно-мраченъ, напр., полонезъ Es-moll (op. 26), сколько въ немъ затаеннаго, наводящаго ужасъ горя и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ чаруютъ чудесные звуки, въ которыхъ излито это горе; какъ прелестенъ, напр., мечтательный полонезъ C-moll (op. 40, № 2), съ его поэтическою среднею частью. Наиболѣе возвышенный по содержанію и наиболѣе смѣлый по музыкальнымъ идеямъ и по формѣ, это полонезъ Fis-moll (op. 44); его главная тема суроваго, какъ бы злобѣщаго характера, съ не менѣе суровой гармонизаціей, общее настроеніе производитъ чрезвычайно мрачное впечатлѣніе, посреди котораго внезапно появляется мазурка идиллическаго характера, подобно какой-нибудь сельской сценѣ, прельщающей своей красотой, и распространяющей ароматъ полей и луговъ. Этотъ внезапный контрастъ, по замѣчанію Листа ²⁾,

¹⁾ R. Schum. Gesam. Schriften, II, стр. 95.

²⁾ F. Chopin par Liszt, стр. 55.

еще болѣе усиливаетъ впечатлѣніе предъидущаго глубоко-скорбнаго настроенія до такой степени, что слушатель почти чувствуетъ облегченіе, когда снова возвращается первая фраза и полонезъ заканчивается въ мрачномъ характерѣ, оставляя впечатлѣніе крайней, безутѣшной печали. Полонезъ этотъ послужилъ Шопену какъ бы переходомъ къ еще болѣе свободной формѣ, употребленной имъ въ *Polonaise-Fantaisie* (op. 61), въ которомъ нѣтъ и слѣда картинъ свѣтлыхъ, радостныхъ, — онъ весь проникнутъ чувствомъ грусти, тоски и страданія; въ немъ отразились, конечно, личныя страданія великаго композитора, какъ физическія такъ и душевныя, которыми онъ былъ терзаемъ въ послѣдніе годы своей жизни, когда было написано это произведеніе; но въ какихъ чудесныхъ, благородныхъ, возвышенныхъ звукахъ вылились эти страданія.

Мазурки Шопена, будучи такъ же вполне національны и такъ же проникнуты польскимъ характеромъ, какъ и полонезы, существенно отличаются отъ послѣднихъ въ томъ отношеніи, что въ нихъ преобладаетъ не тотъ мужественный рыцарскій элементъ, какъ въ полонезѣ, но частью чисто женственное изящество, полное граціи, красоты и поэтичности, частью сельская простота и иногда вполне народный характеръ. Всѣхъ шопеновскихъ мазурокъ болѣе пятидесяти и всѣ онѣ замѣтательно разнообразны; каждая его мазурка имѣетъ свой собственный особый характеръ, свое особое настроеніе и между всѣми пятьюдесятью нельзя подобрать двухъ, которыя были бы слѣпкомъ сходны одна съ другой. Это удивительное разнообразіе въ большомъ числѣ произведеній одного и того же рода и одной и той же формы, разнообразіе въ мелодическомъ и гармоническомъ отношеніяхъ, также какъ въ содержаніи и настроеніи, служатъ лучшимъ доказательствомъ необыкновенной изобрѣтательности и неумительной силы творчества Шопена. Нѣтъ, кажется, надобности упоминать, — это очень извѣстно, — что шопеновскія мазурки имѣютъ только форму танцевъ, но что каждая изъ нихъ художественное произведеніе, съ высокими музыкальными достоинствами и что большая часть изъ нихъ проникнута глубокимъ чувствомъ и поэтическимъ содержаніемъ. Нѣкоторые мазурки полны жизни, бойкаго веселья, но такихъ сравнительно немного; какъ на наилучшіе образчики этого рода укажемъ на мазурку G-dur (op. 50) и особенно на блестящую мазурку H-dur (op. 63). Гораздо болѣе мазурокъ, полныхъ мечтательности, поэтическихъ грѣзъ, красоты и граціи; наиболѣе выдающимися изъ такихъ мазурокъ можно назвать слѣдующія: ма-

зурка Des-dur (ор. 30, № 3) съ прекраснѣйшими тонкими гармоніями; Gis-moll (ор. 38, № 1), одна изъ красивѣйшихъ шопеновыхъ мазурокъ, рядомъ съ которой, по красотѣ и граціозной воззлительности, слѣдуетъ поставить мазурки Cis-moll и As-dur (ор. 41, № 1 и 4); богатствомъ содержанія и выстѣ чудесными контрапунктическими разработками отличаются мазурки Cis-moll (ор. 50, № 3) и H-dur (ор. 56, № 1). Наконецъ есть нѣсколько мазурокъ, пронизанныхъ такимъ же болѣзненно-грустнымъ чувствомъ, какое встрѣчаемъ, напримѣръ, во многихъ его прелюдіяхъ; образцами подобнаго рода могутъ служить мазурки Cis-moll (ор. 30, № 4) и F-moll (ор. 63, № 2).

Вальсы Шопена, болѣе распространенные между любителями, чѣмъ другія шопеновскія произведенія, вслѣдствіе большей легкости ихъ исполненія, представляютъ сравнительно менѣе интереса; тѣмъ не менѣе, не смотря на всю крайнюю популяризованность формы вальсовъ, вальсы Шопена по своей красотѣ и по богатству фактуры достигаютъ такого значенія, какого не достигалъ еще никто въ этомъ родѣ. Лучшіе изъ всѣхъ четырнадцати вальсовъ Шопена безспорно его три вальса ор. 64, т.-е. его послѣдніе вальсы, не считая вальсовъ, изданныхъ послѣ его смерти, которые слабѣе всѣхъ прочихъ. Въ формѣ танцевъ написаны Шопеномъ еще Болеро (ор. 19) и Тарантелла (ор. 48): первое изъ этихъ произведеній принадлежитъ къ особенно выдающимся произведеніямъ, но все-таки носить отпечатокъ гениальности его автора; Тарантелла же есть одно изъ счастливейшихъ и удачѣйшихъ сочиненій Шопена и безусловно лучшая изъ всѣхъ существующихъ тарантеллъ.

Въ заключеніе нашего краткаго обзора творческой дѣятельности Шопена, укажемъ еще слѣдующія превосходныя его произведенія. Во-первыхъ Fantaisie F-moll (ор. 49), въ которой на каждомъ шагѣ видѣнъ смѣлый, страстный музыкантъ-поэтъ, съ изумительною щедростію расточающій богатство своего вдохновенія; какія картины носились передъ Шопеномъ, когда онъ писалъ эту фантазію, можно только догадываться, во всякомъ случаѣ не радостныя. Во-вторыхъ «Bergscap» (ор. 57) чудесная музыкально-поэтическая картина спокойно-мечтательнаго настроенія и, наконецъ, «Баркаролла» (ор. 60), полная жизни и красоты, замѣчательная по изяществу фактуры и по совершенству стиля.

Тѣ немногія изъ произведеній Шопена, которыя не упомянуты въ настоящей статьѣ, по своимъ музыкальнымъ достоинствамъ представляютъ сравнительно меньшее значеніе и ничего

не могутъ прибавить къ характеристикѣ творчества геніальнаго композитора; къ числу этихъ произведеній относятся также и изданныя уже послѣ смерти Шопена, которыя, — какъ напри-
мѣръ, столь излюбленная піанистами-дилетантами «Fantaisie Impromptu», — принадлежать большею частью къ ранней эпохѣ творчества Шопена и не были отданы имъ въ печать, потому что онъ самъ считалъ ихъ произведеніями слабыми, нестоящими распространенія. Въ ряду «œuvres posthumes» находятся также семнадцать польскихъ пѣсень (на тексты Мицкевича, Витыцкаго и Залѣскаго) съ аккомпаниментомъ фортепіано ¹⁾. Пѣсни эти были написаны Шопеномъ мало-по-малу, въ періодъ времени между 1824—1844 г.; нѣкоторыя изъ подобныхъ пѣсень совершенно исчезли, не смотря на то, что были въ довольно большомъ распространеніи въ Польшѣ, такъ какъ Шопенъ не записывалъ ихъ на нотной бумагѣ; Шопену также приписываютъ — одно время очень популярную въ Польшѣ пѣсню «3 мая» ²⁾. Изданныя семнадцать пѣсень не отличаются особенно выдающимися достоинствами и не могутъ быть поставлены на ряду, напримѣръ, съ романсами Шуберта и Шумана, но заслуживаютъ вниманія по своей мелодичности, поэтическому настроенію [и національному польскому характеру. На шесть изъ этихъ пѣсень сдѣланы Листомъ превосходныя транскрипціи для фортепіано ³⁾.

Разсмотрѣвъ дѣятельность Шопена какъ композитора, намъ остается сказать нѣсколько словъ о немъ, какъ объ исполнителѣ, какъ о піанистѣ-виртуозѣ. Судя по отзывамъ его современниковъ, Мендельсона, Шумана, Листа, Мошелеся и др., Шопенъ былъ первоклассный піанистъ и его художественное исполненіе отличалось замѣчательною выразительностью и поэтичностью. Тотъ уже фактъ, что онъ былъ превосходнѣйшимъ исполнителемъ своихъ собственныхъ произведеній (требующихъ, какъ мы неоднократно замѣчали, особенно тонкаго исполненія) и, играя ихъ, очаровывалъ даже тѣхъ, кто былъ враждебно противъ нихъ настроенъ ⁴⁾, — доказываетъ, что онъ былъ великій піанистъ,

¹⁾ Эти пѣсни издали у Сталовскаго въ С.-Петербургѣ, съ русскими переводными текстами.

²⁾ „Fr. Chopin“ von Karasowski, стр. 371.

³⁾ „Six Chants polonais“ de Fr. Chopin transcrits pour le piano par F. List. Berlin chez Schlesinger.

⁴⁾ Какъ, напримѣръ, Мошелесъ, который порицалъ произведенія Шопена до тѣхъ поръ, пока не услышалъ ихъ въ его собственномъ исполненіи и послѣ того называлъ Шопена Улиссомъ въ мірѣ піанистовъ.

такой же оригинальный и своеобразный и такъ же выделяющийся изъ ряда всѣхъ своихъ современниковъ, какъ и его произведенія. Но какъ виртуозъ, онъ не имѣлъ громкой извѣстности, подобно другимъ артистамъ; мы видѣли, что въ большихъ публичныхъ концертахъ онъ не имѣлъ большого успѣха; его художественная, поэтическая, идеальная игра, требующая подготовленныхъ, музыкально-образованныхъ слушателей, не могла производить сильнаго впечатлѣнія на массу концертной публики; онъ соображалъ это и послѣ первыхъ же опытовъ отказался отъ публичнаго концертнрованія, не смотря на то, что прежде его завѣтною мыслью было достигъ возможности самому пропагандировать въ публикѣ свои произведенія. Когда онъ увидѣлъ, что тѣ художественныя средства, которыя онъ считалъ единственно возможными въ искусствѣ, недостаточны и публика требуетъ отъ концертанта другихъ эффектовъ, чуждыхъ и антипатичныхъ его натурѣ, онъ отвернулся отъ этой публики; не въ его духъ и не въ его характеръ было снискивать благорасположеніе массъ. «Je ne suis point propre à donner des concerts, — говорилъ онъ Листу, — la foule m'intimide, je me sens asphyxié par ses haleines précipitées, paralysé par ses regards curieux, muet devant ses visages étrangers; mais toi, tu y es destiné, car quand tu ne gagnes pas ton public, tu as de quoi l'assommer».

Отказавшись отъ публичной концертной дѣятельности, Шопень часто и много игралъ въ аристократическихъ салонахъ, но могли ли скромные англодисменты избраннаго общества замѣнить толпу и массу, отъ которыхъ онъ отказался?—спрашиваетъ Листъ ¹⁾:— «l'Art, le grand art, a froid dans les appartements tendus de damas rouge; il s'évanouit dans les salons jaune paille ou bleu pâlé». Каждый настоящій артистъ это чувствовалъ, хотя не всѣ сумѣли дать себѣ въ этомъ отчетъ. Не трудно было замѣтить, и самъ Шопень перѣдко догадывался, что между этими красивыми кавалерами, такъ хорошо завитыми и напомаженными, между этими прекрасными дамами, такъ чудесно декорированными и раздущенными, понимаютъ его не всѣ; кромѣ того, онъ еще менѣе былъ увѣренъ, что понимающее его меньшинство понимаетъ его дѣйствительно хорошо. Въ результатѣ являлась неудовлетворенность, быть можетъ, довольно неопредѣленная для него самого; но его почти шокировали и сердили похвалы, звучащія пусто или фальшиво, высказываемыя болѣею частью невпопадъ и если попадавшія. Иногда вѣрно, то только

¹⁾ Fr. Chopin par Liszt, стр. 125—126.

совершенно случайно. Изъ тѣхъ вѣжливыхъ фразъ, которыми онъ часто страхивалъ съ себя эти комплименты, насаженные, казалось ему, на проволоку, подобно цвѣтамъ букетовъ, подносились ему хорошенькими ручками, — можно было замѣтить, что онъ считалъ себя не только мало, но и худо оцѣненнымъ. Однако, онъ не драпировался непризнаннымъ гениемъ и подъ внѣшнимъ видомъ удовлетворенія, полнаго хорошаго тона и хорошаго вкуса, скрывалъ рану, нанесенную его законной гордости, такъ искусно, что нельзя было даже замѣтить ея существованія; но постепенно возрастающая рѣдкость тѣхъ случаевъ, когда его можно было упрямить събѣ за фортепіано, слѣдуетъ скорѣе приписать желанію избѣгнуть неудовлетворявшихъ его похвалъ, чѣмъ возраставшему съ развитіемъ болѣзни слабости силъ, — послѣднее вполнѣ опровергается тѣми долгими часами, въ продолженіе которыхъ онъ игралъ у себя дома; и не преуспѣвавшими уроками его ученикамъ и ученицамъ.

Въ дѣлѣ преподаванія музыки Шопенъ былъ далекъ отъ того, чтобы, подобно многимъ другимъ артистамъ, высказывать за уроками неохоту или отвращеніе; напротивъ, онъ даже находилъ въ этомъ утомительномъ занятіи удовольствіе и не скрывалъ его, когда видѣлъ успѣхи талантливаго ученика. Какъ учитель, онъ былъ очень требователенъ и вообще первые уроки у него были для учениковъ изряднымъ испытаніемъ; особенно онъ не любилъ жесткаго аншлага и добивался сколько можно мягкой и плавной игры; онъ самъ своими тонкими пальцами, казалось, скорѣе скользилъ, чѣмъ ударялъ по клавишамъ, но также умѣлъ извлекать изъ инструмента сильные, твердые звуки, и весьма ошибаются тѣ, которые думаютъ, что его игра всегда была только нѣжная и мягкая; напротивъ, въ его исполненіи не было недостатка силы и огня, но онъ никогда не злоупотреблялъ ни тѣмъ, ни другимъ; излишества въ отбѣивахъ также какъ и въ акцентаціи онъ не выносилъ. Первое время по прѣѣздѣ въ Парижъ онъ игралъ на инструментахъ Эрара, но потомъ предпочиталъ инструменты Плейеля. «Quand je suis mal disposé, — говорилъ Шопенъ, — je joue sur un piano d'Erard et j'y trouve facilement un son fait. Mais quand je me sens en verve et assez fort pour trouver mon propre son à moi, il me faut un piano de Pleyel».

Свой возвышенный идеальный взглядъ на искусство Шопенъ вносилъ также и въ преподаваніе музыки; никакой гонораръ, хотя бы самый высокій, никогда не соблазнилъ его давать уроки неспособнымъ къ музыкѣ; съ талантливыми же учениками онъ занимался съ любовью и не только давалъ имъ уроки бесплатно,

но снабжалъ ихъ нотами, книгами, даже деньгами въ тѣхъ случаяхъ, когда замѣчалъ, что они въ нихъ нуждаются. Болѣе чetyрехъ или въ крайнемъ случаѣ пяти уроковъ въ день Шопень никогда не давалъ; но ко всѣмъ своимъ урокамъ относился чрезвычайно пунктуально, манкируя только въ особенныхъ исключительныхъ случаяхъ. Последнее время онъ давалъ уроки исключительно только у себя дома; наконецъ, когда уже былъ такъ слабъ, что не могъ сидѣть на стулѣ, то занимался полу-лежа въ длинномъ креслѣ, имѣя передъ собою піанино, на которомъ онъ проигрывалъ тотъ или другой пассажъ, направляя учениковъ, садившихся за другой инструментъ.

Шопень задумывалъ сгруппировать свою систему преподаванія и свои взгляды на фортепіанную игру въ особомъ теоретическомъ сочиненіи, которое представляло бы результатъ всей его практики и долготѣнихъ наблюденій; въ сожалѣнію, болѣзнь застигла его въ самомъ началѣ этого труда, и даже то, что было уже написано, Шопень уничтожилъ незадолго до своей смерти.

Карасовскій называетъ ¹⁾ до тридцати наиболѣе выдающихся ученицъ Шопена, изъ которыхъ большинство принадлежало къ аристократическимъ фамиліямъ. При выборѣ ученицъ Шопень всегда отдавалъ преимущество своимъ соотечественницамъ и образовалъ нѣсколькихъ піанистокъ, усвоившихъ болѣе или менѣе стиль и манеру его исполненія; въ числѣ такихъ Карасовскій упоминаетъ графиню Чарторижскую, урожд. Радзивиллъ, графиню Паулину Платеръ, графиню Дельфину Потоцкую, графиню Бово и др. Способнѣйшимъ и любимѣйшимъ его ученикомъ былъ молодой венгерецъ Filtsch, ранняя смерть котораго глубоко опечалила Шопена; какъ лучшихъ его учениковъ Карасовскій указываетъ также слѣдующихъ ²⁾: Гутманнъ, Гунсбергъ (молодой еврей, рано умершій отъ чахотки), Телефсенъ, Георгъ Матиасъ—профессоръ парижской консерваторіи, Карлъ Микули—директоръ музыкальнаго общества во Львовѣ, Казимиръ Верникъ, умершій въ Петербургѣ въ 1859 г., и Густавъ Шуманъ, высоко цѣнимый піанистъ въ Берлинѣ, пріѣзжавшій въ Парижъ (1840—1841) специально для занятій подъ руководствомъ Шопена.

П. Трифоновъ.

¹⁾ Стр. 285.

²⁾ Тамъ же стр. 295.

НА БЕРЕГУ КРАСНАГО МОРЯ.

Изъ путешествія по синайской пустынѣ.

I.

Болѣе двухъ недѣль я былъ уже въ странѣ пирамидъ и успѣлъ достаточно ознакомиться съ Нижнимъ Египтомъ. Страна древнѣйшей въ мірѣ цивилизаціи въ настоящее время представляетъ изумительную смѣсь, въ которой очень странно соединяется культура востока съ ея оригинальными особенностями и культура міровая—европейская, и надъ обѣими гордо высятся до сихъ поръ дивные памятники исчезнувшего съ лица народа. Путешественникъ, впервые посѣщающій Египетъ, сначала пораженъ контрастами, но наконецъ привыкаетъ видѣть и полудикаго араба, слушающаго военную музыку чалмоносцевъ, исполняющихъ творенія великихъ артистовъ въ скверѣ Магомета Али въ Александріи, и телеграфные и телефонные столбы рядомъ съ полуобнаженнымъ феллахомъ, поливающимъ свое рисовое поле по способамъ древнихъ египтянъ, вѣчныя пирамиды почти рядомъ со станціею желѣзной дороги, и пароходы англійской конструкціи, везущіе по священному Нилу муміи знаменитыхъ царей древняго Египта. Александрія—городъ европейскій въ полномъ смыслѣ этого слова; Каиръ имѣетъ европейскую часть города, не переставая быть столицею Востока, красоваться 400 дивными мечетями и быть въ глазахъ правовѣрнаго истинно-великимъ царственнымъ городомъ—Эль Масръ, какъ его называютъ арабы. Но дальше постепенно передъ глазами путешественника встаетъ Египетъ мусульманскій, Египетъ арабовъ, феллаховъ, «Египетъ для Египта», какъ любятъ выражаться еги-

петскіе патріоты. Еще пароходы, бороздящіе священный Нилъ на цѣлыя полторы тысячи верстъ вверхъ, напоминаютъ о европейской цивилизаціи, но на берегахъ—развалины Мемфиса, Оивъ и свободныя жилища феллаховъ не переносятъ насъ въ другой негѣдомый міръ.

Я посѣтилъ Каиръ, развалины Мемфиса и Геліополиса, знаменитыя сады Шубра и Булака, взлѣзалъ на вершущи пирамидъ Гизека, на одной изъ которыхъ, извѣстной всему міру, въ мое время былъ сервированъ обѣдъ для нѣсколькихъ англичанъ; но все это не удовлетворяло меня—ко всему еще прикасалась рука европейца. Не были дѣйствиельны даже памятники древняго Египта; катакомбы Александріи на своихъ стѣнахъ украшены именами посѣщавшихъ европейцевъ; эти надписи, профанирующія древность, красуются и на вершущахъ пирамидъ и внутри ихъ, у гробницъ царей и царицъ древняго Кемі и на обелискѣ Геліополиса, и на колоннѣ Помпея, и на носу у таинственнаго сфинкса, и на развалинахъ Оивъ и Мемфиса, словомъ вездѣ, куда ни проникала святотатственная нога туриста. Поле мумій и мѣсто древняго Мемфиса теперь распахивается французомъ-колонистомъ, гіероглифическіе камни идутъ на фундаменты жалкихъ жилищъ феллаховъ, изъ остатковъ египетскихъ храмовъ ставятъ тумбы; былъ проектъ даже огородить памятники Египта и брать плату за входъ въ эту ограду. Но довольно объ этой профанаціи древности; теперь путешественникъ едва ли найдетъ что-нибудь нетронутое въ Египтѣ изъ остатковъ древности; даже востокъ изъ пещеръ Синайскаго полуострова, заключающія драгоцѣнныя останки для антропологій каменистой Аравіи, вывозятся на мыльные фабрики Нижняго Египта.

Путешественникъ, неудовлетворенный Египтомъ, стремится пробраться въ мѣста болѣе привольныя, мѣста, куда не проникла еще промышленная цивилизація и гдѣ природа является во всемъ своемъ дикомъ величій, храня въ дебряхъ своихъ горъ и пустыни драгоцѣнныя архаическіе памятники исчезнувшей древней цивилизаціи. Отъ Египта недалеко такая страна; она лежитъ какъ разъ на порогѣ, гдѣ кончается его показная цивилизація. Отъ Каира до Суэца идетъ желѣзная дорога; черезъ Суэцъ, стоящій у воротъ канала, идутъ корабли всего міра; здѣсь европейская цивилизація, заявившая себя колоссальнымъ подвигомъ—разрушеніемъ моста между Африкою и Европою, остановилась на время, а на востокъ отъ Суэцкаго канала тянутся огромныя пустыни и горныя дебри каменистой Аравіи и Суэцкаго перешейка. Эти нынѣ пустынные страны были знамениты

въ древности; черезъ перешеекъ шла вся тогдашняя мировая торговля, тутъ пролегалъ и сухопутный трактъ изъ Мемфиса въ Индію; въ гаванихъ каменистой Аравіи шло оживленное движеніе финикійскаго торговаго съ Египтомъ, Африкою и Аравіею, черезъ перешеекъ двигались завоеватели и цѣлые народы, тутъ разыгрывались колоссальныя драмы исторіи древняго Египта и Сиріи. Тутъ совершались и тѣ событія, съ которыми знакомъ всѣмъ изъ библейской исторіи. Изученіе этой страны интересно и поучительно во всѣхъ отношеніяхъ... Жатва великая, но дѣлателей мало...

Географъ, геологъ, этнографъ, археологъ и антропологъ найдутъ въ пустыняхъ Синайскаго полуострова столько интереснаго матеріала, что его достанетъ на нѣсколько поколѣній изслѣдователей; развалины древнихъ городовъ каменистой Аравіи, торговавшихъ съ Египтомъ, Сиріею, Аравіею и Индіею, важны не для одного археолога, а странная смѣсь горъ всевозможнаго строенія, пустынь и райскихъ оазисовъ на небольшомъ пространствѣ, можетъ объяснить многое въ этнографіи страны, географіи и геологіи которой представляютъ такъ много для рѣшенія самыхъ важныхъ антропологическихъ вопросовъ о первобытныхъ переселеніяхъ изъ Азіи въ Африку и наоборотъ.

Такой разнообразный интересъ изученія этой страны привлекаетъ и наше вниманіе; мы рѣшились ознакомиться съ ней, насколько было возможно, и для того рѣшили пробѣжать черезъ всю каменистую Аравію, придерживаясь мѣстъ, наименѣе посѣщаемыхъ путешественниками. Здѣсь не мѣсто излагать результаты нашего изученія, это цѣль другого, болѣе спеціальнаго очерка; — мы передадимъ здѣсь только путевыя впечатлѣнія и встрѣчи и то не всей дороги, а самой интересной въ этомъ отношеніи части нашего путешествія.

Путь нашъ черезъ каменистую Аравію лежалъ черезъ Суэцъ, Синай и Акабу, откуда мы думали пройти черезъ Хевронъ въ Іерусалимъ. Приблизительно мы намѣтили себѣ тотъ путь, которымъ пробирались нѣкогда и евреи изъ Египта въ землю обѣтованную, съ той только разницею, что мы должны были пройти всю дорогу въ нѣсколько недѣль, тогда какъ израильтяне дошли едва въ 40 лѣтъ.

Благодаря нѣкоторымъ бумагамъ, которыя всегда хорошо имѣть съ собою въ дорогѣ, особенно русскому, мы получили при посредствѣ русскаго генеральнаго консула въ Египтѣ рекомендательныя письма къ консульскимъ агентамъ въ Суэцъ и Раифу, а также и къ нѣкоторымъ турецкимъ властямъ. Подобныя бумаги

на Востока, какъ и у насъ въ Россіи, имѣютъ огромное значеніе; забывая нѣсколько впередъ, мы скажемъ, что въ Эль-Аришѣ, наприимѣръ, насъ пропустили даже черезъ холерный карантинъ, только потому, что мы показали бумажку отъ какого-то влиятельнаго паши. Приѣхавши въ Суэцъ, мы при помощи усерднаго консульскаго агента наняли верблюдовъ прямо въ Іерусалимъ и трехъ вооруженныхъ проводниковъ: Юзу—хозяина четырехъ верблюдовъ нашего каравана, Ахмеда—проводника, специально для восточной части Синайскаго полуострова, обѣщавшаго вести насъ по такимъ тропинкамъ, которыя одному ему извѣстны, и Рашида—извѣстнаго храбреца, клявшагося своею головою, что онъ доставитъ насъ невредимыми въ Іерусалимъ.

Портреты нашихъ спутниковъ описывать много нечего; все это были коренастые ребята изъ различныхъ арабскихъ племенъ, способные на всякую штуку и вооруженные съ головы до ногъ. До Синаи эта предосторожность можетъ быть излишнею, но для того, кто думаетъ пробираться далѣе на Акабу или Газу, не мѣшаетъ захватить побольше револьверовъ, которыхъ арабы боятся пуще огня. Насъ, по крайней мѣрѣ, револьверы выручили изъ большой бѣды, о чемъ скажемъ впоследствии.

Снарядившись совсѣмъ, мы закупили провизіи, наполнили свои мѣшки водою и вышли изъ Суэца 22 мая подъ вечеръ. Переправившись черезъ бухту суэцкаго залива, тамъ гдѣ, предполагается, была и переправа евреевъ черезъ Красное море, мы были уже въ пустынѣ...

Синайскій полуостровъ представляетъ собою треугольное пространство, примыкающее въ пустынямъ Суэцкаго перешейка и омываемое съ двухъ сторонъ двумя заливами Чермнаго моря—Акабинскимъ и Суэцкимъ, обхватывающими его какъ руками. Весь полуостровъ наполненъ массою беспорядочно разбросанныхъ горныхъ цѣпей различной формаци и отдѣльныхъ пиковъ, между которыми проходятъ узкія долины, называемыя арабами «уади»; нѣкоторыя изъ этихъ уади представляются оазисами; большинство же ихъ мертво какъ и окружающая ихъ пустыня. Со всѣхъ трехъ сторонъ полуостровъ замыкается горами. На сѣверѣ его отдѣляетъ отъ пустыни перешейка край Эль-Тиха, тянущійся черезъ весь полуостровъ; на западѣ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ моря проходитъ край Эль-Раха, а по восточному берегу полуострова идетъ прибрежная Акабинская цѣпь. Главныя узлы всѣхъ цѣпей и горъ каменистой Аравіи составляютъ горы Синайскія, изъ которыхъ отдѣльными громадами высятся: Джебелъ Муса, Хоривъ, пикъ св. Екатерины, Сербаль и Фурейа. Съ

вершинъ этихъ горъ можно обозрѣвать всю панораму полуострова... У подножья Джебель-Мусы показалась гробница шейха Салиха, святого, наиболѣе уважаемаго арабами Синайскаго полуострова. Съ обѣихъ сторонъ нашего пути стояли огромныя скалы болѣе тысячи футовъ вышиною; казалось, мы ѣхали между темными каменными стѣнами, такъ какъ многія скалы имѣли крутыя отвѣсы; глазъ терялся въ этой массѣ дикаго мраморнаго камня, не оживленнаго ни одною зеленою травинкою, ни однимъ пернатымъ существомъ; только огромныя щеряцы и трехфутовыя змѣи прятались въ каменные норы при видѣ нашего каравана, бодро шедшаго по извилистымъ тропамъ змѣйшей уади, усыпаннымъ множествомъ камней. Около полудня мы достигли подножья огромной Фуреѣа, около которой мы и сдѣлали первый привалъ и ночлегъ, надѣясь осмотрѣть хорошенько до вечера его многочисленныя пещеры. Отдохнувши и оставивъ верблюдовъ на попеченіе Юзы, мы съ Ахмедомъ и Рашидомъ отправились на поиски.

Мы цѣплялись на кручи Фуреѣа, осматривали русла ея змѣйныхъ потоковъ, подымали камни, высматривали пещеры, и судьба наградила насъ нѣсколькими находками каменныхъ орудій. Поотставъ немного отъ товарищей, я забрался въ дикое ущелье, которое со всѣхъ сторонъ замыкалось гранитными скалами. Въ одномъ мѣстѣ его вела какъ бы тропинка на вершину Фуреѣа; я попытался въ полчаса сдѣлать этотъ подъемъ, но, увидавъ, что вершины не достигнуть до наступленія темноты, я остановился и съ трепетаніемъ сердца взглянуть внизъ и на все окружающее. Я стоялъ одинъ среди великановъ синайскихъ горъ, направо и на лѣво подымались кручи Фуреѣа, впереди и сзади открывалась панорама на весь Синайскій полуостровъ, выше меня было одно безоблачное небо, да горный орелъ каменистой пустыни; ниже голыя вершины громадъ, окружающихъ синайскій горный узелъ. Это собраніе огромныхъ скалъ, пиковъ, горныхъ вершинъ во всѣ стороны опускалось отлого и переходило незамѣтно отъ темнаго цвѣта камня къ желтоватымъ пескамъ пустыни, которая къ сѣверу замыкалась зубчатою стѣною Этъ Тиха, а къ югу, востоку и западу сливалась съ поверхностями двухъ прекраснѣйшихъ заливовъ, за которыми высились неровныя цѣпи верхняго Египта и собственной Аравіи.

Глазъ не хотѣлъ оторваться отъ этого зрѣлища; ширина, даль и глубина видимаго пространства очаровывали его; какъ-то невольно глазъ перебѣгалъ съ одного края горизонта на другой, перспектива забывалась: море какъ будто плескалось у самыхъ

вогъ, пустыня охватывала своимъ просторомъ и замыкала въ своихъ выбоинахъ нескажъ каменные громады, съ пріютившимся на нихъ путникомъ, надъ которымъ было одно небо и котораго не видѣлъ ни одинъ глазъ человѣчскій...

Я приготовился уже сойти внизъ по той же тропѣ, которою и поднялся, какъ передъ глазами моими промелькнули рѣзкія очертанія синайскихъ надписей, высѣченные на стѣнѣ, заправшей обратный путь. Невольно, мой взглядъ остановился на этихъ таинственныхъ письменахъ, для которыхъ еще не нашлось Шампольона. Кто не слыхалъ объ этихъ надписяхъ, тотъ не можетъ себѣ и представить, какое ощущеніе объемлетъ человѣка, стоящаго лицомъ въ лицу съ непонятными іероглифами, выражающими мысли и слова давно исчезнувшихъ людей. Синайскія надписи я встрѣчалъ уже не въ первый разъ; ихъ видѣлъ я много въ своемъ путешествіи въ Синаю; всѣ дороги къ монастырю, особенно западныя, на своихъ скалахъ носятъ высѣченные таинственные знаки, буквы и іероглифы, въ значеніе которыхъ напрасно пытались проникнуть Линанъ, Нибуръ, Робинзонъ и др. Особенно много ихъ въ долинѣ Феране и Моккатеба; послѣдняя уади даже носитъ названіе исписанной, по множеству іероглифовъ, покрывающихъ ея стѣны. На Фуреѣ я встрѣтилъ эти надписи уже въ послѣдній разъ и все-таки не могъ удержаться отъ того, чтобы не увлечься ими въ десятый разъ и не простоять съ полчаса, ломая голову надъ разборомъ этихъ таинственныхъ начертаній. Эти разнообразныя, подчасъ причудливыя знаки, изображающіе то животныхъ, то людей, то предметы, то представляющіе подобіе съ іероглифами Египта, то съ литерами финикянъ и евреевъ, то съ греческими буквами заманили не одного путешественника заняться разборомъ ихъ, но не давая ключа къ ихъ разъясненію. Напрасно нѣкоторые приписывали ихъ происхожденіе древнѣйшимъ обитателямъ каменистой Аравіи, даже евреямъ, напрасно другіе видѣли въ нихъ письма финикянъ, напрасно третьи придумывали еще болѣе мудреное ихъ происхожденіе—всѣ эти догадки не помогали дѣлу. Намъ кажется, что и тѣ, кто приписываетъ начертаніе надписей паломникамъ различныхъ націй, далеко не достигли истины,—ключа къ нимъ пока еще не найдено.

Болѣе полчаса простоялъ я передъ скалою, испещренною таинственными начертаніями, потомъ, бросивъ на нихъ послѣдній вопросительный взглядъ, началъ спускаться. Трудно было подниматься, но спускъ былъ еще труднѣе; камни валялись подъ ногами, нога не держалась на камнѣ, мѣстами какъ бы отполи-

рованномъ, рукамъ не за что было ухватиться. Не надѣясь спуститься собственными силами, я одѣлалъ призывной выстрѣлъ, требующій помощи, и на мой призывъ отозвалась двухстволка Ахмеда, спѣшившаго мнѣ на помощь.

Въ ожиданіи Ахмеда я присѣлъ и сталъ любоваться видомъ, разстилавшимся у меня подъ ногами и простиравшимся особенный длинъ колоритъ при быстро наступающемъ сумрачѣ вечера; я уже не видѣлъ ничего ни сзади, ни съ боковъ, потому что съ трехъ сторонъ меня окружали черныя стѣны, только впереди и внизу разстилалось огромное пространство, загроможденное какъ бы умышленно разбросанными безъ порядка каменными громадами; мнѣ казалось, что я сидѣлъ на краю пропасти, потому что внизу дѣйствительно ничего уже не было видно. Вдали передо мною кругомъ на горизонтѣ рисовались силуэты горъ, зубчатая вершины которыхъ поднимали, какъ миѳическіе исполины, свои побѣдныя головы, украшенныя вѣнцами группами камней, вѣнчающихъ теми каменныхъ громадъ. Кругомъ не шелхнется; ни звука, ни шума въ мертвой каменной пустынѣ... Только слышится порою внизу порохъ да грохотъ скатывающагося камня,—то Ахмедъ пробирается по крутому скату горы, испуская по временамъ призывные звуки... Между тѣмъ уже совершенно стемнѣло и темноголубая синева неба закрилась тысячами золотыхъ звѣздъ. Чистота воздуха въ пустынѣ изумительна; даже въ темнотѣ видѣются далекія очертанія горъ, замыкающихъ горизонтъ, а на небесномъ сводѣ звѣзды горятъ ярко, но не мерцаютъ какъ на туманномъ небѣ сѣвера. Здѣсь въ пустынѣ, лишенной всякаго признака растительности, не имѣющей ни одной рѣченки, ни одной лужицы при безконечной сухости и чистотѣ воздуха—это слабое мерцаніе звѣздъ какъ бы подтверждаетъ предположеніе Монтини, что мерцаніе звѣздъ обусловливается извѣстною степенью влажности атмосферы при извѣстной температурѣ. Въ пустыняхъ Синайской и Іудейской, какъ мнѣ не разъ приходилось замѣчать, это мерцаніе слабо; надъ моремъ оно дѣлалось сильнѣе; въ Черномъ морѣ звѣзды мерцаютъ сильнѣе, чѣмъ въ Средиземномъ; надъ сонною поверхностью Мертваго моря, такъ же какъ и въ окружающей пустынѣ, мерцаніе гораздо слабѣе. Человѣкъ, которому приходится недѣлями проводить ночи подъ открытымъ небомъ, привыкаетъ смотрѣть на небо; ему многое дѣлается замѣтнымъ даже безъ помощи инструментовъ.

— Эффенди!—произнесъ Ахмедъ, показываясь у моихъ ногъ съ неизмѣнною двухстволкою на плечѣ и широкимъ атаганомъ

за поясомъ, — пойдемъ внистъ, Юза приготовилъ уже давно ужинъ; корабли пустыни спать подъ защитою тѣни шейха-Салиха. — Машинально я побрелъ за Ахмедомъ, который бойко началъ снова спускаться, извиваясь какъ змѣя, когда ему приходилось пробираться между камнями; двухстволка его служила для меня значкомъ, по которому я правилъ путь.

— Здѣсь, вѣфенди, — говорилъ мой спутникъ, — черный джинъ (злой духъ), Аллахъ да проклянетъ его, строилъ себѣ дворецъ; довелъ его уже до вершины, поставилъ кіоски по угламъ и украсилъ человѣческими головами тѣхъ путниковъ, что погибли въ пустынѣ отъ зноя и песчаного дожда; но Аллахъ разбилъ молніею строеніе горнаго джина и раскидалъ громомъ камни дворца и мертвыя головы — его украшенія.

Много чего еще рассказывалъ Ахмедъ на дорогѣ, пока мы не пришли къ своему становищу. Тамъ наскоро закусивъ, мы закрпились съ головами и уснули на неровной каменистой поверхности Уади Шейхъ, служившей для насъ постелью.

Весь слѣдующій день мы блуждали по Рамлейской пустынѣ, покинувъ каменистую Уади, не будучи въ состояніи найти дорогу къ Красному морю. Ахмедъ ошибся въ расчетахъ на свою память и мы взяли направленіе болѣе сѣверное, вмѣсто восточнаго. И вообще не весело странствіе въ пустынѣ, но блуждать по ней, отыскивая дорогу, еще скучнѣе. Послѣ хорошаго отдыха въ Синайскомъ монастырѣ мы были еще бодрѣ, провіантъ было пока достаточно; на сѣверныхъ склонахъ горъ, замыкающихъ песчаную степь, я находилъ кое-что интереснаго для себя и потому не замѣчалъ ни страшнаго жара, ни головной боли; вода была еще не испорчена и жажда утолялась ею порядочно; а утоленіемъ жажды поддерживалась и бодрость духа. Послѣ полудня, однако, бодрость начала покидать насъ, особенно послѣ того какъ мы замѣтили, что въ водѣ нашихъ бурдюковъ показались какіе-то клочья, и что вода сильно уменьшилась въ количествѣ отъ испаренія и употребленія. Дорога по пустынѣ стала утомлять; сильное утомленіе глазъ отъ блеска отражаемыхъ лучей, чувство сухости въ горлѣ и непріятная перспектива заночевать, не найдя дороги, привели насъ въ нехорошее расположеніе духа. Всѣ мы бранили Ахмеда, взявшагося вести по новой дорогѣ и забывшаго ее направление. Ахмедъ былъ мраченъ и молча шелъ впереди своего верблюда. Караванъ нашъ былъ къ вечеру похожъ на потрепальное шествіе. Но вдругъ глаза у Ахмеда заблестали отъ радости, онъ махнулъ рукой направо и повернулъ своего верблюда. Всѣ мы послѣдовали его примѣру. Черезъ полчаса мы вошли

въ узкую тѣснину, скалы которой оставляли едва проходимую для верблюда тропинку; она стала мало-по-малу расширяться, стѣны отходить въ сторону и мы къ 8 часамъ вечера вошли въ уади Путирахъ, ведущую прямо къ морю черезъ Анабинскую береговую цѣпь. Всѣ мы оживили духомъ...

Я приказалъ каравану остановиться у круга камней съ плитою по серединѣ, на которой думалъ устроиться на ночь и готовить ужинъ; самъ же съ Ахмедомъ пошелъ бродить по каменной уади и разминать свои члены, утомленные шаткою ѣздой на верблюдѣ, лазаніемъ по горнымъ кручамъ уади... Хорошею тихою ночью гулялось хорошо и мы, только порядочно утомившись, воротились къ своему огоньку, гдѣ всѣ члены нашей экспедиціи уже мирно отдыхали.

Наше становище мнѣ показалось очень уютнымъ; четыре верблюда стояли за каменной оградой какъ внутри сарая, а плита, на которой постлано было мое походное пальто, казалась хорошею постелью; у изголовья ея искрился маленькій востерокъ изъ навозу и нѣсколькихъ сучковъ, которые мы уже везли съ собою болѣе 100 верстъ съ самой уади Феранъ. На огонькѣ Юза старался превратить отвратительную воду изъ козьяго бурдюка при помощи вина въ нѣкій возможный для употребленія напитокъ, а также размочить въ горячей водѣ окаменѣвшіе синайскіе хлѣбцы, чтобы ихъ можно было раскусить и съѣсть съ солеными оливками. Я занялъ свое предсѣдательское мѣсто на разостланномъ пальто среди своихъ спутниковъ и началъ ужинъ. Все было скверно, отвратительно: и эти хлѣбцы, размоченные въ протухшей теплой водѣ, и красноватая бурда, которую Юза величалъ «джай московъ» по воспоминанію о чаѣ, распитомъ нами въ Суецѣ, Раифѣ и Синаѣ, и эти прѣлыя оливки; но голодъ приправилъ ихъ вкусъ и мы съѣли свои порціи, закусивъ вмѣсто десерта сладкими финиками. Послѣ ужина мы потушили востеръ, собравъ остатки драгоценнаго топлива въ корзину, и, завернувшись въ свои бурнусы, улеглись спать. Не прошло и десяти минутъ какъ Юза и Ахмедъ уснули; не спалъ только я да Рашидъ, мой тѣлохранитель и оруженосецъ. Становилось довольно свѣжо; по направленію съ моря тянулъ легенькій береговой вѣтерокъ; я не спускалъ глазъ съ голубого неба, какъ бы стараясь постигнуть тайны его безчисленныхъ міровъ. Мое сладкое повѣтрическое раздумье перебилъ Рашидъ очень непріятнымъ для меня вопросомъ. — Не слышите ли чего-нибудь эффенди, отъ моря? — спрашивалъ мой кавасъ. — Ничего пока, — отвѣчалъ я, хотя мнѣ и показалось, что какъ будто камень и почва передаютъ звуки

отъ вдали топочущихъ коней или бѣгущихъ рысью верблюдовъ. — Пусть спитъ эффенди, Рашидъ будетъ караулить всю ночь, — добавилъ мой тѣлохранитель и привсталъ, завертываясь плотнѣе въ бурнусъ. Темный силуэтъ караулящаго Рашида всталъ передъ моими глазами и затемнилъ яркое созвѣдіе Плеядъ, на которое я только-что любовался. Проню еще съ часъ; Рашидъ сидѣлъ, какъ каменная статуя, верблюды слегка фыркали во снѣ, гдѣ-то не вдалекѣ слышался пронзительный вой гіены, которой уже я не слыхалъ съ того времени, какъ покинулъ берега священнаго Нила. Я началъ уже засыпать, какъ сивозъ сонъ послышалъ, что кто-то идетъ мимо меня... Я открылъ глаза; Рашида не было на мѣстѣ; осторожно поднявшись, я увидѣлъ, что онъ ползетъ между камнями по склону горы вверхъ, постоянно прислушиваясь. Что-нибудь да почувалъ Рашидъ, уже не арабовъ ли пустыни? и при этой мысли морозъ пробѣжалъ по моей кожѣ, потому что я по опыту уже зналъ, что съ сынами пустыни нельзя обращаться какъ съ арабами Нижняго Египта. Съ трепетомъ въ сердцѣ я сѣлъ на прежнее мѣсто и сталъ обдумывать свое положеніе. Я припомнилъ тогда совѣты консула, синайскихъ старцевъ и другихъ опытныхъ людей не пускаться черезъ пустыню, потому что арабы не совсѣмъ-то спокойны. Что теперь будетъ съ нами, если на нашъ крошечный караванъ нападетъ цѣлое племя арабовъ пустыни? Что могли сдѣлать четыре, хотя и вооруженные съ головы до ногъ человѣка противъ многихъ десятковъ? Мы могли, правда, сопротивляться, продать дорого свою жизнь, если мои спутники согласятся умереть за меня, но все это будетъ бесполезно... Такой исходъ не утѣшалъ меня, только-что пустившагося въ первое серьезное путешествіе, и я искалъ другихъ выходовъ, но ихъ не представлялось. Ни одарить, ни заплатить арабамъ за пропускъ я не былъ въ состояніи, а это было единственнымъ, лучшимъ исходомъ... Между тѣмъ Рашидъ вернулся; на его лицѣ нельзя было прочесть ни тѣни безпокойства. — Куда ты ходилъ, Рашидъ? — спросилъ я его. — Ходилъ по слѣдамъ газели, эффенди, — отвѣчалъ онъ спокойно. Этотъ отвѣтъ успокоилъ меня, и я скоро, закутавшись въ бурнусъ, заснулъ богатырскимъ сномъ; мнѣ мерещилось сивозъ сонъ, что Рашидъ еще разъ вставалъ и ходилъ куда-то, но усталость взяла свое и мнѣ сладко спалось подъ фырканье верблюдовъ и вой полосатой гіены.

II.

Когда я открылъ глаза, солиде стояло уже довольно высоко; часы показывали шесть, Реомюръ +25, а успѣвшіе уже нагрѣться скалы уади Пугерахъ отражали такую лучистую теплоту, что оставаться долѣе въ этой раскаленной каменной ночи было невозможно, тѣмъ болѣе, что и планта, вокругъ которой мы расположились, была совершенно горяча. На-скоро мы закусили, напились бурды—«дшая москова», отъ которой мени на тощакъ едва не стошнило, и начали нагрузку верблюдовъ, тѣмъ занимался преимущественно Юза—хозяинъ животныкъ и проводникъ, а Ахмедъ и Рашидъ, собственно мои тѣлохранители, только помогали ему. Послушныя животныя по одному зову хозяина подошли и стали на коѣбни; по другому, нагруженные клады и наши особы, поднялись, и небольшой караванъ нашъ тронулся далѣе на востокъ по уади Пугерахъ. Вскорѣ передъ нами выросла цѣпь береговыхъ горъ въ двѣ или въ двѣ съ половиной тысячи футовъ высотой, за которыми скрывался Арабинскій заливъ. Не доходя до нея, по словамъ Ахмеда, находилась пещера Судобъ, наполненная востами, и источникъ сладкой воды. Туда мы и направлялись, потому что въ бурдюкахъ нашихъ воды оставалось немного, да и та была сомнительнаго достоинства. Скучна и утомительна ѣзда на верблюдѣ въ пустынь, сидишь, какъ привязанный, и показывается; напрасно многіе хвалятъ ощущеніе, получаемое отъ легкой тряски, происходящей при каждомъ шагѣ огромнаго животнаго. Быть можетъ, оно и пріятно въ первое время ѣзды на верблюдѣ, но я не исчислялъ его даже въ первые дни своего путешествія по пустынь; когда же приходится проводить на верблюдѣ по 12 и не 15 часовъ въ день, и такъ идти цѣлыми недѣлями, то эта ѣзда становится настоящею пыткой, особенно при тѣхъ условіяхъ, при какихъ обыкновенно европейскіе путешественники пользуются верблюдомъ, то-есть при переходѣ черезъ пустыню. Сидишь съ боку горба или на самомъ горбѣ въ массѣ упряжи и багажа, всегда болѣе или менѣе прикрѣпленный, чтобы не унестись при тряской ѣздѣ, да считаешь шаги животнаго, потому что для глаза нѣтъ ничего утѣшительнаго, въ головѣ жѣтъ ни одной мысли, чѣмъ членахъ нѣтъ даже желанія двигаться... Такъ и кажется, что составляешь одно цѣлое съ кораблемъ пустыни, потому что слѣдуешь за каждымъ движеніемъ его огромнаго тѣла безъ сопротивленія, даже безъ желанія удержаться... А сверху и съ боковъ

въ это время паить невыносимо; человекъ на верблюдѣ представляеть выпую точку въ пустынь; кругомъ его, если только на горизонтѣ не вырисовываются безжизненные каменные громады, идетъ одна безконечная поверхность сыпучаго песку; глазъ тонетъ въ этомъ песчаномъ морѣ; бѣловатый и желтовато-красный цвѣтъ, отражаемый песками пустыни, производитъ до того утомляющее ощущеніе на сѣтчатую оболочку глаза, что онъ закрывается непроизвольно. Нѣтъ и для уха ни одного звука, кромѣ легкаго шлепанья мозолистыхъ ногъ верблюда о почву; кругомъ все безмолвно, мертво, все гармонируетъ съ пустынею — этою мертвою частью природы. Даже неприятно дѣйствуетъ въ пустынь среди мертвой тишины какой-нибудь посторонній звукъ; ухо привыкаетъ до того къ однообразной, мертвой тишинѣ, что даже звуки собственнаго голоса, а тѣмъ болѣе разговоръ спутниковъ начинаютъ казаться какой-то дисгармоніей, тѣмъ-то не свойственнымъ пустынь; мало-по-малу достигаешь совершенно самоощущенія арабовъ, которые могутъ ѣхать цѣлыми сутками на верблюдахъ, храня гробовое молчаніе, погружаясь въ полное самоуглубленіе. Чувствуешь, что тѣло твое требуетъ абсолютнаго покоя, что ни одна мышечная фибра не способна двигаться, что ни одна мысль не способна зародиться въ головѣ, распаляемой жгучими лучами солнца. Такъ и кажется, что самый мозгъ принимаетъ болѣе жидкую консистенцію, размягчаясь отъ ужасающаго жара пустыни. Сверху и съ боковъ паить аравійское солнце, снизу обдаетъ жаромъ, отражающимся отъ горячаго песку, какъ изъ раскаленной печи; внутри паить внутренній жаръ, иссушающій все тѣло, томить смертельная жажда, а въ перспективѣ ни сегодня, ни завтра ни малѣйшей тѣни, ни глотка свѣжей воды. Въ этомъ ужасномъ положеніи ничего не чувствуешь, ничего не думаешь, они изъ чему не стремишься; это своего рода буддійская нирвана, пожалуй своего рода блаженство, но за которымъ слѣдуетъ смерть.

Въ такомъ почти состояніи пришелъ я, по крайней мѣрѣ, къ подножію приморскихъ альянъ Акабинскаго залива. Начали мы идти легкимъ склономъ, потомъ пробираться по крутизнамъ, едва доступнымъ для осла или мула, но никакъ не для верблюда, пробираться по узкимъ еропамъ надъ обрывами, гдѣ одинъ невѣрный шагъ можетъ стоить жизни; до всего этого мнѣ было мало дѣла, потому что я погрузился въ нирвану. Не выводили меня изъ этого полусоннаго состоянія ни крики моихъ спутниковъ, подбадривавшихъ верблюдовъ, ни фырканье животныхъ, неохотно ступавшихъ по непривычной горной дорогѣ, ни гро-

хоть катившихся подъ нашими ногами камней. Юза, обыкновенно ѣхавшій впереди, когда вступили на горную дорогу, отдалъ свое мѣсто Ахмеду, который шелъ пѣшкомъ, отыскивая дорогу между нагроможденными безпорядочно камнями. Рашидъ также скоро слѣзъ съ верблюда и шелъ, постоянно прислушиваясь; эта предосторожность сегодня не пугала меня, какъ въ ночь, а доставляла своего рода наслажденіе; было, по крайней мѣрѣ, на что смотреть... Такъ мы шли до полудня, когда жара достигла высшаго предѣла... Ѣхать между каменными стѣнами было совершенно невозможно, потому что ощущеніе, испытываемое нами, рѣшительно можно было сравнить съ ощущеніемъ отъ раскаленной печи. Да и видъ этихъ каменныхъ громадъ, потемнѣвшихъ и черныхъ мѣстами, такъ и напоминалъ задымленныя и обожженные стѣны печи. Вдругъ Рашидъ остановился и махнулъ рукою, давая знакъ Юзѣ остановиться. Передній верблюдъ остановился подъ могучею рукою Юзы; другіе послѣдовали примѣру передового. Внезапная остановка вывела и меня изъ полусоннаго состоянія.—Эффенди,—произнесъ Рашидъ таинственно, подходя ко мнѣ,—я слышу арабовъ пустыни; у нихъ много верблюдовъ; надо быть храбрымъ и приготовить наши ятаганы. Не хочешь ли эффенди прислушаться?—Я сталъ напрягать свой уснувшій слухъ, и дѣйствительно не вдалекѣ отъ насъ слышался топотъ идущаго каравана; я взглянулъ вопросительно на моихъ людей, какъ бы спрашивая у нихъ совѣта, что предпринять, потому что мой умъ не могъ работать вовсе. Рашидъ съ Ахмедомъ хладнокровно осматривали взводы ружей и револьверовъ, тогда какъ Юза, казалось, не обращалъ ни вниманія на открытіе Рашида. Всѣ были безмолвны; кругомъ царилъ также мертвое безмолвіе, слышался только шумъ оправаемаго оружія, да порою доносившійся гулъ отъ приближающагося врага. Тутъ только мало-по-малу подъ подавляющимъ впечатлѣніемъ я вышелъ изъ состоянія нирваны, и предъ моими умственными очами открылся весь ужасъ нашего положенія. По примѣру моихъ наставовъ, я осмотрѣлъ курки своей берданки и двухъ Вессонскихъ револьверовъ и кинжалъ турецкаго ятагана, хотя все это сдѣлалъ машинально безъ всякой въ тому нужды, просто потому, что ничего другого придумать не могъ. Не зная врага, трудно было и взвѣшивать шансы предстоящей встрѣчи, а быть можетъ, и борьбы; но Рашидъ съ Ахмедомъ, и особенно Юза были такъ хладнокровны, что нельзя было и думать, что мы идемъ на врага, обыкновенно безнощаднаго.—Не страшись ничего, эффенди,—началъ наконецъ Рашидъ послѣ долгаго молча-

ни, — Рашидъ знаетъ арабовъ пустыни, они трусливѣе степного волка и проворливѣе гіены. Рашидъ поручился головою мосу-консулу, что онъ доставитъ цѣлымъ въ Эль-Кудсъ (Іерусалимъ) благороднаго эффенди, и сдержать свое слово. Скорѣе умереть Рашидъ, чѣмъ отдать арабамъ-разбойникамъ своего господина... Отдаленный выстрѣлъ прервалъ вліянія Рашида я, заставилъ меня водрогнуть. Дѣло скоро начнется, подумалъ и нельзя отстать и мнѣ отъ людей, которые рѣшаются умереть, защищая меня. Соннаго состоянія какъ не бывало; напротивъ, какая-то, мнѣ невѣдомая нервная сила проходила по моему тѣлу и заставляла его, не смотря на страшную жажду и физическое утомленіе подъ подавляющимъ вліяніемъ полдневнаго зноя пустыни, кипѣть избыткомъ нервной энергіи. Но замолокъ отдаленный выстрѣлъ, отозвалось нѣсколько разъ гулкое эхо въ каменныхъ ущельяхъ Амабинскихъ альпъ и все опять замерло какъ и прежде; даже Рашидъ не слышалъ шума отъ приближающагося каравана. По знаку Ахмеда мы осторожно двинулись снова; удалой Ахмедъ пѣшкомъ шелъ впереди каравана, мы ѣхали гуськомъ, отбѣривая узкую тропу полутора аршинными шагами верблюда. На одномъ поворотѣ нависшая скала образовывала небольшую тѣнь; мы расположились подъ нею обѣдать. Не весела была наша полуденная стоянка всегда, а сегодня подъ подавляющимъ впечатлѣніемъ возможной встрѣчи съ врагами, которыхъ присутствіе мы уже чули недалеко, она была просто невыносимой, и я торопилъ своихъ спутниковъ садиться на верблюдовъ. Наскоро мы поѣли синайскихъ хлѣбцовъ съ оливками и съ козьимъ сыромъ, ѣсть который заставляла только безысходная нужда, закусили финиками и залили отвратительною теплою водою, и готовы были продолжать свой путь. Но не долготъ былъ нашъ послѣбодѣнный путь; мы и не думали, что прямо отъ стоянки мы торопимся идти на новую стоянку. По крайней мѣрѣ, не успѣли мы еще сдѣлать часу пути, какъ вошли въ узкій дефилей, который выходилъ въ порядочную котловину, со всѣхъ сторонъ запертую горами. Едва мы вступили въ дефилей, какъ Ахмедъ, шедшій впереди всѣхъ, приложилъ руку ко лбу и, обращаясь ко мнѣ, хладнокровно заявилъ: — Эффенди можетъ увидѣть арабовъ пустыни; они отдыхаютъ тутъ недалеко; нашъ путь идетъ мимо нихъ. Эффенди не боится арабовъ, какъ левъ не боится волковъ. — Не смотря на такое утѣшеніе, дѣлавшее мнѣ большую честь, я невольно вздрогнулъ, когда бросилъ взглядъ на выходъ изъ дефилея. На противоположной сторонѣ его сидѣли вокругъ старшины, бѣлаго какъ

онѣтъ араба, около шести или семи десятковъ полуобнаженныхъ сыновъ пустыни. — Не успѣлъ я еще осмотрѣться, какъ верблюды наши, завидя своихъ собратій и предчувствуя долгій отдыхъ, прибавили шагу, и черезъ нѣсколько минутъ мы были недалеко отъ каравана дикихъ арабовъ. Къ удивленію своему при видѣ нѣсколькихъ десятковъ арабовъ, мирно сидѣвшихъ вокругъ своего шейха, сердце мое, сильно бившееся при первомъ взглядѣ на эту картину, начало успокаиваться и я скорѣе съ любопытствомъ, чѣмъ со страхомъ, рассматривалъ эту живописную группу полуобнаженныхъ людей. Ахмедъ, по прежнему шедшій впереди нашего каравана, приложилъ руку ко лбу и къ груди и первымъ привѣтствовалъ старшинъ. Старый шейхъ отвѣчалъ тѣмъ же, не приподнимаясь съ мѣста. Нѣсколько молодыхъ арабовъ встали, взяли свои кремневые ружья и подошли къ намъ, пронося привѣстія. Мои люди усердно прикладывали руки ко лбу и груди и бормотали восточныя привѣстія на своемъ табарскомъ языкѣ съ изысканною вѣжливостью. Старый шейхъ привсталъ, поддерживаемый двумя старинниками, и направился прямо ко мнѣ. Его сѣдая длинная борода, бѣлыя какъ снѣгъ брови, умное лицо съ выразительными глазами и ястребьиные бурнусъ и чалма дѣлали его похожимъ на библейскихъ патриарховъ; почтеніе, окружавшее его, еще болѣе, увеличивало сходство. — Шейхъ арабовъ пустыни обращается къ тебѣ, господинъ ниглестъ, — такъ началъ свою рѣчь старецъ (Юза быстро переводилъ ее на ломанный французскій или, вѣрнѣе сказать, на смѣсь французскаго съ итальянскимъ), — желаю чтобы милосердный Аллахъ хранилъ твои дни и направлялъ счастливо твой путь по пустынѣ. Пусть и верблюды твои будутъ здравы и донесутъ тебя до Акаби, Эль-Халиля (Хевронъ) или Эль-Кудса (Іерусалимъ), куда ведетъ путь твой. Арабы пустыни просятъ тебя раздѣлить съ ними бѣдный ужинъ и провести ночь вокругъ братскаго костра.

Юза перевелъ ему мой отвѣтъ и согласіе остаться у братскаго костра на ночь въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ, и караванъ нашъ остановился. Нѣсколько арабовъ помогли моимъ спутникамъ разгрузить верблюдовъ, а меня шейхъ движеніемъ руки пригласилъ занять мѣсто около него. Юза въ качествѣ переводчика помѣстился около меня. Не смотря на то, что мнѣ очень не хотѣлось проводить ночь среди арабовъ, которыхъ намѣреніи относительно насъ были неизвѣстны, тѣмъ не менѣе вѣжливость, арабскій обычай и, наконецъ, любопытство взяли верхъ, и я тотчасъ же согласился на предложеніе шейха, обмѣнявшись предварительно взглядами со своими спутниками, изъ-

явившимся также полное согласіе. Старый шейхъ предложилъ мнѣ нарگیе и микроскопическую чашку кофе и началъ меня расспрашивать, кто я и куда, и затѣмъ ѣду. Когда Юза сказалъ шейху, что я не нигдезъ, а «паша московъ», тогда арабы только переглянулись между собою въ недоумѣніи, а шейхъ приложивъ снова руку ко лбу и груди, произнесъ съ знаками всевозможнаго почтенія:

— Сыны мои не знаютъ «москововъ», они и не слыхали о нихъ, но старый Сулейманъ былъ въ Стамбулѣ, Искандеріи (Александріи) и видѣлъ москововъ; проклятый турокъ бонсики, потому что воины-москвалы были въ Стамбулѣ, а ихъ султанъ-надишахъ великій одною рукою свою разогналъ воиновъ турецкихъ какъ трусливыхъ паваловъ. Много хаджи (паломники) москововъ идутъ черезъ пустыню въ Девр-эль-Муса (Синайскій монастырь), но ни одинъ московъ не былъ въ уади-Пугерахъ; паша благородный съ сердцемъ львинымъ прошелъ первымъ пустыню Рамле и Джебель Этъ-Тихъ; мои сыны два дня видѣли уже караванъ эфенди, но Аллахъ привелъ его къ нашему гостепріимству только сегодня. Старый шейхъ сумѣлъ принять его, хотя арабы пустыни и бѣдны, какъ бесплодная земля Джебель Этъ-Тиха.

Такъ говорилъ почтенный старецъ, а арабы слушали со вниманіемъ рѣчь своего шейха. Я поспѣшилъ черезъ Юзу благодарить и шейха, и всеплемя его за то радушіе, съ которымъ онъ принимаетъ нашъ караванъ, немученный блужданіемъ по пустынь Рамле, и просить на эту ночь гостепріимства. Въ самыхъ изысканныхъ и вѣжливыхъ выраженіяхъ старый шейхъ общалъ намъ сдѣлать все, что въ его слабыхъ силахъ. По приглашенію шейха всѣ мои люди расположились около меня; всѣмъ имъ было предложено также по чашкѣ кофе и нарگیе. Послѣ этого предварительнаго угощенія, въ продолженіе котораго шейхъ и еще одинъ старшина успѣли у насъ выпросить все, что насчетъ до нашего путешествія, намъ былъ предложенъ ужинъ не роскошный, но довольно обильный. Хлѣбъ, оливки, зелень, финики и кофе составляли его. Мы ѣли не съ большимъ аппетитомъ, не смотря на то, что обѣдали голо. Съ нами ѣли только шейхъ и другой старшина; прочіе арабы ужинали въ нѣкоторомъ отдаленіи. Послѣ ужина намъ предложены въ глиняномъ кувшинѣ прекрасную свѣжую воду, и это послѣднее угощеніе было для насъ пріятнѣе всего, потому что мы уже болѣе трехъ сутокъ не видали хорошей воды. Замѣтивъ, что вода намъ понравилась, шейхъ приказалъ подать еще, прибавивъ, чтобы мы пили ее не

жагѣн, потому что источникъ не далекъ. Ахмедъ, узнавши о существованіи источника, котораго онъ даже не зналъ, удивлялся и выспрашивалъ у шейха мѣсто его нахожденія, на что послѣдній отвѣчалъ только молчаніемъ. Не раздѣляя любопытства Ахмеда, я тѣмъ не менѣе просилъ доставить мнѣ линій кувшинъ воды, намѣреваясь угостить себя и арабовъ русскимъ чаемъ. Не прошло и часу, какъ двое посланныхъ вернулись изъ горъ и принесли по кувшину прекрасной кристальной воды. Я просилъ развести огонь; просьба моя была живо исполнена; черезъ полчаса у насъ курился довольно порядочный костерокъ изъ навозу и сучьевъ, Богъ знаетъ откуда появившихся, и сухой травы. Юза, не впервые исполнившій обязанность новара, быстро сварилъ на огонькѣ кипитокъ въ походномъ чайникѣ, заварилъ чай и разлилъ въ кофейныя чашки. Я же предложилъ ихъ двумъ старшинамъ и арабамъ, ходившимъ за водою. Послѣ обычныхъ благодареній сыны пустыни испробовали по глоту русского казашниковаго чаю и въ одинъ голосъ отвѣтили, что «джай-московъ» очень хорошъ. Медленно, смакуя каждый глотокъ, такъ связать выполаскивая ротъ, оба шейха съ превеликимъ достоинствомъ выпили по первой чашкѣ чаю. Когда я имъ предложилъ по второй, то они потеряли даже свое достоинство, обрадовавшись такому лестному предложенію со стороны «наши московъ» (sic). Церемонія чаепитія сыновъ пустыни, причемъ успѣли сходить еще два раза за водою, изъ дикомъ ущельѣ Алабинскихъъ альпъ на берегу Краснаго моря, происходила, такимъ образомъ, гораздо долѣе, чѣмъ въ любомъ московскомъ трактирѣ. Было уже совершенно темно, когда поголовное чаепитіе арабовъ окончилось, — потому что я велѣлъ дать каждому арабу хотя по маленькой чашкѣ «московского джаа». По окончаніи всей церемоніи мы были уже друзьями; шейхи, забывъ о своемъ достоинствѣ, болтали съ нами, какъ бабы, особенно послѣ двухъ чашекъ вина, которыми я обязательно угостилъ обоихъ старшинъ; о другихъ арабахъ и говорить было нечего. Даже Рашидъ, доселѣ какъ-то подозрительно все время носматривавшій на арабовъ, какъ бы опасаясь какого-нибудь коварства съ ихъ стороны, теперь пересталъ смотрѣть хмурою ночью и разболтался съ молодымъ рослымъ арабомъ, дружески предлагая другъ другу вартала, обходившій всю компанію по распоряженію шейха.

— Теперь, эффенди, — сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, — эти арабы намъ друзья, мы можемъ спокойно гостить у нихъ; пусть эффенди спитъ спокойно, Рашидъ все-таки будетъ не спать надъ эффенди. — Я давно уже потерялъ предубѣжденіе противъ арабовъ

пустыни и смѣялся надъ тѣми предосторожностями, которыя мы предпринимали ранѣе, но спать не могъ, уже потому, что компанія сидящихъ около костра была черезъ-чуръ весела. Было уже около десяти часовъ вечера; голубое небо заблестало тысячею звѣздъ. Горизонтъ со всѣхъ сторонъ замыкался темною зубчатою линіею горъ, ближайшія изъ которыхъ казались врывающимися черною массою въ прозрачную синеву неба. Надъ нашими горами, какъ и на далекомъ сѣверѣ, стояла большая медвѣдица. Невольно я устремилъ глаза съ темной земли въ синеву блестящаго неба и впитался взглядомъ въ его чарующую красоту. Старый шейхъ, какъ истый сынъ пустыни, любившій небо до обожанія, тотчасъ же замѣтилъ это и началъ поучать арабской астрономіи, которую я слушалъ съ большимъ усердіемъ, стараясь узнать хотя арабскія названія большихъ созвѣздій.—Вотъ въ тѣхъ семи звѣздахъ,—говорилъ онъ, указывая на большую медвѣдицу,—живетъ геній неба; Аллахъ отвелъ ему тамъ жилище, чтобы онъ наблюдалъ за землею. Съ земли жилище генія похоже на фигуру верабля пустыни, и сыны ея называютъ тѣ семь звѣздъ верблюдомъ. Гляди, благородный эффенди, какъ вытянулъ впередъ свою шею небесный верблюдъ; не легко ему нести небеснаго генія... А вотъ тамъ горитъ ярвою звѣздою глазъ небесной газели,—продолжалъ старикъ, направляя свой перстъ въ сторону Регула:—у той газели четыре дѣтеныша, смотри ихъ глазки глядятъ на мать. Рядомъ съ газелью свѣтится хищный глазъ шакала (Денебола); онъ стремится схватить своими зубами небеснаго козленка, но Аллахъ помѣстилъ на небо охотника-араба, который не дастъ шакалу похитить у матери дѣтеныша. (Небесный арабъ стараго шейха—наше созвѣдіе Дѣвы).—Вотъ тутъ, эффенди,—продолжалъ старикъ, указывая на Лиру,—блестятъ глаза небесной красавицы (Вега и Денебъ), волоса которой усыпаны перлами (Геркулесъ). Выше красавицы Аллахъ помѣстилъ могучаго льва (Кассіопея), а ближе къ концу неба (горизонту) другого небеснаго верблюда, который служилъ пророку... Аллахъ да благословить его...—Подъ именемъ верблюда Магометова старый шейхъ подразумѣвалъ четырехугольникъ Пегаса и вмѣстѣ β и γ Андромеды и α Персея.—По всему небу раскинулъ Аллахъ поясъ пророка, украшенный жемчужинами,—добавилъ старикъ, проводя рукой по направленію млечнаго пути и блестящихъ звѣздъ, свѣтящихся на немъ и возлѣ него (Персей, Альдебаранъ, звѣзды Оріона и др.).—По обѣимъ сторонамъ святаго пояса пророка Аллахъ поставилъ двухъ стражей, которые оберегаютъ его,—закончилъ шейхъ, указывая на блестящихъ, какъ алмазы, Про-

кіона и Сиріуса. Долго еще хотѣлъ трактовать старикъ о томъ, что видятъ арабы пустыни на небесномъ сводѣ, какъ поэтическое чувство ихъ помѣщаетъ на небо чадъ земли и тѣмъ примиряетъ область таинственную, полную чудесъ, съ областью міра земного, населяя ихъ одинаковыми существами; но другой шейхъ прервалъ его изліянія. — Сулейманіе, — говорилъ онъ, — эффеиди мудръ, какъ старцы земли его; онъ знаетъ, къ чему Аллахъ устроилъ и міръ, и звѣзды, и какъ называютъ ихъ арабы пустыни... Пусть лучше молодежь увеселитъ сердце нашего гостя музыкой и пляскою... Не правъ ли я, отецъ мой? — Сулейманіе только кивнулъ головою въ знакъ своего согласія и затянулся душистымъ наргилѣ. Не успѣли еще лопнуть пузырьки въ калыні Сулейманіе, какъ нѣсколько молодыхъ арабовъ встало; въ рукахъ у нихъ виднѣлись какіе-то инструменты, нѣчто среднее между флейтою и рожкомъ. Они обошли вокругъ костра трижды и заиграли всѣ вмѣстѣ дикую мелодію. Оригинальные звуки съ какими-то невѣдомыми тонами, то страстно чарующіе, то заставляющіе вздрагивать, то нѣжно пѣвучіе, то поражающіе своей дикой гармоніей, быстро слѣдовали одни за другими, не давая опомниться, не давая времени дать отчета ихъ невольному слушателю и цѣнителю. Съ четверть часа продолжалась эта музыка; краткое эхо отдавало по нѣсколько разъ звуки этой арабской мелодіи въ ущельяхъ Акабинскихъ альпъ и замирало по ту сторону ихъ отъ берега Краснаго моря. Окончилась музыка, и около двухъ десятковъ молодыхъ голосовъ затянуло арабскую пѣсню, аккомпанируя ее мѣрно съ мотивами оригинальных инструментовъ. Трудно сказать, что производитъ большее впечатлѣніе — дикая ли мелодія этой музыки, или, поражающее ухо европейца мотивы арабскихъ пѣсень, которыхъ гармоничность нерѣдко переходитъ въ дисгармонію. Оригинальные исполнители этого концерта въ пустынѣ, въ длинныхъ бурнуссахъ съ навьюченными на головахъ шалями и тюрбанами, съ лаганами за поясомъ и съ флейтами въ зубахъ, освѣщаемые слегка буроватымъ дымомъ скуднаго костерка, производили еще не меньшее впечатлѣніе, чѣмъ самый концертъ, а если прибавить къ этому грозныя декорации въ видѣ замыкающей горной цѣпи съ силуэтами нагроможденныхъ безъ порядка скалъ, сотню верблюдовъ, груду оружія, двухъ сѣдовласыхъ шейховъ, погружившихся въ сладкій кейфъ надъ едва дымящимся наргилѣ, то, надо сознаться, что одно вполне гармонировало съ другимъ и мало того, взаимно дополняло другъ друга. Я сидѣлъ молча, любуясь веселыми сынами пустыни и наблюдая за всѣмъ, про-

исходящимъ вокругъ меня. Еще съ полчаса продолжалось пѣніе, аккомпанируемое флейтами; мотивы его дѣлались все диче и диче; одно время казалось, что слышишь не звуки человѣческаго голоса, а вой бури, завывающей въ каменныхъ ущельяхъ; наконецъ пѣніе приняло бурный порывистый характеръ, пѣвцы схватили другъ друга за руки и быстро закружились вокругъ костра, не переставая испускать дикіе гортанные звуки плясовой пѣсни. Къ пляшущимъ скоро присоединились и другіе, до сихъ поръ не принимавшіе участія въ общемъ веселіи, которые и образовали другой кругъ, также завертѣвшійся вокругъ костра. Нѣкоторые изъ пляшущихъ второго круга завертѣли обнаженными атаганами; еще шибче завертѣлись концентрическіе круги пляшущихъ, еще заунывнѣе полились мотивы, надрывающихъ уже душу, флейтъ, еще присоединились пляшущіе, и цѣлая буйная оргія началась... Я видалъ впервые такое нечеловѣческое основаніе; пляска дервишей въ Каирѣ и въ Нижнемъ Египтѣ казалась мнѣ дѣтскою въ сравненіи съ этими грандіозными танцами арабовъ Синайской пустыни,—такъ причудливы и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ дикі были ихъ тѣлодвиженія, такъ безумно ихъ веселье, такъ нечеловѣчески звучали ихъ пѣсни, повторяемыя въ утесахъ непреступныхъ горъ, поражающими душу мотивами. Передъ моими глазами сквозь буроватую дымку костра мелькали темныя фигуры пляшущихъ арабовъ, которые напоминали рой призрабовъ въ Иванову ночь у заколдованнаго мѣста, но никакъ не живыхъ веселящихся людей, и въ противоположность этимъ быстро мелькающимъ тѣнамъ рядомъ съ ними вырисовывались силуэты двухъ, неподвижно сидящихъ, шейховъ, которые со своими наргилѣ, казалось, составляли одно неодушевленное цѣлое. Пораженный дикою картиною, я не отрывалъ глазъ отъ этого зрѣлища и не замѣчалъ, какъ проходило время. Оглядѣвшись вокругъ, я увидѣлъ, что всѣ мои спутники спали, даже Рашидъ, общавшійся бодрствовать надо мною. Я не захотѣлъ будить его, потому что онъ не спалъ всю прошлую ночь, еще со вчерашняго вечера почуявъ близость арабовъ пустыни. Далеко за полночь продолжалось это основаніе; уже костеръ и наргилѣ шейховъ потухли, а арабы вертѣлись, безпрестанно смѣняясь; временемъ, казалось, ослабѣвали ихъ нервы, затихало на время и дикое пѣніе, и дикій аккомпаниментъ, но это только для того, чтобы начаться черезъ нѣсколько минутъ съ удвоенною силою. Наконецъ, видимо и они начали уставать, и старшій шейхъ рукою подалъ сигналъ къ окончанію оргіи. Какъ быстро она началась, такъ быстро и прекратилась, какъ только

раздалось слабое, но повелительное слово шейха. Еще незадолго передъ тѣмъ бѣсновавшіеся арабы начали завертываться въ свои бурнусы и укладываться на песокъ, еще не успѣвшимъ охладиться послѣ зноя полуденнаго. Не смотря на сонъ, одолевавшій меня, я не рѣшался засыпать, пока спали мои спутники, и, завернувшись въ пальто, боролся всѣми силами съ дремотою. Не прошло и получаса, какъ смогло все и, казалось, заснуло, какъ приподнялся мой Рашидъ и началъ бодрствованіе. Увидавъ его, я тотчасъ же закрылъ глаза и уснулъ богатырскимъ сномъ.

III.

Я проснулся отъ страшнаго жара, весь въ поту, съ болью въ головѣ, нагрѣтой даже косвенно падающими лучами утренняго солнца. Нѣсколько глотковъ свѣжей воды изъ невѣдомаго источника и умываніе освѣжили меня настолько, что я сталъ подумывать о выступленіи въ путь. Рашидъ и Ахмедъ видимо также торопились раздѣлаться съ гостепріимными арабами и поскорѣе перевалить за хребетъ, чтобы спуститься къ самому берегу Краснаго моря. Только Юза, казалось, хотѣлъ подождать остаться и поболтать съ разговорчивыми шейхами, съ которыми онъ бесѣдовалъ еще въ моментъ моего пробужденія. Посовѣтовавшись съ обоими тѣлохранителями, я приказалъ Юзѣ благодарить шейховъ и племя за гостепріимство и предложить имъ небольшой посильный подарокъ, а кавасамъ велѣлъ начать сборы. Верблюды, болѣе привыкшіе къ голосу Юзы, плохо слушались Рашида и Ахмеда, которые въ свою очередь, желая показать, что и они могутъ быть верблюдовожатыми не хуже Юзы, хлопотали изъ всѣхъ силъ то съ верблюдами, то съ багажемъ; нѣсколько арабовъ помогали имъ усердно. Я же наблюдалъ и за ходомъ переговоровъ Юзы съ шейхами, нѣсколько затнувшись, и за нагрузкою верблюдовъ; бросая взгляды то на шейховъ, то на свой багажъ, я замѣтилъ, что одинъ изъ арабовъ, помогавшихъ Рашиду навьючивать корзины съ антропологическимъ матеріаломъ, который я везъ изъ-подъ Синая, полюбопытствовалъ взглянуть на ихъ содержимое и приподнял крышку одной изъ нихъ. Изъ туго набитой костями корзины тотчасъ же выпалъ одинъ черепъ къ ногамъ любопытнаго, который отъ страху выронилъ всю корзину и рассыпалъ ее содержимое. Суевѣрный и трусливый арабъ даже попытался, увидѣвъ болѣе десятка чело-

вѣческихъ череповъ. Его примѣру послѣдовали другіе; даже у Рашида и Ахмеда не хватило смѣлости собрать разсыпавшіеся черепа и сложить ихъ опять въ корзину; мнѣ пришлось сдѣлать это самому. Разсыпка череповъ имѣла и другое важное значеніе. Едва старый шейхъ замѣтилъ, что одинъ изъ череповъ подкатился къ самымъ его ногамъ, какъ вскочилъ, словно ужаленный, и всѣ переговоры были кончены. Юза передалъ мнѣ, что шейхи просили въ подарокъ по ружью или по револьверу; на чемъ долго и стояли, пока подкатившійся черепъ окончательно не смутилъ ихъ и не увѣрилъ въ моемъ сверхъестественномъ могуществѣ, что старался доказать Юза, убѣждая шейховъ не требовать у могучаго московскаго паши того, чего онъ имъ самъ не предлагаетъ. Когда дипломатическія затрудненія были кончены неожиданнымъ образомъ, насъ ничто не задерживало, и Юза быстро снарядилъ въ путь нашъ маленький караванъ. Я подошелъ благодарить шейховъ еще разъ и приказалъ Юзѣ передать имъ мою благодарность въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ. Шейхи отвѣчали очень любезно, прося только оставить имъ на память отъ московскаго паши, хотя то маленькое страшное оружіе, которое я ношу на поясѣ. Я едва не разсмѣялся при этой просьбѣ, такъ какъ страшное оружіе было не что иное какъ акушерскій циркуль, который я употреблялъ для краніометрическихъ измѣреній, и о которомъ Юза успѣлъ наговорить много ужаснаго, когда склонялъ шейховъ не раздражать московскаго паши неумѣстными требованіями. При помощи Юзы, я отвѣтилъ, что подарить этого оружія не могу никому, потому что безъ него я не могу перейти пустыню. Удивленію арабовъ не было границъ, и они съ благоговѣйнымъ ужасомъ разсматривали страшное оружіе, висѣвшее у меня на поясѣ вмѣстѣ съ револьверомъ и ятаганомъ. Послѣ этой выходки, начались обыкновенныя восточныя утонченныя вѣжливости, прощанія, пожеланія и т. п., пока я, понукнувъ своего верблюда, не прервалъ комедіи, разыгрываемой съ одной стороны почтенными шейхами, а съ другой моими людьми.

Караванъ нашъ тронулся, Ахмедъ по прежнему впереди всѣхъ; старые шейхи провожали насъ прикладываніемъ рукъ ко лбу и груди по восточному обычаю, а десятка два молодыхъ арабовъ сопровождало насъ до входа въ дикое ущелье, съ котораго начался подъемъ въ гору. Верблюды едва ступали по узкой горной тропѣ, заваленной огромными камнями, порой лежавшими поперекъ дороги; даже шага верблюда было недостаточно, чтобы перешагнуть ихъ; бѣдныя животныя тщательно

обходили препятствія, буквально цѣпляясь ногами объ упоры, отчего балансированіе наше на верблюдахъ достигло самой высокой степени. Еще съ утра у меня болѣла голова подъ неотразимыми жгучими лучами солнца, отъ которыхъ не защищали ни густо-намотанная вокругъ головы шаль, ни соломенная шляпа съ широчайшими полями, покрытая поверху еще платкомъ; теперь она заломила до того сильно, что я едва сидѣлъ на верблюдѣ. Тошнота, тяжесть въ груди и безпрестанные толчки, скоро сдѣлали мое положеніе поистинѣ страдальческимъ. Несмотря на то, что мы шли по горной тропинкѣ, и съ обѣихъ сторонъ возвышались каменные стѣны въ тысячу и болѣе футовъ вышиною, онѣ не только не давали ни малѣйшей тѣни, но отражая отъ себя палящіе лучи полуденнаго солнца, какъ отъ раскаленной печи, только усиливали крайность нашего положенія. Блуждающимъ взоромъ я окинулъ своихъ спутниковъ, они, повидимому, несмотря на привычку, также страдали не мало; Рашидъ и Юза потеряли свои гордыя и рѣшительныя фізіономіи и ѣхали, понуриявъ головы; одинъ Ахмедъ, нашъ вожатый, крѣпился. Балансированіе на верблюдѣ на многихъ, сажающихся въ первый разъ на горбъ корабля пустыни, производить въ первое же время впечатлѣніе морской качки и очень часто влечетъ припадки, похожіе на страданіе морскою болѣзнью. По выѣздѣ моемъ изъ Суэца цѣлый день я чувствовалъ приступы тошноты и головной боли; но съ тѣхъ поръ я уже двѣ недѣли находился въ пустынѣ на верблюдѣ и успѣлъ свыкнуться съ качкою. Но сегодня условія были такъ исключительны, качка была такъ утомительна, а физическія силы такъ ослабѣли отъ зноя, что я почувствовалъ снова уже знакомые приступы. Подъ угнетающимъ вліяніемъ всѣхъ этихъ условій, не видя конца сегодняшнему страданію, я потерялъ присутствіе духа, а съ нимъ и физическую твердость. Какъ и вчера, я впалъ въ то же сонное, почти безчувственное состояніе, въ которомъ для человѣка нѣтъ ничего поражающаго его чувства; онъ дѣлается похожимъ на автомата... Но вчера я еще могъ мыслить, хотя немножко, и понимать кое-что изъ происходящаго, зато сегодня мнѣ казалось, что у меня за черепною покрывшкою налято было теплое масло, которое при каждомъ толчкѣ ударяло то въ орбиты, то въ основаніе черепа. Это чувствованіе внутреннихъ ударовъ внутри головы было убійственно, и я былъ въ тяжеломъ, подавляющемъ самое дыханіе, кошмарѣ. Неотвязчивыя глупыя идеи, преслѣдовавшія меня съ утра, при дальнѣйшемъ приливѣ крови къ головѣ, начали смѣняться чѣмъ-то неопредѣленнымъ, безконечнымъ, ярко-бли-

стающимъ... Это было впечатлѣніе, производимое притокомъ крови къ мозгу, то неопредѣленное, невыразимое и подавляющее своею напряженностью ощущеніе, которое чувствуетъ человѣкъ, теряющій сознаніе... Что-то безконечное пурпурово-красное, переходящее въ голубовато-зеленый съ золотистыми искорками и быстро смѣнявшееся черною бездною, представлялось моимъ очамъ, создавалось моею мыслью, не работавшей уже правильно въ гиперемизированномъ мозгу... Что было за тѣмъ, не знаю, но когда я очнулся и открылъ глаза, въ лицо мнѣ пахнуло свѣжимъ вѣтеркомъ, а караванъ спускался по довольно отлогому спуску.

— Эффенди былъ боленъ,—произнесъ Юза, ѣхавшій позади меня,—и спалъ, а мы перешли горы Назба и сейчасъ увидимъ Красное море.

Тутъ только я понялъ, что со мною было; меня поразилъ легкій солнечный ударъ, отъ котораго я самъ оправился, едва пахнула струйка свѣжаго воздуха, когда мы начали спускаться. Мои арабы замѣтили мое положеніе, но привыкнувъ, вѣроятно, къ подобнаго рода случаямъ, не обратили должнаго вниманія, даже не полили лица бурдою, сохранявшеюся у насъ въ бурдюкахъ, не смотря на то, что, засыпая такимъ образомъ, можно перейти въ вѣчное успокоеніе. Я объяснилъ это арабамъ и велѣлъ имъ наблюдать за мною и, если случится что подобное снова, немедленно подать помощь, правила которой я имъ и сообщилъ. Удивительное вліяніе имѣетъ одна близость моря не только на человѣка, но и на животныхъ: даже верблюды, едва ступавшіе на подъемъ, несмотря на свои окровавленные ноги, пошли быстрее, когда на встрѣчу намъ подулъ свѣженькій вѣтерокъ съ моря. Да и я, бывшій уже близко къ смерти съ полчаса тому назадъ, быстро оправился, какъ только удушливая атмосфера горныхъ ущелій смѣнилась свѣжимъ, слегка увлажненнымъ, воздухомъ, который несся съ восточнаго берега Синайскаго полуострова.

Еще два или три поворота и, загораживающая намъ видъ вдаль, каменная стѣна осталась въ сторонѣ, а взглядъ, которому ничто уже не препятствовало, упалъ сразу на серебрищую поверхность Акабинскаго залива. Она была спокойна, и легкая зыбь только увеличивала ея прелесть. Весь заливъ казался похожъ болѣе на озеро, такъ какъ былъ замѣнутъ со всѣхъ сторонъ. Удивительная чистота воздуха давала возможность хорошему глазу видѣть всю поверхность залива. Продолговатая, слегка расширяющаяся къ югу серебристая поверхность его, окаймленная темными берегами, замыкалась съ сѣвера вершинами древнихъ Идумейскихъ горъ, у подножія которыхъ расположена нынѣшняя Акаба,

древній Элаѳъ, и издревле кочевали Мадіанитяне, а съ юга, врѣзывающимся глубоко въ море, каменистымъ мысомъ Раа Фуртуко, котораго какъ бы естественнымъ продолженіемъ служили острова Тиранъ и Синоферъ, замыкавшіе заливъ къ югу. Съ востока берегъ залива составляли отроги Идумейскихъ и Аравійскихъ прибрежныхъ цѣпей, тогда какъ съ запада шла высокая въ двѣ и болѣе тысячъ футовъ зубчатая стѣна, среди которой мы и находились къ сѣверу отъ параллели уади Путрахъ приблизительно тамъ, гдѣ лежали библейскіе «гробы прихоти». Мы вышли, какъ оказывается, туда, куда пришли и евреи, повинувъ горы Синая и Хорива, для «гробовъ прихоти». Такъ какъ верблюды наши и мы сами были страшно изнурены горною дорогою, то мы рѣшились сдѣлать ночлегъ на самомъ берегу Краснаго моря, несмотря на то, что не пришли еще къ обѣщанному Ахмедомъ источнику и пещерѣ, наполненной костями, и что желаніе испить свѣжей воды дѣлалось вопіющею потребностью. Мы продолжали еще осторожно спускаться, пока не подошли по довольно хорошему спуску къ самому берегу Азобинскаго залива. Вдругъ Ахмедъ, шедшій все время впереди, сперва вскрикнувъ отъ радости, потомъ отъ изумленія, причемъ черное облачко набѣжало на его обыкновенно спокойное лицо. — Эффенди, — началъ онъ страннымъ голосомъ, — источникъ близко, мы ошиблись немного въ пути, и потому Аллахъ направилъ наши глаза къ источнику; мы нашли, эффенди, и сладкую воду, и кости; мы зато нашли и еще арабовъ. Не хочетъ ли эффенди посмотреть? — На песчаной отмели дѣйствительно видѣлось множество слѣдовъ и валялись остатки трапезы и костра, очевидно, недавняго происхожденія. Несмотря на видимое безпокойство Ахмеда, я на этотъ разъ не раздѣлялъ его, потому что на вчерашнемъ опытѣ убѣдился, что бояться арабовъ пустыни въ настоящее время даже четверемъ вооруженнымъ человѣкамъ нечего особенно, если имѣется извѣстная доза смѣлости, на которую мы всегда могли рассчитывать. Скоро, впрочемъ, и смущеніе Ахмеда разсѣялось, когда онъ замѣтилъ, что не было видно ни одного слѣда верблюда или лошади, а одни слѣды людскіе и что они не шли далеко по берегу ни въ одну сторону. — Эффенди, — тогда сказалъ Ахмедъ, — то не были арабы пустыни, то были арабы моря; они были здѣсь и уѣхали на лодкахъ; они здѣсь отдыхали и больше сюда не придутъ. Эффенди можетъ не безпокоиться. — Рашидъ, спрошенный о мнѣніи, также подтвердилъ слова своего товарища, хотя и продолжалъ внимательно осматривать слѣды. Верблюды были остановлены и раз-

гружены; изъ ружей, пикъ и покрывалъ мы снарядили нѣчто въ родѣ палатки, потому что я рассчитывалъ при обиліи воды и антропологическаго матеріала остановиться здѣсь на нѣсколько дней. Пока Ахмедъ съ Юзою устанавливали палатку, а Рашидъ изслѣдовалъ слѣды, я снявши съ себя оружіе и одежду, спѣшилъ окунуться въ прохладную морскую воду. Нензьяснимо сладко было перейти изъ палящей атмосферы воздуха въ живительную охлаждающую среду набѣгающихъ на берегъ волнъ и плавать въ морскомъ прибоѣ, ударяющемся съ нѣкоторою силою о прибрежныя камни; даже мои спутники-арабы не могли противустоять искушенію и начали раздѣваться, поборовъ восточное отвращеніе отъ общаго купанья. Сперва еще Ахмедъ предостерегалъ меня и своихъ товарищей не купаться въ Акабинскомъ заливѣ, потому что въ водѣ его водятся страшныя морскія чудовища, которыя могутъ унести человѣка въ своихъ могучихъ зубахъ, но потомъ и самъ началъ разматывать свою голову. Не прошло и десяти минутъ, какъ всѣ мы уже плавали въ прохладной стихіи, не заботясь ни о страшныхъ моллюскахъ, ни объ акулахъ Краснаго моря, ни о другихъ морскихъ чудовищахъ. Несмотря на сильную жажду и голодъ, какъ-то не хотѣлось выходить изъ воды; уже Юза вылѣзъ на берегъ и сталъ готовить закуску, а Ахмедъ съ кувшинами, искупавшись, пошелъ къ источнику, а я все сидѣлъ, погружившись по шею въ воду, играя, какъ ребенокъ, съ блестящими золотистыми и серебристыми рыбками, которыя цѣлыми стаями плавали вокругъ меня. Не знаю, какъ долго бы еще я пробылъ въ водѣ, если бы по моей спинѣ не скользнуло что-то, произведшее впечатлѣніе длиннаго извивающагося и скользкаго тѣла. Я вскочилъ, какъ ужаленный, и, обернувшись, увидѣлъ, что какое-то змѣеобразное животное завертѣлось вокругъ меня. Прозрачность воды позволяла видѣть мнѣ его исцѣпленную пятнами кожу, большую голову, украшенную какими-то странными придатками и широкіе плавники... Съ быстротою молніи я бросился къ берегу, и черезъ нѣсколько секундъ сидѣлъ уже на прибрежномъ камнѣ, около подножія котораго лѣпилась цѣлая колонія морскихъ губокъ самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ. Какъ ни манила своею прохлагою чудная голубая стихія, омывавшая своими волнами мои ноги, я не рѣшался болѣе вѣрнуться ей, когда среди прелестей животнаго и растительнаго міра морской воды копошились отвратительныя чудовища... Я теперь уже видѣлъ ихъ; разъ только удалось получить непріятное впечатлѣніе, я не сомнѣвался въ реальности ихъ существованія; эти маленькіе ракообразныя, мягкотѣлыя и

морскіе пауки, копошившіеся въ живыхъ цвѣтахъ зоофитовъ и роскошныхъ водорослей, казались мнѣ чѣмъ-то ужаснымъ, хотя я не могъ не знать изъ зоологій ихъ безвредности. Сидя на камнѣ, и забывъ, казалось, все остальное, я наблюдалъ этотъ прекрасный водный міръ, которымъ такъ богато Красное море; и чѣмъ болѣе я всматривался въ прозрачную глубину голубой среды, тѣмъ разнообразіе становились обитатели водъ, тѣмъ роскошнѣе и причудливѣе были ихъ формы. Безконечно разнообразною чередою появлялись все новыя существа, своею красотою затмѣвавшія самыя блестящія краски земли. Акалефы, радіомаріи, трубчатники, раковинчатые слизняки и множество другихъ животныхъ всякихъ зоологическихъ отрядовъ имѣли своихъ представителей въ этой чудной, живой, безпрестанно перемѣняющейся фантазмагоріи, которой роскошными декораціями служили подводныя части камней, обгѣпленные гирляндами губокъ, водорослей и зоофитовъ; морскіе анемоны, лиліи, астры и вѣтви бѣлыхъ и розовыхъ коралловъ составляли общій фонъ, гдѣ на пробивающемся въ глубину снопѣ солнечныхъ лучей веселился блестящій чудный морской міръ. Долго я еще любовался невиданнымъ зрѣлищемъ, представившимся моимъ глазамъ въ прозрачной средѣ, которую только отгѣняли огромныя подводныя камни; уже Ахмедъ успѣлъ вернуться изъ ущелья съ двумя полными кувшинами воды, уже Рашидъ давно, осмотрѣвъ слѣды, утѣлся около Юзы, начавшаго готовить «джай» изъ свѣжей воды, а я все сидѣлъ и любовался воднымъ міромъ. Солнце уже начинало садиться и поверхность Краснаго моря, освѣщенная лучами заката, дѣйствительно казалась красною, багровою, багроватость которой въ подножью береговыхъ скалъ переходила въ густой голубой цвѣтъ.

— Эффеиди, — наконецъ началъ Рашидъ, — арабы моря были не одни, арабы моря — купцы съ живымъ товаромъ, Рашидъ нашелъ слѣды ногъ невольницъ на морскомъ пескѣ. Эффеиди можетъ самъ посмотреть.

Эта интересная новость вывела меня изъ апатіи; я побѣжалъ къ Рашиду, который дѣйствительно доказалъ свое предположеніе неоспоримымъ образомъ; на берегу въ одномъ мѣстѣ видѣлись отпечатки красивыхъ босыхъ ногъ и маленькихъ туфель, не оставлявшихъ сомнѣнія, что они принадлежали женщинамъ. — Но отчего, Рашидъ, это слѣды невольницъ, а не женъ арабовъ моря? — спросилъ я.

— Женъ арабовъ не ходятъ за мужьями; въ ихъ палатѣ

всегда найдется женская работа; жены арабовъ не пришли и не ушли бы моремъ; ихъ путь идетъ на верблюдахъ; арабы Акаби большіе плуты, они любятъ живой товаръ, — отвѣчалъ Рашидъ увѣренно...

Итакъ до сихъ поръ невольничество или, вѣрнѣе сказать, продажа невольниковъ и особенно невольницъ существуетъ въ Африкѣ даже на берегахъ Краснаго моря, такъ близко къ глазамъ строгаго египетскаго правительства. Я не вѣрилъ до сихъ поръ рассказамъ многихъ, что даже въ Каирѣ можно купить себѣ хорошенькую невольницу, а въ Аравіи и очень легко; всѣ усилія филантроповъ всѣхъ европейскихъ націй не могли уничтожить этой постыдной торговли: въ Красномъ морѣ эта продажа не прекращалась, хотя тысячи судовъ всѣхъ націй, со времени прорытія Суэцкаго перешейка, бороздятъ его по всѣмъ направленіямъ. Сидя за ужиномъ и вкуснымъ чаемъ, я разспрашивалъ своихъ спутниковъ объ этой отвратительной торговлѣ, и они мнѣ рассказали много интереснаго. Оказывалось, что въ настоящее время въ торговлѣ людьми продаются не невольники и невольницы-рабы, потому что рабство уничтожено и въ Египтѣ, но матеріалъ для наполненія гаремовъ сластолюбивыхъ пашей, знающихъ и покровительствующихъ этой торговлѣ. Контингентъ этотъ составляютъ евнухи и молодыя женщины, обыкновенно краденные, и только изрѣдка отдающіеся добровольно въ руки торговцевъ человѣческимъ мясомъ. Евнухи обыкновенно привозятся изъ Абиссиніи, гдѣ до сихъ поръ обычай практикуется въ широкихъ размѣрахъ, не смотря на то, что абиссинцы всѣ христіане. Въ Шоа, вокругъ Денбеа и вплоть до самого Адена можно нуждающемуся добыть себѣ евнуха; тамъ же можно купить и невольницу, но изъ черныхъ. Контингентъ евнуховъ составляютъ не только плѣнные и захваченные при разбойничьихъ набѣгахъ абиссинцевъ, но даже самые обитатели Габеша, еще съ малолѣтства попавшіеся въ руки подобнаго рода торговцевъ. Области, изъ которыхъ добываются невольницы, гораздо обширнѣе; не смотря на уничтоженіе торговли невольниками, повсемѣстно въ Африкѣ можно встрѣчать отдѣльные случаи продажи, особенно на западномъ берегу. Всѣ племена черныхъ доставляютъ хотя небольшой контингентъ рабынь, добываемыхъ при набѣгахъ и междоусобныхъ войнахъ. Черныя красавицы очень цѣнятся въ нѣкоторыхъ гаремахъ Египта и Малой Азіи, особенно изъ племени съ бархатистою черною кожею; въ гаремѣ всемогущаго паши Каира мнѣ самому при-

шлось видѣть ¹⁾ двухъ женъ изъ кафрянковъ — женщинъ весьма красивыхъ и изящныхъ. Въ продажу идутъ также въ большомъ количествѣ коптѣнки изъ Верхняго Египта и арабы различныхъ племенъ Аравіи. По словамъ Рашида, эти послѣдніе попадаютъ въ руки торговцевъ различными нечистыми путями. Но всего интереснѣе, что въ числѣ невольницъ, имѣющихся въ запасъ «арабовъ-моря», можно встрѣтить грузинокъ, армянокъ, гречанокъ и евреекъ, которыя попадаютъ на суда женопродавцевъ совершенно непонятнымъ путемъ. По всей вѣроятности, ихъ крадутъ, какъ крали болгарскихъ и албанскихъ дѣвушекъ дикіе баши-бузуки еще такъ недавно. Ахмедъ подтверждалъ это случаемъ изъ собственной его жизни; въ бытность его въ Газѣ (Палестина) арабы, пришедшіе съ нимъ въ одномъ караванѣ, украли красавицу-еврейку и увезли ее въ пустыню за Эль-Аришъ, гдѣ ихъ и слѣдъ простылъ. Стоить только добраться съ живымъ товаромъ къ берегу Краснаго моря, а тамъ всегда его можно сбыть очень выгодно. Восточный и западный берега Аравійскаго залива, западный, начиная отъ Джебель-Зафаране, а восточный почти отъ Акабы вплоть до самаго Бабъ-эль-Мандебскаго пролива, служатъ пристанищами этихъ торговцевъ. Въ дѣвкахъ едва приступныхъ скалистыхъ и песчаныхъ берегахъ Аравійскаго залива ихъ особенно много; за мысомъ Раа-Фуртукомъ по западному берегу Аравіи, по словамъ Рашида, есть пѣлая станція жено-торговцевъ, гдѣ выборъ можетъ быть очень великъ. Туда отправляются иногда посланцы отъ египетскихъ и турецкихъ гаремовъ, вербующіе красавицъ, за которыхъ теперь платятъ бѣшенныя деньги. За одну арабку, по словамъ Рашида, купленную въ гаремъ хедива Мегмета, было заплачено около тысячи турецкихъ лиръ (по нынѣшнему курсу 9 р.); выше этой платы онъ не слыхалъ.

— Вотъ, эффенди,—вдругъ заговорилъ вдохновенно Ахмедъ, показывая пальцемъ на одинокую скалу, далеко врывающуюся своею темною массою въ багрово-голубое море,—то камень Жемчужной Красавицы; здѣсь въ каменной трещинѣ, какъ въ гробу, положена прекраснѣйшая въ мірѣ дѣвушка; она умерла на вершинѣ той скалы отъ руки страшнаго мучителя Мусы. Эффенди не знаетъ ни Мусы, ни Жемчужной Красавицы, одинъ Ахмедъ слышалъ, какъ пѣли о нихъ вокругъ шатровъ своихъ арабы пустыни.—Я просилъ Ахмеда разсказать объ этомъ страшномъ

¹⁾ Во время перевозки гарема изъ Каира на загородныя дачи и виллы Александрии въ сопровожденіи цѣлаго десятка евнуховъ.

героѣ пустыни и его прекрасной жертвѣ; Рашидъ и Юза поддерживали меня.

— Муса этотъ, эффенди, — началъ видимо польщенный Ахмедъ, — былъ великій шейхъ Акабинскихъ арабовъ; вся пустыня отъ Раа-Мухамеда (южная оконечность Синайскаго полуострова) до Бахрѣ-Лута (Мертвое море) знала шейха Мусу и повиновалась ему. Никто лучше шейха не зналъ пустыни, никто не стрѣлялъ дальше его, никто не былъ такъ силенъ, какъ Муса, никто не былъ такъ мудръ, какъ Муса. Караваны боялись ходить по пустыни, гдѣ зоркій глазъ Мусы не пропускалъ ни одной птицы, не только что верблюда; купцы и хаджи не ходили прежнею дорогою; всѣ избѣгали Мусы и шли черезъ Эль-Аришъ и Лебгемъ, а не черезъ Акабу. Но нашелся храбрецъ, который не побоялся Мусы и пришелъ за его головою въ самую пустыню Рамле и Терубина, гдѣ стояли верблюды Мусы на пути хаджи ¹⁾. То былъ грекъ изъ Берита (Бейрутъ), славный капудане; онъ обѣщалъ изловить Мусу и повѣсить голову его сушиться на воротахъ своего города. Съ капудане былъ цѣлый караванъ египетскихъ солдатъ. Муса не побоялся капудане, не ушелъ въ горы Джебель-эль-Тиха, не угналъ верблюдовъ въ пустыню Рамле, а самъ вышелъ сразиться съ врагами. Страшно бились воины капудане съ воинами пустыни; ихъ ружья были лучше ружей Мусы, ихъ было больше, чѣмъ арабовъ Мусы, и великій шейхъ попалъ живымъ въ руки врага, когда его воины легли вокругъ раненнаго вождя. Страшно наругался надъ Мусою греческій капудане; онъ отрѣзалъ у него уши и носъ и, привязавъ къ хвосту верблюда, тащилъ шейха много дней по горамъ и по пустынямъ; наконецъ, караванъ ихъ вышелъ сюда къ скалѣ, которая еще не видала Жемчужной Красавицы. Тутъ капудане остановился и повелѣлъ взвести Мусу на эту гору, раздѣть и бить курбашами (толстый ременный бичъ), пока тѣло не отстанетъ отъ костей, а потомъ отрубить ему голову. Тѣло же его привязать къ верхушкѣ горы, чтобы арабы пустыни могли видѣть всегда кости своего шейха. Солдаты исполнили волю капудане; они били Мусу, пока не показались кости; но едва отошли отъ него, чтобы, отдохнувъ, отрубить ему голову, великій шейхъ бросился, избитый, въ море со скалы. Капудане и воины его удивились смѣлости шейха и отправились домой,

¹⁾ Надо замѣтить, что черезъ середину Синайскаго полуострова идетъ такъ называемый путь хаджей, т.-е. поклонниковъ въ Мекку; изъ Каира путь этотъ идетъ черезъ Акабу; по разсказу Ахмеда караваны, избѣгая нападенія Мусы, шли не дорогою хаджей, а обходили ее, придерживаясь берега Средиземнаго моря.

не думая, чтобы страшный Муса могъ спастись. Но Аллахъ сохранилъ Мусу для мести; онъ спасся чуднымъ образомъ, спрятавшись между камнями на берегу моря, гдѣ прожилъ три дня, питаясь морскими животными, и оправился. Едва онъ былъ въ состояніи взобраться на скалу, какъ вползъ на мѣсто своего истязанія и поклялся страшною клятвою — костями своего дѣда отомстить мучителю-капудане. Пять лѣтъ не могъ отомстить своему оскорбителю Муса, но онъ былъ непреклоненъ въ своей мести. Узнавъ, что капудане живетъ въ Беритѣ, Муса отправился въ Газу, гдѣ жилъ его другъ, рассказалъ ему свое горе и они вмѣстѣ пустились на маленькой лодкѣ въ море къ Бериту. Долго плыли они по бурному морю, но Муса ради мести вынесъ все и, выйдя на берегъ у Берита, благодарилъ Аллаха. Не трудно было отыскать домъ капудане; но самого капудане не было; въ Беритѣ оставалась только его мать и красавица-дочь. Муса рѣшилъ дожидаться возвращенія капудане и злобно посматривалъ на его дочь, высматривая, какъ левъ, свою добычу. Долго ожидалъ Муса, но пришло, наконецъ, извѣстіе, что капудане палъ въ битвѣ съ турками, сражаясь за своихъ друзей. Тогда Муса рѣшилъ свою месть перенести на дочь капудане, — Жемчужную Красавицу. Такъ называли ее люди, любясь на ея чудную красоту, темные, какъ глаза газели, очи, ея стройный, какъ пальма пустыни, станъ и ея роскошные волосы, унизанные чудными жемчужинами, которые досталъ съ морского дна ея храбрый отецъ. Темною ночью Муса прокрался въ домъ капудане, когда спалъ весь городъ, тихонько пробрался въ спальню молодой красавицы, заткнулъ ей ротъ кускомъ своего бурнуса, обмоталъ ея голову своимъ поясомъ и осторожно вынесъ ее полумертвую отъ страха изъ дому; пронесъ черезъ весь городъ въ своихъ могучихъ объятіяхъ, дотащилъ до морского берега, гдѣ дожидался на лодкѣ его другъ, и отправился съ своею плѣнницею въ море. Страшную месть задумалъ Муса, но никому не сказалъ объ ней. Страшно билась Жемчужная Красавица и на лодкѣ въ морѣ, и на верблюдѣ въ пустынѣ, когда свирѣпый Муса везъ ее къ берегу Краснаго моря черезъ всю пустыню Синая къ той скалѣ, на которой пострадалъ самъ отъ жестокой руки капудане. Никто, кромѣ друга, не зналъ пока о Жемчужной Красавицѣ, но когда Муса прибылъ къ берегу Акабинскаго залива съ своею жертвою, онъ созвалъ всѣ племена, ему подчиненныя, чтобы показать имъ, какъ онъ умѣетъ мстить за себя. Въ ужасѣ собирались сыны пустыни отъ Далекаго Керака (становище арабовъ къ востоку отъ Мертваго моря) до горъ

Джебелъ-Турфа (которымъ означивается Синайскій полуостровъ) по приказанію страшнаго изуродованнаго шейха, и не зная, что будетъ, со страхомъ смотрѣли то на страшное лицо Мусы, то на сіяющее красотою лицо плѣнной Жемчужной Красавицы. Когда собрались всѣ, Муса разсказалъ имъ о своей мести и о томъ, какъ онъ добылъ дочь капудане. Потомъ онъ всталъ на руки свою плѣнницу и повесъ на вершину горы; двое арабовъ помогали ему. Поставивъ Жемчужную Красавицу на то мѣсто, гдѣ пролилась его кровь отъ руки капудане, Муса рѣшилъ пролить неповинную кровь дочери капудане, чтобы ея кровь, смѣшавшись съ его собственною кровью, затушила огонь мести. Страшенъ былъ Муса въ эти минуты; онъ сказалъ о своемъ рѣшеніи Жемчужной Красавицѣ и та, рыдая, упала безъ чувствъ на холодный камень. Сердце Мусы не дрогнуло при этомъ; арабы же, окружавшіе Мусу, трепетали. Муса снялъ всѣ одежды съ лежавшей красавицы, онъ оставилъ только дорогія жемчужины, блиставшія въ ея роскошныхъ черныхъ волосахъ, и золотыя украшенія на шеѣ, рукахъ и ногахъ своей плѣнницы. Въ такомъ видѣ онъ велѣлъ поднять ее и показать народу; несчастная Жемчужная Красавица была все время безъ чувствъ, но когда при видѣ ея дивной красоты, ея роскошнаго тѣла, черныхъ украшенныхъ драгоцѣннѣйшими перлами моря волосъ, раздавался въ толпѣ голосъ сожалѣнія къ неповинной жертвѣ и негодованія къ Мусѣ, она открыла свои прекрасные глаза, чтобы не открывать ихъ на вѣки. Взглядъ этихъ огненныхъ глазъ обжегъ Мусу; проснулось ли при этомъ состраданіе или другое чувство къ дивной, трепещущей на его рукахъ, красавицѣ, но поднятая рука съ курбашемъ не могла опуститься... Нѣсколько минутъ простоялъ Муса, пожирая глазами свою жертву; наконецъ, поборовъ свое чувство, онъ опустилъ курбашъ, но ударъ его палъ на мертвое тѣло... Красавица была мертва... Местъ Мусы не могла совершиться. Надъ обнаженнымъ трупомъ не могъ наругаться и Муса. Въ отчаяніи онъ бросился въ бушующее море со скалы и разбился... Аллахъ не хранилъ его на этотъ разъ. Въ ужасѣ арабы смотрѣли то на обрызганные кровью Мусы прибрежные камни, то на прекрасное тѣло мертвой красавицы, замученной безвинно страшнымъ мучителемъ. Въ каменной трещинѣ схоронили тѣло ея арабы пустыни, прозвали скалу ту именемъ несчастной дѣвушки и разнесли далеко въ свои шатры пѣсни о Жемчужной Красавицѣ. Старый дервишъ, умолавшій Аллаха на этой горѣ три года, видѣлъ не разъ въ часъ полночный, какъ бѣлая тѣнь Жемчужной Красавицы поднималась

легкимъ облакомъ изъ дикаго ущелья и медленно проносила надъ тою горю; она подплывала къ обрыву, гдѣ свергнулся Муса, и наклоняла воздушную свою голову, какъ бы ища своего мучителя въ волнахъ бушующаго моря, и, наконецъ, исчезла, возвращаясь къ своему каменному гробу...

Такъ говорилъ Ахмедъ и поникъ головою, какъ бы задумавшись надъ участію погибшей красавицы; Рашидъ и Юза,—всѣ, живо находившіеся подъ прекраснымъ разсказомъ Ахмеда, не могли сказать ни слова. Вдругъ Рашидъ, указывая пальцемъ на вершину горы Жемчужной Красавицы, прервалъ наше молчаніе, съ ужасомъ произнося:

— Эффенди не видитъ развѣ, что Жемчужная Красавица пришла смотрѣть внизъ на море и искать Мусу? Вотъ она нагибаетъ голову, тихо качается и поднимается все выше и выше. Смотри, эффенди...

Я смотрѣлъ и безъ того уже, насколько могъ внимательно, на бѣловатую тѣнь въ видѣ легкаго облачка, качавшуюся въ ущельяхъ поэтической горы. Всѣ мои спутники были въ ужасѣ. Темнота, уже наступившая, пока мы разговаривали за ужиномъ и за кружками «джау» и легкій лунный свѣтъ, прорывавшійся сквозь дымку легкихъ облаковъ, а главное, поэтическое настроеніе дѣйствительно позволяло принять столбъ ночныхъ испареній за воздушный образъ незримой Жемчужной Красавицы. Я не хотѣлъ разрушать поэтическое настроеніе моихъ спутниковъ дѣйствительностью, да это было бы и напрасно, потому что послѣ разсказа Ахмеда никто не повѣрилъ бы моимъ словамъ, что дивный образъ воздушной красавицы не что иное, какъ столбъ испареній отъ какого-нибудь невѣдомаго, источника... Долго мы еще сидѣли молча, какъ бы боясь нарушить всеобщую тишину, царившую и на морѣ, и на сушѣ въ пустынѣ. Рабившаяся поверхность Краснаго моря блистала теперь другимъ сіяніемъ, фосфорически зеленоватымъ; то не былъ ослѣпительный блескъ отражающей солнечный свѣтъ поверхности, то было мягкое, ласкающее глазъ сіяніе, съ которымъ такъ гармонировала и насъ пронизанная луннымъ свѣтомъ атмосфера и, причудливыми формами врѣзывавшаяся въ синеву неба, зубчатая линія Акабинскихъ альпъ, черныя подножія которыхъ замыкали блистающую, какъ расплавленное серебро, поверхность едва колышущагося моря. Было уже довольно поздно, когда мы заснули, зарывшись на половину въ прибрежномъ сыроватомъ пескѣ.

IV.

Эту ночь мы провели покойнѣе, чѣмъ прежнія; пріятная свѣжесть, производимая близостью воды, еще болѣе дѣлала пріятнымъ наше успокоеніе, такъ что мы поднялись на другой день часовъ около 7 утра вполне бодрые и укрѣпленные ночнымъ отдыхомъ. Когда я проснулся въ первый разъ, всѣ еще спали; свинцово-голубая вода залива слегка колыхалась; тамъ и сямъ, прорѣзываясь изъ-за верхушекъ скалъ, скользили по ея поверхности какъ бы украдкою лучи еще не палищаго солнца. Всматриваясь въ водное пространство, я замѣтилъ, что далеко къ югу у самаго острова Тирана показались два или три паруса, которые вскорѣ же и скрылись. Не обративъ на это вниманія, я вернулся снова и заснулъ, чтобы проснуться, когда мои спутники готовы были завтракать. Ахмедъ уже принесъ воды, а Юза сварилъ и чаю и бурды, которую онъ величалъ супомъ, въ которой смѣшаны были образчики всѣхъ нашихъ незатѣйливыхъ стѣстныхъ продуктовъ, начиная отъ оливъ и кончая подболткою изъ краснаго вина. Во время завтрака я сообщилъ своимъ арабамъ о видѣнныхъ мною утромъ парусахъ, что было принято ими съ большимъ интересомъ. Такъ какъ мы рѣшили этотъ день провести на этой же стоянкѣ, то Рашидъ взялся пройти съ берегу и посмотреть за судами, если таковыя окажутся, тогда какъ мы съ Ахмедомъ пойдемъ развѣдывать таинственную пещеру съ костями, о которой я уже давно мечталъ. Закусивши, мы раздѣлились: Рашидъ пошелъ взбираться на кручи и на гребни горъ, мы съ Ахмедомъ пошли въ ущелья, а Юза остался при верблюдахъ. Рашидъ скоро исчезъ за выступомъ скалы; какъ только мы вошли въ ущелье, ведущее, по словамъ Ахмеда, кружнымъ путемъ снова въ уади Цугерахъ. Ущелье это было до того дико, что мой глазъ, уже привыкшій видѣть ужасныя по своей дикости мѣста, тѣмъ не менѣе поражался на каждомъ шагу. Мѣстами мы шли по узкой тропинкѣ фута въ 1½ шириною, отъ которой шелъ крутой обрывъ, образующій стѣну каменной трещины въ нѣсколько саженой шириною и нѣсколько сотенъ футовъ глубиною. Голова даже начала у меня кружиться отъ головокружнаго пути, продолжавшагося безъ малаго около полчаса. Наша тропиночка потомъ вдругъ какъ бы обрывалась, начала перескакивать, и мы черезъ нѣсколько переходовъ должны были остановиться у каменной стѣны, преграждавшей намъ дорогу; изъ небольшой трещины ея, журча, падала небольшая, но

сильная струйка кристальной воды, той самой, которою наст сегодня и вчера подчивалъ Ахмедъ. Я съ жадностью приложилъ губы свои и пилъ рюмъ и пригоршнями драгоценную прокладную влагу. Напившись до сыта, я долго еще не могъ оторваться отъ этого прелестнаго, при всей его дикости, источника; изъ темной гранитной скалы, безжизненной, какъ и все вокругъ, вытекала сильная хотя и небольшая струйка воды и орошала бесплодный камень, протачивая его день изо дня и отбрасывая вокругъ мельчайшія водяныя частицы. И вотъ, отъ союза ихъ съ каменистою почвою выросло нѣсколько зеленыхъ стебельковъ горнаго трубчатника съ блѣдно-розовыми цвѣтами и колонія мелкой травы, зеленѣющей изумрудными отпрысками. Окончательно оживляла этотъ дикій журчащій уголокъ небольшая изящная песчаная цвѣта птичка, вѣчно танцующая вокругъ падающей воды, какъ и наша олянка. Грустно, хотя и мелодично щебеча, она взлетѣла при нашемъ приближеніи и, свѣвъ на выступъ, выдающейся надъ ручейкомъ каменной скалы, зачиркала грустную пѣсенку, которая звонко раздавалась и тонула въ одуряющей мертвой тишинѣ пустыни... Я стоялъ, любовался, словно замеръ на мѣстѣ... Ахмедъ поторопиль меня.—Эффенди,—сказалъ онъ,—долженъ избираться на этотъ камень, а тамъ и кости,—добавилъ онъ, ложась плашмя на полусферическій камень и стараясь вскарабкаться на него при помощи всего своего туловища. Черезъ минуту Ахмедъ былъ уже на камнѣ, а черезъ двѣ и я послѣдовалъ его примѣру. Мы сдѣлали еще нѣсколько шаговъ, и передъ нашими глазами открылась длинная съ неширокимъ входомъ пещера. Ахмедъ остановился передъ зияющимъ входомъ съ видомъ страха и сталъ пятиться назадъ; подойдя поближе къ пещерѣ, я замѣтилъ причину ужаса Ахмеда; недалеко отъ входа въ нее виднѣлся въ темнотѣ цѣлый человѣческій скелетъ, а вокругъ его валялось много разбросанныхъ костей. Мы зажгли двѣ свѣчи; я подошелъ къ самому входу въ пещеру и выстрѣлилъ туда изъ револьвера изъ предосторожности, чтобы выгнать оттуда гіену или шакала, которые часто забираются въ такія естественныя берлоги. Но въ такой мертвой пустыни предосторожность эта была почти лишнею; пещера наполнилась дымомъ, звукъ выстрѣла гулко раздался въ каменныхъ сводахъ, раза три или четыре отразившись, и замеръ въ каменной громадѣ. Сгорчившись, я пролѣзъ во входъ пещеры, пригласилъ Ахмеда слѣдовать за мною, но суевѣрный арабъ дрожалъ отъ страха, слыша трескъ человѣческихъ костей, попираемыхъ моею ногою. Еще нѣсколько шаговъ, и пещера стала высока, я могъ свободно выпрямиться;

при тускломъ свѣтѣ свѣчей, слабо горѣвшихъ въ удушливой атмосферѣ, наполненной еще клубами порохового дыма, можно было рассмотреть ея внутреннее устройство. То дѣйствительно была огромная расщелина скалы, образовавшаяся отъ вулканическаго удара, и надъ которой вовсе не работало искусство. Слабый свѣтъ свѣчей терялся въ этой колоссальной расщелинѣ какъ въ огромномъ темномъ пространствѣ, освѣщая только ближайшіе выступы стѣнъ. Я началъ осматривать дно пещеры, и она поразила меня огромнымъ богатствомъ остатковъ до-исторической эпохи. Все каменистое дно было усыпано массою костей и остатками кострищъ, углями, обожженными камнями. Я собиралъ эти кости и къ удивленію своему замѣчалъ, что не все это были кости человѣческія; большинство было отъ различныхъ животныхъ. Судя по нѣсколькимъ орудіямъ каменнаго вѣка, можно было сказать, что пещера служила жилищемъ цѣлой семьи людей первобытной культуры, слѣды которыхъ были несомнѣнны. Цѣлый день я рѣшился посвятить разбору этой рѣдкой находки, и потому, забывъ и о Красномъ морѣ, и о торговцахъ живымъ товаромъ, засѣлъ въ пещеру, погрузившись въ разборъ разнообразнаго матеріала. Сплыли двѣ свѣчи, зажжены были другія. Ахмедъ принесъ мнѣ туда и обѣдъ; за нимъ пришелъ и Рашидъ посмотреть на мои занятія, но, увидѣвъ кости вокругъ меня, отошелъ въ смущеніи и удалился на становище, а я все сидѣлъ и сидѣлъ въ душной пещерѣ. Не буду здѣсь описывать того, что я добылъ изъ этой пещеры Эль-Навбъ (Судьбы), какъ ее поэтически называлъ Ахмедъ,—это дѣло спеціальнаго очерка; скажу только, что это былъ одинъ изъ полезнѣйшихъ дней, проведенныхъ мною въ пустынѣ.

Солнце было уже довольно близко къ закату, когда я, разогнувъ спину послѣ долгой работы, окончилъ свое описаніе и разборъ матеріаловъ. Ахмедъ, уже привыкшій къ виду человѣческихъ костей, помогалъ мнѣ укладывать нѣкоторые находки въ походную корзину. Въ послѣдній разъ я освѣтилъ всю пещеру, которую, быть можетъ, съ тѣхъ поръ какъ обитатели каменнаго вѣка, троглодиты Синайскихъ горъ, заснули вѣчнымъ сномъ подъ этими каменными сводами, никто изъ людей не посѣщалъ. Любопытныхъ туристовъ нѣтъ въ Синайской пустынѣ, ученыхъ изслѣдователей можно пересчитать по пальцамъ, а суевѣрные арабы съ трепетомъ и благоговѣніемъ обходятъ эту пещеру Судебъ, гдѣ груда человѣческихъ костей подтверждаетъ имъ слова корана, что «страшною костью станетъ красота человѣческая, черною ямою станетъ чудный глазъ красавицы»... Тусклый свѣтъ

наплывшей свѣчи освѣщаль уходящую, казалось, въ безконечность темноту, играя на мозаичныхъ поверхностяхъ, тамъ и сямъ вкрапленныхъ въ темный дикій камень; густой полный звукъ отъ нашихъ движеній замиралъ гдѣ-то вверху. Мы вышли изъ пещеры и начали обратный путь, неся на плечахъ, при помощи ружья, служившаго вмѣсто шеста, довольно полную корзину. Благодаря этой тяжести, переходъ нашъ продолжался болѣе часу.

Спустившись съ послѣдней крутизны и выйдя изъ ущелья къ нашему становищу, мы съ удивленіемъ замѣтили, что Рашидъ и Юза, стоя на боковомъ выступѣ скалы, висѣвшей надъ нашимъ становищемъ, всматривались внимательно въ морскую даль. Угадавъ насъ, они замахали руками и Рашидъ поспѣшилъ сообщить намъ, что они видятъ двѣ лодки съ парусами, которыя приближаются къ намъ. Это извѣстіе заставило насъ поскорѣе сбросить свою тяжесть и вскарабкаться на скалу, чтобы вмѣстѣ съ нашими спутниками наблюдать приближеніе судовъ, очевидно направлявшихся прямо въ нашу сторону.

— Это, эффенди, арабы моря, — заявилъ рѣшительно Рашидъ: — это мирные купцы, они везутъ невольницъ, — добавилъ онъ, когда увидѣлъ, что я поглядывалъ на свои револьверы. — Рашидъ видитъ, что ихъ немного. Всего десять арабовъ на двухъ лодкахъ и четыре невольницы... Эффенди видитъ ихъ хорошо?..

Не смотря на то, что я усиленно старался всмотрѣться вдаль и напрягалъ все свое зрѣніе, не смотря даже на удивительную чистоту и прозрачность воздуха надъ синайскою пустынею, я не могъ различать людей на болѣе чѣмъ двухверстномъ разстояніи, но зная глазъ Рашида, вѣрилъ ему вполнѣ, хотя Юза и Ахмедъ видимо не довѣряли словамъ товарища. Черезъ нѣсколько минутъ дѣйствительно подтвердились слова Рашида; на лодкахъ было ровно десять гребцовъ, среди которыхъ можно было ясно различить четыре, закутанные въ бѣлыхъ чадрахъ, фигуры. Рашидъ обвелъ гордо глазами сомнѣвавшихся и началъ спускаться, мы послѣдовали его примѣру. Установивъ свои пожитки въ углу, образуемомъ двумя сходящимися каменными громадами, мы, стоя, ожидали прибытія торговцевъ человѣческимъ мясомъ. Съ лодокъ начали дѣлать какіе-то знаки руками и кусками матеріи, на которые мои люди отвѣчали тѣмъ же. Оказывалось, арабы моря спрашивали насъ, позволимъ ли мы имъ остановиться на занятъ нами берегу, и не купить ли господинъ у нихъ хорошихъ рабынь. Они узнали издали, что на берегу остановился путешественникъ, котораго они приняли за нашу или посланца, пріѣхавшаго высмотрѣть товаръ. Безъ моего вѣдома,

Юза съ Рашидомъ не только разрѣшили имъ высадку, но даже подали имъ надежду, что господинъ ихъ желаетъ купить невольницъ. Благодаря своимъ арабамъ, я, такимъ образомъ, не вѣдая того, былъ въ глазахъ торговцевъ и самихъ несчастныхъ женщинъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ любителемъ этого товара. Не смотря на то, я былъ потомъ очень благодаренъ Юзѣ и Рашиду, что они своею выходкою, безъ моего вѣдома, дали мнѣ возможность присмотрѣться вполнѣ къ характеру продажи женщинъ, что въ настоящее время удается рѣдко видѣть европейцу и чего я прямо позволить бы не могъ. Когда приблизились обѣ лодки къ первымъ прибрежнымъ камнямъ, два молодыхъ и сильныхъ араба выскочили изъ лодки и, идя по горло въ водѣ, потащили лодки, убравшія уже на руса, къ берегу. Черезъ нѣсколько минутъ, при усиленной помощи остальныхъ, также выскочившихъ въ воду, обѣ лодки были на половину вытащены на берегъ. Старѣйшій изъ арабовъ съ длинною съ просѣдью бородою едва вышелъ на берегъ, какъ направился ко мнѣ и произнесъ обычное арабское привѣтствіе, въ которомъ меня называлъ и благороднымъ пашою, и орломъ степнымъ, и львомъ пустыни, и неустрашимымъ вождемъ. Юза отвѣчалъ за меня, разбавляя свое привѣтствіе цвѣтистыми оборотами и хвастнею, въ которой, какъ и всегда, выставлялъ меня такъ высоко, какъ только могъ. Не понимая хорошо по-арабски, я долженъ былъ безучастно слушать все то, что изволилъ приврать Юза (а на этотъ разъ онъ навралъ цѣлый коробъ) и отъ нечего дѣлать разсматривалъ лицо предводителя работорговцевъ. Это было лицо отъявленнаго негодая и мошенника, не смотря на почтенную сѣдину; хищный лукавый взглядъ его такъ и бѣгалъ во всѣ стороны, орлиный врючковатый носъ поминутно касался вѣчно поднимающейся, нижней губы; углы рта какъ-то судорожно подергивались; черты лица постоянно перемѣнялись; все тѣло было въ постоянномъ движеніи. Когда окончились предварительные переговоры, предводитель отошелъ къ своему каравану и велѣлъ устроить становище. Мигомъ была натянута палатка изъ нѣсколькихъ кусковъ полотна, вытащены полинявшіе ковры и подушки, натащено всякой всячины, а потомъ началась выгрузка живого товара. Бѣдныя женщины едва поднялись съ лодокъ при помощи дюжихъ молодцовъ и, поддерживаемыя съ двухъ сторонъ, сошли тихо на берегъ и побрели въ палатку, гдѣ тотчасъ и скрылись. Я успѣлъ только разсмотрѣть, что одна изъ нихъ была совершенно черна, одна довольно бѣла, а двѣ остальныхъ смуглаго арабскаго цвѣта съ большими черными глазами. Всѣ онѣ были закутаны въ бѣлыхъ чадрахъ, а на

лицахъ носили еще покрывало изъ тонкаго шелка съ подвязкою на лбу, по образцу египетскихъ женщинъ. Когда невольницы были помѣщены, ихъ господа усѣлись вокругъ палатки и начали готовить себѣ ужинъ, не обращая на насъ никакого вниманія; одинъ предводитель снова подошелъ къ намъ и, по приглашенію нашему, подѣлъ къ огоньку, который затеплилъ Юза, чтобы заварить чаю. Сперва онъ сидѣлъ молча, но, когда одинъ изъ арабовъ его принесъ наргиле, то онъ, предложивъ его мнѣ, началъ вести искусную рѣчь, которую Юза при всемъ своемъ усердіи не могъ хорошо перевести. Услыхавъ же, что мы говоримъ по-французски, предводитель тотчасъ пересталъ говорить по-арабски и обратился прямо ко мнѣ, довольно порядочно, по крайней мѣрѣ понятно, объясняясь по-французски. Разговоръ нашъ пошелъ тогда быстрѣе и сталъ до того оживленъ, что я не замѣчалъ даже, что прошло слишкомъ полтора часа, какъ торговецъ гостилъ у нашего костра, попивая мой чай и покуривая наргиле изъ своего расписнаго кальяна. Разговоръ, разумѣется, касался специальности моего собесѣдника, но онъ такъ искусно велъ его, что я не могъ вывѣдать ничего новаго о его ремеслѣ, о способѣ добыванія и сбытѣ человѣческаго товара, но за то много слышался рассказовъ о красотѣ его невольницъ, которыхъ онъ достаетъ съ большимъ трудомъ, рискуя собственною жизнью, и о томъ, какъ подчасъ дорого платитъ ему за красавицъ турецкіе и египетскіе паши. Все это, разумѣется, велось къ тому, чтобы и съ меня заломить ужасную цѣну, когда я стану торговать себѣ одну изъ красавицъ, какъ онъ наивно предполагалъ. Когда всѣ его рассказы о прелестяхъ земныхъ гурій, сидящихъ въ его палаткѣ, были недостаточны для того, чтобы подбить меня на покупку, такъ какъ я только слушалъ, не вставляя ни одного лишняго слова, кромѣ вопросовъ, не подавая ни малѣйшаго желанія торговаться, то хитрый арабъ началъ бить на чувственную струну самымъ безцеремоннымъ образомъ. Онъ сталъ рассказывать такіе скабрёзности, сопровождая ихъ различными поясненіями при помощи тѣлодвиженій, что я принужденъ былъ отогнать его отъ костра; но для негордаго торговца человѣческимъ тѣломъ это ничего не значило. Какъ оказалось впоследствии, Юза, хваставшій постоянно не въ мѣру, особенно когда нужно было возвеличить меня, а со мною и себя лично, столько наговорилъ о неизмѣримомъ богатствѣ москова-пашы, что корыстолюбивый арабъ рѣшился, во что бы то ни стало, всучить мнѣ одну изъ невольницъ. Предполагая, что мое упорство зависить только отъ скупости, онъ сталъ продѣлывать

возмутительныя невозможныя вещи, въ реальность которыхъ трудно даже было бы повѣрить, если бы мнѣ не привелось ихъ видѣть собственными глазами. Первымъ дѣломъ, онъ началъ съ того, что заставилъ своихъ невольницъ выйти изъ палатки и пѣть. Бѣдныя женщины повиновались тирану, потому что довольно толстый курбашъ въ его рукѣ доказывалъ, что хозяинъ ихъ не любитъ шутить. Онъ вышелъ изъ палатки, сняли свои покрывала, по приказанію, и начали пѣть визгливую арабскую пѣсню, которую хозяинъ обязательно переводилъ на французскій языкъ. Содержаніе ея было до того отвратительно, что я сталъ требовать, чтобы пѣніе было прекращено, если хозяинъ станеть заставлять пѣть своихъ невольницъ такіа вещи, которыя вынуждаютъ краснѣть даже постороннихъ. Мое требованіе было уважено, и пошлая пародія смѣнилась пѣвучею арабскою шансонеткою, гдѣ описывались восторги горячей любви, иссушающей сердце человѣка какъ палящіе лучи солнца сушатъ траву. Какъ ни старались несчастныя, но эти пѣсни пѣлись сквозъ слезы и походили скорѣе на отчаянный вопль, а не пѣсни любви. Горько и стыдно становилось за человѣка, который заставляетъ себя подобныя играть эту ужасную шутовскую роль. Бѣдныя рабыни наконецъ окончили и долгимъ грустнымъ, какъ бы укоризненнымъ взглядомъ поглядѣли на насъ; я не могъ выдержать этого ихъ взгляда и поспѣшилъ опустить глаза. Хозяинъ тогда спѣшилъ подойти ко мнѣ и началъ расхваливать снова прелести своихъ невольницъ, которыя робко поглядывали то на меня, то на своего тирана, думая, что рѣшается ихъ участь; мнѣ казалось даже, что въ ихъ взорахъ виднѣлась горькая просьба облегчить ихъ судьбу, насколько то возможно. Еще грустнѣе и обиднѣе стало у меня на душѣ, такъ какъ единственною возможностью облегченія несчастныхъ было выкупить ихъ у тирана, на что у меня не хватило бы средствъ, если бы даже я и рѣшился на это. Съ болью на сердцѣ, я на этотъ разъ отказалъ хозяину, уже начинавшему формальное предложеніе, говоря, что европейцы не покупаютъ женщинъ и что торговля людьми запрещена повсюду, какъ ему должно быть извѣстно. Продавецъ состроилъ отвратительную полуулыбку и язвительно замѣтилъ, что «европейцу не мѣшаетъ приобрѣсти себя хорошенькую рабыню, когда представится случай».

— Посмотри, эффенди, всѣ онѣ красавицы на подборъ; Юзефъ — старый торговецъ женщинами и умѣетъ угодить благороднымъ пашамъ.

Произнося это, онъ далъ знакъ рукою, и невольницы от-

крыли свои лица. Я невольно взглянулъ на эти безжизненные лица рабынь, какъ я ихъ себѣ представлялъ по образцамъ гаремницъ, и былъ пораженъ наоборотъ глубокимъ выраженіемъ, лежавшимъ на ихъ страдальческихъ, истомленныхъ горемъ и оскорбленіями лицахъ. Старшею изъ нихъ казалась на видъ негритянка. Обыкновенный негритянской типъ съ извѣстными губами и носомъ не дѣлалъ ее особенно красивою, но красивые глаза, продолговатое лицо и гладкіе длинные волосы, не свойственные черному племени, и нѣжная бархатистая черноватого матоваго цвѣта кожа выкупали этотъ недостатокъ, а стройная талія и красивыя плечи придавали ей видъ хорошо сформированной женщины. Она не была настоящею негритянкою, а была скорѣе изъ племени ландинговъ или іолофовъ, приближающагося къ арабамъ. Двѣ другихъ были еще несовершеннолѣтнія, но довольно развитыя въ физическомъ отношеніи, арабки. Бронзоватаго цвѣта лица ихъ съ черными искрящимися глазами, съ миндалевиднымъ разрѣзомъ и длинными черными рѣсницами, такъ были похожи одно на другое, что обѣ казались сестрами. Правильный арабскій типъ съ чудными глазами и тонкимъ орлинымъ носомъ, красивымъ ртомъ, маленькими ушами дѣлалъ ихъ настоящими красавицами, еслибы не поражала ихъ значительная даже для арабовъ худоба и страдальческое выраженіе ихъ молодыхъ прелестныхъ лицъ. Совершенно въ иномъ вкусѣ была четвертая рабыня, которую торговецъ величалъ «Розой Пустыни» и которая держалась какъ-то особнякомъ отъ другихъ, даже нѣсколько независимо отъ хозяина. Она достойна была своего названія, потому что это была дѣйствительно роскошная женщина. Бѣлое, чистое съ правильными чертами лицо, не загорѣвшее, но съ какимъ-то матовымъ оттѣнкомъ, высокій лобъ, окаймленный блестящими черными волосами, огненный взглядъ, свойственный женщинамъ юга, красивыя губы и роскошныя формы—такова была Роза Пустыни, которую торговецъ видимо дорожился болѣе, чѣмъ всѣми остальными. Юзефъ замѣтилъ, что Роза Пустыни произвела на меня сильное впечатлѣніе, такъ какъ я долго не могъ оторвать глазъ съ ея прекраснаго, правильнаго, даже неискаженнаго душевными страданіями лица и потому поспѣшилъ предложить обратить на нее еще большее вниманіе.

— Эффенди, смотри на Розу Пустыни,—заговорилъ онъ съ отвратительною улыбкою,—какъ она прекрасна... Старый Юзефъ не видалъ женщины, роскошнѣе Розы Пустыни; она будетъ красотою твоего гарема, благородный паша московскій, повѣрь—она стоитъ золотого мѣшка...

— Отстань отъ меня, Юзефъ, — отвѣчалъ я, — мы европейцы не покупаемъ женщинъ, и никогда не купимъ, не смѣй мнѣ и предлагать своей Розы Пустыни; она свободна какъ и ты, откуда у тебя право продавать этихъ бѣдныхъ женщинъ?

— Эффенди молодежь; онъ пріѣхалъ изъ далекой страны московской, онъ не знаетъ правъ арабовъ моря, — возражалъ Юзефъ: — онъ достались мнѣ не легко; я купилъ ихъ своею кровью, и за свою кровь хочу получить золото... Свою кровь, эффенди, и свой трудъ я имѣю право продавать...

Отвратительно, но логично звучали слова стараго торговца и я поспѣшилъ отойти къ своимъ верблюдамъ, чтобы вырваться отъ навязываній Юзефа. Обернувшись, я увидѣлъ, что Роза Пустыни смотрѣла на меня своими огненными глазами. Я взялъ двухстволку Ахмеда и сталъ взбираться на скалу, чтобы уйти подальше отъ своего становища, чтобы не видѣть этихъ несчастныхъ невольницъ, смотрѣвшихъ на меня, какъ на своего повѣвателя и избавителя отъ позорной участи, — служить показнымъ товаромъ. Бодро я шелъ по трудной горной тропинкѣ впередъ, думая заглушить въ своемъ сердцѣ непріятное и щемящее чувство, но солнце уже закатывалось, позолачивая только верхушки акабинскихъ алычъ, подножіе которыхъ и море до западной окраины, гдѣ играли еще лучи заката, были темны, и я поспѣшилъ воротиться. Юза долженъ былъ уже приготовить закусить.

Когда я подошелъ къ своему становищу, было уже довольно темно, невольницы были въ палатѣ, въ которой горѣлъ огонь. Мои арабы готовились къ ночлегу, а арабы тоже улеглись вокругъ палатки Юзефа, который былъ въ шатрѣ рабынь. Не успѣлъ я еще закусить, какъ поле палатки поднялось, и изъ нея вышелъ Юзефъ, направлявшійся ко мнѣ. Надо замѣтить, что въ мое отсутствіе шатеръ невольницъ былъ перенесенъ поближе къ нашему становищу, такъ что можно было даже отъ нашего жостра слышать шопотъ несчастныхъ женщинъ. Юзефъ, подойдя ко мнѣ, остановился, приложилъ руку ко лбу и груди по восточному обычаю и началъ:

— Эффенди благородный, Роза Пустыни желаетъ видѣть тебя, она можетъ говорить съ тобою, старшій Юзефъ не помѣшаетъ.

Я глядѣлъ на Юзефа, не зная, чего отъ меня хочетъ торговецъ и эта Роза пустыни; первымъ моимъ предположеніемъ было, что они сговорились между собою для какой-нибудь низкой цѣли, вторымъ — пришло любопытство узнать, что можетъ быть общаго между мною и красавицею-рабынею. Я всталъ и молча пошелъ

въ палаткѣ невольницы; Юзефъ поднялъ полу и опустилъ ее за мною. Я очутился въ таинственномъ полусвѣтѣ ночи, мерцавшаго какимъ-то прерывающимся блескомъ, при слабomъ освѣщеніи котораго я замѣтилъ четырехъ несчастныхъ женщинъ, полулежащихъ на подушкахъ въ дыму курящагося нар-гилѣ; всѣ онѣ были украшены золотыми вещами, а въ роскошныхъ волосахъ Розы пустыни были вилетыны толстыя нити жемчуга; надо сознаться, она была дѣйствительно очень хороша въ этой обстановкѣ, въ этомъ одѣяніи... она казалась какимъ-то неземнымъ существомъ, наядою или сиреною Краснаго моря. Невольно я остановился, пораженный такимъ чуднымъ видѣніемъ въ глуши Аравійской пустыни, и первые мгновенія не понималъ, гдѣ я и что со мною происходитъ. Мнѣ припомнился разсказъ Ахмеда и я невольно сравнилъ лежавшую передо мною рабыню съ Жемчужной Красавицей арабскаго мѣа, а гнуснаго торговца—съ дикимъ мстителемъ пустыни—страшнымъ Мусой.

— Эффенди благородный, купи меня въ свой гаремъ,—вдругъ произнесла Роза Пустыни, пофранцузски, полувставая и протягивая впередъ свои полныя матовой бѣлизны руки съ золотыми кольцами, и на огненныхъ глазахъ ея показались слезы. Она опустила снова на подушку и, закрывъ руками глаза, заговорила что-то на непонятномъ для меня языкѣ.

Я стоялъ и глядѣлъ на плачущую женщину, все еще не давая себѣ полного отчета въ томъ, что со мною происходитъ; она представлялась мнѣ то настоящею красавицей, о которыхъ говорятъ арабскія сказки, то коварной сиреною, увлекающей въ свои сѣти неопытныхъ, то глубоко несчастной, выставленной на позоръ женщиной. Последнее взяло верхъ, и я перенесся быстро изъ міра сказочнаго въ міръ горькой дѣйствительности, въ страну восточнаго деспотизма, страну презрѣнія чловека... Мнѣ стало горько, грустно, тяжело и я поспѣшилъ выйти изъ палатки. Я понялъ, что несчастная Роза Пустыни не умѣла говорить по-французски, что она была научена гнуснымъ своимъ хозяиномъ произнести фразу, значенія которой не понимала, и что она была глубоко несчастна.

Юзефъ и не думалъ удерживать меня, когда я рванулъ полъ шатра невольницъ и быстрыми нервными шагами пошелъ къ своему становищу. Мои люди даже привстали, когда я бросился на разосланное походное пальто съ видомъ глубокой усталости и сталъ крѣпко закутываться въ него... Но сонъ былъ далеко отъ меня. Видѣнаго было слишкомъ много для того, чтобы спокойно уснуть. Едва я прилечь, Ахмедъ привсталъ и началъ

свое бодрствованіе; онъ чередовался по два раза въ ночь съ Рашидомъ и Юзою. Что я перечувствовалъ въ эту бессонную ночь, трудно описать; ощущенія были слишкомъ разнообразны, слишкомъ сложны, чтобы поддаваться анализу.

Едва забрежжился свѣтъ, какъ я уже торопилъ Ахмеда и Юзу въ дорогу. На-скоро мы подерѣнили свои силы и начали собираться въ путь. Юзефъ, разбуженный нашими приготовленіями, сперва не зналъ, въ чемъ дѣло; увидавъ же, что мы готовимся выступить, еще разъ приступилъ съ предложеніями, на этотъ разъ ясно сформулированными.

— За Рову Пустыни, благородный эффенди, дай только шесть сотъ лиръ; она и будетъ твоею рабою; за дочерей пустыни я прошу всего по три сотни, а черную дѣвушку уступаю за двѣ съ половиною. Не жалѣй золота, эффенди, только у Акабы ты можешь теперь купить хорошенькую женщину.

Я оттолкнулъ Юзефа рукою, когда онъ сталъ удерживать меня, а Юза торопилъ верблюдовъ подняться, едва я успѣлъ устѣться. Караванъ нашъ тронулся впередъ, оставивъ за собою шатеръ съ невольницами, десятокъ арабовъ-торговцевъ и стараго Юзефа, бѣсновавшагося отъ невыгорѣвшаго дѣла и потерявшаго, благодаря Юзѣ, цѣлый день пути изъ-за меня. Мы направились по горнымъ кручамъ, придерживаясь берега Акабискаго залива, и скоро оставили далеко становище женопродавцевъ. Я вдохнулъ свободнѣе бальзамическій воздухъ пустыни и моря, сожалѣя о встрѣчѣ, которая отравила для меня слѣдующіе дни пути.

V.

Весь тотъ день мы шли неустойчиво по горнымъ тропамъ надъ самымъ Краснымъ моремъ; благодаря запасу свѣжей воды, взятой изъ колодца у Пещеры Судебъ и не успѣвшей еще испортиться, а также близости моря, освѣжавшаго насъ пріятнымъ бризомъ, нашъ шестнадцатичасовой переходъ былъ довольно сносенъ, мы были бодры. Два раза въ тотъ день мы останавливались, чтобы погрузиться въ соленныя волны прибоя и собирать рѣдкихъ раковинъ, которыми такъ богато Красное море. Надо было удивляться тому разнообразію и чудной красотѣ, какую представляютъ эти истинныя перлы моря; самыя причудливыя формы, самыя яркіе цвѣта, разнообразныхъ и нѣжныхъ оттѣнковъ, съ чуднымъ блескомъ и жемчужною игрою, поражаютъ даже въ мертвомъ состояніи; той же красоты, которую представляютъ эти

цѣвты моря въ своей родной стихіи, оживленные присутствіемъ живыхъ существъ, не суждено видѣть человѣческому глазу. Я до того увлекся сборомъ раковинъ, коралловъ разнообразныхъ цѣвтовъ, зоофитовъ, морскихъ звѣздъ, что едва могъ оторваться послѣ купанья отъ этого занятія, чтобы начать трастись снова на своемъ верблюдѣ. Къ вечеру, почти къ самому заходу солнца послѣ долгаго и утомительнаго перехода, мы, наконецъ, остановились на ночлегъ около дикаго ущелья у подножья Терабина, которое составляетъ естественный выходъ къ Красному морю изъ треугольнаго пространства Рамлейской пустыни (образуемаго Джебель-эль-Тихо и Терабиномъ съ сѣвера, Агабинскою цѣпью съ востока и съ возвышенностями Уади Цугерахъ съ юга). Черезъ это ущелье пролегаетъ и обыкновенный путь отъ Синаи къ Агабѣ черезъ степь Рамле, тогда какъ мы шли, благодаря Ахмеду, по пути, которымъ не прошелъ ни одинъ европеецъ. Дорогу каравановъ черезъ ущелье Эль-Тапсъ ¹⁾, какъ его называлъ Ахмедъ, у самаго нашего привала обозначали высохшіе и побѣлѣвшіе на солнцѣ остовы павшихъ верблюдовъ: это указывало, что переходъ черезъ Рамле очень тяжелъ, хотя и гораздо короче нашего окружнаго пути. Мѣсто, выбранное нами для ночевки, было одно изъ поразительнѣйшихъ по дикой и суровой красотѣ окружающей обстановки. Со всѣхъ сторонъ огромныя, поднимающіяся выше 2000 фут. горы, спереди чудный Агабинскій заливъ, замыкаемый на далекомъ горизонтѣ съ востока снѣжною цѣпью Аравійскихъ возвышенностей, а сзади, между двумя громадами, извивающееся причудливо, мрачное ущелье Эль-Тапса, загроможденное разбросанными камнями и усѣянное бѣлѣющими остовами. Въ эту ночь мы были свидѣтелями прекраснаго небеснаго явленія — обильнаго паденія звѣздъ. Въ продолженіе болѣе получаса, то и дѣло бородачили прекрасное небо блестящіе метеоры во всѣхъ направленіяхъ; нѣкоторые изъ нихъ, исчезая въ безпредѣльномъ пространствѣ, оставляли въ голубой атмосферѣ яркіе серебристые слѣды, теравшіе свою фосфоричность, казалось, только отъ немерцающаго блеска другихъ болѣе яркихъ метеоритовъ. Въ воздухѣ было тихо, не чувствовалось даже берегового бриза; земля, казалось, спала, какъ спитъ пустыня всегда; одно небо въ ту ночь жило своею особенною таинственною жизнью; блестящіе метеоры, какъ облачные духи, то вдругъ появлялись изъ голубого пространства своими сере-

¹⁾ Имена ущелья Эль-Тапсъ нѣтъ на картахъ Робинсона и другихъ путешественниковъ.

бристыми тѣлами, то вдругъ пропадали безслѣдно, какъ бы утоная въ безпредѣльности. Было что-то потрясающее душу въ этой игрѣ метеоритовъ; по временамъ изумленному уму казалось, что присутствуешь гдѣ-то внѣ земной сферы, откуда можно было наблюдать систему вселенной, какъ предъ ослѣпленными очами проносятся, по предвѣчно натертаннымъ орбитамъ, цѣлые міры, едва доступные созерцанію человѣческому. Къ полночи прекратилось волшебное видѣніе; послѣ полночи уснули мы, какъ убитые, въ дикомъ ущельи Эль-Тапса рядомъ съ остовами верблюдовъ и людей, заснувшихъ вѣчнымъ сномъ въ мертвой пустынѣ.

Мы проснулись не рано на другой день, потому что меня разбудило собственно солнце, начавшее немилосердно палить мой обнаженный затылокъ. Еще два дня пути оставалось до Агабы и пути не легкаго, не смотря на то, что теперь нашъ путь пойдетъ не по горнымъ кручамъ, а по самому берегу Краснаго моря у подножья Арабскихъ альпъ. Трудность пути зависѣла главнымъ образомъ отъ того, что у насъ начинать уже чувствоваться недостатокъ и въ безъ того уже отвратительно-скудной и наскучившей до омерзѣнія пищѣ, а также потому, что у насъ не было совершенно чистой воды. Взятая изъ колодца Судебъ, вода уже начинала въ бурдюкахъ превращаться въ отвратительную теплую бурду, которая могла служить только прекраснымъ рвотнымъ, но никакъ не освѣжающимъ и не укрѣпляющимъ напиткомъ. При такихъ условіяхъ надо было идти еще по крайней мѣрѣ два дня, не говоря о могущихъ встрѣтиться задержкахъ. Ахмедъ, впрочемъ, увѣрялъ, что воды этой хватитъ еще дня на четыре, а провизіи при разумной экономіи дня на три, такъ что мы могли отправляться смѣло, надеясь достигнуть Агабы, не умеревъ ни съ голоду, ни съ жажды, хотя и потерпѣвъ всѣ нужды и лишения, обусловливаемые отвратительною пищею и свирепою вонючею водою. Мы снялись съ сегодняшняго ночлега довольно въ худомъ расположеніи духа, такъ какъ путь на верблюдовъ по пустынѣ начиналъ уже наскучивать при нашихъ условіяхъ. Не имѣя достаточныхъ средствъ и надеясь на свою выносливость, я не запасся необходимыми припасами изъ Суэца и при нуждѣ былъ питаться тѣмъ, что забралъ изъ Синайскаго монастыря. Меня предупреждали, что рискованно будетъ идти черезъ пустыню въ іюнь мѣсяцѣ при страшныхъ тропическихъ жарахъ безъ достаточной провизіи съ тремя вооруженными проводниками. Предостереженія были не напрасны; мы пострадали ужасно отъ недостатка пищи и питья, я вынесъ легкую лихорадку и солнечный ударъ до Синая, воспаленіе со-

единительной оболочки глазъ (conjunctivitis) отъ ослѣпляющаго блеска песковъ пустыни, и другой солнечный ударъ послѣ Синаи до Авабы и третій впоследствии на пути изъ Авабы къ Эль-Аришу. Переходъ черезъ пустыню понадорвалъ мое здоровье и вообще, такъ что я прибылъ въ Иерусалимъ страшно изнуренный и обезсиленный ¹⁾. День этотъ былъ одинъ изъ тяжелѣйшихъ во время всего перехода, потому что страданія мои были чрезвычайны, и я бросался къ морю, старая желаніемъ освѣжить свой языкъ хотя каплею прохладной не вонючей воды. Ни ѣды, ни ѣды не шли на умъ; я мучился, а не жилъ въ тотъ день, качаясь почти безъ сознанія на горбѣ верблюда, не давая себѣ яснаго отчета въ томъ, что происходитъ вокругъ; для меня безслѣднымъ остался почти весь путь отъ ущелья Эль-Тапса почти до самой Авабы. Помню только, что мы шли все у подножья горъ, почти у самаго морского берега, что порою волны Арабинскаго залива лизали ноги нашихъ верблюдовъ, что, я безсознательно глядя вокругъ, видѣлъ только голыя скалы сперва Терабина, а потомъ отроговъ Эль-Тиха, и тихое море у своихъ ногъ, и голубое небо надъ головою. Большаго не припомню; даже характеръ береговыхъ скалъ и почвы берега не удержался въ моей памяти, такъ что когда я писалъ эти строки, то усиленно старался припомнить, по какой почвѣ мы шли отъ Эль-Тапса до Авабы. Даже мои выносливые арабы потеряли свою энергію; еще Рашидъ, бодрѣ всѣхъ насъ ѣхавшій на своемъ верблюдѣ, находилъ на прежняго гордаго жоваса, но за то Ахмедъ и особенно Юза сидѣли на горбахъ, какъ мокрыя курицы. Не будь дорога такъ проста, потому что мы ѣхали все время по берегу залива, никуда не сворачивая, мы непременно бы заблудились, такъ какъ ни Ахмедъ, ни Юза — присяжные проводники — не могли уже исполнять своихъ обязанностей. Дорогу нашу теперь довольно часто обозначали высокіе, побѣлѣвшіе на солнцѣ, остовы верблюдовъ, а иногда и людей, прежде пострадавшихъ и погибшихъ въ пустынѣ; эти ужасные знаки служили для насъ и вѣхами, указывавшими путь, и страшными memento mori. Не будь у насъ подъ бокомъ освѣжающихъ волъ Краснаго моря, мы едва ли бы выбрались изъ пустыни; я, по крайней мѣрѣ, обязанъ своимъ спасеніемъ единственно частому купанью въ морскомъ прибоѣ. Едва закружится голова и застучитъ въ вискахъ, едва мысли начинаютъ путаться и перехо-

¹⁾ Только благодаря любезности генеральнаго консула В. О. Кожевникова, привѣщавшаго на себя заботы обо мнѣ какъ о родномъ, я былъ обязанъ тому, что восстановлены были мои истощенныя силы.

доть въ страшный кошмаръ, какъ я кричалъ, чтобы караванъ останавливался; едва ступая ногами, я сходилъ съ верблюда, срывалъ съ себя одежды и бросался въ голубыя волны, не думая ни о какихъ морскихъ чудовищахъ. Только благодаря этому освежающему купанью, я предохранялъ себя отъ пораженія солнечнымъ ударомъ, который былъ бы смертеленъ для меня въ тогдашнемъ обезсиленномъ состояніи. Какъ мы доѣхали въ тотъ день до вочлега, я не могу представить теперь; помню только, что, когда разгружены были верблюды и мы улеглись уже безъ ужина и чаю на свои плащи, и холоднымъ ночнымъ воздухомъ пахнуло на насъ съ моря, то мы словно ожили. Въ ту ночь стало до того свѣжѣть, что мы даже начали зябнуть, это было якоремъ спасенія для меня. Едва я почувствовалъ, что кожа моя начала энергически работать подъ знакомымъ намъ, сѣверякамъ, дѣйствіемъ легкаго холода, какъ я оправился до того, что снова сталъ бодрымъ, веселымъ и ощутилъ потребность ѣды. Оправились и мои арабы, но этихъ дѣтей пустыни пугалъ ночной холодъ, и они дрогли до непріятнаго ощущенія. Согрѣться же имъ было нечѣмъ, потому что у насъ было нечѣмъ разложить востра. Поѣли въ сухоматку черстваго синайскаго хлѣба, оливъ, начинавшихъ горькнуть, козьяго сыру и, запивши бурдою, мы улеглись спать снова и заснули своимъ праведниковъ.

Проснувшись на другой день и чувствуя себя довольно бодрымъ, я началъ ориентироваться на счетъ нашего географическаго положенія. По всѣмъ даннымъ мы находились на параллели сѣвернаго отрога Джебель-эль-Тиха въ томъ мѣстѣ, гдѣ приморская цѣпь наиболѣе отходитъ отъ берега Акабинскаго залива. Въ этомъ мѣстѣ Джебель-эль-Тиха съ приморскими горами образуетъ горный узелъ, который обозначается нѣсколькими возвышающимися пиками. По расчетамъ Юзы и Ахмеда, а также по моимъ вычисленіямъ, мы должны были быть, если не въ ночи, то на другое утро въ Акабѣ. Это надежда оживила насъ и мы бодро выступили въ путь. Но этой бодрости хватило намъ не надолго, мы еще ранѣе полудня погрузились въ ту же апатію, въ какой были во весь вчерашній день. Та же безучастность ко всему, то же холодное равнодушіе, та же мучительная подавленность когда ничего не желаешь, ничего не чувствуешь, ничего не мыслишь, когда погружаешься въ забытѣе, въ нирвану. Быть можетъ, мои спутники и не доходили до такого состоянія, но я былъ погруженъ въ него всѣмъ своимъ существомъ. Такъ мы ѣхали часовъ до 4-хъ пополудни, не думая ни объ отдыхѣ, ни о чемъ вообще, безучастно только поглядывая

вокругъ то на море, къ сѣверу служивающаеся длиннымъ языкомъ, то на скалы, каменною стѣною стоявшія на всемъ пути нашемъ слѣва, и покачиваясь на верблюдахъ, которые, видимо, послѣдніе два дня ослабѣли до того, что едва волочили ноги. Я не думаю, чтобы мы въ послѣдніе дни дѣлали по обычнымъ пяти верстѣ въ часъ, не смотря на то, что животные наши были не особенно нагружены. Въ Акабѣ мы надѣялись отдохнуть, запастись провизіей и силами на новый переходъ черезъ пустыню; къ Акабѣ относились всѣ наши стремленія и пожеланія, какъ къ конечному пункту настоящихъ страданій, хотя до конца было еще очень далеко. Но и Акабы, казалось, не такъ легко было достигнуть; вотъ уже почти два дня мы идемъ отъ Эль-Тапса по дорогѣ вѣрной, караванной, по которой нельзя заблудиться, благодаря бѣлѣющимъ тамъ и сямъ востанамъ верблюдовъ, а оконечности Акабинскаго залива, гдѣ стоитъ Акаба, не видать; къ сѣверу длинный язычекъ залива по прежнему оканчивается какъ то неопредѣленно, какъ будто синеватая дымка подернула весь горизонтъ, а такъ не кончается пустыня... Грустные мысли пали опять въ голову, и безъ того уже поразстроенную не мало; неужели намъ не дойти къ утру до Акабы, думалось мнѣ, и казалось съ этою думою отлетала послѣдняя надежда на выходъ изъ мертвой пустыни, оставалось готовиться къ тому, чтобы остаться въ пустынѣ на вѣки... Я замѣчалъ, что и арабы мои сдѣлались грустныя, какъ я, и Юза погонялъ верблюдовъ, хорошо понимая, что мы не придемъ въ Акабу скоро, такъ какъ животные измучены и не могутъ идти по прежнему ходу. Но вотъ Рашидъ поднялся немного на горбъ верблюда и сталъ всматриваться въ даль пустыннаго берега; мы всѣ послѣдовали его примѣру, оживившись нѣсколько надеждою увидѣть желанную цѣль. Ничего, однако, кромѣ чернаго пятна, какъ будто двигающагося, на горизонтѣ не замѣчалось, на это пятно были устремлены наши усталые взоры, и, казалось, оно росло въ размѣрахъ и подвигалось въ нашу сторону.

— Эффенди, — вдругъ рѣшительно произнесъ Рашидъ, обратившись ко мнѣ, и глаза его загорѣлись огнемъ, — то видны арабы пустыни. Рашидъ съумѣетъ умереть за эффенди, если будетъ нужда, но пусть не боится, эффенди, арабы пустыни — трусливые шакалы.

Непріятно прозвучали для меня слова Рашида, видимо, возбужденнаго своимъ открытіемъ, хотя, судя по прежнему опыту, нечего было опасаться встрѣчи съ сынами пустыни. Непрѣятное чувство перешло наконецъ въ настоящій страхъ, когда я замѣ-

тилъ, что Рашидъ, а за нимъ Ахмедъ и Юза осмотрѣли свое оружіе и вынули ятаганы изъ ноженъ, какъ для настоящаго боя. Пятно на горизонтѣ разрѣшилось тѣмъ временемъ въ порядочную группу верблюдовъ, шедшихъ не караваннымъ образомъ, а толпою, какъ идутъ всегда верховые верблюды арабовъ. Можно было насчитать нѣсколько десятковъ животныхъ. Мы, очевидно, встрѣчались съ цѣлымъ племенемъ дикихъ арабовъ, быть можетъ, подстерегавшихъ насъ, чтобы получить изрядный башишъ за пропускъ. Этого намъ и слѣдовало опасаться, потому что у меня едва оставалось нѣсколько турецкихъ лиръ. Наша амагія исчезла, какъ дымъ; видимая опасность заставила даже меня воспринять духомъ. При видѣ моихъ горячившихся арабовъ, игравшихъ оружіемъ и приготавливавшихся въ бой, какъ на веселый пиръ, весь мой страхъ мало-по-малу сталъ переходить не въ мужество, но въ какое-то неопредѣленное чувство, родъ опьянѣнія, въ которомъ человѣку не представляется даже видимая опасность серьезною. Какъ-то машинально, но вынулъ я ятаганъ, осмотрѣлъ заводы Вессоновскихъ револьверовъ и снялъ съ шеи верблюда берданку и положилъ около себя, хотя, собственно говоря, не желалъ и не думалъ сражаться. Четвернымъ, даже отлично вооруженнымъ, трудно было справиться съ нѣсколькими десятками хищниковъ, если дѣло дойдетъ до боя; а я все почему-то надѣялся, что дѣло обойдется безъ рѣзни. Арабовъ пустыни уже можно было легко различать. Нѣсколько десятковъ верблюдовъ, на которыхъ чинно воссѣдали сыны пустыни съ длинными копьями въ рукахъ, ятаганами за поясомъ и ружьями на плечахъ, шли прямо на насъ; впереди каравана ѣхалъ шейхъ въ зеленой чалмѣ¹⁾.

Не прошло и десяти минутъ съ тѣхъ поръ, какъ я увидалъ шейха, мы были уже окружены со всѣхъ сторонъ многочисленными арабскими всадниками и цѣлымъ лѣсомъ копій внушительной длины. Сердце во мнѣ сильно забилося, когда окинувъ взглядомъ вокругъ, я замѣтилъ, что мы находимся въ центрѣ круга, составленнаго дикими сынами пустыни, лица которыхъ не внушали никакой симпатіи. Теперь только я понялъ, что между арабами пустыни, видѣнными нами недавно, и этими существуетъ огромная разница, и что мы отъ этихъ не отдѣляемся такъ легко. Невольно я вдрогнулъ при мысли о возможности и даже необходимости боя, потому что заплатить мнѣ за проѣздъ было

¹⁾ Зеленая чалма составляетъ признакъ мусульманина хаджи,—побывавшаго въ Меккѣ и Мединѣ и принесшаго поклоненіе гробу Магометову.

нечѣмъ, а намѣреніе арабовъ было очень ясно. Увидавъ, что мои арабы вынули ятаганы, я взвелъ курокъ Вессоновскаго револьвера, все еще не имѣя ни малѣйшаго желанія вступать въ неравный бой, исходъ котораго намъ легко было предвидѣть. Шейхъ, увидавъ нашу видимую готовность сопротивляться, махнулъ рукой и заговорилъ словами пріивѣтствія, прикладывая руку во лбу и грудь и приглашая насъ переговориться.

Юза, великій дипломатъ, отвѣчалъ ему тѣмъ же и съ моего согласія подѣхалъ ближе къ шейху, сопровождая всѣ свои движенія пріемами утонченной арабской вѣжливости, на которые можно было поспѣваться, если бы мы не находились въ такомъ ужасномъ положеніи. Долго говорилъ Юза, разнообразя свои переговоры то энергическими жестами, то изысканными пріемами, но шейхъ упорно стоялъ на своемъ. Предводитель арабовъ пустыни требовалъ съ насъ за свободный проѣздъ черезъ его владѣніе всего 20 золотыхъ, угрожая въ противномъ случаѣ задержать насъ. Юза представлялъ ему всѣ резоны, что идетъ московскій паша, что нельзя безпоясать благороднаго оффенди, который не любитъ шутить, но все это было напрасно; дипломатія его не помогала; опасность нашего положенія увеличивалась. Я уже представлялъ себѣ перспективу плѣна у арабовъ пустыни со всѣми ужасами его или смерти въ бою съ ними за свободу; другихъ выходовъ не предвидѣлось, потому что нельзя было рассчитывать ни на мягкосердечіе корыстолюбиваго шейха, ни на успѣхъ прорыва силою черезъ кольцо арабскихъ воиновъ. Я уже началъ Юзѣ диктовать ультиматумъ, которымъ объявлялъ шейху, что, не имѣя требуемыхъ денегъ за уплату проѣзда, мы будемъ или прорываться силою, или оставаться на мѣстѣ, пока не придутъ къ намъ на помощь изъ Акабы (послѣднее, разумѣется, было выдумкою съ цѣлью острастки арабамъ), какъ смѣлый Рашидъ спасъ насъ всѣхъ изъ отчаяннаго положенія энергическимъ поворотомъ дѣла.

— Мудрый шейхъ,—вдругъ произнесъ онъ, обращаясь къ предводителю съ ятаганомъ въ рукѣ,—московъ-паша не волю и не гіена; онъ не боится арабовъ. Его спутники также. Ихъ чудныя малыя ружья (такъ называютъ арабы револьверы) посѣютъ много смерти между сынами пустыни, и московскій паша найдетъ себѣ дорогу по трупамъ своихъ враговъ... Но ты, шейхъ, если и избѣгнешь смерти отъ руки москова-паши, то не уйдешь отъ его мести... Твоя голова будетъ сушиться на солнцѣ ¹⁾,

¹⁾ Рашидъ разумѣлъ здѣсь египетскій способъ казни грабителей, которыхъ отрубенныя головы вывѣшивались на воротахъ городовъ, пока не истлѣвали совершенно.

чтобы всѣ знали, что москвовъ шутить не любятъ. Рашидъ замолчалъ и вынулъ револьверъ, хладнокровно вводя его курокъ; всѣ мы послѣдовали его примѣру; передъ строемъ арабовъ, склонившихъ свои копья, какъ бы по данному сигналу, затрещали вводы восьми револьверовъ... Шейхъ, испуганный злобѣщимъ трескомъ страшнаго, въ понятіи арабовъ, оружія, невольно отступилъ, весь строй арабовъ осадилъ верблюдовъ также.

Юза крикнулъ на нашихъ верблюдовъ, и мы приблизились снова къ арабамъ, которые изумленно смотрѣли на насъ, не зная, что предпринять.

— А чтобы тебѣ, старый шейхъ, не дожидаться долго, — прибавилъ энергически Рашидъ, видя смущеніе арабовъ, — я отрублю тебѣ голову сейчасъ, какъ мнѣ приказываетъ московскій паша. — Съ этими словами онъ взмахнулъ надъ головою шейха ятаганомъ, но старый арабъ ловко увернулся. Я трепеталъ за эту отчаянную выходку Рашида, думая, что еще секунда, и мы будемъ разорваны оскорбленною толпою арабовъ, но эта выходка и спасла насъ. Старый шейхъ просилъ пощады, какъ ни въ чемъ не бывало. Рашидъ соскочилъ съ верблюда, взялъ за поводъ его и повелъ прямо на полукругъ арабскаго строя. Цѣпь разступилась съ удивительною быстротою и пропустила насъ, все еще державшихъ револьверы наготовѣ. Я видѣлъ, что насъ провожали свирѣпыя взгляды, горѣвшіе изъ-подъ черныхъ рѣсницъ дикарей, видѣлъ какъ судорожно нѣсколько рукъ схватывалось за копья и за ручки ятагановъ, слышалъ скрежетаніе зубовъ шейха и лязгъ бряцающаго оружія, но никто изъ враговъ нашихъ не шелохнулся, чтобы погрозить намъ даже однимъ жестомъ, — такъ велико было обаяніе револьверовъ въ Синайской пустынѣ, и такъ дѣйствительна была рѣшимость четырехъ чловѣкъ, очертя голову, бросившихся на проломъ. Мы не гнали верблюдовъ, но они сами, какъ бы чуя опасность, которую едва миновали ихъ хозяева, удвоили шаги. Долго еще мы шли, огираясь на черную группу людей и верблюдовъ, которая оставалась неподвижною, по крайней мѣрѣ, въ продолженіе получаса, пока наконецъ не двинулась по берегу по направленію къ Эль-Тапсу и не скрылась на береговомъ изгнбѣ. Мы избавились еще отъ одной опасности и благодарили Провидѣніе, давшее возможность намъ такъ счастливо и такъ славно пробиться черезъ толпу дикихъ сыновъ пустыни. Героемъ дня былъ Рашидъ, и всѣ ему отдавали должную дань благодарности; даже соперникъ его Ахмедъ, увидавъ, что арабы удалились, произнесъ отъ души: — У Рашида храброе сердце, онъ хорошій другъ, эффенди. — Не много

было сказано въ этихъ словахъ, но я замѣтилъ, что для Рашида эта похвала соперника стоила всѣхъ моихъ благодарностей, исключая, разумеется, денежныхъ.

Эту ночь мы провели на самомъ берегу моря, рѣшившись караулить поочереды свой ночлегъ, такъ какъ не могли еще успокоиться вполне на счетъ безопасности со стороны арабовъ, которые во всякомъ случаѣ находились недалеко отъ насъ. Несмотря на значительную усталость и изнеможеніе, я долго не могъ уснуть подъ подавляющими впечатлѣніями дня и въ раздумьяхъ о предстоящемъ пути. Только бы добраться до Акабы, думалось мнѣ; дальше не простирались мои горячія желанія, но до нея, кажется, намъ не дойти... Недалекій вой гіены прервалъ мои размышленія. Отъ него повесѣло на моей душѣ. Въ мертвой пустынѣ мы не слышали гіены въ продолженіе многихъ ночей; онѣ воютъ недалеко отъ живыхъ или, по крайней мѣрѣ, не мертвыхъ мѣстъ. Это размышленіе ободрило меня настолько, что я съ наслажденіемъ засыпалъ теперь подъ отвратительный стонъ гіены, когда прежде дрожалъ отъ одного вида этого трупнаго животного.

Когда я проснулся, Юза показывалъ уже мнѣ на бѣлѣвшую точку на горизонтѣ, которая видѣлась рельефно на голубой дымкѣ дали въ лучахъ восходящаго солнца... То была Акаба! По Красному морю видѣлось два или три паруса, сплывшіе къ единственному населенному пункту Акабинскаго залива, откуда-то донесся отдаленный выстрѣлъ ружья. Черезъ нѣсколько времени мы уже различали купы финиковыхъ пальмъ, первыхъ въ пустынѣ послѣ Синая, которые помахивали своими верхушками надъ бѣлыми квадратными домиками бѣднаго арабскаго городишка. Еще часа полтора, и мы будемъ у воротъ Акабы; двѣ четверти пути по пустынѣ уже сдѣлано, остается за Акабою еще двѣ, а съ ними еще много гора и лишенія, но о нихъ мы пока говорить не будемъ. Я забылъ уже все претерпѣнное, радуясь, что прошелъ весь Синайскій полуостровъ при такихъ условіяхъ, въ какихъ не проходилъ ни одинъ путешественникъ; безъ всякихъ денежныхъ средствъ, самъ-четверть, безъ запаса провизіи, въ самое трудное время года, побывавъ даже тамъ, гдѣ не ступала нога европейца, и заплатившись за все это только двумя солнечными ударами и рядомъ лишеній, которые теперь были забыты, едва показались пальмы Акабы.

А. Елисѣевъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

НА ИСКУСѢ.

Какъ промаюсь я, службы всѣ выстою,
Да уйду на ночь въ келью свою,
Да лампадку, предъ Дѣвой Пречистою,
Засвѣтишь, на молитвѣ стою...

Я поклоны творю предъ иконою,
И не слышу, какъ сладко поютъ
Соловьи, за рѣшеткой оконною,
Въ томъ саду, гдѣ жасмины цвѣтутъ...

Но когда, послѣ долгаго бдѣнія,
Я на одръ мой ложусь и — дремлю,
Знаю самъ, — я далекъ отъ спасенія,
И я только лишь Бога гнѣвлю...

Тщетно я на мірянъ грѣшныхъ плакался,
Самъ своихъ окаянныхъ страстей
Загасить не могу, хоть и спрятался
Отъ суетъ, въ тихой пустынѣ сей...

Замыкаю-ль рѣсницы усталыя, —
Становлюсь я игралищемъ грезъ. —
Все-то вижу глаза ея впалые...
Плечи блѣдныя... волны волосъ...

Начинаю-ль дремать—тяжко дышется,—
 Я безумца въ себѣ узнаю;
 Мнѣ сквозь сонъ ея жалоба слышится
 На безпутную юность мою...

И въ слезахъ призывая Спасителя,
 Крикъ ребенка я слышу—и въ немъ—
 Въ сиротѣ, чую вѣчнаго мстителя
 За любовь, что покрыла я стыдомъ...

И нѣтъ силъ одолѣть искушеніе!..
 Забывая молитву мою,
 У погибшей прошу я прощеніе
 Передъ ней на колѣняхъ стою...

II.

Онъ человѣкъ былъ—и за правду распинался;
 Но свѣтъ бездушный на него
 Глядѣлъ, какъ на врага покоя своего
 И понимать его боялся...
 И вѣсть пришла: *велѣлъ онъ долго жить*..
 И свѣтъ не сталъ по немъ тужить.
 Но тысячи вѣковъ пройдутъ, какъ сонъ мгновенный.
 И если, въ свѣтъ уже иной,—
 Къ нему, въ предѣлъ духовъ, съ зѣвнкою волной,
 Домчится вѣсть изъ безднъ вселенной,
 Что и земля «велѣла долго жить»...
 Не станетъ онъ по ней тужить...

Я. Полонскій.

НОВѢЙШІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ

РУССКОЙ НАРОДНОСТИ

III ¹⁾.

НОВОЕ ЦАРСТВОВАНИЕ.—КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА.—ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ОЖИВЛЕНІЕ ЛИТЕРАТУРЫ О НАРОДѢ.—ЧТО СДѢЛАНО ПО ИЗУЧЕНІЮ НАРОДНОСТИ ЗА ПОСЛѢДНІЯ 25 ЛѢТЪ.

Прошлое царствованіе начиналось при особенныхъ обстоятельствахъ, отчасти напоминавшихъ воцареніе императора Александра I, когда общество точно также было исполнено радости и надеждъ на болѣе свѣтлое будущее. Шла тяжелая война, которая, однако, не только не уменьшала розовыхъ ожиданій, но еще усиливала ихъ: война рѣзкимъ, нагляднымъ образомъ убѣждала всѣхъ, отъ государственныхъ людей до скромныхъ обывателей, никогда не разсуждавшихъ прежде о государственныхъ вопросахъ, что старая система терпитъ явное банкротство, что милитаризмъ и бюрократія, презирающіе общественную самодѣятельность и науку, способны довести государство до самыхъ тяжелыхъ испытаній, до серьезной опасности; патриотическое чувство, котораго не могла не возбуждать война, направилось—не со всѣмъ обычнымъ образомъ—не столько на ожиданіе военныхъ подвиговъ и побѣдъ, сколько на ожиданіе внутренней реформы. Старые порядки общественнаго быта въ первое время новаго царствованія еще нисколько не измѣнились, печать оставалась подъ тѣми же самыми цензурными стѣсненіями,—но безъ всякаго осо-

¹⁾ См. выше: мартъ, 265 стр.

бннаго воздѣйствія литературы, въ обществѣ выросло то стремленіе къ реформѣ, которое на нѣсколько лѣтъ потомъ послужило источникомъ нравственнаго возбужденія и стало исторической чертой тогдашняго времени.

Литература отразила тогда это новое настроеніе общества. Нѣсколько позднеѣ, со второй половины шестидесятыхъ годовъ, и въ наше время противники реформъ и партизаны застоя всѣми средствами старались и стараются оклеветать и унижить значеніе тогдашняго настроенія; и въ то самое время были люди, которые относились къ этому настроенію недоувѣрчиво съ другой, противоположной стороны—чувствуя уже тогда его слабыя стороны, мало надѣясь на его глубину и прочность, которыхъ и трудно было ждать, вспоминая вчерашнее прошлое этого общества и недостатокъ реальной почвы для овладѣвавшихъ имъ теперь идеалистическихъ ожиданій. Но если разсматривать это время съ нѣкотораго историческаго отдаленія, которое теперь уже наступаетъ, если принять въ расчетъ всѣ условія и обстоятельства русской общественности и сравнить то время съ предъидущимъ и послѣдующимъ, нельзя не признать въ немъ знаменательной, характеристической эпохи, выразившей хотя частію давно назрѣвавшія потребности и исканія лучшей доли нашего общества.—Это можно наглядно видѣть на литературѣ пятидесятыхъ и первыхъ шестидесятыхъ годовъ (хотя все-таки она говорила, по исконному обычаю, съ большими умолчаніями): поднялось, почти вдругъ, множество вопросовъ, о которыхъ она не могла помыслить наканунѣ, вопросовъ о различныхъ сторонахъ нашего государственнаго и общественнаго существованія—о разширеніи просвѣщенія, о самодѣятельности общества, о гласности и самоуправленія, о преобразованіи суда и администраціи, объ интересахъ провинціи, о народной школѣ, о женскомъ образованіи, о положеніи печати, и т. д. Правительственныя заявленія о предположенныхъ реформахъ чрезвычайно оживили общественные толки и литературу.

Но главнѣйшимъ и основнымъ интересомъ времени сталъ народъ; всего обильнѣе была литература о народѣ. Никогда еще этотъ интересъ не бывалъ столь всеобщимъ, столь одушевляющимъ и волнующимъ, какъ теперь,—когда могли, наконецъ, хоть въ извѣстной степени, высказаться давнишнія ожиданія лучшей части общества и когда правительство заявило свое намѣреніе рѣшить капиталнѣйшій вопросъ народной жизни. «Народъ» — съ его потребностями свободы и просвѣщенія, съ его гражданскими правами, въ которыхъ доселѣ ему отказывалось, его внутренними силами, которыя должны были найти просторъ для болѣе дѣя-

тельнаго, не только пассивнаго, участія въ національной жизни, — только теперь переставалъ быть запретнымъ предметомъ для общественной мысли и литературы; потому что прежняя теорія «народности», какъ мы видѣли, давала ей только одно канцелярское опредѣленіе и не допускала другого. — Оговоримся впереди, что въ этихъ первыхъ попыткахъ общественнаго сознанія и литературы выяснить значеніе народнаго начала было не мало разнаго рода неровностей — недостаточнаго пониманія, простодушныхъ или самонадѣянныхъ преувеличеній, но въ основаніи было много самаго искренняго убѣжденія, глубокаго и преданнаго желанія служить народному дѣлу. Дѣйствительно, для общественнаго сознанія не было интереса болѣе высокаго, болѣе необходимаго и нравственно значительнаго, и общественное настроеніе отразилось самыми благотворными вліяніями на изученіи народности: это изученіе еще никогда не распространялось въ столь разнообразныхъ направленіяхъ, не вызвало такой массы работъ, не искало въ такой степени научныхъ основаній, не связывалось такъ тѣсно съ нравственными и политическими идеями общества. Чрезвычайное различіе послѣдняго двадцатипятилѣтія съ предшествовавшимъ ему періодомъ — бросается въ глаза, и если бы мы хотѣли опредѣлить преобладающую тему общественнаго интереса въ истекшемъ двадцатипятилѣтіи, мы найдемъ, что этой темой былъ народъ. О народѣ говорила литература публицистическая, гдѣ предметомъ нескончаемыхъ разсужденій, споровъ, наконецъ, озабоченной полемики послужила крестьянская реформа и множество связанныхъ съ ней вопросовъ; литература историческая пріобрѣла новые стимулы, направила свои изслѣдованія, какъ никогда ранѣе, на бытовые, народные элементы историческаго развитія; этнографія пріобрѣла новый, громадный и драгоценный матеріалъ, каковаго и не предполагалось въ прежнее время; литература поэтическая обратилась, опять съ небывалой прежде ревностью, на изображеніе народной жизни, — «разсказъ изъ народнаго быта» составилъ цѣлую новеллистическую область, въ которой то розыскивалось и возводилось въ идеаль внутреннее содержаніе народнаго характера, то рисовались мрачныя картины тягостей народнаго быта, и во всякомъ случаѣ призывалось новое участіе общества къ нуждамъ и заботамъ народной массы.

Перехода къ изложенію успѣховъ изученія народности за послѣдній періодъ, отмѣтимъ прежде всего общій фактъ — чрезвычайное, сравнительно съ прежнимъ, размноженіе литературы,

посвященной изученію Россіи и русскаго народа. Нѣкоторое понятіе о вѣшнемъ объемѣ этой литературы можно составить по многоразличнымъ указателямъ г. Межова, — гдѣ онъ старательно собралъ крупныя и мелкія факты литературы по географіи, статистикѣ, этнографіи, исторіи, археологіи, по специальнымъ вопросамъ, какъ крестьянское дѣло, земство, артель и т. д. Особенно важны для подобнаго вѣшняго обзора два труда г. Межова: «Литература русской географіи, статистики и этнографіи», указатель, составившійся имъ ежегодно въ «Извѣстіяхъ Географ. Общества» и обнимающій теперь 1859—1880 годы; и «Литература русской исторіи за 1859—1864 г. вкл.» (Спб. 1866), и продолженіе этого указателя — «Русская историческая библиографія за 1865—1876 включительно» (Спб. 1882—83, три большихъ тома; 36,810 названій), которая въ полномъ составѣ должна заключать семь томовъ, и до 70—75,000 названій. Любопытно было бы вывести статистическое распредѣленіе этой богатой массы литературнаго труда, но историческая библиографія не даетъ возможности для статистическихъ выводовъ, такъ какъ данныя за нѣсколько лѣтъ слиты вмѣстѣ. Но эту возможность даетъ указатель географическій, такъ какъ составлялся по отдѣльнымъ годамъ, и мы соберемъ изъ него нѣсколько цифръ.

Въ десятомъ выпускѣ «Литературы русской географіи, статистики и этнографіи» (за 1868 г., изд. 1870) г. Межовъ самъ собралъ десятилѣтніе итоги за 1859—1868 годы. Въ предисловіи къ этому выпуску онъ справедливо указываетъ, какъ важно и поучительно было бы имѣть статистическія таблицы литературнаго движенія за болѣе или менѣе продолжительный періодъ времени: въ нихъ наглядно отражался бы ходъ образованія. Статистическое возростаніе и паденіе разныхъ отдѣловъ литературы, въ связи съ вѣшними обстоятельствами литературной жизни (съ положеніемъ общества, условіями школы и печати), весьма ясно указывали бы движеніе внутренней, умственной жизни общества. «Представить въ возможно вѣрныхъ статистическихъ таблицахъ какъ мѣрное движеніе науки и литературы, такъ и лихорадочное ея движеніе, будь это во время болѣе или менѣе продолжительныхъ потрясеній народной жизни, или въ мирное время, посредствомъ цензурныхъ стѣсненій, — представить подобное движеніе было бы весьма желательно и поучительно. На основаніи подобныхъ статистическихъ таблицъ историкъ цивилизаціи не дѣлалъ бы голословныхъ и гадательныхъ заключеній о прогрессивномъ ходѣ науки и литературы въ данной странѣ, объ упадкѣ одной отрасли ихъ и увеличеніи другой, а закрѣплялъ бы свои

слова неопровержимыми фактами». Нашъ библіографъ хорошо видѣлъ трудность составленія подобныхъ таблицъ, и замѣчаетъ, что въ приводимыхъ имъ цифрахъ очень большая доля есть чистый балластъ, или весьма относительно цѣнный матеріалъ,—но статистическое изслѣдованіе тѣмъ не менѣе возможно.

Главная трудность его состоитъ въ чрезвычайной неравномѣрности значенія исчисляемыхъ литературныхъ фактовъ: въ обыкновенномъ библіографическомъ каталогѣ одинаково являются одной цифрой и книга, представляющая богатое собраніе матеріала, или результатъ многолѣтнихъ трудовъ первостепеннаго ученаго, или новую плодотворную для науки теорію,—и съ другой стороны ничтожная компиляція, фальшивая и ненаучная статья, и т. п., но остается статистически важенъ общій счетъ литературнаго труда, полагаемаго на извѣстный предметъ, счетъ фактовъ по отдѣльнымъ рубрикамъ, наконецъ, возможна извѣстная классификація литературныхъ фактовъ.

Періодъ времени съ 1859 по 1868, по которому г. Межовъ свелъ итоги, при всей краткости представляетъ любопытное повышеніе въ цифрѣ сочиненій—книгъ и статей—по русской географіи, статистикѣ и этнографіи. Число всѣхъ заглавій, вошедшихъ въ указатель за десять лѣтъ, составляетъ—22,538, и въ томъ числѣ отдѣльныхъ книгъ и брошюръ—1665. По отдѣльнымъ годамъ, число книгъ и брошюръ возросло съ 65—въ 1859 г., до 156—въ 1868, а въ 1866 и 1867 доходило до 220 и 233; число статей въ повременныхъ изданіяхъ повысилось отъ 1,034—въ 1859 г., до 2,858—въ 1868, а всего, книгъ и статей, съ 1,099—въ 1859 г., до 3,014—въ 1868. По предметамъ изслѣдованій, общія цифры сочиненій въ тѣ же годы выросли слѣдующимъ образомъ: по географіи топографической—съ 520 на 1,122; по статистикѣ—съ 335 на 1,262; по этнографіи—съ 214 на 526.

Такимъ образомъ цифры возросли очень сильно, увеличиваясь изъ года въ годъ. Исключеніемъ въ этомъ случаѣ были годы 1862 и 1868—вслѣдствіе прекращенія въ эти годы большаго числа періодическихъ изданій, чѣмъ бывало въ другое время. Другая неравномѣрность въ движеніи цифръ объясняется еще тѣмъ, что въ нѣкоторые годы больше выходило мѣстныхъ «памятныхъ книжекъ» и «сборниковъ» съ этнографическими и статистическими свѣдѣніями.—Указывая это разномноженіе трудовъ по изученію Россіи и русскаго народа, нашъ библіографъ справедливо замѣчалъ, что вся эта литература еще далеко не выполняла потребности научной и общественной, что это была

только «капля въ морѣ того, что остается еще сдѣлать». «Много сторонъ народной жизни едва только затронуто, и то въ ограниченномъ количествѣ случаевъ. Множество мѣстностей остается безъ всякаго описанія. Несмѣтные богатства, заключающіеся въ произведеніяхъ промышленности и торговли, ждутъ еще статистическихъ изслѣдованій. Работы много, но рукъ и средствъ, которыя бы заставили эти руки работать, сравнительно мало». Авторъ указывалъ, между прочимъ, слабое развитіе мѣстной литературы, которая, въ нашихъ условіяхъ, должна бы именно служить для собиранія свѣдѣній по громадному пространству нашего отечества,—и находилъ необходимымъ болѣе обширный просторъ для мѣстной инициативы. Къ сожалѣнію, выводы и пожеланія, очень вѣрныя, въ которыхъ авторъ приходилъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ, остаются и донныя пожеланіями—внѣшнія условія продолжаютъ мало благопріятствовать и основному теченію, и мѣстному развитію народныхъ изученій.

Изъ этихъ фактовъ статистическаго возростанія г. Межовъ выводилъ, однако, предположеніе, что въ будущемъ возростаніе должно еще увеличиться. Такъ заставлялъ думать общій ростъ литературы,—снаряженіе экспедицій учеными обществами и казенными учрежденіями,—устройство статистическихъ сѣздовъ. Экспедиціи и сѣзды уже тогда начали образовываться и должны были еще развиться и дать изученіямъ народной жизни большую правильность и систему, связывая разрозненные умственные силы. Авторъ справедливо находилъ, что изслѣдователямъ народнаго быта собственно также не мѣшало бы устраивать періодическіе сѣзды, чтобы мѣстные собиратели яснѣе понимали и точнѣе выполняли свою задачу. Пересмотрѣвъ въ своихъ книжныхъ поискахъ массу подобныхъ статей, г. Межовъ встрѣтилъ множество такихъ, которымъ вредила именно безсистемность этнографическаго собиранія. Онъ рекомендовалъ собирателямъ, во-первыхъ, обращать болѣе вниманія на тѣ особенности народнаго быта, которыя при навеллирующемъ характерѣ современной цивилизаціи грозятъ скоро *исчезнуть*, и во-вторыхъ, на «тѣ проявленія народной жизни, которыя свойственны *одной только описываемой мѣстности*», и вообще совѣтуетъ записать систематической *программой*,—каковы, напр., программы, изданныя Географическимъ обществомъ по обычному праву и собиранію предметовъ для этнографическаго музея, какъ программа г. Ефименко для собиранія народныхъ повѣрій и суевѣрій (въ «Извѣстіяхъ Географ. Общества, 1866») и программа для соби-

ранія этнографическихъ свѣдѣній объ украинскомъ народѣ (Кіевъ, 1863)...

Послѣдующіе годы за 1868-мъ, по вѣдѣннымъ условіямъ, были опять очень мало благопріятны для литературы и народныхъ изученій, но ожиданія нашего статистика тѣмъ не менѣе совершенно оправдались. Продолживъ на слѣдующее десятилѣтіе, 1869—78, сличеніе цифръ по ежегоднымъ указателямъ г. Межова ¹⁾, находимъ, что цифры еще выросли по всѣмъ описываемымъ отдѣламъ, а именно:

Число *общихъ* сочиненій: періодическихъ изданій, «памятныхъ книжекъ» и справочныхъ книгъ, библіографическихъ указателей, изданій Географ. Общества, учебниковъ, біографій и некрологовъ,—возросло съ 90—въ 1869 г., до 497—въ 1878.

Число сочиненій по географіи топографической выросло, за то же десятилѣтіе, съ 1216 до 1611; по географіи математической и физической, съ 142 до 284.

Число сочиненій по статистикѣ поднялось съ 1498—въ 1869, до 2500—въ 1878.

По этнографіи, оно выросло, за то же десятилѣтіе, съ 467 до 920 ²⁾.

Общій итогъ, съ 3413 книгъ и статей — въ 1869, возросъ до 5812—въ 1878.

Эти цифры представляютъ, конечно, только одну долю литературы, посвященной въ тѣ годы народнымъ изученіямъ, но онѣ даютъ понятіе о цѣломъ: въ отдѣлахъ исторіи, публицистики, литературы поэтической шло не менѣе, если не болѣе оживленное движеніе, и подробное статистическое изслѣдованіе поставитъ вѣдѣ всякаго сомнѣнія чрезвычайный ростъ литературы о народѣ. Это явленіе исполнено историческаго смысла. Одинъ этотъ фактъ постояннаго, слѣдовательно органическаго возрастанія интереса къ изученію Россіи и русской народной жизни, фактъ, возобновленіе котораго совпадаетъ съ началомъ прошлаго царствованія и съ возбужденіемъ вопроса о реформахъ, особенно крестьянской, — могъ бы указать, какимъ великимъ національнымъ дѣломъ были эти реформы, отразившіяся въ обществѣ столь живымъ обращеніемъ къ изученію своего отечества и народа, и въ какому широкому развитію

¹⁾ Они печатались обыкновенно въ «Извѣстіяхъ» Географическаго Общества, являясь обыкновенно черезъ два года по истеченіи описываемаго года. Послѣдній указатель вышелъ теперь за 1880 г.

²⁾ Въ этой цифрѣ, какъ и въ общемъ итогѣ, мы исключали рубрику этнографическихъ свѣдѣній о древнихъ народахъ и новѣйшихъ, находящихся вѣдѣ Россіи.

общественнаго и народнаго самосознанія, т.-е. къ какому внутреннему усиленію національной жизни, они должны бы были повести, еслибъ начатое дѣло продолжалось въ томъ же широмъ смыслѣ, въ какомъ было предположено и ожидается. Люди извѣстной партіи, охотно призывающіеся знаменемъ народности, бросаютъ теперь намъ въ это реформаторское движеніе прошлаго царствованія; но для всякаго добросовѣстнаго наблюдателя нашей новѣйшей исторіи будетъ ясно, что это движеніе было истинно *національнымъ*, когда оно освобождало поработанные классы народа, открывало имъ возможность самостоятельности и просвѣщенія, и когда въ умственной жизни общества оно отразилось такимъ благодатнымъ стремленіемъ къ изученію народной жизни, въ которомъ и заключался самый вѣрный путь къ народному самосознанію.

Обратимся къ краткому пересмотру самаго содержанія этой литературы. Мы видѣли, какъ быстро въ послѣднія два десятилѣтія разрастались статистическія цифры литературы, въ которой особенно выражалось изученіе государства и народа. Осторожный статистикъ оговорился, что далеко не всѣ сочиненныя имъ литературныя единицы важны (какъ это неизбежно во всякой литературной статистикѣ),—но изученіе перваго десятилѣтія убѣдило его, что впредь эта литература должна была расти не только по внѣшнему объему, но и по внутреннему достоинству произведеній. И дѣйствительно, при всѣхъ тяжелыхъ условіяхъ умственной жизни и печати содержаніе этой литературы захватываетъ все болѣе глубокіе вопросы и въ цѣломъ историко-этнографическая дѣятельность послѣднихъ десятилѣтій составляетъ самый богатый и наиболѣе замѣчательный періодъ народныхъ изученій, какаго еще не было въ нашей литературѣ.

Подробный, всесторонній, критически-свободный обзоръ этой литературы могъ бы послужить предметомъ труда, чрезвычайно интереснаго и поучительнаго. Для него, къ сожалѣнію, еще не наступило время. Въ короткомъ очеркѣ трудно, конечно, охватить все движеніе этой литературы, и мы ограничимся лишь общими указаніями на ея объемъ и предметы, и укажемъ сначала официальные работы и изданія правительственныхъ вѣдомствъ, земствъ, ученыхъ учреждений и обществъ, затѣмъ развитіе литературы по разнымъ предметамъ народной жизни. Читатель обратитъ вниманіе на то, какъ настоятельныя требованія жизни возбуждали дѣятельность официальныхъ вѣдомствъ, которыя съ своей стороны предпринимали обширныя изученія народнаго быта и, покидая старое преданіе административно-канцеляр-

свой и архивной тайны, вводили свои труды въ литературу, гдѣ они доставляли поводъ для новыхъ изысканій и критической проверки; читатель обратитъ вниманіе на то, съ какою ревностью литература, при первой открывавшейся возможности, обращалась къ изученію народной жизни, сколько положила на это сочувствія и труда; вѣроятно замѣтитъ, насколько дѣятельность литературы могла быть еще шире и плодотворнѣе, еслибы встрѣчала болѣе разумнаго довѣрія ..

Мы не будемъ останавливаться на подробностяхъ топографической географіи Россіи, для которой предпринято было въ этомъ періодѣ множество работъ, или мѣрами правительства, или инициативой ученыхъ обществъ и частныхъ лицъ. Укажемъ ихъ только кратко. Таковы были подробныя научныя изслѣдованія поверхности, занимаемой имперією, г. Стрѣльбицкаго; таковы многочисленныя экспедиціи, снаряженныя правительствомъ или при пособіи правительства, Географическимъ обществомъ въ различные, ближніе, но особенно дальніе края Россіи и даже за ея предѣлы,—причемъ съ задачами собственной географіи соединялись различныя научныя изслѣдованія. Изъ внутреннихъ экспедицій самую замѣчательною была статистико-этнографическая экспедиція въ юго-западный край, исполненная въ началѣ семидесятыхъ годовъ П. П. Чубинскимъ и о которой скажемъ далѣе; изъ экспедицій дальнихъ, географическихъ и естественно-научныхъ, извѣстны научныя путешествія Миддендорфа (сѣверъ и востокъ Сибири), Маака (Амуръ, долина Усури), Радде (Кавказъ), Шмидта (Сибирь), Пржевальскаго (Монголія, Тибетъ), Сиверцова, Бедченко (Туркестанская область), Щамова (Турханскій край), Ядринцева, Потанина, Мушкетова и многихъ другихъ. Въ послѣднемъ отчетѣ Географическаго общества, за 1882 годъ, мы читаемъ о десяти ученыхъ экспедиціяхъ, въ томъ числѣ на Новую Землю, Сахалинъ, въ Памиръ, Мервъ, на Кавказъ, Уралъ и пр.; объ учрежденіи нѣсколькихъ метеорологическихъ полярныхъ станцій на сѣверѣ Россіи и Сибири, въ соучастіи въ обширномъ международномъ предпріятіи съ этою цѣлью, и т. д. ¹⁾ Труды русскихъ ученыхъ не одинъ разъ бывали здѣсь настоящими открытіями, которыя расширяли область

¹⁾ Успѣхамъ русской географической науки въ прошлое царствованіе была посвящена рѣчь въ засѣданіи Геогр. Общества 21 февраля 1890, по случаю 25-лѣтія царствованія имп. Александра II (Правит. Вѣстникъ, 1890).

науки и между прочимъ высоко оцѣнивались въ европейской литературѣ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти предпріятія имѣютъ и для русскаго общества отрадное нравственное значеніе, давая въ наше смутное и испорченное время примѣры самоотверженнаго, достойнаго глубокихъ сочувствій, служенія дѣлу науки (назовемъ имя безвременно погибшаго Оедтенко).

Въ первые годы прошлаго царствованія, параллельно съ трудами Географическаго общества и статистическихъ комитетовъ (о которыхъ — далѣе) и независимо отъ нихъ, предпринято было обширное описаніе Россіи, исполнявшееся офицерами генеральнаго штаба. — На ходъ этого дѣла наглядно отразилась та нравственно-общественная пережѣна, которая наступила съ прошлымъ царствованіемъ. Первое начало этого предпріятія относится къ тридцатымъ годамъ, когда военное министерство, встрѣчая надобность въ статистическихъ описаніяхъ губерній и областей въ военномъ отношеніи, по высочайшему повелѣнію начало составлять подобныя описанія, которыя должны были заключать, во-первыхъ, общія географическо-статистическія свѣдѣнія, «наложенныя въ военномъ отношеніи», и во-вторыхъ, свѣдѣнія спеціальныя по предметамъ вѣдомствъ генеральнаго штаба, провіантскаго и комиссаріатскаго (и черезъ каждые три года должны были быть исправляемы и пополняемы). На этихъ основаніяхъ въ 1837—54 годахъ офицерами генеральнаго штаба составлены были, по свѣдѣніямъ, собраннымъ на мѣстѣ, *три изданія* военно-статистическихъ обзорѣній 69 губерній и областей Россіи. Но этотъ трудъ, даже въ *общихъ* своихъ сторонахъ, рассматривался — какъ канцелярская тайна. Два изъ этихъ изданій существовали въ литографированномъ видѣ; только третье было напечатано, — но всѣ одинаково для публики были недоступны. Въ первые годы прошлаго царствованія эти работы генеральнаго штаба были возобновлены уже на новыхъ основаніяхъ. Военное министерство нашло, что «хотя эти работы и производятся собственно въ видахъ военныхъ, но тѣмъ не менѣе заключаютъ въ себѣ много свѣдѣній, любопытныхъ и полезныхъ для каждаго русскаго, и могутъ послужить хорошимъ матеріаломъ для статистики Россіи», и въ 1857 распорядилось, чтобы на будущее время эти работы были производимы въ болѣе обширныхъ размѣрахъ и раздѣляемы были, по каждому краю, на два изданія: одна часть, общая, подъ названіемъ статистическаго описанія, назначалась для публики; другая, спеціальная, подъ названіемъ военнаго обзорѣнія, оставалась исключительно для употребленія военнаго министерства.

Въ 1858, эти работы производились уже въ большей части губерній и областей; въ этомъ и слѣдующемъ году было уже издано два перыя описанія; затѣмъ, съ 1860, описанія стали выходить по нѣскольку томовъ въ годъ, подъ общимъ заглавіемъ «Матеріаловъ для географіи и статистики Россіи, собранныхъ офицерами генеральнаго штаба». Къ половинѣ 1860-хъ годовъ вышло больше двадцати описаній разныхъ губерній и областей, по общему плану. Планъ заключалъ вообще: историческое введеніе; географическое и топографическое описаніе края (географическое положеніе, границы, пространство, орографія и гидрографія, пути сообщенія, климатъ, естественныя произведенія); число жителей и движеніе народонаселенія, обзоръ сословій и классовъ населенія; промышленность; состояніе образованности; внѣшній и внутренній бытъ (свѣдѣнія этнографическія); управленіе; свѣдѣнія о городахъ, важѣйшихъ селеніяхъ и замѣчательныхъ мѣстностяхъ края; наконецъ карты и планы губернскаго и уѣздныхъ городовъ ¹⁾. Наконецъ, обширѣйшимъ и замѣчательнѣйшимъ трудомъ нашихъ статистиковъ генеральнаго штаба была извѣстная книга «Россія», издавшая въ 1871, въ ряду выпусковъ «Военно-статистическаго сборника», подъ редакціею г. Обручева ²⁾.

Другой рядъ подобныхъ описательныхъ работъ сталъ въ то же время издаваться трудами основаннаго тогда центральнаго статистическаго комитета при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и губернскихъ статистическихъ комитетовъ.

Официальныя статистическія работы впервые начали устанавливаться съ тридцатыхъ годовъ, при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ ³⁾. Съ конца тридцатыхъ годовъ появляются перыя немногія изданія («Статистическія таблицы о состояніи городовъ Росс. имперіи»; два тома «Матеріаловъ для статистики Росс. имперіи»,

¹⁾ Надъ этими описаніями работали: Алыфтанъ, М. Барановичъ, Д. Леонасьевъ, Я. Крижовоблодскій, М. Лантевъ, А. Орановскій, В. Михайловъ, А. Зацукъ, Н. Вильсонъ, В. Павловичъ, М. Цебриковъ, А. Корево, П. Бобровскій, А. Швиндтъ, Н. Красновъ и мн. др. Нѣкоторые изъ описаній составляютъ цѣлыя большіе томы.

²⁾ «Военно-статистическій сборникъ. Выпускъ IV. Россія. Составлено офицерами генеральнаго штаба: В. Ф. де-Ливронемъ, барономъ А. В. Вревскимъ, Н. Н. Мосоловскимъ, Ф. А. Фальдманомъ, Л. Л. Лобко, П. А. Геммереромъ, С. А. Быховцемъ, Г. И. Бобриковымъ и А. А. Боголюбовымъ, подъ редакціею генералъ-маіора Н. Н. Обручева, управляющаго дѣлами военно-ученаго комитета и профессора военной статистики». Спб. 1871.

³⁾ О началѣ русской статистики см. статью А. П. Заблоцкаго-Десатоваго: «Взглядъ на исторію развитія статистики въ Россіи» (въ Записк. Геогр. Общ., т. II, стр. 116—134).

1839—41, и др.). Съ новаго царствованія начались дѣятельныя работы центральнаго комитета въ Петербургѣ и мѣстныхъ комитетовъ въ провинціяхъ: «Статистическія таблицы Росс. имперіи», даже «Статистическій Временникъ» (съ 1866 г.), на которые полагали свои труды г. П. Семеновъ, Артемьевъ, Бушентъ, Вальсонъ, Л. Майковъ, И. Кауфманъ и др., наконецъ, чрезвычайно важныя «Списки населенныхъ мѣстъ имперіи».

Описаніе земель и населенныхъ мѣстъ было, конечно, издавна необходимо для правительственныхъ и административныхъ цѣлей. Начиная съ писцовыхъ книгъ, издавна предпринимались вновь описи, иногда превращавшіяся въ географію, какъ въ «Книгѣ Большому Чертежу». Дѣлались отдѣльныя описи и въ XVIII столѣтіи, но всегда служили только для административныхъ цѣлей, потому забывались въ архивахъ и иногда пропадали; такова была, напр., румянцовская опись Малароссіи, только часть которой теперь спасена отъ погибели и приведена въ извѣстность. Составленіе полныхъ списковъ населенныхъ мѣстъ въ имперіи предпринималось, наконецъ, и въ новѣйшее время. Первые мѣры въ этой дѣлѣ приняты были министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ 1836, по учрежденіи статистическаго отдѣленія при совѣтѣ министерства: собраніе свѣдѣній поручено было губернскимъ статист. комитетамъ и просто исправникамъ, но собранныя свѣдѣнія остались и не разработаны, и не изданы, тѣмъ болѣе, что по взглядамъ самой власти не были и особенно удовлетворительны. Въ 1852 г., при Л. А. Перовскомъ, рѣшено было отправить особую экспедицію для собранія свѣдѣній по административной статистикѣ и составленію списковъ населенныхъ мѣстъ; но исполненіе ограничилось только двумя губерніями (нижегородской и ярославской). Въ 1854, при Бабановѣ, статистическое отдѣленіе при совѣтѣ министерства было преобразовано въ статистическій комитетъ и снова предписано губернскимъ комитетамъ составить описанія городовъ и уѣздовъ, и опять описано было только две губерніи (саратовская и подольская).

Кромѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, и другія вѣдомства предпринимали въ прежнее время подобныя описанія. Мы говоримъ о военно-статистическихъ описаніяхъ губерній, начатыхъ съ 1837 департаментомъ генеральнаго штаба военнаго министерства. Извѣстный академикъ Кёппенъ еще съ двадцатыхъ годовъ обращалъ вниманіе на отсутствіе списковъ населенныхъ мѣстъ, и, наконецъ, въ 1855 г. академія наукъ рѣшила собрать такіе списки по приходамъ, при содѣйствіи синода и департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій;—результатомъ

было описаніе одной губерніи, составленное Кёппеномъ въ 1858 году: «Города и селенія тульской губ. въ 1857 году». Хозяйственный департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ издалъ весьма обстоятельное описаніе «Городскихъ поселеній въ Россійской имперіи». Были, наконецъ, отдѣльные труды этого рода, иногда составляемые частными лицами.

Послѣдовательное и въ обширныхъ размѣрахъ выполненіе этого давнишняго плана произведено было только въ прошлое царствованіе. Въ 1858 году, вскорѣ по учрежденіи центрального статистическаго комитета, тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, С. С. Ланской, призналъ необходимымъ составить одновременно полный списокъ всѣхъ населенныхъ мѣстъ имперіи, «въ виду предстоявшихъ преобразованій въ гражданскомъ и хозяйственномъ устройствѣ всего сельскаго населенія», — составить ихъ, не прибѣгая къ новымъ изслѣдованіямъ, по тѣмъ свѣдѣніямъ, какия постоянно должны находиться въ распоряженіи губернскихъ и уѣздныхъ вѣдомствъ. Опредѣлена была программа свѣдѣній, какия должны были войти въ описанія, менѣе сложная, чѣмъ прежнія программы, но болѣе отчетливая: описанія должны были заключать — обозначеніе всѣхъ разнородныхъ населенныхъ мѣстъ; ихъ топографическаго положенія; разстояній отъ Петербурга или отъ мѣстныхъ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ; числа церквей, домовъ, дворовъ, жителей; статистическое распредѣленіе населенныхъ мѣстъ по ихъ различнымъ отношеніямъ; азбучный указатель всѣхъ мѣстностей, и наконецъ, общія вводныя свѣдѣнія о губерніи и карту. Общія свѣдѣнія должны были заключать: краткій топографическій очеркъ губерніи или области, съ указаніемъ пространствъ, по новѣйшимъ свѣдѣніямъ; свѣдѣнія объ историческомъ заселеніи описываемой мѣстности, и настоящемъ численномъ и этнографическомъ составѣ населенія, — эти данныя могли дополняться свѣдѣніями торгово-промышленными, сельско-хозяйственными и другими; наконецъ, прибавлялось объясненіе топографическихъ терминовъ, преимущественно употребляемыхъ въ описываемомъ краѣ. — Въ 1859—60 начали сходиться въ министерство провѣрочныя свѣдѣнія изъ провинцій къ прежнему матеріалу, и въ 1861 уже вышли въ свѣтъ первые выпуски «Списковъ населенныхъ мѣстъ Россійской имперіи» (губерніи Архангельская и Астраханская, и Бессарабская область). Работа шла быстро и въ непродолжительное время было приготовлено и издано описаніе нѣсколькихъ десятковъ губерній и областей.

Очевидно, что въ этой успѣшности статистическаго труда оказалось тоже вліяніе «духа времени». Въ прежнее время бю-

рократія такъ привыкла считать свои свѣдѣнія канцелярской собственностью и тайной, что изданія для публики дѣлались только въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ. Теперь это бюрократическое преданіе уступило передъ практическими потребностями дѣла и общественнымъ интересомъ. «Списки населенныхъ мѣстъ» имѣютъ не одно административное примѣненіе; въ нихъ заключается и важный научный матеріалъ: кромѣ свѣдѣній статистическихъ, важные факты для географіи (между прочимъ, исторической), для исторіи (напр., по вопросамъ о русской колонизаціи между инородцами), для этнографіи, для народнаго топографическаго словаря, и пр. ¹⁾.

Наконецъ, кромѣ этихъ общихъ трудовъ, слѣдуетъ упомянуть многочисленныя «Памятныя книжки» по губерніямъ, со множествомъ данныхъ статистическихъ, этнографическихъ, хозяйственныхъ, историческихъ, и такіе же «Сборники», изданные отчасти центральнымъ, отчасти мѣстными губернскими комитетами; наконецъ, періодически выходящіе «Труды» и «Записки» мѣстныхъ комитетовъ: все это составило дѣлую литературу, съ обильными свѣдѣніями о народномъ бытѣ ²⁾.

Съ основанія земскихъ учрежденій возникаетъ длинный рядъ изданій земскихъ. Приступивъ къ дѣятельности, поставленной ему учрежденіями, земство встрѣтилось съ необходимостью оглядѣться въ своихъ условіяхъ, въ положеніи вещей, и въ результатѣ явились новыя мѣстныя изученія, предметомъ которыхъ были въ особенности отношенія экономическія: земельныя, податныя, сельско-хозяйственныя, промысловыя, цифры населенія, школьное дѣло, и т. д. Труды земскихъ собраній и комиссій по множеству подобныхъ вопросовъ мѣстнаго народнаго хозяйственнаго быта уже

¹⁾ «Списки» редактировались всего болѣе членами центрального статистическаго комитета (Е. Огородниковъ, Артемьевъ, И. Вильсонъ, Н. Штигицъ, М. Раевскій и другіе); потомъ издавались также мѣстными статистическими комитетами и земствами.

²⁾ Библиографическій обзоръ этой статистической литературы до 1873 г. сдѣланъ въ особой книгѣ г. Межова: «Библиографическія монографіи. Труды центрального и губернскихъ статистическихъ комитетовъ. Библиографическій указатель книгъ и заключающихся въ нихъ статей, обнимающей дѣятельность статистическихъ комитетовъ съ самаго начала ихъ учрежденій вплоть до 1873 г.» Сиб. 1873 (8°. 128 стр.) — гдѣ описано сверхъ 500 книгъ и брошюръ, изъ которыхъ лишь очень немногія вышли еще въ царствованіе императора Николая. См. въ особенности очеркъ успѣховъ русской статистической науки за послѣднія 25 лѣтъ, въ рѣчи предсѣдателя статистическаго отдѣленія Географическаго Общества, И. И. Вильсона, читанной 21 февр. 1880 въ засѣданіи общества, посвященномъ чествованію 25-лѣтія царствованія императора Александра II (Привит. Вѣстникъ, 1880).

теперь собрали громадный матеріалъ, о какомъ не имѣла представленія прежняя литература ¹⁾).

Подъ влияніемъ того общаго оживленія, каковымъ было отмѣчено начало прошлаго царствованія, небывалымъ прежде образомъ расширилась литература провинціальная. Крестьянскій вопросъ, учрежденіе земства, напряженное вниманіе къ народнымъ изученіямъ въ главномъ теченіи литературы отразились и въ трудахъ мѣстныхъ любителей и изслѣдователей. Они приняли участіе въ земскихъ дѣлахъ и изданіяхъ, оживили изданія мѣстныхъ статистическихъ комитетовъ, подняли многія изъ «губернскихъ вѣдомостей», въ прежнее время владѣвшихъ обыкновенно самое жалкое существованіе, наконецъ, предпринимали свои личные работы. Многіе изъ нихъ съ большимъ успѣхомъ занимались собираніемъ этнографическихъ данныхъ, изученіемъ мѣстныхъ экономическихъ отношеній, разработкой архивныхъ матеріаловъ, и приобрѣли себѣ почетную извѣстность въ литературѣ о народномъ бытѣ и старинѣ. Такъ работали во Владимірѣ К. Н. Тихонравовъ (авторъ нѣсколькихъ цѣнныхъ монографій о владимірской старинѣ), Голышевъ, Я. П. Гарелинъ; въ Нижнемъ — А. С. Гацискій; для Перми — Н. Чупинъ, Д. Смышляевъ; въ Вяткѣ — Н. Романовъ, свящ. Блиновъ, Бехтеревъ; въ Ярославлѣ — Е. И. Якушкинъ, Посниковъ, Деруновъ, Трефелевъ; въ Новгородѣ — Н. Богословскій; въ Твери — В. И. Покровский; въ Казани — С. М. Шпилевскій; въ Тамбовѣ — Дубасовъ; для Смоленской губерніи — И. Красноперовъ; для Олонецкаго края — Рыбниковъ, Е. В. Барсовъ, И. С. Поляковъ; въ Оренбургѣ — Н. Середа, В. Витевскій; въ Архангельскѣ — П. и А. Ефименко, Чубинскій; въ Витебскѣ — А. Сементовскій; въ Черниговѣ — Ефименко, Червинскій; въ Новороссійскомъ краѣ — А. Скальковскій; въ Сибири — кн. Н. Костровъ, и др. Дѣятельность этихъ лицъ часто совпадаетъ съ трудами земствъ, съ изслѣдованіемъ важнѣйшихъ вопросовъ народнаго экономического быта, — о которыхъ

¹⁾ Дѣятельность земства не была еще изложена вполне съ этой спеціальной стороны; но вообще, такъ извѣстно, вызвала обширную публицистическую литературу. Г. Межовъ, библиографически, собралъ эту литературу до 1871 г. въ книжкѣ: „Земскій и крестьянскій вопросъ“ (Спб. 1878). Укажемъ еще: „Земскіе итоги“, Вѣстн. Евр. 1870, № 3—4, 7—8; Ив. Андреевскаго, „О значеніи работъ русскаго земства для администраціи и экономической науки“, въ Трудахъ В. Экон. Общества, 1876, т. III, № 12; Мордовцева, „Десятилѣтіе русскаго земства“, Спб. 1877; газету г. Скалона, „Земство“, заключающую много важнаго матеріала и соображеній о дѣятельности земскихъ учреждений; вообще о положеніи нашихъ земскихъ учреждений ср. Градовскаго, „Начала русскаго государственнаго права“, т. III, часть 1-я, Спб. 1883, введеніе.

скажемъ далѣе. Труды нѣкоторыхъ земствъ въ этомъ отношеніи были серьезной заслугой въ дѣлѣ народныхъ изученій. Назовемъ труды земствъ тамбовскаго, новгородскаго, тверскаго, пермскаго, черниговскаго и другихъ, и въ особенности московскаго, въ обширныхъ изданіяхъ котораго явились образцовые труды В. Орлова, д-ра Эрисмана, д-ра Погожева, Каблукова и другихъ.

Въ цѣломъ получается масса статистическихъ свѣдѣній, собранныхъ и обработанныхъ правительственными, земскими и частными средствами, какъ по мѣстнымъ явленіямъ, такъ и по различнымъ отраслямъ общей государственной жизни, — свѣдѣній, которыми вмѣстѣ освѣщаются и условія собственно народнаго быта. Мы возвратимся далѣе къ нѣкоторымъ сторонамъ этой статистической дѣятельности, и укажемъ здѣсь общіе труды, напримѣръ, по статистическимъ вопросамъ о народонаселеніи (В. Бунаковского, П. Семенова), о климатѣ (К. Веселовскаго), по статистикѣ сельскаго хозяйства (Чаславскаго, А. Ермолова), финансовъ (Заблочнога, Безобразова, Бушена, Тимирязева), путей сообщенія (Гагемейстера, Гельмерсена, Блюха, Чупрова), хлѣбной промышленности (труды комиссіи подъ предсѣдательствомъ Г. П. Неболсина, изъ представителей нѣсколькихъ министерствъ и обществъ Вольно-Экономическаго и Географическаго, гдѣ работали Бушенъ, Тернеръ, Янсонъ, Чаславскій, Чубинскій и другіе).

Дѣятельность Географическаго Общества за этотъ періодъ также чрезвычайно расширилась: открылось нѣсколько мѣстныхъ отдѣловъ Общества, — кавказскій, западно-сибирскій (въ Омскѣ), восточно-сибирскій (въ Иркутскѣ), оренбургскій, юго-западнѣй (въ Кіевѣ), которые предприняли работы на мѣстахъ и свои особые изданія. Къ сожалѣнію, юго-западнѣй отдѣлъ, только — что начавшій свои работы (два тома «Записокъ», 1874 — 75) уже вскорѣ былъ закрытъ административнымъ путемъ, одновременно съ запретительными мѣрами противъ малорусской литературы... Дѣятельность Географическаго Общества простиралась на всѣ отрасли географіи, статистики и этнографіи ¹⁾. Раньше мы упоминали, что отдѣленіе этнографіи уже вскорѣ по основаніи общества предприняло изданіе отдѣльнаго «Этнографическаго Сборника» (6 томовъ, 1853—64); затѣмъ важнѣйшій и болѣе крупный матеріалъ и изслѣдованія этого рода издавались въ особыхъ «Запискахъ И. Р. Геогр. Общества по отдѣленію этнографіи».

¹⁾ Очеркъ его трудовъ за прежніе годы см. въ книгахъ: «Двадцатипятилѣтіе Импер. Рус. Географ. Общества», 13 января 1871 г. Спб. 1872; «Обозрѣніе трудовъ Импер. Рус. Географ. Общества по исторической географіи». Составилъ А. И. Артемьевъ. Спб. 1873.

(9 томовъ, 1867—1882), гдѣ между прочимъ напечатано нѣсколько капитальныхъ трудовъ, какъ, напр., сборникъ бѣлорусскихъ пѣсенъ, Шейна, и др. Изъ работъ географическихъ назовемъ обширные труды г. Семенова—переводъ Раттеровой «Азіи» съ обширными дополненіями, и въ особенности замѣчательный «Географическо-статистическій Словарь Россійской имперіи», изданіе котораго, начавшееся съ 1862 г., приводится теперь къ концу (донынѣ—5 большихъ компактныхъ томовъ).

Далѣе, обильный матеріалъ для изученій народности представляли изданія другихъ ученыхъ учреждений и обществъ. Во-первыхъ—Академіи наукъ, въ особенности второго ея отдѣленія, посвященнаго русскому языку и словесности. Еще съ самаго начала пятидесятихъ годовъ, русское отдѣленіе предприняло изданіе «Извѣстій», которыя за десять лѣтъ своего существованія были богатымъ складомъ матеріала по народной словесности и старой письменности, и также филологическихъ и историко-литературныхъ изслѣдованій, особливо Срезневскаго. Тогда же начато было изданіе «Ученыхъ Записокъ», впервые на русскомъ языкѣ; а затѣмъ второе отдѣленіе соединяло труды своихъ членовъ и постороннихъ ученыхъ въ «Сборникъ» (1867—83, XXXI томъ), гдѣ собрано множество важныхъ историко-литературныхъ изслѣдованій—напр., въ послѣднее время трактатъ о «русскихъ народныхъ картинкахъ» Д. А. Ровинскаго, съ отдѣльно изданнымъ замѣчательнымъ атласомъ народныхъ картинокъ. Изъ собственно академическихъ работъ, первостепенное значеніе имѣли труды Востокова (церковно-славянскій словарь), Срезневскаго (особенно труды палеографическіе и многочисленные изслѣдованія памятниковъ), Пекарскаго («Наука и литература при Петрѣ В.»), Я. К. Грота («Филологическія разсужденія»; изданіе Державина), А. Н. Веселовскаго (изслѣдованія по средневѣковой легендарной литературѣ и народной повѣи русской и западно-европейской), и др.

Московское Общество Исторіи и Древностей открыло усиленную дѣятельность съ 1846 года подъ вліяніемъ Бодянскаго («Чтенія»). Въ 1848, надъ Бодянскимъ стряслась извѣстная исторія, на нѣсколько лѣтъ удалившая его изъ общества. вмѣсто «Чтеній» сталъ издаваться «Временникъ», подъ редакціей И. Д. Бѣляева; но къ концу пятидесятихъ годовъ опала съ Бодянскаго была снята, и опять возобновилось изданіе «Чтеній» (съ 1858). Посвященные всего болѣе археологіи, русской и славянской литературѣ, и исторіи, старой и новой, «Чтенія» вмѣстѣ съ тѣмъ давали мѣсто матеріалу этнографическому; черезъ нихъ

прошли напр. столь цѣнныя собранія, какъ «Пѣсни» (великорусскія) Шейна, и «Пѣсни галицкой и угорской Руси» Головацкаго, огромный сборникъ «Пословицъ» Дала и проч.

Изученіе старины, представляющей различныя стороны и ступени историческаго развитія народности, сосредоточивалось въ особенности въ трудахъ Археологическихъ Обществъ, одного въ Петербургѣ, другого въ Москвѣ, Общества древняго русскаго искусства, и въ трудахъ археологическихъ съѣздовъ, которые въ прошлое царствованіе собирались нѣсколько разъ — въ Петербургѣ, Москвѣ, Киевѣ, Казани и Тифлисѣ. Отдаленнѣйшей стариной русскої земли, быть можетъ связанной и съ древними судьбами племени, посвящались труды Археологической Коммиссіи, — раскапывавшей и описывавшей курганныя древности, особливо въ Крыму и южной Россіи. Наконецъ, общество естествознанія и антропологии въ Москвѣ (съ 1864 г.) ставило вопросы объ исторической судьбѣ народности съ антропологической точки зрѣнія («Извѣстія антропологическаго отдѣленія Общества любителей естествознанія, состоящаго при имп. моск. университета», съ 1865 г.; «Труды этнографическаго отдѣла Общ. люб. естествознанія», до 1877, 5 книгъ).

Собиранію и изслѣдованію собственно историческаго матеріала посвящаются труды нѣсколькихъ ученыхъ обществъ, официальныхъ и частныхъ. Мы говорили о московскомъ Обществѣ исторіи и древностей. Археографическая Коммиссія, основанная въ царствованіе Николая I, продолжала изданіе лѣтописей (между прочимъ фотографированныя изданія лѣтописей Лаврентьевской и Ипатьевской) и актовъ¹⁾; Виленская археографическая коммиссія, Киевская коммиссія для разбора древнихъ актовъ собирали мѣстный историческій матеріалъ. Общество лѣтописца Нестора, основанное въ Киевѣ въ 1870 годахъ, посвящало свои труды древней русскої исторіи и письменности. Въ 1878 г. основалось Общество древней письменности, въ Петербургѣ, съ цѣлью факсимилированія и обыкновеннаго изданія памятниковъ старой русскої (и частію западно-славянскої) письменности; въ короткое время оно успѣло сдѣлать много любопытныхъ публикацій. — Описаніе рукописныхъ собраній, начатое нѣкогда Востоковымъ, Калайдовичемъ, Строевымъ, продолжалось и теперь: въ послѣднія десятилѣтія явились въ этой области замѣчательные труды

¹⁾ Кромѣ того, Археограф. Коммиссія издавала писцовыя книги, «Историческую Библіотеку», «Лѣтопись занятій» своихъ, описаніе ея рукописей, и начала изданіе Макарьевскихъ Четь-Миней.

опытныхъ бібліографовъ: Горскаго и Невоструева (описаніе рукописей московской синодальной бібліотеки), Викторова (рукописи Григоровича, Ундольскаго), Бычкова (рукописи Публичной Библіотеки), А. Попова (рукописи Хлудова), описаніе рукописей Соловецкой бібліотеки, и др. Въ ряду бібліографическихъ трудовъ большой важности должна быть названа изданная Обществомъ древней письменности «Русская агиографія» г. Барсукова — подробное бібліографическое описаніе громадной рукописной литературы житій русскихъ святыхъ, въ словарномъ порядкѣ. Далѣе, продолжаютъ описанія книгъ старо-печатныхъ — Каратаева, Ундольскаго, Викторова, Бычкова и др. Старой литературѣ и народной поэзіи посвящались «Лѣтописи русской литературы и древности» Н. С. Тихонравова (7 книгъ); «Филологическія Записки» Хованскаго, въ Воронежѣ; «Филологическій Вѣстникъ» Колосова, потомъ Смирнова, въ Варшавѣ. Императорское русское Историческое Общество, отрывшее свою дѣятельность съ 1869 г., посвящало свои изданія новой, въ особенности дипломатической исторіи XVIII—XIX вѣка (38 большихъ томовъ; 1869 — 1883). Наконецъ, много историческаго матеріала и изслѣдованій находило себѣ мѣсто въ ученыхъ «Запискахъ», «Трудахъ», «Извѣстіяхъ» университетовъ — петербургскаго («Филологическое общество»), кievскаго, новороссійскаго, казанскаго; въ изданіяхъ духовныхъ академій, нѣжинскаго историко-филологическаго института, и друг. Наконецъ, частныя изданія, вызванныя сильно возбужденнымъ въ обществѣ историческимъ интересомъ и сами питавшія этотъ интересъ, внесли въ литературу огромный запасъ историческихъ свѣдѣній — изслѣдованій и особенно подлинныхъ матеріаловъ: записокъ, воспоминаній, дневниковъ, переписки и т. п. Таковы «Русскій Архивъ» Бартенева (съ 1863 г.) и имъ же издаваемый «Архивъ князя Воронцова» (1870 — 1883, 27 книгъ); «Русская Старина» (съ 1870 г.), М. Семеваго; «Древняя и Новая Россія» (прекратившаяся); «Историческій Вѣстникъ» (съ 1880); «Кіевская Старина» (съ 1882), посвященная южнорусской старой и новой исторіи. — О такомъ богатствѣ матеріала не имѣла понятія прежняя наука.

Переходя собственно къ обработкѣ исторіи, мы найдемъ въ новой литературѣ большіе успѣхи — въ постановкѣ основныхъ точекъ зрѣнія, въ разносторонности изслѣдованій, въ расширеніи самой ихъ области. Содержаніе исторіографіи выросло и фактически, и теоретически. Новые успѣхи европейской науки, антропо-

логіи и археологіи поставили и у насъ вопросъ о до-историческихъ временахъ, о происхожденіи племени. Труды гр. А. С. Уварова, Иностранцева, Ивановскаго, Невоструева, Самоковскаго, Ешевскаго, А. Богданова, И. Е. Забѣлина, Анучина, Стасова, раскопки могилъ, кургановъ и пр., отрывали для изслѣдованія множество новаго, прежде очень мало извѣстнаго, или даже не подозрѣваемаго матеріала. Изслѣдованія археологовъ, въ союзѣ съ геологами, находили въ разныхъ мѣстахъ Россіи слѣды каменнаго вѣка, открывали замѣчательные остатки древняго греческаго искусства (раскопки въ Крыму, на Таманскомъ полуостровѣ, въ южной Россіи), находили скифскія царскія могилы въ южнорусскихъ курганахъ (какъ Чертомлыцкій, изслѣдованный Забѣлинымъ), слѣды финскихъ древнихъ племенъ, предшествовавшихъ русскому населенію въ средней Россіи (раскопки сѣверныхъ кургановъ, напр. извѣстнаго Ананьинскаго могильника, близь Елабуги, и др.), и т. д., — однимъ словомъ, полагали начало первому правильному изученію древнѣйшей поры русской земли и народности ¹⁾. Замѣчательный опытъ изъ исторіи древней европейской и славянской культуры представляетъ извѣстное сочиненіе Гена ²⁾.

Изученіе собственно историческое въ описываемый періодъ представляетъ, какъ мы видѣли, огромное размноженіе матеріала, и вмѣстѣ съ тѣмъ продолжающееся исканіе основныхъ началъ, налагавшихъ печать на историческое развитіе русскаго народа. — Прошлому царствованію принадлежитъ главная порадѣтельность Соловьева; но въ то же время развиваются другія направленія, дополнявшія или исправлявшія его теорію. Исторически чрезвычайно любопытно, что въ то же николаевское время, когда при всѣхъ стѣсненіяхъ общественной мысли выросталъ живѣйшій интересъ къ народу и ждалось его освобожденіе, — готовилась, съ разныхъ сторонъ, историческая точка зрѣнія, стремившаяся открыть значеніе народной стихіи въ складѣ древней политической жизни и государства, значеніе народнаго бытового преданія, доходящаго до нашихъ дней. Таковы были историческіе труды Константина Аксакова; таковъ былъ и основной смыслъ историческаго взгляда Костомарова: въ дополненіе теоріи Соловьева, К. Аксаковъ настаивалъ на значеніи «земли» рядомъ съ государствомъ, — Костомаровъ выставялъ участіе областного (федеративнаго) и вѣчевого элемента въ нашей древней

¹⁾ Слѣдствія объ этихъ изслѣдованіяхъ и главные ихъ результаты см. въ книгѣ П. Полевого: «Очерки русской исторіи въ памятникахъ быта». Спб. 1879—1880.

²⁾ Культурныя растенія и домашнія животныя на ихъ переходѣ изъ Азіи въ Европу. Спб. 1872.

исторіи, и много поработавъ въ особенности для исторіи Южной Руси, уравнивавшая московскую исключительность славянофиловъ и чисто государственную точку зрѣнія Соловьева. Далѣе, труды Шапова были отчасти подготовлены тѣми же старыми ожиданіями писателей сороковыхъ годовъ, трудами Аксакова и Костомарова, отчасти вдохновлены уже той постановкой народнаго начала, какая выразилась крестьянской реформой. Шаповъ указывалъ роль именно народа въ самомъ распространѣніи территоріи, на которой утвердился русская народность и государство, и слѣдилъ въ исторіи многообразныя проявленія того общиннаго, союзнаго, артельного духа, въ которомъ видѣлъ коренную, отличительную черту русскаго народнаго характера. Параллельно съ этимъ, въ древней исторіи примѣняется мѣстное изученіе (исторіи Рязанскаго княжества — Иловайскаго; Новгорода и Пскова — Костомарова, Ив. Бѣльева, Никитскаго; Мери и Ростовскаго княжества — Д. Корсакова; Твери — Борзавовскаго; Поволжья — Перетятковича; Богоховской земли — Дашкевича; земли Сѣверской — Багалія; сѣверо-восточныхъ инородцевъ — Фирсова, и друг.), и въ особенности изученіе исторіи Малороссіи — въ трудахъ Костомарова, Кулиша, Иванисева, В. Антоновича, Лазаревскаго, И. Новицкаго, и мн. др. Бытовая сторона исторической жизни еще съ конца сороковыхъ годовъ была предметомъ изученій г. Забѣлина, который изъ сухого архивнаго матеріала, старыхъ описей и счетныхъ книгъ, умѣлъ извлекать живыя, характерныя черты стараго московскаго быта, а въ послѣднее время предпринималъ цѣльный обширный трудъ («Исторія русской жизни», донынѣ два тома), съ цѣлью органическаго объясненія русской исторіи изъ свойствъ природы русской земли и коренныхъ свойствъ народа.

Въ новой исторіографіи всплылъ и старинный вопросъ о норманскомъ началѣ русской исторіи, и вызвалъ сначала своеобразный взглядъ Костомарова (о литовскомъ происхожденіи варяговъ), далѣе тенденціозныя «Роансканія» Иловайскаго (главная мысль которыхъ поддерживается и Забѣлинымъ), опроверженія Погодина и Кункиа, и въ особенности изслѣдованія Гедеонова, собравшаго множество объяснительнаго матеріала. Вопросъ, однако, остается нерѣшеннымъ. — Важнѣе были труды, направленные на объясненіе древнихъ политическихъ и бытовыхъ формъ, — гдѣ должно назвать имена Лешкова, Ив. Бѣльева, Сергѣевича («Вѣче и князь», 1867; «Лекціи и изслѣдованія», 1883), Чичерина, Хлѣбникова, Леонтовича, Никитскаго, В. Антоновича, Романовича-Славатинскаго, Владимірскаго-Буданова, Ключевскаго

(«Боярская дума» 1882), Загоскина и др. Недавно, по газетнымъ извѣстіямъ, открыты г. Калачовымъ новые замѣчательные документы, объясняющіе дѣятельность стараго государственнаго управления, боярской думы и соборовъ (?).

Размноженіе источниковъ, болѣе глубокія изслѣдованія бытовныя значительно видоизмѣнили положеніе вопросовъ о характерѣ московскаго періода, о значеніи Петровской реформы и XVIII вѣка—вопросовъ, которые еще до Карамзина и послѣ волнованія ученыхъ историковъ и дѣлили ихъ на два враждебные лагери. Вражда не кончилась, пожалуй, и теперь,—но для добросовѣстныхъ изслѣдователей Петровская реформа (которой посвящены были крупныя труды Устрялова, Соловьева, Костомарова, со стороны образованія и литературы—Пекарскаго) утратила окончательно тотъ характеръ внезапности, въ какомъ ее обыкновенно изображали прежде и который приводилъ за собою столько бесплодныхъ споровъ объ ея народности или ненародности. Восемнадцатый вѣкъ, можно сказать, впервые открылся для изученія въ послѣднія двадцать пять лѣтъ; потребность знать свою исторію была такъ сильна, что устранила, наконецъ, значительную долю цензурныхъ препятствій, которыя до тѣхъ поръ дѣлали изъ собственной исторіи народа и общества канцелярскую тайну. Въ началѣ прошлаго царствованія, одно время, открыта была для ученыхъ и любителей возможность работать въ государственномъ архивѣ, и въ литературѣ проглянула исполненная интереса старина. Затѣмъ открылись частныя архивы, и въ историческихъ журналахъ полился потокъ старыхъ и новыхъ мемуаровъ, переписки, документовъ, анекдотовъ и т. п.; что еще недавно передавалось только изустными преданіями, на средневѣковой манеръ, начинало входить въ исторію. Правда, обществу все еще приходилось узнавать свою исторію слишкомъ далекимъ заднимъ числомъ,—но недавно и того не было, и проникавшее теперь въ литературу нерѣдко бывало исполнено величайшаго интереса и научительности. Передъ обществомъ раскрывались впервые подробности великихъ и малыхъ событій, разъяснялись историческіе характеры и пройденный путь внутренняго развитія. Вмѣстѣ съ тѣмъ открывалась во-очію обратная сторона медали: исторія бросала свой свѣтъ на тѣ «добрыя старія времена», на которыя такъ любятъ всегда ссылаться «охранители», и указала осязаемые факты, сколько было въ нихъ прискорбнаго, злоуряднаго для государства и народа, и иногда истинно ужаснаго и оскорбительнаго—какъ тѣ страшныя проявленія вѣрностнаго права, съ которыми связаны имена Салтычихи, генерала Измайлова, — какъ

исторія военныхъ поселеній,—какъ господство гр. Аракчеева и его школы,—какъ старыя административные порядки, канцеляріи, суды, бурсы, консисторіи, и т. д. Было бы слишкомъ долго приводить примѣры; укажемъ рядъ мемуаровъ, только въ послѣднія десятилѣтія явившихся впервые въ печати,—отъ удивительной автобіографіи епископа протопопа Аввакума, или курьезныхъ записокъ священника петровскихъ временъ Лукьянова, до записокъ архимандрита Фотія, до рассказовъ о гр. Аракчеевѣ, или до собственныхъ записокъ усмирителя польскаго восстанія, гр. Муравьева. Выстъ съ исторіей двора и верхнихъ классовъ, разъяснилось многое въ судьбѣ народа и народности,—въ исторіи крѣпостного права, духовенства, раскола и т. д.

Чрезвычайное оживленіе изученій произошло и въ исторіи литературы. Намъ опять довольно лишь напомнить главные факты. Никогда прежде не было издано такой массы произведеній и изслѣдованій древней литературы, какъ въ послѣднее двадцатипятилѣтіе—мы упоминали объ этомъ, говоря о трудахъ и изданіяхъ ученыхъ учреждений и обществъ. Въ этомъ періодѣ продолжали дѣйствовать ученые тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, какъ Срезневскій, Бодянский, Григоровичъ, Горскій, Буслаевъ, митрополитъ Макарій и др., и новыя дѣятели, какъ Тихонравовъ, Порфирьевъ, Сухомлиновъ, Костомаровъ, Щановъ, Е. Барсовъ, Ключевскій (замѣчательное изслѣдованіе русскихъ житій), Барсуковъ, Жмакинъ, Архангельскій, Иконниковъ, Петровъ (киевскій), и т. д. Въ то же время чрезвычайно развилось и подробное фактическое изученіе новѣйшей литературы. Передъ тѣмъ завершился трудъ Бѣлинскаго, великая заслуга котораго состояла въ установленіи художественно-историческаго значенія новой литературы, въ критическомъ доказательствѣ и укрѣпленіи литературныхъ идей, внесенныхъ Пушкинымъ и Гоголемъ. Но затѣмъ оставалось еще множество исторической работы надъ другими сторонами литературы, надъ опредѣленіемъ самыхъ ея фактовъ, въ ихъ связи съ многоразличными явленіями общественности и просвѣщенія. Съ конца сороковыхъ годовъ, подъ крайнимъ цензурнымъ гнетомъ того времени, изученія направились, отчасти по невозможности, на такую разработку фактовъ литературы XVIII и XIX вѣка. Это изученіе, прозванное тогда «библіографическимъ», иногда слишкомъ тѣсное, обратило однако вниманіе на массу явленій, на которыхъ мало останавливалась эстетическая критика, но которыя были исполнены интереса для внутренней исторіи общества и тѣхъ сложныхъ путей, какими шло его самосознаніе (работы Тихонравова, Галахова, Грота,

Ефремова, Сухомлинова, Лонгинова—сжегшаго потомъ изданіе сочиненій Радищева,—Афанасьева, Ешевскаго, Пекарскаго, Морозова, Незеленова, библиографовъ—Геннадіи, Пономарева, Неустроева, Межова и др.). Вмѣстѣ съ тѣмъ выяснилось значеніе и недавняго прошлаго литературы: критикъ «Современника» въ пятидесятыхъ годахъ далъ рядъ замѣчательныхъ статей о гоголевскомъ періодѣ и дѣятельности Бѣлинскаго, далѣе рядъ статей о Пушкинѣ по поводу выходившаго въ тѣ годы Анненковскаго изданія; позднѣе множество свѣдѣній и матеріала по литературной исторіи приносили историческіе журналы. Литературная сѣрина впервые возстановилась въ живыхъ, обильныхъ подробностяхъ; многія произведенія являлись впервые въ печати (сочиненія историка прошлаго столѣтія, кн. Щербатова; записка о древней и новой Россіи, Карамзина; многое изъ произведеній даже первостепенныхъ писателей, не находившее прежде мѣста въ печати по причинамъ цензурнымъ); впервые являются обстоятельныя біографіи (напр. Теофана Прокоповича, Кантемира, Ломоносова, Новикова, Карамзина, Жуковскаго, Пушкина) и изданія сочиненій.

Изученія этнографическія приняли въ послѣднія десятилѣтія столь широкое развитіе, что равнаго обилія собраннаго матеріала и даже изслѣдованій не можетъ представить ни одна изъ европейскихъ литературъ, кромѣ развѣ нѣмецкой.

Прежде всего бросается въ глаза замѣчательное богатство новаго матеріала по изученію народнаго творчества, старины, современнаго и народнаго быта. Произведенія народной поэзіи, былины, пѣсни, сказки, духовные стихи, народныя картинки, обычаи, преданія, легенды, пословицы, загадки, заговоры; черты бытовныя—обряды, юридическіе обычаи, факты объ общинѣ, артели и т. д. собраны въ такой массѣ, о какой не имѣлъ понятія прежній литературный періодъ, и начавшееся изученіе уже теперь доставило множество любопытныхъ выводовъ и наблюденій.

Народный эпосъ въ наше время впервые является во всемъ своемъ объемѣ и еще не потухшей свѣжести. До пятидесятихъ годовъ онъ былъ извѣстенъ только по старому сборнику Кирши Данилова; въ академическихъ «Извѣстіяхъ» 50-хъ годовъ начали появляться въ первый разъ новые тексты русскаго народнаго эпоса: изданы были замѣчательныя пѣсни, записанныя англичаниномъ Ричардомъ Джемсомъ въ 1619—20 г. въ Москвѣ; новые тексты былины, записанныхъ на сѣверѣ и востокѣ Россіи священникомъ Фаворскимъ, извѣстнымъ собирателемъ Гуллевичемъ,

Цѣвницкимъ, Д. Соловьевымъ ¹⁾. Затѣмъ, съ конца пятидесятихъ годовъ, начали появляться отдѣльныя былинны въ «Олонецкихъ губернскихъ вѣдомостяхъ», и наконецъ, явился цѣлый богатый сборникъ Рыбникова (4 тома, 1861—67), до того изумившій старыхъ ученыхъ этнографовъ, считавшихъ несбыточнымъ существованіе, въ сосѣдствѣ съ Петербургомъ, такого обилія живого народнаго эпоса, что они едва могли скрывать подозрѣніе въ фальсификаціи. Всякія сомнѣнія должны были исчезнуть, когда въ Петербургъ были вызваны самыя рапсоды, и былинны рецитировались въ собраніяхъ Географическаго Общества. Поѣздка Гильфердинга въ олонецкій край въ 1871 г. дала, въ нѣсколько мѣсяцевъ, громадную коллекцію «Онежскихъ былинъ» (1873). Другой богатый сборникъ былинъ и историческихъ пѣсенъ явился въ «Пѣсняхъ П. В. Кирѣвскаго», изданныхъ московскимъ Обществомъ любителей россійской словесности, подъ редакціей и съ дополненіями Безсонова (10 выпусковъ, 1860—1874). Пѣсни бытовыя, лирическія и пр. были собраны въ книгахъ Шейна (1859), П. Якушина (1865), и въ сборникахъ мѣстныхъ—Варенцова (пѣсни самарскаго края, 1862), А. Савельева (донскія, 1866), Лаговскаго (костромскія, вологодскія, нижегородскія и ярославскія, положенныя на ноты, 1877), Стулутскаго (новгородскія, 1874), А. Можаровскаго (казанскія, 1873), В. Магнитскаго (чебоксарскія, 1877), Попова (чердынскія пѣсни) и т. д. Пѣсни сѣверо-западнаго края были собраны въ «Сборникѣ памятниковъ народнаго творчества въ сѣверо-западномъ краѣ» (1866), въ сборникахъ Безсонова (1871), Шейна (1874), Носовича (1874). Дѣтскія пѣсни собраны Безсоновымъ (1868). Духовныя стихи,—послѣ перваго опыта Кирѣвскаго (1848), были собираемы Варенцовымъ (1860) и Безсоновымъ («Калѣки переходжіе», 6 вып., 1861—64). Замѣчательное собраніе «Причитаній» сѣвернаго края сдѣлано Е. Барсовымъ (2 тома, 1872—82). Собранія сказокъ—Аванасьева, вышеупомянутое, и Худякова (1861); загадокъ—Садовникова (1876); заговоровъ и заклинаній—Л. Милкова (1869)...

Изученіе Малороссіи, малорусскаго быта и народной поэзіи вызывало столь же ревностные труды. Не вдаваясь въ подробности, отмѣтимъ здѣсь главное. Труды кievскаго отдѣла Географическаго общества (два тома), сборникъ «Историческихъ пѣсенъ» В. Антоновича и Драгоманова (1874—1875), «Малороссійскія

¹⁾ «Памятники великорусскаго нарѣчія». Слб. 1855,—гдѣ они собраны въ особомъ отискѣ изъ «Извѣстій».

преданія» Драгоманова (1876), сборники И. Рудченка (Нар.-южно-русскія сказки, 1869—1870; Чумацкія пѣсни, 1874) и въ особенности, монументальныя «Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, снаряженной Импер. Русск. географ. Обществомъ. Юго-западный отдѣлъ. Матеріалы и изслѣдованія, собранныя П. П. Чубинскимъ» (семь большихъ томовъ, 1872—78). Огромное собраніе, вознагражденное академической преміей, дало наукѣ драгоцѣнный матеріалъ и, свидѣтельствуя о замѣчательной энергіи талантливаго собирателя (изъ сожалѣнія, вскорѣ по окончаніи этой работы пораженного неизлечимой болѣзнью и отнятаго у литературы), указывало вѣсть на сильное развитіе народныхъ изученій въ юго-западномъ край — потому что быстрое сосредоточеніе такого обширнаго матеріала было возможно при томъ только условіи, что исполнитель экспедиціи встрѣтилъ уже много готовыхъ работъ и коллекцій.

Нараду съ памятниками живого народно-поэтическаго творчества, вниманіе изслѣдователей направилось, особливо съ конца пятидесятыхъ годовъ, на изученіе народно-поэтическихъ памятниковъ въ старой письменности. Впервые открыта была для изслѣдованія обширная литература старыхъ повѣстей, сказокъ, легендъ, апокрифическихъ сказаній и повѣрій, составлявшихъ поэтическое содержаніе старой литературы. При этомъ нашлись и замѣчательныя произведенія подлинной народной поэзіи, какъ упомянутыя пѣсни Ричарда Джемса, начала XVII вѣка, какъ «Повѣсть о горѣ-злочасти», какъ старинныя записи былинъ; обширная литература старинныхъ повѣстей, приходившихъ изъ западныхъ, южныхъ и отчасти восточныхъ источниковъ, расширяла незвѣстныя до того литературныя связи древней русской письменности, доставляла важныя указанія вообще о средневѣковой поэзіи Византии и европейскаго запада и наконецъ впервые выяснила соотношенія письменной повѣсти и апокрифическаго преданія съ самымъ народнымъ эпосомъ, для котораго здѣсь находились не подозрѣваемые прежде параллели и источники.

Эта вновь открытая область народно-поэческаго творчества чрезвычайно оживила изслѣдованія миеологическія, этнографическія и народно-литературныя, начало которыхъ мы указали въ первыхъ трудахъ г. Буслаева и Афанасьева. Г. Буслаевъ собралъ свои труды въ «Историческихъ очеркахъ русской народной словесности и искусства» (два большихъ тома, 1861); Афанасьевъ издалъ многотѣмный трудъ: «Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу» (три большихъ тома, 1866—69). Появленіе сборниковъ Рыбникова, Кирѣевскаго, Гильфердинга, Безсонова, Шейна,

вызвало усиленное изученіе народнаго эпоса, съ различныхъ точекъ зрѣнія,—въ трудахъ гг. Буслаева, Безсонова, Ор. Миллера, Стасова, Всева, Миллера, Н. Лавровскаго, Квашнина-Самарина, Жданова, Кирпичникова, Потебни (мифологическія изысканія), Александра Веселовскаго и Ягича. Въ изслѣдованіяхъ старой литературы повѣстей и апокрифическихъ сказаній особенная заслуга принадлежитъ Н. Тихонравову («Лѣтописи русской литературы и древности»; «Отреченныя книги»; отдѣльныя статьи), а за послѣдніе годы—Ягичу, и особенно Веселовскому, труды котораго въ этой области, въ сожалѣнію мало проникающіе въ массу читателей, представляютъ обширный запасъ интересныхъ наблюденій, сдѣланныхъ съ огромной эрудиціей и бросающихъ новый свѣтъ на легендарную повѣсть и «странствующие сказанія» среднихъ вѣковъ не только въ славянской и русской, но также и въ западно-европейской литературѣ.

Эти открытія въ области народной поэзіи и старины привлекли на себя вниманіе и въ европейской литературѣ. Нѣмецкіе, англійскіе, французскіе, наконецъ итальянскіе ученые посвятили болѣе или менѣе самостоятельные труды нашимъ народнымъ памятникамъ и нашимъ изслѣдованіямъ. Таковы сочиненія Рольстона (Ralston: The Songs of the Russian people,—Russian Folkstales), замѣчательная книга Рамбо (A. Rambaud: La Russie épique), изслѣдованіе о русскихъ былинахъ Волльнера (Untersuchungen über die Volksepik der Grossrussen); разсужденія Р. Г. Вестфала о русской народной поэзіи, и друг.

Обращаемся къ изслѣдованіямъ собственно народнаго быта. Они тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ крестьянской реформой, въ которой коренится ихъ широкое развитіе.

Освобожденіе крестьянъ составило предметъ цѣлой обширной литературы. Работы официальныя собраны были въ обширныхъ матеріалахъ редакціонныхъ комиссій и въ изданіяхъ губернскихъ комитетовъ; съ другой стороны самая оживленная дѣятельность поднималась въ обществѣ и литературѣ тотчасъ, какъ только вопросъ былъ поставленъ властью и разрѣшено было его литературное обсужденіе. Журналы наполнились статьями о разныхъ сторонахъ крестьянскаго вопроса: о землѣ, общинѣ, хозяйствѣ, школѣ и т. д.; основалось нѣсколько новыхъ изданій, посвященныхъ живучему вопросу (Журналъ землевладѣльцевъ, Сельское благоустройство, Экономическія записки, Политико-экономическій указатель, Вѣстникъ мировыхъ учреждений, Мировой

посредникъ и др.). Среди споровъ, иногда ожесточенной полемики, гдѣ противъ стремленій къ народному и государственному благу боролось озлобленное своекорыстіе, выяснилась больше и больше самая сущность дѣла, впервые ставшаго тогда предметомъ литературнаго изученія и объясненія. Вопросъ о «народѣ» ставился реальнымъ, осязательнымъ, необходимымъ.

Впервые возникло историческое изученіе крестьянскаго вопроса: начала крѣпостного права, его утвержденія и распространенія, его экономическихъ и общественныхъ проявленій, наконецъ, первыхъ правительственныхъ плановъ къ его ограниченію и т. д. Кромѣ множества частныхъ изслѣдованій, являлись общіе обзоры — въ трудахъ г. Чичерина («Несвободныя состоянія въ древней Россіи», 1856); Побѣдоносцева (статьи по исторіи крѣпостного права, 1858, 1861); Ив. Бѣльева (Крестьяне на Руси, — въ Р. Бесѣдѣ 1859, и отдѣльно, 1860); Погодина и Костомарова (полемика о томъ, должно ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостного права, 1858—59); Вешнякова (о разныхъ видахъ крестьянства, 1857—1859); Романовича-Славатинскаго (Дворянство въ Россіи, 1870); В. Семевского (крестьяне въ царствованіе имп. Екатерины II, 1881); ин. Черкаскаго (въ Архивѣ, 1882). По исторіи малорусскаго и юго-западнаго крестьянства — въ трудахъ А. М. Лазаревскаго (Малороссійскіе посполитые крестьяне, въ Зап. черниг. стат. комитета, 1866; обзорѣніе Руманцевской описи Малороссіи, 2 вып. 1866—67; 3-й вып. изданъ Константиновичемъ), Леонтовича (Крестьяне юго-зап. Россіи по литовскому праву XV и XVI столѣтія, 1863), В. Б. Антоновича (въ Архивѣ юго-зап. Россіи, ч. VI, II, 1870, введеніе), Ив. Новицкаго (Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія юго-зап. Россіи въ XV—XVIII в., 1876, въ томъ же Архивѣ, ч. VI, I). По новѣйшей исторіи вопроса — въ «Матеріалахъ для исторіи крѣп. права въ Россіи. Извлеченія изъ секретныхъ отчетовъ министерства внутреннихъ дѣлъ за 1836—56 г.» (изд. въ Берлинѣ), — и т. д. Наканунѣ освобожденія Тройницкій издалъ любопытныя статистическія изслѣдованія «о числѣ крѣпостныхъ людей въ Россіи» (Ж. Мин. Внутр. Дѣлъ, 1858), и затѣмъ новое изслѣдованіе: «Крѣпостное населеніе въ Россіи по 10-й народной переписи» (Спб. 1861).

Исторія самаго освобожденія изложена была, во всей подробности officialнаго хода работъ, въ извѣстномъ капитальномъ трудѣ А. И. Скребицкаго («Крестьянское дѣло въ царствованіе имп. Александра II». Пять компактныхъ томовъ. Боннъ, 1862—68), въ «Матеріалахъ для исторіи упраздненія крѣпост-

ного состоянія помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи въ царствованіе имп. Александра II (три тома. Берлинъ, 1860—61), въ книгѣ г. Иванюкова (Роль правительства, дворянства и литературы въ крестьянской реформѣ, 1882), Энгельмана (1880—81) и др. Въ послѣднее время стали являться біографическіе матеріалы и воспоминанія объ этой эпохѣ, какъ, напр., записки сенатора Я. Соловьева, и друг. ¹⁾.

Разрѣшеніе крестьянскаго вопроса Положеніями 19 февраля 1861 года было такимъ громаднымъ историческимъ фактомъ и такъ близко захватывало не только интересы двухъ сословій,—изъ которыхъ одно составляло десятки милліоновъ народа, другое было вліятельнѣйшимъ и образованнѣйшимъ классомъ,—но черезъ нихъ и всей массы государства и общества, что вліяніе этого факта чувствовалось на каждомъ шагѣ. Послѣдовавшія вскорѣ реформы, судебная и земская, наконецъ, реформа въ области военной, еще разъ подняли вопросъ о народѣ въ общественномъ сознаніи,—и когда вмѣстѣ съ тѣмъ раздвигались и рамки печати, понятно, что литература была надолго, и остается донинѣ, поглощена выросавшими интересами, наполнена разъясненіемъ историческихъ фактовъ и современныхъ отношеній, и — безконечной полемикой, гдѣ уже вскорѣ пришлось защищать реформы отъ реакціонеровъ, которые стали брать верхъ немного спустя послѣ 19 февраля. Бывали времена, когда самая защита реформъ, составившихъ славу царствованія, становилась дѣломъ не безопаснымъ. Въ концѣ концовъ, реформы остались недовершенными, ихъ перво-

²⁾ При самомъ началѣ дѣла вышелъ любопытный библиографическій трудъ: Systematisches Verzeichniss von Büchern, Zeitschriften, zerstreuten Abhandlungen und einzelnen Aufsätzen, betreffend die Literatur und Geschichte der Privatunterthansverhältnisse von der ältesten bis auf die neueste Zeit, so wie ihrer Aufhebung in den verschiedenen Ländern Europa's, von Dr. F. L. Boesigk. Als Manuscript gedruckt. Dresden, 1857.—Позднѣе, г. Межовъ составилъ библиографическую книгу: „Крестьянскій вопросъ въ Россіи. Полное собраніе (т.-е. вѣрнѣе, указаніе) матеріаловъ для исторіи крестьянскаго вопроса на языкахъ русскоиъ и иностранныхъ, напечатанныхъ въ Россіи и за границею 1764—1864“. Спб. 1865; больш. 8°. 421 стр. 2800 нумеровъ русскихъ и 505 иностранныхъ,—и впоследствии продолженіе этого труда: „Земскій и крестьянскій вопросы. Библиографическій указатель книгъ и статей, вышедшихъ: по первому вопросу, съ самаго начала введенія въ дѣйствіе земскихъ учрежденій и ранѣе, по второму—съ 1865 вплоть до 1871.“ Спб. 1873.—Академія наукъ поставила въ концѣ пятидесятыхъ годовъ задачу: „Историческія и статистическія изслѣдованія объ освобожденіи крестьянъ въ государствахъ западной Европы“. Премированнымъ, въ 1860 г., сочиненіемъ была изданная потомъ книга: Geschichte der Aufhebung der Leibeigenschaft und Hörigkeit in Europa bis um die Mitte des XIX Jahrh. Von Samuel Sugenheim. Спб. 1861.

начальный объемъ сѣсненъ ¹⁾),—но начатия изученія продолжались, и литература, специально посвященная народному быту, его формамъ и современному состоянiю, продолжала расти въ объемѣ до послѣдняго времени. Въ чемъ же состояли ея предметы?—Она касалась всѣхъ общественныхъ и экономическихъ сторонъ крестьянскаго быта и представила огромную массу свѣдѣнiй, въ которой изслѣдователи едва начинаютъ ориентироваться, сводить итоги и выработывать общiя заключенiя.

Таковъ былъ прежде всего вопросъ о поземельной собственности, съ которымъ связаны и сплетены множество отношенiй народнаго быта, экономического, гражданскаго, нравственнаго. При самомъ началѣ реформы, еще шли споры—должно ли освободить крестьянъ съ землей или безъ земли; реформа упразднила эти споры, крестьянство было снабжено землей,—но уже вскорѣ возникли другiе вопросы,—достаточно ли крестьянскiе надѣлы, какъ пользуются крестьяне землей, гдѣ источникъ упадка крестьянскаго хозяйства, который началъ обнаруживаться несомнѣнно, какъ помочь этому хозяйству, какъ организовать переселенiе и т. д. По этимъ вопросамъ доставляла много указанiй упомянутая нами прежде статистическая литература, правительственная и земская. Въ послѣднiе годы предприняты были по этому предмету новыя работы, официальныя и частныя, старавшiяся опредѣлить вопросъ въ цѣломъ его объемѣ. Таковы были: «Докладъ высочайше утвержденной комиссiи для изслѣдованiя нынѣшняго положенiя сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россiи» (Спб. 1873, в четыре тома приложенiй, f^o), и позднѣе «Материалы для изученiя современнаго положенiя землевладѣнiя и сельско-хозяйственной промышленности въ Россiи», собранные по распоряженiю министра государств. имуществъ (вып. I. Спб. 1880). Труды комиссiи, дѣйствовавшей подъ предсѣдательствомъ министра государственныхъ имуществъ, по подробной программѣ, дали новый поводъ къ изученiю вопроса, который въ то же время (и до сихъ поръ) разрабатывался, иногда съ замѣчательнымъ вниманiемъ и точностью, въ земской статистикѣ. Другой важной официальной работой послѣдняго времени была «Статистика поземельной собственности и населенныхъ мѣстъ Европейской Россiи», изданная центральнымъ статистическимъ комитетомъ и составленная по даннымъ обслѣдованiя, произведеннаго статистическими учрежденiями министерства внутреннихъ

¹⁾ Это множество разъ указывалось въ публицистикѣ; изъ цѣльныхъ работъ укажемъ книгу г. Головачова: „Десять лѣтъ реформъ. 1861—1871“. Спб. 1872.

дѣлъ (вып. 1-й: губерніи центральной земледѣльческой области; вып. 2-й: губерніи московской промышленной области; вып. 3-й: губерніи литовской и бѣлорусской группъ. Спб. 1880—82. 4^о). Въ то же время шла усиленная ученая и публицистическая разработка различныхъ сторонъ предмета, въ трудахъ земскихъ и частныхъ. Назовемъ изъ послѣднихъ въ особенности сочиненія кн. Васильчичова (Землевладѣніе и земледѣліе, 1876; 2-е изд. 1882; Сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи, 1881); Э. Янсона (Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ, 2-е изд. 1881, и Сравнительная статистика Россіи и зап. европ. государствъ, 1878—80). Обширная масса трудовъ появилась по множеству частныхъ сторонъ экономическаго народнаго вопроса—о землѣ, о крестьянскихъ платежахъ, поземельномъ кредитѣ, объ оцѣнкѣ земельныхъ угодій, объ отхожихъ промыслахъ, о кустарной промышленности, о переселеніяхъ и т. д. Отмѣтимъ, напр., книгу г. Энгельгардта («Изъ деревни», 1883), А. Яковлева (очеркъ народнаго кредита въ зап. Европѣ и Россіи, 1869), Колюпанова и Лугинина (Практическое руководство къ учрежденію сельскихъ ремесленныхъ банковъ, 1869), кн. Васильчичова (Мелкій земельный кредитъ въ Россіи. 1876), Н. Ерошевскаго (Къ вопросу о новомъ кредитѣ, 1881), Ходскаго (Поземельный кредитъ въ Россіи, 1882), литературу по учрежденному недавно поземельному крестьянскому банку, и т. д.

Со освобожденіемъ крестьянъ должны были установиться новыя формы внутренняго сельскаго распорядка, управленія и суда. Въ замѣну прежней помѣщичьей власти, судебная реформа установила новый судъ; земская реформа ввела новыя отношенія по управленію и сборамъ. Передъ самой властью и передъ обществомъ сталъ первостепенный вопросъ о томъ, какъ вообще сложатся эти новыя формы быта, и въ сознаніи явилась необходимость, практическая, историческая и нравственно-общественная, сообразоваться съ возрѣніями, желаніями и пользами самой народной массы. На первомъ планѣ сталъ вопросъ объ общинѣ. Онъ сдѣлался предметомъ оживленной литературной разработки еще въ то время, когда рѣзко стояли одна противъ другой «партіи» западная и славянофильская; но вопросъ объ общинѣ первый спуталъ эти клочки. «Община», которая по славянофильскому понятію представляла одно изъ главнѣйшихъ отличій русской народной жизни, непримиримыхъ съ жизнью западной, нашла въ такъ называемомъ западномъ лагерѣ сторонниковъ, въ сущности болѣе ревностныхъ и (какъ позднѣе оказалось) болѣе

искреннихъ, чѣмъ въ лагерѣ восточномъ. Герценъ, еще въ пятидесятыхъ годахъ, въ «Письмѣ къ Мишле», указывалъ великое превосходство русскаго общиннаго начала и предсказывалъ ему великую роль въ будущемъ, гдѣ оно послужитъ культурнымъ вкладомъ русскаго народа въ цивилизацію самой западной Европы... Теперь мнѣнія объ этомъ предметѣ распредѣлились иначе, по другимъ общественнымъ группамъ и на основаніи практическихъ соображеній, получившихъ, однако, и теоретическую подкладку.

Первое вниманіе, правительственное и литературное, направилось на общину еще съ Екатерининскаго вѣка, когда въ общественномъ мнѣніи возникало вообще не мало важныхъ внутреннихъ вопросовъ (таковы, напр., замѣчанія Болтина, 1788 и др.), — къ сожалѣнію, заглушенныхъ наступившими еще при Екатеринѣ и надолго утвердившимися потомъ реакціонными нравами. Къ нашему времени, вопросъ объ общинѣ былъ упомянутъ въ извѣстной книгѣ Гаустгаузена, и какъ только, въ началѣ прошлаго царствованія, литература получила нѣкоторую свободу дѣйствія, она посвятила тотчасъ и посвящаетъ донныя усиленные труды разъясненію этого первостепенной важности предмета. Для тѣхъ, кто хотѣлъ бы обзорѣть весь объемъ этой литературы за прошлое царствованіе, мы укажемъ библіографическій трудъ П. Соколовскаго ¹⁾, и здѣсь назовемъ лишь нѣсколько главныхъ фактовъ.

Какъ мы замѣтили, въ вопросѣ объ общинѣ смѣшалось прежнее различіе литературныхъ лагерей, — главнѣйшіе представители ихъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, «Русская Бесѣда» и «Современникъ» были одинаковыми партизанами общиннаго начала, развѣ съ тою разницею, что первая продолжала примѣнивать къ вопросу мотивы національно-мистическіе, второй ставилъ вопросъ съ болѣе простой, реально-экономической и общественно-правственной точки зрѣнія ²⁾. Несогласія относительно значенія общины возникли съ другой стороны, а именно, защитниками ея явились люди, ставившіе на первомъ планѣ интересы крестьянъ»

¹⁾ Указатель книгъ и статей о сельской поземельной общинѣ, въ «Сборникѣ матеріаловъ для изученія сельской позем. общины». Изданіе Имп. Вольнаго Экономическаго и Р. Географическаго обществъ, подъ редакціей Ф. Л. Барникова, А. В. Половцова и П. А. Соколовскаго. Т. I. Сиб. 1880. Прилож., стр. 1—48; и отдѣльно.

²⁾ Статьи Ю. Самарина — въ Р. Бесѣдѣ 1857, и Сельскомъ Благоустройствѣ, 1858; Хомякова, 1857; Кошелева, въ Сел. Благ. 1858. Статьи въ Современникѣ: О поземельной собственности, 1857, № 9, 11; Отвѣтъ на замѣчанія Провинціала, 1858, № 3; Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго владѣнія, 1858, № 12; Сувѣріе и правила логики, 1859, № 10 и др.

скаго быта, желаніе сохраненія и развитія формъ, не только выработанныхъ народомъ и ему близкимъ, но и представляющихъ лучшее обезпеченіе противъ обезземеленія, батрачества и пролетаріата, наконецъ, желаніе развитія начала самоуправленія и самодѣтельности; противниками общины выступили скрытые, а потомъ и весьма явные противники самаго освобожденія, заботившіеся гораздо больше объ интересахъ крупнаго землевладѣнія, защищавшіе личную крестьянскую собственность — въ лучшемъ случаѣ, въ интересахъ сельскаго хозяйства, успѣхи котораго полагались невозможными при общинномъ владѣніи землей, а въ худшемъ случаѣ, защищавшіе личную крестьянскую собственность въ ожиданіи ея упадка, появленія батрачества и удешевленія рабочей силы для крупныхъ владѣльцевъ, — приверженцы административной регламентаціи, мечтавшіе о нѣкоторомъ восстановленіи старыхъ порядковъ посредствомъ патримоніальной полиціи. Этотъ послѣдній лагерь (представителемъ котораго была особенно газета «Вѣстѣ») пользовался весьма разнообразными аргументами въ защиту своего взгляда — и лестью старымъ консервативнымъ наклонностямъ извѣстныхъ сферъ, и клеветами на «сентъ-симонистовъ» (такъ, между прочимъ, «Вѣстѣ» трактовала славянофиловъ) и рядомъ ссылками на «либеральное» ученіе старой политической экономіи о *laissez-faire*, и даже на патріархальныя добродѣтели народа, жаждущаго всюду начальственной опеки, и т. д. Теоретическія основанія въ пользу общиннаго землевладѣнія были съ самаго начала даны и защищаемы въ особенности въ «Р. Бесѣдѣ» и «Современникѣ»; съ тѣхъ поръ вопросъ сталъ вызывать множество историческихъ и мѣстныхъ изысканій, развивающихся особенно съ 1870-хъ годовъ. Изъ большого ряда сочиненій обоего рода, историческихъ и описательныхъ, укажемъ только главные труды, — напр. Чичерина, и по его поводу, Бѣльева и Соловьева (съ 1856, и «Историческія письма» 1859); Лешкова (Общинный бытъ древней Россіи, 1856; ст. въ Юридич. Вѣстникѣ, 1867); Иванишева (О древнихъ сельскихъ общинахъ въ юго-западной Россіи, въ Р. Бесѣдѣ 1857); Кавелина (въ «Атенѣ» 1859; «Общинное владѣніе», въ Недѣлѣ, 1876; въ Вѣстн. Европы, 1877); Ө. Уманца (Сельская община въ Россіи, Отеч. Зап. 1863, № 10); Гильфердинга (въ «Днѣ», 1865); Клауса (въ Вѣстн. Евр. 1870); А. Градовскаго (Русская община, въ книгѣ: «Политика, Исторія, Администрація», 1871); Леонтовича (Задружно-общинный характеръ политическаго быта древней Россіи, въ Журн. Мин. Просв. 1874); Лалоша (О сельской общинѣ въ олонецкой губ., въ Отеч.

Записк. 1874); А. Кошелева (Объ общинномъ землевладѣніи, Берлинъ, 1875,—разборъ мнѣнія объ общинѣ официальной комиссіи для изслѣдованія сельскаго хозяйства); А. Посникова (Общинное землевладѣніе, два выпуска, Ярославль и Одесса, 1875 — 77); П. Соколовскаго (Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи, 1877; Экономическій бытъ сельскаго населенія Россіи и колонизація юго-восточныхъ степей предъ вѣрнопостнымъ правомъ, 1878); Куплеваскаго (Состояніе сельской общины въ XVII в., 1877); А. Головачова (1877, въ Отеч. Зап.); В. Трирогова (1878, Экономическіе опыты, и собраніе статей, подъ заглавіемъ: «Община и подать», 1882); В. Чаславскаго (1878, въ Отеч. Зап.); В. Орлова (Формы крест. землевладѣнія въ моск. губерніи, 1879); Кёйслера (*Zur Gesch. und Kritik des bäuerlichen Gemeindebesitzes in Russland*, 1876—83); С. Капустина (Формы землевладѣнія у русскаго народа въ зависимости отъ природы, климата и этнографическихъ особенностей, — въ Труд. В. Э. Общ. и отдѣльно, Сиб. 1877; Что такое поземельная община, 1882).

Кромѣ исчисленныхъ главныхъ работъ по этому предмету появилось множество небольшихъ, болѣе или менѣе авторитетныхъ, критическихъ и фактическихъ статей по поводу литературы предмета и о различныхъ мѣстныхъ формахъ и условіяхъ общиннаго землевладѣнія,—напр., статьи Чубинскаго, Ефименко, Аристова, Щапова, Воропонова, Гордѣенко, Флеровскаго, Деммерта, Каблукова, Щербины, Котелянскаго и проч. Наконецъ, предпринимаются систематическія работы для изслѣдованія предмета. Въ 1877—78 г., одновременно и независимо одинъ отъ другого сдѣланы были два доклада—С. Я. Капустина въ Геогр. Обществѣ, и А. В. Половцова въ Вольномъ Экономическомъ: оба указывали на то, что несмотря на обиліе написаннаго объ общинѣ, собственно фактическая сторона вопроса изслѣдована далеко недостаточно. Въ обоихъ обществахъ поднятый вопросъ былъ встрѣченъ съ большимъ интересомъ; въ обоихъ, комиссіи изъ специалистовъ составили программы для собиранія свѣдѣній (1878), и когда вскорѣ потребовалось новое изданіе программы В. Экон. общества, оно сдѣлало изданіе вмѣстѣ съ Географич. обществомъ, и полученные отвѣты начало издавать, опять совмѣстно съ послѣднимъ въ «Сборникѣ матеріаловъ для изученія сельской поземельной общины», первый томъ котораго вышелъ въ 1880 ¹⁾.

¹⁾ Мысль о необходимости систематическаго собиранія и изслѣдованія фактовъ о поземельной общинѣ была, наконецъ, такъ естественна и настоятельна, что къ ней одновременно пришли нѣсколько изслѣдователей — какъ гг. Баранковъ, Ефименко,

Немногіе предметы въ изученіяхъ народности привлекали такое усиленное вниманіе какъ именно община, — какъ того и слѣдовало ожидать по важности вопроса. И въ разработкѣ его, которую мы указали сейчасъ рядомъ именъ и сочиненій, достигнуть былъ несомнѣнный успѣхъ. Съ первыхъ слуховъ объ освобожденіи крестьянъ, съ первой возможности говорить о дѣлѣ, на немъ сосредоточились и часто совершенно сходились труды людей самыхъ несходныхъ направленій. Началось съ разъясненія главной основы общиннаго землевладѣнія, съ теоретической защиты самаго принципа, когда еще устанавливались общія основанія самой крестьянской реформы; и съ отдѣльныхъ историческихъ трудовъ, которые на первыхъ порахъ хотѣли служить (съ разныхъ точекъ зрѣнія) и этой теоретической кѣли. Далѣе, когда при освобожденіи существованіе общины было утверждено, сторонникамъ ея пришлось защищать ее отъ нападеній тѣхъ противниковъ, о которыхъ мы выше упоминали. Наконецъ, историческое изученіе стремится выяснитъ источники общиннаго начала и его проявленія въ прошедшей исторической жизни народа, а на практикѣ, въ виду его реальныхъ примѣненій въ со-

Е. Якушкинъ, Посниковъ (см. Калустина, Формы землевладѣнія, стр. 91—92). Были выработаны и заданы нѣсколько программъ, которыя мы здѣсь упомянемъ, и обзоръ нѣе которыхъ интересно тѣмъ, что по нимъ, какъ по конспектамъ, можно слѣдить за установленіемъ въ наукѣ самаго вопроса: онъ дѣлается все точнѣе и специфичнѣе по мѣрѣ того, какъ изслѣдованія опредѣляютъ матеріалъ предмета и ставятъ вопросъ о новыхъ его сторонахъ и подробностяхъ.

— Программа Ярославскаго статистическаго комитета, или программа Посникова (см. Общинное землевладѣніе. Одесса, 1877, вып. 2).

— Программа для собранія свѣдѣній объ общинномъ землевладѣніи. Составилъ П. Ефименко. Сиб. 1878 (см. журналъ „Слово“ 1878, № 6).

— Опытъ программы для изслѣдованія поземельной общины, составленный комиссіей при Имп. Русск. Геогр. Обществѣ (въ Извѣстіяхъ Геогр. Общ. 1878, въ „Отеч. Зап.“ и „Вѣстникѣ Евр.“ 1878).

— Программа для собранія свѣдѣній о сельской поземельной общинѣ. Выработана III отдѣленіемъ Имп. В. Экон. Общества, — въ „Трудахъ“ общества, и отдѣльно, Сиб. 1878; и 2-е изданіе:

— Программа..., выработана III отдѣленіемъ Имп. В. Экон. Общ. и принята Имп. Р. Геогр. Обществомъ. Второе, исправленное и дополненное изданіе. Сиб. 1879.

(По поводу программъ Геогр. и Экон. Общества и Ефименко, см. ст. Шоловцова: Первые шаги на пути фактическаго изслѣдованія сельской общины, — въ „Трудахъ“ В. Экон. Общ. Сиб. 1879).

— Проектъ программы изслѣдованія русской земельной общины, В. Трирогова, въ „Отеч. Зап.“ 1879, № 8, стр. 235—254.

— Программа изслѣдованія сельской общины въ Сибири. Составлена при заочно-сибирскомъ отдѣлѣ (Имп. Р. Геогр. Общества (Н. М. Ядринцевымъ). Омскъ, 1879.—Здѣсь во введеніи указаны предыдущая литература о сибирской общинѣ.

временномъ быту, явилась потребность въ точномъ опредѣленіи тѣхъ формъ, въ которыхъ община существуетъ въ дѣйствительности. Оказалось необходимымъ подробное мѣстное изученіе, на которое и обратились ревностные труды частныхъ изслѣдователей, земствъ и статистическихъ комитетовъ. Органомъ этихъ трудовъ долженъ стать названный «Сборникъ». Дѣйствительность въ самомъ дѣлѣ указала чрезвычайную сложность общиннаго владѣнія, въ связи съ многоразличными мѣстными условіями климата, почвы, народности, промысловъ, обычаевъ и проч. И конечно, только преодолевъ это разнообразіе формъ, наука и за нею практика (если послѣдняя захочетъ пользоваться выводами первой) могутъ дойти до вполне сознательнаго пониманія вопроса и разумнаго опредѣленія его въ современномъ бытѣ народа.

Среди разработки крестьянскаго дѣла, въ связи съ общинной и новымъ судомъ, возникъ вообще вопросъ о бытовомъ и юридическомъ обычаяхъ.

Народный обычай въ обширномъ смыслѣ издавна привлекалъ вниманіе ученыхъ наблюдателей народной жизни и историковъ. Литературный матеріалъ, сюда относящійся, обилуетъ уже въ XVIII столѣтіи. Мы рассказывали выше, какъ у насъ впервые возникала научная этнографія, хотя въ началѣ слабая и мало опытная, но уже ставившая себѣ цѣлью систематическое изслѣдованіе; какъ еще въ послѣдніе годы царствованія имп. Николая къ нашему этнографическому матеріалу примѣнены были приемы новѣйшей европейской науки. При этомъ большое вниманіе привлекъ и народный обычай; но въ трудахъ Буслаева, Афанасьева и другихъ преобладали историко-литературныя и археологическія цѣли. Нынѣшнія изученія имѣли другой исходный пунктъ, а именно практически-бытовой, юридическій: какъ при началѣ реформы возникъ вопросъ о сохраненіи общины, такъ заговорили теперь и о сохраненіи народнаго юридическаго обычая,—это была бытовая форма, привычная народу, которая должна была (какъ можно было ждать *a priori*) заключать въ себѣ здравые результаты долгаго практическаго опыта народной жизни, и при ближайшемъ изслѣдованіи дѣйствительно оказала немало замѣчательныхъ особенностей, способныхъ къ развитію и полезному примѣненію.

Изслѣдованіе народнаго юридическаго обычая составило уже теперь значительную литературу. Обзоръ ея сдѣланъ въ замѣчательномъ трудѣ г. Якушкина («Обычное право. Вып. 1. Матеріалы для библіографіи обычнаго права». Ярославль, 1875),

гдѣ она указана по систематическому плану. Первые критическіе труды по объясненію обычнаго права принадлежать опять школѣ сороковыхъ годовъ: съ точки зрѣнія древностей и символика права коснулся его Калмыковъ въ своей книгѣ 1839 (О символизмѣ права вообще и русскаго въ особенности), съ историческо-бытовой—Кавелинъ (въ упомянутомъ выше разборѣ книги Терещенка, 1848, какъ и вообще его историческій взглядъ на развитіе государства утверждался на народныхъ юридическихъ идеяхъ и развитіи родовыхъ формъ быта), впоследствии, съ практическо-бытовой—Калачовъ и другіе. Изученіе предмета было въ особенности подвинуто Географическимъ Обществомъ: этнографическое отдѣленіе его еще въ первой общей программѣ своей, 1847 года, обратило вниманіе на юридическій бытъ народа, имѣя пока въ виду въ особенности этнографическія цѣли; въ 1864 году имъ надана была специальная программа для собранія народныхъ юридическихъ обычаевъ. Съ конца пятидесятихъ годовъ, т.-е. опять съ тѣхъ поръ, какъ была заявлена крестьянская реформа, это изученіе стало болѣе и болѣе распространяться въ томъ смыслѣ, какъ мы выше указали: народный обычай представлялся какъ фактъ, который долженъ былъ быть принятъ во вниманіе при новомъ устройствѣ народнаго быта, затѣмъ какъ важный предметъ культурно-историческаго изученія, и, наконецъ—для многихъ, какъ выраженіе народнаго духа, которое мы вообще должны изучать, чтобы найти истинныя основы русской національной жизни. Эта послѣдняя точка зрѣнія, съ большой дозой національнаго мистицизма, между прочимъ, проповѣдовалась въ той новѣйшей вариациі славянофильства, которую стали называть «народничествомъ». Такъ какъ прежде всего, и для цѣлей научныхъ и практическихъ, требуется собрать и привести въ извѣстность самыя факты, то главная масса нынѣшнихъ работъ по обычному праву есть описательная. Въ этнографическомъ отдѣленіи Геогр. общества въ 1876 образовалась коммиссія, подъ предсѣдательствомъ Н. В. Калачова, которая съ цѣлью дать изученіямъ цѣльность и систему выработала и напечатала программы собранія юридическихъ обычаевъ и въ 1878 издала цѣлый «Сборникъ нар. юридическихъ обычаевъ» (т. I, подъ редакціей Матѣева, Спб. 1878, или 8-й томъ «Записокъ по отдѣленію этнографіи»). Было бы слишкомъ долго исчислять факты этой литературы; упомянемъ въ особенности статьи и книги гг. Кавелина, Афанасьева, Калачова (статьи въ «Архивѣ» 1859; «Объ отношеніи юридическихъ обычаевъ къ законодательству», рѣчь на московскомъ съѣздѣ русскихъ юристовъ, 1875, въ «За-

пискахъ по отд. этнографіи», т. VIII, 1878), Муллова, Чубинскаго (статьи о нар. юридическихъ обычаяхъ въ Малороссіи, въ Запискахъ по отд. этнографіи, т. II, 1869; въ Трудахъ Экспедиціи въ юго-западный край, т. VI, 1872), Кривошапкинна (Енисейскій округъ и его жизнь, 1865), П. Мельникова, П. Небольсина, С. Максимова (Годъ на сѣверѣ, 2-е изд. 1864), П. Матѣева, И. Фойницкаго, Г. Потанина («Никольскій уѣздъ и его жители», въ Древней и новой Россіи, 1876, № 10), многочисленные труды А. и П. С. Ефименко («Народные юридическіе обычаи архангельской губерніи», 1869; «Приданое по обычному праву крестьянъ архангельской губерніи», 1873; «Юридическіе знаки» въ Журн. Минист. Просв. 1874; «Договоръ найма пастуховъ», 1878 и т. д.), кн. Кострова («Юридическіе обычаи крестьянъ-старожиловъ томской губ.», 1879), А. Смирнова («Очерки семейныхъ отношеній по обычному праву русскаго народа», вып. 1, 1878), Оршанскаго («Исслѣдованія по русскому праву, обычному и брачному», 1879), С. Пахмана («Обычное гражданское право въ Россіи», 2 тома, 1878—79) и др. Исслѣдованія по обычному праву нашихъ инородцевъ—въ сочиненіяхъ Кривошапкинна, Ефименко, Самоквасова (Сборникъ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ, 1876), кн. Кострова и проч. Относительно Сибири много важныхъ свѣдѣній—въ книгѣ Ядринцева: «Сибирь какъ колонія». 1882¹⁾).

¹⁾ Какъ мы упомянули, программа по обычному праву издана была Географическимъ обществомъ еще въ 1864 г. Вообще, въ послѣдніе годы были напечатаны слѣдующія программы:

- Проектъ программы обычнаго права. П. Муллова. Вѣст., 1862, № 15—16.
- Программа по обычному праву южно-русскаго народа (Стоанова). Киевскія губ. Вѣд. 1863 г.
- Программа обычнаго права. Арханг. губ. Вѣд. 1864, 1866.
- Программа для собранія нар. юридическихъ обычаевъ (Геогр. общ.). Этнографическій Сборникъ, Сиб. 1864. (Была перепечатана во многихъ губ. вѣдомостяхъ 1867—68 г.).
- Программа, касающаяся бураты и „стенныхъ законовъ“. Иркутск. губ. Вѣд. 1864.
- (Программа Ефименко въ описаніи народныхъ юридич. обычаевъ Арханг. губ. 1869).
- (У Якушкина, подъ № 1430, указана программа П. А. Матѣева, 1872; но это—таже старая программа Геогр. общества, 1864 г. См. Сиб. Вѣд. 1873, № 199).
- Программа для собранія и изученія юридич. обычаевъ и народныхъ воззрѣній по уголовному праву, съ предисловіемъ о методѣ собранія матеріаловъ по обычному праву. А. Θ. Кистяковского. 1874.
- Тоже, новое изданіе, „съ предисловіемъ о методѣ собранія матеріаловъ по обычному праву“ (и при этомъ также съ краткимъ обзоромъ новѣйшей литературы предмета). Киевъ, 1878.

Особый ряд изысканий посвященъ былъ русской артели. Значительный матеріалъ уже собранъ въ отдѣльныхъ статьяхъ и въ специальномъ «Сборникѣ» 1873 г.¹⁾, въ недавнихъ трудахъ А. Исаева: «Артели въ Россіи» (Ярославль, 1881), Ѳ. Щербини: «Сольвытегодская земельная община» (въ Отеч. Зап. 1879, № 7—8) и «Очерки южно-русскихъ артелей и общинно-артельныхъ формъ» (Одесса, 1880).

Еще однимъ изъ предметовъ обычнаго права, важность котораго выступила настоятельно при переустройствѣ крестьянскаго быта, былъ судъ. Съ уничтоженіемъ помѣщичьей власти, судъ надо было организовать вновь, и практическій смыслъ указывалъ необходимость въ первоначальной инстанціи этого суда сохранить привычныя формы стараго сельскаго быта. Отсюда учрежденіе волостного суда, и начало изученія этого вопроса въ литературѣ. Въ изслѣдованіяхъ по обычному праву, какія мы сейчасъ указывали, судебныя обычай и понятія народа занимаютъ очень много мѣста. Уже вскорѣ для новаго учрежденія наступила провѣрка опыта. Правительственная власть нашла нужнымъ произвести изслѣдованіе дѣйствій волостныхъ судовъ,—результатомъ котораго были извѣстныя «Труды комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ» (семь томовъ, 1873—74). Въ «Трудахъ» собраны рѣшенія волостныхъ судовъ изъ пятнадцати губерній, центральныхъ, южныхъ и сѣверныхъ, опросы крестьянъ

— Программа для собранія нар. юридическихъ обычаевъ. В. Майнова. Знаніе, 1875, № 4.

(Кисляковскій и Майновъ руководились вышедшей передъ тѣмъ программой по южно-славянскому народному праву, проф. Богинича).

— Программа для собранія свѣдѣній о народныхъ юрид. обычаяхъ въ орловской губ. 1876 (Составл. П. А. Соколовскимъ—по программѣ этнограф. отдѣленія. См. Извѣстія Геогр. общ. 1880, т. XVI, отд. I, стр. 88—89).

— Программа для собранія народныхъ юридическихъ обычаевъ. (Составлена П. Матѣвскимъ, по гражданскому праву, и И. Фейншинымъ, по уголовному). Въ Запискахъ по отдѣленію этнографіи, т. VIII, стр. 1—76, и отдѣльно. Сиб. 1878.

¹⁾ Сборникъ матеріаловъ объ артеляхъ въ Россіи. Изданіе Сиб. отдѣленія (сост. при Московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства) комитета о сельскихъ, ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ. Вып. I. Сиб. 1873 (статей А. Ефименко, С. Огородникова, Н. Эдмова и др.). Для обзора этой литературы можетъ служить: «Обычное Право» Якушкина и «Библиогр. указатель книгъ и статей, относящихся до общества, основанныхъ на началахъ взаимности, артелей, положенія рабочаго сословія и мелкой кустарной промышленности въ Россіи», В. Мажова. Изд. того же Сиб. отдѣленія. 1872; 1-е прибавленіе къ указателю, 1873 (при «Сборникѣ»); 2-е, 1876. Изъ прежнихъ трудовъ, возбуждавшихъ вопросъ, извѣстна въ особенности книжка г. Калачова: «Артели въ древней Россіи», Сиб. 1864 (изъ Этногр. Сборника); объ исторіи артели см. еще въ книгѣ Дятлатова: «Устройство и управленіе городовъ Россіи». Сиб. 1875, стр. 268—287.

по каждой волости, выписки изъ дѣлъ губернскихъ присутствій и мировыхъ сѣздовъ, наконецъ, отзывы различныхъ мѣстъ и лицъ. Это доставило большую массу фактовъ и еще оживило вопросъ о крестьянскомъ судѣ. — Какъ мы замѣтили, большая литература объ этомъ предметѣ возникла гораздо ранѣе изслѣдованій правительственной комиссiи. Рядъ крупныхъ и мелкихъ сочиненiй о волостномъ судѣ — Лугинина, Ворононова, Якушкина, Тиханова, Кроткова, Матѣева и мн. др. идетъ съ начала шестидесятихъ годовъ. Изъ новѣйшихъ сочиненiй, въ особенности на основанiи «Трудовъ» комиссiи, укажемъ книгу М. Заруднаго (Законы и жизнь, итоги изслѣдованiй крестьянскихъ судовъ, 1874), статьи Е. Якушкина (въ Вѣстникѣ яросл. земства, № 2. 9), В. Кроткова (въ Отеч. Зап. 1873, № 5, 7, 8), А. С. Ефименко (Знанiе, 1874, № 1), К. Чепурнаго (въ Киев. Унив. Извѣстiяхъ, 1874), Оршанскаго («Народный судъ», въ журн. гражд. и угол. права, 1875), В. Денскаго (въ Р. Мысли, 1882), Е. Карцева (въ Вѣстн. Евр. 1882). Наконецъ материалы комиссiи по отношенiю къ гражданскому праву получили систематическую обработку въ названной выше книгѣ Пахмана, гдѣ, по отзывамъ специалистовъ, удачно выдѣлены и анализированы тѣ юридическiя начала, которыя заключаются въ рѣшенiяхъ волостныхъ судовъ.

Мы не будемъ останавливаться еще на многихъ другихъ специальныхъ изученiяхъ, предметомъ которыхъ были, напр., различныя стороны экономической жизни народа (напр. состоянiе сельскаго хозяйства, бытъ фабричнаго населенiя, отхожiе промыслы, кустарная промышленность и т. д.), санитарное состоянiе народа и т. д. Здѣсь опять, вмѣстѣ съ мѣрами правительственными, многое сдѣлано было усилiями земствъ и частныхъ лицъ. Потребности административныя и земскiя, промышленныя выставки, экспедицiи, ревностная любознательность отдѣльных лицъ проникнутыхъ интересомъ къ народному дѣлу, сильно содѣйствовали расширенiю свѣдѣнiй; то, что прежде, гдѣ тридцать назадъ, бывало или только канцелярскимъ дѣломъ, или знакомо было отдѣльнымъ любителямъ и появлялось анекдотически, становится теперь общимъ достоянiемъ и задачей литературы, и притомъ съ гораздо большею массою и разносторонностью свѣдѣнiй. — Отмѣтимъ здѣсь еще одинъ существенный народный интересъ, который опять только съ крестьянской реформы всталъ передъ властью и обществомъ во всей своей настоятельности; это — народная шеола. Консерваторы стариннаго стиля, отвергая впередъ надобность крестьянской реформы, говорили обыкновенно,

что народъ нужно «сперва образовать», и только потомъ дать ему свободу,—потому что иначе онъ будетъ недостойнъ свободы, не пойметъ ея, злоупотребить ею, и она станетъ лишь грубымъ своеволіемъ. Съ этимъ взглядомъ вопросъ понадалъ въ безвыходный кругъ, такъ какъ подъ крѣпостнымъ правомъ школа для крестьянъ была невозможна (вопіющее противорѣчіе между образованіемъ и крѣпостнымъ рабствомъ рѣзко было указано еще въ прошломъ столѣтіи, напр. Радищевымъ),—и школы дѣйствительно не было. Обѣ задачи пришлось ставить одновременно, и какъ въ вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ съ землей и объ общинѣ, такъ и здѣсь, оба лагера, славянофильскій и «западническій», были одного мнѣнія и (за нѣкоторыми только исключеніями въ средѣ славянофиловъ) горячо настаивали на необходимости народной школы: явными врагами этой школы являлись теперь только именно тѣ же «охранители», которые прежде требовали образованія народа раньше его освобожденія. Расширеніе средствъ образованія становилось и для самого общества дѣломъ живѣйшаго интереса; чувствовалось впередъ, и совершенно вѣрно, что для самого дворянства, мелкаго и средняго, наступало новое и нелегкое экономическое положеніе, что съ паденіемъ помѣщичьяго быта и для него явится необходимость труда, и слѣдовательно болѣе серьезнаго образованія: возникла новая педагогическая литература, пробы новыхъ формъ школы (особливо женской — откуда возникли женскія гимназіи, высшіе и медицинскіе курсы), и въ этомъ движеніи одно изъ важныхъ мѣстъ заняла также народная школа. До сихъ дѣръ не оцѣнено по справедливости то, что сдѣлано было въ тѣ годы инициативой частныхъ лицъ и литературы для дѣла просвѣщенія, и въ частности для женскаго образованія и для народной школы. Напомнимъ воскресныя школы, имѣвшія столь безвременной конецъ; частную Василье-островскую школу въ Петербургѣ; дѣятельность комитета грамотности, раздавнаго сотни тысячъ книгъ въ бѣднѣйшія народныя школы; массу популярныя сочиненія для народнаго чтенія и школы; выработку упрощенныхъ приемоу обученія, — наконецъ общее разъясненіе настоятельной необходимости народной школы, что оказало свое вліяніе на сильное распространеніе народныхъ школъ въ нѣкоторыхъ земствахъ и школъ народныхъ городскихъ, напр., особенно въ Петербургѣ. — Въ послѣдніе годы предприняты были и полезныя работы по разбору накопившейся доннынъ педагогической и народной литературы, какъ напр. извѣстный обзоръ ея, составленный при комитетѣ грамотности подъ редакціей г. Я. Михайловскаго, и друг.

Передъ обществомъ начинать, наконецъ, выясниться сложный вопросъ крестьянскаго быта и общаго экономическаго положенія. Изъ подобныхъ трудовъ общаго свойства укажемъ еще, кромѣ многихъ названныхъ прежде, въ особенности книгу Ка-велинна: «Крестьянскій вопросъ» (1882) и В. В.: «Судьбы капитализма въ Россіи» (1882).

Наконецъ, есть еще въ высокой степени важная сторона народной жизни, которой изученіе, въ томъ же періодъ, въ первый разъ стало достояніемъ общества и поставлено было съ извѣстной широтой и безпристрастіемъ. Это—расколъ. До половины пятидесятыхъ годовъ, расколъ вѣдался только церковными полемистами и («секретно») чиновниками министерства внутреннихъ дѣлъ. Первые вѣсѣнно относились къ расколу съ нетерпимостью, завѣщанной XVII-мъ вѣкомъ; это было анасемствовавшее лжеученіе, которое нуждалось только въ обличеніи и истребленіи. Правительство временъ императора Николая было сурово къ расколу, и администрація смотрѣла на расколъ съ чисто полицейской точки зрѣнія — роженія, запрещенія и устрашенія. Какъ мало этотъ способъ дѣйствій достигалъ цѣли—т.-е. уничтоженія раскола, достаточно извѣстно, какъ извѣстна и цѣлая, выросшая изъ него, система злоупотребленій и обмана правительства.—Съ новымъ царствованіемъ положеніе значительно измѣнилось; какъ многія другія явленія народной жизни, расколъ пересталъ быть предметомъ, закрытымъ для литературы, и въ послѣдней высказалось совсѣмъ новое къ нему отношеніе—терпимость и болѣе свободное изученіе. Во-первыхъ, онъ вошелъ въ общее историческое изученіе, и въ его судьбахъ открыты были стороны, не замѣченныя прежними его слѣдователями, и церковными и административными. Для безпристрастныхъ историковъ выяснилась съ полной очевидностью тѣснѣйшая связь раскола съ общимъ состояніемъ народныхъ понятій и религіозности XVI—XVII вѣка, — такъ что расколъ несъ на себѣ незаслуженно суровую кару за преданность дѣйствительно старому религіозному и бытовому обычаю, «старой вѣрѣ», къ которой онъ и не могъ тогда стать въ иное отношеніе по крайней скудости просвѣщенія въ народныхъ массахъ: надо было признать, что при всей ошибочности понятій раскола, онъ имѣлъ въ своихъ рядахъ именно тѣхъ людей народной массы, которые особенно искренно дорожили своимъ религіознымъ убѣжденіемъ, олицетворявшимся для нихъ въ—старомъ обрядѣ. Это историческое объясненіе было чрезвычайно важно: оно удаляло изъ обсуждения вопроса ту крайнюю нетерпимость, которая отличала

всѣхъ прежнихъ историковъ-обличителей раскола. Во-вторыхъ, въ новомъ отношеніи къ расколу сказалось давно ссѣрѣвавшее чувство терпимости, внушаемое общими успѣхами просвѣщенія. Спорадически, болѣе мягкое, снисходительное отношеніе къ расколу встрѣчалось издавна со стороны самого правительства: такъ мѣры «кротости» принимались во времена Петра III, въ первые годы и въ концѣ царствованія Елизаветы II, при Александрѣ I. Это настроеніе издавна проникало и въ общество и особенно выросло съ конца прошлаго вѣка, съ успѣхами образованія и литературы. — Здѣсь не мѣсто указывать литературу о расколѣ: довольно сказать, что она выросла до чрезвычайности сравнительно съ прежнимъ, доставила множество новыхъ историческихъ свѣдѣній, привела въ извѣстность литературу самого раскола, (причемъ издавна было немало раскольничьихъ сочиненій стараго и новаго времени), ввела значительную (хотя часто только съ обличительными цѣлями) долю публичности въ современный бытъ раскола... Правда, въ гражданскомъ положеніи раскола измѣнилось къ лучшему только немногое, старыя запрещенія (напр. впечатаніе храмовъ) остаются цѣлы, отъ времени до времени повторяются по старой памяти приснобренныя факты притѣсненій низшей администраціи, — но духъ терпимости дѣлаетъ успѣхи, и въ области самой полемической литературы весьма компетентнымъ образомъ поднимается вопросъ, касающійся самого существа раскола — вопросъ о снятіи вѣтѣвъ, наложенныхъ соборами XVII-го вѣка. Не знаемъ, когда, въ какой формѣ разрѣшится «расколъ», уже третье столѣтіе раздѣляющій религиозную жизнь народа, но несомнѣнно, что близится измѣненіе тягостнаго положенія, на которое осуждены миллионы народной массы; но въ той области, о которой мы говоримъ, въ изученіяхъ и общественномъ пониманіи вопроса, достигнуты уже теперь чрезвычайно важныя успѣхи. Масса старообрядства перестаетъ быть въ понятіяхъ общества лишь толпой отщепенцевъ, достойныхъ одной кары; ближайшія изслѣдованія показали, что его численность далеко превышаетъ официально принимавшуюся цифру и доходитъ до 11—12 миллионѣвъ — самого подлиннаго русскаго народа, нерѣдко отличающагося своими нравственными качествами, трудолюбіемъ и честностью; общественное чувство тяготится преслѣдованіемъ людей за религиозное убѣжденіе, желаетъ введенія ихъ въ общій строй гражданской жизни, и лучшее средство къ примиренію раскола видитъ въ религиозной терпимости и образованіи. Въ терпимости всѣ одинаково отказываютъ только тѣмъ немногимъ и малочисленнымъ уголовнымъ сектамъ,

которыя сохраняются еще какъ худшее послѣдствіе ненормальнаго хода народной жизни ¹⁾.

Это развитіе русской литературы о народѣ отразилось и на литературѣ иностранной о Россіи. Въ прежнее время была великой рѣдкостью иностранная книга о Россіи, не переполненная болѣе или менѣе безобразными нелѣпостями о русской жизни, о народѣ и т. д., и народъ трактовался, какъ полудикая земледѣльческая орда, — на что и наводило отношеніе къ нему въ крѣпостныя времена. Рѣдкій иностранный наблюдатель имѣлъ понятіе о русской литературѣ, русскомъ языкѣ, русской исторіи, способенъ былъ всмотрѣться въ народный бытъ и характеръ. Теперь, въ европейской литературѣ напротивъ есть уже немало писателей, которые въ состояніи были наблюдать русскую жизнь на мѣстѣ, вращаться въ народной средѣ, писателей, прекрасно знакомыхъ съ русскимъ языкомъ, литературой, общественными интересами; — есть нѣсколько трудовъ, весьма поучительныхъ для самой русской литературы и общества. Назовемъ «Russia», Меккензи - Уоллеса, «L'empire des Tsars» Леруа-Болье (2 тома, 1881—83) и его же біографію Н. А. Милюткина (Revue d. d. Mondes, 1881), труды Альфреда Рамбо; изложенная нами литература о народномъ бытѣ находитъ призваніе у иностранныхъ специалистовъ ²⁾.

Если сравнить общій результатъ здѣсь указанныхъ изученій съ тѣмъ состояніемъ понятій о народѣ, какое имъ предшествовало въ николаевскія времена, то нельзя не увидѣть чрезвычайнаго успѣха, не только литературнаго, но и общественнаго.

¹⁾ Исслѣдователи раскола также пришли къ мысли о необходимости систематическаго собранія свѣдѣній по одному плану, и въ послѣднее время явилось и по этому предмету двѣ программы:

— О необходимости и способахъ всесторонняго изученія русскаго сектантства, А. Пругавина, — въ Извѣстіяхъ Географич. Общества, за 1880, т. XVI (изд. 1881), стр. 275—319.

— Программа вопросовъ для собранія свѣдѣній о русскомъ сектантствѣ, Гедосѣвца, — въ Отеч. Запискахъ, 1881, № 4, стр. 255—280; № 5, стр. 122—162.

²⁾ Въ нѣмецкой литературѣ были высоко оценены названные выше статистическіе труды московскаго земства, какъ труды, не имѣющіе ничего себѣ подобнаго въ западной литературѣ по способамъ собранія свѣдѣній и богатству матеріала. Ср. статью г. Каблукова: «Русскіе исслѣдователи, какъ источники нѣмецкой учености», Рус. Мысль, 1881, № 9. Съ другой стороны Меккензи-Уоллесъ былъ приглашенъ въ специальную комиссію Геогр. Общества, въ ряду знатоковъ русской сельской общины, для составленія программы ея систематическаго изученія.

Требованія исторической жизни привели освобожденіе крестьянъ, и этотъ знаменательный фактъ оказалъ прямо и косвенно многообразное вліяніе: раскрылось, какъ никогда прежде, реальное состояніе народныхъ массъ; расширилось историческое, экономическое, этнографическое изученіе—причемъ цѣлыя эпохи, цѣлыя стороны народной жизни впервые дѣлались «достоинствомъ исторіи» и предметомъ критики. Горизонтъ наблюденій увеличился, очистившись (если не вполне, то значительно) отъ многихъ предразсудковъ стараго незнанія, самохвальства и сентиментальности; вопросы народной, и съ нею общественной, жизни встали предъ обществомъ въ ихъ реальной наглядности,—выступили съ тѣмъ и общественно-политическіе идеалы все больше покидаютъ область поэтическихъ фантазій и получаютъ большую определенность.

Въ жизни народа и общества произошелъ цѣлый переворотъ. Неудивительно, что онъ сопровождался давно невиданнымъ броженіемъ умовъ, которымъ ясна была необходимость новыхъ формъ жизни, вѣзгнѣ прежнихъ, истекавшихъ изъ вѣрностнаго права, но покрыты были мракомъ пути, которыми должны выработаться новыя формы. Основнымъ, или наиболѣе распространеннымъ, мотивомъ этого броженія, — при всемъ разнообразіи его проявленій, отъ революціоннаго радикализма до мистическаго квіетизма, — остается общее стремленіе идти въ союзъ съ народомъ, работать для его блага: отсюда — у всѣхъ ссылки на народъ, толки о «сближеніи», «хожденіе въ народъ», «народничество» разнаго рода. Какъ во всѣхъ общественныхъ движеніяхъ и здѣсь была своя доля непониманія, наивности, и просто лжи и лицемерія, но несомнѣнно болѣшая доля труда была ввнушена искреннимъ убѣжденіемъ, безкорыстнымъ служеніемъ народному интересу, и это послѣднее есть важное историческое приобрѣтеніе общества за послѣдніе годы.

Наконецъ, все это движеніе отразилось на литературѣ поэтической. Кажется, что мы не ошибемся, сказавши, что за послѣдніе двадцать-пять лѣтъ народъ, прямо или косвенно, былъ героемъ въ большинствѣ произведеній русской поэзіи и беллетристики. Разсказъ изъ народнаго быта составляетъ такую частую форму нашей беллетристики, какъ ни въ одной изъ европейскихъ литературъ; съ конца пятидесятихъ годовъ онъ занималъ и занимаетъ всю дѣятельность у многихъ изъ нашихъ беллетристовъ. Тотъ реализмъ, основанія котораго были положены Пушкиннымъ и утверждены Гоголемъ, нашелъ здѣсь новую пищу, и писатели достигли большого совершенства въ изображеніяхъ народной

жизни, по крайней мѣрѣ по ихъ точности, если не всегда по достоинству художественному.

Отглянувшись на эту массу фактовъ, трудно не увидѣть, сколько замѣчательныхъ трудовъ уже было совершено здѣсь въ интересахъ изученія народа; сколько прекрасныхъ задатковъ было здѣсь для будущаго, — если бы эти изученія встрѣтили должное признаніе; сколько возмутительною лжи заключается въ вопляхъ скрытнаго вѣропостыжества объ оторванности «интеллигенціи» (подъ которую подводятся и лучшія научно-литературныя силы) отъ народа, и т. п. Кѣмъ же совершены эти труды, проникнутые — въ большинствѣ — глубочайшей любовью къ народу, стремленіемъ изучить и понять его прошлое и настоящее, и работать для его блага? — Какъ осуществляются эти задатки, что становится дальше съ этими изученіями, — не знаемъ.

А. ПИПИНЪ.

ОЧЕРКИ НОВѢЙШЕЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ ПОЭЗИИ

IV.—ГВЕРРИНИ—ВОСКРЕСШІЙ «СТЕККЕТТИ» И ЕГО ПОСЛѢДОВАТЕЛИ *),

«Посмертныя» стихотворенія—«Postuma»—Гверрини, какъ мы видѣли, оказались, если не поддѣлкою, то маневромъ, посредствомъ котораго здравствующій ихъ авторъ рассчитывалъ обратить на себя вниманіе, а имя мнимо-умершаго юнаго поэта Стеккетти—псевдонимомъ. Самая поэма не нуждалась въ такомъ приѣмѣ, заключаая въ себѣ, дѣйствительно, настоящіе перлы поэзіи и поэтическаго чувства; но воскресшій Стеккетти, подъ настоящимъ своимъ именемъ: Гверрини—былъ уже другой человѣкъ. Въ вымышленной біографіи Стеккетти, приложенной въ видѣ предисловія къ «Postuma», поэтъ, еще студентомъ, часто забывалъ свои пандекты для Байрона, Гейне и Мюссе, которыхъ называлъ своею «тройцею», хотя изъ этихъ трехъ любимцевъ лишь одному можно приписать серьезное вліяніе на его творчество. Байронизма у Стеккетти нѣтъ и слѣда: онъ скорѣе представляетъ антитезу гѣвца Чайльд-Гарольда. О вліяніи Гейне не можетъ быть и рѣчи. Единственный поэтъ, котораго до нѣкоторой степени можно назвать учителемъ Стеккетти, это—Альфредъ де-Мюссе. Отъ него онъ наслѣдовалъ ту правдивость и натуральность въ описаніи движеній души, тотъ реализмъ, которому Мюссе положилъ основаніе въ поэзіи, какъ Бальзакъ во французскомъ романѣ. Въ томъ специальномъ жанрѣ, который выбралъ Стеккетти, онъ пошелъ даже дальше своего учителя: любовь

*) См. выше: май, 218 стр.

съ ея противорѣчіями, сомнѣніями, скептицизмомъ и рефлексіей, изображена имъ съ такой тонкостью, которая до него была доступна только роману. И дѣйствительно: его «Postuma» напоминаютъ собою скорѣе «Исповѣдь сына вѣка», чѣмъ стихотворенія Мюссе.

Настоящій авторъ «Postuma» родился въ 1845 году. Ему было пятнадцать лѣтъ, когда объединеніе Италіи стало совершившимся фактомъ. Онъ принадлежитъ къ поколѣнію, которое съ момента перваго пробужденія мысли слышало одни ликующіе и хвалебные гимны. Не переживъ волненія борьбы, оно не знало и ея иллюзій. Ему говорили: «великое дѣло, составлявшее недостижимую мечту шести столѣтій, совершилось, и теперь остается только пользоваться плодами побѣдъ»... И молодежь не заставила себя упрашивать... Быстрый ростъ богатствъ, всегда слѣдующій за освобожденіемъ, далъ матеріальныя средства для удовлетворенія этихъ нарождающихся стремленій. Отсюда опять произошло то измѣльчаніе характеровъ, то отсутствіе идеаловъ, та погоня за легкими удовольствіями, которыя привели въ ужасъ старыхъ, идеальныхъ защитниковъ итальянской свободы, проливавшихъ свою кровь въ борьбѣ съ Австріею вовсе не для такого будущаго. Италія должна была пережить такой періодъ, и тѣмъ навойливѣе являлось стремленіе къ легкой жизни, тѣмъ скорѣе должна была наступить реакція.

Стеккетти, поэтъ эпикурензма, былъ именно выразителемъ настроенія такой переходной эпохи. Правда, въ «Postuma» эпикурензмъ совершенно ступшевывается, благодаря оригинальному замыслу цѣлаго произведенія: мнѣ объ умершемъ поэтѣ придаетъ его «Postuma» болѣе грустный колоритъ. Тутъ выѣщена цѣлая эпопея жизни, сконцентрированной въ нѣсколько мгновеній и потому жаждающей упиться всѣмъ, что могутъ дать эти мгновенія. Такое стремленіе совершенно естественно и понятно въ человѣкѣ, знающемъ, что онъ не долгій гость на землѣ. Эпикурензмъ, при такихъ условіяхъ, не болѣе какъ отсутствіе мистицизма и суевѣрія; тутъ нѣтъ ничего опопляющаго, что говорило бы о мелкой натурѣ. Вотъ почему герой «Postuma» возбуждаетъ въ насъ и сочувствіе, и состраданіе.

Но этотъ печальный и задумчивый «Стеккетти» воскресъ въ образѣ весьма сытаго, выхоленнаго, всегда довольнаго собою адвоката Олиндо Гверрини. Обаяніе мнѣа исчезло: эпикурензмъ является уже какъ культъ, какъ содержаніе и цѣль жизни, а не случайное ея проявленіе. — «Критики хвалили мою книгу, считая меня мертвымъ, а два дня спустя стали называть ее

безнравственной и опасной, потому что узнали, что я живъ. Мертвому они говорили: какъ жаль, что ты не живъ; живому они говорятъ: какъ жаль, что ты не умеръ!» — восклицаетъ съ удивленіемъ Гверрини, въ предисловіи къ своему слѣдующему произведенію — «*Polemica*» — гдѣ онъ выступилъ съ открытымъ забраломъ, проповѣдникомъ того же эпикуреизма. Но нѣтъ ничего удивительнаго въ такомъ противорѣчii критиковъ, хотя нельзя, конечно, раздѣлять ихъ негодованія и опасеній. Литературныя направленія возникаютъ подъ вліяніемъ самой жизни и если въ свою очередь могутъ влиять на жизнь, то только потому, что они встрѣчаютъ въ окружающемъ элементы, уже готовые къ воспріятію вліянія. Огромный успѣхъ Стеккетти лучше всего доказываетъ, въ какой мѣрѣ онъ попалъ въ тонъ исторической эпохи, переживаемой страной.

Итакъ, два лучшихъ новѣйшихъ поэта Италіи — Кардуччи и Стеккетти пришли къ эпикуреизму въ поэзи. Но эпикуреизмъ обоихъ поэтовъ значительно отличается другъ отъ друга. Вдохновительницей Кардуччи была классическая древность, для Стеккетти — окружающая современность. Главнымъ элементомъ эпикуреизма Кардуччи служилъ культъ красоты во всѣхъ ея проявленіяхъ; природа занимаетъ первое мѣсто въ его одахъ. Стеккетти равнодушенъ къ природѣ, какъ горожанинъ. Онъ дитя улицы, кипящей народомъ; кромѣ города съ его суетою онъ ничего не знаетъ. Его эпикуреизмъ — культъ удовольствія, а не красоты. Такой эпикуреизмъ болѣе узокъ и стоитъ ниже эпикуреизма Кардуччи, но онъ ближе и понятнѣе массѣ, потому что въ немъ больше жизни: «горячей, правдивой, прочувствованной, которая дрожитъ и смѣется въ брэнномъ тѣлѣ» («*Polemica*»). Однимъ словомъ, Стеккетти — настоящій сынъ и пѣвецъ современной эпохи. Въ этомъ его вся сила, но въ этомъ же и его слабость: онъ одностороненъ, какъ и его эпоха. Кардуччи, сынъ пятидесятихъ годовъ, несравненно универсальнѣе его, хотя любопытно, что они оба какъ бы взаимно дополняютъ другъ друга, и та сторона, которая развита до высшихъ предѣловъ у одного — у другого либо слаба, либо вовсе отсутствуетъ. Соединенные въ одномъ лицѣ, они дали бы геніальнѣйшаго изъ лириковъ нашего времени. Кардуччи не имѣетъ себѣ равнаго въ выраженіи мужественныхъ и бурныхъ страстей: гнѣва, ненависти, презрѣнія, а также энтузіазма, восторга. Его пѣсни любви хотя и бываютъ хороши, но онѣ у него какъ-то классически элементарны. У Стеккетти — совершенно обратно. Такихъ трогательныхъ пѣсенъ любви и грусти не создавалъ ни одинъ изъ современныхъ

лириковъ; но лишь только онъ вздумаетъ потрясать слушателей своими аккордами — тотчасъ же, безпомощный, обрывается на первомъ же звуѣ.

Такъ, въ «Canto dell'odio», желая изобразить силу ненависти, Стеккетти заставляетъ любовника мечтать о томъ, какъ онъ будетъ копать въ червивыхъ глазахъ своей бывшей возлюбленной, измѣнившей ему, и «съ наслажденіемъ» раздирать ногтями ея разлагающійся желудокъ! Столь же неудачны попытки Стеккетти обратиться въ сарказму, въ которомъ такой великій мастеръ Кардуччи. Ему нельзя совсѣмъ отказать въ умѣнны шутить — иногда очень даже болко, какъ онъ доказалъ то въ «Polemica» — но затѣмъ онъ тотчасъ же впадаетъ въ пошлость, образчикомъ которой можетъ служить его «Gretchen» — пародія, направленная противъ ненавистныхъ «идеалистовъ», гдѣ авторъ рассказываетъ, какъ встрѣтился на церковной паперти съ пьяной и грязной старухой: это — Маргарита, которая послѣ Фауста сдѣлалась публичной женщиной, и на старости лѣтъ продаетъ статуэтки святыхъ, — «чтобъ было на что клюкнуть». Чрезвычайною грубостью отличаются также нѣкоторые изъ его произведеній, какъ не знающія мѣры въ реализмѣ, наприм., «Per le pozze» (На свадьбу) или «In albergo» (Въ гостинницѣ) — въ Polemica. Таковъ же его сонетъ: «Ei siamo amati al sol gagliante» (Мы любили другъ друга при солнечномъ свѣтѣ) — гдѣ герой съ его временной героиней заявляютъ публикѣ о своихъ arti di volutta.

Всѣ эти недостатки мало интересны сами по себѣ и о нихъ не стоило бы говорить, такъ какъ писателя судятъ по его лучшимъ произведеніямъ, а не по слабѣйшимъ. Но они интересны потому, что въ нихъ отражается очень характерное направленіе — такъ-называемый *натурализмъ*, или «verismo» (правдивость), играющій важную роль въ современной итальянской литературѣ.

Эпоха борьбы за освобожденіе, литературную фязіономію которой мы вкратцѣ очертили выше, оставила въ наслѣдство современной эпохѣ цѣлую вучу патріотическихъ романовъ, живописавшихъ славу и величіе предковъ, и цѣлый сонмъ романовъ, которые составили себѣ имя исключительно историческими романами. Романисту же гораздо труднѣе оставить тотъ жанръ, на которомъ онъ выработался, чѣмъ поэту. Вслѣдствіе того, романисты продолжали наводнять Италію своими безконечно длинными и безконечно скучными произведеніями изъ временъ классической и средневѣковой старины, хотя все это давно уже утратило прежнюю силу намека на современность и романъ

сдѣлался до послѣдней степени монотоннымъ и мертвеннымъ. Понятно, съ какимъ энтузіазмомъ должны были встрѣтить здѣсь новую французскую школу, такъ-называемыхъ «натуралистовъ», выставившихъ правдивость и жизненность, какъ альфу и омегу искусства. Все, что было молодого въ беллетристику и критику, стало подъ знамя «веризма», и пошло ожесточенной войной на старое. Борьба литературная приобрѣла страстный, запальчивый характеръ, потому что вскорѣ представленіе о «веризмѣ» расширилось и приняло характеръ протеста противъ укоренившихся предрассудковъ вообще во имя Правды. Нѣчто подобное переживала и наша литература въ свое время.

Эмиль Зола по своему таланту, а также по духу провидѣнія и доктринерской непреклонности въ осуществленіи своихъ теорій, долженъ былъ естественно приобрести огромное вліяніе въ Италіи. И дѣйствительно, авторитетъ его здѣсь по истинѣ безпримѣрный. Зола совершенно заслоняетъ собою всѣхъ прочихъ представителей натуралистической школы во Франціи и имѣетъ массу настоящихъ поклонниковъ. Даже маститый глава итальянской критики Де-Сантисъ, профессоръ и бывшій министръ просвѣщенія, читалъ въ Неаполѣ публичную лекцію для защиты и восхваленія *Assommoir*'а. Не удивительно поэтому, что рядомъ съ благотворнымъ, освѣжающимъ вліяніемъ, которое имѣла на итальянскую литературу французская натуралистическая школа вообще, не обошлось и безъ преувеличеній. Девизъ: «искусство должно изображать правду» — былъ крайне преувеличенъ: все, что правда, то можетъ и должно подлежать искусству! Далѣе, по естественной реакціи пурному идеализму, на практикѣ вышло, что «голая правда» это и есть голая женщина, а не иное что, и эстетично лишь то, что возбуждаетъ отвращеніе по возможности до тошноты.

До какихъ предѣловъ дошла неразборчивость въ тѣмахъ и средствахъ въ поэзіи, гдѣ именно всего настоятельнѣе требованія изящества, это можно видѣть всего лучше у безчисленныхъ послѣдователей Стеккетти. Вотъ, наиримѣръ, чѣмъ отгрызаетъ свой коротенькій томикъ Альфредъ Ориани (Оттонъ Банцоле).

Передъ нами больница. Юный поэтъ умираетъ, но не отъ чахотки, какъ герой въ «*Postuma*», а отъ оспы, которая слѣпить ему глаза и покрываетъ гноемъ все лицо. И вотъ, въ такомъ-то видѣ онъ обращается къ юной монахинѣ, сестрѣ милосердія, и проситъ, чтобъ она непременно его поцѣловала.

«Знаю, — говоритъ онъ, — что я отвратителемъ и что мое вадутое и покрытое кровавыми волдырями лицо туманитъ идеальный

свѣтъ моей души. Но тѣмъ не менѣе непреодолима во мнѣ жажда твоего поцѣлуя!»

Затѣмъ, онъ рассказываетъ, какъ давно онъ любитъ и какъ много страдалъ по ней и разгорячившись, просить уже не одного поцѣлуя... Къ великому удовольствію читателя, монахиня догадывается убѣжать подальше отъ такихъ объятій.

Тотъ же Оріани въ своей «Жалобѣ» сѣдуетъ, что его Эмилиа носитъ «la cotta del pudor», а не ходитъ совершенно обнаженною, «какъ солнце»; въ «Curiosita» и «Bagno» (купальнѣ) поэтъ доходитъ до невозможныхъ описаній. Подобные же перлы «реализма» и «правдивости» попадаютъ рѣшительно у всѣхъ Стеккеттистовъ, не исключая и лучшихъ.

Такова оборотная сторона самой многочисленной и самой дѣятельной изъ поэтическихъ школъ Італіи.

V.—Антипапистская поэзія и МАРИО РАПИСАРДИ.

Патріотическая поэзія, процвѣтавшая въ періодъ освободительной борьбы, если не считать произведеній Каваллотти, совершенно заглохла въ Італіи. Однако, до сихъ поръ въ ней существуетъ и процвѣтаетъ особый отдѣлъ, который хотя, повидимому, ничего не имѣетъ общаго съ патріотизмомъ, однако, на дѣлѣ простекаетъ оттуда. Это поэзія антипапистская — частью пантеистическая, частью деистическая, частью прямо матеріалистическая.

«Папы-короли», тираны лучшей изъ итальянскихъ областей и виновники порабоженія остальныхъ — всегда возбуждали величайшую ненависть въ средѣ «патріотовъ». Мы уже говорили о томъ, какъ со временъ Никколини, т. е. въ самомъ началѣ итальянскаго пробужденія, борьба противъ папства сдѣлалась лишь однимъ изъ видовъ борьбы за свободу. Папа былъ послѣднимъ изъ противниковъ, котораго удалось побѣдить. Когда отъ Бурбоновъ и австрійцевъ не осталось уже и слѣда, папа все еще сидѣлъ въ Римѣ, защищенный французскими штыками и шасспо, надѣлавшими столько «чудесъ» подъ Ментаною. Даже и послѣ 1870 года своими дипломатическими интригами папа не давалъ итальянцамъ забыть, что злѣйшій врагъ ихъ государства сидитъ въ Ватиканѣ. — Все это мѣшало заглухнуть вѣковой враждѣ и питало антипапистскую поэзію. И дѣйствительно, каждый разъ какъ послѣ какаго-нибудь скандала въ Ватиканѣ, отношенія къ римской куріи обострялись — изъ разныхъ концовъ Італіи неслись

приличныя случаю негодующія пѣсни. Объ этой «поэзіи» мы, разумѣется, говорить не будемъ: она представляетъ болѣе шумиху фразъ, легкій и удобный способъ излить порывъ благородныхъ патріотическихъ чувствъ на голову побѣжденнаго и совершенно безсильнаго врага.

Но этимъ дѣло не ограничилось. Не всѣ люди способны лойти до философскаго безпристрастія, отдѣляющаго ученіе отъ его практическаго приложенія. Ненависть къ папству вызвала ненависть къ католицизму, служащему ему основаніемъ, и такимъ образомъ шла все далѣе и далѣе въ томъ же отрицательномъ направленіи. Говоря такъ, мы не думаемъ, конечно, умалять вліянія научныхъ доктринъ. Но доктрины распространены въ настоящее время во всей Европѣ; такъ же точно во всей Европѣ духовенство, какъ таковое, стоитъ въ оппозиціи движенію прогрессивной мысли и противъ него ведется борьба, не исключая и Пруссіи,—и однако только въ Италіи, гдѣ католицизмъ несравненно слабѣе, чѣмъ, напримѣръ, во Франціи, вражда къ католицизму достигаетъ необыкновенной страстности отразившейся и на поэзіи. Ясно, что такое явленіе имѣетъ свои корни, отсутствующіе въ другихъ странахъ. Вотъ почему и антикатолическая поэзія является въ Италіи послѣднимъ отпрыскомъ поэзіи патріотической, хотя въ настоящее время она и утратила всякій политическій характеръ, и стала однимъ изъ видовъ культурной борьбы.

У Кардуччи, отъ котораго ведетъ свое начало вся современная антипапистская поэзія, связь ея съ патріотизмомъ всего яснѣе. Въ первую половину его литературной дѣятельности, его многочисленныя антипапистскія произведенія носятъ на себѣ характеръ чисто-патріотическій, таковы его пѣсни: «Кораццини», «На смерть Джіованни Кайроли», и лучшее—«Монти и Токвети» (казненные папою Григоріемъ XVI). Всѣ они дышатъ ненавистью къ папѣ-тирану, а не намѣстнику Христа. Только въ «Сатанѣ» Кардуччи произноситъ свое пантеистическое profession de foi и выступаетъ на бой уже не противъ папства, а противъ религіи. Наиболѣе характерными образчиками такой пантеистической поэзіи служатъ: «Въ готической церкви» и «У источниковъ Клитумна». Нѣмецкая критика, нападая на тенденціи автора, признала эти пьесы одними изъ лучшихъ во всемъ сборникѣ. Мы не будемъ разбирать ихъ подробно. Скажемъ только, что въ нихъ Кардуччи уже не ограничивается общими идеями, а сплетая въ искусный узоръ фантазію и дѣйствительность, рисуетъ въ нѣсколькихъ сжатыхъ картинахъ культурное воздѣйствіе клерикализма.

У Стеккетти, прямого послѣдователя Кардуччи, антирелигіозная струя бьетъ съ такою же силою, хотя и здѣсь, вѣрный своему таланту, онъ держится на минорныхъ нотахъ, которыя всегда удаются ему. Онъ не мечетъ молній: онъ просто смѣется и даже довольно добродушно. Такъ, въ сонетѣ: «Idealisti saggi», онъ говоритъ, что навѣрное попадетъ въ рай, потому что въ жизни онъ «много любилъ»; «Dies igae» — пародія на страшный судъ, гдѣ онъ изображаетъ въ шутиломъ стихѣ скуку праведниковъ въ раю, въ обществѣ грязныхъ католическихъ монаховъ и аббатовъ страдающихъ водяной, и веселье грѣшниковъ въ аду, гдѣ будутъ собраны «самыя хорошенькія нѣтъ женщинъ». Возставая, какъ и Кардуччи, противъ католической морали, онъ не рисуетъ, какъ этотъ послѣдній, толпы монаховъ въ черныхъ, бѣлыхъ, рыжихъ расахъ, которыя прошли по городамъ и весамъ, кипищимъ жизнью и человѣческимъ трудомъ, и обратили ихъ въ пустыню, и эту пустыню назвали: «царствомъ божимъ». Стеккетти обращается по прежнему «въ хорошенькимъ дѣвушкамъ» и восклицаетъ: «Нѣтъ, нѣтъ, не посыпайте своихъ бѣлокуроухъ головокъ дрянною золою, милыя дѣвушки! Идите къ намъ: міръ такъ прекрасенъ, и сегодня виѣтъ съ розами воскресла весна».

Тѣ же мотивы встрѣчаемъ мы у всѣхъ «стеккеттистовъ» и у множества поэтовъ другихъ школъ, такъ что элементъ антиклерикальный составляетъ одинъ изъ наиболѣе видныхъ въ современной итальянской поэзіи, что не остается безъ вліянія на культуру страны.

Остановимся на одномъ такомъ молодомъ поэтѣ — Маріо Раписарди — заслуживающемъ вниманія, своею оригинальною и свѣлой попыткой воскресить классическую эпопею. Онъ задумалъ создать поему матеріализма въ противоположность Клопштоку, пытавшемуся создать поему христіанства. По замыслу его «Люциферъ» очень широкъ и грандіозенъ. Это повѣсть о борьбѣ челоуѣческаго духа противъ узъ, наложенныхъ на него вѣками. Герой ея, Люциферъ, представляетъ самое чистое воплощеніе мысли, прогресса и свѣта, откуда авторъ и производитъ самое имя своего героя, — «свѣтоносецъ». «Люциферъ» Раписарди очень напоминаетъ «Сатану» Кардуччи, но безъ его пантеизма.

«Долго молчалъ Іегова, — такъ начинается поэма. — Одинокія и покинутыя стояли тѣмъ временемъ мраморныя статуи святыхъ въ своихъ нишахъ. Пѣніе патеровъ терялось подъ холодными сводами пустыхъ храмовъ, какъ крикъ охотника, продирающагося среди дикихъ горъ»... Безвѣріе царило на землѣ. «Него-

дованіемъ и священнымъ ужасомъ охвачены были души черныхъ, блѣднолицыхъ доминиканцевъ; когда же въ пустыхъ сундукахъ зазвенѣлъ скудный и тощій оболъ святого Петра и индугенціи, подобно отошалоу скоту, печальныя и безплодныя вернулись со своего страствованія по свѣту—тогда грозно, какъ у ежей поднялись на вискахъ стриженные волосы и закачались на священныхъ тонзурахъ трехрогія шапки. Свирѣпый, единодушный вопль раздался изъ тысячи грудей. Вѣра погибаетъ! О, Боже, порази и испепели своимъ громомъ богоотступниковъ смертныхъ! Но небеса молчатъ. Громъ не поражаетъ преступниковъ, и смертные смѣются. Услышавъ этотъ хохотъ, Люциферъ, рѣшаетъ что его часъ пришелъ, и встаетъ съ своего смоляного престола, чтобы подняться на землю и повести людей на послѣдній бой. Онъ ступаетъ въ первый разъ на землю на Кавказѣ. Его монологъ горѣ и вся вообще первая сцена исполнены поэзіи, напоминающей Мильтона. Въ отвѣтъ на гордую рѣчь Люцифера изъ глубины пропасти вдругъ раздается слабый стонъ и затѣмъ въ безмолвіи пустыни слышится чей-то голосъ. То голосъ Прометея, прикованнаго въ скалѣ. Онъ предостерегаетъ Люцифера отъ дерзкаго замысла, но тотъ излагаетъ ему свои надежды и идетъ въ міръ. Повѣсть о страствованіяхъ Люцифера по свѣту исполнена великолѣпныхъ картинъ, какъ напримѣръ, встрѣча съ греческой дѣвушкой Гебой, описаніе бури у береговъ Франціи, сцена у черной рабыни въ дѣвственномъ лѣсу. Посѣтивъ Парижъ во время коммуны и потомъ Римъ, откуда только-что изгнанъ папа, Люциферъ рѣшаетъ, что медлить болѣе нечего, и что пора вести свою рать на приступъ. На голосъ его поднимаются мертвые изъ могилъ и во главѣ сонма «мудрецовъ» Люциферъ вторгается на небо, и вступаетъ въ борьбу. Затѣмъ онъ спускается на землю, находитъ Прометея и освобождаетъ его.

Такъ заканчивается эта поэма. Не смотря на нѣкоторыя замѣчательныя по красотѣ мѣста и на возвышенный и величественный тонъ всего произведенія, «Люциферъ» какъ поэма не выдерживаетъ строгой критики. Грандіозный замыселъ оказывается очень слабо выполненнымъ; несвязность частей, являющихся какъ бы путевыми замѣтками героя, отсутствіе сколько нибудь реальныхъ характеровъ, наконецъ провѣрочность аллегорій, лишенныхъ всякаго художественнаго достоинства, все это доказываетъ справедливость мнѣнія Кардуччи, что въ настоящее время эпическая поэзія «умерла, погребена и нѣтъ никакой возможности снова воскресить ее». Но эта объемистая эпопея все-таки

любопытна, какъ крайнее проявленіе того направленія, которое столь рѣзко высказывается въ современной итальянской поэзіи.

Изъ всего сказаннаго нами до сихъ поръ ясно, что всѣ школы и направленія итальянской поэзіи представляютъ собою, такъ или иначе, лишь отраженіе того, что дало Италіи великое освободительное движеніе 1815—60 года.

Но шестидесятые годы не были послѣднимъ словомъ итальянской исторіи. Страна продолжала жить при новыхъ политическихъ условіяхъ, вырабатывая новыя идеи и новыя стремленія. Она много узнала, много испытала, много пережила, и вся эта разносторонняя политическая жизнь должна была опять отразиться прежде всего на литературѣ вообще, а въ Италіи — и на поэзіи, въ особенности.

Послѣднее двадцатилѣтіе выработало въ Италіи, путемъ опыта, сознаніе, что освобожденіемъ сдѣлано далеко не все, что положеніе страны не идеально и что, напротивъ, предстоитъ много трудовъ, чтобы сдѣлать его удовлетворительнымъ. Результатомъ такого сознанія явился постепенный ростъ политической оппозиціи, который привелъ въ цѣлому ряду глубокихъ политическихъ реформъ послѣдняго времени, какъ результатъ развитія духа критики во всѣхъ областяхъ мысли. Измѣнилось настроеніе общества, измѣнились вмѣстѣ съ тѣмъ и условія роста новыхъ поколѣній, которымъ пришлось выслушивать уже не восторженные дионирамбы, какъ прежде, не увѣренія въ томъ, что все уже сдѣлано и остается только отдыхать отъ трудовъ освобожденія Италіи, а откровенныя упреки на язвы и болѣзни родины, призывъ къ новымъ трудамъ на пользу ея.

Такимъ-то образомъ развилось поколѣніе 70-хъ годовъ, которое даже по словамъ такихъ строгихъ судей и поклонниковъ старины, какъ древніе карбонары и маццинисты — представляетъ совершенный контрастъ съ поколѣніемъ 60-хъ годовъ. Оно только теперь начинаетъ обнаруживать себя въ общественной жизни, а потому не должно удивляться, что въ поэзіи это новое поколѣніе не могло дать такихъ ясныхъ и законченныхъ направленій, какія дали поколѣнія 1850 и 1860 годовъ. Молодая, нарождающаяся Италія еще ждетъ своего поэта. Но уже и теперь можно указать на несомнѣнные признаки новыхъ теченій въ поэзіи. Это выражается прежде всего въ тѣхъ элементахъ недовольства современными формами жизни, которое легко замѣтить даже у такихъ эпикурейцевъ, какъ Стеккетти, въ его

«Justizia», и въ сонетѣ: «Придетъ день»..., звучащихъ какъ-то странно рядомъ съ пѣснями въ стилѣ Анакреона и Петрарки. У его болѣе молодыхъ послѣдователей эти ноты встрѣчаются чаще, но, къ сожалѣнію, у нѣкоторыхъ доходятъ до какого-то циническаго сплетенія сибаритства съ революціей, какъ, напримѣръ, у Онуфріо, для котораго послѣдняя служитъ какъ бы развлеченіемъ послѣ застольныхъ и альковныхъ ощущеній: въ началѣ своего «Aegrotans», онъ восклицаетъ: «долой мудрость и да здравствуетъ распутство», а въ концѣ увѣряетъ читателя, что когда это распутство ему надобѣтъ, онъ сдумаетъ «развернуть красное знамя». Но у другихъ болѣе серьезныхъ представителей той же школы новыя вѣянія отражаются въ видѣ дѣйствительно широкой мысли и искреннаго гуманнаго чувства. Таковъ въ особенности Уилль Танганелли въ его «Cenci» — прекрасной балладѣ, представляющей исторію дѣвушки, взятой съ улицы богатымъ развратникомъ; «Къ падшей женщинѣ»; въ сатирахъ: «Женщина и бракъ», «Вдова» и др. Даже у разнузданнаго Оріани, автора упомянутой выше баллады: «Въ больницѣ», мы натапливаемся на болѣе серьезный протестъ противъ общественной неправды, во имя гуманности.

Мы нарочно остановились на стеккетидахъ: вторженіе новой струи и въ ихъ школу сибаритства служитъ лучшимъ доказательствомъ силы этой новой струи. Съ другой стороны и въ старомъ поколѣніи, среди поэтовъ—свидѣтелей и участниковъ освободительнаго движенія, не всѣ рѣшили поставленную имъ дилемму, какъ то сдѣлалъ Кардуччи. Такимъ образомъ, поколѣніе самое старое и самое молодое подали другъ другу руки надъ головами наводнившихъ Италію пѣвцовъ эпикуреизма, чтобы возобновить болѣе широкую гражданскую и идеалистическую поэзію, представителями которой былъ въ Италиі Джустини, въ Европѣ Шелли. Въ настоящее время это направленіе въ Италиі находится только въ зародкѣ, но не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать ему большое будущее... Обратимся въ заключеніе къ представителямъ итальянской поэзіи, вдохновляемой позитивною философіею, и къ поэтической сатирѣ.

VI. АРНАБОЛЬДИ И ФОНТАНА.

Арнабольди, заслуженный ветеранъ итальянской поэзіи (род. 1827 г.), выступившій на литературное поприще почти тридцать-пять лѣтъ тому назадъ,—по характеру своей поэзіи напоминаетъ Л. Аккермантъ, знакомую нѣскольکو нашей публикѣ.

Подобно французской поэтессѣ, Арнабольди—представитель позитивной мысли нашего вѣка. Его не пугаютъ вопросы наиболее отвлеченные и, повидимому, совершенно прозаическіе. Онъ смѣло берется за то, что составляетъ обыкновенно достояніе философскихъ трактатовъ, и очень часто, хотя не всегда, поэзія у него торжествуетъ надъ метафизикой, и его «гимны» и «размышленія», не смотря на отвлеченность темы, являются произведеніями, дѣйствительно поэтическими.

Сила Арнабольди заключается въ колоритности рѣчи, въ художественности описанія, въ умѣньи придать образность самымъ отвлеченнымъ разсужденіямъ. Онъ думаетъ и разсуждаетъ образами. Возьмемъ, напримѣръ, лучшее изъ его произведеній этого рода: «Вечеръ перваго ноября», принадлежащее къ тѣмъ немногимъ изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ обращеніевъ такъ называемой дидактической поэзіи, въ которыхъ нѣтъ ни одной прозаической строчки. «Вечеръ»—представляетъ разсужденіе на тему о смерти и о загробной жизни. Основная мысль та, что безсмертіе, къ которому, главнымъ образомъ, долженъ стремиться человѣкъ,—жизнь въ воспоминаніи человечества.—Что, кажется, можетъ быть отвлеченнѣе? А между тѣмъ, въ «Вечерѣ» нѣтъ рѣшительно ничего метафизическаго, отвлеченнаго. Прежде всего поэтъ развертываетъ передъ вами широкую и роскошную картину осени: все умираетъ въ природѣ. И въ то же время гдѣ-то вдали раздается заунывный звонъ похороннаго колокола. Мысль о смерти сама собой возникаетъ и въ душѣ читателя, и въ душѣ поэта. Однако, онъ дѣлаетъ надъ собой усиліе и прогоняетъ мрачныя думы бодрыми мыслями о жизни. Но мысль о смерти должна вернуться снова. Какъ же дѣлаетъ это авторъ?—Онъ обращаетъ первую, обширную, картину въ новую, небольшую, съ цѣлью возобновить первое ощущеніе, и прибѣгаетъ къ неожиданному и прелестному переходу—къ «бабочкѣ».

Въ то время какъ торжествующій поэтъ, обращаясь къ колоколу, восклицаетъ: «Не хочу слушать тебя, о, языкъ погребенныхъ вѣковъ, о, бронзовый голосъ, звучащій между землею и небомъ!»... Вдругъ: «Что это?—Бабочка! Бѣдняжка—сегодня утромъ, спасаясь отъ холодной изморози, влетѣла ты въ мою комнату и теперь силишься вылетѣть и бьешься о запертыя стекла. Утомленная, ты падаешь на полъ, но снова взмахиваешь крыльями и сотню разъ повторяешь мучительную игру.—Постой, я отворю тебѣ. Улетай на волю, бѣдняжка! Но только не найдешь ты ни цвѣтковъ, ни теплаго вѣтерка, ни луча благодушнаго солнца: ночь уже надвинулась, небо черно, и ноябрьскій

вѣтеръ дышетъ смертью... А заунывный звонъ все не унимается!..»

Мысль о смерти снова, съ удвоенной силой, возникаетъ въ умѣ поэта...

Подобнымъ же образомъ развивается и дальше это произведение. Восклицаніе: «Много говорить вѣра. А наука?—ничего!» и заключеніе, въ которомъ высказывается основная мысль, вытекаютъ сами собой изъ изображаемыхъ поэтомъ картинъ и нигдѣ не переходятъ въ тонъ проповѣди. Такимъ образомъ, «Вечеръ» представляетъ искусное смѣшеніе эпоса и лирики, но въ немъ нѣтъ нигдѣ прозы.

Не всегда, впрочемъ, Арнабольди удается такъ блистательно преодолѣть трудности, представляемыя выбраннымъ имъ родомъ поэзіи. Многія изъ его произведеній страдаютъ туманностью и отвлеченностью. Но что никогда не вселяетъ у Арнабольди, это — высокая и горячая вѣра въ человечество, въ его лучшее будущее, въ прогрессъ. Эта вѣра звучитъ вдохновенной нотой во всѣхъ его произведеніяхъ, хотя прогрессъ онъ понимаетъ преимущественно въ смыслѣ философскомъ, а не гуманитарномъ. Любимой темой его пѣсней является борьба человѣка съ природой. Какъ поэтъ, онъ обожаетъ природу, и ей посвящены прекрасныя мѣста въ его лучшихъ произведеніяхъ: «Вечеръ», «Sulla Montagna», «Matino» и во многихъ другихъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ — «сынъ девятнадцатаго вѣка», онъ не преклоняется передъ природою, а напротивъ: гордый сознаниемъ силы своей мысли, онъ стремится «приковать ее къ себѣ». Борьба человѣка съ природой, постоянныя побѣды человеческой мысли внушаютъ Арнабольди цѣлый рядъ пѣсней, которыя можно назвать псалмами человеческой культуры. Такова его пѣсня: «Камень, бронза и желѣзо», оканчивающаяся привѣтомъ дочери морей Англіи — «tutta ferro e acciaio» (она вся — сталь и желѣзо). Такова же его пѣсня на прорытіе перваго англійскаго туннеля, и мног. друг.

Впрочемъ, не одна природа и борьба съ нею, не одни отвлеченные вопросы міровозданія волнуютъ поэта. Ему не чужды и человѣческія страданія и горести, хотя и къ нимъ онъ относится какъ философъ. Онъ все понимаетъ и потому почти все прощаетъ. Въ пѣсни, посвященной Франціи, изобразивъ весь ужасъ положенія ея послѣ нѣмецкой войны, неслыханное пораженіе ея войскъ, сожженные города, сотни тысячъ труповъ, и потомъ сугубый ужасъ новой братоубійственной войны, онъ не думаетъ бросить ни одного слова укора людямъ, которые, по его мнѣнію, совершили ужаснѣйшія изъ злодѣяній. Онъ только за-

включаетъ изъ этого, до какой же степени велики должны были быть муки этихъ людей, если они побудили ихъ въ такимъ дѣламъ. Но рядомъ съ этимъ онъ способенъ жалѣть и виновника всѣхъ этихъ страданій, Седанскаго героя, «пытающагося считать себя живымъ, когда онъ мертвъ многихъ мертвыхъ». Въ другомъ произведеніи—«Жнецы», смотря на толпу людей, собирающую массу хлѣба, добытаго ихъ же трудами, и тѣмъ не менѣе часто умирающую съ голода, онъ говоритъ: «Нѣтъ, нѣтъ, я не брошу въ лицо этой полуобнаженной толпѣ стиха, облитаго мектвомъ, если въ глубинѣ ея скорбной души всеніи слѣдъ любви исчезъ и ея мѣсто заступила ядовитая злоба!» Но дальше этого «прощенія» онъ не идетъ.

Отмѣтимъ, однако, фактъ весьма многознаменательный и какъ нельзя лучше характеризующій благородную личность поэта: на склонѣ своихъ дней, прожитыхъ имъ честно, безупречно, Арнаболди присоединился къ живому теченію, которое видитъ прогрессъ не въ одномъ прорытіи туннелей или постройкѣ чудовищныхъ пароходовъ.

Мы говоримъ о его послѣднемъ произведеніи, «Filandaia», появившемся года два тому назадъ въ одномъ періодическомъ сборникѣ. Это коротенькій, но прекрасно отдѣланный, рассказъ о молодой дѣвушкѣ, «размотчицѣ» шелка, умершей въ пятнадцать лѣтъ отъ изнуренія и непосильнаго труда. «Filandaia» именно и начинается описаніемъ похоронъ этой дѣвушки, которую въ холодный декабрьскій день кладутъ въ досчатомъ гробѣ въ мерзлую землю. Затѣмъ поэтъ рассказываетъ вкратцѣ печальную исторію этой дѣвушки, которую родители, бѣдные крестьяне, съ шести лѣтъ отправили въ мастерскую, куда она «спѣшила изъ своей убогой лачуги прежде выхода солнца и откуда возвращалась лишь при мерцаніи звѣздъ... Нѣсколько мѣдныхъ монетъ были вознагражденіемъ за тяжкій трудъ... И зиму, и знойное лѣто въ мотовильнѣ разматывала она блѣдный шелкъ... Скучна была пища и скупое отмѣривался сонъ»... Въ концѣ этой скорбной повѣсти поэтъ спрашиваетъ: «О гдѣ, гдѣ тѣ прелестныя крестьянскія дѣвушки, которыхъ пышную грудь и румяное личико воспѣвалъ когда-то Парини?.. Гдѣ найти теперь скромную и цвѣтущую красавицу Лучію? (геронна «Promessi Sposi»)»... Къ лучшему будущему шествуетъ человѣчество, но при этомъ оно создаетъ на пути своемъ новыя страданія и не излечиваетъ унаслѣдованныхъ отъ прошлаго!.. Глуха человѣческая жестокость, спустившаяся изъ каменныхъ рыцарскихъ гнѣздъ въ мастерскую, гремѣющую колесами!.. О, сколько цвѣтовъ завяло, не успѣвъ

принести плода! Сколько невидимыхъ міру слезъ проливается каждый день! А декабрьское солнце такъ ласково свѣтитъ мнѣ, такъ ярко блестятъ горы и озеро, и такъ весело улыбается природа!»

Весь Арнабольди со своей нѣжной и впечатлительной душой философа отражается въ этомъ окончаніи.

Два слова о его личности.

Арнабольди проводитъ большую часть года въ маленькомъ городѣ Бизитіо, отстоящемъ въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ Милана. Здѣсь у него маленькая вилла на берегу Эупили, которую онъ часто упоминаетъ въ своихъ стихахъ, рядомъ съ домикомъ, гдѣ умеръ его обожаемый учитель Парини.

Мнѣ случилось видѣть Арнабольди только одинъ разъ, мелькомъ, въ одномъ миланскомъ кафе. Это высокій, блѣдный старикъ съ сѣдой головою, по наружности вовсе не похожій на итальянца, а скорѣе на нѣмца, шведа — сѣверянина вообще. Онъ кажется вѣчно витающимъ въ какихъ-то заоблачныхъ высяхъ, совершенно забывая объ окружающемъ его мірѣ. Каждый вопросъ заставляетъ его встрепенуться, точно его разбудили. Взглядъ его всегда разсѣянный: говорить, это происходитъ отъ крайней его близорукости.

По характеру, какъ рассказываютъ люди, близко его знающіе, Арнабольди представляетъ олицетвореніе гуманности и доброты. Занимая въ теченіе восемнадцати лѣтъ должность секретаря при миланскомъ муниципальномъ совѣтѣ, онъ, говорятъ, тратилъ почти все свое жалованье на помощь своимъ болѣе бѣднымъ товарищамъ по службѣ. Скромность его не имѣетъ предѣловъ. Онъ не любитъ выдвигаться впередъ, не любитъ заставлять говорить о себѣ и никогда не ищетъ рукоплесканій толпы, предпочитая имъ одобреніе знатоковъ. Каждый свой стихъ онъ отдѣлываетъ съ величайшей тщательностью, какъ, можетъ быть, ни одинъ изъ современныхъ поэтовъ, и даже придавъ своему произведенію окончательный видъ, часто по нѣскольку лѣтъ держитъ его въ своемъ портфелѣ. Въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ онъ напечаталъ пять, шесть небольшихъ пьесъ, между тѣмъ какъ всѣмъ извѣстно, что у него уже готовъ цѣлый новый томикъ, о которомъ уже четвертый годъ говорятъ, что онъ скоро выйдетъ въ свѣтъ, но онъ все не выходитъ.

Въ молодомъ поколѣніи поэтовъ, напоминающимъ Арнабольди по мотивамъ, хотя діаметрально противоположнымъ ему

по фizioномiи своей поэзіи, является Фернандо Фонтана, одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ и извѣстныхъ юныхъ поэтовъ Италіи.

Литературная дѣятельность его представляетъ такое полное отраженіе его личности и его тревожной жизни, что прежде чѣмъ говорить о его произведеніяхъ, необходимо сказать о немъ самомъ.

Это—молодой человѣкъ лѣтъ тридцати-двухъ, высокаго роста, очень худой, типичный итальянецъ съ большими черными глазами и густой всклокоченной гривой. Въ костюмѣ и обращеніи крайняя простота; характеръ его представляетъ смѣсь чисто юношеской способности увлекаться и приходить въ энтузіазмъ и чисто женской впечатлительности, съ скептицизмомъ и надломленностью, — слѣдами его жестокой молодости. Біографія его весьма поучительна; изъ нея видно, съ какими огромными трудностями приходится бороться въ Италіи даже очень талантливому литератору, принужденному собственными силами прокладывать себѣ дорогу. Вотъ нѣкоторыя черты изъ того, что онъ самъ разсказывалъ мнѣ объ исторіи своей молодости.

Отецъ его былъ живописцемъ-декораторомъ при миланскомъ главномъ театрѣ—Della Scala. Имѣя на рукахъ семью, состоящую изъ больной жены и трехъ человѣкъ дѣтей, и принужденный жить исключительно на свое ничтожное жалованье, онъ рѣшился искать счастья за моремъ и уѣхалъ въ Южную Америку, любимое мѣсто итальянской эмиграціи. Ему повезло въ новомъ отечествѣ и уже черезъ полгода онъ началъ присылать по нѣскольکو сотъ франковъ въ мѣсяцъ своей семьѣ, перебивавшейся тѣмъ временемъ кое-какъ въ Миланѣ. Такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ. Это былъ самый счастливый періодъ въ жизни молодого Фернандо. Онъ ходилъ въ лицей (гимназію) и учился горячо и усердно, и хотя ему было всего двѣнадцать лѣтъ, училъ двухъ своихъ младшихъ сестеръ; очень, очень любилъ ихъ, въ особенности младшую, Марію. Будущее казалось безоблачнымъ. Но вдругъ отецъ замолъкъ: ни писемъ, ни денегъ. Ему отправляли письмо за письмомъ: никакого отвѣта не было. Обратились къ консульству: оказалось, что Карлъ Фонтана перѣѣхалъ куда-то на сѣверъ, и затѣмъ никакихъ извѣстій о немъ не получалось. Оставалось предположить, что онъ погибъ гдѣ-нибудь въ лѣсахъ или на дорогѣ, что такъ часто случается въ Америкѣ. Но Карлъ Фонтана былъ живъ. Черезъ десять лѣтъ, послѣ цѣлой массы событій и невзгодъ, Фернандо совершенно неожиданно встрѣтился съ нимъ на улицахъ Милана: онъ вернулся изъ Америки, томимый тоскою по родинѣ. Но у него была уже съ собою другая семья: этимъ объяснилось его молчаніе.

Брошенное на произволъ судьбы семейство Фонтаны цѣлый годъ кое-какъ держалось: дочери подросли и могли уже кое-что зарабатывать шитьемъ и помогать больной матери въ хозяйствѣ; недостающее пополнялось постепенной распродажей всего, что только можно было продать. Въ 1867 году мать умерла, измученная нуждою и горемъ. Обѣ сестры остались на рукахъ шестнадцатилѣтняго Фонтаны. Нечего было и думать продолжать школьныя занятія. Онъ оставилъ лицей и поступилъ «мальчишкой» въ большой кафе Биффи, гдѣ и прослужилъ цѣлый годъ. Но жалованье «мальчика» было рассчитано, разумеется, не на «главу семейства», каковымъ внезапно оказался молодой Фонтана. Онъ поѣхалъ въ Геную, гдѣ ему было обѣщано мѣсто прикащика въ хлопчатобумажной конторѣ. Однако, мѣсто это оказалось уже занятымъ. Онъ хотѣлъ поступить простымъ служителемъ на пароходѣ, но тутъ съ нимъ случилось несчастіе: онъ сломалъ себѣ ногу и долженъ былъ полтора мѣсяца пролежать въ постели. Это ничтожное, повидимому, обстоятельство имѣло ужасныя послѣдствія. Незначительная сумма денегъ, которую удалось сволотить продажей послѣдней мебели и платья, была израсходована. Сестры его, двѣ молодыя дѣвушки, одна шестнадцати, другая пятнадцати лѣтъ, оставались совершенно одинокими и беззащитными въ большомъ городѣ со всѣми его соблазнами... Онъ еще не совсѣмъ оправился, когда до него дошелъ злой слухъ... Онъ хотѣлъ тотчасъ же броситься въ Миланъ—но не на что было взять билета, нечѣмъ было расплатиться съ хозяиномъ трактира, гдѣ онъ жилъ. Онъ рѣшился бѣжать и ночью, тихонько выбрался изъ дому и пошелъ пѣшкомъ по миланской дорогѣ. Но на другое же утро онъ былъ задержанъ карабиньерами, посланными хозяиномъ въ догонку за нимъ. Не смотря на всѣ его просьбы и обѣщанія, его вернули назадъ и цѣлую недѣлю онъ долженъ былъ просидѣть на мѣстѣ, испытывая самую адскую пытку... Когда же наконецъ подъ влияніемъ его отчаянныхъ писемъ кто-то изъ знакомыхъ прислалъ ему нужную сумму денегъ, и онъ явился въ Миланъ—сестеръ уже не было. Обѣ онѣ исчезли, не оставивъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ, по которымъ ихъ можно было бы разыскать... Только черезъ семь лѣтъ Фернандо, сдѣлавшійся уже вѣвѣстнымъ, какъ поэтъ и журналистъ, неожиданно получилъ изъ Неаполя письмо отъ старшей изъ нихъ, въ которомъ она рассказывала, что младшая, Марія, умерла; она же, благодаря невѣроятнымъ усиліямъ, сдѣлалась сельской учительницей.

Не найдя тогда сестеръ, Фонтана убѣжалъ назадъ въ Геную, такъ какъ стѣны Милана угнетали его. Здѣсь, не имѣя возмож-

ности найти другого мѣста и не зная никакого ремесла, онъ сдѣлался разноснымъ торговцемъ и сталъ продавать спички, булавы и всякую мелочь. Къ этому времени относятся первые его стихотворенія — напр., «Medio Evo» и нѣкоторые другія, написанныя имъ на прилавкѣ своей убогой лавочки во время долгихъ безплодныхъ стояній на улицѣ. — Около трехъ лѣтъ провелъ Фонтана въ Генуѣ, хватаясь за всякую попадавшуюся подъ руку работу, терпя страшную нужду, почти никогда не имѣя квартиры и ночуя либо à la belle étoile, либо въ грязныхъ вертепахъ, гдѣ за ночлегъ брали по два су. — Наконецъ въ 1872-мъ году ему было обѣщано мѣсто корректора въ одной миланской газетѣ и онъ вернулся въ свой родной городъ. Съ этого времени начинается собственно литературное поприще Фонтаны. Но страшно трудны были первые шаги его на немъ. — Начавъ съ корректура, онъ, разумеется, весьма скоро обнаружилъ свои способности, и ему были поручаемы другого рода журнальныя работы. Но о томъ, каково было вознагражденіе за его труды, можно судить по тому, что когда ему пришлось вести почти всѣ отдѣлы въ «Corriere di Milano» — его ежемѣсячное жалованье равнялось всего пятидесяти франкамъ. Когда же онъ сталъ составлять еще одну недѣльную газету, въ которой былъ единственнымъ редакторомъ и сотрудникомъ, то жалованье его было повышено на десять франковъ въ мѣсяцъ. Кромѣ постоянной работы въ двухъ упомянутыхъ газетахъ онъ сотрудничалъ во множествѣ другихъ — въ «Pungolo», въ «Illustrazione», «Lombardia», «Unione», «Movimento» и др. Онъ писалъ и передовыя статьи, и хроники, и корреспонденціи, и комедіи, и либретто для оперетокъ, и стихи для календарей. Но это не избавляло его отъ тяжелой нужды и даже отъ горькой необходимости прибѣгать иногда къ помощи своихъ болѣе богатыхъ друзей.

Въ настоящее время, благодаря уже прибрѣтенному имъ имени, для него прошло время отчаянной борьбы съ нищетою, но слѣды горькой юности и жестокой драмы, поразившей его на зарѣ жизни, изгладить было не такъ легко.

Поэзія Фернандо Фонтаны служитъ самымъ вѣрнымъ отраженіемъ всей его тяжелой молодости. Ею объясняется господствующій въ его собственно философскихъ произведеніяхъ мрачный колоритъ, составляющій такой рѣзкій контрастъ съ «жизнерадостной» итальянской поэзіей нашего времени. Этимъ же объясняется болѣзненная нервность и порывистость его натуры, сквозящая въ каждой строчкѣ его произведеній. Долгая буря жизни не поселила въ душѣ его «привычекъ робкой тишины». Онъ

вышел победителем изъ тяжелыхъ испытаній и остался передовымъ бойцомъ человѣческой мысли. Но старыя, даже зажившія раны болятъ и ноютъ. Отсюда та надтреснутая нота скорби, скептицизма, усталости, которая вдругъ прорывается у Фонтаны среди торжествующей пѣсни жизни, какъ, напримѣръ, въ его «In alto» въ «Quando?» и др. Отсюда и какая-то надломленность, сквозящая въ его «Flectar» и въ прелестномъ «Fulvio Fulgonio». Это—небольшое стихотвореніе, посвященное скромному философу, дожившему до старости среди всякихъ невгодъ и лишеній, но совершенно довольному своей судьбой, потому что онъ знаетъ, что «совѣсть его чиста». — «Научи же меня, милый другъ мой, — говорить ему поэтъ: — какъ мнѣ послѣдовать твоему примѣру? Научи, какъ мнѣ побѣдить въ себѣ эти страшныя бури, которыя дѣлаютъ человѣка мстительнымъ, злымъ, завистливымъ? Научи меня жить спокойно, лишь бы знать, что совѣсть моя чиста?..»

Невозможно представить себѣ музы болѣе своенравной и капризной—но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе симпатичной. «Я родился добрымъ, — говорить о себѣ въ одномъ мѣстѣ поэтъ, — и всюду, куда лишь могла достигъ моя рука, всегда я вытиралъ слезу; даже у дѣтей просилъ я прощенія, если, ослѣпленный гнѣвомъ, я наносилъ имъ обиду».

Школа страданій развила въ немъ эту природную доброту; онъ не даритъ своимъ сочувствіемъ, онъ скорбитъ и болѣетъ вмѣстѣ со страждущимъ, онъ не думаетъ «возвышать до себя» падшаго: онъ прямо обращается къ нему съ нѣжнымъ словомъ брата и друга, совершенно забывая о своей нравственной чистотѣ. Таково, напр., одно его стихотвореніе, посвященное падшей женщинѣ.

Эта мягкость не отнимаетъ у него, однако, пластичности и силы, какъ это доказываетъ, напр., его лирическое «Meriggio», принадлежащее къ числу лучшихъ произведеній новой итальянской поэзіи вообще. Тамъ, между прочимъ, находится одно мѣсто, относящееся прямо къ молодости поэта: — «Я все еще ее люблю! О, много горькихъ дней видалъ я въ своей жизни. Ребенкомъ, одинъ безъ руководителей, былъ я брошенъ въ этотъ міръ, потомъ ужасными спутниками мнѣ были голодъ, нищета, холодъ, жестокое состраданіе счастливицевъ и насмѣшки бездушныхъ... Но то были дни счастья въ сравненіи съ этимъ»...

Поэтъ съ такой натурой и такимъ прошлымъ во всякую эпоху откликнулся бы на голосъ всѣхъ страждущихъ, и потому онъ примкнулъ къ движенію, которое возводитъ гуманитарныя стремленія въ научную доктрину. О характерѣ поэзіи Фонтаны

самое лучшее понятіе даютъ: его «Посланіе къ Биньями», «Canto dell'odio», «San Carlo», недавно появившееся *Montagna* и др.

Число такихъ поэтовъ, какъ Фонтана, немногочисленно, и вообще эта школа, — если только можно присвоить ей это названіе, — не играетъ еще серьезной роли въ умственномъ движеніи страны. Независимо отъ молодости этого направленія, послѣднее объясняется отчасти и самыми приѣмами юныхъ поэтовъ, принадлежащихъ къ нему. Будучи отраженіемъ рабочаго движенія, начавшагося въ послѣднее десятилѣтіе и въ Италіи, эта школа, на первыхъ порахъ, естественно должна была сохранить отпечатокъ своего сословнаго и партіоннаго происхожденія. Пока это — не болѣе какъ «поэзія рабочаго вопроса», если можно такъ выразиться. Она не расширилась еще до поэзіи гуманнаго освобожденія, которая одна могла бы увлечь собой все мыслящее и чувствующее, какъ, напримѣръ, увлекъ Англію истинный поэтъ девятнадцатаго столѣтія Шелли, хотя онъ и былъ несравненно радикальнѣе и рѣзче Томаса Гуда.

Спеціально о «гражданской» поэзіи Фонтаны можемъ замѣтить, что стремясь къ идейной, теоретической опредѣленности и ясности, онъ нерѣдко упускаетъ изъ вида требованія образности и художественности, что также составляетъ удѣлъ большинства поэтовъ этого направленія.

VII.—КАРЛЪ БАРАВАЛЛЕ.

Карлъ Баравалле — поэтъ-сатирикъ, принадлежащій къ старому поколѣнію. Ему 55 лѣтъ, но онъ еще въ полной силѣ таланта и безусловно лучшія его произведенія написаны имъ въ послѣдніе годы.

Баравалле началъ свою литературную дѣятельность очень давно, — лѣтъ тридцать тому назадъ, и уже въ первыхъ его произведеніяхъ обнаружился общественный характеръ его поэзіи. Талантливыя сатиры Баравалле носили отпечатокъ такой современности, что тотчасъ же обратили на себя вниманіе публики и сдѣлали имя молодого поэта однимъ изъ самыхъ популярныхъ въ ту эпоху. Первая сатира, написанная противъ сентиментальныхъ петраркистовъ, напоминаетъ собою «Чужой толкъ» Дмитріева съ тою только разницею, что русскій сатирикъ приходитъ въ отчаяніе отъ изобилія восторженныхъ кривоу, тогда какъ итальянскій восклицаетъ: «О, Боже, какой градъ скорбныхъ сокетовъ! Какія рѣки слезъ! Вся атмосфера насыщена сыростью.

День и ночь неумолчно раздаются отчаянные вопли терзаемых душъ, молящихся встрѣчнаго и поперечнаго о капль состраданія. Но безсердечная толпа проходитъ мимо и ни на минуту не хочетъ остановиться, чтобы выслушать задушевные признанія злополучныхъ!» Таково начало одной изъ первыхъ сатиръ Баравалле — «Стихоплеты».

Но тонкая и вмѣстѣ съ тѣмъ добродушная насмѣшка переходитъ въ крикъ негодованія тамъ, гдѣ поэтъ касается нелегкихъ недостатковъ людей, а тѣхъ пороковъ, которые разлагали современное ему общество. Таковы лучшія изъ его сатиръ: «Ventaghiuole», «Borsa», «Fallimenti». — Первая изъ этихъ сатиръ (Флюгера) начинается съ нѣсколькихъ строкъ, посвященныхъ восхваленію доблестей предковъ. Но взглядъ поэта обращенъ не назадъ, во мракъ прошлаго, а впередъ. Сатира его была вполне современна. Она бичевала одно изъ самыхъ тяжелыхъ золъ, порожденныхъ въ Италіи торжествующей реакціей: политическое перебѣзничество, измѣну своимъ убѣжденіямъ, возведенную въ систему, какъ лучшее средство добиться матеріальныхъ благъ, почестей и даже вѣшняго почета въ задавленномъ и перепуганномъ до низости обществѣ. Сатира эта появилась впервые въ одной миланской сатирической газетѣ «Rungolo» въ 1858 году и произвела очень сильное впечатлѣніе, потому что всѣ тотчасъ же поняли, кого имѣлъ въ виду поэтъ. Двѣ другія сатиры, которыя можно поставить рядомъ, если не выше «Флюгеровъ» — «Биржа» и ея продолженіе «Банкротство». Въ настоящее время, и въ особенности для насъ, русскихъ, привыкшихъ чуть не въ каждой драмѣ, комедіи и повѣсти видѣть осмѣяніе «жрецовъ Ваала», сатира эта, по мысли, не представляетъ ничего новаго и оригинальнаго. Но не таковою она была двадцать пять лѣтъ тому назадъ, когда въ первый разъ увидѣла свѣтъ. Однако и теперь сатиру эту можно перечитывать съ удовольствіемъ. Достоинство пьесы заключается въ ея образности. Это не филиппика и не проповѣдь, какъ большинство сатиръ, а рядъ живыхъ картинъ, начинающійся превосходнымъ изображеніемъ «храма золотого тельца» — биржи съ ея жгучей атмосферой хищническихъ страстей, волненія, отчаянія, радости, — надъ которыми носится злобѣщій призывъ самоубійства. Вотъ почему, какъ художественное произведеніе, «Биржа», по нашему мнѣнію, должна быть поставлена выше «Флюгеровъ». Она кипитъ дѣйствіемъ. Безсовѣстные обманы, игра въ повышеніе и пониженіе, ложные слухи, пускаемые съ цѣлью подорвать курсъ и обобрать легковѣрныхъ, — все это совер-

шается передъ глазами читателя. Онъ видитъ и разорившагося азартнаго игрока, замышляющаго уже самоубійство, и торжествующаго нахальнаго миллионера, «пережѣвившаго ния, чтобы удобнѣе было прогнать родного брата, когда тотъ придетъ просить кусокъ хлѣба». А на заднемъ фонѣ показывается толпа, томящаяся въ безпросвѣтной тѣмѣ и въ непокладной работѣ, умирающая отъ нужды въ то время, какъ «грязная и цѣпкая рука въ одну секунду загребаетъ столько золота, сколько хватило бы, чтобы спасти отъ смерти не одну, а сотни жизней». «Банкротство» составляетъ какъ бы дополненіе къ «Биржѣ». Это — очень небольшое произведеніе, представляющее діалогъ между авторомъ и встрѣтившимся ему на пути разорившимся биржевымъ игрокомъ. Игрокъ хочетъ лишить себя жизни, но авторъ проницательно наставляетъ его на путь истинный и учитъ, какъ слѣдуетъ поступить, чтобы прекрасно надуть кредиторовъ и выйти сухимъ изъ воды.

Эти три сатиры даютъ намъ понятіе о характерѣ всей поэзіи Баравалле. Но современный сатирикъ не можетъ быть Ювеналомъ, бичующимъ и казнящимъ безъ состраданія и пощады. Онъ слишкомъ разносторонне развитъ, слишкомъ чутокъ для этого. Типъ современнаго сатирика — это Диккенсъ, который не только смѣется, но и плачетъ надъ недостатками своихъ героевъ, потому что понимаетъ, что они больше несчастные, чѣмъ злодѣи. Эта нота скорби и жалости, благодаря которой такъ дорогъ намъ Гоголь, а Европѣ Диккенсъ, эта нота такъ часто звучащая у Некрасова, слышится и у Баравалле. Ею проникнута его «Mantenuta» (содержанка) и его девятая сатира: «Ничій въ лайковыхъ перчаткахъ», гдѣ онъ изображаетъ жалкую жизнь несчастнаго «мученика моды», который не дождается, мерзнетъ отъ холода, живетъ хуже послѣдняго поденщика, чтобы только всегда быть во фракѣ самаго лучшаго покроя и въ свѣжихъ лайковыхъ перчаткахъ.

Великія событія 1859—60 годовъ не могли не найти отголоска въ душѣ еще молодого тогда поэта. Многія изъ его пѣсней, относящихся къ шестидесятымъ годамъ, внушены патриотическимъ чувствомъ, охватившимъ тогда всю Италію. Таковы «sul Veneto», «Veneto» и др., и лучшая — «Camicia Rossa» (красная рубашка). Нѣкоторыя пѣсни посвящены самому герою итальянскаго освобожденія, Гарибальди, — и между ними элегія «Гарибальди на могилѣ Фосколо». Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что всѣ эти произведенія, въ томъ числѣ и лучшія, по достоинству не выдерживаютъ никакого сравненія съ сатирами и еще менѣе

легендами Баравалле, о которых будемъ говорить ниже. Они сухи и холодны: въ нихъ нѣтъ того беззавѣтнаго энтузіазма, который одинъ даетъ душу гимну и одѣ. Очевидно, уже и въ этотъ періодъ проницательный взглядъ поэта видѣлъ дальше внѣшней, блестящей оболочки новыхъ условій народной жизни. Сонетъ «Al caduto del 48», гдѣ разсказывается въ нѣсколькихъ стихахъ сперва смерть героя на миланскихъ баррикадахъ, а потомъ гибель семьи того же героя, потому что отечество вознаградило его только «годовщиной»; трогательная элегія «Къ сумасшедшей», гдѣ изображена дѣвушка, ищущая на полѣ битвы своего убитаго жениха, — и нѣсколько другихъ показываютъ, что онъ умѣлъ подмѣтить не только влики радости, но и слезы, сопровождавшія великое движеніе.

Послѣ 1863—65 годовъ въ поэтической дѣятельности Баравалле наступаетъ длинный періодъ почти полного затишья. Кромѣ незначительныхъ мелочей онъ почти ничего не написалъ. Его уже начали считать окончательно сошедшимъ съ литературной сцены. Но онъ только искалъ ноту для новыхъ, болѣе сильныхъ пѣсней, пораженный противорѣчіемъ между дѣйствительностью, которую дало національное движеніе, и тѣми упованіями, которыми возлагались на него всѣми лучшими людьми его времени. Наконецъ эта нота была найдена и поэтъ съ посѣдѣлой головой, но свѣжимъ юношескимъ сердцемъ выступилъ снова во всеоружіи таланта и знанія, одушевленный высокими идеалами будущаго, которымъ отнынѣ онъ исключительно посвятилъ свое перо.

Новые идеалы и новое настроеніе его всего лучше выражаются въ великолѣпной пѣсни «Un oga segepa»: «Обновляется вѣкъ! Уже занялась заря! Изъ мрачныхъ вертеповъ, гдѣ голодъ и невѣжество плодять воровъ, развратниковъ и убійцъ, выходитъ толпа скелетовъ и требуетъ своей доли хлѣба, знанія и любви!.. Ликующій гимнъ несется изъ мастерскихъ и школъ. Наука и любовь подаютъ другъ другу руку, и сквозь сумерки умирающаго дня видны уже божественные города будущаго»...

Такъ начинается эта пѣснь.

Слѣдуя внушеніямъ своего таланта, Баравалле выбираетъ для служенія этому свѣтлому будущему то орудіе, которое дала ему сама природа, — сатиру. Но теперь сатира его принимаетъ иной характеръ: это сатира не общественныхъ пороковъ, а общественныхъ отношеній. Въѣстъ съ характеромъ должна была измѣниться и ея форма. Старинная сатира-филиппика, идущая по самому краю той межи, за которой уже прекращается худо-

жественность произведенія и начинается прозаичность, не могла сохранить и тѣни художественности, если бы предметомъ своимъ она выбрала критику такихъ отвлеченныхъ вещей, какъ общественныя отношенія. Новая сатира должна была поэтому совершенно отказаться отъ старой формы прямого нападенія и ограничиться восвешнымъ: изображеніемъ одного какого-нибудь конкретнаго факта, въ которомъ разбираемое ею зло воплощается всего рельефнѣе,—предоставляя критику самому читателю. Такимъ образомъ, ничего не теряя въ ясности мысли, сатира интригуяетъ очень много въ формѣ и становится въ полномъ смыслѣ слова художественнымъ произведеніемъ. Сатиры Баравалле именно таковы. Не желая прибѣгать къ истрепанному романтизмомъ названію «баллады», онъ возвращается къ старинному названію «легенды», въ русскомъ переводѣ—«сказанія». Такихъ «легендъ» въ настоящее время появилось всего пока пять (шестая готовится къ печати), потому что, тщательно отдѣлывая свои произведенія, Баравалле пишетъ очень мало. Кромѣ того, выбирая свои сюжеты преимущественно изъ деревенскаго быта, онъ, подобно французскимъ романистамъ реальной школы, Гонкуръ, Додэ и Зола, имѣетъ обыкновеніе посѣщать тѣ мѣста и наблюдать тѣ факты, которые изображаетъ, чтобы рисовать свои образы не иначе, какъ съ натуры.

Есть, впрочемъ, еще одно, второстепенное обстоятельство, дѣлающее необходимымъ для поэта народныхъ страданій въ Италіи весьма обременительную предварительную работу,—обстоятельство довольно характерное и заслуживающее поэтому, чтобы о немъ упомянуть: это языкъ. Вслѣдствіе огромнаго преобладанія въ Италіи поэзіи въ собственномъ смыслѣ надъ прозаической литературой вообще, мало-по-малу выработался совершенно специальный «поэтический языкъ», въ высшей степени исключительный и аристократическій, отличающійся необыкновеннымъ богатствомъ словъ и выраженій, относящихся ко всѣмъ тонкостямъ человеческихъ чувствъ, но почти совершенно не допускающій въ свою среду словъ «низкихъ», «плебейскихъ», относящихся къ предметамъ обыденной жизни. Эта исключительность поэтическаго языка, правда, значительно ослабѣла въ настоящее время, послѣ того какъ Джусти пробилъ широкую брешь въ его древнихъ стѣнахъ и ворвался въ его заповѣдную ограду во главѣ своихъ «Scherzi». Однако, и въ настоящее время аристократизмъ его все еще сохранилъ свою силу, и поетамъ, набирающимъ «вульгарныя» темы, приходится бороться съ затрудненіями, совершенно неизвѣстными у другихъ народовъ. Такъ классикъ Арна-

больше былъ въ большомъ затрудненіи, когда писалъ свою «Fi-landaisa», о которой мы упоминали выше: ему нужно было сказать, что дѣвушка-размотчица работала четырнадцать часовъ въ день. Но голая цифра въ поэзіи — тоже, что засаленная приходо-расходная книжка среди изящныхъ золотообручныхъ томиковъ будуарной библіотеки. Опытный поэтъ, посѣдѣвший въ стилистическихъ битвахъ, ускользнулъ отъ поставленной ему дилеммы слѣдующимъ образомъ: вмѣсто того, чтобы сказать: «работала четырнадцать часовъ», онъ сказалъ: «работала семь и семь часовъ», что было признано достаточно поэтичнымъ, потому что указываетъ на предметъ не совсѣмъ прямо. Легко понять, съ какими мелкими и кропотливыми затрудненіями приходится бороться, чтобы ввести въ поэзію такія вещи, какъ ушатъ, ухватъ, свинью съ поросятами и прочіе имъ подобныя предметы крестьянскаго обихода, не встрѣчающіеся ни у Данте, ни у Аріоста. Баравалле не всегда преодолеваетъ эти затрудненія. Свинью онъ прямо называетъ свиньей, а не «щетинистой хрюкалкой» — но за то его книжечки и не удостоиваются золотообручныхъ переплетовъ и мѣста въ будуарныхъ библіотекахъ.

По конструкціи своей, легенды Баравалле также просты, какъ и темы имъ избираемыя.

«О, добрый человѣкъ, имѣющій дрова и кусокъ хлѣба, дай мнѣ отогрѣться у твоего очага. Руки мои окоченѣли, ноги замерзли. О, сжался надо мной, дай мнѣ корку хлѣба; взгляни, какъ измучилъ меня голодъ и долгій путь! О, добрый человѣкъ,пусти меня, я голодна, я замерзаю! О, сжался надо мной!..» Такъ начинается одна изъ легендъ: *La legenda della Pella-grova* ¹⁾.

— Матушка, около двери кто-то стонетъ!

— Молчи, полночь уже пробило. Все спать. Ложись и спи: то вѣтеръ воетъ между щелями.

— О,пустите меня, я голодна, я замерзаю!

— Матушка, нѣтъ, это не вѣтеръ, это человѣческій голосъ стонетъ и плачетъ.

«И изъ своей кровати выскочилъ мальчикъ, сбѣжалъ внизъ по лѣстницѣ и увидѣлъ у порога сбишуюся въ комокъ человѣческую фигуру»...

Это была женщина, больная пелагрой, блѣдная какъ мѣлъ, съ красными пятнышками на лицѣ.

¹⁾ *Pelagra* — болѣзнь, происходящая отъ недостаточнаго питанія и жизни среди болотъ, свѣрхистающая въ долины Ломбардіи.

«Легенда» представляет не что иное какъ рассказъ этой женщины о несчастіяхъ крестьянской семьи, ее пріютившей. Онъ состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой Катерина (больная) рассказываетъ вкратцѣ жизнь Джакомо и его семьи до катастрофы. Она вспоминаетъ объ этомъ времени, какъ о раѣ земномъ, хотя кромѣ куса хлѣба, зарабатываемаго самымъ тяжелымъ трудомъ, Джакомо и его семья ничего не имѣли. Но счастье это, какъ показывается повтъ, было очень непрочное, потому что требовало неустанной и каждодневной работы всѣхъ членовъ семьи и при малѣйшей невзгодѣ должно было разбиться въдребезги. Такъ дѣйствительно и случилось. Повтъ выбралъ ужасное несчастіе, катастрофу, — и сдѣлалъ ошибку: повѣсть его была бы гораздо реальнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ трагичнѣе, если бы на ея мѣстѣ явилось обыкновенное событіе, которыхъ такъ много въ крестьянской жизни и которыхъ было бы совершенно достаточно, чтобы разрушить это эфемерное счастье. Въ «Pellagrosa» непрочное и мнѣрное благополучіе Джакомо и его семейства разрушается въ одинъ день наводненіемъ, которое, слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, въ Италіи составляетъ явленіе вовсе не такое исключительное, какъ было бы, напримѣръ, у насъ. Разоренная семья идетъ искать работы, прося по дорогѣ милостыню, такъ какъ все ея богатство, накопленное нѣсколькими десятками лѣтъ труда, заключалось въ изобѣ и посѣвѣ. Повѣсть объ этихъ скитаніяхъ и о всѣхъ мукахъ, которыя пришлось перенести злополучной семьѣ, и составляетъ содержаніе второй половины «Легенды». Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ передавать ее подробно. Вся семья понемногу умираетъ. Старикъ Джакомо сходитъ съ ума, что также явленіе весьма обыкновенное среди крестьянъ этой благодатной Ломбардіи, «обътованной земли» поетовъ. Въ заключеніе и сама Катерина бросается въ воду и утопаетъ.

Если при всей правдивости картинъ и повѣствованій «Pellagrosa» страдаетъ нѣкоторой преувеличенностью въ фабулѣ, то антитезу ей въ этомъ отношеніи представляетъ «La Balza» (кормилица), послѣдняя изъ «легендъ», написанныхъ Баравалле. Она безукоризненно проста и правдива не только во всѣхъ частностяхъ, но и въ общей концепціи. Дѣйствіе происходитъ снова въ той же Ломбардіи. Рассказъ начинается съ картины похоронъ маленькаго грудного ребенка, сына крестьянина Франческо и Линды, его жены. Мать въ большомъ горѣ. Но на другой день къ ней приходитъ деревенскій докторъ и говоритъ, что у него для нихъ есть отличное предложеніе: одна богатая миланская

синьора ищетъ кормилицу, а такъ какъ у нихъ ребенокъ умеръ, то Линда какъ разъ можетъ взять это мѣсто. Франческо жаль разставаться съ женой, но сборы плохіе, деньги нужны. Въ тотъ же день за Линдою прѣзжаетъ великолѣпная карета и ее увозятъ въ Миланъ. Далѣе, въ очень комичной сценѣ изображается, какъ эту крестьянку моютъ, чистятъ, переодѣваютъ, вспыскиваютъ духами, прежде чѣмъ привести предъ свѣтлыя очи благородной синьоры и ея супруга. Линда понравилась и поступаетъ въ кормилицы. Сперва ей неловко, но она скоро свыкается и мало-по-малу эта атмосфера праздности, роскоши и тонкаго разврата начинаетъ дѣйствовать разлагающимъ образомъ на эту простую натуру. Исторія этого постепеннаго зараженія представляетъ лучшее мѣсто всей «легенды». Но какъ разъ въ то время какъ Линда совсѣмъ уже было почувствовала всю прелесть своей новой жизни, вдругъ кончается срокъ кормленія грудью. Ее рассчитываютъ, великодушно дарятъ ей ея костюмъ кормилицы и отправляютъ домой съ десяткомъ франковъ въ карманѣ. Но теперь дома ей уже все противно—и убогая изба, и душная конурка съ твердой, какъ камень, постелью и даже ея Франческо, у котораго такія жесткія руки и такія грубыя манеры. Деревенская же работа кажется ей настоящей каторгой. А тутъ молодой богатый сосѣдъ начинаетъ приволакиваться за деревенской красавицей...

Поэтъ не хочетъ договаривать остального. Онъ только рисуетъ несчастный конецъ своей героини: она умираетъ въ городской больницѣ. Мужъ, пришедшій взглянуть на нее передъ смертью, находитъ ея трупъ въ отвратительной мертвецыи.

Легенда заканчивается краткимъ обращеніемъ къ читателю, гдѣ высказывается вся мысль произведенія.

«Повѣсть моя печальна, о читатель, но правдива. Перелистывая альбомъ, который патриціанка заманчиво раскладываетъ на изящномъ рѣзномъ столикѣ, ты скоро увидишь красивую фигуру моей кормилицы съ ребенкомъ на рукахъ.

«О, бѣдный дикій цвѣтокъ, выросшій подъ темной оградой, затѣмъ занесло тебя туда, гдѣ ты долженъ потерять свое благоуханіе!»...

Остановимся еще на «Легендѣ о сельскомъ учителѣ», которая, показывая, что Баравалле вовсе не страдаетъ узкой сознательностью и пристрастіемъ партіи въ своихъ симпатіяхъ. Она относится вполне къ повѣстямъ о несправедливостяхъ и страданіяхъ человѣческихъ, потому что въ Италіи, не смотря на всю демокра-

тичность ея парламента, несчастный классъ сельскихъ учителей до сихъ поръ находится въ худшемъ положеніи, чѣмъ порядочный городской работникъ.

«Темная конура, холодная зимою, знойная лѣтомъ; ни угля въ каминѣ; голыя стѣны точно въ сараѣ. Это обитель нищеты!—скажешь ты, читатель. Но ты видишь въ углу на гвоздикахъ карту Италіи, а подъ тусклымъ ошоекомъ разбитанный столикъ, покрытый перьями и бумагой. Надъ истрепаннымъ сѣвнишномъ виситъ ветхая этажерка, оттуда меланхолически выглядываетъ букварь и маленький Данте... Здѣсь сельскій учитель мыслить и страдаетъ!—скажешь ты, читатель».

Затѣмъ разсказывается вся жизнь этого злополучнаго страдальца, который терпѣлъ и суровую стужу и тяжелыя бессонныя ночи и блѣдный голодъ и позорныя лохмотья — и все это вынесъ, не сломявшись!—Веселая и краснощечная работница, которая ему приглянулась и которой и онъ нравился, въ отвѣтъ на его объясненіе въ любви, спросила: какъ велико его жалованье... И все это онъ вынесъ: «Лукавая искусительница — смерть—предстала передъ нимъ, сладко нашептывая: о, какъ хорошо умереть у горящей жаровни, окрашенной синими игривыми огоньками! — И какъ стыдливая неvěста подастъ своему жениху буфетъ свѣжихъ розъ, она подавала ему съ нѣжными взоромъ спички и уголья. И все это онъ вынесъ». Наконецъ, нужда взяла свое, и несчастный умираетъ отъ чахотки. «Легенда» заканчивается трогательнымъ обращеніемъ къ дѣтямъ, ученикамъ страдальца: «О, дѣти, слава работнику, который былъ вамъ учителемъ до самаго гроба! О, понесите его вы, вы, милыя дѣти, на поле вѣчнаго покоя. Засыпьте его, вы, сырую землю; поставьте ему, вы, крестикъ надъ могилой, чтобъ и послѣ васъ дѣти знали, гдѣ лежитъ онъ. Потомъ, смѣлыя и добрыя, идите впередъ своей дорогой, не спуская глазъ, какъ тому училъ онъ, съ свѣтлаго востока, и напѣвая радостную пѣснь надежды, которую пѣлъ онъ».

Вообще у Баравалле очень хороши лирическія мѣста, нѣжныя и задушевные, которыми пересыпаны его легенды.—Какъ на прекрасный образчикъ чисто идиллической лирики укажемъ на его «Il Libro della vostra vita» (книжка вашей жизни), небольшое произведеніе, посвященное четыремъ его ученикамъ и написанное специально ко дню ихъ выпуска. Оно начинается словами: «чиста еще книга вашей жизни, милыя мои ученицы, и въ ней есть только одна заглавная картинка»... и резюми-

руется словами: «помните же, дѣти, плачутъ иногда и ангелы, но никогда другихъ не заставляютъ плакать»¹⁾.

Чувствительность, отличающая два послѣднія изъ названныхъ произведеній, переходитъ у Баравалле даже въ сентиментальность въ его «Fanciulo Rachitico» — слабѣйшей изъ легендъ, написанной въ прошломъ году, для сборника, издаваемого ежегодно съ благотворительной цѣлью институтомъ для золотушныхъ дѣтей и наполненного слезавыми рассказами о «великодушныхъ благодѣтеляхъ» — Баравалле очевидно не хотѣлъ произвести диссонанса въ этомъ хорѣ. — Но за то въ нынѣшнемъ году онъ щедро вознаграждаетъ своихъ почитателей сатирой, помѣщенной въ томъ же сборникѣ, хотя подходящей къ нему, на этотъ разъ, только по названію: она озаглавлена: «Moralì rachitici» (нравственные рахитики). По формѣ она представляетъ возвращеніе къ классическимъ сатирамъ его молодости. Она направлена противъ измелечанія характеровъ во всѣхъ сферахъ общественной жизни. По своей силѣ, по образной сжатости языка, жесткого и рѣзкаго, какъ удары бича, по язвительности сарказма она выше всего, что онъ писалъ до сихъ поръ въ этомъ родѣ. Это показываетъ, что поэтъ, который скоро будетъ праздновать тридцатилѣтній юбилей своей литературной дѣятельности, сохранилъ всю свѣжесть и силу своихъ тридцати лѣтъ. Но для насъ она интересна еще потому, что мы, какъ современники, можемъ всего лучше замѣтить на ней одну весьма характерную особенность таланта Баравалле: онъ никогда не стрѣляетъ на воздухъ и холостыми зарядами, съ цѣлью произвести больше шума. Каждая высказанная имъ мысль, каждый образъ и даже намекъ внушены какимъ-нибудь реальнымъ и конкретнымъ фактомъ. — Онъ никогда не декламируетъ, какъ это часто дѣлаютъ сатирики, и никогда не упивается собственнымъ краснорѣчіемъ. Вы видите, что онъ говорить для слушателей, обводитъ ихъ

¹⁾ Упомянемъ по поводу этой книжечки объ одномъ весьма характерномъ для Италіи обычай: по случаю разныхъ семейныхъ торжествъ здѣсь вмѣсто подарковъ гости часто подносятъ свои произведенія и это считается знакомъ самаго высокаго уваженія и любви. Большею частью это, разумѣется, стихи, но нерѣдко просто какая-нибудь хорошенькая статья, мемуары, монографія, комментарий. Къ созданию они всегда печатаются по числу гостей и пускаютъ ихъ потомъ въ обращеніе считается весьма неприличнымъ. Мемуары Франческо Бонамичи, откуда мы заимствовали нѣкоторые факты изъ дѣтства Кардуччи, были напечатаны только въ 89 экз. — Къ числу такихъ произведеній относится и «Il Libro della vostra vita», которая попала въ руки совершенно случайно, такъ какъ ея не оказалось даже у самого Баравалле.

глазами и указываетъ пальцемъ то на одинъ, то на другой фактъ.

Въ заключеніе нѣсколько словъ объ оригинальной и сильной личности самого поэта, вполне соответствующей его мужественной поэзии.

Баравалле принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ людей, у которыхъ сильная мысль и твердый характеръ соединяются съ чрезвычайно нѣжной, отзывчивой, восторженной душой. — Онъ человѣкъ «старого закала», вскормленный движеніемъ прошлаго поколѣнія, сохранившій во всей чистотѣ «культъ духа» съ его суровымъ пренебреженіемъ къ легкимъ и поверхностнымъ наслажденіямъ, на которыя съ такой жадностью накинулась золоченая мода новаго поколѣнія. — Стоя совершенно особнякомъ, онъ такимъ же остается и въ частной жизни. Его нельзя встрѣтить ни въ модныхъ кафе, ни въ извѣстнѣйшихъ литературныхъ клубахъ, хотя онъ человѣкъ въ высшей степени общительный. Причина этому та, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ отличается чрезвычайной прямою, дѣлающей его совершенно неспособнымъ къ мелочному, хотя бы и освященному обычаемъ лицемерію, неизбежному въ отношеніяхъ съ людьми, съ которыми у него такъ мало общаго въ воззрѣніяхъ на литературу и общественные вопросы. Его лучшіе друзья, это — его бывшіе ученики (онъ занимаетъ катедру литературы въ миланской *Academia scientifico-letteraria*). Одинъ изъ нихъ и предложилъ мнѣ однажды познакомиться съ Баравалле, когда я тщетно ходилъ по всѣмъ миланскимъ бібліотекамъ, стараясь найти разбросанныя по старымъ газетамъ пятидесятихъ годовъ нѣкоторыя сатиры Баравалле, не вошедшія въ его сборникъ. Я, разумѣется, съ удовольствіемъ принялъ это любезное предложеніе и черезъ нѣсколько дней съ карточкой своего пріятеля отправился на *via Pantano*, гдѣ находится Академія наукъ и литературы.

Мнѣ отворилъ дверь высокій, совершенно сѣдой старикъ съ большой, львиной головой и чрезвычайно симпатичнымъ лицомъ, хотя довольно неправильнымъ, похожимъ скорѣе на русское, чѣмъ на итальянское. Особенно привлекательны были глаза: большіе, голубые, которымъ старческія морщинки придавали какую-то особую доброту. Это былъ Баравалле.

Послѣ обычныхъ вопросовъ, онъ ввелъ меня въ свой кабинетъ, заваленный книгами, и сказалъ, что готовъ служить, чѣмъ можетъ, но что онъ вовсе не собираетъ своихъ произведеній и потому мало чѣмъ можетъ быть мнѣ полезенъ. Дѣйствительно, кромѣ двухъ-трехъ вещицъ, онъ ничего не могъ предложить

мнѣ, да и за тѣми мнѣ пришлось зайти на другой день, потому что онъ рѣшительно не помнилъ, гдѣ онъ у него завалялся.—Такое авторское равнодушіе чрезвычайно поразило меня. На выраженное мною удивленіе Баравалле сказалъ:

— Я очень строго отношусь къ поэзии...

Больше онъ ничего не прибавилъ, не желая услышать обычныхъ протестовъ, которые и я, съ своей стороны, догадался сдѣлать только про себя.

Мы говорили объ очень многомъ. Преимущественно, впрочемъ, говорилъ я, потому что онъ съ любопытствомъ юноши засыпалъ меня вопросами о совершенно невѣдомой, но очень живо интересовавшей его Россіи. — Онъ читалъ нѣкоторые переводы изъ Лермонтова и Козлова, сдѣланные, кажется, Де-Губернатисомъ, и наши поэты очень ему понравились. — «Въ нихъ много души», — сказалъ онъ. — О Некрасовѣ же онъ никогда даже не слыхалъ, и я старался по возможности дать ему понятіе о новѣйшемъ русскомъ поэтѣ, съ которымъ у него такъ много общаго — и тутъ же перевелъ ему кое-какіе отрывки, которые могъ припомнить. — Читатель можетъ легко представить себѣ, насколько художественны могли быть эти переводы, но тѣмъ не менѣе Баравалле слушалъ меня съ величайшимъ интересомъ и въ безпорядочно нагроможденныхъ фразахъ и образахъ сумѣлъ уловить столь родственный ему духъ поэзии Некрасова. «Маша» до такой степени очаровала его, что онъ попросилъ меня непременно сдѣлать ему подстрочный переводъ ея и написать маленькое предисловіе о жизни и поэзии Некрасова вообще, чтобы познакомить итальянскую публику съ русскимъ поэтомъ. — Я, разумеется, охотно согласился на то и на другое, и вскорѣ послѣ моего отъѣзда изъ Милана онъ прислалъ мнѣ на просмотръ свой превосходный переводъ, который оказался не только чрезвычайно близкимъ къ оригиналу, но и того же самого размѣра.

Какъ ни обширенъ, быть можетъ, мой очеркъ итальянской поэзии для русскаго читателя — но я не сказалъ ни слова о многихъ другихъ поэтахъ, заслуживающихъ упоминовенія по своему таланту, по оригинальности и даже иногда по громкому имени, какъ напр., нѣкогда знаменитый, нынѣ утратившій, однако, свое значеніе Джов. Прати, авторъ лучшей изъ эпопей, какія только имѣетъ современная Италія — «Эдменегарды», написанной имъ въ 1840 году, и многихъ иныхъ произведеній меньшаго достоинства, нынѣ — придворный поэтъ королевскаго двора. Я ничего не сказалъ объ Авреліо Костанца, который въ своей поэмѣ: «Герои чердаковъ» сумѣлъ нарисовать такую живую

картину быта итальянской богемы, ни о Цанелли, авторъ идилліи «Эдвиги», одномъ изъ ветерановъ итальянской поэзіи; ни о Кіарини, авторъ трогательнаго сборника, озаглавленнаго «Слезы»; ни о мужественномъ и энергичномъ Арриго Іоніо, недавно воскресшемъ послѣ многихъ лѣтъ безмолвія; ни о Беттолони, ни о Сальмини, ни объ Эдмондѣ де-Амичисъ, составляющемъ такой диссонансъ своей слащавой сентиментальностью; ни о многихъ другихъ, пользующихся болѣе или менѣе широкой извѣстностью. Но для всего этого потребовалась бы цѣлая книга, а не журнальная статья. Мнѣ возможно было имѣть въ виду одну общую картину итальянской поэзіи, въ однихъ ея крупныхъ чертахъ. Если при этомъ мнѣ удалось оставить въ умѣ читателя впечатлѣніе о ея не совсѣмъ обыкновенной красотѣ и богатствѣ, то цѣль моя достигнута; но она будетъ достигнута еще болѣе, если мнѣ удастся своимъ очеркомъ побудить нѣкоторыхъ изъ нашихъ поэтовъ, между которыми найдется не мало хорошихъ переводчиковъ,—искать вдохновенія не въ одной французской или англійской поэзіи, которая, по моему мнѣнію, не выдерживаетъ ни малѣйшаго сравненія съ современной итальянской.

С. Г.

НОВЫЕ РОМАНЫ

ДОДЭ И ЗОЛА.

— *A. Daudet, l'Evangéliste. Roman parisien. Paris, 1883.*

— *E. Zola, Au bonheur des dames. Paris, 1883.*

Новые романы Додэ и Зола, вышедшие въ свѣтъ одинъ вслѣдъ за другимъ въ началѣ нынѣшняго года, даютъ намъ поводъ возвратиться еще разъ къ двумъ писателямъ, стоящимъ во главѣ современной французской беллетристики ¹⁾. Содержаніе «Evangéliste» и «Au bonheur des dames», безъ сомнѣнія, извѣстно нашей читающей публикѣ; мы можемъ прямо приступать къ ихъ оцѣнкѣ.

«Проповѣдница» посвящена авторомъ знаменитому психіатру Шарко, подъ скромнымъ названіемъ *наблюденія* (observation). Слѣдуетъ ли отсюда, что новый романъ Додэ — *только* наблюденіе, и притомъ наблюденіе надъ жизнью психически больного, надъ развитіемъ психической болѣзни? Нѣтъ; передъ нами лежитъ не протоколъ наблюдателя, не скорбный листъ врача, а художественное произведеніе, въ которомъ факты играютъ только роль сырого матеріала, обдѣланнаго и комбинированнаго воображеніемъ поэта. Піетизмъ можетъ быть, пожалуй, отнесенъ къ числу психическихъ болѣзней, но въ томъ лишь смыслѣ, какъ и другія движенія души, овладѣвающія ею съ неодолимою силой; Элина Эбсенъ — такая же психически больная, какъ Гамлетъ, какъ Валленштейнъ, какъ старикъ Гюло

¹⁾ См. наши статьи о Додэ и Зола въ №№ 2 и 8 «Вѣстника Европы» за 1882 годъ.

или Гранде. Законнымъ достояніемъ поэзіи и литературы служатъ именно *такія* психическія разстройства, *такіе* психическіе больные. Помѣшательство полное, рѣзко выраженное — плохой сюжетъ для романа; хотя и возможный эпизодъ его. Романъ — это по преимуществу психологія, — а область психологіи оканчивается тамъ, гдѣ исчезаютъ послѣдніе слѣды сознанія и воли. Довести человѣка до порога психіатрической клиники — задача, достойная художника; поднимать завѣсу надъ тѣмъ, что дѣлается по ту сторону порога, онъ долженъ крайне рѣдко и осторожно. Нестройные, безсвязные звуки, издаваемые надгрезнувшими или лопнувшими струнами, могутъ быть драгоценнымъ предметомъ изученія для науки; искусство прислушивается къ нимъ лишь тогда, когда въ нихъ еще можно распознать мелодію, когда они составляютъ отголосокъ или продолженіе прежней, сравнительно-нормальной душевной жизни. Таково помѣшательство Офеліи или леди Макбетъ, Гретхенъ въ «Фаустѣ» или мельника въ пушкинской «Русалкѣ», таковъ бредъ Ореста или короля Лира. Другое дѣло — душевныя состоянія, лежація на рубежѣ психологіи и психіатріи; это неиссякаемая сокровищница, въ которой всегда черпали и долго еще будутъ черпать трагедія, драма, романъ, даже комедія и сатира.

Въ «Проповѣдницѣ», какъ и во всѣхъ почти крупныхъ произведеніяхъ Додэ, исторія личной жизни переплетена съ очеркомъ общественныхъ нравовъ, съ социологическимъ этюдомъ. Предметомъ этюда служить на этотъ разъ тотъ не окончившійся еще пароксизмъ протестантскаго піетизма, который создалъ, на Западѣ Европы, пресловутую «армію спасенія» и не совсѣмъ миновалъ даже Россію. Эти пароксизмы — нѣчто въ родѣ возвратной горячки; они повторяются отъ времени до времени, всегда одинаковые въ главныхъ чертахъ, всегда различные въ подробностяхъ. Новѣйшая форма старой эндеміи (гораздо болѣе старой, чѣмъ самый протестантизмъ; родословная ея восходитъ въ Грецію и Риму, даже къ Индіи и Египту) носитъ на себѣ явный отпечатокъ приспособленія къ условіямъ данной минуты. Нѣсколько десятилѣтій тому назадъ піетизмъ искалъ главную точку опоры въ власти имѣющихъ сферахъ, между высшими и самыми высшими особами (*höchste und allerhöchste Personen*); не пренебрегая и теперь ихъ содѣйствіемъ, онъ старается заручиться модной силой — богатствомъ, приучается дѣйствовать моднымъ оружіемъ — ассоціаціей. Отсюда появленіе такихъ обществъ, какъ союзъ «дамъ-евангелистокъ», во главѣ котораго стоитъ жена миллионера, Жанна Оtemanъ. Несмѣтное состояніе банкира, обра-

ценнаго въ христіанство не убѣжденіемъ, а безумною любовью къ жещѣ, идетъ на устройство Поръ-Совѣрской общины, на изданіе цѣлой литературы брошюръ, на организацію миссій внутри Франціи и за ея предѣлами. Въ пропагандѣ «дамъ - евангелистокъ» мы встрѣчаемъ всѣ характеристическіе признаки печальной доктрины, переживающей вѣка и постоянно возрождающейся изъ собственнаго пепла. Сгруппированные рукою художника, они производятъ глубокое впечатлѣніе, не смотря на всю простоту приѣмовъ, употребляемыхъ Додэ, или именно благодаря этой простотѣ. Хотите ли вы видѣть, какъ пѣтистическая струя проникаетъ въ прозу будничной жизни, покрывая ее тонкимъ, очень тонкимъ слоемъ легко смываемаго лака? Прочтите описаніе Петипора (деревни, надъ которою царствуютъ Жанна Оtemanъ); самый воздухъ проникнутъ здѣсь святостью, т.-е. святошествомъ, шеольтныя дѣти, какъ маленькіе сосуды грѣха, одѣты въ траурныя блузы, надъ лавкой мясника красуются надписи: «умри здѣсь, чтобъ жить тамъ»; «придѣлывайтесь къ тому, что не отъ міра сего». Хотите ли вы узнать, какъ побѣждается душа черезъ посредство тѣла? Просмотрите перечисленіе земныхъ благъ, которыми «евангелическая община» надѣляетъ своихъ неофитовъ. Какимъ образомъ порабощается воображеніе, преодолевается противодѣйствіе чувства, упрочивается покорность — это показываетъ публичная исповѣдь мистриссъ Ватсонъ. До какого притупленія ума и сердца доводитъ пассивное повиновеніе въ связи съ разстроенной фантазіей, — объ этомъ можно судить по учительницѣ поръ-совѣрской школы.

Естественный продуктъ пѣтизма — фарисейство, въ двухъ главныхъ его видахъ: лицемѣріи и самодовольномъ безсердечіи. Лицемѣріе онъ сѣетъ въ тѣхъ, которые чувствительны къ его мірскимъ удобствамъ, но безсильны вмѣстѣ въ себѣ его суровость, искренно подчиниться его тяжелымъ требованіямъ, беззаветно увлечься его фантазмагоріями. Таковы, въ «Проповѣдницѣ», насторъ Бирхъ, заботящійся не столько о спасеніи своей паствы, сколько о пріисканіи богатой невѣсты; хитрый крестьянинъ Баракенъ, постоянно угрожающій отпаденіемъ отъ «общины» и постоянно покупаемый ею; испорченный мальчишка Николъ, разыгрывающій публично роль раскаявшагося грѣшника, сыплющій то отборнѣйшими словами тюремнаго и трущобнаго argot, то изреченіями изъ Библіи. Другая разновидность пѣтистическаго фарисейства воплощена въ особенности въ Жаннѣ Оtemanъ, одной изъ самыхъ типичныхъ фигуръ, созданныхъ перомъ Додэ. Жанна не даромъ родилась въ Ліонѣ, этой твердынѣ француз-

скаго піэтизма ¹⁾; туманное небо, безконечные дожди, мутныя волны Роны издавна благопріятствуютъ здѣсь развитію холодной энергіи, меланхолической экзальтаціи. Воспитаніе довершило дѣло, начатое природой; рано потерявъ мать, Жанна выросла въ домѣ тетки, узкой, строгой кальвинистки. Пророчествовать и проповѣдывать она начала чуть не въ семнадцать лѣтъ; живя въ Швейцаріи, у подножія бернскихъ альпъ, она оставалась слѣпой къ красотамъ природы, ничего не знала и не хотѣла знать виѣ своего очарованнаго круга. На короткое время въ ней произошла перемѣна, сблизившая ее съ жизнью; она полюбила молодого студента богословія, полюбила его больше головой, чѣмъ сердцемъ, какъ будущаго товарища въ миссіонерскомъ дѣлѣ—но когда онъ измѣнилъ ей (вслѣдствіе разоренія ея отца), она все-таки глубоко почувствовала ударъ и окончательно отдалась одной завѣтной мысли. Всегда жесткая, она теперь словно окаменѣла; какъ бы переставая быть женщиной, она хладнокровно соглашается на бракъ съ Оtemanомъ, не только не любимымъ ею, но внушающимъ ей отвращеніе. Медленно созрѣвавшая въра въ собственную силу, въ высокое призваніе овладѣваетъ ею вполнѣ; она избираетъ себѣ девизомъ гордыя до безумія слова: «женщина погубила міръ — женщина и спасетъ его». Начиная съ мужа, все дѣлается въ ея глазахъ орудіемъ къ достиженію этой колоссальной цѣли. Сама безстрастная, безжалостная, невозмутимо холодная, она смѣло объявляетъ войну всякому земному чувству, какъ бы священно, какъ бы чисто оно ни было; разлучить мужа съ женой, мать съ дочерью—для нея побѣда, торжество, оправдывающее неразборчивость въ выборѣ средствъ. Выжавъ изъ Отемана все, что онъ могъ дать ей—т.-е. богатство, необходимое для успѣха пропаганды—она роняетъ его, какъ ненужную тряпку, спокойно выслушиваетъ приговоръ, которымъ онъ самъ осуждаетъ себя на смерть, спокойно выжидаетъ исполненія этого приговора. Могли ли, послѣ того, дойти до нея отчаянные крики мадаме Эбсенъ, могло ли подѣйствовать на нее обличительное слово Оссандона? Увѣренная въ самой себѣ, обезпеченная, силой миллионовъ, отъ всякой виѣшней невзгоды, она идетъ впередъ, столь же равнодушная къ своимъ жертвамъ, какъ браминъ, управляющій колесницей Джаггернаута.

Не всѣмъ послѣдователямъ піэтизма умерщвленіе чувствъ до-

¹⁾ Это значеніе Ліона прекрасно выставлено на видъ Ренаномъ, въ местомъ томъ его „Исторія происхожденія христіанства“ („L'égglise chrétienne“, стр. 475).

стается такъ дешево и легко, какъ Жаннѣ Оtemanъ. Главный интересъ «Проповѣдницы» заключается въ тѣхъ этапахъ, черезъ которые проходитъ Элина Эбсенъ, прежде чѣмъ сдѣлаться послушной овцой въ отеманскомъ стадѣ. Нѣжная привязанность къ матери, врожденная любовь къ дѣтямъ, мягкое сердце, тревожный умъ, среда, проникнутая практическимъ христіанствомъ, но чуждая сектантскихъ увлеченій—все, повидимому, должно было предохранить Элину отъ пѣггистической заразы. Въ самую торжественную минуту своей жизни, надъ гробомъ любимой бабушки, она общается матери никогда не разставаться съ нею; при первомъ знакомствѣ съ ученіемъ «дамъ-евангелистокъ», она возмущается имъ именно потому, что оно проповѣдуетъ отрѣшеніе отъ чувства. И что же? Не прошло и года, какъ Элина принадлежитъ этому ученію душой и тѣломъ. Какъ быстро Жанна Оtemanъ находитъ дорогу къ ея сердцу, какъ ловко возбуждаетъ въ ней беспокойство о вѣчномъ спасеніи дорогой умершей! Съ какимъ мастерствомъ задуманъ и исполненъ слѣдующій шагъ—внезапный призывъ Элины къ переводу, передъ наэлектризованнымъ собраніемъ, публичной исповѣди мистриссъ Ватсонъ! Какъ искусно закинута сѣть, привлекающая Элину въ Поръ-Совѣръ и опутывающая ее тамъ все больше и больше! Всего ужаснѣе то, что разбивая на всегда жизнь матери, Элина считаетъ себя охранительницей ея счастья—*истиннаго* счастья, о которомъ только и должна помышлять прозрѣвшая душа. Разлука съ дочерью, по поръ-совѣрской бухгалтеріи, вознаграждается для матери съ избыткомъ молитвами, возносимыми первое о духовномъ просвѣщеніи послѣдней. Переписку между матерью и дочерью трудно читать равнодушно, до такой степени поразителенъ контрастъ между голосомъ сердца и ледяной фразеологіей убивающаго всякую человѣчность аскетизма. Мать посылаетъ дочери цвѣты съ могилы бабушки; «благодарю тебя за память», отвѣчаетъ дочь, «но мнѣ слаще обладать Спасителемъ, вѣчно живущимъ, чѣмъ этими тлѣнными цвѣтами». «Я не могу болѣе работать», пишетъ мать; «глаза мои выжжены слезами, я ослабла отъ печали. О милое дитя, я жду тебя, преклонивъ колѣна. Не мать умоляетъ тебя возвратиться, а старая, несчастная женщина!» На этотъ отчаянный призывъ дочь отвѣчаетъ слѣдующимъ *открытымъ письмомъ*: «Я крайне огорчена, любезная мать, дурными извѣстіями о твоёмъ здоровьѣ; но я утѣшаюсь мыслью, что испытанія ежедневно приближаютъ тебя къ Богу. Что касается до меня, то я занята твоимъ и моимъ вѣчнымъ спасеніемъ. Я должна жить вдали отъ свѣта и оберегаться отъ зла». Удивительно ли, что

madame Эбсенъ пишетъ на этомъ отвѣтѣ: «*последнее* письмо моей дочери»? Чаша горечи не была еще, однако, выпита ею до дна; ей суждено еще пережить вторую, окончательную разлуку съ дочерью, которую присылаютъ на нѣсколько недѣль въ материнскій домъ, чтобы положить конецъ толкамъ о насильственномъ удержаніи ея въ рукахъ общины. Нужно прочесть заключительныя страницы романа, чтобы понять весь ужасъ мученичества, выносимаго madame Эбсенъ *ad maiorem gloriam* мнимо «евангелической» доктрины.

Ошибочно было бы думать, что безсердечіе, разбивающее жизнь Эбсенской семьи, составляетъ исключительную принадлежность такихъ натуръ, какъ Жанна Оtemanъ. Оно коренится въ самой сущности піетизма, всюду слѣдуетъ за нимъ и проникаетъ, по его стопамъ, даже туда, гдѣ до тѣхъ поръ всецѣло господствовало чувство. Когда на первый планъ выдвигается попеченіе о собственномъ благѣ—все равно, земномъ или неземномъ,—это всегда ведетъ къ эгоизму; различны только проявленія его и формы. Забота о спасеніи—доведенная до той интенсивности, которую сообщаетъ ей піетизмъ—исключаетъ всякую другую; въ сравненіи съ нею жеренуть всѣ обязанности, подъ ея гнетомъ забываются связи родства, любви и дружбы. Завзятый піетистъ оберегаетъ свою душу, какъ скупецъ—свои деньги; подобно тому, какъ послѣдній заграждаетъ доступъ къ своему сундуку, первый заграждаетъ всѣ дороги, идущія къ сердцу. Онъ можетъ творить такъ называемыя добрыя дѣла, но никогда не вложитъ въ нихъ всего себя, уже потому, что болѣзни, бѣдствія, лишенія кажутся ему заслуженными испытаніями или залогомъ будущаго блаженства. Орывки изъ «душеспасительныхъ» брошюръ Жанны Оtemanъ не сочинены Додэ; они какъ нельзя болѣе характеристичны для всѣхъ ученій, родственныхъ съ поръ-совѣрскимъ. «Отецъ, мать, дѣти часто оказываются недостойными любви; во всякомъ случаѣ они смертны. Привязываться къ нимъ—*плохой расчетъ* (*un mauvais calcul*)... Вѣрный расчетъ—это любовь къ Христу, къ одному Христу. Христосъ не обманываетъ, Христосъ не умираетъ; но онъ ревнивъ, онъ требуетъ *всей* нашей привязанности. Будемъ, поэтому, бороться съ идолами и изгонять изъ нашихъ сердецъ все соперничающее въ нихъ съ Христомъ». *Расчетъ*—вотъ послѣднее слово піетизма; а гдѣ расчетъ, тамъ и эгоизмъ, тамъ и безсердечіе. Піетистъ, повидимому, отказывается отъ всего—отъ привычекъ, отъ наслажденій, отъ привязанностей, даже отъ свободы; но это только одна сторона медали—на самомъ дѣлѣ онъ ничего не уступаетъ безвозмездно, а совершаетъ

выгодную (по его мнѣнію) сдѣлку. Попробуйте погрозить его въ этомъ важномъ дѣлѣ, хотя бы напоминаніемъ о самомъ простомъ и безспорномъ долгѣ—и вы получите отъ него такой же отвѣтъ, какой дала Элина Эбсенъ на послѣднее письмо матери.

Какъ ни серьезна, какъ ни опасна психическая болѣзнь, представляемая крайнимъ пѣтизмомъ,—насиліемъ ее лечить нельзя; запрещенія, преслѣдованія были бы здѣсь столь же неумѣстны, какъ побои и холодные думы—въ пользованіи помѣшательства. Роль государства по отношенію къ пѣтистической пропагандѣ должна ограничиваться наблюденіемъ, чтобы она не нарушала ничьихъ правъ и не употребляла преступныхъ средствъ въ достиженію своихъ цѣлей. Романъ Додэ даетъ намъ право заключить, что въ современной Франціи эта задача не всегда исполняется государствомъ. Мы видимъ, не безъ удивленія, что дѣятельность Жанны Отеманъ и ея сподвижниковъ стойтъ, до извѣстной степени, внѣ закона. Разслѣдованія о причинахъ смерти молодой Дамуръ, о наркотическихъ веществахъ, найденныхъ у Элины, остаются безъ всякаго результата; датскій консулъ отказывается падаме Эбсенъ въ защитѣ, даже въ простомъ участіи; адвокатъ, сначала возмущенный ея разсказомъ, понижаетъ тонъ, какъ только узнаетъ, что дѣло идетъ о женѣ всемогущаго банкира; другу падаме Эбсенъ, Лори, угрожаютъ отставкой за слишкомъ усердную поддержку ея интересовъ; даже Роменъ, скромный смотритель шлява, теряетъ свою должность, потому что человѣкъ, близкій къ Эбсенамъ и Лори, не долженъ жить рядомъ съ Поръ-Совѣромъ. Этого мало; протестантскимъ магнатамъ уступаетъ даже католическое духовенство. Сестра пети-порскаго кюрэ (учительница католической женской школы), горячо борющаяся съ отеманской пропагандой, переводится въ другую мѣстность; брату ея самъ епископъ совѣтуетъ быть осторожнымъ, восклицая: «эти люди слишкомъ сильны... нужно маневрировать!» Единственный человѣкъ, рѣшившійся, послѣ долгихъ колебаній, открыто возстать противъ Жанны Отеманъ—Оссандонъ, деканъ протестантскаго богословскаго факультета—лишается своего мѣста, не смотря на старость и общепризнанныя заслуги. Что же это значить? «Изъ числа старинныхъ привилегій,—говоритъ Додэ,—уцѣлѣла только одна, стоящая остальныхъ, возвышающаяся надъ законами и революціями, усиленная паденіемъ всего окружающаго: это—богатство, настоящая сила нашего времени, все нивелирующая, бесознательно, даже безъ усилія. Да, безъ малѣйшаго усилія! Въ несчастіи Оссандона, Ромена сами Отеманы ни при чемъ; все сдѣлалось помимо нихъ и подъ ними,

естественною силою вещей, могуществомъ денегъ, всеобщимъ предложениемъ передъ идоломъ». Если припомнить, что Додэ иногда не говоритъ на вѣтеръ, что подкладкой его романовъ всегда служатъ добросовѣстно провѣренныя, несомнѣнные факты, то онъ не принадлежитъ ни къ приверженцамъ старины, ни къ систематическимъ врагамъ существующаго порядка, то надъ приведенными здѣсь словами нельзя не призадуматься. Они бросаютъ свѣтъ на закулисную, мало извѣстную сторону французской жизни; они показываютъ еще разъ, какъ чутко относится Додэ къ жизненнымъ задачамъ нашей эпохи. «Романы Додэ», замѣтили мы въ посвященномъ ему этюдѣ, «свидѣтельствуютъ о томъ, что вопросъ о будущемъ Франціи переносится все больше и больше съ чисто-политической почвы на политическо-соціальную и выстѣ съ тѣмъ сами способствуютъ такой перестановкѣ вопроса. Пора, говорятъ намъ создаваемые имъ образы—пора сгладить контрасты, положить конецъ крайней роскоши и крайней нищетѣ». Та же тема затронута и въ «Evangéliste»: уменьшить привилегіи богатства, значить если не устранить, то во всякомъ случаѣ затруднить повтореніе такихъ явленій, какъ отеманская пропаганда.

«Проповѣдница» — самый тенденціозный романъ Додэ; но это не мѣшаетъ ему быть художественнымъ произведеніемъ. Жанна Оtemanъ и Элина Эбсенъ могутъ быть поставлены на одинъ рядъ съ лучшими созданіями Додэ. Какъ типиченъ также Лори-Дюфренъ, этотъ заурядный французскій чиновникъ, обезличенный и обезцвѣченный двадцати-лѣтней бюрократической работой! У него есть и чувство, и умъ, и совѣсть, но все это точно полиняло, поблекло, точно пробыло нѣсколько времени подъ гасильникомъ или подъ прессомъ. Первая административная невзгода застаётъ его безпомощнымъ, растеряннымъ; сиди въ канцеляріи, онъ многое позабылъ, но не научился ничему, что могло бы сослужить ему службу за ея стѣнами. «Никто лучше его не умѣлъ написать дѣловое письмо, въ томъ округленномъ, безцвѣтномъ стилѣ, идеалъ котораго—много говорить и ничего не сказать; никто не превосходилъ его въ знаніи іерархическихъ формулъ, въ нѣжной заботливости о реестрахъ, картонкахъ и другихъ канцелярскихъ принадлежностяхъ. Въ искусствѣ округлять дипломатическія фразы, смѣло хвалить, осторожно и мягко противорѣчить, въ умѣньѣ произнести, по какому угодно поводу, небольшую официальную рѣчь, съ обязательными цитатами изъ Горація и Монтэна, однимъ словомъ—во всѣхъ общихъ мѣстахъ, позахъ и гримасахъ административнаго актерства Лори

былъ настоящим мастеромъ; но разъ очутившись въ отставкѣ, куда и какъ онъ могъ приспособить это мастерство? Въ сорокъ лѣтъ не имѣть другихъ средствъ къ поддержкѣ семьи, кромѣ заученныхъ жестовъ и пустыхъ фразъ—это по истинѣ ужасно! Понятно, что такой жанихъ ни на минуту не могъ задержать Элину на наклонной плоскости пѣтизма; его «голубиная кротость» оказалась бессильной въ борьбѣ съ желѣзной волей Жанны Оtemanъ, какъ оказалась бы бессильной и во всякомъ другомъ серьезномъ, *настоящемъ* дѣлѣ. А между тѣмъ, сколько тысячъ Лори-Дюфреновъ подарилъ и продолжаетъ дарить Франціи ее административный механизмъ, о которомъ еще недавно принято было говорить, со словъ Тьера, что ему завидуетъ вся Европа! Трагизмъ положенія бѣдныхъ живыхъ машинокъ увеличивается тѣмъ, что ихъ судьба виситъ на волосѣхъ, безпрестанно обрываемомъ политикою. Какъ бы далеко они ни держались отъ борьбы партій, какъ бережно ни сохраняли бы нейтралитетъ не только въ дѣйствіяхъ, но и въ мысляхъ,—участь Лори, выброшеннаго на улицу за чуждый ему грѣхъ 16-го мая, угрожаетъ каждому чиновнику—и благо тому, кого катастрофа настигаетъ еще сравнительно свѣжимъ и бодримъ! Додэ, вообще не долюбляющій *политику*, расположенъ и здѣсь призвать ее къ отбѣту больше всего и прежде всего («o politique sans entrailles!» восклицаетъ онъ по поводу увольненія Лори); но такъ ли она виновата на самомъ дѣлѣ, и не слѣдуетъ ли отнести многое на счетъ административной централизаціи, на счетъ учебной системы, недостаточно согласованной съ требованіями жизни ¹⁾? Положимъ, что за чиновникомъ будетъ навсегда обезпечено его мѣсто; прекратится ли, вслѣдствіе этого, та напрасная трата силъ, орудіемъ которой служила и служить бюрократическая мельница?

Не только Оtemanъ, несчастная жертва наслѣдственной болѣзни и безнадежной любви къ женѣ; не только Оссандонъ, достойный потомокъ севенскихъ камизаровъ, способный отсрочить, но неспособный забыть исполненіе своего долга; не только правая рука Жанны Оtemanъ—Анна де-Бель, по ошибкѣ родившаяся въ XIX в., а не въ эпоху религіозныхъ войнъ; не только Генріетта Бриссъ, исповѣдующая странную смѣсь католицизма съ радикализмомъ; не только оригинальная чета (Сильванира и Роменъ), связанная одинаковою преданностью семьѣ Лори—даже

¹⁾ Въ романѣ Зола, о которомъ мы будемъ говорить ниже, вновь затронуть, въ лицѣ Поля де-Валланьоска, старый вопросъ о молодыхъ людяхъ, пожинающихъ лавры на мѣльной сѣмѣ и котомъ хорошихъ или хорошихъ себя въ мастерскихъ канцеляріяхъ.

вводныя лица, не играющія никакой роли въ романѣ, живутъ, дышатъ, врѣзываются въ память. Таковы, напримѣръ, супруги Галльстонъ, провинціалы, помѣшанные на чистотѣ и опрятности, удаляющіе изъ своего дома умирающую кузину, чтобы не нарушить разѣ навсегда заведенныхъ порядковъ; таковъ маленький сынъ Лори, предназначенный въ морскую службу и трагическій отъ одной мысли о своемъ назначеніи; таковъ въ особенности Маньябосъ, специалистъ по части произнесенія надгробныхъ рѣчей на тахъ называемыхъ гражданскихъ похоронахъ (*enterrements civils* — похороны безъ участія духовенства). «Мало-по-малу это обращалось у него въ священнодѣйствіе. Его языкъ становился елеинимъ, его жесты — авторитетными; врагъ священниковъ, онъ самъ дѣлался священникомъ — священникомъ свободной мысли, знаткомъ ея обрядовъ, ея ритуала. Его служеніе не оставалось безвозмезднымъ; онъ получалъ вознагражденіе въ видѣ похоронныхъ заставокъ, въ видѣ путевыхъ издержекъ, когда похороны происходили за чертой города». По странной ироніи судьбы, профессіей Маньябоса было раскрашиваніе статутокъ, изображающихъ мадонну или святыхъ. Онъ исповѣдывалъ атеизмъ, проводя кистью по бородѣ св. Іосифа или по волосамъ св. Перпетун. Въ улыбкѣ, возбуждаемой Маньябосомъ, нѣтъ, впрочемъ, ничего похожего на насмѣшку: его спокойствіе и терпѣніе во время болѣзни; горячій восторгъ, возбуждаемый въ немъ, наканунѣ смерти, отголосками національнаго праздника 14-го іюля; его вѣра въ лучшее будущее для народа — все это нарисовано съ той любовью, съ которою всегда относится Додэ къ симпатичнымъ лицамъ своихъ романовъ. Юморъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаютъ его англичане, мягкій, сердечный юморъ Дикенса — вотъ отличительная черта небольшой, но милой картинки, посвященной Маньябосу. Почти дѣйствующимъ лицомъ является у Додэ даже попугай, этотъ послѣдній остатокъ старыхъ традицій въ домѣ Отамана, преслѣдуемый Анной де-Бель, какъ воспоминаніе о еврействѣ, и умирающій въ одинъ день съ своимъ хозяиномъ, подобно ему — жертвой холодности и безсердечія.

Дѣйствіе романа подвигается впередъ быстро, просто, безъ всякихъ ненужныхъ отступленій. Потрясающими сценами онъ такъ же богатъ, какъ и другія произведенія Додэ; укажемъ, для примѣра, на напрасное ожиданіе мадаме Эбенъ, когда Элина въ первый разъ не возвращается изъ Поръ-Совѣра, на отчаянныя попытки матери найти, отвоевать обратно отнятую у нея дочь, на послѣднее ихъ прощанье, на рѣшительное объясненіе

Отемана съ Жанной, на проповѣдь Оссандона. Столь же хороши, въ своемъ родѣ, сцены элегическаго или идиллическаго характера — возвращеніе мадамъ Эбсенъ и Элины съ похоронъ бабушки, которымъ такъ удачно начинается романъ, экскурсія ихъ въ Петт-Портъ, вмѣстѣ съ семьей Лори, свиданіе Лори съ женой передъ ея смертію. Описаній немного, они сдержанны, сжаты, запечатлѣны настроеніемъ минуты; сдѣлать инвентарь той комнаты, въ которой умерла бабушка Элины, мы не можемъ, но чувствуемъ, за то, впечатлѣніе, произведенное ею на Элину въ ночь послѣ похоронъ бабушки. Лиризмъ, свойственный Додэ, иногда льется черезъ край, выражается въ восклицаніяхъ, въ апострофахъ, ни разу не звуча фальшивой нотой, ни разу не возбуждая въ насъ досады на излишнюю субъективность автора.

Не достигая той высоты, на которой стоятъ «Fromont jeune et Risler aîné» и въ особенности «Nabab», «Evangéliste» во всякомъ случаѣ не уступаетъ предшествовавшему роману Додэ («Numa Roumestan»), и даже превосходитъ его выдержанностью тона; въ «Numa Roumestan» интересъ идетъ *decrecendo*, въ «Evangéliste» — наоборотъ. Жгучихъ вопросовъ эпохи Додэ ни разу еще не касался такъ рѣшительно и прямо; еще одинъ шагъ въ этомъ направленіи — и сходство его съ Диккенсомъ станетъ какъ нельзя болѣе полнымъ. Слѣдующій романъ Додэ сдѣлается, быть можетъ, такимъ же *pendant* къ «Тяжелымъ временамъ» (Hard times), какимъ служатъ уже «Le petit chose» и первая часть «Jack» по отношенію къ «Давиду Конперфильду».

Читая послѣдніе романы Золя — въ особенности «Nana» и «Pot-Bouille» — мы часто спрашивали себя, неужели одинъ изъ самыхъ крупныхъ талантовъ эпохи обреченъ на окончательный упадокъ, на безнадежное погруженіе въ бездну протокольных описаній, слабыхъ сценъ и стертыхъ, какъ старая монета, фигуръ, вѣчно равныхъ самимъ собой, застывшихъ въ какой-нибудь привычѣ или страсти? Новый (одиннадцатый) томъ ругонъ-маккаровской серіи устраняетъ эти опасенія, по крайней мѣрѣ на время. «Au bonheur des dames» — одно изъ самыхъ свѣжихъ, самыхъ жизненныхъ произведеній Золя; мы опять узнаемъ въ немъ автора «Fortune des Rougon», «Ventre de Paris», «Conquête de Plassans», глубокаго знатока и оригинальнаго живописца современной общественной жизни. Въ ученіе о наследственности «Дамскій базаръ» вноситъ еще меньше, чѣмъ предыдущія части ругонъ-маккаровской эпопеи; его герой, Октавъ Муре — вполне нормальный человѣкъ, ни въ чемъ не

похожій ни на Аленанду Фуку, ни на своихъ родителей (Франсуа и Маргу Муре, главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ «Завоеваніи Плассана»). Легкій намекъ на то, что онъ унаслѣдовалъ отъ отца любовь къ деньгамъ, отъ матери — искру «нервной фантазіи» — вотъ единственная, очень тонкая нитка, соединяющая новый романъ съ основной идеей цѣлаго. Чтобы порвать эту нитку, стоитъ только припомнить, что Франсуа Муре былъ консервативнѣйшимъ рутинеромъ, а вовсе не приобретателемъ, что въ нервномъ темпераментѣ Марги Муре воображеніе далеко не играло большой роли. Скопидомство и постоянный рискъ, экзальтація и вѣрное практическое чутье — явленія скорѣе противоположныя, чѣмъ родственныя между собою. Правда, послѣднее слово объ Октавѣ Муре едва ли сказано авгоромъ; пророчества Бурдонкля и барона Гартманна о женщинѣ, которая отомститъ Октаву за всѣхъ остальныхъ, повторяются слишкомъ настойчиво, чтобы можно было считать ихъ исполнившимися въ силу одной только женитьбы Октава на Денизѣ. Весьма можетъ быть, что намъ предстоитъ еще увидѣть Октава, оставленного Денизой, присутствовать при вытекающей изъ этого драмѣ; но разсматривая Октава, какимъ онъ является намъ до сихъ поръ, мы не видимъ въ немъ ничего специфически-ругоновскаго или маккаровскаго. Скажемъ болѣе: Октавъ въ «Bonheur des dames» не слишкомъ-то похожъ на Октава въ «Pot-Bouille»; ничто не заставляло ожидать, что изъ зауряднаго буржуазнаго ловеласа выйдетъ гениальный предприниматель, революціонеръ въ промышленномъ мірѣ. Какъ развилась и выросла въ немъ способность широкихъ, смѣлыхъ комбинацій — это остается неизвѣстнымъ; разставшись съ нимъ въ одномъ романѣ, какъ съ ничтожествомъ, мы встречаемся съ нимъ въ другомъ, какъ съ мастеромъ, совершенно готовымъ. *Исторія* образованія характера рѣдко удается Зола; за то немногіе могутъ сравниться съ нимъ съ искусствомъ изображенія характеровъ, уже сформировавшихся. Съ этой точки зрѣнія «Дамскій Базаръ» представляетъ намъ цѣлую галерею замѣчательныхъ фигуръ: за самимъ Октавомъ слѣдуетъ Денвиза, Бурра, Бодю, Бурдонкль; почти каждый изъ прикащиковъ или прикащицъ, играющихъ какую-нибудь роль въ романѣ — живое лицо, съ ясно определенной фizioноміей. Напомнимъ, напри- мѣръ, веселчана Бутмона, истаго парижскаго комика Гютена, скромнаго Делоша, величественную главу «династіи Ломмовъ» — мадаме Орели. А присяжныя покупательницы и посѣтительницы «Базара», mesdames Дефоржъ, Гибаль, Марти, де-Бонъ! Сколько головъ — столько разновидностей современной парижанки

средняго круга, созданной или усовершенствованной «странною эпохою безумія и позора» ¹⁾.

Центръ тяжести «Дамскаго Базара» слѣдуетъ искать, однако, не въ характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ, не въ любви Октава къ Денизъ, не въ борьбѣ, завязывающейся между ними и обанчивающейся торжествомъ слабости надъ силой. Зола любитъ и ужьветъ оперировать надъ массами, противопоставлять одинъ общественный элементъ другому: худощавыхъ—жирнымъ (въ «Брюхѣ Парижа»), бонапартистовъ—легитимистамъ и республиканцамъ (въ «*Fortune des Rougon*» и «*Conquête de Plassans*»), бонапартистовъ сопротивленія—бонапартистамъ уступокъ (въ «*Son Excellence Eugène Rougon*»). Главная тема разбираемой нами книги—война крупныхъ капиталовъ, крупныхъ магазиновъ съ мелкими, старыхъ коммерческихъ приѣмовъ—съ новыми ²⁾; главный герой «Дамскаго Базара»—не Октавъ Муре, а самъ «Дамскій Базаръ». Характеръ Октава не имѣетъ исторіи, но за то ее несомнѣнно имѣетъ магазинъ Октава; всѣ фазисы его роста проходятъ передъ нами, онъ постепенно расправляетъ и вытягиваетъ свои члены, какъ молодой великанъ, которому быстро становится тѣсна всякая одежда. Если Зола задалъ себѣ задачей доказать, что промышленность точно такъ же можетъ имѣть свой романъ, какъ и любовь, какъ и политика, то его задача удалась ему вполне. Онъ имѣлъ, конечно, предшественниковъ на этомъ пути, имѣлъ передъ собою такіе образцы, какъ картина банкротства въ «*César Birotteau*»; но если перевѣсъ грандіозности остается на сторонѣ Балзака, то преимущество ясности, наглядности, систематичности слѣдуетъ признать, какъ намъ кажется, за авторомъ «Дамскаго Базара».

Въ «Страницѣ любви» мы встрѣчаемъ пять описаній Парижа, кажимъ онъ представляется съ высотъ Пасси или Трокадеро—Парижа при восхожденіи и захожденіи солнца, Парижа ночью, Парижа подъ проливнымъ дождемъ, Парижа зимою. Разстоянія между этими описаніями приблизительно одинаковы, каждымъ изъ нихъ заканчивается одна изъ пяти частей романа. Нѣчто подобное мы находимъ и въ «Дамскомъ Базарѣ»; онъ заключается въ себѣ три описанія распродажъ—одно въ началѣ, одно въ срединѣ, одно въ концѣ. Каждая распродажа знаменуетъ собою

¹⁾ Такъ называетъ Зола эпоху второй имперіи, въ предисловіи къ первому ругонъ-макаровскому роману.

²⁾ Эта война—не выдумка Зола; открытіе такихъ громадныхъ магазиновъ, какъ „*Louvre*“, „*Au printemps*“, „*Au bon marché*“, не могло не отозваться на положеніи мелкой коммерціи.

особый фазисъ въ жизни магазина. Первая идетъ параллельно съ первою рискованною операціей Муре (продажей одной матеріи чуть не въ убытокъ, чтобы дать толчокъ сбыту всего остального); вторая слѣдуетъ за расширеніемъ магазина, доводящимъ его почти до улицы десятаго декабря; третья совпадаетъ съ высшимъ торжествомъ его, съ открытіемъ новаго корпуса, водружающимъ его флагъ на одной изъ главныхъ артерій обновленнаго Парижа ¹⁾. Первая распродажа приближаетъ цифру дневной выручки къ ста тысячамъ, вторая выдвигаетъ ее за полмилліона, третья—за милліонъ франковъ. Искусственность этой лѣстницы бросается въ глаза, но не рѣжетъ ихъ такъ, какъ искусственность описаній въ «Страницѣ любви». Къ роману Елены и Жанны Гранжанъ панорама Парижа, съ постоянными переиѣнами освѣщенія, пристегнута чисто внѣшнимъ образомъ; въ романѣ Октава и Денизы—или, лучше сказать, въ романѣ «Дамскаго Базара»—выставки и распродажи составляютъ существенно важное звено. За нѣсколько дней до первой распродажи Дениза поступаетъ на службу въ «Дамскій Базаръ», за нѣсколько дней до второй—возвращается туда послѣ временнаго изгнанія; въ день третьей распродажи окончательно рѣшается ея судьба, и романъ получаетъ свою естественную развязку. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего натянутого; между обстановкой и жизнью дѣйствующихъ лицъ господствуетъ полнѣйшая гармонія. Описаній, и весьма длинныхъ, въ «Дамскомъ Базарѣ» такъ же много, какъ и въ самыхъ богатыхъ ими произведеніяхъ Зола; но здѣсь они не тяготятъ насъ своею подробностью, потому что прямо относятся къ настоящему герою романа. Центральный рынокъ (Halles centrales), въ «Брюхѣ Парижа»—только театръ дѣйствія; «Дамскій Базаръ»—въ одно и то же время и театръ, и предметъ дѣйствія. Отсюда своеобразная жизнь, разлитая по всѣмъ страницамъ романа. Вырвите изъ него какую-нибудь картину, перенесите ее мысленно въ другую книгу—она покажется, можетъ быть, скучной, растянутой; на своемъ мѣстѣ она безусловно хороша, самый избытокъ детальныхъ штриховъ усиливаетъ впечатлѣніе. Намъ нужно видѣть во-очію разнообразіе товаровъ, оригинальное распредѣленіе ихъ, изысканную или кричащую ихъ выставку, чтобы понять магическое ихъ дѣйствіе на дамъ, толпящихся у прилавковъ, въ безконечномъ рядѣ комнатъ; намъ нужно проникнуть

¹⁾ Улица десятаго декабря—послѣ паденія имперіи переименованная въ улицу четвертаго сентября—идетъ отъ новаго адманіа Оперы къ биржѣ, пересѣкая одинъ изъ самыхъ оживленныхъ парижскихъ кварталовъ.

во всё углы колоссальнаго механизма, чтобы объяснить себѣ размѣры его дѣятельности и возможность его успѣха.

Въ войнѣ, предпринятой «Дамскимъ Базаромъ», есть свои стратегическіе и тактическіе планы, свои походы, свои сраженія, есть убитые и раненые, не только въ переносномъ, но и въ буквальный смыслъ слова. Стратегія магазина прямо противоположна старинному классическому девизу: *non multa, sed multum*. Онъ беретъ именно количествомъ, массами—массами товара, соединяемыми въ одно громадное цѣлое и быстро уступающимъ мѣсто новымъ массамъ. Рутинная коммерція держится принципа дешевой покупки и дорогой продажи; новая система, сохраняя первую его половину, замѣняетъ вторую правиломъ: продавать дешево, но какъ можно больше и скорѣе. Обратить капиталъ разъ десять въ годъ, получая съ него каждый разъ по четыре процента—очевидно выгодище, чѣмъ обратить его два раза, получая восемь или хотя бы десять процентовъ. Тактика магазина построена на изученіи женскихъ слабостей; ея первое и послѣднее слово—соблазны и ловушки на каждомъ шагѣ, въ самыхъ разнообразныхъ формахъ: въ видѣ дешевыхъ и постоянныхъ цѣнъ, въ видѣ роскошныхъ эталажей, дарового угощенія, прикащикяго зазыванья, права возвращать купленное и т. п. Съ этой точки зрѣнія исторія «Дамскаго Базара» обращается въ психологическій, иногда психопатическій этюдъ надъ современной женщиной—или, лучше сказать, надъ тѣмъ классомъ женщинъ, который вращается въ водоворотѣ свѣтской суеты, для втораго существуютъ только салонъ и магазинъ, взаимно дополняющіе другъ друга. Возьмемъ, напримѣръ, madame Мартен, жену профессора лицея (т.-е. учителя гимназій), немолодую, некрасивую и повидимому вѣрную своему мужу. Зная, какъ тяжело достаются ему деньги, сколько частныхъ уроковъ онъ долженъ дать по вечерамъ, чтобы заплатить за одно ея платье, она не можетъ удержаться отъ безконечныхъ, даже безцѣльныхъ покупокъ, проводить цѣлые дни въ лавкахъ, всюду сопровождаемая дочерью, которая въ четырнадцать лѣтъ раздѣляетъ уже вполне материнскую страсть къ нарядамъ. Застѣнутая мужемъ съ цѣлымъ ворохомъ только-что купленныхъ бездѣлушекъ, она сначала прячетъ ихъ отъ него, но потомъ не можетъ устоять противъ желанія похвастаться ими передъ знакомыми дамами, подѣлиться своимъ восторгомъ, пережить вновь, въ нескончаемой болтовнѣ, сладкія ощущенія покупки. Идите вслѣдъ за нею по заламъ «Дамскаго Базара», въ день второй распродажи; вы увидите, какъ ее мало-по-малу забираетъ въ свою власть тысячерукій магазинъ, какъ ею овладѣваетъ лихо-

рада, бѣшенство пріобрѣтенія, какъ вмѣсто пачки шнурковъ, изъ-за которой (такъ она по крайней мѣрѣ старалась удержать сама себя) она пришла на распродажу, она увозитъ съ собою груду самыхъ различныхъ предметовъ. Это своего рода сладострастіе, своего рода оцѣнѣніе, послѣдовательныя фазисы котораго изображены Зола съ большимъ искусствомъ. У другой представительницы того же кружка, мадамъ де-Бовъ, недугъ принимаетъ другую форму: она воруетъ соблазняющія ея вещи, воруетъ ихъ не потому, чтобы не могла купить всего, что ей нужно, не для того, чтобы продавать краденное, а просто под вліяніемъ ненасытной, неудержимой жадности къ нарядамъ. Магазины снисходительны къ подобнымъ воровкамъ; онѣ отпускаютъ ихъ на свободу, отбравъ отъ нихъ письменное признаніе въ воровствѣ. Выкупить компрометирующую ихъ бумагу онѣ могутъ во всякое время, внеся известную сумму въ пользу бѣдныхъ; но немногія изъ нихъ пользуются этимъ правомъ. Никакая проповѣдь противъ роскоши не можетъ произвести болѣе сильнаго впечатлѣнія, чѣмъ рядъ картинъ, сповойно рисуемыхъ Зола; никакой моралистъ не можетъ возбудить болѣе тревожной мысли о тѣхъ условіяхъ, которыя создаютъ господствъ Марти и де-Бовъ. Само собою разумѣется, что въ «*Bonheur des dames*» эти условія нагнѣтены лишь отчасти. Громадный магазинъ, систематически эксплуатирующій дурныя инстинкты — не столько причина, сколько послѣдствіе болѣзни. Октаву Муре вовсе не приходится въ голову настоящее значеніе средствъ, или употребленіе ихъ; онъ скорѣе расположенъ считать себя благодѣтелемъ публики, въ виду достигаемаго имъ удешевленія товаровъ. Сопретививъ Октава, представителей коммерческой рутинны, безнравственность новыхъ пріемовъ также не возмущаетъ; они готовы, болѣею частью, даже подражать имъ, насколько позволяютъ силы. Такихъ послѣдовательныхъ протестантовъ, какъ Бодю, насчитывается немного; Робино, уволенный изъ «Дамскаго Базара», идетъ по его стопамъ, даже старикъ Бурра обновляетъ внѣшнее устройство своей лавочки. «Дамскій Базаръ» — продуктъ второй имперіи, пережившій ея паденіе; именно въ этомъ, а не въ родословной Октава, коренится связь новаго романа съ остальными частями рюгонъ-макеаровскаго цикла.

Дамскій міръ, въ изучаемой нами борьбѣ — это воюющая сторона, сдвигаясь почти безъ бою и наслаждающаяся своимъ пораженіемъ. Съ другимъ совершенно чувствомъ относятся къ побѣдителямъ настоящіе побѣжденные — раздавленные или изувѣченные имъ мелкіе торговцы. Параллельно съ ростомъ великана идетъ

приниженіе карликовъ, его сосѣдей. Безсмыльное негодование Бодю, Бурра и другихъ ни на минуту не задерживаетъ побѣдоноснаго шествія Муре. Упрямый старикъ, уродливый домъ котораго, стиснутый съ обѣихъ сторонъ «Дамскимъ Базаромъ», составляетъ точно бѣльмо на главу Октава, разоряется безнадежнымъ процессомъ и выбрасывается на улицу почти нищимъ; Бодю теряетъ, вѣсть съ состояніемъ, и жену, и дочь; Робино, доведенный до отчаянія неоплатными долгами, бросается подъ колеса омнибуса; въ тѣни громаднѣхъ зданій, возведенныхъ Муре, чахнутъ или вымираютъ цѣлыя вереницы небольшихъ магазиновъ. Похороны Женевиэвы Бодю или ея матери разрастаются въ настоящія манифестаціи противъ всепожирающаго колосса. Пока рѣчь идетъ только о лицахъ, наше сожалѣніе, даже сочувствіе—на сторонѣ жертвъ. Угрюмый Бурра, отвергающій самыя выгодныя сдѣлки, охраняющій до конца своеобразно понимаемую имъ торговую честь, безъ сомнѣнія симпатичнѣе своего противника; Бодю, сначала изливающийся въ жалобахъ, но въ самыя тяжелыя минуты перестающій даже роптать на судьбу, выше въ своемъ несчастіи, чѣмъ Муре въ своемъ триумфѣ. Нельзя не замѣтить, однако, что въ этомъ триумфѣ есть доля законности. Безусловно правымъ, при данныхъ условіяхъ, не можетъ быть назвать ни одинъ изъ тяжущихся—но сравнительно правъ новаторъ, а не приверженцы status quo. Залогъ успѣха, достигающагося на долю Муре, заключается въ томъ, что предпріятіе его, *по основной своей мысли*—не произвольная выдумка, не спекулятивный мыльный пузырь, а попытка приспособленія къ реальнымъ требованіямъ жизни. Старая коммерція слишкомъ расположена думать, что она полезна и необходима сама по себѣ, что она существуетъ *an und für sich* и имѣетъ главною цѣлью благосостояніе торговцевъ; не мѣшало и не мѣшаетъ ей напомнить—не на словахъ, а на самомъ дѣлѣ, — что весь смыслъ торговли заключается въ посредничествѣ между производителемъ и потребителемъ, законномъ лишь подъ условіемъ возможно бѣльшей дешевизны и простоты. Крупные магазины, усиливая соперничество между фабрикантами, сливая оптовую торговлю съ розничной, уменьшая число рукъ, черезъ которыя долженъ пройти товаръ до своего окончательнаго назначенія, производя и вынуждая всѣмъ этимъ пониженіе цѣнъ, безъ сомнѣнія составляютъ шагъ впередъ къ нормальному устройству обмѣна или обращенія. Дениза, сокрушаясь надъ судьбой Робино, Бодю, Бурра, вѣрить не только въ торжество, но и въ справедливость погубившей ихъ новизны; нѣчто подобное испытываетъ и читатель «Дамскаго Базара». «Денизѣ суждено было

присутствовать до конца при непобѣдимомъ творествѣ жизни, сѣмена которой постоянно разбрасываетъ смерть. Она больше не сопротивлялась, она принимала этотъ законъ борьбы; но ея женская душа наполнялась слезами и братскою нѣжностью, при мысли о страждущемъ человечествѣ. Ничего иного отъ Денизъ нельзя было и ожидать; но для тѣхъ, кто живетъ не однимъ сердцемъ, обязательно другое, менѣе пассивное отношеніе къ запутанному дѣлу. Такъ ли неумолимъ и непреложенъ законъ борьбы, которому подчиняется Денизъ, такъ ли неизбежно требуютъ имъ человѣческія жертвы? Переходъ отъ одного порядка къ другому вездѣ и всегда болѣзненно-тяжелъ — но ужели невозможно смягчить его тяжесть?.. Борьба крупнаго магазина съ мелкими — только частный случай борьбы за существованіе; но въ томъ освѣщеніи, которое даетъ ему Зола, онъ сливается съ общимъ понятіемъ объ этой борьбѣ и наводитъ на всѣ возбуждаемые ею вопросы.

Вмѣстѣ съ предрассудками старой коммерціи рушатся, конечно, и ея нравы. Разложеніе послѣднихъ началось, впрочемъ, весьма давно, и началось именно съ лучшихъ сторонъ отживающаго быта. Патріархальныя отношенія между хозяевами и прикащикомъ, въ родѣ тѣхъ, какія существуютъ между семьей Бодю и Коломбаномъ, были рѣдкостью уже тогда, когда еще не начиналась кампанія крупныхъ магазиновъ; даже у самого Бодю другіе прикащики не пользовались привилегіями Коломбана. Обычай выдавать хозяйскую дочь за одного изъ прикащиковъ не имѣлъ, самъ по себѣ, существеннаго вліянія на положеніе *отсталъ* служащихъ въ магазинѣ. Съ другой стороны, то отношеніе къ служащимъ, которое мы видимъ въ магазинѣ Муре — до реформъ, введенныхъ Денизою — не можетъ считаться нормальнымъ результатомъ новаго порядка. Живая, сердечная связь между хозяиномъ и тысячей комми, безъ сомнѣнія, невозможна; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы эта тысяча могла быть только коллекціей пѣшекъ, выбрасываемыхъ, опять подбираемыхъ, мѣняемыхъ по усмотрѣнію игрока. Простой расчетъ — тотъ самый расчетъ, который заставилъ Муре назначить продавцамъ извѣстный процентъ съ цѣны проданныхъ ими товаровъ — долженъ былъ рано или поздно убѣдить его въ томъ, что внушаетъ ему Денизъ: въ необходимости обезпечить положеніе служащихъ, прочно связать ихъ съ магазиномъ. Для благосостоянія своей арміи крупная торговля можетъ сдѣлать гораздо больше, чѣмъ мелкая — для своего малочисленнаго штаба. Нововведенія, продиктованныя Денизою — вспомогательныя и пенсіонныя кассы, больница, си-

стема лѣтнихъ отпусковъ, льготы для замужнихъ беременныхъ продавщицъ, читальныя и игральныя залы, библіотека, оркестръ музыки, публичныя курсы — не выдумка романиста, а нѣчто вполне исполнимое и отчасти уже исполненное на самомъ дѣлѣ. Зола едва ли ошибается, называя преобразованный «Дамскій Базаръ» «зародышемъ обширныхъ рабочихъ колоній XX-го вѣка». Романъ, пользуясь своимъ бесспорнымъ правомъ, отчасти идетъ здѣсь по стопамъ дѣйствительности, отчасти опережаетъ ее и открываетъ просвѣтъ въ будущее, можетъ быть еще не близкое, но во всякомъ случаѣ вѣроятное. Замѣтимъ, въ заключеніе, что если въ организаціи «Дамскаго Базара» играетъ такую громадную роль инициатива и воля одного человѣка, то къ управленію имъ уже причастно коллективное начало. Формы крупной торговли, какъ и крупной промышленности, до крайности эластичны и допускаютъ величайшее разнообразіе комбинацій.

Весьма выгодно отличается «Дамскій Базаръ» отъ непосредственно предшествовавшихъ ему романовъ еще одною чертою: совершеннымъ отсутствіемъ скабрёзности. Сюжетъ романа позволялъ ей разыгратъ на просторѣ; любовныя похождения Клары Прюнеръ, Гитена, молодого Ломма, самого Октава могли быть описаны съ такимъ же избыткомъ деталей, какъ и адюльтеры, которыми кипитъ «Напа» или «Pot-Bouille». Зола, на этотъ разъ, счумѣлъ остаться сдержаннымъ, ничуть не измѣняя своему обычному реализму; онъ ничего не прикрашиваетъ и не скрываетъ, но ничего и не подчеркиваетъ чрезъ мѣру, не тратитъ цѣлыхъ страницъ на то, для чего достаточно нѣсколькихъ словъ или намековъ. Онъ не отступаетъ передъ циническими выраженіями, когда они нужны для характеристики среды или отдѣльныхъ лицъ, но не гоняется за ними изъ любви къ искусству. Какъ бы въ награду за эту сдержанность, ему удалась трудная задача, часто служащая камнемъ преткновенія даже для Додэ; онъ создалъ такъ называемое добродѣтельное лицо, полное жизни и правды. Это лицо — героиня романа, Дениза Бодю. Честная и чистая дѣвушка, ничуть не идеализированная, одно время стоящая даже на краю банальнаго увлеченія (Гютеномъ), растетъ вмѣстѣ съ магазиномъ, которому посвящаетъ не только свой трудъ, но и свои мысли, свою творческую фантазію. Изъ всѣми пренебрегаемой и всѣми тѣснимой Золушки «Дамскаго Базара» она становится настоящей его принцессой, становится ею гораздо прежде, чѣмъ получаетъ приглашеніе раздѣлить престолъ Октава Муре. Она вовсе не мѣтитъ на это мѣсто; ея сопротивленіе Октаву чудно всякаго расчета. Она слишкомъ его любитъ, чтобы

подчиниться первому мановенію султанскаго его платка. Среди Рене и Клориндъ, Жервезъ и Мартъ, Мари и Бертъ, Валери и Лизъ, среди истерическихъ или невозмутимо-флегматичныхъ, чувственныхъ или мелко-честолюбивыхъ героинь Зола — Дениза Бодю производит самое отрадное впечатлѣніе. Это не идеалъ будущаго, но одна изъ лучшихъ представительницъ настоящаго; твердая безъ жесткости, вѣжная безъ сентиментальности, она составляетъ какъ бы дальнѣйшее развитіе того типа, который до сихъ поръ былъ только слегка намѣченъ Зола, въ лицѣ madame Франсуа (въ «Брюхѣ Парижа»). Замѣчательно, что Дениза, какъ и ея первообразъ, вышла изъ среды народа.

Не вполне свободное отъ длиннотъ (напомнимъ, для примѣра, двѣ безконечныя сцены въ столовой магазина), дѣйствіе въ «Дамскомъ Базарѣ» развивается большею частью столь же энергично и живо, какъ въ лучшихъ отдѣлахъ ругонъ-маккаровской эпопеи. Нѣкоторыя страницы написаны съ удивительнымъ мастерствомъ; первая сцена у madame Дефоржъ похожа на симфонію или увертюру, въ которой переплетаются двѣ мелодіи, поддерживающія и отгнѣняющія другъ друга. На фонѣ оживленной бесѣды о нарядахъ выдѣляется голосъ Муре, объясняющаго барону Гартманну свою систему эксплуатаціи женскихъ слабостей; оба мотива сливаются въ одинъ, когда Муре указываетъ краснорѣчивымъ жестомъ на жужжащій дамскій рой, какъ на живое доказательство своей теоріи. Превосходна, въ другомъ родѣ, сцена между madame Дефоржъ, Денизой и Октавомъ, когда первая, мучимая ревностью, въ свою очередь старается измучить, унижить вторую. Описанія распродажъ прерываются цѣлымъ рядомъ встрѣтъ, разговоровъ, не допускающихъ однообразія и вмѣстѣ съ тѣмъ тѣсно связанныхъ съ окружающею картиной. Тѣма, избранная Зола, была довольно опасна: она легко могла обратить романиста въ судебного пристава или фотографа, выдвинуть на первый планъ слабыя стороны ультра-натуралистической школы. Искусство, съ которымъ Зола сумѣлъ избѣжать этой опасности, позволяетъ ожидать весьма многого отъ слѣдующихъ его романовъ, посвященныхъ міру военному, міру искусства, крестьянству, социализму.

Въ недавней своей книгѣ о теоріи романа Шпильгагенъ отзываясь свысока о современныхъ французскихъ романистахъ, отдавая безусловное предпочтеніе нѣмецкому роману передъ французскимъ ¹⁾. Чтобы понять всю несправедливость, всю стран-

¹⁾ См. «Вѣстникъ Европы», 1883, № 4, стр. 663.

ность этого отзыва, нужно вспомнить о немъ именно послѣ прочтенія послѣднихъ произведеній Додэ и Зола. Чтò можетъ быть поставлено—не говоримъ уже, выше ихъ, а хотя бы только на ряду съ ними, изъ всѣхъ новостей нѣмецкой беллетристики? Достигнувъ своего апогея въ «Auf der Höhe» Ауэрбаха, въ «Verlorene Handschrift» Фрейтага, въ «In Reih' und Glied» Шпильгагена, т.-е. лѣтъ 15—20 тому назадъ, нѣмецкій романъ съ тѣхъ поръ постоянно клонится къ упадку, и признаковъ обновленія его еще не видно. Ауэрбахъ пережилъ самого себя уже въ «Вальдфридъ», тѣмъ болѣе — въ предсмертныхъ своихъ сочиненіяхъ; послѣднія части фрейтаговскихъ «Ahnen» далеко уступаютъ первымъ, въ свою очередь не выдерживающимъ сравненія съ болѣе ранними романами автора «Soll und Haben»; Шпильгагенъ пишетъ повѣсти въ родѣ «Quisisana» или «Angela», не представляющія ничего кромѣ интересной завязки и болѣе или менѣе ловкаго разсказа. Марлитъ и Вернеръ никогда, даже въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ, не поднимались выше средняго уровня; знаменитость, прибрѣтенная Эберсомъ, свидѣлствуетъ объ отсутствіи болѣе выдающихся дарованій. Французскій романъ, наоборотъ, живетъ полною жизнью, прокладываетъ новые пути, насаетъ самыхъ насущныхъ вопросовъ минуты; главные представители его очевидно не сказали еще послѣдняго своего слова, за ними слѣдомъ идутъ молодые таланты, напр., Гюи де-Мопассанъ. Крайности экспериментализма или ультра-реализма будутъ оставлены, можетъ быть, самими вождями шеволы; успѣхъ, доставшійся на ихъ долю послѣ долгой борьбы, положить, быть можетъ, вонецъ той утрировки, которая зависѣла отчасти именно отъ ожесточенія битвы. Какъ бы то ни было, внасть въ односторонность, сдѣлаться сентаторски-узкимъ современный французскій романъ не можетъ; Додэ никогда не примыкалъ вполне къ знамени натурализма, Гонкуръ и Зола всегда сходились между собою лишь на нѣкоторыхъ пунктахъ; обаяніе, сохраняемое Стендалемъ, Бальзакомъ, Флоберомъ, служитъ гарантіей противъ безусловнаго торжества какой-нибудь одной теоріи или манеры. Не исчезнетъ, такимъ образомъ, и тенденціозный романъ, этотъ драгоценный заѣтъ Ж. Занда. Чѣмъ шире область, захватываемая романомъ, тѣмъ труднѣе ему уберечься отъ тенденціи; она проникаетъ даже туда, гдѣ о ней не хотятъ слышать. Господствующая въ «Прововѣдницѣ», она находитъ себѣ мѣсто и у теоретика объективизма; несомнѣнные признаки ея мы видимъ въ «Дамскомъ Базарѣ».

Б. АРЕНЬЕВЪ.

НАЦІОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КНЯЗЯ БИСМАРКА.

О ЧЕРКЪ.

Едва ли есть другое слово, которое больше вызывало недо-
разумѣній и споровъ какъ слово: «національность». Различныхъ
попытокъ опредѣлить понятіе національности имѣется множество:
имъ посвящены цѣлыя ученыя монографіи. Въ періодической
европейской литературѣ «національная» политика, «національ-
ные» интересы, «національныя» стремленія—постоянно выстав-
ляются какъ цѣли внутренней и вѣншей политики правительствъ.

Въ особенности въ нашей литературѣ эти слова играютъ роль
какихъ-то талисмановъ, отрывающихъ двери во «святую свя-
тыхъ» самыхъ сокровенныхъ тайнъ внутренней или вѣншей по-
литики. Стоить только сказать, что это требуется во имя націо-
нальной политики Россіи и національныхъ интересовъ русскаго
народа для того, чтобъ оправдывать всякую, даже самую бес-
разсудную мѣру и парализовать всякое законное противодѣй-
ствіе. Стоить только провозгласить права «русской національ-
ности» или народности, чтобъ вмѣстѣ съ тѣмъ придти къ отри-
цанію такихъ же правъ всякой другой національности.

Но если спросить: въ чемъ же состоитъ русская національ-
ная политика и какіе же національные интересы русскаго на-
рода должны имѣться въ виду при управленіи внутренними
дѣлами и вѣншими сношеніями Россіи?—то получаются самые
противорѣчивые и неясные отвѣты. Въ этихъ отвѣтахъ столько
же удивляетъ полнѣйшее непониманіе законовъ историческаго

развитія культурныхъ народовъ, сколько тревожить легкомысленное отношеніе къ самымъ жгучимъ вопросамъ, отъ правильнаго разрѣшенія которыхъ зависитъ вся будущность и развитіе нашего отечества.

Впрочемъ, нельзя не согласиться, что въ послѣднее время цѣль и существо русской національной политики получили болѣе опредѣленное выраженіе. Цѣлью этой политики выставляется возвращеніе вспять, къ порядкамъ до-петровской эпохи русской государственной жизни, и существо русской народной политики должно заключаться въ исключительномъ развитіи тѣхъ искони-русскихъ чертъ, которыми одаренъ русскій народъ въ отличіе отъ всѣхъ другихъ народовъ на земномъ шарѣ. Само собою разумѣется, что если такое возвращеніе назадъ признается вообще цѣлью и сущью русскихъ національныхъ стремленій, то въ достиженіи этой цѣли заключается залогъ общественнаго и государственнаго развитія Россіи. Не менѣе несомнѣнно, что эта цѣль должна опредѣлять задачи не только внутренней политики, но также и задачи внѣшней или международной дѣятельности правительства.

Тѣсная и неразрывная связь между порядкомъ внутренняго государственнаго управленія и направленіемъ внѣшней политики есть положительный фактъ, которому доказательствомъ служить вся исторія человечества. На этомъ основаніи не подлежитъ сомнѣнію, что если въ области внутренняго государственнаго управленія національная политика должна заключаться въ возвращеніи къ порядкамъ и народнымъ идеаламъ давно отжившихъ временъ, — международная политика должна поставить себѣ тѣ же цѣли, т.-е. она также должна по возможности воздвигать всевозможныя преграды развитію международныхъ сообщеній, чуждаться иностранныхъ порядковъ, относиться къ нимъ съ глубокимъ презрѣніемъ и постоянно имѣть въ виду свое собственное превосходство надъ всѣми народами. Внѣшняя политика не въ состояніи содѣйствовать правильному обмѣну продуктовъ промышленной и духовной дѣятельности народа и создать въ области международныхъ отношеній условія для прогрессивнаго развитія народной жизни, если цѣлью внутренняго управленія ставится возвращеніе назадъ, если то, что выработано политическою жизнью другихъ народовъ, не должно служить ни примѣромъ, достойнымъ подражанія, ни опытомъ, на которомъ можно поучиться.

Мы нисколько не желаемъ заняться критическою оцѣнкою такой «національной» русской политики или доказывать, на основаніи историческихъ фактовъ и законовъ культурнаго развитія народовъ, полнѣйшую ея несостоятельность и великую опасность

для будущности Россіи. Цѣль настоящаго этюда гораздо болѣе скромная.

Никто не станетъ спорить, что создатель современной намъ могущественной Германіи — человѣкъ съ геніальными политическими способностями и великаго ума. Всѣ мы видимъ результаты его замѣчательной дѣятельности; и враги, и друзья его согласны въ томъ, что въ продолженіе не болѣе восьми лѣтъ Пруссія сдѣлалась великимъ государствомъ, а безсильная и разсѣянная Германія — величайшею державою въ центральной Европѣ.

Эти факты на лицо, и совершенно естественно возникаетъ вопросъ: какими же способами могъ князь Бисмаркъ достигнуть такихъ блестящихъ и небывалыхъ успѣховъ? Нельзя же приписывать всѣ эти побѣды, одержанныя имъ, слѣпому случаю или удивительному счастью. Въ чемъ же заключается ключъ къ разумѣнію всей плодотворной для Германіи дѣятельности германскаго канцлера?

Намъ кажется, что эти вопросы должны себѣ задавать всѣ, безъ исключенія, которымъ дороги польза и слава ихъ собственной родины. Какъ поклонники, такъ и враги политической дѣятельности князя Бисмарка одинаковымъ образомъ должны задуматься надъ разрѣшеніемъ такихъ вопросовъ. Для поклонниковъ князя разрѣшеніе поставленныхъ вопросовъ можетъ только послужить основаніемъ для вѣщаго прославленія почитаемаго ими создателя германскаго единства. Но, намъ кажется, что еще болѣе должны изучать политическую дѣятельность «железнаго канцлера» и тѣ средства, которыми онъ достигъ такихъ блестящихъ результатовъ — противники его. Въ самомъ дѣлѣ, кто не знаетъ, что изученіе образа дѣйствія, всѣхъ ошибокъ и успѣховъ политическихъ враговъ всегда было первымъ основаніемъ для собственныхъ успѣховъ. Нѣтъ сомнѣнія, что у враговъ своихъ часто можно гораздо больше научиться, чѣмъ у друзей, съ которыми мы сходимся какъ въ главныхъ воззрѣніяхъ на положеніе вещей, такъ и въ стремленіяхъ нашихъ.

Становясь на эту точку зрѣнія, можно думать, что тѣ, которые считаютъ современную Германію непремѣннымъ врагомъ Россіи, съ особеннымъ усердіемъ изучаютъ причины, созданныя въ десять лѣтъ изъ безпомощной и униженной Германіи великую и могущественнѣйшую имперію. Можно требовать, чтобы въ особенности враги «бисмарковской» политики выискивали въ суть ея и старались въ тайникахъ ея отыскать пружины, приведшія въ движеніе всѣ средства германской націи по направленію къ одной цѣли, поставленной германскимъ государственнымъ мужемъ.

Между тѣмъ, въ дѣйствительности мы видимъ совершенно другое. Политикою германскаго канцлера или восторгаются, или ее осуждаютъ и доказываютъ даже гибельность ея для самого германскаго народа. Но изучить ея цѣли, раскрыть тѣ средства, которыми она достигла своихъ небывалыхъ успѣховъ, рѣдко у насъ кто дѣлаетъ. Менѣе всего задаютъ себѣ такую задачу тѣ, которые признаютъ вооруженное столкновеніе между Россіей и Германіей «неминуемымъ» въ ближайшей будущности и приписываютъ князю Бисмарку твердое намѣреніе привести къ этой «завѣтной цѣли» всей своей политической карьеры! Нельзя не сожалѣть о такомъ гадательномъ отношеніи къ политической дѣятельности германскаго канцлера, которая во всякомъ случаѣ въ высшей степени поучительна. Въ особенности же она поучительна въ виду тѣхъ цѣлей, которыя ставятся у насъ русской «національной» или «народной» политикой. Князь Бисмаркъ является, безъ сомнѣнія, великимъ представителемъ германской національной политики, и вся его политическая дѣятельность была направлена къ охраненію и развитію національных интересовъ германскаго народа. Онъ неоднократно провозглашалъ въ своихъ рѣчахъ, что единственная его заслуга заключается въ пониманіи національных стремленій германскаго народа и въ созданіи для нихъ такихъ условий, при которыхъ Германія могла бы занять подобающее ея культурному развитію и политической силѣ мѣсто въ средѣ другихъ европейскихъ народовъ.

Но до послѣдняго времени можно было судить о средствахъ, которыми князь Бисмаркъ разрѣшилъ поставленную себѣ задачу, и объ общемъ направленіи его политики, только на основаніи или внѣшнихъ фактовъ, указывавшихъ на блестящіе его политическіе способности, или рѣчей и отдѣльных документовъ, которые должны были поставить въ надлежащемъ свѣтѣ то или другое положеніе вещей. Эти факты ошеломляли быстротою, съ которою они слѣдовали одинъ за другимъ, между тѣмъ какъ его рѣчи и дипломатическіе акты, получившіе огласку, имѣли обыкновенно въ виду не простое изложеніе внутреннихъ побудительныхъ причинъ князя Бисмарка, сколько общественное мнѣніе, которое нужно было подвинуть въ опредѣленномъ направленіи.

Въ настоящее время мы имѣемъ полную возможность судить о цѣляхъ и средствахъ національной политики князя не на основаніи отдѣльных фактовъ и рѣчей или актовъ, предназначенныхъ для публички, но на основаніи подлинныхъ его донесеній своему правительству, въ которыхъ безъ всякихъ прикрасъ или заднихъ мыслей, излагаются взгляды его на цѣли, которыя

должно было себя поставить прусское правительство для возвышенія политическаго и международнаго авторитета Пруссіи въ самой Германіи и вообще въ Европѣ.

Князь Бисмаркъ распорядился издать при жизни своей записки или мемуары, которые, безъ всякаго сомнѣнія, представляютъ огромный, животрепещущій интересъ и несравненно поучительнѣе посмертныхъ записокъ князя Меттерниха или даже князя Талейрана. Записки германскаго канцлера обнимаютъ время съ 1851 по 1859 годъ и дѣятельность его, въ качествѣ представителя Пруссіи при франкфуртскомъ сеймѣ до назначенія его прусскимъ посланникомъ при с.-петербургскомъ дворѣ.

Эти записки — не что иное, какъ донесенія барона Бисмарка, въ качествѣ прусскаго уполномоченнаго во Франкфуртѣ на Майнѣ, и по богатству открывшихся новыхъ данныхъ относительно его національной политики онѣ представляютъ совершенно исключительный интересъ ¹⁾. Въ этихъ донесеніяхъ съ удивительною ясностью раскрываетъ самъ создатель современной германской имперіи цѣль, которую онъ поставилъ національной прусской политикѣ, и средства, признанныя имъ необходимыми для ея достиженія.

Нельзя не придти къ чрезвычайно любопытнымъ выводамъ, если сравнить, на основаніи этихъ донесеній, цѣли и существо истинно-национальной политики съ тѣми цѣлями, которыя у насъ часто приписываютъ народной политикѣ и международной дѣятельности правительства. Само-собою разумѣется, что Пруссія, для увеличенія своего политическаго могущества и созданія единой Германіи подъ властью прусскаго короля, должна была сообразоваться съ особенными условіями и обстоятельствами, которыя были созданы въ продолженіе первой половины нынѣшняго столѣтія. Но, съ другой стороны, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что увеличеніе политическаго могущества и внутреннее развитіе русскаго народа — также должно быть единственною законною цѣлью русской національной политики, если она дѣйствительно имѣетъ въ виду пользу всего народа, а не интересы какой-нибудь партіи или отдѣльныхъ личностей. Съ этой точки зрѣнія, донесенія князя Бисмарка заслуживаютъ совершенно исключительнаго вниманія, потому что онъ разрѣшилъ вопросъ о цѣляхъ національной политики не путемъ умозрительнаго мышленія, не въ теоріи, но на практикѣ. Его донесенія первой половины пятидесятихъ годовъ убѣдительно доказываютъ, что все

¹⁾ *Poschinger, Preussen und Bundestag. 1851—1859. Lpz. 1882, 3 тома.*

его политическая дѣятельность и всѣ блестящіе его успѣхи суть прежде всего результаты глубокаго изученія дѣйствительныхъ интересовъ его родины и непоколебимаго стремленія къ истинно-національнымъ и культурнымъ идеаламъ германскаго народа.

Мы постараемся доказать это на основаніи самыхъ донесеній Бисмарка, насколько таковой выводъ въ дѣйствительности естественно вытекаетъ изъ программы, начертанной имъ уже въ началѣ 50-хъ годовъ и исполненной имъ впоследствии съ неподражаемымъ искусствомъ.

I.

Германскій союзъ, при правительствѣ котораго суждено было Бисмарку провести первые годы своей дипломатической дѣятельности, представлялся тогда одною изъ самыхъ любопытныхъ попытокъ, когда-либо сдѣланныхъ для соединенія независимыхъ государствъ въ сознаніи общности своихъ интересовъ. Когда подъ ударами Наполеона I рушилось зданіе прежней св. германской имперіи, и вся Германія, вмѣстѣ съ Пруссіей, обнаружила полнѣйшее свое политическое безсиліе, — такіе германскіе патріоты, какъ баронъ Штейнъ и Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ пришли къ тому убѣжденію, что при невозможности объединенія всѣхъ германскихъ государствъ подъ властью короля прусскаго, федеративная связь послужитъ крѣпкимъ основаніемъ для соединенной Германіи. Эта мысль была категорически высказана уже въ секретной бартенштейнской конвенціи 1807 года, заключенной между Россіей и Пруссіей; затѣмъ она перешла въ мирный трактатъ, подписанный въ Парижѣ въ 1814 году и, наконецъ, получила осуществленіе въ актѣ Германскаго союза, подписанномъ въ Вѣнѣ, на конгрессѣ въ 1815 году. Въ основаніе этого союза было положено уваженіе полной самостоятельности каждаго германскаго государства, какъ въ области внутренняго управленія, такъ и внѣшнихъ сношеній. Членъ союза обязанъ былъ ограничивать свои верховныя права настолько, насколько это было необходимо для безопасности другихъ членовъ союза, равно и для преуспѣванія всѣхъ германскихъ народовъ.

Извѣстно, насколько германскій союзъ въ дѣйствительности содѣйствовалъ возвышенію политическаго значенія Германіи и насколько его дѣятельность совершенно не оправдала возложенныя на него надежды. Франкфуртскій сеймъ сдѣлался прежде всего покорнымъ орудіемъ меттерниховской политики полицей-

скаго мравѣобѣсія и поддерживалъ своимъ авторитетомъ всѣ мѣры, направленныя къ тому, чтобы убить всякую свободу печати, мысли и всякія «либеральныя затѣи». Съ точки зрѣнія международной политики франкфуртскій сеймъ служилъ только поприщемъ всевозможныхъ интригъ со стороны представителей великихъ европейскихъ державъ, аккредитованныхъ при сеймѣ, равно и со стороны уполномоченныхъ германскихъ государствъ другъ противъ друга. Достаточно было 20 или 30 лѣтъ для того, чтобы убѣдить всѣ лучшіе умы Германіи въ полнѣйшей несостоятельности соединенія германскихъ государствъ такою федеративною связью.

Но весьма замѣчательно, что еще въ 50-хъ годахъ, т.-е. наканунѣ смерти Германскаго союза, европейскія правительства и государственные люди все еще не понимали, что такое, собственно говоря, Германскій союзъ; какія юридическія отношенія существуютъ между его членами, и какое мѣсто занимаютъ въ немъ два главѣйшіе члена его—Австрія и Пруссія?

Въ этомъ отношеніи весьма любопытенъ слѣдующій фактъ, приведенный Бисмаркомъ въ его донесеніяхъ за 1858 годъ. Англійскій посланникъ при германскомъ сеймѣ сэръ Александръ Маллетъ жаловался на образъ дѣйствія Бисмарка австрійскому члену того же сейма, котораго онъ и его правительство постоянно называли «президентомъ». Бисмаркъ былъ возмущенъ такимъ поступкомъ представителя Англіи и высказывалъ ему откровенно, что хотя онъ послѣ своей собственной родины «больше всего любитъ Англію», но не можетъ допустить такого униженія Пруссіи и протестуетъ противъ такого непониманія англійскимъ правительствомъ основныхъ положеній устройства Германскаго союза, который есть «международный союзъ независимыхъ государствъ», но никакъ не «федеративная республика», у которой имѣется и «президентъ», и министръ иностранныхъ дѣлъ. Пруссійскій уполномоченный при франкфуртскомъ сеймѣ энергически наставляетъ предъ своимъ правительствомъ, чтобы оно объяснило англійскимъ министрамъ полную равноправность; существующую между Пруссіей и Австріей въ составѣ Германскаго союза.

Любопытно, что когда прусское правительство сдѣлало въ Лондонѣ требуемыя ей уполномоченнымъ во Франкфуртѣ представленія, тогдашній англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ лордъ Кларендонъ наивно извинялся, что онъ не зналъ порядковъ при сеймѣ такъ, какъ они теперь ему объяснены. Онъ до сихъ поръ полагалъ, что «только президентъ союзнаго сейма имѣетъ право вести сношенія съ иностранными дипломатами, не

что отнынѣ онъ даетъ представителю Англіи во Франкфуртѣ другія инструкціи». Итакъ, еще въ январѣ 1858 года англійское правительство было того убѣжденія, что Германскій союзъ есть федеративная республика, въ которой президентомъ de jure состоитъ Австрія или назначенное ею лицо.

Возьмемъ еще другой примѣръ, заимствованный изъ русскихъ источниковъ. Въ началѣ 1859 года, когда уже возникла война между Австріей, съ одной стороны, и Сардиніей и Франціей, съ другой, вѣнское правительство добивалось всѣми силами, чтобъ германскій сеймъ объявилъ эту войну общегерманскою войною и принялъ въ ней участіе, какъ союзникъ, разумѣется, Австріи. Не мало стоило усилій прусскому правительству остановить движеніе, охватившее въ особенности южно-германскія государства и предупредить легкомысленное вмѣшательство всей Германіи въ войну, которая нисколько не касалась ея непосредственныхъ интересовъ. Въ этой борьбѣ противъ австрійскихъ замысловъ большую помощь Пруссіи оказала Россія, которая категорически объявила, что она не желаетъ допустить вступленія германскихъ государствъ въ войну, происходившую въ сѣверной Италіи. Князь Горчаковъ обратился во всѣмъ европейскимъ державамъ съ циркулярною нотою отъ 15 (27) мая 1859 года, которая, по отзыву французскихъ генераловъ, стоила стотысячной арміи. Въ этомъ любопытномъ актѣ русскій министръ иностранныхъ дѣлъ объявляетъ, что Германіи нечего бояться враждебныхъ замысловъ со стороны Франціи, которая ихъ совершенно не имѣетъ; что война должна быть локализована, и что, наконецъ, берлинскій кабинетъ принялъ на себя защиту неприкосновенности Германіи и охраненія равновѣсія Европы.

Наконецъ, князь Горчаковъ прибавляетъ, что Германскій союзъ есть комбинація, имѣющая единственно и исключительно оборонительную цѣль, и только въ этомъ смыслѣ получила она мѣсто въ международномъ европейскомъ правѣ. «Поэтому, если германскія государства, основываясь на неопредѣленныхъ догадкахъ, начнутъ непріязненные дѣйствія противъ Франціи, то они нарушаютъ цѣль учрежденія союза, что противно духу трактатовъ, узаконившихъ его существованіе» ¹⁾.

Противъ такого опредѣленія цѣли и значенія Германскаго союза выступилъ съ весьма энергическою нотою тогдашній саксонскій министръ иностранныхъ дѣлъ Бейстъ, прославившійся

¹⁾ *Заблоцкий-Десятовскій*. Графъ Киселевъ и его время. Спб. 1882, т. III, стр. 109 и слѣд.

впослѣдствіи, какъ создатель австро-венгерскаго дуализма и противникъ Бисмарка. Бейсть доказывалъ, и весьма удачными, на нашъ взглядъ, доводами, что опредѣлить Германскій союзъ словомъ «комбинація» значитъ унижать германскія государства—членовъ этого союза, и не понимать дѣйствительной цѣли его. Комбинаціи создаются подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ случайныхъ обстоятельствъ и исчезаютъ, не оставляя послѣ себя ни малѣйшихъ слѣдовъ. Германскій же союзъ былъ созданъ для «вѣчнаго» соединенія крѣпкою связью всѣхъ германскихъ государствъ въ виду общихъ ихъ политическихъ и культурныхъ интересовъ. Сверхъ того никто не можетъ отказать Германскому союзу, доказывалъ саксонскій министръ, въ правѣ объявить войну съ оборонительною цѣлью, нисколько не ожидая нападенія со стороны своихъ враговъ.

Эти два эпизода могутъ служить иллюстраціей тѣхъ странныхъ взглядовъ, которые существовали въ средѣ государственныхъ людей не-германскихъ государствъ относительно существа и устройства Германскаго союза. Во всякомъ случаѣ нельзя не согласиться, что какъ англійское, такъ и русское правительство, относилось съ болѣе или менѣе явнымъ пренебреженіемъ къ созданію вѣнскаго конгресса.

Но еще болѣе замѣчательно то, что между самими членами союза существовало весьма замѣтное разногласіе относительно цѣли и основныхъ положеній, на которыхъ онъ былъ построенъ. Это разногласіе объясняется въ значительной степени недомолками, пробѣлами и неясностью въ самомъ союзномъ актѣ. Не подлежитъ также сомнѣнію, что непримиримый антагонизмъ между Австріей и Пруссіей сильнѣйшимъ образомъ содѣйствовалъ нескончаемымъ спорамъ относительно компетенціи союзнаго сейма и его правъ въ отношеніи отдѣльныхъ германскихъ государствъ. Но, во всякомъ случаѣ въ самомъ основаніи союза лежала фальшь, которая должна была привести къ распаденію его или путемъ мирнымъ, или силою оружія.

Посмотримъ теперь, какъ отнесся Бисмаркъ къ этому союзу германскихъ государствъ, и какимъ образомъ пришелъ онъ къ тому окончательному выводу, что только *ferro et igne* можно будетъ вылечить недугъ, отъ котораго страдаетъ Пруссія, въ качествѣ члена Германскаго союза.

Въ высшей степени затруднительно было положеніе Пруссіи въ 1851 году, когда легаціонный совѣтникъ Бисмаркъ былъ назначенъ преемникомъ генерала Рохова, въ качествѣ прусскаго уполномоченнаго въ союзномъ сеймѣ. Пруссія была унижена и

оскорблена. Король Фридрихъ-Вильгельмъ IV не сумѣлъ воспользоваться національнымъ движеніемъ 1848 и 1849 годовъ, поставившимъ его на престолъ германскихъ императоровъ. Онъ отрекся отъ либеральныхъ фразъ, произнесенныхъ имъ самимъ предъ толпою берлинскихъ жителей въ мартѣ 1848 года, и не принялъ предложенную ему франкфуртскимъ народнымъ собраніемъ императорскую корону. Когда затѣмъ реакція повсюду торжествовала свои побѣды, когда побѣдитель вѣнской революціи князь Шварценбергъ громко заявилъ, что цѣлью его политики будетъ: «*avilir la Prusse et après la démolir*», когда, наконецъ, извѣстно было, въ какомъ угрожающемъ тонѣ императоръ Николай I говорилъ прусскому правительству, тогда Пруссія оставалось только одно—покаяться въ своихъ грѣхахъ. Это она сдѣлала въ Ольмюцѣ, гдѣ подписала условія, продиктованныя ей княземъ Шварценбергомъ и подписанныя безпрекословно прусскимъ первымъ министромъ барономъ Мантейфелемъ.

Но положеніе Пруссіи не только было плачевно въ ея отношеніяхъ къ двумъ торжествующимъ державамъ, Австріи и Россіи, съ которыми она до тѣхъ поръ поддерживала близкія и даже дружескія сношенія,—оно было чрезвычайно шатко въ средѣ даже незначительныхъ германскихъ государствъ, которые считали необходимымъ относиться съ полнымъ недоувѣріемъ къ прусской политикѣ. Вѣдь еслибъ король прусскій принялъ изъ рукъ представителей германскаго народа императорскую корону, тогда независимости и пріятному времяпрепровожденію мелкими происками маленькихъ германскихъ правительствъ навсегда былъ бы положенъ конецъ.

Этого мало: прусскій уполномоченный при франкфуртскомъ сеймѣ не только былъ лишенъ всякой опоры или поддержки со стороны представителей великихъ европейскихъ державъ при союзномъ сеймѣ, или со стороны однихъ уполномоченныхъ германскихъ правительствъ, но онъ не могъ даже рассчитывать на поддержку со стороны своего собственного правительства въ охраненіи достоинства и интересовъ Пруссіи.

Мантейфель отвѣчалъ на вызовъ, брошенный въ лицо Пруссіи, тѣмъ, что объявилъ цѣль своей политики—«братскій союзъ» съ Австріей. Генералъ Роховъ просилъ, въ первомъ же засѣданіи вновь открытаго въ 1851 году сейма, всѣхъ присутствовавшихъ представителей другихъ германскихъ государствъ забыть прошлое, «возвратиться на почву принциповъ права» и имѣть на будущее время исключительно въ виду «согласіе, славу, величіе и внутреннее благоденствіе общаго отечества».

Наконецъ, въ инструкціяхъ, данныхъ Бисмарку, ему вѣнялось въ обязанность ничѣмъ не возбуждать воспоминанія «о германскомъ единеніи, или германскомъ парламентѣ» — все это были дѣла минувшихъ дней, воспоминанія о которыхъ весьма непріятны прусскому правительству.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ Бисмаркъ долженъ былъ охранять во Франкфуртскомъ сеймѣ честь и достоинство Пруссіи. Трудно себѣ представить обстоятельства, болѣе невыгодныя для молодого, только-что начинающаго прусскаго дипломата. Между тѣмъ Бисмаркъ покинулъ въ 1859 году Франкфуртъ, оставивъ Пруссію совершенно въ другомъ положеніи: ея голосу внимали при рѣшеніи каждаго дѣла, и авторитетъ ея былъ настолько великъ, что достаточно было сопротивленія ея одной, чтобъ Австрія отказалась отъ своихъ первоначальныхъ проектовъ и ловко придуманныхъ комбинацій.

II.

Но не легко и не скоро была достигнута Бисмаркомъ поставленная имъ себѣ цѣль — завоевать въ германскомъ союзѣ для Пруссіи совершенно равное съ Австріей значеніе и мѣсто. Когда онъ пріѣхалъ въ 1851 году во Франкфуртъ, онъ нисколько не былъ противникомъ Австріи и ея политическихъ видовъ *quand-même*. Напротивъ, онъ раздѣлялъ чувства, которое прусское юнкерство всегда питало въ вѣнскому правительству, въ которомъ оно видѣло представителя аристократическихъ преданій и твердую опору противъ всякихъ революціонныхъ вспышекъ.

Весьма скоро однако произошелъ въ немъ полнѣйшій переворотъ: онъ долженъ былъ сдѣлаться непримиримымъ врагомъ Австріи, въ качествѣ германской державы, систематически стремившейся къ униженію его родины. Въ виду этого обстоятельства прусскій уполномоченный ни на минуту не задумался поднять брошенный ему вѣнскимъ правительствомъ вызовъ, и борьба съ представителями Австріи на сеймѣ возгорается уже въ 1851 г. и продолжается до 1859 года, пока на полѣ битвы при Садовѣ не былъ окончательно разрѣшенъ вопросъ о томъ: кто долженъ господствовать надъ Германіей — Австрія или Пруссія?

Борьба между юнымъ прусскимъ дипломатомъ и почтеннымъ графомъ Туномъ, представителемъ Австріи и предсѣдателемъ союзнаго сейма, началась немедленно, потому что Бисмаркъ замѣтилъ полную перемѣну австрійской тактики при веденіи со-

юзныхъ дѣлъ. До 1848 года въ сеймѣ существовалъ такой порядокъ, что ни Австрія, безъ предварительнаго согласія Пруссіи, ни послѣдняя безъ такого же согласія представителя вѣнскаго правительства, не вносили въ сеймъ ни одного дѣла. Всѣ рѣшенія были такимъ образомъ предварительно выработаны путемъ взаимныхъ соглашеній прусскаго и австрійскаго члена союзнаго сейма, такъ что дѣла, относительно которыхъ обѣ великія германскія державы не были между собою согласны, совсѣмъ не поступали на обсужденіе сейма. Пруссійскій посланникъ неоднократно исправлялъ въ отсутствіи австрійскаго уполномоченнаго его должность въ качествѣ предсѣдателя союзнаго сейма, и о публичныхъ въ собраніяхъ между ними пререканіяхъ не могло быть рѣчи. Даже мнѣнія незначительныхъ германскихъ государствъ выслушивались съ уваженіемъ въ засѣданіяхъ сейма.

Когда въ 1851 году возобновились засѣданія союзнаго сейма, представитель Пруссіи весьма скоро убѣдился, что его австрійскій коллега придумалъ совершенно новый порядокъ производства дѣлъ; онъ въ самомъ дѣлѣ считалъ себя «президентомъ» и начальникомъ всѣхъ германскихъ правительствъ. О какихъ-нибудь предварительныхъ соглашеніяхъ или обмѣнѣ мыслей по вопросамъ, подлежащихъ обсужденію—помину не было. Ни графъ Тунъ, ни его преемники, баронъ Прокешъ-Остенъ и графъ Рехбергъ, не считали нужнымъ вступать въ какія-нибудь дружескія сношенія съ представителемъ Пруссіи. Напротивъ, они систематически выказывали явное пренебреженіе къ нему. Князь Шварценбергъ, опираясь на дружбу и союзную помощь Россіи, находилъ возможнымъ открыто стремиться къ гегемоніи надъ всею Германіей и парализовать всякое противодѣйствіе Пруссіи посредствомъ германскаго союза. Съ этою цѣлью предсѣдатели союзнаго сейма стали вводить новый уставъ дѣлопроизводства, на основаніи котораго всякое рѣшеніе, за которое стоитъ большинство голосовъ членовъ сейма, должно имѣть безусловно обязательную силу для всѣхъ. Отсюда слѣдовало, что стоило только австрійскому посланнику завербовать на свою сторону нѣскольکو представителей микроскопическихъ германскихъ государствъ, чтобы составить вмѣстѣ съ Баваріей, Баденомъ и Саксоніей большинство, рѣшенія котораго Пруссія должна была исполнить безпрекословно.

Понятно, что при такомъ положеніи вещей энергическій прусскій посланникъ долженъ былъ вступить въ открытую борьбу съ представителемъ Австріи и предсѣдателемъ союзнаго сейма.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ, представляющихъ наиболѣе характеристическими и интересными.

Въ 1848 году, во время кратковременнаго существованія германской имперской власти въ лицѣ австрійскаго эрцгерцога Иоганна, франкфуртскій парламентъ постановилъ образовать германскій военный флотъ. Съ этою цѣлью всѣ германскія правительства были приглашены внести въ общую имперскую кассу опредѣленную сумму, соразмѣрную количеству народонаселенія и государственному бюджету каждаго. Пруссія немедленно внесла свою часть, равно какъ и нѣкоторые маленькія государства. Но ни Австрія, ни Баварія, ни другія южныя германскія правительства не находили нужнымъ внести слѣдующія съ нихъ деньги.

На собранныя деньги были куплены имперскою властью нѣсколько военныхъ судовъ, на которыхъ былъ поднятъ общегерманскій національный флагъ. Но не долго продолжалось существованіе имперской власти и народнаго парламента въ Франкфуртѣ. Эрцгерцогъ австрійскій подалъ въ отставку отъ должности имперскаго намѣстника, и члены парламента разошлись на всѣ четыре стороны.

Въ первыхъ же засѣданіяхъ возобновленнаго сейма въ 1851 г. возникъ вопросъ: что дѣлать съ германскимъ флотомъ? Денегъ на содержаніе его не было въ союзной кассѣ, да кромя того неизвѣстно было, кто начальствуетъ надъ этимъ флотомъ, и гдѣ гавани, въ которыхъ онъ можетъ находиться.

Австрійскій посланникъ, вмѣстѣ съ баварскимъ и представителями другихъ средне-германскихъ правительствъ, предложилъ уплатить изъ союзной кассы новую значительную сумму на содержаніе флота. Противъ такого предложенія возражалъ баронъ Бисмаркъ, настаивая на томъ, чтобъ члены союза, не уплатившіе слѣдующія съ нихъ деньги, внесли ихъ сперва въ союзную кассу. Но большинство членовъ совѣта высказалось противъ того предложенія, подъ давленіемъ Австріи. Тогда это большинство рѣшило заключить у Ротшильда заемъ на содержаніе германскаго союзнаго флота. Пруссія протестовала также противъ такой мѣры и энергически возражала противъ новаго порядка, на основаніи котораго дѣла рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ. На это большинство возражало, что такъ всегда бываетъ въ коллегіальныхъ учрежденіяхъ.

Еще не былъ рѣшенъ вопросъ о содержаніи германскаго флота, какъ возникъ другой: гдѣ, въ какихъ портахъ флотъ этотъ долженъ имѣть свою постоянную стоянку? Австрія желала,

чтобъ онъ находился постоянно въ Адриатическомъ морѣ и въ австрійскихъ портахъ; Пруссія желала его видѣть на Балтійскомъ морѣ, и, наконецъ, Ганноверъ, Саксонія и вольные города настаивали, чтобъ германскій флотъ имѣлъ постоянную стоянку въ германскихъ портахъ на Сѣверномъ морѣ. Понятно, что при такихъ совершенно противоположныхъ претензіяхъ никакое рѣшеніе относительно германскаго флота не могло получить законной силы. Наконецъ, все-таки франкфуртскій сеймъ принялъ рѣшеніе: онъ постановилъ продать съ публичнаго торга военный германскій флотъ подъ національнымъ флагомъ объединенной Германіи.

Не менѣе характеристичнымъ представляется образъ дѣйствія франкфуртскаго сейма въ извѣстномъ голштейнъ-шлезвигскомъ вопросѣ. Пруссія, въ виду категорическаго требованія императора Николая вывести прусскія войска изъ Голштиніи и прекратить военныя дѣйствія противъ Даніи, вынуждена была предоставить великимъ европейскимъ державамъ уладить на лондонской конференціи столкновеніе между Даніей и обоими герцогствами. Но отказавшись отъ продолженія войны противъ Даніи и согласившись на участіе въ лондонской конференціи, прусское правительство въ то же время выразило во Франкфуртѣ желаніе, чтобъ въ засѣданіяхъ лондонской конференціи участвовалъ также представитель Германскаго союза, на равныхъ правахъ съ уполномоченными Австріи и Пруссіи.

На такое предложеніе возражали, съ одной стороны, Россія, съ другой—самыя германскія правительства. Императоръ Николай не желалъ допустить присутствіе представителя Германскаго союза на лондонской конференціи на томъ основаніи, что чрезъ это окончательное рѣшеніе датскаго вопроса затормозится. Сами же германскія правительства отклонили отъ себя честь участвовать въ лондонскомъ собраніи, потому что, какъ объясняетъ въ своихъ донесеніяхъ Бисмаркъ, они не желали взять на себя ни отвѣтственность за рѣшенія, которыя будутъ приняты, ни обязанность оправдывать ихъ предъ общественнымъ мнѣніемъ Германіи и защищать ихъ, въ случаѣ надобности, силою оружія. Въ особенности опасались незначительныя германскія правительства, говоря словами барона Бисмарка: «*qu'en dira-t-on* въ печати и въ палатахъ». Поэтому они позволили обѣимъ великимъ державамъ играть каждой самостоятельно свою роль на лондонской конференціи, чтобы сказать, что ненавистныя для общественнаго мнѣнія Германіи рѣшенія лондонскаго собранія были приняты вопреки ихъ желанію.

Извѣстно, какъ искусно воспользовался въ 1864 году Бис-

маркъ этимъ фактомъ, чтобъ низвергнуть всѣ постановленія лондонской конференціи относительно неразрывной связи между датскою монархіею и герцогствами Шлезвигомъ и Голштиніей. Такъ какъ Германскій союзъ не участвовалъ въ лондонской конференціи 1851 года, то онъ могъ объявить въ 1864 году, что постановленія ея относительно герцогствъ, входившихъ въ составъ союза, для него необязательны, какъ необязательно провозглашеніе конференціей герцога глюксбургскаго законнымъ наслѣдникомъ всѣхъ земель, подчиненныхъ скипетру датскаго короля. Въ виду такихъ обстоятельствъ франкфуртскій сеймъ призналъ себя въ 1864 году въ правѣ объявить, что онъ не признаетъ герцога глюксбургскаго, вступившаго подъ именемъ Христіана IX на датскій престолъ, законнымъ владѣтелемъ Шлезвига и Голштиніи, и потому сеймъ поручилъ Австріи и Пруссіи произвести, отъ имени германскаго союза, военную экспедицію надъ Даніей, т.-е. объявить ей войну. Какъ окончилась эта война, извѣстно: оба герцогства перешли въ 1866 году подъ власть прусскаго короля.

Но не только на вопросъ объ участіи Германскаго союза въ лондонской конференціи выражалось несогласіе прусскаго посланника съ остальными членами постоянного совѣта въ шлезвиг-голштинскомъ вопросѣ. Весьма ожесточенный споръ возбудилъ вопросъ о необходимости оказывать матеріальную поддержку и выдавать пенсіи несчастнымъ офицерамъ прежней шлезвиг-голштинской арміи. Прусское правительство настаивало, что Германскій союзъ нравственно и юридически обязанъ обезпечить судьбу этихъ жертвъ послѣдней датской войны и внести въ союзную кассу опредѣленную на этотъ предметъ сумму. Оно само внесло слѣдующія съ него деньги. Но Австрія и другія германскія государства наотрѣзъ отказались исполнить это требованіе на томъ основаніи, что они не принимали участія въ войнѣ противъ Даніи, и имѣть попеченіе о судьбѣ оставшихся послѣ этой войны инвалидовъ нисколько не обязаны. Всѣ убѣжденія Бисмарка, что оставшіеся инвалиды пострадали за общее германское дѣло, что за войну противъ Даніи единогласно высказывалось въ 1848 году общественное мнѣніе всей Германіи — не произвели на протестующихъ членовъ сейма никакого впечатлѣнія.

Наконецъ, въ 1858 году, т.-е. послѣ шестилѣтнихъ переговоровъ и обсужденій этого вопроса въ союзномъ сеймѣ, ганноверское правительство рѣшилось послѣдовать примѣру Пруссіи и внести въ союзную кассу причитающуюся съ Ганновера сумму. Въ засѣданіи 28 февраля 1858 года ганноверскій уполномочен-

ный желалъ сдѣлать о такомъ рѣшеніи его правительства заявленіе союзному сейму, но какъ только онъ попытался заявить о возложенномъ на него порученіи, предсѣдатель сейма, австрійскій графъ Рехбергъ, прервалъ его словами: «я не принимаю такого заявленія; этого я не позволю!»

Несмотря на протестъ ганноверскаго уполномоченнаго, энергически поддерживаемый Бисмаркомъ, незначительнымъ большинствомъ голосовъ было рѣшено, что нѣтъ надобности выслушивать заявленіе ганноверскаго правительства. Замѣчательно, что за такое рѣшеніе вотировали даже такіе члены собранія, которые вовсе не знали, какого рода заявленіе желалъ сдѣлать ганноверскій посланникъ.

Впрочемъ, Бисмарку все-таки удалось потомъ провести свою мысль и заставить германскій союзъ участвовать въ составленіи капитала для выдачи пенсій шлезвигъ-голштинскимъ офицерамъ. Но онъ предупредилъ свое правительство, что онъ готовъ вести борьбу и удерживать свой характеръ при веденіи дѣлъ въ союзномъ сеймѣ, «пока его нервы въ состояніи это выдержать», и пока онъ можетъ быть увѣренъ, что правительство не оставитъ его безъ поддержки и руководства.

III.

При такомъ положеніи взаимныхъ отношеній между Австріей и Пруссіей, дѣла союзнаго сейма все болѣе запутывались, и безпомощность Германскаго союза сдѣлать что-либо полезное обнаруживалась все болѣе и болѣе. Изъ донесеній Бисмарка видно, что, убѣдившись въ рѣшимости князя Шварценберга возвысить политическое значеніе и вліяніе Австріи насчетъ Пруссіи, онъ непрестанно совѣтуетъ своему правительству не дѣлать никакой уступки вѣнскому двору и неуклонно идти впередъ на пути, предписываемомъ честью и интересами Пруссіи. Онъ постоянно напоминаетъ своему начальнику, барону Мантейфелю, что непоколебимая твердость есть первый залогъ окончательнаго торжества надъ врагомъ.

Надо отдать справедливость Бисмарку, что онъ самъ отлично умѣлъ держать высоко знамя, защита котораго ему была вѣрена. Весьма любопытнымъ представляется въ этомъ отношеніи поведеніе его въ 1856 году во время пребыванія во Франкфуртѣ австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, графа Буоля. Последний не считалъ нужнымъ, по прибытіи во Франкфуртъ, сдѣлать

обычные визиты посланникамъ — членамъ союзнаго сейма. Но председатель сейма графъ Рехбергъ объявилъ каждому изъ нихъ, что австрійскій министръ очень радъ будетъ ихъ видѣть у себя. Прусскій посланникъ отозвался на такое странное приглашеніе, что онъ слишкомъ занятъ и потому не можетъ исполнить желаніе графа Буоля. Но всѣ представители другихъ германскихъ государствъ поспѣшили на аудіенцію австрійскаго министра, который имъ сказалъ, что очень радъ видѣть предъ собою членовъ германскаго союзнаго сейма и усматриваетъ въ посѣщеніи его лучшее доказательство возстановленнаго въ союзъ единomyслия.

Французскій посланникъ отозвался предъ Бисмаркомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ объ аудіенціи членовъ германскаго сейма у графа Буоля: «Выходя отъ графа Буоля, я встрѣтилъ въ пріемной комнатѣ все стадо сейма, разстановленное и руководимое графомъ Рехбергомъ и готовое поклониться австрійскому министру».

Впрочемъ, не надо также забывать, изъ какихъ личностей состоялъ аккредитованный при союзномъ сеймѣ дипломатическій корпусъ. Бисмаркъ рассказываетъ, что нѣкоторые незначительныя германскія правительства назначали своими уполномоченными лицъ, прошедшая жизнь которыхъ далеко не была безупречна и слава весьма не завидная. Одно правительство находило возможнымъ назначить своимъ представителемъ бывшаго у сапожника ученика, который обратилъ на себя благосклонное вниманіе одной «не молодой и не замужней дамы», и получивъ на ея издивеніи приличное образованіе, былъ произведенъ въ бароны. Другое германское правительство, какъ сообщаетъ прусскій посланникъ, открыло у себя лавочку для продажи дворянскихъ дипломовъ, «въ которой каждый, кто бы онъ ни былъ, можетъ за присылку опредѣленной по особенной таксѣ суммы приобрести желаемый титулъ». Прусскій посланникъ видѣлъ въ такомъ поведеніи германскихъ правительствъ «злоупотребленіе суверенитетомъ» и поставилъ своему правительству вопросъ о томъ: не слѣдуетъ ли вмѣшаться въ такую продажу дипломовъ и мѣсть?

Естественно, что такіе представители германскихъ правительствъ всегда готовы были унижаться предъ кѣмъ бы ни было изъ лицъ, власть имѣющихъ. Но въ составѣ «стада», собравшагося въ передней графа Буоля, были также и такіе члены союзнаго сейма, личность которыхъ заслуживала полнаго уваженія.

Всѣ эти стычки между Бисмаркомъ и представителями Австріи становились все чаще и доказывали совершенную невоз-

возможность какого-нибудь соглашения между ними по наиболее важнымъ союзнымъ дѣламъ. Въ исторіи этихъ постоянныхъ столкновеній обращаютъ на себя особенное вниманіе два момента: во-первыхъ, вліяніе, которое Бисмаркъ постепенно получаетъ на политику прусскаго правительства, все болѣе и болѣе слѣдующаго его указаніямъ и съ благодарностью принимающаго данныя имъ совѣты. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ, самостоятельность и авторитетъ Бисмарка увеличивались съ каждымъ годомъ, и Фридрихъ-Вильгельмъ IV, несмотря на свои пошатнувшіяся умственные способности, все-таки высказывалъ желаніе видѣть когда-нибудь своего посланника при франкфуртскомъ сеймѣ въ должности министра и ближайшаго совѣтника.

Во-вторыхъ, чѣмъ больше времени продолжалась дѣятельность Бисмарка при союзномъ сеймѣ, тѣмъ непоколебимѣе становилось его убѣжденіе, что никакое прочное соглашеніе съ Австріей невозможно. Нельзя не удивляться той близорукости и неумѣлости, съ которою въ дѣйствительности велась австрійская политика. Послѣ смерти энергическаго и способнаго князя Шварценберга, австрійская политика попала въ руки графа Буоля, ограниченность и безтактность котораго были иногда поразительны. Съ этимъ австрійскимъ министромъ Бисмарку было поручено въ 1852 году вести непосредственнымъ образомъ переговоры относительно участія Австріи въ германскомъ таможенномъ союзѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что учрежденіемъ германскаго таможеннаго союза прусское правительство болѣе содѣйствовало объединенію Германіи подъ прусскою гегемоніей, чѣмъ всѣми другими удачными мѣрами, которыя оно принимало послѣ вѣнскаго конгресса 1815 года ¹⁾. Возникшій первоначально изъ таможеннаго союза между Пруссіей и княжествомъ Шварцбургъ-Зондербургъ-Зондергаузенскимъ, онъ представлялъ собою въ 1837 году уже соединеніе 25 германскихъ государствъ, а въ 1851 году въ союзъ вступили, наконецъ, даже Ганноверъ и Ольденбургъ.

Въ основаніе германскаго таможеннаго союза была положена одна мысль: обезпечить всѣми средствами свободу передвиженія и устранить всѣ преграды, которыя препятствуютъ торговымъ оборотамъ и частымъ сообщеніямъ между отдѣльными германскими территоріями. Инициатива, принятая въ этомъ дѣлѣ Пруссіей изданіемъ закона 1818 года, произвела полнѣйшій

¹⁾ Срав. *Klappfel*, Geschichte der deutschen Einheitsbestrebungen bis zu ihrer Befüllung. 1848—1871. Berlin 1876.

переворотъ въ пониманіи правительственныхъ задачъ по отношенію экономической производительности народа и привела къ радикальной отміну всѣхъ средневѣковыхъ заставъ и таможенныхъ мытарствъ, которыя до того времени отдѣляли не только государства другъ отъ друга, но также области и города одной и той же страны.

Благодаря таможенному союзу, единство Германіи было уже совершившимся фактомъ въ области матеріальныхъ интересовъ въ концѣ 30-хъ годовъ нынѣшняго вѣка. Замѣчательно, съ какимъ полнымъ непониманіемъ этой великой мѣры относился къ ней князь Меттернихъ. Онъ нисколько не видѣлъ опасности въ томъ, что германская нація привыкала видѣть въ Пруссіи главу объединенной, въ таможенномъ отношеніи, Германіи. Матеріальные интересы, защиту которыхъ имѣлъ въ виду таможенный союзъ, не представлялись въ глазахъ знаменитаго австрійскаго канцлера настолько важными, чтобы вызвать со стороны Австріи серьезное и послѣдовательное противодѣйствіе.

По мѣрѣ того какъ таможенный союзъ сталъ все болѣе связывать членовъ его общностью не только матеріальныхъ, но и политическихъ интересовъ, по мѣрѣ того, какъ прусское правительство, посредствомъ общаго таможеннаго законодательства, стало получать долю вліянія на внутреннія дѣла различныхъ германскихъ государствъ, вѣнское правительство мало-по-малу убѣдилось въ огромной опасности, угрожающей его вліянію въ Германіи, благодаря таможенному союзу.

Князь Шварценбергъ и самъ низвергнутый австрійскій канцлеръ князь Меттернихъ могли въ 1848 году убѣдиться, насколько таможенный союзъ подготовилъ почву для прусской гегемоніи надъ цѣлою Германіей. Отсюда понятно, что послѣ 1848 года австрійское правительство твердо рѣшилось покончить съ таможеннымъ союзомъ подъ главенствомъ Пруссіи и занять въ немъ подобающее ея тогдашнему вліянію на дѣла Германіи мѣсто.

Съ этою цѣлью князь Шварценбергъ объявилъ, что все таможенное законодательство и всѣ вопросы торговли и промышленности касаются непосредственно всего Германскаго союза и потому должны подлежать вѣдѣнію союзнаго сейма. На этомъ основаніи онъ предложилъ, чтобы при союзномъ сеймѣ былъ устроенъ особенный комитетъ для управленія всѣми таможенными дѣлами цѣлой Германіи. Если припомнить, какую вліятельную роль играла въ 1851 году Австрія въ средѣ германскаго сейма, то понятно будетъ, насколько придуманный ею планъ имѣлъ всѣ шансы на успѣхъ.

Но представитель Пруссіи при сеймѣ нисколько не испугался австрійскихъ замысловъ противъ таможенного союза. Онъ убѣждалъ свое правительство принять предложеніе объ устройствѣ особеннаго таможеннаго комитета, зная впередъ, что изъ такого комитета ничего не выйдетъ. Еслибъ, доказывая онъ барону Мантейфелю, прусское правительство прямо отказало въ согласіи на такую невинную мѣру, оно возбудило бы противъ себя другія германскія правительства, которыя стали бы утверждать, что властолюбію Пруссіи нѣтъ никакихъ границъ.

Комитетъ (Ausschuss) былъ въ дѣйствительности учрежденъ при сеймѣ, но, какъ вѣрно предсказалъ Бисмаркъ, онъ обратился въ пустую говорильню, не имѣвшую никакого практическаго вліянія.

Но съ конца 1851 года австрійскіе замыслы противъ таможенного союза приняли болѣе опасную форму. Вслѣдствіе того, что прусскому правительству удалось въ тихомолку и неожиданно для всѣхъ привлечь въ 1851 году въ союзъ также Ганноверъ, необходимо было пересмотрѣть главные основанія всего союзнаго учрежденія. Съ этою цѣлью прусское правительство созываетъ въ 1851 году конференцію въ Берлинъ для обсужденія новыхъ основаній таможенного союза. Черезъ два мѣсяца австрійское правительство приглашаетъ уполномоченныхъ всѣхъ германскихъ государствъ на такую же таможенную конференцію въ Вѣну. На этой конференціи Австрія желала быть принята въ составъ Германскаго союза со всѣми своими землями и областями и, въ виду этой цѣли, добиться прежде всего заключенія торговаго трактата съ германскимъ таможеннымъ союзомъ. Но въ то же время австрійское правительство отлично понимало, что Пруссія никогда не согласится на принятіе его въ члены таможенного союза, и потому-то оно подъ рукою вело секретные переговоры съ семью южно-германскими государствами для учрежденія вмѣстѣ съ ними особеннаго таможенного союза.

Въ борьбѣ противъ такихъ замысловъ австрійскаго правительства Бисмаркъ обнаруживаетъ удивительную дѣятельность. Своему правительству онъ не устаетъ совѣтовать одно: стоять твердо на почвѣ прежней прусской политики въ таможенномъ вопросѣ и слѣдовать непоколебимо въ сознанной цѣли. Пруссія,—говорилъ онъ постоянно,—не должна выпускать изъ своихъ рукъ руководство матеріальными и торгово-промышленными интересами германскаго народа. Эти интересы близки каждому, и если прусскому правительству удастся закрѣпить за собою славу лучшаго защитника германской торговли и промышленности, то полити-

ческое его вліяніе въ Германіи будетъ стоять на твердомъ фундаментѣ.

Въ то же время прусскій уполномоченный при сеймѣ замѣчательно организовалъ общественную агитацію во всей Германіи, и въ особенности во враждебныхъ Пруссіи южно-германскихъ государствахъ, въ пользу сохраненія прежняго германскаго таможеннаго союза. Онъ пользовался съ большимъ искусствомъ періодическою печатью, заставлялъ писать брошюры, вызывалъ народныя демонстраціи со стороны фабрикантовъ и промышленниковъ на пространствахъ всей южной Германіи — все для того, чтобъ принудить южно-германскія правительства отказаться отъ намѣренія принять австрійскія предложенія. Въ этой неутомимой борьбѣ Бисмарка противъ австрійскихъ замысловъ въ таможенномъ вопросѣ въ первый разъ обнаруживается замѣчательное его искусство направить туда, куда ему желательно, общественное мнѣніе и пользоваться печатью для достиженія поставленной себѣ цѣли. Бисмаркъ уже въ это время высказываетъ о печати мысли, въ которыхъ нѣтъ не усмотрѣть особеннаго его расположенія ни къ печатному слову, ни къ свободѣ печати. Онъ требуетъ запрещенія въ прусскихъ владѣніяхъ непріязненной въ отношеніи Пруссіи франкфуртской газеты и жалуется на непонравившіяся ему произведенія печати.

Но это нисколько не мѣшаетъ ему эксплуатировать печать согласно своимъ политическимъ видамъ, и нѣтъ сомнѣнія, что она сослужила Бисмарку великую службу въ продолженіе всей его блестящей карьеры. Первую важную услугу она оказала ему въ борьбѣ противъ Австріи на почвѣ таможенной политики. Подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, выраженнаго въ шумныхъ публичныхъ демонстраціяхъ и блестящихъ газетныхъ статьяхъ, южно-германскія правительства принуждены были отвергнуть австрійскія предложенія относительно устройства отдѣльнаго таможеннаго союза. Этого мало: общественное мнѣніе Германіи явно высказывалось противъ вступленія Австріи въ германскій таможенный союзъ, на томъ основаніи, что экономическіе интересы и степень культурнаго развитія австрійскихъ земель и Германіи такъ различны по существу, что охраненіе ихъ единымъ таможеннымъ законодательствомъ представляется совершенно невозможнымъ.

Обезпечивъ такимъ образомъ за Пруссіей сочувствіе населенія почти всей Германіи и зная, что германскій народъ почти единодушно высказался за сохраненіе за прусскимъ правительствомъ руководства въ управленіи его матеріальными

интересами, Бисмаркъ считалъ возможнымъ выступить болѣе рѣшительно противъ австрійскихъ плановъ.

Въ июнѣ 1852 года, онъ былъ назначенъ на короткое время въ Вѣну замѣститъ графа Арнима, сдѣлавшагося впослѣдствіи его подчиненнымъ и непримиримымъ врагомъ и бывшего въ это время прусскимъ посланникомъ при вѣискомъ дворѣ. Понятно, что вопросъ о таможенномъ союзѣ сдѣлался предметомъ переговоровъ между Бисмаркомъ и австрійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Прусскій дипломатъ далеко не остался довольнымъ своимъ первымъ дебютомъ въ качествѣ официальнаго представителя своего отечества въ Вѣнѣ. Онъ говоритъ, что какъ вышній пріемъ, ему оказанный, такъ и личныя бесѣды съ австрійскими министрами убѣдили его еще болѣе въ рѣшеніи Австріи не уступать Пруссіи въ Германскомъ союзѣ и исключительно опираться на второстепенныя германскія государства. Когда Бисмаркъ высказалъ графу Буолу желаніе, чтобъ Австрія и Пруссія предварительно согласились между собою насчетъ главнѣйшихъ подлежащихъ обсужденію союзнаго сейма вопросовъ, онъ получилъ въ отвѣтъ, что такое предварительное соглашеніе едва ли возможно и было бы обидно для остальныхъ членовъ сейма. Мало того: австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ не затруднялся высказать въ лицо Бисмарку свое сожалѣніе, что послѣдній не остался во Франкфуртѣ, гдѣ теперь, въ его отсутствіи, не могутъ обсуждаться дѣла, требующія безотлагательнаго рѣшенія.

На такую выходку прусскій посланникъ отвѣтилъ, что онъ именно потому прибылъ въ Вѣну, чтобъ ускорить рѣшеніе дѣлъ во Франкфуртѣ. Прусское правительство послало его сюда, — прибавилъ онъ, — въ надеждѣ встрѣтить со стороны австрійскаго кабинета желаніе полюбовно уладить всѣ недоразумѣнія, ихъ раздѣляющія.

Но въ 1852 году австрійскіе государственные люди совершенно не въ состояніи были вести переговоры съ прусскимъ правительствомъ на основаніи полного равенства. Графъ Буоль относился въ Бисмарку съ олимпійскимъ высокопріемъ и никогда не задумывался давать понять ему, что Пруссія должна подчиняться желаніямъ и видамъ Австріи.

Главнымъ предметомъ этихъ личныхъ переговоровъ Бисмарка съ графомъ Буолемъ былъ вопросъ таможеннаго союза. Прусскій посланникъ началъ съ того, что таможенный союзъ исключительно касается матеріальныхъ интересовъ германскаго народа и, «какъ показавъ опытъ послѣднихъ лѣтъ», онъ не можетъ имѣть значенія «базиса для рѣшительнаго политическаго вліянія». Для

Пруссія нѣтъ основанія вступить въ болѣе близкую таможенную связь съ Австріей, въ виду отсутствія общности ихъ экономическихъ и торговыхъ интересовъ, но она готова, изъ особеннаго уваженія къ вѣнскому кабинету, заключить съ нимъ коммерческій трактатъ. Что же касается до расширенія предѣловъ германскаго таможеннаго союза настолько, чтобы Австрія также могла вступить въ него, то прусское правительство желаетъ пока оставить этотъ вопросъ открытымъ. «Пруссія не считаетъ себя въ правѣ,—пояснилъ Бисмаркъ австрійскому министру,—совершать съ матеріальною пользою своихъ подданныхъ опыты въ неизвѣстныхъ и неопредѣленныхъ областяхъ».

Графъ Буоль энергически отвергъ такое предложеніе прусскаго уполномоченнаго на томъ основаніи, что «Австрія не можетъ позволить, чтобы ее рассматривали въ Германіи какъ иностранную державу», съ которою заключаются коммерческіе трактаты. Кромѣ того, подобный договоръ не имѣлъ бы никакой цѣны для Австріи, если она не вступитъ въ таможенный союзъ. «Именно посредствомъ заключенія такого коммерческаго трактата,—прибавляетъ графъ Буоль,—Австрія сама согласилась бы признать себя иностранною по отношенію къ Германіи державою».

Притомъ австрійскій министръ выразилъ сожалѣніе, что Пруссія не желаетъ даже участвовать въ обсужденіи австрійскихъ предложеній относительно таможеннаго союза, и потому прусское правительство само должно будетъ пенять на себя, если такой его образъ дѣйствія приведетъ къ удаленію Пруссія изъ таможеннаго союза, основаннаго безъ ея участія. Сверхъ того вѣнскій кабинетъ не можетъ рассматривать обсуждаемый вопросъ какъ связанный только съ матеріальными интересами. Напротивъ, онъ имѣетъ также политическую сторону, значеніе которой не слѣдуетъ увеличивать, но и нельзя уменьшать. Во всякомъ случаѣ,—заключилъ свою исповѣдь графъ Буоль,—Австрія не допуститъ, чтобы Пруссія изгнала ее изъ Германіи, гдѣ она должна имѣть законное вліяніе.

Общее впечатлѣніе, выведенное Бисмаркомъ изъ его бесѣды съ графомъ Буолемъ, было то, что Австрія рѣшилась стремиться къ разрыву германскаго таможеннаго союза, въ надеждѣ, что въ такомъ случаѣ Пруссія согласится на всевозможныя уступки, лишь бы только предупредить эту катастрофу.

Таковы были категорическія заявленія австрійскаго перваго министра, сдѣланныя Бисмарку въ іюнѣ 1852 года.

Между тѣмъ, въ февралѣ 1853 года заключается между Пруссіей и Австріей торговый трактатъ, на основаніи котораго

объ договаривающіяся стороны соглашаются оставить пока открытымъ вопросъ о включеніи австрійскихъ земель въ германскій таможенный союзъ. Пруссія принимаетъ на себя слѣдующее важное обязательство: вступить въ 1859 году, т.-е. чрезъ *шесть* лѣтъ въ переговоры съ вѣнскимъ правительствомъ о заключеніи съ нимъ таможенного союза! Но такое согласіе начать по истеченіи шести лѣтъ переговоры нисколько не должно было связывать Пруссію при окончательномъ рѣшеніи вопроса о томъ: принять ли Австрію въ таможенный союзъ или нѣтъ? Такова была сдѣлка, которая на время положила конецъ всѣмъ препирательствамъ относительно таможенного союза. Вслѣдствіе этого трактата всѣ другія германскія государства немедленно возобновили съ Пруссіей договоры, на которыхъ повисла таможенный союзъ.

Трудно было одержать мирнымъ образомъ и въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ болѣе блестящую побѣду, чѣмъ та, которую одержала Пруссія заключеніемъ этого коммерческаго трактата. Подписавъ этотъ актъ, австрійское правительство само подтвердило, что Австрія «въ Германіи иностранная держава», и что съ нею германскія государства могутъ заключать международные коммерческіе трактаты, но вступать въ тѣсный таможенный союзъ не могутъ.

Эту побѣду одержало прусское правительство, постоянно примѣняясь къ указаніямъ своего представителя при франкфуртскомъ сеймѣ, который неустанно повторялъ, что прусская политика одержитъ навѣрно верхъ, если Пруссія непоколебимо будетъ слѣдовать по пути, указанному законными интересами прусскаго народа и національными стремленіями всей Германіи.

IV.

Совершенное отступленіе на всѣхъ пунктахъ со стороны Австріи въ вопросѣ о таможенномъ союзѣ объясняется въ значительной степени новымъ пробужденіемъ грознаго восточнаго вопроса.

Австрійская политика во время восточной войны 1854 по 1856 г. неоднократно была всесторонне изучаема какъ въ заграничной, такъ и въ русской политической литературѣ. Еще въ самое послѣднее время австрійское правительство старалось содѣйство-

вать лучшему пониманію и болѣе справедливой оцѣнкѣ его образъ дѣйствія въ отношеніи Россіи ¹⁾).

Но нѣтъ сомнѣнія, что въ донесеніяхъ барона Бисмарка изъ Франкфурта, за время съ 1854 по 1856 годъ, заключаются столько новыхъ фактовъ, яро освѣщающихъ взаимныя отношенія между Россіей, Пруссіей и Австріей во время крымской кампаніи, что нельзя не признать эту часть донесеній Бисмарка въ высшей степени поучительною и чрезвычайно важною для уясненія многихъ событій новѣйшаго времени. Мы должны будемъ ограничиться въ этомъ очеркѣ указаніемъ только на наиболѣе выдающіеся факты и сужденія будущаго имперскаго канцлера.

Желая воспользоваться столкновеніемъ между Россіей и Турціей для осуществленія своихъ широкихъ плановъ на Балканскомъ полуостровѣ, вѣнскій кабинетъ торжественно отрекся отъ союза съ Россіей и обнаружилъ «австрійскую благодарность» за помощь, оказанную ей русскими штыками въ 1849 году. Графъ Буоль выбивался изъ силъ, чтобъ заслужить одобреніе императора Наполеона III и укрѣпить близкія и союзныя отношенія съ Англіей. Онъ былъ увѣренъ, что такимъ образомъ Австрія не только сдѣлаетъ пріобрѣтенія на Балканскомъ полуостровѣ, но также предупредитъ союзъ между Франціей и Сардиніей для освобожденія Италіи изъ-подъ австрійскаго гнета.

Однако для того, чтобъ союзъ Австріи могъ имѣть въ глазахъ Франціи и Англіи особенную цѣну, вѣнскій кабинетъ долженъ былъ считать за собою не только свои собственныя силы, но также, по возможности, всего Германскаго союза. Графъ Буоль отлично сознавалъ, что если Пруссія воспротивится такому участию германскаго союза въ общеевропейской коалиціи противъ Россіи, франкфуртскій сеймъ не исполнитъ его желанія. Онъ понималъ, что второстепенныя германскія государства все-таки боялись Россіи, и нѣкоторые изъ нихъ усматривали въ русскомъ правительствѣ наиболѣе надежную опору своей политической независимости.

При такихъ обстоятельствахъ Австрія должна была, прежде всего, войти въ соглашеніе съ Пруссіей, чтобъ потомъ выѣстъ съ нею воздѣйствовать на германскій союзъ. Такое соглашеніе дѣйствительно состоялось подписаніемъ 20 апрѣля 1854 года въ Берлинѣ союзной конвенціи уполномоченными обоихъ вели-

¹⁾ Beer, Die orientalische Politik Oesterreichs seit 1774. Wien, 1883, стр. 421—573. Справ. также Geffcken, Zur Geschichte des orientalischen Kriege von 1853 bis 1856. Berlin, 1881, и Etude diplomatique sur la guerre de Crimée par un ancien diplomate. Paris, 1874, 2 vls.

кихъ германскихъ государствъ. На основаніи этого договора договаривающіяся стороны гарантируютъ другъ другу всѣ свои германскія и не-германскія владѣнія; эта гарантія распространяется даже на тотъ случай, когда одинъ изъ контрагентовъ обяванъ будетъ, «для защиты интересовъ Германіи», дѣйствовать активнымъ образомъ; они обязываются содержать наготовѣ свои военныя силы и пригласить къ участию въ этомъ союзѣ также германскій союзъ. Въ отдѣльной статьѣ было постановлено, что въ случаѣ отказа Россіи очистить Дунайскія княжества, принимаемая одною изъ договаривающихся державъ противъ Россіи военныя мѣры должны быть признаваемы общими мѣрами, принятыми для защиты «германскихъ интересовъ». Наступательныя же общія дѣйствія договаривающіяся стороны согласились предпринять въ томъ случаѣ, когда Россія присоединитъ Дунайскія княжества, или когда она перейдетъ черезъ Балканы.

Кромѣ того, 26 ноября того же года была подписана въ Берлинѣ новая дополнительная статья, въ силу которой Пруссія обязалась считать для себя какъ *casus belli* не только вторженіе въ австрійскія владѣнія, но также нападеніе на австрійскія силы, занявшія Дунайскія княжества.

Эти акты были препровождены прусскимъ правительствомъ его представителю при союзномъ сеймѣ съ порученіемъ сообщать австрійскимъ посланникомъ, барономъ Прокешъ-Остенонъ, добиться присоединенія всѣхъ другихъ германскихъ государствъ къ австро-прусскимъ соглашениямъ.

Бисмаркъ безпрекословно подчинился полученнымъ привязаніямъ, но одобрить образъ дѣйствія своего правительства онъ не могъ. По его убѣжденію австрійское правительство одержало блестящую побѣду надъ Пруссіей, заставивъ ее подписать подобный союзъ. «20-ое апрѣля, — пишетъ онъ, — не оправдываетъ ожиданія германскихъ государствъ и дискредитируетъ въ ихъ глазахъ Пруссію. Они видятъ, что Австрія господствуетъ надъ Пруссіей. Устье Дуная имѣетъ весьма мало интереса для Германіи; Адриатическое море, господство Англіи надъ Ионическими островами и моремъ, — въ 10,000 разъ важнѣе».

Изъ этихъ отрывочныхъ замѣтокъ, сдѣланныхъ Бисмаркомъ на поляхъ своей собственной депеши отъ 27 апрѣля 1854 года, видно, что онъ совсѣмъ не былъ въ восторгѣ отъ апрѣльской союзной конвенціи. Вслѣдствіе того, что западныя державы, — пишетъ онъ того же 27 апрѣля, — взяли навадь ноту, предложенную ими Россіи и ею принятую, и, кромѣ того, ввели свои флоты въ

Черное море и объявили войну, онѣ совершенно измѣнили первоначальную цѣль войны.

Бисмаркъ не задумался откровенно высказать барону Мантейфелю и самому королю свои мысли насчетъ дѣйствительныхъ цѣлей австрійской политики. Вѣнскій кабинетъ, доказывалъ онъ своему правительству, не столько хлопочетъ о возстановленіи нарушаемаго мира, сколько о томъ, чтобы занять мѣсто Россіи въ Дунайскихъ княжествахъ и приобрѣсти, если возможно, даже въ полное владѣніе, какъ княжества, такъ и устья Дуная. — Но вѣдъ для того, — наивно пояснилъ Бисмарку Прокашъ-Остенъ, — Россія должна будетъ только уступить маленькій кусокъ земли, т.-е. Бессарабскую область. Австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ до такой степени увлекался идеею о присоединеніи Дунайскихъ княжествъ къ Австріи, что его, по словамъ Бисмарка, называли въ дипломатическихъ кружкахъ во Франкфуртѣ не иначе, какъ «le préfet du département du Danube».

Но, спрашиваетъ Бисмаркъ свое правительство, какой же интересъ Пруссіи въ томъ, что Австрія увеличится еще присоединеніемъ Дунайскихъ княжествъ? Развѣ въ интересахъ Пруссіи допустить возникновеніе войны между Россіей и Австріей? Можно ли допустить, чтобы австрійское правительство повсюду распространяло убѣжденіе въ томъ, что Пруссія неразрывными узами связана съ Австріей и обязана поддерживать воинственную политику вѣнскаго кабинета?

На всѣ эти вопросы подробно отвѣчаетъ самъ Бисмаркъ въ своихъ донесеніяхъ и частныхъ письмахъ барону Мантейфелю. Вездѣ проводится одна и та же идея, а именно, что «поддержка австрійской политики должна быть оказана Пруссіей настолько, насколько это необходимо, чтобы остановить Австрію совершить нападеніе на Россію». Весьма остроумная аргументація Бисмарка произвела рѣшительное дѣйствіе на прусское правительство и заставила его мало-по-малу высвободиться изъ неловкаго положенія, въ которое оно себя поставило подписаніемъ апрѣльской союзной конвенціи. Само австрійское правительство скоро убѣдилось, что такой переворотъ прусской политики совершился подъ вліяніемъ прусскаго посланника при франкфуртскомъ сеймѣ, и потому ни самъ графъ Буоль, ни безпокойный баронъ Прокашъ-Остенъ не упускали случая, чтобы очернить дѣятельность Бисмарка предъ его правительствомъ и выказать ему лично безпредѣльную свою ненависть. Понятно, что такія отношенія не могли вселять въ прусскомъ дипломатѣ особенной любви къ Австріи и ея государственнымъ людямъ.

Непосредственными результатами дѣятельности Бисмарка было, во-первыхъ, то, что само прусское правительство рѣшилось отстаивать свою самостоятельность и не связывать свои интересы съ политическими происками вѣнскаго кабинета; во-вторыхъ, старанія Австріи заставить второстепенныя германскія государства идти также вмѣстѣ съ нею въ восточномъ вопросѣ оказались совершенно безуспѣшными. Союзный сеймъ не согласился на требованіе австрійскаго представителя мобилизовать свою союзную германскую армію и весьма недвусмысленными постановленіями давалъ ему понять, что нисколько не намѣренъ начать непріязненныя дѣйствія противъ Россіи только для того, чтобы сдѣлать удовольствіе Австріи.

Такимъ образомъ, дѣятельность Бисмарка во Франкфуртѣ на Майнѣ во время крымской кампаніи была, безъ сомнѣнія, весьма полезна Россіи, и онъ оказалъ нашему правительству немаловажную услугу своею борьбою противъ враждебныхъ въ отношеніи Россіи замысловъ вѣнскаго кабинета. Но было бы чрезвычайно наивно думать, что Бисмаркъ дѣйствовалъ въ такомъ направленіи исключительно изъ особеннаго расположенія къ Россіи и ея политическимъ интересамъ. Такого сантиментальнаго отношенія къ политическимъ вопросамъ напрасно искать въ донесеніяхъ прусскаго дипломата. Напротивъ, мы увидимъ, что онъ, желая освободить Пруссію и Германію изъ-подъ австрійской гегемоніи, въ то же время не менѣе желалъ обезпечить Германію отъ вмѣшательства во внутреннія ея дѣла и гнета со стороны Россіи. Онъ отлично зналъ, какаго рода вліяніе русское правительство имѣло послѣ 1815 года на всѣ дѣла Германіи, и онъ не забылъ, съ какими угрозами и въ какомъ тонѣ обращался въ 1849 году императоръ Николай I къ прусскому королю.

На этомъ основаніи хотя Бисмаркъ направилъ политику своего правительства на такой путь, на которомъ она должна была соединиться съ интересами Россіи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Пруссія должна была объяснить русскому правительству, что дружеское ея содѣйствіе, имѣющее при войнѣ западно-европейскихъ державъ противъ Россіи такую исключительную цѣну, обезпечено за русскою политикою при соблюденіи извѣстныхъ условій. Между этими условіями стояло на первомъ планѣ уваженіе законныхъ правъ и интересовъ самой Пруссіи, какъ нѣмецкой державы. Польза и честь одной Пруссіи были руководящими идеями бисмарковской политики во время восточныхъ замѣшательствъ 50-хъ годовъ, и этимъ объясняются всѣ любопытныя соображенія Бисмарка объ общемъ политическомъ положеніи Европы.

«Господствующая въ Австріи система «германизирующей централизации»,—пишетъ Бисмаркъ 25-го іюля 1854 года своему правительству,—нуждается для разрѣшенія своей задачи въ болѣе тѣсной органической связи съ сильнѣйшей гегемоніей въ Германіи». Достиженію этой цѣли препятствуетъ, прежде всего, Пруссія. Но понятно, чѣмъ больше приобрѣтетъ Австрія могущества, чѣмъ выше она станетъ, какъ великая держава, тѣмъ скорѣе Пруссія будетъ низведена на степень державы второго ранга, на которой стоитъ, напр., Баварія. Отсюда слѣдуетъ, что Пруссія можетъ согласиться на увеличеніе Австріи лишь въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ сама увеличитъ свои владѣнія. «Въ особенности боюсь я,—пишетъ онъ въ декабрѣ 1854 года,—чтобъ насъ потокъ событій не заставилъ начать войну противъ Россіи въ интересахъ Австріи».

«Я не принадлежу къ тѣмъ,—продолжаетъ онъ,—которые отождествляютъ интересы Россіи съ нашими. Напротивъ, Россія во многомъ виновата въ отношеніи насъ. Также и съ революціей, по меньшей мѣрѣ съ нашей собственною и германскою, мы справимся безъ Россіи, если захотимъ. Какъ для насъ ни серьезна война съ этою державою, я все-таки не старался бы говорить противъ нея, если только мы могли бы рассчитывать получить достойное насъ вознагражденіе за борьбу (Kampfpreis). Меня только тревожитъ мысль, что мы возьмемъ на себя всѣ жертвы и опасности въ угоду Австріи, въ отпущеніи грѣховъ которой король (пруссійскій) имѣетъ столько снисходительности, сколько я желалъ бы, чтобъ Господь Богъ на небесахъ имѣлъ въ отношеніи моихъ грѣховъ».

Когда затѣмъ Австрія все болѣе и болѣе открыто становилась на сторону западныхъ державъ, и вѣнскій кабинетъ старался вездѣ распространять увѣренность въ томъ, что Пруссія совершенно изолирована и должна будетъ подчиняться волѣ союзныхъ съ нею державъ, Бисмаркъ зналъ, что такой маневръ не преминетъ произвести вліяніе на прусское правительство. Поэтому онъ неоднократно предостерегаетъ его не вѣрить самохвальнымъ фразамъ графа Буоля и посмотрѣть серьезнымъ взглядомъ на непосредственныя послѣдствія хитрой австрійской политики.

«Эта политика,—пишетъ онъ въ декабрѣ 1854 года,—повлечетъ для Австріи по наступленіи времени отрезвленія тяжелейшій *Katzenjammer!*» Какъ вѣрно предвидѣлъ Бисмаркъ событія 1859 и 1866 годовъ, когда этотъ *Katzenjammer* стоялъ Австріи и верхней Италіи, и всей Германіи.

Этого мало: «если,—продолжаетъ прусскій посланникъ при

союзномъ сеймѣ,—западно-европейскія державы окончательно убѣдятся въ томъ, что «страхъ есть розга», посредствомъ которой можно руководить Австріею, то послѣдняя не только будетъ идти за Франціей и Англіей, но будетъ безусловно имъ подчиняться. Если же Пруссія также должна принять политику западныхъ державъ, то несравненно проще будетъ сдѣлать это непосредственнымъ образомъ, безъ всякаго посредничества Австріи. Нѣтъ сомнѣнія, что страхъ изъ-за своихъ верхне-итальянскихъ владѣній заставляеть вѣнскій кабинетъ унижаться до такой степени предъ Франціей, хотя онъ, само собою разумѣется, также жаждетъ удобной минуты присоединить къ австрійскимъ владѣніямъ дунайскія княжества.

«Между тѣмъ,—продолжаетъ Бисмаркъ,—высокомѣріе не позволяеть Австріи признаться честнымъ образомъ, что она въ насъ нуждается и должна поступать сообразно съ этимъ. Она предпочитаетъ интриговать противъ насъ, но жестоко ошибается, полагая, что политическія дѣла можно дѣлать такъ, какъ заключаются частныя дѣла—нотаріальнымъ порядкомъ.

«Союзы между большими государствами,—мѣтко замѣчаетъ Бисмаркъ,—только тогда имѣютъ цѣну, если они являются выраженіемъ обоюдныхъ дѣйствительныхъ интересовъ, и всевозможныя постановленія и толкованія не въ состояніи замѣнить недостатка доброй воли и свободныхъ, энергическихъ дѣйствій, если одна сторона считаетъ себя въ убыткѣ и обманутою». Въ такомъ положеніи находилась Пруссія, благодаря апрѣльской конвенціи, и Бисмаркъ признавалъ за правительствомъ прусскимъ не только право, но и обязанность освободиться отъ обязательствъ, возложенныхъ на него этимъ актомъ.

«Если будетъ заключенъ миръ,—доказываетъ Бисмаркъ,—то для насъ будетъ великимъ выигрышемъ, что мы въ послѣдующее за этимъ миромъ время будемъ въ лучшихъ отношеніяхъ къ Россіи, Австрія же, и Баварія, и Саксонія, въ худшихъ, чѣмъ это было до войны. *День расчета не преминетъ наступить*, если даже пройдетъ нѣсколько лѣтъ. Австрія сама воздвигнула непреодолимое препятствіе для сближенія съ Россіей, политика которой отнынѣ будетъ естественнымъ образомъ направлена противъ вѣнскаго кабинета».

Нельзя не удивляться замѣчательной дальновидности, съ которою Бисмаркъ очертилъ уже въ декабрѣ 1854 года послѣдствія удивительно близорукой политики вѣнскаго правительства. Читая разсужденія прусскаго дипломата о послѣдствіяхъ австрійской политики и общаго положенія дѣлъ въ Европѣ, которое

должно устроиться послѣ окончанія крымской войны, можно думать, что всѣ событія 1859, 1866 и 1870 годовъ совершились на европейской сценѣ по программѣ, впередъ составленной ея режиссеромъ—Бисмаркомъ. Только этимъ обстоятельствомъ объясняется та удивительная смѣлость, съ которою онъ дѣйствовалъ въ 1866 и 1870 годахъ: онъ знаетъ, что ближайшій врагъ Пруссіи—Австрія — постоянно будетъ парализована въ своихъ враждебныхъ замыслахъ Россіей, которая никогда не проститъ ей «черную неблагодарность» во время крымской кампаніи.

Съ этой точки зрѣнія заслуживаютъ совершенно особеннаго вниманія разсужденія Бисмарка о восстановленіи независимой и единой Польши. Извѣстно, что во время крымской войны западно-европейская печать горячо обсуждала вопросъ о восстановленіи Польши, и знаменитая записка прусскаго генерала Кнезебека, составленная въ 1814 году о границахъ между Россіей и Польшею, принималась за основаніе различныхъ плановъ насчетъ воскресенія Рѣчи Посполитой.

Бисмаркъ касается нѣсколько разъ этого интереснаго вопроса и высказываетъ мысли, подлинность которыхъ въ данномъ случаѣ не можетъ быть опровергаема. Если, говоритъ онъ въ донесеніи іюльскомъ 1854 года, Австрія объявитъ войну Россіи, она въ концѣ-концовъ должна будетъ согласиться содѣйствовать планамъ западно-европейскихъ союзныхъ державъ насчетъ восстановленія Польши. Эти планы не были до сихъ поръ «честно отвергнуты» ни въ Парижѣ, ни въ Лондонѣ, и «рано или поздно могутъ съ большею опредѣленностью выступить на первый планъ, какъ единственное средство для дѣйствительнаго ослабленія могущества Россіи». Интересы же Австріи менѣе нарушаются восстановленіемъ Польши, нежели Россіи и Пруссіи. Во всякомъ случаѣ австрійскому правительству невозможно будетъ, находясь въ войнѣ съ Россіей, разсориться изъ-за польскаго вопроса также съ западными державами. Кромѣ того, Австрія охотно промѣняла бы Галицію на Дунайскія княжества, которыя въ географическомъ и торговомъ отношеніи гораздо болѣе подходятъ къ Австріи, нежели Галиція, населеніе которой питаетъ глубокую вражду къ австрійскому правительству. Кромѣ того, Галиція совершенно открыта для русской наступательной арміи. Наконецъ, вотъ тѣ выгоды, которыя, по мнѣнію Бисмарка, представляютъ для Австріи восстановленіе Польши:

- 1) «Пруссія будетъ ослаблена и удержана въ опредѣленныхъ предѣлахъ (in Schach gehalten).
- 2) «Опасность отъ панславизма исчезнетъ, если существуютъ

два сильні славянські государства різних вѣроповѣданій и національностей.

3) «Европа увеличится однимъ могущественнымъ католическимъ государствомъ.

4) «Польша, востановленная при помощи Австріи, будетъ на первое время важнымъ союзникомъ Австріи.

5) «Востановленіе Польши представляется для Австріи, можетъ быть, единственною прочною гарантією противъ возмездія со стороны Россіи, какъ только итальянскій вопросъ вызоветъ столкновеніе между Австріей и Франціей, или первая держава въ какомъ-нибудь другомъ случаѣ будетъ находиться въ затруднительномъ положеніи. Въ крайнемъ случаѣ, Австрія была бы готова подвергнуть Польшу новому раздѣлу, не жертвуя дунайскими княжествами»... «Я не хочу утверждать,—поясняетъ Бисмаркъ,—что вѣнскій кабинетъ по собственному почину будетъ добиваться востановленія Польши, но если западныя державы серьезно будутъ настаивать, онъ будетъ обороняться только тупыми когтями, лишь бы ему были обѣщаны Дунайскія княжества».

Таковы были интимныя соображенія прусскаго дипломата насчетъ востановленія независимой Польши. Насколько планъ этотъ серьезно занималъ въ то время императора французовъ, онъ узналъ отъ баварскаго министра барона фонъ-деръ-Пфортена, который сообщилъ ему свои разговоры объ этомъ предметѣ съ Наполеономъ III. Послѣдній объявилъ баварскому министру, въ декабрѣ 1855 года, что если миръ не будетъ подписанъ весною 1856 года, онъ принужденъ будетъ обратиться къ поднятію національностей и въ особенности польской. Но Пфортенъ предупредилъ Наполеона, что если онъ прибѣгнетъ къ такому революціонному средству, то заставитъ тѣмъ нѣкоторыя державы открыто принять сторону Россіи.

Бисмаркъ вполне раздѣлялъ это убѣжденіе баварскаго министра и доказывалъ своему правительству, что планъ Наполеона III насчетъ востановленія Польши не такъ легко осуществимъ, какъ это ему кажется. Во Франціи и Англіи забываютъ,—говоритъ онъ, въ своемъ декабрьскомъ донесеніи 1855 года,—что трудно поднять страну, въ которой неудовольствіе части дворянства и духовенства легко можно уравновѣситъ благодарною привязанностью сельскаго населенія. Уже въ апрѣлѣ 1854 года Бисмаркъ набросалъ слѣдующія замѣтки о вопросѣ, который только въ концѣ 1855 года сталъ серьезно занимать западно-европейскія правительства.

«Западныя державы,—пишетъ онъ,—не въ состояніи про-

известить бунтъ въ Польшѣ. Пруссіе и австрійскіе крестьяне не возстанутъ. Русиновъ (Галиція), Россія легко можетъ вооружить противъ дворянства теперь у нихъ нѣтъ ножа. Какимъ образомъ Пруссія можетъ дойти до того, чтобы *даромъ* (gratis) исполнять въ Австріи полицейскую службу? Чѣмъ заслужила Австрія такую услугу съ нашей стороны?»

Наконецъ, объ извѣстной запискѣ генерала Кнезебека, въ которой также защищается идея независимой отъ Россіи Польши, Бисмаркъ замѣчаетъ, что при обсужденіи этой записки совершенно забываютъ категорическое требованіе автора ея для осуществленія его плана, это — открытое и честное согласіе Австріи на развитіе могущества Пруссіи. Кнезебекъ требовалъ отъ австрійскаго правительства, чтобы оно разсматривало польскій вопросъ какъ дѣло, рѣшеніе котораго требуется «всемирною пользою», и отъ котораго зависитъ «согласіе Европы въ будущемъ». «Это бесспорно вѣрное положеніе, — заключаетъ Бисмаркъ, — совершенно забывается австрійскимъ правительствомъ, которое въ продолженіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ дѣлаетъ все, чтобы ослабить Пруссію и унижить ее какъ въ самой Германіи, такъ и въ средѣ европейскихъ державъ».

На основаніи приведенныхъ соображеній прусскаго посланника при союзномъ сеймѣ, нельзя не заключить, что онъ категорически отрицалъ возможность восстановленія Польши при тѣхъ условіяхъ, которыя существовали въ началѣ пятидесятихъ годовъ. Онъ не видитъ для Пруссіи никакихъ непосредственныхъ интересовъ, которые могли бы ее заставить оказать также, съ своей стороны, содѣйствіе западнымъ державамъ для осуществленія ихъ мысли. Возстаніе, вызванное въ Польшѣ, коснулось бы непосредственно Пруссіи, которая не могла бы оставаться равнодушною къ тому, что будетъ сдѣлано изъ прежней Польши. Но особенную опору для прусскаго владычества въ прежнихъ польскихъ областяхъ, нынѣ присоединенныхъ къ Пруссіи, усматривалъ онъ въ сельскомъ населеніи, котораго интересы не слѣдуютъ съ видами ни польскаго дворянства, ни духовенства.

Обстоятельства, въ виду которыхъ разсуждалъ Бисмаркъ, въ 1854 году, значительно измѣнились съ тѣхъ поръ, и въ особенности послѣ 1863 года. Но во всякомъ случаѣ, любопытно, намъ кажется, все то, что сказалъ о польскомъ вопросѣ прусскій политикъ двадцать лѣтъ тому назадъ...

Здѣсь нѣтъ возможности изложить всѣ перипетіи борьбы, которая происходила въ продолженіе двухлѣтней крымской войны между Австріей, съ одной стороны, и Пруссіей, съ другой.

Попытки австрийскаго правительства заставить Германскій союз идти слѣпо за нимъ и безусловно подчиниться его видамъ насчетъ Балканскаго полуострова, оказались совершенно тщетными. Бисмаркъ не уставалъ повторять своему правительству: «если только можно возбудить въ Австріи вѣру въ то, что наше терпѣніе и братская любовь не неистощимы, и что мы еще не забыли путь въ Моравію, то я все еще думаю, что страхъ Австріи предъ нами полезнѣе будетъ дѣлу мира, нежели увѣренность Австріи въ нашей помощи».

Правительство барона Мантейфеля подчинялось всѣмъ этимъ соображеніямъ своего представителя во Франкфуртѣ и возбуждало своими отвѣтами на австрийскія требованія о мобилизаціи и болѣе дѣятельномъ вмѣшательствѣ въ восточную войну сильное неудовольствіе вѣнскаго кабинета. Послѣдній все болѣе и болѣе сознавалъ, что онъ лишается своего рѣшительнаго вліянія на политику германскихъ государствъ, и что Пруссія захватила то мѣсто, которое Австрія безспорно занимала до 1854 года. Представители второстепенныхъ германскихъ правительствъ при союзномъ сеймѣ даже откровенно высказывали свое желаніе, чтобы Пруссія продолжала и по окончаніи войны руководить дѣлами Германскаго союза. Понятно, насколько такой оборотъ дѣлъ возмущалъ графа Буоля, который привыкъ обращаться съ Германскимъ союзомъ, какъ съ вассальнымъ владѣніемъ его апостолическаго величества. Досада австрийскаго правительства обрушилась прежде всего на барона Прокешъ-Остена, котораго въ Вѣнѣ считали, неизвѣстно почему, замѣчательнымъ дипломатомъ и государственнымъ человѣкомъ. Его безтактность и неразборчивый въ отношеніи средствъ образъ дѣйствій значительно содѣйствовалъ торжеству прусской политики при германскомъ союзномъ сеймѣ.

Когда въ февралѣ 1855 года Прокешъ-Остенъ былъ отозванъ отъ поста австрийскаго посланника при союзномъ сеймѣ, Бисмаркъ писалъ барону Мантейфелю, что всѣ во Франкфуртѣ радуются удаленію Прокешъ-Остена, за исключеніемъ двухъ лицъ — его и самого Прокешъ-Остена. Бисмаркъ не радуется потому, что поведеніе этого австрийскаго дипломата сильнѣйшимъ образомъ содѣйствовало торжеству прусской политики, а назначенный ему преемникъ, графъ Рехбергъ, гораздо опаснѣе, сдержаннѣе и энергичнѣе. «Я вовсе не былъ противникомъ Австріи изъ принципа, — пишетъ Бисмаркъ, — когда я сюда пріѣхалъ четыре года тому назадъ, но я долженъ былъ бы отречься отъ послѣдней капли прусской крови, еслибъ пожелалъ сохранять въ себѣ

хоть малѣйшую любовь къ *той* Австріи, какъ ее понимаютъ современные правители этого государства».

Но дѣятельность Бисмарка, оказавшаяся въ высшей степени полезною для Россіи и выгодною дѣлу возстановленія мира вслѣдствіе удержанія Австріи отъ активнаго вмѣшательства въ восточную войну, возбуждала понятнымъ образомъ неудовольствіе также Англіи и Франціи. Англійское правительство также жаловалось на его вредную политику, но менѣе энергически, чѣмъ французское правительство. Императоръ Наполеонъ III имѣлъ полное основаніе быть недовольнымъ Бисмаркомъ, который при всякомъ случаѣ давалъ понять французскимъ дипломатамъ, что онъ отлично сознаетъ опасность, грозящую Германіи со стороны Франціи.

Весьма любопытно мнѣніе Бисмарка объ императорѣ французскомъ, съ которымъ онъ долженъ встрѣчаться впоследствии еще много разъ, и въ послѣдній разъ—на полѣ сраженія при Седанѣ. Прусскій посланникъ при союзномъ сеймѣ былъ убѣжденъ, что Наполеонъ III способенъ на все, т.-е. на самыя невозможныя политическія предпріятія,—до такой степени у него фантазія управляетъ умомъ. Въ апрѣлѣ 1855 года, Бисмаркъ пишетъ въ частномъ письмѣ прусскому министру-президенту, что весьма возможно исполненіе Наполеономъ III слѣдующаго плана: онъ самъ отправится въ Крымъ и убѣдится въ невозможности взятія Севастополя; тогда онъ вернется съ своею арміею въ Константинополь, куда прибудутъ и высланныя изъ Франціи запасныя войска, и имѣя такимъ образомъ въ своихъ рукахъ турецкую столицу, онъ завладѣетъ ею и учредитъ вторую латинскую имперію на Босфорѣ!

Бисмаркъ сознаетъ, что такая политика была бы весьма «смѣла и причудлива», но при тюльерійскомъ дворѣ много найдется людей, готовыхъ ее поддерживать, въ особенности сама императрица. Разумѣется, что Англія не могла бы смотрѣть равнодушно на такое «донкихотство» своего союзника, не согласилась бы также на такое перенесеніе французской имперіи съ береговъ Сены на берега Босфора, а Россія могла бы только радоваться разрыву между обѣими западными державами. Что же касается Австріи, называемой Бисмаркомъ иногда «вѣнскимъ моргомъ» (*Wiener Morgue*) ¹⁾, то онъ полагаетъ, что она можетъ быть также будетъ несогласна на исполненіе этого плана—если у нея будетъ настолько мужества.

¹⁾ Известно, что «la Morgue» называется въ Парижѣ мѣсто, въ которомъ представляются тѣла покойниковъ, самоличность которыхъ неизвѣстна.

Впрочемъ, — прибавляетъ Бисмаркъ, — Мантейфель можетъ сѣяться надъ этимъ планомъ, приписываемомъ Наполеону III, но онъ увѣряетъ, что люди, знающіе императора французовъ съ давнихъ поръ, положительно приписываютъ ему непреодолимую страсть дѣлать именно то, чего никто отъ него не ожидаетъ. Одинъ старый французскій дипломатъ сказалъ прусскому посланнику при союзномъ сеймѣ слѣдующія слова о Наполеонѣ III: «Cet homme va nous perdre; il finira par faire sauter la France pour une de ces caprices que l'impératrice débite à son déjeuner; il faudrait leur faire un enfant, pour les rendre raisonnables».

Вмѣстѣ съ тѣмъ Бисмаркъ постоянно доказываетъ своему правительству, что если Франція вдругъ пожелаетъ исполнить свои угрозы противъ Германіи, то только серьезный и твердый отпоръ въ состояніи будетъ остановить французское правительство. Въ началѣ 1855 года шла рѣчь о томъ, что Наполеонъ III думаетъ провести свои войска черезъ Германію, чтобъ совершить диверсію противъ Россіи на ея сухопутной западной границѣ. Бисмаркъ настаиваетъ, чтобъ прусское правительство ни въ какомъ случаѣ не допускало таковой проходъ французскихъ войскъ черезъ южную Германію, гдѣ они «отчасти силою, отчасти любовью» могутъ тогда окончательно утвердиться. Въ такомъ случаѣ германскій союзъ, этотъ «стеклянный домъ» (Glasshaus), пересталъ бы существовать, и французское вліяніе воцарится во всей Германіи. Необходимо соединить всѣ силы второстепенныхъ германскихъ государствъ съ силами Пруссіи, чтобъ дать отпоръ французскимъ замысламъ. Даже южно-германскія государства готовы будутъ защищать Германскій союзъ противъ Франціи, потому что все-таки «союзный актъ есть та доска подъ ихъ ногами надъ бурнымъ моремъ Европы, за которую они держатся, и только боятся, что Пруссія сорветъ эту доску съ мѣста».

Имѣя въ виду всѣ эти обстоятельства, Бисмаркъ требуетъ, чтобъ прусская армія, вмѣстѣ съ южно-германскими войсками, предупредила вступленіе французской арміи на германскую почву. Мало того: если прусское правительство предупредитъ французское, то всякая военная демонстрація съ его стороны при Страсбургѣ или Мецѣ должна вызывать соотвѣтствующую военную демонстрацію со стороны Пруссіи. Если, — прибавляетъ Бисмаркъ, — французское правительство увидитъ, что такое предостереженіе сдѣлано серьезнымъ образомъ, то оно навѣрно откажется отъ всякихъ плановъ провести церемоніальнымъ маршемъ свои войска черезъ германскія государства.

Эти энергическіе совѣты не оставались безъ вліянія на прус-

ское правительство, которое почерпало все болѣе и болѣе мужества и сознанія какъ своей силы, такъ и своего достоинства изъ донесеній своего представителя при союзномъ сеймѣ. Но за то французское правительство формально жаловалось, чрезъ своего посланника при берлинскомъ дворѣ маркиза Мутье, на дѣйствія Бисмарка. Король однако вполне одобрилъ образъ дѣйствія послѣдняго. Въ мартѣ 1855 года Бисмаркъ былъ короткое время въ Берлинѣ и видѣлся здѣсь съ маркизомъ Мутье. Послѣдній сильно нападалъ на прусскую политику въ восточномъ вопросѣ и предвѣщалъ Пруссіи всевозможныя бѣдствія и несчастія. Наконецъ французскій посланникъ воскликнулъ: «*Cette politique va vous conduire à Jena!*» На это Бисмаркъ хладнокровно отвѣтилъ: «*Pourquoi pas à Leipzig ou à Waterloo?*»

Если дѣятельность прусскаго посланника во Франкфуртѣ возбуждала такое сильное неудовольствіе въ Вѣнѣ и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ, то, съ другой стороны, въ Петербургѣ вполне цѣнили услуги, оказанныя имъ Россіи тѣмъ, что онъ удерживалъ Австрію отъ вмѣшательства въ восточную войну. Радужный и почетный приѣмъ, оказанный ему въ 1859 году въ Петербургѣ, когда онъ прибылъ сюда въ качествѣ прусскаго посланника, долженъ былъ убѣдить его въ признательности русскаго правительства.

Но самъ Бисмаркъ нисколько не рассчитывалъ на такую благодарность, и онъ впередъ противъ нея протестуетъ. «Я бы не желалъ оставить въ вашемъ превосходительствѣ впечатлѣніе, — пишетъ онъ 16 февраля 1859 года барону Мантейфелю, — будто я въ состояніи держаться въ отношеніи иностранныхъ государствъ, активно или пассивно, какою бы то ни было политики чувствъ (*Gefühlspolitik*). Польза Пруссіи есть для меня единственный факторъ, который имѣетъ значеніе нормы при опредѣленіи нашей политики, и потому еслибъ можно было предположить, что посредствомъ войны противъ Россіи можно было въ какой бы то ни было степени содѣйствовать интересамъ Пруссіи, то я навѣрно не былъ бы въ числѣ противниковъ такой войны». «Впрочемъ, — прибавляетъ Бисмаркъ, — я не хочу даже и ручаться за то, будто *изъ Петербурга вообще чувствуютъ признательность къ отношенію насъ*».

Трудно провести болѣе послѣдовательную политику разчета и болѣе откровенно высказаться относительно непреложной цѣли, которую постоянно имѣлъ въ виду Бисмаркъ и въ достиженіи которой заключается вся его блестящая политическая карьера.

V.

Парижским миромъ прекратилась восточная война, и возстановленъ былъ миръ между воюющими государствами. Пруссія, не принимавшая никакого участія въ войнѣ, была приглашена участвовать въ составленіи международнаго трактата, который долженъ былъ существеннымъ образомъ измѣнить положеніе вещей, основанное на актахъ вѣнскаго конгресса 1815 года, и привести къ новой группировкѣ великихъ европейскихъ державъ. Всѣ сознавали, что навсегда прошло время «Священнаго союза», въ которомъ Россія, Австрія и Пруссія дружно стремились къ усмирению всякаго революціоннаго движенія и къ поддержанію, во что бы то ни стало, существующаго порядка вещей какъ въ области международныхъ отношеній, такъ и внутреннихъ государственныхъ порядковъ. Французское императорское правительство, само вышедшее изъ революціи и готовое эксплуатировать всякія революціонныя попытки въ другихъ государствахъ, не было членомъ Священнаго союза. Между тѣмъ это самое правительство стояло послѣ парижскаго конгресса 1856 года выше всѣхъ континентальныхъ державъ, и глава его пользовался рѣшительнымъ вліяніемъ на всѣ европейскія дѣла.

Послѣ крымской войны, въ продолженіе которой вѣнскій кабинетъ самымъ несомнѣннымъ образомъ интриговалъ противъ Россіи, не могло быть рѣчи о прежнихъ дружескихъ отношеніяхъ между Россіей и Австріей. Напротивъ, всѣ были убѣждены, что Россія воспользуется первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы отплатить австрійскому правительству за его недружелюбный образъ дѣйствія послѣ того, какъ императоръ Николай спасъ вѣнское правительство въ 1849 году отъ величайшей опасности.

Наконецъ, парижскій миръ прекратилъ войну изъ-за восточнаго вопроса, но всѣ сознавали, что бывшая война выдвинула другіе вопросы, которые должны быть рѣшены опять не перомъ, но мечемъ. Самый ходъ дѣлъ на парижскомъ мирномъ конгрессѣ поставилъ на первый планъ итальянскія дѣла, а потомъ могли возникнуть еще другіе вопросы, благодаря новому положенію, въ которомъ очутились великія европейскія державы по отношенію другъ друга.

При такихъ обстоятельствахъ баронъ Бисмаркъ также долженъ былъ задать себѣ вопросъ: что будетъ послѣ заключенія парижскаго мира? На этотъ вопросъ онъ отвѣчаетъ въ подробномъ частномъ письмѣ барону Мантейфелю отъ 26 апрѣля

1856 года, гдѣ съ такою эпиграмматическою мѣткостью охарактеризованы всѣ новыя отношенія между европейскими державами и предвидѣны вѣроятныя ближайшія событія, что намъ кажется необходимымъ остановиться на этомъ любопытномъ актѣ и привести здѣсь вкратцѣ его содержаніе.

Прежде всего Бисмаркомъ констатируется огромное вліяніе на ходъ европейскихъ дѣлъ, пріобрѣтенное императоромъ французскъ, благодаря парижскому конгрессу и миру. Всѣ за нимъ ухаживаютъ и добиваются союза съ Франціей, несмотря на то, что базисъ, на которомъ стоитъ во Франціи дипломатія наполеоновская, постоянно шатается и скоро совершенно можетъ рухнуть.

Въ особенности бросается въ глаза обліженіе между Россіей и Франціей. Правда, въ апрѣлѣ 1856 года Бисмарку еще не казалось, что удадутся старанія графа Орлова, русскаго посла при французскомъ дворѣ— «страхнутъ яблоко съ дерева; но когда оно поспѣетъ, то само упадетъ, и русскіе навѣрно во-время подставятъ свою фуражку». Пруссійскій политикъ положительно утверждаетъ, что союзъ между Франціей и Россіей совершенно необходимъ и настолько «естественъ», что нельзя въ этомъ сомнѣваться.

«Россія и Франція,—пишетъ Бисмаркъ,—это тѣ двѣ великія державы, которыя по географическому своему положенію и политическимъ цѣлямъ наименѣе содержатъ въ себѣ основаній для взаимной вражды, потому что у нихъ нѣтъ, собственно говоря, интересовъ, которые необходимо должны сталкиваться». До сихъ поръ Священный союзъ и нерасположеніе императора Николая къ орлеанцамъ отдаляли оба государства другъ отъ друга, но теперь обстоятельства совершенно измѣнились. Даже «только-что оконченная война была ведена безъ ненависти и послужила болѣе внутреннимъ, нежели вѣншнимъ потребностямъ Франціи. Послѣ того какъ орлеанцы устранены, императоръ Николай умеръ, а Священный союзъ разорванъ, я ничего не вижу, что могло бы остановить естественную наклонность обонхъ государствъ другъ къ другу, и любезности, которыми они обмѣниваются,—скорѣе доказательство существующей симпатіи, нежели средствомъ для возбужденія ея».

Во время министерства князя Шварценберга была рѣчь о союзѣ между Австріей, Россіей и Франціей противъ Пруссіи и Англіи. Но послѣ окончанія восточной войны этотъ проектъ не осуществимъ, потому что не скоро примирятся Россія и Австрія. Если даже австрійскій императоръ смѣнитъ своихъ настоящихъ

министровъ, все-таки петербургское правительство не можетъ питать никакого довѣрія въ австрійскому. На этомъ основаніи Австрія должна будетъ *volens-nolens* стараться сблизиться съ Англіей. Правда, даже въ союзъ съ Пруссіей и Англіей, она будетъ готова сдѣлать все, чтобъ избѣжать войны.

«Но,—продолжаетъ Бисмаркъ,—если можно ожидать, что въ такой войнѣ Пруссія, Австрія, Германскій союзъ и Англія честно, искренно и съ полнымъ довѣріемъ будутъ дѣйствовать всѣми своими силами, то было бы трусостью сомнѣваться въ побѣдѣ». Къ сожалѣнію,—прибавляетъ прусскій посланникъ при союзномъ сеймѣ,—не въ такомъ положеніи находятся въ настоящее время дѣла. Если даже Англія соединится съ Пруссіей и нанесетъ Франціи сильныя пораженія на морѣ, если она даже поставитъ для войны на материкѣ вспомогательный корпусъ войскъ, все-таки вся тяжесть войны будетъ лежать на Германіи.—Замѣчательно, что Бисмаркъ уже въ 1856 году предвидѣлъ возможность приступленія къ союзу Россіи съ Франціей также Соединенныхъ Штатовъ. Но даже и въ такомъ случаѣ, при твердой рѣшимости Пруссіи, Германскаго союза, Австріи и Англіи вести войну до конца,—онѣ побѣдятъ.

Такая новая группировка европейскихъ державъ, на которую еще въ 1856 году указывалъ баронъ Бисмаркъ, могла бы сдѣлаться совершившимся фактомъ съ той минуты, когда Германскій союзъ пересталъ существовать и Пруссія поглощала Германію. Съ этого времени устранены были бы поводы нескончаемыхъ препирательствъ и столкновеній между Пруссіей и Австріей, а искренняя дружба и союзъ между обѣими державами сами собою вытекали бы изъ новаго положенія вещей въ Германіи. Наконецъ, стоило только связать еще судьбу Англіи съ судьбою объединенной Германіи, для того, чтобъ составить политическую комбинацію, о которой писалъ въ 1856 году будущій побѣдитель Австріи и Франціи и создатель единой и могущественной Германіи.

Но въ то время, когда Бисмаркъ высказывалъ свои мѣткія соображенія насчетъ новой группировки великихъ европейскихъ державъ, еще существовалъ Германскій союзъ, и Австрія еще была германскою державою, сильно противодѣйствовавшею осуществленію широкихъ плановъ Пруссіи. Поэтому необходимо было себя спросить: какъ установятся въ ближайшемъ будущемъ взаимныя отношенія между Пруссіей и Австріей, и какое положеніе примутъ второстепенныя германскія государства въ случаѣ

войны между Франціей и Россіей, съ одной стороны, и съ другой—между Пруссіей и Англіей?

Бисмаркъ весьма основательно разбираетъ эти два вопроса и приходитъ къ заключенію, не оставлявшему никакого сомнѣнія въ томъ, что если управленіе прусскою политикою перейдетъ въ его руки, то онъ прежде всего постарается уничтожить Германскій союзъ и изгнать изъ Германіи Австрію. Только по рѣшеніи этого вопроса вышеназложенная новая группировка европейскихъ державъ можетъ осуществиться.

Что касается второстепенныхъ германскихъ государствъ, то они готовы будутъ стать на сторону той изъ великихъ германскихъ державъ, которая обезпечитъ за собою помощь Франціи. Если же на Германію совершится нападеніе съ двухъ сторонъ, т.-е. со стороны Франціи и Россіи, то даже и при союзѣ Пруссіи съ Австріей, мелкія германскія государства только тогда будутъ на сторонѣ обѣихъ великихъ германскихъ державъ, если послѣднія ихъ къ тому принудятъ. Бисмаркъ убѣждалъ, что въ случаѣ серьезной опасности, Баварія, Виртембергъ и всѣ менѣе значительныя государства не задумаются пожертвовать даже существованіемъ Германскаго союза, лишь бы только они могли такимъ образомъ предупредить необходимость участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ, такъ какъ владѣтелямъ ихъ придется тогда покинуть свои дворцы и замки. Дѣйствительно, непрочность Германскаго союза и отсутствіе въ немъ всякой жизненной силы до такой степени наглядно высказывались въ продолженіи послѣднихъ лѣтъ, что едва ли можно сомнѣваться въ предстоящемъ недалекомъ будущемъ распаденіи самого союза.

Обращаясь къ взаимнымъ отношеніямъ между Пруссіей и Австріей, Бисмаркъ высказываетъ свое убѣжденіе въ томъ смыслѣ, что при существованіи нынѣшняго положенія въ Германіи искреннія союзныя отношенія между ними совершенно невозможны. Всегда обѣ державы будутъ относиться другъ къ другу съ явнымъ недовѣріемъ и завистью, и каждая изъ нихъ будетъ думать, что другая ее продаетъ или вступаетъ въ особенныя соглашенія съ общимъ врагомъ. Кромѣ того, Австрія сильна только въ наступленіи, но чрезвычайно слаба въ оборонительной войнѣ, когда можетъ быть достаточно будетъ одного сильнаго натиска ея непріятеля, чтобъ Австрія разлетѣлась какъ картонный домъ, и нѣтъ со всѣмъ своимъ «канцелярскимъ правительствомъ» (Schreiberregiment). На такую Австрію Пруссія рассчитывать не можетъ, и еще меньше всего, если во главѣ ея стоятъ такія личности, какъ графъ Буоль.

«Въ виду политики вѣнскаго правительства, — заключаетъ Бисмаркъ, — Германія слишкомъ тѣсна для насъ обоихъ, и до тѣхъ поръ, пока не состоялось частное соглашеніе насчетъ вліянія каждаго изъ насъ въ Германіи и пока оно не приведено въ исполненіе, мы оба обрабатываемъ то же самое поле, находящееся въ спорѣ. На этомъ основаніи, Австрія остается единственнымъ государствомъ, насчетъ котораго мы можемъ какъ существенно потерять, такъ и выиграть». Между тѣмъ, миролюбивое соглашеніе между Пруссіей и Австріей немислимо, потому что, какъ показываетъ исторія, даже во время самой серьезной опасности, угрожавшей обѣимъ державамъ, все-таки оказывалось невозможнымъ соединить ихъ на продолжительное время. Стоять для того вспомнить войны конца прошлаго столѣтія противъ республиканской Франціи, противъ Наполеона I въ началѣ нынѣшняго вѣка! Непримируемая вражда и безпредѣльная подозрительность сдѣлали невозможными общія противъ заклатаго врага Германіи военныя дѣйствія, и Наполеонъ разбилъ сперва Австрію, а потомъ Пруссію.

Этого мало: начиная съ Карла V, въ каждомъ столѣтіи, — доказываетъ прусскій политикъ, — нѣмецкій дуализмъ устанавливалъ сколько-нибудь сносный *modus vivendi* только послѣ основательной внутренней войны въ Германіи. «Также и въ этомъ столѣтіи никакое другое средство не въ состояніи будетъ установить ходъ нашихъ часовъ согласно».

Впрочемъ, — прибавляетъ немедленно Бисмаркъ, — «я нисколько не намѣренъ утверждать, что наша политика должна быть направлена къ тому, чтобъ привести къ рѣшенію споръ между нами и Австріей при наиболѣе выгодныхъ условіяхъ. Я только желаю высказать свое убѣжденіе, что не въ далекомъ будущемъ мы принуждены будемъ сражаться съ Австріей изъ-за нашего существованія, и что мы не въ состояніи предупредить эту борьбу, потому что ходъ дѣлъ въ Германіи не оставляетъ другого исхода».

Такимъ яснымъ образомъ поставилъ Бисмаркъ вопросъ объ изгнаніи Австріи изъ Германіи уже въ апрѣлѣ 1856 года. Отлично зная своего непосредственнаго начальника барона Мантейфеля, онъ старается его успокоить послѣ того, какъ онъ высказался въ пользу необходимости ожесточенной борьбы противъ Австріи. Онъ до такой степени глубоко изучилъ законы историческаго развитія Германіи и въ частности — взаимныхъ отношеній Пруссіи къ Австріи, что примиреніе между ними было, по его убѣжденію, совершенно немислимо. Весь вопросъ заклю-

чался только въ томъ: наступилъ ли въ 1856 году моментъ для этой борьбы? Бисмаркъ полагаетъ, что еще не наступилъ, въ особенности потому, что взаимныя отношенія между великими державами еще не успѣли выясниться, и, между прочимъ, неизвестно было, установится ли союзъ между Россіей и Франціей такъ скоро, какъ того хотѣло, по словамъ прусскаго государственнаго дѣятеля, русское правительство.

Бисмаркъ много разъ еще возвращается въ своихъ любонятныхъ письмахъ и депешахъ къ этому союзу между Франціей и Россіей и нельзя не видѣть, что онъ больше всего боялся этой политической комбинаціи, хотя и предвидѣлъ ее. Но если такой союзъ представляется до такой степени «естественнымъ» и «неизбѣжнымъ», какъ то усиленно доказывалъ прусскій политикъ, если заключеніе его предупредить почти невозможно, то задача прусской политики очевидно должна была заключаться въ томъ, чтобъ парализовать вредное для Пруссіи дѣйствіе дружбы между Россіей и Франціей. Эта цѣль могла быть наилучшимъ образомъ достигнута посредствомъ установленія такихъ дружескихъ и близкихъ сношеній между Пруссіей и Россіей, чтобъ въ Петербургѣ французское вліяніе никакого вреда германскимъ интересамъ причинить не могло. Чѣмъ ближе и искреннѣе были бы отношенія между Россіей и Пруссіей, тѣмъ менѣе опасенъ былъ бы для послѣдней державы «естественный союзъ» между Россіей и Франціей.

Отсюда слѣдуетъ, что дружба между Россіей и Пруссіей не только должна парализовать союзъ между русскимъ правительствомъ и французскимъ императорскимъ кабинетомъ, но въ то же время — заставить Австрію находиться въ постоянномъ страхѣ налетѣ замысловъ о мести своего сѣверо-восточнаго сосѣда. Бисмаркъ совершенно откровенно высказываетъ эти мысли и притомъ до такой степени ясно, что надо только удивляться тому, какъ другіе государственные люди пятидесятыхъ годовъ ихъ не понимали. Прускій политикъ указывалъ также на непрочность основъ, на которыхъ существовало правительство Наполеона III, но это обстоятельство было, въ сожалѣнію, упущено изъ виду многими, видѣвшими въ союзѣ съ Франціей высшую цѣль русской политики.

VI.

Предположенія Бисмарка относительно предстоящаго сближенія между Россіей и Франціей, кажется, должны были осуществиться въ 1857 году, когда состоялось извѣстное свиданіе императоровъ Александра II и Наполеона III въ Штутгартѣ. Относительно же переговоровъ, происходившихъ во время пребыванія обоихъ императоровъ и ихъ министровъ иностранныхъ дѣлъ въ столицѣ вюртембергскаго королевства, имѣется, до настоящаго времени, очень мало достовѣрныхъ свѣдѣній. Можно только положительно утверждать, что никакихъ формальныхъ обязательствъ заключено не было между обоими императорскими правительствами. Извѣстно только, что всѣ главнѣйшіе политическіе вопросы были предметомъ личнаго обмѣна мыслей между обоими императорами. Такъ, Наполеонъ III откровенно заявилъ, что онъ не можетъ долѣе терпѣть австрійское хозяйничанье въ Италіи, и что онъ рѣшился положить ему конецъ. На это императоръ Александръ II замѣтилъ, что онъ хорошо помнитъ 1849-ый годъ, когда Россія спасла Австрію. Этого было достаточно, чтобъ успокоить Наполеона насчетъ будущаго образа дѣйствія русскаго кабинета. Но ему хотѣлось получить больше, т.-е. активное участіе Россіи въ войнѣ противъ Австріи въ видѣ observationalнаго корпуса русскіхъ войскъ, выставленнаго близъ австрійскихъ границъ, для вторженія, при наступленіи опредѣленныхъ условій, въ Галицію. Неизвѣстно, насколько это требованіе было принято покойнымъ государемъ, но во всякомъ случаѣ достовѣрно то, что во время итальянской войны 1859 года русская армія не была сосредоточена близъ австрійскихъ границъ—что не мало огорчило Наполеона III.

Далѣе, не подлежитъ сомнѣнію, что польскій вопросъ также былъ затронутъ французскимъ императоромъ, высказавшимъ особенное свое расположеніе къ польскому народу. Но императоръ Александръ II категорически объявилъ, что всякое постороннее вмѣшательство въ дѣла царства польскаго будетъ имѣть непосредственнымъ послѣдствіемъ пріостановку задуманныхъ имъ на пользу поляковъ широкихъ преобразованій.

Эти немногія свѣдѣнія о штутгартскомъ свиданіи подтверждаются также донесеніями прусскаго посланника при союзномъ сеймѣ. Бисмаркъ сообщаетъ своему правительству, что онъ видѣлся съ княземъ Горчаковымъ, который чрезвычайно доволенъ результатами переговоровъ въ Штутгартѣ, и говорить о нихъ не только съ

удовольстіемъ, но даже съ торжествомъ. Всѣ ожиданія, возложенныя русскимъ правительствомъ на свиданіе обоихъ императоровъ, вполне оправдались.

«Этому свиданію,—говорилъ русскій министръ иностранныхъ дѣлъ Бисмарку,—приписывали значеніе историческаго событія, и этотъ характеръ отнынѣ останется за нимъ. Это совершившійся фактъ, въ которомъ свиданіе въ Веймарѣ ничего не можетъ измѣнить». Извѣстно, что императоръ Александръ видѣлся также въ Веймарѣ съ императоромъ австрійскимъ, и князь Горчаковъ увѣрялъ Бисмарка, что это свиданіе не будетъ имѣть никакихъ политическихъ послѣдствій, и онъ искренно будетъ сожалѣть, если оно приведетъ къ отставкѣ графа Буоля, присутствіе котораго во главѣ австрійскаго министерства несравненно болѣе полезно интересамъ Россіи, нежели можетъ быть дѣятельность русскаго посланника при вѣнскомъ дворѣ.

Вообще,—заключаетъ Бисмаркъ въ своей депешѣ, отъ 29 сентября 1857 года,—судя по словамъ князя Горчакова, въ Штутгартѣ состоялись «важныя соглашенія» между Россіей и Франціей, которыхъ вліяніе на общій ходъ европейскихъ дѣлъ должно обнаружиться весьма скоро.

Немного замѣчанія Бисмарка о штутгартскомъ конгрессѣ, вызванныя откровенностями князя Горчакова, вполне подтверждаютъ его увѣренность въ необходимости союза между Россіей и Пруссіей. Самъ русскій министръ иностранныхъ дѣлъ говорилъ «съ торжествомъ» (mit Triumph) о свиданіи, которое должно было закрѣпить «естественный союзъ» между обоими императорами. Но понятно, какое впечатлѣніе откровенности князя Горчакова должны были произвести на прусскаго дипломата, нитавшаго широкіе планы насчетъ ближайшаго будущаго, съ которыми мы выше познакомились; если же князь Горчаковъ съ такою энергіею опровергалъ возможность сближенія между Россіей и Австріей при веймарскомъ свиданіи, то этимъ онъ только подтвердилъ совершенную политическую изолированность вѣнскаго кабинета, противъ котораго Пруссія также имѣла весьма существенныя и стародавнія претензіи. Бисмаркъ долженъ былъ изъ личныхъ объясненій съ русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ вывести заключеніе, что недалево время, когда Пруссія въ состояніи будетъ свести всѣ свои счеты съ габсбургскою династіей.

Наконецъ, читая отчетъ прусскаго дипломата о бесѣдѣ своей съ княземъ Горчаковымъ, нельзя не замѣтить, что онъ нѣсколько скептически относился къ словамъ нашего государствен-

наго канцлера, который былъ также одно время русскимъ посланникомъ при союзномъ сеймѣ. Но Бисмаркъ не позволяетъ себѣ насчетъ князя Горчакова ни одного эпиграмматическаго замѣчанія; по крайней мѣрѣ таковыхъ нѣтъ въ текстѣ обнародованныхъ Пошингеромъ актовъ. Не ко всѣмъ однако русскимъ государственнымъ людямъ онъ относился такимъ образомъ. Такъ, онъ весьма ядовито характеризуетъ барона Бруннова, считавшагося однимъ изъ весьма замѣчательныхъ русскихъ дипломатовъ.

«Брунновъ,—пишетъ Бисмаркъ въ февралѣ 1856 г.,—искусство котораго, въ качествѣ редактора, я ставлю на основаніи бумагъ, какія онъ мнѣ при случаѣ прочитывалъ, почти такъ же высоко, какъ онъ самъ,—не прожовелъ на меня въ личныхъ сношеніяхъ впечатлѣнія, которое соотвѣтствовало бы предшествовавшей ему славѣ. Онъ слишкомъ явно обнаруживаетъ свое стремленіе добиться личнаго расположенія собесѣдника и открываетъ свое мнѣніе именно въ самыхъ стараніяхъ скрыть его. У него все спито, какъ говорятъ французы, бѣлыми нитками, и онъ слишкомъ легко ожидаетъ существенной пользы отъ личнаго расположенія». Какъ часто впадаютъ въ эту ошибку, подобно барону Бруннову, который обижался, когда люди, лично его уважающіе, не исполняли изъ личнаго же къ нему расположенія того, чего онъ отъ нихъ требовалъ, и что было противно интересамъ, ввѣреннымъ его зашитѣ.

Относительно самого Бисмарка можно замѣтить, что начиная съ 1858 года самоувѣренный тонъ его донесеній очевидно еще болѣе увеличивается: онъ чувствуетъ подъ собою твердую почву, и нисколько не стѣсняясь высказывается за изгнаніе Австріи изъ Германіи. На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ можно думать, что окончательный переходъ правительственной власти изъ рукъ короля Фридриха-Вильгельма IV, умъ котораго окончательно померчалъ въ это время, въ руки принца Вильгельма значительно содѣйствовалъ развитію самоувѣренности въ баронѣ Бисмаркѣ. Последний имѣлъ неоднократно случай излагать въ Баденъ-Баденѣ будущему королю прусскому и императору германскому свои политическіе взгляды на ходъ дѣлъ въ германскомъ союзѣ и доносилъ Мантейфелю, что принцъ совершенно одобряетъ его образъ дѣйствія и раздѣляетъ его взгляды.

Окончательный переходъ государственнаго управленія въ руки принца Вильгельма немедленно привелъ къ отставкѣ барона Мантейфеля и къ назначенію барона Бисмарка на чрезвычайно важный постъ прусскаго посланника при петербургскомъ дворѣ. Мѣсто непосредственнаго начальника Бисмарка занялъ

баронъ Шлейницъ, въ качествѣ прусскаго министра иностранныхъ дѣлъ. Русский посланникъ въ Берлинѣ, баронъ Будбергъ, писалъ въ это время князю Горчакову, что новое прусское министерство «образовано принцессою прусскою», которая «теперь управляетъ страной». вмѣстѣ съ тѣмъ, нашъ дипломатъ прибавилъ, что «новые министры суть зазорныя посредственности (*des médiocrités agressives*), и будутъ ярмыми противниками всей политической системы, которую интересы наши побудятъ насъ отстаивать... Баронъ Шлейницъ—олицетворенная слабость (*une faiblesse personifiée*) и ничтожный государственный человѣкъ (*un pitoyable homme d'état*). Другіе министры—теоретики, доктринеры и утонисты». Наконецъ, баронъ Будбергъ прибавляетъ, что «Шлейницъ жалуется на то, что стараются утвердить мнѣніе, будто стремленія новаго министерства либеральны; это положительно несправедливо, и принцъ твердо рѣшился обуздывать такіа стремленія, когда они проявляютъ себя» ¹⁾.

Такіе рѣзкіе отзывы одного изъ русскихъ дипломатовъ о существенной перемѣнѣ, происшедшей въ прусской правительственной системѣ, нисколько не могли содѣйствовать уразумѣнію новой прусской политики и ея видовъ въ отношеніи Россіи. Между тѣмъ, эта перемѣна, вызванная окончательнымъ утвержденіемъ принца Вильгельма, немедленно обнаружилась не только на поведеніи барона Бисмарка, но также и на образѣ выраженій другихъ представителей Пруссіи за границею.

Болѣе дальновидные русскіе государственные люди тотчасъ замѣтили это вліяніе. Такъ, прусскій посланникъ въ Парижѣ, графъ Гацфельдъ сдѣлалъ въ самомъ началѣ графу Киселеву слѣдующее profession de foi: «Теперешнее политическое положеніе Пруссіи и ея отношенія къ другимъ государствамъ требуютъ если не коренного измѣненія, то по крайней мѣрѣ много направленія во внѣшней ея политикѣ, а вслѣдствіе того и измѣненія ея отношеній къ Россіи. Берлинъ находится подъ гнетомъ Петербурга въ теченіе 30-ти лѣтъ; въ настоящее время другіе союзы могутъ повлечь за собою другого рода отношенія, и это—въ природѣ вещей, потому что ничто не вѣчно. Мы желаемъ сохранить, по сосѣдству, доброе согласіе, какъ и съ прочими державами». Далѣе, прусскій дипломатъ прибавилъ, что если Франція вадумаетъ начать войну противъ Германіи, Наполеонъ III можетъ поплатиться своимъ престоломъ.

«Война на берегахъ Рейна,—сказалъ въ заключеніе графъ

¹⁾ Заблоцкий-Дестовскій, Графъ П. Д. Киселевъ, т. III, стр. 72.

Гацфельдъ русскому послу при французскомъ дворѣ, — подниметь на ноги всю Германію, какъ одного человѣка, и первоначальныя успѣхи французской арміи окончатся бѣдствіемъ, которое можетъ постигнуть самого императора и его политическое положеніе».

Графъ Киселевъ, записавъ эти слова прусскаго дипломата, прибавилъ: «Гацфельдъ сталъ говорить совсѣмъ другимъ языкомъ со времени учрежденія регентства».

Но графъ Киселевъ имѣлъ еще раньше, въ сентябрѣ 1858 года, весьма любопытный разговоръ о положеніи Пруссіи и видахъ прусскаго регента съ графомъ Редерномъ, прусскимъ посланникомъ въ Брюсселѣ. Изъ этого разговора нельзя не убѣдиться, что съ момента утвержденія принца Вильгельма во главѣ прусскаго правительства, между представителями этого правительства за границею утверждается убѣжденіе въ томъ, что наступило время для сведенія старыхъ счетовъ съ различными европейскими державами, и въ частности съ Австріей. При такихъ обстоятельствахъ совѣты и указанія Бисмарка получаютъ особенную окраску: въ нихъ, очевидно, съ точностью выражаются цѣли національной прусской политики, которыя сознавались всѣми выдающимися прусскими дѣятелями. Необходимы были однако для полного ихъ осуществленія два лица: во-первыхъ, монархъ, который былъ бы готовъ неуклонно стремиться къ достиженію этихъ цѣлей, и во-вторыхъ, государственный человѣкъ, который былъ бы способенъ найти средства и пути для разрѣшенія поставленной задачи.

Насколько прусскій посланникъ при союзномъ сеймѣ обладалъ такимъ государственнымъ умомъ, видно было изъ его прежнихъ замѣчательныхъ донесеній. Принцъ Вильгельмъ понялъ его, оцѣнилъ и далъ ему полную возможность разубить гордіевъ узелъ.

Графъ Редернъ доказывалъ графу Киселеву, что до назначенія принца Вильгельма регентомъ прусское правительство не имѣло опредѣленной политики: оно слѣдовало началамъ временъ прошедшихъ, а между тѣмъ положеніе Европы совершенно измѣнилось. Тройственный союзъ между Россіей, Австріей и Пруссіей не можетъ быть восстановленъ. Наполеонъ III желаетъ занять мѣсто императора Николая I и управлять Европою. Онъ намѣренъ прежде всего подавить Австрію, чтобъ впослѣдствіи предъявить свои требованія Пруссіи. Регентъ, — прибавилъ прусскій дипломатъ, — или, лучше сказать, будущій король, «никогда не согласится отдать рейнскія провинціи, на какихъ началахъ или условіяхъ ни предлагали бы». Въ виду такихъ обстоятельствъ, Пруссія обязана охранять себя отъ французскихъ претензій, — «а какъ это сдѣлать, если не опираться на германскую стихійную силу (sur

l'élément allemand), которая одна можетъ противостоять зарейнскимъ сосѣдамъ Пруссіи».

Графъ Киселевъ, бывшій сторонникомъ Франціи, видѣлъ въ этихъ словахъ прускаго дипломата только намѣреніе Пруссіи вмѣшаться въ войну между Франціей и Австріей и стать на сторону послѣдней державы. Онъ не желалъ такого осложненія политическихъ дѣлъ и опровергалъ доводи своего собесѣдника съ явною цѣлью вредить Австріи. Въ аргументаціи графа Киселева весьма любопытнымъ образомъ смѣшиваются совершенно основательные и вѣрные взгляды съ доводами, далеко не убѣдительными. Такъ, нашъ маститый государственный мужъ объяснялъ прусскому дипломату, что, съ одной стороны, Пруссія «должна воскресить политику Фридриха Великаго, который ставилъ преграды стремленіямъ въ господству Австріи надъ Германіею», съ другой же, «германская стихійная сила не что иное какъ грѣза и утопія». Географическое положеніе и разнородные интересы всѣхъ отдѣльныхъ владѣній, составляющихъ Германію, «никогда не позволяютъ сплотить изъ нихъ прочное тѣло». Австрія отлично умѣетъ пользоваться своимъ вліаніемъ въ Германіи, чтобъ создавать постоянныя затрудненія Пруссіи. Незначительныя германскія правительства боятся стремленія Пруссіи медиатизировать ихъ.

«Вообще,—доказывалъ графъ Киселевъ,—положеніе Пруссіи не надежное, потому что она не имѣетъ прочнаго основанія. Она выросла силою геніальнаго человѣка и можетъ продолжать свое существованіе подъ условіемъ постоянного увеличиванія; въ противномъ случаѣ она зачахнетъ и исчезнетъ съ политической сцены». Пруссія—«на стезѣ прогресса», и она заключаетъ въ себѣ больше задатковъ для жизни и развитія, нежели Австрія, которая готова распасться. Наконецъ, чтобъ доказать графу Редерну необходимость для Пруссіи вступить въ союзъ съ Россіей и Франціей противъ Австріи, графъ Киселевъ торжественно объявилъ: «федеративная Германія—тѣло безъ головы, и потому шаткое и лишенное силы». «Объединеніе Германіи», прибавилъ графъ, «живетъ въ умахъ, но этого недостаточно, чтобъ мечта осуществилась»¹⁾.

Трудно себѣ представить, какимъ образомъ изъ федеративной Германіи, бывшей тѣломъ безъ головы, могла бы возникнуть сильная Пруссія, которая по природѣ своей должна постоянно увеличиваться,—если «объединенная Германія есть мечта и утопія». Очевидно, что если не Австрія должна господствовать въ Гер-

¹⁾ *Заблудный-Десятоевскій*: Графъ П. Д. Киселевъ, т. III, стр. 68 и слѣд.

маніи, то должна Пруссія, для которой графъ Киселевъ желалъ возвращенія къ политикѣ Фридриха В. Но господство Пруссіи надъ Германіей могло основаться только на почвѣ «германской стихійной силы», и требовалось одно, чтобъ явился тотъ «гениальный человѣкъ», силою котораго объединеніе Германіи изъ мечты сдѣлалось совершившимся положительнымъ фактомъ.

Во всякомъ случаѣ, слова такого замѣчательнаго государственнаго человѣка, какъ графъ Киселевъ, вполне доказываютъ, что не одинъ Бисмаркъ и другіе прусскіе государственные дѣятели сознавали болѣе или менѣе ясно полнѣйшую несостоятельность союзнаго устройства Германіи. Не всѣ однако знали средства, которыя въ состояніи, безъ общеевропейскихъ потрясеній, уничтожить это положеніе вещей и создать другое, болѣе состоятельное и менѣе шаткое.

Для разрѣшенія этой задачи необходимо было глубокое изученіе всѣхъ пружинъ и средствъ, которыми поддерживается преобладающее вліяніе Австріи въ Германіи. вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо было имѣть непоколебимую увѣренность въ жизненные силы Пруссіи для разрѣшенія задачи, поставленной исторіей цѣлаго вѣка и вытекающей изъ взаимныхъ отношеній обѣихъ великихъ германскихъ державъ.

VII.

Пруссійскій посланникъ при франкфуртскомъ союзномъ сеймѣ вполне обладалъ какъ пониманіемъ самыхъ основаній политики вѣнскаго кабинета, такъ и знаніемъ средствъ, которыми Пруссія въ состояніи будетъ навсегда парализовать вліяніе Австріи на внутреннія дѣла Германіи. Въ вѣрной постановкѣ того и другого вопроса заключается вся сущность «національной» политики Бисмарка, для котораго она не была одною громкою, но безсодержательною фразой.

Въ вышеприведенныхъ подробныхъ выпискахъ изъ донесеній Бисмарка своему правительству можно было видѣть, какъ ясно ставилъ онъ вопросъ о гегемоніи Австріи или Пруссіи въ Германіи. Нельзя было сомнѣваться въ твердой рѣшимости этого прусскаго государственнаго человѣка стремиться всѣми силами къ осуществленію своей цѣли, какъ только позволятъ обстоятельства. Наконецъ, Бисмаркъ неоднократно характеризовалъ вліяніе, которое можетъ имѣть на окончательный исходъ борьбы между обѣими германскими державами — общее положеніе политическихъ дѣлъ въ Европѣ.

Но намъ остается еще остановиться на чрезвычайно замѣчательной запискѣ Бисмарка, составленной имъ въ мартѣ 1858 года, которую и оканчивается третій, послѣдній томъ его донесеній. Въ этомъ актѣ прусскій политикъ соединяетъ все сказанное имъ прежде о великомъ вопросѣ господства Австріи или Пруссіи, и съ такою поразительною ясностью раскрываетъ самыя сокровенныя пружины австрійской политики, что нельзя не удивляться аналитической способности автора и его глубокому пониманію всѣхъ ходовъ и средствъ своего противника. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Бисмаркъ точными штрихами намѣчаетъ въ томъ подробномъ актѣ путь, по которому должна идти національная прусская или германская политика. Мы ограничимся приведеніемъ только главныхъ мыслей и положеній этой записки, въ которой каждое слово взвѣшено и имѣетъ свое значеніе.

Раскрывая причины господства австрійскаго вліянія въ Германіи, въ особенности послѣ 1851 года, Бисмаркъ останавливается прежде всего на умѣнши вѣнскаго правительства парализовать дѣятельность тѣхъ министровъ или посланниковъ германскихъ государствъ, которые дѣлаютъ попытки противодействовать его видамъ. Тутъ на первомъ планѣ стоятъ личные отношенія. Во-первыхъ, австрійское правительство устроило такъ, что почти всѣ дворянскіе роды южной и средней Германіи имѣютъ своихъ представителей на австрійской службѣ. Если у каковаго-нибудь вліятельнаго министра или посланника имѣются сыновья, то раньше, чѣмъ они успѣютъ заявить о своемъ желаніи, ихъ причисляютъ на австрійскую службу и даютъ патенты на офицерское званіе или должности. Находясь въ Австріи, эти сыновья и родственники нѣмецкой аристократіи служатъ затѣмъ «заложниками», отвѣчающими за покорность родителей.

Если при союзномъ сеймѣ какой-нибудь изъ представителей германскихъ правительствъ дѣлается неудобнымъ для вѣнскаго кабинета, то послѣдній добивается всѣми силами его отозванія. Если такого посланника защищаетъ его министръ, австрійское правительство старается укротить послѣдняго и вступаетъ съ этою цѣлью въ союзъ со всѣми недовольными, которые находятся въ странѣ.

Большую услугу оказываетъ австрійскому правительству въ такихъ случаяхъ католическая церковь, іезуиты и вообще вся ультрамонтанская партія. Въ такой борьбѣ мало-по-малу устаютъ противники вѣнскаго кабинета: министры поддаются дѣйствию всевозможныхъ вліяній, а посланники германскихъ государствъ при сеймѣ предпочитаютъ болѣе спокойную и тихую жизнь постояннымъ стычкамъ и борьбѣ. «Я самъ, — пишетъ Бисмаркъ, — могъ

бы сдѣлать свою жизнь такъ же пріятною, какъ это дѣлалъ мой предшественникъ и дѣлаютъ почти всѣ мои товарищи, посредствомъ государственной имѣны въ умѣренной, и на первый взглядъ едва ли замѣтной степени».

Въ особенности удачно пользуется австрійское правительство для проведения своихъ плановъ печатью, на подкупъ которой оно жертвуетъ громадныя суммы. Спеціальныя агенты объѣзжаютъ по всей Германіи и Европѣ редакціи наиболѣе вліятельныхъ органовъ періодической печати и заключаютъ съ ними особенныя условія, на основаніи которыхъ австрійское правительство обязывается или выдавать ежегодныя субсидіи, или платить за помѣщеніе въ газетѣ присланныхъ статей, авторы которыхъ поступили на австрійскую службу на весьма выгодныхъ для нихъ условіяхъ. Всѣмъ органамъ печати данъ одинъ и тотъ же лозунгъ: доказывать, что только Австрія дѣйствительно защищаетъ единство и интересы Германіи.

Если вспомнимъ, съ какимъ замѣчательнымъ искусствомъ самъ первый министръ Пруссіи организовалъ въ послѣдствіи эксплутацію періодической печати для проведения своихъ политическихъ видовъ, то можно думать, что изученіе этого дѣла у своего противника дало первый толчекъ для «правильной» постановки его въ самой Пруссіи ¹⁾.

Крайне любопытны доказательства Бисмарка въ пользу того, что именно платечное положеніе австрійскихъ финансовъ привлекаетъ въ Австрію промышленныхъ и финансовыхъ людей всей Германіи, и въ особенности южной и средней ея полосы. «Какъ доктора любятъ больного, который хорошо платитъ, такъ капиталисты привязаны къ Австріи».

Объясняется этотъ странный на первый взглядъ фактъ слѣдующимъ образомъ. Благодаря неимоверной величинѣ австрійскаго государственнаго долга, число владѣльцевъ австрійскихъ бумагъ весьма велико, и высокій процентъ не менѣе 6 или 7, выплачиваемый по нимъ, благодаря низкому ихъ курсу, привлекаетъ капиталистовъ положить свои капиталы въ австрійскія бумаги. При этомъ, надо прибавить, что австрійское правительство все дѣлаетъ для того, чтобъ всѣ иностранныя биржи были открыты для его бумагъ и для владѣльцевъ ихъ дѣлаются всевозможныя облегченія, чтобъ они вездѣ могли получать проценты.

¹⁾ Весьма любопытныя данныя по этому вопросу можно найти въ извѣстномъ сочиненіи: *Moritz Busch, Graf Bismark und seine Leute während des Krieges mit Frankreich*. 2 Bde. 1878.

Кромѣ того, необеспеченность австрійскихъ государственныхъ долговъ не даетъ себя чувствовать еще потому, что австрійское правительство, съ одной стороны, всѣми средствами содѣйствуетъ развитію промышленности въ странѣ, а съ другой—привлекаетъ иностранные капиталы въ Австрію, гдѣ они находятъ выгодное и вѣрное помѣщеніе.

«Такимъ образомъ,—заключаетъ Бисмаркъ,—каждый владѣлецъ австрійскихъ государственныхъ облигацій становится сторонникомъ самой Австріи въ той самой степени, въ которой его состояніе зависитъ отъ благосостоянія, успѣховъ и отъ основаннаго на нихъ кредита этого государства».

Если принять въ соображеніе всѣ эти разнообразныя средства, которыя находятся въ распоряженіи австрійскаго правительства, то понятно, почему оно смѣло можетъ повторять въ глаза строптивымъ германскимъ министрамъ слова Фридриха Великаго: «Говорите, что хотите, и дѣлайте, что вы должны». Вотъ почему графъ Буоль затруднился объявить виртембергскому министру, что германскія государства должны, наконецъ, понять, что только Австрія имѣетъ право вести иностранную политику. Когда же тогдашній саксонскій министръ баронъ Бейстъ осмѣлился въ 1855 году сдѣлать въ союзномъ сеймѣ предложенія насчетъ преобразованія устройства германскаго союза, которыя не были одобрены въ Вѣнѣ, тотъ же австрійскій министръ сказалъ саксонскому посланнику, что онъ «будетъ давить маленькихъ (die Kleinen) до такой степени, что у барона Бейста не хватитъ дыханія для противорѣчія».

Имѣя такія превосходныя пружины, чтобы привести въ движеніе весь союзный механизмъ Германіи, австрійское правительство не прочь расширить кругъ дѣятельности и права союзной власти. Въ этомъ пунктѣ интересы Австріи совершенно совпадаютъ съ интересами незначительныхъ германскихъ государствъ, для которыхъ чрезвычайно пріятно съ важностью разсуждать въ союзномъ сеймѣ о самыхъ важныхъ вопросахъ европейской политики наравнѣ съ Пруссіей, не подвергаясь ни отъѣственности за свои слова, ни опасности вызвать для себя неприятности. Такимъ образомъ объясняются попытки, сдѣланныя въ послѣднее время, установить рѣшеніе дѣлъ по большинству голосовъ и ограничить право отдѣльнаго члена союза противорѣчить большинству.

«Но въ такой системѣ,—говоритъ Бисмаркъ,—нѣтъ мѣста для Пруссіи до тѣхъ поръ, пока она не намѣрена отречься отъ своей роли европейской державы». Великая держава, желающая

основать свою внутреннюю и внешнюю политику на своих собственных силах, может согласиться на увеличение компетенции союзной власти под условием увеличения своего влияния на ходъ всѣхъ дѣлъ самаго союза. «Совершенно поэтому естественно, что какъ Австрія, такъ и Пруссія, одновременно стремятся занять въ германскомъ союзѣ такое именно мѣсто. Но только *одна* изъ нихъ можетъ его занимать, и въ настоящее время Австрія имѣетъ такое положеніе, и обладаетъ всѣми вспомогательными средствами, чтобъ удерживаться въ немъ». Австрія сознаетъ это свое превосходство и категорически отказывается раздѣлить свое влияние съ Пруссіей. Второстепенныя же германскія государства съ удовольствіемъ видятъ, какъ благодаря непримиримому разногласію между обѣими великими германскими державами ихъ микроскопическое, при нормальныхъ обстоятельствахъ, влияние растетъ все болѣе и болѣе.

Въ особенности наглядно обнаружился этотъ фактъ во время крымской войны, когда представители второстепенныхъ германскихъ государствъ совершенно откровенно признавались прусскому посланнику, что если устроится союзъ между Австріей и Франціей, ихъ правительства готовы стать на сторону этого союза противъ Пруссіи. Когда во время переговоровъ о мирѣ было опредѣлено устранить конгрессъ изъ представителей всѣхъ главнѣйшихъ европейскихъ государствъ въ Парижѣ, вѣнское правительство, при рувоплесканіяхъ незначительныхъ германскихъ государствъ, интриговало изъ всѣхъ силъ противъ приглашенія Пруссіи на парижскій конгрессъ.

Во всякомъ случаѣ очевидно, — доказываетъ Бисмаркъ, — что при «нынѣшнемъ положеніи дѣлъ въ Австріи» согласіе между этою державою и Пруссіей совершенно немислимо, потому что никогда современное австрійское правительство не согласится признавать за Пруссіей *равныя* съ нею права. Но Пруссія не можетъ добровольнымъ образомъ занять мѣсто *второй* великой германской державы; она не можетъ не раскрыть австрійскую тактику — поставить дѣло такимъ образомъ, что Пруссія очутится на одной сторонѣ, а Австрія со всѣми второстепенными германскими государствами на другой. Такое положеніе дѣйствительно можетъ сдѣлаться опаснымъ, въ особенности при невыгодномъ для Пруссіи общемъ положеніи дѣлъ въ Европѣ.

Итакъ живъ всѣ пружины и цѣли австрійской политики въ отношеніи Пруссіи и опредѣливъ положеніе, занятое незначительными германскими государствами въ этой борьбѣ, Бисмаркъ ставитъ себѣ вопросъ: что должно сдѣлать прусское правитель-

ство для уничтоженія такого унижительнаго для него положенія вещей?

Разбирая этотъ вопросъ, прусскій посланникъ при союзномъ сеймѣ общими штрихами наметилъ программу своей собственной будущей политики.

Пруссія, — говоритъ онъ, — должна энергически протестовать противъ того правила, что рѣшенія большинства голосовъ союзнаго сейма имѣютъ обязательную силу для меньшинства. Такой протестъ или отказъ признать это новое правило долженъ быть объявленъ даже при рискѣ вызвать распадъ всего Германскаго союза.

Если Пруссія поставитъ вопросъ ребромъ, она только подтвердитъ, что «союзный сеймъ» и «Германія» не суть понятія идентичныя, и что она имѣетъ преимущественное право доказывать свои «германскія чувства». При томъ прусское правительство никогда не должно забывать, что «прусскіе интересы совершенно одинаковы съ интересами большинства союзныхъ странъ» (Bundesländer), за исключеніемъ Австріи, но несогласны съ интересами союзныхъ *правительствъ* (Bundesregierungen). «Нѣтъ ничего болѣе германскаго, — заключаетъ Бисмаркъ, — какъ именно развитіе правильно понятыхъ партикулярныхъ интересовъ Пруссіи».

Исходя изъ этого положенія, необходимо придти къ заключенію, что задача прусской политики — доказать германской націи, что ея польза и благосостояніе нисколько не солидарны съ интересами союзныхъ германскихъ правительствъ. Пруссія не должна обращать никакого вниманія на сочувствіе союзныхъ правительствъ, но за то привязывать къ себѣ всѣ симпатіи подчиненныхъ этимъ правительствамъ подданныхъ. Пруссіи было бы лучше безъ Германскаго союза, но если онъ разъ существуетъ, то она должна, изъ уваженія къ собственному своему достоинству, поставить союзной власти самыя точныя и несомнѣныя предѣлы.

Понятно, что труднѣе всего будетъ раздѣляться съ Австріей, которой не трудно будетъ предвидѣть опасности для Германскаго союза изъ такого направленія прусской политики. Можно спорить о томъ, — говоритъ Бисмаркъ, — выгоденъ ли для Пруссіи союзъ съ Австріей или нѣтъ. Но спора не можетъ быть о томъ, что «ни уступчивость, ни увѣренія въ дружбѣ», не суть тѣ средства, которыя въ состояніи установить съ Австріей «споконья», а еще менѣе вѣрныя союзныя отношенія. «Доброжелательство, благодарность за уступки, національныя симпатіи и вообще чувства никогда не были обязательны для австрійской политики».

Она должна постоянно противодействовать влиянію и интересамъ Пруссіи въ Германіи. Поэтому непримиримая борьба между Австріей и Пруссіей въ-за влияния въ Германіи есть политическій законъ, котораго дѣйствіе должны признать обѣ стороны.

Но если такая борьба неминуема, если прусское правительство неустанно должно подготавливаться къ ней, если она обязана впередъ обезпечить за собою окончательную побѣду надъ естественнымъ своимъ врагомъ, то спрашивается: какія мѣры должны быть приняты въ виду этой цѣли? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ Бисмаркъ слѣдующимъ образомъ: «руководящее положеніе, которое Пруссія занимала въ Германіи до 1848 года, повело не на доброжелательствъ второстепенныхъ государствъ или союзнаго собранія, но на томъ фактѣ, что *Пруссія шла впереди всѣхъ* по всѣмъ направленіямъ государственнаго развитія, что все специфически прусское было признано въ остальныхъ союзныхъ государствахъ какъ образцовое, заслуживающее подражанія». Революціонное движеніе 1848 года остановило такое прогрессивное развитіе прусскаго государственнаго порядка и возбудило подозрительность союзныхъ государствъ. Кроме того, 1848 годъ ослабилъ также могущественное влияніе общественнаго мнѣнія, и австрійское соперничество затрудняетъ усилія Пруссіи возмѣстить то, что она потеряла въ 1849 году.

Между тѣмъ, неотложно и необходимо возвратиться на путь, по которому она шла впереди всей Германіи на пути государственнаго и культурнаго прогресса; необходимо, чтобъ все, носящее на себѣ прусскій этикетъ, считалось и впредь лучшимъ и образцовымъ; необходимо, чтобъ *Пруссія стояла во главѣ умственнаго движенія всей германской націи!* Она можетъ и должна этого достигнуть. «Нѣтъ, — говоритъ Бисмаркъ въ увлеченіи своимъ прусскимъ патріотизмомъ, — другаго государства на европейскомъ материкѣ, которое могло бы дать своему государю такую безопасность, какою пользуется король прусскій, остающійся государемъ въ своей странѣ даже въ томъ случаѣ, если вся постоянная армія будетъ изъ нея удалена». На этомъ же положительномъ фактѣ основывается возможность для Пруссіи идти на встрѣчу «требованіямъ времени въ отношеніи развитія общественной жизни» въ большей степени, чѣмъ это въ состояніи сдѣлать другія правительства. Прусское правительство въ состояніи, насколько не опасаясь за сохраненіе своего авторитета, предоставить своимъ подданнымъ такую степень политической свободы, которой другія германскія государства допустить не могутъ. Оно можетъ предоставить какъ представителямъ прусскаго народа,

такъ и печати гораздо большую свободу, нежели они пользуются въ настоящее время.

Пруссія будетъ стоять во главѣ прогрессивнаго движенія всей Германіи, «если только внутреннее ея состояніе будетъ такое, благодаря которому не нарушается въ отношеніяхъ къ иностраннымъ народамъ впечатлѣніе единодушнаго дѣйствія всѣхъ органовъ и силъ государства, и если такое единодушіе также въ дѣйствительности будетъ содѣйствовать внутреннему ея развитію.» Такая тѣсная и неразрывная связь между внутреннимъ государственнымъ строемъ Пруссіи и международнымъ ея вліяніемъ и успѣхами никогда не должна упускаться изъ виду прусскимъ правительствомъ, которое постоянно должно помнить, что цѣли его политики не могутъ быть достигнуты при разладѣ между *внутренними* порядками и *международными* его стремленіями. Невозможно, чтобъ Пруссія имѣла, за собою сочувствіе всего германскаго народа и могла стать во главѣ единой Германіи, если она будетъ идти *назадъ* въ своихъ собственныхъ порядкахъ и не будетъ давать удовлетворенія «требованіямъ времени» (Anforderungen der Zeit). Должно господствовать полное единодушіе между всѣми органами правительства, съ одной стороны, и народнымъ представительствомъ съ другой. Если такого единодушнаго стремленія къ одной общей цѣли нѣтъ, если само прусское правительство будетъ шататься изъ стороны въ сторону и въ немъ самомъ будетъ происходить постоянная борьба между противоположными «требованіями», Пруссія не въ состояніи будетъ имѣть въ глазахъ другихъ германскихъ государствъ того обаянія, какое она должна имѣть.

«Королевская власть,—писалъ Бисмаркъ въ 1858 году,—виждется въ Пруссіи на такихъ вѣрныхъ основахъ, что правительство можетъ, безъ всякой опасности, предоставить народному представительству болѣе обширную дѣятельность, приобрѣтая такимъ образомъ болѣе дѣйствительныя средства для воздѣйствія на дѣла Германіи». Прусское правительство приобрѣло бы громадное вліяніе на всѣ соплеменные германскія государства, еслибъ оно расширило кругъ дѣятельности и правъ прусскихъ палатъ въ томъ смыслѣ, что предоставило бы послѣднимъ обсуждать всѣ вопросы, касающіеся «германской политики, положенія Пруссіи въ Германскомъ союзѣ» и затрудненій, которыя воздвигаются противниками національной прусской политики.

«Германская политика» Пруссіи можетъ только вынестись отъ гласнаго обсужденія въ печати ея цѣлей и стремленій. Предоставляя печати свободно обсуждать эти вопросы, прусское пра-

вительство навѣрно увеличить число своихъ приверженцевъ и отнять изъ рукъ своихъ враговъ орудіе, которымъ они стараются парализовать его политику. Гласность только выгодна германскимъ стремленіямъ прусской политики.

Вступивъ такимъ образомъ въ союзъ съ «требованіями настоящаго времени», расширяя кругъ дѣятельности и правъ народнаго представительства, предоставляя органамъ общественнаго мнѣнія свободно обсуждать виды прусской политики и ставъ во главѣ общественнаго и государственнаго развитія всей Германіи,— Пруссія дѣйствительно сдѣлается «вполнѣ германскимъ государствомъ» (ein deutscher Staat), и на ея сторонѣ будетъ полное сочувствіе населенія всѣхъ остальныхъ германскихъ государствъ. Тогда правительства этихъ государствъ принуждены будутъ искать союза съ Пруссіей, какъ съ такою державою, которая идетъ *впередъ* всѣхъ германскихъ государствъ на пути культуры и цивилизаціи.

Наконецъ, «ни въ одной части германскаго народа и въ немногихъ иностранныхъ государствахъ довольство собственнымъ правительствомъ и готовность идти ему на встрѣчу съ довѣріемъ и преданностью нигдѣ столько не зависятъ отъ сознанія, что государство занимаетъ самостоятельное и почетное мѣсто въ области международныхъ отношеній, какъ именно въ Пруссіи. Между тѣмъ, Пруссія не въ состояніи будетъ занять такое мѣсто, и правительство не можетъ рассчитывать на довѣріе и готовность къ самопожертвованію народа, если оно не удовлетворяетъ законному его стремленію къ постоянному усовершенствованію своихъ политическихъ учреждений и развитію своихъ культурныхъ силъ».

VIII.

Таково содержаніе замѣчательнаго этюда барона Бисмарка о цѣляхъ германской прусской политики, которою оканчивается вся серія любопытнѣйшихъ актовъ, обнародованныхъ въ прошломъ году по его личной инициативѣ. Мы старались извлечь изъ 564 актовъ тѣ политическія сужденія нынѣшняго германскаго канцлера, которыя представляютъ не только временный и переходящій интересъ, но въ которыхъ провозглашаются политическія принципы и высказываются соображенія, долженствующія имѣть навсегда значеніе ключа, открывающаго доступъ въ міръ современныхъ мыслей этого современнаго намъ государственнаго чловѣка, политическія способности и умъ котораго стоятъ выше всякаго сомнѣнія. Можно не симпатизировать личному характеру

германскаго канцлера, можно даже сомнѣваться въ прочности основъ возведенной имъ германской имперіи, можно сожалѣть о «крутомъ переворотѣ», который совершился въ послѣднее время, по мнѣнію многихъ, во внутренней политикѣ Германіи, но во всякомъ случаѣ никто не станетъ отрицать, что небывалый успѣхъ увѣчалъ энергическое стремленіе Бисмарка къ разъ поставленной имъ себѣ цѣли: поставить Пруссію во главѣ всей объединенной Германіи силою «національной» политики, т.-е. такой, которая, по словамъ Бисмарка, ведетъ націю «впередъ всѣхъ на пути культуры и цивилизаціи», и «удовлетворяетъ ея стремленію къ постоянному усовершенствованію ея политическихъ учреждений и развитію культурныхъ силъ».

Въ виду блестящаго результата прежней національной прусской политики, руководимой Бисмаркомъ, нельзя не признать особенный авторитетъ его въ опредѣленіи тѣхъ условій, при которыхъ вообще національныя стремленія даннаго народа должны увѣчаться успѣхомъ и достигнуть цѣли. Съ этой именно точки зрѣнія его донесенія и записки получаютъ огромную практическую важность.

Неразрывная и органическая связь между *внутреннимъ* прогрессивнымъ развитіемъ государственной жизни народа и *международнымъ* его вліяніемъ—вотъ аксіома, находящая самое блестящее подтвержденіе въ германской политикѣ Бисмарка. Эта основная мысль руководила всею его политическою дѣятельностью въ періодъ ея творчества, т.-е. до момента созданія германской имперіи, и въ ней заключается объясненіе одержанныхъ имъ на дипломатическихъ и военныхъ поляхъ сраженій блистательныхъ побѣдъ. Національная политика его заключалась не въ томъ, чтобъ возвратиться ко временамъ первыхъ бранденбургскихъ курфюрстовъ, и не въ борьбѣ съ законными и неотложными требованіями времени, но напротивъ, въ постоянномъ движеніи впередъ на пути культурнаго и политическаго развитія. Пруссія должна сама сдѣлаться сперва «интеллектуальною главою» (*intellectuelle Spitze*) всей Германіи и всей германской націи, раньше чѣмъ приступить къ политическому объединенію Германіи подъ властью прусскаго короля. Пруссія должна была представлять въ своихъ общественныхъ и государственныхъ учрежденіяхъ такой образцовый порядокъ, въ которомъ всѣ другіе германскіе народы должны были видѣть идеалъ своихъ культурныхъ и политическихъ стремленій. Раньше чѣмъ создать политическую силу Пруссіи, необходимо было основать ея культурное превосходство въ глазахъ всей германской расы и заставить всѣ гер-

манскіе народы видѣть въ прусскомъ культурномъ состояніи и общественныхъ порядкахъ самое лучшее выраженіе «требуемыхъ времени» и самое полное удовлетвореніе законныхъ потребностей народовъ.

Сочувствіе къ «германской политикѣ» прусскаго правительства должно было основываться на сочувствіи всѣхъ нѣмцевъ къ культурнымъ и прогрессивнымъ стремленіямъ прусскаго правительства; привязанность и преданность Пруссіи со стороны подданныхъ другихъ германскихъ государствъ должны были вытекать не изъ сознанія племенной общности, но изъ чувства уваженія къ прусскому правительству и его стараніямъ удовлетворять потребностямъ и уважать законныя желанія подданныхъ.

Въ этомъ смыслѣ излагалъ баронъ Бисмаркъ въ пятидесятихъ годахъ цѣли прусской «національной» политики и условія, при которыхъ Пруссія можетъ сдѣлаться главою объединенной Германіи. Когда онъ приступилъ къ разрѣшенію поставленныхъ прусской политикѣ задачъ, Пруссія дѣйствительно стояла, какъ по степени культурнаго развитія, такъ и политической зрѣлости, выше большинства остальныхъ германскихъ государствъ, и потому она имѣла нравственное право считаться во главѣ всей германской націи.

Ф. Мартенсъ.

МАРІОНЪ ФАЙ

Романъ, въ двухъ частяхъ, Антонн Троллопа.

Съ англійскаго.

XXVI.—Нетерпѣніе лорда Гемпстеда *).

Гемпстедъ, когда его отослали изъ Парадизъ-Роу, приказавъ ждать отвѣта до пятницы, былъ разочарованъ, почти сердитъ и несправедливъ къ мистриссъ Роденъ. Ей одной онъ приписывалъ отсрочку, которой Маріонъ потребовала для своего отвѣта. Худой или добрый знакъ это промедленіе—онъ не могъ рѣшить. Еслибъ она совсѣмъ его не любила, еслибъ не находила возможнымъ полюбить его, едва ли бы она попросила времени на размышленіе. А между тѣмъ, еслибъ она любила его искренно, зачѣмъ ей было просить объ этомъ? Онъ сдѣлать для нея все, что мужчина можетъ сдѣлать для дѣвушки, если она его любитъ; ей не слѣдовало бы мучить его глупыми проволочками. Таковы были его размышленія на возвратномъ пути, причемъ въ пользу его слѣдуетъ сказать, что онъ настолько понималъ любимую дѣвушку, что сознавалъ, что въ глазахъ ея важно не то, что онъ повергъ къ ногамъ ея свою графскую корону, а свое сердце.

— Я ѣздилъ въ Галловей,—сказалъ онъ сестрѣ.

Отъ полноты сердца уста «глаголятъ».

— Видѣлъ ты Джорджа?—спросила леди Франсесъ.

*) См. выше: май, 250 стр.

— Нѣтъ. Я ѣздилъ не съ цѣлью видѣться съ нимъ. Онъ, конечно, днемъ на службѣ. Я ѣздилъ по собственному дѣлу.

— Затѣмъ ты такъ на меня накидываешься, Джонъ. Что это у тебя за собственное дѣло въ Галловъ?

— Я ѣздилъ просить Маріонъ Фай быть моею женою.

— Право?

— Да. Отчего бы мнѣ этого не сдѣлать? У насъ всѣхъ теперь, кажется, мода вступать въ бракъ съ тѣми, кто намъ понравится.

— Почему же нѣтъ? Развѣ я тебѣ противорѣчу? Если дочь этого квалера добра, честна, красива.

— Что она красива, могу сказать навѣрное. Что она добра — вѣрно вполнѣ. Что она честна, по крайней мѣрѣ по отношенію ко мнѣ, не могу еще рѣшить.

— Не честна?

— Она не украдетъ, не вытащитъ платка изъ кармана, если ты это понимаешь подъ словомъ «честность».

— Что съ тобой, Джонъ? Отчего ты говоришь о ней въ этомъ тонѣ?

— Мнѣ хотѣлось рассказать тебѣ все. Рѣшившись на этотъ поступокъ, я не хочу держать его въ тайнѣ, точно будто стыжусь его. Какъ могу я сказать, что она честна, пока она честно мнѣ не отвѣтила?

— Что она тебѣ отвѣтила?—спросила она.

— Ничего—пока. Просила прійхать въ другой разъ.

— Этимъ она мнѣ еще симпатичнѣе.

— Отчего? Просто потому, что ты женщина и думаешь, что тянуть, дѣлать видъ, что сама не знаешь чего хочешь, держать человека на горячихъ угольяхъ, очень мило и прилично. Я не измѣню своего мнѣнія насчетъ Маріонъ, но право, думаю, что притворное колебаніе излишне и, до нѣкоторой степени, нечестно.

— Но почему же непременно «притворное»? Не должна ли она увѣриться, что можетъ полюбить тебя?

— Конечно, или, что не можетъ. Я не такой пустой человекъ, чтобы воображать, что она обязана броситься въ мои объятія только потому, что я ее прошу объ этомъ. Но мнѣ думается, она должна была бы сколько-нибудь понимать себя, чтобы имѣть возможность приказать мнѣ или надѣяться, или оставить всякую надежду. Она была спокойна какъ министръ, отвѣчающій въ палатѣ общинъ на запросъ, и приказала мнѣ подождать до пятницы совершенно такъ, какъ дѣлаютъ эти господа, когда имъ

надо узнать отъ младшихъ чиновниковъ въ министерствѣ, что имъ, собственно, слѣдуетъ говорить.

— Ты опять поѣдешь въ пятницу?—спросила она.

— Придется. Нельзя предположить, чтобы она пріѣхала ко мнѣ. А затѣмъ если она скажетъ, что несогласна, я долженъ буду возвратиться домой, поджавши хвостъ.

— Не думаю, чтобы она это сказала.

— Почему ты знаешь?

— Дѣвушка, мнѣ кажется, свойственно, — сказала леди Франсесъ, — слегка сомнѣваться, когда она думаетъ, что можетъ полюбить, но нисколько не сомнѣваться, когда она сознаетъ, что не можетъ. Впослѣдствіи ее могутъ убѣдить передумать, но въ первую минуту она не знаетъ сомнѣній.

— Я называю это: «тануть».

— Совсѣмъ нѣтъ. Дѣвушка, о которой я говорю, глубоко честна. И миссъ Фай поступить честно, если теперь приметъ твое предложеніе. Не часто такой человекъ какъ ты, Джонъ, тщетно ищетъ руки дѣвушки.

— Это низко, — сердито сказалъ онъ. — Это значить приписывать лживость, алчность, нечестность дѣвушкѣ, которую я люблю. Если какой-нибудь клеркъ въ отцовской конторѣ нравился ей больше меня, неужели она приметъ мое предложеніе только потому, что я сынъ моего отца?

— Я не объ этомъ думала. Человекъ можетъ имѣть личныя качества, которыя несомнѣнно повліяютъ на такую молодую и неспорченную свѣтомъ дѣвушку, какой я представляю себѣ твою Маріонъ Фай.

— Вадоръ, — сказалъ онъ, смѣясь. — Что касается до личныхъ качествъ, все мы, болѣе или менѣе, другъ друга стоимъ. Дѣвушкѣ требуется красота. Мужчинѣ надо имѣть на что купить хлѣба и сыру. А затѣмъ, все сводится къ вопросу о симпатіи и антипатіи.

До сихъ поръ лордъ Гемпстедъ не встрѣчалъ еще дѣвушки, на которой пожелалъ бы жениться. Года два тому назадъ его мачиха, леди Кинсбери, затѣяла было женить его на своей родной племянницѣ леди Амальдинѣ Готвилъ. Бракъ этотъ казался ей лучшимъ средствомъ «образумить» пасынка, въ которомъ она тогда еще не вполне отчаялась. Она дипломатически намекнула на это сестрѣ; а та шепнула дочери. Молодая дѣвушка, за которой въ то время уже начиналъ ухаживать ея настоящій женихъ, рѣшилась «попытаться». Гемпстеда пригла-

слии въ замокъ Готбой на мѣсяцъ; но въ концѣ первой недѣли Амальдина объявила матери, что «толку не будетъ».

— Я какъ-нибудь откажусь отъ своего титула и состоянія въ пользу Фредди, а самъ отправлюсь въ Соединенные Штаты и тамъ постараюсь зарабатывать себѣ хлѣбъ.

Эта маленькая рѣчь, сказанная молодымъ человѣкомъ дѣвушкѣ, на которой его хотѣли женить, раскрыла глаза леди Амальдинѣ на опасность ея положенія. Съ этой минуты чувство недоброжелательства со стороны леди Бинсбери къ пасынку росло не по днямъ, а по часамъ.

— Что скажетъ миледи, когда услышитъ о моей Маріонъ?— спросилъ Гэмпстедъ сестру наканунѣ своей второй поѣздки въ Галловей.

— А развѣ это важно?—спросила леди Франсесъ.

— Мнѣ кажется, что мои чувства къ ней мягче твоихъ. Она глупа, надменна, рѣзка, дерзко обращается съ отцомъ, не руководствуется никакими нравственными правилами въ своихъ надеждахъ и честолюбивыхъ замыслахъ.

— Какъ ты, однако, ее аттестуешь, — сказала его сестра.

— Но тѣмъ не менѣе я до такой степени ей сочувствую, что мнѣ почти кажется, что я обязанъ уступить.

— Не могу сказать, чтобы я ей сочувствовала.

— Вѣдь она всего этого жаждетъ для сына; я съ ней согласенъ, что Фредди будетъ гораздо пригоднѣе меня для даннаго положенія. Я рѣшился жениться на Маріонъ, если она поѣдетъ за меня, но всѣ Траффорды, за исключеніемъ можетъ быть одной тебя, будутъ разогорчены подобнымъ бракомъ. Если у меня когда-нибудь будетъ сынъ, то дѣло будетъ совсѣмъ безнадежно. Назовись я Снуксъ, не бери ни шиллинга изъ семейныхъ доходовъ, я не принесу имъ никакой пользы. Сынъ Маріонъ будетъ для нихъ такимъ же камнемъ претенвенія какъ я.

— Какъ ты странно на это смотришь.

— Какъ мачиха моя ее возненавидитъ! Дочь квакера! Клеркъ въ конторѣ Погсона и Литльбёрда, живутъ въ Парадизъ-Роу! Я такъ ее и вижу! Какъ же ей не тяжело, что мы оба направляемся въ Парадизъ-Роу?

Леди Франсесъ не могла удержаться отъ смѣха.

— Ты не можешь причинить ей продолжительнаго вреда, — ты только дѣвушка; но меня она, мнѣ кажется, отравитъ. Все это кончится тѣмъ, что она заставитъ мистера Гринвуда поднести мнѣ чашку бульона.

— Джонъ, ты говоришь ужасныя вещи.

— Еслибъ я могъ, послѣ этого, находиться въ числѣ присяжныхъ, я непремѣнно бы оправдалъ ихъ обоихъ на основаніи смягчающихъ обстоятельствъ.

Все утро слѣдующаго дня Гѣмпстедъ провелъ въ волненіи, такъ какъ рѣшился отправиться въ Галловей не ранѣе какъ послѣ завтра. Его немного развлекло полученное письмо. Конвертъ былъ надписанъ незнакомой рукой, на нѣмъ «Достопочтеннаго лорда Гѣмпстеда».

— Интересно знать, кто этотъ оселъ,—сказалъ онъ, разрывая его.

Ослому оказался Самунгъ Кроверъ, письмо было слѣдующее:

«Дорогой лордъ Гѣмпстедъ,

«Надѣюсь, что вы извините меня, милордъ, за то, что обращаюсь къ вамъ такъ фамиллярно. Пользуюсь этимъ радостнымъ днемъ, праздникомъ Рождества Христова, чтобы писать вамъ въ интересахъ мира. Съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ честь встрѣтиться съ вами въ замкѣ вашего дяди, однимъ изъ величайшихъ наслажденій моей жизни было имѣть возможность похвалиться знакомствомъ съ вами. Вы, я увѣренъ, не забыли, что мы вмѣстѣ охотились, а я никогда не забуду ни этого дня, ни того, какъ вы, милордъ, неслись по нашей, далеко не гладкой, дорогѣ. Помню также, какъ, возвращаясь домой съ охоты, вы, милордъ, всю дорогу толковали о нашемъ общемъ пріятелѣ, Джорджѣ Родевѣ.

«Это—человѣкъ, къ которому я питаю самое искреннее уваженіе, какъ къ отличному служакѣ и вашему пріятелю. Пріятно видѣть, какъ онъ усерденъ къ службѣ, такъ же какъ и я. Берешь съ правительства деньги, такъ зарабатывай ихъ. Таковы мои правила, милордъ. У насъ есть штуки двѣ молодыхъ людей, единственная цѣль которыхъ—какъ-нибудь дотянуть день и съѣсть свой завтракъ. Я всегда твержу имъ, что служебные часы имъ не принадлежатъ. Вѣроятно, они когда-нибудь поймутъ меня.

«Но чтобъ возвратиться къ Джорджу Родеву, случилось что-то,—что именно, не понимаю,—что какъ-будто восстановило его противъ меня. Ничто никогда не доставляло мнѣ такого удовольствія, какъ то, когда я узналъ о его надеждахъ относительно известнаго предмета,—вы, милордъ, знаете, что я хоту сказать. Ничто не могло быть болѣе лестно, чѣмъ выраженія, въ которыхъ я поздравлялъ его многое множество разъ. Поздравляю и васъ, милордъ, а равно и миледи, такъ какъ онъ чрезвычайно пріятный молодой человѣкъ, хотя положеніе его въ свѣтѣ не такъ

высоко, какъ положеніе иныхъ людей. Но клеркъ на службѣ Е. В. всегда считался джентльменомъ; съ гордостью думаю, что это положеніе и я занимаю наравнѣ съ нимъ.

«Но, какъ я уже сказалъ, что-то какъ будто неладно между нами. Онъ сидитъ противъ меня и не говоритъ со мной ни слова, развѣ отвѣтитъ на вопросъ и то не совсѣмъ вѣжливо.

«Онъ слаще сахара со всѣми, кто не сидитъ съ нимъ за однимъ столомъ, какъ я,—иначе я бы подумалъ, что его надежды сбѣлали его высокобѣрнымъ.

«Не могли-ли бы вы, милордъ, какъ-нибудь примирить насъ? Я увѣренъ, что вы не изволили забыть, какъ пріятно мы провели время въ замкѣ Готбой, на охотѣ, а особенно возвращаясь вмѣстѣ домой, въ тотъ достопамятный день. Я принялъ смѣлость явиться въ Гендонъ-Голль и милэди была такъ добра, что приняла меня. Конечно, не совсѣмъ ловко было говорить съ милэди о мистерѣ Роденѣ, никто лучше меня этого не понимаетъ; но мнѣ повезлось, что она какъ-будто общалась мнѣ замолвить словечко, когда настанетъ благопріятное для того время.

«Оставляя это дѣло въ рукахъ вашихъ, милордъ, замѣчу только, что «блаженны миротворцы, потому что ихъ есть царство небесное». Имѣю честь быть, дорогой лордъ Гэмпстедъ,

«Вашъ покорнѣйшій слуга

«Самуилъ Кроверъ».

Несмотря на раздражительное состояніе, въ которомъ Гэмпстедъ находился въ это утро, онъ не могъ не разсмѣяться надъ этимъ письмомъ. Онъ показалъ его сестрѣ, которая, несмотря на свою досаду, также не могла удержаться отъ смѣха.

— Я скажу Джорджу сейчасъ же принять его въ свои объятія,—сказалъ онъ.

— Съ какою стати Джорджу возиться съ нимъ?

— Ничего не подѣлаешь. Они сидятъ за однимъ столомъ. Когда человѣкъ такъ настойчиво преслѣдуетъ свою цѣль, онъ всего достигнетъ. Я нисколько не сомнѣваюсь, что онъ будетъ ѣздить на моихъ лошадяхъ въ Лестерширѣ ранѣе конца сезона.

Отвѣтъ, однако, былъ редактированъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Дорогой мистеръ Кроверъ,

«Полагаю, что не могу вмѣшиваться въ дѣла мистера Родена, который не любитъ постороннихъ указаній въ подобныхъ вопросахъ.

«Искренне вамъ преданный Гэмпстедъ».

— Готово, — сказалъ онъ, — не думаю, чтобъ онъ принялъ это письмо за знакъ дружбы.

Такъ прошло утро и настало время отъѣзда въ Галловей. Лэди Франсесъ, стоявшая на крыльцѣ, пока онъ садился въ экипажъ, замѣтила, что выраженіе лица его было необыкновенно серьезно.

XXVII. — Краснорѣчіе квакера.

Въ пятницу утромъ и отецъ, и дочь сошли къ завтраку въ глубокой задумчивости. Для нихъ обоихъ этотъ день былъ очень важенъ. Отецъ почти ни о чемъ другомъ не думалъ съ той минуты, какъ ему сообщили эту новость. Онъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ выслушалъ увѣреніе Маріонъ, что этотъ бракъ положительно невозможенъ; но, когда она заговорила о своемъ здоровьѣ, онъ замолчалъ и болѣе не касался этого вопроса. Лишившись жены и маленькихъ дѣтей, онъ рѣшилъ, что его Маріонъ должна жить. Она выросла на его глазахъ и, не будучи особенно сильной, никакъ не могла считаться слабой. Она занималась домашнимъ хозяйствомъ и никогда не жаловалась. На его глазахъ она была прекрасна, но онъ не воображалъ, чтобъ ея румянецъ не былъ признакомъ здоровья. Всѣ эти дни онъ размышлялъ о томъ: есть ли основательная причина для отказа, на который рѣшилась дочь. Самъ онъ страшно желалъ, чтобъ эта великая милость фортуны была принята. Для себя ему ничего не нужно отъ молодого лорда, но онъ всего этого желалъ, жаждалъ, алкалъ для своей дѣвочки. Если всѣ блага этого міра предлагались его Маріонъ за ея красоту, грацію, достоинства, отчего ихъ не принять? Другіе не только не отказываются отъ нихъ для своихъ дочерей, но гонятся за ними, обманываютъ, творятъ всякія подлости, и свѣтъ считаетъ ихъ ухищренія, ихъ ложь — дѣломъ самымъ обыкновеннымъ, находя исполнѣ естественнымъ, что родители заботятся о дѣтяхъ. Онъ ничего этого не дѣлалъ. Все сдѣлалось само собой. Неужели пренебречь всей этой славой изъ-за того, что дочь забрала въ голову ложныя опасенія?

Дочери онъ не говорилъ ничего, въ тайнѣ надѣясь, что Гемпстеду удастся ее убѣдить, находя, что время давать совѣты еще не настало. Но умъ его такъ былъ занятъ этимъ дѣломъ, что онъ не успѣлъ рѣшить: правильно ли онъ разсудилъ и, вопреки своему обыкновенію, положилъ посоветоваться съ мистрисъ Роденъ.

Такъ какъ былъ второй день Рождества, ему въ Сити дѣлать было нечего. Съ цѣлью, чтобъ томительный праздникъ прошелъ носкорѣй, они завтракали часомъ позже обыкновеннаго. Послѣ завтрака онъ кое-какъ провелъ утро за чтеніемъ газеты и просматриваніемъ курсового списка фондовъ, который принесъ съ собой изъ Сити. Такъ сидѣлъ онъ, волнуясь, ничего не дѣлая, представляясь, что читаетъ, но думая все объ одномъ, пока не пробило двѣнадцать часовъ, время, назначенное имъ для своего визита. Въ половинѣ второго они должны были обѣдать, оба рассчитали, что лордъ Гемпстедъ, конечно, не пріѣдетъ ранѣе окончанія обѣденнаго обряда.

Въ двѣнадцать часовъ онъ взялъ шляпу и направился къ дверямъ. — Ты не опоздаешь къ обѣду, отецъ? — спросила она. — Въ отвѣтъ онъ молча кивнулъ головой и вышелъ изъ комнаты. Пять минутъ спустя онъ сидѣлъ съ мистриссъ Роденъ у нея въ гостиной. Понимая, какъ трудно исподволь завести подобный разговоръ, онъ сразу приступилъ къ дѣлу.

— Маріонъ говорила тебѣ, что этотъ молодой человѣкъ пріѣдетъ сюда сегодня? — Она наклонила голову. — Дала ты ей какой-нибудь совѣтъ насчетъ того, что она должна отвѣчать?

— Она, мнѣ кажется, не нуждалась въ совѣтахъ.

— Какъ можетъ дѣвушка не нуждаться въ совѣтахъ въ такомъ важномъ дѣлѣ?

— Это справедливо. А между тѣмъ, она въ нихъ не нуждалась.

— Говорила она тебѣ, — спросилъ онъ, — что она намѣрена дѣлать?

— Да.

— Сказала, что хотѣтъ отказать?

— Да, таково было ея намѣреніе.

— Объяснила, почему?

Онъ почти дрожалъ, предлагая этотъ вопросъ.

— Да, объяснила.

— И ты съ ней согласилась?

Прежде, чѣмъ отвѣтить на этотъ послѣдній вопросъ, мистриссъ Роденъ была вынуждена немного призадуматься. Когда ей приходила на умъ та причина, самая важная, она, хотя и вполнѣ признавала все ея значеніе, не въ силахъ была сказать этого отцу дѣвушки. Она сидѣла и смотрѣла на него, ища словъ, въ которыхъ могла бы выразить свое полное сочувствіе Маріонъ, не вонзая ножа въ сердце собесѣдника.

— Такъ ты съ ней согласилась?

Было что-то ужасное въ энергически и медленно выговоренныхъ словахъ, когда онъ повторилъ свой вопросъ.

— Вообще говоря, да,—сказала она.—Я думаю, что неравные браки рѣдко бываютъ счастливы.

— И только?—спросилъ онъ.

Она снова замолчала, а онъ, наконецъ, предложилъ вопросъ, который былъ для него такъ важенъ.

— Говорила она что-нибудь о своемъ здоровьѣ, обсуждая съ тобой всѣ эти вопросы?

— Говорила, мистеръ Фай.

— А ты?

— Этого вопроса, другъ мой, я коснуться не могла. Все, что говорилось, было сказано ею. Она такъ окончательно рѣшилась, что никакіе мои совѣты не могли оказать никакого дѣйствія. У иныхъ людей сейчасъ видно, что соглашались ли вы съ ними, или нѣтъ, а переубѣдить ихъ невозможно.

— Но мнѣ ты можешь сказать, согласилась ли ты съ нею. Да, я хорошо знаю, что о такомъ предметѣ трудно говорить передъ отцомъ. Но есть вещи, о которыхъ должно говорить, хотя бы сердце разрывалось.—Послѣ новой паузы, онъ продолжалъ:—Какъ ты думаешь, дѣйствительно ли здоровье дочери требуетъ, чтобы она лишила себя тѣхъ житейскихъ наслажденій, которыя Господь пріуготовилъ созданіямъ своимъ? Есть ли въ ея наружности, въ настоящихъ условіяхъ ея жизни что-нибудь, что заставляло бы тебя, ея друга, или меня, ея отца, обращаться съ нею такъ, точно она уже обречена сойти въ раннюю могилу? А именно это ты и дѣлаешь.

— Нѣтъ, нѣтъ!

— Дѣлаешь, другъ мой, дѣлаешь, при всей женственной мягкости твоего сердца. Тоже долженъ буду дѣлать и я, если не заставлю себя сказать ей, что опасенія ея тщетны. Говоря со мной, она сослалась на эту причину, а не на то, что не можетъ полюбить этого человѣка. Не то ли же сказала она тебѣ?

— Тоже.

— А развѣ ты не соглашаешься съ нею, не говоря ей, что ея фантазіи не только суетны, но вредны? Неужели твое молчаніе не выражаетъ согласія лучше всякихъ словъ? Отвѣть мнѣ, по крайней мѣрѣ на это.

— Вы правы,—сказала она.

— Права ли ты въ собственныхъ глазахъ, заставляя ее считать себя обреченной?—Новое молчаніе. Что было ей сказать?—

Знаешь ли, что въ нашемъ скромномъ ховайствѣ она дѣлаетъ все, что самая строгая экономія требовала бы отъ дѣятельной матери семейства? Она никогда не бываетъ праздною. Если она страдаетъ, я этого не вижу. Ъсть она, если не съ особеннымъ аппетитомъ, то въ свое время. Держится она прямо, въ походеѣ незамѣтно слабости. Доктора она въ глаза не видитъ. Если и ей, какъ другимъ, нужна перемѣна воздуха и обстановки, что скорѣй этого брака доставить ей эти удобства? Развѣ ты не слыхала, что для дѣвушекъ слабаго здоровья самый бракъ служить испѣленіемъ? Неужели мнѣ велѣть ей самой шить себѣ саванъ? Дѣло сводится къ этому, если ей не скажутъ ни слова, чтобъ разубѣдить ее въ этомъ. Они всѣ умерли на ея глазахъ, одинъ за другимъ, но въ данномъ случаѣ одинъ изъ членовъ семьи избѣжитъ общей доли. Я спрашивалъ людей знающихъ, говорятъ: «бываетъ». Но если она вообразить, что поражена, и она свалится. Не думаешь же ты, что я желаю этого брака, потому что претендентъ — лордъ?

— О, нѣтъ, мистеръ Фай.

— Онъ увезетъ отъ меня дочь, но я буду знать, что она получила свою долю счастья на свѣтѣ.

— Что-жъ вы хотите, чтобъ я сдѣлала?

— Ступай къ ней, скажи ей, что она должна, съ вѣрой въ Бога, предоставить свое здоровье въ Его руки. Мысли ея, по большей части, посвящены Богу. Скажи ей, чтобъ не искушала Его милосердія. Пусть поступаетъ въ этомъ случаѣ, какъ велитъ ей природа и, если можетъ любить этого человека, пусть отдастся его объятіямъ, предоставивъ остальное Господу. Я теперь пойду къ ней, мы отобѣдаемъ вмѣстѣ, а тамъ я сейчасъ уйду. Когда увидишь меня проходящимъ мимо этого окна, пользуйся удобной минутой.

Съ этимъ онъ и оставилъ ее.

Въ головѣ Маріонъ, въ это утро, тѣснилось много мыслей, въ числѣ которыхъ были такія пустыя, что она сама себѣ дивилась, какъ это онѣ ее занимаютъ. Какъ ей одѣться, чтобы принять поклонника? Какими словами его встрѣтить? Ея рѣшимость насчетъ главнаго вопроса была такъ тверда, что думать объ этомъ было нечего. Ее заботили мелочи. Какъ бы ей избавить его отъ особенно-жгучаго страданія, а между тѣмъ показать ему, что она гордится его любовью? Въ томъ самомъ платьѣ, въ какомъ она рѣшится принять его, она сидеть за столъ съ отцомъ. Когда она вынула изъ шкапа роскошное, почти новое, шелковое платье, въ которомъ онъ видѣлъ ее въ первый

разъ, то сказала себѣ, что, вѣроятно, надѣла бы его для отца, еслибъ и не ждала никакого поклонника. Наканунѣ, въ первый день Рождества, она надѣвала его въ церковь. Достала она и башмачки съ хорошенѣкими пряжками и скромную фрезку изъ стариннаго кружева, которую надѣвала на тотъ достопамятный обѣдъ. Теперь праздники. Но когда пришло время одѣваться, она снова все спрятала. Она останется такою, какой бывала всякій день. Лучше, чтобъ онъ зналъ, какъ мало онъ теряетъ.

Захарія Фай за обѣдомъ не сказалъ почти ни слова.

Она, хотя улыбалась ему и старалась казаться довольной, съ трудомъ могла говорить. Она проговорила нѣсколько коротенькихъ, приличныхъ случаю, фразъ, но почувствовала, что мысли отца заняты предстоящимъ событіемъ, и замолчала. Съ послѣднимъ кускомъ онъ всталъ съ мѣста, взялся за шляпу и обратился къ ней:

— Я иду въ «Сити», Маріонъ,—сказалъ онъ.—Знаю, что мнѣ лучше не быть дома сегодня. Къ чаю вернусь. Да благословить тебя Богъ, дитя мое.

Маріонъ встала, поцѣловала его, проводила до дверей.

— Все будетъ хорошо, отецъ,—сказала она,—все будетъ хорошо и дочь твоя будетъ счастлива.

Съ полчаса спустя послышался стукъ въ дверь, Маріонъ съ минуту думала, что «онъ» уже пріѣхалъ. Но въ гостиную вошла мистриссъ Роденъ.

— Мѣшаю я, Маріонъ?—спросила она.—Я уйду сейчасъ; но мнѣ хотѣлось бы сказать вамъ словечко.

— Чѣмъ можете вы помѣшать?

— Онъ будетъ.

— Да, кажется. Онъ сказалъ, что пріѣдетъ. Но хотя бы и такъ, вы съ нимъ старше друзья.

— Я не желала бы быть здѣсь, чтобы стѣснять его. Я убѣгу, когда ты услышишь стукъ двернаго молотка. О, Маріонъ!

— Что съ вами, мистриссъ Роденъ? Вы печальны, что-то васъ тревожитъ?

— Правда. Кое-что меня вѣрно тревожитъ—вашъ обожатель.

— Это дѣло рѣшеное, милый другъ. Меня оно не тревожитъ. Вообразите, будто я никогда не видала его.

— Но вы его видѣли, дитя мое.

— Правда. Къ добру ли это или къ худу, для него или для меня, а измѣнить этого нельзя. Но я, право, думаю, что это благополучіе. Мнѣ будетъ пріятно вспомнить, что такой человекъ любитъ меня. А ему...

— Мнѣ хотѣлось бы теперь говорить о васъ, Маріонъ.

— Я довольна.

— Легко можетъ быть, Маріонъ, что вы совершенно ошибаетесь насчетъ вашего здоровья.

— Какъ ошибаюсь?

— Какое право имѣемъ мы съ вами утверждать, что Господь положилъ сокрушить ваши дни.

— Кто-жъ это сказалъ?

— Вы дѣйствуете на основаніи этой мысли.

— Нѣтъ—не этой одной. Еслибы я была такъ же здорова, какъ другія дѣвушки—какъ самыя крѣпкія изъ нихъ—я поступила бы точно такъ же. Отецъ былъ у васъ?

— Былъ.

— Бѣдный отецъ! Но это бесполезно. Это было бы дурно, я этого не сдѣлаю. Если мнѣ суждено умереть, умру, если жить—останусь жива. Я, конечно, не умру изъ-за того, что рѣшила отказать этому блестящему поклоннику. Какъ бы слаба ни была Маріонъ Фай, она достаточно сильна, чтобъ съ этого не захнуть.

— Но если этого не нужно?

— Не нужно? А чтó вы говорили о неравныхъ бракахъ? Могла ли бы я быть для него тѣмъ, чѣмъ жена должна быть для мужа? Сумѣла ли бы я величаво красоваться въ его палатахъ и привѣтствовать его знатныхъ гостей? Какъ могла бы я перейти изъ этихъ маленькихъ комнатъ въ его залы, не обнаруживъ, что сама себя признаю не на мѣстѣ? А между тѣмъ, я была бы такъ горда, что оскорблялась бы взглядами всѣхъ, на чьихъ лицахъ читала бы этотъ приговоръ. Онъ поступилъ дурно, позволивъ себѣ полюбить меня, подавшись своей страсти, открывшись мнѣ въ любви. Я хочу быть умнѣе и благороднѣе его. Если Господь мнѣ поможетъ, если Спаситель мой будетъ за меня, я не сдѣлаю ничего дурного. Не думала я, мистриссъ Роденъ, чтобъ вы пошли противъ меня.

— Противъ васъ, Маріонъ? Мнѣ идти противъ васъ!

— Вамъ слѣдовало бы поддержать меня.

— Мнѣ кажется, что вы не нуждаетесь въ чужой поддержкѣ. Мнѣ хотѣлось бы замолвить словечко за вашего бѣднаго отца.

— Не желала бы я, чтобъ отецъ думалъ, что здоровье мое тутъ при чемъ-нибудь. Вы знаете, насколько я въ правѣ думать, что могу выйти замужъ и надѣяться имѣть дѣтей. Ему знать этого не зачѣмъ. У меня, въ разговорѣ съ нимъ, сорва-

лось необдуманное слово и я въ этомъ раскаиваюсь. Но скажите ему, что еслибъ моя жизнь была застрахована на пятьдесятъ лѣтъ, еслибъ я пользовалась самымъ цвѣтущимъ здоровьемъ, я не перенесла бы моего происхожденія, моихъ манеръ, моихъ привычекъ въ домѣ этого молодого лорда. Неправильно сказанное слово, неловкое движеніе—выдало бы тайну, и онъ бы почувствовать, что сдѣлалъ ошибку, женившись на дочери кавалера. Всѣмъ добродѣтелямъ міра не поддержать любви настолько, чтобъ она устояла противъ призрака отвращенія. Скажите это отцу, скажите ему, что я поступила благоразумно. Можете также передать ему, что если Богу угодно будетъ, я проживу еще много лѣтъ бодрой старой дѣвой и буду вѣчно вспоминать его доброту ко мнѣ, его святую любовь.

Мистриссъ Роденъ, выходя изъ дому, знала, что потерпѣть неудачу. Она поворилась этому совершенно, когда раздался стукъ въ дверь. Старушка молча обняла и поцѣловала дѣвушку. Я останусь у васъ въ комнатѣ, пока онъ будетъ здѣсь, — сказала она. Когда она выходила, голосъ лорда Гемпстеда раздался у дверей.

XXVIII.—Упрямство Маріонъ.

Лордъ Гемпстедъ живо домчался изъ Гендонъ-Гоула въ Галловей, выскочилъ изъ шарабана, не сказавъ ни слова груму, и быстрыми шагами направился вдоль Парадизъ-Роу до № 17. Здѣсь не пріостановившись ни на минуту, онъ сильно постучалъ въ дверь.

Маріонъ стояла одна посреди комнаты, крѣпко сжавъ руки, но съ улыбкой на лицѣ. Она много думала объ этой минутѣ, обдумала даже слова, которыми его встрѣтить. Слова были, вѣроятно, забыты, но намѣреніе оставалось во всей силѣ.

— Маріонъ, — сказалъ онъ, — Маріонъ, вы знаете, зачѣмъ я здѣсь. — Онъ подошелъ къ ней, точно желая сейчасъ же обнять ее.

— Да, милордъ, знаю.

— Вы знаете, что я люблю васъ. Я, право, думаю, что никогда не бывало любви сильнѣе моей. Если вы можете полюбить меня, скажите одно слово и вы совершенно очастлините меня. Видѣть васъ моей женою—все, что жизнь можетъ дать мнѣ теперь. Отчего вы отъ меня сторонитесь? Неужели вы этимъ хотите сказать, что не можете полюбить меня, Маріонъ? Не говорите этого, — или, мнѣ кажется, сердце мое разобьется.

— Милордъ, — начала она.

— О, какъ я ненавижу такой способъ обращенія. Зовутъ меня Джонъ. Въ силу нѣкоторыхъ условныхъ приличій посторонніе зовутъ меня лордомъ Гѣмпстедомъ.

— Именно потому, что я могу быть для васъ только посторонней, я и зову васъ: милордъ.

— Маріонъ!

— Только посторонней—не бѣдѣ, какъ бы сильна ни была моя дружба къ вамъ, моя благодарность. Дочь моего отца должна быть для лорда Гѣмпстеда только посторонней.

— Отчего? Зачѣмъ вы это говорите? Зачѣмъ мучите меня? Зачѣмъ гоните меня сейчасъ же, объявляя, что я долженъ возвратиться домой несчастнымъ человѣкомъ?

— Потому, милордъ...

— Я признаю лишь одну основательную причину, противъ которой я возставать не могу, хотя она будетъ для меня роковою, если мнѣ не удастся устранить ее, предъ нею я преклонюсь, въ случаѣ необходимости, но не сразу, Маріонъ. Если вы скажете, что не можете полюбить меня, это будетъ серьезная причина.

— Я не смѣю любить васъ,—сказала она.

— Не смѣете любить меня, Маріонъ? Кто вамъ мѣшаетъ? Кто запрещаетъ вамъ любить меня? Отецъ вашъ?

— Нѣтъ, милордъ, нѣтъ.

— Вѣрно, мистрисъ Роденъ.

— Нѣтъ, милордъ. Въ такомъ дѣлѣ я не послушалась бы ни друга, ни отца. Мнѣ пришлось допросить себя и я сказала себѣ, что не смѣю любить того, кто выше меня поставленъ.

— Неужели это пугало снова станетъ между мной и моимъ счастьемъ?

— Между вами и желаніемъ минуты—да. Но развѣ не всегда такъ бываетъ?—Еслибъ я... даже... полюбила кого-нибудь, кто стоялъ бы ниже меня по общественному положенію, неужели вы, въ качествѣ моего друга, не посоветовали бы мнѣ побѣдить это чувство?

— Я полюбилъ дѣвушку, которую, со стороны внѣшнихъ условій, считаю равной себѣ, а во всѣхъ другихъ отношеніяхъ ставлю несравненно выше себя.

— Комплиментъ этотъ мнѣ очень пріятенъ, но я научилась не поддаваться пріятному. Это невозможно, лордъ Гѣмпстедъ, невозможно. Вы еще не знаете, какой упрямой можетъ сдѣлаться такая дѣвушка, какъ я. Когда ей приходится думать о благѣ другого, а можетъ быть, немного и о собственномъ.

— Боятесь вы меня?

— Да.

— Что я не буду васъ любить?

— Даже и этого боюсь. Замѣтивъ во мнѣ что-нибудь не-симпатичное, вы разлюбите меня. Вы будете добры ко мнѣ, ласковы со мной, потому что это вамъ свойственно. Вы не станете дурно обращаться со мной, потому что вы кротки, благородны, снисходительны. Но этого для меня будетъ мало. Я буду читать это въ вашихъ глазахъ, слышать это въ вашемъ голосѣ, я истерзаюсь, видя, что вы презираете вашу жену.

— Все это надоръ, Маріонъ.

— Милордъ!

— Говорите прямо, если ужъ начали, чтобъ мнѣ знать, съ чѣмъ я, собственно, долженъ бороться. Сердце мое такъ полно любви въ вамъ, что мнѣ, кажется, невозможнымъ жить безъ васъ. Еслибъ вы сочувствовали мнѣ сколько-нибудь, я сразу былъ бы счастливъ. Если сочувствія этого нѣтъ, скажите.

— Его нѣтъ.

— Ни искры сочувствія у васъ ко мнѣ, къ тому, кто такъ искренно васъ любитъ? Въ такомъ дѣлѣ, Маріонъ, человѣкъ имѣетъ право требовать отвѣта, требовать правдиваго отвѣта.

— Лордъ Гемпстедъ, вы можете сильно смутить меня, заставить меня отдалиться отъ васъ, просить васъ никогда болѣе меня не беспокоить, молчать передъ вами, но вамъ никогда не измѣнить моего намѣренія. Если вы хорошаго мнѣнія о Маріонъ Фай, повѣрьте слову, которое она вамъ дастъ. Я никогда не буду женой вашей, милордъ.

— Никогда?

— Никогда.

— Вы не сказали мнѣ: почему. Вы привели не всѣ причины.

— Я сказала вамъ довольно, лордъ Гемпстедъ.

— Клянусь небомъ, нѣтъ; вы не отвѣтили мнѣ на единственный вопросъ, который я предложилъ вамъ. Вы не привели единственной причины, которую я бы принялъ, хотя бы на время. Можете вы полюбить меня, Маріонъ?

— Еслибъ вы любили меня, вы бы меня пощадили, — сказала она. Почувствовавъ, что этими словами она окончательно себя выдала, она опомнилась и призвала на помощь все свое краснорѣчіе, чтобъ увернуться отъ прямого отвѣта, котораго онъ требовалъ. — Мнѣ кажется, — сказала она, — что вы не понимаете, что дѣвушка чувствуетъ въ подобномъ случаѣ. Она не смѣетъ

спрашивать себя: любить ли она? когда знаетъ, что любовь эта ни къ чему не поведетъ. Затѣмъ мнѣ разбираться въ своей душѣ, когда цѣль этого уже достигнута.

— Маріонъ, мнѣ кажется, вы любите меня.

Она взглянула на него и попыталась улыбнуться, попутить, но почувствовавъ, что не въ силахъ долѣе удерживать слезъ, отвернула отъ него лицо и не отвѣчала.

— Маріонъ, — повторилъ онъ, — мнѣ кажется, вы меня любите.

— Еслибъ вы любили меня, милордъ, вы не терзали бы меня.

Она сидѣла на диванѣ, отвернувшись отъ него лицо, чтобы до нѣкоторой степени скрыть слезы. Онъ сѣлъ подлѣ нея и минуты двѣ держалъ ее за руку.

— Маріонъ, — сказалъ онъ, — вы, конечно, знаете, что ни одна минута въ моей жизни не будетъ для меня важнѣе настоящей?

— Такъ ли это, милордъ?

— Ни одна. Я стараюсь пріобрѣсти себѣ въ подруги ту, кто для меня лучшее изъ всѣхъ человѣческихъ существъ. Прикасаться къ вамъ, какъ прикасаюсь я теперь, для меня радость, не смотря на то, что вы наполнили сердце мое такой скорбью! — Она старалась высвободить руку изъ его руки, но это удалось ей не сразу. — Вы отвѣчаете мнѣ аргументами, которые не имѣютъ для меня никакой цѣны. Они, по моему, простая дань тѣмъ предрасудкамъ, противъ которыхъ я возстаю всю жизнь. Вы не разсердитесь на мои слова?

— О, нѣтъ, милордъ, — сказала она, — нѣтъ. Я не сержусь, но право вы не должны держать меня.

Съ этимъ она высвободила руку. Онъ ее выпустилъ и продолжалъ:

— Что касается до всего этого, у меня мой взглядъ, у васъ вашъ. Въ правѣ ли вы держаться вашего и жертвовать мною, если вы дѣйствительно любите меня? Пусть вашъ взглядъ борется съ моимъ и уравниваетъ его. Пусть мой борется съ вашимъ, мы и въ этомъ сравняемся. А затѣмъ, пусть любовь станетъ нашей владычицей. Если вы любите меня, Маріонъ, я, кажется, имѣю право требовать, чтобы вы стали моей женой.

— Этому никогда не бывать, — сказала она.

— И только?

— Что же больше, милордъ?

— Вы можете отпустить меня и не пожелать, чтобы я когда-нибудь возвратился?

— Могу, милордъ. Возвращеніе ваше было бы только не-приятностью для васъ и страданіемъ для меня. Въ другой разъ,

не смотрите слишкомъ часто на молодую дѣвушку изъ-за того, что ея лицо случайно вамъ приглянулось. Вамъ жениться слѣдуетъ. Ищите себѣ жену разумно, среди равныхъ вамъ. Когда найдете, можете возвратиться и сказать Маріонъ Фай, что свѣтъ ея послужилъ вамъ на пользу.

— Я приду не разъ и скажу Маріонъ Фай, что совѣты ея противуестественны и невозможны. Я объясню ей, что человѣкъ, который любитъ ее, не можетъ искать себѣ другой жены; что никакая жизнь для него немислима, кромѣ той, въ которой онъ и Маріонъ Фай соединятся. Я думаю, что мнѣ, наконецъ, удастся убѣдить ее, что это такъ. Мнѣ кажется, она пойметъ, что всей ея холодной осторожности, ея свѣтскому лжеумудрствованію не разлучить любящихъ. Мнѣ думается, что когда она увидитъ, что поклонникъ ея такъ ее любитъ, что жить безъ нея не можетъ, она оставитъ эти опасенія насчетъ его будущаго непостоянства и доверится человѣку, въ искренности котораго убѣдится.

Съ этимъ онъ взялъ ея руку и склонился къ ея ногамъ и поцѣловалъ эту руку, прежде чѣмъ она нашла въ себѣ силу ее отнять. Онъ оставилъ ее, не прибавивъ болѣе ни слова, сѣлъ въ экипажъ и возвратился домой, не обмѣнявшись ни единымъ словомъ ни съ кѣмъ въ Галловѣ, кромѣ Маріонъ Фай.

Она, оставшись одна, бросилась на диванъ и разразилась цѣлымъ потокомъ восторженныхъ слезъ. «Довѣриться ему!» Да, она доверится ему вполне, единственно съ цѣлью имѣть радость, въ теченіи одного часа, открыто признаться ему въ любви, каковы бы ни были для нея послѣдствія этого поступка! Относительно будущаго оскорбленія ея гордости, о которомъ она говорила и отцу, и мистрисъ Роденъ—онъ убѣждалъ ее. Она не должна въ этомъ дѣлѣ нисколько думать о себѣ. Онъ, конечно, повернетъ ее, какъ захочетъ. Если всѣ ея доводы будутъ основаны на опасеніяхъ за собственное счастье, одинъ его поцѣлуй за все заплатитъ. Но вся его любовь, всѣ его ласки, вся его вѣрность, все его краснорѣчіе не заставятъ ее побѣдить духъ самопожертвованія, овладѣвшій ею. Хотя бы онъ вырвалъ у нея всю ея тайну, въ немъ она почерпнетъ силу. Хотя бы ей пришлось ему сознаться, что здоровье ей измѣняется и оно несомнѣнно ей измѣняло... Это, конечно, не заставитъ ее отказаться отъ своего намѣренія. «Отрадно было бы, думалось ей, сдѣлать его, во всѣхъ отношеніяхъ, своимъ другомъ; говорить ему все, не скрывать отъ него ни своихъ опасеній, ни своихъ сомнѣній, ни своихъ стремленій. Любить тебя, мой дорогой,

тебя, жемчужину души моей! Но развѣ ты не видишь, что и на одно мгновеніе не могла я скрыть своей любви? Развѣ ты не замѣтилъ, когда ты въ первый разъ склонился къ моимъ ногамъ, что сердце мое тутъ же полетѣло къ тебѣ и я не сдѣлала никакого усилія, чтобъ удержать его? Но теперь, мой возлюбленный, теперь мы поняли другъ друга. Теперь между нами не должно быть упрековъ. Теперь мы не должны и поминать о недоверіи. Я вся твоя—только не годится, милый, чтобъ бѣдная дѣвушка стала твоею женой. Теперь, когда мы оба это поняли, зачѣмъ грустить? О чемъ печалиться?—Такъ размышляла она и почти довела себя до блаженнаго состоянія, когда возвратился отецъ.

— Отецъ,—сказала она вставая и цѣлуя его руку,—все кончено.

— Что кончено?—спросилъ квакеръ.

— Онъ былъ здѣсь.

— Ну, Маріонъ, что же онъ сказалъ?

— Едва ли мое дѣло повторять тебѣ, что онъ сказалъ. А что я говорила—хотѣлось бы мнѣ, чтобъ ты это узналъ такъ, чтобъ я не должна была повторять ни одного слова.

— Онъ ушелъ довольный?

— Нѣтъ, отецъ. Я этого не ожидала. Я на это не надѣялась. Еслибъ онъ былъ совершенно доволенъ, можетъ быть, я была бы недовольна.

— Отчего бы вамъ обоимъ не быть счастливыми?—спросилъ отецъ.

— Можетъ быть, мы и будемъ. Можетъ быть, онъ пойметъ...

— Такъ ты не приняла его предложенія?

— О, нѣтъ. Нѣтъ, отецъ, нѣтъ. Я никогда не приму его. Если это у тебя на умѣ, удали эту мысль. Никогда не видать тебѣ твою Маріонъ ничьей женой, ни этого молодого лорда, ни другого болѣе для нея подходящаго. Никому, никогда не позволю я говорить мнѣ то, что говорилъ онъ.

— Почему ты хочешь отличиться отъ другихъ дѣвушекъ?—сердито спросилъ онъ.

— О, отецъ, отецъ!

— Все это романы и ложная сентиментальность. Ничто не можетъ быть мнѣ ненавистнѣе. Нѣтъ никакого основанія, почему бы тебѣ быть не такой какъ другія. Господь ничѣмъ не отмѣтилъ тебя въ отличіе отъ прочихъ дѣвушекъ, ни во благости, ни во гнѣвѣ своемъ. Съ твоей стороны не хорошо вообразать это о себѣ.—Она жалобно взглянула ему въ лицо, но

не сказала ни слова.—Если, какъ я заключаю изъ твоихъ словъ, этотъ молодой человѣкъ тебѣ дорогъ и если, какъ я заключаю изъ его вторичнаго посѣщенія, ты ему дорога, то я, какъ отецъ твой, говорю тебѣ, что твой долгъ призываетъ тебя къ нему. Не потому, что онъ лордъ...

— О, нѣтъ, отецъ!

— Не потому, говорю я, что онъ богатъ, что онъ красивъ, желалъ бы я видѣть тебя его женою. А потому, что вы съ нимъ любите другъ друга, какъ Господь Всемогушій повелѣлъ мужчинамъ и женщинамъ. Бракъ честенъ и я, отецъ твой, желалъ бы видѣть тебя замужемъ. Этого молодого человѣка я считаю добрымъ и честнымъ. Я спокойно отдалъ бы тебя ему, не смотря на его титулъ. Подумай объ этомъ, Маріонъ, если еще не поздно.

Съ этимъ онъ вышелъ изъ комнаты. Едва ли бы она, въ эту минуту, могла отвѣтить, сердце ея было слишкомъ полно. Но она прекрасно сознавала, что всѣ слова отца ничего не значать. Въ одномъ она была убѣждена, что никакіе совѣты, никакое краснорѣчіе, никакая любовь никогда не заставятъ ее стать женою лорда Гемпстеда.

XXIX.—Вечеръ мистриссъ Демиджонъ.

«Мистриссъ Демиджонъ проситъ мистера Крокера сдѣлать ей честь пожаловать къ ней на чашку чаю въ девять часовъ, въ среду 31 декабря, для встрѣчи новаго года».

«29 декабря 18... Галловей. Парадизъ Роу, 10.

«Пріѣзжайте пожалуйста.

«К. Д.»

Записка эта была вручена Крокеру по прибытіи его въ департаментъ утромъ, въ субботу, 27-го.

Необходимо объяснить, что Крокеръ недавно познакомился съ миссъ Кларой Демиджонъ, безъ особенно церемоннаго представленія. Крокеръ, съ рѣшимостью отличавшей его, преслѣдуя свою единственную цѣль: добиться дружескаго примиренія съ Джорджемъ Роденомъ, отправился въ Галловей и посѣтилъ № 11-й, думая, что ему удастся убѣдить мать своего пріятеля дѣйствовать въ его пользу въ дѣлѣ мира и милосердія. Мистриссъ Роденъ, къ несчастію, не было дома, но ему посчастливилось встрѣтить миссъ Демиджонъ. Можетъ быть, она видѣла, какъ

онъ вошелъ и вышелъ, причемъ причислила его къ великой тайнѣ молодого аристократа; можетъ, быть, ее просто привлекла развязность, съ какой онъ надѣвалъ шляпу на бекрень и размахивалъ перчатками; можетъ быть, наконецъ, оно просто было дѣломъ случая. Какъ бы то ни было, среди надвигавшихся сумерекъ, она встрѣтила его за угломъ, противъ таверны «Герцогини», и пріятное знакомство завязалось.

Безъ всякаго сомнѣнія какъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, джентльменъ заговорилъ первый. Будемъ во всякомъ случаѣ надѣяться на это, ради обитателей Парадизъ-Роу вообще. Какъ бы то ни было, не прошло и нѣскольکو минутъ какъ она объяснила ему, что мистриссъ Роденъ поѣхала на извозикѣъ тотчасъ послѣ обѣда и что-нибудь вѣроятно случилось въ Уимблдонѣ, такъ какъ мистриссъ Роденъ никуда больше не ѣздила, а сегодня не тотъ день, въ который она обыкновенно посѣщаетъ мистриссъ Винсентъ.

Брокеръ, олицетворенное простодушіе, скоро сообщилъ ей различныя подробности относительно собственнаго характера и общественнаго положенія. Онъ также почтамтскій клеркъ и ближайшій другъ Джорджа Родена. О, да, ему все извѣстно насчетъ лорда Гѣмпстеда, онъ, можно сказать, коротко знакомъ съ милордомъ. Онъ часто встрѣчалъ милорда въ замкѣ Готбой, помѣсть его друга, лорда Персифлажа, и часто охотился съ нимъ. Ему все извѣстно насчетъ леди Франсесъ и помолвки, онъ имѣлъ удовольствіе познакомиться съ молодой леди. Онъ недавно переписывался съ лордомъ Гѣмпстедомъ объ этомъ дѣлѣ. Нѣтъ, онъ пока еще ничего не слыхалъ о Маріонъ Фай, дочери квакера. Тутъ Клара кое-что сообщила съ своей стороны. Она прекрасно понимала, что если желаетъ, чтобъ ей сообщали новости, то должна отвѣчать тѣмъ-же; кромѣ того мистеръ Брокеръ по своему возрасту, полу и наружности былъ именно изъ тѣхъ людей, которые побуждали ее къ откровенности, съ соблюденіемъ собственнаго достоинства. Что толку рассказывать интересныя вещи мистриссъ Дуфферъ, которая не болѣе какъ старушка-вдова безъ всякихъ связей и съ очень скромными средствами къ существованію. Она сообщала свои тайны мистриссъ Дуфферъ просто за немѣнѣемъ лучшей пары ушей, въ которую могла бы влить ихъ. Но вотъ человѣкъ, которому она можетъ съ наслажденіемъ сообщать свои секреты и который въ долгу у нея не останется. Не слѣдуетъ думать, чтобы возникшая дружба основана была на одной только встрѣчѣ. Въ тотъ достопамятный первый вечеръ Брокеръ былъ не въ силахъ разстаться съ кра-

савицей, не условившись насчетъ новаго свиданія. Дружба ихъ имѣла за собой уже трехдневную давность, когда выше приведенное приглашеніе дошло въ руки Крокера. Говоря поправдѣ, вечеръ былъ затѣянъ главнымъ образомъ для него. Что толку имѣть «молодого человѣка», если вы не можете показать его вашимъ друзьямъ?

— Крокеръ,—сказала мистрисъ Демиджонъ племянницѣ,— гдѣ ты Крокера-то подобрала?

— Какіе вопросы вы иногда предлагаете, тетюшка! «Подобрала!» Мило, нечего сказать!

— Конечно подобрала;—это твоя вѣчная манера съ молодыми людьми. Только ты никогда не умѣешь удержать ихъ.

— Право, тетюшка, вульгарность вашихъ выраженій невыносима.

— Не намѣрена я никакого Крокера пускать къ себѣ въ домъ,—объявила старуха,—пока не узнаю, откуда онъ. Можетъ быть, онъ дрянъ какая-нибудь.

— Тетюшка Джемма, вы такъ несносны, что я иногда думаю, что мнѣ придется васъ оставить.

— А куда ты дѣнешься, голубушка?

Клара не сочла нужнымъ отвѣтить на этотъ вопросъ, который и прежде часто ей предлагался; но тотчасъ удовлетворила вполне естественному любопытству замѣнявшей ей мать.

— Мистеръ Крокеръ, тетюшка, почтамтскій клеркъ; онъ сидитъ за однимъ столомъ съ Джорджемъ Роденомъ и коротко знакомъ съ лордомъ Гемпстедомъ и лэди Франсесъ Траффордъ. Онъ былъ самымъ близкимъ пріятелемъ Джорджа Родена; но недавно между молодыми людьми произошло какое-то столкновеніе, очень было-бы пріятно, еслибъ намъ удалось ихъ помиритъ. Вы съ мистрисъ Роденъ кланяетесь и разговариваете; можетъ быть, они и придутъ, если вы ихъ пригласите. Маріонъ Фай придетъ навѣрное, такъ какъ всѣ ваши деньги вы держите въ конторѣ Погсона и Литльберда. Жаль, что у меня не хватитъ духу пригласить лорда Гемпстеда.

Вслушавъ все это, старушка согласилась принять нашего почтамтскаго спортсмена, а также изъявила согласіе и на остальные приглашенія, которыя были разсланы.

Крокеръ, конечно, поспѣшилъ письменно засвидѣтельствовать свое почтеніе и выразить безграничное удовольствіе, съ какимъ онъ «встрѣтитъ новый годъ» въ обществѣ мистрисъ Демиджонъ. Мистрисъ Роденъ также обѣщала быть и съ трудомъ убѣдила сына, что съ его стороны будетъ очень много оказать такое выи-

маніе сосѣдамъ. Еслибъ онъ зналъ, что и Крокеръ тамъ будетъ, онъ конечно не уступилъ-бы; но Крокеръ въ почтамтѣ никому не говорилъ о полученномъ приглашеніи.

Крокеръ и Маріонъ Фай также дали слово придти. Мистеръ Фай и мистриссъ Демиджонъ давно находились въ дѣловыхъ сношеніяхъ, и онъ, въ интересахъ фирмы гг. Погсона и Литльберда, не могъ отказаться отъ чашки чаю у ихъ кліентовъ. Одинъ изъ младшихъ клерковъ той-же конторы, по имени Даниэль Триббльдэль, съ которымъ Клара познакомилась года два тому назадъ, также былъ приглашенъ. Было время, когда мистеру Триббльдэлю оказывалось предпочтеніе передъ всѣми поклонниками Клары. Но встрѣтились обстоятельства, которыя нѣсколько уменьшили расположеніе ея къ нему. Мистеръ Литльбердъ съ нимъ поссорился, ему было отказано въ повышеніи. Вообще, въ настоящее время, въ окрестностяхъ конторы очень было въ ходу предположеніе, что Триббльдэль сохнетъ по Кларѣ Демиджонъ. Мистриссъ Дуфферъ, конечно, была звана; ею завершался списокъ приглашенныхъ на великое торжество.

Первой явилась мистриссъ Дуфферъ. Правда, содѣйствіе ея было необходимо для разрѣзыванія сладкихъ пироговъ и разстановливанія чашекъ. За ней—ровно въ девять часовъ—пришелъ мистеръ Фай съ дочерью; старикъ увѣрялъ, что такая аккуратность вѣрнѣйшій признакъ благовоспитанности.

— Если я имъ нуженъ въ десять часовъ, зачѣмъ они приглашаютъ меня въ девять?—спрашивалъ квакеръ. Маріонъ вынуждена была уступить, хотя она нисколько не жаждала провести длинный вечеръ въ обществѣ мистриссъ Демиджонъ. Что-же до встрѣчи новаго года, о ней и рѣчи быть не могло, ни для отца, ни для дочери.

Общество, вообще, собралось рано. Родены, а за ними мистеръ Триббльдэль прибыли вскорѣ послѣ мистера Фай. Принялись за чай.

— Право, онъ, кажется, намѣренъ обмануть насъ,—шепнула Клара своей пріятельницѣ, мистриссъ Дуфферъ, когда весь хороший чай былъ выпитъ, а молодой человѣкъ не появлялся.

— Не думаю, чтобъ онъ особенно любилъ чай,—сказала та, —онъ нынче не охотникъ.

— Да не ради-же одного чаю человѣкъ ходитъ въ гости,—съ негодованіемъ сказала Клара.

Было почти десять часовъ, она не могла не сознавать, что вечеръ хромаетъ. Триббльдэль шепнулъ ей было нѣжное словечко; но она оборвала его, ожидая, что Крокеръ сейчасъ при-

ѣдетъ; онъ молча удалился въ уголь. Джорджъ Роденъ вообще нисколько не ухаживалъ за нею, но такъ какъ онъ былъ помолвленъ и помолвленъ съ аристократкой, то многого отъ него и требовать нельзя было; мистриссъ Роденъ, мистеръ Фай и мистриссъ Демиджонъ кое-какъ поддерживали разговоръ. Роденъ по временамъ обращался съ нѣсколькими словами къ Маріонъ. Клара, которая рассказывалась въ своей суровости къ молодому Трибблѣдлю, вынуждена была довольствоваться обществомъ мистриссъ Дуфферъ. Вдругъ раздался сильнѣйшій звонокъ и горничная доложила:

— Мистеръ Крокеръ.

Произошло небольшое волненіе, какое всегда происходитъ, когда одинокій гость является гораздо позже назначеннаго часа. Конечно, раздался упрекъ, сдержанный упрекъ мистриссъ Демиджонъ, вроткій упрекъ мистриссъ Дуфферъ, цѣлый взрывъ упрековъ Клары.

Но Крокеръ былъ на высотѣ своего положенія. — Честное слово, *mesdames*, я не виноватъ. Обѣдалъ съ пріятелями въ Сити и раньше вырваться не могъ. Еслибъ я соображался съ собственными желаніями, то былъ бы здѣсь часъ тому назадъ. Ахъ, Роденъ, какъ поживаете? Хотя я знаю, что вы живете на этой же улицѣ, не думалъ васъ встрѣтить. — Роденъ ему кивнулъ, но не сказалъ ни слова. — Какъ поживаетъ милордъ? Я, кажется, говорилъ вамъ, что надняхъ получилъ отъ него вѣсточку?

Крокеръ нѣсколько разъ говорилъ въ департаментѣ, что получилъ письмо отъ лорда Гѣмпстеда.

— Я не часто его вижу и очень рѣдко получаю отъ него извѣстія, — сказалъ Роденъ, продолжая смотрѣть на Маріонъ, съ которой въ эту минуту разговаривалъ.

— Еслибъ всѣ наши молодые аристократы походили на Гѣмпстеда, — сказалъ Крокеръ, который не солгалъ, объявивъ, что «обѣдалъ», — Англія была бы не то, что она есть. Самый пріятливый молодой лордъ, когда-либо возсѣдавшій въ палатѣ пэровъ...

Тутъ онъ повернулся къ Маріонъ Фай, о которой догадался, что это она; но не найдя предлога тотчасъ ей отрекомендоваться, ограничился тѣмъ, что подмигнулъ ей.

— Знакомы вы съ мистеромъ Трибблѣдлемъ, мистеръ Крокеръ? — спросила Клара.

— Не имѣлъ еще удовольствія, — сказалъ Крокеръ. — Представленіе состоялось. — На государственной службѣ? — спросилъ

Крокеръ. Триббльдэлъ покраснѣлъ и долженъ былъ отречься отъ этой чести.

— А мнѣ показалось, что вы должны служить въ таможнѣ. У васъ въ фигурѣ есть что-то говорящее о службѣ правительству ея величества.—Триббльдэлъ отвѣтилъ на комплиментъ поклономъ.

— По моему, государственная служба лучшее, чему можетъ посвятить себя человѣкъ,—продолжалъ Крокеръ.

— Оно прилично,—сказала мистриссъ Дуфферъ.

— Да и часы такіе удобныя, — сказала Клара. — Служащіе въ банкѣ всегда должны быть на мѣстѣ въ девяти часамъ.

— Неужели молодому человѣку этого бояться?—съ негодованіемъ спросилъ квакеръ. — Съ десяти до четырехъ, да изъ этого часъ на чтеніе газетъ да другой на завтракъ. Но каковы послѣдствія! Я никогда еще не встрѣчалъ молодого человѣка на государственной службѣ, который понималъ бы, что значить проработать день.

— По моему это немного строго,—сказалъ Роденъ. — Если человѣкъ дѣйствительно работаетъ, то онъ не можетъ проработать болѣе шести часовъ подъ-рядъ съ пользою для себя или своихъ патроновъ.

— Отлично, Роденъ, — сказалъ Крокеръ. — Отстаивай лавочку Е. В.

Роденъ еще болѣе отъ него отвернулся и продолжалъ говорить съ Маріонъ.

— Наши хозяева были бы невысокаго о насъ мнѣнія, — сказалъ квакеръ, — еслибъ мы не служили имъ усердіемъ этого. По моему, государственная служба губить молодого человѣка, приучая его думать, что правдою сладка. Еслибъ Даніэль Триббльдэлъ захотѣлъ погрудиться, онъ могъ бы прекрасно устроиться, не завидуя никому изъ служащихъ, ни въ таможнѣ, ни въ почтамтѣ.

Мистеръ Фай говорилъ такъ серьезно, что никто не пожелалъ продолжать разговоръ. Вскорѣ послѣ этого онъ всталъ и, несмотря ни на какія убѣжденія дожидаться встрѣчи новаго года, церемонно раскланялся съ каждымъ изъ присутствующихъ и увелъ дочь. Мистриссъ Роденъ съ сыномъ ускользнули почти въ ту же минуту и мистриссъ Демиджонъ, выпивъ, по ея выраженію «съ наперстокъ» горячаго грога, также отправилась на покой.

— Вотъ милая манера встрѣчать новый годъ, — сказала Клара, смѣясь.

— Насъ совершенно достаточно для этой цѣли, — сказалъ Крокеръ, — если и насъ не прогонять. — Говоря это, онъ приготовилъ цѣлый стаканъ смѣси воды съ водою, разлилъ ее въ два стаканчика поменьше и подалъ ихъ дамамъ.

— Право, — сказала мистриссъ Дуфферъ, — я никогда себя этого не позволяю, почти никогда.

— Въ такихъ случаяхъ, какъ настоящій, всѣ разрѣшаютъ, — сказалъ Крокеръ.

— Надѣюсь, что мистеръ Триббльдэль къ намъ присоединится, — сказала Клара. Робкій клеркъ вышелъ изъ своего угла, присѣлъ къ столу и приготовился исполнить приказаніе.

Вечеръ очень оживился.

— Вы совершенно увѣрены, что онъ дѣйствительно женихъ молодой леди? — спросила Клара.

— Желалъ бы я быть также увѣреннымъ, что я вашъ женихъ, — отвѣтилъ любезный Крокеръ.

— Какіе пустяки вы болтаете, мистеръ Крокеръ, да еще при другихъ вдобавокъ. Такъ по вашему: женихъ?

— Я въ этомъ убѣжденъ. И Гэмпстедъ, и она сама говорили мнѣ это.

— Ахъ! — воскликнула мистриссъ Дуфферъ.

— А братъ ея — женихъ Маріонъ Фай, — сказала Клара. Крокеръ объявилъ, что въ этомъ онъ далеко не такъ увѣренъ. Лордъ Гэмпстедъ, несмотря на ихъ короткость, ничего не говорилъ ему на этотъ счетъ.

— Но это такъ, мистеръ Крокеръ, это такъ же вѣрно, какъ то, что вы сидите на этомъ стулѣ. Онъ прѣзжалъ сюда къ ней нѣсколько разъ, не далѣе какъ въ прошлую пятницу просидѣлъ съ ней, запершись, нѣсколько часовъ. Это былъ праздникъ, но старый хитрецъ убрался изъ дому, чтобъ оставить ихъ вдвоемъ. Эта мистриссъ Роденъ, даромъ, что она такая чопорная, все знаетъ. По моему искреннему убѣжденію она-то все и смастерила. Маріонъ Фай всякій день у нея. По моему тутъ что-то такое, чего мы еще не понимаемъ. Она забрала власть надъ этими молодыми людьми и намѣрена распоряжаться ими какъ вдумается.

Крокеръ, однако, съ этимъ согласиться не могъ. Онъ слышалъ о своеобразныхъ политическихъ воззрѣніяхъ лорда Гэмпстеда и былъ убѣжденъ, что молодой лордъ только проводитъ въ жизнь свои принципы, выбравъ Маріонъ Фай для себя и предоставивъ сестру свою Джорджу Родену.

— Не скажу, чтобъ мнѣ такія вещи нравились, если вы желаете знать мое мнѣніе, — сказалъ Крокеръ, — Гѣмпстеда я очень люблю, лэди Франсесъ всегда находилъ милой и привѣтливой. Не имѣю причины отзываться объ нихъ несочувственно. Но когда человѣкъ родился лордомъ — Гѣмпстедъ не сегодня-завтра будетъ маркизомъ, выше только герцоги.

— И вы съ нимъ... знакомы? — спросилъ Триббльдэлъ испуганнымъ голосомъ.

— О, да, — сказалъ Крокеръ.

— Разговариваете съ нимъ, когда встрѣтитесь?

— У меня съ нимъ, съ недѣлю тому назадъ, была длинная переписка о дѣлѣ, которое сильно интересовало насъ обоихъ.

— Какъ же онъ васъ называетъ? — спросила Клара, также съ нѣкоторымъ страхомъ.

— Просто: «дорогой Крокеръ». Я всегда пишу: «дорогой лордъ Гѣмпстедъ». По моему: «дорогой Гѣмпстедъ» немного вульгарно, я нахожу, что въ этихъ вещахъ слѣдуетъ быть щепетильнымъ. Но, какъ я уже сказалъ, когда дѣло доходитъ до брака, человѣкъ долженъ быть вѣренъ себѣ. Будь я маркизомъ, не знаю, чтобы я сдѣлалъ, увидавъ васъ, Клара, — «Клара» надѣла губки, но повидимому не оскорбилась ни комплиментомъ, ни фамиллярностью, — но при другихъ обстоятельствахъ я не измѣнилъ бы своему сословію!

— И я также, — сказала мистриссъ Дуфферъ. — Маркизы должны жениться на маркизахъ, а герцоги на герцогиняхъ.

— Вотъ онъ! — сказала Клара, — теперь мы должны выпить за его здоровье, надѣюсь, что всѣ мы будемъ женаты на тѣхъ, или замужемъ за тѣми, кто намъ больше всѣхъ нравится прежде чѣмъ настанетъ новый!

Рѣчь эта относилась къ часамъ на каминѣ, стрѣлки которыхъ только-что подползли къ двѣнадцати.

— Желалъ бы и я того же, — сказалъ Крокеръ, — да кромѣ того имѣть ребенка въ люлькѣ.

— Убирайтесь, — сказала Клара.

— Это что-то ужъ очень проворно, — сказала мистриссъ Дуфферъ. — Вы что скажете, мистеръ Триббльдэлъ?

— Тамъ, гдѣ мое сердце пригвождено, — сказалъ Триббльдэлъ, который только-что начиналъ входить въ азартъ подъ вліяніемъ грога, — нѣтъ никакой надежды ни на нынѣшній годъ, ни на будущій. — На что Крокеръ замѣтилъ что: «горе и кошку уходить».

— Надѣньте-ка пальто и шляпу, да проводите меня домой

Увидите, что я вамъ помогу,—сказала мистриссъ Дюфферъ, которая также нѣсколько развеселилась подъ вліяніемъ минуты. Но она знала, что ея долгъ оказать какое-нибудь вниманіе молодой хозяйкѣ, и, какъ истая женщина, рѣшила, что это лучший способъ этого достигнуть. Триббльдэль повиновался, хотя тѣмъ самымъ вынужденъ былъ оставить свой «предметъ» и ея новаго обожателя вдвоемъ.

— Вы серьезно? — спросила Клара, когда она и Крокеръ остались одни.

— Конечно, какъ честный человекъ,—сказалъ Крокеръ.

— Такъ можете,—рѣшила Клара, подставляя ему лицо.

XXX. — Новый годъ.

Крокеръ отнюдь еще не покончилъ съ своимъ вечеромъ. Отобѣдавъ съ пріятелями въ Сити и напившись чаю «съ предметомъ», онъ чувствовалъ желаніе вкусить если не болѣе пріятныхъ, то во всякомъ случаѣ болѣе шумныхъ удовольствій. Весь городъ на улицѣ, всѣ веселятся. Въ такую ночь, такому человеку, какъ Крокеръ, не было никакой надобности ложиться спать вскорѣ послѣ полуночи. Въ Парадизъ-Роу онъ снова встрѣтилъ Триббльдэля и предложилъ этому молодому человеку сначала выпить чего-нибудь въ ближайшей тавернѣ, а затѣмъ отправиться въ болѣе аристократическую мѣстность, на извозчикѣ.

— Я собирался пойти туда пѣшкомъ въ эту прекрасную, звѣздную ночь,—сказалъ Триббльдэль, не теряя изъ виду скромнаго вознагражденія, въ которое, въ настоящее время, цѣнились его труды гг. Погсономъ и Литльбёрдомъ. Но Крокеръ уговорилъ его.

— Я васъ подвезу,—сказалъ онъ. — Новый годъ бываетъ только разъ въ году.

Триббльдэль вошелъ въ таверну.

— Я любилъ эту дѣвушку три года,—сказалъ онъ, какъ только они отхуда вышли. Ночь была дивная и Крокеръ нашелъ, что не худо бы пройтись немного. Пріятно было, при яркомъ свѣтѣ звѣздъ, слушать разсказъ о любовныхъ похожденияхъ новаго пріятеля, въ особенности, такъ какъ онъ самъ теперь былъ счастливымъ героемъ.

— Цѣлыхъ три года?—спросилъ онъ.

— Право такъ, Крокеръ. Три года. Было время, когда она

обожала табуретъ, на которомъ я сижу въ конторѣ. Я хвастать не люблю.

— Надо быть рѣдкимъ и рѣшительнымъ, коли хочешь заполнить такую дѣвушку.

— Мнѣ слѣдовало подхватить мячъ на лету, Крокеръ, вотъ что мнѣ слѣдовало сдѣлать. Я все теперь понимаю. Она такъ же непостоянна какъ прекрасна; пожалуй даже болѣе.

— Перестаньте, однако, Триббльдэль, я не намѣренъ позволить вамъ бранить ее.

— Я не хочу ее бранить. Богъ видитъ, что я слишкомъ люблю ее, не смотря ни на что. Теперь ваша очередь, я это вижу. Много ихъ было очередей-то.

— Право?—тревожно спросилъ Крокеръ.

— Поллоки былъ—что служить въ газовомъ обществѣ. Этотъ былъ послѣ меня. Изъ-за него-то она со мной разошлась.

— А тутъ дѣло шло въ браку?

— Прямехонько, казалось мнѣ. Поллоки—вдовецъ съ пятью дѣтьми.

— О, Боже!

— Но онъ глава всего предпріятія и получаетъ четыреста фунтовъ въ годъ. Не любовь связывала ее съ нимъ. Поллоки вѣрныхъ пятьдесятъ лѣтъ.

— Она и его бросила?

— Или онъ ее.

Получивъ это свѣдѣніе, Крокеръ свиснулъ.

— Что-то вышло изъ-за денегъ,—продолжалъ Триббльдэль.

—Старуха не захотѣла съ ними разстаться.

— А деньги-то имѣются?

— У старухи куча.

— Но племянница же ихъ наследуетъ?—спросилъ Крокеръ.

— Безъ всякаго сомнѣнія; онѣ очень привязаны другъ къ другу. Но старуха удержитъ ихъ при себѣ, пока жива.

Они еще выпили малую толику грога въ тавернѣ «Ангела» въ Излингтонѣ, сѣли въ кэбъ и поѣхали въ одинъ изъ извѣстныхъ *cafés-chantants*. Тутъ ужъ Триббльдэль перешелъ изъ области извращенныхъ фактовъ въ область чистой поэзіи. — Никогда, — говорилъ онъ, — не откажется онъ отъ Клары Демиджонъ, хотя бы дожилъ до возраста, превосходящаго возрастъ всѣхъ извѣстныхъ патриарховъ. Онъ прекрасно видитъ все, что противъ него. Крокеръ, вѣроятно, одержитъ верхъ. Онъ даже на это надѣется: отчего бы такому славному малому не быть счастливымъ, въ виду совершенной невозможности, чтобъ онъ, Даніэль

Трибльдэль, когда-нибудь достигъ того полнаго блаженства, въ мечтахъ о которомъ влечилъ свое жалкое существованіе? Одно только онъ рѣшилъ окончательно. День свадьбы Клары, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ послѣднимъ днемъ его существованія.

— О, нѣтъ, чортъ возьми, вы этого не сдѣлаете, — сказалъ Крокеръ.

— Сдѣлаю! — увѣрялъ Трибльдэль. — Я уже рѣшилъ, какъ это устроить. Брошусь, головой внизъ, съ галлерей собора св. Павла — и конецъ. Одна у меня къ вамъ просьба: назвать вашего сына Даніелемъ въ честь меня. Ей вы можете сказать, что такъ звали вашего дядю или дѣда. Крокеръ, легко выпрыгивая изъ экипажа, обѣщалъ исполнить желаніе друга. Подробно описывать всего, что происходило въ *café-chantant*, куда они попали, нѣтъ надобности. Новый годъ здѣсь былъ встрѣченъ, какъ подобаетъ, съ музыкой, танцами, виномъ. Встрѣча продолжалась еще съ добрый часъ, пока снисходительный полицмейстеръ не счелъ нужнымъ вмѣшаться. Существуетъ предположеніе, что, по окончательномъ изгнаніи нашихъ двухъ друзей, покинутый любовникъ, которому его тяжкое горе вѣроятно помогло удержаться на ногахъ, благополучно добрался до дому. Торжествующій Крокеръ былъ менѣе счастливъ и провелъ ночь, безъ простыни и одѣялъ, гдѣ-то въ окрестностяхъ Боу-Стритъ. Фактъ этотъ для насъ важенъ, такъ какъ онъ грозилъ оказать значительное вліяніе на положеніе нашего друга въ почтамтѣ. Проведя ночь въ заключеніи, изъ котораго онъ и на слѣдующее утро выбрался только представъ предъ судейскія очи, онъ никакъ не могъ быть на службѣ въ десять часовъ. Когда онъ наконецъ вырвался изъ рукъ филистимлянъ, часовъ около двухъ дня, кслый, немытый и голодный, онъ счелъ благоразумнымъ вовсе не показываться въ этотъ день на свѣтъ Божій. Лучше совершить тяжкій грѣхъ — вовсе не явиться — чѣмъ предстать предъ мистера Джиррингэма въ настоящемъ, жалкомъ положеніи. Крокеръ хорошо зналъ свою силу и свою слабость. Сегодня онъ ни на что не найдетъ отвѣта. Мистеръ Джиррингэмъ будетъ надъ нимъ ломаться, и Эолъ, въ случаѣ еслибъ громоверзцу угодно было послать за нимъ, сразу его уничтожить. Онъ поплелся домой... Но на слѣдующее утро заботы, всею своей тяжестью, обрушились на него. Въ глубинѣ души онъ боялся Эола — и дрожалъ въ ожиданіи страшной встрѣчи. Еще лежа въ постели, онъ старался придумать какую-нибудь военную хитрость, съ помощью которой онъ могъ бы вывернуться.

Отчего бы не сказать, что его внезапно вызвали въ Кумбер-

лэнды? Но въ такомъ случаѣ онъ конечно телеграфировалъ бы въ почтамтъ наканунѣ. Развѣ съ нимъ не могъ сдѣлаться припадокъ, который вынуждаетъ его высидѣть дома цѣлую недѣлю? Онъ отлично зналъ, что у нихъ въ почтамтѣ есть докторъ, хитрый, дальновидный, упрямый человѣкъ, который сейчасъ же явится къ нему и не окажетъ никакой пощады. Дѣлать было нечего, надо было идти.

Ровно въ десять часовъ онъ вошелъ въ свое отдѣленіе, повѣсилъ шляпу на обычное мѣсто, сѣлъ. Никто не сказалъ ему ни слова. Роденъ, сидѣвшій напротивъ, не обратилъ на него никакого вниманія.

— Смотри, какъ-никакъ пришелъ сегодня, — шепнулъ Гератъ Боббину, очень громко.

— Мистеръ Крокеръ, — сказалъ мистеръ Джиррингэмъ, — вчера цѣлый день глазъ не показывали. Чѣмъ вы объясняете ваше отсутствіе?

Уже въ этомъ вопросѣ сказывалась хитрость, такъ какъ мистеръ Джиррингэмъ прекрасно зналъ, чѣмъ Крокеръ занимался. Непріятное приключеніе Крокера въ полицейскомъ управленіи попало въ газеты, Эолъ толковалъ о немъ съ мистеромъ Джиррингэмомъ.

— Я былъ очень боленъ, — сказалъ Крокеръ, продолжая что-то записывать въ большую книгу, лежавшую передъ нимъ.

— Что съ вами было, мистеръ Крокеръ?

— Голова болѣла.

— Мнѣ кажется, мистеръ Крокеръ, что вы болѣе всѣхъ молодыхъ людей въ почтамтѣ подвержены такимъ недугамъ.

— Съ ранняго дѣтства, — сказалъ Крокеръ, къ которому возвратилась часть его мужества. Неужели до Эола не дошло, что онъ вчера не явился?

— Бываетъ нездоровье настолько серьезное, — сказалъ мистеръ Джиррингэмъ, — что больной становится совершенно негоденъ для государственной службы.

— Къ счастью, съ лѣтами я понемногу отдѣлываюсь отъ своихъ головныхъ болей, — сказалъ Крокеръ. Тутъ Гератъ всталъ и шопотомъ сообщилъ несчастному всю истину. — Все вчера было въ Pall-Mall; Эолъ зналъ, не выходя отсюда.

Бѣднѣе стало тошно, это былъ какъ бы отголосокъ вчерашнихъ страданій.

Тѣмъ не менѣе необходимо было сказать что-нибудь.

— Новый годъ, кажется, бываетъ только разъ въ году, — процѣдилъ онъ.

— Не далѣе какъ нѣсколько недѣль тому назадъ вы были лишній день въ отпуску. Но сэръ Бореасъ занялся этимъ дѣломъ, я умываю руки. Сэръ Бореасъ, вѣроятно, пришлетъ за вами.

Сэръ Бореасъ Бодкинъ и былъ тотъ почтамтскій сановникъ, котораго молодежь провала Эоломъ.

Ужасное это было утро для бѣднаго Крокера. За нимъ прислали только въ часъ, какъ разъ въ ту минуту, когда онъ собирался завтракать! Несносная тошнота, результатъ обѣда въ Сити, грога мистриссъ Демиджонъ и пр., еще его не оставляла. Рубленая баранья котлета и ставанъ портеру облегчили бы его; а теперь онъ былъ вынужденъ предстать предъ божество во всей своей неприглядной слабости. Не говоря ни слова, онъ послѣдовалъ за посланнымъ. Эолъ писалъ записку, когда онъ вошелъ, и не удостоилъ прекратить это занятіе изъ-за того, что Крокеръ въ комнатѣ. Эолъ хорошо зналъ, какое впечатлѣніе производитъ на грѣшника необходимость стоять безмолвно и одиноко передъ разгнѣваннымъ божествомъ.

— Ну-съ, мистеръ Крокеръ, — наконецъ сказалъ Эолъ: — одно несомнѣнно, въ среду вечеромъ вы проводили старый годъ. — Шутки громовержца были несравненно невыносимѣе самыхъ бѣшеныхъ его распеканій. — Подобно другимъ великимъ міра сего, — продолжалъ Эолъ, — вамъ удалось видѣть описаніе вашихъ пришествій въ газетахъ. — Крокеръ не имѣлъ силы выговорить слово. — Вы, вѣроятно, видѣли вчерашній Pall-Mall и сегодняшній, утренній, Standard?

— Я не заглядывалъ въ газеты, сэръ, съ...

— Съ торжества, — подсказалъ Эолъ.

— О, сэръ Бореасъ.

— Хорошо, мистеръ Крокеръ. Что скажете вы въ свое оправданіе?

— Я точно обѣдалъ съ пріятелями.

— И позднее, кажется, вышли изъ-за стола.

— А затѣмъ пилъ чай въ гостяхъ, — сказалъ Крокеръ.

— Чай!

— Не одинъ чай, — сказалъ Крокеръ, чуть не плача.

— Полагаю, что не одинъ. — Тутъ громовержецъ пересталъ улыбаться и пережѣнилъ тонъ. — Желалъ бы я знать, мистеръ Крокеръ, что вы о себѣ думаете. Прочитавъ въ двухъ газетахъ отчетъ о томъ, какъ вы предстали предъ судью, я, кажется, могу признать доказаннымъ, что васъ видѣли страшно пьянымъ на улицѣ, въ среду вечеромъ. — Крокеръ молча стоялъ передъ сво-

имъ обвинителемъ. — Я требую отвѣта, сэръ. Мнѣ нужно или ваше собственное признаніе, или официальное донесеніе полицейскаго судьи.

— Я немного выпилъ, сэръ.

— Вы были пьяны. Если вамъ не угодно отвѣчать мнѣ, лучше уходите, я буду знать, какъ съ вами поступить. — Кроверъ подумалъ, что, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ лучше уйти и предоставить громовержцу поступить съ нимъ какъ знаетъ. Онъ упорно молчалъ.

— Ваши личные привычки не имѣли бы для меня никакого значенія, сэръ, — продолжалъ Эолъ, — еслибы вы были въ состояніи работать и не позорили почтамтъ. Но вы пренебрегаете службой. Работать вы не въ состояніи. И вы дѣйствительно позорите почтамтъ. Давно ли вы еще день прогуляли?

— Меня задержали въ Кумберлендѣ на одинъ день, послѣ моего отпуска.

— Задержали въ Кумберлендѣ! Я никогда не говорю джентльмену, мистеръ Кроверъ, что не вѣрю ему, — никогда. Если до этого доходить, джентльменъ долженъ удалиться.

Затѣмъ сэръ Бореасъ снова взялся за перо, точно будто аудіенція была кончена. Кроверъ продолжалъ стоять, не понимая, что ему остается дѣлать.

— Нечего вамъ тамъ стоять, — сказалъ сэръ Бореасъ.

Кроверъ удалился и, поджавши хвостъ, возвратился къ своему столу. Вскорѣ послѣ этого прислали за мистеромъ Джирнингемомъ, который возвратился съ извѣстіемъ, что въ услугахъ мистера Кровера болѣе не нуждаются, по крайней мѣрѣ на сегодня. Когда дѣло будетъ, надлежащимъ порядкомъ, доведено до свѣдѣнія главнаго директора почты, его увѣдомать. И Боббинъ, и Гератъ оба подумали, что на этотъ разъ бѣдный Кроверъ навѣрное будетъ отрѣшенъ. Роденъ былъ того же мнѣнія, онъ не могъ воздержаться, чтобы не пожать руки несчастному, когда тотъ меланхолически прощался съ ними.

— Мое почтеніе, — строго сказалъ ему мистеръ Джирнингемъ, не удостоивая пожать ему руку.

Но мистеръ Джирнингемъ слышалъ послѣднее слово громовержца по этому предмету, а потому не находилъ нужнымъ выказывать особенное мягкосердіе.

— Отроду не видывалъ бѣдняка, которому было бы такъ тошно, — сказалъ Эолъ.

— Да, ему должно быть плохо пришлось, сэръ Бореасъ.

Эолъ самъ любилъ хорошо пообѣдать.

— Вы бы лучше отправили его домой, — сказалъ онъ, — на сегодня.

— А затѣмъ, сэръ Бореасъ?

— Вѣроятно до завтра проспится. Прикажите написать ему письмо, знаете, чтобы пострадать. Въ сущности, новый годъ бываетъ только разъ въ году.

Мистеръ Джирнингэмъ, получивъ эти инструкціи, возвратился къ себѣ въ отдѣленіе и отпустилъ Крокера. Едва Крокеръ успѣлъ выйти, какъ Родену поручили написать письмо.

Оно гласило:

«Сэръ,

«Позволивъ себѣ не явиться, безъ разрѣшенія, вчера на службу, вы совершили проступокъ такого рода, что я нахожусь вынужденнымъ сообщить вамъ, что въ случаѣ, еслибы онъ повторился, мнѣ не останется другого выбора, какъ обратиться на это обстоятельство серьезное вниманіе милорда главнаго директора почты.

«Остаюсь, сэръ,

вашъ покорный слуга Бореасъ Бодкинъ».

Въ тотъ же конвертъ была вложена коротенькая записочка отъ одного изъ товарищей.

«Дорогой Крокеръ,

«Постарайся быть здѣсь завтра ровно въ десять. Мистеръ Джирнингэмъ поручилъ мнѣ передать тебѣ это.

«Твой Боббинъ».

Такъ, въ данномъ случаѣ, кончились невзгоды Крокера.

XXXI.—Выходка миссъ Демиджонъ.

Въ тотъ самый день, когда Крокеръ проходилъ черезъ свое чистилище въ почтамтѣ, лэди Кинсбери получила въ Траффордъ-Паркѣ письмо, которое значительно увеличило заботы и непріятности различныхъ членовъ ея семейства. Письмо было анонимное, но читатель можетъ теперь же узнать, что оно было написано этой предприимчивой молодой особой, миссъ Демиджонъ.

Оно было слѣдующаго содержанія:

«Милэди,

«Считаю своимъ долгомъ, какъ доброжелатель семейства, сообщить вамъ, что вашъ пасынокъ, лордъ Гѣмпстедъ, попалъ въ руки молодой особы, живущей въ сосѣдней со мною улицѣ. («Сосѣдняя улица», понятно, была хитростью со стороны миссъ Демиджонъ). «Живетъ она въ домѣ подъ № 17, въ Парадизъ-

Роу, въ Галловѣй; зовутъ ее Маріонъ Фай. Она дочь стараго квакера, клерка гг. Погсона и Литльберда и, конечно, по своему положенію, не должна бы питать такихъ надеждъ. У старика можетъ быть и отложено кое-что, но что это для такихъ людей какъ вы, миледи, и какъ супругъ вашъ? Иные находятъ ее хорошенькой. Я не того мнѣнія. Такія хитрости мнѣ противны. Все, что я вамъ сообщаю, не подвержено никакому сомнѣнію. Милордъ провелъ здѣсь на дняхъ нѣсколько часовъ, дѣвушка расхаживаетъ гордая какъ павлинъ. Я называю это настоящимъ заговоромъ въ Парадизъ-Роу; хотя квакеръ въ немъ участвуетъ, но дѣло не въ немъ. Черезъ два дома отъ Фай живетъ одна мистриссъ Роденъ, у которой есть сынъ, почтамтскій клеркъ, очень много о себѣ думающій. Кажется, нѣтъ сомнѣнія, что онъ обрученъ съ другимъ членомъ вашего аристократическаго семейства. Объ этомъ-то ужъ весь Галловей толкуетъ. Мое убѣжденіе, что все это дѣло рукъ мистриссъ Роденъ! Она руководитъ Маріонъ Фай, точно та ей родная дочь, теперь и молодой лордъ, и сестра его такъ прямо и попались въ ея сѣти. Если никто изъ нихъ еще не обвинчанъ, то за этимъ дѣло не станетъ, если кто-нибудь не выйдетъ. Если вы мнѣ не вѣрите, поплите въ таверну: «Герцогини», что на углу, вы убѣдитесь, что тамъ все это извѣстно.

«Миледи, я счелъ своимъ долгомъ сообщить вамъ все это потому, что мнѣ непріятно видѣть, какъ обманываютъ аристократическую семью. Я лично тутъ не заинтересованъ. Но я такъ поступаю изъ доброжелательства. А потому имѣю честь быть—доброжелатель».

Маркиза, хоть она, вѣроятно, въ прежне время сказала бы, что ничего нѣтъ въ мірѣ презвѣннѣе анонимныхъ писемъ, тѣмъ не менѣе очень внимательно перечла это посланіе нѣсколько разъ. Повѣрила она ему безусловно. Въ виду того, что писавшему такъ хорошо было извѣстно все относящееся до лэди Франсесъ, почему не предположить, что онъ имѣетъ такія же достовѣрныя свѣдѣнія и насчетъ лорда Гемпстеда? Такой бракъ какъ этотъ—съ дочерью квакера—именно бракъ во вкусъ Гемпстеда. Особенную досаду въ ней возбуждала гласность всей этой исторіи. Мысль, что Галловей извѣстны всѣ тайны семьи ея мужа была для нея ужасна. Но, можетъ быть, всего сильнѣе уязвляло ее сердце сознаніе, что лордъ Гемпстедъ вообще собирается жениться. Женись онъ на квакершѣ, на комъ угодно, но, разъ они обвинчаны, сынъ этой женщины будетъ лордъ Гайгетъ, наслѣдникъ всѣхъ богатствъ и всѣхъ титуловъ маркиза Кинсбери. Она основывала нѣкоторыя надежды на несносномъ

характеръ лорда Гэмпстеда. Такіе люди, увѣряла она себя, вообще неохотно женятся. Пока онъ не женатъ, еще остается надежда. Но если онъ женится и у него будетъ сынъ, тогда, хоть бы онъ на другой день сломалъ себѣ шею на охотѣ, изъ этого не выйдетъ никакого толку. Въ этомъ настроеніи она сочла нужнымъ показать письмо мистеру Гринвуду прежде чѣмъ прочесть его мужу, который все еще былъ очень боленъ.

Мистеръ Гринвудъ медленно прочиталъ письмо, тщательно сложилъ его и только покачалъ головой.

— Правда это, какъ вы думаете?—спросила маркиза.

— Не вижу причины, почему бы это была неправда.

— То же и я думаю. Мы знаемъ, что насчетъ Фанни это правда. Мистеръ Роденъ и эта мистриссъ Роденъ существуютъ. Разъ, что писавшему все это извѣстно, есть основаніе доверять остальному.

— Много на свѣтѣ лгуновъ,—сказалъ мистеръ Гринвудъ.

— Но существуетъ же этотъ кванеръ, эта дѣвушка?

— Очень вѣроятно.

— Въ такомъ случаѣ, отчего бы Гэмпстеду въ нее не влюбиться? Конечно, онъ постоянно тамъ бываетъ у своего друга, Родена.

— Безъ всякаго сомнѣнія, леди Кинсбери.

— Что намъ дѣлать?

На этотъ вопросъ у мистера Гринвуда не нашлось готового отвѣта.

— Едва ли отецъ теперь имѣетъ на него какое-нибудь вліяніе.—Мистеръ Гринвудъ замоталъ головой.—А между тѣмъ сказать ему необходимо.—Мистеръ Гринвудъ кивнулъ головой. Можетъ быть, можно было бы что-нибудь предпринять на счетъ состоянія.

— Онъ ни на что не посмотритъ,—сказалъ мистеръ Гринвудъ.

— Онъ равнодушенъ ко всему, о чемъ долженъ былъ бы заботиться. Еслибъ я написала и спросила его, скажетъ онъ мнѣ правду насчетъ этого брака?

— Никогда онъ правды не скажетъ,—сказалъ мистеръ Гринвудъ.

Маркиза пропустила это замѣчаніе мимо ушей, хотя знала, что это клевета.—Бывали средства,—сказала она,—съ помощью которыхъ браки такого рода расторгали «послѣ».

— Въ наши дни это надо сдѣлать: «до»,—сказалъ священникъ.

— Но какъ?

— Еслибъ его спровадить куда-нибудь.

— Какъ «спровадить»?

— Вотъ этого-то я и не знаю. Напримѣръ, отправить его куда-нибудь подальше на яхтѣ, а ее обвинчать съ кѣмъ-нибудь другимъ во время его отсутствія.

Лэди Кинсбѣри поняла, что ея пріятель неизобрѣтателенъ.

— Чтобы ему сломать себѣ шею на охотѣ,—сказала мистеръ Гринвудъ.

— Даже это не принесло бы особой пользы, если онъ жегится раньше,—рѣшила маркиза.

Она каждый день просиживала у мужа полчаса передъ своимъ завтракомъ,—сидѣла его, въ это время, ходила обѣдать. Со времени посѣщенія сына маркизъ выписалъ доктора изъ Лондона и докторъ объявилъ маркизѣ, что хотя непосредственной опасности и нѣтъ, но симптомы таковы, что почти не даютъ надежды на полное выздоровленіе. Когда мнѣніе это было высказано, маркиза и капеланъ принялись обсуждать вопросъ: слѣдуетъ ли вторично вызывать лорда Гэмпстеда. Самъ маркизъ не выражалъ на этотъ счетъ никакого желанія. Разъ три или четыре въ недѣлю въ Гендонъ-Голль посылался бюллетень, въ которомъ яко бы выражалось мнѣніе докторовъ о состояніи здоровья ихъ паціента; но бюллетень не отличался строгой правдивостью. Ни одному изъ заговорщиковъ не хотѣлось видѣть лорда Гэмпстеда въ Траффордъ-Паркѣ.

— Хочется мнѣ кое-что тебѣ показать,—сказала маркиза, усаживаясь у дивана, на которомъ лежалъ мужъ. Затѣмъ она принялась читать ему письмо, не говоря, что оно анонимное. Прослушавъ первыя строки, онъ спросилъ:

— Отъ кого это?

— Я лучше прежде прочту его все,—сказала маркиза и дочитала до конца, не прочтя только подписи.

— Конечно, анонимное,—сказала она, держа письмо въ рукѣ.

— Такъ я не вѣрю ни единому слову,—сказалъ маркизъ.

— Вѣроятно, а между тѣмъ въ немъ слышится правда.

— Я вовсе не того мнѣнія. Ничего нѣтъ хуже анонимныхъ писемъ.

— Если насчетъ Гэмпстеда вздоръ, то, во всякомъ случаѣ, насчетъ Фанни—правда. Писавшій житель Галловѣя, знаетъ Парадизъ-Роу, мѣстную таверну. Туда, гдѣ Фанни нашла себѣ поклонника, и Гэмпстедъ послѣдуетъ за нею. «Свой своему поневоля братъ».

— Я не позволю тебѣ такъ отзываться о моихъ дѣлахъ,—сказалъ больной.

— Что-же мнѣ дѣлать? Развѣ о Фанни не правда? Если хочешь, я напишу Гѣмпстеду, спрошу его.—Чтобъ какъ-нибудь отъ нея отдѣлаться, онъ согласился на это предложеніе. Милэди, съ своей стороны, надѣялась, что если лордъ Гѣмпстедъ признаетъ фактъ своей помолвки, это можетъ повести къ ссорѣ между отцомъ и сыномъ.

— Что онъ еще не убрался?—спросилъ маркизъ, когда жена его встала, чтобъ выйти изъ комнаты.

— Кто?

— Мистеръ Гринвудъ.

— Убрался? Съ какой стати ему убираться? Никто и не воображалъ, что онъ долженъ былъ оставить насъ теперь. Я такъ вовсе не вижу зачѣмъ ему вообще переѣзжать. Ему сообщено, что ты не будешь болѣе нуждаться въ его услугахъ, въ Лондонѣ. Насколько я знаю, больше ничего не говорилось.

Больной сердито повернулся на своемъ диванѣ, но не сдѣлалъ никакихъ дальнѣйшихъ распоряженій относительно отъѣзда капелана.

— Онъ спрашиваетъ, почему вы не выѣхали,—сказала лэди Кинсбѣри священнику, въ тотъ же день.

— Куда мнѣ выѣхать?—завылъ несчастный.—Неужели онъ хочетъ сказать, что меня надо выгнать на улицу, когда вздумается, изъ-за того, что я не могу одобрить поступковъ лэди Франсесъ? Я не получилъ приказанія выѣхать отсюда. Если отъѣздъ мой дѣло рѣшенное, маркизъ, вѣроятно, прежде сдѣлаетъ какое-нибудь распоряженіе. Лэди Кинсбѣри успокоила его, какъ могла, объяснивъ, что ему нѣтъ никакой надобности немедленно выѣзжать.

Письмо милэди къ пасынку было слѣдующее:

«Дорогой Гѣмпстедъ!

«До отца вашего дошелъ слухъ, что вы женитесь на какой-то дѣвушкѣ, дочери квакера по фамиліи Фай, живущей въ домѣ № 17, въ Парадизъ-Роу. Про квакера говорятъ, что онъ вклеръ въ одной изъ конторъ въ Сити. О самой дѣвушкѣ отецъ вашъ ничего не слышалъ, но легко можетъ себѣ представить, что она—то, чѣмъ должна быть по своему общественному положенію. Онъ поручилъ мнѣ спросить васъ, есть ли какъ-нибудь доля правды въ этомъ слухѣ. Прошу васъ замѣтить, что я лично не выражаю никакого мнѣнія насчетъ того, вѣренъ онъ или невѣренъ, возможенъ онъ или невозможенъ.

Послѣ того, какъ вы вели себя въ послѣдній разъ, я никогда-бы не рѣшилась вмѣшиваться въ ваши дѣла, но отецъ вашъ поручилъ мнѣ спросить васъ, для его свѣдѣнія.

«Преданная вамъ

«Клара Кинсбери».

Отвѣтъ Гѣмпстеда былъ очень лакониченъ, но вполне соответствовалъ цѣли.

«Дорогая леди Кинсбери!

«Я еще не женихъ миссъ Фай. Думаю, что это вскорѣ ожидаетъ меня.

«Искренно вамъ преданный

«Гѣмпстедъ».

Съ той же почтой онъ написалъ письмо отцу. Вотъ оно:

«Дорогой отецъ,

«Получилъ я письмо отъ леди Кинсбери, въ которомъ она меня спрашиваетъ, вѣренъ-ли слухъ о моей помолвкѣ съ молодой дѣвушкой, по имени Маріонъ Фай. Очень мнѣ прискорбно, что ея письмо служить доказательствомъ, что вы еще не въ силахъ писать сами. Надѣюсь, что это продолжится не долго.

«Не желали-ли бы вы снова видѣть меня въ Траффордѣ? Не хочется мнѣ туда ѣхать, не узнавъ вашихъ мыслей на этотъ счетъ; но я всегда готовъ пуститься въ путь, когда бы вы этого ни пожелали. По послѣднимъ извѣстіямъ, я было-надѣялся, что силы ваши начинаютъ восстанавливаться.

«Не знаю, каковыя путемъ могли до васъ какіе-нибудь слухи о Маріонъ Фай. Еслибъ я обручился съ нею или съ какой-нибудь другой молодой дѣвушкой, я сейчасъ же сообщилъ бы вамъ о томъ. Не знаю, обязанъ-ли молодой человѣкъ говорить о собственныхъ неудачахъ въ такихъ дѣлахъ—даже отцу. Но, такъ какъ мнѣ стыдиться тутъ нечего, то я признаюсь вамъ, что просилъ эту молодую дѣвушку быть моею женою, но она пока отказывается. Я повторю свою просьбу и продолжаю надѣяться на успѣхъ.

«Она—дочь одного мистера Фай, который, какъ справедливо говорить леди Кинсбери, квалеръ и клеркъ въ одной изъ конторъ Сити. Такъ какъ онъ во всѣхъ отношеніяхъ хорошій человѣкъ, стоящій, по своей честности и чести, очень высоко во мнѣніи всѣхъ, кто его знаетъ, я не могу повѣрить, чтобы это составляло какую-нибудь разницу. Она, мнѣ кажется, обладаетъ всѣми качествами, которыя я желалъ-бы найти въ женщинѣ, которую могъ бы надѣяться видѣть своей женою. Живутъ они въ

домъ № 17, Парадизъ-Роу, въ Галловѣ; всѣ подробности, сообщенныя лэди Кинсбѣри, вѣрны.

«Пожалуйста напишите мнѣ строчку, если не сами, то хоть продиктуйте, чтобъ мнѣ знать, какъ вы себя чувствуете.

«Вашъ любящій сынъ Гэмпстедъ».

Невозможно было скрыть это письмо отъ лэди Кинсбѣри. И маркизъ, и маркиза, и мистеръ Гринвудъ рѣшили, что Гэмпстедъ женится на дочери квакера. Отказу ея даже лордъ Кинсбѣри не придалъ никакого значенія. Вѣроятно ли, чтобъ дочь клерка не пожелала сдѣлаться маркизой? Еслибы больной былъ предоставленъ самому себѣ, онъ постарался бы думать объ этомъ какъ можно меньше. Ничего онъ теперь такъ сильно не желалъ какъ не ссориться съ своими старшими дѣтьми. Но жена, при каждомъ изъ своихъ двухъ ежедневныхъ посѣщеній, напоминала ему объ этомъ.

— Чтожъ мнѣ дѣлать?—спросилъ онъ на третье утро.

— Мистеръ Гринвудъ предлагаетъ,—начала жена, не желая вовсе раздражать его и дѣйствительно позабывъ, въ эту минуту, что какое предложеніе мистера Гринвуда не можетъ быть ему пріятно.

— Къ чорту мистера Гринвуда,—крикнулъ онъ, приподнявшись со своихъ подушекъ. Маркиза такъ испугалась его рѣзкаго движенія и гнѣва, отражавшагося на его изможденномъ лицѣ, что въ изумленіи вскочила со стула.

— Я требую;—сказалъ маркизъ,—чтобъ человѣкъ этотъ оставилъ мой домъ въ концѣ этого мѣсяца.

XXXII.—Комтора.

Отправивъ отвѣтъ лэди Кинсбѣри, Гэмпстедъ рѣшилъ, что ему необходимо съѣздить въ Траффордъ, хотя бы на одинъ день, повидаться съ больнымъ отцомъ. Посланіе матишки онъ получилъ въ субботу, въ понедѣльникъ и во вторникъ собирался охотиться. Но въ среду выѣдетъ съ вечернимъ поѣздомъ изъ Лондона и въ четвергъ, рано утромъ, будетъ въ Траффордѣ. Онъ отправилъ на имя старика дворецкого телеграмму слѣдующаго содержанія:

«Буду въ Траффордѣ въ четвергъ утромъ 4 ч. 30 м. Приду со станціи пѣшкомъ. Приготовьте комнату. Скажите отцу».

Онъ назначилъ свой отъѣздъ въ среду вечеромъ, рѣшившись посвятить часть утра этого дня своимъ сердечнымъ дѣламъ.

Вообще говоря, не принято, думалось ему, обращаться къ

отцу дѣвушки за разрѣшеніемъ просить ея руки, прежде, чѣмъ сама дѣвушка не согласится; но въ данномъ случаѣ обстоятельства исключительныя. Ему показалось, что единственная причина, по которой Маріонъ отвергала его, было неравенство ихъ общественнаго положенія. Можетъ быть, причина эта возникла изъ какой-нибудь нелѣпой идеи старика-отца, но могло быть и то, что онъ отнесется къ такой причинѣ съ полнымъ неодобреніемъ. Во всякомъ случаѣ Гѣмпстеду хотѣлось узнать, за него старикъ, или противъ. Съ цѣлью разрѣшить этотъ вопросъ онъ хотѣлъ навѣстить его въ его конторѣ, въ среду.

Въ ранніе часы утра вошелъ онъ въ контору гг. Погсона и Литльбѣрда и увидѣлъ мистера Триббльдэля, воссѣдавшего на высокомъ табуретѣ за громаднымъ столомъ, который занималъ почти всю комнату. Гѣмпстедъ былъ пораженъ тѣснотой и невзрачностью помѣщенія гг. Погсона и Литльбѣрда, которое, судя по благородной наружности кавалера, представлялъ себѣ обширнымъ и внушительнымъ. Невозможно отрѣшиться отъ подобной связи идей. Гѣмпстедъ вошелъ въ контору черезъ небольшой дворикъ и узкій корридоръ. Здѣсь онъ увидѣлъ всего двѣ двери и вошелъ въ одну изъ нихъ, такъ какъ она была отворена, замѣтивъ на другой надписи: «Кабинетъ г. директора». Тутъ-то онъ и очутился лицомъ къ лицу съ Триббльдэлемъ и маленькимъ мальчикомъ, сидѣвшимъ по правую руку Триббльдэля, на такомъ же высокомъ табуретѣ, какъ и онъ.

— Могу я видѣть мистера Фай?—спросилъ Гѣмпстедъ.

— По дѣлу?—отозвался Триббльдэль.

— Не совсѣмъ, т.-е. по частному дѣлу.

Изъ-за ширмы, отдѣлявшей отъ небольшой комнаты значительно меньшее пространство, похожее на клѣтку, выглянула голова. Въ этой клѣткѣ, какъ она ни была мала, помѣщались столъ и два стула, и здѣсь-то Захарія Фай занимался своимъ дѣломъ; понятно, что голова, выглянувшая изъ клѣтки, принадлежала ему.

— Лордъ Гѣмпстедъ!—сказалъ онъ съ удивленіемъ.

— А, мистеръ Фай, какъ поживаете? Мнѣ кое-о чемъ надо съ вами переговорить. Можете вы уделить мнѣ пять минутъ?

Старикъ отворилъ дверь своей клѣтки и попросилъ лорда Гѣмпстеда войти. Триббльдэль, который слышалъ и узналъ фамилію, такъ и устоялъ на молодого аристократа, на знатнаго пріятеля своего друга Крокера, на лорда, про котораго положительно увѣряли, что онъ женится на дочери мистера Фай. Мальчикъ, услышавъ, что посѣтитель—лордъ, также не спускалъ съ

него глазъ. Гѣмпстедъ повиновался, но помня, что обитатель клѣтки сейчасъ услышалъ все, что говорилось въ конторѣ, боялся, что ему будетъ невозможно говорить о Маріонъ безъ иной защиты отъ любопытныхъ ушей.

— То, о чемъ я хочу говорить, не всѣмъ можно слышать, — замѣтилъ Гѣмпстедъ.

Квакеръ оглянулся на дверь кабинета. — Старый мистеръ Погосонъ тамъ, — шепнулъ Триббльдаль. — Я слышалъ, какъ онъ вошелъ четверть часа тому назадъ.

— Можетъ быть, ты согласишься походить по двору, — сказалъ квакеръ. Гѣмпстедъ, конечно, пошелъ, но, оглянувшись, убѣдился, что дворъ очень необширенъ для того, что ему предстояло сообщить. Ему необходимо было пространство, чтобы не поворачивать, когда онъ будетъ въ пылу краснорѣчія. Въ шесть шаговъ онъ пройдетъ дворикъ во всю длину; а кто въ состояніи разсказать исторію своей любви на пространствѣ шести шаговъ?

— Не выйти ли намъ на улицу? — предложилъ онъ.

— Охотно, милордъ, — сказалъ квакеръ. — Триббльдаль, еслибъ кто-нибудь зашелъ до моего возвращенія и не могъ подождать пять минутъ, ты меня найдешь на разстояніи не болѣе пятидесяти ярдовъ, вправо или влево отъ двора. — Гѣмпстедъ, ограниченный пространствомъ, не превышавшимъ ста ярдовъ въ одной изъ самыхъ многолюдныхъ улицъ Сети, приступилъ къ исполненію своей трудной задачи.

— Мистеръ Фай, — сказалъ онъ, — извѣстно ли вамъ, что произошло между мной и вашей дочерью?

— Едва ли, милордъ.

— Она вамъ ничего не говорила?

— Нѣтъ, милордъ, многое сказала. Она, безъ сомнѣнія, сказала мнѣ все, что отцу подобаетъ слышать отъ дочери, при такихъ обстоятельствахъ. Мы съ моей Маріонъ въ такихъ отношеніяхъ, что немногое скрываемъ другъ отъ друга.

— Такъ вы знаете?

— Знаю, что ты, милордъ, просилъ ея руки, честно, благородно; знаю также, что она отказалась отъ предложенной ей чести.

— Это такъ.

— Вы ли это, Захарія? Какъ поживаете? — спросилъ какой-то толстякъ небольшого роста, съ краснымъ лицомъ.

— Отлично, благодарю, мистеръ Гребби, въ эту минуту я очень занятъ. Это Джонатанъ Гребби, — сказалъ квакеръ своему

спутнику, — вы, вѣроятно, слышали о фирмѣ: Гребн и Индербальдъ.

Гѣмпстедъ никогда о ней не слыхалъ и пожалѣлъ, что толстѣе, въ эту минуту, не занимался своимъ дѣломъ.

— Возвратимся къ миссъ Фай, — сказалъ онъ, пытаясь продолжать свое повѣствованіе.

— Да, къ Маріонъ. Я не вполне знаю, что происходило между вами, такъ какъ мнѣ неизвѣстны причины, на которыя она сослалась.

— Да никакихъ причинъ она не привела; ничего, о чемъ стоило бы говорить людямъ, которые сколько-нибудь знаютъ свѣтъ.

— Не сказала ли она тебѣ, что не любитъ тебя, милордъ? Это, по моему, была бы причина достаточная.

— Ничего подобнаго. Я хвастать не хочу, но не вижу, отчего бы ей сколько-нибудь мнѣ не сочувствовать.

— И я не вижу.

— Какъ, Захарія, вы прогуливаетесь въ эти дѣловые часы?

— Прогуливаюсь, сэръ Томасъ. — Это не въ моихъ обычаяхъ, но я прогуливаюсь.

Онъ повернулся на каблукъ, почти разсерженный этимъ перерывомъ, и пошелъ въ обратномъ направленіи.

— Сэръ Томасъ Болстеръ, милордъ, большой дѣлецъ, но человекъ, которому везетъ. Повторяю, и я не вижу; но въ такомъ дѣлѣ молодая дѣвушка должна рѣшать сама. Я не прикажу ей не любить тебя, но не могу приказывать и любить.

— Не въ томъ дѣло, мистеръ Фай. Конечно, я не имѣю никакого права рассчитывать на ея расположеніе. Но объ этомъ и рѣчи не было.

— Чтожъ она тебѣ сказала?

— Какіе-то пустяки на счетъ общественнаго положенія.

— Нѣтъ, милордъ, это не пустяки.

— Чтожъ, неужели я въ родѣ короля прежнихъ временъ, который долженъ былъ жениться на любой безобразной и старой принцессѣ, которую ему подвинутъ, хотя бы она была ненавистна ему? При такихъ условіяхъ, я знать не хочу никакого общественнаго положенія. Я требую права соображаться съ собственными желаніями, какъ другіе, и обращаюсь къ вамъ, какъ къ отцу молодой особы, прося васъ помочь мнѣ убѣдить ее быть моею женой.

Въ эту минуту къ нимъ подбѣжалъ Триббльдэль.

— Тамъ Кукъ, — сказалъ онъ, — отъ Поллова и Аустена.

— Развѣ мистера Погсона нѣтъ?

— Онъ вышелъ тотчасъ вслѣдъ за вами. Купъ говорить, что ему необходимо сейчасъ видѣть кого-нибудь.

— Скажи ему, чтобъ подождалъ пять минутъ, — сказалъ Захарія Фай, хмура брови.

— Вы знаете, что я хочу сказать, мистеръ Фай — продолжалъ лордъ Гэмпстедъ.

— Знаю, милордъ. Ты предлагаешь моей дочери не только высокое общественное положеніе и огромное состояніе, но и то, что должно въ глазахъ ея быть несравненно драгоценнѣе, сердце и руку честнаго человѣка. Еще что? — гнѣвно крикнулъ онъ, видя, что мальчуганъ, который сидѣлъ на высокомъ табуретѣ, несется къ нему со всѣхъ ногъ.

— Мистеръ Погсонъ сейчасъ вернулся, мистеръ Фай, онъ нигдѣ не можетъ найти писемъ Поллока и Аустена. Они ему нужны сейчасъ.

— Лордъ Гэмпстедъ, — сказалъ квакеръ, весь блѣдный отъ гнѣва, — я долженъ просить тебя извинить меня на пять минутъ.

Гэмпстедъ обѣщалъ ограничиться той же неинтересной прогулкой до возвращенія мистера Фай и тутъ же подумалъ, что противъ увлеченія дочерью клерка есть нѣкоторые соображенія, которыхъ онъ не принялъ въ расчетъ.

— Мы пойдемъ немного далѣе, — сказалъ старикъ, возвращаясь, — чтобъ эти дураки насъ болѣе не тревожили. Впрочемъ, мнѣ остается сказать тебѣ очень немного. Даю тебѣ мое разрѣшеніе.

— Очень оно меня радуетъ.

— Искренно сочувствую тебѣ. Но, милордъ, по моему лучше сказать правду.

— Безъ сомнѣнія.

— Дочь боится, чтобъ здоровье ей не намѣнило.

— Здоровье?

— Мнѣ такъ кажется. Она не говорила мнѣ этого прямо, но по моему это и есть настоящая причина. Мать ея умерла рано, братья и сестры также. Печальная эта исторія, милордъ.

— Но неужели это должно служить препятствіемъ?

— Не думаю, милордъ. Но судить объ этомъ — твое дѣло. Насколько я знаю, она не менѣе всякой другой дѣвушки можетъ выйти замужъ. Здоровье ей не измѣняло. Мнѣ кажется, она попусту тревожится. Теперь ты все знаешь, я оказалъ тебѣ полное довѣріе, какъ честному человѣку. Вотъ мой домъ. Милости просимъ, если найдешь это нужнымъ, иди и поступай съ

Маріонъ въ этомъ дѣлѣ, какъ угажеть тебѣ твоя любовь и твой разсудокъ.

Съ этимъ онъ поспѣшно возвратился въ комнату, точно боясь, чтобъ его мучители снова его не розыскали.

Гѣмпстедъ достигъ желаемаго, но онъ былъ сильно озабоченъ тѣмъ, что слышалъ о здоровьѣ Маріонъ. Не то чтобъ ему на минуту пришло на мысль, что бракъ этотъ нежелателенъ потому, что его Маріонъ можетъ заболѣть,—для этого онъ былъ слишкомъ влюбленъ,—но онъ боялся ея упрямства, а потому возвратился въ Гендонъ-Голлъ въ какомъ-то смутномъ настроеніи. Онъ подробно обсудить съ ней этотъ вопросъ, тотчасъ по возвращеніи изъ Шропшира, а тамъ пробудеть всего одинъ день, чтобъ не теряя времени испытать дѣйствіе своего краснорѣчія на Маріонъ. Послѣ разговора съ ея отцомъ онъ находилъ, что почти въ правѣ заключить, что дѣвушка дѣйствительно его любитъ.

О. П.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ

0

ДАРОВАННЫХЪ ВЪ ДЕНЬ СВЯЩЕННАГО КОРОНОВАНІЯ НХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ
ВЕЛИЧЕСТВЪ МИЛОСТЯХЪ ¹⁾.

ВОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ
МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ТРЕТІЙ,
ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ
ВСЕРОССИЙСКІЙ,
ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,
И ПРОЧ., И ПРОЧ., И ПРОЧ.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

По изволенію Божію, возложивъ на Себя вѣнецъ Царствен-
ныхъ Предковъ съ пріятіемъ Святаго Мүропомазанія, Мы всѣмъ
сердцемъ молимъ Господа Вседержителя Царей и Царствъ, да
благословитъ сей Священный день и часъ, въ который, предъ
Лицемъ Его, на мѣстѣ, отъ древнихъ лѣтъ освященномъ вѣрою
и молитвою всей Земли Русской, повторили Мы великій обѣтъ
Царскаго Званія! Да укрѣпитъ Онъ всеильнымъ Своимъ Ду-
хомъ Державу Нашего правленія и да подастъ Намъ мудрость

¹⁾ Собраніе Узаконеній и распоряженій Правительства, издаваемое при Прави-
тельствующемъ Сенатѣ, 16 мая 1878 г.. № 48, стр. 781—798.

и силу—къ умиротворенію всего смятеннаго, къ укрѣпленію порядка и правды въ дѣлахъ, къ просвѣщенію народа въ истинахъ вѣры, къ утверженію въ каждомъ званіи вѣрности долгу и закону, къ охраненію предоставленныхъ каждому правъ и всеобщей безопасности, къ возвеличенію благоденствія и славы возлюбленнаго Нашею Отечества!

Желая въ Священный и торжественный для Насъ день сей явить милость Нашу всѣмъ поданнымъ Нашимъ, Мы нынѣ обращаемся къ тѣмъ, въ особенности, нуждающимся и удрученнымъ, кои, по недостаточному положенію или по несчастнымъ обстоятельствамъ, не въ состояніи были выполнить всѣхъ лежащихъ на нихъ передъ Правительствомъ обязательствъ; не изъедемъ отъ Царской милости Нашей и тѣхъ, которые впали въ противозаконныя дѣянія по заблужденію, легкомыслію и небреженію, или же хотя омрачили жизнь свою преступленіями, но, вслѣдствіе понесенной ими кары закона или по другимъ обстоятельствамъ, заслуживаютъ прощенія или облегченія участи. Въ сихъ видахъ Всемиловитѣйше повелеваемъ:

1. Даровать нижеслѣдующія облегченія въ уплатѣ недоимокъ по разнаго рода окладнымъ и неокладнымъ сборамъ:

1) Простить всѣ недоимки, числившіяся къ 1 Января 1883 г.: по подушной подати во всей Имперіи; по взимаемымъ въ Бессарабской губерніи бирю, даждію, оброку и личной подати; по кабиточному сбору; по подымной подати въ Кубанской и Терской областяхъ и въ Западной Сибири; по ясачному сбору и оброчной подати, платимымъ кочевыми, бродячими и осѣдлыми инородцами Кабинету Нашему и по шестикопѣечному сбору въ Сибири.

2) По выкупнымъ платежамъ, платимымъ крестьянами всѣхъ разрядовъ; по оброчной подати и по лѣсному налогу, платимымъ бывшими государственными крестьянами; по лѣсному налогу, платимому населеніемъ горнозаводскихъ округовъ; по поземельному оброку, платимому крестьянами казенныхъ имѣній въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, и по половинно-оброчной подати, платимой переселенцами,—сложить и изъ счетовъ исключить ту часть накопившихся къ 1 Января 1883 г. недоимокъ, которая превышала годовою окладъ этихъ сборовъ, исчисленный въ размѣрѣ оклада за 1882 г. Уплата той части вышешименованныхъ недоимокъ, которая не подлежитъ сложенію, должна производиться ежегодно въ размѣрѣ не менѣ одной пятой части годоваго оклада. Крестьяне же, коимъ предоставлена разсрочка недоимки на срокъ свыше пяти лѣтъ, пользуются ранѣе имъ дарованною льготою, за уменьшеніемъ общей суммы недоимки въ указанномъ выше размѣрѣ.

3) Оставить безъ взысканія недоимки въ платежахъ по окладнымъ сборамъ, поименованнымъ въ предшествующихъ пунктахъ настоящей статьи сего Манифеста, слѣдовавшихъ къ поступленію за время по 1 Января 1883 г., ко-

торые по какимъ либо причинамъ не зачислены по день Коронованія Нашего по счетамъ казначействъ. Изъ сего изъемятся взыскапія выкупныхъ платежей съ бывшихъ временно-обязанныхъ крестьянъ Западныхъ губерній, перелбранныхъ помѣщиками.

4) Сложить всѣ образовавшіяся къ 1 Января 1883 г. недоимки въ горныхъ податяхъ, въ отдѣльности не превышающія пятидесяти рублей; по недоимкамъ же въ сихъ податяхъ на большую сумму—исключить по пятидесяти рублей изъ каждой статьи.

5) Простить причитающіяся ко дню Нашего Коронованія: пени по взимаемымъ въ суммы государственнаго казначейства налогамъ государственному поземельному и съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ, какъ основному, такъ и дополнительному на квартирную повинность, а также по взимаемымъ въ западныхъ губерніяхъ сборамъ: процентному съ недвижимыхъ имуществъ лицъ польскаго происхожденія и поземельному на содержаніе духовенства; штрафы и пени за прописку по ревизіи душъ и за неподачу въ срокъ ревизскихъ сказокъ; слѣдующіе въ доходъ казны экзекуціонные штрафы и пени по губерніямъ Царства Польскаго—за несвоевременный взносъ налоговъ, податей и всякихъ другихъ сборовъ или платежей; пени за несвоевременный платежъ крѣпостныхъ и эксквизиторскихъ пошлинъ, и всякаго рода взыскапія и пени съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, а равно съ тѣхъ крестьянъ, которые водворены въ казенныхъ имѣніяхъ, наложенныя какъ лично на означенныхъ крестьянъ, такъ и на общества и селенія—за пользованіе казенными землями и оброчными статьями, вполнѣдствіи отведенными этимъ крестьянамъ въ надѣлъ.

6) Сложить накопившіяся ко дню Коронованія Нашего не поступившія въ казну процентныя и штрафныя деньги, начисляемыя за несвоевременный взносъ разсроченныхъ платежей акциза и попудныхъ денегъ за соль, а также за несвоевременный взносъ разсроченной при покупкѣ казенной соли платы. По тѣмъ солянымъ недоимкамъ, которыя частію взысканы, всѣ поступившія суммы отнестн сначала на пополненіе капитальнаго долга, а затѣмъ уже процентовъ и штрафа, дальтйшаго же взыскапія процентныхъ и штрафныхъ денегъ, по день Коронованія Нашего причитающихся, не производить.

7) Сложить со счетовъ всѣ числящіяся по 1 Января 1883 года недоимки въ пошлинахъ за право торговли и промысловъ.

8) Оставить безъ взыскапія недоимки въ пошлинахъ съ межевыхъ плановъ и книгъ, опредѣленныхъ ко взыскапію за пять и болѣе лѣтъ до дня Коронованія Нашего.

9) Сложить числящіяся по день Коронованія Нашего недоимки: по денежнымъ взносамъ за пожалованіе орденами, а также по взыскапіямъ по случаю увеличенія окладовъ содержанія; не начисленные же по сей день недоимки въ сихъ сборахъ не начислять.

10) Оставить безъ взыскапія числящіяся ко дню Коронованія Нашего въ недоимкѣ за дворянствомъ разныхъ губерній суммы, слѣдующія за содержаніе пансіонеровъ дворянства въ учебныхъ заведеніяхъ вѣдства Министерства Народнаго Просвѣщенія до 1 Января 1878 г., а также суммы, начисленные по добровольнымъ за прелжее время сборамъ дворянства за содержаніе и воспитаніе дѣтей дворянъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, если самыя сборы признаны были затѣмъ, въ установленномъ порядкѣ, необязательными и вовсе прекращены за пять и болѣе лѣтъ назадъ.

11) Всѣ недоимки, накопившіяся по день Коронованія Нашего на ли-

цахъ, перебравшихъ изъ казны пенсiи,—простить, если противъ такихъ лицъ не возбуждено обвиненiя въ причиненiи ими казнѣ ущерба за вѣдомо съ корыстной или иною противозаконною цѣлю.

12) Сложить со счетовъ причитающiяся въ доходъ казны недоимки и пени по сборамъ, отмѣненнымъ до 1 Января 1883 г., въ томъ числѣ и по окладному сбору съ мѣщанъ.

13) Сложить изъ недоимокъ, по неокладнымъ сборамъ, пошлинамъ, кромѣ таможенныхъ, и взысканiямъ, не подходящимъ подъ дѣйствiе предыдущихъ пунктовъ настоящей статьи сего Манифеста, а также по издержкамъ на содержанiе и пересылку арестантовъ и выдачамъ изъ казны на счетъ виновныхъ кормовыхъ, прогоновъ и суточныхъ денегъ, образовавшихся по день Коронованiя Нашего, какъ числящихся по счетамъ, такъ и не начисленныхъ или разсроченныхъ—тѣ, которыя въ отдѣльности не превышаютъ пятидесяти рублей. По недоимкамъ же на большую сумму исключить по пятидесяти рублей изъ каждой статьи.

II. Освободить содержателей казенныхъ, удѣльныхъ, дворцовыхъ и принадлежащихъ Кабинету Нашему имѣнiй всѣхъ наименованiй и оброчныхъ статей отъ разнаго рода взысканiй въ нижеслѣдующихъ предѣлахъ:

1) Всякаго рода начеты и недоимки, числящiяся по контрактамъ, срокъ дѣйствiя которыхъ прекратился за двадцать пять лѣтъ до дня Коронованiя Нашего,—сложить, за исключенiемъ той части этихъ начетовъ и недоимокъ, которую возможно покрыть удержанiемъ въ казнѣ залоговъ содержателей.

2) Сложить также пени, начисленные по день Коронованiя Нашего, а равно всѣ взысканiя, наложенныя по сей день за неправильную или излишнюю распахку земли.

3) Простить невзысканные по день Коронованiя Нашего убытки и начеты за разстройство строенiй и всякаго рода сооружений, за неудобренiе земли, за непосадку деревьевъ, неправильное веденiе хозяйственныхъ счетовъ, неспладу принадлежащаго къ имѣнiямъ и оброчнымъ статьямъ движимаго имущества и несоблюденiе другихъ контрактныхъ условiй, а также убытки казны, происшедшiе отъ недодержанiя имѣнiй и статей до окончанiя контрактныхъ сроковъ,—въ размѣрѣ не свыше трехсотъ рублей на каждое лицо, а если имѣнiя или статьи находились въ содержанiи крестьянскаго или мѣщанскаго общества, то по пятидесяти рублей съ cadaго домохозяина.

4) Не алагать на содержателей казенныхъ имѣнiй всѣхъ наименованiй и оброчныхъ статей взысканiй за несоблюденiе условiй, упомянутыхъ въ предшествующихъ п.п. 2 и 3 настоящей статьи сего Манифеста по тѣмъ окончившимся до дня Коронованiя Нашего арендамъ, по которымъ расчеты еще не заключены.

5) Изъ убытковъ казны, начтенныхъ, на основанiи ст. 1868 и 1916 т. X, ч. I, зак. гражд., по день Коронованiя Нашего за отказъ сьемщиковъ отъ заключенiя контрактовъ,—сложить ту сумму, которая превышаетъ размѣръ залоговъ.

III. Предоставить по возвращенiю ссудъ, произведенныхъ въ равное время лицамъ, обществамъ и сословiямъ, нижеслѣдующiя облегченiя:

1) Простить и со счетовъ сложить числящiяся по день Коронованiя Нашего долги по ссудамъ, выданнымъ изъ государственнаго казначейства, а равно изъ капиталовъ Министерства Государственныхъ Имуществъ: — государствен-

нимъ крестьянамъ, а также ямщикамъ, перешедшимъ въ крестьяне-собственники и въ другія сословія, какъ до воснослѣдованія Высочайше утвержденнаго 9 Іюня 1869 г., мѣня Государственнаго Совѣта объ устройствѣ ямщиковъ, водворенныхъ въ губерніяхъ Московской, Новгородской, С.-Петербургской и Тверской, такъ и послѣ 9 Іюня 1869 года — на покупку скота, на постройку домовъ и церквей, на образованіе вспомогательныхъ кассъ и на другіе предметы; казакамъ Черниговской губерніи — на содержаніе въ межевыхъ утѣжденіяхъ названной губерніи членовъ отъ казаковъ и кандидатовъ на эту должность; крестьянамъ-собственникамъ, бывшимъ колонистамъ Екатеринославской губерніи, Новомосковского уѣзда, въ 1825 г.—на водвореніе и на другіе предметы; эстонцамъ въ 1862—1866 гг.—на водвореніе ихъ въ Криму; поселенцамъ въ Сибирь—на обзаведеніе по случаю вступленія въ бракъ съ поселенками.

2) Всѣ произведенныя изъ казенныхъ суммъ на покрытіе издержекъ во переселенію съ 1860 г. въ Таврическую губернію славятъ разныхъ наименованій, на выдачу имъ ссудъ по разнымъ предметамъ, на покупку въ неурожайные годы хлѣба, расходы, подлежащіе по сѣмъ ст. 290, 293 и 296 уст. о кол. (свод. зак. т. XII ч. II) возврату съ бывшихъ колонистскихъ обществъ, нымъ крестьянъ-собственниковъ, — съ означенныхъ обществъ не взыскивать, принявъ эти расходы на счетъ казны безвозвратно.

3) Сложить со счетовъ накопившіяся по день Коронованія Нашего недоимки въ размѣрѣ, не превышающемъ ста пятидесяти рублей по каждой отдѣльной ссудѣ изъ числа выданныхъ Мурманскимъ переселенцамъ, которые, воспользовавшись такими ссудами, дѣйствительно приняли ослѣдность на Мурманскомъ берегу.†

4) Исключить изъ счетовъ суммы, употребленныя за границею на содержаніе, леченіе и возвращеніе въ Россію разныхъ лицъ недостаточнаго состоянія.

5) Оставить безъ взысканія числящіяся по день Коронованія Нашего въ недоимкѣ за дворянствомъ разныхъ губерній денежныя позаймствованія изъ бывшаго государственнаго земскаго сбора на разныя нужды дворянства, если со времени первоначальнаго распоряженія о позаймствованіи протекло болѣе десяти лѣтъ.

6) Изъ числа остающихся невзысканными по день 'Коронованія Нашего процентовъ за просрочку платежей по ссудамъ, выданнымъ изъ государственнаго казначейства и изъ фундушскаго капитала частнымъ лицамъ и обществамъ, по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ и на основаніи закона о ссудахъ изъ фундушскаго капитала,—простить и изъ счетовъ исключить сумму таковыхъ процентовъ, накопившуюся за время не болѣе десяти лѣтъ, а съ тѣхъ заемщиковъ, на которыхъ упомянуты проценты числятся за большее время, сложить эти проценты лишь за десять лѣтъ.

7) Сложить со счетовъ числящіеся по день Коронованія Нашего долги и недоимки изъ казенныхъ и горнозаводскихъ суммъ, выданныхъ по разнымъ случаямъ въ ссуду и въ счетъ заработка бывшимъ мастеровымъ, непрестаннымъ и урочнымъ работникамъ до увольненія ихъ отъ обязательной службы, а также не подвергать взысканію долговъ на сумму не выше ста пятидесяти рублей, образовавшихся на мастеровыхъ и рабочихъ при исполненіи ими работъ и при поставкѣ матеріаловъ и припасовъ на казенныя горныя заводы, по недоимкамъ же въ сѣмъ послѣднихъ долгахъ на большую сумму — исключать по ста пятидесяти рублей изъ каждой статьи.

8) По ссудамъ, выданнымъ изъ казны по день Коронованія Нашего изъ

дамъ и обществамъ по случаю пожаровъ, наводненій и другихъ несчастныхъ обстоятельствъ, равно по ссудамъ, выданнымъ, въ прежнее время, обывателямъ форштадтовъ Динабургской и Вобруйской крѣностей по Высочайшимъ повелѣніямъ, на переносъ домовъ на вновь назначенныя мѣста, — сложить со счетовъ и простить всѣ недоимки и проценты за просрочку, числящіеся на такихъ заемщикахъ, съ которыхъ поступившіе по день Коронованія Нашего платежи, вмѣстѣ съ процентами и пеней, покрываютъ первоначальный капитальный долгъ; а съ прочихъ заемщиковъ сложить по таковымъ ссудамъ проценты за просрочку платежей, равно числящіеся по день Коронованія Нашего недоимки, не превышающія по каждой отдѣльной ссудѣ трехъ сотъ рублей; съ тѣхъ же заемщиковъ, на коихъ недоимки по сказаннымъ ссудамъ превышаютъ этотъ размѣръ, — исключить изъ недоимки триста рублей съ каждаго заемщика. По ссудамъ, впоследствии пересроченнымъ, сложению подлежатъ только недоимки новыхъ срочныхъ платежей, хотя бы въ разсроченномъ вновь капиталѣ и заключались причисленныя къ оному при такой пересрочкѣ недоимки срочныхъ платежей по первоначальной разсрочкѣ.

9) Сложить также суммы, числящіеся по день Коронованія Нашего въ недоимкѣ по ссудамъ, выданнымъ въ разное время изъ бывшаго конно-заводскаго капитала по случаю пожаровъ жителямъ слободъ, состоящихъ при Хрѣновскомъ, Ново-Александровскомъ и Деркульскомъ государственныхъ конскихъ заводахъ.

IV. Силу предшествовавшихъ статей I и III настоящаго Манифеста, за исключеніемъ особо указанныхъ въ сихъ статьяхъ случаевъ, не распространять какъ на недоимки по бывшимъ питейнымъ откупамъ, по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, на недоимки въ патентномъ и акцизномъ съ разныхъ статей сборахъ и въ платежѣ за акцизные свидѣтельства на право приготовленія и продажи табаку, на недоимки и недоборы по сборамъ таможеннымъ, такъ и на недоимки въ земскихъ повинностяхъ, въ капиталахъ народнаго продовольствія, по ссудамъ изъ государственныхъ кредитныхъ установленій и государственнаго казначейства, на взысканія суммъ, принадлежащихъ къ городскимъ доходамъ, общественнымъ и мірскимъ сборамъ и вообще къ сборамъ и доходамъ сословнымъ и особымъ учреждений.

V. Простить и сложить на нижеслѣдующихъ основаніяхъ невзысканные еще казенные по службѣ начеты, ущербы и утраты, причиненные такими дѣйствіями или упущеніями, которыя послѣдовали до дня Коронованія Нашего.

1) Тѣ ущербы и утраты, по которымъ дѣла ко дню Коронованія Нашего еще окончательно не рассмотрѣны или и не начаты, оставить безъ преслѣдованія, когда сумма оныхъ составлять не болѣе трехсотъ рублей по каждой отдѣльной отчетности за годовой періодъ времени, или не болѣе трехсотъ рублей на каждое подлежащее отвѣтственности лицо.

2) Изъ начетовъ, ущербовъ и утратъ, кои ранѣе дня Коронованія Нашего уже предписаны ко взысканію, или дѣла по коимъ окончательно рассмотрѣны, сложить тѣ, которые въ первоначальномъ составѣ или въ остаткахъ, за произведеннымъ взысканіемъ или сложеніемъ, не превышаютъ какъ общо сум-

мою, такъ по раскладкѣ ихъ на отвѣтственные лица трехсотъ рублей съ каждаго лица.

3) Изъ начетовъ, уцербовъ и утратъ, превышающихъ означенную въ предшествующихъ пп. 1 и 2 настоящей статьи сего Манифеста сумму, сложить съ каждаго лица, взысканію подлежащаго, триста рублей.

4) Всѣ начеты по ревизіи отчетности за послѣднюю войну съ Турціею за переборъ жалованья, столовыхъ, суточныхъ, порціоновъ, прогонныхъ денегъ и иныхъ видовъ личнаго довольствія, унадающіе на офицеровъ и врачей частей войскъ, принимавшихъ въ сей войнѣ участіе,—сложить, безъ ограниченія суммы, по дѣламъ какъ окончательно разсмотрѣнныхъ, такъ и находящихся въ производствѣ. Новыхъ дѣлъ по взысканію начетовъ этого рода за время послѣдней съ Турціею войны не возбуждать.

5) Изъ начетовъ за время той же войны, по перетребованію разныхъ видовъ денежнаго и матеріальнаго довольствія войскъ, когда начеты сии слѣдуютъ къ пополненію изъ экономическихъ или хозяйственныхъ суммъ частей войскъ, принимавшихъ участіе въ войнѣ, сложить тѣ, которые не превышаютъ тысячи двухсотъ рублей на каждую часть и по каждому виду довольствія. Изъ начетовъ, превышающихъ эту сумму, сложить по тысячѣ двѣсти рублей съ каждой части войскъ по каждому виду довольствія.

6) Дѣла объ убыткахъ казны отъ неправильнаго или небрежнаго храненія казеннаго имущества въ продовольственныхъ, вещевыхъ и иныхъ матеріальныхъ складахъ на театрѣ бывшей войны съ Турціею, въ Румыніи и прилегающихъ мѣстностяхъ Имперіи, объявленныхъ на военномъ положеніи,—прекратить, если по дѣламъ сими не возникаетъ обвиненія въ растратѣ, а также въ причиненіи ущерба казнѣ завѣдомо съ корыстною или иною противозаконною цѣлью, и убытки тѣ оставить безъ преслѣдованія.

7) Начеты за выдачи, безъ разрѣшенія надлежащаго начальства и внѣ установленнаго порядка, наградъ и пособій всякаго рода изъ остатковъ штатныхъ или конфискаціонныхъ суммъ, произведенныя до дня Коронованія Нашего,—оставить безъ преслѣдованія.

8) По ущербамъ и утратамъ, причиненнымъ казнѣ по день Коронованія Нашего упущеніями по службѣ, равно по перетребованію по сей день казенныхъ денегъ или иного имущества, когда признанный недостатокъ подлежитъ взысканію въ пользу казны съ виновныхъ, или съ поручителей ихъ, или же съ другихъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ, вдвое—взыскать только одну капитальную сумму. Процентовъ, гдѣ таковыя за нарушеніе казенныхъ интересовъ по дѣламъ сего рода полагаются и кои еще не поступили куда слѣдовало—не взыскивать за время до дня Коронованія Нашего, независимо отъ суммъ ихъ.

9) Всѣ казенные денежные начеты по службѣ, падающіе на наслѣдниковъ лицъ, подлежавшихъ взысканію и умершихъ прежде настоящаго дня, а равно и на пенсіи вдовъ и сиротъ ихъ,—простить, не подвергая взысканіямъ и тѣхъ лицъ, которые, въ случаѣ недостатка имѣнія означенныхъ наслѣдниковъ, должны были за нихъ отвѣтствовать.

10) Всѣ казенные начеты, подлежащіе къ пополненію съ лицъ, привлекаемыхъ къ денежной отвѣтственности, вслѣдствіе несостоятельности прямыхъ отвѣтственныхъ лицъ, а также и наслѣдниковъ ихъ, по ущербамъ, убыткамъ и утратамъ, причиненнымъ казнѣ до дня Коронованія Нашего,—сложить, безъ ограниченія суммы.

11) Оставить безъ преслѣдованія всѣ казенные по службѣ убытки, ущербы

и утраты, причиненные дѣйствіями или упущеніями, со времени которыхъ до дня Коронованія Нашего протекло не менѣе десяти лѣтъ.

12) Силу предыдущихъ пунктовъ настоящей статьи сего Манифеста не распространять: на суммы, казнѣ не принадлежащія и хотя находящіяся въ распоряженіи Правительства, но имѣющія специальное назначеніе; на похитившихъ или растратившихъ казенную или принадлежащую учрежденнымъ отъ Правительства установленіямъ какого-либо рода собственность, когда храненіе оной было имъ ввѣрено постоянно или временно, а также на причинившихъ ущербъ казнѣ завѣдомо съ корыстною или иною противозаконною цѣлю, и на дѣйствія, по которымъ отчеты еще не представлены ко дню Коронованія Нашего.

VI. Простить и не взыскивать начтенные или причитающіеся, но еще не поступившіе въ казну до дня Коронованія Нашего: тѣ изъ штрафовъ за нарушеніе правилъ устава о гербовомъ сборѣ 17 апрѣля 1874 года, которые опредѣлены ко взысканію за пять и болѣе лѣтъ до дня Нашего Коронованія; штрафы за неимѣніе установленныхъ документовъ, какъ по первой и второй гильдіи, такъ и промысловыхъ (на мелочной, развозной и разносной торгѣ, на мѣшанскіе промыслы) и прикащикскихъ; штрафы за вступленіе разныхъ лицъ въ подрады и поставки на суммы, превышающія права ихъ по торговлѣ и за другія нарушенія, предусмотрѣнныя въ положеніи о пошлинахъ за право торговли и промысловъ (ст. 113, 115—123 прилож. къ ст. 464 свод. зак. т. V уст. о пошлин. по прод. 1876 г., и наложенныя прежними судебными установленіями штрафы за неправильное вчинаніе исковъ и за неправую апелляцію. Дѣйствіе настоящей статьи не распространяется на тѣ части штрафовъ, которыя слѣдуютъ въ пользу богоугодныхъ заведеній, судей и секретарей присутственныхъ мѣстъ и открывателей нарушеній, а также въ городской доходъ.

VII. Лицамъ, учинившимъ по день Коронованія Нашего преступленія и проступки, даровать милости и льготы на нижеслѣдующихъ основаніяхъ:

1) Всѣхъ, совершившихъ преступленіе или проступокъ, за которые опредѣлены, по закону, какъ высшее наказаніе, денежное взысканіе не свыше трехсотъ рублей, внушенія, замѣчанія и выговоры, арестъ, заключеніе въ тюрьмѣ, заключеніе въ смиренительномъ домѣ и крѣпости, не соединенное съ лишеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, или служебнымъ взысканіямъ, въ п. п. 2—9 ст. 65 улож. о наказ. исключенныя; всѣхъ виновныхъ въ составленіи подложныхъ на жителство видовъ или въ проживательствѣ съ видомъ подложнымъ (ст. 975—977 улож. о наказ.), буде они при семъ не обвиняются въ преступленіяхъ болѣе важныхъ; равно всѣхъ виновныхъ въ учиненіи нарушеній дѣснаго устава, произведенныхъ въ дѣсахъ казенныхъ, удѣльныхъ, дворцовыхъ, кабинетскихъ, коннозаводскихъ, бывшихъ корабельныхъ и горнаго вѣдомства, а также въ нарушеніяхъ правилъ по судоходству и сплаву дѣса и дровъ, въ нерасчисткѣ

рѣкъ и каналовъ отъ затонувшихъ судовъ и въ неумышленномъ поврежденіи сооружений на водныхъ путяхъ, хотя бы таковыя лица подлежали за сія дѣянія денежнымъ взысканіямъ и свыше трехсотъ рублей,—противу коихъ, по день Коронованія Нашего, не было возбуждено уголовнаго преслѣдованія, или не послѣдовало судебного приговора, или постановленій о коихъ обвинительный приговоръ не вошелъ въ законную силу—отъ суда и наказанія освободить.

Милость сія не распространяется на лицъ, совершившихъ кражу, мошенничество, присвоеніе и растрату чужого имущества, издомство и лихоимство; на учинившихъ оскорбленія чести, преслѣдуемыя по частной жалобѣ; а равно на совершившихъ дѣянія, по коимъ денежныя взысканія поступаютъ не въ пользу казны, удѣла, дворцоваго вѣдомства и Кабинета Нашего и не въ капиталы на устройство мѣстъ заключенія.

Освобожденія, за силою сего Манифеста, отъ наказанія не извѣщаетъ виновнаго: отъ обязанности вознагражденія за вредъ и убытки, отъ уплаты стоимости патента, торговаго или промышленнаго свидѣтельства, причитающагося акциза или инаго сбора, за исключеніемъ той части слѣдующихъ съ него денежных суммъ, которая подлежитъ сложенію въ силу предыдущихъ статей сего Манифеста, и не устраняетъ, въ установленныхъ законами случаяхъ, отобранія вещей и предметовъ, подлежащихъ конфискаціи, или сложеніи и исправленія неправильно построеннаго (ст. 68 уст. о пак., налаг. мир. суд.). Дѣла о нарушеніяхъ гѣснаго устава въ общихъ казенныхъ и частныхъ владѣльцевъ дачахъ, а равно спорныхъ между казною и частными лицами и въѣзжихъ должны быть приводимы къ окончанію, по установленнымъ для того правиламъ для опредѣленія мѣры вознагражденія, которое можетъ притомъ слѣдовать частнымъ лицамъ или сословіямъ.

2) По всѣмъ преступленіямъ и проступкамъ, по коимъ уголовное преслѣдованіе на основаніи сего Манифеста не подлежитъ прекращенію, учиненнымъ по день Коронованія Нашего, уменьшить сроки давности, законами уголовнымъ установленные, на одну треть.

3) Со всѣхъ приговоренныхъ къ денежному взысканію не свыше трехсотъ рублей, а по нарушеніямъ гѣснаго устава, произведеннымъ въ гѣсахъ казенныхъ, удѣльныхъ, дворцовыхъ, кабинетскихъ, коннозаводскихъ, бывшихъ корабельныхъ и горнаго вѣдомства, а также въ нарушеніяхъ правилъ по судоходству и сплаву гѣса и дровъ, въ нерасчисткѣхъ рѣкъ и каналовъ отъ затонувшихъ судовъ и въ неумышленномъ поврежденіи сооружений на водныхъ путяхъ и свыше сей суммы,—о коихъ приговоръ вошелъ по день Коронованія Нашего въ законную силу, но не приведенъ въ исполненіе, взысканіе сложить. Со всѣхъ же совершившихъ по день Коронованія Нашего дѣянія, подлежащія взысканію, превышающему триста рублей, назначать оное съ уменьшеніемъ на триста рублей, не распространяя однако такого сложенія или уменьшенія на взысканія за вредъ и убытки, уплату стоимости патента, торговаго или промышленнаго свидѣтельства, причитающагося акциза или инаго сбора, за исключеніемъ той части слѣдующихъ съ нихъ денежных суммъ, которая подлежитъ сложенію въ силу предыдущихъ статей сего Манифеста, и не устраняя отобранія вещей и предметовъ, подлежащихъ конфискаціи, и обязанности сложенія и исправленія неправильно построеннаго, а равно не уменьшая взысканій, кои поступаютъ не въ пользу казны, удѣла, дворцоваго вѣдомства и Кабинета Нашего и не на устройство мѣстъ заключенія.

4) За совершенныя по день Коронованія Нашего дѣянія, подлежащія та-

кимъ денежнымъ взыскаііямъ, кои поступаютъ въ пользу казны, удѣла, дворянскаго вѣдомства и Кабинета Нашего или въ капиталы на устройство мѣстъ заключенія, въ случаѣ несостоятельности виновныхъ къ уплатѣ оныхъ, лично задержанію и отдачѣ въ общественныя работы или заработка не подвергать; тѣхъ, къ коимъ нынѣ примѣняются сіи мѣры взаимнѣ означенныхъ выше денежныхъ взысканій,—отъ личнаго задержанія и работъ освободить.

5) Всѣхъ, кои приговорены къ выговору, замѣчанію или внушенію, аресту, заключенію въ тюрьмѣ, заключенію въ смиренительномъ домѣ и крѣпости, не соединенному съ потерей нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, но о коихъ приговоры, вошедшіе по день Коронованія Нашего въ законную силу, не приведены въ исполненіе, или кои отбываютъ нынѣ сіи наказанія,—простить и отъ наказанія освободить.

Милость сія не распространяется на осужденныхъ или отбывающихъ вышеисчисленныя наказанія за кражу, мошенничество, присвоеніе и растрату чужого имущества, издомство и лихоимство, а равно и за оскорбленія чести, преслѣдуемыя по частной жалобѣ. Наказаннымъ же или приговореннымъ за сіи преступленія уменьшить назначенные судомъ сроки заключенія на одну треть. Въ той же мѣрѣ уменьшать сроки сихъ родовъ заключенія совершившимъ сіи преступленія по день Коронованія Нашего, о коихъ приговоры еще не вошли въ законную силу, или о коихъ производства не было еще возбуждено.

Равномѣрно даруемъ Мы прощеніе и освобождаемъ отъ наказанія всѣхъ осужденныхъ по день Коронованія Нашего за составленіе подложныхъ на жительство видовъ и за прожительство съ видомъ подложнымъ, предоставляя тѣмъ изъ нихъ, кои были лишены всѣхъ или нѣкоторыхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ, права и преимущества, до осужденія имъ принадлежавшія.

6) Всѣмъ совершившимъ по день Коронованія Нашего преступленія и проступки, за кои они будутъ подлежать заключенію въ смиренительномъ домѣ и крѣпости, съ потерей нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, заключенію въ рабочемъ домѣ и въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ,—уменьшать при опредѣленіи наказанія назначаемый судомъ срокъ на одну треть; въ той же мѣрѣ сократить сроки лицамъ, по день Коронованія Нашего приговореннымъ къ симъ наказаніямъ, или отбывающимъ таковыя.

7) Всѣмъ совершившимъ по день Коронованія Нашего преступленія и проступки, за кои они будутъ подлежать ссылкѣ на житье въ Сибирь или въ отдаленныя губерніи, кромѣ Сибирскихъ, а равно осужденнымъ или отбывающимъ нынѣ сіи наказанія, даровать право: для сосланныхъ въ отдаленныя губерніи, кромѣ Сибирскихъ, по истеченіи десяти лѣтъ, а для сосланныхъ на житье въ Сибирь, по истеченіи пятнадцати лѣтъ со дня вступленія приговора въ законную силу,—свободнаго избранія мѣстожительства въ предѣлахъ Европейской и Азіатской Россіи, за исключеніемъ столицъ и столичныхъ губерній и безъ возстановленія въ правахъ.

8) Въ видахъ облегченія участи лицъ, совершившихъ по день Коронованія Нашего преступленія, за кои они будутъ подлежать ссылкѣ на поселеніе, лицъ, нынѣ приговоренныхъ къ сему наказанію или отбывающихъ оное; лицъ, перешедшихъ по нынѣ изъ каторжныхъ работъ въ разрядъ ссыльнопоселенцевъ, а равно и имѣющихъ быть переведенными изъ каторги въ разрядъ ссыльнопоселенцевъ, буде они совершили преступленія до дня Коронованія Нашего,—предоставляемъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ и Генералъ-Губерна-

тору Восточной Сибири, по принадлежности, сокращать назначенный закономъ для перечисленія ссыльнопоселенцевъ въ крестьяне десятилѣтній срокъ для тѣхъ изъ ссыльнопоселенцевъ, которые втеченіи четырехъ лѣтъ вели себя совершенно одобрительно, занимались полезнымъ трудомъ и приобрѣли осѣдлость; а ссыльнопоселенцамъ, перечисленнымъ въ крестьяне, по истеченіи десяти лѣтъ со дня перечисленія разрѣшать избраніе мѣста жительства, за исключеніемъ столицъ и столичныхъ губерній, съ отдачею ихъ на пять лѣтъ подъ надзоръ мѣстной полиціи и съ признаніемъ ихъ, взаимѣ лишенія всѣхъ правъ состоянія, лишенными по ст. 43 улож. о нак. всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ, токмо безъ возстановленія правъ по имуществу.

9) Предоставляемъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ и Генералъ-Губернатору Восточной Сибири, по принадлежности, уменьшать тѣмъ изъ отбывающихъ внынѣ каторжныя работы, осужденныхъ за общія преступленія, кои добрымъ поведеніемъ и прилежаніемъ къ труду окажутся достойными снисхожденія, — назначенные судомъ сроки каторги, но не болѣе какъ на одну треть, а безсрочную каторгу замѣнить срочною на двадцать лѣтъ.

10) Лицамъ должностнымъ, подвергнутымъ по день Коронованія Нашего взысканіямъ въ п.п. 2—9 ст. 65 улож. о нак. исчисленнымъ, — не считать таковыми взысканія препятствіемъ къ дальнѣйшему прохожденію службъ и къ полученію пенсій и наградъ, за исключеніемъ знаковъ отличія безпорочной службъ и ордена св. Владиміра, за выслугу лѣтъ.

VIII. Лицъ, учинившихъ такія противозаконныя дѣянія, или такія нарушенія установленныхъ правилъ, за которыми они подлежатъ или подвергнуты денежному взысканію, налагаемому въ порядкѣ административномъ, — освободить отъ такового взысканія въ тѣхъ же размѣрахъ и съ тѣми же изъятіями, которые опредѣлены въ п.п. 1, 3 и 4 предъидущей ст. VII сего Манифеста, если только взысканія сіи не подлежатъ сложенію въ большемъ размѣрѣ по другимъ статьямъ сего Манифеста.

IX. Лѣсныхъ чиновъ и стражей, или, при несостоятельности сихъ послѣднихъ, крестьянъ всѣхъ наименованій, подвергнутыхъ или подлежащихъ денежнымъ взысканіямъ, за недосмотръ невѣдѣнью кѣмъ совершенныхъ до дня Коронованія Нашего лѣсомъстребленій или другихъ нарушеній уставовъ о лѣсахъ, — отъ означенныхъ взысканій освободить. Сія милость не распространяется на лѣсныхъ чиновъ и стражей, завѣдомо дозволившихъ кому либо нарушить существующія по лѣсной части постановленія.

X. Наслѣдниковъ виновныхъ лицъ, а также подлежащихъ отвѣтственности вслѣдствіе несостоятельности самихъ виновныхъ, на которыхъ не распространяются льготы, указанныя въ пп. 9 и 10 ст. V сего Манифеста, — отъ денежной передъ казною отвѣтственности освободить, если со времени преступнаго дѣянія до дня Коронованія Нашего истекло десять лѣтъ.

XI. Платежи, уже поступившіе ко дню Коронованія Нашего, на

пополненіе упомянутыхъ въ семъ манифестѣ денежныхъ взысканій и недоимокъ, по всѣмъ сборамъ и платежамъ, за исключеніемъ упомянутыхъ въ пп. 1, 2 и 6 ст. I сего манифеста, а равно суммы, имѣющіяся на пополненіе оныхъ въ распоряженіи разныхъ правительственныхъ учрежденій, возврату или зачету за другіе платежи не подлежатъ.

ХII. Осужденнымъ по день Коронованія Нашего за бродяжество, кои обнаружатъ званіе свое и состояніе, по удостовѣреніи сего мѣстнымъ судомъ, дозволить возвратиться въ ихъ общества, или дозволить приписаться къ другимъ обществамъ, буде тѣ или другія общества изъявятъ на то согласіе; лицамъ же не обязаннымъ приписаться къ обществамъ, дозволить возвратиться въ предѣлы Европейской Россіи.

ХIII. Лицамъ, сосланнымъ въ Сибирь въ административномъ порядкѣ по приговорамъ обществъ, состоявшимся до дня Коронованія Нашего, а равно высланнымъ на водвореніе за непринятіемъ ихъ до того же дня обществами, если они одобряются въ поведеніи, разрѣшается, по истеченіи трехъ лѣтъ со времени ихъ водворенія въ мѣстахъ переселенія, дозволенный имъ закономъ (т. XIV, уст. о ссыльн., ст. 896, по прод. 1876 г.) переходъ въ другія губерніи и общества, за исключеніемъ только тѣхъ, изъ которыхъ они удалены.

ХIV. Дарованное Намъ отъ Бога право миловать и щадить простирая на лицъ, совершившихъ преступныя дѣянія, Мы въ семъ манифестѣ, независимо отъ прощенія преступниковъ, могущихъ по самому свойству вины ихъ заслуживать полного снисхожденія, объемлемъ милостью Нашей и тѣхъ изъ числа болѣе тяжкихъ преступниковъ, кои смиреніемъ въ наказаніи, поведеніемъ и трудолюбивою жизнью обнаруживаютъ нравственное исправленіе.

Не сомнѣваясь, что такихъ, проявляющихъ искреннее раскаяніе и возвращающихся на путь добра, закона и истиннаго долга, возможно обрѣсти даже среди тѣхъ, кои, отступивъ отъ святой клятвы вѣрности Престолу, закону и Отечеству, впали въ преступленія государственныя, Мы въ настоящій день Коронованія Нашего за благо признали открытъ и сему разряду преступниковъ путь къ милости Нашей.

Посему не изъемля и государственныхъ преступниковъ отъ облегченій, даруемыхъ п.п. 1—7 статьи VII сего Манифеста, лицамъ, учинившимъ общеуголовныя преступленія или проступки:

1) Разрѣшаемъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ примѣнять, согласно особымъ указаніямъ Нашимъ, къ ссыльнопоселенцамъ изъ государственныхъ преступниковъ облегченія, указанныя въ п. 8 ст. VII сего Манифеста, а къ отбываю-

щимъ каторжныя работы облегченія, указанныя въ п. 9 той же ст. VII настоящаго Манифеста.

2) Разрѣшаемъ также Министру Внутреннихъ Дѣлъ, по соглашенію съ министромъ юстиціи, о тѣхъ учинившихъ преступленія государственныхыя, кои раскаяніемъ въ совершенныхъ ими преступленіяхъ и добрымъ поведеніемъ заслуживали бы смягченія, превышающаго размѣры, въ вышеприведенной статьѣ VII сего Манифеста установленныя, войти съ особымъ Намъ докладомъ.

3) Предоставляемъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ повергать на Наше усмотрѣніе участь тѣхъ изъ сосланныхъ въ административномъ порядкѣ или подчиненныхъ особому, полицейскому надзору за преступленія государственныхыя, кои по свойству вины ихъ, или по проявленному ими раскаянію заслуживаютъ снисхожденія, а равно освобождать отъ воспрещенія жительства въ определенныхъ мѣстностяхъ тѣхъ изъ подвергшихся сему ограниченію, возвращеніе коихъ въ эти мѣстности совмѣстимо съ требованіями общественнаго порядка и спокойствія.

4) Разрѣшаемъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ представлять Намъ ходатайства тѣхъ самовольно оставившихъ отечество, кои, удалившись за предѣлы государства, вслѣдствіе совершенныхъ ими государственныхъ преступленій, не изобличаются въ злодѣяніяхъ, наказуемыхъ по 241 ст. улож. о наказ., а между тѣмъ пожелаютъ возвратиться на родину и вѣрностью Престолу и Отечеству искупить свою прежнюю вину.

5) Тѣ дѣла о преступленіяхъ государственныхъ, по закону, давности не подлежащія (ст. 161 улож. о нак.), кои по день Нашего коронованія въ теченіи пятнадцати лѣтъ оставались безгласными, повѣляемъ предать забвенію и противъ виновныхъ въ сихъ преступленіяхъ уголовного преслѣдованія не возбуждать.

6) Повѣляемъ также предать забвенію дѣла о преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ въ ст. 246—248 улож. о наказ., кои по день коронованія Нашего оставались безгласными. Лицъ, обвиняемыхъ въ сихъ преступленіяхъ, или отбывающихъ за вину свою наказанія, отъ отвѣтственности и наказанія со всѣми онаго послѣдствіями освободить, даровать осужденнымъ къ лишенію правъ состоянія, вмѣстѣ съ законными дѣтьми, рожденными послѣ произнесенія надъ родителями ихъ приговоровъ, всѣ права имъ лично и по состоянію до осужденія принадлежавшія, токмо безъ правъ на имущество.

7) Горцамъ, высланнымъ разновременно, по распоряженію административной власти, за участіе въ происходившихъ на Кавказѣ безпорядкахъ, даруемъ полное и совершенное прощеніе.

8) Тѣмъ изъ понесшихъ наказаніе за участіе въ мятежѣ 1863 г. въ губерніяхъ царства польскаго и западныхъ, лицамъ различныхъ свѣтскихъ сословій и званій, коимъ, за облегченіемъ ихъ участи, дарованными Всемилостивѣйшими Незабвеннаго Родителя Нашего повѣленіями, 26 мая 1868 г., 13 мая 1871 г. и 9 января 1874 г., воспрещено лишь жительство въ столицахъ и губерніяхъ столичныхъ, царства польскаго, западнаго края и другихъ, а также вступленіе въ государственную и общественную по выборамъ службу, или кои остаются еще по нынѣ подъ полицейскимъ надзоромъ,—предоставляемъ, по совершенномъ освобожденіи ихъ изъ подъ надзора полиціи, право свободнаго избранія мѣстожительства, безъ всякихъ ограниченій, а равно право вступать въ государственную и общественную по выборамъ службу. Милость сія однако не можетъ распространяться на лицъ, осужденныхъ за убійства, истязанія, грабежи и поджоги, совершенныя для содѣйствія мятежу. Лица эти, а равно

и тѣ изъ бывшихъ участниковъ мятежа 1863 г., кои были въ Сибирѣ или другихъ мѣстностяхъ въ новыя преступленія, подчиняются токмо милостямъ, для общеуголовныхъ преступниковъ сямъ Манифестомъ постановляемымъ.

9) Лицъ, на коихъ распространится дѣйствіе указанной въ предъидущемъ пунктѣ милости и коимъ по особымъ Всемилоостивѣйшимъ повелѣніямъ еще не возвращены принадлежавшія имъ до осужденія права,—возстановляемъ, вмѣстѣ съ законными дѣтьми ихъ, рожденными послѣ осужденія, въ прежнихъ правахъ происхожденія, но безъ возвращенія однако этимъ лицамъ чиновъ, орденовъ, знаковъ отличія и правъ, службою приобретенныхъ, и безъ возстановленія въ правахъ по имуществу.

10) Ссылководовереннымъ, переселеннымъ изъ губерній царства польскаго и западныхъ въ Сибирь и въ отдаленныя губерніи имперіи,—даруемъ права, присвоенныя вообще податнымъ сословіямъ по ихъ состоянію. Тѣ изъ нихъ, которые, оставаясь въ податныхъ состояніяхъ, пожелаютъ водвориться на родинѣ, обязаны представить пріемный приговоръ того общества, къ которому намѣрены приписаться и уплатить въ мѣстахъ водворенія всѣ числящіяся на нихъ и не сложенные, по саму манифесту, казенныя недоимки. Не представившіе пріемныхъ приговоровъ могутъ водвориться на родинѣ, съ согласія мѣстнаго начальства, по усмотрѣнію котораго и приписываются къ обществамъ но безъ возстановленія правъ ихъ по имуществу.

11) Выходцевъ изъ губерній царства польскаго и изъ западныхъ губерній, какъ принявшихъ иностранное подданство, такъ и не принявшихъ онаго, по возвращеніи въ отечество, повелѣваемъ преслѣдованію за участіе въ мятежѣ 1863 г. не подвергать, подчинивъ лишь надзору полиціи на родинѣ или въ другихъ мѣстностяхъ имперіи, на два года; но истеченіи же сего срока разрешаемъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ освобождать такихъ выходцевъ отъ надзора по ходатайствамъ мѣстныхъ генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ по принадлежности, но безъ возстановленія правъ ихъ по имуществу. Милость сія также не распространяется на лицъ, осужденныхъ за убійства, истязанія, грабежи и поджоги, совершенные для содѣйствія мятежу; относительно сихъ послѣднихъ лицъ сохраняетъ свою силу установленный Высочайшимъ повелѣніемъ 18 іюня 1871 г. порядокъ разсмотрѣнія ходатайствъ выходцевъ изъ губерній царства польскаго и западныхъ, кои изъявятъ желаніе возвратиться въ Россію.

XV. Тѣ изъ состоящихъ подъ слѣдствіемъ и судомъ, кои силою сего Манифеста подлежатъ освобожденію отъ суда и наказанія, но по убѣжденію въ своей невинности пожелаютъ оправдаться предъ судомъ, могутъ, въ теченіи шести мѣсяцевъ со дня обнародованія Манифеста, просить о продолженіи или возобновленіи надъ ними слѣдствія и суда. Равнымъ образомъ, кто за дѣянія, до обнародованія сего манифеста учиненныя, будетъ впослѣдствіи подведенъ подъ силу онаго и не пожелаетъ тѣмъ воспользоваться, тотъ можетъ въ теченіи одного мѣсяца со дня объявленія состоявшагося о семъ постановленія, просить объ окончаніи дѣла его въ установленномъ закономъ порядкѣ. Тѣ и другія лица, въ случаѣ обвиненія ихъ, уже не могутъ подлежать прощенію по силѣ сего Манифеста.

XVI. О могущихъ возникнуть, относительно примѣненія правилъ сего Манифеста, сомнѣніяхъ, всѣ правительственныя мѣста обязаны входить съ представленіями въ Правительствующій Сенатъ, который въ случаяхъ, превышающихъ его власть, испрашиваетъ Наше разрѣшеніе установленнымъ порядкомъ.

XVII. О льготахъ и другихъ облегченіяхъ для подданныхъ Нашихъ великаго княжества Финляндскаго издается особое постановленіе.

Данъ въ Первопрестольномъ Градѣ Москвѣ въ пятнадцатый день мая, въ лѣто отъ рождества христова тысяча восемьсотъ восемьдесятъ третіе. Царствованія же Нашего въ третіе.

На единичномъ собственномъ Его Императорскаго Величества руковъ подписалъ:

АЛЕКСАНДРЪ.

Москва,
15-го мая 1883 года.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-ое іюня, 1888.

Пятнадцатое мая — день всенароднаго торжества. — Общая характеристика движеній въ русской общественной жизни. — Вопросъ о нашемъ самоуправленіи, и отвѣтъ проф. А. Д. Градовскаго по этому предмету. — Отчеты о призывѣ 1882 г. и конской переписи въ С.-Петербургѣ. — Слухи изъ педагогическаго міра. — По поводу проекта института ученыхъ акушеровъ. — Правила дѣйствій крестьянскаго поземельнаго банка, и кредитъ землевладѣльцамъ. — Дѣло кронштадтскаго банка, и фиктивные вклады. — Г. Катковъ о кабацѣ и интеллигенціи.

Все значеніе пережитаго нами радостнаго всенароднаго и всероссійскаго торжества 15-го мая, по отношенію къ которому Москва служила только историческимъ центромъ, какъ въ Пруссіи служилъ такимъ центромъ Кёнигсбергъ, колибель прусской монархіи и собиратель прусской земли, какъ средневѣковой Римъ служилъ тѣмъ же для германской священной имперіи, или Реймсъ для Франціи — можно исчерпать въ нѣсколькихъ словахъ: это былъ одинъ изъ *трехъ* дней, отдѣлявшихъ три эпохи доживаемаго нами XIX-го столѣтія! *22-ое августа 1826 года*, памятное, конечно, лишь тѣмъ немногимъ, кто равенъ или близокъ къ возрасту самого вѣка; *26-ое августа 1856 года*, незабвенное для многихъ, увидѣвшихъ физическій свѣтъ въ концѣ 20-хъ годовъ, но духовно и нравственно прозрѣвшихъ впервые въ этотъ день, и теперь — дожившихъ до третьяго дня нынѣшняго вѣка — *15-ю мая 1883 года*: такіе дни, служа гранью народной и общественной жизни, по всей справедливости, могутъ быть вездѣ названы „великими днями“, но ни въ одной странѣ они не достигаютъ такого огромнаго значенія, какъ у насъ.

Въ старинной Франціи, съ ея государственными формами, почти озаменѣвшими въ силу феодальныхъ преданій, сложилась даже невѣстная народная поговорка: „Le roi est mort, vive le roi!“ — король, такимъ образомъ, во Франціи не умиралъ, но именно потому, что съ физической смертію лица не умиралъ тогда вѣками сложившійся для всей

западной Европы феодальный строй; этотъ строй считалъ свой возрастъ и свои періоды не годами или десятилетиями лѣтъ человеческой жизни, а цѣлыми вѣками, и достигнувъ своихъ старческихъ лѣтъ застоя и одряхлѣнія, уступилъ мѣсто новымъ сочетаніямъ правительственныхъ и общественныхъ силъ, которыя въ XIX-мъ столѣтіи подверглись въ первый разъ новой разработкѣ, и конецъ ея предвидѣть теперь такъ же трудно, какъ трудно было, при началѣ среднихъ вѣковъ, угадать въ какія прочныя формы отоляется въ послѣдствіи борьба древняго римскаго элемента съ новымъ элементомъ германскихъ общинныхъ дружинъ.

Исторія нашего отечества, по крайней мѣрѣ, на своей поверхности, шла совершенно иными путями; правда, и на Западѣ нельзя безусловно отрицать личнаго вліянія, и тамъ перемѣна правительства во главѣ его не проходитъ совсѣмъ безслѣдно, но тамъ священный обрядъ коронованія, какъ торжественный и заключительный актъ, не можетъ имѣть такого высокаго значенія, какъ у насъ, гдѣ онъ служитъ почти исключительнымъ, а потому тѣмъ болѣе глубоко потрясающимъ душу моментомъ непосредственнаго прикосновенія верховной власти и земли другъ къ другу и ихъ, такъ сказать, таинственнаго сліянія, полнаго высокой поэзіи; такой моментъ въ жизни нашего народа можно сравнить съ ослѣпительной молніей, какъ бы внезапно и порывисто разрядившей электричество, накопившееся въ народныхъ тучахъ. Къ этой особенностямъ нашей исторіи нужно присоединить и то, что у насъ, импримѣръ, царствованіе императора Николая I не можетъ быть названо, въ отношеніи системы, прямымъ продолженіемъ царствованія императора Александра I, а еще менѣе явилось такимъ время императора Александра Николаевича по отношенію ко времени, ему предшествовавшему; притомъ, о царствованіи императоровъ Александра I и II нельзя даже сказать и того, чтобы конецъ ихъ правленія представилъ собою непрерывное развитіе началъ, положенныхъ ими въ основаніе внутренней политики при самомъ ихъ вступленіи на престолъ. Мы оставляемъ потому, въ настоящую минуту, за собою не просто эпоху императора Александра II, какъ нѣчто цѣлое, но и начало, и конецъ этой эпохи, которые могутъ быть разсматриваемы каждое, какъ особое время, имѣющее свое значеніе и свои весьма отличные другъ отъ друга принципы; конецъ не можетъ быть названъ не только дальнѣйшимъ развитіемъ, но даже иногда и простымъ охраненіемъ тѣхъ великихъ реформъ, которыя были совершены въ началѣ, несомнѣнно, съ цѣлью увеличить благоденствіе и славу Россіи. Вотъ почему наше общество и народъ должны были съ восторгомъ прочесть въ Высочайшемъ ма-

манифестъ, вслѣдъ за повтореніемъ „великаго обѣта царскаго званія“, высокоцарственную молитву Вѣнчаемаго Императора о ниспосланіи мудрости и силы „къ охраненію предоставленныхъ каждому правъ и всеобщей безопасности; къ возвеличенію благоденствія и славы возлюбленнаго Нашего Отечества“. Манифестъ не оставилъ безъ указанія и самаго способа отношеній къ тому, что составляло въ нашемъ близкомъ прошедшемъ его темную и глубоко прискорбную сторону, и поставилъ въ будущемъ задачей „умиротвореніе“ всего „смутеннаго“, согласно съ тѣмъ избравъ для достиженія такого умиротворенія мирный путь „укрѣпленія порядка и правды въ дѣлахъ“.

Наблюдая колеблющееся и прерывистое движеніе русской общественной жизни вообще, мы часто встрѣчаемъ возвращеніе къ мѣрамъ, уже испытаннымъ, къ взглядамъ, несостоятельность которыхъ давно, по видимому, перестала быть предметомъ спора. Нельзя сказать, чтобы эта черта составляла исключительную особенность нашего политическаго быта; но едва ли можно отвергать, что она свойственна ему болѣе, чѣмъ какому бы то ни было другому. Недовѣрчивость къ новымъ, завѣщанная иногда цѣлыми десятилѣтіями застоя, вела у насъ къ преувеличенію частныхъ неудачъ, неизбежныхъ въ дѣятельности новаго учрежденія, къ непризнаванію принесенной и постоянно приносимой имъ пользы. Всякій „сучокъ“, попадающійся на новомъ пути, возбуждаетъ среди насъ цѣлую бурю криковъ, заглушающую воспоминаніе о „бровнахъ“, которыми въ такомъ изобиліи загромождалась старая дорога. Ошибка въ преданіи суду, оправданіе сознавагося подсудимаго тотчасъ же вносятся въ обвинительный актъ противъ новыхъ судовъ; изъ небольшого числа случайныхъ фактовъ тотчасъ же выводится общее заключеніе, не принимающее въ разсчетъ ни вопіющихъ недостатковъ старой системы, ни громаднхъ достоинствъ порядка, поставленнаго на ея мѣсто. Въ томъ же духѣ и тѣми же средствами ведется походъ противъ самоуправленія, земскаго и городскаго. Пренебрегать нападеніями этого рода нельзя; крайне слабыя сами по себѣ, они заимствуютъ иногда немалую силу изъ обстоятельствъ переживаемой нами той или другой минуты.

Возможно ли у насъ, въ настоящее время, какое бы то ни было самоуправленіе, въ истинномъ, серьезномъ смыслѣ этого слова? Не заключается ли въ самыхъ условіяхъ нашего административнаго устройства залогъ неуспѣха для учреждений, уполномоченныхъ дѣйствовать отъ имени общества? Послушаемъ, что говоритъ по этому поводу писатель, котораго никакъ нельзя заподозрить въ пристрастіи къ старинѣ, въ враждѣ къ самоуправленію. „Понятіе о самоуправленіи“,

читаемъ мы въ изданномъ издавно третьемъ томѣ „Началъ русскаго государственнаго права“, А. Д. Градовскаго, „есть прежде всего понятіе *политическое*, опредѣляемое степенью участія общества не только въ административныхъ дѣлахъ мѣстности, но и въ общегосударственномъ управленіи. При существованіи опредѣленной формы правленія, вопросъ о системѣ управленія естественно обсуждается не съ одной точки зрѣнія ея хозяйственныхъ выгодъ и административныхъ удобствъ. Въ основаніи этого вопроса всегда лежитъ *политическое* соображеніе о томъ, какими способами обеспечивается господство данной государственной власти и прочность известной формы правленія“ (стр. 22, 35). Въ этихъ словахъ есть, безспорно, значительная доля истины: зависимость мѣстнаго управленія отъ общаго очевидна; вліяніе политической жизни на общественную не подлежитъ сомнѣнію въ глазахъ и Б. Н. Чичерина ¹⁾. Чѣмъ меньше сумма воздуха и свѣта, предоставленная въ пользованіе общества, тѣмъ скорѣе наступаетъ для мѣстныхъ выборныхъ учреждений моментъ утомленія, тѣмъ легче они поддаются апатіи и индифферентизму. Для самоуправленія, какъ и для всего остального, далеко не безразлична почва, на которой оно растетъ, атмосфера, которою оно дышитъ. Слѣдуетъ ли отсюда, что внѣ известной почвы, внѣ известной атмосферы, оно совершенно немислимо? Таковъ, по видимому, выводъ г. Градовскаго,—но едва ли таково заключеніе, вытекающее изъ указаній опыта и изъ самаго понятія о самоуправленіи. Самоуправленіе нельзя разсматривать какъ нѣчто абсолютное, всегда одинаковое и равное самому себѣ; оно имѣетъ свои ступени, свои разновидности, оно осуществляется съ большею или меньшею послѣдовательностью, съ большею или меньшею полнотою; условія, необходимыя для правильнаго, всесторонняго его развитія, не должны быть смѣшиваемы съ условіями, необходимыми для его существованія. „Самоуправленіе,—говоритъ г. Градовскій,—есть одна изъ формъ *управленія*, а *управлять* нельзя иначе, какъ при помощи административныхъ актовъ, обязательныхъ для жителей. Органы самоуправления являются *мѣстными властями*, въ рукахъ которыхъ сосредоточивается право обязательныхъ распоряженій, принятіе, въ случаѣ необходимости, мѣръ принудительныхъ, власть полицейская въ известной мѣрѣ, карательная. У насъ выборныя учрежденія не облечены властью, не могутъ сами понуждать къ исполненію своихъ распоряженій—слѣдовательно, ихъ нельзя считать органами самоуправления“. Соглашаясь съ первымъ положеніемъ г. Градовскаго, мы не допускаемъ, чтобы изъ него логически-неизбѣжно вытекали всѣ

¹⁾ См. «Вѣстн. Европы», 1888 г. № 8, Внутреннее Обозрѣніе, стр. 375.

остальныя. Самоуправленіе, конечно, есть *управленіе*—но оно не перестаетъ быть имъ и тогда, когда не соединено съ принудительною властью. *Актъ управленія* можно признавать всякое распоряженіе, обязательное для тѣхъ, кого оно касается. Вопросъ о томъ, въ чьихъ рукахъ находится санкція обязательности, т.-е. право принужденія—это скорѣе вопросъ удобства, чѣмъ принципа. Учрежденіе, располагающее всѣми орудіями административной власти, несомнѣнно сильнѣе и вліятельнѣе того, которое можетъ только приказывать, но не настоять на исполненіи приказанія; органами управленія, однако, они служатъ оба, отличаясь другъ отъ друга не свойствомъ, а объемомъ дѣятельности. Пояснимъ нашу мысль примѣромъ. Городская дума, на основаніи Городового положенія, имѣетъ право издавать обязательныя для городскихъ жителей постановленія, направленныя къ охраненію чистоты, къ предупрежденію повальныхъ болѣзней и т. п.; наблюденіе за точнымъ исполненіемъ этихъ постановленій принадлежитъ полиціи. Отдѣленіе власти распорядительной отъ власти исполнительной и принудительной уменьшаетъ, въ большинствѣ случаевъ, дѣйствительность мѣръ, принимаемыхъ думой, но не измѣняетъ характера ихъ, не уничтожаетъ ихъ значенія; дума все-таки остается органомъ самоуправления, а вмѣстѣ съ тѣмъ и управленія, въ томъ смыслѣ, какой придаетъ этому слову г. Градовскій.

Обусловливая возможность самоуправления участіемъ общества въ дѣлахъ общегосударственныхъ, г. Градовскій перечисляетъ тѣ отрасли мѣстнаго управленія, которыя имѣютъ политическую окраску, и приходитъ къ заключенію, что „различіе между политическими и административными задачами государства не тождественно съ различіемъ между государственными и общественными цѣлями: задачи политическія и административныя одинаково суть задачи *государственныя*“. Другими словами, такихъ задачъ мѣстнаго управленія, которыя бы вовсе не касались государственной власти, нѣтъ или очень мало; а такъ какъ государственная власть, въ странахъ, управляемыхъ безъ участія общества, не можетъ поступиться въ пользу общества ни одной стороною своей дѣятельности, то самоуправленіе, имѣющее дѣло именно съ задачами государственнаго свойства, оказывается здѣсь совершенно немислимымъ. Мы видимъ, однако, что къ предметамъ вѣдомства нашего вѣмства, нашихъ городовъ отнесено пошеченіе о народномъ здоровьѣ, о народномъ образованіи, т.-е. именно о такихъ задачахъ, которыя г. Градовскій считаетъ государственными по преимуществу. Практика расходится, такимъ образомъ, съ теоріей—или, лучше сказать, теорія грѣшитъ нѣкоторою исключительностью, нѣкоторою односторонностью. Идеаль самоуправленія—или, по меньшей мѣрѣ, та форма, которая вырабо-

талась для него въ Англіи—отождествляется съ самымъ понятіемъ о самоуправленіи; гдѣ оно не подходитъ подъ заранѣе данный образъ, тамъ оно, въ глазахъ автора, вовсе не существуетъ. Понимая какъ нельзя лучше источникъ такого взгляда, признавая, что въ основаніи его лежитъ вполне вѣрная мысль о тѣсной внутренней связи между дѣлами мѣстными и общими, между самоуправленіемъ и „формой правленія“, мы считаемъ необходимымъ возразить противъ его преувеличенія, въ особенности въ виду тѣхъ выводовъ, которые могутъ быть сдѣланы изъ него вопреки желанію и намѣренію автора. Если установленіе истиннаго самоуправления, т.-е. облечение выборныхъ учреждений исполнительной властью, невозможно безъ перенесенія перемѣны въ государственномъ строѣ, то не слѣдуетъ ли—такъ могутъ сказать одни—отказаться отъ всякой мысли объ улучшеніи нашего мѣстнаго управленія, о пересмотрѣ, съ этою цѣлью, земскаго и городского положеній? Не слѣдуетъ ли—могутъ сказать другіе—отложить въ сторону всякую надежду на дѣятельность существующихъ земскихъ и городскихъ учреждений, прекратить всякое участіе въ ней и сложить руки, въ ожиданіи лучшаго будущаго? Чтобы освободиться отъ такихъ сомнѣній, стоить только бросить взглядъ на прошедшее и настоящее нашего самоуправления, останавливаясь не на названіи, можетъ быть и не совсѣмъ точномъ, а на самой сущности дѣла. Мы коснемся, на этотъ разъ только небольшого уголка обширной области—городскаго самоуправления въ столицахъ, какъ болѣе знакомаго нашимъ читателямъ, и притомъ выдвинутаго на первый планъ недавними слухами о возстановленіи прежняго петербургскаго градоначальства.

Недостатки Городового Положенія 1870 г. нигдѣ не замѣтны въ такой степени, какъ именно въ столицахъ; нигдѣ не чувствуется такъ сильно отстраненіе цѣлыхъ классовъ населенія отъ участія въ общемъ, для всѣхъ одинаково важномъ дѣлѣ, искусственность избирательной системы, пробѣлы въ городскомъ представительствѣ, предпочтеніе однихъ сословій, однихъ группъ передъ другими. Нигдѣ самостоятельность дѣйствій городского управленія не встрѣчается столько преградъ, столько затрудненій; достаточно припомнить, что до 1881 г. петербургское городское управленіе стояло лицомъ къ лицу съ градоначальникомъ, облеченнымъ чрезвычайными правами, а московское городское управленіе до сихъ поръ стоитъ лицомъ къ лицу съ военнымъ генералъ-губернаторомъ. Нигдѣ городской бюджетъ не обремененъ такою массою обязательныхъ расходовъ, назначеніе и цифра которыхъ опредѣляется независимо отъ города, даже безъ предварительнаго совѣщанія съ нимъ. Городскому управленію нигдѣ не предстоитъ задачъ болѣе широкихъ, болѣе сложныхъ, болѣе

разнообразныхъ. Малѣйшій шагъ впередъ, сдѣланный при условіяхъ столь тяжелыхъ, долженъ быть поставленъ въ активъ нашего самоуправления. Отрицать наличность такого шага было бы невозможно даже тогда, еслибы намъ была извѣстна только дѣятельность столичныхъ думъ въ области народнаго образованія. Удесатерить, въ теченіе пяти съ половиною лѣтъ, число начальныхъ школъ и цифру расходовъ на народное образованіе—это такая заслуга, которая одна перевѣшиваетъ множество ошибокъ и упущеній. Читатели „Вѣстника Европы“ знаютъ, что съ увеличеніемъ числа начальныхъ школъ въ столицахъ плѣ рука объ руку и улучшеніе ихъ качества, что школы, организованныя и поддерживаемыя думскими училищными коммиссіями, не имѣютъ ничего общаго съ приходскими училищами, кое-какъ влечившими свою жизнь до 1877 г. Слабость нашего самоуправления не помѣшала ему, такимъ образомъ, взяться за одну изъ тѣхъ задачъ, которыя г. Градовскій справедливо относитъ къ числу государственныхъ, и приблизить ее къ разрѣшенію, котораго она напрасно ждала въ продолженіе цѣлаго вѣка. Не столь поразительны, но тѣмъ не менѣе несомнѣнны успѣхи столичнаго самоуправления и на другихъ дорогахъ. Петербургская городская Дума до сихъ поръ, напримѣръ, не получила еще въ свое завѣдываніе городскихъ больницъ; она находится, по отношенію къ нимъ, въ томъ же положеніи, въ какомъ находилась до 1877 г. по отношенію къ городскимъ начальнымъ школамъ—въ положеніи обязательнаго плательщика, устраненнаго отъ участія въ оплачиваемомъ имъ дѣлѣ. Тѣмъ не менѣе, первое десятилѣтіе дѣйствія Городового положенія въ Петербургѣ не прошло безслѣдно и въ области медицинско-санитарной. Къ этому времени относится постройка большой барачной больницы и городского пріюта для призрѣнія душевно-больныхъ, увеличеніе числа родильныхъ пріютовъ, открытіе двухъ загородныхъ кладбищъ, организація санитарнаго надзора, въ особенности за школами, составленіе обязательныхъ постановленій по санитарной части, устройство новыхъ скотобоенъ, ассигнованіе суммъ на постройку рынка на Сѣнной площади. Въ теченіе того же десятилѣтія дума положила основаніе правильной городской статистикѣ, возстановила равновѣсіе между городскими доходами и расходами, отклонила угрожавшее городу сосредоточеніе извозничьяго промысла въ рукахъ одной привилегированной компаніи, поддерживаемой градоначальствомъ того времени, поставила на очередь и подготовила къ разрѣшенію множество вопросовъ, существенно важныхъ для городского хозяйства, и подробности которыхъ можно найти въ издаваемыхъ Думою „Извѣстіяхъ“.

Списку того, что сдѣлано петербургскою Думою, весьма легко было бы противопоставить не менѣе длинный списокъ того, что могло

бы быть сдѣлано, но не сдѣлано ею. Заключение наше, однако, отъ этого нисколько бы не измѣнилось. Намъ не интересуется вопросъ о томъ, чего заслуживаетъ, въ концѣ концовъ, десятилѣтняя дѣятельность петербургской думы — похвалы или порицанія; намъ нужно только установить, что самоуправленіе, даже въ Россіи, даже въ наше время, даже при дѣйствіи неблагоприятныхъ ему законовъ и подъ гнетомъ враждебныхъ ему привычекъ, можетъ быть далеко не безплоднымъ. Въ сравненіи съ предыдущей эпохой, послѣднее десятилѣтіе столичнаго управленія бесспорно должно быть названо періодомъ жизни и движенія. Оно даетъ понятіе о томъ, чего можно было бы достигнуть при другомъ, болѣе правильномъ устройствѣ городского представительства, при другой, болѣе нормальной его обстановкѣ. Слабости и болѣзни самоуправленія коренятся здѣсь, какъ и вездѣ, не въ разрывѣ съ стариной, а въ недостаточности, неполнотѣ этого разрыва. Замѣнивъ сословную думу безсословною, Городовое положеніе сохранило рѣзкое разлічіе между составными частями городского населенія, сохранило отчасти, *de facto*, самый принципъ сословности. Провозгласивъ самостоятельность городского управленія, оно не только не обезпечило за городомъ полного обладанія всѣми городскими средствами, но и не опредѣлило, въ отношеніяхъ города къ администраціи, такой границы, за которою административный контроль не могъ бы болѣе переходить въ произвольное вмѣшательство. Если въ результатѣ, полученномъ при такихъ условіяхъ, положительная сторона не слишкомъ уступаетъ отрицательной, то живучесть начала, о которомъ мы говоримъ, можетъ считаться доказанною.

Сравнительно съ противоположной системой, самоуправленіе имѣетъ еще два преимущества, особенно драгоцѣнные у насъ въ Россіи. Первое изъ нихъ — это просторъ въ раскрытіи его недостатковъ и злоупотребленій. Если намъ чаще приходится читать о безпорядкахъ въ средѣ земскихъ и городскихъ управъ, о прегрѣшеніяхъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, чѣмъ о соответствующихъ явленіяхъ въ административной сферѣ, то объясненіемъ этому служитъ, по крайней мѣрѣ отчасти, отсутствіе, въ первомъ случаѣ, той стѣны, съ которою все еще сталкиваешься въ послѣднемъ, и полная свобода печати въ указаніи его недостатковъ и промаховъ земскаго и городского самоуправленія, которою печать и пользуется широко, какъ бы желая тѣмъ возмѣстить свои неудачи при встрѣчѣ съ стѣною, отдѣляющею ее отъ администраціи. Эта стѣна, правда, теперь не такъ неприступна, какъ была вѣсколько десятилѣтій тому назадъ — но она несомнѣнно существуетъ, многое прикрывая и заслоняя. Между гласностью и закулисными сторонами земскаго

или городского самоуправления стоитъ только судъ, съ закономъ о диффамаци; другой, сосѣдній міръ охраняется, сверхъ того, боязнью административной кары и тѣмъ традиціоннымъ страхомъ, который не перестали еще внушать власть имѣющія лица. Понятіе о диффамаци исчезнетъ, нужно надѣяться, съ изданіемъ новаго уголовного уложенія; привилегіямъ канцеляріи положить конецъ только перемѣна въ нравахъ, всегда болѣе медленная, чѣмъ перемѣна въ законахъ. Обвиненіе въ диффамаци грозитъ, притомъ, только тому, кто направляетъ свои удары противъ опредѣленнаго лица; противъ выборнаго учрежденія, какъ коллективной единицы, можно сказать весьма многое, не рискуя ни малѣйшею отвѣтственностью. Въ иномъ положеніи находится тотъ, кто хочетъ говорить о тѣневыхъ сторонахъ административныхъ учреждений; цѣлое защищается здѣсь, сплошь и рядомъ, съ такою же энергіей, какъ и отдѣльныя части. Въ параллеляхъ, проводимыхъ между самоуправленіемъ и бюрократіей, это различіе никогда не должно быть упускаемо изъ виду. Весьма можетъ быть, что изъ числа обвиненій, вводимыхъ на ту или другую городскую думу или управу, на то или другое земство, — многія не лишены фактическаго основанія; но самая возможность открытаго, прямого формулированія подобныхъ обвиненій служить ручательствомъ въ томъ, что констатируемому ими злу не суждено бѣзмятежное и неопредѣленно-продолжительное существованіе.

Другое преимущество самоуправленія, отчасти связанное съ первымъ, заключается въ болѣе подвижности его, болѣе податливости на нововведенія, меньшей зависимости отъ рутинны. Оно чаще и легче отзывается на требованія жизни, рѣже довольствуется повтореніемъ задовъ, машинальнымъ прохожденіемъ одного и того же пути, въ одномъ и томъ же направленіи. Доказательства этому разсѣяны на каждой страницѣ исторіи земскихъ и городскихъ учреждений; мы остановимся только на томъ, что намъ даетъ настоящая минута. Передъ нами два отчета, только-что вышедшіе изъ печати: отчетъ петербургскаго городского по воинской повинности присутствія о производствѣ очереднаго призыва 1882 г. и отчетъ уполномоченнаго отъ того же присутствія, гласнаго городской думы Г. В. Лермонтова, о второй конской переписи по городу Петербургу. И тамъ, и тутъ, мы видимъ одну и ту же характеристическую черту: живое отношеніе къ дѣлу, чуждое формализма, идущее гораздо дальше простой канцелярской исполнительности. Когда введенъ былъ въ дѣйствіе уставъ о воинской повинности, городъ Петербургъ былъ раздѣленъ на восемь призывныхъ участковъ; въ каждомъ изъ нихъ призывъ производился отдѣльно, каждый долженъ былъ поставить

опредѣленное число новобранцевъ. Неудобства этого порядка скоро обнаружались на практикѣ; въ нѣкоторыхъ участкахъ, за отсутствіемъ достаточнаго числа лицъ, не пользующихся льготой, приходилось брать на службу льготныхъ третьяго и даже втораго разряда. При нѣкоторомъ индифферентизмѣ со стороны присутствія, такая несправедливость повторялась бы изъ года въ годъ, никѣмъ не замѣченная, или по крайней мѣрѣ никѣмъ не опротестованная. Мы едва ли ошибемся, если припишемъ другой ходъ дѣла смѣшанному составу присутствія, т.-е. значительной роли, которая принадлежитъ въ немъ представителямъ городского самоуправления. Ходатайство объ измѣненіи установленнаго порядка было возбуждено городскою Думою; правительствомъ оно до сихъ поръ удовлетворено еще не вполне. Новый способъ призыва, предложенный Думой, допущенъ былъ какъ въ 1881, такъ и въ 1882 году, лишь въ видѣ опыта. Результаты опыта оба раза были самые блестящіе; недобора оба раза, по общему очередному списку ¹⁾, не оказалось, и ни одному льготному, хотя бы третьяго разряда, не пришлось поступить на службу. Средство, съ помощью котораго достигнута желанная цѣль, отличается крайнею простотою; весь Петербургъ соединенъ въ одинъ призывной участокъ, и лица, внесенныя въ общій призывной списокъ, призываются къ жребію по одной общей для всего города нумераціи, въ алфавитномъ порядкѣ, безъ всякаго различія по мѣсту жительства, сословіямъ и званіямъ. Чтобы оцѣнить вполне достоинства новаго порядка, созданнаго инициативою городского самоуправления, необходимо припомнить, что послѣдній призывъ (1882 г.) былъ обставленъ особенно тяжелыми условіями; требуемый отъ новобранцевъ объемъ груди былъ увеличенъ почти на одинъ вершокъ. „Если прежде,—читаемъ мы въ отчетѣ присутствія,—при болѣе льготномъ правилѣ относительно объема груди, приходилось брать въ нѣкихъ участкахъ льготныхъ даже втораго разряда, то можно себѣ представить, что было бы при призывѣ, о которомъ идетъ рѣчь“. По вполне основательному замѣчанію присутствія, новый порядокъ не только болѣе справедливъ относительно призываемыхъ, но и болѣе выгоденъ для арміи, допуская возможность строгаго выбора изъ громаднаго числа новобранцевъ, т.-е. принятія на службу только людей крѣпкихъ и здоровыхъ. „Присутствіе,—сказано въ другомъ мѣстѣ отчета,—не можетъ и не желаетъ скрыть отъ Думы, что при прежнемъ порядкѣ, когда дѣло доходило до льготныхъ втораго разряда, которые не-

¹⁾ Особо отъ этого списка ведутся очереди лицъ еврейскаго и магометанскаго вѣроисповѣданій; здѣсь недоборъ былъ, но онъ не пополняется изъ среди лицъ, внесенныхъ въ общій списокъ.

рѣдко въ семейномъ составѣ имѣютъ еще больше значенія, чѣмъ льготные перваго разряда, когда присутствіе видѣло потрясающія сцены плача и рыданія, члены, его составляющіе, какъ люди, а не механизмы для примѣненія закона, можетъ быть, невольно, болѣе благосклонно относились къ освидѣтельствованію новобранцевъ. Теперь же, когда передъ присутствіемъ не 150 или 200 человекъ, изъ которыхъ, во что бы то ни стало, надо было взять известное число новобранцевъ, а цѣлый контингентъ въ 2012 человекъ, оно самымъ строгимъ образомъ относилось къ ихъ осмотру и можетъ смѣло утверждать, что новобранцы двухъ послѣднихъ призывовъ далеко выше, въ физическомъ отношеніи, новобранцевъ всѣхъ прежнихъ призывовъ". Мы видимъ здѣсь знаменательный примѣръ того, какимъ образомъ самоуправленіе, стремясь къ своимъ специальнымъ цѣлямъ, можетъ служить, вмѣстѣ съ тѣмъ, общимъ интересамъ государства.

Отчетъ о второй конской переписи въ Петербургѣ представляетъ собою интереснѣйшій статистическій аттѣкъ, знающій насъ съ одной изъ сторонъ хозяйственнаго быта петербургскихъ жителей. Еслибы производство переписи было поручено исключительно должностнымъ лицамъ, имъ не было бы, очевидно, ни надобности, ни повода расширять предѣлы своего порученія и включать въ officialную работу множество фактовъ и заключеній, соединенныхъ съ нею только косвенною связью. Представитель городского самоуправления иначе поставилъ свою задачу; онъ увидѣлъ въ ней удобный случай для изслѣдованія, которое при другихъ условіяхъ было бы сопряжено съ большими, почти непреодолимыми затрудненіями. Достигненію главной цѣли это нисколько не помѣшало; число лошадей, годныхъ для разныхъ видовъ конской повинности, опредѣлено со всею точностью — но вмѣстѣ съ тѣмъ собраны и сгруппированы данныя, весьма полезные для города и далеко не лишнія для правительства. Мы находимъ въ отчетѣ свѣдѣнія о распредѣленіи лошадей по частямъ города, о процентномъ отношеніи ихъ къ территоріи и населенію, о числѣ коневладельцевъ, мелкихъ и крупныхъ; всѣ лошади раздѣлены, по роду и свойству производимыхъ ими работъ, на нѣсколько категорій, съ указаніемъ для каждой абсолютныхъ и процентныхъ цифръ, выражающихъ значеніе ея для городского населенія. Весьма тщательно опредѣлены, далѣе, главныя причины, дѣлающія массу лошадей непригодными для конской повинности. Выводы отчета далеко неутѣшительны. Въ сравненіи съ 1876 г., когда произведена была первая конская перепись, число лошадей въ Петербургѣ уменьшилось слишкомъ на три тысячи или болѣе тѣмъ на 9% (съ 35,967 — до 32,664). Съ точки зрѣнія возраста, роста и

склада, годныхъ для конской новинности лошадей насчитано, по второй переписи, болѣе 29½ тысячъ; но около двухъ третей изъ этого числа (17,256) оказалось съ такими болѣзнями и недостатками, при которыхъ лошади никакъ не могутъ быть назначены въ сдѣлъ въ войска. Число лошадей, годныхъ для службы, едва превышаетъ, такимъ образомъ, ту цифру, которая причисляется на Петербургъ, по разверсткѣ, въ случаѣ мобилизаціи (болѣе 11½ тысячъ головъ). Необходимо, при этомъ, имѣть въ виду, что многіи лошади, признанныя годными при первой переписи, были забракованы при мобилизаціи. Въ 1876 г. годными было признано, въ Петербургѣ, болѣе 24 тысячъ лошадей, а при мобилизаціи, состоявшейся въ слѣдующемъ году, подлежащими принятію оказалось только пять тысячъ. Составитель отчета выводитъ отсюда, что изъ 12½ тысячъ лошадей, признанныхъ годными въ прошедшемъ году, совершенно невозможно будетъ поставить 11½ тысячъ. Обстоятельства, уменьшающія число годныхъ къ службѣ лошадей, болѣею частью такого рода, что нельзя ожидать скорого ихъ устраненія. Сюда относятся, напримѣръ, неудовлетворительныя мостовыя, безобразныя, по выраженію отчета, помѣщенія извозничьихъ лошадей, отсутствіе правильнаго ухода за лошадьми и чрезмѣрная эксплуатація ихъ силами. Легче всего улучшить устройство водопоевъ, настоящее положеніе которыхъ, какъ видно изъ отчета, также способствуетъ заболѣванію лошадей. Въ городѣ подобномъ Петербургу, отношеніе числа лошадей къ цифрѣ населенія не имѣетъ, конечно, того значенія, которое принадлежитъ ему въ деревнѣ; нельзя отрицать, однако, что если въ 1876 г. на каждую лошадь въ Петербургѣ приходилось 18 человекъ, а въ 1882 г.—26, то это не совсѣмъ благоприятный признакъ для экономическаго положенія столицы. То же самое слѣдуетъ сказать и о цифрѣ коновладѣльцевъ: ихъ всего 7,486, изъ которыхъ 1,355 владѣютъ болѣе чѣмъ пятью лошадьми, 788 — четырьмя или пятью, 740 — тремя, 2,080 — двумя и только 2,523 (т.-е. одна треть общаго числа) — одною. Отсюда можно заключить, что для значительной части коневладѣльцевъ лошади составляютъ предметъ роскоши или источникъ дохода, и только для меньшаго числа — средство къ добыванію насущнаго хлѣба. Лошадей извозничьихъ въ 1882 г. было 21,712, лошадей господскихъ — 5,768; при торговыхъ и промышленныхъ заведеніяхъ состояло 4,078 лошадей, у баринниковъ, для продажи — 204; остальные 907 принадлежали казѣ или военнымъ командамъ (лошадей полковыхъ переписи не касается). Извозникамъ-одиночкамъ, изъ числа 21,712 извозничьихъ лошадей, принадлежать только 1,333; хозяевъ, владѣющихъ 30—40 извозничьими лошадьми, насчитывается болѣе 120. Этихъ немногихъ цифръ вполне доста-

точно, чтобы поставить отчетъ о конской переписи на одинъ рядъ съ отчетомъ о призывѣ 1882 г.; и тѣмъ, и другимъ можетъ воспользоваться не только городъ, но и администрація — послѣдняя даже въ большей еще степени, чѣмъ первый.

Итакъ, съ какой бы стороны мы ни взглянули на наше самоуправленіе, мы приходимъ къ одному и тому же выводу: оно уже сослужило и продолжаетъ служить великую службу и обществу, и государству. Его нужно не урѣзывать, не искажать, не брать назадъ, а развивать все дальше и дальше, устраняя его недостатки, расширяя его основу, улучшая его устройство. Болѣе правильной организаціи его въ городахъ можетъ способствовать установленіе квартирнаго налога, въ пользу котораго высказалась недавно, послѣ долгихъ колебаній, петербургская городская Дума. Плательщикамъ этого налога, получивъ право голоса, существенно измѣнить составъ избирателей, а слѣдовательно и составъ Думы. Само собою разумѣется, что одной переимѣной ограничиться нельзя, что Городовое положеніе, какъ и земское, требуетъ коренного пересмотра; раздѣленіе избирателей на разряды, многочисленность двухъ послѣднихъ разрядовъ, соединеніе въ нихъ обывателей со всѣхъ концовъ города — все это столь же ненормально, какъ и высокій имущественный цензъ въ земской избирательной системѣ. Реформы въ самоуправленіи, самыя широкія и глубокія, безусловно и неотложно необходимы; но это еще не значитъ, чтобы у насъ не было въ настоящую минуту ничего походяго на самоуправленіе, никакихъ его зачатковъ. Характеристическая черта самоуправления, въ глазахъ г. Градовскаго — есть предоставленіе мѣстнымъ не-бюрократическимъ учрежденіямъ принудительной власти; въ нашихъ глазахъ, это — рѣшеніе обществомъ, въ лицѣ представителей его, тѣхъ или другихъ общественныхъ дѣлъ, относящихся къ области управленія. Число такихъ дѣлъ можетъ быть болѣе или менѣе велико, важность ихъ — болѣе или менѣе значительна, самостоятельность рѣшенія ихъ — болѣе или менѣе обезпечена; сообразно съ этимъ измѣняются результаты самоуправления, увеличивается или уменьшается приносимая имъ польза, повышается или понижается воспитательное его значеніе — но оно во всякомъ случаѣ сохраняетъ долю тѣхъ свойствъ, которыя заставляютъ дорожить имъ даже при самой неблагоприятной обстановкѣ. Длительность его существенно зависитъ отъ того, что стоитъ надъ нимъ — но испытывая на себѣ иныя сверху, оно въ свою очередь вліяетъ на все окружающее. Съ этой точки зрѣнія не лишентъ цѣны самый фактъ его существованія, въ какой бы то ни было формѣ и какими бы то ни было предѣлами.

Прошло уже около двадцати-пяти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ съ легкой руки покойнаго Пирогена поднятъ былъ вопросъ объ отиѣнѣ тѣлесныхъ наказаній въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, узаконенной правилами о взысканіяхъ 1874 г.; эта отиѣна состоялась, фактически, еще раньше; пятнадцатилѣтній опытъ доказалъ возможность строгой дисциплины, не опирающейся на розги. Никто не станетъ утверждать, чтобы въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ, образованныхъ на новыхъ началахъ, господствовала распущенность; въ жалобахъ на внутреннее ихъ устройство не было и нѣтъ недостатка, но предметомъ жалобъ служилъ и служить во всякомъ случаѣ не избытокъ снисходительности. Въ высшей степени страннымъ и мало вѣроятнымъ слѣдуетъ признавать поэтому распространенійся недавно слухъ о предполагаемомъ восстановленіи тѣлесныхъ наказаній, какъ воспитательно-дисциплинарной мѣры; пренебрегать этимъ слухомъ, тѣмъ не менѣе, нельзя, въ виду той особенности нашей общественной жизни, о которой мы упоминали выше — въ виду частаго возвращенія назадъ, къ отжившимъ и повидимому похороненнымъ порядкамъ. Все же любители же то, что проектируемой будто бы, мѣрѣ придается гуманный характеръ; она-молъ должна замѣнить собою исключеніе изъ заведенія, т. е. такое наказаніе, которое портитъ, болѣею частью, всю будущность ученика и тяжело ложится на его семейство. Безспорно, стремленію ограничить примѣненіе этого наказанія нельзя отказать въ гуманности; хорошая цѣль и здѣсь, однако, не оправдываетъ неразборчивости въ выборѣ средствъ. Говорить о безправственности тѣлесныхъ наказаній мы не будемъ; это вопросъ исчерпанный, рѣшенный для всякаго, за исключеніемъ несправедливыхъ любителей лужайной расправы. Посмотримъ на дѣло съ другой, менѣе разъясненной стороны. Исключеніе изъ учебнаго заведенія законно въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда ученикъ не можетъ быть оставленъ въ заведеніи безъ явнаго и существеннаго вреда для товарищей, когда интересы одного должны быть принесены въ жертву интересамъ многихъ. Не ясно ли, что въ такихъ случаяхъ исключеніе является наказаніемъ незамѣнимымъ? Исправить ученика тѣлесное наказаніе, безъ сомнѣнія, не можетъ; оно можетъ только запугать его, смирить его наружно, заставить его лучше скрывать свои порочныя наклонности — но для товарищей онъ слѣдается, вслѣдствіе этого, скорѣе болѣе, чѣмъ менѣе опаснымъ. Въ другихъ случаяхъ, менѣе важныхъ, исключеніе изъ заведенія не можетъ быть признано ни справедливымъ, ни необходимымъ; нѣтъ, слѣдовательно, и надобности искать для него какой-нибудь замѣны. Если существующая лѣстиница гимназическихъ наказаній представляетъ какіе-либо пробѣлы, то не трудно пополнить ихъ и безъ обращенія къ розгамъ.

Сроки содержанія въ карцерѣ могутъ быть удлинены; за проступки особенно важные ученикъ можетъ быть на время удаленъ изъ заведенія; по примѣру Вольской военной прогимназіи, могутъ быть учреждены, въ нѣсколькихъ пунктахъ, гимназіи и реальныя училища для тѣхъ учениковъ, воспитаніе и обученіе которыхъ сопряжено съ наибольшими затрудненіями.

Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что тѣлесныя наказанія предназначаются въ особенности за дерзость учениковъ по отношенію къ начальству. Не слѣдуетъ ли опасаться, однако, что они сдѣлаются однимъ изъ поводовъ къ совершенію именно тѣхъ проступковъ, предупрежденіе которыхъ имѣется въ виду, что во многихъ случаяхъ тѣлесное наказаніе будетъ не замѣной исключенія, а только преддверіемъ къ нему? Послѣ пятнадцатилѣтняго перерыва, розги явятся въ нашихъ училищахъ не тѣмъ, чѣмъ онѣ были прежде. Въ до-реформенную эпоху самая ихъ обычность отнимала у нихъ большую часть ихъ значенія; тѣлесное наказаніе встрѣчалось слишкомъ часто; чтобы казаться особенно унизительнымъ, да и вся обстановка, среди которой жили учащіеся, дѣлала ихъ менѣе воспримчивыми къ стыду, сопряженному съ сѣченіемъ. Теперь отношеніе къ розгамъ было бы совершенно другое; первымъ послѣдствіемъ восстановленія ихъ было бы распространеніе между учащимися таянъ чувствъ, которыя меньше всего способствуютъ поддержанію дисциплины. Защитники тѣлесныхъ наказаній любятъ ссылаться на примѣръ Англіи; но они упускаютъ изъ виду, что эти наказанія никогда не выходили тамъ изъ школьнаго обихода, и что англійское общество смотритъ на нихъ совершенно иначе, чѣмъ наше. Большая разница — поддерживать старый обычай, никогда не колебавшійся и возмущающій весьма немногихъ, или вводить вновь систему, отъ которой всѣ успѣли отвыкнуть и къ которой громадное большинство заинтересованныхъ лицъ (понимая подъ этимъ именемъ не только учащихся, но и ихъ родителей и родственниковъ) относится крайне враждебно. Двадцать лѣтъ тому назадъ тѣлесное наказаніе было у насъ à l'ordre du jour не только въ публичномъ, но и въ домашнемъ воспитаніи; а кто же не знаетъ, что послѣднее — по крайней мѣрѣ въ тѣхъ сферахъ, откуда преимущественно пополняются гимназіи и реальныя училища — ведется теперь далеко не въ прежнемъ духѣ? Въ продолженіе послѣднихъ десяти лѣтъ у насъ появились новыя, небывалыя прежде учебно-исправительныя заведенія — колоніи и пріюты для малолѣтнихъ преступниковъ. Задача воспитанія здѣсь, безъ сомнѣнія, несравненно труднѣе, чѣмъ въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ; большинство колоній и пріютовъ обходится, однако, безъ розогъ, и на первомъ сѣздѣ представителей ихъ, происходившемъ въ 1881 г., за необхо-

димость или необходимость тѣлесныхъ наказаній высказались лишь весьма немногіе ¹⁾. „Въ теченіе пяти лѣтъ,—замѣтилъ уполномоченный отъ саратовскаго пріюта,—мы ни разу не встрѣтили случая, гдѣ бы требовалось тѣлесное наказаніе, и какъ ни трудно было бороться съ нѣкоторыми явленіями, но мы справлялись съ ними, не прибѣгая къ этой мѣрѣ“. Петербургская колонія, по словамъ директора ея, цѣлыхъ десять лѣтъ не знала тѣлесныхъ наказаній ²⁾. Еще замѣчательнѣе отзывъ уполномоченнаго отъ ярославскаго пріюта. Тѣлесное наказаніе было допущено въ этомъ пріютѣ только одинъ разъ и имѣло самыя печальныя послѣдствія; оба подвергшіеся ему воспитанника немедленно бѣжали. Въ будущемъ, по словамъ уполномоченнаго, пріютъ надѣется обходиться безъ тѣлесныхъ наказаній. Если такова практика исправительныхъ колоній и пріютовъ, если таковъ взглядъ, господствующій между руководителями ихъ, то неужели можетъ быть рѣчь о возобновленіи тѣлесныхъ наказаній въ обыкновенныхъ учебныхъ заведеніяхъ? Не было ли бы оно равносильно выдачѣ нашимъ педагогамъ *testimonii reipertatis*, признанію ихъ неспособными воспитывать юношество безъ помощи физической силы? Во что обратились бы тогда основныя начала правилъ 1874 г., провозглашающихъ цѣлью воспитанія *нравственное исправленіе* ученика, предписывающихъ прибѣгать только къ такимъ воспитаніямъ, которыя могутъ дѣйствительно послужить къ исправленію виновнаго (ст. 1 и 6)? Прибавимъ ко всему сказанному еще одно, существенно важное соображеніе. Дискреціонная власть всегда имѣетъ тенденцію къ расширенію своихъ предѣловъ; какъ бы точно ни было регламентировано ея примѣненіе, она всегда находитъ возможность обойти эту регламентацію. Мы знаемъ, напримѣръ, что единственнымъ поводомъ къ административнымъ предостереженіямъ, по мысли составителей закона 1866 г., должно было служить *только* такъ называемое вредное направленіе газеты или журнала—и знаемъ, вѣсть съ тѣмъ, что предостереженія мотивируются, силою и рядомъ, какимъ-нибудь отдѣльнымъ нарушеніемъ правилъ о печати. Отведите тѣлеснымъ наказаніямъ самое маленькое мѣсто въ гимназическомъ дисциплинарномъ уставѣ—и они скоро могутъ сдѣлаться однимъ изъ самыхъ заурядныхъ видовъ воспитанія. Положимъ, что они будутъ допущены исключительно въ видѣ кары за тѣ проступки, которые

¹⁾ См. Труды перваго съѣзда представителей русскихъ исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ (Москва, 1883), стр. 151—159.

²⁾ Судя по газетнымъ извѣстіямъ, петербургская колонія отступила, въ прошедшемъ году, отъ установившейся въ ней системы; но отступленіе это связано съ такимъ періодомъ въ жизни колоніи, который никакъ не можетъ быть признакъ нормальнымъ.

въ настоящее время наказываются исключеніемъ. Перечисленія такихъ проступковъ правила о взысканіяхъ не даютъ, да и дать не могутъ; число ихъ можетъ быть увеличиваемо по усмотрѣнію начальства. Ничто не помѣшаетъ власти имущимъ лицамъ сказать: за такой-то поступокъ такого-то слѣдовало бы исключить и замѣнить исключеніе тѣлеснымъ наказаніемъ. Передъ приговоромъ объ исключеніи невольно задумывается самый строгій начальникъ; тяжелыя послѣдствія взысканія здѣсь слишкомъ ясны, чтобы оно могло быть назначаемо „съ легкимъ сердцемъ“ и черезчуръ щедро. Тѣлесное наказаніе—съ точки зрѣнія назначающаго его—менѣе страшно, возможные результаты его менѣе очевидны; но опасность необдуманнаго рѣшенія и здѣсь чрезвычайно велика — потому что оно точно такъ же можетъ испортить и погубить цѣлую жизнь, какъ и исключеніе. День восстановленія тѣлесныхъ наказаній былъ бы чернымъ днемъ въ исторіи нашихъ учебныхъ заведеній, скажемъ болѣе—въ исторіи русскаго общества. 17-ое апрѣля 1863 г. дало намъ право ожидать совершенно другого дня — свѣтлаго дня, когда самое слово: *роза*, исчезнетъ изъ нашего законодательства, какъ исчезли изъ него слова: *кнути* и *плети*, нѣкогда окруженные чуть не ореоломъ. Шагъ назадъ на этомъ пути уничтожилъ бы надежду на скорое осуществленіе того шага впередъ, который, къ несчастію, не былъ сдѣланъ въ эпоху реформъ минувшаго царствованія.

Рядомъ съ слухомъ о восстановленіи въ средней школѣ тѣлесныхъ наказаній, намъ приходится занести въ нашу хронику другой слухъ, менѣе важный, но столь же мало вѣроятный слухъ о прекращеніи, въ административномъ порядкѣ, судебного дѣла о бывшемъ казанскомъ губернаторѣ, г. Скарятинѣ. „Московскія Вѣдомости“, произведя свое слѣдствіе и вознеса его высоко надъ слѣдствіемъ официальнымъ, доказывали, недавно, невиновность г. Скарятина; мы не послѣдуемъ ихъ примѣру и не станемъ доказывать его виновность, не станемъ даже выводить ее изъ данныхъ, признаваемыхъ самими защитниками рѣннаго администратора. Важно не то, виновенъ ли г. Скарятинъ—важно то, чтобы виновность его или невиновность была опредѣлена компетентнымъ судомъ, въ установленномъ порядкѣ. Сенатъ, какъ извѣстно, постановилъ предать г. Скарятина суду; это постановленіе имѣетъ, по закону, окончательную силу, за нимъ *долженъ* слѣдовать судъ, обставленный, въ данномъ случаѣ, всѣми возможными гарантіями (за преступленіе по должности губернаторъ судится уголовнымъ кассационнымъ департаментомъ сената). Случаи изыятія дѣлъ изъ общей подсудности встрѣчались у насъ нерѣдко, но перерыва въ ходѣ дѣла, однажды направленного законнымъ путемъ, мы, со времени изданія судебныхъ

уставовъ, не припомнимъ. Первый случай этого рода былъ бы тѣмъ болѣе прискорбенъ, что онъ конечно не былъ бы послѣднимъ... Возбужденію судебного дѣла о г. Скарятинѣ предшествовалъ цѣлый рядъ тщательныхъ изслѣдованій; еслибы обвиненіе было построено на шаткихъ, очевидно недостаточныхъ данныхъ, оно не нашло бы поддержки ни со стороны сенатора, ревизовавшаго казанскую губернію, ни со стороны первого департамента сената. Достоинству администраціи судъ надъ отдѣльнымъ администраторомъ не угрожаетъ; достоинство юстиціи несомнѣнно съ нарушеніемъ ея правъ, съ уничтоженіемъ ея законныхъ распоряженій. Заслуги подсудимаго — если допустить существованіе такихъ заслугъ — могутъ быть приняты во вниманіе при исполненіи приговора, но отнюдь не до его постановленія. Широкий просторъ для милости открывается тогда, когда произнесено послѣднее слово правосудія.

Большаго довѣрія, чѣмъ приведенные нами слухи, заслуживаютъ, повидимому, газетныя свѣдѣнія о предположеніяхъ комиссіи, занимающейся вопросомъ о судьбѣ женскихъ врачебныхъ курсовъ. По проекту комиссіи, женскіе врачебные курсы должны быть замѣнены институтомъ ученыхъ акушеровъ. Въ учебный планъ института должны быть введены всѣ предметы университетскихъ медицинскихъ факультетовъ, съ ограниченіемъ преподаванія нѣкоторыхъ изъ нихъ и съ расширеніемъ другихъ, специально относящихся къ женскимъ и дѣтскимъ болѣзнямъ. Изъ этого послѣдняго обстоятельства, равно какъ и изъ самаго названія института, слѣдуетъ заключить, что лица, окончившія курсъ въ институтѣ, не будутъ имѣть полного, неограниченнаго права медицинской практики, что у насъ не будетъ больше женщинъ-врачей, ни по имени, ни на самомъ дѣлѣ. Между тѣмъ, доступъ въ институтъ предполагается предоставить только тѣмъ дѣвицамъ и женщинамъ, которыя представляютъ аттестатъ зрѣлости, дающій гимназистамъ право на поступленіе въ университетъ. Одна сторона проекта находится, такимъ образомъ, въ явномъ противорѣчій съ другою. Если институтъ даетъ меньше правъ, чѣмъ университетъ, то гдѣ же основаніе примѣнять къ первому тяжелыя условія, установленныя для доступа въ послѣдній? Если лица, поступающія въ институтъ, ничѣмъ не отличаются, по степени образованія, отъ студентовъ, то гдѣ же основаніе отказывать имъ, по окончаніи курса ученія, въ правахъ, сопряженныхъ съ университетскимъ дипломомъ? Равнымъ требованіямъ очевидно должны соответствовать одинаковыя результаты, неодинаковымъ результатамъ — неравныя требованія. Проектъ комиссіи закрываетъ, дажѣ, для женщинъ доступъ къ той отрасли медицинской дѣятельности, гдѣ онѣ всего полезнѣе и нужнѣе — къ земской медицинской

службѣ. Наши земства, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, не такъ богаты, чтобы пользоваться, въ одно и то же время и въ одномъ и томъ же мѣстѣ, услугами врача и ученой акушерки; имъ нужны такіе медики, которые бы умѣли и были бы въ правѣ подавать помощь всякаго рода больнымъ. Ученныя акушерки не подойдутъ подъ это условіе; дѣятельность ихъ, поэтому, неизбежно сосредоточится въ городахъ, т.-е. тамъ, гдѣ онѣ сравнительно менѣе необходимы. Опытъ нѣсколькихъ лѣтъ показалъ съ полною ясностью, что женщины-врачи настолько же драгоценны для земской службы, какъ и народныя учительницы. И тѣ, и другія терпѣливѣе, выносливѣе, мягче мужчинъ, больше дорожатъ своимъ положеніемъ, легче свыкаются съ нимъ, меньше заботятся объ улучшеніи своего матеріальнаго быта, дольше остаются на одномъ мѣстѣ. Довѣріе населенія онѣ приобретаютъ, вообще говоря, весьма скоро. Непосильной для женщинъ-врачей не оказывается ни одна изъ сторонъ ихъ дѣятельности; въ одномъ уѣздѣ, особенно хорошо намъ извѣстномъ, лучшимъ операторомъ справедливо считается женщина-врачъ. Обратитъ женщинъ-врачей въ ученыхъ акушеровъ, значило бы нанести чрезвычайно тяжелый ударъ развитію земской медицины, значительно затруднить приближеніе ея къ народу. Превращеніе ученой акушерки въ женщину-врача совершилось само собою, въ силу требованій жизни; обратное превращеніе женщины-врача въ ученую акушерку было бы насилуваніемъ этихъ требованій. Мы надѣемся, что проектъ коммиссіи не получитъ силу закона безъ предварительнаго опроса земскихъ собраній, располагающихъ массою фактовъ и болѣе чѣмъ кто бы то ни было заинтересованныхъ въ правильномъ рѣшеніи вопроса.

Не возражая, въ принципѣ, противъ требованія отъ будущихъ женщинъ-врачей—при полноправности ихъ съ врачами-мужчинами—аттестатовъ зрѣлости, мы полагаемъ, что этому требованію слѣдовало бы дать обязательную силу не вдругъ, а по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ. Поступить иначе, значило бы поставить въ крайне-затруднительное положеніе тѣхъ многочисленныхъ женщинъ, которыя приготовились, по нынѣ дѣйствующей программѣ, къ поступленію на врачебные курсы. При введеніи въ дѣйствіе аттестатовъ зрѣлости для мужчинъ была, если мы не ошибаемся, соблюдена справедливая постепенность; въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ оканчивающіе курсъ въ гимназіяхъ принимались въ университетъ безъ знанія греческаго языка. Необходимо, далѣе, имѣть въ виду, что въ настоящее время пріобрѣтеніе женщинами основательныхъ свѣдѣній по общимъ классическимъ языкамъ было бы сопряжено съ величайшими затрудненіями и непосильными для большинства расходами;

преподаютъ эти языки, кажется, только въ одной женской гимназій, и то частной. Во всѣхъ городахъ, гдѣ есть мужскія гимназій, слѣдовало бы открыть курсы латинскаго и греческаго языковъ для женщинъ, по доступной для всѣхъ цѣнѣ, и только тогда, когда эти курсы просуществовали бы по меньшей мѣрѣ пять лѣтъ, привести въ исполненіе проектируемое комиссіею правило объ аттестатахъ зрѣлости. Замѣтимъ, въ заключеніе, что перенесеніе женскихъ врачебныхъ курсовъ въ Москву—какъ это предполагено комиссіею—едва ли представляется цѣлесообразнымъ. Не говоря уже о неудобствахъ, съ которыми былъ бы сопряженъ переездъ въ Москву для теперешнихъ слушательницъ курсовъ,—въ Петербургѣ курсы имѣютъ крѣпко сложившуюся коллегію преподавателей, гораго, бѣльшему частью, преданныхъ своему дѣлу и вѣрющихъ въ его жизненность, въ его будущее. Въ Москвѣ такой коллегіи предстояло бы еще создаться—и трудно опредѣлить заранѣе шансы успѣха этой новой работы. Въ Петербургѣ, наконецъ, женскіе врачебные курсы имѣютъ на своей сторонѣ сочувствіе городской Думы, готовящейся принять на себя завѣдываніе городскими больницами и могущей, слѣдовательно, обезпечить слушательницамъ курсовъ, въ широкихъ размѣрахъ, необходимыя для нихъ клиническія занятія.

Разбирая, годъ тому назадъ, положеніе о крестьянскомъ поземельномъ банкѣ (Вѣстн. Евр. 1882 г. № 7, Внутреннее Обзорѣніе), мы констатировали различіе между первоначальнымъ проектомъ и окончательною редакціею закона по вопросу объ условіяхъ, дающихъ право на помощь банка. Проектъ положенія признавалъ такое право исключительно за обществами, недостаточию надѣленными землею, за товариществами, образующимися съ цѣлю переселенія, и за отдѣльными лицами (въ мѣстностяхъ подворнаго владѣнія), вовсе не имѣющими земли или владѣющими ею въ меньшемъ противъ обычнаго размѣрѣ. Въ текстъ положенія эти ограниченія не вошли, между тѣмъ какъ именно ими обезпечивалось достиженіе основной цѣли законодателя—оказаніе помощи обществамъ и крестьянамъ, настоятельно нуждающимся въ землѣ. Въ пополненіе образовавшагося такимъ образомъ пробѣла путемъ инструкціи мы уже тогда отказывались вѣрить. „Инструкція,—говорили мы,—должна опредѣлять подробныя правила для дѣйствія банка и его отдѣленій; другими словами, она должна служить развитіемъ того, что сказано въ положеніи. Развитіе и дополненіе—понятія существенно различныя; одно изъ нихъ едва ли можетъ быть поставлено на мѣсто другого. Начала, устраненныя изъ положенія, едва ли найдутъ себѣ мѣсто въ инструк-

ція—по крайней мѣрѣ въ той ея части, которая подлежитъ распу-бликованію“. Ожиданія наши, къ сожалѣнію, оправдались; инструкція, обнародованная недавно подъ названіемъ: „правила дѣйствій крестьянскаго поземельнаго банка и его отдѣленій“, ни слова не говоритъ о томъ, кому слѣдуетъ давать преимущество при назначеніи ссудъ. А между тѣмъ, заявленій о ссудахъ поступаетъ уже теперь очень много; въ одной херсонской губерніи, если вѣрить газетамъ, цифра просимыхъ ссудъ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль достигла трехъ милліоновъ рублей. Относясь безразлично къ личности про-сителей и ихъ обстановкѣ, къ мотивамъ, заставляющимъ ихъ поку-пать землю, къ степени потребности въ ней, отдѣленія банка и са-мый банкъ по необходимости будутъ отдавать предпочтеніе не нуж-дамъ наиболѣе вопіющимъ, а просьбамъ, поступившимъ раньше дру-гихъ или лучше подкрѣпленнымъ съ формальной стороны. Помощь государства, такимъ образомъ, часто будетъ выпадать на долю тѣхъ, которые не имѣютъ ни малѣйшаго на нее права—и наоборотъ.

Къ числу хорошихъ сторонъ инструкція нельзя не отнести тѣ постановленія ея, которыя обязываютъ отдѣленіе банка собирать возможно точныя свѣдѣнія о дѣйствительной стоимости покупаемаго имѣнія или участка. Если стоимость эта окажется не достигающею установленной для данной мѣстности цѣны земель, а ссуда испра-шивается по этой послѣдней или болѣе высокой, то ссуда назначается отдѣленіемъ въ меньшемъ размѣрѣ, согласно съ полученными имъ свѣдѣніями о дѣйствительной цѣнѣ покупаемой земли. Банкъ, съ своей стороны, можетъ не только уменьшить размѣръ ссуды, назна-ченной отдѣленіемъ, но и вовсе отказать въ выдачѣ ссуды, если най-детъ ее превосходящею стоимость приобретаемой крестьянами земли. Право это принадлежитъ банку во всякомъ случаѣ, все равно, испрашивается ли ссуда по оцѣнкѣ спеціальной, нормальной или даже ниже нормальной. Приведенныя нами правила необходимы для огражденія отъ убытковъ не только казны, но и самихъ крестьянъ—покупателей земли. Открытіе дѣйствій банка несомнѣнно вызоветъ во многихъ мѣстахъ повышеніе цѣнъ на землю. Предоставленные самимъ себѣ и увлекаясь желаніемъ приобрести землю, во что бы то ни стало, крестьяне легко могли бы соглашаться на преувеличенныя требованія землевладѣльцевъ и покупать землю по цѣнѣ, вовсе не соотвѣтствующей ея качеству и доходности. Нѣсколько отказовъ, мотивированныхъ слишкомъ высокою оцѣнкою земли, умѣрять пре-тензіи землевладѣльцевъ и торопливость крестьянъ; несостоявшіяся однажды сделки могутъ быть заключены вновь, на условіяхъ болѣе правильныхъ и болѣе льготныхъ для крестьянъ. Затрудненіе заклю-чается только въ способахъ собиранія отдѣленіемъ банка свѣдѣній

о дѣйствительной стоимости земли. Всего больше, въ этомъ отношеніи, слѣдуетъ разсчитывать на помощь земства; но и земская управа, въ обширныхъ уѣздахъ, не всегда можетъ сообщить отдѣленію точныя данныя и безошибочное заключеніе. Не чувствуется ли здѣсь, какъ и въ тысячѣ другихъ случаяхъ, воренной пробѣл нашей уѣздной организаціи — отсутствіе мелкой земской единицы, всесословной или безсословной волости?.. Чтобы заручиться содѣйствіемъ земства, слѣдовало бы, во всякомъ случаѣ, дать ему болѣе широкую, болѣе активную роль въ дѣятельности банка. Нельзя не пожалѣть, поэтому, что земскія отдѣленія банка, проектированныя первоначально, не были осуществлены положеніемъ 18 мая 1882 г. Удобный моментъ еще не упущенъ; дополненіе, въ этомъ смыслѣ, только-что вступившаго въ силу закона не представляетъ никакихъ затрудненій. Фактически кругъ дѣйствій земства могъ бы быть расширенъ и теперь, еслибы отдѣленіямъ банка вмѣнено было въ обязанность сноситься съ уѣздною земскою управою при всякомъ сомнѣніи относительно права просителей на выдачу ссуды или при разрѣшеніи вопроса, какія просьбы заслуживаютъ удовлетворенія преимущественно передъ другими.

За организаціей государственнаго поземельнаго кредита для крестьянъ въ скоромъ времени, повидимому, послѣдуетъ организація такого же кредита для всѣхъ остальныхъ землевладѣльцевъ. Разница будетъ заключаться въ томъ, что крестьянамъ оказывается кредитъ долгосрочный, съ цѣны покупки земель, а землевладѣльцамъ предполагается открыть кредитъ краткосрочный, для хозяйственныхъ оборотовъ. Въ нашихъ глазахъ кредитъ послѣдняго рода вовсе не принадлежитъ къ числу задачъ, разрѣшеніе которыхъ обязательно для государства. Не повторяя того, что уже нѣсколько разъ было высказано нами по этому предмету, мы остановимся теперь только на практической сторонѣ дѣла. Если крупныя и среднія землевладѣльцы не имѣютъ права на поддержку со стороны государства — ту поддержку, которая должна составлять удѣлъ безпомощныхъ и слабыхъ, — то отырываемый для нихъ кредитъ долженъ удовлетворять одному существенно-важному условію: онъ долженъ устранять возможность потерь со стороны казны. Посмотримъ, соответствуетъ ли этому условію законопроектъ, съ содержаніемъ котораго познакомили насъ газеты. Землевладѣльцамъ предполагается выдавать ссуды подъ solo-векселя, на срокъ не свыше девяти мѣсяцевъ, съ наложеніемъ на имѣнія заемщиковъ запрещенія въ размѣрѣ разрѣшеннаго кредита. Для опредѣленія кредитоспособности заемщиковъ, въ помощь государственному банку и его конторамъ будутъ приглашаться, по соглашенію съ мѣстными предводителями дворянства и председа-

тельными земскими управъ, отъ двухъ до четырехъ землевладѣльцевъ, пользующихся общимъ довѣріемъ и знакомыхъ съ положеніемъ сельскаго хозяйства. Въ случаѣ неуплаты долга, государственный банкъ получаетъ удовлетвореніе, изъ вырученной чрезъ продажу имѣнія суммы, преимущественно передъ прочими кредиторами владѣльца, *за исключеніемъ залоговъ*. Изъ числа этихъ немногихъ принадлежитъ, безъ сомнѣнія, залогодержатель, если имѣніе заложено въ кредитномъ учрежденіи или въ частныхъ рукахъ. Каждый разъ, когда имѣніе заложено, ссуда, выдаваемая подъ вексель, будетъ лишена, такимъ образомъ, всякаго серьезнаго матеріальнаго обеспечения; извѣстно, что при продажѣ заложеннаго имѣнія часто не выручается или выручается въ обрѣзъ самая закладная сумма. Справедливо ли будетъ, дагѣе, предоставлять государственному банку преимущественное удовлетвореніе передъ кредиторами, претензіи которыхъ хотя и не облечены въ форму закладной, но возникли гораздо раньше банковской ссуды, въ особенности, если въ обеспечение этихъ претензій на имѣніе было вложено запрещеніе? Открытіе государственнаго кредита не будетъ ли, при такихъ условіяхъ, равносильно закрытію частнаго кредита? Въ скоромъ времени у насъ можно ожидать введенія гипотечной системы; неужели претензіи государственнаго банка будутъ имѣть преимущество и передъ долгами, обеспеченными болѣе ранней ипотекой? Съ другой стороны, отказать государственному банку въ правѣ на преимущественное удовлетвореніе, значило бы вовлечь казну въ неисчислимыя и невоснаградимыя потери, или подорвать въ корнѣ самую возможность задуманнаго кредита.—Орошъ ссуды назначены короткій очевидно для того, чтобы упростить отношенія банка къ заемщику (устраненіемъ взысканія процентовъ отдѣльно отъ капитала) и предупредить такіа перемѣны въ платежной способности владѣльца, которыя затруднили бы обратное полученіе денегъ. Дѣйствительно, съ этой точки зрѣнія ссуды должны быть краткосрочными; но сомнительна ли подобная краткосрочность съ условіями сельскаго хозяйства? Главная цѣль проектируемаго кредита—улучшеніе хозяйства, предоставленіе землевладѣльцамъ возможности произвольныхъ затратъ, затрудняемыхъ теперь недостаткомъ свободныхъ капиталовъ. Такія затраты окулаются, возвращаются болѣею частью не скоро, и во всякомъ случаѣ не въ девять мѣсяцевъ. Весьма вѣроятно, поэтому, что краткосрочныя ссуды обратятся, *de facto*, въ долгосрочныя, что общими правилами сдѣлается не уплата и не взысканіе займатыхъ денегъ, а переноска векселей, со всѣми ея вредными послѣдствіями. Можно ли ожидать, наконецъ, существенной пользы отъ обсужденія кредитоспособности заемщиковъ двумя—четырьмя землевладѣльцами, „пользующимися общимъ довѣріемъ и

знакомими съ положеніемъ сальскаго хозяйства"? Мы знаемъ изъ исторіи городскихъ и иныхъ банковъ, что дѣятельность учетнаго комитета далеко не всегда приводитъ къ желанной цѣли; а между тѣмъ, въ торгово-промышленномъ мірѣ кредитоспособность заемщика опредѣляется, вообще говоря, гораздо легче, чѣмъ въ мірѣ землевладѣльческомъ, уже потому, что въ первомъ гораздо больше значить центральный пунктъ (совпадающій съ мѣстомъ нахожденія кредитнаго учрежденія) и гораздо больше имѣется точекъ сопряженности между отдѣльными лицами. Представителямъ, напримѣръ, саратовскаго купечества положеніе каждаго сколько-нибудь выдающаго промышленника губерніи знакомо гораздо ближе, чѣмъ хвалынскимъ землевладѣльцамъ — положеніе царичинскихъ, или наоборотъ. На практикѣ можно ожидать одного изъ двухъ: или землевладѣльческой учетный комитетъ будетъ относиться къ своимъ обязанностямъ серьезно и строго — въ такомъ случаѣ кредитъ окажется доступнымъ для немногихъ землевладѣльцевъ, преимущественно крупныхъ, которые всего легче могли бы обойтись безъ помощи государства; или онъ будетъ щедръ на рекомендаціи — и въ такомъ случаѣ неминуемы большіе убытки для казны. Мы не принадлежимъ къ числу защитниковъ государственнаго кредита для крупныхъ промышленниковъ и торговцевъ, но не можемъ не замѣтить, что съ точки зрѣнія возможныхъ потерь онъ несравненно менѣе опасенъ, чѣмъ государственный кредитъ для землевладѣльцевъ. Исправность платежей по торговымъ векселямъ обезпечивается всего больше тѣмъ значеніемъ, которое имѣетъ для торговца протестъ векселя. Самое взысканіе съ торговца, обращаемое, болѣею частью, на движимость, не сопряжено съ такими затрудненіями и проволочками, какъ взысканіе съ недвижимыхъ имѣній. Для торговыхъ векселей требуются притомъ, обыкновенно, двѣ подписи, между тѣмъ какъ выдачу суду землевладѣльцамъ предполагается производить подъ ихъ solo-векселя.

Божѣ цѣлесообразнымъ и менѣе рискованнымъ видомъ государственной помощи землевладѣльцамъ была бы, въ нашихъ глазахъ, организація въ каждой губерніи такихъ складовъ, въ которыхъ землевладѣльцы, какъ крупные такъ и мелкіе, какъ общинные, такъ и личные, могли бы приобретать, по складной цѣнѣ, все необходимое для улучшеннаго хозяйства — сѣмена, навозъ, орудія, искусственные удобрения и т. п. ¹⁾ При известныхъ условіяхъ можно было бы допустить продажу этихъ предметовъ и въ кредитъ или съ рассрочкой; рискъ, при сравнительно небольшихъ суммахъ оборота, былъ бы

¹⁾ Мы говорили объ этихъ складахъ по поводу брошюры г. Шарапова: „Министерство земледѣлія и его мѣстныя агитства“ (В. Е. 1882 г. № 12, стр. 924—7).

весьма невеликъ, а кредитъ всегда былъ бы болѣе или менѣе производителемъ—чего, судя по прежнимъ примѣрамъ, никакъ нельзя сказать о денежныхъ ссудахъ, выдаваемыхъ немѣщикамъ. Что касается до краткосрочнаго кредита вообще, то организацію его слѣдовало бы принять на себя самихъ землепашцевъ, путемъ учрежденія, въ собственной средѣ и собственными средствами, кредитныхъ обществъ, по возможности свободныхъ отъ спекулятивнаго элемента.

Процессъ кронштадтскаго коммерческаго банка окончился оправданіемъ большинства подсудимыхъ; виновными признаны только трое изъ числа лицъ, непосредственно руководившихъ операціями банка. Оправданы, между прочимъ, и тѣ обвиняемые, которые были привлечены къ дѣлу вслѣдствіе полученія ими изъ банка фиктивныхъ вкладныхъ билетовъ. Оспаривать правильность вердикта присяжныхъ мы не намѣрены; мы готовы допустить, что оправданные подсудимые не совершили никакого уголовнаго преступленія, что дѣйствія, за которыя они были преданы суду, не запрещены закономъ под страхомъ наказанія. Мы хотимъ только восмотрѣть на эти дѣйствія съ точки зрѣнія не-юридической, общежитейской; мы хотимъ извлечь изъ окончившагося процесса одно изъ тѣхъ практическихъ заключеній, на которыя онъ наводитъ самъ собою. Это кажется намъ тѣмъ болѣе необходимымъ, тѣмъ менѣе близки къ истинѣ нѣкоторыя взгляды, высказанные не только въ защитительныхъ рѣчахъ, но и въ печати. Намъ утѣшали, что привлеченіе къ суду одного изъ подсудимыхъ было „угрозой всѣмъ честнымъ людямъ“; намъ старались разжалобить яркимъ изображеніемъ тѣхъ страданій, которыя претерпѣли, во время суда, ни въ чемъ неповинные люди. Намъ говорили, съ другой стороны, что дѣйствія, возбуждившія судебное преслѣдованіе, давно были извѣстны высшему финансовому управленію, не находившему въ нихъ ничего предосудительнаго. Если все это такъ, то не слѣдуетъ ли признать, что выдача и полученіе фиктивныхъ вкладныхъ билетовъ—явленіе вполне нормальное и законное, что порицанія заслуживаютъ не тѣ, которые производили эту операцію, а тѣ, которые потревожили спокойствіе операторовъ? Чоловѣку, не посвященному въ таинства коммерческаго и банковаго міра, самая постановка такого вопроса можетъ показаться болѣе чѣмъ странной. Въ его глазахъ, выраженія: *вкладъ*, *вкладной билетъ*, не представляютъ ни малѣйшей неясности, не даютъ повода къ сомнѣнію ни по грамматическому, ни по юридическому своему смыслу. Сдѣлать вкладъ, значитъ внести капиталъ, въ деньги или въ равной имъ цѣнности; вкладной билетъ можетъ служить удостовѣреніемъ

только такого, а не другого вклада. Никто не назоветъ вкладомъ выдачу векселей, какъ потому, что это дѣло совершенно другого рода, подчиняющееся особымъ правиламъ и законамъ, такъ и потому, что строго-опредѣленной, безспорной, *наличной* дѣйности векселя не представляетъ. Еслибы вкладной билетъ устанавливалъ отношеніе только между вкладчикомъ и банкомъ, то выдача его въ обмѣнъ на векселя, оставаясь неправильной и лишней всякаго разумнаго основанія, не представляла бы, по крайней мѣрѣ, непосредственной опасности для третьихъ лицъ; но не таково, какъ извѣстно, значеніе вкладного билета. Именно потому, что громадное большинство видѣть въ немъ нѣчто вполне соответствующее его названію и содержанію, онъ приобретаетъ значеніе, приблизительно равное съ значеніемъ наличныхъ денегъ или дѣйныхъ бумагъ; онъ принимается въ залогъ правительствомъ, кредитными учрежденіями, частными лицами, онъ рассматривается какъ неоспоримое доказательство того, что предъявителю его принадлежитъ извѣстная сумма денегъ, внесенная въ банковое учрежденіе. Намъ могутъ возразить, что дѣйность вкладного билета зависитъ не отъ дѣйствительности взноса, а отъ стѣпенности, принимаемой на себя банкомъ, отъ обязанности его уплатить означенную въ билетѣ сумму; но развѣ платенная способность банка, а слѣдовательно и дѣйность выданнаго имъ билета, не зависятъ отъ того, полученъ ли банкомъ вкладъ наличными деньгами, или же на сумму вклада выданъ только вексель? Развѣ акціонеры банка, узнавъ о фиктивности вклада, не могутъ оспорить обязательность и силу вкладного билета? Поставимъ вопросъ еще проще,—спросимъ себя: много ли бы дали подъ залогъ вкладныхъ билетовъ кронштадтскіе банки, приняли ли бы ихъ въ обезпеченіе подряда, еслибы было извѣстно ихъ настоящее происхожденіе? Двухъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ быть не можетъ. Фикція, допущенная банкомъ и его кліентами, очевидно была не такъ невинна, какъ насъ хотѣтъ теперь увѣрить; лучшимъ доказательствомъ этому служатъ самыя усилія банка устранить — пока было еще возможно — всякое предположеніе о фиктивности билетовъ. „Если при реализаціи вкладныхъ билетовъ, — читаемъ мы въ обвинительномъ актѣ, — возникло сомнѣніе въ ихъ дѣйствительности, то на запросы, обращенные сомнѣвавшимся въ кронштадтскій банкъ, правленіе банка, на основаніи предварительнаго соглашенія съ кн. Оболенскимъ, отвѣчало письменнымъ удостовѣреніемъ о дѣйствительности фиктивныхъ вкладныхъ билетовъ. Такія удостовѣренія устраняли всякія сомнѣнія, и кн. Оболенскій свободно продолжалъ обмѣнъ или закладывать билеты“.

Но, можетъ быть, лица, участвовавшія въ операціи съ фиктив-

ными вкладными билетами, считали ее — какъ показатъ одинъ изъ обвиняемыхъ — „престомъ гражданскою сдѣлкою, практикуемою всѣми банками“? Можетъ быть, эта „практика“ была извѣстна государственному банку и министерству финансовъ, безмолвно ее одобрявшимъ или допускавшимъ? Наиболѣе правдоподобно, въ нашихъ глазахъ, первое изъ этихъ предположеній, наименѣе правдоподобно — послѣднее. Заблужденіе отдѣльныхъ лицъ относительно значенія фиктивныхъ вкладныхъ билетовъ вполне возможно; оно свидѣтельствуешь только о крайней спутанности понятій, о невысокомъ общемъ уровнѣ коммерческой честности. Повальное господство этого заблужденія — или, что еще хуже, *сознательное* повтореніе всѣми частными банками одной и той же категоріи злоупотребленій — допустить уже гораздо труднѣе; но въ оффиціальную, хотя бы и непрямую, хотя бы и безмолвную санкцію злоупотребленій мы рѣшительно отказываемся вѣрить, впродъ до болѣе сильныхъ доказательствъ. Въ виду тѣхъ указаній, которыя были сдѣланы по этому поводу на судѣ, весьма желательно было бы услышать мнѣніе финансоваго вѣдомства о фиктивныхъ вкладныхъ билетахъ.

Какими бы ни были, впрочемъ, прежнія понятія отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ учрежденій объ этомъ предметѣ, они едва ли устоятъ противъ урока, даннаго процессомъ кронштадтскаго банка. Съ этой точки зрѣнія — признаемся откровенно — мы не можемъ не сочувствовать образу дѣйствій судебной власти. Вопросъ о томъ, заключается ли въ выдачѣ и полученіи фиктивныхъ вкладныхъ билетовъ уголовное преступленіе, принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые должны подвергнуться гласному обсужденію и суду общественной совѣсти. Отрицательное разрѣшеніе его не помѣшаетъ прискорбному обычаю отойти всецѣло въ область прошедшаго; есть дѣла, которыя не выдерживаютъ свѣта и становятся невозможными при первомъ сопровосновеніи съ нимъ. Тяжелыя минуты, неизбежныя въ уголовномъ дѣлѣ, не были вовсе незаслуженными для большинства обвиняемыхъ; горькій опытъ научить ихъ вѣрить въ справедливость французской поговорки: „le chemin le plus droit est toujours le meilleur“. Чѣмъ угрожало дальнѣйшее развитіе фиктивныхъ вкладныхъ билетовъ — объ этомъ даетъ понятіе судьба кронштадтскаго банка. Положеніе нашихъ частныхъ банковъ, въ большинствѣ случаевъ, такъ шатко и непрочное, что каждый процессъ, раскрывающій закулисную сторону банковаго дѣла и затрудняющій, этимъ самымъ, дальнѣйшее господство того или другого злоупотребленія, дѣйствуетъ на подобіе грозы, очищающей воздухъ, на подобіе громоотвода, предохраняющаго отъ молніи. Само собою разумѣется, что одобряя преданіе суду всѣхъ главныхъ обвиняемыхъ по кронштадтскому дѣлу, мы да-

леки отъ мысли оправдывать глумленіе прокурора и гражданскихъ истцовъ надъ подсудимыми, если оно дѣйствительно было допущено. Уваженіе къ личности подсудимаго, кто бы онъ ни былъ, въ чемъ бы онъ ни обвинялся и на чемъ бы обвиненіе ни было построено, всегда обязательно для всѣхъ участвующихъ въ дѣлѣ. Больше чѣмъ для кого-либо другого сдержанность необходима для обвинителя уже потому, что официальное положеніе его часто придаетъ его словамъ особый вѣсъ въ глазахъ присяжныхъ и затрудняетъ возраженія со стороны защиты.

Почти наканунѣ дня торжества коронованія, говоря о вѣзгѣ Государя въ Москву, „Московскія Вѣдомости“ превзошли самихъ себя, превзошли даже знаменитое изреченіе о разбойникахъ пера и мошенникахъ печати. „Не слѣдуетъ ли,—восклицаютъ онѣ—избавить народъ отъ золъ, которыми онъ безпрестанно и напрасно подвергается? *Не слѣдуетъ ли взять его лямбамъ и избавить его, во что бы то ни стало, отъ язвы кабака, и еще отъ того, что хуже кабака, отъ нашей растлывающей quasi-интеллигенціи, которая тѣмъ-сямъ разбудитъ въ немъ звѣря?*“ Негодовать на публициста, давно потерявшаго всякое чувство мѣры, всякое понятіе о политической честности и справедливости, было бы совершенно напрасно; столь же напрасно было бы спрашивать его, въ чемъ заключается различіе между интеллигенціей и quasi-интеллигенціей, гдѣ, кого и когда народъ молилъ объ избавленіи отъ интеллигенціи, гдѣ, когда и какъ интеллигенція тѣмъ-сямъ разбудитъ въ народѣ звѣря. Намъ хотѣлось бы только видѣть побольше ясности въ выкидываніяхъ, побольше опредѣленности въ угрозахъ. Какія средства ищутся въ виду для избавленія народа отъ quasi-интеллигенціи? Народный ли самосудъ, подъ диктовку „Московскихъ Вѣдомостей“? Закрытіе ли высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, сожженіе книгъ, запрещеніе всѣхъ газетъ и журналовъ, кромѣ двухъ-трехъ привилегированныхъ органовъ благонамѣренной печати? Насильственное ли изселеніе изъ Россіи большинства образованныхъ людей, не получившихъ отъ г. Каткова аттестата благонадежности? Упраздненіе ли земскихъ всесловныхъ учрежденій? Тромкихъ фразъ мы уже слышали довольно; пора развернуть передъ нами положительную программу, изъ которой намъ пока извѣстенъ только девизъ г-на Каткова: *смерть интеллигенціи!*

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.

САРАТОВЪ. — Май, 1883.

Въ ряду созидательныхъ работъ послѣдняго періода, направленныхъ къ лучшему устройству крестьянства,—послѣ принципиальной отмены подушной подати, первое мѣсто принадлежитъ открытію кредита, съ цѣлю увеличенія землевладѣнія крестьянъ. Новому кредитному учрежденію предстоитъ широкая, а вмѣстѣ съ тѣмъ завидная по плодотворности дѣятельность и—не подлежитъ сомнѣнію—крестьянскія общества и товарищества съумѣютъ воспользоваться открывшимся источникомъ живой воды, вытекающимъ изъ самаго „Положенія“ 19 февраля; не подлежитъ сомнѣнію, что земство отнесется къ настоящему дѣлу съ полнымъ сочувствіемъ—окажетъ крестьянамъ участіе и помощь въ тѣхъ случаяхъ, когда потребуются его содѣйствіе; нѣтъ сомнѣнія также и въ томъ, что за состоявшимся уже пониженіемъ выкупныхъ платежей, за прекращеніемъ обязательныхъ отношеній къ владѣльцамъ и за уничтоженіемъ—пока съ нѣкоторыхъ категорій крестьянъ—подушного налога, учрежденіе, земельнаго кредита значительно измѣнитъ существующія нинѣ бытовыя условія; если же послѣдовательное урегулированіе ихъ и потребуетъ продолжительнаго срока, тѣмъ не менѣе надежда на восстановленіе болѣе правильныхъ сельско-хозяйственныхъ отношеній должна перейти изъ области иллюзій въ дѣйствительность.

Отъ общаго перехода къ частности и остановимся на томъ—какое значеніе можетъ имѣть крестьянскій земельный банкъ для нашего края; дѣйствительно ли необходимо здѣсь широкое развитіе его операцій, и—въ утвердительномъ случаѣ—чѣмъ вызывается такая необходимость.

Повидимому, всѣ возможныя условія сложились такъ, чтобы сдѣлать нашъ край самымъ благодатнымъ, самымъ заavidнымъ уголкомъ; на самомъ дѣлѣ, мы обладаемъ такою привлекательною виѣнностью, которая способна ввести въ заблужденіе каждаго, кто мало знакомъ съ нами. Вотъ въ немногихъ чертахъ эта виѣнность: при населеніи, плотность котораго, по общему выводу, равна 30 жителей на квадратную версту, губернія раскинулась на пространствѣ 7½ мил. десятинъ; пять уѣздовъ ея примыкаютъ къ Волгѣ, другіе—внутренніе— пять уѣздовъ тоже обильны многоводными рѣками; лѣсовъ,

при условіи правильного устройства ихъ и нормальнаго расходванія, было бы вполне достаточно для удовлетворенія нуждъ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ они произрастаютъ; почва—черноземъ, на которомъ появленіе ковыля не рѣдкость; разнообразіе растительности тоже рѣдкое, начиная отъ клюквы на сѣверозападѣ до виноградной лозы и шелковицы на югѣ; равнинный характеръ южныхъ уѣздовъ указываетъ на удобства пастбищъ и на удобство развитія скотоводства; затѣмъ, четыре линіи желѣзныхъ дорогъ, пересекающихъ губернію въ разныхъ направленіяхъ, связываютъ ее съ центральными путями, съ еренбургско-самарскою дорогою, съ Дономъ; наконецъ, по Волгѣ—нѣсколько приставей, внутри губерніи—множество торговыхъ пунктовъ. Словомъ—у насъ есть все, способное развить торговлю, фабрично-заводскую промышленность, земледѣліе, садоводство, скотоводство; край обладаетъ всѣми данными для существованія не только безбѣднаго, но даже обильнаго; не даромъ же онъ, не такъ еще давно, считался „житницей“ и, при иной постановкѣ земельнаго хозяйства, заслуженный имъ эпитетъ сохранился бы, вѣроятно, и понынѣ.

Однако, всмотрѣвшись попристальнѣе на домашніе наши распоряженія, скрывающіеся подъ такою заманчивою вышностью, легко убѣдиться, что хотя „земля наша велика и обильна“, но хозяйственнаго порядка въ ней нѣтъ; что въ „черноземной“ и „многоземельной“ губерніи, слѣдовательно не самой природѣ своей земледѣльческой, у очень многихъ земледѣльцевъ нѣтъ земли, нѣтъ скота, нѣтъ даже собственныхъ домовъ, а потому въ земельномъ кредитномъ банкѣ ощущается здѣсь потребность, можетъ быть, несравненно большая, чѣмъ въ любой изъ губерній не-черноземныхъ и малоземельныхъ, въ которыхъ за то исходи существуютъ отхожіе и кустарные промысла, и которыхъ у насъ, въ силу тяготѣнія къ земледѣлію, почти нѣтъ, или очень мало.

Во времена освобожденія крестьянъ, я проживалъ въ другой мѣстности; не былъ свидѣтелемъ того—какъ составлялись и вводились уставныя грамоты въ саратовской губерніи, и поэтому не берусь объяснять теперь мотивы, вълѣдствіе которыхъ болѣе трети бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ нежелали воспользоваться свободою на условіяхъ дарственнаго („сиротскаго“) надѣла землею. Въ сосѣднихъ губерніяхъ, я знаю, крестьянами руководило въ подобныхъ случаяхъ съ нравственной стороны—желаніе разомъ вернуть обязательныя отношенія къ владѣльцу; съ хозяйственной—убѣжденіе, что если пахарю необходима земля для посѣва, то въ свою очередь и владѣлецъ не можетъ обойтись безъ помощи рабочей силы крестьянина; слѣдовательно, еслибы владѣлецъ возвысилъ цѣну на землю,

те крестьянину ничто не мѣшало сдѣлать то же самое по отношенію къ своему труду. Зависимость такихъ положеній, вытекавшихъ одно изъ другого, способствовала быта регулировать взаимныя отношенія сторонъ, сдерживая ихъ на широкую почвѣ, тѣмъ болѣе, что по общему замѣслу сѣнные дѣны на нихъ для ежегоднаго посѣва хлѣба были незначительны. Но такой порядокъ вещей продолжался не долго: ручной трудъ мало-по-малу началъ замѣняться машиннымъ, усиленное развитіе пароходства по Волгѣ и постройка желѣзныхъ дорогъ если не совсѣмъ уничтожили, то на много сократили отхожія промысла, въ замѣнъ котораго не было создано ничего; земскіе и мірскіе сборы росли изъ года въ годъ, и въ непродолжительномъ времени извѣстная часть крестьянъ увидѣла себя безъ земли, безъ работы и безъ денегъ.

Одна беда, весьма естественно, повлекла за собой и другую. Крестьянскія земли, не получая ни отдыха, ни удобренія, начали истощаться; урожайная способность почвы уменьшилась; сама собою явилась необходимость въ усилѣнномъ орошеніи земли на сторонѣ, а этой минуты давно уже поджидалъ собственный нашъ „американецъ“ — арендаторъ. Въ лицѣ посредника между владѣльцемъ земли и пахаремъ, онъ акклиматизировался весьма скоро и пустилъ глубокіе корни. Отсюда не представляя себѣ сельскаго хозяина и даже не заботясь объ этомъ, онъ сталъ прямо въ положеніе эксплуататора, ввелъ хищническую систему пользованія землею и создалъ невѣроятныя условія для мелочныхъ сѣмщиковъ ея. Послѣдствія такой системы отразились одинаково неблагоприятно и на помещикѣ, и на крестьянинѣ, и привели къ возвратнымъ неурожаямъ. Конечный результатъ вмѣшательства „посредника“ выразился тѣмъ, что онъ разрушилъ весь строй жизни и внесъ въ нее раздоръ, послѣдствіемъ котораго явилось множество недоразумѣній, а отсюда — безконечныя жалобы на неисполненіе взаимныхъ договоровъ, масса долговъ и упадокъ отдѣльныхъ хозяйствъ.

Бывшіе неурожай ясно доказали такой упадокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и несостоятельность крестьянина выдерживать ихъ безъ особыхъ вспоможенствъ и ссудъ со стороны земства и государства; но если ссѣбразить, что исправное поступленіе государственныхъ доходовъ, и при томъ въ довольно крупной цифрѣ ихъ, обеспечивается благополучіемъ крестьянина, то всѣ означенныя вспоможенія, какъ временная мѣра, представляются палліативами, расчитываться на которые очень не легко, ибо вернуть ссуду находится въ прямой зависимости отъ колебанія цѣнъ на клѣбномъ рынкѣ, находящемся въ рукахъ того же эксплуататора. Естественно поэтому думать, что вывести крестьянина изъ того положенія, въ которомъ ока-

залеся онъ по силѣ обстоятельствъ, и упрочить его хозяйство можно было не иначе, какъ только новыми мѣрами, осуществленіе которыхъ совершается теперь. Среди такихъ мѣръ, самое важное является въ нашей мѣстности свободное пользованіе собственною землею, а достигается это не иначе какъ съ помощью банка. Приобрѣтеніе земли будетъ первымъ шагомъ на пути восстановления крестьянскаго хозяйства, послѣ чего можно повести рѣчь и объ усовершенствованныхъ способахъ обработки ея.

Думаю, что свѣдѣнія, способныя хотя отчасти освѣтить обстоятельства, при которыхъ предстоитъ дѣйствовать банку, не лишены нѣкотораго интереса, и дѣлюсь тѣмъ, что можно было извлечь изъ мѣстной статистики.

Въ минувшіе неурожайные года, когда крестьянскіе посѣвы сократились на 22%, сѣвъ земли на сторонѣ простирался до 517 т. десятинъ въ годъ; поэтому, можно предположить, что, при благоприятныхъ условіяхъ, въ частныхъ владѣніяхъ снимается крестьянами больше этого, и во всякомъ случаѣ не менѣе 600 т. десятинъ. Но какъ въ числѣ съемщиковъ находятся крестьяне всѣхъ вообще категорій, т.-е. и обладающіе полными надѣлами земли, и дарственники, то для сравненія въ урожайѣ послѣднихъ съ первыми требуется, можетъ быть, только половина или даже менѣе того количества. Пространство во всякомъ случаѣ громадное, котораго не можетъ выставить и самый земельный рынокъ; тѣмъ болѣе, что не каждый же предлагаемый въ продажу участокъ можетъ оказаться удобнымъ и выгоднымъ для крестьянъ. Два послѣднія обстоятельства ставятъ въ невозможность опредѣлить даже приблизительно срокъ, въ теченіи котораго крестьяне, нуждающіеся въ землѣ, приобретутъ ее, и вѣрнѣе разсчитывать, что обземеленіе совершится только постепенно. Въ пользу такой постепенности говорятъ также и существующіи на земли цѣны, размѣръ которыхъ потребуетъ громаднаго кредита.

Прежде, однако, чѣмъ указать ихъ, необходимо упомянуть, что степные нахатные участки въ качественномъ отношеніи считаются лучше земель приволжскихъ и цѣнятся выше; исключеніе составляетъ одинъ только саратовскій уѣздъ, въ которомъ земли, по случаю нѣкоторыхъ экономическихъ особенностей этого уѣзда, цѣнятся тоже высоко. Соответственно такому положенію и мѣстнымъ условіямъ, цѣны въ высшей степени разнообразны, а потому, чтобы установить болѣе правильный взглядъ на этотъ предметъ, удобнѣе придерживаться среднихъ цѣнъ, что я и сдѣлаю въ своихъ выводахъ. Такъ, на примѣръ, въ хвалынскомъ уѣздѣ, крайнемъ сѣверномъ по Волгѣ, который по количеству крестьянъ-дарственниковъ, сравнительно съ

другими уѣздами, занимает седьмое мѣсто, средняя цѣна на землю, при крѣпостной продажѣ ея, равна приблизительно 40 руб. за десятину; сѣмная же цѣна на землю подъ однолѣтній посѣвъ хлѣба озимаго—отъ 8 до 20 руб. за десятину и ярового—отъ 6 до 13 р.; въ сосѣднемъ съ нимъ волъскомъ уѣздѣ, лежащемъ ближе къ Саратову, самомъ большемъ по количеству крестьянъ-дарственниковъ, покупная цѣна десятины—60 руб., а сѣмная—озимая отъ 7 до 18, и яровая отъ 3 до 12 руб.; въ саратовскомъ уѣздѣ, второмъ по числу крестьянъ-дарственниковъ, покупная цѣна 70 руб., а сѣмная—озимая отъ 8 до 20, и яровая отъ 7 до 14 руб.; въ камышинскомъ уѣздѣ, лежащемъ южнѣе саратовскаго, девятомъ по числу дарственниковъ, покупная цѣна, тоже какъ и въ хвалынскомъ, 40 руб., а сѣмная—озимая отъ 5 до 25 р. и яровая отъ 4 до 10 руб., и, наконецъ, въ послѣднемъ по Волгѣ—царицынскомъ, десятомъ по числу дарственниковъ, покупная цѣна 15 р., а сѣмная—озимая отъ 4 до 18 и яровая отъ 3 до 10 руб. Въ степныхъ уѣздахъ такъ: въ кузнецкомъ, восьмомъ по количеству дарственниковъ, покупная цѣна 60 р., а сѣмная—озимая отъ 7 до 17, и яровая отъ 4 до 10 руб.; въ петровскомъ, четвертомъ по числу дарственниковъ, покупная цѣна 65 р., а сѣмная отъ 8 до 15 за озимую, и отъ 6 до 12 руб. за яровую десятину; въ сердобскомъ уѣздѣ, отступающемъ лучшимъ качествомъ земель, покупная цѣна 90 руб., а сѣмная отъ 10 до 25 руб. за десятину озимую, и отъ 7 до 28 руб. за яровую, между тѣмъ по числу дарственниковъ уѣздъ этотъ занимает шестое мѣсто; и т. д.

Изъ всего разнообразія цѣнъ сѣмныхъ и несоответствія ихъ къ продажнымъ цѣнамъ должно заключить, что возвышеніе ихъ обуславливалось не одною нуждою въ землѣ крестьянъ-дарственниковъ, но и коммерческими соображеніями; слѣдовательно, размѣръ цѣнъ обязанъ своимъ происхожденіемъ опять-таки посреднику-эксплуататору. Съ мѣстной точки зрѣнія, важность вопроса заключается теперь въ томъ:—выдержать ли настоящіе сѣмные цѣны на землю давленіе, которое несомнѣнно окажетъ на нихъ дѣятельность банка, и можно ли ожидать пониженія ихъ въ будущемъ, при сокращеніи спроса на землю со стороны нуждавшихся въ ней крестьянъ.

Въ непосредственной связи съ земельнымъ устройствомъ крестьянъ стоятъ уязвимыя въ печати вопросы: о преобразованіи волости во всеселенную; объ ограниченіи числа волостей, или—что одно и то же—о распріеделѣніи ихъ районово; объ уменьшеніи мировыхъ сборовъ. Все это вопросы, какъ принято нынѣ выражаться, — „назрѣвшіе“, по поводу которыхъ писалось и говорилось очень не мало, и я прошелъ бы ихъ молчаніемъ; но мѣстная жизнь представляетъ факты, требующіе сообщенія о нихъ.

Начну по пунктамъ—со всесословной волости. Съ своей стороны не берусь, говоря словами Щедрина, „спешившаствующимъ образомъ доказывать, какая отъ того есть принесимая польза“, не берусь потому, что имѣю въ виду „гласъ отъ народа“, высказывающійся за всесословную волость. Годъ тому назадъ одинъ сельскій обыватель—не изъ пахарей впрочемъ—полѣтетилъ въ „Сарае. Листы“ письмо „по поводу несправильностей въ назначеніи мірскихъ сборовъ“,—оканчивающееся такъ: „Учрежденіе всесословной волости, за которую высказались многіи земства и печать, болѣе чѣмъ какія-либо другія мѣры, могло бы разомъ покончить съ тѣми непорядками, уничтоженіе которыхъ зависитъ отъ самыхъ обществъ и ихъ правленій. Содержаніе всесословной волости обойдется населенію не болѣе 2 коп. съ десятины, или, переводя на платежныя души, не 12 коп. съ души, для крестьянъ, владѣющихъ шести-десятиннымъ надѣломъ. Въ этомъ случаѣ неправильно поглощаемыхъ миллионныхъ сборовъ, пожалуй, больше, чѣмъ въ предполагаемомъ сокращеніи выкупныхъ платежей“.

Останавливаясь на вопросѣ о всесословности обновленіе спрашиваютъ: чѣмъ именно выразится всесословность, при недостаткѣ необходимыхъ элементовъ для ея образованія? Въ дѣйствительности могутъ встрѣтиться и несомнѣнно встрѣтятся такіе случаи, когда все населеніе волости будетъ состоять изъ одного только крестьянскаго сословія, а въ другихъ волостяхъ, въ добавокъ къ крестьянскому населенію, обладателями недвижности окажется индустриалецъ, кулакъ и т. п., словомъ — посредникъ-эксплуататоръ. Такое положеніе вещей нельзя считать исключительнымъ, потому что подобныхъ волостей, особенно въ отдаленныхъ губерніяхъ, наберется не мало. Изъ числа помѣщичьихъ-дворянъ проживаютъ въ своихъ имѣніяхъ очень немногіе; большая часть ихъ обитаетъ въ городахъ, въ столицахъ и навѣщаетъ свои помѣстья рѣдко, а то и вовсе не бываетъ въ нихъ. Какое отношеніе будутъ имѣть эти отсутствующіе владѣльцы въ волости, кто долженъ замѣнять ихъ и обязательна ли такая замѣна? Если нѣтъ, то чѣмъ же выразится участіе ихъ въ волостныхъ дѣлахъ, и чѣмъ восполнится то гуманное вліяніе, которое они несомнѣнно оказали бы на эти дѣла? Затѣмъ: если такое вліяніе не признается существенно необходимымъ, то какой оборотъ могутъ принять мірскія дѣла, когда руководящій голосъ при обсужденіи и рѣшеніи ихъ будетъ принадлежать посреднику-эксплуататору, отъ котораго крестьянинъ и сейчасъ не знаетъ какимъ отреститься крестомъ, и отъ котораго онъ зависитъ матеріально, несмотря даже на то, что эксплуататоръ проживаетъ въ

селѣ пока еще не въ качествѣ общественика, а только на правахъ посторонняго человека?

Вотъ положеніе, которое, полагають, при осуществленіи всесословной волости представить дѣйствительность?

Отсюда прямой шагъ къ сокращенію волостныхъ правленій, въ количественномъ отношеніи. Въ прежнее время волости составлялись изъ нѣсколькихъ селъ и деревень, въ которыхъ насчитывалось населенія по 12 т. душъ и болѣе. Мелкія волости образовались вѣсть съ освобожденіемъ помѣщичьихъ крестьянъ, и если такая мѣра признавалась полезною тогда, то теперь она, какъ ослужившая требовавшуюся отъ нея службу, утратила значеніе и, можно сказать, не соответствуетъ изменившимся условіямъ жизни. Между тѣмъ, значительное число волостныхъ правленій, какъ показываетъ опытъ многихъ лѣтъ, продолжаетъ служить поводомъ къ увеличенію мирскихъ сборовъ на содержаніе волостной администраціи и, хотати сказать, сборовъ весьма разнообразныхъ и неравномѣрныхъ. Это — разъ. Во-вторыхъ, оно становится неудобнымъ потому, что очень ужъ много народилось сомскателей на мѣста волостныхъ писарей и ихъ помощниковъ, нисколько не подготовленныхъ къ такой важной дѣятельности ни предшествовавшею жизнью, ни знаніемъ народнаго быта, ни чѣмъ положительно. Въ третьихъ, оно расклонило перевѣску до невѣроятнѣйшихъ размѣровъ, большая половина которой приходится на долю неумѣлаго исполненія дѣла, или небрежнаго отношенія къ нему. Въ этомъ случаѣ волостныя правленія представляютъ такіе примѣры незнанія, которые сразу показываютъ, что „волостная братія“, погрузившись въ „отписку бумагъ“, совершенно извратила смыслъ своего назначенія и отдалась отъ народной жизни настолько, что не считаетъ, напримѣръ, обязательнымъ для себя помочь неграмотному крестьянину или отставному солдату, когда у нихъ случится „бумажное дѣло“, въ ихъ незнаніи и неумѣлости объяснить имъ сущность дѣла и направить куда слѣдуетъ. За то въ саратовской губерніи, напримѣръ, есть такіа волостныя правленія, которыя посылають въ годъ по 1200 бумагъ и болѣе, и это только бумагъ, не считая слѣдующихъ къ нимъ приложений въ видѣ вѣдомостей, отчетовъ и т. п. Если упомянуть, что здѣсь около 300 волостей, то повятно будетъ, во что это писаніе обходится народу, въ особенности при той роскоши, которую позволяютъ себѣ волостныя правленія! Такъ, волостной писарь можетъ писать только на лучшей бумагѣ, печатаетъ бланки не иначе какъ съ виньетками, чернила употребляетъ тоже дорогія, иногда цвѣтныя. Мнѣ случалось видѣть бумаги изъ волостныхъ правленій на бланкахъ, отпечатанныхъ на дорогой почтовой бумагѣ, и конверты, заклеенные облат-

каки, отпечатанными золотомъ. Уже одно это, повидимому, мелочное обстоятельство, показываетъ, что люди, стоящіе къ народу лицомъ къ лицу и имѣющіе полную возможность знать его нужду ближе и лучше другихъ, цѣнятъ ни во что трудовой мірской грошъ!

Въ послѣдніе годы не одинъ разъ поднимали вопросъ о необходимости сокращенія въ правительственныхъ учрежденіяхъ переписки, и виновниками этой переписки признавались, повидимому, означенныя учрежденія. Какъ на радикальную мѣру для сокращенія указывалось на оплату правительственныхъ бумагъ почтовымъ сборомъ. Полагаю, что такая мѣра мало еще поможетъ, переписки не уменьшить, а расходы увеличить. Единственнымъ средствомъ для сокращенія переписки можетъ считаться, на первый разъ по крайней мѣрѣ и при существующемъ строѣ учреждений, уменьшеніе числа волостныхъ правленій, какъ источниковъ всѣхъ возможныхъ переписокъ. Сократите число волостныхъ правленій на половину — настолько же уменьшится во всѣхъ учрежденіяхъ и переписка, и сократится настолько безъ ущерба для дѣла и для народныхъ потребностей, но наоборотъ — съ очевидною пользою для того и другого. Намъ кажется, что въ мѣстностяхъ, густо населенныхъ, двѣ и даже три маленькія волости, по полторы, по двѣ тысячи душъ, легко могли бы слиться въ одну. Выгоды отъ такого соединенія, кромѣ централизаціи мѣстнаго управленія, очевидны до осязательности: многочисленная волость можетъ выставить большее число кандидатовъ изъ лучшихъ людей на волостныя должности, которые тогда получили бы совсѣмъ иное нравственное значеніе, затѣмъ — единство духа въ управленіи и, наконецъ, сокращеніе расходовъ.

Несмотря на неудовлетворительную постановку дѣла въ волостныхъ правленіяхъ, народъ даетъ весьма щедрое вознагражденіе служащимъ тамъ лицамъ, и „жалованье“ волостнымъ старшинамъ и писарямъ простирается до 600 руб. въ годъ каждому; но упомянутый мною выше сельскій обыватель въ томъ же письмѣ говоритъ: „Чтобы опредѣлять по совѣсти, какимъ вознагражденіемъ долженъ довольствоваться старшина, необходимо обратиться къ обязанностямъ послѣдняго. По закону, членъ волостного правленія, въ томъ числѣ и старшина, обязаны собираться [въ правленіи въ свободное время, преимущественно въ праздничные дни. Законъ этотъ достаточно примѣнимъ къ дѣйствительности, но, къ сожалѣнію, та же дѣйствительность превратила явныя обязанности старшины въ ежесекундное толченіе воды въ ступѣ. Возлагаемое же закономъ исполненіе обязанностей поглотить въ году четверть времени, иначе говоря четверть рабочей силы. Отнятіе послѣдней отъ хозяйства стѣбитъ, самое большое, 50 руб. въ годъ. Значитъ, въ такомъ именно размѣрѣ воз-

награжденіемъ и долженъ довольствоваться старшина. Кромѣ того, справедливая оцѣнка труда сама по себѣ уничтожить тѣ подпольныя домогательства къ выборамъ, какія мы видимъ повсюду теперь“.

Назвывая такое „вознагражденіе старшинѣ, сельскій обыватель, повидимому, опредѣляетъ его обязанности только приложеніемъ тамги къ „исходящимъ“ бумагамъ; однако же если бы даже старшины и безукоризненно исполняли возложенныя на нихъ обязанности, то, принимая въ соображеніе малонаселенность волостей, нельзя не сказать, что получаемое нынѣ старшинами вознагражденіе очень велико и не можетъ не служить причиною „подпольныхъ домогательствъ къ выборамъ“, въ чемъ, конечно, и заключается главное зло. „Въ пинеровской волости—продолжаетъ сельскій обыватель—недавно только кончилась попойка со стороны цѣлой массы мироѣдовъ, старавшихся захватить должность старшины на предстоящихъ выборахъ. Въ ивановской волости набраніе старшины производится 10-ти-дворными выборными, набираемыми сельскимъ сходомъ. Ивановскіе же мироѣды, купно съ волостнымъ писаремъ, пошли по дворамъ и намѣтили въ эти выборные кого имъ угодно“.

Что касается вознагражденія, назначаемого волостному писарю, то его нельзя имѣть однимъ „жалованьемъ“, потому что писарь пользуется сверхъ того готовымъ помѣщеніемъ съ отопленіемъ и освѣщеніемъ его, имѣетъ готовую прислугу. При такой обстановкѣ, онъ обладаетъ полною возможностью обзавестись домашнимъ хозяйствомъ, можетъ сѣять и нерѣдко сѣять хлѣбъ, то же не безъ мирской помощи. Переложимъ все это на деньги, примемъ въ соображеніе дешевизну деревенской жизни и ея нетребовательность и тогда будетъ понятно, сколько даетъ миръ на свою администрацію.

И это опять-таки не все. Въ распоряженіи волостныхъ служаекъ находятся, собираемые тоже съ міра, такъ называемыя „канцелярскія суммы“ и волостная ямщина. По поводу ихъ сельскій обыватель сообщилъ: „Мнѣ приходилось въ качествѣ учетчика разсматривать счета въ волости, и счетоводство волостного правленія оказалось способнымъ пожирать расходныя статьи такого рода: 7 пуд. саланныхъ свѣчъ, 12 стопъ бумаги въ годъ и т. п. Ивановская волость состоитъ всего изъ пяти обществъ, съ населеніемъ въ 1400 душъ, и платила на содержаніе волостныхъ лошадей по 600 руб... Писарь волости, отставной солдатъ, заявилъ скodu, что онъ долженъ развѣзжать на тройкѣ лучшихъ лошадей, а обязательства ямщика принялъ на себя мѣстный полицейскій урядникъ! Пинеровская волость, состоящая изъ одного общества въ 1500 душъ, имѣетъ развѣзды до г. Балашова лѣтнимъ путемъ въ 7 верстъ, а зимнимъ въ 3 версты, между тѣмъ для развѣзда волостныхъ и сельскихъ долж-

ностныхъ лицъ содержитъ 6 лошадей, за которыхъ платитъ болѣе 500 руб. въ годъ. Тростянская волость, имѣя разѣзды въ 6 верстъ, платитъ за ямщину около 600 руб. Хорошо зная всѣ потребности въ разѣздахъ волостныхъ должностныхъ лицъ, смѣло можемъ сказать, что ивановская волость должна расходовать на ямщину 100 р., а послѣднія по 60 руб. въ годъ. Куда именно ѣздить на этихъ лошадяхъ?—спрашиваетъ обыватель и отвѣчаетъ:—на базаръ, да къ праздникамъ больше, а разѣзды по обязанностямъ—дѣло второстепенное... Буквально каждый день, а то и на дню два раза приѣзжаютъ въ г. Балашовъ если не сами волостные чины, то ихъ дражайшія половины съ чадами и домочадцами“...

Замѣнутость финансовой части волостныхъ и сельскихъ правлений, безгласность отчетовъ, извѣстныхъ только небольшому кружку учетчиковъ,—не мало конечно способствуетъ существованію такихъ порядковъ, или безпорядковъ—какъ хотите,—о которыхъ рассказываетъ „сельскій обыватель“. На самомъ дѣлѣ „мірской сборъ“—это до сихъ поръ невѣдомая и неизслѣдованная область: способы раскладки и взиманія сборовъ, порядокъ исполненія крестьянами этой повинности; вездѣ ли они одинаковы, какими началами руководствуются общины въ установленіи сборовъ на тотъ или другой предметъ, въ какихъ потребностяхъ заключаются волостныя и сельскія надобности—ничего въ подробностяхъ неизвѣстно; тогда какъ общая сумма этихъ сборовъ очень значительна. У меня есть свѣдѣнія по этому предмету за 1881 годъ, и они показываютъ, что итогъ сборовъ превышалъ тогда 1.262,000 рублей!!..

Различіе окладовъ служащимъ и разнообразіе мѣстныхъ потребностей, на выполненіе которыхъ взимаются мірскіе сборы, влекутъ за собою такіа послѣдствія, которыя указываютъ на неодинаковость размѣровъ обложенія. Такъ, напримѣръ, въ томъ же 1881 году самую меньшую сумму волостного сбора платилъ вольскій уѣздъ, а именно, въ среднемъ выводѣ — 51 коп. съ души, а самую большую сердобскій уѣздъ—84 коп. съ души; въ сельскомъ сборѣ меньшее обложеніе принадлежало балашевскому уѣзду—66 коп. съ души, а наибольшее аткарскому—2 р. 56 коп. съ души; въ общемъ же низшее мѣсто занималъ балашовскій уѣздъ (на неправильность сборовъ въ которомъ указываетъ сельскій обыватель), именно, 1 р. 30 коп., а высшее аткарскій—3 р. 22 коп. съ души.

Такіе факты представляетъ настоящее положеніе вещей, и реформы послѣдняго времени — тѣ, которыя уже совершились, и тѣ, которыя ожидаются — кажутся какъ бы отвѣтами на вопросы, поставленные жизнью. Но въ дополненіе къ тѣмъ преобразованіямъ, которыя предполагаются для уѣзднаго самоуправленія, съ мѣстной точки зрѣнія представляется далеко не лишнимъ учрежденіе при

земскихъ управахъ адвокатуры, въ видахъ облегченія крестьянамъ ходатайствъ по ихъ дѣламъ. Въ дореформенное время, при палатахъ государственныхъ имуществъ и при удѣльныхъ конторахъ имѣлись для государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ особые стряпчие, на обязанности которыхъ лежала защита интересовъ крестьянъ и веденіе ихъ дѣлъ. Теперь крестьяне, предоставленные самимъ себѣ, въ случаѣ возникновенія у нихъ дѣлъ, подвергаются громаднымъ и часто напраснымъ издержкамъ, а съ учрежденіемъ земской адвокатуры—если не постоянной, то по крайней мѣрѣ временной, до развитія въ крестьянствѣ грамотности—подобные случаи не могли бы встрѣчаться.

Н. И.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-ое іюня, 1883.

Разсужденія иностранцевъ о Россіи и о русскихъ дѣлахъ.—Возможныя недоумѣнія и ихъ разгадка.—Правители Черногоріи и Болгаріи.—Новѣйшая французская политика и ея значеніе.—Соціальный вопросъ въ Англіи.—Британская нетерпимость.—Шульце-Делачъ и Эд. Лабуэзъ †.

I.

„Въ настоящую минуту“ (въ половинѣ мая), — какъ заявляютъ одинъ изъ авторитетныхъ органовъ англійской печати, — „общее вниманіе Европы отвлечено отъ другихъ дѣлъ глубокими интересомъ, возбуждаемыми пышными празднествами въ Москвѣ“.

И дѣйствительно, главнѣйшія заграничныя газеты воспользовались описаніями московскихъ торжествъ, и занялись по ихъ поводу разсужденіями о Россіи и о русскихъ дѣлахъ.

Иностранные представители и корреспонденты, собравшіеся въ Москвѣ, могутъ сообщить своимъ соотечественникамъ не мало любопытныхъ свѣдѣній. Оказывается, что мы — народъ хорошій, гостепріимный и чрезвычайно богатый. Наша роскошь носить на себѣ, правда, „восточный характеръ“; въ нашихъ нравахъ „есть много наивнаго и патріархальнаго“, — но въ общемъ, аттестація, даваемая намъ иноземными гостями, звучитъ несомнѣнною похвалою. Что наиболѣе поразило иностранцевъ — такъ это настроеніе народное. Нужно замѣтить, что за-границею придаютъ почему-то особое значеніе статьямъ „Московскихъ Вѣдомостей“ по внутреннимъ вопро-

самъ; статьи этой газеты чаще всего приводятся и обсуждаются въ европейской печати, при оцѣнкѣ намѣреній и плановъ нашихъ правительственныхъ сферъ, такъ что представленія о нашихъ дѣлахъ получаютъ тамъ крайне одностороннюю окраску. Судя по постояннымъ призывамъ г-на Каткова къ мѣрамъ укрощенія и запрещенія, заграничные публицисты могли думать, что у насъ государственная власть не имѣетъ возможности вполнѣ довѣряться народу. Но видѣнное и слышанное въ Москвѣ и въ другихъ мѣстахъ должно было возбудить цѣлый рядъ недоумѣній со стороны безпристрастныхъ иностранныхъ наблюдателей.

Неужели этотъ добродушный, восторгающійся народъ,—невольнo спрашивали себя иностранцы,—есть тотъ самый народъ, для котораго московскіе патріоты не имѣютъ въ запасѣ ничего лучшаго какъ только ежовыя рукавицы и безгласный застой? Повидимому, чувства народныхъ массъ не оставляютъ ничего желать даже съ точки зрѣнія „Московскихъ Вѣдомостей“;—чѣмъ же объяснить слѣдую вражду къ малѣйшей попыткѣ внести свѣтъ правды и законности въ область интересовъ столь благонадежнаго и смиреннаго большинства населенія? Гдѣ тутъ оправданіе той теоріи, что всякое расширеніе правъ народа, всякое улучшеніе его быта и всякое усовершенствованіе администраціи неизбѣжно наносятъ ущербъ достоинству „твердой власти?“ Гдѣ тутъ матеріалъ для желчныхъ выходокъ „охранителей“, проповѣдниковъ суроваго недоувѣрія и обузданія?

„Европа видитъ теперь, какъ бы въ силу внезапнаго откровенія,—говоритъ „Daily News“, —какой глубокой и сильный родникъ преданности находится въ распоряженіи власти въ Россіи... Очевидно, что горькая зима неудовольствія прошла; тучи и мракъ, принесенные ею, разсѣялись, и настало время солнечнаго свѣта и удовлетворенія“. Другими словами, между властью и народомъ существовала все-таки тѣнь разлада, которая, по мнѣнію иностранцевъ, могла оправдывать крутую проповѣдь г. Каткова и его единомышленниковъ; но эта тѣнь исчезла, и вмѣстѣ съ нею должны устраниться печальныя недоразумѣнія недавняго прошлаго. Поэтому для названнаго англійскаго органа кажется несомнѣннымъ, что „предстоитъ важная перемѣна въ русской политикѣ, и Россія является въ новомъ видѣ въ глазахъ современнаго поколѣнія“.

Если настроеніе нашего народа есть новость для Европы, то оно, однако, было всегда хорошо извѣстно намъ самимъ. Народъ никогда не давалъ повода къ тѣмъ рѣзкостямъ и строгостямъ, которыя сыплются въ него на страницахъ „Московскихъ Вѣдомостей“; масса нашего населенія всегда заслуживала гораздо большаго снисхожденія и сочувствія со стороны государства, чѣмъ какое рекомендуется правительству самодовольными публицистами Москвы. Правда, и

„Московскія Вѣдомости“ принуждены были сознаться теперь, что русскій народъ достоинъ получить нѣкоторыя уступки и облегченія, — а именно, свободу отъ „гнета интеллигенціи“ обѣихъ столицъ, свободу отъ права участія въ отправленіи правосудія въ качествѣ присяжныхъ, свободу отъ своихъ собственныхъ правъ и достоиній. Такія лицемѣрные указанія остаются, конечно, только злою пронию и производятъ впечатлѣніе рѣзкаго диссонанса среди чистосердечнаго праздничнаго настроенія, вызваннаго торжествомъ коронаціи. Въ Высочайшихъ рескриптахъ на имя главныхъ государственныхъ дѣателей указываются совершенно нныя начала внутренней и вѣдшей политики, — начала, прямо противоположныя стремленіямъ московскихъ охранителей. „Развитіе и улучшеніе разнообразныхъ условій народной и государственной жизни Россіи вызываютъ необходимость соотвѣтственныхъ въ законодательствѣ усовершенствованій“, — говорится въ одномъ рескриптѣ. Въ другомъ — признается настоятельность „заботъ объ облегченіи народныхъ тягостей“, а также важность „искренняго уваженія къ наукѣ и яснаго пониманія ея значенія въ сферѣ государственнаго управленія“. Наконецъ, относительно международныхъ интересовъ, заявляется прямо, что „обширность государства, многомилліонность его населенія, не даютъ мѣста никакимъ завоевательнымъ помысламъ. Мирное развитіе силъ Россіи, преуспѣваніе сыновъ ея на разнообразныхъ поприщахъ гражданской жизни, процвѣтаніе всякаго полезнаго труда, составляютъ исключительно предметы государственныхъ попеченій и всегда будутъ служить предпочтительными побужденіями миролюбивой политики нашей, — политики, неизмѣнно направленной къ охраненію какъ дружественныхъ, на договорахъ основанныхъ, отношеній къ прочимъ державамъ, такъ и непоколебимаго достоинства имперіи“. Само собою разумѣется, что этотъ послѣдній рескриптъ, данный на имя министра иностранныхъ дѣлъ, долженъ обратить на себя наибольшее вниманіе за-границею, какъ первая торжественно заявленная политическая программа новаго царствованія. Въ широкія рамки этой программы можетъ войти все то, чего ожидаютъ и къ чему стремятся лучшіе передовые люди Россіи. Всестороннее примѣненіе принциповъ, выраженныхъ въ Высочайшихъ рескриптахъ, уничтожило бы тѣмъ недоразумѣній, окружающихъ еще нашу общественную жизнь и ставящихъ въ тупикъ иностранцевъ, не привыкшихъ къ голому безпредметному мистицизму въ области практической политики. Во всякомъ случаѣ, для общественнаго мнѣнія Европы будетъ полезно убѣдиться, что фапастическія тенденціи гг. Каткова и Аксакова далеко не раздѣляются руководящими правительственными сферами въ Россіи.

Что касается заявленій о миролюбіи, то онѣ получаютъ особенную

силу въ виду тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ они высказаны, послѣ прибытія въ Москву блестящихъ представителей европейскихъ и азіатскихъ государствъ. Въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ не разъ поднимались у насъ воинственные голоса, пытавшіеся заглушить насущныя нужды и задачи внутренней жизни громкими планами походовъ на сосѣднія страны—на Австрію и Германію. Всѣмъ еще памятна энергическая рѣчь покойнаго генерала Скобелева, отыскавшего корень зла внѣ насъ самихъ и нашего обширнаго отечества—въ злополучныхъ нѣмцахъ. Передъ Европою носился уже какъ будто ужасающій кошмаръ истребительной бессмысленной рѣзни между двумя могучими расами—славянскою и германскою. Возможность и даже неизбежность такого столкновенія все болѣе входила въ сознаніе людей, интересующихся политическими дѣлами, — а то, что сознается какъ неизбежное, совершается рано или поздно сознательно, подъ вліяніемъ убѣжденія, что таковъ уже приговоръ судьбы или, какъ говорятъ, исторіи. Люди очень часто склонны забывать, что исторія дѣлается ими же самими или имъ подобными, что событія не падаютъ на насъ съ неба, а готовятся исподоволь заинтересованными дѣятелями, и что сваливать на судьбу наши ошибки и увлеченія по меньшей мѣрѣ безцѣльно. Фатализмъ столь же вреденъ и непримѣнимъ въ государственной жизни, какъ и въ жизни частной. Слѣдовать пагубному теченію, рассчитывая на „авось“, — значитъ слѣпо идти на встрѣчу катастрофамъ, которыя можно было бы предвидѣть и предотвратить. Пророчества, въ родѣ Скобелевскаго, возбуждаютъ опасныя инстинкты, затрудняютъ взаимное довѣріе народовъ и направляютъ умы въ дурную сторону. Толки нашихъ легко воспламеняющихся патріотовъ, готовыхъ щедро проливать чужую кровь, приняты были въ Европѣ какъ нѣчто серьезное, и быть можетъ, эти славянофильскія угрозы были непосредственною побудительною причиною заключенія новаго тройственнаго союза между Германією, Австрією и Италією. Малыя причины ведутъ нерѣдко къ крупнымъ послѣдствіямъ, и это, къ сожалѣнію, бываетъ чаще въ дурномъ, чѣмъ въ хорошемъ. Посѣщеніе Вѣны и Берлина нашими министрами иностранныхъ дѣлъ отчасти изгладило впечатлѣніе угрожающихъ рѣчей русскихъ героевъ, газетныхъ и иныхъ. Европейскіе кабинеты поняли, что порывы кровожаднаго честолюбія могутъ вызываться временною потребностью въ самообманѣ, безъ всякаго отношенія къ дѣйствительнымъ потребностямъ страны и къ реальнымъ задачамъ государства. Теперь нигдѣ уже не приходится встрѣчать предсказанія неминуемыхъ будто бы войнъ и битвъ; общая увѣренность въ прочности мира усилилась, и она укрѣпляется еще болѣе самымъ характеромъ московскихъ празднествъ, получившихъ какъ бы международное значеніе. Великія державы прислали въ

Москву своихъ наиболѣе выдающихся дипломатовъ, которые изъ этой взаимной встрѣчи „на рубежѣ между Западомъ и Востокомъ“ вынесли, вѣроятно, успокоительныя представленія о будущемъ. Между прочимъ, они могли лично удостовѣриться, что настоящій русскій народъ не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ зловѣщимъ сфинксомъ, какимъ представляется онъ въ прорицаніяхъ патріотовъ въ духѣ г. Алексова, и что, — выражаясь словами одного изъ англійскихъ корреспондентовъ, — „нѣтъ болѣе доброжелательнаго, болѣе чистосердечнаго и услужливаго простонародья, чѣмъ русское“.

Въ числѣ почетныхъ гостей, присутствовавшихъ на коронаціи въ Москвѣ, находились два балканскіе правителя — князь Николай черноморскій и князь Александръ болгарскій. Первый проѣхалъ въ Россію черезъ Вѣну, а второй — Аѳины и Константинополь. Съ путешествіемъ ихъ не связывалось на этотъ разъ никакихъ специальныхъ политическихъ цѣлей; по крайней мѣрѣ, даже подозрительная австрійская печать не находитъ тутъ ничего особеннаго, ничего такого, что допускало бы двусмысленные комментаріи. Князь Николай, во время пребыванія своего въ Вѣнѣ, имѣлъ случай объяснить характеръ своихъ обязательныхъ нравственныхъ отношеній къ Россіи, и эти объясненія его, въ видѣ разговора съ какимъ-то австрійскимъ сановникомъ, напечатаны были въ вѣнскихъ газетахъ. Относительно болгарскаго князя раздаются по временамъ нареканія на то, что онъ отдалъ страну въ управленіе русскимъ генераламъ; почему онъ это дѣлаетъ, и дѣйствительно ли въ Болгаріи нѣтъ элементовъ для самостоятельнаго національнаго управленія, — мы не знаемъ; но для насъ ясно, что Россія не имѣетъ никакого интереса навязывать болгарамъ ту или другую систему администраціи, а тѣмъ болѣе такую, которая не пользуется популярностью среди заинтересованнаго населенія. Очень возможно, что при переходномъ неустоившемся положеніи дѣлъ въ Болгаріи, ею могутъ управлять съ пользою только русскіе военные люди; но оцѣнка этого обстоятельства должна быть предоставлена прежде всего самимъ болгарамъ. Такъ оно и есть вѣроятно, и нужно только поздравить русское военное сословіе съ тѣмъ, что изъ его среды рекрутируются министры для другихъ, хотя и маленькихъ государствъ. Утверждаютъ, что князь Александръ — правитель вполне самостоятельный, не подчиняющійся постороннимъ внушеніямъ; эту мысль подробно доказываетъ „Кельнская Газета“, ссылаясь на отдѣльныя дѣйствія его, предпринятія вопреки совѣтамъ или намѣреніямъ Россіи, — какъ на примѣръ, по вопросу объ отиженіи конституціи на семь лѣтъ, о поѣздкѣ въ Константинополь и т. п. Никто конечно не станетъ порицать князя Александра за то, что онъ дѣйствуетъ несогласно съ волею покровительствующей ему державы, — если только онъ не

поступаетъ вопреки интересамъ и желаніямъ своего собственнаго народа.

II.

Изъ иностранныхъ дипломатовъ, посѣтившихъ Россію по случаю коронаціи, обращалъ на себя особенное вниманіе чрезвычайный полномочный представитель французской республики, бывшій глава кабинета, сенаторъ Ваддингтонъ. Ему приписывалась кака-то важная политическая миссія, которую онъ долженъ былъ выполнить въ Берлинѣ, въ свиданіяхъ съ императоромъ Вильгельмомъ и съ княземъ Бисмаркомъ. Ваддингтонъ приобрѣлъ себѣ нѣмецкія симпатіи со времени своего участія въ берлинскомъ конгрессѣ; онъ казался потому самымъ подходящимъ лицомъ для примирительной роли по отношенію къ Германіи.

Нѣмецкая печать, не исключая министерской, часто останавливалась въ послѣднее время на симптомахъ возрождающейся французской ненависти къ нѣмцамъ, въ связи съ усиливающимися вооруженіями Франціи. Парижскія газеты также не оставались въ долгу и обвиняли прусскую дипломатію въ самыхъ коварныхъ планахъ. Подобная полемика не обѣщала ничего хорошаго, и министерство Жюль Ферри рѣшилось положить ей конецъ наиболѣе дѣйствительнымъ способомъ. На Ваддингтона невозможно было порученіе разъяснить въ Берлинѣ истинныя цѣли современной французской политики въ области вѣнскихъ дѣлъ, — цѣли по преимуществу колоніальныя, касающіяся отдаленныхъ странъ и морей, гдѣ никакого соперничества съ Германіею нѣтъ и быть не можетъ.

Франція отстранилась отъ шумнаго участія въ дѣлахъ континентальной Европы и вступила на новый политическій путь, открывшійся впервые тунискою экспедиціею. Колоніальная политика долго проповѣдовалась экономистами и политическими дѣятелями разныхъ направленій. Редакторъ журнала „Economiste“, Поль Леруа-Болье, съ замѣчательною настойчивостью повторялъ еженедѣльно свои вѣселошій аргументы въ пользу перенесенія центра тяжести французской политики изъ Европы въ другія части свѣта. Избытокъ французскаго богатства и предприимчивости могъ бы находить выгодное пожитіе въ далекихъ краяхъ; рабочія силы, волнуемыя на родинѣ по недостатку самостоятельнаго примѣненія, нашли бы обширное поле для плодотворнаго труда; усовершенствованная армія провѣрала бы свою боевую готовность и одерживала бы побѣды, сообразныя своимъ традиціямъ; наконецъ, и національное честолюбіе получало бы въ которое удовлетвореніе, и со временемъ, быть можетъ, примирилось бы фактически съ потерей Эльзаса-Лотарингіи, цѣною новыхъ по-

лоніальныхъ приобрѣтений. Очевидно, что такое направленіе между-народныхъ заботъ Франціи имѣетъ за себя очень много вѣсныхъ доводовъ; оно не связано съ значительнымъ рискомъ и способно дѣйствовать успокоительно на интересы мира съ Германскою имперіею.

Политика, истолкователемъ которой явился въ Берлинѣ миролюбивый и осторожный Ваддингтонъ, встрѣчена недружелюбно только въ Англіи, по весьма понятнымъ причинамъ. Англія издавна обладаетъ какъ бы монополіею всемірнаго колонизаторства, и конкуренція Франціи въ этой области не можетъ быть для нея желательною. Англичане протестовали противъ занятія Туниса и не затруднились овладѣть Египтомъ, возражали противъ французскихъ притязаній на Конго и присоединили Трансвааль, востаютъ противъ Тонкинской экспедиціи и въ то же время объявляютъ своимъ владѣніемъ Новую Гвинеею. Въ Тонкинѣ французы столкнулись еще съ интересами и требованіями Китая. Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Шальмель Лавуръ, бывшій нѣсколько лѣтъ тому назадъ посланникомъ въ Лондонѣ, не придаетъ значенія ни неудовольствію англичанъ, ни протестамъ китайской имперіи; онъ знаетъ по опыту, что такіа неудовольствія и возраженія легко устраняются „совершившимися фактомъ“ уснѣха. Франція слѣдуетъ только примѣру Англіи, а объ онѣ повинуются неодолимому давленію обстоятельствъ и ходу своего внутренняго экономическаго развитія. Обѣ страны страдаютъ какъ бы полнокріеіемъ—чрезмѣрнымъ обиліемъ богатствъ, земельною тѣснотою и потребностью въ сбытѣ промышленныхъ произведеній. Колоніи необходимы имъ не только для помѣщенія производительности, превышающей размѣры спроса на родинѣ, но еще болѣе для сбыта излишковъ рабочаго населенія, не находящихъ себѣ мѣста въ странѣ. Въ этомъ отношеніи эмиграція въ предѣлы самостоятельныхъ государствъ, каковы Соединенные Штаты, является очевидно недостаточнымъ и ненадежнымъ средствомъ. Отвлекать людей и продукты изъ переполненныхъ рынковъ метрополій, безъ ея ослабленія, правильнымъ и постояннымъ образомъ,—могутъ только свободныя колоніальныя владѣнія, нуждающіяся въ людяхъ и товарахъ. Конечно, это даетъ лишь побочный и второстепенный выходъ изъ затрудненій рабочаго или социальнаго вопроса, одинаково нагрѣвшаго въ обоихъ западно-европейскихъ государствахъ.

Счастливыя природныя условія Франціи и ея демократическій внутренній строй ставятъ ее въ положеніе болѣе благопріятное сравнительно съ Англіею. Французы переживаютъ социальныя недуги скорѣе умомъ и сердцемъ, чѣмъ тяжелымъ опытомъ жизни; у нихъ нѣтъ тѣхъ поразительныхъ контрастовъ и вопиющихъ историческихъ несправедливостей, которые на каждомъ шагѣ встрѣчаются у англичанъ. Феодалная аристократія до сихъ поръ господствуетъ въ Ан-

гнѣ, имѣя въ своихъ рукахъ значительнѣйшую часть земель королевства; каждая законодательная уступка въ пользу фермеров и поселанъ добывается еще съ чрезвычайнымъ трудомъ, а многія средневѣковыя преимущества лордовъ отстаиваются, какъ непримосовенная святыня. Герцогъ Аргайль, разошедшійся съ либеральною партіею изъ-за ирландской поземельной реформы, напечаталъ еще недавно пространное разсужденіе о томъ, что „очистка“ помѣстій отъ жилищъ поселанъ и превращеніе нелѣй въ пастбища для скота составляютъ прогрессъ въ сельскомъ хозяйствѣ, увеличивая доходъ землевладѣльца; а щекотливый вопросъ о томъ, куда дѣнутся поселане горной Шотландіи, начинавшие изъ своихъ наслѣдственныхъ участковъ и принужденные уступить свои мѣста болѣе доходнымъ рогатымъ животнымъ,—этотъ вопросъ разрѣшается высокопоставленнымъ авторомъ глухою ссылкой на безпоощадные „экономическіе законы“. Такіе доводы кажутся уже невыносимыми во Франціи, какъ невыносимы въ ней и самыя факты, лежащіе въ ихъ основаніи.

Соціальное зло несравненно сложнѣе и глубже въ Англіи, чѣмъ во Франціи; и однако англичане только теперь серьезно ставятъ себѣ роковую задачу, которая причинила уже столько волненій и беспокойствъ французамъ за послѣднее полустолѣтіе. Выселеніе обездоленныхъ въ другія части свѣта освобождало англичанъ отъ заботъ объ ихъ дальнѣйшей судьбѣ; эмиграція представляла тотъ спасительный клапанъ, который до поры до времени избавлялъ Англію отъ опасности соціальнаго взрыва. Традиціонныя привычки и свойства англійской государственной жизни давали мирный законный исходъ народнымъ требованіямъ, при помощи свободнаго публичнаго обсужденія дѣлъ на митингахъ и въ парламентѣ. Французы лишены были этихъ великихъ удобствъ; они воспитаны были на различныхъ формахъ принудительнаго самовлѣнія, а горячность темперамента не допускала того терпѣливаго реформаторскаго труда, который медленно и постепенно обновляется общественный бытъ въ Англіи. Соціалистическія стремленія французскихъ рабочихъ отличаются безусловностью и не терпятъ ни полумѣръ, ни компромиссовъ, они возлагаютъ всѣ надежды на творческую и объединяющую силу государства, которое однако не могло и не можетъ осуществить ихъ ожиданія даже при самой радикальной республикѣ. Этими объясняется усиленіе партій анархистовъ, враговъ всякой вообще государственности, въ противоположность „коллективистамъ“, мечтающимъ достигнуть экономическаго переворота путемъ революціонныхъ или мирныхъ законодательныхъ преобразованій. Республиканское правительство, не отказываясь отъ возможныхъ принципіальныхъ мѣръ для улучшенія быта рабочаго класса, рѣшилось прибѣгнуть къ той предохранительной слесомѣ колонизаціи, которая дала такіе

блестящіе результаты въ Англіи. Расширеніе колониальныхъ владѣній, увеличивая внѣшнее могущество націи, облегчаютъ въ то же время достиженіе важныхъ внутреннихъ цѣлей государства въ сферѣ социальнаго вопроса. Вотъ почему новѣйшая политика Франціи имѣетъ въ сущности гораздо болѣе глубокой смыслъ, чѣмъ придаютъ ему дипломаты и публицисты, толкующіе о несправивимой воинственности французовъ.

Въ англійской печати все чаще высказывается сознаніе, что и Англія не избѣгнетъ лихорадочныхъ пароксизмовъ революціи, если господствующіе классы — поземельный и промышленный — будутъ по-прежнему довольствоваться допущеніемъ эмиграціи и приобрѣтеніемъ новыхъ колоній. Не всѣ недовольные имѣютъ средства на переселеніе; не всѣ согласны покидать насаженные мѣста, и большинство бѣдствующихъ британскихъ гражданъ ждетъ еще того реформатора, который освободилъ бы ихъ изъ-подъ гнета нагроможденныхъ надъ ними богатствъ. Бездомное населеніе, выгнанное изъ селъ, нашло печальный пріютъ на фабрикахъ и заводахъ; но послѣ долгаго процвѣтанія промышленности настало время кризисовъ; производство далеко перешагнуло за предѣлы спроса; рынки завалены продуктами, которыхъ негдѣ сбыть, вслѣдствіе возвысившейся самостоятельной производительности другихъ странъ, которыя прежде снабжались англійскими товарами. Производство должно было или сокращаться или отыскивать себѣ новыя мѣста для выгоднаго сбыта; массы трудящихся теряли работу и оставались въ крайне непрочномъ, иногда невыносимомъ положеніи. Государственная помощь не идетъ далѣе законнаго попеченія о бѣдныхъ; еще менѣе можетъ сдѣлать частная благотворительность. Армія въ 900,000 бѣдныхъ содержится въ Англіи на казенный счетъ; сверхъ того, около 500,000 людей получаютъ пособія отъ казны въ Ирландіи, а громадная масса нуждающагося народа стоитъ еще внѣ этихъ официальныхъ цифръ, пробавляясь ничтожными временными заработками или милостынею.

Въ статьѣ, помѣщенной въ майской книжкѣ журнала „Nineteenth Century“, членъ парламента Смитъ предлагаетъ принять энергическія мѣры для спасенія десятковъ тысячъ дѣтей, обреченныхъ на безвозвратную гибель въ трущобахъ немущихъ родителей. Онъ рекомендуетъ вывозить этихъ дѣтей въ колоніи, гдѣ изъ нихъ вышли бы полезные работники и граждане. „Намъ отвѣтять, пожалуй, — говоритъ Смитъ, — что принципъ „laissez faire“, столь заманчиво проповѣдываемый прежними экономистами, долженъ удерживать государство отъ вмѣшательства въ такъ-называемые „естественные законы“. Считалось, что человѣческіе грѣхи и бѣдствія были законнымъ послѣдствіемъ старыхъ обществъ, и что бесполезно нарушать законы природы. Эта возмутительная философія эгоизма теперь уже вымираетъ;

даже люди, стоящіе твердо на почвѣ личнаго интереса, требуютъ теперь радикальнаго устраненія зла. Если за дѣло не возьмется государство посредствомъ дальновидныхъ и цѣлесообразныхъ законодательныхъ мѣръ, то вопросъ можетъ разрѣшиться среди бури народного раздраженія... Настанетъ время, когда пренебреженіе къ этимъ социальнымъ задачамъ разразится страшною местию надъ богатыми классами общества. Древній Римъ палъ вслѣдствіе полнаго невниманія къ потребности общественныхъ реформъ; первая французская революція была возмездіемъ за порабощеніе народныхъ массъ; современные динамитные заговоры въ Ирландіи составляютъ послѣдствіе вѣковыхъ пороковъ управленія и традиціоннаго пренебреженія участію бѣдныхъ. Если мы не очистимъ нашъ социальный организмъ отъ вредныхъ осадковъ и наростовъ, подтачивающихъ его въ самомъ основаніи, то мы неминуемо подготовимъ грозные удары для нашихъ потомковъ. Въ наши дни народныхъ правъ и неограниченной свободы слова и печати, никогда не слѣдуетъ утѣшаться тѣмъ, что „безгласный скотъ“ не произвелъ еще большого шума. Гораздо лучше предупредить громъ своевременнымъ удаленіемъ электричества. Безумно ждать, чтобы вулканъ пришелъ въ движеніе прежде чѣмъ мы станемъ законодательствовать. Мы поступали такъ въ Ирландіи, и мы видимъ результаты. Хорошій законъ терзаетъ всѣ свои достоинства, когда онъ приходитъ слишкомъ поздно; онъ принимается безъ благодарности, какъ вынужденная уступка. Нужно быть благоразумными во-время и не допустить, чтобы дремлющая еще подъ нами демократія вырывала клочками такіа права, которыя дальновидный законодатель долженъ предложить добровольно, прежде чѣмъ они требуются“.

Авторъ этихъ строкъ — не только не радикалъ, но даже не либералъ; онъ считается консерваторомъ и въ своихъ разсужденіяхъ основывается главнымъ образомъ на принципахъ христіанской религіи. Болѣе сильные и смѣлые умы пытались указать на тѣ практическіе способы, которыми можно бы приблизиться къ желанной пристани социальнаго мира. Генри Джорджъ, въ своей объемистой книгѣ: „О прогрессѣ и бѣдности“, пришелъ къ заключенію, что необходимо отменить частную поземельную собственность и признать землю общимъ достояніемъ всей націи; эту теорію американскій авторъ развивалъ на многочисленныхъ митингахъ въ Англіи, гдѣ имѣлъ повидимому успѣхъ и вызвалъ нѣкоторое движеніе, новое для Европы. Въ такомъ же родѣ высказывается Расселъ-Уеллесъ въ книгѣ о „Націонализациі земли“. Подобныя радикальныя рѣшенія остаются, однако, утопіями, и въ ожиданіи будущихъ событій, способныхъ превратить мечту въ дѣйствительность, англійское законодательство озабочено пока второстепенными направ-

ками и улучшениями существующаго. Между прочимъ парламентъ принялъ уже во второмъ чтеніи внесенный Гладстономъ проектъ закона объ арендномъ правѣ. Этотъ законъ обезпечиваетъ за каждымъ арендаторомъ право требовать вознагражденія за сдѣланныя имъ затраты на прочное улучшение участка, при окончаніи срока или прекращеніи аренднаго договора. Фермеры давно уже добиваются этого права, которое раньше признавалось только въ случаѣ отказа въ дальнѣйшей арендѣ со стороны землевладѣльца. Пока вырабатывалась эта, сравнительно неважная реформа, успѣли выдвинуться еще другіе вопросы изъ области ненормальныхъ поземельныхъ отношеній въ Англіи. Широкое поземельное переустройство останется необходимымъ девизомъ радикальной партіи, выступающей все замѣтнѣе среди старинныхъ общественныхъ перегородокъ англійскаго политическаго строя. Но реформа землевладѣнія едва ли рѣшитъ всѣ социальныя задачи въ странѣ, гдѣ большая часть богатства и труда принадлежит издавна промышленности и торговлѣ. Превращеніе фабричныхъ рабочихъ въ земледѣльцевъ должно было бы сопровождаться введеніемъ новой промышленной организаціи, о которой трудно еще пока составить опредѣленное понятіе. Много простора остается еще не только для хорошихъ мечтаній, но и для непосредственной практической работы, на пользу тѣмъ народнымъ массамъ, нужды которыхъ стоятъ теперь на первомъ планѣ во всѣхъ европейскихъ государствахъ, независимо отъ различій и особенностей управленія.

III.

Когда объявленъ былъ догматъ папской непогрѣшимости, то вольнодумцы находили его слишкомъ рискованнымъ съ точки зрѣнія здраваго смысла. Многимъ казалось, что притязаніе на безошибочность сужденій со стороны человѣка—все-таки человѣка, хотя и папы,—есть только слѣдствіе грѣховной гордыни. Но такого рода взглядъ имѣетъ примѣненіе не въ одному только данному случаю: покойный глава римской церкви открыто и торжественно формулировалъ лишь то, что сплосъ и рядомъ утверждается или предполагается обыкновенными смертными. Для каждого истина находится тамъ, гдѣ онъ ее видитъ или ищетъ. Личная увѣренность въ правдивости извѣстныхъ положеній играетъ наиболѣе важную роль, когда дѣло идетъ о вопросахъ отвлеченныхъ, не допускающихъ провѣрки. Тверже всѣхъ знаетъ тотъ, кто наименѣе понимаетъ; нетерпимость есть обычное свойство одностороннихъ и узкихъ умовъ. Но даже при высшемъ умственномъ развитіи можетъ поддерживаться принципъ непогрѣшимости по отношенію къ опредѣленному кругу

понятій; извѣстныя идеи могутъ быть изъяты изъ сферы свободнаго обращенія и объявлены разъ на всегда не подлежащими критикѣ, въ силу особаго публичнаго интереса, придаваемаго имъ. Полная свобода совѣсти отвергается уже не вслѣдствіе простой нетерпимости, а по постороннимъ причинамъ, политическимъ или общественнымъ.

Таково было между прочимъ пресловутое дѣло Бредло, возбуждавшее столько шуму въ Англіи. Бредло, выбранный въ члены парламента, пожелалъ уклониться отъ произнесенія установленной религіозной присяги и ограничиться формальнымъ утвержденіемъ своей вѣрности законамъ королевства. Палата отказала ему въ этомъ; — тогда онъ предложилъ принять присягу, но не былъ допущенъ къ тому, на основаніи заявленныхъ имъ въ парламентской комиссіи атеистическихъ воззрѣній. Бредло былъ выбранъ вторично и вновь не допущенъ къ присягѣ, по требованію консервативной оппозиціи. Въ его лицѣ нарушены были права избирателей; онъ выступилъ защитникомъ этихъ правъ, во имя основныхъ началъ англійской конституціи; произошла печальная сцена насилія, привлекавшая общественное сочувствіе на сторону пострадавшаго депутата. Правительство внесло между тѣмъ проектъ закона, по которому на будущее время допускалось бы простое утвержденіе, въ замѣнъ присяги. Бредло, выбранный въ третій разъ, выжидалъ исхода парламентскихъ преній. Не только консерваторы, но и ирландцы, и многіе изъ либераловъ возстали противъ министерскаго билля. Заговорили объ официальномъ освященіи безвѣрія, объ оскорбленіи христіанскаго чувства націи и объ опасности такого шага для религіознаго мира англичанъ. Любопытно, что въ числѣ противниковъ предложенной мѣры оказался сэръ Генри Вольфъ, обязанный своимъ допущеніемъ въ парламентъ измѣненію формулы присяги въ пятидесятихъ годахъ, по случаю избранія Ротшильда. Гладстонъ краснорѣчиво доказывалъ, что участіе въ работахъ парламента не можетъ зависѣть отъ вѣры лица, что нѣтъ возможности помѣшать атеистамъ засѣдать въ палатѣ, что они въ ней были и будутъ несмотря на формулу присяги, и что присяга должна имѣть такое содержаніе, которое никого не исключало бы изъ среды законно-избранныхъ представителей. Палата не согласилась, однако, съ доводами преньера и отвергла билль большинствомъ трехъ голосовъ. Это было первое серьезное пораженіе, нанесенное кабинету Гладстона. Нельзя сказать, чтобы большинство руководилось исключительно мотивами религіознаго ханжества или желаніемъ подставить ногу министерству. Тутъ было и традиціонное опасеніе за авторитетъ религіи, боязнь поколебать этотъ авторитетъ, признаваемый вѣрнѣйшею опорой аристократическаго общественнаго быта Англіи. Полагали, что приня-

тіе министерскаго проекта дало бы поводъ къ превратнымъ толкованіямъ въ народѣ и имѣло бы видъ спеціальной мѣры для удовлетворенія личныхъ домогательствъ „безбожника“ Бредло. Тѣмъ не менѣе очевидно, что при существующихъ въ Англіи способахъ законной общественной агитаціи нельзя будетъ долго стоять на точкѣ зрѣнія, усвоенной парламентомъ. Легальное право все-таки остается на сторонѣ избирателей, могущихъ посылать въ палату кого угодно, лишь бы онъ удовлетворялъ общимъ законнымъ условіямъ. На другой же день послѣ отклоненія билля, парламентъ вновь очутился лицомъ къ лицу съ непріятнымъ вопросомъ, въ лицѣ Бредло. Неутомимый депутатъ просилъ допустить его къ присягѣ или выслушать по крайней мѣрѣ защиту его правъ. Рѣчь Бредло была весьма прилична и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ поучительна. „Право выбора,—говорилъ онъ,—есть не привилегія, а право. Законъ можетъ отнять или уничтожить права гражданина, но палата общинъ сама по себѣ не можетъ отвергать или останавливать дѣйствіе законовъ,—ибо она только одна изъ составныхъ частей парламента. И хотя вы имѣете за собою право силы, но это право—плохое, когда оно противостоитъ праву закона. Могущественная власть, принадлежащая палатѣ, обязывала бы ее быть справедливою. Здѣсь разбирали и осуждали мои мысли, въ то время какъ я лишенъ былъ возможности высказывать ихъ. Повидимому, ораторы усердно читали все, что я когда-либо писалъ, и много такого, чего я никогда не думалъ писать. Меня обвиняли здѣсь, что я отрицалъ бракъ, отрицалъ семью;—ничего подобнаго не было и нѣтъ ни въ одной строчкѣ моихъ писаній. На меня вводятъ обвиненіе въ социализмъ и коммунизмъ, не зная моихъ дѣйствительныхъ принциповъ, которыхъ я неизмѣнно держался въ жизни. Но даже еслибы въ этомъ была правда, вы все-таки не имѣете права становиться между мною и моимъ мѣстомъ въ палатѣ. Избиратели послали меня сюда, въ качествѣ ихъ представителя; законъ даетъ мнѣ это мѣсто, и я требую его во имя закона. А тѣ члены, которые воснудили моего права, не разобравъ его,—которые нашли во мнѣ пороки, совершенно мнѣ невѣдомые,—пусть бросать въ меня камень, если чувствуютъ себя безгрѣшными, или же, справедливо осуждая меня за мои недостатки, пусть они, какъ праведные судьи, очистятъ свои совѣстные мѣста, послѣ того какъ отняли мѣсто у моихъ избирателей“.

Объясненія Бредло остались, разумѣется, гласомъ вопіющаго въ пустынѣ; но даже члены оппозиціи не могли не видѣть въ нихъ нѣкоторой доли основательности. Городъ, избравшій Бредло своимъ депутатомъ, лишенъ представительства безъ всякой законной причины,—ибо дѣло идетъ въ сущности о воззрѣніяхъ не отдѣльнаго лица, а цѣлой группы избирателей, желающихъ имѣть такого именно

довѣреннаго человѣка, который почему-либо неугодеенъ большинству въ палатѣ. Если предоставить членамъ парламента право отвергать непріятные имъ результаты выборовъ, то этимъ подрывалась бы въ самомъ корнѣ вся система представительства. Сегодня не допустимъ въ присягѣ предполагаемаго республиканца или радикала; затѣмъ откажутся принять неудобнаго оппонента и, наконецъ, дошли бы до того, что большинство произвольно уничтожило бы полномочія меньшинства. Можно вообразить себѣ такой случай, что многіе города Англіи захотятъ имѣть атеистовъ въ палатѣ; что же сдѣлали бы тогда члены оппозиціи. Почему охранители, будучи такими же выборными людьми, какъ и ихъ противники, обладали бы правомъ контролировать благонадежность послѣднихъ? Наконецъ, даже самыя возмутительныя убѣжденія и намѣренія могутъ свободно проходить въ парламентъ подъ прикрытіемъ фарисейской готовности исполнять всѣ требованія парламентскаго формализма. Не было бы разумѣется никакого „дѣла Бредло“, еслибы этотъ депутатъ благоразумно скрылъ про себя свое неаніміе и произнесъ присягу, словами которой не придавалъ значенія. Возбужденное вниманіе общества относилось такимъ образомъ не къ существу антирелигіозныхъ идей, а къ ихъ публичности. Парламентъ поставилъ себя, такимъ образомъ, въ крайне фальшивое положеніе, заявивши оцѣнку взглядовъ Бредло послѣ того, какъ послѣдній заявилъ желаніе принести установленную присягу. Эта ошибка потомъ повторилась палатою ради логической послѣдовательности, а попытка поправить дѣло общими законодательными актомъ показалась ужъ черезъ-чуръ серьезнымъ предпріятіемъ, не соответствующимъ важности самаго случая. Легче уже отступить отъ послѣдовательности, чѣмъ согласиться на реформу, безъ которой можно пока обойтись, — и въ концѣ концовъ парламентъ поневолѣ приметъ въ свою среду ненавистнаго Бредло, окруживъ предварительно имя его ореоломъ громкой популярности. Отъ всей этой долгой и горячей борьбы останется въ выигрышъ одинъ только представитель Нортгемптона, въ ущербъ нравственному достоинству палаты общины. Такъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ: даже тѣмъ несправедливаго преслѣдованія возвеличивается жертва и придаетъ ей силу героя. Временное торжество оппозиціи не усилитъ ея въ общественномъ мнѣніи, а для Гладстона оно все-таки составляетъ ударъ, способный повліять на судьбу министерства.

Съ разныхъ сторонъ дѣлаются уже предположенія о скоромъ выходѣ Гладстона въ отставку, и самъ премьеръ, при приемѣ одной депутаціи, наметнулъ на близкій конецъ своей политической карьеры. Возобновились также слухи о переходѣ его на отдыхъ въ палату лордовъ. Гладстономъ недовольны члены его собственной партіи, для

однихъ онъ слишкомъ крутъ и радикаленъ, для другихъ—медлительнъ и уступчивъ, для третьихъ—непостояненъ. Гладстонъ напоминаетъ собою тѣхъ полководцевъ, которые прекрасно умѣютъ организовывать побѣду, но не умѣютъ ею пользоваться; онъ можетъ возбуждать общество своими пламенными рѣчами, подготовить обширную законодательную реформу, провести смѣлый билль, но ему недостаетъ искусства сохранять и увеличивать силы своей партіи, укрѣплять свою популярность эффектнымъ способами и приобретать такихъ ярыхъ поклонниковъ, какіе были у лорда Биконсфильда. Биконсфильдъ всегда чувствовалъ за собою крѣпкую, тѣсно сплоченную и имъ же дисциплинированную армію консерваторовъ, готовыхъ слѣдовать за нимъ куда угодно,—тогда какъ Гладстонъ предводительствуетъ разрозненными группами, представляющими на первыхъ порахъ нѣчто цѣльное, но вслѣдъ затѣмъ расплывающимися постепенно въ разныя стороны. Чѣмъ дальше идетъ Гладстонъ и чѣмъ болѣе успѣховъ достигается имъ, тѣмъ замѣтнѣе становится разнъ въ средѣ парламентскаго большинства и даже въ составѣ кабинета. Бывшій членъ министерства, Форстеръ, выступаетъ рѣшительнымъ его противникомъ; бывшіе союзники, умѣренные ирландскіе автономисты, вступаютъ въ сдѣлку съ консерваторами; радикалы упрекаютъ его въ измѣнѣ заявленнымъ принципамъ въ сферѣ иностранной политики. Старая группировка партій вообще измѣнилась кореннымъ образомъ; радикальные элементы получили значительную силу въ обществѣ и въ парламентѣ; съ ними ищутъ сближенія даже консервативные дѣятели и аристократы. Бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ въ кабинетѣ Биконсфильда, сэръ Кроссъ, недавно еще произнесъ передъ собраніемъ рабочихъ такую рѣчь, которая меньше всего подходитъ къ роли консерватора въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Прежніе торіи и виги перемѣшались между собою; въ странѣ существуютъ два главныхъ теченія, прогрессистское и охранительное, изъ которыхъ каждое обнимаетъ различные общественные слои, смотря по свойству обсуждаемыхъ вопросовъ. Въ дѣлахъ внутреннихъ преобладали симпатіи къ прогрессистамъ; во внѣшнихъ—пальма первенства принадлежала консерваторамъ, которые всегда отводили много мѣста соображеніямъ національнаго честолюбія. Гладстонъ, несмотря на свою миролюбивую реформаторскую программу, совершилъ нѣсколько крупныхъ международныхъ дѣлъ въ духѣ воинственныхъ торіевъ, такъ, что въ этомъ отношеніи онъ также внесъ разладъ въ прежнее подраздѣленіе партій. Какъ бы то ни было, англійскій парламентъ въ его нынешнемъ составѣ выходитъ уже по временамъ изъ-подъ руководства настѣгаго либеральнаго премьера, и неудача по дѣлу Бредло есть первое предостереженіе, данное въ этомъ смыслѣ министерству.

IV.

Наступающее лѣтнее затишье даетъ себя уже чувствовать въ Европѣ. Парламенты доканчиваютъ свои работы, въ ожиданіи каникулъ. Въ Германіи положеніе дѣлъ остается по прежнему неопредѣленнымъ и туманнымъ. Посланіе императора Вильгельма относительно соціально-политической программы не измѣнило ни настроенія рейхстага, ни отношеній къ нему правительства. Въ Австріи министерство графа Таафе успѣло провести новый законъ о народныхъ школахъ, служившій долго центромъ ожесточенной борьбы между консервативною коалиціею и оппозиціонными нѣмецкими либералами. Дѣло шло о передѣлѣ существующаго законодательства въ духѣ религіозно-охранительныхъ тенденцій. Правительство одержало слабую побѣду — при помощи трехъ голосовъ большинства. Либеральные ораторы, возставшіе противъ закона съ чрезвычайною энергіею и силою, сдѣлались предметомъ сочувственныхъ овацій со стороны нѣмецкаго населенія. Кабинетъ графа Таафе никогда не былъ популяренъ; но теперь онъ держится только за неимѣніемъ лучшаго, при невозможности найти прочную комбинацію, въ которой примиреніе національностей совмѣщалось бы съ интересами хорошаго управленія.

Внѣ политическихъ злобъ дня, за послѣднее время приводится отмѣтить нѣсколько некрологовъ, имѣющихъ общественное значеніе. Послѣ даровитаго Карла Маркса, признаннаго главы новѣйшаго научнаго социализма, сошелъ со сцены его скромный и трудолюбивый антиподъ, Шульце-Деличъ, основатель промышленныхъ рабочихъ товариществъ въ Германіи. Германъ Шульце изъ г. Делича былъ одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и трудолюбивыхъ организаторовъ мирной самопомощи въ средѣ рабочаго класса. Подъ его руководствомъ и при его ближайшемъ участіи въ Германіи возникло и упрочилось до 3.500 ссудосберегательныхъ и промышленныхъ рабочихъ союзовъ. Съ 1848 года онъ участвовалъ во всѣхъ законодательныхъ работахъ по соціальному вопросу, въ качествѣ депутата въ берлинскомъ парламентѣ. Онъ неуклонно стоялъ за свободное соединеніе рабочихъ силъ въ сферѣ отдѣльныхъ отраслей промышленности, съ цѣлью пріобрѣтенія кредита и другихъ орудій крупнаго производства, безъ непосредственнаго вмѣшательства государства. Онъ увлекался мыслью, что рабочіе могутъ со временемъ выйти изъ своего шатаго положенія и освободиться отъ гнета предпринимателей, благодаря творческой силѣ ассоціаціи. Его народные банки или „кредитные союзы“ имѣли быстрый и всеобщій успѣхъ; они значительно облегчали позднѣйшее образованіе производительныхъ рабочихъ товариществъ; снабжали ихъ

необходимыми средствами на выгодныхъ условіяхъ. Съ шестидесятихъ годовъ онъ издавалъ многочисленныя популярныя сочиненія, въ которыхъ проводилъ свои любимыя экономическія идеи. Въ прусской палатѣ депутатовъ, а потомъ въ германскомъ парламентѣ, онъ находился неизмѣнно въ рядахъ прогрессистовъ. Въ 1859 году, на первомъ съѣздѣ нѣмецкихъ ссудосберегательныхъ товариществъ образовано было, по предложенію Шульца, „центральное бюро“ для поддержанія общей связи и единства между союзами, причѣмъ Шульце назначенъ постояннымъ юрисконсультомъ всей этой обширной системы рабочихъ организацій. Это мѣсто юрисконсульта онъ занималъ до самой своей смерти. Шульце твердо держался принциповъ экономической свободы и сохранялъ упрямую вѣру въ гармонію хозяйственныхъ интересовъ; онъ вѣрилъ въ естественное примиреніе между трудомъ и капиталомъ, на основахъ разумно понимаемаго личнаго интереса. Въ этой области онъ столкнулся съ могучимъ противникомъ, Лассалемъ, который въ извѣстномъ отвѣтѣ центральному комитету рабочаго конгресса въ Лейпцигѣ, краснорѣчиво объяснилъ бессилие товариществъ въ борьбѣ съ капиталистами безъ прямого содѣйствія государства. Шульце напечаталъ возраженіе, на которое Лассаль отвѣчалъ талантливою полемическою книгою подъ заглавіемъ: „Бастіа-Шульце-фонъ-Деличъ, или экономическій Юліанъ“. Превосходство діалектики и остроумія было, конечно, на сторонѣ Лассала; его разсужденія о капиталѣ и трудѣ не утратили своей цѣны до сихъ поръ, тогда какъ книжки Шульце давно забыты въ самой Германіи. Оптимизмъ Шульце-Делича въ средѣ экономическихъ задачъ не оправдывался практическими результатами его дѣятельности, ибо эти результаты, при всей ихъ громадности, не затрогивали самой сущности социальнаго недуга, смятая только отчасти его формы и проявленія. Шульце-Деличъ былъ по справедливости однимъ изъ популярнѣйшихъ и наиболѣе уважаемыхъ людей въ Германіи; онъ умеръ на 75 году жизни и похороненъ въ Потсдамѣ.

Другого рода дѣятель скончался въ Парижѣ—также неутомимый поклонникъ свободы и самопомощи, человекъ теорій и науки, слабый въ дѣлѣ практическаго примѣненія. Знаменитый въ свое время Эдуардъ Лабулэ, скончавшійся на-дняхъ и извѣстный у насъ, главнымъ образомъ, по прекрасно написанной имъ „Исторіи соединенныхъ Штатовъ“, а также по популярнымъ памфлетамъ: „Парижъ въ Америкѣ“ и „Принцъ-собачка“, отличался рѣдкою начитанностью и ученостью. Еще въ тридцатыхъ годахъ онъ издалъ объемистый трудъ по „Исторіи поземельной собственности на Западѣ“, имѣющій значеніе и понынѣ. Занятѣмъ заслуживають вниманія его изслѣдованія о положеніи франковъ при римскомъ владычествѣ, опытѣ объ уголовныхъ законахъ римлянъ,

этиды о Германіи и славянскихъ земляхъ и пр.; сверхъ того, онъ перевелъ нѣсколько сочиненій съ нѣмецкаго и англійскаго. Съ конца сороковыхъ годовъ Лабулэ читалъ лекціи сравнительнаго законодательства въ Collège de France. Нѣсколько разъ онъ выступалъ кандидатомъ въ законодательный корпусъ при имперіи, но безъ успѣха. Какъ оппозиціонный писатель и горячій проповѣдникъ либерализма, Лабулэ не могъ рассчитывать на политическую роль при наполеоновскомъ режимѣ. Появленіе либеральнаго министерства Эмилля Оливиэ показалося честолюбивому профессору серьезнымъ началомъ новой эры, и онъ охотно принималъ предложеніе занять постъ министра народнаго просвѣщенія послѣ избранія его въ законодательный корпусъ. Комбинація эта, однако, не состоялась, и студенты устроили Лабулэ такую встрѣчу въ Collège de France, что онъ вынужденъ былъ выйти въ отставку. Въ 1871 онъ избранъ былъ въ національное собраніе, гдѣ занялъ мѣсто въ рядахъ лѣваго центра, въ числѣ приверженцевъ Тьера. Въ 1875 году онъ сдѣлался сенаторомъ и въ этомъ качествѣ стоялъ за умѣренную республику. Ему не удалось быть министромъ; но какъ выдающійся ученый и талантливый публицистъ, онъ много содѣйствовалъ распространенію либеральныхъ идей и приобрѣлъ европейское имя, какое выпадаетъ на долю весьма немногихъ практическихъ государственныхъ дѣятелей.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е іюня, 1883.

— А. Н. Радищевъ, авторъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“. М. Н. Сухомячкова. Сиб. 1883.

Въ послѣднее время, или точнѣе съ конца пятидесятыхъ годовъ, Радищевъ началъ привлекать особенное вниманіе историковъ литературы. Съ прошлаго года, ему посвящаютъ весьма отчетливый историческій трудъ г. В. Якушкинъ (въ „Р. Старинѣ“), о немъ пишутъ изслѣдованіе г. Назеленовъ; теперь мы встрѣчаемъ цѣлую книжку г. Сухомячкова. Нѣсколько лѣтъ назадъ былъ сдѣланъ оныиъ новаго изданія его сочиненій,—опытъ, къ социальнѣмъ воззрѣніямъ унѣчтоженіемъ изданія... Этотъ интересъ совершенно понятенъ. О Радищевѣ вспомнили, какъ только явилась возможность говорить о немъ въ литературѣ—это было въ концѣ пятидесятыхъ годовъ; притомъ,

въ эти годы поставленъ былъ крестьянскій вопросъ, а Радищевъ былъ одинъ изъ тѣхъ писателей, которые въ прошлыя времена говорили о необходимости освобожденія крестьянъ, и никто не настаивалъ на важности этого дѣла съ такимъ искреннимъ жаромъ и смѣлостью, какъ именно Радищевъ. Надо было, наконецъ, опредѣлить его историческое значеніе, пробѣрить судъ надъ нимъ, и—или подтвердить этотъ судъ, или оцѣнить заслугу, которая стоила ему стольнаго страданія. Въ Анненковскомъ изданіи Пушкина въ первый разъ напечатана была статья о Радищевѣ, написанная Пушкинымъ для „Современника“ и не пропущенная цензурой ни тогда, ни при посмертномъ изданіи сочиненій Пушкина. Затѣмъ напечатана была въ „Р. Вѣстникѣ“ біографія, составленная сыномъ Радищева; явилось заграничное (не очень исправное) изданіе „Путешествія“; появились въ печати нѣкоторые новыя историческія свѣдѣнія о немъ; наконецъ, сдѣлана (десять лѣтъ тому назадъ) упомянутая попытка изданія его сочиненій...

Оказалось при этомъ, что произведенія Радищева не могли еще получить права гражданства въ современной литературѣ; кромѣ „Путешествія“ на этотъ разъ были уничтожены и другія сочиненія Радищева, напечатанныя въ собраніи его сочиненій, вышедшемъ въ царствованіе Александра I...

Тѣмъ не менѣе историки литературы продолжаютъ изучать біографію автора и значеніе его произведеній; книга г. Сухомлинова опять представляетъ много любопытнаго, какъ въ новомъ архивномъ матеріалѣ, который былъ имъ найденъ, такъ и въ историческихъ объясненіяхъ. „Для того, чтобы понять дѣйствительное значеніе книги Радищева и вѣрно оцѣнить отношеніе въ ней различныхъ лагерей,—замѣчаетъ г. Сухомлиновъ въ началѣ, — необходимо имѣть въ виду тѣ измѣненія и колебанія, которые совершались въ нашей общественной жизни въ теченіе чуть не цѣлаго столѣтія, протекающаго со времени выхода книги или — что тоже самое — съ жизни автора. Отрѣшившись отъ представленія о злобѣ дня, о ея неумолимыхъ требованіяхъ и неизбежныхъ жертвахъ, не давъ себѣ яснаго отчета во всемъ происходившемъ и не разбершись въ массѣ противорѣчій“. Вѣрность вывода зависитъ отъ количества и качества матеріаловъ, разъясняющихъ дѣятельность писателя; нѣсколько подобныхъ матеріаловъ г. Сухомлиновъ встрѣтилъ въ казенныхъ архивахъ,—и дѣлаетъ затѣмъ новыя соображенія о судьбѣ писателя. Г. Сухомлиновъ напелъ въ архивахъ: планъ для обученія пажей, составленный извѣстнымъ историкомъ прошлаго вѣка Миллеромъ (Радищевъ учился въ пажескомъ корпусѣ); донесеніе кабинета-курьера Яковлева о бытѣ русскихъ студентовъ, и въ числѣ ихъ Радищева, въ Лейпцигѣ; нѣкоторыя новыя подробности о ходѣ слѣд-

ствія надъ Радищевымъ; новѣсть, писанную Радищевымъ во время заключенія въ крѣпости и основанную на житіи Филарета Милостиваго; новыя сѣдѣнія о службѣ Радищева, въ царствованіе Александра I, въ комиссіи о составленіи законовъ, и между прочимъ очень любопытное „мнѣніе“ Радищева по одному изъ „взусныхъ“ дѣлъ, по которымъ требовались сенатомъ мнѣнія комиссіи и гдѣ Радищеву пришлось говорить о предметѣ, особенно для него дорогомъ, о человѣческихъ правахъ крестьянства. Вопросъ шелъ о полученіи помѣщиками денежной платы за неумышленно убитыхъ крестьянъ ихъ, и объ опредѣленіи размѣровъ этой платы. Въ своей запискѣ, Радищевъ — „остался на высотѣ своей задачи, — говорить г. Сухомлиновъ... „Мнѣніе“ его, небольшое по объему (съ небольшимъ три страницы въ текстѣ книги г. Сухомлинова), чудное многословіемъ и риторическими прирастъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія по своей основной мысли и по достоинству изложенія. Радищевъ выступаетъ *предъ лицомъ закона* искреннимъ и просвѣщеннымъ защитникомъ человѣческихъ правъ крестьянъ, основывая свои доводы частію на общихъ началахъ, выработанныхъ наукою права, частію на живыхъ примѣрахъ, взятыхъ изъ русской жизни. Двумя-тремя штрихами очерчиваетъ онъ возмутительное явленіе, которое безнаказанно совершается въ дѣйствительности и которое онъ изобразилъ такими яркими красками въ своемъ Путешествіи“. Мнѣніе это такъ выдѣляется изъ остальныхъ бумагъ комиссіи, что г. Сухомлиновъ думаетъ, не оно ли дало поводъ къ извѣстному, сообщаемому Пушкинымъ, упреку Завадовскаго: „окей тебѣ пустословить по прежнему! или мало тебѣ Сибири?“ — вслѣдствіе котораго огорченный и испуганный Радищевъ отравился.

Другую сторону книжки г. Сухомлинова составляютъ историческія разсужденія автора о процессѣ Радищева и дальнейшей судьбѣ его книги въ русской литературѣ. Оужденіе поразило Радищева своей строгостію и неожиданностію. „Но какимъ образомъ, — спрашиваетъ авторъ, — Радищевъ могъ не чувствовать бѣды, которую онъ самъ накликалъ на себя? Восставая противъ существующаго порядка вещей и расширивъ до послѣднихъ предѣловъ кругъ своихъ обличеній, Радищевъ долженъ былъ вознѣсти свои силы въ неравной борьбѣ и заранѣе приготовиться къ пораженію со всѣми его послѣдствіями. На чемъ же основывалась самоувѣренность Радищева, и чѣмъ объяснить рѣшимость его напечатать подобную книгу? Вопросъ этотъ имѣетъ значеніе не столько для оцѣнки личныя свойства Радищева — его предусмотрительности или недалекости, сколько для выясненія общественныхъ и литературныхъ условій, при которыхъ появилась его книга. Суть вопроса заключается въ слѣдующемъ: были ли въ дѣйствительной жизни достаточные поводы для того,

чтобы книгу Радищева считать революціоннымъ набатомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ тогдашними произведеніями литературы и не оставляющимъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что автору угрожаетъ самая жестокая уголовная кара?—Этотъ вопросъ былъ уже ранѣе затронутъ историками литературы, и въ послѣдній разъ весьма обстоятельныя соображенія по поводу его сдѣланы были въ статьѣ г. Якушина, въ томъ смыслѣ, что неосторожность Радищева была не такъ велика, какъ это можетъ показаться; что его теоретическія мнѣнія во многихъ случаяхъ,—какъ и самъ онъ это указывалъ въ своемъ Путешествіи,—были прямымъ результатомъ и примѣненіемъ мыслей самой императрицы, изложенныхъ въ „Наказѣ“; что онъ былъ жертвой той перемѣны, которая произошла въ настроеніи императрицы послѣ событій во Франціи. Г. Сухомлиновъ прибавляетъ нѣсколько новыхъ соображеній въ томъ же смыслѣ, и указываетъ, что и въ писаніяхъ самой императрицы и въ другихъ произведеніяхъ тогдашней литературы, Радищевъ могъ найти полное основаніе думать, что его разсужденія не покажутся преступными: его литературная дѣятельность совершалась подъ прямымъ вліяніемъ „Наказа“ и той французской литературы, которую такъ поощряла нѣкогда сама Екатерина. Г. Сухомлиновъ прибавляетъ также нѣсколько указаній къ характеристикѣ суда, произведеннаго надъ Радищевымъ; наконецъ приходитъ къ дальнѣйшей судьбѣ книги. Здѣсь мы не вездѣ согласимся съ его замѣчаніями. Упомянувъ о горячемъ сочувствіи, которое высказано было по смерти Радищева однимъ молодымъ писателемъ того времени, Борномъ, г. Сухомлиновъ съ удивленіемъ находитъ, что затѣмъ не только позднѣйшія, но и современныя Радищеву поколѣнія литераторовъ мало, повидимому, интересовались и судьбою, и книгою Радищева, и перечисляетъ случаи, гдѣ говорившіе о русской литературѣ прошлаго вѣка могли бы вспомнить его,—и не вспомнили. Но авторъ не принялъ въ разсчетъ простаго факта, что книги не было въ обращеніи—нынѣшніе историки насчитали только до 22 экз., проникшихъ въ публику; да и эта цифра сомнительна. Опала съ книги вовсе не была снята; въ изданіи сочиненій Радищева, сдѣланномъ его наслѣдниками, „Путешествіе“ помѣщено не было. Скорѣе можно думать, что воспоминаніе, посвященное Радищеву въ „Свитѣхъ музъ“ 1803, было вещью исключительной, допущенной цензурою на первыхъ порахъ, и невозможной продолженія, когда прошли первыя очарованія царствованія Александра I. Что, напротивъ, Радищевъ не былъ забытъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ уже то, что „Путешествіе“ ходило въ рукописяхъ. Безъ сомнѣнія, еще въ царствованіе Александра I рѣчь о немъ стала невозможна въ литературѣ; о времени послѣдующемъ дастъ понятіе судьба статьи Пушкина. Что касается этой по-

слѣдней, г. Сухомлиновъ какъ будто уклоняется отъ болѣе опредѣлительнаго сужденія по этому вопросу; напр., замѣчая самъ слабыя стороны въ статьѣ Пушкина, сопровождаетъ одобрительными змѣнами сужденія, защищающія эту статью безусловно. Упомянувъ мнѣнія г. Анненкова и Герцена о Радищевѣ и статьѣ Пушкина, г. Сухомлиновъ замѣчаетъ: „Два противоположные взгляда, высказанные двумя глубокими почитателями Пушкина, обнаруживаются болѣе или менѣе ясно, и въ другихъ статьяхъ и отзывахъ о Радищевѣ, появившихся отъ времени до времени въ нашей литературѣ. Въ нихъ изъ этихъ статей и отзывовъ слышится злоба дня (?), и Радищевъ выставляется въ томъ или другомъ свѣтѣ, съ тѣми или другими отбѣнками, смотря по господствовавшему тогда настроенію. Подобныя статьи и взгляды не прибавляютъ ничего (?) существеннаго для характеристики Радищева, но въ совокупности своей могутъ послужить со временемъ матеріаломъ для исторіи нашихъ литературныхъ идей вообще“... Для оцѣнки Радищева,—продолжаетъ г. Сухомлиновъ,—важныя такія статьи, гдѣ сообщаются новыя матеріалы, „дѣльныя соображенія“ о кругѣ его литературной дѣятельности и т. п. Намъ кажется, что авторъ примѣшиваетъ здѣсь „злобу дня“ не совсѣмъ кстати или несовсѣмъ вѣрно; она могла, конечно, внушать тѣ или другія ошибочныя впечатлѣнія писателямъ-неспециалистамъ, но ее можно пожалуй увидѣть и въ „дѣльныхъ соображеніяхъ“. Проще было бы говорить о томъ, насколько тѣ или другіе, писавшіе о Радищевѣ, были въ своихъ сужденіяхъ ближе къ требованіямъ исторической критики; писатель можетъ находиться подъ самымъ несомнѣннымъ вліяніемъ „злобы дня“ и быть однако очень вѣренъ исторической истинѣ. И какъ опредѣлить „злобу дня“? Относительно Радищева она состояла въ открывшейся впервые возможности сказать о немъ исторически-правдивое и сочувственное слово—въ необходимости чего и г. Сухомлиновъ самъ не сомнѣвается. Не знаемъ, напр., куда отнесъ авторъ сужденія г. Галахова. Авторъ находитъ у него чуть ли не лучшее историческое опредѣленіе Радищева (во 2-мъ изданіи „Исторіи“),—какъ вообще считаетъ его лучшимъ историкомъ литературы прошлаго вѣка,—но въ данномъ случаѣ сущность вопроса была разъяснена гораздо ранѣе г. Галахова, а въ первомъ изданіи „Исторіи русской словесности“ Радищеву было удѣлено г. Галаховымъ только двѣ строки.

Разница мнѣній о статьѣ Пушкина, какъ и о самой дѣятельности Радищева, сводится, конечно, вообще къ разницѣ историческихъ взглядовъ, но также и просто къ правильности критическаго приѣма. Статья Пушкина была вообще ошибкой, и между прочимъ исторической: въ его характеристикѣ Радищева совсѣмъ потерянъ историческая перспектива—Пушкинъ судитъ его точно современника, под-

кладываетъ статьи полемическія цѣли, строго порицаетъ его надутую сентиментальность (какъ будто она не была еще менѣе невнимательна, напр., у Карамзина), не соразмѣряетъ нападѣй на него кары съ условіями самаго факта и т. д. Если все это замѣтно теперь, то не вслѣдствіе „злости дня“, а только вслѣдствіе болѣе внимательной и безпристрастной исторической критики.

Въ заключеніе своей любопытной книги, г. Сухожлинковъ высказываетъ пожеланіе, къ которому мы вполне присоединимся:— „Весьма желательно,—говоритъ онъ,—чтобы скорѣе появилось такое изданіе сочиненій Радищева, которое удовлетворяло бы научнымъ требованіямъ, будучи дѣйствительно полнѣе, и воспроизводя подлинникъ со всевозможною точностью, безъ всякихъ подновленій и передѣлокъ (самими издателями это требованіе понимается теперь очень хорошо). Неполнота и несовершенство матеріала, подлежащаго изслѣдованію, всегда отражаются, въ большей или меньшей степени, какъ на ходѣ научныхъ работъ, такъ и на выводахъ и объясненіяхъ изслѣдователей“.

Замѣтимъ два недосмотра. Стр. 92: „... Дѣло не дѣлалось съ 1875 года, цѣлые пятнадцать лѣтъ; только въ 1800 году сенатъ постановилъ“, и пр.,—гдѣ ошибка? Стр. 105: „общество любителей словесности составилось 15 іюня 1815 года“,—должно быть: 1801 г.

— Земля и люди. Всеобщая географія Элизе Реклю. V. Выпускъ второй. Европейская Россія. Съ 54 рисунками и картою на 6-ти листахъ. Сиб. Изданіе картографическаго заведенія А. Ильина. 1883.

Предпріятіе картографическаго заведенія г. Ильина заслуживаетъ всякаго сочувствія: въ русской литературѣ будетъ очень нелишнимъ обширное изданіе Элизе Реклю, представляющее такъ много сѣбѣ географическаго матеріала. Обширные труды этого рода рѣдко могутъ, да и вообще едва ли могутъ, быть свободны отъ недостатковъ. Современный географическій матеріалъ,—особливо въ ширекой рамкѣ, принятой у Реклю и обнимающей кромѣ собственной топографической географіи также статистику, политическую жизнь, этнографію описываемыхъ странъ,—такъ громаденъ, что вполне овладѣть имъ совсѣмъ не по силамъ самому энергическому ученому. Реклю поэтому пріобрѣталъ содѣйствіе и сотрудничество мѣстныхъ изслѣдователей, которое значительно облегчало задачу, давая ему возможность пользоваться трудами мѣстныхъ географовъ. Правда, требовательные критики иногда строго судили изданіе Реклю; но въ защиту его можно сказать, что онъ сдѣлалъ уже много для достоинства своего труда, обращаясь къ мѣстнымъ ученымъ,—и во французской литературѣ составляетъ, напр., совершенную новостъ изложеніе географіи

Россіи, какое дано въ 5-мъ томѣ его изданія, изложеніе, гдѣ въ обиліи приведены результаты новыхъ русскихъ исследований, на западѣ, конечно, очень мало или совсѣмъ неизвѣстныхъ. Притомъ, книга Реклю имѣетъ и еще одну цѣль — популярное изложеніе, которое всегда трудно совмѣщается съ строгой научной полнотой и точностью.

Въ предисловіи къ русскому переводу издатель замѣчаетъ, что часть сочиненія Реклю, посвященная Россіи, имѣетъ для нашихъ читателей двойной интересъ, во-первыхъ, вообще какъ географія нашего отечества, во-вторыхъ, какъ книга, написанная иностранцемъ: „для насъ не можетъ не имѣть интереса то, насколько авторъ, одинъ изъ лучшихъ географовъ настоящаго времени, знаетъ Россію и каково его отношеніе къ фактамъ и явленіямъ русской жизни“. (Можно бы, однако, прибавить, что иностранный авторъ при этомъ пользовался и содѣйствіемъ русскихъ ученыхъ силъ). Редакція русскаго перевода, по словамъ ея, и держалась этой точки зрѣнія: она старалась сохранить подлинникъ неприкосновеннымъ, и пришлось подновить только цифровой матеріалъ почти вездѣ, и особенно въ главахъ о матеріальномъ и социальномъ положеніи Россіи; но изъ послѣдней главы (правленіе и администрація) помѣщенъ лишь конецъ. Въ скоромъ времени редакція обѣщаетъ издать еще особое „Дополненіе“, куда войдутъ оригинальныя статьи по естественно-исторической географіи Россіи и статистическій обзоръ русской промышленности и финансовъ.

Такимъ образомъ русскій переводъ будетъ — кромѣ упомянутого исключенія — обиліемъ точными свѣдѣніями; въ немъ повторены тѣ же рисунки, какъ въ подлинникѣ, виды мѣстностей, типы населенія и т. п.; прибавлена большая карта Россіи на шести листахъ, составленная г. Стрѣльбицкимъ. Но тѣмъ не менѣе и французское изданіе сохранить свое преимущество, котораго русское изъ сожалѣнію не усвоило; въ русскомъ изданіи повторены только картинныя подлинника, но недостаетъ множества другого рода иллюстрацій, сопровождающихъ текстъ въ подлинникѣ, а именно нѣтъ подробныхъ картъ отдѣльныхъ мѣстностей, топографическаго изображенія городовъ и другихъ важныхъ пунктовъ, отдѣльныхъ картъ, изображающихъ климатъ, изотермы и крайнія температуры, количество выпадающаго дождя, распредѣленіе русскихъ племенъ и инородцевъ, густоту населенія въ городахъ, статистическіе чертежи промышленности и т. д. Число подобныхъ картъ и чертежей, находящихся въ подлинникѣ и недостающихъ въ переводѣ, простирается до 140. Этого рода рисунки и чертежи дѣлаютъ изложеніе въ особенности нагляднымъ, и надо пожалѣть, что русское изданіе ихъ не повто-

риво. Разумѣется, это возвысило бы цѣну книги; но за то возвысилось бы и внутреннюю цѣну ея содержанія.

— П. П. Сущинскій. Женщины-врачи въ Россіи. Очеркъ десятилѣтія женскихъ врачебныхъ курсовъ. Спб., 1883.

Еслибы вопросы общегосударственной важности разрѣшались только на основаніи фактовъ и аргументовъ, вмѣстѣ вліянія предразсудковъ и рутинны, брошюра г. Сущинскаго, не смотря на свою краткость, могла бы положить конецъ безконечному спору о женскихъ-врачахъ и женскихъ врачебныхъ курсахъ. Компетентность первыхъ, польза послѣднихъ доказана г. Сущинскимъ неоспоримо; данныя, имъ приводимыя, могутъ не убѣдить только того, кто не хочетъ быть убѣжденнымъ. *Единогласный* отзывъ преподавателей, заключеніе высшаго медицинскаго учрежденія въ имперіи (медицинскаго совѣта), отзывъ полевого военно-медицинскаго инспектора, мнѣніе комиссіи 1879 г., въ составъ которой входили представители министерствъ военнаго, внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и 3-го и 4-го отдѣленій собственной Е. И. В. Канцеларіи, перечень ученыхъ трудовъ бывшихъ слушательницъ курсовъ, указанія, почерпнутыя изъ практики, статистическія свѣдѣнія и цифры—все свидѣлствуетъ о томъ, что дѣло женскихъ врачебныхъ курсовъ было поставлено правильно и требовало только дальнѣйшаго развитія и укрѣпленія, что Россіи нужны именно женщины-врачи, а не ученые акушерки, не спеціалистки по женскимъ и дѣтскимъ болѣзнямъ. Не этими болѣзнями страдали пациенты военныхъ госпиталей во время послѣдней войны—а между тѣмъ, именно въ военныхъ госпиталяхъ слушательницы женскихъ врачебныхъ курсовъ, по словамъ военно-медицинскаго инспектора, „доставленною ими хирургическою и терапевтическою помощью много оправдали ожиданія высшаго медицинскаго начальства“. Изъ тридцати-двухъ ученыхъ трудовъ, перечисленныхъ въ брошюрѣ г. Сущинскаго, женскимъ и дѣтскимъ болѣзнямъ посвящено только четырнадцать. Въ крапивненскомъ уѣздѣ женщина-врачъ, состоявшая на земской службѣ, приобрѣла репутацію *отличнаго хирурга*, производя такія операціи, о которыхъ никогда не слыхать крапивненскій уѣздъ. Авторъ брошюры говоритъ о тѣхъ только фактахъ, которые оглашены газетами; они составляютъ, безъ сомнѣнія, только небольшую долю заслугъ, остающихся въ безгласности. Многіе изъ земскихъ дѣятелей, изъ провинціальныхъ жителей, видѣвшихъ въблизи труды женщинъ-врачей, откажутся подтвердить справедливость обобщеній, дѣлаемыхъ г. Сущинскимъ?—Систематическіе противники женскихъ врачебныхъ курсовъ утверждаютъ, что медицинская дѣятельность несовмѣстна съ естественнымъ призваніемъ жен-

щины—съ семейною жизнью; эта тенденціозная догадка опровергается цифрами, показывающими, что въ семилѣтній промежутокъ времени (1872—79) на курсы поступило семьдесятъ замужнихъ женщинъ, а изъ остальныхъ 725—*сто-шестнадцать* вышли замужъ во время пребыванія на курсахъ. „Охотно привели бы мы,—воскликаетъ авторъ въ концѣ брошюры,—все, что могло бы говорить противъ курсовъ—но такихъ данныхъ мы не имѣемъ. Пусть тѣ, кто имѣетъ, сообщать ихъ“. Это вовсе не пустая фраза; *даннымъ*, говорящихъ противъ курсовъ, мы дѣйствительно еще не встрѣчали, хотя въ декламацияхъ, имъ враждебныхъ, не было недостатка. Мы знаемъ, что въ настоящую минуту идетъ рѣчь о замѣнѣ женскихъ врачебныхъ курсовъ институтомъ ученыхъ акушеровъ ¹⁾, но мотивы такой замѣны угадать не легко. Изъ всего извѣстнаго до сихъ норъ о женскихъ врачебныхъ курсахъ оно во всякомъ случаѣ не вытекаетъ.

Замѣтимъ въ заключеніе, что комиссія 1879 г., предлагая требовать отъ вступающихъ на курсы аттестата зрѣлости ²⁾, проектировала для приведенія этого требованія въ исполненіе семилѣтній срокъ. Будемъ надѣяться, что комиссія, рассматривающая теперь вопросъ о судьбѣ курсовъ, послѣдуетъ хоть въ этомъ отношеніи примѣру своихъ предшественниковъ.

— А. В. Погосевъ. Фабричный бытъ Германіи и Россіи. Москва, 1882.

Годъ тому назадъ у насъ былъ сдѣланъ первый шагъ къ реформѣ фабричнаго законодательства—утверждены были правила о работѣ малолѣтнихъ на фабрикахъ и о фабричной инспекціи. Осуществленія этихъ правилъ слѣдовало ожидать въ началѣ нынѣшняго года; но, по ходатайству фабрикантовъ, оно отложено еще на одинъ годъ, съ оговоркой, что никакой дальнейшей отсрочки допущено не будетъ. Какъ ни прискорбна отсрочка—равносильная, быть можетъ, невоснаградимому вреду для нѣсколькихъ десятковъ или сотенъ малолѣтнихъ рабочихъ,—вопросъ, только отчасти разрѣшенный промышленными правилами, не потерялъ ни малѣйшей доли своего значенія и интереса. Трудъ г. Погосева, основанный съ одной стороны на донесеніяхъ фабричныхъ инспекторовъ въ Германіи, съ другой—на личномъ и документальномъ знакомствѣ съ фабриками московской губерніи, появился въ свѣтъ какъ нельзя болѣе кстати. Онъ можетъ послужить хорошимъ руководствомъ для нашихъ будущихъ фабричныхъ инспекторовъ, заранее напѣвая имъ многочисленныя задачи,

¹⁾ См. выше, внутреннее обозрѣніе.

²⁾ Съ ея стороны это предложеніе было послѣдовательно, такъ какъ она предоставляла женщинамъ-врачамъ полное, ничѣмъ не ограниченное право медицинской практики.

зараѣе разъясняя трудности, во вѣстѣ съ тѣмъ и пріятельныя стороны ихъ призванія. Противодѣйствіе, активное и пассивное, встрѣченное фабричною инспекціей въ Германіи, безъ сомнѣнія ожидаетъ ее и у насъ, въ тѣхъ своеобразныхъ формахъ, на которыхъ такъ щедра русская дѣйствительность. Нѣмецкіе фабриканты долго не вѣрили въ серьезность предпринятаго дѣла, въ твердость правительственнаго рѣшенія; но они, во крайней мѣрѣ, не сомнѣвались въ добросовѣстности инспекторовъ и не отнеслись къ назначенію ихъ съ затаенною мыслью: „счумѣмъ поладить и съ новыми чиновниками, какъ ладили до сихъ поръ съ старыми!“ Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что нашимъ фабрикантамъ эта мысль далеко не чужда, что имъ находитъ ее и прошедшее, и настоящее. „Теперь, — такъ выразился одинъ изъ нихъ въ откровенной бесѣдѣ, — мы платимъ опредѣленную годовую *благодарность* исправнику, становому и уряднику, а тогда придется платить еще фабричному инспектору: фабричная же инспекція все-таки ляжетъ такъ или иначе на однихъ рабочихъ“. Со стороны инспекціи нужно будетъ много энергіи, много самоотверженныхъ усилій, чтобы искоренить эту предвзятую взгляды, чтобы внушить къ себѣ довѣріе — въ рабочихъ, уваженіе — въ фабрикантахъ. Полному и быстрому успѣху новаго учрежденія помѣшала, во всей вѣроятности, и самая недостаточность правилъ 1-го іюня 1882 г. Нѣкоторые изъ пробѣли были указаны нами вслѣдъ за обнародованіемъ закона (В. Е., 1882 г., № 8, Внутр. обзор., стр. 722 — 6); въ книгѣ г. Погожева мы находимъ много данныхъ, подтверждающихъ наше тогдашнее заключеніе. Мы говорили о необходимости приблизить надзоръ къ фабрикамъ, посредствомъ приглашенія въ инспектора, съ небольшимъ содержаніемъ, членовъ земскихъ управъ, земскихъ врачей, земскихъ статистиковъ и вообще молодыхъ людей, недавно окончившихъ курсъ и желающихъ потрудиться на пользу массы, — а также посредствомъ предоставленія всѣмъ гласнымъ земскихъ собраній права посѣщать фабрики, для сообщенія инспектору о замѣченныхъ ими злоупотребленіяхъ или безпорядкахъ. Опытъ нашихъ сосѣдей удостовѣряетъ, что необходимое условіе для дѣйствительности надзора — частое посѣщеніе фабрикъ инспекторомъ. „Случалось нерѣдко, — говоритъ г. Погожевъ со словъ одного изъ прусскихъ инспекторовъ, — что фабриканты, освоившись мало-по-малу, послѣ долгихъ настояній, съ постановленіями закона, начинали вести списки малолѣтнихъ рабочихъ и т. д.; но какъ только хотъ немного ослабѣвалъ контроль за ихъ дѣйствіями со стороны мѣстныхъ полицейскихъ чиновниковъ или самого инспектора, они спѣшили сбросить съ себя тяжелую обузу, наложенную на нихъ ненавистнымъ закономъ. При этомъ неоднократно обнаруживалось, что они, въ простотѣ душевной, пола-

гали въ такихъ случаяхъ, что правительство уже отиѣнило этотъ законъ". У насъ на полицейскихъ чиновниковъ рассчитывать нельзя; все будетъ лежать на одномъ инспекторѣ — а наши расстоянія и дороги не такія, какъ въ Пруссіи. Не ясно ли, что при небольшомъ числѣ инспекторовъ инспекція можетъ обратиться у насъ въ мертвую букву? Въ Германіи практиковался систематическій обманъ инспекторовъ, сообщниками котораго являлись иногда сами рабочіе, заинтересованные въ томъ, чтобы малолѣтніе не прерванному продолжали работать на фабрикахъ; возможно ли будетъ предупредить такой обманъ у насъ, при рѣдкомъ посѣщеніи фабрикъ инспекторами? Откуда, далѣе, будутъ получать инспектора свѣдѣнія о несчастныхъ случаяхъ на фабрикахъ и о всемъ другомъ, требующемъ ихъ внимательности или участія? Притѣръ Германіи свидѣтельствуетъ о томъ, что на самихъ фабрикантовъ рассчитывать, въ этомъ отношеніи, нельзя. Въ Берлинскомъ округѣ изъ 288 увѣдомленій, полученныхъ инспекторомъ, фабрикантами было прислано только семь. Небрежность нѣмецкихъ фабрикантовъ восполняется полиціей, докторами, сестрами милосердія, иногда самими рабочими; но кѣмъ будетъ восполняться небрежность нашихъ фабрикантовъ, если на помощь инспекціи не будетъ призвано земство? Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, ожидать содѣйствія отъ рабочихъ, почти поголовно безграмотныхъ, зависящихъ отъ фабричной администраціи и не привыкшихъ рассчитывать на сочувствіе и поддержку правительственныхъ агентовъ. Весьма характеристиченъ по отношенію къ разбираемому нами вопросу, слѣдующій фактъ, приводимый г. Погожевымъ. Директоръ одной изъ самыхъ крупныхъ мануфактуръ московской губерніи задумалъ было вести болѣе точно статистику всѣхъ несчастныхъ случаевъ на фабрикѣ, сообщая о нихъ въ то же время мануфактурному совѣту. Въ этомъ опрометчивомъ рвеніи ему скоро пришлось раскаяться. Исправникъ сдѣлалъ ему строжайшій выговоръ и грозилъ жаловаться губернатору; становой приставъ участвовалъ своимъ наѣздомъ на фабрику. Откровенность одного фабриканта, при молчаніи остальныхъ, подала, очевидно, поводъ думать, что на этой фабрикѣ мѣръ предосторожности противъ несчастій принимается меньше, чѣмъ на другихъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ гораздо правильнѣе было бы противоположное заключеніе.

Мы имѣли уже случай замѣтить, что хотя непосредственными основаніемъ къ учрежденію фабричной инспекціи послужили у насъ новыя правила о фабричной работѣ малолѣтнихъ, но дѣятельность инспекціи отнюдь не должна ограничиваться наблюденіемъ за исполненіемъ этихъ правилъ. Одной изъ главныхъ задачъ ея должно быть — и безъ сомнѣнія будетъ — огражденіе фабричныхъ рабочихъ отъ вреда, обусловливаемого самымъ устройствомъ фабрикъ и осо-

бѣдностями фабричной работы. Въ настоящее время, при полномъ почти отсутствіи регламентаціи и надзора, размѣры этого вреда чрезвычайны велики; завѣса, покрывавшая ихъ, только-что начинается подниматься, благодаря изслѣдованіямъ въ родѣ тѣхъ, которыя предприняты московскимъ земствомъ. На шести бумагопрядильныхъ мануфактурахъ московскаго уѣзда, при численности фабричнаго населенія въ 6900 челоуѣкъ, въ теченіе одного года, по болѣе чимъ 100 книгамъ и запискамъ фельдшера (т.-е. по документамъ неполнымъ и не всегда надежнымъ), было 688 травматическихкихъ поврежденій, что составляетъ около 10% общаго числа рабочихъ; на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ фабрикахъ процентъ поврежденій доходилъ до 20 и даже 30! Чтобы опредѣлить наглядно значеніе этихъ цифръ, г. Погосевъ напоминаетъ, что во время франко-германской войны число раненныхъ едва превышало 10% общаго числа сражавшихся, что въ сраженіяхъ при Никополѣ и Еленѣ вся убыль въ нашемъ войскѣ колебалась между 7½ и 8%. Посмотримъ, съ другой стороны, чего можетъ достигнуть, въ борьбѣ съ указаннымъ нами зломъ, хорошо организованная и энергически дѣйствующая фабричная инспекція. По отчету одного изъ прусскихъ инспекторовъ, ему удалось, въ продолженіе одного года, настоять на устройствѣ или улучшеніи 424 огражденій¹⁾. Само собою разумѣется, что такіе результаты получались не безъ затрудненій, значеніе которыхъ преувеличивалось всѣми, заинтересованными въ удержаніи прежняго порядка—или, лучше сказать, безпорядка. Многіе изъ числа московскихъ фабрикантовъ, призванныхъ къ участію въ разработкѣ новаго фабричнаго закона, предостерегали наше правительство противъ подражанія Пруссіи, увѣряя, что предпринимаемое ею дѣло оказывается неисполнимымъ. Дѣйствительность не оправдала этихъ увѣреній; препятствія, встрѣченныя реформой, были устранены, и авторитетъ фабричной инспекціи безпрекословно признанъ во всей Германіи. Возможно ли что-либо подобное въ Россіи? Намъ кажется, что возможно, если только за первымъ шагомъ по новому пути послѣдуютъ другіе, если фабричная инспекція не обратится въ простое колесо бюрократической машины и если общій духъ времени будетъ благопріятствовать интересамъ массы, а не привилегированнаго меньшинства. Какъ бы то ни было, нѣкоторую долю пользы фабричная инспекція принесетъ во всякомъ случаѣ; жизнь и здоровье рабочихъ будутъ ограждены, благодаря ей, хоть нѣсколько болѣе, чѣмъ до сихъ поръ.

Говоря, въ свое время, о правилѣхъ 1 іюня 1882 г., мы выра-

¹⁾ Заимствуемъ изъ того же отчета свѣдѣнія о предостереженіяхъ, данныхъ фабрикантамъ въ теченіе одного года: ихъ было 688 и 118 изъ нихъ относились къ нарушенію правилъ о фабричной работѣ малолѣтнихъ.

или сомнѣніе, что предѣльный возрастъ рабочихъ, пользующихся покровительствомъ государства, установленъ ими слишкомъ низкій (пятнадцать лѣтъ). Въ Германіи онъ выше, чѣмъ у насъ, на одинъ годъ; представители фабричной инспекціи призываютъ тѣмъ не менѣе необходимымъ возвысить его еще на два года, т.-е. установить предѣльный возрастъ въ восемнадцать лѣтъ. Если таково мнѣніе людей компетентныхъ въ Германіи, гдѣ существуетъ обязательное обученіе, гдѣ физическое развитіе идетъ быстрее и завершается раньше, чѣмъ въ Россіи, то расширеніе, въ томъ же направленіи, круга дѣйствій нашего фабричнаго законодательства представляется еще болѣе настоятельнымъ.

Мы далеко не исчерпали богатаго содержанія книги г. Погожева; врачебная помощь фабричнымъ рабочимъ, фабричныя школы, страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ, мѣры къ улучшенію нравственнаго и экономическаго быта рабочихъ—всѣ эти вопросы разработаны авторомъ не одинаково подробно, но затронуты имъ настолько, насколько это было необходимо для общаго освѣщенія картины. Современный застой фабрично-заводской промышленности въ Россіи обусловливается, по мнѣнію г. Погожева, слѣдующими главными причинами: 1) отсутствіемъ правильнаго и строгаго фабричнаго законодательства, 2) неправильнымъ и слишкомъ долгимъ примѣненіемъ къ крупной промышленности исключительно покровительственной системы и 3) повсемѣстнымъ упадкомъ земледѣлія въ Россіи, уменьшившимъ разнорѣзъ внутреннего сбыта. Фабриканты и заводчики, въ глазахъ автора — избалованныя, худосочныя дѣти, которымъ, болѣе чѣмъ кому-либо, нужна правильная гигиеническая обстановка, т.-е. строгаго обдуманное фабричное законодательство.

— Гр. Джамшиевъ. Страница въ исторіи судебной реформы. Д. Н. Замятинъ. Москва, 1883.

Съ нѣкоторыхъ поръ у насъ вошли въ моду несправедливыя, тенденціозныя обвиненія противъ новыхъ судовъ, болѣе или менѣе прозрачно прикрывающія собою подвохъ подъ основныя начала судебныхъ уставовъ. Въ виду такихъ нападеній, воспоминаніе о первыхъ дняхъ судебной реформы, о первыхъ дѣятеляхъ ея, представляется далеко не излишнимъ; контрастъ между прошедшимъ и настоящимъ укрѣпляетъ, поддерживаетъ стремленіе къ лучшему будущему. Задавшись мыслью возстановить въ нашей памяти то настроеніе, съ которыми были приняты и правительствомъ, и обществомъ судебные уставы 1864 г., г. Джамшиевъ сдѣлалъ средоточіемъ своего труда личность тогдашняго министра юстиціи, недавно скончавшагося Д. Н. Замятинна. До извѣстной степени этотъ выборъ

обусловливается, безъ сомнѣнія, именно тѣмъ, что Д. Н. Замятнинъ уже сошелъ въ могилу. Въ составленіи судебныхъ уставовъ бывшій министръ не принималъ существенно-важнаго участія; даже при введеніи ихъ въ дѣйствіе роль его была скорѣе пассивная, чѣмъ активная. По словамъ самого г. Джаншіева, умственные способности Замятнина не представляли чего-нибудь изъ ряда вонъ выходящаго; знавшіе покойнаго найдутъ, можетъ быть, что энергія его, преданность реформѣ, вліяніе на сотрудниковъ изображены біографомъ въ слишкомъ яркихъ краскахъ. Едва ли можно сказать, вмѣстѣ съ г. Джаншіевымъ, что „истиннымъ олицетвореніемъ гуманнхъ и либеральныхъ принциповъ судебной реформы считался Замятнинъ“; едва ли можно возводить его на степень „легендарнаго героя реформы“, „легендарнаго носителя ея идеи“. Связать судебную реформу съ однимъ или двумя именами—подобно тому, какъ крестьянская реформа связана съ именами Милютина и Соловьева—крайне трудно; но ужъ если нужно будетъ сдѣлать такой выборъ, то онъ едва ли упадетъ на имя Замятнина. Намъ кажется, что дѣятельность послѣдняго нельзя даже поставить на одинъ уровень съ дѣятельностью Ланского и Ростовцова по крестьянскому вопросу. Ланской и Ростовцовъ постоянно встрѣчали сильную оппозицію и должны были брать каждый шагъ съ бою, между тѣмъ какъ процессъ созданія судебныхъ уставовъ подвигался впередъ, со времени изданія основныхъ положеній 1862 года ¹⁾, безъ серьезнаго противодѣйствія, и подвигался, притомъ, гораздо больше редакціонною комиссією, чѣмъ министерствомъ юстиціи. Разгадку доброй памяти, оставленной Замятнинымъ, слѣдуетъ искать больше всего въ томъ фактѣ — подчеркнутомъ и у г. Джаншіева,—что ему пришлось быть министромъ юстиціи между графомъ Панинымъ и графомъ Паленомъ, между упорнымъ защитникомъ старины и систематическимъ недоброжелателемъ новаго порядка. Печальной особенностью минувшей эпохи было недовѣріе, охлажденіе къ только-что оконченному дѣлу—и, въ связи съ этимъ, избраніе исполнителей его изъ среды лицъ, наименѣе къ нему расположенныхъ. Замятнинъ, какъ и Ланской, былъ уволенъ вслѣдъ за осуществленіемъ реформы; увольненіе ихъ было сигналомъ реакціи — отсюда значительная доля популярности, ими приобрѣтенной и сохраненной.

Оговорки, сдѣланныя нами къ мнѣнію г. Джаншіева, не мѣшаютъ намъ относиться съ сочувствіемъ и уваженіемъ къ памяти Д. И. Замятнина. Драгоценно въ ней для насъ, какъ и для всѣхъ привер-

¹⁾ Д. Н. Замятнинъ призванъ былъ къ управленію министерствомъ юстиціи уже послѣ обнародованія основныхъ положеній.

женцевъ судебной реформы, уже то честное, искреннее отношеніе къ великому дѣлу, которымъ несомнѣнно запечатлѣна дѣятельность покойнаго министра. Преобразование, въ которомъ ему пришлось участвовать, застало его уже старикомъ; онъ выросъ, воспитался и дѣйствовалъ почти сорокъ лѣтъ среди обстановки, крайне неблагоприятной для движенія. Не всякому дано сохранить, при такихъ условіяхъ, воспримчивость къ новизнѣ, готовность отказаться отъ привычекъ и взглядовъ цѣлой жизни. Назвать Замятнина носителемъ идеи судебныхъ уставовъ мы не можемъ, но готовы признать въ немъ типъ *средняго человека*, понявшаго ихъ важность и приступившаго къ осуществленію ихъ безъ увлеченія, но и безъ колебанія, безъ творческой инициативы, но и безъ узкаго умничанья или ворчливаго брюзжанья. Облеченный вліяніемъ и властью, такой средній человѣкъ, можетъ, въ данную минуту, принести большую пользу, отчасти положительнаго, преимущественно отрицательнаго свойства; онъ можетъ сдѣлать кое-что хорошее и предупредить много дурного. Еслибы Замятнинъ остался еще нѣсколько лѣтъ министромъ юстиціи, введеніе въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ было бы окончено, по всей вѣроятности, уже давно, и основные ихъ принципы потерпѣли бы меньше искаженій. Утверждать, что они *вовсе* не были бы искажены, мы не беремся; мы знаемъ, что въ извѣстные моменты борьба съ реакціей превышаетъ силы отдѣльнаго лица, даже гораздо болѣе мощнаго, чѣмъ Замятнинъ. Достаточно припомнить, что первое отступленіе отъ судебныхъ уставовъ — измѣненіе подсудности дѣлъ о печати, вызванное приговоромъ петербургскаго окружнаго суда по дѣлу Жуковскаго и Пыпина — состоялось уже въ декабрѣ 1866 г., въ бытность Замятнина министромъ юстиціи.

Издатель и редакторъ: М. СТАСЮЛЕВИЧЪ.

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА.

МАЙ—ІЮНЬ, 1883.

Книга пятая. — Май.

	стр.
Пѣсни о веснѣ.—Стих. Н. ЩЕДРОВА	5
Фредерикъ Шопенъ.—Биографическій очеркъ.—I-II.—П. А. ТРИФОНОВА	7
Княжна Тараканова.—Историческая повѣсть, въ двухъ частяхъ.—Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО	48
Легенды и сказанія Талмуда.—Историко-литературные очерки.—М. П. СЛОВЬЕВА	149
Русская общественная жизнь въ сатира Салтыкова.—V. Эскурсии въ область исторической сатиры и романа.—VI. Овщіе итоги.—Окончаніе.—К. К. АРСЕНЬЕВА	179
Вечерніе огни.—Стих. Я. П. ПОЛОНСКАГО	217
Очерки новѣйшей итальянской поэзии.—I-III.—С. Г.	218
Марионъ Фэй.—Романъ въ двухъ частяхъ, Антони Троллопа.—Часть первая.—XVII-XXV.—О. П.	250
Мое знакомство съ Кэвлемъ.—Изъ недавней поѣздки въ Америку.—М. К.	318
Хроника.—Наши учительскія семинаріи.—Историческій очеркъ.—V-VI.—Окончаніе.—БАР. Н. А. КОРФА	324
Внутреннее Овозраженіе.—Новая категорія „униженныхъ и оскорбленныхъ“, разысканная „Московскими Вѣдомостями“.—Вакханаліи въ печати.—Чрезвычайная сессія с.-петербургскаго губернскаго земскаго собранія.—Возраженія желѣзно-дорожныхъ дѣятелей противъ проекта общаго желѣзно-дорожнаго устава.—Значеніе частныхъ уставовъ, какъ договоровъ и какъ сепаратныхъ законовъ.—Формализмъ, подкапывающійся подъ самыя основныя реформы.—Ожиданія народныхъ массъ въ остзейскомъ краѣ	342
Будущность крестьянскаго поземельнаго банка.—ОВА	361
Иностранное Овозраженіе.—Новый тройственный союзъ.—Германскій парламентъ и социально-политическіе проекты.—Положеніе дѣлъ въ Италіи.—Французскія дѣла.—Общество „друзей мира“.—Планы Вальдека-Руссо.—Исключительные законы въ Англіи, и ихъ также исключительный характеръ	372
Литературное Овозраженіе.—А. П. Шаповъ, соч. Н. Аристова.—Путешествіе по Италіи, И. Цвѣтаева.—Н.—Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ, кн. П. Н. Страхова.—Западное вліяніе въ новой русской литературѣ, Алексѣя Веселовскаго.—Поземельный кредитъ въ Россіи и отношеніе его къ крестьянскому землевладѣнію, Л. В. Ходскаго.—Настоящее состояніе поземельнаго кредита въ Россіи и пробный проектъ, И. Н. Толстого.—Красный крестьянинъ въ тылу дѣйствующей арміи 1877—78 г., т. II, Н. Абазы.—К.	390
Просперо и Калибанъ.—Литературная замѣтка.—М. И. КУЛИШЕРА	409
Изъ Овощеводной Хроники.—Конѣцъ дѣловаго сезона.—Новые проекты на будущее время.—„Нужды и потребности“, г. В. Кокорева, и картина сельскаго благополучія въ его мечтахъ.—Средства къ ея осуществленію: заѣмъна кабаковъ винными складами и поощреніе винокуренію.—Ожидаемое устройство новой хлѣбной складочной компаніи, и колебанія „Москов. Вѣдомостей“ по этому дѣлу.—Новыя общественныя и политическія теоріи г. Каткова по поводу дѣла г. Скаряткина	418
Библиографическій Листокъ.—Крымскія цѣлебныя минеральныя грязи. А. Н. Н.—на.—Кавказскія минеральныя воды, въ медицинскомъ отношеніи. О. А. Халецкаго.—Путеводитель по кавказскимъ водамъ, И. П. Золотницкаго.—Начала русскаго государственнаго права. А. Градовскаго.—Очеркъ исторіи физики, Ф. Розенбергера, пер. п. р. И. М. Съченова.—Baedeker's Russland.	

Книга шестая, — Июнь.

СТЛ.

НАША АРХИТЕКТУРА за послѣднія 25 лѣтъ.—В. В. СТАСОВА	433
ВОЛХОВСКАЯ ВАРШИНА.—Повѣсть.—I.—VI.—А. И. ЭРТЕЛЯ	463
ФРЕДЕРИКЪ ШОПЕНЪ.—Биографическій очеркъ.—Ш.—V.—Окончаніе.—П. А. ТРИФОНОВА	523
НА БЕРЕГУ КРАСНАГО МОЯ.—Изъ путешествія по Синайской пустыни.—А. В. ЕЛИСЬЕВА	540
СТИХОТВОРЕНІЯ.—I.—На искусств.—П.—Онъ человекъ былъ.—Я. П. ПОДОНСКАГО	593
НОВАЯ ИССЛѢДОВАНИЯ РУССКОЙ НАРОДНОСТИ.—III.—Новое царствованіе.—Крестыянская реформа.—Чрезвычайное оживленіе литературы о народѣ.—Что сдѣлано по изученію народности за послѣднія 25 лѣтъ.—А. Н. ПЫПИНА	599
ОЧЕРКИ НОВАЯШЕЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ ПОЭЗИИ.—IV.—VIII.—Окончаніе.—С. Г.	641
НОВЫЕ РОМАНЫ ДОДЭ И ЗОЛА.—К. К. АРСЕНЬЕВА	672
НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КНЯЗЯ БИСМАРКА.—Очеркъ.—Ө. Ө. МАРТЕНСА	694
МАРІОНЪ ФАЙ.—Романъ въ двухъ частяхъ Антоніа Троллопа.—Съ англійскаго.—Гл. XXVI—XXXII.—О. П.	734
ХРОНИКА.—Высочайшій манифестъ 15-го мая	736
ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Пятнадцатое мая—день всенароднаго торжества.—Общая характеристика движеній въ русской общественной жизни.—Вопросъ о нашихъ самоуправленіяхъ, и отвѣтъ проф. А. Д. Градовскаго по этому предмету.—Отчеты о призвѣѣ 1882 г. и конской переписи въ С.-Петербургѣ.—Служи изъ педагогическаго міра.—По поводу проекта института ученыхъ акушеровъ.—Правила дѣйствій крестьянскаго земельнаго банка, и кредитъ землевладѣльцамъ.—Дѣло кронштадтскаго банка, и фиктивные вклады.—Г. Катковъ о кабацкѣ и интеллигенціи	813
ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.—Саратовъ	841
ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Разсужденія иностранцевъ о Россіи и о русскихъ дѣлахъ.—Возможныя недоумѣнія и ихъ разгадка.—Правители Черногоріи и Болгаріи.—Новѣйшая французская политика и ея значеніе.—Соціальный вопросъ въ Англіи.—Британская нетерпимость.—Шульца-Делитъ и Эд. Лабуэ +	851
ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—А. Н. Радищевъ, М. И. Сухомлинова.—Земля и люди, всеобщая географія Э. Реклю, V, вып. 2.—Женщины-врачи въ Россіи. П. П. Судчинскаго.—Фабричный бытъ Германіи и Россіи, А. В. Пожежева.—Страница изъ исторіи судебной реформы, Гр. Дзюшьева	868
БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Жизнь Державина, описанная Я. Гротомъ.—Посомковъ и его сочиненія. Алексѣя Царевскаго.—Сборникъ арифметическихъ задачъ. Составилъ Лубенецъ.—Учебный курсъ теоріи словесности. А. В. Савицкаго	

Книжный складъ и магазинъ типографіи М. Стасюлевича принимаетъ на комиссію постороннія изданія, подписку на всѣ періодическія изданія и высылаетъ иногороднымъ всѣ книги, опубликованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ *).

№ 96.

ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ

№ 96.

КНИЖНАГО СКЛАДА и МАГАЗИНА

ТИПОГРАФИИ М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 2-я л., 7.

I. БОГОСЛОВІЕ—ФИЛОСОФІЯ—ПСИХОЛОГІЯ—АНТРОПОЛОГІЯ.

Антропология. Введеніе къ изученію человѣка и цивилизаціи. Эд. Б. Тайлора. Переводъ съ англійскаго, д-ра И. С. Ивина. съ 78 рисунками въ текстѣ. Спб. 1882 г. Ц. 3, съ пересылкою.

Вѣчное блаженство святыхъ. Соч. Ричарда Бакстера. Переводъ съ французскаго свящ. Андрея Свѣтлакова. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Дни богослуженія православной восточной церкви. Протоіерей Г. С. Дебольскаго. Въ двухъ томахъ. Изданіе седьмое. Спб. 1882 г. Ц. за два тома 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Земная жизнь Господа Спасителя нашего Иисуса Христа. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакцію Э. М. Орды. Изданіе второе. Кіевъ. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Историческое ученіе объ отцахъ церкви. Архіепископа Филарета. Въ трехъ томахъ. Спб. 1882 г. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 коп.

Наука о духѣ. Общія свойства и законы человѣческаго духа. М. Троицкаго. Въ двухъ томахъ. Москва. 1882 г. Цѣна за оба тома 5 р. 50 к., съ пер. 6 р.

Опытъ исторіи мысли. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер.

Православное догматическое богословіе. Соч. архіепископа Филарета. Въ двухъ частяхъ. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 коп.

О говѣніи по уставу православной церкви. Протоіерей Г. С. Дебольскаго. Спб. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Объ умѣ и познаніи. Соч. Ипполита Тэна. Переводъ съ французскаго, подъ редакцію Н. Н. Страхова. Въ двухъ томахъ. Спб. 1872 г. Ц. за оба тома 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Основанія науки о нравственности. Соч. Герберта Спенсера. Перев. съ англійск. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 70 к.

О терпѣннѣ скорбей. Ученіе святыхъ отцовъ, собранное епископомъ Игнатіемъ Брянчаниновымъ. Изданіе второе. Спб. 1882 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Основанія психологіи. Герберта Спенсера, съ приложеніемъ статьи „Сравнительная психологія человѣка“ Г. Спенсера. Переводъ со 2-го англійскаго изданія. 4 т. Спб. 1876. Ц. 7 р. съ пересылкою.

Правила святой жизни. Изложены Аввою Бернардомъ. Переводъ съ франц. Спб. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Русскіе святые и святые южныхъ славянъ, чтимые всею церковью и мѣстно. Описаніе жизни ихъ. Сочиненіе архіепископа Филарета. Въ четырехъ томахъ. Изданіе третье дополненное. Спб. 1882 г. Ц. 7 р., съ пер. 8 р.

Слова, бѣсѣды и рѣчи. Архіепископа Филарета (Гумилевскаго). Въ 4-хъ частяхъ. Изданіе третье. Спб. 1883 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. 25 к.

Седмица говѣнія, исповѣди и причащенія. Протоіерей Г. С. Дебольскаго. Спб. 1882 г. Ц. 20 к., съ пер. 35 к.

Святитель благочестія или полный кругъ церковныхъ бѣсѣдъ, поученій и словъ. Протоіерей В. Нордова. Въ двухъ томахъ. Съ портретомъ автора. Спб. 1883 г. Ц. за оба тома 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Утѣшеніе въ смерти близкихъ сердцу.

*) Книжки, вновь поступившія въ Складъ въ теченіи послѣдняго мѣсяца, указаны: —

Вѣстникъ Европы. — Май, 1883 г.

Епископа Гермогена. Спб. 1880 г. Ц. 30 к., съ пер. 50 к.

Знѣнѣтъ. Настольная замѣтка столической морали. Переводъ Н. В. Зайцева. 1888 г. Ц. 30 к., съ пер. 45 к.

II. СЛОВЕСНОСТЬ—КУЛЬТУРА.

А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его биографіи и оцѣнки произведеній. П. В. Анненкова. Съ приложеніемъ рисунковъ модели памятника, мѣста погребенія и снимковъ съ почерковъ и рисунковъ поэта. Спб. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 80 к.

Американскіе очерки и рассказы Генриха Сенкевича. Переводъ В. М. Лаврова и Л. И. Пальмина. Въ двухъ частяхъ. Москва. 1888 г. Цѣна за двѣ части 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Безылая жертва. Романъ М. Бреддона. Спб. 1888 г. Ц. 2 р. 50 к. съ пер.

Братья Карамазовы. Романъ въ двухъ томахъ, въ четырехъ частяхъ съ эпилогомъ. Ф. М. Достоевскаго. Изданіе третье. Спб. 1882 г. Цѣна за оба тома 5 р., съ пер. 6 руб.

Братоубійца. Уголовный романъ А. Гунтрама. Переводъ съ нѣмецкаго К. Кюль (Каппа). Спб. 1888 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Всобщая исторія литературы, составлена по источникамъ и новѣйшимъ изслѣдованіямъ, при участіи русскихъ ученыхъ и литераторовъ, подъ ред. В. Ф. Корша. Спб. 1880—82 г. Вып. 1—15. Ц. 15 р., съ пер. 17 р.

Власть земли. Очерки и "отрывки изъ памятной книжки". Грѣба Успенскаго. Москва. 1888 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Впередъ! Романъ изъ событий послѣдней турецкой войны. В. И. Немировичъ-Данченко. Спб. 1888 г. Ц. 3 р. 50 коп., съ пер. 4 р.

Въ камышахъ. Повѣсть Н. Н. Каравина. Съ 89-ю рисунками автора. Второе изданіе. Спб. 1879 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Вальтерьянецъ. Историческій романъ конца XVIII вѣка. Въ двухъ частяхъ. Всеволода Соловьева. (Продолженіе романа "Сергій Горбатовъ"). Спб. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Вокругъ пелутисца. Романъ Г. Самарова. Переводъ съ нѣмецкаго А. Соколовой. Спб. 1888 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Графъ П. Д. Киселевъ и его время. Матеріалы для исторіи императоровъ Александра I, Николая I и Александра II, А. П. Заблоцкаго-Десятковскаго. Въ четырехъ томахъ. Спб. 1882. Ц. за всѣ 4 тома 6 руб., съ перес. 7 р.

Гресь и пѣсни. Стихотворенія И. Якунина. 1871—1888. Спб. 1888 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Дамское счастье. (Au bonheur des dames) Эмиля Зола. Переводъ съ французскаго. Москва 1888 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 коп.

Дамскій магазинъ. Романъ Эмиля Зола. Москва 1888 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Дневникъ писателя за 1876 г. Ф. М. Достоевскаго. Спб. Ц. 2 р. 50 к. съ пер.

Доказательства нѣтъ. Романъ автора: "Поиски въ разнѣхъ страннѣхъ мѣстахъ". Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 25 к.

Дмари и энциклопедисты. Джона Меркеля. Переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія. В. Н. Невѣдомскій. Москва. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Дневникъ монаха-Бернардина. Сочиненіе Игн. Ходзько. Переводъ съ польскаго. Изданіе Вл. И. Веселовскаго. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к. съ пер.

Евгения Гранде. Романъ Балзана. Переводъ Ф. М. Достоевскаго. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Евгения Гранде. Симонъ Балзанъ. Переводъ Ф. М. Достоевскаго. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. съ пер.

Европейскіе писатели и мыслители. В. Чуйко В. Х. Аристофанъ. Спб. 1882 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Женщина какъ супруга. Ученіе о физическихъ, душевныхъ и нравственныхъ обязанностяхъ, правахъ и гигиеническихъ правилахъ женщины въ брачной жизни. Соч. Германа Кленке. Переводъ съ нѣмецкаго, по третьему изданію. Спб. 1881 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Женщина-Апостолъ. Романъ Альфонса Додэ. Спб. 1888 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 коп.

Жизнь и поэзія. В. А. Жуковскаго. По неизданнымъ источникамъ и личнымъ воспоминаніямъ К. К. Зейдлица. Съ портретомъ поэта, факсимиле, письмами и съ предисловіемъ П. А. Висковатого. Спб. 1883 г. Ц. 2 р. съ пересылкою. Доходъ отъ изданія жертвуется авторомъ на сооруженіе памятника Жуковскому.

Жуковский В. А. и его произведенія. Сочиненіе П. Заторина. Изданіе второе, дополненное. Съ приложеніемъ 8 фотогравюръ, автографовъ и нотъ. Москва 1888 г. Ц. 4 р. 50 к., съ пер. 5 р. 25 к.

Жуковский В. А. и его произведенія. 1783—1883. Сочиненіе П. Заторина. Съ приложеніемъ 29 фотогравюръ, автографовъ и нотъ. Москва 1888 г. Цѣна книги въ роскошномъ переплетѣ 10 руб., съ перес. 12 руб.

Западное вліаніе въ новой русской литературѣ. Сравнительно-историческіе очерки. Алексѣя Веселовскаго. Москва. 1883 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Записки охотника. И. С. Тургенева. Полное собраніе очерковъ и рассказовъ 1847—1876 г. Четвертое стереотипное изданіе. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к. въ роскошномъ каленковомъ переплетѣ 2 р. 75 к., съ пер. 3 р.

Изъ жизни русскихъ писателей. Разказы и анекдоты. Спб. 1882 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Исторія одного города. По подлиннымъ документамъ издалъ М. Е. Салтыковъ (Щедринъ). Изданіе третье. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. съ пер.

Исторія русской литературы въ очеркахъ и біографіяхъ. Сочин. П. Полевого. Въ двухъ частяхъ. Часть I. Древній періодъ Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. Часть II. Новый и новѣйшій періоды: отъ Кантемира и до нашего времени. Спб. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 руб.

Исторія Славянскихъ литературъ. А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича. Изданіе второе, вновь передѣланное и дополненное. Спб. 1880 г. Т. II. Ц. 5 р., съ перес. Т. I. Ц. 3 р., съ пересылкою.

Калевала, Финскій народный эпосъ. Переводъ Э. Гранстрема. Роскошное изданіе съ пятью картинами. Спб. 1881 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к. въ переплетѣ 3 р. съ перес.

Кобзарь. Збирникъ творивъ. Т. Г. Шевченко. Томъ первый, съ портретомъ, рѣзаннымъ на стали въ Лейпцигѣ, Брокгауза. Спб. 1883 г. Цѣна 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 70 к. Отдѣльно портреты на китайской бумагѣ ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.; на большихъ листахъ 1 р., съ пер. 1 р. 75 к.

Кобзарь Тараса Шевченко. Въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изданномъ подъ редакцію Ник. Вас. Гербеля. Изданіе третье, вновь исправленное и дополненное. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 коп.

Крымъ и его цѣлебныя свойства. Въ память столѣтія присоединенія къ Россіи 1783—1883. Составилъ Д-ръ В. Корсаковъ. Спб. 1883 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 коп.

Легенда стариннаго баронскаго замка. Не былъ и не сказка. Спб. 1883 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Лопухинское дѣло. Историческая повѣсть. П. Полежаева. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Любовь и корона. Историческій романъ изъ временъ императрицы Анны Ива-

новны и регентства принцессы Анны Леопольдовны. Евгенія Карновича. Изданіе второе. Спб. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 коп.

Межъ двухъ огней. Романъ въ трехъ частяхъ М. В. Авдѣева. Спб. 1869 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Мальтійскіе рыцари въ Россіи. Историческая повѣсть изъ временъ императора Павла перваго. Евгенія Карновича. Спб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Мелетій Смотрицкій, какъ филологъ. Соч. Никифора Засадкевича. Орелъ, 1883 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Милліонъ. Романъ Жюль Клареси Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 коп.

На разсвѣтѣ. Новые пѣсни, сатиры, юмористическія стихотворенія и кунлеты. А. Ѳ. Иванова-Классика. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Нападеніе на мельницу. Картины изъ франко-прусской войны. Эмиля Золя и Развращенные. Романъ Додэ. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. съ пер.

На далекомъ востокѣ. Разказы и очерки А. Я. Максимова Спб. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Неугомонное сердце. Романъ въ двухъ частяхъ. Сочиненіе графини А. Л. Толстой. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к. съ пер.

О сербскихъ народныхъ пѣсняхъ. Косовскаго цикла. М. Халанскаго. Варшава. 1883 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Очарованный странникъ. Разсказъ Н. С. Лѣскова. Спб. 1874 г. Ц. 1 р. съ пер.

Парижскія письма. Изъ литературы и жизни 1875—1877 гг. Эмиля Золя. Второе изданіе. Спб. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Письма изъ тетеньки. Сочиненіе М. Е. Салтыкова. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. съ пересылкою.

Петербургскія трущобы. Книга о сытыхъ и голодныхъ. Романъ въ шести частяхъ. Всеволода Крестовскаго. Спб. 1877 г. Цѣна за всѣ четыре тома 5 р., съ пер. 6 р.

Подростокъ. Романъ въ трехъ частяхъ Ѳ. М. Достоевскаго. Изданіе третье. Спб. 1882 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Полное собраніе сочиненій гр. А. К. Толстого съ портретомъ, факсимиле и автобіографіей. Т. I и II. Стихотворенія Ц. 3 р. Т. III. Драматическая трилогія. Ц. 2 р. 50 к. Т. IV. Князь Серебрянный. Ц. 1 р. 50 к. Всѣ четыре тома 7 р. съ пересылкою. Въ каленковомъ переплетѣ, съ тисненіемъ золотомъ 10 рублей съ пересылкою.

Пессимизмъ въ XIX вѣтѣ. Леонарди, Шопенгауэръ, Гартманъ. Сочин. Е. Каро. Перев. П. В. Макиевскаго. Съ приложе-

*

вѣсть бѣды о пессимизмѣ. Москва. 1888 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Психическій миръ женщины, его особенности, превосходства и недостатки. П. Е. Астафьева. Москва. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 65 к.

Признаки времени и письма о провинции. Сочиненіе М. Е. Салтыкова (Щедрина). Изданіе второе. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 коп.

Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Т. VIII. Изданіе графа С. Д. Шереметьева. Спб. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 60 коп.

Полное собраніе сочиненій Давида Рикардо. Переводъ Н. Зиберы. Съ приложеніемъ переводчика. Спб. 1882 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Разказы. Всеволода Гаршина. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Сергіѣ Гербатовѣ. Историческій романъ конца XVIII вѣка, Всеволода Соловьева. Въ двухъ частяхъ. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Современная критика и причины ея упадка. Этьюд Е. Каро. Перев. съ французскаго И. В. Майкова. Москва. 1883 г. Ц. 80 к., съ пер. 40 к.

Среди народа. Вытоны очерки Н. Златовратскаго. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к. съ пер.

Собраніе сочиненій М. А. Максимовича. Т. I. Отдѣлъ историческій. Т. II. Отдѣлы: Историко-топографическій, археологическій и этнографическій. Т. III: Языковеденіе. Исторія словесности. Кіевъ, 1880 г. Цѣна всѣхъ трехъ томовъ 11 р., съ пер. 13 руб.

Сочиненія. Н. К. Михайловскаго. Томъ четвертый. Что такое прогрессъ? Въ перемежку. Спб. 1888 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Стихотворенія М. П. Розенгейма. Изданіе третье, дополненное Спб. 1882 г. Ц. 3 р. съ пересылкою, въ переплетъ 2 р.

Стихотворенія им. Д. Н. Чертелева. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. въ переп. 2 р.

Стихотворенія Н. А. Некрасова. Полное собраніе въ одномъ томѣ 1842—1877 г. Изданіе второе съ портретомъ и факсимиле. Спб. 1882 г. Ц. 3 р. въ роскошномъ переплетѣ, тисненномъ золотомъ 4 р. съ пер.

Страница изъ исторіи судебной реформы. Д. Н. Замiatинъ. Гр. Джаншьева. Москва 1883 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Тайныя общества всѣхъ вѣковъ и всѣхъ странъ. Чарльза Уильяма Геккертона. Въ двухъ частяхъ. Спб. 1876 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 40 к.

Уголки театральнаго міра. Романъ въ трехъ

частяхъ Изъ Чернижева. Спб. 1875 г. Ц. 2 р. 50 к. съ пер.

Убѣжденіе Мопрево. Сочиненіе М. Е. Салтыкова (Щедрина). Оглавленіе: Общій обзоръ.—Тревоги и радости въ Мопрево.—Мопрево-усмирялица.—Finitis Мопрево.—Предостереженіе. Изданіе второе. Спб. 1888 г. Ц. 1 р. съ перес.

Хроника села Сиурина. Разказъ Вяземскаго. Спб. 1875 г. Ц. 2 р. съ пер.

Цѣты и зѣта. Остира, вѣнцы и фатація. Сборникъ шаловливыхъ стиховъ и пѣсенокъ. Д. И. Палимина. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Царь Избрантень. Новый русскій оригинальный романъ изъ крестьянскаго быта. А. В. Соколовскаго. Спб. 1883 г. Ц. 60 к., съ пер. 60 коп.

Шеширѣ. Гервинуса. Романъ египетскаго Константина Тимофеева. Второе изданіе, дополненное, въ четырехъ томахъ. Спб. 1877 г. Ц. 8 р. съ пер. 9 р.

Юный Императоръ. Романъ-хроника въ 3-хъ частяхъ Всеволода Соловьева. Съ портретомъ императора Петра II. Спб. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 коп.

III. ИСТОРИЯ—БІОГРАФІЯ—ЭТНОГРАФІЯ.

Архивъ. Князя Воронцова. Кнѣзъ двѣтъ - седьмал. Письма разныхъ лицъ къ графамъ Воронцовымъ. Москва. 1863 г. Ц. 8 р. съ пер.

Архивъ князя Воронцова. Кнѣзъ двѣтъ осмал. Письма Русскихъ Государей и Особъ Царскаго Дома. Москва. 1863 г. Ц. 8 р. съ пер.

Автобіографія Дмитрія Старица. Переводъ съ англійскаго лорда россійскаго Г. Б. Влагосильцова. Спб. 1874 г. Ц. 2 р. 20 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Афанасій Прокофьевичъ Шаповъ (Жанъ и сочиненія). Съ портретомъ А. П. Шапова. Сочиненіе Проф. Н. Я. Арсстова. Посмертное изданіе. Спб. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Генрихъ Песталоцци, знаменитый швейцарскій педагогъ. Біографическій очеркъ, составленный и переведенный изъ нѣмецкихъ источниковъ. Константиномъ Тимофеевымъ. Спб. 1877 г. Ц. 75 коп., съ пер. 95 к.

Духоборцы, ихъ исторія и строеніе. Сочиненіе Ореста Новицкаго. Изданіе второе переделанное и дополненное. Кіевъ. 1882 г. Ц. 2 р. съ пер.

Жизнь и политика маркиза Виземпскаго. Эпизодъ изъ исторіи русско-польскаго конфликта и вопроса. Составилъ В. Д. Спасовичъ. Спб. 1882 г. Ц. 3 р. съ пересылкой.

Исторические материалы из архива Киевского Губернского Правления, в пяти выпусках. Киев, 1882 г. Цена каждому выпуску 50 к., съ пер. 65 к.

Исторія крестянской войны въ Германіи, по лѣтописямъ и разсказамъ очевидцевъ. Д-ра В. Циммермана. Переводъ подъ редакціей В. Зайцева. Въ трехъ томахъ. Спб. 1865 г. Ц. трехъ томовъ 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Исторія XIX вѣка. Директорія Т. І. Происхожденіе Бонапарта Соч. Минье. Переводъ со второго изданія М. Цебриковой. Спб. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 коп.

Крестяне въ царствованіе императрицы Екатерины II. В. И. Семеновскаго. Т. І. Спб. 1881 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Комедія всемірной исторіи. Іоганна Шерра. Историческій очеркъ событій съ 1848 по 1851 годъ, въ двухъ выпускахъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1872 г. Ц. обоимъ выпускамъ 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Литовскіе евреи. Исторія ихъ юридическаго и общественаго положенія въ Литвѣ отъ Ватогта до Люблинской уни. 1888—1869 г. А. А. Бершадскаго. Спб. 1883 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Наша либеральная интеллигенція. М. Юзефовича. Киевъ. 1882 г. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

О Богдѣтѣ Хитльнищницѣ. Сочиненіе П. Н. Вудинскаго. Харьковъ. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Опыты по исторіи англійской конституціи. Э. Фримана и В. Стебса. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей М. Ковалевскаго. Москва. 1830 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Очерки вѣстной исторіи (1815—1888). Составилъ И. И. Григоровичъ. Четвертое изданіе значительно дополненное и въ первый разъ иллюстрированное 45 портретами историческихъ дѣятелей XIX вѣка. Спб. 1888 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Родъ Шереметевыхъ. А. П. Барсукова. Книга третья. Эта книга описывается 1652 годомъ, именно, событіемъ рожденія фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева. — Въ книгѣ приложены: снимокъ съ древняго чертежа города Москвы, рисунокъ кружка, принесенной одними изъ Шереметевыхъ въ даръ поворожденному царевичу Алексію Михайловичу. — Двѣ хромофотографированныя картинки, относящіяся къ описанію бракосочетанія царя Михаила Федоровича, и до семи снимковъ съ древнихъ грамотъ изъ архива графа С. Д. Шереметева. Спб. 1883 г. Ц. 4 р., съ пер. 6. — Цена каждому изъ предыдущихъ томовъ 4 р., съ пер. 6 руб.

Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Н. Костомарова. Томъ первый. Господство дома Св. Владиміра X—XVI-е столѣтіе. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 3 р. 75 к. Томъ второй. Господство дома Романовыхъ до вступленія на престолъ Екатерины II. XVII-е столѣтіе. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к. Продолженіе второго тома. Господство дома Романовыхъ XVIII-е столѣтіе. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 2 р. Всѣхъ трехъ выпускамъ 7 р. 10 к., съ пер. 8 р.

Семейство Разумовскихъ. А. А. Васильчикова. Т. І. Съ портретами Императрицы Елисаветы, графа А. Г. Разумовскаго и графа К. Г. Разумовскаго. Т. II. Съ портретами графини Н. Д. Разумовской (казачка Разумиха). Графъ А. Е. Разумовскій. Т. III. Съ портретомъ свѣт. кн. Андрея Кирилловича Разумовскаго. Цена за три тома 7 р. 50 к., съ пер. 9 р.

Н. Д. Ушинскій. Братскій биографическій очеркъ съ гравированнымъ портретомъ. Составилъ А. Фролковъ. Спб. 1881 г. Ц. 50 к., съ перес. 65 к.

Человѣческая комедія. И. Ф. Васильевскаго. (Буквы). Со многими рисунками разныхъ художниковъ. Спб. 1882 г. Ц. 8 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Цесаревичъ Павелъ Петровичъ (1754—1796). Историческое изслѣдованіе Дмитрія Кобеко. Изданіе второе дополненное. Спб. 1888 г. Ц. 8 р., съ пер. 3 р. 30 к.

IV. ГЕОГРАФІЯ-ТОПОГРАФІЯ-ПУТЕШЕСТВІЯ.

Картины Африки и Азіи (Русскаго путешествіеника). А. Сумракова. I. Магдоръ и Канарскій архипелагъ. — II. Алжиръ и Сахара. — III. Тунисъ и Кароагентъ. — IV. Иерусалимъ и Мертвое море. — V. Сабраммъ-Норъ. — VI. Кульджинскій край. — VII. Заключеніе. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 50 к. съ пер.

Очерки путешествія въ Гималаи. Г-на и Г-жи Вережатиныхъ. Часть I-я Сикимъ. Со многими рисунками въ текстѣ. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. съ пер.

Путешествіе въ западную Сибирь. Д-ра О. Фяйна и А. Брэма. Съ рисунками въ текстѣ. Москва. 1882 г. Ц. 3 руб. 50 к., съ пер. 4 р. 50 к.

Путешествіе по Средней и Восточной Аравіи. Джиффорда Палгрэвъ. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1875 г. Ц. 2 р. 50 к. съ пер.

Путешествіе по Египту, Аравіи, Малой Азіи и Персіи. В. Нерри-Форга. Переводъ съ англійскаго Борисовской. Спб. 1876 г. Ц. 2 р. съ пер.

Чудеса древней страны Пирамидъ. Географическія, историческія и бытовыя картины древняго Египта. Въ періодъ его процвѣтанія и упадка. Соч. х-ра Карла Оппеля. Съ 160 рисунками въ текстѣ, 10-ю картинками, картою долины Ніомъ и планомъ египетскихъ памятниковъ въ Нильской долинѣ. Спб. 1888 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

У. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ — СТАТИСТИКА.

Изложеніе и критическій разборъ важнѣйшихъ экономическихъ теорій ренты. А. И. Воиновича. Харьковъ 1882 г., Ц. 1 р. 50 коп., съ пер. 1 р. 75 коп.

Исторія торговыхъ кризисовъ въ Европѣ и Америкѣ. Макса Вирта. Переводъ съ нѣмецкаго Е. И. Конради. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к. съ пер.

Крестьянскій вопросъ. Исследование о значеніи у насъ крестьянскаго дѣла, причинахъ его упадка и мѣрахъ къ поднятію сельскаго хозяйства и быта поселенъ. К. Д. Кавелина. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ, съ приложеніемъ статьи: „Очеркъ правительственныхъ мѣръ по переселенію крестьянъ послѣ изданія Положенія 19 Фев. 1861 года“. Ю. Э. Янсонъ. Изданіе второе. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Очеркъ мѣръ, уменьшающихъ расходы содержанія и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ. И. Рихтера. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 1 р. 95 к.

Перевыбывающа собственность. Эмилъ де-Лавеле. Переводъ съ французскаго, подъ редакціею Н. С. Кутейникова. Спб. 1875 г. Ц. 2 р. 50 к. съ пер.

Современный социализмъ. Сочиненіе Эмилъ де-Лавеле. Переводъ съ французскаго подъ редакціею М. А. Антоновича. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес.

Судьбы капитализма въ Россіи. Сочиненіе В. В. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ перес. 1 р. 70 к.

VI. ПЕДАГОГІЯ—УЧЕБНИКИ—ДѢТСКІЯ И НАРОДНЫЯ КНИГИ.

Азбука. Лето. 16 таблицъ на брис-тольскомъ картонѣ и 35 карточекъ буквъ съ раскраш. рисунк., въ коробкѣ. Сост. А. Черенинъ. Москва. 1883 г. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 2 р.

Большая. Повѣсть для дѣтей А. В. Сулгова. Съ 6 отдѣльными картинками тополебовскаго, рѣзаннными на деревѣ 2 р. Ольшевскимъ. Спб. 1883 г. Ц. книги

въ пакѣ 80 к., съ пер. 1 р., въ перес. 1 р. 25 к.

Бѣглый. Дѣтскій рассказъ изъ быта. Рисунки Васнецова. Изданіе М. М. Пакова. Москва 1888 г. Въ пакѣ 70 к., съ пер. 85 к.

Гонтеръ Сервандъ. Путешествіе въ клинчѣхъ въ солнечномъ мѣрѣ. Верна. Переводъ С. Самойловича. Изданіе 6-ми картинками въ текстѣ. Спб. 1883 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р., въ пакѣ 85 к., съ пер. 4 р. 25 к.

Дѣтскіе загадки, дѣтскіе отгадки, умихъ дѣтей. Спб. 1882 г. Ц. 30 к., съ пер. 85 к.

Дочь египетскаго цара. Историческій романъ Эберса, рассказанный для общества. О. Шанпръ. Съ многими рисунками. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 40 коп.

Задача и организація школьнаго въ уѣздѣ. 1882 г. В. Александрова. 1883 г., Ц. 50 коп. съ пер. 65 к.

Зорья. Книга для чтенія въ начальныхъ школахъ. Годъ первый. В. Давидовскаго. Изданіе второе исправленное и дополненное А. М. Цвѣткова. Ц. 45 к. Покупая 20 экземпляровъ даромъ „за чтенія для учащихся“. И. М. Цвѣткова. Въ продажѣ 20 коп., съ пер. 80 к. Спб.

Жизнь и приключенія Робинзона. Сочиненіе Даниѣля Дефо. Объясненіе для дѣтей С. Чистакова. Изданіе 2-е. Спб. 1882 г. Цѣна книги въ пакѣ 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Изданія учрежденной по Высочайшему повелѣнію министромъ народнаго просвѣщенія постоянной комиссіи по употребленію редкихъ чтеній:

1) О богослуженіи православной Святи. М. Соколова. Ц. 8 к.

2) Уничженіе на землѣ Господи нашего Иисуса Христа. Съ раскрашенными изображеніемъ. Ц. 8 к.

3) Жизнь Божіей матери. Святи. М. Соколова. Съ раскр. изобр. Ц. 15 к.

4) Первые гдѣхъ христіанства въ страніе его на Русіи. Съ раскр. изобр. Святи. Олаторича. Ц. 15 к.

5) Великій постъ. Членъ, святи. М. Соколова. Ц. 10 к.

6) Богомолцы у святыхъ. Святи. М. Соколова. Ц. 15 к.

7) Богомолцы у святыхъ. Святи. М. Соколова. Ц. 15 к.

8) Русская правда или древнѣйшее законодательное времяна. Историческое. Лапина. Ц. 7 к.

9) Историческія повѣсти о татарскаго погрома. В. Лапина.

- 10) Невская битва и Ледовое побоище. В. Лапина. Съ раскр. картин. Ц. 5 к.
- 11) Куликовская битва. С. Рождественскаго. Ц. 8 к.
- 12) Покорение царства Казанскаго. В. Лапина. Съ раскр. картин. Ц. 5 к.
- 13) Изъ временъ покоренія Сибири. Историческая повѣсть. В. Лапина. Ц. 10 к.
- 14) О Петрѣ Великомъ. С. Рождественскаго. Съ 5 раскр. карт. Ц. 12 к.
- 15) Какъ и чему училъ Петръ Великій народъ свой. Съ 4 раскр. карт. С. М. Макаровой. Ц. 12 к.
- 16) Полтава. Повѣсть въ стихахъ А. С. Пушкина. С. Макаровой. Съ 8 раскр. карт. Ц. 15 к.
- 17) Тарасъ Бульба. Историч. повѣсть. Н. В. Гоголя. Ц. 5 к.
- 18) 19 февраля 1855—1880 г. Доброписева. Ц. 5 к.
- 19) М. В. Ломоносовъ. А. Филонова. Съ картинкою. Ц. 5 к.
- 20) Какъ ѣда питаетъ наше тѣло. Съ 2 раскр. картин. И. Алфеева. Ц. 15 к.
- 21) Чай, откуда онъ идетъ къ намъ и чѣмъ полезенъ. Е. Рейбота. Съ 2 раскр. картин. Ц. 8 к.
- 22) Петръ Великій по сочиненіямъ. А. С. Пушкина. А. Филонова. Ц. 5 к.
- 23) Дѣдушка Крыловъ и его басни. А. Филонова. Съ раскр. картин. Ц. 10 к.
- 24) Кольцовъ и его пѣсни. М. Парунова. Съ раскр. картин. Ц. 10 к.
- 25) Разсказы о севастопольцахъ. А. Сундеева. Ц. 15 к.
- 26) Кулибинъ, механикъ-самоучка. Е. Ф. Николаевой. Съ раскр. картин. Ц. 8 к.
- 27) Дѣдънадцать мудрыхъ басенъ. Съ портр. Крылова. Ц. 5 к.
- 28) Суворовъ. С. Рождественскаго. Съ портр. и одною раскраш. картинкою. Ц. 15 к.
- 29) Сборникъ стихотвореній. Вып. I. Ц. 8 коп.
- 30) Архангельскіе китоводы. Съ 2 раскр. карт. Ц. 20 к.
- 31) Владиміръ Мономахъ и его завѣщаніе. И. Хрущева. Съ раскрашенными картинками. Спб. 1883 г. Ц. 15 к.
- 32) Купецъ Иголкинъ и его подвигъ. Съ картинкою. Спб. 1881 г. Ц. 8 к.
- 33) Александръ Первый Благословенный. Съ двумя картинками. Спб. 1881 г. Ц. 8 к.
- 34) Путешествіе Государя Императора Александра III. Въ первое лѣто его царствованія. Спб. 1873 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 коп.
- 35) Жизнь Святаго Николая Чудотворца. Соч. Свят. Михаила Соколова. Изданіе второе. Спб. 1883 г. Ц. 8 к.
- 36) Бесѣды о здоровьѣ и о болѣзняхъ. Д-ра М. О. Перфильева. Спб. 1883 г. Ц. 35 к., съ пер. 50 к.

Изъ міра великихъ преданій: Роландъ, изъ древней французской поэмы (съ рисункомъ). Король Лиръ (по Шекспиру). Зимняя сказка (по Шекспиру съ рисункомъ). Вильгельмъ Телль (по Шиллеру), Цинни (по Теодору Кернеру, съ рисункомъ). Разсказы для юношества Виктора Острогорскаго. Изящное изданіе, съ красивой виньеткой. Спб. 1883 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к., въ папкѣ 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Иванъ Ротозей. Книга для малыхъ дѣтей съ раскр. картин. Спб. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Исторія Россіи. Въ разсказахъ съ картинками для народныхъ и другихъ низшихъ училищъ. М. Острогорскаго. 7-ое изданіе. Спб. 1883 г. Ц. 25 к., съ пер. 40 к.

Натакомбы. Повѣсти изъ первыхъ временъ христіанства. Сочиненіе Евгенія Туръ. Изданіе второе. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Книжки для дѣтей, составленныя И. П. Деркачевымъ:

Календарь Крошка на 1883 г.
Матушка Моевка. Стихотвореніе.
Бабушкины сказки.
Елка. Мелкія стихотворенія и побасенки.
Книжка малютка. Сборникъ загадокъ.
Новая первинка. Первые вопросы ребенку.

Азбука Крошка.
Колосы. Сборникъ народныхъ сказокъ.
Балагуръ. Сборникъ шуточныхъ стихотвореній.

Чародѣй. Сборникъ легкихъ фокусовъ. Москва. Цѣна каждой книжкѣ 10 к.

Ленцимъ зоологъ проф. Поля Бера. Переводъ съ французскаго д-ра Л. Н. Симоннова. Предисловіе И. Р. Тарханова. Анатомія и фізіологія. Съ 402 рисунками въ текстѣ. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер.

Мысль и трудъ. Разсказы для дѣтей. М. Цебриковой. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Научныя развлеченія. Знакомство съ законами природы путемъ игръ, забавъ и опытовъ, не требующихъ специальныхъ приборовъ. Гастона Тисандье. Съ 235-ю рисунками въ текстѣ. Переводъ съ французскаго подъ редакціей Ф. Павленкова. Спб. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 40 коп.

Начало русскаго регулярнаго войска для солдатъ и народа къ двухсотлѣтнему юбилею (1683 — 1883 г.). Съ портретами импер. Петра I и перваго рус. солдата Бухвостова, а также съ виньетками художника Панова. Составилъ А. Янушъ. Спб. 1883 г. Ц. 25 к., съ пер. 35 к.

Семейство Шалонскихъ. Изъ семейной хроники. Сочиненіе Евгенія Туръ. Изданіе второе. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 руб. 20 к.

Святоточные рассказы. Чарльза Дикенса. Полный переводъ съ англійскаго Ф. Резенера. Съ 40 политипажамъ и 5 гравюрами. Спб. 1875 г. Ц. 4 р., съ пер. 5 р.

Сказка о томъ, какъ правда съ земли пропала. Г. О. Для народнаго чтенія. Спб. 1883 г. Ц. 5 к.

Сказка о Муравьѣ богатырѣ. Рассказъ для дѣтей В. П. Авенариуса. Съ рисунками Н. Н. Каразина, рѣзаны на деревѣ К. О. Ольшевскимъ. Спб. 1883 г. Ц. 50 к., съ пер. 6 коп.

Сказки для дѣтей, Уйда. Переводъ съ англійскаго В. Гаршина, А. Каррикъ, В. Ранцова, М. Цебриковой, Л. Шелгуновой. Съ рисунками Н. Каразина. Спб. 1883 г. Ц. книга въ папкѣ 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Сказки нота - Мурылки. Изданіе третье пересмотрѣнное и дополненное. Съ рисунками разныхъ художниковъ. Спб. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Сказки профессора С. Топелиуса. Спб. 1882 г. въ папкѣ Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Сельская христоматія. Выпускъ 1-й А. С. Пушкинъ. Выпускъ 2-ой Н. А. Некрасовъ. Выпускъ 3-й В. А. Жуковский. Составилъ Н. Ѳ. Сумцовъ. Харьковъ 1883 г. Цѣна каждого выпуска 5 копѣекъ.

Слово о полку Игоревѣ. Текстъ съ примѣчаніями. Изданіе для учащихся. Составилъ Ѳ. Камменскій. Новочеркасскъ 1882 г. Ц. 30 к., съ пер. 45 к.

Условія и приемы правильнаго обученія чтенію. Сочиненіе В. Зимницкаго. Спб. 1883 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Учебникъ всеобщей географіи. Курсъ первый. Общій обзоръ земнаго шара. Составилъ А. Воронежскій. Спб. 1883 г. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Учебникъ зоологій. Составилъ Николай Сорокинъ. Курсы приготовительный и систематическій для среднеучебныхъ заведеній. Съ 246 рисунками въ текстѣ. Москва 1883 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 коп.

Учебникъ математической географіи. Для среднихъ учебныхъ заведеній. Состав. Я. Блумбергъ. Спб. 1883 г. Ц. 75 к., съ пер. 95 коп.

Учебникъ зоологій. Составилъ А. Я. Гердъ. Часть II. Позвоночныя съ 119 рисунками въ текстѣ. Для среднеучебныхъ заведеній и самообразованія. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 70 к.

Хижина Дяди Тома, или жизнь среди

работъ. Романъ Гарриетъ Бичеръ-Стоу. Новый переводъ Е. Ландина. Съ 46-ю картинками. Спб. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Характеристика дѣточекъ. К. Ельницкаго. Спб. 1883 г. Ц. 40 коп., съ пер. 55 коп.

Царство сказокъ. Карменъ Сильва. (Елисавета, королева Румынской). Переводъ съ нѣмецкаго П. Воборикина, М. Ватсонъ, В. Гаршина, В. Крестовскаго (псевдонимъ), С. Никитенко, О. Хмѣлевой. Съ портретомъ и факсимиле автора и рисунками, исполненными съ фотолитографіи Индутаго. Спб. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 40 к.

Что окружаетъ насъ. Чтеніе для дѣтей средняго и старшаго возраста. Составленное Ф. Резенеромъ. Изданіе второе, значительно дополненное. Спб. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 70 к.

Читанка. Первая книжка після граматки. Съ 60 малюнками. Т. Хуторного. Киевъ 1883 г. Ц. 30 к., съ пер. 45 к.

Ядовитыя растенія. Общедоступное чтеніе для школъ и народа Е. Бороздиной съ 27 полтит. вырѣз. на деревѣ художникомъ Н. В. Куньевымъ. Спб. 1883 г. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.

Школа Робинзоновъ. Рассказъ Жюль Верна. Спб. 1883 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

VII. ЯЗЫКОЗНАНІЕ—АРХЕОЛОГІЯ.

Древности Вавилоно-Ассирскія по новейшимъ открытіямъ. Составилъ Н. Астафьевъ. Съ образчиками клинописи, тремя рисунками (въ текстѣ), и картою къ лѣтописямъ Ассирійскихъ царей. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Монгольская лѣтопись „Зрденійъ Зрихъ“. Подлинный текстъ съ переводомъ и поясненіями, заключающими въ себѣ матеріалъ для исторіи Халхи, съ 1636 по 1736 г. А. Позднѣева. Спб. 1883 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Начертаніе церковнославянской грамматики, примѣнительно къ общей теоріи русскаго и другихъ родственныхъ языковъ. Антона Будиловича. Варшава 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Опытъ всеобщей библіографіи нефтяной промышленности. Часть I. Составилъ инженеръ-технологъ Ст. Гузишамбаровъ. Спб. 1883 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 коп.

Образцы языка церковнославянскаго по древнѣйшимъ памятникамъ глаголической и кирилловской письменности. Составилъ И. В. Ягичъ. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 коп.

О нѣкоторыхъ колическихъ и дориче-

сникъ наслѣдствъ. Эпиграфическія изслѣдованія. В. Латинцева. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ. Н. Ф. Сумцовъ. Харьковъ 1881 г. Ц. 1 р. 30 коп., съ пер. 1 р. 50 коп.

Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ. Академикъ А. Н. Веселовскаго. Вып. I. Греческій апокрифъ о св. Θεοδωρѣ. Ц. 30 к.—Вып. II. Св. Георгій въ легендѣ, пѣснѣ и обрадѣ. Ц. 30 коп.—Вып. III. Алатырь въ мѣстныхъ преданіяхъ палестини и легендѣ о грабѣ. Ц. 60 к.—Вып. VI. Духовные сюжеты въ литературѣ и народной повѣсти румынъ. Ц. 1 р. 80 к. Сиб. Цѣна за всѣ четыре выпуска 3 р. 60 к., съ пер. 4 р. 50 к.

Указатель матеріаловъ для исторіи торговли, промышленности и финансовъ въ предѣлахъ Россійской Имперіи. Отъ доисторическихъ временъ до конца XVIII столѣтія. Составилъ П. О. Черневскій. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

Указатель матеріаловъ для изученія Северо-Западнаго края, въ археологическо-этнографическомъ отношеніи. Составилъ П. О. Черневскій. Сиб. 1882 г. Ц. 40 к., съ пер. 60 к.

Филиппики Демосеена. Олиньскія рѣчи. Подстрочный переводъ съ греческаго (съ введеніемъ и примѣчаніями) г. Рабиновича. Харьковъ. 1888 г. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.

VIII. МАТЕМАТИКА — АСТРОНОМІЯ — ФИЗИКА — ХИМІЯ.

Аналитическая геометрія. Составлена И. Сомовымъ. Изданіе третье. Сиб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Высшая алгебра. Часть первая. Рѣшеніе численныхъ уравненій Ю. Сохоцкаго. Сиб. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер. 8 р. 40 коп.

Дополнительныя статьи алгебры. Курсъ VII дополнительнаго класса реальныхъ училищъ. 2-ое изданіе дополненное статьями „Приложеніе алгебры къ геометріи“. Составилъ Я. Влѣмбергъ. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Курсъ аналитической механики. Составилъ Д. Бобылевъ. II. Часть кинетическая. Выпускъ второй. Механика системъ, составленныхъ изъ матеріальныхъ точекъ. Съ 2-мя таблицами чертежей. Сиб. 1882 г. Ц. 2 р. 30 коп., съ пер. 2 р. 60 коп.

Методы и теорія рѣшенія геометрическихъ задачъ на построеніе, съ приложеніемъ болѣе 400 задачъ. Ю. Петерсена. Переводъ М. С. Аксенова, подъ ред. А. П. Гру-

зинцева съ предисловіемъ К. А. Адриана. Харьковъ 1888 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 коп.

Механика животнаго организма. Перемѣненіе во землѣ и по воздуху. Э. Нерей. Съ 117 политиміажами. Переводъ съ французскаго. Сиб. 1875 г. Ц. 2 р. съ пер. Начальныя основанія математической геометріи. А. Мангегейна. Проф. Варшавской политехн. школы, съ 21 фигурами текстовъ. Перевелъ В. Ангичъ. Пр. Н. Валушвер. Одес. 1888 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 коп.

Начала математической геометріи, теории тѣлѣ и линейной перспективѣ. Съ приложеніемъ черченія кривыхъ. Составилъ А. Пальмау. (Курсъ реальныхъ училищъ). Харьковъ. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 65 к.

Нѣкоторыя успѣхи метеорологіи. I. Современная система наблюденій и предсказанія погоды. А. Клодковского. 19 картъ и 1 таблица чертежей. Одесса. 1869 г. Ц. 3 р. съ пер.

Основы химіи. Д. Менделѣева. Въ двухъ частяхъ. 4-ое изданіе. Сиб. 1882 г. Цѣна за обѣ части 4 р. 60 коп., съ пер. 5 руб.

Основныя учебныя книги для студіи. Д-ра Алекс. Науманна. Переводъ съ нѣмецкаго С. Розенгарта и I. Маннштамъ. Москва, 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 коп.

Очеркъ исторіи физики съ описательными таблицами по математическимъ, описательнымъ наукамъ и естественной исторіи. Соч. Ф. Розенбергера. Съ I. Дренне и средние тѣла. Переводъ съ редакціей И. М. Степанова. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 2 р.

О соединеніи смѣта съ водомъ. Менделѣева. Сиб. 1865 г. Ц. 1 р. съ пер. 1 р. 75 к.

Объ упругости газовъ. Д. Менделѣева. Часть третья, съ 12-ю таблицами рисунковъ. Сиб. 1875 г. Ц. 2 р. съ пер. 8 руб.

Приложеніе алгебры къ геометріи. Средняя учебная заведенія. Составилъ Я. Влѣмбергъ. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р. съ пер. 55 к.

Теоретическая механика. Начала механики матеріальной точки. Составилъ Н. Будаевъ. Сиб. 1871 г. Ц. 1 р. съ пер.

Учебникъ прикладной геометріи для гимназій. (Съ приложеніемъ таблицъ лагорисмаховъ). Составилъ Я. Влѣмбергъ. Сиб. 1875 г. Ц. 1 р. съ пер.

Физика земнаго шара. Основныя изводимыя на земномъ шарѣ.

Написано П. А. Хлебниковымъ. Спб. 1866 г. Ц. 3 р. съ пер.

Элементарная механика. (Курсъ VI класса реальнѣхъ училищъ). Составилъ Э. Михельсонъ и Я. Блюмбергъ. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Элементарная алгебра. Курсъ среднихъ учебнѣхъ заведеній. Составилъ Я. Блюмбергъ. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Электричество и Магнетизмъ. Силъ-ванусъ Томпсонъ. Переводъ съ англійскаго Н. Я. Капустина и В. Б. Струве подъ редакціей и съ нѣкоторыми измѣненіями доктора физики И. Н. Боргмана. Спб. 1833 г. Ц. 2 р. 50 к.

IX. ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ — СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО — ТЕХНОЛОГІЯ — МЕДИЦИНА.

Ботаническая минералогія. Руководство къ фитогистологическимъ изслѣдованіямъ для студентовъ. В. А. Паульсена. Перевелъ съ нѣмецкаго на русскій С. Навагинъ. (Съ предисловіемъ проф. К. Тимирязева. Москва 1883 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.)

Виньетки съ натуры. Грантъ Аллена и научныя доказательства органическаго развитія Джорджа Романна. Переводъ съ англійскаго Г. А. Лопатина. Спб. 1883 г. Ц. 1 руб. 50 коп., съ пер. 1 р. 75 к.

Гниеніе и зараза по отношенію къ веществамъ, носящимся въ воздухѣ. Джона Тиндалла. Переводъ съ англійскаго Г. А. Лопатина. Прибавленія: Рѣчь Пастера о прививкѣ по отношенію къ курной холерѣ и сибирской язвѣ. Изслѣдованія д-ра Коха объ этиологіи бугорчатки (рефератъ). Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 коп., съ пер. 2 75 к.

Діагностика хирургическихъ заболѣваній. 20 лекцій д-ра Э. Альберта. Переводъ со 2-го нѣмецкаго изданія. Спб. 1883 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 80 к.

До-историческій челевѣкъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера. Проф. А. А. Иностранцева. Съ 12 политипажамъ въ текстѣ, 2 флитограммы и 12 табличками фототипій. Спб. 1882 г. Ц. 8 р., съ пер. 9 р.

Желѣзно-дорожные рельсы, какъ балки. Сравненіе стоимости рельсовыхъ и прокатныхъ двутавровыхъ балокъ. Е. Зотикова. Москва, 1883. Ц. 40 коп., съ пер. 55 коп.

Исторія индуктивныхъ наукъ отъ древнѣйшаго и до настоящаго времени. Вильямъ Уэвелла. Въ трехъ томахъ. Переводъ съ 3-го англійскаго изданія. М. А. Антоновича и А. Н. Пыпина. (Съ биографическими приложеніями). Спб. 1867 г. цѣна за три тома 8 р. 50 к., съ пер. 9 р.

Юдофермъ, Mosevig-Moorhof Пер. съ прилѣт. и дополи. Д-ра С. М. Герценштейна. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Краткое руководство къ патолого-анатомическому вскрытію труновъ домашнихъ животныхъ. А. П. Остапенко. Харьковъ. 1882 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Кавказскія минеральныя воды. О. А. Халѣцкаго, въ медицинскомъ отношеніи, часть I-я. Пятигорскъ и Желѣзноводскъ. Спб. 1883 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 70 к.

Краткій учебникъ общей хирургіи, ученія о повязкахъ и операціяхъ. Д-ра Аглю Крѣче. Перевелъ съ нѣмецкаго М. и С. Розенгарты. Ч. I. Общая хирургія. Москва. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Краткая фармакогнозія. Траппъ, проф. 3-е изд. Спб. 1881 г. 2 р. 25 к., съ перес. 2 р. 50 к.

Климатическія особенности Одессы. Составилъ А. Кассовскій. Одесса. 1883 г. Ц. 60 к., съ пер.

Къ вопросу о злокачествѣ насморкѣ (Озаена) А. В. Зинькова. Москва. 1882 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 коп.

Краткій курсъ общей терапіи. Для врачей и студентовъ. Н. В. Миклушинскаго. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 15 коп. съ пер. 1 р. 30 коп.

Кукуруза. Ея разведеніе на зерно и зеленый кормъ и значеніе въ техническихъ производствахъ. Сочиненіе В. С. Засядко. Съ приложеніемъ описанія машинъ, употребляемыхъ при воздѣлываніи кукурузы В. В. Чернилева. Съ 54 политипажамъ. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.

Лѣсовозращеніе. Основанія лѣсохозяйственнаго растеніеводства. Дм. Кравчинскаго. Спб. 1888 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Лѣченіе виноградоу въ Ялтѣ на южномъ берегу Крыма. Руководство для больныхъ и врачей. Дмитріева. 2-е изд. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Матеріалы къ вопросу о дѣйствіи массажа на здоровыхъ людей. Д-ра И. Саблуковскаго. Спб. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 70 коп.

Месмеризмъ, одиллизмъ, столоверченіе и спиритизмъ. Съ исторической и научной точки зрѣнія. Лекція, читанная, въ декабрѣ 1876 года, въ Лондонскомъ Институтѣ Вильямомъ Карпентеръ. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Настановленія при лѣченіи Карлсбадскими минеральными водами въ Карлсбадѣ и на дому. Д-ра І. Крауза. Переводъ съ нѣмецкаго изданія д-ра Моторнаго Харьковъ 1883 г. Ц. 55 к., съ пер. 70 к.

Обзоръ устричекъ въ области фармации въ 1880 и 1881 году, 3-й и 4-й годъ. Югансонъ. Спб. 1883 года. Цѣна 8 р., въ перепл. 8 р. 50 к. Тоже 1-й годъ Устричка въ 1878 г. Ц. 1 р. 25 к. Тоже 2-й годъ Устричка въ 1879 году. Ц. 1 р. 50 к.

Основа исторіи развитія человѣка и высшихъ животныхъ, Келликера. Перев. съ нѣмц. подъ редак. профес. Ѳ. Н. Заваркина съ 800 рисун. Спб. 1882 г. Ц. 8 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Объясненіи. Изъ лекцій, читанныхъ проф. М. Mangin'омъ въ Acad. Sainte-Appe. — Переводъ съ французскаго. Спб. 1883 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Обыкновенное производство и производство окрашенныхъ бумагъ. По Эженеру составилъ П. Волковъ. Съ одной таблицей чертежей, съ 42 образцами обоевъ и 30 образцами Papier de Fantaisie. Спб. 1875 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 3 р. 75 к.

Обработка металловъ и дерева. Руководство для реальныхъ училищъ, ремесленныхъ школъ и самообученіи. Составилъ Н. К. Соколовъ. Съ картинками въ текстѣ. Спб. 1881 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Общепонятные рассказы о полезныхъ и вредныхъ насекомыхъ. Съ указаніемъ способовъ истребленія последнихъ О. Стеновика. Съ 46 рисун. въ текстѣ Переводъ съ малорусскаго. Харьковъ. 1882 г. Ц. 75 к., съ пер. 95 к.

Осмотръ мяса. Для ветеринарныхъ врачей и медиковъ. Baillet. Переводъ А. П. Остапенко. Въ изысканномъ видѣ. Харьковъ. 1882 г. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Основанія физиологіи ума, съ ихъ приложеніями къ воспитанію и образованію ума и изученію его болѣзненныхъ состояній. Уильяма Карпентера. Т. I. Переводъ со второго англійскаго изданія. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. съ пер.

Поврежденія миелина. Д-ра І. Н. Нуссбаума. Съ 81 рисунками въ текстѣ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей Н. К. Зарубина. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Патологія и терапія редильнаго перелома. Руководство для учащихся и врачей. Винкель. Перев. съ 8-го изданія подъ ред. д-ра М. Горанца. Спб. 1882 г. Ц. 8 р. 20 к., съ пер. 3 р. 45 к.

Пауки-Паутинники. Монографія Н. и М. Фесенко. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1883 г. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Половина свѣдѣнія о лошади и другихъ домашнихъ животныхъ и птицахъ, (разведеніе и уходъ за домашними животными и птицами, и леченіе ихъ болѣзней). Составилъ А. Савельевъ. Изданіе третье,

исправленное и дополненное. Спб. 1883 г. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.

Практическія занятія по гістологіи растений. Руководство для начинающихъ составилъ П. Я. Крутицкій. Съ 68-ми рисунками въ текстѣ. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ пер. 1 р. 65 коп.

Популярная гігіена, настоятельная необходимость для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа.—Карла Рекламонта приложеніемъ военной гігіены. Соч. д-ра Вейнемана. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Руководство къ анатоміи и терапіи женской половой сферы. М. Горьиха. 2 томъ, 2-е дополненное изданіе съ 41 картинками въ текстѣ. Спб. 1883 г. Ц. 8 р. въ переплетѣ—9 р.

Руководство топографической анатоміи съ примѣненіемъ къ хирургіи Tillaux. Пер. съ франц. подъ ред. д-ра А. О. Ткачука. Спб. 1883 г. Вып. 1—3, Подписки 3 руб.

Руководство анатоміи нервной системы человѣка. Д. Зернова (neurologis) Мейер. 1883 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Руководство къ хирургіи для фамиліаровъ и фельдшеровъ учениковъ. Студенскій, съ 84 рисун. 4-е изд. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Руководство къ гігienesкимъ основамъ насѣдствованія Флюгге. Переводъ нѣмецкаго подъ ред. д-ра медик. М. Николаева. Спб. 1882 г. Ц. 6 р., съ пер. 6 р. 80 к.

Руководство къ прописыванію лекарствъ. Составилъ D-r L. Waldenburg. Перев. С. Ed. Simon. Перевели съ 9-го нѣмецкаго изданія и нѣмцыи соображеній сѣбской фармаконом. И. Я. Москаленко и В. О. Соркинъ. Спб. 1883 г. Ц. 4 р., съ пер. 7 р.

Руководство къ микроскопическому слѣдованію миелиныхъ тканей. Для ветеринарныхъ врачей и студентовъ. Prof. Dr. Volpert. Переводъ А. П. Остапенко. Харьковъ. 1882 г. Ц. 40 к., съ пер. 40 к.

Руководство къ зубопротѣзному искусству. Девъ, съ 118 рисун. въ текстѣ. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 45 к.

Руководство по хирургическому искусству. А. Ринне. Переводъ съ французскаго редакціей П. Лесгафта. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 20 к.

Руководство къ общей терапіи Лесгафта. Перев. подъ ред. профес. Мейера. Спб. 1882 г. Т. I, часть 3 и 4. 60 к. Т. II, часть 3-я Гидротерапія. 40 к. Т. III, 1-я полов. 40 к. Т. 40 к. Подписная цѣна 1 руб. 21 р., съ перес. 24 р.

Руководство къ разведенію сахарной свекловицы. Соч. Ф. А. Гавронскаго. Спб. 1888 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Руководство къ физическимъ методамъ изслѣдованія внутреннихъ болѣзней. Д-ра Германа Эйхгорста. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Вильяма и М. Гиршфельда. Въ двухъ частяхъ. Часть I. Изслѣдованіе кожи, температуры, пульса и органовъ дыханія. Съ 102 рисунками.—Часть II. Изслѣдованіе аппарата кровообращенія и брышннхъ органовъ. Съ 71 рисункомъ и одной хромолитграф. таблицей. Спб. 1888 г. Ц. за оба тома 4 р. 50 к., съ пер. 5 р.

Руководство къ частной патологіи и терапіи для прантическихъ врачей и учащихся. Эйхгорстъ, перев. д-ра Крушевскаго. Спб. 1888 г. Вып. 1—4. Ц. 4 р. Подписная цѣна за полное сочиненіе 12 р. 50 к., съ перес. 15 р.

Руководство къ частной патологіи и терапіи. Для врачей и студентовъ. Докт. Hermann Eichhorst. выпускъ 7-й. Съ многочисленными рисунками въ текстѣ. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1882 г. Ц. 30 к., съ пер. 45 к.

Руководство къ фармакологіи (рецептура). Догель, съ хромолитогр. таблицами. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 40 к., съ пер. 2 р. 90 к.

Рыбоводство. Сочиненіе Фонъ-Демъ-Борне. Переводъ со втораго нѣмецкаго изданія подъ редакціей и съ дополненіями Д-ра О. А. Гримма. Съ 64 политипажами. Ц. 2 р. 50 к., съ пер.

Спорная область между двумя мірами. Наблюденія и изысканія въ области меіумическихъ явленій. Роберта Дэлъ-Оуэнъ. Переводъ съ англійскаго К. Полянскій. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Спиритизмъ въ Индіи, факіры-очарователи. Л. Жаколіо. Составилъ и перевелъ С. Т. Румиловъ. Спб. 1888 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Способы изслѣдованія общихъ и внутреннихъ болѣзней. Лекціи Ю. Т. Чудновскаго. Стенографически-записанныя Л. А. Лааровской. Выпускъ первый. Спб. 1888 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи. Князя А. Васильчикова. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Современное состояніе дерматологіи въ Россіи. А. Г. Полотебнова. Спб. 1888 г. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.

Содержаніе и воспитаніе растений въ комнатахъ. Регель. Часть I, 5-е изд. Спб. 1888 г. 2 р. 50 к. Часть II. Спб. 1879 г. Ц. 4 р. въ переп. 2 т. 7 р. 50 к.

Травматическіе вывихи костей. Составилъ Д-ръ И. Каринскій. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1883 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 коп.

Успѣхи знаній. Джона Тиндалъ. Переводъ А. Каменскаго. Спб. 1875 г. Ц. 50 к., съ пер.

Уходъ за здоровыми и больными дѣтми. Гетцъ и Лихарчикъ. Перев. съ 4-го нѣмец. изданія д-ра Н. Воронихина. 3-е русское изд. Спб. 1888 г. Ц. 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р. 25 к., 40 к. за пересылку.

Ученіе о поврежденіяхъ головы. Д-ра Е. Ф. Вергманна. Переводъ съ нѣмецкаго докторъ В. и Е. Святловскихъ. Съ 55 рисунками и 2 таблицами. Спб. 1888 г. Ц. 6 р., съ пер. 6 р. 75 коп.

Учебникъ психіатріи, составленный на основаніи клиническихъ наблюденій для врачей и студентовъ. Крафтъ-Эбингъ, Перев. д-ра Черемшанскаго, съ примѣч. д-ра Мерзиевскаго. 3 тома Спб. 1881—82 г. Ц. 5 р. 50 к., съ пер. 6 р. 50 к.

Учебникъ клинической и оперативной хирургіи. Д-ра Эдуарда Альберта. Въ двухъ томахъ. Переводъ съ 2-го исправленнаго и дополненнаго нѣмецкаго изданія подъ редакціей В. И. Кузьмина. Т. I. Хирургическія болѣзни головы и шеи. Т. II. Хирургическія болѣзни позвоночника, груди, плечеваго пояса и верхней конечности. Съ 179 рисун. Москва 1883 г. Цѣна за оба тома 8 р., съ пер. 9 р.

Учебникъ фізіологіи. Проф. М. Фостера. Переводъ съ англійскаго и дополненія проф. П. Р. Тарханова. Спб. 1882 г. цѣна за 2 тома 7 р. 50 коп. съ пер.

Химическая технологія. Н. А. Бунге. Часть II, вып. первый. Толково. Съ приложеніемъ атласа съ 18 таблицами чертежей. Кіевъ. 1888 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Физиологія органовъ чувствъ I. Бернштейнъ. Переводъ съ нѣмецкаго, съ 91 политипажами. Спб. 1876 г. Ц. 2 р. съ пер.

Химическія изслѣдованія по вопросамъ о гніеніи ржаной муки и о дѣйствіи спорынья на муку для разъясненія явленія эрготизма. Д-ра химіи А. В. Пеля. Спб. 1888 года. Ц. 30 к., съ пер. 40.

Химическія дѣйствія свѣта и фотографія въ ихъ приложеніи къ искусству, наукѣ и промышленности Д-ра Германа Фогеля. Съ 94 политипажами и 5-ю таблицами. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей Я. Гутзовскаго. Спб. 1875 г. Ц. 3 р. съ пер.

X. ЗАКОНОВѢДѢНІЕ—ПОЛИТИКА.

Гражданско-правовые наусы безъ рѣшеній. Составилъ д-ръ Рудольфъ фонъ-

Иерингъ. Переводъ съ 4-го нѣмецкаго изданія Вильхельма Оггера подъ редакціей Проф. Сергія Муромцева. Москва. 1883 г. Ц. 1 р. 50 к. съ пер.

Древніе русскіе сѣтские, или вѣбче суды. Составилъ Николай Ланге. Москва. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 к.

Логика общественныхъ наукъ. Москва. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Начала русскаго государственнаго права. Проф. А. Градовскаго. Т. III. Органъ мѣстнаго управленія. Часть первая. Введеніе. Историческій очеркъ мѣстныхъ учрежденій въ Россіи. Учрежденія правительственныя и дворянскія. Спб. 1883 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 80 к.

Наши общественныя собранія (клубы), съ точки зрѣнія юридической и области примѣненія гражданскаго иска. А. Гордона. Спб. 1883 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

Объясненія къ закону 18 мая 1882 г. объ измѣненіи правилъ о наказаніяхъ за кражу со взломомъ. По порученію г. Министра Юстиціи составилъ Н. С. Таганцевъ. Спб. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 коп.

О преступленіяхъ наказуемыхъ только по жалобѣ потерпѣшаго. По русскому праву. Соч. А. Фонъ-Резона. Спб. 1883 года. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 коп.

О выдачѣ преступниковъ по договорамъ Россіи съ иностранными державами. Е. Шостака. Кіевъ. 1882 г. Ц. 40 коп., съ пер. 50 к.

Очерки общей теоріи гражданскаго права. Сергія Муромцева. Часть первая: Введеніе. О научно-историческомъ изученіи гражданскаго права. Объ образованіи гражданскаго права. Москва. 1877 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Опредѣленіе и основное раздѣленіе права. Исследование Проф. Сергія Муромцева. Москва. 1879 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Очерки науки финансового права. Введеніе. Общая часть. Особенная часть. Составилъ И. Тарасовъ. Ярославль. 1883 г. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Прозенты желѣзнодорожнаго законодательства. Составленіе и обсужденіе въ московскомъ юридическомъ обществѣ въ 1879—80 г. Москва. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 10 к.

Очерки крестьянскаго суда. Петра Скоробогатаго. Москва. 1882 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

По поводу предстоящей реформы судостроительной части. Составилъ Е. Пущкинъ. Москва. 1882 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Первый съѣздъ русскихъ юристовъ въ Мѣснѣ въ 1875 году. Издано подъ редак-

ціей: С. И. Баршева, Н. В. Казанова, С. А. Муромцева и А. М. Фадеевскаго. Москва. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер.

Самоубійство въ западной Европѣ и Европейской Россіи. Опытъ сравнительно-историческаго исследования А. В. Лихачева. Съ приложеніемъ I. Таблицъ. II. Назвѣ и записокъ самоубійцъ. III. Краткія свѣдѣнія о самоубійствѣ въ Западной Европѣ и Европейской Россіи. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Сборникъ рѣшеній перваго департамента правительствующаго сената по крестьянскимъ дѣламъ, съ приведеніемъ мнѣній, изложенныхъ изъ означенныхъ рѣшеній 1862—1879. Составилъ Н. Г. Даниловъ и А. Е. Виноградовъ. Изданіе второе. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к. съ перес.

Смѣры нахъ колоніи. Къ общему проекту. Современное положеніе Сибіри. Ея нужды и потребности. Ея прошлое и будущее. Н. М. Ядринцева. Спб. 1883 г. Ц. 3 р., съ перес.

Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1866 года. Съ измѣненіями по 1 декабря 1881 года. Составилъ профессоромъ Н. С. Таганцевъ. Изданіе четвертое дополненное. Спб. 1883 года. Ц. 4 р. съ пер.

Уставъ о воинской повинности, внесенные всѣми последующими указаніями по 15-е мая 1880 г., съ разъясненіями ихъ извлеченіями изъ рѣшеній Правительствующаго Сената, циркуляровъ Министерства внутреннихъ дѣлъ, главныхъ и другихъ правительственныхъ распоряженій съ приложеніемъ указателей—хронологическаго законовъ и алфавитнаго перечня. Составилъ С. Горяиновъ. Спб. 1883 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Уставъ о торговой несостоятельности (Сводъ зак. т. XI, ч. 2, ст. 1884—1885) съ разъясненіями по рѣшеніямъ Правительствующаго сената С.-Петербургскаго коммерческаго суда и другихъ судебныхъ мѣстъ Россійской имперіи. Составилъ Г. Е. Казанскій. Второе вновь обработанное и дополненное изданіе. Спб. 1883 г. Ц. 2 р. 30 к.

Устройство крестьянскихъ судовъ Скоробогатаго. Москва. 1880 г. Ц. 75 к., съ пер. 75 к.

Юриспруденція обыденной жизни. Браніе легкихъ юридическимъ знаніемъ, вытекающихъ изъ событий общества. Для пользованія въ университетѣ. Д-ръ Рудольфъ фонъ-Гертке. Переводъ съ 4-го нѣмецкаго изданія. Державинскаго. Москва. 1881 г. Ц. 90 к., съ пер. 90 к.

Фабричная инспекція во Франціи по закону 19 мая 1874 года. Очеркъ организации и дѣятельности инспекціи надъ трудомъ малолѣтнихъ рабочихъ на фабрикахъ и въ мастерскихъ въ Департаментъ Сены. Составилъ А. В. Прилежаевъ. Спб. 1883 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Юридическіе вопросы и задачи изъ нотаріальной практики и гражданскаго права съ отвѣтами по рѣшеніямъ кассационнаго сената, Якова Гурлянда. Часть I. 1) Нотаріальное положеніе, 2) Опекунство и попечительство и 3) Укрѣпленіе правъ на имущество. Одесса. 1883 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

XI. ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

Альбомъ Московской Пушкинской выставки 1880 года. Изданіе общества любителей россійской словесности подъ редакціей Льва Поливанова: 1) Біографическій очеркъ А. С. Пушкина. Составилъ А. А. Венкштернъ. 2) 62 фотогравюры и фотохитографии художника М. М. Панова и три политипажа. 3) Приложение. М. 1882 г. Въ коленкоромъ переплетѣ, тисненомъ золотомъ. Ц. 13 р., съ пер. 15 р.

Альбомъ гоголевскихъ типовъ въ рисункахъ художника П. Боклевскаго. Изданіе второе. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 коп.

Альбомъ ребусовъ, шарадъ, анаграммъ, загадокъ и проч. Ребусы рисовалъ баронъ М. П. Клотъ, рѣзалъ на деревѣ А. Даугель. Выпускъ I. Спб. 1883 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Мода на уродованіе, какъ она выражена въ обычаяхъ варварскихъ и цивилизованныхъ расъ. Соч. Уильяма Генри Флоуера. Съ рисунками. Спб. 1883 г. Ц. 60 к., съ пер. 80 к.

Русскія драматическія произведенія 1672—1725 годовъ. Къ 200-лѣтнему юбилею русскаго театра собраны и объяснены Проф. Николаемъ Тихоновичемъ. Въ двухъ томахъ. Спб. 1874 г. Ц. за оба тома 8 р., съ пер. 9 р.

Сѣти. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. В. А. Степановой. Одесса. 1883 г. Ц. 75 к., съ пер. 95 к.

Южно-русскій орнаментъ. Собранный А. Лисенко. Изданіе 3-е, значительно измѣненное и дополненное. Кіевъ. 1883 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

XII. СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

West- und Mittel-Russland. Handbuch für Reisende Herausgegeben von K. Bädker. Mit 7 Karten und 13 Plänen. Leipzig 1883 Jahr. Pr. 5 r. 50 k., mit. Kurzer Leitfaden der russischen Sprache nebst Gesprächsammlung und Vocabular. 6 rub.

Малендарь для моряковъ и записная книжка на 1883 годъ. Составилъ шкиперъ дальняго плаванія Л. К. Русацкій. Одесса 1883 г. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 2 р.

Нефтяное отопленіе пароходо́въ и паро́зовъ. Описание разныхъ аппаратовъ съ приложеніемъ 56 чертежей. Инженеръ-технологъ Ст. Гулишамбарова. Второе исправленное и дополненное изданіе. Спб. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Памятная книжка для инженеровъ и архитекторовъ, или собраніе таблицъ, правилъ и формулъ, относящихся къ математикѣ, механикѣ и физикѣ. Составили В. С. Глауховъ, П. И. Собко и Г. И. Сулима. Изданіе второе. Спб. 1872 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Полный русско-нѣмецкій и нѣмецко-русскій словарь для употребленія обоихъ народовъ, составленный І. А. Э. Шмидтомъ. Третье, стереотипное, совершенно переизданное изданіе. Лейпцигъ. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Подарокъ молодымъ хозяйкамъ или средство къ уменьшенію расходовъ въ домашнемъ хозяйствѣ. Составила Елена Молоховецъ. Часть I и II. Въ нихъ заключается: 900 скоромныхъ и постныхъ обѣдовъ; 1,500 описаній разныхъ кушаньевъ и 1,500 описаній приготовленія разныхъ запасовъ. 9-ое изданіе дополненное. Спб. 1881 г. Ц. книги 4 р., съ пер. 4 р. 50 к. въ перепл. 5 р., съ пер. 5 р. 60 коп.

Полный курсъ охоты на птицъ безъ промаха бить ее въ лѣтъ. Охота съ лагавными и гончими собаками. Марксъ-Манна. Съ приложеніемъ охоты за хищными звѣрями. Соч. О. Гофмана и А. Де-Бреа. Москва 1881 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Указатель фабрикъ и заводовъ Европейской Россіи съ Царствомъ Польскимъ и Вел. Кн. Финляндскимъ. Матеріалы для фабрично-заводской статистики. Составилъ П. А. Орловъ. Спб. 1881 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 75 к.

Оверъ дьяволъ, Луеноты (каждая 1 р. 50 к.). Игавата, Игаватогэ, Балъ-маскарадъ (каждая 2 р. 50 к.). Фенелла, Русалка, Марта, Жизнь за Царя, Русланъ и Людмила, Рогнеда, Евгений Онегинъ, Аида, Аскольдова могила (каждая 3 р.). Купецъ Калашниковъ (4 р.). Ферморсъ (4 р.). Орлеанская дѣва (5 р.). Тангейзеръ (2 р.). Фаустъ (2 р. 50 к.). Боккаччо (2 р. 25 к.).

ДЛЯ ФОРТЕПИАНО ВЪ ЧЕТЫРЕ РУКИ: Фиделіо (1 р.). Эгмонтъ (50 к.). Нормя (1 р.). Совамбула (1 р.). Оберонъ (1 р.). Волшебный стрѣлокъ (90 к.). Семь словъ Спасителя (50 к.). Дампа (1 р. 25 к.). Дочь поля (1 р. 50 к.). Лукреція Борджіа (1 р. 50 к.). Св. Павелъ (1 р.). Илья Пророкъ (1 р.). Сонъ въ лѣтнюю ночь (60 к.). Аталия (60 к.). Донъ-Жуанъ (1 р. 25 к.). Волшебная флейта (1 р.). Свадьба Фигаро (1 р. 40 к.). Севильскій цирюльникъ (1 р.). Фенелла (1 р. 50 к.). Водовозъ (1 р. 50 к.). Лючія (1 р.). Марта (3 р.). Страделла (3 р.). Мессія (1 р.). Сотвореніе міра (75 к.). Четыре времени года (1 р.). Ночь въ Гренадѣ (75 к.). Реквіемъ Моцарта (50 к.). Виндзорскія кумушки (1 р.). Трубадуръ (3 р.). Сборникъ избранныхъ увертюръ въ 4 руки Бетховена, Вебера, Доницетти, Керубини, Меккель, Лортцинга, Мендельсона, Моцарта, Обера, Герольда, Буальдьё, Россини, Шуберта и Шумана. 11 томовъ въ каждомъ отъ 6 до 10 увертюръ (каждый томъ 65 к.). „Opéra - Album“. Альбомъ, составленный изъ 34 любимыхъ оперныхъ мелодій въ легкомъ переложеніи (75 к.). Ленинъ, „Наши классики“. Весьма легкія переложенія знаменитыхъ сочиненій Бетховена, Моцарта, Гайдна, Вебера, Мендельсона, Шуберта, Шопена и др. 5 томовъ, въ каждомъ по 20 пьесъ (за томъ 75 к.).

На пересылку прилагается особо и взимается съ общаго вѣса посылки. Требованія гг. иногороднихъ исполняются съ первоотходящею почтою. Каталоги дешевыми изданіямъ высылаются бесплатно. Въ этихъ же магазинахъ можно получить всѣ музыкальныя произведенія, кѣмъ бы они ни были изданы и объявлены.

Книжный складъ и магазинъ типографіи М. Стасюлевича принимаетъ на комиссію постороннія изданія, подписку на всѣ періодическія изданія и высылаетъ иногороднымъ всѣ книги, публикованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ *).

№ 97.

ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ

№ 97.

КНИЖНАГО СКЛАДА и МАГАЗИНА

ТИПОГРАФИИ М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 2-я л., 7.

I. БОГОСЛОВІЕ—ФИЛОСОФІЯ—ПСИХОЛОГІЯ—АНТРОПОЛОГІЯ.

Антропология. Введеніе къ изученію человека и цивилизаціи. Эд. Б. Тайлора. Переводъ съ англійскаго, д-ра Н. С. Иванова. съ 78 рисунками къ текстѣ. Спб. 1882 г. Ц. 3. съ пересылкою.

Объ умѣ и познаніи. Соч. Ипполита Тана. Переводъ съ французскаго, подъ редакціею Н. Н. Страхова. Въ двухъ томахъ. Спб. 1872 г. Ц. за оба тома 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Основанія науки о нравственности. Соч. Герберта Спенсера. Перев. съ англійск. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 70 к.

Основанія психологіи. Герберта Спенсера, съ приложеніемъ статьи „Сравнительная психологія человека“ Г. Спенсера. Переводъ со 2-го англійскаго изданія. 4 т. Спб. 1876. Ц. 7 р. съ пересылкою.

II. СЛОВЕСНОСТЬ—КУЛЬТУРА.

А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи и оцѣнки произведеній. П. В. Анненкова. Съ приложеніемъ рисунковъ модели памятника, мѣста погребенія и снимковъ съ почерковъ и рисунковъ поэта. Спб. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 80 к.

Американскіе очерки и рассказы Генриха Сенкевича. Переводъ В. М. Лаврова и Л. И. Пальмина. Въ двухъ частяхъ. Москва. 1883 г. Цѣна за двѣ части 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Братья Карамазовы. Романъ въ двухъ томахъ, въ четырехъ частяхъ съ эпилогомъ. Ф. М. Достоевскаго. Изданіе третье. Спб. 1882 г. Цѣна за оба тома 5 р., съ пер. 6 руб.

Въ дали (Изъ прошлаго). Рассказы изъ вольной и невольной жизни. Мишле, (М. И. Орфанова). Съ предисловіемъ С. В. Максимова. Москва 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Власть земли. Очерки и отрывки изъ памятной книжки. Глѣба Успенскаго. Москва. 1883 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Впереды! Романъ изъ событій послѣдней турецкой войны. В. И. Немировичъ-Данченко. Спб. 1883 г. Ц. 3 р. 50 коп., съ пер. 4 р.

Вольтерьянецъ. Историческій романъ конца XVIII вѣка. Въ двухъ частяхъ. Всеволода Соловьева. (Продолженіе романа „Сергій Горбатовъ“). Спб. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 80 к.

Враги женщинъ. Романъ Захеръ-Мазоха. Спб. 1879 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Графъ П. Д. Киселевъ и его время. Матеріалы для исторіи императоровъ Александра I, Николая I и Александра II, А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго. Въ четырехъ томахъ. Спб. 1882. Ц. за всѣ 4 тома 6 руб., съ перес. 7 р.

Грезы и пѣсни. Стихотворенія Ив. Якунина. 1871—1883. Спб. 1883 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Дамское счастье. (Au bonheur des dames) Эмилъ Зола. Переводъ съ рукописи. Москва 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 коп.

Дамскій магазинъ. Романъ Эмилъ Зола. Москва 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Древнее сказаніе. Жизнь и нравы славянъ въ IX вѣкѣ. Сочиненіе И. И. Крашевскаго. Переводъ съ польскаго подѣ

*) Книжки, вновь поступившія въ Складъ въ теченіи послѣдняго мѣсяца, указаны: —

Востникъ Европы. — Іюнь, 1883 г.

редакціей Н. И. Шульгина. Съ 24 рисунками Е. М. Андриолли, второе изданіе. Спб. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 40 к.

Дидро и энциклопедисты. Джона Морлея. Переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія. В. Н. Невѣдомскій. Москва. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Дѣятельность меншинъ. И. П. Лазаревича. Съ картинками въ текстѣ. Харьковъ 1883 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Дневникъ монаха-Бернардина. Сочиненіе Игн. Ходзько. Переводъ съ польскаго. Изданіе Вл. И. Веселовскаго. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер.

Дневникъ писателя за 1873 г. Политическія статьи. Критическія статьи. Ф. М. Достоевскаго. Спб. 1883 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Евгенія Гранде. Романъ Бальзака. Переводъ Ф. М. Достоевскаго. Спб. 1883 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Жизнь и произведенія Тараса Шевченко. (Сводъ матеріаловъ для его біографіи). Съ портретомъ. Составилъ М. К. Чалый. Кіевъ 1882 г. Ц. 1 р. 75 коп., съ пер. 2 руб.

Менщина какъ супруга. Ученіе о физическихъ, душевныхъ и нравственныхъ обязанностяхъ, правахъ и гигиеническихъ правилахъ женщины въ брачной жизни. Соч. Германа Кленке. Переводъ съ нѣмецкаго, по третьему изданію. Спб. 1881 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Жуковский В. А. и его произведенія. Сочиненіе П. Загарина. Изданіе второе, дополненное. Съ приложеніемъ 8 фотографій, автографовъ и нотъ. Москва 1883 г. Ц. 4 р. 50 к., съ пер. 5 р. 25 к.

Западное вліяніе въ новой русской литературѣ. Сравнительно-историческіе очерки. Алексѣя Веселовскаго. Москва. 1883 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Записки охотника. И. С. Тургенева. Полное собраніе очерковъ и рассказовъ 1847—1876 г. Четвертое стереотипное изданіе. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к. въ роскошномъ каліконовомъ переплетѣ 2 р. 75 к., съ пер. 3 р.

Исторія одного города. По подлиннымъ документамъ издалъ М. Е. Салтыковъ (Щедринъ). Изданіе третье. Спб. 1883 г. Ц. 1 р., съ пер.

Испытаніе. Романъ въ трехъ частяхъ. В. Крестовскаго (псевдонимъ). Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ пер. 1 р. 75 коп.

Исторія Славянскихъ литературъ. А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича. Изданіе второе, вновь переизданное и дополненное. Спб. 1880 г. Т. II. Ц. 5 р., съ перес. Т. I. Ц. 3 р., съ переславою.

Калевалъ, Финскій народный эпосъ. Переводъ Э. Гранстрема. Роскошное изданіе съ пятью картинками. Спб. 1881 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к. въ переплетѣ 3 р. съ перес.

Кобзарь. Сборникъ творивъ. Т. Г. Шевченко. Томъ первый, съ портретомъ, рѣзаннымъ на стали въ Лейпцигѣ, Брокгауза. Спб. 1883 г. Цѣна 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 70 к. Отдѣльно портреты на китайской бумагѣ ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.; на большихъ листахъ 1 р., съ пер. 1 р. 75 к.

Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи. И. Жданова. Кіевъ. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Крымъ и его цѣлебныя свойства. Въ память столѣтія присоединенія къ Россіи 1783—1883. Составилъ Д-ръ В. Корсаковъ. Спб. 1883 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 коп.

Къ исторіи звуковъ русскаго языка. В. IV. А. А. Потебня. Этимологическія и другія замѣтки. Варшава 1883 г. Ц. 60 к., съ пер. 80 к.

Между вѣхами по жизненному полю. Вопросы дня. И. А. Милютинъ. Спб. 1883 г. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.

Мемъ двухъ огней. Романъ въ трехъ частяхъ М. В. Авдѣева. Спб. 1869 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Мальтійскіе рыцари въ Россіи. Историческая повѣсть изъ временъ императора Павла пераго. Евгенія Карновича. Спб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Мелетій Смотрицкій, какъ филологъ. Соч. Никифора Засадкевича. Орелъ, 1883 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

На даленомъ востокѣ. Разсказы и очерки А. Я. Максимова Спб. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Наши дѣти. Очерки А. Михайлова. Изданіе второе. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Неугомонное сердце. Романъ въ двухъ частяхъ. Сочиненіе графини А. Л. Толстой. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к. съ пер.

Очерки ирландской жизни. Изъ записокъ В. Стюарта-Тренча. Спб. 1873 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

О сербскихъ народныхъ пѣсняхъ. Косовскаго цикла. М. Халанскаго. Варшава. 1883 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Очарованный странникъ. Разсказъ Н. С. Лѣскова. Спб. 1874 г. Ц. 1 р. съ пер.

Парижскія письма. Изъ литературы и жизни 1876—1877 гг. Эмиля Зола. Второе изданіе. Спб. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Письма къ тетенькѣ. Сочиненіе М. Е. Салтыкова. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. съ переславою.

Петербургскія трущобы. Книга о сы-
тихъ и голодныхъ. Романъ въ шести ча-
стяхъ. Всеволода Крестовскаго. Спб.
1877 г. Цѣна за всѣ четыре тома 5 р., съ
пер. 6 р.

Повѣсти и рассказы. А. П. Голы-
цинскаго. Въ четырехъ томахъ. Москва.
1868 г. Цѣна за четыре тома 4 р., съ пер.
5 руб.

Подростокъ. Романъ въ трехъ частяхъ
Ф. М. Достоевскаго. Изданіе третье. Спб.
1882 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Полное собраніе сочиненій гр. А. К.
Толстого съ портретомъ, факсимиле и авто-
биографіей. Т. I и II. Стихотворенія Ц. 3 р.
Т. III. Драматическая трилогія. Ц. 2 р. 50 к.
Т. IV. Князь Серебряный. Ц. 1 р. 50 к.
Всѣ четыре тома 7 р. съ пересылкою. Въ
календарномъ переплетѣ, съ тисненіемъ
золотомъ 10 рублей съ пересылкою.

**Поминки по Александрѣ Александрови-
чѣ Котляревскомъ.** Кіевъ. 1881 г. Ц. 50 к.,
съ пер. 65 к.

**Признаки времени и письма о про-
винци.** Сочиненіе М. Е. Салтыкова (Шед-
рина). Изданіе второе. Спб. 1882 г. Ц. 2 р.,
съ пер. 2 р. 25 коп.

**Полное собраніе сочиненій князя П. А.
Вяземскаго.** Т. VIII. Изданіе графа С. Д.
Шереметьева. Спб. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер.
2 р. 60 коп.

Полное собраніе сочиненій. Давида
Рикардо. Переводъ Н. Зиберы. Съ при-
ложеніемъ переводчика. Спб. 1882 г. Ц. 3
р. 50 к., съ пер. 4 р.

Рассказы. Всеволода Гаршина. Спб.
1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Рокъ любви. Романъ въ двухъ ча-
стяхъ Ивана Кочергина. Москва 1882 г.
Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Сергій Горбатовъ. Историческій ро-
манъ конца XVIII вѣка, Всеволода Со-
ловьева. Въ двухъ частяхъ. Спб. 1882 г.
Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Среди народа. Вытовые очерки Н. Зла-
товратскаго. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к.
съ пер.

Собраніе сочиненій М. А. Макси-
мовича. Т. I. Отдѣлъ историческій. Т. II.
Отдѣлы: Историко-топографическій, архео-
логическій и этнографическій. Т. III: Языко-
знание. Исторія словесности. Кіевъ, 1880 г.
Цѣна всѣхъ трехъ томовъ 11 р., съ пер.
13 руб.

Сочиненія Н. К. Михайловскаго.
Томъ четвертый. Что такое прогрессъ? Въ
перемежку. Спб. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер.
2 р. 50 к.

Стихотворенія М. П. Розенгейма. Изда-
ніе третье, дополненное Спб. 1882 г. Ц.
3 р. съ пересылкою, въ переплетѣ 2 р.

Стихотворенія кн. Д. Н. Цертелева. Спб.
1883 г. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. аъ переп. 2 р.

Страница изъ исторіи судебной реформы.
Д. Н. Замитинъ. Гр. Джаншиева. Мо-
сква 1883 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р.
70 к.

Убѣжище Монрепо. Сочиненіе М. Е.
Салтыкова. (Шедрина). Оглавленіе: Общій
обзоръ.—Тревоги и радости въ Монрепо.
—Монрепо-усыпальница.—Finis Монрепо.
—Предостереженіе. Изданіе второе. Спб.
1883 г. Ц. 1 р. съ перес.

Хроника села Смурина. Разсказъ Воло-
дина. Спб. 1876 г. Ц. 2 р. съ пер.

Цѣты и змѣи. Сатира, юморъ и фан-
тазія. Сборникъ паловинныхъ стиховъ и на-
пѣвовъ. Л. И. Пальмина. Спб. 1883 г. Ц.
1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Царь Избавитель. Новый русскій ори-
гинальный романъ изъ крестьянскаго быта.
А. З. Соколовскаго. Спб. 1883 г. Ц. 60 к.,
съ пер. 50 коп.

Шекспиръ. Гервинуса. Перевелъ съ
нѣмецкаго Константинъ Тимофеевъ. Изда-
ніе второе, дополненное, въ четырехъ то-
махъ. Спб. 1877 г. Ц. 8 р. съ пер. 9 р.

Юный Императоръ. Романъ-хроника въ
3-хъ частяхъ Всеволода Соловьева.
Съ портретомъ императора Петра II. Спб.
Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 коп.

III. ИСТОРИЯ—БЮГРАФИЯ—ЭТНОГРАФИЯ.

Автобіографія Джона Стюарта Милля.
Переводъ съ англійскаго подъ редакціей
Г. Б. Благовѣстова. Спб. 1874 г. Ц. 1 р.
20 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Духоборцы, ихъ исторія и вѣроученіе.
Сочиненіе Ореста Новицкаго. Изданіе
второе передѣланное и дополненное. Кіевъ,
1882 г. Ц. 2 р. съ пер.

Жизнь и политика маркиза Влелополь-
скаго. Эпизодъ изъ исторіи русско-поль-
скаго конфликта и вопроса. Составилъ В.
Д. Пасовичъ. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. съ
пересылкою.

Историческіе матеріалы изъ архива
Кіевскаго Губернскаго Правленія, въ пяти
выпускахъ. Кіевъ, 1882 г. Цѣна каждому
выпуску 50 к., съ пер. 65 к.

**Исторія материализма и критика его
значенія въ настоящее время.** Фр. Альб.
Ланге. Переводъ съ 3 нѣмецкаго изданія
Н. Н. Страхова. Томъ второй. Исторія
материализма послѣ Канта. Спб. 1883 г.
Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. 1. Ц. 2 р.
50 к., съ пер. 3 руб.

**Исторія крестьянской войны въ Гер-
маніи, по лѣтописямъ и разсказамъ очевид-
цевъ.** Д-ра В. Циммермана. Переводъ
подъ редакцію В. Зайцева. Въ трехъ то-
*

махъ. Спб. 1865 г. Ц. трехъ томамъ 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Исторія Греціи. Эрнста Курциуса. Въ трехъ томахъ. Переведъ съ четвертаго изданія. А. Веселовскій. Томъ I-й: До начала персидскихъ войнъ. Т. II-й—До конца пелопонезской войны. Т. III-й—Кончается борьбой за независимость Греціи при царѣ Филиппѣ и ея послѣдствіи. Москва. 1880 г. Цѣна всѣмъ трехъ томамъ 12 р., съ пер. 14 р.

Исторія XIX вѣка. Директорія Т. I. Происхождение Бонапарта Соч. Мишле. Переводъ со втораго изданія М. Цебриковой. Спб. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 коп.

Исторія евреевъ. Проф. Г. Гретца. Томъ пятый. Отъ времени заключенія талмуда (500) до эпохи расцвѣта еврейско-испанской культуры (1027). Переводъ со втораго нѣмецкаго изданія 1871 г., съ прибавленіями. Спб. 1883 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 80 к.

Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II. В. И. Семевскаго. Т. I. Спб. 1881 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 коп.

Комедія всемірной исторіи. Іоганна Шерръ. Историческій очеркъ событій съ 1848 по 1851 годъ, въ двухъ выпускахъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1872 г. Ц. обомъ выпускамъ 3 р., съ пер. 3 р. 50 коп.

Литовскіе евреи. Исторія ихъ юридическаго и общественнаго положенія въ Литвѣ отъ Витовта до Люблинской уни. 1388—1569 г. А. А. Бершадскаго. Спб. 1883 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

О Богданѣ Хмѣльницкомъ. Сочиненіе П. Н. Вуцискаго. Харьковъ. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Общественный строй Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ. М. Ковалевскаго. Москва. 1880 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 75 к.

Опыты по исторіи англійской конституціи. Э. Фримана и В. Стебса. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей М. Ковалевскаго. Москва. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Очерки новѣйшей исторіи (1815—1883). Составилъ И. И. Григоровичъ. Четвертое изданіе значительно дополненное и въ первый разъ иллюстрированное 45 портретами историческихъ дѣятелей XIX вѣка. Спб. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Родъ Шереметевыхъ. А. П. Барсукова. Книга третья. Эта книга оканчивается 1652 годомъ, именно, событіемъ рожденія фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева. — Къ книгѣ приложены: снимокъ съ древняго чертежа города

Москвы, рисунокъ кружки, принесенной однимъ изъ Шереметевыхъ въ даръ поворожденному царевичу Алексію Михайловичу. — Два хромофотографированныя картинки, относящіяся къ описанію бракосочетанія царя Михаила Федоровича, и до семи снимковъ съ древнихъ грамотъ изъ архива графа С. Д. Шереметева. Спб. 1883 г. Ц. 4 р., съ пер. 6. — Цѣна каждому изъ предъидущихъ томовъ 4 р., съ пер. 6 руб.

Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Н. Костомарова. Томъ первый. Господство дома Св. Владиміра X—XVI-е столѣтіе. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 3 р. 75 к. Томъ второй. Господство дома Романовыхъ до вступленія на престолъ Екатерины II. XVII-е столѣтіе. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к. Продолженіе втораго тома. Господство дома Романовыхъ XVIII-е столѣтіе. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 2 р. Всѣмъ трехъ выпускамъ 7 р. 10 к., съ пер. 8 р.

Семейство Разумовскихъ. А. А. Васильчикова. Т. I. Съ портретами Императрицы Елисаветы, графа А. Г. Разумовскаго и графа К. Г. Разумовскаго. Т. II. Съ портретами графини Н. Д. Разумовской (казачка Разумиха). Графъ А. К. Разумовскій. Т. III. Съ портретомъ свѣт. кн. Андрея Кириловича Разумовскаго. Цѣна за три тома 7 р. 50 к., съ пер. 9 р.

Статьи для публики по вопросамъ историческимъ, политическимъ, общественнымъ, философскимъ и проч. В. И. Молева. Т. I. Спб. 1883 г. Ц. 2 руб., съ пер. 2 р. 25 к.

Человѣческая комедія. Н. Ф. Васильевскаго. (Буква). Со многими рисунками разныхъ художниковъ. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

IV. ГЕОГРАФІЯ-ТОПОГРАФІЯ-ПУТЕШЕСТВІЯ.

Картины Африки и Азіи (Русскаго путешественника). А. Сумракова. I. Маджоръ и Канарскій архипелагъ. — II. Алжиръ и Сахара. — III. Тунисъ и Кароогенъ. — IV. Иерусалимъ и Мертвое море. — V. Сайрамъ-Норъ. — VI. Кульджинскій край. — VII. Заключеніе. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер.

Очерки путешествія въ Гималаи. Г. и Г.-жи Верещагинныхъ. Часть I-я Сиккимъ. Со многими рисунками въ текстѣ. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. съ пер.

Путешествіе въ западную Сибирь. Д-ра О. Финяна и А. Брама. Съ рисунками въ текстѣ. Москва. 1882 г. Ц. 3 руб. 50 к., съ пер. 4 р. 50 к.

V. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ —
СТАТИСТИКА.

Изложение и критическій разбор важнейших экономических теорій ренты. А. И. Воиновича. Харьковъ 1882 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ пер. 1 р. 75 коп.

Крестьянский вопросъ. Исследование о значеніи у насъ крестьянскаго дѣла, причинахъ его упадка и мѣрахъ къ поднятію сельскаго хозяйства и быта поселянъ. К. Д. Кавелина. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

«На водку». Сочиненіе Рудольфа фонъ-Теринга. Перев. съ нѣмецкаго Я. Г. Розенберга. Киевъ, 1883 г. Ц. 50 к., съ пер. 70 к.

Нефтяная промышленность въ североамериканскомъ штатѣ Пенсильваніи и на Кавказѣ. Д. Менделѣева. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ, съ приложеніемъ статьи: «Очеркъ правительственныхъ мѣръ по переселенію крестьянъ послѣ изданія Положенія 19 Фев. 1861 года». Ю. Э. Янсонъ. Изданіе второе. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Очерки южно-русскихъ артелей и общинно-артельныхъ формъ. Ф. Щербинны. Одесса. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Очеркъ мѣръ, уменьшающихъ расходы содержанія и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ. И. Рихтера. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 1 р. 95 к.

Первобытная собственность. Эмиль Делавеле. Переводъ съ французскаго, подъ редакціею Н. С. Кутейникова. Спб. 1875 г. Ц. 2 р. 50 к. съ пер.

Судьбы капитализма въ Россіи. Сочиненіе В. В. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ перес. 1 р. 70 к.

Хлѣбная конкуренція Россіи съ Америкой. Матеріалы для рѣшенія хлѣбнаго вопроса въ Россіи. Москва 1883 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

VI. ПЕДАГОГІЯ—УЧЕБНИКИ—ДѢТСКІЯ
И НАРОДНЫЯ КНИГИ.

Большаки. Повѣсть для дѣтей А. В. Круглова. Съ 6 отдѣльными картинками К. Голембювскаго, рѣзанными на деревѣ К. О. Ольшевскимъ. Спб. 1883 г. Ц. книги въ папкѣ 80 к., съ пер. 1 р., въ переп. 1 р. съ пер. 1 р. 25 к.

Бѣлый. Дѣтскій рассказъ изъ родного быта. Рисунки Ваенцова. Фотогравюра М. М. Панова. Москва 1883 г. Ц. книги въ папкѣ 70 к., съ пер. 85 к.

Генторъ Серваданъ. Путешествіе и приключенія въ солнечномъ мірѣ, Жюль

Верна. Переводъ С. Самойловичъ. Со многими картинками въ текстѣ. Спб. 1880 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р., въ папкѣ 3 р. 85 к., съ пер. 4 р. 25 к.

Histoire élémentaire de la littérature française depuis l'origine jusqu'à nos jours par Jean Fleury. Première partie: Histoire. Seconde partie: Extraits des meilleurs auteurs français. Questions énigmatiques sur l'histoire de la littérature. Cinquième édition. Спб. 1883 г. Ц. каждой части 1 р. 40 к., съ пер. 1 р. 60 коп.

Изданія учрежденной по Высочайшему повелѣнію г. министромъ народнаго просвѣщенія постоянной комиссіи по устройству народныхъ чтеній:

37) Роговой кладъ. Повѣсть А. Сѣтковой. (Катенькамъ). Съ рисунками въ текстѣ. 1883 г. Ц. 15 к., съ пер. 25 к.

38) Свято-Троицкая Сергіева лавра. Ея значеніе въ жизни русскаго народа. Изложилъ И. И. Петровъ. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1883 г. Ц. 15 коп., съ пер. 25 коп.

Изъ міра великихъ преданій: Роландъ, изъ древней французской поэмы (съ рисункомъ). Король Лиръ (по Шекспиру). Зимняя сказка (по Шекспиру съ рисункомъ). Вильгельмъ Телль (по Шиллеру). Цинни (по Теодору Кернеру, съ рисункомъ). Рассказы для юношества Виктора Острогорскаго. Изящное изданіе, съ красной виньеткой. Спб. 1883 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к., въ папкѣ 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Иванъ Ротозей. Книга для малыхъ дѣтей съ раскр. картин. Спб. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Исторія Россіи. Въ разсказахъ съ картинками для народныхъ и другихъ низшихъ училищъ. М. Острогорскаго. 7-ое изданіе. Спб. 1883 г. Ц. 25 к., съ пер. 40 к.

Катаномбы. Повѣсти изъ пернихъ временъ христіанства. Сочиненіе Евгенія Туръ. Изданіе второе. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Книжки для дѣтей, составленныя И. П. Деркачевымъ:

Календарь Крошка на 1883 г. Матушка Москва. Стихотвореніе. Бабушкины сказки. Елка. Мелкія стихотворенія и побасенки. Книжка малютокъ. Сборникъ загадокъ. Новая перинка. Первые вопросы ребенку.

Азбука Крошка. Колосъ. Сборникъ народныхъ сказокъ. Балагуръ. Сборникъ шуточныхъ стихотвореній.

Чародѣй. Сборникъ легкихъ фокусовъ. Москва. Цѣна каждой книжкѣ 10 к.

Кенень Горбунонь. Русская сказка П. Ершова. Изданіе одиннадцатое. Съ 7-ю рисунками и портретомъ автора. Спб. 1883 г. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.

Лекци зоологій проф. Поля Бера. Переводъ съ французскаго д-ра Л. Н. Симоннова. Предисловіе И. Р. Тарханова. Анатомія и физиологія. Съ 402 рисунками въ текстѣ. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер.

La grammaire en action par Jean Fleury. 5-e édition simplifiée corrigée, accompagnée d'une traduction en russe et suivie de nombreux exercices sur toutes les règles de la grammaire. Спб. 1881 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Мысль и трудъ. Разсказы для дѣтей. М. Цебриковой. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Новѣйшіе русские писатели. Опыт хрестоматіи періода русской словесности послѣ Гоголя. Составилъ А. Цвѣтковъ. Съ 27 портретами и краткимъ біографическимъ словаремъ. Спб. 1883 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 коп.

Научныя развлечения. Знакомство съ законами природы путемъ игръ, забавъ и опытовъ, не требующихъ специальныхъ приборовъ. Гастона Тисандье. Съ 235-ю рисунками въ текстѣ. Переводъ съ французскаго подъ редакціей Ф. Павленкова. Спб. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 40 коп.

Начало русскаго регулярнаго войска для солдатъ и народа къ двухсотлѣтнему юбилею (1683—1883 г.). Съ портретомъ импер. Петра I и перваго рус. солдата Бухастова, а также съ виньетками художника Панова. Составилъ А. Янушъ. Спб. 1883 г. Ц. 25 к., съ пер. 35 к.

Образы безъ образовъ. Г. Х. Андерсенъ. Переводъ А. Н. Чудинова. Орелъ, 1883 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 коп.

О сохраненіи здоровья и развитіи умственныхъ силъ ребенка въ школѣ. Совѣты родителямъ, учителямъ и школьному начальству. Проф. д-ра Бокка. Спб. Ц. 30 к., съ пер. 45 к.

Очеркъ греческихъ древностей. Пособіе для гимназистовъ старшихъ классовъ. Составилъ В. Латышевъ. Часть 1-ая: Государственные и военные древности. Одобрено ученымъ Комитетомъ М. Н. П. въ видѣ пособія по греческому языку для гимназій и прогимназій. Вильна. 1880 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Опытъ примѣрныхъ уроковъ церковно-славянскаго языка въ народной школѣ. Сост. Ѳ. Камменскій. Новочеркасскъ 1882 г. Ц. 25 к., съ пер. 40 к.

О костно-мышечномъ снарядѣ въ примѣненіи къ физическому воспитанію. Ѳ. П. Ландцверга. Шесть популярныхъ лекцій съ

57-ю рисунками. Спб. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Первыя понятія о зоологій. Поля Бера. Со множествомъ рисунковъ въ текстѣ. Переводъ съ французскаго подъ редакціей Проф. И. И. Мечникова. Къ переводу присоединено три дополнительныхъ очерка: Развитие животнаго міра, общественная жизнь животныхъ и великая роль „ничтожныхъ созданій“. Спб. 1883 г. цѣна книги 1 р., съ пер. 1 р. 20 к., въ папкѣ 1 р. 15 к., съ пер. 1 р. 40 к.

Прохожій. Святочный разсказъ. Сочиненіе Дмитрія Васильевича Григоревича. Второе изданіе. Изданіе с.-петербургскаго комитета грамотности. Спб. 1883 г. Ц. 10 к., съ пер. 15 к.

Пѣсня про купца Малашикова. М. Ю. Лермонтова. Изданіе Спб. Комитета грамотности. Спб. 1881 г. Ц. 10 к., съ пер. 15 коп.

Первые три года жизни ребенка. Этюдъ опытной психологіи. Вернара Пэре. Переводъ съ французскаго М. Цебриковой. Съ приложеніемъ статьи Бэна „Воспитаніе, какъ наука“. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Практическая метода въ 5-ти тетрадяхъ для основательнаго четкаго и легкаго изученія русскаго чистописанія въ школѣ и дома. Составилъ Фридманъ. Гродно. 1881 г. Цѣна каждой тетради 6 коп. безъ пересылки.

Приключенія Робинзона Крузе. Составлено А. Н. Яхонтовымъ. Второе изданіе съ рисунками въ текстѣ. Изданіе с.-петербургскаго комитета грамотности. Спб. 1883 г. Ц. 20 к., съ пер. 30 к.

Прогулка по зоологическому саду. З. Гримаръ. Съ двадцатью четырьмя большими картинками и многими политинажами въ текстѣ. Переводъ съ французскаго Н. Н. Помпеевой. Спб. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Послушаемъ! Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ А. Нольде. Съ 28 политинажами, рисованными на деревѣ художникомъ М. Малышевымъ. Спб. 1883 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 коп.

Разсказы изъ народнаго быта. Составленные изъ подбора русскихъ пословицъ, прибаутокъ, поговорокъ, примѣтъ, пѣсень и притчѣвъ. В. Островскаго. № 1. Титъ.—№ 2. Маланья.—№ 3. Вавило.—№ 4. Маша на дѣвичникѣ.—№ 5. Илья Муромецъ. Спб. 1883 г. Цѣна каждой книжки 10 коп.

Récits, descriptions et dialogues gradués suivis de divers extraits des auteurs classiques en vers et en prose pour la traduction du français en russe avec vocabulaires par Jean Fleury.

Septième édition. Спб. 1883 г. Ц. 70 к., съ пер. 90 к.

Русскимъ дѣтямъ про священное коронованіе и про то, какъ служить имъ службу Россіи и помогать русскому царю. Дяди Сергѣя. Москва 1883 г. Ц. 10 к.

Руководство прантической ариеметикки. Въ объемъ курса гимназій и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Сост. Александръ Вороновъ. Спб. 1883 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Робинзонъ Крузе. А. Анненской. Новая переработка тѣмъ Де-Фое. Съ 10-ю картинками и 35 политипажими, рѣзанными на мѣди въ Лейпцигѣ. Второе изданіе. Спб. 1882 г. Цѣна книги въ перепл. 3 руб., съ пересылкою.

Родникъ. Ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для дѣтей за 1882 годъ, въ четырехъ томахъ. Спб. 1882 г. Цѣна всѣхъ томовъ въ папкѣ 6 р., съ пер. 7 р., въ перепл. 7 р., съ пер. 8 р.

Русскія прописи. Методическое руководство къ обученію письму, для школьнаго и домашняго употребленія. Составилъ И. Н. Малиновскій. Изданіе третье. Рига. 1883 года. Ц. 30 к., съ пер. 45 к.

Русская грамота. Букварь для народныхъ школъ. Сост. В. Добровольскій. Изданіе пятнадцатое. Спб. 1883 г. Ц. 5 коп.

Разсказы и описанія избраннымъ изъ лучшихъ русскихъ авторовъ для переводовъ съ русскаго языка на французскій Иваномъ Флери. Десятое изданіе. Спб. 1883 г. Ц. 40 коп., съ пер. 60 к.

Сборникъ статей для переводовъ съ русскаго языка на нѣмецкій, съ примѣчаніями и русско-нѣмецкимъ словаремъ. Составилъ Иванъ Аллендорфъ. Одесса. 1882 г. Ц. 1 р. 30 к., съ пер. 1 р. 60 к.

Сельская христоматія. Выпускъ 1-й А. С. Пушкинъ. Вып. 2-ой Н. А. Некрасовъ. Вып. 3-й В. А. Жуковский. Вып. 4-й Я. П. Полонскій. Вып. 5-й Л. А. Мей. Гр. А. К. Толстой. Составилъ Н. О. Сумцовъ. Харьковъ. 1883 г. Цѣна каждой 5 коп.

Семейство Шалонскихъ. Изъ семейной хроники. Сочиненіе Евгени Туръ. Изданіе второе. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 руб. 20 к.

Святочные разсказы. Чарльза Дикенса. Полный переводъ съ англійскаго Ф. Резенера. Съ 40 политипажими и 5 гравюрами. Спб. 1875 г. Ц. 4 р., съ пер. 5 р.

Сказка о томъ, какъ правда съ земли пропала. Г. О. Для народнаго чтенія. Спб. 1883 г. Ц. 5 к.

Сказка о Муравьѣ богатырѣ. Разсказъ для дѣтей В. П. Авенариуса. Съ рисунками Н. Н. Каразина, рѣзаны на деревѣ

К. О. Ольшевскимъ. Спб. 1883 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 коп.

Сказки нота-Мурлыки. Изданіе третье пересмотрѣнное и дополненное. Съ рисунками разныхъ художниковъ. Спб. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Сказки профессора З. Топелиуса. Спб. 1882 г. въ папкѣ Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Собраніе ариеметическихъ задачъ. (По Грube). Учебное пособіе при первоначальномъ преподаваніи ариеметикки. Въ двухъ частяхъ. Цѣлыя числа и дроби. Составилъ В. Воленсъ. Изданіе тринадцатое, вновь пересмотрѣнное и исправленное. Спб. 1883 г. Ц. 40 к., съ пер. 60 к.

Складень. Чтеніе для дѣтей и для юношества составлено изъ произведеній лучшихъ современныхъ писателей. Изданіе А. Н. Толмачевой. Спб. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Слово о полку Игоревѣ. Текстъ съ примѣчаніями. Изданіе для учащихся. Составилъ Ѳ. Камшенскій. Новочеркасскъ 1882 г. Ц. 30 к., съ пер. 45 к.

Условія и приемы правильнаго обученія чтенію. Сочиненіе В. Зимницкаго. Спб. 1883 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Учебникъ зоологій. Составилъ Николай Сорокинъ. Курсы приготовительный и систематическій для среднеучебныхъ заведеній. Съ 246 рисунками въ текстѣ. М. 1883 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Учебникъ физики. Курсъ среднихъ общеобразовательныхъ заведеній. Составилъ Н. Чистяковъ. Съ 14 таблицами чертежей. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 коп.

Учебникъ математической географіи. Для среднихъ учебныхъ заведеній. Состав. Я. Блюмбергъ. Спб. 1883 г. Ц. 75 к., съ пер. 95 коп.

Хижина Дяди Тома, или жизнь среди рабовъ. Романъ Гарриетъ Бичеръ-Стоу. Новый переводъ Е. Ландина. Съ 46-ю картинками. Спб. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Характеристина дѣвочень. К. Ельницкаго. Спб. 1883 г. Ц. 40 коп., съ пер. 55 коп.

Честный воръ. Изъ записокъ неизвестнаго. Разсказъ Ѳ. М. Достоевскаго. Спб. 1883 г. Ц. 20 к., съ пер. 30 к.

Что окружаетъ насъ. Чтеніе для дѣтей средняго и старшаго возраста. Составленное Ф. Резенеромъ. Изданіе второе, значительно дополненное. Спб. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 70 к.

Чытанна. Перша кныжка після граматки. Зъ 60 малюнками. Т. Хуторного. Кіевъ 1883 г. Ц. 30 к., съ пер. 45 к.

Чтенія для народа. Составлены И. С. Ремезовымъ:

— I. Русскіе святые: Сказаніе о подвигахъ первой русской великой княгини-христіанки св. Ольги (съ изображеніемъ). Спб. 1880 г. Ц. 10 к.

— Сказаніе о подвигахъ св. Владиміра Равноапостольнаго (съ изображеніемъ), изд. 2-е, Спб. 1881 г. Ц. 10 к.

— Сказаніе о подвигахъ св. Александра Невскаго (съ изображеніемъ), изд. 3-е. Спб. 1874 г. Ц. 10 к.

— II. Русскіе простолюдины: Костромской крестьянинъ Иванъ Сусанинъ (съ рисункомъ), изд. 3-е. Спб. 1882 г. Ц. 10 к.

— Московскій крестьянинъ-мыслитель И. Т. Посошковъ (съ рисункомъ). Спб. 1883 г. 10 коп.

— Нижегородскій механикъ-самоучка И. П. Кулибинъ (съ портретомъ), изд. 4-е. Спб. 1882 г. Ц. 10 к.

— Арзамаскій мѣщанинъ иконописецъ А. В. Ступинъ (съ портретомъ). Спб. 1880 г. Ц. 10 коп.

— Ярославскій крестьянинъ стихотворецъ Ф. Н. Сяпушкинъ (съ портретомъ), изд. 2-е. Спб. 1871 г. Ц. 10 к.

— Курскій астрономъ самоучка Ф. А. Семеновъ (съ портретомъ). Спб. 1876 г. Ц. 10 коп.

Ядовитыя растенія. Общедоступное чтеніе для школы и народа Е. Бороздиной съ 27 политип. вырѣз. на деревѣ художникомъ Н. В. Куньевымъ. Спб. 1883 г. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.

VII. ЯЗЫКОЗНАНІЕ—АРХЕОЛОГІЯ.

Древности Вавилоно-Ассирскія по новейшимъ открытіямъ. Составилъ Н. Астафьевъ. Съ образчиками клинописи, тремя рисунками (въ текстѣ), и картою къ таблицамъ Ассирійскихъ царей. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Образцы языка церковнославянскаго по древнѣйшимъ памятникамъ глаголической и кириловской письменности. Составилъ И. В. Ягичъ. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 коп.

Описание рукописей, хранящихся въ библиотекѣ казанскаго университета, составленное А. И. Артемьевымъ. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 80 коп.

Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ. Академикъ А. Н. Веселовскаго. Вып. I. Греческій апокрифъ о св. Θεодорѣ. Ц. 30 к.—Вып. II. Св. Георгій въ легендѣ, пѣснѣ и образѣ. Ц. 90 коп.—Вып. III. Алатырь въ мѣстныхъ преданіяхъ палестины и легенды о Градѣ. Ц. 60 к.—

Вып. IV. Духовные сюжеты въ литературѣ и народной поэзіи румынъ и т. д. Ц. 1 р. 80 к. Спб. Цѣна за всѣ выпуски 3 р. 60 к., съ пер. 4 р. 50 к.

Филиппики Демосеена. Олинескія рѣчи. Подстрочный переводъ съ греческаго (съ введеніемъ и примѣчаніями) г. Рабиновича. Харьков. 1883 г. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.

VIII. МАТЕМАТИКА—АСТРОНОМІЯ—ФИЗИКА—ХИМІЯ.

Аналитическая геометрія. Составлена И. Сомовымъ. Изданіе третье. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Высшая алгебра. Часть первая. Рѣшеніе численныхъ уравненій Ю. Сохоцкого. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 40 коп.

Глицины и амиды угольной кислоты, не содержащія сѣры. Спеціальный курсъ химіи, читанный Н. Н. Любавинымъ, въ 1880—1881 г. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Дополнительныя статьи алгебры. Курсъ VII дополнительнаго класса реальнаго училища. 2-ое изданіе дополненное статью „Приложеніе алгебры къ геометріи“. Составилъ Я. Влѣмбергъ. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Курсъ аналитической механики. Составилъ Д. Бобылевъ. II. Часть кинетическая. Выпускъ второй. Механика системъ, составленныхъ изъ матеріальныхъ точекъ. Съ 2-мя таблицами чертежей. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 30 коп., съ пер. 2 р. 60 коп.

Метеорологія или ученіе о погодѣ. Проф. Мона. Съ 24 картами и 34 рисунками. Переводъ съ нѣмецкаго оригинальнаго изданія 1875 годъ. Н. Юрданскаго и Ѳ. Каустина, подъ редакціей и съ дополненіями Д. Менделѣева. Спб. 1875 г. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Методы и теоріи рѣшенія геометрическихъ задачъ на построеніе, съ приложеніемъ болѣе 400 задачъ. Ю. Петерсена. Переводъ М. С. Аксенова, подъ ред. А. П. Гринцева съ предисловіемъ К. А. Андреева. Харьковъ 1883 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 коп.

Математическія развлеченія. Приложенія ариметики, геометріи и алгебры къ различнаго рода запутаннымъ вопросамъ, забавамъ и играмъ. Э. Люкаса. Переводъ съ французскаго В. И. Обреникова. Съ 55 чертежами, фигурами и таблицами. Спб. 1883 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Начальныя основанія начертательной геометріи. А. Мантейма. Проф. Парикской политехн. школы, съ 21 фигурами въ

текстъ. Перевелъ В. Лигицъ. Пр. И. Нов. универ. Одес. 1883 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 коп.

Начала начертательной геометріи, теоріи тѣней и линейной перспективы. Съ продолженіемъ черченія кривыхъ. Составилъ А. Пальшау. (Курсъ реальныхъ училищъ). Харьков. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 65 к.

Новѣйшіе успѣхи метеорологіи. 1. Одно-временная система наблюденій и предсказаніе погоды. А. Клоссовскаго. 12 картъ и 1 таблица чертежей. Одесса. 1882 г. Ц. 3 р. съ пер.

 О барометрическомъ нивелированіи и примѣненіи для него высотомера. Д. Менделѣва. Съ таблицей рисунковъ. Сиб. 1876 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Основы химіи. Д. Менделѣва. Въ двухъ частяхъ. 4-ое изданіе. Сиб. 1881 г. Цѣна за обѣ части 4 р. 60 коп., съ пер. 5 руб.

Основныя ученія химіи для студентовъ. Д-ра Алекс. Науманна. Перевелъ съ нѣмецкаго С. Розенгартъ и І. Мандельштамъ. Москва, 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 коп.

Очеркъ исторіи физики съ синхроническими таблицами по математикѣ, химіи, описательнымъ наукамъ и всеобщей исторіи. Соч. Ф. Розенбергера. Часть І. Древніе и средніе вѣка. Переводъ подъ редакціей И. М. Сѣченова. Сиб. 1883 г. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 2 р.

О соединеніи спирта съ водою. Д. Менделѣва. Сиб. 1865 г. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 75 к.

Объ упругости газовъ. Д. Менделѣва. Часть третья, съ 12-ю таблицами рисунковъ. Сиб. 1875 г. Ц. 7 р., съ пер. 8 руб.

 О сопротивленіи жидкостей и о воздухоплаваніи. Д. Менделѣва. Вып. І-й. Съ 12-ю таблицами чертежей. Сиб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Приложеніе алгебры къ геометріи. Для среднихъ учебнхъ заведеній. Составилъ Я. Вльмбергъ. Сиб. 1882 г. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.

 Руководство геометрическаго черченія. Составленное по программѣ военныхъ гимназій А. Г. Гавловскимъ. Съ атласомъ чертежей. Сиб. Ц. 1 р. 65 к., съ пер. 2 рубля.

Учебникъ прямолинейной тригонометріи для гимназій. (Съ прибавленіемъ статьи о лагориумахъ). Составилъ Я. Вльмбергъ. Сиб. 1875 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Элементарная механика. (Курсъ VI класса реальныхъ училищъ). Составилъ Э. Михальсонъ и Я. Вльмбергъ. Сиб.

1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 коп.

Элементарная алгебра. Курсъ среднихъ учебнхъ заведеній. Составилъ Я. Вльмбергъ. Сиб. 1873 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Электричество и Магнитизмъ. Сильванусъ Томпсонъ. Переводъ съ англійскаго Н. Я. Капустина и В. Б. Струве подъ редакціей и съ нѣкоторыми измѣненіями доктора физики И. И. Боргмана. Сиб. 1883 г. Ц. 2 р. 50 к.

IX. ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ — СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО — ТЕХНОЛОГІЯ — МЕДИЦИНА.

Ботаническая микрохимія. Руководство къ фитоистологическимъ изслѣдованіямъ для студентовъ. В. А. Паульсена. Перевелъ съ нѣмецкаго на русскій С. Навашинъ. (Съ предисловіемъ проф. К. Тимирязева. Москва 1883 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Винетки съ натуры. Грантъ Аллена и научныя доказательства органическаго развитія Джорджа Романна. Переводъ съ англійскаго Г. А. Лопатина. Сиб. 1883 г. Ц. 1 руб. 50 коп., съ пер. 1 р. 75 к.

 Гдѣ строить нефтяныя заводы? Д. Менделѣва. Сиб. 1881 г. Ц. 80 к. съ пер. 1 р.

Гнѣніе и зараза по отношенію къ веществамъ, носящимся въ воздухѣ. Джона Тиндалла. Переводъ съ англійскаго Г. А. Лопатина. Прибавленіе: Рѣчь Пастера о прививкѣ по отношенію къ куряной холерѣ и сибирской язвѣ. Изслѣдованія д-ра Коха объ этиологіи бугорчатки (рефераты). Сиб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 коп., съ пер. 2 75 к.

 Діететическая поваренная книга для здоровыхъ и больныхъ преимущественно страдающихъ желудкомъ. Д-ра Вилля. Переводъ С. И. Воскресенской. Сиб. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 50 к.

 Діета для страдающихъ желудочными болѣзнями. Д-ра Вилля. Переводъ съ пятого исправленнаго и дополненнаго изданія переводъ С. Воскресенской. Сиб. 1881 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Діагностика хирургическихъ заболѣваній. 20 лекцій д-ра Э. Альберта. Переводъ со 2-го нѣмецкаго изданія. Сиб. 1883 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 80 к.

 Деревенскій лечебникъ. Сиб. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.

До-историческій человѣкъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера. Проф. А. А. Иностранцева. Съ 122 позитивными въ текстѣ, 2 фотитограмми и 12 таблицами фототипій. Сиб. 1882 г. Ц. 8 р., съ пер. 9 р.

Железно-дорожныя рельсы, канѣ бал-

ии. Сравненіе стоимости рельсовых и прокатных дугавровых балокъ. Е. Зотикова. Москва, 1883. Ц. 40 коп., съ пер. 55 коп.

Исторіи индуктивныхъ наукъ отъ древнѣйшаго и до настоящаго времени. Вильяма Уэвелля. Въ трехъ томахъ. Переводъ съ 3-го англійскаго изданія. М. А. Антоновича и А. Н. Пылина. (Съ биографическими приложеніями). Спб. 1867 г. цѣна за три тома 8 р. 50 к., съ пер. 9 р.

Климатическія особенності Одессы. Составилъ А. Клоссовскій. Одесса. 1883 г. Ц. 60 к. съ пер.

Къ вопросу о зловонномъ насморкѣ (Озаена) А. В. Зинovieва. Москва. 1882 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 коп.

Кукуруза. Ея разведеніе на зерно и зеленый кормъ и значеніе въ техническихъ производствахъ. Сочиненіе В. С. Засядко. Съ приложеніемъ описанія машинъ, употребляемыхъ при воздѣлываніи кукурузы В. В. Черняева. Съ 54 политипажамъ. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.

Къ ученію объ операціяхъ на желудкѣ. Содержаніе: I.—Топографія желудка. II.—Надчревная лапоромія. III.—Желудочный шовъ. IV.—Желудочный разрывъ и операція наложенія желудочной фистулы. V.—Частичное и циркулярное изсѣченіе желудка. Сочиненіе доктора Л. Фидлера. Спб. 1883 г. Ц. 2 р. съ пер.

Лѣсовозращеніе. Основанія лѣсохозяйственнаго растеніеводства. Дм. Кравчинскаго. Спб. 1883 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Материалы къ вопросу о дѣйствіи массажа на здоровыхъ людей. Д-ра И. Заблудовскаго. Спб. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 70 коп.

Материалы для сужденія о спиритизмѣ. Изданіе Д. Менделѣева. Съ 20 черт. и рис. Спб. 1876 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Месмеризмъ, одилизмъ, столотверченіе и спиритизмъ. Съ исторической и научной точки зрѣнія. Лекцій, читанныхъ, въ декабрѣ 1876 года, въ Лондонскомъ Институтѣ Вильямомъ Карпентеръ. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Мукомольное дѣло. Руководство къ устройству мукомольныхъ и крупяныхъ мельницъ при конныхъ, вѣтряныхъ, водныхъ и паровыхъ двигателяхъ и производствѣ мучныхъ продуктовъ. Составъ инженеръ-технологъ К. Веберъ. Съ атласомъ, состоящимъ изъ 67 таблицъ и съ 34 рисунками въ текстѣ. Спб. 1883 г. Ц. 10 р., съ пер. 12 руб.

Наставленія при лѣченіи Карлсбадскими минеральными водами въ Карлсбадѣ и на

дому. Д-ра I. Крауза. Переводъ съ 9 нѣмецкаго изданія д-ра Моторнаго Харьковъ 1883 г. Ц. 55 к., съ пер. 70 к.

Нѣсколько наставленій для практическаго руководства къ оздоровленію нашихъ жилищъ. Инженера И. Флавицкаго. Спб. 1882 г. Спб. Ц. 75 коп., съ пер. 95 коп.

Основа исторіи развитія человѣка и высшихъ животныхъ, Келликера. Перев. съ нѣмец. подъ редак. профес. Ф. Н. Захаркина съ 300 рисун. Спб. 1882 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Объ эпилепсѣ. Изъ лекцій, читанныхъ проф. М. Mangan'омъ въ Asile Sainte-Anne. — Переводъ съ французскаго. Спб. 1883 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Обойное производство и производство окрашенныхъ бумагъ. По Экенеру составилъ П. Волковъ. Съ одной таблицей чертежей, съ 42 образцами обоевъ и 30 образцами Papier de Fantaisie. Спб. 1875 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 3 р. 75 к.

Обработка металловъ и дерева. Руководство для реальныхъ училищъ, ремесленныхъ школъ и самообученія. Составилъ П. К. Соколовъ. Съ политипажамъ въ текстѣ. Спб. 1881 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Обмѣнъ веществъ и превращеніе энергіи въ растеніяхъ. Сочиненіе профес. А. Фаминцына. Спб. 1883 г. Ц. 4 руб., съ пер. 4 р. 50 к.

Общепонятные рассказы о полезныхъ и вредныхъ растеніяхъ. Съ указаніемъ способовъ истребленія послѣднихъ О. Степовика. Съ 46 рисун. въ текстѣ Переводъ съ малорусскаго. Харьковъ. 1882 г. Ц. 75 к., съ пер. 95 к.

Очеркъ анатоміи человѣка. Д-ра I. Генле. Переводъ съ нѣмецкаго проф. И. К. Вагнера и М. А. Попова. Текстъ съ атласомъ изъ 284 таблицъ, часть которыхъ окрашена. Харьковъ. 1882 г. Ц. 10 р., съ пер. 11 р.

Поврежденія живота. Д-ра I. Н. Нуссбаума. Съ 31 рисунками въ текстѣ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей И. К. Зарубина. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Патологія и терапія сифилиса. Д-ра Морича-Капозі. Переводъ съ нѣмецкаго Л. С. Гинзбурга. Первая половина съ 10 рисунками въ текстѣ. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 45 к.

Пауки-Паутинники. Монографія И. и М. Фесенко. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1883 г. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Полезныя свѣдѣнія о лошади и другихъ домашнихъ животныхъ и птицахъ, (разведеніе и уходъ за домашними животными и птицами, и лѣченіе ихъ болѣзней).

Составилъ А. Савельевъ. Изданіе третье, исправленное и дополненное. Спб. 1883 г. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.

Практическія занятія по гистологін растений. Руководство для начинающихъ. Составилъ П. Я. Крутицкій. Съ 83-ю рисунками въ текстъ. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ пер. 1 р. 65 коп.

Популярная гигиена, настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа.—Карла Реклама, съ приложеніемъ военной гигиены. Соч. д-ра Вейнемана. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Притворныя болѣзни призывныхъ и новобранцевъ. Руководство для врачей и членовъ присутствій по воинской повинности. Сочиненіе В. Дерблиха. Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія, съ приложеніемъ русскихъ законоположеній. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Руководство къ прописыванію лекарствъ. Составили D-г L. Waldenburg 'и D-г C. Ed. Simon. Перевели съ 9-го нѣмецкаго изданія и измѣнили сообразно российской фармакопеи. И. Я. Мееровичъ и В. О. Соренинъ. Спб. 1883 г. Ц. 6 р., съ пер. 7 р.

Руководство къ разведенію сахарной свекловицы. Соч. Ф. А. Гавронскаго. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Способы изслѣдованія общихъ и внутреннихъ болѣзней. Лекціи Ю. Т. Чудновскаго. Стенографически-записанныя Л. А. Лавровской. Выпускъ первый. Спб. 1883 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи. Князя А. Васильчикова. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Современное состояніе дерматологін въ Россіи. А. Г. Полотебнова. Спб. 1883 г. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.

Содержаніе и воспитаніе растений въ комнатахъ. Регель. Часть I, 5-е изд. Спб. 1883 г. 2 р. 50 к. Часть II. Спб. 1879 г. Ц. 4 р. въ переп. 2 т. 7 р. 50 к.

Труды санитарно-петербургскаго Общества естественныхъ испытателей. Издаваемые подъ редакціей И. Бородина. Т. XIII. Выпускъ второй. Спб. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 коп.

Ученіе о поврежденіяхъ головы. Д-ра Е. Ф. Бергманна. Переводъ съ нѣмецкаго д-ровъ В. и Е. Святловскихъ. Съ 55 рисунками и 2 таблицами. Спб. 1883 г. Ц. 6 р., съ пер. 6 р. 75 коп.

Учебникъ психіатріи, составленный на основаніи клиническихъ наблюденій для врачей и студентовъ. Крафтъ-Эбингъ, Перев. д-ра Черемшанскаго, съ примѣч.

д-ра Мержевскаго. 3 тома Спб. 1881—82 г. Ц. 5 р. 50 к., съ пер. 6 р. 50 к.

Учебникъ клинической и оперативной хирургіи. Д-ра Эдуарда Альберта. Въ двухъ томахъ. Переводъ съ 2-го исправленнаго и дополненнаго нѣмецкаго изданія подъ редакціей В. И. Кузьмина. Т. I. Хирургическія болѣзни головы и шеи. Т. II. Хирургическія болѣзни позвоночника, груди, плечеваго пояса и верхней конечности. Съ 179 рисун. Москва 1883 г. Цѣна за оба тома 8 р., съ пер. 9 р.

Учебникъ физиологін. Проф. М. Фостера. Переводъ съ англійскаго и дополненія проф. И. Р. Тарханова. Спб. 1882 г. цѣна за 2 тома 7 р. 50 коп., съ пер.

Химическая технология. Н. А. Бунге. Часть II, вып. первый. Тонлино. Съ приложеніемъ атласа съ 18 таблицами чертежей. Кіевъ. 1883 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Физиологія органовъ чувствъ. I. Бернштейнъ. Переводъ съ нѣмецкаго, съ 91 подтипажами. Спб. 1876 г. Ц. 2 р. съ пер.

Французская и вѣнская дерматологическія школы и задачи современной дерматологін. М. И. Стуковенко. Спб. 1883 г. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.

Химическія дѣйствія свѣта и фотографія въ ихъ приложеніи къ искусству, наукѣ и промышленности Д-ра Германа Фогеля. Съ 94 подтипажами и 5-ю таблицами. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей Я. Гутковскаго. Спб. 1875 г. Ц. 3 р. съ пер.

Х. ЗАКОНОВѢДНІЕ—ПОЛИТИКА.

Гражданско-правовые казусы безъ рѣшеній. Составилъ д-ръ Рудольфъ фонъ-Герингъ. Переводъ съ 4-го нѣмецкаго изданія Владиміра Огнева подъ редакціей Проф. Сергія Муромцева. Москва. 1883 г. Ц. 1 р. 50 к. съ пер.

Курсъ законовѣднія. Составленъ Н. Бахшевымъ. Спб. 1883 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Начала русскаго государственнаго права. Проф. А. Градовскаго. Т. III. Органы мѣстнаго управленія. Часть первая. Введеніе. Историческій очеркъ мѣстныхъ учреждений въ Россіи. Учрежденія правительственныя и дворянскія. Спб. 1883 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 80 к.

Наши общественныя собранія (клубы), съ точки зрѣнія юридической и области примѣненія гражданскаго иска. А. Гордона. Спб. 1883 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

Объясненія къ закону 18 мая 1882 г. объ измѣненіи правилъ о наказаніяхъ за кражу со взломомъ. По порученію г. Мин-

нистра Юстиціи составилъ Н. С. Таганцевъ. Спб. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 коп.

О преступленіяхъ, наказуемыхъ только по жалобѣ потерпѣвшаго. По русскому праву. Соч. А. Фонъ-Резона. Спб. 1883 года. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 коп.

О выдачѣ преступниковъ по договорамъ Россіи съ иностранными державами. Е. Шостака. Кіевъ. 1882 г. Ц. 40 коп., съ пер. 50 к.

Очерки общей теоріи гражданскаго права. Сергія Муромцева. Часть первая: Введеніе. О научно-историческомъ изученіи гражданскаго права. Объ образованіи гражданскаго права. Москва. 1877 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Опредѣленіе и основное раздѣленіе права. Изслѣдованіе Проф. Сергія Муромцева. Москва. 1879 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Очеркъ науки финансоваго права. Введеніе. Общая часть. Особенная часть. Составилъ И. Тарасовъ. Ярославль. 1883 г. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Первый съѣздъ русскихъ юристовъ въ Москвѣ въ 1875 году. Издано подъ редакціей: С. И. Баршева, Н. В. Калачова, С. А. Муромцева и А. М. Фальковского. Москва. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер.

Самоубійство въ западной европѣ и европейской Россіи. Опытъ сравнительно-статистическаго изслѣдованія А. В. Лихачева. Съ приложеніемъ I. Таблицъ. II. Писемъ и записокъ самоубійцъ. III. Картограммы самоубійствъ въ Западной Европѣ и Европейской Россіи. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Сборникъ рѣшеній перваго департамента правительствующаго сената по крестьянскимъ дѣламъ, съ приведеніемъ положеній, извлеченныхъ изъ означенныхъ рѣшеній 1862—1879. Составленъ И. Г. Даниловымъ и А. Е. Виноградовымъ. Изданіе второе. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес.

Сибирь какъ колонія. Къ юбилею трехсотлѣтія. Современное положеніе Сибири. Ея нужды и потребности. Ея прошлое и будущее. Н. М. Ядринцева. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ перес.

Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1866 года. Съ дополненіями по 1 декабря 1881 года. Составленное профессоромъ Н. С. Таганцевымъ. Изданіе четвертое дополненное. Спб. 1882 года. Ц. 4 р. съ пер.

Уставы о воинской повинности, дополненные всѣми позднѣйшими узаконеніями по 15-е мая 1880 г., съ разъясняющими ихъ извлеченіями изъ рѣшеній Правитель-

ствующаго Сената, циркуляровъ министерства внутреннихъ дѣлъ, главнаго штаба и другихъ правительственныхъ распоряженій съ приложеніемъ указателей—хронологическаго законовъ и алфавитнаго предметовъ. Составилъ С. Горляновъ. Спб. 1880 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Уставъ о торговой несостоятельности. (Сводъ зак. т. XI, ч. 2, ст. 1855—2023), съ разъясненіями по рѣшеніямъ правительствующаго сената С.-Петербургскаго коммерческаго суда и другихъ судебныхъ мѣстъ Россійской имперіи. Составилъ Г. К. Мартенсъ. Второе вновь обработанное и дополненное изданіе. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Юридическіе вопросы и задачи изъ нотаріальной практики и гражданскаго права съ отвѣтами по рѣшеніямъ кассационнаго сената, Якова Гурлянда. Часть I. 1) Нотаріальное положеніе, 2) Опека и попечительство и 3) Укрѣпленіе правъ на имущество. Одесса. 1883 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

XI. ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

Альбомъ Московской Пушкинской выставки 1880 года. Изданіе общества любителей россійской словесности подъ редакціей Льва Поливанова: 1) Биографическій очеркъ А. С. Пушкина. Составилъ А. А. Венкштернъ. 2) 62 фотогравюры и фотолитографіи художника М. М. Панава и три политипажа. 3) Приложеніе. М. 1882 г. Въ коленкорномъ переплетѣ, тисненомъ золотомъ. Ц. 18 р., съ пер. 15 р.

Альбомъ гоголевскихъ типовъ въ рисункахъ художника П. Бодлевскаго. Изданіе второе. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 коп.

Коронаціонный номеръ иллюстрированнаго журнала "Нива". Спб. 1883 г. Ц. 30 к., съ пер. 40 коп.

Искусство его основанія и общественное назначеніе П. Ж. Прудона. Переводъ подъ редакцію И. Курочкина. Спб. 1866 г. Ц. 1 р. 40 к., съ пер. 1 р. 65 к.

Мода на уродованіе, какъ она выражена въ обычаяхъ варварскихъ и цивилизованныхъ расъ. Соч. Уильяма Генри Флоуера. Съ рисунками. Спб. 1883 г. Ц. 60 к., съ пер. 80 к.

О сбереженіи и возстановленіи голоса, для артистовъ и любителей искусства на основаніи личнаго опыта, составилъ д-ръ Фридрихъ Фиберъ. Переводъ съ нѣмецкаго д-ра А. Кржижановскій. Кіевъ, 1881 г. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.

Новый альбомъ узоровъ для вышиванія по канвѣ преимущественно цвѣты.

Составилъ Эрнштека. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р. 25 к.

Русскія драматическія произведенія 1672—1725 годовъ. Къ 200-лѣтнему юбилею русскаго театра собраны и объяснены Проф. Николаемъ Тихонравовымъ. Въ двухъ томахъ. Спб. 1874 г. Ц. за оба тома 8 р., съ пер. 9 р.

Третій альбомъ русскихъ, малороссійскихъ и южно-славянскихъ узоровъ для вышиваній К. Далматова. Спб. 1883 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. Ц. 1-го альбома 1 р. 50 к., съ пер. 2 р. Ц. 2-го 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Южно-русскій орнаментъ. Собранный А. Лисенко. Изданіе 3-е, значительно измѣненное и дополненное. Кіевъ. 1883 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

XII. СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

West- und Mittel-Russland. Handbuch für Reisende Herausgegeben von K. Bädcker. Mit 7 Karten und 13 Plänen. Leipzig 1883 Jahr. Pr. 5 г. 50 к. mit Kurzer Leitfaden der russischen Sprache nebst Gesprächsammlung und Vocabular. 6 rub.

Домашній дешовый столъ. Скоромный и постный. Составилъ Э. и Л. Михаэлисъ. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Календарь для моряковъ и записная книжка на 1883 годъ. Составилъ скиперъ дальняго плаванія Л. К. Русѣцкій. Одесса 1883 г. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 2 руб.

Нефтяное отопленіе пароходовъ и паровозовъ. Описаніе разныхъ аппаратовъ съ приложеніемъ 56 чертежей. Инженеръ-технологъ Ст. Гулишамбарова. Второе исправленное и дополненное изданіе. Спб. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Новооткрытая практическая школа для пчеловодовъ. Соч. Гамета. Съ приложеніемъ отъѣдовъ пчеловожденія по методамъ знаменитыхъ пчеловодовъ. Москва 1881 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Отчего „perpetuum mobilé“ невоз-

можно? Соч. О. Хвольсона. Спб. 1883 г. Ц. 15 к., съ пер. 25 к.

Памятная книжка для инженеровъ и архитекторовъ, или собраніе таблицъ, правилъ и формулъ, относящихся къ математикѣ, механикѣ и физикѣ. Составили В. С. Глуховъ, П. И. Собко и Э. И. Сулима. Изданіе второе. Спб. 1872 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Полный русско-нѣмецкій и нѣмецко-русскій словарь для употребленія обоимъ народамъ, составленный І. А. Э. Шмидтомъ. Третье, стереотипное, совершенно передѣланное изданіе. Лейпцигъ. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Полный пантеонъ самыхъ лучшихъ блестящихъ фейерверковъ. Составилъ пиротехникъ Г. Х. Дмитріевъ. Со множествомъ рисунковъ въ текстѣ. Москва. 1881 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Подарокъ молодымъ хозяйкамъ или средство къ уменьшенію расходовъ въ домашнемъ хозяйствѣ. Составила Елена Молоховецъ. Часть I и II. Въ нихъ заключается: 900 скоромныхъ и постныхъ обѣдовъ; 1,500 описаній разныхъ кушаньевъ и 1,500 описаній приготовленія разныхъ запасовъ. 9-ое изданіе дополненное. Спб. 1881 г. Ц. книги 4 р., съ пер. 4 р. 50 к. въ перепл. 5 р., съ пер. 5 р. 60 коп.

Полный курсъ охоты на птицъ безъ промаха бить ее въ лѣтъ. Охота съ лигавыми и гончими собаками. Марксъ-Манна. Съ приложеніемъ охоты за хищными звѣрами. Соч. О. Гофмана и А. Де-Бреа. Москва 1881 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Пора знать каждому, желающему избавиться отъ дорогихъ врачей и аптекъ, что такое медицина и какъ она исцѣляетъ. К. Клоссе. Третье изданіе дополненное. Спб. 1882 г. Ц. 50 коп., съ пер. 65 коп.

Указатель фабрикъ и заводовъ Европейской Россіи съ Царствомъ Польскимъ и Вели. Кн. Финляндскимъ. Матеріалы для фабрично-заводской статистики. Составилъ П. А. Орловъ. Спб. 1881 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 75 к.

BULLETIN LITTÉRAIRE

de la librairie de CHARLES RICKER

St.-Petersbourg, Perspective de Newsky № 14,

Nouveautés du Mai 1883.

- MATTHAEI**, Die wirthschaftlichen Hilfsquellen Russlands und deren Bedeutung für die Gegenwart und Zukunft. Lief 1—8. 4.—60 k.
- BERLIN, MOSKAU, S.-PETERSBURG.** 1649 bis 1763. Ein Beitrag zur Geschichte der freundschaftlichen Beziehungen zwischen Brandenburg-Preussen und Russland von D-r. phil. Freiherrn B. von Köhne. 1 r. 80 k.
- LÉOUZON, LL. DUC.** Mémoires du comte Horace de Viel Castel sur le règne de Napoléon III. vol I. 1851. 7 r. 20 k. (avec des restr.)
- HOVELACQUE, Abel.** La Linguistique. Troisième édition. 2 r. 25 k.
- VERDEAUX, M. E.** Note sur l'avenir industriel dans la Russie méridionale. 88 k.
- BUCH, Max.** Finnland und seine Nationalitätenfrage. 72 k.
- ELECTROTECHNISHER VEREIN.** Elektrotechnische Zeitschrift. Dritter Jahrgang. 1882. 12 r.
- BEER, Adolph.** Die orientalische Politik Oesterreichs seit 1774. 14 r. 40 k.
- ЛАЗАРЕВИЧЪ, Н. П.** Дѣтельность женщины. 3 р.
- MEINERT, D-r E. A.** Wie nährt man sich gut und billig. 30 k.
- CAMILLO DE CAVOUR.** Lettere, edite ed inedite, raccolte ed illustrate da Luigi Chiala. Volume I. r.
- BAZAINE, L'ex-maréchal.** Épisodes de la guerre de 1870 et le blocus de Metz. 6 r.
- VECKENSTEDT, D-r Edm.** Die Mythen, Sagen und Legenden der Zamaiten. (Litauer). 1-te Lieferung. 60 k.
- VILMORIN-ANDRIEUX & Co.** Les Plantes potagères. 6 r.
- BRÜGGEN, Ernst von der;** Die Agraren Verhältnisse in den Russischen Ostseeprovinzen. 60 k.
- PÜTSCH, Albert.** Die Sicherung der Arbeiter gegen die Gefahren für Leben und Gesundheit im Fabrik-Betriebe. 3 r.
- KÖHLER, G.** Die Schlachten von Nicopoli und Warna. 1 r. 56 k.
- HEYSE, Paul** Unvergessbare Worte und andere Novellen. 3 r. 60 k.
- ЧИСТОВИЧЪ, Профессоръ Яковъ.** Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи. 5 р.
- CONGRÈS INTERNATIONAL** des électriciens. Paris 1881. Compte rendus des travaux. 6 r.
- МЕЖОВЪ, В. И.** Русская историческая библиографія, за 1865 — 1876 вѣроятно. Томъ III. 2 р. 50 k.
- CUNDALL, Joseph.** On bookbindings ancient and modern. 20 r. 80 k.
- BRIEFWECHSEL** zwischen Arthur Schopenhauer und Johann August Becker. 2 r. 40 k.
- LINDEMUTH, Handbuch** des Obstbauer. 4 r. 20 k.
- BOSC, Ernest.** Dictionnaire de l'art, de la Curiosité et du Bibelot relié. 35 r.
- KUENEN, A.** Volksreligion und Weltreligion. 3 r.
- BERTILLON, Alphonse.** Les races sauvages. 5 r.
- HOLTHOF, F,** Das elektrische Licht in seiner neuesten Entwicklung. 1-te Liefg. 2 r. 40 k.
- ECKSTEIN, Ernst.** Herr Braubach. Humoreske. 60 k.
- FOUCART, P.** Campagne de Pologne. Novembre - décembre 1806 — janvier 1807. Tome I—II. 6 r.

Крымскія цѣлебныя минеральныя грязи въ деревнѣ Саки, и морскія купанья въ городѣ Евпаторіи. Изъ воспоминаній признательнаго пациента А. Н. Н-на. Спб. 1883. Стр. 218. Ц. 2 руб.

Кто желаетъ уяснить себѣ, почему наши болѣе идутъ за-границу, предпочитаютъ далекое близкому и чужое — своему, притомъ иногда даже и болѣе цѣлбному, тотъ найдетъ вполне удовлетворительный отвѣтъ на такой вопросъ въ весьма интересномъ трудѣ г. А. Н-на: признательность внушила автору мысль взяться за перо, но, повидимому, не помѣшала ему представить дѣло въ настоящемъ его видѣ, со всѣми его достоинствами и недостатками. Читая воспоминанія его о жизни на сакскихъ грязяхъ и на морскомъ берегу въ Крыму, невольно вспоминаешь описанія быта на водахъ въ Германіи въ XVIII вѣкѣ—въ такой степени крымскіе порядки и до сихъ поръ еще первобытны и мало соответствуютъ современнымъ понатіямъ о комфорѣ и средствахъ къ достиженію его. Все это тѣмъ болѣе жаль, что наши сакскія грязи, какъ то видно и изъ прилагаемыхъ документовъ, по своей цѣлбной силѣ, въ извѣстныхъ болѣзняхъ, приносятъ чрезвычайную пользу; но вѣншія условія жизни вынуждаютъ многихъ подождать ихъ улучшенія, а малое количество посѣтителей въ свою очередь не даетъ возможности предпринять такихъ улучшеній. Однимъ словомъ, дѣло останавливается за недостаткомъ капитала, и всѣ добрыя памѣренія мѣстнаго земства, принявшаго грязи въ свое вѣдѣніе, разбиваются о его финансовое безсиліе. Вообще, въ книгѣ г. А. Н-на идущіе въ Крымъ идутъ для себя много практическихъ совѣтовъ, которые могутъ облегчить ихъ участь, а интересующіеся упрядоченіемъ санитарнаго дѣла въ Россіи—не мало интересныхъ данныхъ и фактовъ, объясняющихъ, почему это дѣло у насъ отстало отъ такого же дѣла въ западной Европѣ на цѣлое столѣтіе.

Кавказскія минеральныя воды, въ медицинскомъ отношеніи. І. Пятигорскъ и Желѣзноводскъ. О. А. Халецкаго. Спб. 1883. Стр. 375. Ц. 2 р. 50 к.

Путеводитель къ кавказскимъ водамъ (краткій), И. П. Золотницкаго. Спб. 1883 г. Стр. 18.

Успѣху нашихъ водъ, сравнительно съ иностранными, препятствуетъ, между прочимъ, и то обстоятельство, что наши врачи, благодаря давно уже существующимъ обстоятельствомъ анализамъ и описаніямъ водъ заграничныхъ—чего именно недостаетъ нашимъ—посылаютъ своихъ пациентовъ охотѣе на иностранныя, чѣмъ на свои воды, которыя могутъ имъ быть мало извѣстны. Такой недостатокъ восполняетъ начало обширнаго труда г. Халецкаго, гдѣ, послѣ краткаго историческаго и геологическаго отдѣла, обращено главное вниманіе на физиологическое дѣйствіе кавказскихъ минеральныхъ водъ и ихъ терапевтическое примѣненіе.—Краткій путеводитель къ кавказскимъ водамъ г. Золотницкаго, при всей незначительности своего объема, заключаетъ въ себѣ достаточно необходимыхъ практическихъ указаній о пути въ Пятигорскъ, дорожныхъ расходахъ и первомъ устройствѣ на мѣстѣ.

Начала русскаго государственнаго права. А. Градовскаго. Т. III. Органы мѣстнаго управленія. Часть первая. Спб. 1883. Стр. 384. Ц. 2 р. 50 к.

Въ первомъ выпускѣ третьяго тома проф. А. Д. Градовскій вынужденъ былъ ограничиться историческимъ очеркомъ мѣстныхъ учрежденій въ Россіи и изслѣдованіемъ учреждений правительственныхъ и дворянскихъ, такъ какъ этому выпуску предпослано обширное введеніе, съ объясненіемъ общихъ условій развитія мѣстныхъ учреждений и причинъ ихъ разнообразія въ различныхъ государствахъ. Настоящій трудъ обращаетъ на себя особенное вниманіе, какъ первая попытка дать научный обзоръ нашихъ мѣстныхъ учреждений, создавшихся въ разныя эпохи, подъ вліяніемъ разнообразныхъ обстоятельствъ и различной политики, которой слѣдовали въ то или другое время.

Очеркъ исторіи физики, Фердин. Розенбергера. Перев. съ нѣм., п. р. И. М. Сѣченова. Ч. I. Спб. 1883. Стр. 178. Ц. 60 к.

Первый выпускъ этого, въ высшей степени интереснаго труда содержитъ въ себѣ исторію физики въ древности и въ средніе вѣка—до реформации. Это—часть общей исторіи культуры, такъ какъ успѣхи въ физикѣ достигались путемъ освобожденія мысли отъ страха предъ природой и отъ порожденныхъ имъ предрассудковъ и суевѣрій. Заѣтымъ выпускомъ послѣдуетъ исторіа физики въ новое время—до нашихъ дней.

BAEDEKER'S RUSSLAND. West und Mittel-Russland. Handbuch für Reisende, mit 7 Karten und 13 Plänen. Leipzig, 1883. (Бедекеръ: Россія, западная и средняя. Путеводитель, съ 7 картами и 13 планами. Лейпцигъ. 1883). Стр. 442. Ц. 5 р. 50 к. въ мягкомъ переплетѣ (9 марокъ).

Одно имя Бедекера, сдѣлавшееся изъ собственнаго почти нарицательнымъ, говоритъ достаточно о новомъ трудѣ этого неутомимаго, общевропейскаго спутника и друга всѣхъ путешественниковъ. Западная Россія и средняя—до Ярославля, Вологды, Нижняго, Казани и далѣе до Сызрани, потомъ чрезъ Смоленскъ, Орелъ, Грязи, и чрезъ Тулу, въ Самару, до Оренбурга, включая царство польское, остзейскія губерніи и Финляндію—составляютъ площадь, описанную въ настоящемъ выпускѣ, по направленію желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ сообщеній. Въ нашей литературѣ до сихъ поръ не нашлось ни одного путеводителя равнаго „Бедекеру“, а потому мы должны принять съ признательностью этотъ трудъ иностранца, выполненный съ тою же обстоятельностью и отчетливостью, какими отличаются всѣ его путеводители, и вѣстѣ считать его не только перьямъ, но и пока единственнымъ. Имѣя въ виду своихъ соотечественниковъ, направляющихся въ Россію, г. Бедекеръ присоединилъ къ путеводителю по Россіи „Краткое руководство“ для ознакомленія ихъ съ начальными русскаго языка, и выборъ необходимыхъ словъ и названій вещей.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

НА 1883 г.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

Годъ: Полгода: Четверть:				Годъ: Полгода: Четверть:			
Безъ доставки . .	15 р. 50 к.	8 р.	4 р.	Съ пересылкою . .	17 » — »	10 »	5 »
Съ доставкою . . .	16 » — »	9 »	5 »	За-границей	19 » — »	11 »	7 »

Номеръ журнала отдѣльно, съ доставкою и пересылкою, въ Россіи — 2 р. 50 к.,
за-границей — 3 руб.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною утѣшкою.

ПОДПИСКА принимается—въ Петербургѣ: въ Главной Конторѣ журнала «Вѣстникъ Европы» въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 2-я лин., 7, и въ ея Отдѣленіи, при книжномъ магазинѣ Э. Мелле, на Невскомъ проспектѣ;—въ Москвѣ: при книжныхъ магазинахъ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, д. Коха, и въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи.—Иногородные обращаются по почтѣ въ редакцію журнала: Спб., Галерная, 20, а лично—въ Главную Контору. Тамъ же принимаются частныя извѣщенія и **ОБЪЯВЛЕНІЯ** для напечатанія въ журналѣ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку городскихъ подписчиковъ Главной Конторы и ея Отдѣленій, и тѣмъ изъ иногороднихъ и иностранныхъ, которые наслышались подписную сумму по почтѣ въ Редакцію «Вѣстника Европы», въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (№) допущена выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просить извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожителства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородние доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногороднихъ въ городскіе—50 коп.; и изъ городскихъ или иногороднихъ въ иностранные—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ указанномъ мѣстѣ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ въ издѣніи слѣдующаго номера журнала.

Вслѣдствіе на получение журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногороднихъ, которые приносятъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА

Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7.

Digitized by Google

Жизнь Державина по его сочиненіямъ и письмамъ и по историческимъ документамъ, описанная Я. Гротомъ. Изданіе Импер. Академіи Наукъ. Томъ второй, со снимками портретовъ, нотами и указателемъ къ обоимъ томамъ біографіи. Дополнительныя примѣчанія и разнаго рода приложения. Спб. 1883. IX и 664 стр.

Этимъ вторымъ томомъ завершается біографія Державина, первый томъ которой вышелъ въ 1880 г. Здѣсь заключается множество всякаго рода дополненій къ біографіи, объяснительныхъ примѣчаній, документовъ, писемъ и т. д.; трактатъ о языкѣ Державина и обширный словарь особенно любопытныхъ словъ и выраженій, встречающихся въ его произведеніяхъ; исчисленіе критическихъ и біографическихъ статей о немъ, со спискомъ авторовъ; указаніе переводовъ на иностранныя языки; описаніе и снимки портретовъ; ноты музыки на нѣкоторые пьесы; наконецъ подробный указатель къ двумъ томамъ біографіи. — Трудъ г. Грота, теперь законченный, достаточно извѣстенъ. Ни такого изданія сочиненій, ни столь обширной и точной біографіи не имѣтъ ни одинъ писатель русской литературы. Г. Гротъ увидѣлъ въ Державинѣ лицо, на которомъ сосредоточивалось много различныхъ отношеній времени, и дѣйствительно, подробная разработка его біографіи, какъ и сочиненій (въ комментаріяхъ къ нимъ) сдѣлали изданіе Державина богатѣе хранилищемъ матеріала для исторіи русской литературы, правленія и общества второй половины прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія. Трудъ г. Грота, какъ комментатора и изыскателя — не имѣтъ въ нашей литературѣ ничего ему равнаго.

Посомшковъ и его сочиненія. Обзоръ сочиненій Посомшкова, изданныхъ и неизданныхъ, со стороны ихъ религіознаго характера и историко-литературнаго значенія. Алексѣя Царевского. Москва, 1883. 8°. 274 стр. Ц.

Извѣстный крестьянинъ-публицистъ Петровскаго времени, Посомшковъ уже не разъ бывалъ предметомъ историческихъ изысканій. Въ первый разъ его сочиненія были встрѣчены Погодинымъ, который и началъ издавать ихъ въ 1842 году; затѣмъ стали отыскиваться новыя труды Посомшкова, и теперь г. Царевскій указываетъ, что въ рукописяхъ казанской духовной нашлось еще новое обширное произведеніе Посомшкова, — полная редакція книги „Зерцало очевидное“, которое до сихъ поръ было извѣстно только въ сокращенной формѣ, какъ оно было издано Погодинымъ въ 1863 году. Книга г. Царевского есть вѣроятно академическая диссертація; авторъ собралъ немногія, какія есть, свѣдѣнія и догадки о біографіи замѣчательнаго публициста-самоучки, даетъ подробный обзоръ его сочиненій и, наконецъ, дѣлаетъ общія выводы объ историческомъ значеніи сочиненій Посомшкова. Изложеніе подробной редакціи „Зеркала“ составляетъ совершенно новый и важный вкладъ въ литературу о Посомшковѣ. Мало-численность рукописей Посомшкова въ нашихъ бібліотекахъ авторъ объясняетъ ихъ содержаніемъ, именно такъ: „достаточно указать на то, что сочиненія Посомшкова переполнены рѣзкими жалобами на иностранцевъ и самими без-

застѣнчивыми укорами ихъ; а иностранцы, какъ извѣстно, имѣли въ ту пору громадный вѣсъ и вліяніе на Русь“ (стр. 102). Объясненіе очень ребяческое; а почему же были напр. распри-странены раскольничьи писанія съ „беззастѣнчивыми укорами“ противъ господствующей церкви и самой предрѣшавшей власти? Неужели послѣдніе были слабѣе иностранцевъ, что не могли остановить этихъ писаній? Дѣло объясняется проще — и серьезностью сочиненій Посомшкова, недоступныхъ для массы, и тѣмъ вѣроятно, что онъ самъ сообщалъ ихъ только немногимъ любителямъ.

Сворниль ариметическихъ задачъ, заключающихъ въ себѣ данныя преимущественно изъ сельскаго быта, съ краткими повторительными курсомъ ариметики цѣлыхъ чиселъ для начальнаго преподаванія въ народныхъ училищахъ и пр. Составилъ Т. Лубенецъ. Изданіе второе, значительно дополненное. Спб. 1883. 8°. 320 стр. Ц. 40 коп.

Книга эта составлена весьма старательно и въ рукахъ опытнаго преподавателя можетъ быть весьма полезной. Мысль автора составить задачникъ для народныхъ училищъ съ примѣрами, взятыми преимущественно изъ сельскаго быта, нельзя не назвать удачной и весьма естественной: связь школьнаго ученія съ тѣмъ, что привычки встрѣчать крестьянскія дѣти въ своемъ быту, становится тѣснѣе, отчего преподаваніе можетъ только выиграть. Слабая сторона книги, это — излишняя растянутасть многихъ задачъ на одну и ту же тему, задачь, главнымъ образомъ, относящихся къ составу чиселъ, и слишкомъ большое раздробленіе задачъ на разныя отдѣлы, смотря по величинѣ чиселъ; въ этомъ отразилась извѣстная преувеличенная maniera педагоговъ, проповѣдующихъ такъ-называемыя повѣйшіе приемы обученія (въ родѣ приѣмовъ г. Евтушевскаго). Излишняя, кажется, и нѣкоторые совѣты, которые даетъ авторъ; въ родѣ такихъ: „переписать въ тетради и заучить наизусть: дважды десять — двадцать“ и т. п.

Учебный курсъ теории словесности для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ А. В. Савицкій. Спб. 1883. VII, 182 стр. 8°. Ц. 1 р.

Книжка Савицкаго приноровлена къ гимназическому преподаванію теории словесности, и можетъ служить полезнымъ руководствомъ. Изложеніе, очень послѣдовательное и связанное, сопровождается обильными примѣрами. Къ теоретическому объясненію различныхъ родовъ поэзіи и прозы, прибавленъ историческій обзоръ ихъ развитія отъ классическихъ литературъ до нынѣшняго времени, и наконецъ, въ приложенияхъ, краткіе образчики. Можно только пожелать большей простоты языка, который иногда черезчуръ сухо книженъ, и исправленія нѣкоторыхъ ошибокъ. Въ приложенияхъ, отрывокъ изъ лѣтописи напечатанъ съ опечатками, нарушающими смыслъ, и числа обозначаются буквами — безъ всякой надобности (тутъ же рядомъ, счетъ годовъ печатается арабскими цифрами); „барбаризмы“ (стр. 8) называются у насъ „варваризмами“, и т. п. „Изъ русскаго мненіяческаго эпоса сохранились только отрывочныя преданія о лямскихъ богахъ (стр. 97) — не совсемъ точно.

